Миллер
Лау

Талискер
Черный тан
Певец Преданий

Талискер
Черный тан
Певец Преданий

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Миллер
Лау

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

MILLER

LAU

Talisker

Dark Thane

Lore Bringer

МИЛЛЕР

ЛАУ

Талискер

Черный тан

Певец Преданий

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л28

Серия «Золотая серия фэнтези»
основана в 1999 году

Miller Lau
TALISKER
DARK THANE
LORE BRINGER

Перевод с английского М. Рыжковой («Талискер»),
Р. Балыбиной («Черный тан»), А. Куклей («Певец Преданий»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

Печатается с разрешения автора и The Buckman Agency.

Подписано в печать 15.10.06. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 47,04. Тираж 4000 экз. Заказ № 571.

Лау, М.

Л28 Талискер. Черный тан. Певец Преданий: [фантаст. романы: пер. с англ.] / Миллер Лау. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 892, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-036353-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2136-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3942-6 (ООО «Транзиткнига»)

Сутра.

Мир ВЕЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ Темных и Светлых богов и их смертных союзников…

Мир, будущее которого определено древним пророчеством: во дни, когда вырвется на волю заточенный Светлыми богами предводитель Темных Корвус, придет из ИНОГО мира ВЕЛИКИЙ ГЕРОЙ ТАЛИСКЕР — спаситель людей и сидов.

Он и потомки его станут защитниками Сутры.

Время пришло.

Пророчество стало сбываться.

И разведчица-рысь привела в мир Сутры человека из НАШЕГО мира — Дункана Талискера…

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Miller Lau, 2001, 2002, 2004
© Перевод. М. Рыжкова, 2003
© Перевод. Р. Балыбина, 2004
© Перевод. А. Куклей, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Талискер

СУТРА

Рысь бесшумно следовала за белой фигурой, не отрывая от нее взгляда. То и дело маленькая серая кошка оглядывалась, словно опасаясь погони, прядала ушами, прислушиваясь к каждому звуку вересковых пустошей. Наконец, уверившись, что никто ее не преследует, снова двигалась вперед, следя за светлым пятном на фоне блекло-коричневого и серого вереска.

Когда равнина вокруг окончательно поблекла в последних лучах солнца, белая фигура достигла своей цели. Неровные черные менгиры тянулись к небу, подобно скрюченным пальцам закопанного в землю великана. Рысь остановилась, прячась в вереске; ее поза выдавала неуверенность и страх. Белая фигура продолжала свой путь, пока не достигла середины круга; там она замерла в ожидании. В неверном алом закатном свете стало видно, что это молодая женщина. Откинув капюшон, она внимательно осмотрела пустошь. Изо рта вырывались маленькие облачка пара.

— Деме? Деме? Ты здесь? — шепотом позвала одетая в белое.

Рысь сидела неподвижно, лишь движения хвоста выдавали ее беспокойство.

— Деме? — Молодая женщина переступила с ноги на ногу и тревожно посмотрела на небо.

Тихо зарычав, рысь поднялась и бросилась к кругу камней, словно боясь опять струсить.

— Деме! Ты все же пришла, верный друг. Я верила в тебя.

Рысь, мурлыкнув, принялась тереться об ее ноги, а молодая женщина нежно погладила мягкий кошачий мех.

— Деме, нам нужно поговорить об очень важном деле. Ты уверена, что тебя не преследовали?

Рысь села на землю и устремила взгляд желтых глаз на женщину.

— *Меня не преследовали, Мирранон.* — Голос Деме, негромкий и мягкий, зазвучал прямо в голове женщины.

— Вот и отлично. Ну, с чего бы начать?

На мгновение воцарилось молчание. Ветер пронесся над пустошью, как вздох, подхватил полы одежды Мирранон, растрепал ее волосы. По темнеющему небу неслись тучи.

— Укроемся за камнями, Деме, — будет гроза.

Подруги встали с подветренной стороны огромного валуна, и Мирранон продолжила разговор:

— Я понимаю, что ты многим рискуешь, приходя сюда и встречаясь со мной, изгнанницей. А моя просьба может перейти границы даже такой крепкой дружбы, как наша. Я не обижусь, если ты откажешься... Мне нужно кое-что добыть. Я не могу сама сделать это.

— *Задание кажется не слишком сложным.*

— Но оно и вправду непростое. И очень важное, Деме. Смотри. — Из складок одежды Мирранон извлекла мешочек, вытряхнула его содержимое на ладонь и поднесла к морде рыси.

Деме уставилась на черные иссохшие останки и всем своим видом выразила отвращение.

— *Что это?*

— Некогда были цветы, насекомые, а вот крапивник. Видишь, что с ним стало?

— *Не понимаю, к чему ты клонишь, Мирранон. Они пострадали от лесного пожара.*

— Присмотрись внимательнее.

Деме пригляделась к останкам птицы.

— *И верно, что-то странное... Боги великие!*

Из спинки крапивника торчало множество странно изогнутых черных лапок; тельце было почти расчленено. Из насекомых тоже торчали мерзкие отростки. Цветы, казалось, сами съежились и иссохли. Смерть этих маленьких существ пугала своей неестественностью. Деме тихонько зарычала.

— Это... — Мирранон нервно огляделась по сторонам. — Это Корвус!

— *Кто?*

Женщина неожиданно рассмеялась, и Деме недовольно повела хвостом.

— Прости, друг мой. Я совсем позабыла, что ты молода, а в твоем народе не принято говорить о прошлом, как у феинов.

— *Мой народ — это и твой народ, Мирранон. По крайней мере некоторые так считают.*

— Спасибо за добрые слова, — серьезно продолжила женщина. — Я могу сказать лишь то, что великое зло вскоре придет на земли феинов. Пока его сдерживают некие силы, но они на исходе, поэтому мне нужна помощь.

Рысь сузила желтые глаза.

— *Судьба не лишена иронии. Ты, Мирранон, Белая Орлица, печешься о нашей судьбе после всего зла, причиненного тебе.*

Мирранон улыбнулась, памятуя о том, что мало кто среди сидов называет ее по имени, и даже верная подруга не отважилась бы обратиться к ней так среди своих сородичей.

— Могу сказать лишь одно — опасность угрожает всем, будь то сиды или феины. Мы едины перед ее лицом. — Она убрала останки живых существ в мешочек. — Я изо всех сил пытаюсь сдержать...

— *Позволь мне отправиться на совет Темы,* — перебила ее Деме. — *Ты знаешь, что магия сидов по-прежнему сильна. Они непременно нам помогут.*

— Нет, — печально, но твердо ответила Мирранон. — Для них главное политика. Когда они решатся что-нибудь предпринять, будет поздно. Кроме того, сиды не поверят, что я действую в их интересах. Послушай, Деме, есть только один...

Гроза приближалась, на сухой вереск упали первые капли дождя. Ветер уносил слова Мирранон, движущейся между огромных камней; развевающиеся белые одежды делали ее похожей на светлый дух среди теней. Рысь сидела неподвижно, и казалось, что женщина беседует с маленькой серой статуей. Ветер касался шерсти Деме ледяными пальцами.

Через некоторое время она, встряхнувшись, поднялась. На мгновение теплый золотистый свет упал на камень за ее спиной, а когда он померк, в круге стояли две женщины, Мирранон и Деме — высокое золотистое создание, одетое в серебристо-серое, как и положено клану рыси. Они обнялись, как сестры, а потом Деме вышла в центр круга. Она оглянулась только единожды, словно ища поддержки Мирранон. Небо разорвала яркая молния, и дождь полил в полную силу. Через несколько мгновений лилово-белый силуэт исчез, и Мирранон осталась одна.

Кажется, она едва не опоздала. На севере небо потемнело еще сильнее — сквозь бурю летела стая ворон, черных на фоне черного неба. Было ясно, что они ведомы единой волей. Мирранон побежала, не зная, заметили ли ее среди камней; в любом случае, чем дальше она от них, тем лучше. Фигуру женщины охватило зеленоватое сияние, белые одежды стали перьями, руки вытянулись и превратились в крылья. Через несколько мгновений Белая Орлица взмыла в небо.

Она поднималась все выше и выше, сквозь облака и дождь. Когда ледяной ветер коснулся ее крыльев, Мирранон повернула к двадцати воронам. За ее спиной ударила молния. Белая Орлица с громким криком бросилась в бой.

ЭДИНБУРГ

До нашего времени

У начала спуска сидит мальчик, одетый в лохмотья, и лениво прислушивается к звукам раннего вечера. Внизу сгущаются тени. От серой каменной стены отделяется черная кошка, пересекает улочку и, перед тем, как исчезнуть в руинах, одаривает мальчика долгим взглядом.

Тому становится не по себе. В этом месте — Мэри-Кинг-Клоуз — царит тьма. Мальчик вертит в руках камешек, большой и приятно округлый. У него давно было желание прийти сюда и кинуть камешек внутрь, чтобы доказать свою смелость, однако теперь он сидит и слушает. Может ли снизу доноситься пение? Голоса детей?

Наконец он размахивается, но не кидает камень, а толкает его вниз. Склон очень крутой, так что кругляш наверняка докатится до тьмы. Мальчик смотрит, затаив дыхание. Сначала камешек катится ровно посередине улочки, потом, достигнув неровных ступенек, начинает подпрыгивать с громким стуком, который повторяет эхо, даже когда он исчезает из виду. Следом наступает тишина, и...

Из темноты выходит фигура, настоящий сид из легенд, высокий, стройный и прекрасный. Сид молча протягивает камень, словно хочет вернуть его. В воздухе плывет сладковатый запах разложения. Невидимый ветер подхватывает волосы мальчика, и они падают ему на лицо. Странное существо исчезает.

ГЛАВА 1

Последнее, что помнил Малколм Маклеод, — это собственная смерть. Было не очень больно; просто яркая вспышка и краткий миг покоя перед тем, как душу на столетия поглотило ничто. Затем темнота вновь обрела форму, и бытие раскрыло ему свои объятия.

— Зачем ты меня п-призвал? — Малколм позабыл звук собственного голоса, тонкий, гнусавый, довольно неприятный. Он умолк на мгновение, задумавшись, почему заикается — от волнения или так было всегда?

Тот, к кому он обратился, взмахнул рукой, и комнату залил тусклый рыжий свет.

Малколм двинулся вперед, непроизвольно схватившись за рукоять меча. Неизвестный отступил на шаг. В комнате витал тошнотворный сладковатый запах — запах могилы. Малколм неожиданно понял, что вонь исходит не от существа перед ним, а от его собственной призрачной формы.

— Я знаю тебя. — Он говорил с сильным шотландским акцентом. — Но откуда? Встречай я раньше таких, как ты, непременно бы запомнил.

Существу явно стало не по себе, словно в его словах крылось обвинение. Оно (или это она?) сделало еще шаг назад и опустилось на металлический стул.

— Садись, тень. — Голос был женским, и под просторными серыми одеждами угадывались контуры женского тела. Кожа отливала золотом, а в темных, как ночь, глазах отражалось пляшущее пламя факела.

Малколм послушно скрестил ноги и не очень удивился, обнаружив, что может просто повиснуть в воздухе перед собеседницей.

Она откинулась на спинку стула.

— Что ты помнишь?

Странный вопрос.

— Помню? Не много, — коротко ответил Малколм. Неизвестная вздохнула с облегчением. — Я помню... помню, кто я. Помню это место... — Он кивнул на стальные крюки, свисавшие с потолка. — Здесь была лавка мясника. Мы в Мэри-Кинг-Клоуз.

Она кивнула.

— Я... я умер здесь. — Голос Малколма задрожал при этих словах, и он перевел взгляд на свои израненные руки, качая головой, будто хотел поспорить сам с собой. — Так все же зачем? — снова требовательно спросил он, мрачно глядя на вызвавшую его.

— Мне нужна твоя помощь, — тихо ответила она.

— Да? А что мне до...

— Малколм, дело касается твоего последнего потомка.

— Моего последнего... — выдохнул он. Кажется, существо все же нашло, чем задеть его. Слова пришлись мертвому воину не по вкусу, и он нахмурился. — Последнего? Знаешь, у меня было восемь братьев.

Незнакомка впервые улыбнулась, и на ее лице отразилось сочувствие.

Над городом занимался бледный рассвет. Эдинбург просыпается, не торопясь; подобно древнему левиафану, он не спешит сбросить с себя спокойствие ночи. Холмы, окружающие город, не закрывают его от моря, и именно ветер с воды определяет здесь погоду. Туман тянет липкие пальцы во все переулки и дворики Старого города, и мокрые стены блестят, ожидая лучей солнца, которые, дай-то Бог, доберутся до них к полудню. Утреннюю тишину нарушают пронзительные крики чаек — так птицы приветствуют новый день. Соленые волны налетают на стены домов, будто это просто большие камни, а сам город — всего лишь продолжение побережья. Может, так оно и есть. Город очень стар. Свету не заползти в каждую щель на его лице — там хранятся древние тайны. И как всегда, в это время между светом и тьмой создается ощущение, что город чего-то ждет. Его окутывает облако тишины, поглощающее утренние звуки. Город молчит и ждет.

Наконец-то он свободен.

Эта идея пришла ему в голову, когда впереди замаячили красные деревянные ворота. Если он и вправду жаждал свободы, то почему же за два шага до нее хочет развернуться и убежать? Что там, снаружи, пугает взрослых сильных мужчин будто малых детей? Ему всегда хотелось понять это, когда он видел, как его товарищи по несчастью идут этим путем. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то старался всем видом выражать равнодушие, но, оказавшись в тени ворот, все как один замирали. Останавливались и смотрели вперед. Те, которые ждали снаружи, подбадривали их, слов-

но бывшие узники могли повернуть назад. Талискера всегда интересовало, что они чувствуют и что написано у них на лицах в эту минуту. Некоторые оборачивались и махали на прощание серым кирпичным стенам, другие глубоко вздыхали, будто собираясь с силами. Но останавливались все.

А теперь он знал. На их лицах был написан страх, потому что за воротами лежал совсем другой мир. Изменившийся мир. Ничто не осталось прежним с тех пор, как они ушли оттуда; люди, места, магазины — все иное. Страх настигал неожиданно, приходил вместе с осознанием, что только сейчас, да, *только сейчас*, наконец наступил момент приведения приговора в исполнение. Они чувствовали потерянное время — дни, часы, минуты и секунды их жизни. Талискер потерял пятнадцать лет.

Большие красные ворота не распахнулись. Он был готов к этому, но все равно чувствовал разочарование. Охранник отпер маленькую калиточку сбоку. Даже последние минуты здесь не могли ознаменоваться ничем особенным. Через открытую дверцу показался квадрат света, настоящего света. Умом Талискер понимал, что с той стороны от ворот солнце светит ничуть не ярче, и все же ему чудился аромат новых, неведомых минут и секунд, ожидающих за стеной тюрьмы. Он все еще смотрел на яркий прямоугольник, и охранник потерял терпение.

— Ты идешь? — сказал он с сильным шотландским акцентом. — Или мне тебя подтолкнуть?

Неизвестная начала свой рассказ, и ее негромкий голос отдавался эхом в холодной темноте, как тоскливая, протяжная песня. Слова походили на тяжелые капли, падающие в озеро скорби. Малколм слушал молча, по крайней мере сначала.

— Меня зовут Деме, и я жду уже долго, сотни ваших лет. Я пришла из другой земли, которая... прекрасна. Эти улочки всегда были такими же мрачными и вонючими, как сейчас, но тогда по крайней мере вверху было видно небо... синее небо, единственное, что в вашем мире напоминает мою родину, Сутру. И даже в Сутру мой народ был изгнан... Все же мое ожидание было не совсем однообразным. Похоже, город не обрадовался моему появлению. Кажется, я принесла с собой... мор.

Малколм подался вперед, не сводя с собеседницы глаз, полных ужаса, и его рука легла на рукоять меча.

— Ты! — прошипел он.

— Мне... мне жаль. — Деме изумила его реакция, но она склонила голову, коснувшись пальцем лба в знак печали. Выражение лица Малколма не изменилось, та же ярость искажала черты. Женщина вздрогнула, а потом поджала губы, оскорбленная нежеланием принять извинение.

— Не упрекай меня, воин. Я знаю, что ты был здесь в то время, но не думай, что я бежала от плодов своих рук. Мне пришлось видеть то же, что и тебе. Восемь сотен мужчин, женщин и детей оставили умирать в этих закоулках. Солдаты охраняли все входы и выходы, чтобы зараза не разнеслась по городу. Мне не забыть запаха смерти — ведь я проводила в могилу их всех. Смотрела, как матери топят слабых, больных детей, чтобы прекратить их страдания, и швыряют тела в озеро. Видела, как возлюбленные убивают друг друга, не желая медленно превращаться в ходячие, распухшие трупы. Воины, отцы и мужья, плакали, как дети, когда жены умоляли зарубить их мечом. Все не расскажешь, словам не вместить такого горя и ужаса, но я видела тебя, Малколм. Как ты выступил против тех, кто обрек на смерть восемь сотен людей. Ты и несколько мужчин, оставшихся в живых ко второй неделе. И умер без страха. Как герой.

Малколм коротко рассмеялся.

— Никакого геройства. Знаешь ли ты, как близко от этой вонючей дыры до дворца, до короля? Мы все понимали, почему так с нами поступили, но легче не становилось. Наше безнадежное нападение на стражу было рождено скорее отчаянием. Мы просто не хотели подыхать как собаки. — Он покачал головой, явно сожалея, что так дешево продал свою жизнь.

Деме с печалью поглядела на него. Ей никогда не удавалось понять людей, сколько бы она с ними ни общалась.

Малколм предвосхитил продолжение истории.

— А ты где была? Если не пряталась, конечно.

Деме засмеялась и, словно в ответ, откинула плащ, открыв его взгляду золотистое тело, одетое в серое и черное. Малколм, все еще бледный как смерть, вздрогнул.

— Не узнаешь меня? Разве ваши легенды не рассказывают о таких, как я? О тех, чьи души мы пожираем? Вы называете нас сидами. Мы оборотни. Смотри.

Деме оказалось непросто восстановить в памяти облик, который она приняла, чтобы ухаживать за больными: тогда ей хотелось хоть чем-то возместить причиненное людям зло. Малколм помог вспомнить давние годы... Проведя рукой перед лицом, она произнесла совсем простое заклинание, и черты моментально изменились.

— Констанция? — Малколм был потрясен. Сида с лицом молоденькой девушки — очень странное и пугающее зрелище.

Пытаясь успокоить его, Деме улыбнулась и заговорила голосом Констанции:

— Да, это я, Малколм. — Слова отдались в темноте зала звонким эхом, воскрешая давно прошедший ужас и скорбь.

На воина это оказало невероятное воздействие, однако совсем не то, на которое она рассчитывала. Хотя губы шеве-

лились, Малколм не мог издать ни звука. Наконец слова хлынули из него потоком:

— Господи! Я любил тебя! Я хочу сказать, я... Господи Боже мой!

Трудно представить, что призрак может упасть в обморок, но именно так Малколм и поступил, прямо рядом со стулом Деме.

Голос Констанции в последний раз прозвучал в этой комнате.

— Ах да. Я совсем забыла.

По ту сторону красных тюремных ворот прошла старушка в синей шляпке и твидовом пальто, ведя на поводке маленькую собачку, помесь терьера и таксы. На песике красовалось синее пальтишко, явно связанное хозяйкой. Старушка вела со своим верным спутником разговор: «...тут никак нельзя писать, мой хороший...»

Эти простые слова, долетевшие до бывшего узника, имели для него странное значение. Пожилая женщина даже не посмотрела в его сторону, и через мгновение их пути навсегда разошлись, но казалось бы бессмысленный момент соприкосновения с настоящей жизнью был первым *его собственным* за пятнадцать лет. Талискер сделал последние несколько шагов к воротам тюрьмы. Он улыбался.

И в этот миг кое-что случилось. Талискер понял, что вокруг тюрьмы существует невидимый барьер. Внутри время застывшее, грязное, словно второго сорта, и его делает таким та самая сила, которая пытается удержать, не пустить наружу. Перед ним не было никаких видимых преград, но он вытянул вперед руки, словно пытаясь прорваться сквозь них. Говорят, что в тюрьме время течет меж пальцев. Так оно и есть, только своего времени у тебя нет — это время других.

Но все закончилось. Талискер чувствовал себя немного глупо. Стоя на осеннем солнышке, он понимал, что выдумал эту ерунду насчет времени и стен, однако тело еще хорошо помнило ощущение преодоленного барьера. Ему казалось, что он пробудился от страшного сна. Бывший узник повернулся к тюрьме и сказал что-то охраннику, запиравшему ворота. В этот день больше не выпустят никого.

Талискер шел по улице, и его переполняли новые ощущения. Машины ехали так близко, что все тело чувствовало их шум. Дорога была широкая, огражденная по краю заборчиком, чтобы люди могли пересечь ее только по подземному переходу. Талискер повернул к черной пасти входа в тоннель. Неожиданно молодой человек лет двадцати перелез через оградку проезжей части и бросился на другую сторону, привычно лавируя между машинами. Талискер замер и хотел что-то крикнуть, но сдержался. Юноша перебежал дорогу и перемахнул через другую оградку. Он явно делал так каждый день. У Талискера дрожали губы.

— Куда спешишь? — пробормотал он. — Ты мог погибнуть...

Его внимание привлек звук. Дерево качалось на ветру, шумя ветвями так громко, будто шел дождь. Кожистые блестящие листья танцевали в такт неслышной музыке природы. Талискер опустился на скамейку и принялся слушать. Он понимал, что ведет себя странно, даже в автобус не сел, но дерево успокаивало.

— Ты не теряешь время, — шептало оно. — Ты им наслаждаешься.

Придя в себя, Малколм устыдился своей вспышки и того, как близко его знала Деме. Она пыталась сделать вид, будто ничего не случилось, тем не менее он избегал ее взгляда, хотя черты Деме больше не напоминали лицо давней возлюбленной.

— Я просто пыталась утешить тебя, Малколм. И утешила. Вокруг умирали люди; твоя любовь к Констанции была сладка и горька одновременно. Она воодушевила тебя, и ты умер почти счастливым, разве нет?

Он не ответил, а молча опустил голову. На его лице читались ярость и удивление. Деме решила сменить тему и продолжила рассказ.

— Когда все умерли, я бродила по пустым улицам, и мои шаги отдавались эхом от унылых стен. Я бы непременно покинула это место, чтобы попытаться достичь своей цели, но меня одолевала нерешительность, рожденная пониманием, что можно принести мор и в другие части города. Я не слишком-то высокого мнения о людях; и все же мне не хотелось вызывать смерть. В темное и жестокое время мора я видела достаточно отваги, чтобы осознать, что у людей тоже есть душа. Увы, решение мне принимать так и не пришлось, судьба распорядилась иначе. И теперь, когда время наконец настало, я не могу выйти отсюда. Я пленник.

Через десять лет после окончания мора несколько семей вернулись в дома, расположенные почти возле Хай-стрит. Я держалась от них подальше, не желая причинить им вред. А потом... могущественный человек по имени Элиас решил расследовать, что же здесь все-таки произошло. Он единственный из всех, кого я встречала в вашем мире, владел искусством магии. Этот человек пришел за мной — почувствовал мое присутствие и сумел отыскать меня. Мы поговорили; я восхитилась им и желала бы узнать побольше о его магии, но он испытывал лишь ненависть. Понимаешь, жена и ребенок Элиаса пали жертвами мора, и его сердце с тех пор оледенело. Он пытался убить меня. Мы сражались здесь, в комнате, — видишь следы на стенах? Я оказалась сильнее, и он бежал, смертельно раненный. Элиас умер не сразу — слишком сильно пылала его ненависть. Он вернулся следующей ночью и наложил запирающее заклятие, так что я не в силах покинуть это место. Заклятие все еще держится. Элиас умер, думая,

что одержал победу. Пожалуй, и в самом деле одержал, ибо за прошедшие восемь сотен лет память померкла и сны снова стали мирными. Возможно, теперь я бы вышла в мир людей. Нет, скажу честно: вышла бы непременно. Но Элиас закрыл мне путь. Благословлять или проклинать его? Не знаю.

Рассказ утомил Деме. Она откинулась на спинку стула и на мгновение прикрыла глаза.

Донесся голос Малколма, такой же странно неживой, как и он сам, но все же с чудовищным шотландским акцентом:

— И какое отношение это имеет ко мне и моему потомку? Я бы убил тебя, если б мог. Да, убил бы — за те восемь сотен жизней, которые украла ты, отвратительная самовлюбленная тварь!..

Деме открыла глаза, и ее взгляд был полон ярости.

— *Осторожнее, малыш*, — прошипела она.

Малколм вздрогнул, однако не отступил.

— Ну что, убьешь меня? — насмешливо протянул он.

— *Просто поверь*, — до жути спокойным, холодным голосом проговорила Деме, — *что я могу причинить тебе боль.* — Помолчав, она вздохнула и продолжила: — *Мне нужна твоя помощь, Малколм, но я отправлю тебя назад, если понадобится.*

— Нет, — сдался он. — Скажем так, ты возбудила мое любопытство.

Она вновь рассмеялась, и звук отдался эхом в пустой комнате, где говорили двое, которые должны были давно умереть.

— *Мне не нужно твое любопытство, мне нужен твой потомок. Смотри.*

Деме произнесла заклинание видения, и посреди комнаты в черном недвижном воздухе медленно проявилась картина мира наверху. Заклинание совсем незамысловатое, прямо-таки недостойное ее, все же на Малколма оно произвело впечатление.

— *Понимаешь,* — тихо промолвила Деме, — *благодаря Элиасу я не могу встретиться с ним лично. Даже тебе, моему посланнику, будет непросто привести его сюда. Я не знаю, как проявится магия... Но смотри! Смотри, я так долго ждала этого...*

Талискер собирался покинуть уютную скамейку возле дерева и отправиться к автобусной остановке, когда из подземного перехода раздались сердитые крики. Наверх вышла юная парочка, причем девушка шла очень быстро, прижимая к себе сумочку. Парень почти бежал, пытаясь от нее не отстать.

— Подожди, Сьюз, — позвал он, моргая на ярком свету и потея в кожаной куртке, которая сидела на нем плохо и напоминала скорее обивку дивана.

Парень остановился, откашлялся и сплюнул на дорогу. Девушка, не думая даже обернуться, поспешила к остановке.

— Черт, — тихо выругался парень.

Раздались новые крики, на сей раз ближе, и из перехода вышел старый бродяга.

— Прям весь бок, — кричал он. — И нараспашку. Да уж, прям нараспашку!

Кажется, бродяга обращался не столько девушке, сколько к миру в целом. Потом старик покачнулся и едва не упал, но все же восстановил равновесие и, выпрямившись, заговорил совсем по-другому:

— Все в порядке, девчушка, все в порядке.

Талискер застыл, пытаясь понять, что же ему напоминает странное поведение бродяги. Однако не успел он как следует покопаться в памяти, как тот снова закричал:

— Шлюха!

Девушка, которую старик только что пытался успокоить, остановилась, прижимая к себе сумочку.

Талискер обратил внимание, что на бродяге ярко-желтые кроссовки, которые выглядели нелепо в сочетании с грязно-серой одеждой, но... Все же человек держался со странным достоинством.

В этот миг бродяга с разгону врезался в юношу с криком:

— Боже мой! Твоя нога! Твоя нога!

Терпение парня лопнуло, он схватил старика за лацканы и встряхнул. Тот, казалось, и не заметил, а смотрел невидящим взглядом в...

Контузия! Талискер невольно вскочил со скамейки. Старик, как дядя Талискера, был когда-то контужен. Такие люди обречены снова и снова видеть, как их друзья взрываются, разлетаются на части. Ни один современный фильм «ужасов» не в силах выразить такое. Кошмарные воспоминания запечатлеваются в мозгу несчастных и проигрываются в самые неподходящие моменты, постепенно сводя с ума бывших героев.

— Вонючий урод! — заорал парень.

Талискер опоздал на секунду, и юноша успел стукнуть старика по лицу. Из носа хлынула кровь, и бродяга застыл в оцепенении, явно перепуганный. Но парень не успокоился, а снова подтянул к себе несчастного.

— Вонючий урод! — повторил он, намереваясь ударить старика по ребрам.

— Отпусти его, — тихо проговорил Талискер. Он стоял за спиной парня, положив ему руку на плечо. Ему не хотелось причинять боль глупому мальчишке. — Отпусти.

Парень не обернулся. Застыл, словно в нерешительности, и наконец плюнул в окровавленное лицо старика.

Рука Талискера сильно сжала его плечо, и он отпустил свою жертву.

— Этот придурок доставал мою подружку, — проскулил юноша. — Она испугалась.

Возразить было нечего, поэтому Талискер просто толкнул его в сторону девушки, которая залилась слезами при мысли о том, что ее парню могли сломать пару ребер.

— Вали отсюда. Прямо сейчас.

Парень сделал несколько шагов вперед, потом выпрямился, одернул куртку и хотел было сделать неприличный жест в сторону обидчика, но наконец разглядел его получше и быстро передумал. Парочка поспешила к автобусной остановке.

Бродяга сидел на тротуаре, обхватив руками голову.

— Пойдем, старина. Давай доберемся до скамеечки, а? Как идея?

Талискер помог ему подняться и подвел к дереву. Люди, которые остановились посмотреть, начали расходиться. Представление окончено, остался просто старый бродяга с разбитым носом.

Кажется, человек пришел в себя, во всяком случае, он поблагодарил Талискера, когда тот протянул ему платок, чтобы вытереть кровь.

— Нос не сломан, — объявил бывший заключенный. Он насмотрелся в свое время на сломанные носы.

— А я не пьян, — сказал старик в ответ.

— Знаю. Мой дядя Чарли...

— Как тебя зовут, парень?

— Дункан.

Они обменялись рукопожатием, и бродяга представился.

— Зак. — Он посмотрел в сторону ворот, из которых недавно вышел Талискер. — Парень окончит свои дни там.

Дункан улыбнулся, не зная, что сказать.

— Они просто не понимают, — пробормотал он. — Эти детишки ничего не знают о времени.

Зак глубокомысленно кивнул.

— Сигаретки не найдется, сынок?

У Талискера была только одна, и они вместе ее выкурили. Пока бродяга затягивался, внимание его собеседника снова привлекли желтые кроссовки.

— Мне нравятся твои тапки, Зак. Они... превосходны.

Зак, довольно улыбаясь, повертел ногами, чтобы как следует показать обувь.

— Самый писк моды, парень.

Сначала Талискер воспринял его слова всерьез и сделал над собой усилие, чтобы не рассмеяться, но одного взгляда на честное разбитое лицо бывшего героя хватило, чтобы все же разразиться хохотом.

— Писк моды, а?

Они оба разразились смехом, и ветерок уносил сигаретный дым за стены тюрьмы, за город, в море.

— Вот, — сказала Деме. *— Музыка, которую он несет в себе, объединит разрозненные кланы сидов и феинов. Гордись, воин, ибо он твоей крови. Этот человек принесет с собой зарю веры и конец скорби. Дункан Талискер. Ты должен привести его ко мне.*

ГЛАВА 2

Талискер пробыл дома уже десять дней, и каждую ночь его преследовал один и тот же сон.

По полю битвы бежит человек. Воин. Весь в грязи и крови врагов. Боевой клич ревом прорывается сквозь шум сражения.

— Маклеоды! Ко мне! Ко мне!

Он продолжает пробиваться сквозь ряды неприятеля. Окровавленные обрубки тел падают в грязь. Шум становится все громче и громче...

И вот его лицо. Прямо перед Талискером искаженные яростью черты, покрытые потом и кровью. Потом воин улыбается, обнажая желтые зубы, поднимает меч в приветствии. От него исходит нестерпимая вонь. Холодный ветер дует в спину Талискеру.

— Дункан, — говорит воин. — Дункан, это я.

Проснувшись, Талискер испытывал всевозрастающее беспокойство. В темноте крохотной квартиры слова воина висели в воздухе обвинением. «Это я». Талискер всегда был здравомыслящим человеком, и раньше ему не случалось видеть повторяющиеся сны. Хотя повторялись они не точно. С каждым разом картины, представавшие перед ним, были все ужаснее, все безнадежнее. Это начинало его сильно беспокоить.

На сей раз Талискер во сне протянул руку к лицу незнакомца, проснулся и осознал, что лежит на спине, пытаясь коснуться пустоты. Он немедленно сел и поправил футболку — с тюрьмы никак не мог привыкнуть, что один в комнате.

— Я тебя не знаю, — негромко сказал бывший заключенный в темноту.

Потом он отправился попить, отметив, что убогая мебель — прощальный подарок правительства — ночью выглядит не так уж и плохо. Вернувшись в постель, Талискер не смог уснуть. Когда первый автобус подъехал к остановке за окном, он все еще лежал, глядя в потолок воспаленными глазами.

* * *

Талискер гулял весь день. Собственно говоря, он покинул свою конуру почти в первый раз после освобождения — после пятнадцати лет в камере его охватила боязнь открытых пространств. Но сегодня, после кошмара и последовавшей за ним бессонницы, ему казалось, что он сойдет с ума, если не подышит вольным воздухом.

Оказавшись на улице, Талискер почувствовал, как его окатывает полузабытая волна цвета и звука. Он шел, жадно впитывая в себя лица встречных людей и городской шум, будто можно вернуть потерянные пятнадцать лет за один день.

Бродя по улицам, Талискер не замечал, что все его сторонятся — угрюмый, настороженный вид и покрасневшие от бессонной ночи глаза вызывали у окружающих желание перейти на другую сторону дороги. Он был слишком занят собой. Некогда Талискер возненавидел Эдинбург — винил весь город, будто живое существо, за то, что тот отвернулся от него. Но теперь бывший заключенный знал, что был неправ. Предают только люди. Древний выветренный гранит и песчаник домов видели куда более страшные предательства.

Талискер прошелся по Хай-стрит, от Эдинбургского замка до дворца Холируд, а потом, в качестве завершающего аккорда мистерии своего возвращения, поднялся на Трон Артура и с его высоты оглядел весь город, как частенько делал в детстве. Бродившие вокруг пирамиды из камней туристы быстро собрались и ушли, будто один человек мог испортить удовольствие от экскурсии по городу, который был связан для них с дождем, виски и юбками в клетку.

Талискер простоял там долго, ожидая, быть может, чувства примирения, но его не последовало. Он уже собирался уйти, как ему пришла в голову печальная мысль — город не простил его и не выпустит из своих цепких объятий.

— Дяденька!

Талискер посмотрел вниз и увидел, что по склону карабкается маленькая девочка. Мать сильно отстала от нее. Малышке было лет восемь, и красотой она не отличалась — грязные русые волосы встрепаны, щеки разрумянились от быстрого подъема. Одетая в застиранное синее платьице и розовые сандалии девочка держала в одной руке три или четыре одуванчика с белыми головками, стараясь не сбить с них пушинки.

— Хочешь одуванчик? — храбро спросила она, добравшись до вершины. — Смотри, я тебя научу, как надо, — важно проговорила малышка, переложив один цветок в другую руку и подув на него.

Ветерок понес маленькие белые парашютики над холмом. Талискер глядел будто зачарованный, как они полетели через город к морю. Конечно, в детстве он сам делал так не раз, но никогда это простое зрелище не казалось ему таким прекрасным.

Новые и новые невесомые белые пушинки уплывали вдаль, пока у девочки не остался только один одуванчик.

— Хочешь подуть? — спросила она таким тоном, будто разговаривала со своим приятелем, и протянула ему цветок. Талискер покачал головой, не решившись заговорить с ней. Малышка явно огорчилась, и тогда он поднял ее и поставил на пирамиду из камней.

Девочка изумленно посмотрела на него.

— Сюда идет мама.

— Ну, давай дуй. — Он кивнул на последний одуванчик.

— Сейчас.

Она подула на последний белый шарик и тихонько запела песенку.

Талискер смотрел, как белые пушинки поднялись в воздух и зависли на мгновение, прежде чем их подхватил ветер и понес к братьям, летящим над холмом.

Он перевел взгляд на другую сторону холма, по которой наконец поднялась мать девочки. Талискер снова обернулся к ребенку, и в этот миг его коснулся старый добрый враг — ясновидение. Он увидел ту же девочку — нет, не девочку, красивую молодую женщину в свадебном платье, которая улыбалась ему на прощание. Следы бедности, нередкие спутницы тех, у кого было такое детство, не коснулись ее — она будет жить счастливо и в достатке. Ветер подхватил белую вуаль и понес следом за белыми пушинками одуванчиков.

Видение оборвалось, когда в теплом воздухе раздался голос матери девочки:

— Что ты тут делаешь?

— Пока, дяденька, — тихонько проговорила девочка и убежала.

Талискер заметил его на пути от Королевского парка ко дворцу Холируд. Сначала он принял зверька на дороге за собаку, но, приглядевшись, замер в удивлении. Заяц. Талискер никогда не видел этих животных и был совершенно уверен, что они не живут в городе. Ушастый зверек, сидящий на мощных задних лапах, казался удивительно большим и упитанным — круглые коричневые бока аж лоснились. В позе чудилось едва ли не королевское достоинство. Но больше всего удивляли глаза — ярко-золотые, без тени смущения или страха.

На несколько секунд их взгляды встретились, и Талискеру нестерпимо захотелось сказать что-нибудь. Он сделал шаг вперед... В то же мгновение заяц повернулся и бросился к скале так быстро, что глаз не успевал за ним следить. Талискер моргнул. Ему показалось, что ушастый не спрятался в кустах и не нырнул

в нору, а просто исчез. Здравый смысл немедленно приписал такое странное явление яркому солнышку, ослепившему глаза. Талискер сделал несколько шагов в сторону, где исчез странный заяц, и тут заметил что-то в траве.

Он наклонился, не отводя взгляда от края обрыва, поэтому сначала почувствовал холод камня, прежде чем увидел его. В руке сверкал огромный изумруд размером с кулак. Талискер присвистнул. Если эта штуковина настоящая, то на нее можно безбедно прожить остаток дней. Он находился всего в нескольких десятках метров от дворца Холируд, изумруд наверняка оттуда, и все же...

Зеленый камень согрелся, впитав тепло ладони. Искаженное отражение глянуло на Талискера из самой большой грани, и, должно быть, из-за игры света и тени лицо казалось спокойнее, моложе, рыжие волосы светлее и мягче. Он выглядел... невинным.

Талискер долго смотрел на драгоценность, а потом с улыбкой сунул ее в карман.

— Все страньше и страньше... — Эта мысль пробудила в нем другую, и, глянув на часы, он бросился бежать. — О Боже, я опаздываю!

Через десять минут Талискер встречался с Шулой.

Кафе-кондитерская на самом деле представляла собой подобие парника, пристроенного к зданию галереи. Солнечные лучи пронизывали стеклянную крышу и стены, что должно было обеспечивать посетителям положительный настрой. Но для Талискера здесь было слишком ярко. Он стоял у огромной входной двери, окаймленной сосновым брусом, и вдыхал смесь запахов мастики и капучино, чувствуя себя неуместным здесь, слишком грязным снаружи и внутри.

В одном из солнечных пятен сидела Шула, помешивая кофе ложечкой. Талискер наблюдал за ней уже несколько минут. Будучи слепой, она не могла его увидеть, однако, видимо, почувствовала, потому что на ее лице отразились ожидание и узнавание.

Он шагнул к ней.

— Шула?

Несмотря на долгие репетиции, это прозвучало как мольба о помиловании.

Она обернулась к нему, поднялась и протянула руки.

— Талискер.

Шула улыбнулась так, будто сомневалась, действительно ли встреча ее радует. Он подошел поближе, и она легонько провела рукой по его лицу, пытаясь понять, что же с ним сделали пятнадцать лет тюрьмы. Когда маленькие пальчики коснулись горьких складок у губ, он с трудом сдержал душащие его слезы. Ему представилось, как он прижимается к ней, плача,

зарывается лицом в чудесные черные волосы... Талискер взял себя в руки, и только одна слезинка потекла по щеке. Он торопливо убрал пальцы своей давней возлюбленной, прежде чем она сумела понять, что с ним происходит. Но попытка скрыть чувства провалилась — предательская капелька упала на тыльную сторону ладони Шулы. Талискер смотрел со странной смесью чувств, как слеза летит в бело-голубом свете, блестя на солнце маленьким бриллиантом. Он торопливо стер ее большим пальцем и заглянул в лицо молодой женщины. Та все поняла, и улыбка стала куда мягче и естественнее.

— Шула, — повторил Талискер, покорно опустившись на стул.

Она заговорила. Большую часть всего этого бывший заключенный прочел в ее письмах, но Талискеру было все равно: он скорее смотрел, чем слушал. Давняя подруга рассказывала ему о людях, к нему безразличных, чьи жизни шли своим чередом, — скорее всего при встрече они перешли бы на другую сторону улицы. Шула — иное дело. Когда-то она его любила.

— Шула, — перебил он. — Мне на них наплевать. Почему ты перестала писать?

По ее лицу пробежала тень. Она попыталась посмотреть ему прямо в глаза, хоть ничего и не видела.

— У меня был роман. Он давно кончился. Зато теперь есть дочь — Эффи. — Шула невольно улыбнулась. — Такая красавица...

Талискер взял ее за руку и крепко сжал.

— Я рад за тебя, Шула. Честное слово.

В ярком солнечном свете на Шулу было приятно посмотреть — длинные черные волосы, изящные движения и темные глаза, которые, хотя ничего и не видели, могли смеяться или плакать. Ей удивительно шли длинная юбка в цветочек, лимонно-желтый кардиган и атласная блузка. Неожиданно Талискеру показалось, что все цвета, украденные тюрьмой и обернувшиеся черно-серыми, возвращаются вновь при взгляде на давнюю возлюбленную. Он легко мог представить себе улыбающуюся малышку, точную копию матери. Наверняка они много смеются.

— Подожди, я принесу кофе. — Талискер отпустил ее руку, и Шула явно погрустнела. — Вернусь и расскажу тебе один секрет.

— Уже секреты? Ты только десять дней как вышел!

Они проговорили довольно долго, хотя он потом не мог вспомнить, о чем. Шула постепенно успокаивалась и вела себя все естественнее. Краткий, но прекрасный час они были той же беззаботной парочкой, влюбленной друг в друга пятнадцать лет назад. Соответственно, желая избегнуть тем гнева и скорби, они говорили о бывших одноклассниках.

— Помнишь Мандо?

— Да. Странный такой.

— Ага. Никогда не поймешь, что у него на уме. Кажется, он всегда балансировал на самой грани. И в любую секунду мог сорваться.

— Странно слышать это от тебя, Талискер. — Шула осознала, что говорит, и выражение ее лица резко изменилось. По слухам, Талискер убивал в безумии и расчленял свои жертвы. — Боже мой, я...

— Все в порядке.

Конечно же, все было вовсе не в порядке. Она ему не верила. Именно это она ясно дала понять последними словами. Шула считала его виновным. Как же она умудрилась смириться с этим и простить его? Талискер поспешно проглотил готовые вырваться слова: «Я невиновен!» Кому теперь до этого дело? Он снова чувствовал себя не в своей тарелке и, подняв взгляд на собеседницу, увидел, что она тоже принадлежит к другому миру, как и все остальное.

Повисла длинная, неловкая пауза.

— Талискер, я правда...

— Все в порядке, Шула. — Он не смог произнести это нормальным голосом. — Честно.

Она прикусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться, а потом тихонько сказала:

— Что будем делать, Дункан?

Он вздохнул, желая, чтобы цвета снова вернулись к ней, вдыхая аромат ее духов, пока и тот не исчез.

— Может, останемся друзьями, Шу?

Услышав свое старое прозвище, Шула рассмеялась и вновь взяла его за руку.

— Думаю, это отличная идея. — Голос все еще слегка дрожал. — Ты совсем забыл про секрет, а?

— Ах да. — Талискер сунул руку в карман, вынул изумруд и пошутил, вкладывая самоцвет ей в руку: — Он был дарован мне Королем всех зайцев.

Шула с восторгом и вниманием выслушала его странную историю, все вертя и вертя камень в руках и легонько хмурясь. Наконец, когда он закончил рассказ, просто спросила:

— Дункан, ты собираешься туда отправиться?

— Куда?

— В место, откуда родом эта вещь?

Выходя из галереи, он чувствовал себя несколько лучше. Шула предложила ему встретиться с ней и Эффи на Принсес-стрит и перекусить. Талискер слегка расстроился, что она не пригласила его домой, но понимал ее желание не торопиться. Даже к дружбе после стольких лет стоит подходить с осторожностью и приложить немало усилий. Шула рассказала ему о центре для «бывших

зэков» — последнее слово она выговорила нерешительно, опасаясь его реакции, — куда иногда приходит помогать. Талискер не был уверен, что ему нужно именно это, но обещал зайти.

По пути к станции «Уэйверли» он приобрел в киоске небольшой букет. Глядя на красно-желтые соцветия в своих руках, он не мог понять, зачем вообще купил их. Раньше ему никогда не случалось покупать цветы.

— Цвет, — пробормотал он. — Настоящий цвет.

Талискер припомнил темные приглушенные тона крохотной квартиры и мрачно улыбнулся.

Сперва его настиг запах. Талискеру не приходилось сталкиваться с такой сильной вонью разложения прежде, но перепутать было невозможно. Запах рванулся на лестничную клетку, стоило ему открыть дверь. Обернув лицо шарфом, Талискер вошел и окинул комнату взглядом, чувствуя подступающий страх. Неужели они все же узнали, что его выпустили из тюрьмы? Освобождение предполагаемого маньяка-убийцы хранили в тайне, старались скрыть от прессы. Люди ненавидели его, и он боялся их ненависти.

Увидев источник вони, Талискер на долю секунды почувствовал облегчение, затем придушенно вскрикнул и закашлялся. Закрыв за собой дверь, он прислонился к ней и изумленно смотрел прямо перед собой.

Привидение. Или призрак. Бывший воин, берсерк. В воздухе висело эхо далеких криков «Маклеоды, ко мне! Ко мне!» — но победоносные сражения давно остались позади. На бледной коже лица проступили трупные пятна — Талискеру припомнилось гнилое яблоко. Черты было трудно различить из-за распухшей плоти и свалявшихся рыжих волос, блеск черных глаз только угадывался. На правом боку расплылось огромное желтое пятно от подмышки до талии, рубаха приклеилась к телу. На груди виднелись кровавые пятна от колотых ран.

На призраке был настоящий шотландский килт, совсем не похожий на юбочки, которые раскупают туристы, куда больше напоминавший обернутое вокруг бедер одеяло, поддерживаемое поясом. На плече изношенный плащ крепился к домотканой рубахе оловянной брошью. В левой руке воин держал короткий меч, сжимая его белыми распухшими пальцами, похожими на корни; Талискер отстраненно подумал, что никогда больше не будет есть пастернак.

Они смотрели друг на друга из разных углов комнаты. Посередине желтело пятно солнечного света, и бывшему заключенному показалось, что если он пройдет через него, то станет таким же бесплотным, как призрак по ту сторону комнаты. Чувство отвращения исчезло, уступив место жалости и раздражению.

— Значит, это от тебя так воняет? — проворчал Талискер.

— Я не виноват. Посмотрим, как будешь благоухать ты через пару сотен лет. — Голос горца оказался на удивление высоким и пронзительным. Во сне он звучал по-другому, хоть и с таким же сильным шотландским акцентом.

Талискер удивлялся собственному спокойствию. Помолчав, он задал следующий вопрос:

— Ты пришел поговорить со мной?

Горец кивнул, и Талискера чуть не стошнило при мысли о том, что голова призрака может отвалиться и упасть на пол с отвратительным стуком.

— Я... я не в состоянии говорить с тобой так. Ты не можешь что-нибудь с собой сделать?

Призрак задумался.

— Не исключено... Только никуда не уходи, хорошо?

Талискер снова обернул лицо шарфом. Он не мог больше переносить вонь.

— Я здесь живу. Куда мне деваться?

На улыбку горца оказалось довольно страшно смотреть. Может, при жизни он тоже не отличался обаянием, однако черные десны и сгнившие зубы неприятно напоминали о том, что этот человек давно умер.

— Да. Правда. Но я все равно бы тебя нашел. — С этим призрак исчез.

Талискер уронил цветы, которые все еще держал в руках, и они рассыпались по грязному бежевому ковру живой радугой. Он бросился к окну и попытался его распахнуть... Оно оказалось замазано краской и не открывалось.

— Дерьмо собачье, — выругался Талискер, схватил немытый нож и безуспешно попытался отодрать краску. В этот самый момент запах исчез.

Через полчаса он сидел за столом со стаканом и наполовину пустой бутылкой в руке. Ему не случалось пить в этой квартире, но сейчас Талискер допивал третий стакан, вцепившись в бутылку, как в спасательный круг. На стекле виднелись следы грязных пальцев. Он еще не понял, как относится к посещению привидения, потому что не привык копаться в себе. Похоже на безумие... что это может быть еще? Талискер всегда считал себя прагматиком, благодаря этому смог выжить в тюрьме. Тогда почему, почему он не сомневается, что здесь, в комнате, появлялось призрачное полуразложившееся тело? Ему никак не удавалось напиться.

— Так лучше? — С другой стороны стола появился дух. Он куда больше напоминал воина, который являлся Талискеру во снах. Лицо осталось таким же белым, но раны исчезли (не были нанесены?) или скрыты. Та же самая одежда была гораздо чище. От него пахло навозом, а в складках одежды и волосах запутались

соломинки. Иными словами, смотреть стало куда приятнее. — Мне так труднее. Понимаешь, перед смертью я выглядел иначе. Весь этот гной... Раньше было больше похоже. Надеюсь, что ты оценил мои усилия.

Талискер пробурчал что-то и опрокинул стакан.

— Ну давай, чего ты хочешь?

— Хорошо... с чего бы начать? Ты ведь понял, что я твой предок? Мое имя Малколм Маклеод, но можешь звать меня Малки. Я твой прапрапра... — призрак махнул рукой, обозначая невероятное количество этих «пра», — ...дедушка.

Талискер внимательно посмотрел на необычного собеседника. И верно, глаза похожи, не говоря уж о рыжих волосах. Особенно странно, что этот неизвестно-сколько-раз-прадедушка умер ровесником Талискера. От этого стало не по себе, особенно когда припомнилось, как он выглядел перед смертью.

— Прости, Малки. Ты был совсем молодым, когда...

— Да уж. Сражен во цвете лет.

— Так зачем ты здесь?

— Боюсь, что не могу точно объяснить. Меня вроде как послали за тобой присматривать.

Талискер выпил еще, не обращая внимания на резь в глазах. Понемногу приходило опьянение. Он насмешливо фыркнул и поставил стакан на стол.

— Прямо как вонючий Джимини Крикет?

Призрак выглядел удивленным и оскорбленным одновременно.

— Что?

— Голос совести, — вздохнул Талискер.

— Боже мой, нет. Не дури. Судя по всему, именно этого тебе хватает за глаза.

— Ага. Но мне вовсе не нужно, чтобы ты за мной присматривал, — сварливо ответил бывший заключенный.

Виски действовало все сильнее — он сегодня ничего не ел, только выпил кофе с Шулой. После всех событий дня разговор с отдаленным предком за бутылкой виски немного хватал за край. Мир тихонько поплыл. Талискер глянул на Малки, который качался вместе со всей комнатой.

— Чертова заноза в заднице, — пробурчал он. — Вот кто ты на самом деле.

— Слушай, я тебе правда понадоблюсь. Но пока не могу объяснить. Просто доверься мне.

— Ага. По рукам. — Талискер громко рыгнул.

Малки с подчеркнутым отвращением посмотрел на пустую бутылку.

— Выпивка тебя прикончит.

Талискер снова рыгнул, словно в ответ на замечание призрака.

— Очень, очень смешно, — проворчал Малки. — Наверное, меня стоило назначить твоим чувством юмора, а то у тебя его, кажется, нет. Ты прямо настоящий герой...

Талискер потерял терпение.

— Зачем? — Он стукнул стаканом по столу. — Зачем ты мне нужен? Ты призрак. Я могу через тебя рукой провести. Христа ради, Малки, будь...

— Что? — нахмурился тот.

— Будь реальнее. — Талискер понизил голос почти до шепота. — Извини, приятель, я отправляюсь на боковую. — Он встал и пошел к постели, не сводя с призрака глаз, так что в конце концов смотрел себе через плечо. — Ну вот. Не хочу тебя расстраивать. Понял? И это странно слышать от меня. — Бывший заключенный издал какой-то приглушенный звук и укрылся одеялом с головой. — Смешно, правда?

Засмеялся он или заплакал, понять было невозможно.

ГЛАВА 3

Ворон опустился в темную пустоту. Здесь не с чем было сравнить размах иссиня-черных крыльев, но шума и ветра, поднятого ими, хватило бы, чтобы любая душа, оказавшаяся здесь, поняла — перед ней существо, могущественное, как бог. Полное силы и магии.

Птица замерла, обводя пустоту блестящими глазами. Убедившись, что вокруг никого нет, обернулась человеком.

Высоким человеком в черных одеждах, с синими глазами, чем-то похожими на глаза ворона. Можно было различить только лицо и длинные тонкие пальцы. Пройдя немного вперед, он остановился и нахмурился. Потом неуверенно шагнул, еще раз и еще и уставился на землю прямо перед собой, словно она могла расступиться и поглотить его. И могла ведь! У его ног разверзлась огромная, почти бездонная пропасть. Человек-ворон улыбнулся и, наклонившись вперед, презрительно сплюнул в темноту. Затем принялся ждать.

Из расселины вырвался белый луч света. Существо моргнуло, но не отступило. Настала тишина, в воздухе повисло ощущение присутствия кого-то еще, усиливающееся с каждым мгновением. И верно, из сияющей белизны выползло существо, подобное черному пятну. Оно мало напоминало хоть что-то живое. Жизнь не могла зародиться в этом месте, и все же черная тварь решительно двигалась к вызвавшему ее.

Осторожно отступив назад, человек в черном наклонился и коснулся холодной массы у ног. Пустоту осветила желто-зеленая вспышка, и перед человеком-вороном возникло его подобие, сгорбленное, напоминающее животное, но с теми же чертами, хотя в глазах была лишь пустота. Руки свисали до колен, и пальцы мелко дрожали. Тем не менее тварь вполне подходила для неких целей.

Человек-ворон холодно улыбнулся.

— Добро пожаловать, демон. — Пустоту заполнили жуткие отзвуки его злобного смеха. Дух промолчал, ожидая приказаний. — Нельзя отправляться в такое далекое путешествие обнаженным. Минуточку...

Он положил руки на грудь демону, ухватился тонкими пальцами за складки плоти и потянул. Форма существа начала меняться. Через некоторое время на нем появилась одежда такого же безжизненно-серого цвета, как и кожа. Демон явно испытывал боль — он моргал и даже поморщился, однако стоял спокойно и тихо, не пытаясь отойти от своего создателя, даже когда тот потянул за складки на бедрах, чтобы создать подобие штанов.

Наконец дело было сделано, и художник отступил на шаг, чтобы оценить плоды своих трудов.

— Добавим немного цвета, — пробормотал он, взмахнул рукой, и в пустоте снова вспыхнул желто-зеленый свет. Теперь демон был готов к путешествию — на нем оказались синие штаны, черный жилет и свободная черная куртка. Не хватало только ботинок — на огромных лапах не было складок кожи.

— Ага. — Человек-ворон еще раз окинул его критическим взглядом. — Головной убор скроет эти глаза. — Из волос демона вышла вполне сносная серая кепка, бросавшая тень на лицо. — А теперь, тварь, слушай меня. Я Корвус, твой создатель, и ты должен повиноваться мне, иначе я не позволю тебе вернуться во тьму. Существование — это боль, не правда ли?

Демон кивнул, явно соглашаясь. Черты лица начали таять, будто кожа была сделана из воска, а внутри бушевало пламя. Начало проступать совсем другое лицо, более близкое к истинной природе твари, красно-зеленое, гниющее. Человеческие черты неестественно исказились. Губ не осталось. Из челюсти торчало несколько желтых клыков, а глаза превратились в черные бездны ярости и боли.

— Нет, — прошипел Корвус. — Оставайся таким, каким я тебя сделал. Иначе я тебя на солнце отправлю, и ты будешь там вечно гореть в истинном свете.

Лицо вновь обрело человеческие черты, а глаза — пустоту. Корвус знал, что, потеряй он власть над демоном хоть на мгновение, тот попытается уничтожить его, что здесь, в Ничто, их силы почти равны. На лбу Корвуса выступила испарина. Подняв руки, он показал неверному слуге, куда собирается отправить

его — ночной город, залитый странным светом каменных и железных столбов, с яркими коробками, везущими многих людей, словно по волшебству. Сидящие внутри не смотрели друг другу в глаза, будто опасались чего-то. Картина сменилась. Море. На побережье тоже живут люди. И наконец, маленький железный мост. Улица не так ярко освещена, и здесь трудно распознать магию, чуждую миру. Да, там можно посеять семя, которое разрушит надежды феинов и сидов, прежде чем они обретут голос или форму, прежде чем прозвучит имя их так называемого спасителя.

Корвус поглядел на демона. Он чувствовал боль несчастной твари. Хорошее оружие. Любого духа из бездны постоянно сжигает огонь ненависти.

Корвус послал приказания прямо в сознание демона — так было куда безопаснее.

— Теперь иди. Я буду наблюдать за тобой и помогать. Если ты меня подведешь, я тебя уничтожу. Нет... подожди-ка. — Корвус взмахнул рукой, и на черной жилетке появились очертания ворона с острым кривым клювом. Он улыбнулся. — Просто шутка.

Демон исчез.

Вздохнув, человек-ворон вытер пот со лба, обернулся черной птицей и отправился в относительную безопасность своей темницы.

Шел дождь. В сером свете октябрьского утра мир казался коричнево-серым. Рабочую атмосферу расследования убийства под железным мостом нарушал только молодой полицейский, тихо плакавший в сторонке. Сверкали ярко-белые вспышки фотоаппаратов.

Чаплин сбежал по лестнице, прыгая через две ступеньки, и поманил к себе сержанта. Очередная вспышка ярко осветила его, на мгновение выхватив из общего сумрака. Он принадлежал к тому редкому типу высоких, широкоплечих, мускулистых мужчин, которые умудрились не растолстеть. Длинные черные волосы, собранные на затылке в хвост, и смуглая кожа выдавали итальянское происхождение — его отец был родом с Сицилии, а мать чистокровная шотландка. На нем был смокинг, уже изрядно помятый, рубаха с расстегнутым воротом и без галстука. Казалось, его не смущает несколько неопрятная одежда, он рассеянно жевал бутерброд.

Большинство сказало бы, что Алессандро Чаплин чересчур самонадеян, но только не в его присутствии. Инспектора полиции многие уважали и почти никто не любил.

— Неприятное дело, сэр, — заметил сержант.

Его явно удивляло появление Чаплина в смокинге, и он не мог скрыть свои чувства — брови сами собой поползли вверх.

— Какие-то проблемы, сержант? — Чаплин поправил лацкан и бросил хлебную корку в озеро. Тут же подплыла утка, решившая ухватить нежданное угощение.

Чаплин нахмурился совершенно без видимой на то причины, а потом улыбнулся.

— Значит, утки?

Холодный порыв ветра отнес вожделенную добычу в сторону, однако птица упорно гребла лапками и вытягивала длинную шею, так что в конце концов ей удалось ухватить корку клювом. Чаплин поежился от холода и запахнул поплотнее смокинг, хоть это оказалось непросто сделать.

— Молодец утка, прямо на лету схватила. Пойдемте, сержант, попробуем заняться тем же... ха-ха-ха! Поняли шутку? — Он отвернулся и отправился осматривать тело. На лице не было и тени улыбки.

Сержант покачал головой и пошел следом.

Под мостом несколько человек фотографировали и описывали место преступления. Смерть молоденькой девушки всегда особенно сильно действовала на группу следователей, быть может, из-за того, что все они принадлежали к сильному полу.

Чаплину это напоминало то, как люди отвечают на банальный вопрос — вы хотите мальчика или девочку? «Все равно, лишь бы здоровенький...» Может, некоторые говорят это искренне, но большинство людей боятся искушать судьбу — вдруг сглазят. Подобная атмосфера витала и над всеми сценами преступления, где бывал Чаплин. Какой пол жертвы вы предпочли бы? Конечно, мальчика... Тяжелее вынести, когда на земле сломанной безвольной куклой валяется прекрасное женское тело.

Он прислонился к холодной стали арки моста, глядя на оторванную голову и в очередной раз удивляясь, как люди могут делать такие вещи. Сержант что-то говорил про опознание и необходимость сообщить родителям. «Боже, — подумал Чаплин, — уж лучше провести еще пару часов возле расчлененного тела, чем нанести людям такой страшный удар». В этот миг он почувствовал, как под ложечкой нехорошо засосало и по телу начал распространяться неприятный холодок. Инспектор удивился — на него давно не действовали зрелища и более отвратительные. Через пару секунд он осознал: это чувство узнавания. Перед ним мелькнули тени прошлого, и, закрыв глаза, Чаплин застонал, как от удара.

— С вами все в порядке, сэр? — Сержант с тревогой посмотрел на старшего по званию.

Голову подняли и положили в пластиковый пакет. Она смотрела пустыми, мертвыми глазами, как поверженная Медуза Горгона.

Чаплин собрался с силами и промолвил:

— Я знаю, кто сделал это.

— Но... — начал сержант.

Инспектор его не дослушал.

— Говорю же, я знаю, кто сделал это. — Чаплин молча устремил взгляд на сержанта. На его лице не дрогнул ни один

мускул, оно напоминало маску, в глазах читались отчаяние и боль. — Это она...

По железному мосту проехал автобус, и рев дизельного двигателя заглушил последние слова.

— Она, — продолжил Чаплин, — та тьма, которая поглощает нас. Вы никогда не видели его, сержант. Он несет в себе семя разрушения... Убийца — Дункан Талискер.

— С вами все в порядке, сэр?

— Просыпайся, парень! Просыпайся!

Талискер застонал бы, но язык прилип к небу. Такое впечатление, что из тела волшебным образом испарилась вся жидкость. Похмелье? Не может быть, у него сроду не бывало похмелья. Наверное, он сходит с ума. Даже смешно: умудрился хранить рассудок все эти годы, а выйдя из тюрьмы, утратил его за десять дней.

Талискер закрыл глаза.

— Если это ты, Малки, то отвали и преследуй кого-нибудь другого.

Ответа не последовало, и Дункан рискнул приоткрыть один глаз.

Малки стоял у него в ногах и широко улыбался. В солнечном свете призрак казался еще менее реальным. Лучи пронизывали его насквозь, от чего становилось не по себе.

— Не очень вежливо с твоей стороны так разговаривать со старшим, — упрекнул дух. — Хорошо, что я не обидчивый.

Талискер застонал.

— Так или иначе, сейчас не время со мной препираться. Тебя идут арестовывать.

— Что? — Талискер резко сел.

— Прости. Я тебя огорошил? Но они правда выехали.

— Но за что? Что я сделал?

— Ничего особенного, дурак ты этакий. Разве что нажрался вчера в моем обществе. — Малки был совершенно серьезен. — Ночью убили девушку, совсем молоденькую. Похоже на твой «почерк» — уж не знаю, что они имели в виду.

— Кто они?

— Полицейские. А что это значит?

— Не важно. Откуда ты знаешь, Малки? — Талискер вылез из постели и, не обращая внимания на холод, принялся сдирать с себя пропотевшую одежду, в которой ходил весь вчерашний день.

— Ну, я в некотором роде настроен на тебя, и все, что относится к тебе, касается и меня. Как круги на воде, понимаешь? — Малки явно гордился своим объяснением. — Они говорили о тебе, вот я и услышал. — Призрак пожал плечами.

Талискеру снова представилось, как голова Малки слетает с плеч, и его замутило.

— Кто?

— Полицейские. Один был иностранец.

— Чаплин?

— Да. Ты куда, Дункан? — Талискер направился к двери, натягивая на ходу бежевую куртку.

— Делаю ноги, пока не поздно, — мрачно отозвался тот, не оборачиваясь.

— Это не выход. Настоящий горец никогда бы так не поступил.

Талискер остановился у двери, изумленно глядя на призрака.

— На дворе двадцать первый век, Малки. Я не могу разрубить их на мелкие части своим верным палашом. Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Прекрасно понимаю, — возразил тот. — Я знаю, Дункан. Я знаю все. Ты невиновен.

Талискер не верил своим ушам. Он пятнадцать лет мечтал, чтобы хоть кто-нибудь, кроме него, произнес эти слова. Надеялся услышать их от Шулы. Неожиданно Дункан осознал, что их произнес тот, кого он считает плодом своего воображения, и устыдился.

— Теперь ясно, кто ты. Ты — какая-то часть моего эго. Проекция моих собственных желаний. Я так хотел, чтобы кто-нибудь мне это сказал... — Талискер опустил взгляд, цепляясь за медную дверную ручку как за последний оплот достоинства. — А я думал, что только дети придумывают себе друзей...

Малки в ужасе уставился на него.

— Господи Христе, ну, парень, и проблем с тобой! Слушай, не могу поручиться за других жертв, но вчера ты был со мной. Я не знаю, прости... да и знай я, все равно не имел бы права тебе рассказать. А сам ты не помнишь? Такие вещи не забывают.

— Раньше помнил, — прошептал Талискер. — Но слишком запутался. Очень трудно объяснить. Одно я, должно быть, знаю точно.

— Что?

Талискер снова посмотрел на призрака и попытался улыбнуться.

— Я невиновен, Малки. Да, я в этом уверен. — Он вернулся в комнату и швырнул куртку на спинку стула.

— А теперь повтори, только более твердо.

В дверь постучали. Талискер замер в ужасе.

— Боже мой, Малки, что делать?

— Вариантов у тебя немного, — пожал плечами призрак. — Помни, что ты невиновен. И держись своего. Я отправлюсь с тобой в участок, чтобы тебя поддержать.

— Спасибо, — пробормотал бывший заключенный.

Он подошел к двери, открыл ее и встретился взглядом с полными ярости глазами Чаплина. Однако Дункана это не слишком волновало — он тоже не пылал любовью к инспектору

полиции. Они стояли лицом к лицу, не сводя друг с друга глаз, и так сильна оказалась их взаимная ненависть, что сержант почувствовал что-то и даже сделал шаг назад. Некоторое время оба молчали. Пятнадцать лет простирались между ними высокой стеной обиды и презрения. Многое они не успели сказать друг другу тогда, давным-давно.

В конце концов Талискер отступил и поманил пришедших за собой.

— Входите.

Острое чувство ненависти сменилось серой пеленой покорности. Оба полицейских хорошо знали это выражение лица, характерное для отсидевших большой срок, но Чаплина оно всегда злило. Ему хотелось побольнее ударить.

— Чем могу быть полезен? — спросил бывший заключенный.

— Боюсь, придется отвезти вас в участок, мистер Талискер. — Чаплин окинул комнату взглядом. Его внимание привлек плакат на стене, и он подошел к нему поближе. — Сержант, наденьте на мистера Талискера наручники. А, Микеланджело. Красота! Его надо смотреть в оригинале, Талискер.

— Совершенно не обязательно, — пробормотал тот, когда сержант подошел к нему, доставая наручники из кармана.

— Боюсь, так положено по инструкции... Репродукции не в силах полноценно передать цвет. На самом деле самые яркие цвета — белый и красный, они наполняют всю картину жизнью.

Малки стоял на кровати в стороне от всех, то слегка взмывая в воздух, то опускаясь.

— Разве они имеют право так поступать? Разве не нужны доказательства?

Талискер невольно задумался, что случится, если кто-нибудь пройдет сквозь призрака.

— Нет, не обязательно, — пробормотал он.

— Что? — резко спросил сержант. — Я надеюсь, вы не будете сопротивляться, мистер Талискер? На вашем месте я бы не стал. Мы с коллегами провели утро возле канала, собирая по кусочкам труп девушки, так что пребываем не в самом лучшем настроении.

Он натянул на руки арестованному что-то вроде полиэтиленового пакета и туго его затянул. Талискер нахмурился.

— Ну что, готовы? — спросил Чаплин, улыбнувшись. Белоснежные зубы сверкнули в лучах утреннего солнца. Этот человек умудрялся напоминать хищного зверя даже в смокинге.

Талискер открыл было рот, желая что-то сказать, но передумал.

— Что такое? — ровным голосом спросил Чаплин.

— Все начинается сначала, да?

Чаплин глубоко вздохнул. Он окинул арестованного внимательным взглядом и кивнул:

— Да.

* * *

По отделению пронесся слух, что Чаплин взял Талискера, и не меньше пятидесяти пар глаз внимательно наблюдали, как арестованного выводят из машины.

Внутри участка никто им и слова не сказал, словно дурная слава Талискера коснулась и Чаплина. Полицейские занимались своими делами, связанными и не связанными с задержанием подозреваемых. Мимо вели грабителей в наручниках, прошла парочка угонщиков автомобилей. И всем было не по себе от присутствия в участке предполагаемого маньяка-убийцы.

Талискер ничего не замечал — мир был как в тумане. Он шел куда вели, тихо радуясь, что Чаплин его не трогает и ничего не говорит. Но почему? Что ему надо?

Молодая женщина-полицейский, попавшаяся им навстречу, была вынуждена уступить им дорогу, чтобы разойтись в узком коридоре. Она первая среди всех встреченных мило и естественно улыбнулась. Наверное, не знала, кого ведут. Талискер устало поглядел ей велед. Обернувшись, он увидел, что Чаплин смотрит на него с плохо скрытым отвращением. Ясно, что тот подумал, но какая, в конце концов, разница?

Участок, несмотря на мрачную атмосферу, казался более реальным, чем квартира Талискера. Стены здесь всякого навидались на своем веку.

Малки был не более чем тенью своего потомка, и все равно его присутствие утешало. Приятно иметь за спиной верного друга. Призрак шел рядом с арестованным в мрачном молчании, настороженно оглядываясь, то и дело касаясь рукояти меча.

Оставшись на несколько минут один в комнате для допросов, Талискер положил голову на прохладную поверхность стола из огнеупорной пластмассы. Кажется, именно сюда его привели пятнадцать лет назад. Пахло так же — рвотой и политурой, отчаянием, вырванными из жизни годами, незаслуженным позором. И все-таки ему удавалось сохранять внешнее спокойствие.

Малки побегал туда-сюда по комнате, а потом остановился перед Талискером и заявил все с тем же чудовищным акцентом:

— Выйди из оцепенения, Дункан. Они должны понять, что арестовали невиновного.

— Что я могу поделать, Малки? Что мне им сказать?

— Не знаю. Но ты уже бежишь — ну, не в физическом смысле слова... Сдаешься, иными словами. Меня это просто бесит.

Воцарилось молчание. Оба мужчины смотрели себе под ноги. Когда в коридоре послышались шаги, Малки встрепенулся.

— Слушай, ты не можешь просто заявить, что был со мной?

— Не говори чепухи, — раздраженно ответил Талискер.

Дверь распахнулась, и вошел незнакомый полицейский, следом за ним — Чаплин с подносом в руках. Рядом с чашками кофе лежала пачка сигарет «Джи-пи-эс».

Чаплин явно нервничал, из-за ситуации в целом или из-за присутствия другого полицейского — сказать было трудно. Он повозился с кассетами, потом раздал кофе, как радушный хозяин, принимающий гостей. Убедившись, что магнитофон включен, посмотрел прямо в глаза Талискеру. Тот даже не моргнул. *Все начинается сначала, да?*

— Мистер Талискер, это старший инспектор Стирлинг. Он решил поприсутствовать на нашей... милой встрече, потому что, по его мнению, в данном случае я могу быть пристрастен.

Талискер перевел взгляд на незнакомого следователя. Невысокий, с черными горящими глазами и аккуратно подстриженными усиками, он очень напоминал лучшего героя Агаты Кристи — Пуаро. Дункан почти улыбнулся ему и тут понял, что на лице старшего инспектора написано: «Виновен». Однако глаза тот не отвел, за что Талискер его зауважал.

— Пристрастен? Потому что посадил меня за решетку пятнадцать лет назад? Потому что добился признания от невиновного человека? Не льсти себе — ты просто помог им сделать из меня козла отпущения. На эту роль годился любой. Мне не давали спать тогда трое суток подряд. Я признался после семидесяти шести часов бодрствования. — Талискер криво усмехнулся. — Я признался бы в убийстве Джона Ф. Кеннеди, если бы меня о нем спросили. Что ты имеешь в виду? Что в некотором роде тебе не совсем на меня наплевать? Или это новая уловка? Иди в задницу, Алессандро. Не верю, что тебе есть до меня дело.

Чаплин коснулся резинки, стягивающей его волосы в хвост. Талискер помнил эту привычку; выходит, инспектору стало не по себе.

— В один прекрасный день, Чаплин, я докажу свою невиновность. — Голос звенел от сдерживаемых эмоций. Он с трудом сглотнул. — И что тогда? Компенсируешь мне потерянное время? Купишь кружку пива, извинишься? Скажешь, что всего лишь делал свою работу? Разве не так оправдывались нацисты на Нюрнбергском процессе?

Чаплин резко поднялся, и пластиковые ножки стула противно заскрипели. На виске инспектора билась синяя жилка, на скулах играли желваки.

— По-моему, — наклонился вперед Стирлинг, — там говорили, что просто исполняли приказы.

Талискеру не дали возможности ответить.

— Извинюсь? — прошипел Чаплин. — Буду сожалеть?..

Да. Верно. Скажите, мистер Талискер, полагаете, вы один,

кому дали пятнадцать лет? — Он навис над арестованным так, что тот чувствовал запах одеколона, исходящий от него. — Позвольте сообщить вам, мистер Талискер, что есть и другие виды тюрьмы.

— Чушь собачья.

Чаплин развернулся, отошел в другую часть комнаты и закурил сигарету. При этом он прошел прямо сквозь Малки, который стоял за его спиной.

— Ничего, что я здесь? — съязвил горец.

— Я считал, — начал Чаплин, — что ты невиновен, Талискер. Удивлен? Думал, никто тебе не верит? Ну так вот, я верил. — Он сделал паузу, чтобы дать собеседнику хорошо осознать последнюю фразу, потом глубоко затянулся сигаретой и продолжил: — Это был сущий ад. Может, ты и через худшее прошел, не спорю, но мне пришлось не сладко.

— Это имеет отношение к делу, инспектор Чаплин? — перебил его Стирлинг. — Мы должны допросить подозреваемого, а не копаться в вашем общем прошлом.

— Да, — сказали оба мужчины хором.

— Да, — повторил Чаплин. — Имеет. Пожалуйста, позвольте мне закончить, сэр.

Стирлинг кивнул.

— Я буквально жил твоим делом, Талискер. Приносил его домой, читал за едой, оно мне снилось. Мы все были на грани — те, кто не работал с нами тогда, не поймут. Столько свидетельств — а ты все отрицал. Ты ведь знаешь, что обвинение основывалось на косвенных уликах. Шесть убийств, Талискер. Шесть девушек...

— Да. — Талискер закрыл глаза.

— Мы были так уверены, что поймали убийцу. Так чертовски уверены...

— Инспектор. — Стирлинг бросил на Чаплина укоризненный взгляд, но тот не обратил внимания.

— А потом я допросил тебя. Помнишь? И через тридцать секунд убедился — или думал, что убедился, — в твоей невиновности. Я сказал это всем, кто спрашивал, и некоторым из тех, кто не спрашивал... Однако было поздно. Ты почти признался, и машина правосудия сделала свое дело. Остальное уже вошло в историю. Но я не мог смотреть тебе в глаза в зале суда.

Он перестал расхаживать взад-вперед и снова коснулся волос. Сигаретный дым витал вокруг его головы облаком.

— Я пытался забыть. Говорил себе, что такова система, что все мы порой ошибаемся. Но я сильно изменился с тех пор, стал циником... Я как будто отравлен той мерзкой историей. Я жил с ней почти шестнадцать лет. До сегодняшнего утра...

Выражение его лица резко изменилось. Чаплин бросился к столу, откинув в сторону пластиковый стул, и принялся

вытаскивать что-то из кармана смокинга. Талискер понимал, что он делает. Не надо, подумал арестованный, не показывай мне...

— Черт возьми, парень! Они были правы! — закричал Чаплин, потеряв самообладание, и вывалил на стол кипу фотографий.

Черно-белые снимки рассыпались по пластику, ужасные и в то же время угрюмо-величественные. Фотограф умудрился передать некоторую гордость и даже величавость поверженной, изуродованной девушки.

— Пес! Ублюдок! Они были правы, так ведь? Ты виновен! Я мучился пятнадцать лет напрасно!

Талискер не слушал. Он скользнул взглядом по фотографиям с такой опаской, словно они могли убить, потом закрыл лицо руками.

— Пожалуйста, Чаплин. Не надо...

— Ты был виновен, ублюдок! Посмотри! Только взгляни, что ты сделал с ней!

Талискер снова застонал.

— Нет, — пробормотал он. — Нет, нет, нет...

ГЛАВА 4

— Малки, что происходит?

— Ты спишь, парень.

Они стояли на горе. Шел снег — не мягкий и пушистый, а холодный, колючий. Острые льдинки били по лицу, застилали глаза и падали в бездонную пропасть. Талискер с трудом держался за крохотный выступ на почти гладком отвесном утесе. Вены на руке вздулись от напряжения. Он знал, что должен лезть вверх. Надо напрячь силы и подтянуться. Ногами, обутыми в странные сапоги, Талискер упирался в маленькую трещинку в скале. Казалось, каждая мышца кричит от боли. Он застонал.

— Я не могу, Малки. Не могу двинуться. Где ты?

— Рядом с тобой, Дункан. Я тоже не знаю, как сюда попал. Обычно призраки не попадают в сны живых людей без особого разрешения.

— Разрешения... Впрочем, не важно. Я скоро упаду, Малки. Упаду...

Он отпустил руки. Камни и снег проносились мимо в пугающей тишине. На вершине скалы вспыхнул свет — сначала зеленый, потом серебряный. Ветер донес до него голос Малки:

— Это только сон, парень! Подожди!

Талискер решил, что проснется, коснувшись земли. Ему и раньше снились падения. Успокоившись, он принялся смотреть на снег и камни.

Не проснулся.

Там была женщина. На самом деле не совсем женщина, хотя трудно понять, когда тело с головы до ног закутано в зеленое одеяние. Лицо скрывал низко надвинутый капюшон, из-под него сверкали изумрудные глаза. Она сидела среди снегов, а рядом с ней стоял большой медный котел. Он был полон, но от удивления она перевернула его, и снег усеяли фиолетовые лепестки. Женщина направилась к Талискеру, протянула ему руку, и было видно, что она напугана.

— *Проснись, Дункан.*

Рука оказалась золотистой. На нее упал свет солнца, восходящего из-за гор. Пальцы напоминали когти; она молитвенно сложила их.

— *Я не могу проснуться.*

— Та-лиис-кер? — донесся мягкий голос из-под складок ткани. — Неужели я вызвала Избранного?

Завыл ветер, подхватив снег, успевший осесть на землю, и снова началась метель. Талискеру вспомнились одуванчики. Несколько секунд они оба стояли неподвижно: Талискер на коленях в снегу, она — с протянутыми к нему золотистыми руками.

— *Просыпайся, черт тебя дери!*

Женщина опустила руки, и даже сквозь метель и ткань, закрывающую лицо, стало видно, что она улыбается. Ее окутало зеленое, как изумруд, сияние. Как тот самый изумруд. Она явно превращалась в кого-то. Талискер не хотел дожидаться конца превращения, однако не мог оторвать взгляда. Сразу стало ясно, что ей вовсе не больно, что это естественно для нее, самая суть ее бытия. Руки покрыли перья — белее, чем снег. Фигура все росла и росла.

Наконец свет померк, и он увидел, в кого превратилась незнакомка. Перед ним предстала белая орлица в три раза больше, чем она же в женском облике. Перья отливали серебром, а на Талискера внимательно глянули ярко-зеленые глаза. Не было сомнения, что это то же самое существо.

Сон начал ускользать. Орлица переступила когтистыми лапами и забила крыльями, готовясь взлететь. Талискер попятился и снова стал падать с горы. Его пронизывал холод. Перед глазами мелькнул последний камень, за который можно было уцепиться. Эта странная земля не отпустит его. Отчаяние и мука родили в нем крик, вырвавшийся из губ, хотя Талискер и не знал, что он означает. *Мирр-аан-нон!*

Орлица раскрыла острый изогнутый клюв, хрипло закричала в ответ и спикировала вниз, разрезая со свистом воздух огромными крыльями. Когти стальными кольцами сомкнулись вокруг его талии, и они начали подниматься к самой вершине горы, так высоко, что дух захватывало.

— Я просыпаюсь. Я просыпаюсь.

Талискер произнес это вслух. В последний момент он увидел странную группу, собравшуюся на плато: серо-серебряную фигуру окружали черные тени — собаки или волки. При виде орла незнакомец забил руками по воздуху, словно выражая свое отчаяние. Орлица снова торжествующе закричала, крепче сжимая когти. Талискер вскрикнул от боли... и проснулся.

Шум транспорта на улице почти оглушил его. Хлопнули двери автобуса, отъезжающего от остановки, что-то шипело, слышались ругательства водителя. Талискер заметил Малки, который хмуро сидел на краешке кровати.

— Как ты думаешь, Малки, то, что я привыкаю к тебе, — верный признак безумия?

Сон постепенно отступал под действием суровой реальности. Припомнились день и вечер, проведенные в полиции. Талискер сел, и тут его пронзила острая боль в области ребер. Он мигом вылез из кровати, подошел к зеркалу и стащил с себя рубашку. На бледной после пятнадцати лет тюрьмы коже красовался огромный лиловый синяк, кольцом охватывавший его вокруг ребер.

— Меня не били, правда ведь? Я бы, наверное, запомнил.

Лучше бы его все же избили, чем смотрели с таким презрением все то время, которое он пробыл в участке. Но нет, Чаплин пальцем его не тронул, просто показал фотографии. И когда Талискер посмотрел на кипу черно-белых снимков, это снова случилось с ним. Ясновидение позволило ему узнать правду о последних моментах жизни несчастной девушки.

Он видел все. Плачущую жертву с синим от страха лицом, темную тень убийцы, который яростно наносил удары, разодрал сначала одежду, а потом и ее саму. Маленькие белые руки то и дело взлетали в воздух, как белые птички, — девушка пыталась защищаться. У нее была менструация, и смешение темной и светлой струй крови довели убийцу до полного безумия, которое продолжалось, даже когда жертва перестала жалобно кричать. Маньяк смотрел в неверном желтом свете фонарей, как красные струи сливаются в одну и текут по бедрам. Талискер попытался оборвать видение, протер глаза и изо всех сил старался не выдать своих чувств, но не смог. Его вырвало прямо на стол.

Чаплин холодно посмотрел на него без малейшего сочувствия.

— Думаю, я вполне могу присоединиться к тебе, Дункан. Меня от тебя тошнит.

Стирлинг вскочил со стула и закрыл нос и рот носовым платком.

— Полагаю, пока достаточно, мистер Талискер. Я отведу вас в камеру, а тут наведут порядок.

Не дожидаясь ответа, старший инспектор вывел Дункана из комнаты. Проходя мимо Чаплина, Талискер хотел ска-

зать что-нибудь, снова заявить о своей невиновности... Впрочем, это было бы пустой тратой времени и сил.

— Ее звали Джудит, — сообщил тот.

После трех часов допроса его отпустили. Талискеру не верилось в такое, но он знал, что у них нет против него свидетельств. Должно быть, за ним будут наблюдать в ближайшие несколько дней. Выходя из участка, он чувствовал спиной презрительные взгляды. И теперь при взгляде на огромный синяк его охватывал ужас. Проще решить, что его усыпили и избили, чем признать, что на нем отпечатки орлиных когтей.

— Ты помнишь, Дункан? — мягко спросил Малки.

Некоторое время Талискер стоял молча. Ему снова привиделись огромные белые крылья, освещенная солнцем гора и гигантская птица. Мирранон.

— Нет.

Талискер отвел глаза.

Чаплин отпил немного кофе, рассматривая пластиковую игрушку. Внутри нее кружился искусственный снег. Он отобрал эту штуковину у мелкого воришки, пойманного в магазине, и она так и осталась в куче ненужных бумаг у него на столе. Для дешевой вещицы не так уж плоха, решил Чаплин: снежинки падали медленно и в конце концов закрывали почти все внутри. Предполагалось, что там изображен Эдинбург ночью, но могло быть что угодно. Он взял игрушку в руку и встряхнул. Его преследовали мысли о Талискере.

Как-то он странно отреагировал на многочасовой допрос... Чаплин был вынужден согласиться со старшим инспектором Стирлингом: люди, способные на убийство, насилие и расчленение трупов, редко извергают содержимое своего желудка на стол только потому, что им показали фотографии их жертв. Похоже, Талискер и сам был не уверен до конца, что говорит правду. Чаплин чувствовал в своем противнике слабость и испытывал какую-то хищную радость, словно мог дотянуться когтями до бессильной и больной души.

Алессандро Чаплин презирал слабость. Этому его научили отцовские побои. Мать тихо смотрела добрыми карими глазами, как ее сын вырос в сильного человека, не способного сомневаться в себе и прощать в других то, что считал слабостью характера. В возрасте двадцати двух лет он женился на Диане, красивой, яркой, полной сил женщине, которая легко справлялась с черной тоской, порой поглощавшей мужа. Одна ее солнечная улыбка прогоняла все печали. Когда она погибла в автокатастрофе через восемнадцать месяцев после свадьбы, горе заставило его воздвигнуть непробиваемую стену между собой и миром. Он все еще тосковал по ней.

Чаплин думал о Диане и неотрывно смотрел на снежные хлопья. На мгновение его охватил холод. Донесся далекий голос, но он не мог разобрать слова.

— Диана?

Чаплин моргнул и вернулся в реальность. Его охватила ярость, и он изо всех сил стукнул пресс-папье по столу.

Стирлинг удивленно приподнял брови.

— Ты все еще здесь, Чаплин? Я-то думал, что один, как дурак, сижу здесь до поздней ночи и разбираю идиотские бумажки.

— До поздней ночи? — проворчал Чаплин. — Скорее уж до раннего утра. Так или иначе, я ухожу. — Он привстал со стула, и его охватила дикая боль в груди. Алессандро попытался сесть, но промахнулся мимо стула и упал на пол, держась обеими руками за грудь.

— Господи Христе! — Стирлинг оказался рядом через мгновение.

— Со мной все в порядке...

Стирлинг не обратил на его слова ни малейшего внимания, решительно отвел в стороны руки Чаплина, расстегнул рубашку. И с ужасом уставился на огромный лиловый синяк, кольцом охвативший грудь подчиненного. Словно кто-то пытался выдавить из него жизнь.

— Что случилось, Алессандро?

В глазах Чаплина отразился страх.

— Я не знаю, — прошептал он.

Ему дали отгул на несколько дней. Стирлинг обещал собирать сведения о деле и позвонить, если всплывет что-нибудь новенькое. Чаплин знал, что старший инспектор лжет. Все в участке считали, что он принимает дело слишком близко к сердцу, и неожиданное падение дало им возможность убрать его на время с глаз долой. Чаплин сидел на кровати с большим стаканом бренди в руках, тихонько покачивая его и неотрывно глядя на золотистую жидкость.

Иногда он не думал о Диане несколько недель подряд, а потом по радио передавали ее любимую песню или еще что-нибудь напоминало о ней... Такое горе никогда не забыть, думал безутешный вдовец. Прошло столько времени с ее смерти, что он с трудом мог воскресить в памяти лицо жены. Когда становилось совсем уж тоскливо, Чаплин смотрел на ее фотографии и никак не мог признать себя в улыбающемся молодом человеке рядом с ней. От этого ему становилось только хуже, и с новой силой начинало ныть сердце — но по крайней мере из-за нее. Хотя бы так он еще был связан с покойной женой.

Однако сегодня, когда Чаплин закрыл глаза — ему давно хотелось их закрыть, так он устал, — немедленно всплыло любимое лицо. Не мутное и расплывчатое, а такое четкое, слов-

но она стояла перед ним. Но не той Дианы, какую он любил вспоминать. Она смотрела на него так же, как в тот день, когда он видел ее в последний раз. Даже удивительно, почему ему ни разу не вспоминалось это раньше — на ее прекрасном лице были написаны ярость и презрение. Чаплин снова качнул стакан с бренди.

— Диана, — пробормотал он.

Никто не знал, что в день смерти она решила уйти от него, и все из-за Талискера.

В некотором смысле — обычная история семьи полицейского. Слишком много работал, не приходил домой, когда обещал, и не оставлял работу на работе. Единственная необычная черта — в случае Чаплина речь шла только об одном деле, деле Дункана Талискера. Оно тянулось долгие месяцы, и он ни о чем, кроме него, не мыслил. Она сказала, что так больше не может. В то роковое утро Чаплин отправился на судебное заседание, где суд признал Талискера виновным, все еще слыша крики жены. Он сказал себе, что она просто эмоциональная женщина, поживет пару дней где-нибудь и остынет... Ее машина столкнулась с бензовозом. Хоронить было нечего.

Напротив кровати Чаплина висело зеркало, отражавшее залитую вечерним солнцем комнату. Пестрые покрывала, ковры, одеяла... похоже, хозяин любил все яркое. На кровати лежал высокий, хорошо сложенный, загорелый мужчина с необъяснимым синяком на ребрах. Он плакал.

Чаплин проснулся совершенно спокойным; такими порой бывают люди на грани безумия. Весь вечер накануне он проплакал, вспоминая Диану. Это случилось в первый раз со времени ее смерти, он не проливал слез даже на похоронах, держался со спокойным достоинством. Сегодня утром Чаплин даже не спрашивал себя, почему она пришла к нему с безмолвными обвинениями. Ответ известен: Талискер. История начала повторяться — человек, из-за которого Диана навсегда потеряна, снова в его руках. Алессандро даже не пришло в голову, что она хотела, чтобы он забыл об этом деле навсегда. Он проснулся с убеждением, что может отомстить за смерть Дианы — впервые за пятнадцать лет. Никто не будет плакать по Дункану Талискеру, тем более очень похоже, что он все же виновен.

Чаплин остановил машину под окнами квартиры Талискера. Во внутреннем кармане пиджака лежал пистолет, хотя он еще не решил, что именно собирается сделать. Тем более здесь, на оживленной улице субботним утром.

На Лейт-Уок не было огромных супермаркетов, только обычные магазинчики — зеленная, рыбная, мясная лавки, но люди привыкли покупать все в них. Жители этого района

вообще отличались верностью традициям и упрямством — кто же еще ходит в те же магазины, в которых покупали еду их бабушки? В девять утра улица была полна народа, несмотря на моросящий дождь.

Сталь пистолета приятно холодила огромный синяк на груди. На автобусной остановке золотоволосая девчушка разговаривала со взрослыми к их вящей радости, потом она повернулась, встретилась взглядом с Чаплином и неуверенно замолчала. Тот коротко улыбнулся ей и отвернулся.

— Какого черта он там делает? Почему бы ему не зайти и не арестовать меня? Что происходит? — яростно спросил Талискер, выглядывая на улицу из-за пыльной шторы.

— Слушай, если я призрак, это еще не значит, что у меня есть ответы на все вопросы. На твоем месте я бы спросил его.

— Пожалуй. — Талискер задумался. — Наверное, это можно назвать вторжением в личную жизнь со стороны полиции. Но, обрати внимание, мне нечего скрывать. Если они хотят тратить время и силы впустую — ради Бога. Я собираюсь встретиться с Шулой и Эффи. Пойдешь со мной?

— Да. Не могу оставить тебя одного. У меня приказ.

— Приказ? Кто тебе может приказывать, Малки?

— Понимаешь... — Малки явно пытался выкрутиться. — Это долгая история, и я не...

— Дай-ка угадаю. Не имеешь права мне рассказывать?

— Да. То есть нет. А мы пройдемся по Хай-стрит?

— Только после встречи с Шулой. А зачем?

— Может быть, я расскажу тебе о своей жизни. Или смерти.

Довольно скоро открылась дверь, и из нее вышел Талискер. Чаплин смотрел, как он подошел к остановке автобуса, проверяя, не забыл ли деньги и ключи. Нахмурившись, Дункан отправился к газетному киоску. Чаплин решил, что он вернется на остановку, и продолжил ждать. И тут со зрением инспектора что-то случилось.

Наверное, игра света и тени. Чаплин увидел, что за Талискером кто-то следует. Горец при мече, в килте и всем остальном. Невысокий, со спутанными соломенными волосами, он шел большими шагами, явно вместе с Дунканом. А потом исчез.

Чаплин моргнул. В голове царил полный хаос. Он потер лицо руками, посидел с закрытыми глазами, стараясь возвратиться к ясному и холодному спокойствию.

По крыше машины постучали. Чаплин неохотно открыл глаза. Ему широко улыбнулся Талискер.

— Доброе утро, инспектор. Что привело вас на Лейт-Уок в такой чудесный день?

— Иди к черту, Талискер, — ответил он с улыбкой.

Дункан ухмыльнулся — еще одно очко в его пользу.

— Могу сообщить вам, что отправляюсь на Принсес-стрит в «Макдоналдс». Потом на Хай-стрит — пройтись по магазинам. Можете отдохнуть. На вашем месте я бы поспал. Выглядите вы просто ужасно. Желаю приятно провести день. — Талискер повернулся и отправился на остановку.

— Кто твой друг? — спросил Чаплин, не успев подумать, что говорит.

Талискер либо не слышал вопрос, либо решил не отвечать на него.

Чаплин вернулся в участок. И сразу заметил, что многих коллег нет на рабочих местах. Их позвали на брифинг, причем недавно — в комнате витал табачный дым, а на столе Стирлинга стоял недопитый кофе. Зато не было толстых папок с делом Талискера. Значит, брифинг по поводу него.

Чаплин сел за свой стол и принялся смотреть, как из чашки Стирлинга поднимается пар. Алессандро не знал, как остановить то, что с ним происходит. Кажется, он терял власть над собой. Но до вчерашнего дня Чаплин и не подозревал, как непрочна его связь с реальностью.

На лбу выступил пот, в голове звучали самые разные голоса.

— *Желаю приятно провести день.*

— *Ее звали Джудит...*

Он все еще был вооружен. Пистолет набрался тепла от тела и больше не холодил.

— *...столкнулась с бензовозом... несчастный случай... я просто не могу... не могу... так... больше...*

Чаплин встал и прошел к залу совещаний. Изнутри доносился монотонный голос Стирлинга. Инспектор осторожно заглянул в зал.

Я люблю тебя, Диана...

На доску в дальнем конце комнаты прикрепили фотографии. Семь девушек. Шестерым было бы сейчас за тридцать, но родители последней все еще находились в шоковом состоянии. Офицеры помоложе сидели бледные и старались не смотреть на доску. Там было две фотографии Талискера — из тюрьмы и сделанная вчера. Он глядел прямо в глаза Чаплину. Над ним прикрепили снимок незнакомого мужчины, постарше. Это была единственная улыбка в комнате. Чаплин распахнул дверь и вошел.

Все замолчали; было известно, что брифинг решили провести, пока Чаплин сидит дома. В противоположном конце комнаты нервно переминался с ноги на ногу Стирлинг, другие полицейские, которые знали Алессандро долгие годы, внимательно изучали кончики собственных ботинок. Чаплин неловко полез

во внутренний карман пиджака, и тот слегка распахнулся. Все увидели, как блеснул в искусственном свете пистолет, и им показалось, что Чаплин собирается его вытащить.

— Он вооружен, — прошептал кто-то.

Наступила тишина. Чаплин был полицейским. Немыслимо, чтобы он начал стрелять в своих коллег.

У него в голове все еще звучали голоса.

Алессандро направился к Стирлингу.

Давай уйдем ненадолго... работа здесь окончена... уходи... прочь... Я ухожу...

Старший инспектор вытянул вперед руки — так пытаются держать на расстоянии большую собаку. Чаплин видел, как движутся губы Стирлинга, однако слышал только голоса в голове и звонок сигнализации — кто-то в панике нажал кнопку вызова охраны. Скоро придет помощь в лице вооруженных полицейских. Но недостаточно скоро. Чаплин вынул руку из кармана.

— Остановись! — проревел Стирлинг.

Алессандро сжимал в руке помятый кусок бумаги.

— Жертва, — пробормотал он.

Прошел мимо застывшего в шоке Стирлинга и прикрепил к доске фотографию Дианы. Потом отцепил снимок незнакомого человека и недоуменно уставился на него, пытаясь понять, что он делает рядом с убийцей и жертвами.

Полицейские начали приходить в себя. Чаплин направился к двери.

— Подожди! — крикнул Стирлинг. — Алессандро!

Первый вооруженный охранник уже направил на дверь пистолет. Узнав Стирлинга, он немедленно опустил оружие, не сумев скрыть глубокого разочарования.

Чаплин вышел из-за спины начальника. Ему было нехорошо и хотелось пойти домой и лечь поспать, но сначала надо поговорить с Дунканом Талискером.

Стирлинг снова окликнул его:

— Подожди, Алессандро. Мы несколько продвинулись в деле. Похоже, твой Талискер... похоже, что он...

За Чаплином захлопнулась дверь, оборвав голос старшего инспектора на полуслове.

— ...невиновен. У нас новый подозреваемый.

Стирлинг глубоко вздохнул и закурил. Мочевой пузырь был полон.

— Мама была права. Мне следовало стать бухгалтером.

Вечером Талискер пил в одном из пабов в Каугейте. Его удивляло, как заведение может одновременно быть модным и грязным. Раньше так выглядели самые дешевые кабаки, а

теперь считалось, что здесь есть «атмосфера». Хотя место подошло бы разве что студентам и академикам. Люди сидели не за столами, а за пустыми бочками из-под виски, не зная, куда деть ноги. В камине горел настоящий огонь, и некоторые уже устроились перед ним на складных стульях. Талискер по привычке сел к стойке бара. Он признавал, хоть и неохотно, что ему тут нравится, и одной пинты хватило, чтобы как следует расслабиться. Слева находилось нечто вроде тоннеля с низким потолком, выкрашенным в красный цвет; там стояли бочки и даже несколько нормальных столов. Очень по Фрейду, подумал он.

— Эй, Дункан, — раздался голос Малки.

Талискер незаметно кивнул, чтобы показать, что слышит.

— Расслабься. Можешь просто думать. Я слышу твои мысли.

— *Правда?*

— Ага. Это просто. Я хотел спросить, нет ли у тебя желания прогуляться по Хай-стрит.

— *Ну, я вообще-то не собирался,* — нахмурился Талискер. — *Ты мне хочешь что-то показать? Кстати, ты знаешь что-нибудь про мой изумруд?*

— Откуда? Я просто призрак, вот и все. Это еще не делает меня всемо... всемо... гучим.

— *А как насчет Мирранон? Помнишь мой сон?*

Малки смущенно переступил с ноги на ногу.

— Ну... Не оглядывайся.

— *Что?*

— Там вошел Чаплин. Кажется, он немного не в себе. Как будто бы только что подрался. Не спятил ли твой приятель?

— *Где он?*

— Направился в красную комнату. И даже не заказал выпивку.

— Это мы исправим, — пробормотал Талискер вслух и улыбнулся бармену. — Пожалуйста, еще одну пинту «Гиннесса». У вас ведь есть солодовое виски?

— Да, и довольно большой выбор. — Бармен с гордостью указал на широкую полку.

— О, вот то, что мне нужно. Отправьте, пожалуйста, двойную порцию моему другу в красной комнате. Спасибо.

Талискер внимательно наблюдал, как официант отдал стакан Чаплину, который удивленно поднял голову. Талискер коротко улыбнулся и кивнул, как будто они были старыми друзьями. Он ждал, что Чаплин скажет какую-нибудь гадость, но тот просто ухватился за стакан с виски, как за спасательный круг.

— Да, он явно не в себе, — заметил Малки. — Мне его почти жаль.

— *Не трать время,* — подумал Талискер в ответ. — *Он этого недостоин.*

— Чаплин тебя ненавидит, — кивнул призрак. — Нам, духам, кое-что известно. Например, вокруг него большое черное пятно. Беднягу гнетет что-то ужасное из прошлого, и он винит в том тебя. Может, пока ты сидел, это его утешало, но теперь...

Талискер едва не засмеялся.

— Я мог тебе и сам это сказать. Он винит меня в смерти своей жены. Ты не знал?

— Господи Христе! Ты ее убил?

— Что? — спросил Талискер вслух, глубоко уязвленный.

— Простите, сэр? — Бармен удивленно посмотрел на него. Посетители часто разговаривали сами с собой, но не с такой горечью в голосе.

— Простите, случайно вырвалось.

— Как ты мог такое про меня подумать? Неужели надо и тебе доказывать свою невиновность? Я думал, ты на моей стороне. Она погибла в автокатастрофе.

— В чем?

— И не спрашивай, — пожал плечами Талискер. *— Просто не спрашивай.*

Когда они добрались до Хай-стрит, уже стемнело. Талискер слегка разомлел в духоте паба, и холодный ночной воздух приятно холодил. Чаплин допился почти до потери памяти. Он выглядел таким несчастным, что Талискеру стало его жаль. Незадолго до ухода Дункан сходил в туалет, а вернувшись, обнаружил, что Чаплина нет.

— Ушел, — объяснил Малки. — Как полагаешь, с ним все в порядке?

— Какая разница? — с горечью подумал бывший заключенный.

— Ты жестокий человек, Дункан Талискер, — печально покачал головой Малки. — И наверное, все равно не сможешь навсегда развязаться с этой историей.

— Значит, у меня тоже своего рода аура? — спокойно спросил Талискер. *— Черное пятно?*

Призрак удивился, словно раньше об этом и не задумывался.

— Нет, не черное.

— Тогда какое?

— Вроде как... лилово-красное. Я не знаю, что это означает.

Талискера окружили ночные звуки. Он остановился, чтобы закурить, с небывалой ясностью слыша привычный щелчок зажигалки и запах дыма. Ему показалось, что все чувства обострились. Может, он наконец сбросил невидимые оковы пятнадцати лет тюрьмы.

— Что происходит, Малки? Почему ты хотел прийти со мной на Хай-стрит?

— Трудно объяснить. Дункан, пожалуйста, пойдем. Пожалуйста.

Он так упрашивал, что Талискер без дальнейших вопросов повернулся и пошел вверх по улице. Краем глаза он заметил какое-то движение на другой стороне дороги.

— Хорошо, почему бы и нет? В такую ночь приятно прогуляться по Старому городу.

ГЛАВА 5

Сам того не заметив, Чаплин обогнал Талискера и стоял, прислонившись к стене возле Адвокат-Клоуз, маленького переулка выше по Хай-стрит. Разум его был затуманен алкоголем. Обычно инспектор пил мало и не попадался в коварные сети опьянения. Однако сейчас... Его только что стошнило в пустынном закоулке, и глаза горели от неусвоенного алкоголя и непролитых слез стыда. Он медленно сполз по каменной стене на землю. В неподвижном ночном воздухе звук трения пальто по холодным плитам отдавался эхом. В голове прозвучал голос отца:

— Ты сицилиец. Если не можешь держать себя в руках, не пей.

Чаплин посмотрел вверх, на далекие холодные звезды, а потом перед собой, на опустевшую Хай-стрит. Люди, шум, свет — все исчезло. Вокруг фонарей и статуй клубился туман. Моросил дождь.

— Что? — Туман проглотил шепот.

Казалось, Хай-стрит чего-то ждет, и Чаплин внимательно огляделся. Сначала он по-прежнему ничего не увидел, потом в тумане показалась неясная тень. Алессандро вытер подбородок рукавом пальто, поднялся и заковылял в том направлении. Рыжий свет фонарей сверкнул, отражаясь в металле, и Чаплин смутно осознал, что сжимает в руках пистолет.

— Дункан! Ложись!

На пустынной улице прозвучал выстрел, и пуля визгнула по камням брусчатки. Талискер бросился на землю, изумленный неожиданным поворотом событий. Сквозь тоненькую рубашку немедленно просочилась вода.

— Малки! Что случилось...

Талискер пополз к газетному киоску, большому деревянному столу возле пиццерии. Но не успел он добраться до желанной безопасности, как прозвучал еще один выстрел, на этот раз гораздо ближе. Талискер резко поднял голову и увидел, что левая рука превратилась в кровавую массу. Он закричал.

— Ползи, Дункан! — завопил Малки. — Не останавливайся, иначе он тебя убьет!

Талискер дополз до деревянного стола и спрятался за ним, вдыхая запах собственной крови. Да, его ранили. Он засунул пробитую руку в карман пальто, опасаясь даже глядеть на нее — вдруг потеряет сознание?

— Малки. Малки...

— Я здесь, Дункан.

— Он попал в артерию на запястье. Понимаешь?

— Э-э-э... нет. Что такое артерия?

У Талискера не хватило сил ответить.

— Талискер! — раздался крик Чаплина, в котором звучала нотка замешательства. — Куда делись все люди? Что ты с ними сделал? Всех уже успел убить?

— Пошел на хрен, Чаплин. — Талискер с большим трудом сел. — Я вижу людей. Что с тобой, приятель? Никак с ума сходишь?

— Что? — удивился Малки. — Я не вижу...

Талискер подмигнул своему другу. Это было гораздо легче, чем говорить.

— А, понял... Не слишком мило с твоей стороны, Дункан.

На другой стороне улицы наступила тишина. Одежда Талискера намокла, и он неожиданно осознал, что сидит в луже крови. Сжав плотнее зубы, он вытащил руку из кармана. Запястье не шевелилось. Он снял подтяжки и стянул ими руку вместо жгута. Кровь перестала течь, и Талискер невероятно возгордился собственной находчивостью.

— Ты все еще здесь? Я не убил тебя, ублюдок? — снова донесся голос Чаплина, на сей раз ближе.

— Да, я здесь, Алессандро. — Густой туман немного приглушал все звуки.

— Не называй меня так, Талискер. Ты мне вовсе не друг. — Чаплин находился справа от него.

— Дункан, ты можешь встать? — заволновался Малки. Он обнажил меч и встал в боевую позицию, напряженно вглядываясь в туман.

— Тебе надо изменить свою жизнь, Чаплин, — с трудом выговорил Талискер.

— Лучше я отниму твою.

Инспектор полиции появился из-за угла, и Дункан выругался, поняв, что тот выслеживал его по голосу.

Рука с пистолетом дрогнула перед лицом Талискера. Похоже, что, добравшись до своей жертвы, Чаплин лишился решимости.

— Ну давай, — подбодрил его Дункан. — Стреляй.

Пальцы почти нажали на спусковой крючок, но внимание Алессандро привлекло движение справа. Он обернулся и махнул пистолетом в сторону Малки.

— Эй, ты. Это тебя никак не касается. Убирайся отсюда.

Настало мгновение тишины.

— Ты его видишь? — изумился Талискер.

— Что за чушь ты несешь... — начал было Чаплин и тут осознал, что читает заголовки «Вечерних новостей» прямо сквозь призрака. Он резко обернулся к своему врагу, явно собираясь задать вопрос, однако Талискер слушать не стал — рванулся вперед и дернул Алессандро за ногу правой рукой, повалив на землю.

Драка длилась недолго. Талискеру повезло, и он оказался верхом на поверженном полицейском. Придерживая коленями его руки, он схватил инспектора за плащ и хорошенько встряхнул.

— Почему, Чаплин? Почему ты не оставишь меня в покое?

Немного помолчав, тот ответил, точнее, с трудом выговорил, явно теряя сознание:

— Я знаю... про Мирранон.

— Ты слышал его, Малки? — изумился Талискер. — Скажи мне, что я не выдумал все это.

— Да. Слышал.

— Откуда он знает про мой сон? — шепотом спросил Дункан.

— Он не умер, случаем? Ты не стукнул его головой о камень?

— Нет.

Талискер с трудом слез с распростертого на земле Чаплина.

— Знаешь, когда он засадил меня за решетку, я почти уважал его. Он был единственным, кто меня вообще слушал. Я решил: ну ладно, этот парень просто делал свое дело, но теперь...

— Да. Понимаю.

Они шли очень медленно. Талискер потерял много крови, голова кружилась. Когда они остановились передохнуть, он обернулся, посмотрел на Чаплина и выругался:

— Черт. Пистолет. Я не подобрал его. Ты видел эту штуковину, Малки?

— Нет, должно быть, он уронил ее во время вашей потасовки.

— Потасовки? — невесело рассмеялся Талискер. — Тебя, похоже, так просто не удивишь.

— Парень, я сражался в Баннокберне, — просто ответил призрак. — Идем, уже недалеко.

— Куда мы идем?

— Туда, — показал Малки.

— Это Городские Палаты.

— Да.

Главный вход в офисы лорд-провоста* был закрыт, но одна неприметная маленькая дверь, терявшаяся в белесом тумане, была распахнута. За дверью шла ведущая вниз лестница. Малки начал спускаться.

* Лорд-провост — титул мэра крупных шотландских городов.

— Нам туда, Дункан.

Талискер с трудом держался за перила, перед глазами плыли круги. Голос Малколма доносился как будто издалека.

— Дункан, пожалуйста, пойдем. Там тебе помогут.

Талискер направился к белому облаку впереди, и тут ночной сумрак уступил место тьме.

В темноте двигались неясные, смутные тени. Потом вспыхнул красноватый свет, и Талискер пришел в себя. Первым делом он подвигал левой рукой.

— Дункан?

Не открывая глаз, он поднес руку к лицу, чтобы заставить себя поглядеть на рану. Боли не было.

— Он приходит в себя...

Талискер не узнал голос и открыл глаза.

Руку явно исцелили. Только засохшая кровь напоминала о том, что рана вообще была. Он подвигал пальцами, а потом огляделся.

— Иисусе Христе!

— Все в порядке, Дункан, — донесся голос Малки. — Это друг. Ее зовут Деме, она тебя вылечила.

Деме Ринтоул смотрела на Талискера со странным восторгом, будто не веря своим глазам. В полутьме комнаты ее кожа отливала золотом, а свет факела выхватывал из сумрака острые, точеные черты лица. В целом облик был вполне человеческий, причем осанка явно говорила о благородном происхождении. Деме обезоруживающе улыбнулась, откинула капюшон плаща, и по плечам рассыпались сияющие золотистые волосы.

— Дункан Талискер. — Голос оказался красивым и мелодичным. — Мое имя Деме Ринтоул, хотя друзья порой зовут меня Грустинкой. Я ждала этого момента много лет.

Талискер был в шоке.

— Сп-пасибо, что вылечили руку. Можно мне идти?

Она удивилась и огорчилась одновременно.

— Нет! Нет, пожалуйста, останься. Неужели тебе неинтересно, кто был готов ждать тебя двести лет?

— Я знаю некоторых, — горько рассмеялся он, — которые не смогли прождать и пятнадцати.

Деме нахмурилась, явно не понимая, о чем он, и Талискеру, который имел в виду Шулу, стало стыдно, словно он предал свою давнюю подругу.

— Простите, я немного запутался. — Дункан немного помолчал, вглядываясь в лицо незнакомки. — Вы знаете Мирранон?

— Мирранон? — Глаза женщины расширились. — Великая Орлица? Что тебе ведомо о ней?

Талискеру очень не хотелось рассказывать о своем сне, но он заметил, как отреагировала на имя Деме, и надеялся, что она все объяснит. Дункан сбивчиво поведал ей о ночи на горе, снеге, об огромной птице, в которую превратилась хрупкая женщина... Казалось, комнату заполнил шум огромных крыльев.

Слушая рассказ, Деме откинулась на спинку старого стула. Судя по всему, ее взволновало услышанное. Малки сидел на полу возле ее ног, словно демонстрируя преданность. Освещающие комнату факелы на мгновение вспыхнули ярче, как будто их коснулась струя воздуха.

— Мирранон — мой предок, как Малколм — твой. Она была... и есть великая волшебница непревзойденной силы. Мне внушает надежду то, что она все еще может посещать наши земли.

— Зачем ей встречаться со мной?

— Из-за того, кто ты такой.

— А кто я такой?

— Как я могу объяснить, чем твоя душа отличается от остальных? — рассмеялась Деме. — Тебе лучше знать.

Талискер посмотрел на свои обтрепанные и окровавленные джинсы.

— Ты за мной следила?

— Почти всю твою жизнь, Дункан. Сам того не зная, ты приближался к этому моменту. Но кое-чего я не понимаю: почему ты так долго жил только среди мужчин, почему не гулял по солнышку и не искал общества других людей?

— Он не мог, — горько рассмеялся Малколм. — Дункан сидел в тюрьме.

— Почему?

Талискер заглянул ей в глаза и не заметил там и следа презрения.

— Может, ты мне расскажешь? Или не знаешь?

Малки не выдержал и возмущенно воскликнул:

— То есть как это не знаешь?

— Не знает что? — нетерпеливо спросила Деме. — Чем он заслужил такое обращение с собой?

Талискер хотел было ответить, но Малки снова вмешался, криво улыбаясь:

— Говорят, что наш Дункан убил шестерых женщин.

— Что?!

— Нет, подожди. Он говорит, что не помнит. Не знает точно, виновен или нет, — вот чего я никак не могу понять. Я имею в виду, что обычно люди знают про себя такие вещи.

Талискера начало злить поведение призрака.

— Заткнись. Меня очень сильно избили в тюрьме. Я чуть не умер. Их было пятеро или шестеро, и они хотели меня убить. Но сначала унизить.

Малки опустил лицо.

— Я получил сотрясение мозга и много черепных травм — лежал в больничном крыле шесть месяцев. После этого я многое забыл. Кое-что вернулось ко мне во снах. Однако некоторые воспоминания... я очень сильно надеюсь, что они не мои.

— Да, — Деме поднялась на ноги, — я помню, что чуть тебя не потеряла. Лет десять назад я искала твой разум, признаки бытия, но они оказались совсем слабыми. Должно быть, ты хочешь узнать, какая часть твоей жизни мне известна? Боюсь, я немногим смогу тебе помочь. Долгие годы ничего не случалось, и я была не особенно внимательна. Я думала о тебе раз в несколько недель, и ничто не указывало, что ты убийца. — Она сделала несколько шагов, опустилась на корточки перед плитой, на которой сидел Талискер, коснулась его лица и пристально посмотрела ему прямо в глаза. — Прости, Дункан. Поверь, я знаю, как тяжело иметь человеческую жизнь на совести. Но. — Она снова принялась ходить взад-вперед по комнате. — Надо быть практичной. Как я могу отправить тебя к феинам, если ты убийца? — Она помолчала немного, а потом продолжила: — С другой стороны, хуже уже некуда. Время на исходе, и мы должны...

— Отправить меня куда? — Талискер посмотрел на Малки, но тот только пожал плечами.

Деме бросила на него оценивающий взгляд.

— Так просто не объяснить. Мне нужно отправить тебя прочь из этого мира, Дункан. Думаю, ты не особенно расстроишься — здесь на твою долю не выпало ничего, кроме презрения и боли. В моем мире твое имя будет легендой. — Она кивнула на черную дыру в стене за Талискером. — Врата в него здесь. Мне нужно только твое согласие.

Талискер отвернулся от нее.

— Да, конечно. — Он встал. — Спасибо за исцеление, Деме. Мне, пожалуй, пора. Еще пара минут здесь, и я сойду с ума.

Он пошел к выходу из комнаты, однако дорогу ему загородил Малки.

— Прочь с дороги, предок, — ровным голосом выговорил Талискер.

— Дункан, приятель, послушай... Мне тоже нелегко было смириться с происходящим, и я тебя прекрасно понимаю, но выслушай Деме. Просто выслушай, хорошо? Ее народу — и народу Мирранон — нужна помощь. — Призрак попытался похлопать Талискера по плечу; как всегда, его рука прошла сквозь человеческую плоть, обдав холодом.

— Уходи, Малки. Оставь меня в покое.

— Ты просто не хочешь верить своим глазам и ушам, — резко перебил его призрак, по-прежнему перегораживая

дверь, хотя Талискер мог просто пройти сквозь него. — Но ты же не сомневаешься в моем существовании, а я самое настоящее привидение!

— Пожалуйста, Дункан. Пожалуйста, выслушай, — попросила Деме. — Я покажу тебе кое-что, и ты поймешь.

— Я не хочу понимать.

Неожиданно голос Деме заполнил маленькую комнату и эхом отразился от стен подземных переходов, которые некогда были улицами.

— Ты не оставляешь мне выбора.

Талискер резко обернулся.

— И что ты хочешь этим ска...

Его почти ослепила яркая вспышка, и он закрыл лицо руками. Когда в комнате снова стало темно, Талискер открыл глаза, и оказалось, что он не может двинуться с места. Его ноги обвивали лучи света, подобные небесным виноградным лозам. Пока он в ужасе смотрел на них, побеги обвили его целиком, примотав руки к телу и угрожающе стянув горло.

— Деме! — крикнул Талискер, пытаясь вырваться из уз, которые только сильнее затянулись. — Деме, выпусти меня, и я клянусь, что выслушаю!..

Он перестал вырываться и постарался медленно и спокойно дышать, чтобы не поддаваться панике. Наконец Талискер окликнул своего предка уже более спокойно:

— Малки? Ты ведь не покинул меня?

— Не говори ерунды, — раздался знакомый голос с шотландским акцентом.

Яркая вспышка, и горец появился в дальнем конце комнаты. Он как будто висел в воздухе (что вполне естественно для призрака, решил Талискер), а рядом с ним сидела серебристо-серая кошка. Она была куда больше обычной, с коротким хвостом и огромными желтыми глазами. Малки поймал его взгляд и ухмыльнулся.

— Кажется, ты начинаешь понемногу понимать. Это она, Дункан. Деме обращается в рысь.

— *Дункан Талискер...* — Теперь голос сиды попадал в его сознание, минуя уши. — *Мне жаль, что пришлось поступить так грубо. Я не предвидела, что ты будешь сопротивляться, и, хотя я понимаю тебя, все же я не могу позволить предсказанию не сбыться. Ты должен принести надежду кланам феинов в самый темный час.*

— Соглашайся, Дункан. Это же здорово. Станешь героем, — подбодрил его Малки.

— Нет! Черт побери! — Талискер снова принялся бороться с путами. — Ты не понимаешь, Деме. Пятнадцать лет моя жизнь была расписана день за днем, час за часом. Меня выпустили всего две недели назад, а ты пытаешься мне диктовать. Знаешь,

что происходит, когда ты делаешь хотя бы маленький шажок в сторону? Именно это! Тебя связывают, как барашка перед закланием!

Малки выразительно посмотрел на Деме.

— Похоже, ты поступила не лучшим образом, подружка. Вряд ли он проникся важностью твоей миссии.

Рысь сидела молча, глядя на бьющегося в узах пленника. Ее волнение выдавало только подрагивание хвоста.

— *Посмотри на него,* — мысленно обратилась она к Малки. — *Этот смертный так легко теряет над собой контроль. Как его отправить в Сутру, если он так слаб и неустойчив? Мы ничего не достигнем, а он сойдет с ума.*

— Нет, минуточку, Деме. Мой опыт общения с ним говорит о другом. Дункан держался более чем достойно в последние несколько дней, да и раньше тоже. Не думаю, что он на самом деле убийца. А сейчас... ты просто наступила на больную мозоль, связав его.

— *Надеюсь, что ты прав, Малколм Маклеод.* — Рысь внимательно посмотрела на него, а потом явно решилась, повернулась к Талискеру и мысленно обратилась к обоим: — *Дункан, послушай меня, пожалуйста. Если ты перестанешь вырываться, путы не будут так сильно давить. Мне в самом деле жаль, и я дам тебе то, чего ты так желаешь, — некоторую возможность проявить свободную волю, сделать выбор. Я пошлю тебя через врата...*

— Что? — прошипел Талискер.

— Не похоже на право выбора, честно говоря, — заметил призрак.

— *Подождите. Я отправлю с тобой Малколма и дам ему средство вернуть тебя сюда при необходимости.*

Женщина из народа сидов обернулась к горцу:

— *Или ты хороший судья характеров, или просто дурак. Ради всеобщего блага надеюсь на первое. А теперь загляни в свой кошель.*

Малки повиновался, развязал веревочку, и из кожаного мешочка хлынул яркий свет. Внутри лежал драгоценный камень, который светился сам собой. Горец присвистнул, а потом поглядел на Деме, чье лицо выражало тревогу.

— Что-то не так?

Рысь оглядела комнату, нервно дергаю хвостом.

— *У нас мало времени, Малколм. Этот камень меньше и не такой могущественный, как тот, что лежит в кармане Талискера...*

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросил призрак.

— *Не важно. Он должен отнести тот камень Мирранон. А этот,* — она внимательно посмотрела на драгоценность в руке Малки, словно не веря своим глазам, — *будет светиться именно так, когда жизнь Талискера окажется в опасности в Сутре или здесь.*

— Здесь? Как он может быть в двух местах одновременно? Это ведь невозможно!

— *Возможно. Душа Талискера как бы разделится между двух миров. Это часть его...* — она бросила взгляд на связанного Дункана, — *...уникального дара.*

Горец нахмурился, пытаясь понять, что стоит за ее словами.

— То есть здесь время будет идти по-прежнему? И с ним будут случаться всякие вещи?

— *Да, но совсем с другой скоростью.* — Казалось, Деме думает о чем-то другом. — *Если он попадет в опасную ситуацию — там или здесь, — камень засветится вот так. Ты сможешь вернуть Талискера, Малколм, пока держишь эту вещь в руках. Понимаешь?*

— Я не дурак, подружка, хоть и говорю с акцентом, — отрезал Малки. — Просто считаю, что это не совсем честно. Получается, что он сможет вернуться, только оказавшись на волосок от гибели. Я не назвал бы это возможностью выбора.

— *Мне жаль, Малколм,* — вздохнула Деме. — *Но я просто друг и слуга Мирранон. Большего я не могу предложить. Хуже того...*

— Что?

— *Боюсь, сила камня ограниченна. Ты сможешь использовать его всего несколько раз, а потом он иссякнет. Но,* — поспешно добавила она, — *дальше вам поможет Мирранон.*

— И сколько раз?

— *Три. Может быть, четыре.*

— Что здесь происходит, черт побери? — раздался новый голос.

В комнату ввалился Чаплин и пошел, шатаясь, к связанному Талискеру.

— Какого хрена... — Он непонимающе уставился на путы и протянул к золотым нитям дрожащую руку.

— *Нет!* — мысленно закричала Деме. — *Не позволяйте ему их касаться! Это опасно!*

Слишком поздно. Яркая вспышка, и Чаплин, вскрикнув от боли, отлетел на другой конец комнаты. Малколм и Деме бросились к нему.

— *С ним все в порядке.* — Деме почуяла запах алкоголя. — *Он просто без сознания. Быстрее, у нас мало времени. Мне нужно открыть врата. Вам лучше отвернуться — я должна принять обличье женщины, вас снова ослепит вспышка света.*

Деме начала превращаться из рыси в женщину, почти как Мирранон во сне Талискера. Ее окутало серебристо-серое сияние, которое становилось все ярче, пока Талискер и Малколм не отвернулись, чтобы не ослепнуть. Через несколько мгновений перед ними вновь стояла Деме. Теперь Дункан заметил, что она движется с кошачьей грацией даже в этом облике.

Чаплин шевельнулся.

— Готов поспорить, — заметил Малки, — что в результате он протрезвел.

— Деме, я еще не согласился... — начал Талискер.

— Прости, но выбора у тебя нет. Мирранон все объяснит. А теперь отойди от стены, Малколм.

Деме вышла в центр комнаты и начала произносить заклятие, слова которого были непонятны людям. Она подняла руки ладонями вперед, а потом соединила их на груди. Из-под пальцев вырвался яркий свет, сделавший ее лицо белым, как снег.

Талискер увидел странную вещь — сияющий шар, окруженный маленькой круглой радугой. «Можно загадать желание», — отрешенно подумал он. Деме бросила шар в стену. Раздался странный звук, который никак не вязался с темной и мрачной комнатой, — казалось, в него влилось все радостное и прекрасное на свете. Потом наступила тишина, а на стене возникла картина удивительной красоты.

Чистая, прозрачная вода озера тихонько билась о берег, окруженный зелеными и красновато-коричневыми деревьями. Ярко-синее небо отражалось в озере с такой ясностью, что, когда над ним пролетел стриж, почти задев поверхность крылом, почудилось, будто две птицы пересеклись в середине пути.

Все в комнате умолкли, любуясь делом рук Деме. Она смотрела на озеро с радостью, к которой примешивался горьковатый привкус печали — ей не дано было пока пройти через эти врата, а следовало ожидать призыва Мирранон, как та просила. И все же вода и небо, до боли знакомые, находились так дразняще близко...

— Это место, — тихо проговорила она, — зовется Светом Небес. — Деме собралась, вспомнив о своем долге. — Ты должен пройти через воду по пути к Сутре. Так предначертано.

— Сутра? — удивленно спросил Малки. — Я знаю это слово.

— Это древнее название, и некогда оно было известно и в вашем мире, — кивнула Деме. — Ты готов к пути? Он будет недолог, но довольно труден.

— Плавать умеешь, Дункан? — нервно улыбнулся Малки.

— Только не с этими штуковинами на руках, — проворчал Талискер. — Деме, кажется, кто-то говорил о свободе выбора...

— К сожалению, нет времени все объяснить как следует, чтобы ты отправился туда по своей воле. — Деме встала перед ним и коснулась лба в знак печали. — Пожалуйста, верь мне, Дункан. Я сниму твои узы, как только ты окажешься в воде. Надеюсь, Сутра принесет тебе радость и позволит простить меня.

Талискер мрачно улыбнулся. Он понял, что путь назад закрыт. Деме говорила, что вся его жизнь шла к этому моменту; быть может, воды озера смоют вину и боль. Дункан боялся неизвестности, ожидающей его впереди, но страх смешивался с надеждой.

— Я тоже надеюсь на это.

Деме отступила в тень. Малки шагнул вперед, и Талискер ощутил, что узы влекут его ко входу в таинственный мир — Деме не хотела рисковать. Возможно, в чем-то она и права, но это

было уже слишком — возле врат он понял, что сейчас окажется в воде полностью связанным.

— Черт возьми, убери эти проклятые веревки!

Невидимая сила влекла его и Малки, причем действовала она не только на тело. Талискер почувствовал, как его охватило спокойствие, вернулась способность прощать и забывать обиды. Перед ними предстала неимоверная толща воды, всего несколько секунд отделяли их от входа в озеро Света Небес...

— Талискер!

Голос доносился издалека, но не узнать его было невозможно. Дункан обернулся и заметил, что вставший Чаплин грубо оттолкнул Деме в сторону. Он был уже едва различим сквозь пелену, и Талискер скорее догадался, чем увидел, что тот все еще не в себе и сжимает в руках пистолет. В этот миг узы исчезли, и вода начала поглощать его. Талискер протянул руку Деме, словно хотел предупредить, но она тоже исчезла. На него обрушился холод.

Чаплин совершенно не понимал, что происходит в комнате. Голова все еще болела после драки, а руки горели, будто он обжегся. Что-то было неправильно — откуда взяться озеру под Хай-стрит? Алессандро заковылял к Свету Небес, оттолкнув в сторону женщину, которая помогла странному бегству Талискера. Почувствовав Силу, он попытался отступить, но было поздно. За его спиной кто-то вскрикнул, и инспектор поднял пистолет, ожидая увидеть своего заклятого врага. В тумане сияло золотистое существо, которое протягивало ему руку. «Держись за меня!» Донесся странный, мелодичный голос, похожий на эхо прекрасной песни. Существо сделало шаг, он выстрелил... И воды поглотили его.

Вот, оказывается, как люди тонут. Холод, легкие горят, пытаясь сохранить последние глотки воздуха, руки безумно бьют во все стороны. Заметались мысли:

...я умираю...

...Диана...

Мимо гаснущего взора промелькнула маленькая серебряная рыбка. Чаплин еще раз дернулся и застыл.

ГЛАВА 6

Талискер со стоном открыл глаза и увидел синее небо.

Деме.

Имя всплыло в голове, но он не стал задумываться почему и тихо лежал, радуясь теплу солнца, сонному плеску

воды и птичьим трелям. Потом все же поборол усталость, сковавшую все члены, и сосредоточился.

Деме.

Дункан сел. От резкого движения его скрутил приступ кашля, который, впрочем, помог избавиться от воды, остававшейся в носу и горле. Перед ним простиралось озеро Свет Небес, и прозрачная вода сверкала в лучах вечернего солнца. Рядом высились шесть огромных дольменов; казалось, они спокойно смотрят на него. Талискер вздрогнул — мокрая одежда неприятно холодила, а от ощущения, что за ним наблюдают, становилось не по себе.

На берегу озера, там, где скрещивались тени камней, сидел заяц, и только дрожание усов выдавало в нем живое существо. Талискер встал, ожидая, что зверек бросится наутек, но тот остался на месте, невозмутимо изучая его. Дункану почудилось, что ушастый неодобрительно качает головой, и сразу же вспомнился заяц, привлекший внимание к изумруду.

— Снова ты, приятель?

Он посмотрел на берег. На гальку выкинуло тело Малки.

— Господи Христе, — пробормотал Талискер и обернулся к зайцу. Тот исчез.

Малки изменился. Теперь он был настоящий, из плоти и крови, только, судя по всему, мертвый. Белая кожа была холодной на ощупь, губы посинели. В лучах заходящего солнца отчетливо выделялись вены на висках и веках. Как ни странно, раны, которые покрывали тело при первой встрече, исчезли. Должно быть, Малки утонул в озере.

В этот миг Малки открыл глаза и улыбнулся, показав абсолютно белые десны.

— Вот уж не знал, что ты обо мне беспокоишься. Перепугался? Я умею плавать.

Талискер сел на влажную траву, прислонившись спиной к дольмену. Малки посмотрел на свои руки и ущипнул безжизненную плоть.

— Вот вам хорошие новости, а вот и плохие... — Горец замолчал, и Талискер понял, что тот борется со слезами. — Ну ладно. Зато вполне возможно, что меня теперь так просто не уничтожишь.

Они посидели, слушая успокаивающий плеск воды. Потом Малки снова заговорил, все с тем же чудовищным шотландским акцентом:

— Мне почудилось, или твой старый добрый друг Чаплин последовал за нами даже сюда?

— Какая разница? — пожал плечами Дункан. — Деме наверняка с ним разобралась. Что предлагаешь делать?

— Ты уже высох? Я мокрый, как мышь.

— Значит, так, — проворчал Талискер. — Мы насквозь промокли, у нас нет сухой одежды, еды и оружия.

— У меня есть, — возразил Малки.

— И до заката осталось часа два.

— Пойду соберу дров, хорошо?

— Славная идея. — Талискер порылся в карманах разложенного на траве черного шерстяного пальто. — По крайней мере у нас есть зажигалка. Надеюсь, фитиль не промок... О, все не так плохо! — В кармане нашлась большая шоколадка с орехами.

При виде сладости Малки просиял.

— Всегда хотел попробовать... В мое время таких не было, по крайней мере для бедных.

— Сейчас расплачусь от жалости. — Талискер разломил плитку надвое. — Давай разожжем костер. Здесь полно плавника.

Зажигалка сработала со второй попытки, и вскоре они сидели возле огня.

— Предлагаю снять одежду, пока не стемнело, — заметил Талискер. — Повесим ее на ветки, и пусть сохнет. До захода солнца еще час.

— Хорошо, — кивнул Малки. — Но, по-моему, пора съесть шоколадку.

Медленно смеркалось. Мужчины молчали, погруженные в свои мысли, глядя на яркие языки пламени.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил Малколм через некоторое время. — Мне жаль, что так вышло. Не ожидал, что Деме пошлет тебя сюда против твоей воли.

— Все в порядке, Малки, — слабо улыбнулся Талискер. — Только не думай, что я не зол на тебя, — пошутил он. — Впрочем, что ни случится, все будет к лучшему.

— Мама говорила, что мужчина — это его битвы; они делают его сильнее, мужественнее. И все, что произошло с тобой... тебе не кажется, что тут кроется нечто большее, чем слепой случай?

— Не хочу сказать о твоей матери ничего дурного, Малки, но это чепуха. Люди часто себя успокаивают. Все, что тюрьма делает с человеком...

Что-то всплыло из спокойных вод озера. От странного предмета пошли золотистые круги.

— Дункан, — Малки поднялся, — это случайно не...

— Все равно он мертв, — устало произнес Талискер.

Несмотря на такие слова, оба встали и зашли в холодную воду.

— Только я начал согреваться... — пожаловался Талискер. — Почему он не остался на дне на радость рыбам?

— У моей матушки и на эту тему было присловье, — ухмыльнулся Малки. — Дерьмо всегда всплывает.

Они засмеялись так громко, что спугнули стаю черных птиц, которые, кружась и крича, поднялись в темнеющее небо.

* * *

Когда первые лучи восходящего солнца осветили озеро, Талискер проснулся, совершенно окоченев от холода. Накануне они сделали ложа из огромных охапок папоротника и камышей. Хотя Чаплина положили близко к огню, оба сомневались, что инспектор протянет ночь. Талискер неохотно помог Малки снять промокшую одежду с бесчувственного тела полицейского и завернуть его в черное шерстяное пальто, которое почти высохло у костра.

Теперь Чаплин немного порозовел и дышал ровно. Малки не было видно — наверное, ушел в лес на поиски съестного. Огонь весело потрескивал; очевидно, перед уходом горец раздул его и подкинул дров. Дункан огляделся в поисках одежды и увидел, что она аккуратно расстелена на большом валуне, освещенном первыми лучами солнца. Похоже, друг и дальний предок разыгрывал из себя чуть ли не оруженосца. Неловко получалось. Талискер решил поговорить об этом с Малки, когда тот вернется. Тем временем стоило разбудить Чаплина и объяснить ему, что происходит. Дункан мрачно улыбнулся, предвкушая реакцию полицейского.

Малки сидел на дереве в лесу, пронизанном лучами утреннего солнца, и отчаянно проклинал свою судьбу. Спору нет, он успел вскарабкаться на дуб до того, как медведь его заметил, но зверь все же почуял запах человека и теперь терпеливо сидел внизу, то и дело лениво отмахиваясь от мошкары, летевшей со стороны озера. Гладкая коричневая шкура блестела на солнышке. Медведь тихонько сопел в такт лесному шуму. Поглядывая вниз с ветки, Малки заметил в ухе зверя серьгу. Не поверив своим глазам, горец прищурился. Все верно, толстую коричневую шкуру правого уха пронизывало серебряное кольцо, к которому было прикреплено белое перо. Малки едва не свалился от удивления. Но прежде чем слезть, ему надлежало отогнать зверя от дерева.

— Эй, мишка, — проговорил он театрально-заговорщическим шепотом, — ты голоден? Я не очень вкусный, честно.

Малки умудрился поймать пару кроликов, и их еще теплые тушки лежали в большом заплечном мешке. Печально вздохнув, он вытащил одного из ушастых зверюшек и показал медведю.

— Смотри, косолапый, что у меня есть.

Зверь поднял голову, принюхался к новому, соблазнительному запаху. Малки размахнулся и швырнул свою добычу так далеко, как только смог, на другую сторону поляны.

Сначала казалось, что затея не удалась — медведь не сводил с него карих глаз.

Малки подмигнул.

— Ну, ты, зверюга. Смотри внимательнее. Давай, вперед.

Тот фыркнул и неуклюже потопал за добычей.

* * *

— Вот такие дела, Чаплин. Похоже, ты здесь навсегда. Если хочешь, можешь отваливать в лес — пусть тебя сожрут дикие звери, я не против.

Полицейский сидел у костра, съежившись под черным шерстяным пальто Талискера. В длинных густых волосах запутались водоросли и тина, лицо все еще было бледным. Он смотрел в огонь и даже взгляда не бросил на своего врага с тех пор, как проснулся.

— Чаплин, ты меня слышишь?

Инспектор тупо смотрел на пламя. Он поднял какую-то палку и сжимал ее в руках, не сознавая, что происходит вокруг.

— Я заметил синяки, когда мы тебя раздевали. Откуда они? — Талискер попробовал зайти с другой стороны.

Ответа не последовало.

— Смотри, Алессандро. — Дункан приподнял рубашку, и Чаплин явно вздрогнул. — Когда я... когда мы дрались, ты сказал, что знаешь о Мирранон. Что ты имел в виду? Тебе она приснилась?

Инспектор резко поднял голову.

— М-мирранон, — с трудом проговорил он.

— Да? — подбодрил Талискер, но Чаплин смотрел на свои руки, которые начали кровоточить — палка оказалась острой и повредила кожу в нескольких местах.

Дункан мягко вынул палку у него из рук.

— Давай же, Алессандро. — Ему хотелось, чтобы давний противник наконец пришел в себя и можно было продолжить его не любить. — Странно...

— Мирранон, — повторил Чаплин. — Белая Орлица.

Это случилось, когда медведь почти дошел до тушки кролика. Малки уже начал потихоньку спускаться с дерева, и тут зверь заревел. Горец замер, не в силах пошевелить рукой от страха, но вскоре понял, что медведь нападает совсем не на него. Увиденное было так ужасно, что он оказался не в силах отвести взгляд, хотя поспешил снова вскарабкаться на дерево.

На другой стороне поляны возникла черная тень. В ясном утреннем свете трудно было разобрать ее очертания, чудились только усики и щупальца насекомых. От тени доносилось странное пощелкивание.

Медведь поднялся на задние лапы и снова заревел. На этот раз в рычании слышался отголосок страха, хотя огромный зверь достигал десяти футов в высоту. Тем временем форма тени изменилась — перед ними стоял черный медведь-тень, состоящий из насекомых: мух и тараканов. Эта тварь своим присутствием оскверняла лес.

Медведь бросился на противника, но тот и не попытался сопротивляться. Вместо этого он раскрыл объятия и об-

хватил врага. Обреченный зверь ревел в ярости и страхе настолько по-человечески, что Малки стало его жалко.

Горец спрыгнул с дерева и громко выругался — ноги подвели, и он рухнул в крапиву, потеряв надежду остаться незамеченным. Однако лесному медведю было не до того — его окутала черная тень. Потом тень медленно растаяла, и стало видно коричневую шкуру. Медведь лежал неподвижно.

Наконец он снова заревел от боли и заметался в агонии. Изнутри вырвались черные лезвия, и кровь заструилась на траву. Следом показались щупальца, которые принялись терзать еще нетронутую плоть. Медведь продолжал кричать. Больше всего удивляло, что он до сих пор жив.

Не в силах вынести это ужасное зрелище, Малки обнажил палаш и с боевым кличем бросился через поляну на подгибающихся от страха ногах. Добежав до погибающего животного, он поднял оружие двумя руками, стараясь не смотреть на безжалостные клинки и щупальца. В последний момент горец глянул в глаза медведя и прочел в них муку. С новым отчаянным криком Малки одним ударом отрубил зверю голову.

Талискер беспокойно оглядывал кромку леса. С рассвета прошло два часа, да и вряд ли Малки пошел бы на охоту один. Вдруг ночью какая-нибудь тварь подкралась и утащила его? Дункан вновь посмотрел на Чаплина, который не выговорил ни слова с тех пор, как произнес имя Мирранон.

Тревожные мысли оборвал далекий рев, донесшийся из леса. Через несколько секунд рев повторился, и Талискер выругался. Он не мог броситься на помощь Малки — какая от него польза с голыми руками? У горца по крайней мере был палаш.

Дункан подкинул последнюю палку в огонь и мрачно сел у костра.

Малки уставился на мертвое тело. Атака изнутри прекратилась, не осталось и следа того ужаса, который поглотил несчастного медведя, только кровь и мех. Одна лишь голова напоминала величественного зверя, с которым встретился горец.

В этот миг шкура на голове лопнула. Малки наклонился вперед, готовый раскроить и череп, а потом медленно выпрямился, изумленно вздохнув.

Шкура постепенно исчезла, и появилось лицо юноши с золотистой кожей, как у Деме, которая быстро стала просто бледно-желтой. Часть черепа все еще покрывал мех, но в остальных местах появились иссиня-черные волосы. Безжизненные голубые глаза смотрели спокойно, ничто не указывало на то, какой ужасной смертью умер несчастный.

Малки в ужасе опустился на колени. Единственным способом прекратить мучения медведя было отсечь ему голову, но он не поступил бы так, зная, что перед ним человек.

— Прости меня, — пробормотал Малколм. — Я не ведал, что творил.

Утреннее солнце коснулось юного лица, ветерок играл черными волосами. Малки представил, каким этот человек был в жизни, и решил, что все же поступил правильно. Он снял серебряную серьгу и надел ее на пояс.

— Прощай, мишка. Да пребудет с тобой Господь.

Горец поднялся и ушел с поляны, не оглядываясь.

Озеро было таким же спокойно-зеркальным, как и накануне вечером. Теперь, ближе к полудню, когда стало жарко, оно нестерпимо блестело, а плеск воды о прибрежную гальку радовал слух. Талискер сидел на большом камне и болтал ногами в прохладной воде. Ему все меньше нравилось это место, и, глядя на кружащихся черных птиц на другой стороне, он пытался понять, вороны это или грачи.

— Если ты видишь одинокого грача, то это ворон, а приметив стаю воронов, знай, что перед тобой грачи, — пробормотал он, вспомнив присловье дедушки.

— Будешь говорить сам с собой — посадят под замок, — раздался знакомый голос с сильным шотландским акцентом.

— Малки! Господи, да где же ты был?

Горец ухмыльнулся, и Талискер слегка вздрогнул при виде белых десен и синих губ. В прошлый раз он видел их вечером, а не при ярком свете. На клинке запеклась кровь.

— Что случилось?

— Расскажу по дороге. Думаю, пришло время отправиться в путь. — Малки кивнул в сторону Чаплина. — Он готов к этому?

— Не знаю, он почти ничего не говорит, только молча смотрит в огонь.

— Ну что ж, идти ему придется, — с необычной строгостью объявил Малки, — или мы будем вынуждены бросить его здесь.

Талискер приподнял бровь, удивленный таким заявлением обычно добродушного воина, но ничего не сказал. Горец все объяснит ему, когда придет время.

— У тебя остался шоколад, Дункан?

— Да.

— Тогда завтрак подождет. Идем.

Наступающая осень окрашивала деревья в красно-золотые тона, землю покрывал ковер из опавших листьев. В лесу царила тишина. Все кругом застыло, даже птицы не пели. Солнце

припекало, путникам стало совсем жарко и душно. Они шли на запад, а ночевать предполагали прямо в лесу.

— Думаю, Деме переоценила важность нашей миссии — что-то не видно местных жителей с хлебом-солью, — проворчал Талискер.

Малки промолчал. Он был рад, что они не проходили мимо поляны, где лежал убитый медведь. Ужасное зрелище не шло у него из головы, и он внимательно приглядывался к окрестным кустам, не таится ли в них злая тень. По дороге горец рассказал Талискеру и Чаплину о случившемся. Чаплин промолчал — он ни слова не сказал за весь день и шел как во сне. Талискера история не так поразила, как ожидал Малки, хотя он остановился и внимательно рассмотрел серьгу.

— Мне случалось наблюдать, как люди умирают, — продолжал Малки. — И от болезни, и в битве... Но это... Совсем молодой паренек... Все же я поступил правильно.

Горец посмотрел на Талискера, ожидая, что тот его поддержит, и он перестанет чувствовать себя отчасти виноватым в смерти сида. Однако Талискер только пожал плечами.

— Наверное.

— А ты как бы повел себя на моем месте? Что бы сделал?

— Ничего, — холодно отозвался Дункан.

Малки некоторое время молчал.

— Вот, значит, как, приятель? Думаешь, ты такой сильный и жесткий человек?

Талискер повернулся к горцу, примирительно глядя на него.

— Нет, Малки. Я просто трус.

Ночь застала их милях в десяти от озера. Путники прошли так мало, потому что поздно отправились в дорогу и потому что Чаплин шел очень медленно. Ночь оказалась холоднее предыдущей, и хотя деревья защищали от ветра, ледяной воздух предвещал скорое наступление морозов. Они снова набрали папоротника и собирались залезть в травяные гнезда, когда Малки выступил с неожиданным предложением:

— Слушай, Дункан, у меня нет пальто вроде твоего или чаплинского, чтобы укрыться им. Давайте спать по очереди, а один будет поддерживать огонь и сторожить. Тогда мы по крайней мере не замерзнем во сне.

— Хорошая идея, — согласился Талискер. — Тем более что в лесу водятся медведи.

— И другие твари, — пробормотал Малки.

Оба посмотрели на Чаплина — понимает ли он, что происходит? К всеобщему удивлению, полицейский поднял голову и кивнул:

— Я посторожу.

Талискеру выпало бодрствовать перед рассветом. Он видел, как ширится розовая полоса на горизонте, и чувствовал полузабытое умиротворенное спокойствие, несмотря на то что ему было холодно, страшно, а в голове все еще звучали слова Деме: «Там тебя ждут люди, люди, которым ты нужен...» Но зачем? Понятно, зачем может понадобиться воин. Он перевел взгляд на Малколма, настоящего героя, видевшего не одно сражение и погибшего в бою. Затем посмотрел на светлеющее небо, на котором осталась только одна одинокая яркая звезда, и сказал себе, что будет любоваться ею каждое утро.

Дункан уже собирался разбудить остальных, когда заметил странное движение в лесу неподалеку. Он напряженно всмотрелся в сумрак подлеска, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в неверном утреннем свете, и наконец увидел, что возле одного дерева что-то зашевелилось. В стволе старого дуба, покрытого лишайником, узловатого и сучковатого, угадывалось нечто странное...

Дерево стало человеком. Нет, от ствола отделилась фигура. В сумраке трудно было разобрать, что же произошло на самом деле. Похоже, часть огромного дуба обратилась в старика.

Высокого, все еще стройного, с посохом, напоминающим молодое деревце. Узлы и неровности ствола исчезли, превратившись в длинный плащ, хозяин которого постучал посохом по дубу и углубился в лес. В неверном утреннем свете его длинные седые волосы и короткая бородка отливали серебром, темно-карие глаза светились добротой и мудростью, движения были неторопливы и размеренны. Даже не посмотрев в сторону Талискера, он исчез в чаще. Напоследок Дункану почудился проблеск желтого, который так не вязался с общей благообразностью старца, что в памяти всплыл странный образ... Не может быть!

— Зак?

Шепот заглушила неожиданно зазвучавшая песня птиц, приветствующих новый день.

Проснувшись, Малки отправился в лес, однако был куда осторожнее, чем вчера. За час он отыскал три огромных гриба, пять голубиных яиц, набрал ночных фиалок и одуванчиков. Легкий, но питательный завтрак. Жаль только, нет овса. Талискер с самого утра держался замкнуто и отстраненно, да и Чаплин тоже. Малки надеялся, что сегодня полицейский придет в себя. Он очень порадовался, когда Чаплин проснулся и принялся дежурить — ему случалось видеть последствия шока, когда воины после битвы ложились спать и уже не просыпались. Утром их находили белыми и неподвижными, как трупы на поле битвы.

Услышав голоса, Малки резко остановился у края поляны.

Горец выглянул из-за ветвей большого дуба. Почти прямо перед ним пасся мул, а вокруг костра сидели Талискер, Чаплин и старик в сером плаще. Тот словно спиной почувствовал присутствие Малки, обернулся и посмотрел ему прямо в глаза. Потом улыбнулся.

— А, Малколм... Пора завтракать. Кстати, у меня есть немного овса.

ГЛАВА 7

Здесь всегда царил холод. Вот и сегодня солнце едва коснулось пиков гор.

Корвус бросил на окно взгляд из-под тяжелых век и вздохнул. Кроме синего неба, больше из его тюрьмы ничего не увидеть. Порой картина менялась, на смену синеве приходили штормовые облака или снег, но силы природы давно не радовали узника. Корвус мог сбежать только в пустоту, однако туда он старался наведываться как можно реже. Здесь, в башне, он смотрел на небо так долго, что потерял счет времени и успел проклясть синеву и звезды самыми ужасными словами. Корвус тосковал по красному цвету.

Словно в ответ на его мысли на подоконник неуклюже опустился ворон, царапнув когтями по камням и заполнив весь проем огромными крыльями. В мощной лапе он держал алый цветок, ярким пятном выделявшийся на фоне его иссиня-черной груди. Птица спрыгнула с подоконника к подножию трона. Удивительно большая для своего рода, она положила цветок на резную ручку и громко каркнула.

Корвус откинул голову назад и засмеялся, хотя в его смехе не было и капли веселья. Эхо отразилось от холодных, покрытых льдом стен.

— Она идет, Слуаг, она идет!

Дверь резко распахнулась.

На пороге стояла его сестра, одетая в черное с серебром. Тело богини охватывала серебряная кольчуга изумительной красоты, а черный высокий ворот нижней одежды подчеркивал белизну лица. Как обычно, огромные синие глаза, полные холода, оглядели Корвуса со смесью восхищения и презрения.

— Приветствую тебя, брат.

Фирр вошла в комнату и одним движением вытащила меч из ножен. Он сверкнул бело-голубой молнией и ударил туда, где только что сидел Слуаг, теребя клювом алый цветок, принесенный для хозяина. Ворон, хоть и казался неуклюжим, не был

глуп и ожидал нападения, наученный горьким опытом. В мгновение ока он перелетел на подоконник, вне досягаемости меча Фирр, посмотрел вниз и неодобрительно закаркал.

Один испепеляющий взгляд богини зла, и ворон захлопнул клюв.

— Глупая птица, — вскипела Фирр. — Не знаю, почему ты не прогонишь его, брат. Он вылупился из яйца кукушки.

В голосе звучало презрение, словно Фирр знала, что это особенно оскорбительно для воронов. Слуаг недовольно взъерошил перья.

Корвус вновь рассмеялся, наслаждаясь гневом сестры. Ее белая кожа была такой тонкой, полупрозрачной... Когда она говорила, лицо напоминало живой гобелен, смертельно прекрасный, такой же холодный, как эта башня. В нем нельзя было уловить и следа нерешительности или мягкости, даже когда Фирр улыбалась. В минуты слабости Корвус хотел, чтобы сестра осталась с ним на целый день, чтобы он мог смотреть, как она говорит, бранится, смеется... Но Фирр не желала уделять ему целый день, она была такая же эгоистка, как и сам бог зла. Иногда, общаясь с ней, ему казалось, что он видит в зеркале отражение собственной пустоты.

— Стерва, — пробурчал Корвус.

— Ты ведь знаешь, что он здесь? — спросила Фирр, махнув мечом.

— Кто?

Она презрительно засмеялась, пока ее не остановил Слуаг — *если ты будешь смеяться над моим хозяином, я выклюю тебе глаза.*

— Странно, что ты не знаешь, — сказала Фирр куда мягче, чем собиралась.

— Я... заснул, — ответил Корвус.

— Нет. — Она подошла к деревянному трону, на котором сидел брат, и легонько коснулась его плеча. От прикосновения им обоим стало не по себе, и Фирр быстро отдернула руку, словно обжегшись.

— Коснись меня снова, — сказал он.

Корвус не требовал и не просил, и было невозможно понять по глазам, что происходит в его голове. Фирр слегка улыбнулась, хотя во рту у нее пересохло, а сердце колотилось как бешеное, и протянула дрожащую руку.

— Не спи, брат. Пожалуйста. Обещай мне.

— Я устал, Фирр. Разве люди не спят, когда устают? — Он казался старше, бледнее, чем обычно, синие глаза потеряли всякую выразительность.

Она помолчала.

— Пришел Талискер. Теперь ты можешь его убить.

— Где он? — оживился Корвус. — Ты его отыскала?

— В лесу к востоку от Света Небес. С ним два спутника, прибывшие из его мира. Птицы снабдят меня новыми сведениями.

— Пусть полетит Слуаг.

Не дожидаясь дальнейших приказаний, ворон взмыл в небо, на мгновение заслонив свет крыльями.

— Начинается, — тихо проговорил Корвус.

По крайней мере дорога через лес обрела смысл — четверо путников направлялись в Руаннох Вер, самый крупный город в этой части Сутры. Зак утверждал, что у них четыре дня, чтобы поспеть туда к ночи Самайна, к самому большому и блистательному Собранию. Он отказался объяснить, что это такое, а просто шел, бормоча себе под нос и останавливаясь порой, чтобы взглянуть на птичку или дерево в золотых листьях. Казалось, Заку нравится идти, и он задал такой бешеный темп, что трое молодых мужчин и мул, на котором, по словам старика, почти никогда не ездили, с трудом за ним поспевали.

Пока они завтракали, Талискер засыпал вновь прибывшего вопросами. Правда ли он Зак? Встречались ли они раньше?

Старик улыбнулся и покачал головой.

— Можешь называть меня Зак, если хочешь. На самом деле мое имя — Мориас, хотя люди часто дают мне прозвища вроде Серого Дуба или Древесной Тени. — Он отправил в рот ложку грибов с овсом и как следует прожевал. — Но Заком меня прежде не называли. Что значит это имя?

— Не знаю точно, — неловко признался Талискер. — А разве важно?

— Зак — сокращение от Захарии, — неожиданно вставил Чаплин. — Захария был пророком.

Мориас расхохотался.

— Тогда кто ты, Мориас? — спросил Малки. — И где твой народ?

— У меня нет народа, только я один, — улыбнулся старик. — Я *сеаннах*. Сказочник.

В его словах было что-то такое, что прекратило дальнейшие расспросы. Потом Мориас рассказал о Собрании и предложил поспешить в Руаннох Вер. Талискер переглянулся с Малки и кивнул. Почему бы и нет, быть может, там они встретят Мирранон.

Собирая вещи, Талискер украдкой разглядывал нового спутника. Он казался добрым, и все же эта встреча несколько озадачивала. Пока Малки с Дунканом затаптывали угли костра, старик разговорился с Чаплином, что само по себе поражало, учитывая, что тот был совершенно замкнут с самого начала их путешествия. Мориас вложил что-то наподобие камешка в руку полицейскому и принялся объяснять. Чаплин внимательно слушал и улыбался, впервые за долгое время.

* * *

На следующее утро они вышли на главный тракт, ведущий к Руаннох Веру. Дорога красной лентой вилась через лес, утрамбованная ногами многих поколений фермеров, гнавших скот в город на продажу. Встречались им и путники. Похоже, что в Сутре жили в основном кельты, по крайней мере так показалось Талискеру — у большинства были рыжие волосы и зеленые глаза. Мужчины носили клетчатые мешковатые штаны и удивительно яркие плащи, застегнутые на броши из бронзы и серебра. Многие заплетали бороды и усы в косы. Малки явно не остался равнодушен к этому обычаю и то и дело потирал щетину на белом подбородке. Почти у всех на поясе висели мечи вроде палаша Малки, а за спиной были обитые кожей щиты. Мужчины ехали верхом на упитанных лошадках, женщины и дети шли пешком. Видимо, их вовсе не огорчало такое положение дел, потому что так было проще управлять скотом, который они гнали. Талискера удивила их сила и красота, которую не часто встретишь среди бедных людей, — длинные волосы сияли в утреннем свете, красные и зеленые юбки и плащи выглядели чистыми и добротными.

Никто не трогал четверых путников, напротив, им приветливо кивали, проходя мимо. Талискер внимательно смотрел в глаза встречным — он научился этому в тюрьме, — но не видел в них злобы, только легкое недоверие. Должно быть, путников удивляла странная одежда пришедших из другого мира, однако они вполне разумно заключили, что на их родине так одеваются все.

Ближе к вечеру из леса донеслись жуткие крики. Малки обнажил меч и бросился в кусты, Талискер следом. Мориас и Чаплин остались на дороге. Когда мужчины добежали до маленькой полянки, глазам их предстало жуткое зрелище.

Кричали в основном дети, залезшие на дерево. Внизу стояла девушка, размахивая горящей веткой, чтобы защитить своих подопечных, но, похоже, беда грозила не им. В центре поляны, на месте угасшего костра, шла жуткая битва. Она уже подходила к концу — Талискер и Малки опоздали. Молодой воин сражался со странной тенью, та все темнела и приближалась к нему. Наконец меч выпал из руки юноши, неведомый враг схватил его и начал окружать тьмой.

— Нет! — проревел Малки и с мечом бросился к нему.

Слишком поздно. Смерть уже проникла внутрь. Воин перевел взгляд с Малки и Талискера на молодую женщину, которая всхлипывала у подножия дерева.

— Я люблю тебя, Уна, — с трудом выговорил он.

Женщина, рыдая, упала на колени, а молодой человек снова посмотрел на Малки и меч в его руке.

— Пожалуйста...

Из груди несчастного вырвалось черное щупальце, и воина вырвало кровью.

Малки не стал терять времени. Он ухватил палаш двумя руками, размахнулся получше и одним ударом отсек страдальцу голову.

На мгновение на поляне настала тишина. Потом Уна подняла лицо.

— Даррaг! — закричала она и поползла к откатившейся в сторону голове юноши, не обращая внимания на то, что длинные волосы цепляются за колючки, а ветки царапают ей кожу.

Талискер стоял, не двигаясь, и никак не мог осознать, что же произошло. Он понял, что именно эту тварь видел Малки, и горец снова поступил правильно. Потом Дункан посмотрел на женщину, которая почти доползла до отрубленной головы.

Он бросился к ней, опустился рядом на колени и взял за руку. Лицо несчастной покрывали слезы и грязь, в волосах запутались веточки и колючки.

— Даррaг... — бормотала она.

Талискер поднял и обнял ее, прижал к себе. Он пятнадцать лет не касался женщины. Она спрятала лицо у него на груди, словно стараясь отгородиться от увиденного ужаса. Дункан молча гладил ее по голове.

Даррага хоронить не стали. Мориас воздвиг небольшой помост, куда положили убитого воина, вновь соединив тело и голову и прикрыв страшную рану клетчатым плащом. Чаплин помог детям — девочке и мальчику — слезть с дерева и сидел с ними в сторонке, успокаивая. Талискер подумал, что по роду занятий тому часто приходилось иметь дело со смертью и утешать родственников погибших.

Уна не выговорила ни слова с момента смерти мужа. Наконец она перестала дрожать, и Талискер отпустил ее. Женщина села на землю, устремив неподвижный взор в пространство. Когда Мориас и Малки уложили тело Даррага на помост, она поднялась и пошла к краю поляны — принялась собирать цветы, листья папоротника и красивые ягодные кустики, чтобы возложить их рядом с погибшим.

Когда приготовления закончились, они собрались вокруг помоста, чтобы попрощаться с Даррагом. Уна и маленькая девочка, Брис, укрыли его всем, что собрали, посыпали чистотелом и ягодами. Мориас отыскал дуб с низкими толстыми ветвями. Туда-то и поставили помост с мертвым телом. Перед тем как покойный оказался среди золотых листьев последнего приюта, Талискер спросил Уну:

— Можно я возьму его меч?

Мориас покачал головой, но опечаленная женщина не возмутилась.

— Сэр, — прошептала она, — а какое же оружие останется у него, если вы заберете его верный меч?

— Прости, Уна, — пробормотал Талискер, осознав свою ошибку.

— Погоди, — вмешался Малки. — Я дам ему свой черный нож. Все равно доблесть твоего мужа осветит ему путь в мир иной...

— Спасибо, Малколм, — поблагодарила Уна. — Хотя Дарраг был моим другом, а не мужем. Мы выросли вместе. — Ее голос дрогнул, и она перевела взгляд на Талискера. — Мой отец нарек его моим защитником на пути в Руаннох Вер. Если ты возьмешь этот меч, придется тебе принять на себя и клятву защищать меня и детей по крайней мере ближайшие четыре дня. А я стану твоим другом. Спасибо за помощь.

Талискер поклонился. Уна торжественно взяла в руки меч Даррага и протянула его Дункану рукоятью вперед. Тот изумленно вздохнул — оружие украшали бирюза, янтарь и тонкие переплетающиеся золотые нити. И все же было понятно, что меч не новый и видел не одну битву. Талискер протянул левую руку, чтобы принять его. Уна удивленно приподняла брови, однако промолчала. Заметив это, он оглянулся на Мориаса.

— Ты должен дать мечу имя, если хочешь взять его себе, — объяснил сеаннах.

— Понятно. Раз он обязывает меня исполнить клятву Даррага, нареку его в честь моей клятвы. Имя ему... Клятва Талискера.

— Очень хорошо, — одобрил Мориас.

— Благодарю тебя, — промолвила Уна. — Дарраг был бы доволен.

Спалось им плохо. Уна хотела разбить лагерь где-нибудь в другом месте, но уже стемнело, и искать было некогда. Брис и ее брат, Коналл, сели поближе к костру, завернувшись в серые одеяла, испуганно косясь в темноту леса. Малки — ему выпало дежурить первым — принялся демонстративно расхаживать вокруг лагеря.

Взгляд Талискера то и дело притягивал дуб, в ветвях которого спал вечным сном Дарраг. Дункан старался подавить дурацкий страх, что тот поднимется из мертвых. Уна лежала рядом с ним, и Талискер любовался ее медно-рыжими волосами, блестящими в свете костра. В последний момент перед тем, как сон сморил его, он увидел на ветвях дуба огромного черного ворона и решил, что птица пришла проводить душу убитого воина в здешний загробный мир.

Его разбудили голоса. Было еще темно, костер почти догорел. Приподнявшись на локте, Талискер вгляделся в сумрак. Чаплин сидел между двумя детьми и говорил с ними тем же тоном, что и раньше, когда утешал их, но в движениях инспектора уже появилась уверенность. Юные слушатели были явно заво-

рожены его рассказом, и даже Малки, который мог бы спокойно спать, лежал, как и Дункан, подперев голову рукой, и внимал.

Талискер обернулся к Уне, желая спросить, что происходит, однако ее одеяла валялись на земле пустыми. Ветер раздул затухающее пламя, и Дункан разглядел девушку у подножия дуба. Она выглядела такой одинокой и несчастной, что он поднялся, прихватил одеяло, подошел к ней и закутал. Уна улыбнулась в знак благодарности, но промолчала, и оба принялись слушать голос Чаплина, долетавший от костра.

— ...так Уисдин получил свой приз — самого черного, самого лучшего коня из всех, что когда-либо ступали на дороги Сутры. Его звали Круах, как одного из ветров, и все остальные вожди мечтали о таком коне, но ездить на нем мог только Уисдин мак Феин.

Талискер удивился, откуда Чаплин знает такую сказку и как он умудряется сделать повествование таким живым. Слушающим казалось, что они видят в темноте тени Уисдина и его скакуна.

— Уисдин, — тихонько проговорила Уна. — Эту историю больше не рассказывают в наших краях.

Талискер ждал. Ее следующие слова были вовсе не связаны со сказкой.

— Он сказал, что любит меня. Прямо перед смертью.

— Дарраг?

— Да. — Она поплотнее завернулась в одеяло. — А я и не догадывалась.

Талискер не знал, что ответить. За пятнадцать лет в тюрьме он забыл любовь и разочаровался в ней. Любовь и горе — не по его части.

— А что-нибудь изменилось бы, знай ты о его чувствах?

— Нет. Он был моим лучшим другом, почти братом. Моя тетя отправила меня на воспитание в его клан, чтобы я научилась облегчать боль женщин, когда... — Уна замялась.

— Ты умеешь принимать роды?

— Да. Это бесценное искусство. Так или иначе, я познакомилась с ним в первый же день. Дарраг был еще мальчиком, худым неуклюжим ребенком с вечным насморком, однако из него рано вышел хороший воин, и он заботился обо мне. А теперь я знаю, что он любил меня как мужчина, не как брат. В Руаннох Вере мы должны были расстаться, потому что я возвращаюсь домой... но это... так жестоко. — Ее передернуло, и она принялась слегка раскачиваться из стороны в сторону. Потом повернула к Талискеру залитое слезами лицо. — Прости, если я слишком откровенна. Я знаю, что мужчинам... трудно говорить о таких вещах.

— Только не мне, госпожа моя, — слабо улыбнулся Талискер. — Я не умею говорить о них вообще. А теперь нам лучше поспать... Уна, что убило Даррага?

Ее глаза расширились от страха, белки пугающе блеснули в сумраке.

— Ты не знаешь?

Он покачал головой.

— Я не могу произнести... Они все слышат. — Уна наклонилась и написала на мягкой земле одно слово. Талискер сел рядом на корточки и всмотрелся.

Костер вспыхнул, будто надпись потревожила спящего духа, и Дункан прочел: «Кораннид».

На следующее утро отправились в путь с первыми лучами солнца. Уна, Брис и Коналл собрались вокруг дуба и попрощались с Даррагом. Брис была куда веселее, чем вечером; возложив еще один букет к подножию дерева, она подошла к Чаплину и взяла его за руку.

— Дарраг теперь спит, правда, сеаннах? — спросила девчушка.

Чаплин кивнул.

На Коннала смерть родича оказала куда большее воздействие. Он молча шел рядом с Уной, порой недобро поглядывая на чужих. Талискер пытался с ним заговорить, но мальчик едва ли не оскалился в ответ. Кажется, он считал, что в смерти Даррага виноваты новые попутчики. И верно, хотя взрослые поняли, что Малки убил воина из жалости, избавил от мучений, детям нелегко было осознать это.

В этот день они встретили еще больше путников — до Руаннох Вера оставалось недалеко. Талискер, Малки и Чаплин увидели первого сида. Около полудня их догнала группа всадников на высоких прекрасных конях, сильно отличавшихся от тех, что им случалось видеть прежде. Когда они поравнялись, Талискер кивнул в знак приветствия, как делал уже не раз, но, поняв, кто перед ним, замер на месте. На коне сидела прекрасная женщина в просторном алом одеянии, напоминавшая Деме. Кожа отливала на солнце золотом, длинные волосы были заплетены в сотни тоненьких косичек и украшены жемчугом. Еще одна женщина играла на маленькой арфе, а ее коня вел другой всадник. Они ничего не сказали, просто вежливо кивнули и продолжили свой путь.

Размышления Талискера были прерваны смешком Брис.

— Ты что, сидов не видел?

— Сидов? — переспросил Талискер, не отрывая взгляда от исчезающих за поворотом коней.

— Разве у твоего клана нет сидов? — удивилась Уна.

— Есть ли у нас сиды?.. Разве они не свободные существа?

— Ну да, — неохотно кивнула женщина. — Надо идти. Мы придем последними, если не поторопимся.

Вечером Чаплин рассказал детям еще одну сказку. Талискер, наблюдавший за ним целый день, заметил, что инспектор изменился и физически, и морально. На нем была та же одежда, которую он носил в Эдинбурге, и на подбородке топорщилась щетина, но он больше не сомневался в своем пребывании в Сутре. Не столько он принял этот мир, сколько мир принял его. Чаплин говорил со всеми, кроме Талискера и Малки. Несколько раз Дункан поймал его взгляд и понял, что чувства полицейского по отношению к нему не изменились ни на йоту.

Ближе к вечеру Брис пожаловалась на усталость, и они с Уной сели на мула. Чаплин шел рядом и непринужденно болтал с девочкой.

— Почему на вас с Талискером такая смешная одежда? — спросила она.

— В наших горах так одеты все, — ответил Алессандро.

— И вы не носите одежду в клеточку?

— Конечно, носим, — серьезно отозвался Чаплин. — Она такая красивая, что мы ее прячем. — Он распахнул пальто и показал подкладку в зеленую клетку.

Вечером путники собрались вокруг костра. Полицейский сидел на бревне, неотрывно глядя в огонь. Он вывернул свое пальто наизнанку и накинул его на плечи.

— Моя история — сказание о Кентигерне и Роуэн. Правил некогда единым великим кланом тан по имени Кентигерн — могучий воин, искусный мечник и прекрасный наездник. Еще этот тан был столь же хорош собой, сколь и могуч; все женщины королевства любили его и охотно вышли бы за него замуж, предложи он им. Но он оставался одиноким. Одна девушка по имени Роуэн* желала Кентигерна более других. Она была так прекрасна, что поговаривали, будто она подброшенное дитя фэйри. Каждый день девушка работала в конюшнях замка Кентигерна, заботилась о лошадях, и тан, бывало, разговаривал с ней, собираясь уезжать.

Время шло, Кентигерн все не женился. Роуэн и другие девушки начали приходить в отчаяние...

У тана были ловчие соколы, и он много времени охотился в болотах. Все чаще уезжал Кентигерн, все дольше становились его отлучки. Ушей Роуэн достигли слухи, будто его околдовали фэйри и однажды он не вернется вовсе. В следующий раз, как Кентигерн отправился на охоту, Роуэн последовала за ним. Слухи оказались правдой. Тан вскарабкался на гору, и, когда он достиг вершины, появилась огромная белая птица, обратившаяся в прекрасную девушку. Вместе они подошли к краю скалы и исчезли. Роуэн ждала

* Rowan — рябина (*англ.*).

возвращения любимого два дня, а на третий они появились вновь. Стоило фэйри обернуться птицей, как девушка вышла из укрытия и пронзила стрелой сердце злой разлучницы. Та растаяла, напоследок горестно закричав.

Кентигерн, все еще во власти чар, бросился к Роуэн в великой ярости и ударил ее. Девушка упала головой на острый камень, кровь хлынула струей. Тогда-то тан и понял, как сильно любит ее. В отчаянии он воззвал к богам. Услышала его только своенравная Рианнон. Она решила, что Кентигерн не заслуживает верной Роуэн, и обратила несчастную в дерево. Красные ягоды рябины напоминают нам о каплях крови, омочивших землю. А Кентигерн вернулся домой и оставался одиноким до самой смерти.

Чаплин умолк.

Талискер встряхнулся, чтобы прийти в себя. Казалось, он видел долгий сон.

— Не понимаю, — пробормотал Дункан.

— Не понимаешь что? — спросил Мориас.

— Откуда он знает все эти сказки? Чаплин полицейский, в конце концов!

Глаза Мориаса сузились. И снова Талискер уловил в них нечто знакомое, напомнившее о глазах Зака, с которым он разговаривал на скамейке в Эдинбурге.

— Знаю. И все же твой друг — сеаннах. Это дар. Земля сама выбрала его на роль глашатая. Не сомневайся в ее мудрости.

— Но почему? Почему Чаплин? Я человек без прошлого, именно меня послали сюда. — Дункан смотрел в землю, понимая, как глупо и завистливо звучат его слова.

— Так будет не всегда, Талискер, — ответил Мориас. — Сутра меняет тебя. Ты человек с будущим — слишком большим, чтобы предаваться пустой зависти.

Открывшийся взору Руаннох Вер поразил всех, но Талискер, Малки и Чаплин запомнили его до конца жизни.

Они добрались до города, когда уже стемнело. Шли все медленнее и медленнее, потому что дорога была забита конными и пешими людьми. Талискер, Малки и Чаплин шагали впереди, остальные прятались за их спинами. Потом между деревьями замерцали сотни белых огней. Сначала они никак не могли понять, откуда исходит свет, а поняв, обомлели.

Перед ними простиралось огромное озеро, гораздо больше, чем Свет Небес. В воде отражались факелы, скользившие по его поверхности; каждый крепился к шесту на носу маленькой круглой лодки, в которую влезало трое — гребец и двое пассажиров. По озеру сновали сотни лодок — Руаннох Вер стоял на воде.

Размер города в темноте оценить было трудно. Лодочки исчезали, подплыв к ярко освещенному причалу. Стены поражали высотой, словно их строили неведомые гиганты, а не обычные люди. Город представлял собой крепость с четырьмя высокими башнями, но их угрожающий вид нисколько не портил праздничного настроения, охватывавшего всех — и тех, кто ждал лодок, и тех, кто уже плыл. Некоторые путешественники пели нестройным хором, чтобы выразить свою радость.

— Мне придется пойти с мулом на паром, — произнес Мориас.

Талискер посмотрел, куда он указывает, и увидел подходивший к берегу кораблик, увешанный светильниками. У причала столпился народ с лошадьми, главным образом сиды.

— Хочет кто-нибудь прокатиться? — спросил Мориас, улыбаясь.

Вызвались Малки и Коналл. Брис так хотелось поплыть в маленькой лодочке, что Чаплин согласился отправиться с ней. Уна и Талискер влезли в другую.

Зеленые глаза Уны восхищенно вспыхнули при виде города, тонущего в море огней. Гребец повернулся к ним спиной, и лодка поплыла.

— Разве не чудесно, Талискер?

Ветер подхватил волосы женщины, и они летели за ее спиной, сияя в свете факела. Когда звуки смеха и пения с берега умолкли, Уна опустила руку в воду, а потом поднесла к губам. На светлую кожу упало несколько капелек воды.

— Да... — Талискер не мог оторвать от нее глаз.

Уна перевела взгляд на него.

— Ты ведь не смотришь... — Повисло неловкое молчание. — Слушай, делай как я. — Она снова опустила руку в воду, а потом поднесла ее к губам. — Это приносит удачу.

— Может быть, мне стоит выпить все озеро, — пошутил Дункан.

Она рассмеялась и плеснула в него водой. Талискер ответил тем же, и началась самая настоящая водная баталия, прерываемая взрывами смеха. Гребец не обращал на пассажиров внимания, и за несколько минут они полностью промокли.

— Тс-с, — проговорила Уна, с трудом подавляя смех, когда они вплыли под сень городских стен. — Слушай.

Изнутри доносилось пение — чистый звук плыл над водой, сливаясь с собственным эхом. Все люди вокруг озера умолкли, и Дункан почувствовал, как что-то внутри него стремится в небеса.

— Это поют сиды, — прошептала Уна.

Девушка повернулась к нему. Мокрые пряди волос прилипли к ее лицу, одежда тоже пропиталась водой. Лодка мягко пришвартовалась, и Уна его поцеловала.

ГЛАВА 8

Стоя на западной башне, Фергус любовался огнями на воде. Прохладный ветер трепал седую бороду, и его пробирала дрожь. С последними звуками песни вернулось недоброе предчувствие. Снова привиделось призрачное лицо, которое не раз являлось во сне, и послышался недобрый дразнящий смех, как бы с другой стороны озера. Но вместе с музыкой пугающий образ померк, растворился в ночи.

Положив руки на каменный парапет, Фергус продолжал смотреть на крохотные золотые огоньки, плывущие к городу.

— Я тан, — напомнил он себе.

— Отец?

В дверном проеме стояла дочь, ее золотистые волосы мерцали в свете факелов. Она очень походила на свою покойную мать.

— Я слышала твой голос, отец, — солнечно улыбнулась Кира. — Здесь кто-то был?

— Просто репетирую речь перед сеаннахами, — солгал он. — Не хотелось бы их нечаянно оскорбить.

— Ах да. — Девушка подошла к нему и взяла за руку. — Насколько помню, ты повторял ее всего раз двадцать, верно?

Оба рассмеялись.

— Хорошо, что хоть кто-нибудь может еще смеяться, — раздался хрипловатый голос.

Фергус и Кира обернулись с улыбками на лицах, однако радостное настроение пропало.

Младшую дочь Фергуса в детстве поразила страшная болезнь и искалечила ее юное, жаждущее жизни тело. Тан старался как мог найти в своем сердце место и для дочери-калеки. Он знал, что болезнь доставляет ей немало страданий, хотя Улла почти никогда не жаловалась, но и это не могло заставить его полюбить девочку. Мать понимала ее и заботилась о ней... Увы, она отправилась в мир иной пять лет назад.

— Что печалит тебя, сестра? — спросила Кира. — Иди сюда, взгляни на огни. Я не позволю тебе грустить сегодня.

Столько заботы прозвучало в ее словах, что Улла улыбнулась и позволила подвести себя к парапету. Она двигалась с большим трудом, и Фергус с горечью подумал, что его дочь уже почти старуха, хоть ей всего двадцать лет от роду.

Доковыляв до края, Улла залюбовалась лодками, и на ее лице отразилась если не радость, то по крайней мере умиротворение. Правая, нетронутая болезнью, сторона лица была повернута к отцу, и он внимательно рассматривал ее. Младшая дочь тоже была бы красива. Да, не так, как Кира — темные во-

лосы, не такие утонченные и правильные черты лица, — но все равно очень хороша. Сегодня их различия особенно бросались в глаза — Эон собирался просить руки Киры. Тан знал это, потому что внимательно следил за происходящим в городе. Старшая дочь, конечно, с радостью примет предложение такого знатного жениха, тем более что молодой человек по-настоящему любит свою будущую жену. А Улла опять останется одна, медленно превращаясь в тень.

Его мысли прервала болтовня Киры.

— Нельзя сегодня ходить в таком ужасном платье, Улла. Давай подберем тебе одно из моих.

На мгновение во взоре младшей сестры вспыхнуло недовольство, потом она повернулась и послушно заковыляла к двери. Кира шла рядом, обняв ее за талию. Фергус улыбнулся — его радовало, когда девочки были вместе.

Неожиданно он застыл на месте в ужасе. Ему показалось, что тень, всегда окутывавшая Уллу, поглотила и старшую дочь, что белоснежное платье Киры, золото ее волос поглотила тьма. Тан видел уже не двух девушек, а огромную черную фигуру. Над озером снова прошелестел неведомый злобный смех.

— Нет, — прошептал он. — Нет...

Тень исчезла, и Кира обернулась.

— Встретимся в главном зале, отец. Я тебе кое-что расскажу.

— Я скоро приду. Улла? — Тан редко обращался к младшей дочери, и та застыла в изумлении, с трудом обернувшись, не понимая, что же может ей сказать отец. — Знаешь, я... Постарайся быть счастливой сегодня, хорошо?

— Если тан прикажет, — кивнула девушка без малейшего следа иронии.

— Нет, — печально ответил Фергус. — Этого бы хотел твой отец.

Их взгляды встретились, и они поняли друг друга.

— Пойдем подберем тебе платье, — вмешалась Кира.

Сиды завели новую песню. Через несколько мгновений Фергус остался на башне один.

Все улочки и переулки в Руаннох Вере были заполнены народом. Люди смеялись, кричали, размахивали пылающими факелами, и даже маленькие дети несли в руках светильники с горящим камышом внутри. Рыжие отсветы падали на возбужденные, радостные лица. Талискер сразу подумал, что город — просто море света и огня. Он все еще чувствовал вкус поцелуя Уны на губах и был растерян — в конце концов, она только что пережила сильнейшее потрясение. Теперь девушка взяла его за руку и потянула на берег. От прикосновения теплой и нежной руки голова Дункана закружилась.

— Уна? — выговорил он, не зная, что хочет спросить, но та не услышала его — она махала Брис и Коналлу, которые только что вылезли из лодок.

Путники встретились у городских ворот. Дети заразились праздничным настроением. Брис сидела у Чаплина на шее, то и дело нетерпеливо подпрыгивая. Только Мориас оставался серьезным и спокойным. Он приветливо кивнул Талискеру и Уне.

— Кажется, мы успели вовремя.

— Для чего?

— Для праздничной процессии, глупенький, — пояснила Брис, — и для сказаний. Мориас и Алессандро будут рассказывать истории. Можно мне большой факел, Уна?

— Нет, — твердо сказала девушка. — У тебя будет светильник, как у остальных детей.

— Я не могу... — начал Чаплин. — Мориас? Я не знаю подходящей истории для Самайна.

— Не бойся, парень, — хлопнул его старик по плечу. — Не думаю, что останется время для новеньких.

С пятью пылающими факелами в руках и двумя светильниками подошел Малки, широко улыбаясь Талискеру и Уне.

— Здорово, правда? Их раздают направо и налево. Велели передать, что они от Северного огня, что бы это ни значило.

Мориас показал рукой вверх.

— Смотрите. — На башнях над воротами пылали огромные костры. — От них зажигают факелы и раздают всем подряд. Это определяет удачу на следующий год. Северный огонь — не самый лучший, порой он даже означает трагедию. Впрочем, мы видели достаточно трагедий по пути сюда. — Сеаннах улыбнулся Брис и Коналлу. — Вас это, конечно, не касается, вы пока не доросли до удачи. Поэтому у вас светильники, а не факелы.

— Я уже почти воин, — нахмурился мальчик. — Не понимаю, почему мне не дали факел.

— Пойдемте, — позвала Брис. — Нам пора!

Толпы людей пребывали в самом радужном настроении. Конечно, толкотни было немало, но никто не обижался. В переулках и на площадях жонглировали факелами, глотали огонь. Кто-то пытался петь, хотя за общим шумом ничего не было слышно. Все брели в одном направлении. Поднявшись на холм, Талискер увидел идущих впереди людей с соломенными чудищами, довольно страшными при свете факелов.

— Потрясающе, правда? — Дункан слегка толкнул локтем своего соседа, не глядя, кто рядом с ним.

Это оказался Чаплин. Их взгляды встретились, на лице полицейского была написана ненависть.

Брис закричала:

— Быстрее, сеаннах, быстрее...

Чаплин ускорил шаг и исчез в толпе.

В конце концов они достигли места назначения. В сердце города располагалась огромная площадь, а посреди нее — что-то вроде каменного холма с ведущими наверх ступенями. К холму двигались процессии с четырех концов города; толпа насчитывала не меньше двух тысяч человек.

— Видишь тана? — восхищенно шепнула Брис.

На плоской вершине холма были установлены три роскошно украшенных стула, два поменьше чуть позади самого большого, настоящего трона, на котором восседал Фергус мак Фергус, тан Руаннох Вера и западных земель. Даже с такого расстояния было видно, как он высок и широк в плечах. Темно-зеленый шотландский плащ, застегнутый на левом плече серебряной брошью, прикрывал кольчугу, серебряный обруч охватывал лоб. Дункану показалось, что тан слегка нервничает. Справа от трона стоял огромный боевой топор, украшенный резьбой, слева — щит, обитый кожей. Глядя на мощные руки Фергуса, Талискер подумал, что тот, несмотря на седую бороду, вполне в состоянии воспользоваться церемониальным оружием.

— А там кто? — спросил он Уну, указывая на стулья за спиной тана.

— Его дочери, Кира и Улла. Правда, они как день и ночь?

Тан поднялся. Толпа немедленно умолкла, и стало слышно потрескивание факелов и шепот ночного ветра. Фергус заговорил. Древний язык был не знаком Талискеру и Чаплину, но звучный голос разносился над всей толпой, проникая в сердца слушающих.

— Он благодарит за урожай, — прошептала Уна, заметив, что ее спутники ничего не понимают. — Призывает богов хранить нас грядущей зимой... особенно нынешней.

— Почему нынешней?

— Ш-ш-ш, — упрекнула их пожилая женщина. — Будьте уважительнее.

Талискер принялся внимательно рассматривать толпу. Большинство пришли с разных концов страны — крестьяне и фермеры, в основном зажиточные, судя по их виду. Встречались и совсем другие люди — высокие, мускулистые, с оружием на поясе и без факелов, чтобы не занимать правую руку. Наверное, то были наемники, не нашедшие работы. А может, их просто наняли купцы, чтобы охранять караваны по дороге сюда. Ни одного сида видно не было.

По окончании речи тана толпа ответила, как полагается, а потом Уна потащила Талискера в сторону рынка.

— Куда мы? — спросил Дункан.

— Надо занять хорошие места. Морнас будет рассказывать сказку на Кожевенной площади. Его все любят.

Когда они добрались до места, Мориас уже сидел на специальном возвышении, спокойно глядя на прибывающую толпу. Те, кто не успел сюда, отправились слушать других сказочников — к мельнице, на пирс и к свинарнику, который славился тем, что примыкал к таверне. Сеаннах сидел возле огромного костра, и языки пламени бросали отсветы на лица притихших слушателей.

— С чего бы начать? — Мориас устремил взгляд в огонь. — Не так давно, по сравнению с иными древними историями — примерно три сотни лет назад, — боги обитали в Сутре. Земля была полна магии, текшей по ее жилам, как кровь. Людям хорошо жилось в зелено-золотой стране, и ночью всегда звучали смех и песни...

Нельзя сказать, что боги одаривали людей. Нет, смертные скорее казались им забавными и интересными. Порой страсть и сила людей удивляли тех, кому они поклонялись, и, должно быть, за долгие годы боги стали относиться к ним как к своим детям. И все же бессмертные жили отдельно, в чертогах, куда могли ступить только избранные. Повсюду царили мир и гармония. То были чудные дни...

Однако все меняется. Шли годы, разрыв между людьми — феинами — и их богами делался все больше. Никто уже не помнил толком, где находятся чертоги богов. Людские кланы жили сами по себе, все реже вспоминая про магию, а боги постепенно начали терять к ним интерес. Медленно, но верно Старая Сутра навсегда исчезала...

Мориас посмотрел на лица слушателей. Перед ним сидел маленький мальчик с округлившимися от любопытства глазами.

— Как тебя зовут, дитя?

— Рори, сэр, — прошептал малыш.

Мориас протянул ему руку ладонью вверх.

— Подуй на нее, Рори.

Мальчик повиновался, и сказочник вскинул руку вверх. Вспыхнул зеленый свет, в воздухе появилось лицо ребенка с черными волосами и ярко-синими глазами. Когда картина померкла, Мориас продолжил:

— Такое случается раз в тысячу лет — родился новый бог. Некоторые говорят, что он был зачат изначальным злом, поскольку тьма закрыла небо, когда мать, богиня Матрона, рожала его. Есть мнение, что он создание хаоса — ведь даже боги не знают, кто его отец. Я не верю, что ребенок может родиться изначально злым, но разве нам это дано знать? Скоро появился на свет и другой ребенок, слабый, который должен был умереть. Близнецы — мальчик Корвус и девочка Фирр. Она выжила — говорят, не без помощи черной магии, потому что душа ее была искажена с самого начала.

Когда они выросли, стало ясно, что дурные предзнаменования сбылись. Фирр редко появлялась в чертогах богов,

ее очаровывала смерть и тьма. Она напоминала прекрасную тень. Ее часто видели в обществе человеческих мужчин, которых она убивала ради удовольствия... Но Корвус был еще хуже. Его недостаточно радовала смерть одной души. Он вмешивался в дела феинов и сначала просто провоцировал споры, а со временем стал величайшим полководцем из всех, когда-либо ступавших на землю Сутры. Этот бог умел покорять людей. На захваченных территориях каждый мужчина должен был присягнуть ему, отрекшись от своего лорда под страхом смерти — не своей, конечно, Корвус был слишком умен, чтобы грозить такими пустяками, — а смерти жены и детей. Говорят, в тот год тридцать тысяч семей бросились на собственные мечи. Так началось правление Короля-Ворона.

Вы спросите: почему бездействовали боги? И в самом деле — почему? Потеряв интерес к феинам, они не следили за происходящим в их землях и не скоро поняли, какую угрозу представляет Корвус. Люди тем временем решили, что богам они безразличны, и вера их умерла, а волшебство покинуло землю. Сила богов тоже уменьшилась, ведь она тесно связана с верой.

Наконец настал час решающей битвы. Свободными остались только пять кланов во главе с великими героями. Уисдин Фианнах, Рагнальд Красный, Кентигерн Мурдох — самый молодой из них, Конниер мак Роих и прекрасная Маура Маклейш. Вечером перед битвой в их лагере царило отчаяние, слышался плач будущих вдов. В полночь, когда наступила тишина, на собрание вождей привели молодую женщину. Часовые поймали ее у лагеря, возле реки. Четверо из пяти предложили зарубить ее как шпионку, но что-то в ней заставило Уисдина остановить свою руку... должно быть, ее спокойная улыбка. Она призналась, что является великой и могущественной чародейкой, и предложила помощь в битве. Герои долго спорили — в темные годы правления Короля-Ворона люди с недоверием относились к магии, — однако еще до рассвета вожди все же согласились. У них не было выбора — исход битвы нетрудно предрешить, когда на другой стороне реки чернеют бесчисленные орды Корвуса.

Тогда волшебница произнесла заклинание, простое, по ее словам, но такого не слышали в этой земле. Она послала в небеса огромный драгоценный камень, вспыхнувший яркой звездой. Его ослепительный зеленый свет был виден воинам по обе стороны реки и дарил надежду феинам и отчаяние легионам Корвуса. Потом он исчез.

Долгое время царила тишина. Слышалось только журчание воды в реке. Вожди начали подозревать измену и потянулись за оружием, и тут ночное небо от края до края разорвала новая зеленая вспышка. Потом она померкла, и остался только слабый свет, в котором было прекрасно видно, как огромный отряд

воинов прошествовал по небесам вслед за своим вождем. Их мечи и секиры отливали зеленым, а шедший впереди нес в одной руке изумруд, а в другой обнаженный клинок. Они спустились на землю и подошли к застывшим в ожидании людям.

Предводитель остановился перед Уисдином, протянул ему камень, обнял его и улыбнулся. Он был выше и шире в плечах, чем великий вождь клана. Борода и волосы отливали красным золотом, и один его вид внушал надежду.

— Братья! — сказал он могучим голосом, который разнесся по всему лагерю. — Мы получили ваш призыв о помощи и откликнулись на него.

Ответом был приветственный радостный шум толпы.

После этого ни пришедший, ни его воины не вымолвили ни слова. За них говорили свершенные ими подвиги.

На рассвете началась великая битва на берегах реки. Феинов было куда меньше, чем врагов, ведь благодаря черной магии Корвус подчинил себе множество кораннидов. Один вид этих ужасных существ в состоянии наполнить страхом самое отважное сердце. У них нет постоянного обличья — твари могут менять свой внешний вид, как и их противоположность, сиды, но тех не было тогда среди людей. Бездушные кораннидыспособны на время принимать облик врага — конечно, только в общих чертах; в бою они лишь черные тени, полные ужасных насекомых, которые бросаются от одной жертвы к другой. Над полем битвы звучали их тонкие крики и звон крыльев сотен тысяч мух и жуков.

В тот день свершили множество великих подвигов, как поется в наших балладах. Все герои пали от рук исчадий тьмы, кроме Рагнальда и Безымянного Вождя. Их окружили черные полчища Корвуса, кораннидыи солдаты. Казалось, все потеряно. Враги переступали через трупы погибших, и небо почернело от стай птиц, питающихся падалью. Рагнальд и Безымянный Вождь обнялись, как братья, готовясь к гибели.

И тут вмешались боги. Потеря людьми веры ослабила их, но вместе они были еще сильны. Им стало стыдно, что один из их числа принес столько страданий и смертей на зеленые поля Сутры, и все объединились, чтобы произнести последнее заклятие.

То было заклятие столь могущественное, что могло подчинить и бога. Небо снова разорвала молния, и там, где она ударила в землю, между Рагнальдом и Безымянным Вождем, возник ослепительный столб света. В объятых пламенем небесах виднелись опечаленные лица богов. Из сияющего столба вырвались яркие лучи. Корвуса, ожидавшего исхода битвы за спинами своих солдат, неодолимая сила потянула вверх. Поняв, что задумали боги, он начал биться и кричать, рассылая проклятия во все стороны. Последнее из них ударило в бездыханные тела героев, что лежали на

вершине холма, и в Рагнальда. Все они вместе с последним оставшимся в живых героем обратились в камень, и только Безымянный Вождь остался цел, пал на колени и оплакивал уход богов и гибель своих товарищей. Свет коснулся кораннидов, и твари исчезли. На поле битвы пала странная тишина.

Когда угасли последние вспышки, неясный образ богини Рианнон явился собравшимся на холме родичам воинов.

— Мы подвели вас и теперь покидаем ваш мир. Не плачьте о нас. На самом деле не так уж мы вам и нужны... Но если снова придет час нужды, ищите нас в тихих, тайных местах. Наше заклинание не пустит сюда тьму еще много лет. Покуда есть те, кто любит эту землю и готов умереть за нее, оно будет в силе.

Она обернулась к Безымянному Вождю.

— Собери своих погибших людей, и я верну вас в ваш мир. Знай, что, пока живы кельты, о ваших деяниях будут помнить. — Она протянула ему знамя, которое подхватил ветер, алое знамя в честь крови павших. — Возьми с собой этот знак. Пока он висит в твоих чертогах, ни один человек из твоего клана не падет в битве.

И тогда клан Безымянного Вождя вернулся туда, откуда пришел, забрав погибших и раненых. Перед тем как скрыться в тумане, сотворенном богиней, предводитель обернулся и отсалютовал клинком.

— Пока свет не призовет нас вновь, госпожа моя Рианнон.

И они исчезли.

Земли Сутры вскоре исцелились; казалось, им помогает неведомая сила. Люди позабыли, кто был на чьей стороне, уже через поколение, хотя о правлении Короля-Ворона говорили только шепотом. На следующий день после битвы с юга приехали первые сиды. Говорят, что боги послали их в Сутру исцелять и петь. Вскоре у каждого клана появились свои сиды, которые напоминали им о красоте мира.

И все же семя тьмы осталось. О Фирр, сестре Корвуса, почти забыли, а ведь порой ее черную тень видели на полях сражений, где погибали прекрасные молодые люди. Быть может, это домыслы, но... Мне кажется, что больше всего борются за жизнь темные души.

Вот и пришел конец сказанию сеаннаха.

Последние слова сказания резанули сердце Талискера. Почему больше всего борются за жизнь темные души? И что тогда можно сказать о нем самом? Он сжал камень Мирранон, лежащий в кармане. Пока свет не призовет нас вновь... Талискер едва не подпрыгнул на месте, но встретился взглядом с Мориасом, и тот слегка покачал головой.

Слушатели радостно захлопали и закричали от восторга. Мориас улыбался и кланялся, скромно принимая хвалу, однако было заметно, что старик очень устал. Чаплин уже стоял

рядом со сказителем и тихо говорил с ним. Слушатели медленно расходились, их факелы догорали, дымя. Через несколько минут Талискер, Малки, Мориас и Чаплин остались одни на площади. Уна отправилась укладывать детей спать в доме их родича. Ночь наконец стихла.

— Но ведь это не конец, Мориас? — требовательно спросил Дункан. — Не конец сказания?

Он спросил куда более жестко, чем собирался, и Чаплину почудилось, будто он угрожает старику. Полицейский быстро встал между ними. В лунном свете блеснул клинок, и Малки поспешно оттащил Талискера в сторону, чтобы Алессандро не мог дотянуться.

— Отлично, Чаплин, — рявкнул Дункан. — Вот тебе и прекрасный предлог. Ты так его ждал! Немного же времени тебе потребовалось. Тебя ведь не интересует, что происходит на самом деле?

— Не дури, парень, — поддержал его Малки.

— Оставь его, Сандро, — спокойно проговорил Мориас. — Кажется, мое сказание не столько ответило на вопросы, сколько задало их.

Талискер сделал шаг в сторону и вытащил из кармана камень.

— Как насчет этого, Мориас?

Изумруд сиял так же, как в Эдинбурге. От всех граней струился зеленый свет, бросая отблески на лица четверых мужчин, отражаясь в их глазах.

— Убери его! — прошипел сеаннах. — Ты нас погубишь.

— Господи Христе, — прошептал Чаплин. — Пока свет не призовет нас вновь...

Талискер сунул камень в карман, и Мориас устало кивнул.

— Да. Свет снова призвал, но на сей раз не пришел могучий клан героев. Остался только один, и он далек от совершенства. Думаю, стоит поговорить об этом утром. Я очень устал. Наверное, это мой последний Самайн.

— Мориас, — перебил его Талискер. — Мне нужно знать все. Не понимаю — почему я?

— Мой рассказ — чистая правда, — вздохнул сказитель. — Ты и Малки — последние потомки клана, явившегося в Сутру в час величайшей нужды. Сколько людей было сегодня в толпе?

— Не знаю точно. Тысячи две. А что?

— В последнюю неделю вдвое больше покинули свои дома и отправились на праздник Самайна.

— Что? — изумился Талискер. — Как же так?

— Их убили в лесах, как Даррага. По нашей земле снова бродят коранниды. — Старик сделал рукой странный жест, словно отгоняя темных духов. — Люди еще не осознали масштабы бедствия. Но поверь мне, сегодня ночью в гостиницах и тавернах города правда всплывет на поверхность. Заклятие, о котором

я рассказывал, слабеет, и Корвус знает об этом. Скоро он освободится, а две сотни лет ничем не смягчили его жестокую душу. Мы можем противопоставить его мощи горсточку неясных прорицаний, изумруд и тебя. Не слишком много, правда?

Воцарилось молчание.

— Думаю, мне пора спать, — сказал Мориас таким тоном, будто они обсуждали погоду, с трудом поднялся, и Чаплин поспешно поддержал его. — Я снял для нас комнаты в гостинице. — Старик указал посохом в темноту. — В трех улицах отсюда, называется «Черный лебедь». — Он побрел туда, Чаплин и Малки — следом.

— Я скоро приду, — пробормотал Талискер.

Его звезда все еще сияла на небе, и Дункан долго смотрел на нее. Огонь, разожженный для сказителя, почти угас, последние искорки уносил ветер. Талискер поднял с земли пальто и надел его — сырой ночной воздух совсем остыл, а с озера надвигался туман.

Две тысячи человек, по словам Мориаса, погибли в лесах по пути на Самайн, праздник света. Их убили твари, отобравшие жизнь у Даррага.

— Талискер?

Уна стояла в тени возвышения; лунный свет падал ей на лицо, делая его неземным и божественно прекрасным. Дункан улыбнулся ей, хотя едва не падал от усталости.

— Многие погибли, — промолвила она. — Об этом говорят во всех тавернах. Женщины и дети... — Уна прикусила губу, и по щеке скатилась слезинка.

Талискер подошел к ней и обнял как тогда, в первую их встречу. Оба молчали, делясь друг с другом теплом и скорбью. Девушка прижалась к нему, положила голову на плечо. Потом снова заговорила, совсем тихо, но Дункану показалось, что ее голос звучит громче труб Судного дня.

— Ты возляжешь со мной?

— Уна, — прошептал он. — Ты меня не знаешь, совсем не знаешь, кто я на самом деле...

Девушка не подняла лица, но Талискер понял, что она улыбается.

— Нет ничего позорного в том, чтобы хотеть мужчину, Дункан. Ты не обесчестишь меня, только не в ночь Самайна. Кроме того, я слышу песню твоего сердца и хочу, чтобы она стала моей.

Руки Уны скользнули по его бедрам, и Талискер почувствовал, как почти нестерпимый жар проникает сквозь ткань джинсов. Он весь пылал, как тогда, когда они спали рядом, однако на сей раз пламя исходило от нее. Не в его силах было оставить призыв без ответа.

— Страх, — проговорил Дункан, — страх в моем сердце.

Она посмотрела на него сияющими глазами.

— Тогда позволь мне принять твой страх, Дункан Талискер, и спасти тебя от него.

Он коснулся ее губ, чувствуя, как беспокойство уходит. В темноте, когда все праздничные факелы погасли и песни умолкли, город начинала охватывать тень смерти, и только сердце Талискера было полно радости.

Когда зеленый свет камня Мирранон осветил замершие в удивлении лица четырех мужчин и лучи коснулись опустевшей рыночной площади, его заметил человек, стоявший на северной башне. За его, а точнее, за ее спиной, догорал огромный костер, от которого зажигали факелы. Она стояла у тлеющих углей, пока Талискер и Уна не отправились в таверну: молодая женщина вела высокого мужчину, как будто тот пребывал в глубоком трансе.

— Как мило, — улыбнулась Кира. — Сегодняшний герой.

Поплотнее закутавшись в шаль, девушка вернулась в зал, где праздновали ее помолвку.

Много позднее Кира тщетно пыталась уснуть. В голове бурлили мысли. Придет ли он вновь в ее сон? Захочет ли ее по-прежнему? Никого, кроме него, ей не нужно...

Она слегка застонала, когда сон ласково охватил ее, тьма коснулась нежной кожи, и началось долгое падение в пустоту. Он поймает ее. Конечно же, поймает.

— Кира? Вот и ты наконец.

— Корвус!

Чувство падения исчезло. Он стоял в нескольких шагах от нее и был четко виден, хотя вокруг постиралась тьма, — совершено нагой, если не считать черного плаща, синие глаза горели жестоким огнем.

— Ты знаешь, кто я?

— Сегодня сеаннах рассказал нам твою историю, — кивнула девушка.

— Ты боишься?

Она покачала головой:

— Я не верю, что ты злой.

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Ты так юна, Кира. Уверяю тебя, я очень злой, почти воплощенное зло. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

Почему же, почему он не идет ко мне, думала девушка. Казалось, Корвус не в силах двинуться с места. Она шагнула вперед, гордо подняв подбородок и не обращая внимания на слезы, катящиеся из глаз.

— Как ты можешь быть злым, если кто-то любит тебя? Разве любовь не искупает все?

Кира стояла от него на расстоянии вытянутой руки. Безумно хотелось коснуться сильного и нежного лица, являвшегося ей каждую ночь вот уже два месяца, но что-то удержало ее. Улыбка превратилась в оскал, и Корвус хрипло и презрительно рассмеялся, будто издеваясь над ней. Еще не вполне поняв, что происходит и что надо делать, девушка плюнула ему в лицо.

— Подлый ублюдок!

Кира бросилась бежать.

Это сон. Это сон.

Однако страх все рос. Сзади донесся страшный звериный рёв, в сумраке мелькнула черная тень. Девушку пронзила острая боль, спину разодрали огромные темные когти. По бедрам заструилась кровь. Кира упала, с трудом развернулась и увидела его. Из горла вырвался отчаянный крик, но было уже поздно.

Он обернулся в ворона. Крылья заслонили собой весь мир, на серебряных когтях алела свежая кровь. И все же перед ней был Корвус. Те же синие глаза впивались в самую душу. Он опустился на нее — и в тот же миг стал человеком. Прижался к ней... На мгновение она ощутила прикосновение перьев к обнаженной груди, услышала стук огромного птичьего сердца.

Он охватил ее своими руками — а может быть, все еще крыльями, — притянул к себе и вошел в нее, запустил пальцы в теплую кровь, струящуюся по спине. Она закричала, и Корвус поднес к ее губам окровавленный палец.

— Дорогая... — Темноту разорвал злобный смех.

Она боролась и кричала. Кира была дочерью тана и сопротивлялась с силой, которую никто не мог ожидать от такой хрупкой и тоненькой девушки. Но все было тщетно. Наконец она затихла без движения, плача от бессилия и отвращения к себе, а внутри нее обрело жизнь семя тьмы. В последнее мгновение Кира поняла, что теряет душу, закрыла глаза в ужасе... Потом открыла их, и на ее лице появилась такая же злобная улыбка, как у Корвуса.

Хаос поглотил ее. Кира была мертва.

— Я твоя, господин мой, — прошептала она.

— Знаю, — ответил Корвус.

ГЛАВА 9

Воздух был серебром, воздух был музыкой. Над утренним туманом летели орлы, и величайшим среди них по праву считали Макньялуту. Его могучие крылья рассекали прохладный воздух со свистом клинка, несущего верную смерть. Он под-

нимался все выше и выше, чтобы взглянуть на коричневые спины своих собратьев. Крик его разнесся над лесами и спящим городом. Макпьялута смотрел, как идут вверх другие орлы. Они полетели бы за ним куда угодно, даже если бы их вождь продолжил стремление туда, где крылья не могут опираться о воздух, а лучи солнца губительны.

От самолюбования Макпьялуту отвлек странный свет, струящийся из узенького окна под крышей одной из гостиниц, будто отражавшийся от медно-красной поверхности. Принц был заинтригован и, сложив крылья, ринулся вниз. Уже возле окна он замедлил полет, распустив крылья, и заглянул внутрь. Свет солнца падал на темно-рыжие волосы спящей женщины. На узкой кровати лежали двое, крепко обнявшись и тихо улыбаясь во сне. Мужчина, казалось, не совсем расслабился, мышцы были слегка напряжены, будто, войди кто в комнату, он проснется в ту же секунду. На полу, в пределах досягаемости, лежал прекрасный меч.

Макпьялута снова издал крик, и на сей раз в нем прозвучало не торжество, а скорее печаль.

Талискер проснулся от громкого птичьего крика в крохотной комнатке под крышей таверны, выглянул в окно и увидел мелькнувшие коричневые перья.

— Господи Христе, — прошептал он.

Мимо пролетело семь или восемь огромных птиц; ветер, поднятый их крыльями, распахнул незапертое окно. Последнее крылатое создание встретилось взглядом с проснувшимся человеком и (так показалось Дункану) улыбнулось. Талискер рассмеялся над игрой своего воображения — где это видано, чтобы птицы улыбались, — и стал любоваться спящей девушкой.

— Уна! Там, снаружи, огромные птицы. Думаю, это орлы. — Она шевельнулась и крепче прижалась к нему. Он нежно убрал волосы с ее лица. — Уна, — хрипловато повторил Дункан, не в силах сдержать страсть, — ты не спишь?

Она засмеялась и еще сильнее сжала его в объятиях, показывая, что не спит. Он застонал. Тогда Уна ловко выдернула подушку у него из-под головы, вскочила на ноги и встала над ним. Не успел Талискер опомниться, как получил по голове. Перья полетели во все стороны.

— Разве ты не знал, Дункан Талискер, что в наших краях надо сражаться за свою женщину? — Она снова ударила его. Белые перья запутались в рыжих волосах, упали на обнаженную грудь.

Дункан подумал, что никогда не видел более прекрасного и более эротичного зрелища.

— Вчера вечером ты совсем другое говорила... — ответил он, поднялся и страстно поцеловал ее.

* * *

На улицах было пусто, настроение в городе царило далеко не праздничное. От вчерашнего веселья не осталось и следа. Дул прохладный ветерок, и Талискер решил пойти поискать орлов в надежде еще разок полюбоваться на них. Гостиница стояла у южной стены, неподалеку от главных ворот, так что он направился к стене и взобрался по длинной лестнице на сторожевую башню, выходящую к озеру.

Над водой парили орлы. Их было девять. Золотисто-коричневые перья блестели в лучах утреннего солнца, изумительно красивые на фоне голубого неба. Казалось, птицы поглощены какой-то игрой — пролетали мимо друг друга, едва не касаясь крыльями, а потом по широкой спирали взмывали вверх. Громкие крики разрывали утреннюю тишину.

— Правда они прекрасны?

Талискер и не заметил, как к нему подошел Мориас. Старый сеаннах вскарабкался по лестнице вслед за своим молодым другом и совсем запыхался. Дункан поспешно указал ему на деревянную скамью возле внутренней стены.

— Спасибо. — Мориас с радостью сел. — Я столько раз любовался их полетом, а сердце по-прежнему замирает.

— Они живут в городе? — спросил Талискер, не отрывая взгляда от огромных птиц. Орлы принялись ловить рыбу в озере — камнем падали вниз и так же быстро поднимались кверху, неся в когтях беспомощную добычу.

— А ты не знал? — Мориаса сильно удивил подобный вопрос. — Или ты успел забыть, кто тебя послал сюда?

Талискер резко обернулся к старику.

— Мирранон? Белая Орлица? Они... что? Как Деме?

— Да, сиды, — кивнул Мориас. — Но не произноси здесь имя Белой Орлицы. Она изгнана из своего рода. Смотри, они летят сюда.

Слева от Талискера на зубцы укреплений опустились все девять орлов. Потом, словно по команде, они раскрыли могучие крылья, подняли их вверх и громко закричали. Последовала яркая серебряная вспышка, и Талискер на секунду ослеп. Когда он вновь обрел зрение, перед ним стояли девять сидов. Ветер развевал их коричневые одежды, украшенные перьями. Сиды легко спрыгнули внутрь и завели, судя по тону, дружескую беседу на совершенно непонятном языке. Среди них стоял статный мужчина, явно выделявшийся среди прочих. Словно почувствовав внимание, сид обернулся к Талискеру. Их взгляды встретились, и в ту же секунду Дункан понял, что перед ним враг, хотя тот вежливо улыбался, направляясь к сказителю и его спутнику. Он остановился перед Мориасом и уважительно кивнул.

— Приветствую тебя, сеаннах. Чудесное утро, не правда ли? — Сид говорил таким тоном, будто произнес шутку, понятную только ему и его собеседнику.

— Принц Макпьялута. — Мориас степенно, без следа улыбки на лице или сарказма в голосе наклонил голову. — Как обычно, полет орлов радует мое сердце.

Сид кивнул, принимая похвалу, и вопросительно посмотрел на Талискера.

— Это Дункан Талискер, — коротко представил его сеаннах.

Последовала секундная пауза. Принц старался скрыть свою реакцию, но все же заметно побледнел, услышав имя.

— Талискер?

— Да, — холодно отозвался Мориас. — Он прибыл сюда на праздник Самайн.

Старик явно собирался продолжить, однако на лестнице послышались шаги, и появился Чаплин в сопровождении троих солдат из охраны тана.

— Мориас, мы искали...

— Сеаннах! — Вперед протолкался самый высокий воин. — Тан Фергус просит тебя немедленно явиться к нему, прихватив все целебные травы, какие только есть. Его дочь очень больна, господин мой.

— Улла? — удивленно нахмурился Мориас. — У нее есть снадобья, и она сама лечит свой недуг.

— Нет, господин, не она. Кира. — В голосе воина звучало отчаяние. — Она не просыпается.

Мориас вздрогнул, тревога пробежала по его лицу. Он дотронулся до руки воина.

— Веди нас, Эон. Посмотрим, чем можно помочь юной леди. — Старик поманил за собой Талискера и Чаплина. — Пойдемте, познакомитесь с таном.

Уже ступив на лестницу, Талискер обернулся и посмотрел на сидов. Большинство продолжали болтать между собой, но Макпьялута опустился на скамью, запахнувшись в алый плащ. Ветер развевал его серебристые волосы. Он сидел, скрестив на груди руки и склонив голову набок, как настоящий орел. Голубые глаза неотрывно смотрели на Талискера.

Тан Фергус взволнованно ходил взад-вперед по комнате, смежной с опочивальней Киры. Он проснулся и услышал страшные вести о том, что многие из его подданных не дожили до праздника Самайн. Ужасные подробности напугали бы любого. Не успел он оправиться от этой новости, как прибежала служанка его любимой дочери, златовласой Киры, и сказала, что никак не может ее разбудить. Девушка дышала, но слабо, и сон был явно кол-

довским. Да еще и запах... Он наполнял спальню и, хотя тан не спешил признаваться себе в том, исходил от середины кровати.

— Отец, не беспокойся. Уверена, сеаннах поможет нам, — раздался голос Уллы, которая изо всех сил старалась улыбаться. В ее глазах светился страх за сестру, но Фергус не хотел встречаться взглядом с Уллой, боясь, что дочь прочтет в нем злую мысль. Почему Кира, спрашивал он себя в отчаянии, почему моя любимая девочка? Ему становилось стыдно от таких мыслей, и он не поднимал глаз выше коричневого подола платья младшей дочери.

— Оставь меня, — бросил он, даже не взглянув Улле в лицо, не подумав, что ранит чувства девушки, просто равнодушно смотрел, как метнулся подол и она отошла в дальний угол комнаты.

Вскоре появился Мориас в сопровождении еще нескольких человек. Солдаты поспешно скрестили длинные копья, в комнату пустили только старика. Фергус тепло встретил старого друга. Улла робко вышла из угла, сеаннах взял ее руки в свои и поцеловал в щеку.

Талискер внимательно смотрел сквозь дверной проем на встречу тана и сказителя. Теперь Дункан был почти уверен, что бродяга, с которым он сидел на скамеечке в Эдинбурге, и сеаннах — одно лицо. Припомнилось, как они смеялись и курили одну сигарету. Какой же силой должен обладать Мориас, если ему так легко наведываться в Эдинбург, когда Деме пришлось ждать двести лет в своей темнице?

— Приглядывался ко мне, надо же, — пробормотал Талискер.

— Видел? — Эон показал на линию горизонта. — Там что-то шевельнулось.

День клонился к вечеру, западный берег озера озаряли последние лучи осеннего солнца. Дальше, насколько хватал глаз, простирался великий лес, Ор Коиль. Стена деревьев казалась непроницаемой даже для солнечного света; не верилось, что через зелено-золотую чащобу могли прийти на праздник тысячи людей. Потом глаз привыкал и начинал замечать, что лес вовсе не сплошной — тут и там торчали серые ветки засохшего дерева, виднелись камни и даже полянки, на которых ничего не росло.

Талискер прищурился.

— Ничего не вижу. Хотя... постой-ка...

На той стороне озера, к востоку от крепостных ворот, в лесу мелькнула неясная тень. Похоже, тварь имела размеры небольшой лошади. Потом появилась еще одна, и еще одна, ближе к югу, вышла из-за прикрытия деревьев. Все существа были черными, а более точно сказать с такого расстояния не представлялось возможным. Что-то в их повадках и поступи...

— Собаки? — не веря своим глазам, спросил Талискер.

Из леса вышли новые тени. Они двигались так слаженно, словно повиновались единому приказу, словно их вела единая воля.

— Вот черт, — раздался знакомый голос с шотландским акцентом. Горец стоял за Талискером и тоже смотрел на лес. Они встретились в первый раз с тех пор, как Талискер достал камень Мирранон на площади.

— Псы, Малки.

— Да, черные псы. — Горец сплюнул вниз со стены. — Большие, сволочи, верно?

Талискер обернулся к другу и заметил, что по всей стене воины с ужасом смотрят на лес. Они молча стояли группками по двое или по трое. Многие молодые солдаты побледнели от страха, воины постарше выглядели сурово и решительно.

— Что это значит, дружище? — хриплым шепотом спросил Талискер.

Словно в ответ Малки снова кивнул в сторону леса, где собирались сотни псов. У Дункана волосы встали дыбом, когда черная волна медленно двинулась в сторону Руаннох Вера.

— Воины считают черного пса дурной приметой, — сказал горец. — Самой плохой из всех. Говорят, что увидеть черную собаку — к смерти. Каждая из них приходит за своей душой. На каждой написано имя.

Талискер снова окинул укрепления взглядом. Кругом царила такая тишина, что плеск волн о скалы, обычно приятный и успокаивающий, казался зловещим и многозначным.

— Но кто мог их послать, Малки? Случайно ведь не увидишь такую стаю, правда?

— Иди сюда, Дункан. — Горец поманил своего друга за собой. — Я тут порасспрашивал вчера вечером. Помнишь кораннидов — тварей, которые убили медведя и парня, который шел с Уной?

Талискер кивнул.

— Так вот там их целая армия. Как в сказании Мориаса. Похоже, сил у них все прибывает, и никто не знает почему. И все же за этим стоит проклятый Корвус.

— Но Мориас сказал, что он в темнице, к тому же с тех пор прошло лет двести, если не больше. — Не успев договорить, Талискер понял, что двести лет — пустяк для бога. — Кроме того, он скован заклинанием.

— Да, но сестрица-то его свободна. Теперь Фирр — королева. Корвус управляет кораннидами ее руками. А она и рада, поганка гнилая.

Талискер едва не рассмеялся, услышав такое определение злобной сестрицы повелителя тьмы, однако Малки явно был сильно встревожен, да и общее настроение на укреплениях не располагало к веселью.

* * *

Неожиданно тяжкую тишину разорвал прекрасный звук, подхваченный и усиленный эхом. Макпьялута, принц орлов, сидел на стене, свесив ноги и нисколько не обращая внимания на высоту. Он играл на золотой свирели не длиннее его пальцев, летавших по ней в легком танце. Музыка рассеяла ужас, навеянный появлением черных собак, и, будто во власти новых чар, многие воины повернулись к лесу спиной.

— Как там леди Кира? — спросил Малки. — Говорят, ее кто-то заколдовал.

Талискер, тоже под властью музыки, ответил не сразу.

— Между нами говоря, приятель, это правда. Мориас сумел ее разбудить и все еще находится в ее покоях. Не радостное у него лицо, доложу тебе... Она похожа на... — Он огляделся по сторонам и закончил почти шепотом: — ...на зомби.

— Как это?

— Жива, но... — Талискер поглядел в белое, безжизненное лицо Малки и решил не продолжать. — Не важно. Нас с Эоном послали посмотреть, что происходит, и доложить тану. Пора отправиться назад. Эти псы не радуют взор.

— Ты видел Чаплина?

— Да, — вздохнул Дункан. — Он с Мориасом. Сделай одолжение, Малки, присматривай за ним. Прикрывай мой тыл.

— За этим я и здесь. — Горец неожиданно коротко рассмеялся. — Ты ведь у нас занят одной рыжеволосой леди.

Талискер не привык к подобным разговорам. Ему доводилось слышать, как мужчины обсуждают своих возлюбленных такими словами, от которых его всегда коробило. Он слегка покраснел.

— Да... В общем-то...

Они спустились по лестнице, и Малки внимательно поглядел на друга.

— Я рад за тебя, Дункан. Она славная девушка.

— Это верно.

На сей раз Талискера без вопросов пропустили в спальню леди Киры, быть может, потому, что с ним был Эон, а тан ушел.

Кира сидела на постели, и вид у нее был недовольный. Она сразу не понравилась Талискеру, хоть он и не смог бы сказать почему. Рядом на краешке кровати сидел Мориас и тихонько беседовал с ней. До Дункана донесся обрывок разговора.

— Вспомни, Кира, это важно.

Чаплин, Улла и служанка дочери тана стояли возле кровати, явно чувствуя себя потерянными.

— Эон. — Кира протянула руку своему жениху.

На его лице нарисовалось неимоверное облегчение, и он бросился к невесте, опустился на колени и поцеловал ее руку. Потом застыл, будто пораженный молнией.

Малки положил руку на рукоять меча, но Эон — с немалым трудом — через секунду все же встал.

— Рад в-видеть в-вас в добром здравии, госп-пожа моя. — Его голос дрогнул, и воин обернулся к Мориасу в поисках поддержки. Сеаннах слегка нахмурился. — Я... Я должен отправиться к вашему отцу и доложить ему о происходящем.

Эон развернулся на каблуках и почти выбежал из комнаты, слегка толкнув Малки и Талискера. На его лице было написано отчаяние, в глазах стояли слёзы.

— А теперь усни, — сказал Мориас Кире. — Сон исцелит тебя.

Словно во власти чар Кира опустилась на подушки и немедленно закрыла глаза.

Мориас поманил за собой всех в смежную комнату. Служанка осталась поправить одеяло.

— Что происходит, Мориас? Что случилось с Эоном?

Мориас ответил не сразу, а посмотрел на Уллу и взял ее за руку.

— Мне жаль, моя дорогая. Боюсь, что твоя сестра для нас потеряна. Понимаешь?

— Я буду следить за ней, сеаннах, — проговорила девушка сквозь слезы и заковыляла обратно в спальню.

— Она умирает? — спросил Чаплин. — Но, Мориас, я видел, как она проснулась... И ты сказал тану...

— Тан в первую очередь отец, Алессандро, — нетерпеливо оборвал его старик. — И пока теплится жизнь, есть надежда; по крайней мере я так думал. Увы, по правде...

— В чем дело? — вмешался Талискер.

Мориас посмотрел ему в глаза.

— Это связано с тем, зачем тебя призвали. Вмешался Корвус. Смотри.

Из складок серой одежды он извлек черное перо длиной с человеческую ногу и толщиной стержня по меньшей мере с большой палец. Но не только размер отличал его от других — от пера исходили отчаяние, страх и ненависть.

— Ворона? — спросил Малки.

— Ворон, — ответил ему Талискер.

— Я нашел его в постели Киры, под подушкой, — устало проговорил Мориас. — Во сне к девушке приходил Корвус и осквернил ее душу. Когда Эон коснулся и поцеловал невесту, он почувствовал запах тьмы, исходящий от ее кожи.

— Но почему Корвус позволил ей вернуться? — снова задал вопрос Чаплин.

— Вижу, ты хорошо понял ситуацию, Алессандро; наверное, от суеверного народа твоего отца ты унаследовал особое чутье. Да, он мог оставить ее душу между миров себе на потеху, но боюсь, что на самом деле он хотел не ее, хоть Кира и прекрасна... была. Нет, Корвус хотел использовать несчастную, чтобы вернуться в мир во плоти. Его утомляет необходимость управлять происходящим через сестру. Это был эксперимент. Кира — слишком слабый сосуд, и она быстро сломалась.

Талискер бросил взгляд в спальню, где на постели лежала Кира, напоминающая сказочную принцессу из мультфильма. Шелковистые волосы, сияющие в лучах солнца, рассыпались по подушке; девушка дышала ровно, черты лица смягчились. Улла сидела в тени, и солнце падало только на руку, которой она сжимала узкую ладошку сестры. Дункану вспомнилась Уна и ночь, полная любви. Быть может, Эон и Кира тоже пережили такой момент... и только однажды.

— Бедное дитя, — прошептал он.

— Истинно так, — ответил Мориас. — Следует сообщить печальные вести ее отцу.

— На нас напали, — мрачно объявил тан Фергус. — Точнее говоря, скоро нападут. Берега озера окружила армия; полагаю, на рассвете начнется атака. Я поручил сидам узнать, как войска намерены пересечь озеро; тем не менее враг явно уверен, что сможет сделать это. Такой армии... — он оглядел собравшихся, словно давая им время собраться с силами, — такой армии не видели в Сутре сотни лет. Нас осаждают коранниды.

Люди зашумели. Фергус поднял руку, призывая к молчанию, но порядок был восстановлен только через несколько минут.

— А как насчет псов? — спросил кто-то. — Там их тьма тьмущая.

— Боишься собак? — ответили ему.

Раздались нервные смешки, и все выжидающе посмотрели на Фергуса.

— У меня есть ответы не на все вопросы, но я полагаю, что некоторые коранниды специально приняли такое обличье, чтобы... сыграть на наших суевериях. Я принял решение вывести из города женщин и детей через северный проход. — Воины мрачно кивнули. — У вас несколько часов, чтобы попрощаться. Те же, у кого нет родственников, отправляйтесь немедленно на места.

— Как себя чувствует леди Кира? — спросил воин. — Мы слышали...

— Она поправляется, слава богам, — ответил Фергус.

Толпа начала расходиться.

* * *

Служанка рассказала о принятом таном решении, совершенно не думая, как к нему отнесется Улла. Та посмотрела на сестру, которая не шевельнулась с тех пор, как Мориас велел ей уснуть.

— Слышала, Кира? Детей хотят вывести из города. Мне придется ненадолго оставить тебя. Вот я велела Морне принести трав и цветов из моей комнаты — таволга и лаванда. Они не позволят никому тревожить твои сны до моего возвращения.

Улла положила сухие травы на грудь сестре, немедленно пожалев об этом — та все больше походила на усопшую.

Улле никогда не нравилась Кира. Она считала ее избалованной и легкомысленной, слишком много думающей о нарядах. Даже красота ее была поверхностная... однако мужчины все равно восхищались ею. Между сестрами лежала непреодолимая пропасть, и все же Улла не хотела бы, чтобы тьма поглотила душу Киры. Она остановилась в дверях, обернулась в последний раз и заковыляла по коридору.

Кира сильно удивилась бы, узнай она, куда так спешит сестра. Ей и в голову не приходило, что хоть один мужчина второй раз посмотрит на калеку, не то что полюбит, и часто дразнила ее. И все же Улла сумела найти любовь, рядом с которой меркли ничтожные интрижки старшей сестры.

Каллум, темноволосый тихий человек, был простым воином в охране тана. В первый раз он увидел Уллу в темноте и пригласил прогуляться с ним в саду. Жизнь девушки переменилась. Она сидела в своей комнате, трясясь от страха — что же он скажет ей, увидев при свете дня? Потом ее охватила ярость — наверняка посмеется над ней или просто поспорил с кем-то... Она надела лучшее зеленое платье и отправилась в сад.

Каллум поспешил к ней и подхватил под локоть, чтобы Улле стало проще идти. Воин прямо посмотрел на нее, нисколько не изменившись в лице, и они гуляли и беседовали много часов. Наконец девушка не выдержала:

— Каллум, ты знал, что я покрыта шрамами? Что за спиной меня называют уродиной?

В ответ тот сорвал большую белую розу.

— Что вы видите, леди Улла?

— Какой красивый цветок! Раньше мне никто не дарил роз.

— Неужели вам не выпало любви? — тихонько проговорил он и показал ей стебель сорванной розы. Тот оказался поражен мучнистой росой и облеплен тлей. — Но я все равно вижу красоту цветка. Позвольте, я сорву вам другую.

— Нет, — твердо сказала Улла. — Мне нравится эта.

* * *

Через год Каллум погиб во время охоты на дикого кабана. Улла долго оплакивала его. Она носила под сердцем его ребенка и родила в обществе одной лишь преданной служанки. Теперь девочке исполнилось три, и она очень напоминала отца. С рождения ее воспитывала пожилая пара, жившая рядом с замком, которая в ней души не чаяла. Дитя назвали Дом. Улла часто ходила к ней, но на сей раз им предстояла долгая разлука. Она надеялась, что дочь не забудет ее.

Улла распахнула дверь, и навстречу ей бросилась девочка, единственный человек, не считая Каллума, который любил ее. Дом полезла матери на руки, радостно смеясь.

— Ты пришла, мамочка!

Внутренний дворик, где расположились сиды, медленно затоплял сумрак. Макпьялута смотрел в огонь, раздуваемый ветром с озера. Он знал, что в эту ночь все воины, будь то сиды или феины, вспоминают свою жизнь. К каждому приходят свои образы, свои воспоминания, но все окрашены тоской и сожалением. Макпьялута решил спать на улице, пока не придет его черед заступить на стражу, чтобы побыть наедине с мыслями. Не считая далеких криков пьяных феинов, ночь была тиха. Черное-черное небо усыпали сотни звезд — должно быть, свод ломился под их тяжестью. На душе у принца было тяжело — ему вспоминался смех Миносы.

Порой, засыпая, он снова слышал ее голос, ему чудилось нежное касание руки, ласковый поцелуй. Потом его всегда охватывала ярость — сколько времени прошло, а она еще смеется над ним из пустоты, из небытия!.. Макпьялута тосковал по ней.

Увидев ее впервые, он понял, что женщины красивее не встретить, а ведь ей тогда только исполнилось тринадцать, и она не могла даже обернуться орлом, как другие из их племени. Тот миг навсегда запечатлелся в его памяти, вся ярость и боль, которые последовали за ним, не смогли стереть его. Миноса стояла в тени большой липы, и солнце бросало неверные отблески на ее лицо сквозь густые ветви. Казалось, по игре света и тени можно было понять ее двуличный характер еще тогда. В глазах отражались сияющие воды реки, и Макпьялуте стало не по себе от пристального взгляда. Он попытался отвести глаза, но хотелось любоваться и любоваться завораживающей красотой. Короткие волосы Миносы обрамляли ее лицо. В тот день на ней были красные брюки и простая голубая рубаха.

— Мин, пойдем, не заговаривай с ним, он такой странный. — Рядом с ней возникла другая девочка, толстая, уже очень напоминавшая свою мать и бабушку, и потянула подругу за руку. — Ну, пойдем.

Та еще несколько секунд стояла на месте, и ее глаза, казалось, проникли в самую душу принца. Макпьялута постарался сосредоточиться на лососе, которого потрошил; хорошо бы де-

вушка не заметила, как он покраснел. Когда сид поднял голову, ее уже не было.

И в самом деле, ровесники Макпьялуты не заговаривали с ним по доброй воле. Вовсе не потому, что он был принцем. Просто что-то отличало его от прочих детей — казалось, его постоянно грызет странная тоска. Старшие говорили, что это признак мудрости и его ждут великие свершения, что он будет достойным вождем своему народу. Но Макпьялута многое отдал бы, чтобы беззаботно смеяться вместе со сверстниками. Он был уверен, что Миноса и не посмотрит на него, когда услышит, что о нем говорят.

Но он ошибся. Миносу привлек молчаливый юноша, и она не стала терять времени даром. На следующую ночь девушка проникла в комнату Макпьялуты через окно, занавешенное шкурой. Он узнал о присутствии гостьи по тихому дыханию и не успел опомниться, как Миноса была рядом. Аромат духов ошеломил юношу. Он не успел бы возразить, даже если бы хотел, — ее улыбка сводила с ума. Девушка прижалась к нему и моментально уснула. Макпьялута лежал рядом еще долго, терзаемый страхом и возбуждением, однако ровное дыхание нежданной гостьи усыпило и его.

Миноса знала, что делала. Утром их обнаружили до того, как они проснулись, и родители объявили о помолвке еще до полудня. Принц был поражен ее хитростью, но Миноса знала, чего хочет, и добивалась своего. Он хорошо помнил, как она одарила других девушек деревни ослепительной улыбкой, когда те пришли ее поздравлять. Потом повернулась к нареченному, сияя, как солнце, и темные предчувствия оставили его душу.

Макпьялута был счастлив еще три чудесных года — а потом убил ее собственными руками, застав в объятиях другого. Она не раскаялась перед смертью и до последнего дыхания проклинала своего мужа. В последний момент она потянулась к телу любовника, лежащего мертвым рядом с ней, и с ненавистью посмотрела на убийцу. Сказать честно, раскаяние не спасло бы ее, но могло сохранить жизни тех несчастных женщин, которых Макпьялута убил с тех пор.

Он перевел взгляд с костра на звезды. Обман, нечестность — им не место среди сидов. Его не покарали за убийство Миносы и ее любовника, и пламя любви, горевшее в его сердце три года, сменил холодный и яростный огонь праведного гнева. Изменяющие мужу не имеют права жить, делить землю и небо с праведными и добрыми. Миноса так и не познала полета, не смогла обернуться орлом — она умерла, не дожив до двадцати лет. С тех пор Макпьялута жестоко расправлялся с ей подобными и вплетал их перья себе в волосы. Некоторые уважали его, другие боялись. Он понимал, что его никто не полюбит, но какая разница теперь, когда он увидел Талискера, человека, который должен принести Бразнаир сидам? Судьба рода оказалась в его руках.

* * *

Талискер чувствовал себя никому не нужным. День прошел под знаком суеты и паники, хотя впереди воинов ожидала битва. После речи тана он отыскал Уну, которая помогала тетушке и кузинам готовиться к бегству.

— Ты должна идти с ними, — попытался он убедить девушку. — Будет жуткое кровопролитие.

— Нет, — покачала головой Уна. — Здесь пригодится мое искусство целителя.

— Ты храбрая женщина, — проговорил Талискер.

— Не храбрее простых воинов. И боюсь больше, поскольку знаю, что нас ждет.

Он подошел к ней, желая обнять, но она оттолкнула его.

— Тебе что, заняться нечем?

— Уна...

Она посмотрела на него уже спокойнее.

— Уйди, Дункан. Просто уйди. Встретимся позже.

Талискер поцеловал ее руку.

— Непременно.

Теперь, глядя на темнеющее вечернее небо, он не был так уверен в себе. Талискер считал себя трусом — в тюрьме он сумел добиться определенного уважения и мог постоять за себя, когда надо, чему свидетельство — тонкий белый шрам от левого уха до скулы, но никогда не лез на рожон. Только защищался. Его передергивало при воспоминании о смерти Даррага, как голова, отсеченная мечом Малки, покатилась по земле. Мгновение назад молодой воин был жив — дышал, думал, говорил, — и р-раз — на земле лежит окровавленный труп.

Ветер крепчал. Флаг с гербом Фергуса хлопал, как парус. На той стороне озера сквозь сумрак виднелись черные собаки, и кто знал, что кроется за стеной деревьев?

— Талискер...

Он обернулся. По лестнице поднимался Чаплин, держа в руках два дымящихся кубка.

— Малки попросил отнести тебе горячего меда. Тан распорядился налить каждому воину.

Талискер принял кубок. Казалось, Чаплин хочет что-то сказать, но не решается.

— Спасибо, Алессандро.

— Не за что.

— Слушай, завтра мы можем умереть. Почему бы не забыть про знаменитого инспектора Чаплина, поймавшего ужасного преступника? — спокойно спросил Талискер. — В конце концов, здесь я вне твоей юрисдикции.

— Неужели ты думал, что меня волнует дурацкое повышение по службе? Я исполнял свой долг. Упрятал тебя за решетку. Ты вышел всего неделю назад, и снова начались убийства.

— Но то было в Эдинбурге.

— Не важно, — отрезал Чаплин.

— Значит, ты видишь во мне только убийцу?

— А больше и видеть нечего. — Алессандро сделал хороший глоток из кубка.

— Оглянись вокруг, ради всего святого! — воскликнул Талискер. — Завтра мы все будем трупами или убийцами.

— Эти твари... не в счет. Считаются только люди. Так что... береги спину.

Пламя факелов плясало на порывистом ветру и так громко шипело, что сначала Дункан решил, что ослышался.

— Что? Что ты сказал? Вернись, ублю...

Чаплин остановился перед Талискером и заговорил. От него пахло медом.

— Хочешь услышать, что я о тебе думаю? Полезно поразмыслить об этом в ночь перед битвой!.. Я не могу глядеть на тебя, не вспоминая Диану. Глупо, правда? Поэтому я тебя и ненавижу. Остальное ерунда. На других жертв мне наплевать — я их не знал. Не с лучшей стороны меня показывает, верно? — Он отступил на шаг, удивленный вырвавшимся признанием, и слегка покачнулся. — Диана... Она была моей... — Чаплин попытался отхлебнуть из кубка, но тот уже опустел.

— Алессандро, — тихо проговорил Талискер. — Я не убивал Диану. Она погибла в автокатастрофе.

Лицо Чаплина исказила гримаса ярости.

— А вот и убил — может, не своими руками, как остальных девушек, но убийца все равно ты. — Он попятился к лестнице. — Порой мне смотреть на тебя тошно... и плевать, что говорит Малки, ты все равно виновен в тех смертях.

— Нет. Чаплин, давай оставим эти глупости.

Чаплин задумался.

— Не могу, — сказал он наконец.

Талискер заглянул в свой кубок.

— Ты пытался убить меня... Намерен продолжить в том же духе?

— Пока не знаю.

— Будешь и дальше носить пальто наизнанку? Все равно ты похож на полицейского.

Зарядил мелкий дождь, и факелы шипели. Когда Талискер снова поднял взгляд, он увидел, что Чаплин ушел. Еще раз взглянув на озеро, Дункан допил свой почти остывший мед. Вообще-то ненависть Алессандро должна была оставлять его безучастным, но она воплощала все самое ужасное и унизительное в прежней жизни. И полицейский принес ее с собой в Сутру...

* * *

— Кира, любовь моя, ты меня слышишь?

Дочь тана ждала его в тиши между сном и явью, между жизнью и смертью. Сквозь тьму окружавшей ее пустоты доносились голоса мертвых, горестные вопли и детский смех.

— Кира?

На сей раз голос был куда ближе.

— Корвус? — прошептала девушка ледяными губами. — Это ты? Ты мне нужен. Пожалуйста, приди.

Снова настала почти непереносимая тишина. Она хотела бежать, но не могла двинуться с места.

— Пожалуйста, помоги мне...

— Я бы рад, но не в силах.

— Почему?

— Ты должна впустить меня. Я должен оказаться рядом с тобой — физически.

— Там, в свете?

— Да.

— А ты не причинишь мне боль?

— Ни за что, любовь моя. Я просто тебя испытывал. Посмотри сама.

Кира открыла глаза и увидела, что цела и невредима. Она поднялась и закружилась в танце. Тонкая полотняная ночная рубашка раздувалась, как парус. Тепло коснулось пальчиков ее ног и медленно поднялось к животу. Вспомнив семя, покоящееся там, она провела по животу руками и рассмеялась.

— Корвус, знаешь, я понесла...

— Да, — коротко и нетерпеливо выговорил он, и Кира пошатнулась, как от пощечины. — Я хотел сказать, что мне не терпится оказаться рядом с тобой и малышом. Это будет мальчик.

Она снова рассмеялась.

— Что я должна сделать, мой господин?

— Впусти меня, Кира. Впусти меня в свет.

Улла вернулась к изголовью Киры. Сеаннах предупредил ее, что нужно быть особенно бдительной после наступления темноты, когда силы хаоса почти необоримы. Наверное, Корвус днем копит силы, а ночью придет мучить свою жертву.

Кира, похоже, не шелохнулась с тех пор, как Улла оставила ее. Лицо было таким же бледным; руки сложены на груди, как у мертвой. Но травы и цветы лежали на полу, будто сестра вставала и разбросала их.

Свет факелов падал на ветки лаванды, и ее аромат слегка заглушал запах смерти, витавший в комнате. Улла не заметила земли в ногах у сестры.

Битва началась на рассвете.

ГЛАВА 10

Всю ночь воины обсуждали, могут ли черные псы плавать, неся на спинах своих хозяев-демонов. Или коранниды построят плоты?

С первым лучом солнца собаки дружно поднялись и пошли по водам озера.

Малки разбудил Талискера. Первое, что тот услышал, были проклятия и крики ужаса.

— Пойдем, тебе надо это видеть, — мрачно сказал горец.

Они отправились на укрепления и увидели, что первые псы уже добрались до пристани и вспрыгнули на нее, легко оттолкнувшись от воды. Розовый свет солнца падал на блестящие черные шкуры. За ними огромными прыжками последовали остальные, постепенно заполняя собой все пространство перед городскими стенами.

Громко закричав, то ли от страха, то ли от ярости, один из воинов кинул в пса большой камень. Тот угодил прямо в голову, но, казалось, не причинил никакого вреда — зверь лишь поднял морду, обнажил клыки и зарычал.

— Боги великие, на нем мое имя. — Воин заметно побледнел. Неожиданно Талискер понял, что это Коналл.

Камни полетели градом, однако вовсе не смутили собак. Звери словно чего-то ждали, глядя на стены города. Вскоре воины прекратили попытки отогнать их.

— Спокойно, парни, — сказал Эон.

Внимание Талискера привлекло движение на противоположном берегу — из леса вышла женщина в серебряных доспехах поверх белой рубашки. Увидев ее рядом с псом, он понял, что воительница необычайно высока.

Некоторые бойцы принялись отчаянно ругаться.

— Это...

— Да, — подтвердил его опасения Эон. — Леди Фирр по прозванию Морриган. Ты видишь перед собой легендарное зло.

С воды дунул легкий ветерок, все поплыло в глазах Талискера, и ему показалось, что он смотрит на нее вплотную. Черные волосы обрамляли белое как смерть лицо, синие глаза были полны презрения. Фирр слегка улыбнулась и кивнула, как будто в знак приветствия.

Талискер моргнул, и видение исчезло, мир встал на свое место. Серебряная вспышка — сначала Талискеру почудилось, что воительница обнажает оружие, — и в небеса взвился ворон. По этому знаку из леса выскочили коранниды, издав пронзительный боевой клич. В то же мгновение псы бросились в бой.

 Те, что столпились у огромных деревянных ворот, прыг-

нули и выломали отсыревшие створки. Коранниды принялись пересекать озеро по двое-трое, оставляя на воде маслянистые пятна.

На стенах появились первые собаки, Талискер и Малки схватились за оружие. Кровопролитие началось.

Улла проснулась от далеких боевых кличей, звуков рогов, стонов и воплей. Она потянулась и принялась растирать больную ногу — та часто затекала во сне. Первая мысль была о Дом, о том, каким трудным оказалось расставание, как девочка просила ее пойти с ней. Искушение довольно сильное, но Улла понимала, что не имеет права покидать крепость — не зря же она дочь тана, воины восприняли бы такое дезертирство как дурной знак.

Она поднялась со вздохом, открыла ставню и выглянула наружу. По саду мчался черный пес. Вскрикнув в испуге, девушка захлопнула окно и обернулась к кровати сестры.

— Кира!

Постель была пуста.

Талискеру не приходилось видеть такой резни. Ничто не может подготовить человека к настоящей битве, никакие разговоры о славе, обряды или песни. Звуки, запахи, цвета — все было жестоким и бездушным, все смешалось в кровавой каше. Колени слегка подгибались, ослабевшие пальцы с трудом удерживали меч, названный «Клятва Талискера».

Первый пес схватил челюстями молодого воина и принялся трясти его, пока у несчастного не сломался позвоночник. Умирающий размахивал мечом во все стороны и нечаянно рубанул по руке своего сородича. Новые и новые твари вспрыгивали на стены, и люди падали под ударами их тяжелых лап.

Бросив беспомощную жертву, пес попытался ухватить другого воина. Тот отскочил с криком и напоролся на меч товарища; под громкие вопли челюсти собаки сомкнулись на его шее.

Талискер оказался совсем рядом с другим псом и, закричав, вонзил меч в своего врага. Даже сквозь звуки битвы он слышал треск рвущейся плоти. Оружие увязло в ране, окровавленная рукоять выскользнула. Тварь резко обернулась и, обнажив клыки, бросилась на Талискера.

— Назад! Назад, идиоты! — закричал Малки.

Пес повалил Дункана и ударил его лапой. Рука сломалась, как тростинка. Талискер заорал от боли.

Как будто в ответ в небесах раздался орлиный клекот, и огромная птица спикировала к черной твари, выставив серебряные когти. Пес поднял голову и в тот же миг лишился глаз. Кто-то оттащил Талискера в сторону.

Дункан с трудом добрался до Малки. Горец принес целую кучу длинных копий и раздавал их воинам.

— С тобой все в порядке? — спросил он своего потомка.

Талискер кивнул. Рука, как ни странно, не болела, только онемела, но он прекрасно понимал, что боль придет позже.

На стене было около десятка собак, семь из которых ослепили орлы. Увы, ситуация существенно не изменилась — на помощь соратникам спешили темные тени кораннидов, принимая человеческие очертания. Попытки прогнать врага с пристани были оставлены, и битва кипела уже на рыночной площади. Воздух был полон криков несчастных жертв кораннидов, и товарищи из жалости приканчивали умирающих.

Неожиданно внимание Талискера привлек один кораннид на укреплениях. С ним происходило что-то странное, он принимал особую форму... Через мгновение Дункан понял, в чем дело.

— Нет! — в ужасе закричал он.

С неба пикировал орел, не подозревая, что не сможет справиться с врагом. Ужасная ошибка.

— Назад! Назад!

Два существа соприкоснулись, и кораннид окутал тенью благородную птицу. Сначала сид не осознал, что случилось страшное. Он поднялся, чтобы поискать исчезнувшую жертву... и тут из его груди вырвались черные щупальца. Сид издал душераздирающий крик, а Талискер застонал, не в силах ему помочь. Малки оказался куда ближе к орлу, обнажил меч и одним движением отрубил голову умирающему.

Талискера наполнила ярость. Он схватил копье и побежал к собаке, в теле которой остался его меч. В ушах звенело, в висках стучала кровь. Кинуть копье было невозможно — зверя окружили воины. Некоторые махали мечами, другие тыкали в него копьями.

— С дороги! — проревел Талискер, разбегаясь и с силой нанося удар копьем. Оно пробило грудную клетку и поразило пса в сердце. Тварь рухнула на землю. Дункан подбежал к ней и вытянул меч. Слева появился кораннид, и, обернувшись, Талискер разрубил его одним махом. Все радостно закричали, но Дункан ничего не слышал. В глазах потемнело от ненависти. С каждым ударом силы словно бы прибавлялось. Скоро он был покрыт кровью с ног до головы и кричал, сам того не замечая.

Улла поискала сестру везде, где смогла, и теперь бродила в отчаянии по опустевшим кухням в тщетной надежде, что Кира проснулась голодная и захотела перекусить. Почти все слуги ночью покинули город, но в очаге все еще горел огонь, и девушка ненадолго присела перед ним — нога сильно ныла, и боль-

ше всего ей хотелось лечь. Потом она услышала шум, доносившийся из коридора, — легкие шаги и тихое пение.

— Кира?

Улла подошла к двери и выглянула наружу. В проходе было темно, горел только один факел в дальнем конце. Этим путем шли вчера беглецы, и на полу лежали оброненные ими вещи: одежда, туфелька, разбитое зеркало. Зрелище было печальное, и Улла невольно вздрогнула.

— Кира? Ты здесь?

Вопрос повис в воздухе. Улла пошла по коридору и среди валявшихся на полу вещей заметила незамысловатый кинжал вроде тех, которыми едят на пирах. Она подняла клинок, не задумавшись, зачем он ей.

Через сто ярдов коридор резко сузился и повел вниз. Улла пошла медленнее, держась за стену. Чем круче вниз вел проход, тем труднее было ей идти; она пару раз поскользнулась на склизких камнях и поняла, что находится ниже уровня озера. Становилось холодно, слышался звон текущей воды. Мимо пробежала коричневая крыса. Улла в отличие от сестры нисколько не боялась этих маленьких зверьков, ей даже нравились их целеустремленность и сообразительность.

— Что происходит, крысик? — спросила девушка.

Она прислонилась к стене и немного постояла, переводя дух. Вчера здесь прошла Дом; наверное, малышка очень боялась. Хотя, должно быть, когда здесь много людей, то не так страшно, кроме того, с девочкой уходили ее друзья.

Спереди донесся тихий звук. Пела Кира! Улла с трудом узнала мелодию — в детстве они радовали этой песенкой отца: «...принеси мне радость, милая птичка, и я отпущу тебя...» Подобрав юбки, девушка решительно двинулась вперед.

Снаружи, на улицах и площадях Руаннох Вера, продолжалась битва. Толпы кораннидов сметали все на своем пути. Сражение сосредоточилось в четырех местах на западе города, хотя мелкие стычки происходили повсюду — псы и их хозяева-демоны рыскали в поисках легкой добычи. Среди страшных картин боли и смерти ходила Фирр, выделяясь из общего безумия ледяным спокойствием. Она уже равнодушно прикончила троих. Третий встретился ей в узком переулке. Миловидный юноша, хотя и покрытый грязью и кровью, бежал ей навстречу. Увидев ее, он поднял палаш и бросился в атаку. Фирр стояла неподвижно, глядя на врага. Он поднял щит, чтобы защитить грудь, и нанес удар мечом, но его противницы не было там, она отступила в сторону и ловко ударила воина кинжалом, пронзив сердце. Он рухнул на брусчатку с выражением недоумения на лице.

Фирр склонилась над жертвой и заметила, что юноша изумительно хорош собой.

— Война делает мужчин такими неуклюжими, — пробормотала она, вытягивая оружие, обмакивая палец в ярко-алую кровь и касаясь им своего языка.

С крыши соседнего дома раздалось громкое карканье. Фирр подняла голову.

— Замолчи, Слуаг. — Она перевела взгляд на мертвое тело. — Может, чуть позже, милый. Мне нужно найти кое-кого.

Она двинулась по улицам, прячась в тени, пока не добралась до рыночной площади. Там богиня зла увидела намеченную жертву.

Глубоко внутри Талискер понимал, что обречен. Голос разума твердил ему, что скоро кораннидыего прикончат. И все же воин не уставал рубить, колоть, резать... Струйка крови из виска затекала в глаза, но вытереть ее было решительно некогда. Кругом слышались крики умирающих, орлиный клекот и почему-то плеск воды. Должно быть, в последние несколько секунд жизни обострились чувства...

— Сюда, Дункан! Сюда!

Крик раздался за спиной. Рядом снова возник Малки, изрыгая самые любимые ругательства.

— Понравилось тебе, ублюдок тухлый? Получи еще!.. Талискер, слышишь меня? Я прикрываю твой тыл. Медленно отступай. Мы сможем добраться до... Господи Христе!

Талискер тоже заметил, как на площадь вышла Фирр в сопровождении кораннидов. Таких больших и уродливых тварей Дункан еще не видел. Похожие на тень контуры слегка расплывались в утреннем свете, но все же у них было подобие ног и огромная голова с рогами, зубами и покрытой пеной пастью.

Талискер убил тварь справа от себя, подрубив ей ноги и окончательно заколов коротким мечом, взятым у мертвого солдата. Однако таким образом он подошел слишком близко к другому кораннид у. Черное щупальце уже потянулось к нему, но Дункан поспешно отрубил и его, едва не задев собственную ногу. Потом поднял голову и всего в нескольких шагах увидел Фирр. Талискер двинулся к ней, невзирая на страх, на то, что меч и кинжал едва не выскальзывали из потных рук.

— Талискер! Нет! — завопил Малки. — Беги! Нельзя...

Улла дошла почти до конца прохода. Впереди мерцал огонек факела ее сестры.

— Кира? — хрипло прошептала девушка. — Кира, ты что...

Она замерла на месте — спереди донесся самый ужасный звук на свете: звук поднимаемой деревянной щеколды.

Улла все поняла — там начинался туннель под озером, которым вчера ушла Дом и другие дети.

— Кира, нет...

Улла со стоном прислонилась к стене, скрытая от кораннидов деревянной подпоркой. Твари мчались вперед, неся копья, с которых свисали темно-красные тряпки. Сначала девушка не разобрала, что за круглые предметы насажены на острия, а потом до нее начало медленно доходить... Она закричала, и вместе с криком из ее жизни навсегда ушла радость.

— Дом... о, Дом...

Мимо пронеслись первые враги. Улла отлетела в сторону, ударилась головой о камень — к счастью, почти ослепнув от боли и страха, когда мимо проносили шест с головой ее дочери. Капля крови упала на щеку безутешной матери, как прощальный поцелуй.

Враги ворвались в самое сердце города.

Фирр презрительно смотрела на приближающегося Талискера — сразу видно, как устал этот человек, хотя даже сейчас двигался он хорошо, как настоящий воин. Дункан не сводил с нее глаз, а она то и дело бросала взгляд на его спутника, приканчивавшего одного из подданных братца, — пыталась определить, насколько этот тип опасен.

Когда Талискер шагнул вперед, что-то в нем изменилось, даже меч он держал иначе. Пока Фирр заносчиво ожидала его приближения, к нему словно вернулись силы. Вены, выступающие на сильных мускулистых руках, дрогнули, будто по ним побежала новая кровь. Глаза Фирр расширились, а Талискер ухмыльнулся и без предупреждения нанес удар мечом. Она легко парировала и оказалась с другой стороны, готовясь заколоть воина. В тот же миг он повернулся, отбил ее выпад и ударил ногой так, что Фирр тяжело рухнула на землю. Талискер уже занес меч...

— Дункан! Сзади!

Он резко обернулся и увидел атакующего кораннида. Фирр с трудом встала на ноги, однако приблизиться остереглась — подданные брата могли убить и ее, коснись она их случайно. Богиня зла стала выжидать. Удивительный противник — его явно не смущало, что он дерется с женщиной.

Что-то теплое шевельнулось в животе. На сей раз убийство доставит ей огромное наслаждение.

Кораннидов атаковали разрозненные группки воинов по всему замку. Фергус и его дружина держались хорошо. Старые опытные воины с каждой стычкой узнавали все больше о слабых местах противника. Молодые же воины часто погибали из-за своей бесшабашности.

Фергус увидел, как из дверей замка выскочил большой отряд кораннидов.

— Они проникли в туннель. Эон, Ангус! За мной!

Чаплин был в группе воинов, защищавших тана. Он нечасто ввязывался в бой, но не из трусости, а потому что то и дело останавливался, чтобы помочь раненым. Ему пришлось несколько раз относить их в госпиталь. Там Алессандро увидел возлюбленную Талискера, Уну, в окровавленном фартуке, но с жизнерадостной улыбкой, призванной поддержать умирающих. Большинство просто не доживали до врачебного осмотра. Имело смысл помогать только слегка раненным псами или своими же товарищами в пылу битвы.

Сейчас Чаплин бросился за таном, отчаянно ругаясь. Хотя в бою с правителем города не сравнился бы никто. Каждую смерть он воспринимал как личное оскорбление и сражался с удивительной яростью. Тан явно помнил каждого своего воина. Когда светловолосый юноша пал под ударом кораннида, Фергус отсек чудовищу голову с криком:

— Это за отца Лайама!

По его лицу струились слезы ярости, смешиваясь с кровью павших. Он вдохновлял на подвиги всех, кто видел его.

Пробивая дорогу в туннель, Фергус, Чаплин, Эон и еще трое воинов оказались на кухне. Краем глаза Алессандро заметил ворона, сидящего над очагом. В тот же миг бегущий перед ним воин остановился, следом за ним в центре комнаты замерли все. Тяжелые дубовые двери захлопнулись, а из углов выступили кораннидьі. Чаплин, Эон и другие окружили тана, готовясь умереть за вождя.

— Черт побери, я не подохну, как собака, в собственной кухне! — прорычал Фергус.

— Нам отсюда не выбраться, сэр, — отозвался Эон, готовясь к бою. — До встречи в раю.

Казалось, время застыло. Кораннидьі не спешили, они приближались неторопливо и остановились недалеко от замерших воинов, упиваясь страхом своих противников.

— Чего они ждут? — прошипел Эон.

Неожиданно Чаплин вспомнил про ворона.

— Птица, — шепнул он. — Убейте чертову птицу.

Еще мгновение, и кинжал, который метнул Фергус, вспыхнул на солнце серебром. Ворон взлетел в тот же миг, как стальной клинок вылетел из руки тана, но все же черное перо оказалось пригвождено к стене. Громко каркнув, птица полетела к дверям, которые распахнулись сами собой, а кораннидьі, окружившие правителя и его верных воинов, исчезли.

— Взять ее! Убейте чертову тварь! — проревел Фергус.

Двое бросились за вороном. Чаплин и Эон подошли к очагу и вытащили из стены кинжал и перо.

— Это была настоящая птица, — проговорил Чаплин. — Перо нормального размера, не то что Мориас нашел под... — Он умолк.

— Ничего, — вздохнул Эон. — Сеаннах рассказал мне о леди Кире. Я оплакиваю ее, хотя она пока в мире живых, и буду вечно хранить в сердце ее образ. — Он бросил взгляд на Фергуса, который с ужасом смотрел на то, что осталось от беглецов. — Такое тяжело вынести.

Воин говорил совершенно спокойно, с достоинством, и Чаплин кивнул в ответ, думая о Диане.

— Вы идете или нет? — окликнул их Фергус.

Мелькнула мысль — не убежать ли, пока остались силы. Прижавшись спиной к стене, Талискер с трудом парировал удары Фирр. Ей уже несколько раз представлялась возможность убить его, но она не воспользовалась ни одной и со смехом, который напоминал тявканье лисы, продолжала бой. Богиня зла явно наслаждалась. Ее синие глаза вгрызались в душу, как жестокое лезвие клинка в плоть. В другой руке воительница держала кинжал, именно им она приканчивала свои жертвы.

— Вали отсюда, красотка. — Малки появился рядом с Фирр и отбил удар, нацеленный в руку Талискера.

Она яростно обернулась к горцу и заставила его отступить.

— Ты сдохнешь из-за своей дерзости!

— Меня так легко не убьешь, подружка, я уж давно помер, — ухмыльнулся Малки, показывая белые десны. — Ой!

— Но кровь из тебя течет.

Талискер выронил меч и кинжал и побрел в конюшню, держась за плечо. Ему казалось, что он умирает. Из множества ран, дотоле незамеченных, струилась кровь, из большого пореза на бедре она лила потоком. Правый глаз заплыл, правую руку исполосовала Фирр, а левая была сломана. Похоже, ребро тоже. Бросившись на сено, Дункан равнодушно уставился в потолок.

Улла пролежала без сознания несколько минут, а придя в себя, первым делом почувствовала невероятную ярость. Она сразу вспомнила, что произошло. Перед глазами стояла ужасная картина — голова ее дочери на острие копья.

— Кира, это твоих рук дело, — проговорила девушка и с трудом встала с пола, держась за балку. — Сестра! — заорала она. — Кира!

Улла побежала, как смогла, ко входу в подземный туннель. Кинжал, зажатый в руке, сверкал в свете факелов. Вскоре она увидела свою сестру, прижатую к стене тяжелой дубовой дверью, что накануне была закрыта за беглецами на засов.

Створки толкнули с такой силой, что в теле Киры, кажется, не осталось целых костей. Позвоночник был сломан, тело изогнулось под невероятным углом. И все же она была жива. Услышав шаги младшей сестры, старшая слегка повернула голову и забормотала:

— Корвус? Когда ты заберешь меня, любовь моя? — Тоненький, слабый голосок... Из уголка рта сбегала алая струйка.

— Кира, — прошипела Улла.

Она закрыла дверь, и старшая сестра упала на пол, будто тряпичная кукла. Младшая не испытывала жалости. Она давно перестала верить в это чувство — в людях оно зачастую мешалось с презрением. Улла ногой перевернула Киру на спину, не обращая внимания на боль во всем теле, подняла кинжал и вонзила его в грудь сестры, мгновенно убив ее. Она все колола и колола, обезумев от ярости и горя.

Она замирает, потом встает на колени. Рядом с ней на полу лежит сестра, Кира. Золотая Кира. Теперь она вовсе не золотая, а алая.

— Алая, — равнодушно говорит Улла.

Чудесные волосы Киры обретают цвет кровавого заката. В смерти — настоящей смерти — ее лицо вновь стало прекрасным. Улла начинает петь.

— Принеси мне радость, милая птичка, и я отпущу тебя... Ну же, сестра, отчего ты не поешь со мной?

Услышав шум за спиной, она оборачивается. Перед ней стоит тан.

— Отец. — Слезы наполняют ее глаза. — Столько крови, отец. И она не хочет петь.

— Улла? О боги, лишите меня глаз. Что ты наделала? — Он бросает взгляд на вход в туннель. — Ты предала нас всех.

— Нет, отец. Это Кира. Она...

Тан не слушает ее. Обнажив меч, он издает боевой клич и бросается вперед, будто перед ним целая армия врагов, а не испуганная девушка. Понимая, что сейчас произойдет, Эон и Чаплин пытаются удержать Фергула, сбить его с ног... Тщетно.

Она вошла в конюшню. Из последних сил приподнявшись на локте, Талискер задумался, что же случилось с Малки.

— Талискер? — Она смеется над ним. — Я знаю, что ты здесь. Давай покончим с этим.

Фирр появилась у входа в стойло, где он лежал, простертый на сене. Малая часть сознания, не занятая мыслями о смерти, невольно восхищалась богиней зла. Только легкий румянец на щеках показывал, что большую часть последнего часа она сражалась не переставая. Черная прядь упала на лицо, синие глаза напоминали сапфиры в обрамлении обсидиана. Не мешкая, Фирр улыбнулась по-звериному, и меч вонзился в его шею. Потом опустилась тьма.

* * *

В туннеле царило тягостное молчание. Убитый горем Фергус опустился на колени возле тел своих дочерей и заплакал. Потом отодвинул в сторону Уллу и потянулся к Кире.

Чаплин нахмурился. Совершенно очевидно, что Улла убила свою сестру за несколько мгновений до их прихода и никак не могла раскрыть ворота врагам.

Эону, знавшему об отношениях двух сестер с отцом, тоже было не по себе. Улла всегда отличалась кротостью и добрым нравом; трудно представить, что могло довести ее до такой ярости. Она не заслуживала подобного обращения.

Словно по команде мужчины подошли к телу Уллы, чтобы уложить его как следует. Коснувшись руки девушки, Чаплин с трудом подавил изумленный возглас и знаком показал Эону, чтобы тот молчал — вдруг отцу придет в голову прикончить ее? Молодой воин обернулся к тану, склонившемуся над старшей дочерью, махнул Алессандро и проговорил:

— На Киру снизошел мир. Только взгляните на ее лицо.

И верно. Девушка вновь стала прекрасна. Именно ее Эон любил всем сердцем, с ней танцевал в ночь Самайна. Ему никогда не забыть той нежной улыбки...

Пока все смотрели на безжизненное, окровавленное тело, Чаплин поднял на руки Уллу и тихонько направился наверх, ожидая сердитого окрика тана. Но Фергус ничего не замечал, не сводя глаз с любимой дочери. Младшей всю жизнь приходилось мириться с равнодушием отца — а ведь равнодушие, пожалуй, даже хуже гнева.

Смотревший глазами Слуага Корвус был в восторге, когда Фирр прикончила Талискера. Тело бога зла, неподвижное, как смерть, покоилось на узкой постели в ледяной башне. Глаза были закрыты, но он видел все.

— Ты нашла его, Фирр? Ты нашла камень?

— Нет. — Сестра обернулась к ворону, на ее бледном лице была написана усталость. — Должно быть, он его где-то спрятал. Какая разница? Теперь предсказание не сбудется. Ты обретешь свободу.

Корвус нахмурился. Его удивило такое отношение Фирр к победе. Пожалуй, стоит предложить ей маленькое удовольствие...

— Можешь делать с телом, что хочешь.

Корвус знал о ее противоестественном пристрастии и находил его забавным.

— Нет, — странным голосом промолвила она. — Пусть покоится с миром. Он умер хорошей смертью, хотя самому концу недоставало героизма. Забери меня отсюда. С меня достаточно.

— Хорошо, сестра.

Битва за Руаннох Вер окончилась. Все коранниды неожиданно исчезли, оставив после себя отвратительный запах. Город горел, из трех тысяч воинов выжили только двести, а из девяти орлов-сидов — четверо. В конюшне лежало тело человека, мало кому известного, невиновного человека, который никого не убивал до этого дня. В сумерках темный дым стелился над озером, слышались только треск пламени и стоны умирающих.

ГЛАВА 11

Во тьме пустоты детский голос тихонько напевает песенку.

— Ты видел? Видел его в бою? И что же, теперь он не проснется?

— Дункан. Я знаю, ты меня слышишь...

Голоса звучали и наяву, и во сне, но Талискер не в силах был ответить. Ускользающее сознание чувствовало, как умирает тело, как сотни нервных окончаний погружаются в вечный сон... Дункану казалось, что он смотрит на свою смерть со стороны; в то же время он понимал, что это обман, что в какой-то момент за последним проблеском света последуют вечная тьма и тишина.

Пение. Странная песня. Дрожащий голос, бессмысленный набор звуков — и все же ничего подобного Талискер никогда не слышал. Другая душа тянулась к нему. Песня пришла в темноту и коснулась его.

— Вот почему я тебя ненавижу... вот и все...

— Мирранон?

— Пожалуйста, проснись, Дункан. Чувствуешь мою руку? Ты такой холодный...

Перед глазами проплыли белые парашютики одуванчиков. Ему хотелось...

Мориас устало покачал головой и обернулся к людям, обступившим кровать Талискера.

— Думаю, это невозможно, — вздохнул он. — Тело настолько изранено, что душа стремится покинуть его.

— Нет, — твердо выговорил Малки. — Дункан не может умереть так. Он никогда не сдается.

— Нет сдается, — возразил Чаплин. — Ты мало его знаешь, Малки. Талискер сидел пятнадцать лет в тюрьме. Смерть для него не поражение, а скорее свершившийся факт.

— Тебя-то это нисколько не огорчит, — огрызнулся горец. — Ты ненавидел Дункана.

Малколм, крайне измотанный битвой, больше чем когда-либо напоминал ходячий труп. Его ужасала мысль об утрате Талискера — тот был единственной ниточкой, протянувшейся к нему от мира живых, и горец понимал, что последует за своим отдаленным потомком во тьму небытия. Со страхом и печалью он чувствовал, что уже как-то отделился от мира, хоть и уверял себя, что это просто усталость.

— Ты прав, Малки, — донесся голос Чаплина. — Я не люблю его. Но думаю, что на сегодня смертей более чем достаточно.

— Да, более чем достаточно, — повторил горец.

— Малколм, по-моему, тебе надо отдохнуть, — вмешался принц сидов Макпьялута.

— Нет-нет, — запротестовал Малки.

— Пожалуйста, — настойчиво проговорил принц. — Мы, — он указал на Мориаса и себя, — понимаем твои чувства. Твоя душа тянется, как песнь сказителя, в пустоту. Однако тебе нужны силы, Малколм. Ты не можешь даровать то, чего не имеешь.

Горцу эти слова показались убедительными.

— Вы меня разбудите, если наступит улучшение, правда?

— Конечно.

Принц проводил Малки к одной из кроватей, установленных во дворе, и тот немедленно уснул.

Оставшиеся у постели Талискера молчали. Только Мориас и Макпьялута знали, что принц сказал правду. Уна, Чаплин и тан задумчиво смотрели на умирающего человека, погруженные в скорбные думы.

Наконец Мориас нарушил тишину:

— Мы должны этому помешать, или пророчество не сбудется. Не притворяйся, будто не понимаешь, о чем я говорю, Макпьялута. Я должен просить тебя забыть на время о своих чувствах. Освобождение Корвуса не в интересах сидов или феинов.

— То, что ты называешь чувствами, Мориас, — это вера, сохраняемая многими поколениями моего народа. Будь я менее осмотрителен, скажем, как мой дедушка Наррагансетт, я бы зарубил Талискера задолго до битвы. Но пойми: хотя сиды в мире с твоим народом, голоса предков громко звучат в их душах. Ты знаешь, кто я — представитель совета Темы — и что это означает.

— И что это означает? Разрешение на убийство? Разве сидам станет лучше, если Корвус придет к власти? Он высосет из них все соки подобно тому, как жимолость медленно убивает дерево, а камнеломка крошит скалы. Неужели ты желаешь падения феинов, о, Макпьялута?

— Довольно! — Принц явно находился в замешательстве. — Я не знаю.

— Тогда знай. Твои страхи обоснованны, Талискер принес камень Мирранон, Белой Орлицы. Что ты скажешь на это?

— Бразнаир здесь? — изумился Макпьялута. — Но где же?

— Честно говоря, — рассмеялся сказитель, — я не ведаю, где он спрятан. Хотя две ночи назад я видел его своими глазами.

— Что происходит? — подозрительно спросила Уна. — Зачем вам камень Талискера?

— А ты знаешь, где он, госпожа моя? — медоточивым голосом спросил принц, чем только усилил недоверие девушки.

— Может, и знаю, — коротко ответила она. — Вы мне сначала расскажите, зачем он вам. Я хочу знать, в силах ли он помочь Дункану.

— Неслыханно! — возмущенно воскликнул принц. — Кто ты такая, чтобы требовать отчета от сидов? Просто отдай его мне... нам.

Фергус резко поднялся, положив ладонь на рукоять меча.

— Она принадлежит к моему клану, Макпьялута, из которого, увы, выжили немногие. Я не позволю разговаривать с ней таким тоном. Проклятые птицы! — Тан явно не понимал, что происходит, но все равно заступался за своих.

— Я не хотел никого оскорбить, — извинился Макпьялута, слегка поклонившись.

Мориас встал между таном и принцем.

— Госпожа Уна, сиды действительно могут действовать не в интересах Талискера. Его приход был предсказан очень давно... беда в том, что сиды и феины по-разному понимают смысл пророчества. Однако даю вам слово, да и Макпьялута тоже — ведь так, принц? — что Талискеру не причинят вреда, если ты дашь нам камень.

— Как ты думаешь, Алессандро? — спросила она.

— Я не очень понимаю, о чем идет речь, — пожал плечами Чаплин, — но Мориасу верить можно.

Он со значением посмотрел на Макпьялуту, потом сунул руку в карман и достал камень.

Принц сидов изумленно вздохнул, когда солнечный свет вспыхнул на гранях изумруда.

— Почему вы уверены, что он настоящий? Можно мне его подержать?

— Нет, нельзя. А что касается первого вопроса, мы знаем немногим более тебя. Талискер нашел его в... — Чаплин вопросительно посмотрел на Мориаса, тот кивнул, — ...в парке, в нашем мире, на следующий день после того, как ему явилась во сне Мирранон.

— В *вашем* мире?

— Да, принц. Талискер и Чаплин происходят из того же мира, что и легендарный Безымянный Клан. Их призвала сюда Белая Орлица.

Уну эта весть ошарашила.

— Из другого мира?.. — прошептала девушка, глядя на простертую на ложе фигуру умирающего.

— А как же Малколм? Откуда явился он? — спросил тан. — Он сражается как воины нашего мира, одет так же, да и ругается не меньше прочих!

Все улыбнулись последним словам тана, но Мориас вздохнул и покачал головой.

— Очень трудно объяснить. Я не знаю, почему его послали к нам. Знаю лишь, что он происходит из иного времени, чем Талискер и Чаплин.

— Пророчество указывало только одного... — Макпьялута нахмурился и замолчал.

— Пророчества часто оказываются искаженными или неточными, — заметил сказитель. — И придется поработать, чтобы сбылось это. — Он взял камень из рук Чаплина. — Нам с принцем надо остаться вдвоем. Остальные могут перекусить и отдохнуть. Кроме того, у всех есть немало дел.

— Да, надо отстраивать заново город и оплакивать павших, — согласился тан. С этими словами он, Чаплин и Уна вышли из комнаты.

Макпьялута проводил их взглядом.

— Я слышал, Фергус потерял в битве обеих дочерей. Говорят, что леди Уллу он убил своей рукой. Что случилось, сеаннах?

— Говорят? — Мориас приподнял брови. — Как не похоже на сида обсуждать людские дела, мой благородный принц!

— Ты издеваешься?

— Всего лишь отмечаю, как изменились времена. Нам понадобятся союзники, Макпьялута. Скоро сидам придется решить, стоят ли они только за себя или и за людей тоже. — Мориас протянул ему руку, в которой сжимал камень. Принц стоял в сомнении. — Ты хочешь дать ему умереть, чтобы потом осознать, что был не прав? — тихонько проговорил сказитель.

— А ты позволишь мне убить его потом, если я пойму, что ошибся? — нервно рассмеялся сид.

— Думаю, нет, — улыбнулся Мориас. — Ну давай же, мы ведь друзья, займемся магией стихий, а?

— Хорошо, сеаннах, но только из почтения к тебе.

Сказитель кивнул, и Макпьялута положил руку на камень, лежащий на ладони.

Талискер плачет: душа оплакивает умирающее тело, навсегда прощается с теплом и надеждой. В пустоте голоса умолкли, пение оборвалось. Он хочет снова услышать его.

Помогите.

Голос здесь, в пустоте, совсем другой, чем в жизни. Голос юноши, попавшего в тюрьму и не верящего, что такое могло случиться с ним; голос девятнадцатилетнего парня, которого избили почти до смерти сокамерники, закоренелые преступники, которого пинали ногами и насиловали. Он не в первый раз в этой пустоте, но сейчас пути назад не будет. Талискер плачет, свернувшись калачиком в своей камере, раскачиваясь взад-вперед.

Помогите.

Нелепая детская песенка.

Светящиеся серебряные пушинки одуванчиков летят во тьме. Юный Дункан пытается схватить их, удержать в слабеющей руке.

Вот и конец...

Он понимает, что это только игры угасающего разума, что на самом деле он не видит белых парашютиков и койки, на которой свернулся юный Дункан. Он пребывает в пустоте за гранью реальности. Последний акт трагедии под названием «жизнь». Скоро свет угаснет, и зрители разойдутся по домам.

В ногах кровати появляется огромный коричневый заяц. Юный Дункан встает и идет к нему. Зверек сидит неподвижно, поглядывая на юношу золотыми глазами. Потом вдруг бросается наутек. Талискер бежит за ним. Мелькают босые ноги и полосатая пижама.

— Дункан! Эй, Дункан! Это я!

— Малки? Я... я тебя не вижу.

— Сюда!

Дункан бредет туда, где исчез заяц. Там стоит Малки. Он выглядит моложе и, главное, как живой. На нем зеленый клетчатый плед, и рыжие волосы горят огнем. Дункан смеется.

— Смотри-ка, дружок. Здесь ты совсем настоящий.

— Здесь совсем другая реальность, парень. Взгляни на себя.

— Думаю, что перед тобой настоящий я, Малки. Таким я был тогда — передо мной открывалось столько возможностей...

— Да, правда, все это грустно, но ты не должен сдаваться. Тебе нужно вернуться, Дункан. Я имею в виду, ты не можешь умирать. Ты нужен им.

— Им?

— Людям Сутры.

— Нет уж. Иди сам, Малки. Ты разбираешься в сражениях и убийствах лучше меня. Не хочу тебя обидеть, но...

Снова появляется заяц, и Талискер следует за ним мимо своего друга во тьму.

— Не уходи, Дункан! — Голос Малки доносится издалека, хотя их разделяет всего несколько шагов. — Подожди. Мы будем скучать по тебе. Я не могу без тебя...

* * *

— Все тщетно, сеаннах. Нам нужно передохнуть. — Макпьядута беспокоился за старого сказочника — тот побледнел и выглядел измученным.

— Мы почти дотянулись до него, — ответил Мориас. — Я понимаю, что мы оба устали, но если мы остановимся, то никогда не найдем его душу.

Принц сидов неохотно кивнул.

— Хорошо. Хотя совесть не позволит мне долгие поиски.

— А мне не позволит прекратить их.

— Кто ты?

В темноте стоит женщина — там, где лишь мгновение назад был заяц. Она прекрасна, и точеные черты лица освещает бледное сияние. Но почему же на ней коричневое платье и серый шерстяной плащ? Не такие одежды пристали ее красоте.

— Не узнаешь меня? Я леди Улла.

Юный Дункан удивленно заглядывает ей в лицо.

— Как ты оказалась в моей смерти? — спрашивает он. — Или это сон, и я проснусь?

— Надеюсь, ты вернешься в мир живых — ты слишком юн.

— Ну, на самом деле я куда старше. Настоящий я. Если ты меня понимаешь...

— Понимаю, — кивает она. — Это на самом деле не сон, а как бы время-вне-времени, мир-вне-мира. Мы ожидаем.

— Мне пришлось немало ждать на своем веку.

Улла внимательно смотрит на молодое лицо.

— Мы можем пройти через эти земли вместе. Я должна встретить здесь одну душу, но мне хотелось бы, чтобы ты вернулся.

— Что ж, возьми меня за руку, — улыбается юный Дункан.

Они идут рядом в приятном молчании. Рука Уллы теплая, и юношу охватывает умиротворение. Он понимает, что должен бы засыпать ее вопросами, расспросить, где они и почему... Талискер молчит, наслаждаясь заботливым прикосновением спутницы.

— Дункан, постой... — Издалека доносится голос с сильным шотландским акцентом.

— Это твой друг? — спрашивает леди Улла с улыбкой и останавливается. — Если да, то лучше подождать. В этой тьме нам нужны друзья.

Юный Талискер послушно кивает и отзывается на зов Малки. В тот же миг его охватывает холод, пронизывающий до самых костей. Разум подсказывает, что наступила наконец смерть тела, но неужели так сразу?.. Он лежит на полу, и леди Улла смотрит на него.

— Дункан, если ты промедлишь здесь, пути назад не будет. Понимаешь?

Он пытается ответить, однако холодная плоть лица не слушается. Это сон, всего лишь сон, говорит Талискер себе. Разве я могу умереть на самом деле?

К ним подходит Малки.

— Боюсь, слишком поздно, — говорит Улла. — Кажется, он ушел прежде нас.

— Нет, — мрачно отвечает горец. — Пока нет. Дункан не ушел бы без меня. — Он касается лица друга. Оно и в самом деле холодное и белое.

— Я должна идти, — шепчет дочь тана. — Я скорблю вместе с тобой, но меня ждет не менее горестное прощание.

Малки поднимает голову и берет Уллу за руку; по щекам его струятся слезы.

— Обещай мне, что вернешься.

— Я подумаю об этом, воин, хотя в сердце моем пустыня. Все, кого я любила, здесь. Прощай.

Улла уходит прочь, и ее поглощает тьма.

— Попутного тебе ветра, — шепчет Малки.

С безграничной скорбью он смотрит на юного Дункана.

— Ты не можешь умереть — я же говорю, ты нужен людям. Если ты погибнешь здесь, то погибнешь и в Эдинбурге, и везде. Поэтому... — Он умолк. — Ох, ну и дурак же я. Не могу поверить, что забыл.

Сунув руку в мешочек, горец вытащил камень, данный ему Деме. Как та и обещала, камень сияет белым огнем и бросает отсветы на лицо Малки.

— Надеюсь, я не опоздал, — бормочет он. — Дункан. Дункан, ты слышишь меня?

— Ты слышишь меня?

— А? — пробурчал Талискер, поворачиваясь на другой бок и поплотнее закутываясь в одеяло. — Отстань, Малки... Малки?

Сознание вернулось к нему.

Было темно, но не так, как в... том месте. В комнате пахло цветами. Талискер медленно просыпался, хотя и не стремился к этому: не хотелось думать о битвах, Фирр... ни о чем. Его смутно удивило отсутствие острой боли — все тело было в синяках; особенно ныла левая рука, однако куда меньше, чем должно бы.

Дункан снова открыл глаза и огляделся. Что-то не давало покоя его измученному мозгу. Кажется, запах. Было в нем нечто странное, хотя не слишком неприятное... Но эту мысль прогнало увиденное или, точнее говоря, *не* увиденное. Глаза привыкли к темноте, и Талискер понял, что укрыт покрывалом, на котором виднелись темные пятна неправильной формы. Розы. Он поднес покрывало к лицу, стараясь понять, что же все-таки его беспокоит. Сердце колотилось от смутного волнения.

Наконец Дункан устремил взгляд в дальний конец комнаты и разглядел мебель. На тумбочке в ногах кровати стоял странный квадратный предмет...

Он застонал, осознав, что перед ним. У запаха был легкий химический оттенок — освежитель воздуха, а странный ящик — обычный телевизор.

— Дункан? Что случилось?

Талискер замер. Что-то зашуршало, и вспыхнул свет — желтоватый свет бра. Он лежал в постели в красивой комнате. А рядом с ним было прекрасное лицо Шулы Морган, светящееся заботой.

— Доброе утро, приятель. Не хочешь кофе?

Чаплин с трудом разлепил глаза и увидел молодую женщину в рабочей одежде без украшений. На ее лице не было и следа косметики, темные волосы ерошил осенний утренний ветерок. В руке незнакомка держала пластиковый стаканчик, из которого валил пар. Из-за ее спины доносился знакомый шум. Транспорт. Чаплин вырос в городе, поэтому привык к этим звукам с детских лет. Он выглянул из-за девушки, заслонившей ему обзор, прищурился и тут же разглядел автобус номер два. Алессандро немедленно понял, где находится, сориентировавшись по положению Эдинбургского замка, который высился на базальтовой скале справа. И все же что-то было не так... Потянувшись, он взял стаканчик дрожащей рукой. Горьковатый запах кофе помог привести мысли в порядок. Давненько ему не случалось пить кофе!

Девушка смотрела на него внимательно и с сочувствием.

— Прости, если я лезу не в свое дело, но ты слишком молод, чтобы... ну, оказаться здесь. Моложе наших обычных посетителей.

— Значит, я снова в Эдинбурге?

— Снова?.. Ну да, — рассмеялась девушка. — И заснул прямо у нашего порога. Опоздал вернуться в ночлежку, да?

Чаплин застонал.

— Нет, вы не поняли. Смотрите. — Он порылся в кармане, от души надеясь найти то, что искал, — служебное удостоверение. — Вот. Видите, я полицейский. Вчера... был на операции. Наверное, нечаянно заснул.

— А. — Девушка явно огорчилась.

— Хотите забрать свой кофе? — пошутил Чаплин.

— Что вы, — улыбнулась она в ответ. — Теперь немного поздно... я хочу сказать, вчера стаканчик кофе вам бы не помешал. — Видя непонимание на лице Алессандро, она пояснила. — Ну, тогда вы бы не заснули.

— Понятно.

— Надеюсь, вам не влетит на службе. — Девушка собралась уходить, подняв воротник, чтобы не задувал ветер.

— Извините, — окликнул ее Чаплин. — Хотя вопрос покажется странным... не скажете, какой сегодня день?

Она обернулась.

— Вы шутите? Пятница — знаете, такой день после четверга. — Девушка еще раз внимательно посмотрела на Чаплина. — Вы уверены, что не из ночлежки?

— Да-да. Я только что вернулся из Австралии, тут уж несложно потерять счет времени... — Чаплин не понимал, зачем лжет. Он знал, что вернулся, но не помнил откуда. Странно. — Спасибо за кофе. Пойду-ка я домой и приму душ.

— Счастливо.

Ключи и деньги были на месте. А в самом дальнем углу кармана Чаплин отыскал гладкий круглый камень. Он удивленно посмотрел на него и собирался уже выбросить, как что-то остановило его. Сунув странную вещь в карман, Алессандро постарался вспомнить, где живет.

В час дня Чаплин вошел в полицейский участок Ледифилд. На нем был новый синий костюм, белая рубашка и красный галстук. Волосы он стянул в аккуратный хвост, и пахло от него не хуже, чем от шефа, — еще бы, чуть не полсклянки одеколона на себя вылил. Короче говоря, он всем видом выражал готовность немедленно приступить к работе и не собирался слушать ни малейших возражений.

На самом деле внутри бушевала самая настоящая буря. Чаплин казался себе паровым котлом, который может в любой момент взорваться.

Повинуясь инстинкту, Чаплин сел в автобус номер шесть и без труда отыскал свою квартиру. Проходя мимо домов, заборов и садов, он узнавал их, все больше возвращаясь в реальность. Наконец, уже повернув ключ в замке, Алессандро вдруг ощутил, как одиноко его унылое жилище. Никто не встретит его на пороге, не спросит, где пропадал... Все осталось таким же: разбросанная одежда, яркое постельное белье незаправленной кровати... Полный бардак, признак разложения разума.

Впрочем, что-то изменилось, вот только никак не понять, что именно. Не снимая пальто, Чаплин лег на кровать и начал оглядываться. Ему припомнилось, как он плакал вчера о Диане... Презрительно засмеявшись, Алессандро взял бутылку виски возле кровати, налил себе и выпил залпом. Тепло расплылось по телу, и он прислонился затылком к стене, сжав в кулаке круглый камешек и пытаясь успокоиться. Эффект получился ровно обратный.

Не то чтобы на него нахлынули воспоминания. Память редко дарит звуки и ощущения. Чаплин прекрасно понимал, что по-прежнему находится в своей комнате, растянувшись на

кровати, сжимая в одной руке пустой стакан, а в другой камень, и притом видел и чувствовал с удивительной ясностью.

Он увидел, как бежит по Хай-стрит, потом спускается в темноту. За его спиной кто-то кричит, он оборачивается и стреляет из пистолета. Потом его охватывает вода... удушье, все меркнет... Другая сцена — битва. Люди вокруг него падают мертвыми, в общем безумии слышны крики, стоны... Высокая девушка с ярко-рыжими волосами, алыми там, где их коснулась кровь павших... За спиной крики и стоны становятся все громче, он оборачивается...

— Нет, — прошептал Чаплин, — нет, не ходи туда. Нет...

Он карабкается по ступеням на башню, чтобы взглянуть на укрепления. Оттуда видно все — отвратительные твари, похожие на тучи насекомых, бросались на людей, принимая их форму. И, Господи Боже, среди всей неразберихи рубил, кромсал, колол своим мечом...

Чаплин распахнул глаза. Талискер.

Теперь, оказавшись в участке, Чаплин пылал гневом. Он осмыслил ситуацию, как смог, и пришел к самым плачевным выводам. Как обычно, во всем замешан Дункан Талискер. Прошлой ночью Алессандро последовал за старым приятелем в паб в Каугейте, и тот купил ему выпивку — ясное дело, подсыпав туда наркотиков. Именно такая извращенная, мерзкая глупость вполне в стиле этого выродка: усыпить следящего за ним и отправиться развлекаться в закоулки Старого города. А пока Чаплин лежал на пороге, погруженный в галлюцинации, Талискер совершил очередное убийство.

Сначала это была просто мысль, ничем не доказанная, но, приняв душ и переодевшись, Алессандро включил телевизор и увидел в утренних новостях сообщение о новом зверском убийстве. С одной разницей. На сей раз жертвой стал восемнадцатилетний юноша.

Чаплин так резко распахнул двери в свой отдел, что все офицеры подняли головы. Наступило мгновение тишины, а потом встал Стирлинг.

— Сандро, как ты себя сегодня чувствуешь? — Старший инспектор потирал руки, что было верным признаком беспокойства.

— Со мной все прекрасно, честное слово, — нахмурился Чаплин.

— Сандро, тебе бы лучше...

— У меня есть кое-какие сведения, — перебил его Алессандро. — Я знаю, что Талискер был вчера на Хай-стрит и до полуночи пил в Каугейте. — Пройдя мимо шефа, он подошел к столу, на котором были разложены черно-белые фотографии очередной жертвы. — Пит, мы уже определили время смерти несчастного? — обратился инспектор к одному из молодых офицеров, одна-

ко не стал дожидаться его ответа. — Ну, давай же, мне нужны все сведения, черт побери! Нет времени валять дурака.

— Приблизительно в час пятнадцать, сэр, — ответил Питер.

— Отлично, — ухмыльнулся Чаплин. — Где там у нас сидит Талискер? Я хочу перекинуться с этим ублюдком парой слов.

Наступило тяжелое молчание, нарушаемое только звонками телефонов. Потом заговорил Стирлинг — тихо, но твердо:

— Сандро, надо срочно побеседовать. В моем кабинете. — Он обернулся к собравшимся. — Брайан, введи инспектора Чаплина в курс дела. Полную подборку материалов ему на стол, как можно быстрее. Спасибо.

В кабинете Стирлинг задвинул шторы и обернулся к Чаплину.

— Сандро, что ты делаешь, черт возьми? Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве мы не отправили тебя вчера домой как негодного к исполнению служебных обязанностей?

— Да, сэр, и этого больше не повторится. Смотрите, со мной все в порядке. Разве я похож на больного?

Стирлинга было непросто сбить с толку. Он видел, как повреждаются рассудком люди и посильнее Чаплина. Кроме того, несмотря на внешнюю собранность и рассудительность, что-то ему не нравилось в поведении инспектора.

— У тебя, похоже, был удар, Сандро, — произнес он. — Пойми, мы беспокоимся.

— Ничего страшного, — возразил Чаплин, стараясь держать себя в руках. — Просто переволновался.

Стирлинг недоверчиво покосился на него.

— Послушайте, — начал Алессандро, чувствуя, как теряет уверенность в себе, — я признаю, что немного... нервничал с тех пор, как выпустили Талискера. Но ведь это легко понять, верно? Особенно когда убийства начались снова. Пожалуйста, не отстраняйте меня от расследования. Я согласен на все, совершенно на все. Вам нужен мой опыт.

Это был его козырь, Стирлинг не мог не согласиться. Все, кто тогда занимался делом Талискера, давно ушли в отставку.

— Ну ладно, Сандро. Но возглавляю расследование я. — Старший инспектор покачался на стуле. — И если я в какой-то момент решу отстранить тебя, то никаких разговоров, никаких возражений. Согласен?

— Конечно, — улыбнулся Чаплин. — Так где он? Хочу присутствовать при допросе. Я знаю, как надо вести разговор.

— Если ты имеешь в виду Дункана Талискера, то его еще не арестовали, — спокойно заметил Стирлинг, внимательно наблюдая за реакцией Чаплина, пытаясь понять, все ли с ним в порядке.

— Почему, сэр? Разве он не главный подозреваемый?

— Подозрения с него не сняты, и, может быть, мы еще привезем его сегодня в участок. Но сначала взгляни на кое-что другое. Мы нашли волоски, явно не Талискера. — Чаплин нахмурился. — Иссиня-черные, а не рыжие, — объяснил Стирлинг. — А убитый был блондином. Сейчас их изучают в лаборатории. Теперь можешь идти, читай материалы по новому делу. Часа в четыре зайди ко мне. Я хочу познакомить тебя с одним человеком.

Дом Шулы многие назвали бы «шик-блеск». Она унаследовала от своих родителей четырехэтажное здание на Принсес-стрит. Спальня, в которой лежал Талискер, была настолько заставлена старинной мебелью лучших производителей, что становилось не по себе — казалось, будто лежишь в витрине антикварного магазина. Из-за плотных штор пробивались первые лучики утреннего света.

— Дункан, с тобой все в порядке? Скажи что-нибудь! — потребовала Шула.

Одну руку она все еще держала на выключателе лампы, а другой подтягивала покрывало к груди. Талискер обратил внимание на свободную белую ночную рубашку и что женщина лежит под одеялом, а он только под покрывалом. Дункан почувствовал смутное разочарование от того, что, похоже, любовниками они с Шулой не были. Это случилось между ними только однажды, очень давно.

— Да, со мной... со мной все в порядке. Просто не сразу понял, где я... Нам надо поговорить.

— Знаю, Дункан. Но сначала я сварю кофе. А ты лежи, я принесу все в постель. В доме страшно холодно по меньшей мере до полудня.

Он посмотрел ей вслед, зачарованный тем, как красиво ночная рубашка обрисовывает фигуру. Шула двигалась уверенно, не искала путь, выставив вперед руки, как должен бы слепой человек в комнате, забитой мебелью, а прошла уверенно, в нужный момент протянув руку к двери. Талискер понял, что она так давно живет здесь, что отлично знает, где что находится.

Когда молодая женщина вышла, он приподнялся в постели, ощущая ужасную усталость. Закрыв глаза, Дункан почти провалился в сон, и тут его настигли видения битвы в Руаннох Вере. Он увидел себя в пылу боя, как он рубил, колол, весь покрытый кровью... Да, ничего не скажешь, хорошенькое дельце — совсем потерял контроль над собой. Некоторые назвали то, как он сражал кораннидов, геройством, ему же стало противно. Не только потому, что твари были на редкость отвратительны, но и потому, что сам в некотором роде уподобился им, стал столь же бездумен, столь же жесток.

Дункан снова открыл глаза и потер их, отгоняя видение.

— Это не в счет, — сказал Чаплин, когда Талискер напомнил ему, что они все станут убийцами.

Воистину самое ужасное в кораннидах то, что они низводят противника до своего уровня перед тем, как убить его. Он в самом деле на какое-то мгновение перестал быть человеком.

Здесь, в Эдинбурге, люди считают, что он и есть такое чудовище...

Талискер окинул комнату взглядом, радуясь ее мягким, нежным тонам. Красиво, уютно. Он не помнил, как очутился здесь, в постели Шулы, но находиться здесь было очень приятно.

— Прошу. Кофе и печенье, — Хозяйка появилась в дверях с большим подносом в руках.

— Тебе помочь? — Талискер начал вставать.

— Справлюсь. Столик у кровати на месте или улетел посреди ночи со звонким пением? Ну вот, я так и знала, на месте.

Шула поставила поднос, забралась в кровать и поставила тарелку с печеньем между ними. Дункан взял одно и засунул его в рот. Вкус был немного странный, искусственный. Пахло ванилью, эмульгатором, заменителем сахара.

— О, цивилизация, — вздохнул он с набитым ртом, радуясь тому, что только он способен оценить иронию.

Впрочем, радоваться пришлось недолго.

— Дункан, нам в самом деле надо поговорить. — Шула отпила немного кофе. — Где ты был прошлой ночью? Что случилось с твоей рукой? Я не могла и слова от тебя добиться. А кровь-то как хлестала...

Талискер бросил взгляд на руку и обратил внимание, что она туго забинтована. Он шевельнул пальцами. Больно было в середине ладони. Значит, это рана не от битвы в Руаннох Вере — оттуда только усталость.

— Чаплин, — неуверенно проговорил Дункан. — Он стрелял в меня.

Утро выдалось серым, скучным. Над горами висели осенние облака, и мелкий дождик мутной завесой отгораживал от Корвуса мир, который ему не дано было видеть. Нетерпение бога зла усиливали далекие раскаты грома. Он глянул на свои оковы — яркий свет, окружающий лодыжки. Его сила росла, а свет постепенно угасал. Теперь, когда пророчество нарушено, он будет свободен. И как же он отомстит ничтожным божкам Сутры!.. Феины послужат ему орудием. В этой великой войне мир обратится в дымящиеся руины... но что с того? После Киры он понял, что ему нравится обладать смертными женщинами — они так восхитительно слабы, беззащитны...

Он подошел к кровати. На столике стояла чаша с водой, в которой плавало большое черное перо. Корвус опустился на ложе и помешал воду указательным пальцем. Не пристало ему заниматься такой примитивной магией, конечно, но Слуаг пострадал и не мог служить его глазами. Огромный ворон вернулся из битвы с раненым крылом; теперь он сидел в изголовье кровати и тихонько каркал от боли, пока хозяин помешивал воду.

— Тихо, Слуаг, — цыкнул на него Корвус, рассеянно погладив блестящие перья птицы.

Пришли мысли о сестре, которая не возвращалась со времени битвы: должно быть, развлекается где-то на свой лад... В воде возник образ — высокий худой юноша лет двадцати. Что-то в ярко-рыжих волосах было знакомым. Казалось, юноша заблудился и пытается найти дорогу во тьме. Потом — к ужасу Корвуса — изображение изменилось. Юноша стал мужчиной, покрытым шрамами и усталым от битвы, с жестким взглядом, гордой осанкой и широкими плечами. В левой руке мужчина держал меч, вспыхивавший в темноте; правая рука была сломана.

— Нет! — закричал бог зла. — Нет! Фирр! Я убью тебя за это!

С криком ярости он швырнул медную чашу в окно, и она исчезла там, куда самому Корвусу путь был закрыт. Снаружи шел дождь.

Четыре часа. Чаплин кинул папку с документами на стол и отправился в кабинет Стирлинга. Через час или около того после начала работы он понял, что не в состоянии воспринимать написанное в бумагах. Не помогли ни три чашки кофе, ни четыре сигареты, одолженные у младших офицеров. Оглянувшись вокруг, Алессандро задумался, замечает ли кто-нибудь, что с ним происходит... Работа в участке шла своим чередом. Звонили телефоны, люди сновали взад-вперед с бумагами или фотографиями в руках, и никто не обращал внимания, что у инспектора Чаплина «едет крыша». Должно быть, дело в остатке галлюциногена, который ему вчера подсыпал Талискер. Алессандро знал несколько наркотиков — например, ЛСД, — которые оказывали такое воздействие, однако он всегда думал, что ложные воспоминания всплывают через много лет, а не на следующий день.

Чаплин тихо сидел на своем месте, сунув нос в папку с документами и напустив на себя важный вид. Он почти забыл о Стирлинге, но Пит Кейтнесс постучал по его плечу и напомнил:

— Вы ведь должны поговорить со старшим инспектором, сэр? А я вот встречаюсь с ним в четыре тридцать... С вами все в порядке? Вид у вас неважный.

— Все отлично, — огрызнулся Чаплин.

* * *

Стирлинг был не один — рядом с ним сидел человек, которого инспектор с первого взгляда принял за подозреваемого или свидетеля. Он выглядел очень странно в одном из лучших кожаных кресел Стирлинга. Одет просто — джинсы и мешковатый свитер, — на вид за тридцать, однако в нижней губе красовалась серьга, а окрашенные перекисью водорода волосы стояли дыбом. Особенно удивляли очки в толстой оправе, совершенно неуместные на стареющем панке.

— Сандро, — улыбнулся Стирлинг, увидев своего подчиненного. — Это Финдли Виллис — Финн. Финн, это инспектор Чаплин.

Реакция посетителя удивила Чаплина. Он приподнял брови и удивленно переспросил, не делая ни малейшей попытки пожать руку:

— Алессандро Чаплин?

— Все верно. Я с вами знаком?

— Нет-нет, — заверил его Стирлинг. — Финн — журналист. Приказ сверху, доступность информации народу и все такое. Возможно, они снимут документальный фильм...

— Ближайшую пару недель нам предстоит работать вместе, — пояснил Финн. — Не беспокойтесь, я не буду мешать вам, просто стану на время вашей тенью.

Журналист не сводил глаз с лица Чаплина, и это начинало раздражать полицейского. Кроме того, тонкий, пронзительный голос нового знакомого напоминал ему кого-то — кажется, Малки... С другой стороны, он не знает никого с таким именем — Малки. В голове немедленно возникла картина. Горец?

— Да уж, не будете мешать... — пробурчал Чаплин.

— Сандро! — Стирлинг посмотрел на подчиненного.

— Все в порядке, — примиряюще поднял руку Финн, — он прав. Некоторые из нас отличаются особенным... рвением и лезут не в свое дело. Но поверьте, это не мой стиль.

— Я предупредил его, что не стоит ждать работы от звонка до звонка, дал мобильный телефон и пейджер, — сказал старший инспектор. — В ближайшее время куда ты, туда и он.

— И вы думаете, что это хорошая идея, сэр? В такой момент...

— Ты оспариваешь мои решения, Сандро? Кроме того, они не только мои, — раздраженно повысил голос Стирлинг. — Идет расследование убийства. А подходящих моментов не бывает.

— Вы правы, сэр. — Чаплин понял, что самое время перестать спорить. Он оглянулся на Финна, который так и светился самодовольством, вздохнул и через силу улыбнулся. — Что ж, добро пожаловать в отдел расследования убийств, Финн.

ГЛАВА 12

Талискер провел утро с Шулой в ее огромном старом доме. Они сидели в гостиной, забитой мебелью не меньше, чем спальня, и тоже напоминавшей антикварный магазин, пили кофе и болтали. Эффи, дочь Шулы, отправилась на каникулы к тете, так что они были в доме одни. Снаружи ранний ночной морозец украсил кусты и деревья белым инеем, вокруг царила тишина. Несколько часов Талискер был почти спокоен, почти в ладу с собой. Он сидел, прихлебывая кофе, и рассказывал Шуле все, что помнил о ночи на Хай-стрит, по ходу немного подправляя истинную историю. Без Малки и Деме она приобретала более простые очертания.

Алессандро Чаплин отправился за подозреваемым в паб в Каугейте, сидел и смотрел на него, пока он пил, а потом последовал за ним и дальше на Хай-стрит, где Талискер собирался сесть на автобус. Чаплин прострелил ему руку, а потом вырубился от переизбытка алкоголя.

Она сосредоточенно слушала и, похоже, не сомневалась в его словах.

— Шу, можно я спрошу тебя кое о чем?

— Конечно.

— Когда мы встретились в галерее, по некоторым твоим словам я сделал вывод, что ты не веришь в мою невиновность. Но если ты считаешь, что я убил всех тех женщин, то как можешь сидеть здесь, со мной? Как ты пустила меня в дом, как позволила делить с тобой постель? Я не понимаю.

Шула ответила не сразу. Ближе к полудню потеплело, и теперь с серого неба монотонно лился мелкий дождик, частый гость в Шотландии осенью. Потом молодая женщина тихо спросила:

— Ты веришь, что у людей есть душа, Дункан?

— Да, не просто верю. Я точно знаю.

Казалось, она слегка удивилась его ответу.

— Я христианка, и тебе это известно, так? Но не совсем в обычном смысле. Не уверена, что ты помнишь, но мои родители были евангелистами. Они странствовали по миру, исполняя Божественную миссию. Мама с папой делали все, что положено, — изгоняли духов, говорили на всех языках, исцеляли... Многое происходило в этом доме. Поэтому у меня особые отношения с Господом. Так или иначе, я храню в своем сердце несколько основных убеждений, оставшихся с того времени. Например, что ни одна душа не потеряна для Творца.

— Мне очень жаль, Шу, — покачал головой Дункан, — это не может быть правдой. Я не убивал тех женщин, по крайней мере думаю, что не убивал, но тот, кто сделал это, — настоящее зло. Его душа не стоит и ломаного гроша. И если, не приведи

Господь, в один прекрасный день я пойму, что убийца все-таки я, я буду думать так же.

Она протянула к нему руку.

— Не надо, Дункан. Если бы прощать было просто, то это не считалось бы добродетелью, верно? Я буду молиться за тебя.

— Спасибо, — пробормотал он. — Какой сегодня день?

— Пятница, двадцать второе. А что?

— Я встречаюсь со следователем в три часа.

— А какой он?

— Ему лет шестьдесят, наполовину лысый. Меня на дух не переносит. Пожалуй, пойду-ка я домой и приведу себя в порядок. Хотя не представляю, как буду объяснять простреленную руку.

— Интересно, что на этот счет расскажет Чаплин.

Талискер поднялся, собираясь уходить.

— Подожди. У тебя ведь найдется еще пять минут? Я хочу кое-что подарить тебе. Сейчас вернусь. — Не дожидаясь ответа, Шула направилась к двери.

— Тс-с.

— Что за...

— Это я, дурачок, — раздался знакомый голос с шотландским акцентом.

— Малки? Где ты?

— Не хочу появляться. По-моему, твоя подружка в состоянии меня почувствовать.

— Не исключено. — Талискер обращался к стулу напротив него, поскольку ему показалось, что голос друга доносится оттуда. — Но я чувствую себя полным дураком, разговаривая сам с собой. Ты не можешь появиться, пока она не вернулась?

— Ну ладно, ладно, — проворчал Малки и неожиданно возник на стуле по-прежнему в том шотландском плаще, который был на нем в битве в Руаннох Вере, заляпанном кровью и желчью. — Нам надо срочно поговорить. У тебя большие проблемы.

— Знаешь, что такое *дежа-вю?*

— Нет. Сейчас не до того, произошло еще одно убийство... Эй, я вспомнил, совсем недавно я тебе это уже говорил!

— Прошла только одна ночь, Малки, — простонал Талискер.

— И это еще не все. Чаплин тоже вернулся.

— Насколько я понимаю, ни один из нас не уходил из этого мира физически. Больше похоже на раздвоение сознания.

— Короче говоря, он тоже вернулся, хоть никуда и не исчезал. И настроение у него не из лучших.

— Какие еще новости?

— А этого недостаточно?

— Просто шучу, Малки. Как ты думаешь, он придет за мной? И помнит ли он Сутру?

— Придет, точно. Убийство произошло на Хай-стрит, где вы оба были вчера вечером. Думаю, Сутру он не забыл, и вид у него такой, как будто недавно он побывал в битве. — Горец поднялся и принялся мерить комнату шагами. — Честно говоря, Дункан, не знаю, что тебе и делать. Я, конечно, тебя не оставлю, но теперь ход за тобой. Я не могу забрать тебя обратно, если ты не окажешься в смертельной опасности. Может, нам стоило бы снова отправиться к Деме, однако теперь Хай-стрит не самое безопасное для тебя место.

Талискер громко выругался.

— Не могу поверить, Малки. Кажется, с Чаплином у меня вечные проблемы... В общем, я уже достаточно натерпелся от правосудия. Хватит. Я ухожу. Ты ведь всегда сможешь меня отыскать, верно?

— Конечно, не беспокойся... Тс-с, идет твоя подружка!

С этим Малки исчез, и Талискер снова смотрел в пустоту.

— Ты с кем-то говорил, Дункан? — В комнату вошла Шула с маленькой синей коробочкой в руках.

— Дурная привычка со времен тюрьмы.

— Я хочу подарить тебе это.

Талискер взял коробочку и открыл ее. Внутри оказался золотой медальончик со святым Христофором.

— Какая... какая прелесть, Шу, — смутился он.

— Надень его. — Дункан повиновался, и она дотронулась рукой до подарка, висящего на шее. — Он защитит тебя в пути и напомнит о нашем разговоре. Твоя душа всегда будет великой ценностью. И для Бога, и для меня.

— Шула... — У него почти не осталось слов. Талискер взял ее за плечи и заглянул в прекрасные незрячие глаза, жалея, что она не может видеть его и прочитать правду на лице. — Быть может, вскоре ты услышишь вести, которые заставят тебя усомниться во мне. Но обещаю и клянусь, что не имею ни малейшего отношения к убийствам, совершенным с тех пор, как я вышел из тюрьмы. Молю тебя, верь мне.

Она тепло обняла его.

— Я буду верить, если ты будешь...

Талискер сидел у моря и раздумывал, не войти ли в него и не положить ли всему конец. Легко верить в Бога, если твоя жизнь легка и прекрасна...

Уйдя от Шулы, он сбегал домой, собрал вещи в рюкзак и вышел, в последний момент засунув на самое дно пистолет. Один знакомый по тюрьме настаивал, что оружие «на всякий случай» иметь необходимо, и принес ему ствол. Талискеру и в голову не приходило, что он может пригодиться.

Уже сворачивая за угол, Дункан увидел, как к дому подъезжает полицейская машина.

Он собирался сесть на поезд и поехать в Лондон — непонятно, что там делать, но из Шотландии лучше убраться, пока убийства продолжаются. По пути на вокзал Талискер сел на набережной и принялся смотреть на холодную серую воду. В обществе Шулы он, хоть и всего на несколько часов, расслабился и открылся и теперь чувствовал себя опустошенным. Кроме того, Дункан тосковал по Уне. Выжила ли девушка после битвы? Конечно, она была в башне, с больными, однако коранниды носились по всему городу, могло случиться что угодно. А теперь этого никогда не узнать.

Конечно, до Лондона Талискер не добрался. В поезде оказалось полно полицейских. Сев в сто двадцать пятый экспресс, он откинулся на спинку сиденья и решил притвориться спящим. Но стоило ему устроиться поудобнее, как к нему склонилась пожилая женщина, сидящая напротив.

— Я не знаю тебя, сынок?

— Не думаю, — сдержанно ответил Талискер. Тон не располагал к дальнейшей беседе.

Она внимательно посмотрела на него. Ей было семьдесят, если не восемьдесят, однако голубые глаза еще не утратили зоркости.

— Странно. Я никогда не забываю лица. Наверное, старею, а? — Талискер улыбнулся, стараясь избежать разговора. — Хочешь ириску? — Она протянула ему пакетик «Вулиз». — Ну же, угощайся.

Он взял одну конфетку, понимая, что пора уходить — нутром чуял, что старушка вот-вот узнает его, а запомнит уж точно. Бросив взгляд в конец вагона, Талискер увидел полицейского, который спрашивал что-то у пассажиров, может быть, даже показывал им фотографию.

— Мне пора, — сказал он старушке, поднимаясь. — Спасибо за ириску.

Она была явно разочарована.

— Что ж, сынок, счастливо тебе.

Так он оказался в Данбаре. Или, точнее, в парке имени Джона Муира. Талискер отправился туда прямо со станции, отбросив идею сперва купить в городе жареную рыбу с картошкой. Если его ищет полиция, лучше пару дней на людях не появляться, и парк на побережье — идеальное место.

Первые два часа он был доволен собой и жизнью, тем, как ловко сбежал из города. Побережье возле Данбара отличалось удивительной красотой и уединенностью; обычно сюда приезжали только на выходные, а обойти сторонкой случайного туриста, любителя природы, нетрудно. Потом полил дождь, прогнав его с берега и заставив искать укрытие под деревьями. Сидя под раскидистой лиственницей, Талискер впервые осознал, что находится в бегах.

* * *

— Мы где-то встречались? — спросил Чаплин, внимательно глядя на Финна, что-то записывающего в свой блокнот. Закончив читать материалы по новому убийству, он почувствовал, что журналист смотрит на него. Но стоило перевести на него взгляд, как тот утыкался носом в записи.

— Нет, — покачал головой Финн. — Я вас знаю по вашей дурной славе. — Он неприятно рассмеялся. — Пятнадцать лет назад, когда убийства только начались, я получил место в газете. Интересное дельце, не правда ли? Довольно удобно вы, ребята, устроились, а? И подозреваемый уже наготове.

— Я не стал бы высказывать подобное мнение вслух в этих стенах, — мрачно посоветовал Чаплин.

— Свобода слова, Сандро, — усмехнулся Финн. — Я вправе делать собственные выводы.

Чаплину отчаянно захотелось схватить маленького уродца за ворот свитера и хорошенько стукнуть по зубам. Но здесь так не делается, напомнил он себе, это вам не Сутра... Стоп! Что за чушь?

— Делать выводы? Смотри не наделай в штаны, — издевательски буркнул он. — И между прочим, для вас не Сандро, а инспектор Чаплин.

Зазвонил телефон, и журналист не успел ответить, но на его лице отразилась ярость. Чаплин явно испортил ему настроение.

— Пойдем, поговорим по дороге, — сказал Чаплин, кладя трубку. — В лаборатории обнаружили что-то интересное.

Лаборатории и примыкающий к ним морг временного хранения располагались в подвале. Там всегда пахло какими-то химикатами, и царила прохлада. Обычно тела оставляли здесь на ночь, а вскрытия производились в городских моргах. Финна это место явно заворожило, и он собирался уже было пройти в морг, когда Чаплин ухватил его за свитер.

— Нет, нам туда не надо. Лучше и не заглядывайте, если хотите спать сегодня ночью. Они сейчас занимаются описанием последнего шедевра Талискера. Нас ждет куда более приятный сюрприз. — Он остановился перед дверью в боковую комнату и прибавил: — Эта женщина — мой большой друг.

— И что? — изогнул бровь Финн.

— Да ничего, — пробормотал Чаплин.

— А, вы хотите сказать, чтобы я себя хорошо вел, — усмехнулся журналист. — Что ж, я умею, честное слово. Надо только попросить по-хорошему.

— Сандро! Я так рада тебя видеть! — Высокая блондинка энергично обняла Чаплина. — Где тебя черти носят? Выглядишь просто отвратительно.

— Я в полном порядке, — запротестовал Чаплин. — Беатрис, это Финн, он журналист. Не спрашивай зачем. Очередная блестящая идея начальства. Сегодня его первый день, так что не стоит показывать ему расчлененные тела.

— Отлично, у меня есть для тебя кое-что поинтереснее.

Она обняла старого друга за плечи — не многим женщинам удалось бы так высоко дотянуться — и увлекла в соседнюю комнату. За ними последовал Финн. Когда они добрались до той части лаборатории, где работала Беатрис, строгий порядок уступил место полному хаосу — на столах валялись обертки от еды, жестяные банки и недоеденные печенья. Но только здесь царил относительный уют и играла музыка.

— Да ладно, Беа, для тебя это, может быть, увлекательнее фильма, и все же мы говорим лишь о волосках, найденных на жертве.

Беатрис отодвинула в сторону несколько толстых коричневых папок и поставила на стол микроскоп.

— Не все так просто. Финн, будьте добры, принесите нам кофе. Автомат в конце коридора. Мой номер восемнадцать, а Сандро — два-три-восемь.

Финн поколебался, собрался было возразить, потом развернулся на каблуках и ушел.

— Беа, ты чудо, — восхищенно сказал Чаплин. — Мне действительно нужно поговорить с тобой наедине. Как ты догадалась?

— Женская интуиция, — подмигнула она. — Ты просто лопаешься от желания поделиться чем-то. Кстати, твоей новой тени не будет здесь минут десять — автомат сломался, и Финну придется подняться на лифте на другой этаж. Ну, колись.

— Беа, ты знаешь, какое воздействие оказывают различные наркотики?

— Ты что...

— Боже упаси!.. Понимаешь, вчера мне, очевидно, что-то подсыпали. Я испытал самые странные видения и воспринимаю их как память.

Она внимательно посмотрела на него, оттянула глазное веко.

— Да, ты действительно осунулся, Сандро.

— Я вижу ужасные вещи, Беа, причем все они обладают некой внутренней логикой, как одна большая история. Вещи совершенно немыслимые и невероятные.

— Например?

— Ты будешь смеяться.

— Давай же, Сандро.

— Ну, в основном это сцены битвы. Хотя сражение... — Он облизал губы. — Кофе мне и в самом деле не помешает.

— Вот. — Она протянула ему чашку. — Я сделала его немного раньше. Лучше выпить до возвращения журналиста.

— Сражение происходит между людьми и чудовищами, которые принимают облик людей перед тем как слиться с ними и разорвать на части изнутри. Зрелище самое отвратительное. — Чаплин неожиданно вспотел и вытер лоб носовым платком.

— Очень по Фрейду, — пробормотала Беатрис.

— И это еще не все. В битве принимает участие и Талискер. Он совершенно безумен, изо рта течет пена, на руках засохла кровь.

— Я знаю, что ты в последнее время на нем зациклился, неудивительно, что он сидит у тебя в подсознании. Может, таким образом организм пытается предупредить тебя, что с ним не все в порядке. — Чаплин нахмурился при этих словах, и Беа поспешила добавить: — Не наверняка, конечно... Продолжай.

— Тело и мозг сообщают мне...

— Что?

— Что я пробыл там...

— Там, где случилась битва, да?

— Да... Несколько недель.

— Хм-м. Что еще происходило в твоих видениях?

— Я понимаю, о чем ты думаешь. Смешно, верно? — Он поднялся. — Забудь об этом, Беа. Покажи мне проклятые волоски.

Но старая подруга буквально вдавила его обратно в стул.

— Сандро, перестань говорить за меня. Конечно, звучит смешно, как и все рассказы о галлюцинациях. То, что ты описываешь, может быть вызвано простым дешевым наркотиком, который легко достать на улице, но я никогда не сталкивалась с таким четким ощущением прошедшего времени. Это не обязательно означает, что ты съезжаешь с катушек.

— Хотя возможно, — хмыкнул Чаплин.

— Проверь. Поговори с Дунканом. Кстати, как он?

Чаплин устало пожал плечами. Беатрис дружила с ним и Талискером невероятное количество лет. Собственно говоря, они учились в одной школе, хотя Беа была на класс старше. Она всегда хорошо относилась к Дункану и за все судебное разбирательство пятнадцать лет назад ни разу не высказала собственного мнения, просто исправно выполняла свою работу. Чаплин даже встречался с ней некоторое время — спустя пару лет после того, как овдовел, — но из их отношений ничего не вышло. Она была слишком независимой, слишком самостоятельной, слишком напоминала Диану. А теперь поздно: Беа помолвлена и весной выйдет замуж.

— С ним-то небось все в порядке, — буркнул Чаплин. — Я привезу его сюда чуть позже.

Оба помолчали.

— Неужели этому не будет конца, Сандро? — Он не ответил, и Беатрис продолжила: — Лучше всего тебе полежать

в постели. Чтобы наркотик вышел из организма. Все пройдет само, но если начнутся головные боли и рвота, обращайся к врачу.

— Спасибо, Беа. — Он нежно сжал ее плечико. — А теперь покажи мне проклятые волоски.

— Да уж, пока они все не исчезли.

— Что ты имеешь в виду?

— Смотри. — Молодая женщина взяла пакетик, в котором лежал пучок черных волокон. — Образец А.

Она достала один волосок, положила на предметное стекло, поместила под микроскоп и заглянула в окуляр.

— Смотри быстрее.

Волосок растворялся в воздухе прямо на глазах. Вокруг него вспыхнул зеленый свет, который делался все ярче, ярче, и наконец с последней вспышкой волосок исчез. Чаплин громко присвистнул.

— А в пакете с ним все в порядке?

— Пока не посмотришь на него в упор. Если взять волосок в руку и пристально разглядывать, он тоже исчезнет, только не так быстро. Я бы показала тебе, да скоро образцы кончатся.

— Я принес кофе, — объявил Финн, входя в комнату и с подозрением глядя на них.

— Ох, спасибо большое, — невинно улыбнулась Беа. — Неужели проклятая машина снова не работала?

— Пришлось подняться наверх.

— Ты уже показывала волосы Стирлингу? — спросил Чаплин.

— Нет, а что я скажу? С научной точки зрения это необъяснимо.

— А что в них особенного? — заинтересовался Финн.

— Полагаю, это волоски какого-то животного, — серьезно сообщила Беатрис. — Может, у убийцы была собака.

Чаплин подавил желание расхохотаться и отхлебнул кофе.

— Значит, мы можем исключить их из расследования, мисс Уокер?

— Да, конечно.

— Отлично. Тогда нам с Финном лучше доставить в участок единственного подозреваемого. — Чаплин широко улыбнулся. — Спасибо, Беа.

— Береги себя, Сандро, — сказала ему вслед давняя подруга.

Они направились по коридору к лифту.

— Недалеко же продвинулось следствие, — пожаловался журналист. — Какие-то собачьи волоски...

— Знаете, так нередко бывает, Финн, — ответил Чаплин. — Но некоторым людям очень не хватает сенсаций. На сей раз у вас есть шанс встретиться с человеком дня. Хотите наблюдать, как я буду производить арест?

* * *

Над побережьем разносились пронзительные крики птиц. В сумерках кружились стаи чаек и прочих пернатых, прилетевших кормиться в дельту реки. Талискер наблюдал за ними из-за деревьев, стараясь различить, какие виды собрались на скалах. Главное, не вспоминать о Руаннох Вере и Уне — Сутра и все связанное с ней потеряно навсегда.

Он повертел в руках медальон со святым Христофором, думая, что утратил навсегда и Шулу. Должно быть, она услышала о последних убийствах. И что бы убежденная христианка ни говорила о нерушимой вере, теперь она наверняка отвернулась от него.

Талискер тоскливо посмотрел на вороненую сталь пистолета в руках. Чем темнее становилось и чем дальше отступал пеняшийся прилив, тем сильнее беглеца охватывало отчаяние. Он утратил чудесную способность, обретенную в тюрьме, — равнодушно наблюдать за собственной судьбой как бы со стороны.

Сутра и Уна — а может быть, и Фирр, — изменили его, возродили в нем чувства, а вместе с ними и душевную боль. Дункану казалось, что он вот-вот заплачет, но, увы, из сухих глаз не выкатилось ни слезинки.

Талискер поднял пистолет, поднес его к лицу и заглянул в черную пропасть дула. Потом с полувздохом-полувсхлипом выпустил пистолет из пальцев и закрыл лицо руками. До него донесся странный звук, заглушенный шуршанием облетающих листьев, — Талискер все-таки плакал.

И куда запропастился Малки, когда он так нужен?

В половине шестого утра полицейский участок Ледифилд готовился к рабочему дню. Уборщицы вытирали пыль, пылесосили под заваленными бумагами столами. Финн пришел точно, как велел вчера инспектор Чаплин, и увидел, что тот спит за столом, протянув руку к трубке телефона, словно заснул посредине разговора.

— Инспектор? — Финн потряс его за плечо, сначала легонько, а потом сильнее, пока не добился ответа. — Вы что, здесь ночевали?

— Господи, сколько же времени? — зевнул полицейский, разлепляя глаза. — Нет, не говорите. Просто принесите кофе.

Финн отправился к автомату, а Чаплин смущенно улыбнулся одной из уборщиц, неодобрительно посмотревшей на него. Он знал, что она чувствует исходящий от него запах алкоголя, и еще раз выругал себя за то, что остался на работе. Уборщицы всегда разносили сплетни по всему отделению.

— Сандро, это я.

Он замер. Голос донесся у него из-за спины, но ему почему-то не захотелось оборачиваться. По коже побежали мурашки. Шотландский акцент что-то напомнил...

— Кто — «я»? — спросил он, заранее опасаясь услышать ответ.

— Малки.

— Я не знаю никого с таким...

— Не пытайся меня дурачить, мы не в игрушки играем. У Дункана проблемы.

Чаплин принялся писать что-то в блокноте, притворяясь страшно занятым.

— Убирайся, — пробормотал он.

— Вот уж вряд ли.

— С кем вы говорите? — В дверях появился Финн с двумя чашками кофе в руках.

— С уборщицей. — Чаплин рассеянно махнул рукой в пространство, не поднимая головы. — Ах, она ушла?

— Я все еще здесь, — проговорил Малки.

— Как вы себя чувствуете, инспектор?

— Просто отлично...

Без всякого предупреждения Малки появился прямо перед носом Финна. Чаплин поперхнулся кофе.

— Ага, — ехидно улыбнулся горец, — я знал, что ты меня увидишь.

Чаплина скрутил такой сильный приступ кашля, что из глаз полились слезы. Финн прошел сквозь Малки и похлопал полицейского по спине. Призрак, кажется, воспринял это как личное оскорбление и положил руку на эфес меча.

— Смотри, куда идешь!

— Все нормально, Финн, — с трудом выговорил Чаплин. — Просто кофе чересчур горячий.

Инспектор взял салфетку и попытался вытереть кофе с галстука.

— Отправлюсь-ка я в туалет и приведу себя в порядок.

Он побежал по коридору. Финн, глядя ему вслед, изумленно покачал головой. Алессандро Чаплин оказался несколько другим, чем он себе представлял.

Чаплин убедился, что в кабинках никого нет, и, удовлетворенно вздохнув, встал перед зеркалом, скрестив руки. Несколько секунд он молчал, прислушиваясь к журчанию воды в трубах.

— Ну ладно, если я схожу с ума, то давай-ка это обсудим.

Ответа не последовало, и Чаплин нервно переступил с ноги на ногу. Потом решил зайти с другой стороны и, взяв влажное полотенце, принялся вытирать галстук, пробормотав:

— А Талискер пусть хоть вешается.

— Не очень-то мило с твоей стороны, Сандро. — За его спиной возник Малки. — Да, у вас не лучшие отношения, но вы сражались на одной стороне в Руаннах Вере. Это для тебя ничего не значит?

Чаплин обернулся и посмотрел на призрака.

— Я знаю, кто ты. Ты побочное действие наркотиков, которые мне подсыпал этот негодяй.

— Как, опять? — простонал Малки. — Подобную чушь нес раньше и Дункан... У меня нет времени убеждать тебя, что я настоящий — по крайней мере настоящий призрак, — но я точно скажу, что позавчера Талискер никого не убивал. После того, как ты выстрелил в него... — Малки умолк, заметив, как дернулся Чаплин. — Ах, этот милый эпизод ты забыл? Не беспокойся, он не умер — пока, — ты прострелил ему руку. А потом он отправился к Шуле Морган. Она подтвердит.

— Мы разговаривали с ней вчера. По ее словам, Талискер пришел к ней между двумя и тремя часами ночи. Значит, он мог успеть совершить убийство и объявиться у нее только потом... Какого черта я обсуждаю с тобой все это?

— Не притворяйся, что не знаешь меня! — рявкнул Малки. — Я сражался бок о бок с тобой, сеаннах. И уже почти начал думать о тебе хорошо. Хотя теперь начинаю сомневаться...

Чаплин постарался сдержать свои чувства, сжал зубы и удивленно посмотрел на собеседника.

— И чего же ты от меня хочешь? Предположим, мне интересно.

— Чтобы ты поговорил с Дунканом. Ему приходят в голову мысли о самоубийстве. Чуть не застрелился вчера, пока меня не было. И сегодня я с ним не успел увидеться. Думаю, он все еще в порядке, поскольку я тут. Мы как бы связаны... хотя, конечно, ты об этом уже знаешь.

— То есть ты в курсе, где он?

— Ну да, но не скажу, потому что ты отправишься туда и арестуешь его.

— Зачем ты тогда явился?

— Слушай, у него никого нет! — почти простонал Малки. — Он никому не нужен, кроме меня и Шулы, а ее лучше не впутывать в эти дела.

Чаплин старался воспринимать спокойно то, что он ведет разговор с призраком, который, нельзя отрицать, выглядит удивительно знакомым. Если Малки — всего лишь проекция его подсознания, то он, Чаплин, уже знает, где находится Талискер. Видение не может сообщить ему того, что он и сам не знает.

— Если я его арестую, — резонно заметил инспектор, — Талискер по крайней мере останется жив и сможет доказать свою невиновность.

— Как в прошлый раз? — фыркнул Малки.

— Ну и не надо мне ничего говорить. Я знаю, куда он сбежал. — Чаплин повернулся к зеркалу и занялся своим галстуком.

— Знаешь?

— Потому что тебя на самом деле нет, и ответ таится здесь. — Он постучал себя по голове.

— Да, конечно.

— Он в Данбаре, в парке имени Джона Муира.

— Что? — в ужасе воскликнул Малки. — Но п-почему именно там?

Чаплин торжествующе обернулся.

— Я прав, так? Мы пару раз отправлялись туда всем классом, когда учились в школе, и сам Дункан там частенько прогуливался. Он хорошо знает те места. — Выражение лица Малки развеяло сомнения Чаплина. — Что ж, передай ему, что я еду. — Чаплин неприятно улыбнулся и прошел в дверь прямо сквозь Малки. — Пока.

— Поехали, Финн. — Чаплин вошел в кабинет с видом человека, полного уверенности в себе. — Я понял, где скрывается преступник.

Открыв верхний ящик стола, он вытащил револьвер, который почистил и зарядил еще вчера.

— Инспектор Чаплин, вам потребуется помощь? — Кейтнесс потянул его за пиджак.

— Нет. Мне будет проще уговорить его сдаться, будучи с ним один на один. Мы с Талискером давно знакомы.

Кейтнесс с сомнением посмотрел на полицейского и оглянулся на кабинет Стирлинга, но тот был пуст.

— И куда именно вы поедете? — нервно спросил младший офицер.

— В парк Джона Муира. Рация там не работает, однако у Финна есть мобильный телефон. Дайте Питу свой номер.

По пути к машине на лице Чаплина было написано мстительное наслаждение, происхождение которого оставалось совершенно неясным Финну.

— Вам что, дали наводку?

— Можно сказать и так, — улыбнулся инспектор. — Кстати, вы не знаете, что значит «сеаннах»?

— Сказитель клана, что-то вроде кельтского барда. А что?

— Кроссворд из «Таймс», — ответил Чаплин. — Трудный до ужаса.

Контролировать демона становилось все труднее. Корвус нетерпеливо ждал в пустоте, пока демон ответит на его призыв. Ответит обязательно — темная магия прочно связывала тварь из бездны с хозяином, однако за магию приходится платить. Между тем силы Корвуса далеко не безграничны, иначе боги вообще не смогли бы его сковать. Всякий раз, натравливая демона на людей в мире Талискера, он ослаблял контроль над коранни-

дами, и под угрозой оказывалась сама его независимость. Увы, выбора не было.

Наконец исчадие ада явилось. Не способное на речь, оно молча стояло перед хозяином. Корвуса неприятно поразило, как демон успел измениться за довольно короткое время — кожа треснула в нескольких местах и сочилась гноем, одежда превратилась в лохмотья, а на голове не хватало клоков волос. Лицо перекосилось, челюсть отвисла.

— Существование — это боль, — пробормотал про себя бог зла. — Слушай, тварь, скоро я отпущу тебя, но сначала помоги мне окончательно разобраться с Талискером. — Он послал мыслеобраз в примитивный разум демона. Тот шевельнулся, однако больше никак не отреагировал на слова. — Ступай найди его. Он должен умереть. Я не могу отпустить тебя, пока с ним не будет покончено.

Корвус махнул рукой, и его посланник исчез. Сам он вздохнул, обратился в ворона и покинул Ничто. Бог зла махал крыльями, наслаждаясь иллюзией свободы, и мрачно размышлял, что охота за Талискером не принесла ему ни капли удовольствия — он ведь даже не видел его. Где же погони, нарастающее напряжение?.. Корвус решительно пресек в себе такие мысли. Это не игра. Проклятая волшебница-полукровка Мирранон предсказала, что Талискер принесет Корвусу гибель. А он до сих пор не поймет, чем отличается от прочих душа этого человека, которая может пребывать сразу в двух мирах.

— Талискер! Талискер!

Крик разнесся по роще, в которой беглец сидел под лиственницей. Он вскочил.

Чаплин!

— Дункан! — Рядом с ним появился Малки.

— Где ты был? — спросил Талискер, засовывая спальник в рюкзак.

— Беги, скорее беги! Он догадался, где ты. Я не говорил ему, честное слово. Да, я действительно встречался с ним, но...

— Ты встречался?..

— Слушай, верь мне. Я не говорил...

— То есть он догадался? И как же ему это удалось?

— Не важно, — оборвал Малки. — Он идет сюда.

— Талискер! — На сей раз голос раздался гораздо ближе.

— У него пистолет.

—. Пусть так, у меня тоже, — спокойно ответил Дункан, снимая оружие с предохранителя. — И мое терпение лопнуло.

— Вот дерьмо.

Талискер пробирался по берегу в Данбар, рассудив, что, если он сумеет добраться до города, его не смогут быстро

поймать, а потом Чаплину надоест, и он вернется домой. Путь его пролегал мимо парковки, на которой одиноко стоял «форд» Чаплина, рядом с пустой детской площадкой и туалетами. Пошел снег, и крупные хлопья застилали глаза. Вместе со снегом на мир спустилась странная тишина, белым звоном отдававшаяся в ушах, застилающая звуки моря.

У него мелькнула мысль, не угнать ли у Чаплина машину, но, хоть он и провел пятнадцать лет среди закоренелых преступников, Дункан и понятия не имел, как завести ее без ключа зажигания. Потом он увидел рядом с машиной какого-то человека, переминавшегося с ноги на ногу, чтобы прогнать холод, и смотревшего в сторону рощи. Талискер пригнулся, надеясь, что незнакомец его не заметит.

— Это Финн, — произнес Малки.

— Боже мой, не пугай меня так больше.

— Прости. Он журналист... кстати, что это такое?

— Пишет статьи для газет, — рассеянно отозвался Талискер. — Идем.

— Куда ты?

— Попытаюсь добыть машину, — шепнул беглец. — А теперь заткнись.

Почти не смея дышать, он подкрался к Финну. Журналист стоял спиной к нему и опирался на дверцу машины.

— Ни с места, — сказал Талискер самым страшным своим голосом.

Финн и ухом не повел. Дункан уже собирался повторить приказ, как заметил тонкие проводки, тянущиеся из кармана журналиста к ушам, — тот слушал плеер.

Выругавшись, Талискер медленно нагнулся, не спуская глаз со спины Финна, подобрал камешек и с силой запустил им в противника.

— Эй! — Журналист резко обернулся. Увидев знаменитого убийцу с пистолетом, он слегка вздрогнул и со смешанным выражением страха и восхищения поднял руки вверх.

— Мне нужны ключи.

— У меня их нет. Чаплин взял. Честно. — Голос Финна звучал на удивление спокойно. — Не доверил мне машину. Наверное, любит ее, как жену. Вы ведь Дункан Талискер, правда?

Беглец проклинал свою неудачливость. Меньше всего ему хотелось пускать в ход оружие.

— Спиной ко мне, руки за голову, — велел он. — Выше руки, чтобы я их видел.

— Вы ведь не будете стрелять? Пожалуйста, не трогайте меня. Я журналист. Я могу поведать миру вашу историю.

Талискер принялся пятиться, по-прежнему не сводя дула пистолета со спины Финна. Пройдя метров двадцать, он собирался побежать, надеясь, что журналист достаточно напуган, чтобы простоять с поднятыми руками несколько драгоценных минут. Проблема в том, что, похоже, он не очень испугался.

— Вы все еще там? — крикнул Финн. — Подумайте, Талискер, это ваш шанс рассказать людям, как было на самом деле, открыть им глаза. Я знаю, что вы все годы тюрьмы отрицали свою причастность к убийствам.

Талискер дошел почти до туалетов, но голос Финна доносился к нему через снежную завесу на удивление четко и ясно. Смахнув с лица снежинки, он постарался понять, остался ли журналист на месте.

— Мою историю, — тихонько проговорил он. — Вам никогда в нее не поверить. — Дункан снова двинулся вперед, не сводя дула с мишени.

— Что ты делаешь, черт возьми? — Малки появился между Талискером и машиной. — Пора убираться отсюда. Он тебя просто заманивает, взывает к твоему тщеславию, неужели не понимаешь?

— Нет, тот человек считает, что я должен поведать людям правду... Может, я сумею...

— Что? Объяснить? «Я ни в чем не виноват»? — К удивлению Талискера, Малки обнажил меч. — Вернись, Дункан!

— С вами... кто-то есть? — Финн начинал нервничать.

— Что ты собираешься делать с мечом? — фыркнул Талискер. — Убери его, Малки, здесь он не настоящий, как и ты.

— Предложение этого придурка тоже фальшивое, — ответил призрак. — Даже если он и расскажет твою историю, то всю ее переврет.

— Нет, здесь только я, — крикнул Дункан. — Так, можешь медленно повернуться. Руки положи на капот машины.

Финн повиновался.

— Не верю своим глазам!.. — Малки швырнул меч на землю от возмущения.

Талискер пригляделся к Финну — тот казался слишком юным, чтобы писать об убийствах. Меньше тридцати.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать пять.

— Надо же, старше меня. — Талискер стряхнул с лица снег, понимая, что должен действовать быстрее, иначе замерзнет. — У меня нет времени на долгие рассказы. Где Чаплин?

Финн указал рукой в сторону леса.

— Отправился туда. Вы правы, времени слишком мало. Он легко найдет ваши следы в таком снегу. Я дам вам мою визитную карточку, и вы сможете позвонить. Обещаю не пытаться вас выследить.

Он сунул руку во внутренний карман, и Талискер угрожающе взмахнул пистолетом.

— Спокойно, я всего лишь доставал карточку.

Открыв бумажник, журналист вытащил искомое. Талискер протянул за ней руку, и их пальцы соприкоснулись.

Беглецу снова явилось видение. Не теперь, лихорадочно подумал он, только не теперь...

В темной комнате на полу сидит мальчик и плачет так горько, что сердце разрывается. Глаза плотно закрыты, из уголка рта тянется ниточка слюны. Он раскачивается взад-вперед, держа на коленях то ли собачку, то ли кошку — видно только черную шерсть. Мальчик сидит в большой темной луже. В комнате царит полный хаос, мебель разбросана, как будто ее швыряли. Не мог же это сделать маленький худенький мальчик... Теперь Талискер ясно видел, что ребенок сидит в луже теплой крови и, Господи Боже, баюкает на коленях отрубленную голову...

Талискер взял карточку.

— С вами все в порядке? — спросил Финн. — Не лучше ли сдаться? Говорят, сегодня ожидается сильный снегопад, а вы уже замерзли.

— Мне пора, — пробормотал Талискер. — Я... я позвоню. Может быть. — Он попятился, по-прежнему с пистолетом в руках. — Развернись.

Финн повиновался, и на сей раз Талискер выполнил свой первоначальный план и побежал к дельте. Он слышал, что Малки бежит рядом.

— Что ты увидел?

— Потом скажу, Малки. Не хочу сбиться с дыхания.

Снег уже ложился на землю, бежать стало труднее. Талискер дважды поскользнулся и упал на припорошенные камни. Мешали синяки и раны, полученные в обоих мирах, да еще холод. Он уже собирался остановиться, как слева от себя услышал голос Чаплина:

— Талискер!

Дункан одним движением вытащил пистолет и направил его на противника. Алессандро стоял в двадцати шагах, целясь в грудь беглецу. Ни один не выстрелил, оба старались отдышаться — легкие горели от морозного воздуха. Повисло молчание.

— Инспектор Чаплин! — На берегу появился журналист, и Талискер коротко глянул на него.

— Он не вооружен, — ровно выговорил Чаплин. — Финн, держитесь подальше.

Тот остановился между двумя мужчинами.

— Идите сюда, встаньте мне за спину, — спокойно приказал полицейский.

— Чаплин. — Талискер взял себя в руки, стараясь дышать ровно. — Послушай, ты знаешь, что убийца не я. Ты знаешь, где я был прошлой ночью и всю прошлую неделю.

— Да, верно, послушай его. — Горец снова появился рядом со своим потомком.

— А ты вообще не вмешивайся, Малки, — нахмурился инспектор.

— Что? С кем вы?.. — изумился Финн.

— Он решит, что ты спятил, если будешь и дальше говорить с Малколмом, — хрипло рассмеялся Талискер.

— Так где... ты был? — запинаясь, спросил Чаплин.

— В Сутре. Как и ты, сеаннах.

— Лжешь! Брось оружие, Дункан, я отвезу тебя в участок.

— Ну уж нет. Стреляй, если хочешь.

— Брось пистолет.

Настала тишина. Пальцы Талискера медленно сжались вокруг спускового крючка. Единственный выход для них обоих — смерть.

— Прекратите! — Малки выбежал на линию огня.

Хотя он был почти совсем прозрачный, некоторые части тела и одежды все же мешали противникам видеть друг друга.

— С дороги, Малки! — завопил Талискер.

— Нет, парни, я не дам вам наделать глупостей. — Горец повернулся к Чаплину. — Сандро, пожалуйста, вспомни битву в Руаннох Вере, Уну, Мориаса, Брис, Коналла. Вспомни сказания! Мориас сделал тебя сеаннахом. Ты так гордился этим, сражался в отряде Фергуса...

— Нет! Нет! — Чаплин затряс головой. — Ты лжешь, это просто галлюцинации. Ты лжешь!

— Но ты все помнишь, верно? — обвиняюще воскликнул Малки. — Как насчет Мирранон?

— Мирранон? Нет... — Он опустил пистолет и перевел взгляд на Малки.

Финну казалось, что Чаплин сходит с ума, и молодой человек был поражен.

— Что происходит, инспектор? Инспектор? — Журналист потряс его за плечо, загородив обзор. Малки махнул Талискеру — беги!

Чаплин посмотрел на Финна, не сразу сообразив, кто перед ним. Малки понимал, что не стоит доверять полицейскому — тот слишком неуравновешен.

— Ты знаешь, что это правда, Сандро. Подумай. Ведь ты меня видишь? Это ненормально, зато чистая правда.

— Финн, я... я...

— Вы с Дунканом оба были там, — продолжил Малки.

Взгляд Чаплина метнулся туда, где только что стоял Талискер. Там никого не было.

ГЛАВА 13

По пути через заснеженную рощу Талискер думал о своем столкновении с Чаплином. Он удивился ярости, охватившей его, когда полицейский принялся яростно отрицать существование Сутры. На самом деле, говорил себе беглец, инспектор не хотел признавать, что их столь многое связывает, ему проще поверить в то, что Талискер — маньяк-убийца. В следующий раз, когда они встретятся, придет время сводить счеты.

Дункан сжал в руке пистолет, размышляя, насколько проще было бы в этом мире без Чаплина, насколько легко...

Он споткнулся о корень, укрытый снегом, рухнул на подмороженную землю лицом вниз и застыл, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание...

Но это не обморок. Талискер оказался в Ничто... хотя каким образом? Не умирает же он? Всего лишь споткнулся и упал, пустяк. И Малки тут явно ни при чем.

Дункан огляделся. Похоже, он никогда не был в этой части Ничто. Здесь тепло и в то же время очень жутко, словно пустота высасывает волю к жизни. Кроме того, кто-то или что-то наблюдало за ним...

— Эй, кто здесь?

С диким грохотом в двух шагах от него возникает огромная расселина, оттуда бьет ослепительный белый свет. Лучи тянутся вверх, яркие, как серебро, и невозможно увидеть, что скрыто за их сиянием. С другой стороны бездны раздается голос:

— Талискер. Наконец-то я привлек твое внимание.

Дункан прищуривается, пытаясь все же разглядеть сквозь слепящий свет, чей презрительный голос отдается эхом от невидимых стен.

— Я в Ничто? Что тебе нужно?

Прорисовывается неясный силуэт. Неизвестный стоит, небрежно прислонившись к чему-то большому и черному.

— Ты знаешь, почему ты способен оказываться здесь, верно?

— Ну, я...

— Твоя душа разделена между мирами. И, к большому моему сожалению, тебя довольно трудно убить.

— Кто ты?

— В самом деле! — Существо презрительно смеется. — Даю тебе повод задуматься. Вот, скажем, убийства.

— Убийства? — Талискер делает шаг вперед. — Ты знаешь, кто их совершил?

— О да. — Еще один смешок. — И они будут продолжаться, Талискер, пока ты не сделаешь кое-что.

— Что, например? Я не виноват!

— Ну, и да, и нет. Видишь ли, я хочу, чтобы ты оставался в своем городе... Случалось слышать о личных демонах? В твоем случае он вообще сделан на заказ.

Свет вспыхивает ярче, поднимается волна жара. Скоро станет невозможно стоять. Прямо на глазах у Талискера силуэт начинает меняться, расти. В серебряном свете видно, как появляются перья.

— Я не понимаю...

Огромный ворон раскрыл крылья, готовясь улетать.

— Каждую ночь, Талискер. Он будет убивать каждую ночь. Пока не прикончит тебя.

Крылья птицы поднимают чудовищный ветер, и даже серебряный свет слегка меркнет. Обжигающая волна жара и света накатывает на Талискера, и он закрывает лицо руками.

— Это нечестно!..

— Нечестно? — Злобный смех превращается в крик... крик ворона...

Талискер сел. Все это время он лежал на снегу, и свежие хлопья падали на спину и ноги. Из носа текла кровь. Видимо, путешествие в Ничто заняло всего несколько минут, раз она все еще не остановилась.

Дункан поднялся, стуча зубами от холода. Нужно идти, иначе ему конец. Теперь невозможно понять, преследует его Чаплин или вернулся в участок, чтобы получить подкрепление и передохнуть.

Талискер вернулся мыслями к увиденному в пустоте. Увы, приходилось признать, что не силами Мирранон оказался он там и что Корвус, хоть и скован богами, способен дотянуться до его мира. Дункан стоял в запорошенном снегом лесу, охваченный страхом и яростью. В Сутре в битве погибли тысячи бойцов, но то была не его вина; здесь, в Эдинбурге, в смертях действительно виноват он. Молодых женщин убивала тварь, посланная ему как предупреждение. Теперь все ясно.

— Корвус, — пробормотал Дункан.

И побрел по лесу, чувствуя, как тело постепенно разогревается.

Сначала он принял его за человека и, заметив краем глаза движение в бело-зеленом лесу, моментально спрятался за ближайшим стволом. Только когда неизвестный приблизился, Талискер осознал, что тот невероятно высок и затылком касается нижних ветвей, нисколько не обращая внимания на сыплющийся

снег. Кроме того, его походка тоже была странной — незнакомец шел довольно быстро, но все время спотыкался, будто вот-вот упадет лицом в снег. Наконец Талискер увидел его лицо и в тот же миг понял, что перед ним не человек — ни у кого не бывает такой мертвой, тускло блестящей кожи.

Значит, перед ним то, о чем говорил Корвус; личный демон.

Прямо за его спиной раздался шум, Талискер обернулся и увидел тварь, а она увидела его, или так ему показалось. Демон смотрел прямо на Дункана, но никак не реагировал на него. Талискер решил бежать, как только тот подойдет еще ближе и нападет. Десять футов, пять... Убегать уже слишком поздно, однако тварь по-прежнему не нападала. Наконец, приблизившись настолько, что Талискер мог коснуться лохмотьев, она повернулась и побрела к воде.

— Дункан, — тихонько проговорил Малки, чувствуя, что Талискер находится на грани. — Беги, иначе демон тебя настигнет.

— Пусть. Мне все равно. Корвус хочет моей смерти. Потому и погибли те девушки.

— Корвус боится тебя, вот и натравил эту тварь.

— Демона нельзя убить, так сказал его создатель.

— Конечно, сказал, еще бы. Чтобы ты опустил руки, сдался... Тварь тебя выслеживает, идет за тобой через время. Понял?

— Откуда ты знаешь, Малки? — нахмурился Талискер.

— Я вижу твои следы; готов поспорить, он тоже. Лучше заранее придумать, как мы будем сражаться с ним.

— Эх, — вздохнул Талискер, — Господь свидетель, мне жаль, что вместо меча у меня только дурацкий пистолет.

— Пойдем, — позвал его Малколм. — Обсудим планы на ходу. Наверное, последуем его примеру и вернемся по собственным следам. И еще одно, Дункан. Помни, я не могу помочь тебе в этом мире. Я только призрак. Ты будешь с ним один на один.

Что-то случилось с миром, когда они побрели по следам Талискера, — словно тайная магия связала троих: Дункана, Малки и демона. Их следы, пересекающиеся, как паутина, сияли среди деревьев. Они будто ступили на временную линию, оказались в том же пространстве, где и тварь Корвуса. Стало гораздо светлее — вечер превратился в утро. Талискер заметил, что и море ведет себя странно — волны откатывались назад, прилив отступал.

— По крайней мере Тезею хватило ума выбраться из лабиринта, — пробормотал Дункан.

Малки молчал — путешествие вспять действовало ему на нервы. Кроме шума прилива, слышны были только шаги демона. Еще ему было не по себе от снега, улетающего вверх. Горец обнажил меч, пытаясь найти успокоение в его рукояти.

— Малки. — Талискер остановился и внимательно посмотрел на друга. — Я знаю, что ты можешь отправить меня в Сутру.

— Только если ты при смерти.

— Когда мы догоним эту тварь, не вмешивайся. Если она убьет меня... пускай.

— Но...

— Я так хочу. Все окончится, придет к логическому завершению. Понимаешь?

— Да.

— Обещай.

— Хорошо.

Тварь дважды прошла всего в нескольких футах от них, но ни разу не заметила — она не отрывала глаз от следа. Малки присвистнул, в первый раз как следует разглядев ее.

— Ничего себе зверушка!..

Талискер потерял чувство времени; все же ему казалось, что они шли примерно час. След становился все ярче.

— Вот-вот, — пробормотал он, вытащил пистолет и подобрал толстую палку с земли. — Это на всякий случай.

Настала тишина, Дункан подозрительно оглядывался по сторонам. Его тревожило, что такая огромная тварь не издает никаких звуков. Потом из леса донеслось громкое рычание, и демон бросился им навстречу. Талискер выстрелил раз, другой... тот даже не пошатнулся.

— Господи Боже мой...

Еще один выстрел. Щелчок — патроны закончились. Дункан отшвырнул пистолет и поднял над головой палку.

— Давай, иди сюда, — проревел он, чувствуя волну адреналина. — Давай же!

Демон еще приблизился, и их пути — пути прошлого и будущего — пересеклись. Лес, снег, море — все исчезло, они оказались в багровой пустоте, один на один. То был момент вне места, вне времени. На лбу Дункана выступил пот — ему стало одновременно жарко и холодно. Несколько секунд он не мог даже шевельнуться, только смотрел на огромную фигуру, заполнившую все поле зрения, медленно и неуклонно приближавшуюся. Тварь была пародией на человека. Обрывки одежды и складки желтоватой кожи свисали с нее и двигались в такт шагам в безумном танце. Наконец Талискер сбросил с себя оцепенение, занес импровизированную дубинку над головой и...

— Давай!

Он ударил.

Палка попала демону по шее, раздался отвратительный звук. Тварь отлетела в сторону, и Талискер уже было решил, что она упадет. Пользуясь преимуществом, он попытался нане-

сти еще один удар, однако демон оказался удивительно быстр — восстановил равновесие, протянул руку, вырвал палку у противника и отшвырнул ее в сторону. Потом отвратительная желтоватая лапа обхватила человека за шею, пальцы легко сомкнулись, и Талискера подняли в воздух. Он лягался и вырывался, слыша собственные хрипы и свистящее дыхание демона.

В глазах потемнело. Дункан начал терять сознание, но продолжал изо всех сил лягаться и вырываться, и, когда он уже почти отключился, мучитель разжал лапу. Времени отскочить не было — демон схватил его за волосы. Талискер завопил, тщетно пытаясь дотянуться хоть до чего-нибудь. Ему начинало казаться, что тварь просто разорвет его на две части, поэтому он никак не ожидал удара по голове. По лицу и шее полилась кровь, и Талискер закашлялся, когда она попала в рот.

— Дункан! Сделай что-нибудь! — завопил Малки.

Снова удар. И еще один, на сей раз по ребрам. Затрещали ломающиеся кости. На мгновение тварь отпустила его волосы, однако Талискер уже почти не чувствовал ног, хотя они все еще были целы. Глаза залили пот и кровь. Он начал валиться на землю, но тварь не дала ему упасть, схватила за талию и шею. Да, на сей раз его точно разорвут на части. Демон поднял его в воздух. Господи Боже, сейчас он умрет. Жалкие попытки вырваться, отвратительный хруст, собственный крик, дикая боль, боль, боль... и ничего.

Темнота.

— Ты сделал это, Малки, — разнесся в пустоте его голос, — о чем я тебя просил?

— Прости, Дункан. Я не смог.

— Дункан? Дункан?

Он открыл глаза и почувствовал, что кто-то держит его за руку. Сил повернуть голову не было, но он все равно понял — рядом Уна.

Над ним склонился Малки.

— Я не мог смотреть, как тебя убивают. Просто не мог...

— Ладно, Малки, я не сержусь. — Он попытался улыбнуться. Губы потрескались и ужасно болели. — Я правда был там?

В ответ Малки взял руку Талискера и поднес к его горлу, к вещице, принесенной из другого мира. Дункан ощупал круглый медальончик со святым Христофором.

Хотелось спать. Из последних сил он повернулся и посмотрел на Уну — та явно долго плакала, и лицо слегка опухло. Девушка ничего не сказала, просто улыбнулась, и по ее щеке скатилась слезинка.

Засыпая, Талискер удовлетворенно улыбнулся. К улыбке примешивалось то, чего Уна никак не могла понять, но Малки догадался. Немного злорадства.

— А Чаплин здесь? Я хочу его видеть...

* * *

Талискер проснулся на утро, должно быть, второе по счету после битвы в Руаннох Вере, хотя кто знает, сколько его не было в Сутре? Непременно надо уточнить у Малки — он один знал все, не считая Чаплина, конечно. При мысли о полицейском в нем снова вспыхнула ярость, но сейчас злиться не хотелось.

Пока Талискер даже наслаждался своей слабостью. Да, сил у него было не больше, чем у дряхлого старика, зато его окружали уют и тепло. Болезнь напоминала ему школьные годы: когда он не ходил на занятия, мать приносила сладкий чай и позволяла читать комиксы в постели. Дункан закрыл глаза и задумался, принесут ли ему еды. В комнату вместе с ветерком принесло осенний аромат — запах костров.

Он открыл глаза. Что-то его встревожило.

— Талискер?

Прислонившись к двери, стоял Чаплин.

— Значит, ты тоже вернулся? — прошипел Талискер. Полицейский неловко переступил с ноги на ногу, и Дункан решил, что тот хочет извиниться. — Только не проси прощения, не хочу ничего слышать.

— Прощения? — искренне удивился Чаплин. — Ты что, по дороге сюда мозги растерял? Я вернулся не по доброй воле. Но, как я и говорил, это ничего не меняет. Всего пара часов в том мире, и ты уже совершил убийство. Сотни кораннидов не хватило? Или они чересчур сопротивлялись, чтобы это доставляло тебе удовольствие? Мы оба знаем, что ты упиваешься чужим страданием — наш великий и могучий герой.

Талискер пришел в ярость.

— Ты же отрицал реальность существования этого мира! — завопил он.

Чаплин злобно бросил:

— Хорошо, Талискер, скажу только один раз: да, здесь все на самом деле. Ну и что?

— Ты знаешь, что я был здесь. Знаешь, что я не мог...

— Ты убийца, — тихо проговорил Чаплин. — Я арестую тебя, как только мы окажемся в Эдинбурге. А здесь... просто будь осторожнее.

— Угрожаешь? — Талискер выбрался из постели, забыв о собственной слабости, и стоял, пошатываясь, в старой ночной сорочке, которую кто-то надел на него. — Давай же! Давай, Чаплин, только ты и я.

Талискер слишком поздно понял, что ноги не удержат его. Он рухнул на колени, пытаясь уцепиться за кровать, и застонал от боли — рана на боку снова открылась.

— Ты ничтожество, — бросил Чаплин, развернулся и ушел.

— Держись от меня подальше! — заорал Дункан, теряя рассудок от ярости. — Проклятый ублюдок! Держись от меня подальше, или я тебя убью! Слышишь? Убью!

Он с трудом поднялся и сел на краешек кровати. Значит, Чаплин стоит на своем, как будто ничего не изменилось. Но ведь все не так. Талискер понял, что безумно хотел услышать, как Алессандро, его самый старый друг и враг, просит прощения. Он нуждался в этих словах...

Снова устроившись на постели, Дункан понял две вещи: во-первых, на кострах, наверное, сжигают тела погибших в битве, чтобы не началась эпидемия, а во-вторых, ему нужно было рассказать что-то про Финна, только он забыл, что именно. Ну и ладно.

Леди Улла приходила в себя. Она поняла это по острой боли, охватившей тело. Сперва вспыхнула мысль о Дом, но безутешная мать встретилась с убитой дочерью в пустоте и попрощалась с ней. Вспомнилось и еще кое-что — ощущение, как ее подняли и несут на руках. Еще с ней говорил голос, мягкий, нежный и добрый. Она не чувствовала такой заботы со смерти Каллума. Улла позволила воспоминаниям охватить себя и, уже проваливаясь в сон, вновь ощутила горько-сладкий запах тела незнакомца.

Когда она проснулась, комнату пронизывали солнечные лучи, в которых танцевали пылинки. Из-за деревянных балок под потолком доносились крики горлиц.

— Леди Улла? Наконец-то!

Рядом с постелью сидел Мориас, сеаннах, опираясь на дубовый посох.

— Мы уже боялись самого худшего, госпожа. Как вы себя чувствуете?

Она вспомнила ужас и боль, из-за которых попала в эту золотую комнату, и поглубже зарылась в одеяла.

— Хорошо, насколько это возможно, сеаннах. — В горле пересохло, и сказитель протянул ей чашку с водой. Сделав пару глотков, Улла спросила: — А отец знает, что я здесь?

Сеаннах старательно избегал ее взгляда.

— Пожалуйста, Мориас, скажи мне, — взмолилась она. — Неужели я и вправду убила мою Киру?

— Да, — вздохнул Мориас. — Хотя припомните мои слова, когда ею завладел Корвус: на самом деле ее уже не было в этом мире.

— А отец? Он сможет простить? Он ударил меня, когда не знал правды.

Мориас помолчал и снова вздохнул.

— Госпожа, он думает, что вы мертвы. Прошло три недели, а он даже не спросил, где вас похоронили.

— Три недели! — Улла пришла в ужас. — Скажи мне еще кое-что, Мориас... Когда отец почти убил меня, кто вынес меня оттуда? Кто принес в замок?

— Мой ученик, новый сеаннах, Алессандро Чаплин.

— Алессандро... — Молодая женщина улыбнулась. — Пусть зайдет ко мне, я хочу его поблагодарить.

— Увы, госпожа. Он уехал вместе с Макпьялутой три дня назад.

ГЛАВА 14

В тишине зимнего леса слышался только стук копыт, приглушенный снегом. Все вокруг было настолько ослепительно белым, что Талискер старался не смотреть дальше рыжего крупа коня Малки. Он не мерз в новом теплом шотландском плаще, подаренном Уной, однако все равно чувствовал себя не в своей тарелке — раньше ему не приходилось ездить верхом.

Накануне Дункан смущенно признался в этом своей подруге, и она согласилась дать ему пару уроков. Они встали до рассвета и отправились в конюшни. Смирный рыжий мерин, выбранный девушкой, послушно ездил кругами по замковому двору, но Талискер все равно решил, что ему не нравятся лошади, хоть он и ценит их значение в культуре и быте феинов.

В ночь перед отъездом они вышли из северных ворот и сели у края воды. Дункан с удивлением понял, что может легко открыть ей свою душу. Уна внимательно выслушала рассказ о Шуле.

— В нашем мире, — пояснил он, — почти все люди верят только в одного Бога, а не целый их пантеон. Шула — очень религиозный человек.

— И, кажется, очень мудрый, — кивнула Уна. — Ты любил ее, Дункан?

Этот простой вопрос застал его врасплох.

— Ну, не думаю... точнее, не знаю. Она единственный человек, которому есть до меня дело, поэтому я к ней отношусь по-особенному. Наверное, даже люблю в каком-то смысле.

— Дункан, я не ревную. Мы живем в разных мирах, так ведь?

Он поведал ей и о Корвусе, о встрече с ним в пустоте и что тот сказал об истинном убийце.

— Корвус хочет, чтобы ты навсегда исчез из Сутры, — значит сильно боится тебя, — заметила она.

— То же говорит и Малки, — согласился Талискер, — но это ничего не меняет. Из-за меня умирают женщины, а я бессилен.

— Ты отнесешь камень Мирранон, и она произнесет заклинание, подобного которому не слышали уже сотни лет. Она изгонит кораннидов, а ты убьешь Корвуса. Феины и сиды будут спасены от наступления черных времен. Ты спасешь тысячи жизней. — Ее глаза радостно вспыхнули.

Жители Руаннох Вера почти все время говорили об этом, отстраивая разрушенный город, и относились к Талискеру, Малки и Чаплину с огромным почтением. Дункана это нервировало.

— Ты так думаешь? — Он позволил себе миг тщеславия, заглянув в ее прекрасное лицо и увидев там безграничную веру. Потом ему стало не по себе. — Может, если бы здесь не было меня, феины и сиды придумали бы другой способ выйти из ситуации. Я принес камень — Бразнаир, — значит, остальное способен сделать кто-нибудь еще. А в Эдинбурге никто не сможет помочь этим девушкам, кроме меня. Каждую ночь демон совершает убийство.

— Он и тебя чуть не убил!

— Да, справиться с ним нелегко. Но я должен вернуться и попробовать еще раз. У меня нет выбора — демона нужно прикончить.

— Тогда ты сможешь остаться в Сутре навсегда, так ведь, Дункан? — Уна сжала его руку.

— Хорошо бы.

На следующий день, когда им с Малколмом пришло время отправиться в путь, к его ужасу — и немалому веселью Уны — тан Фергус подарил герою серого жеребца. Такой огромной лошади Талискер еще не видел.

Чаплин тоже уходил — вместе с принцем Макпьялутой отправлялся пешком через лес, Ор Коилле. Оказывается, дольмены возле озера Свет Небес были волшебными. И Талискер, и Чаплин получили указания от тана и Мориаса, однако обсуждать их друг с другом не стали — они и словом не перемолвились со времени последней стычки.

Когда Талискер и Малки уже поднялись в седла, готовясь тронуться в путь, к ним подошел Макпьялута.

— Да пребудет с вами удача в пути. — Он сдержанно поклонился и протянул руку.

Талискер пожал ее.

— И с вами. Я передам добрые пожелания сидов Мирранон, когда встречусь с ней. — Дункан неожиданно вспомнил, что она изгнанница. — Я хотел сказать...

Но принц кивнул в знак согласия.

— Нам нужны союзники.

Дункан бросил взгляд на Чаплина, который рылся в своем вещевом мешке, старательно игнорируя существование Талискера.

— Чао, Сандро.

Алессандро молча бросил на него свирепый взгляд.

* * *

Спустя три дня всадники поднялись на гребень холма. Их кони тяжело дышали, выпуская в воздух белые облачка пара. Позади без устали бежал бурый медведь, не обращая внимания на снег, доходивший ему по плеч. Зверь двигался легко и быстро, а лошади путников то и дело поскальзывались на обледеневшем склоне.

— Придется остановиться, Дункан, — выдохнул Малки. — От медведя нам не удрать. Он даже не устал, а мы загоним лошадей.

Талискер обернулся. Малки был прав. За полчаса преследования зверь нисколько не сбавил темпа. Дункан потянулся и вытащил меч. Придется убить его, ведь если с лошадьми что-нибудь случится, они с Малки погибнут в глуши.

— Давай на счет три. Один... два... три...

Оба развернули лошадей и увидели, что медведь уже поднимается на холм. При виде людей с мечами зверь встал на задние лапы, и оказалось, что он достигает восьми футов в высоту. Талискер выругался.

— По крайней мере мы выше, — заметил Малки.

Горец обнажил меч. Казалось, его не очень тревожит предстоящее столкновение с огромным медведем.

Настала тишина. Лошади медленно и неохотно спускались по склону. Потом медведь издал странный звук и стал внимательно рассматривать людей, крутя головой из стороны в сторону. Неожиданно его окутало розоватое облако света, бросив яркие отблески на снег.

Талискер и Малки остановили коней.

— Нам следовало догадаться, — проговорил Талискер.

— Я не собирался останавливаться и вежливо спрашивать его, — буркнул Малки.

Наконец свет померк, и перед ними предстал юноша в черных одеждах. На руке незнакомца была толстая кожаная перчатка. Лицо казалось более человеческим, чем у других сидов, а светлые волосы были коротко подстрижены. Он молча смотрел на путников, прищурив глаза, а потом вытянул руку в перчатке и пронзительно свистнул. Сверху спустилась хищная птица, размером побольше пустельги, но поменьше канюка. У нее была серо-голубая грудь, желтый клюв и удивительно острые когти. Птица смотрела на людей так же недоверчиво, как и ее хозяин, которому явно стало не по себе.

— Чего ты хочешь, парень? — окликнул его Малки. Незнакомцу на вид было лет пятнадцать.

— Н-ничего. Просто поговорить с вами.

Малки и Талискер обменялись взглядами. Сид из клана медведя оказался девушкой.

Дункан вздохнул. Снова повалил снег, и на вересковых пустошах воцарилась тишина.

— Как вас зовут... юная леди? — спросил он, подумав, не королевской ли она крови, как Макпьялута.

— Тайнэ, господин мой, а это Ветерок.

— Ну, Тайнэ, предлагаю разбить лагерь, а поговорить после. Начинается метель. Поможешь?

Она начала карабкаться по холму навстречу им.

— Туда. — Малки указал на темное пятно среди камней. — Идем.

Трое путников отправились ко входу в пещеру, который оказался довольно низким.

— Лошадей мы в такую дыру не затащим, — заметил горец.

— Здесь неподалеку есть неплохое укрытие, — высказалась девушка. — Если вы просто отпустите лошадей, они сами его найдут.

— Но потом уже к нам не вернутся.

Тайнэ прижалась лицом к морде серого коня Талискера.

— Я приведу их к вам. Верьте мне, я легко нахожу общий язык с животными.

Талискер пожал плечами и кивнул. Выбора, собственно, не было: если остаться снаружи с лошадьми, можно замерзнуть насмерть.

Тайнэ держала поводья, пока Малки расседлывал коней, снимал с них мешки с провизией, а потом пошла с ними вниз по склону, что-то негромко им говоря. Черные одежды летели по ветру.

Когда они вошли в пещеру, завывание ветра заметно стихло и даже стало казаться почти уютным. Талискер зажег факел, который Малки приготовил прошлым вечером. Горец смотрел на выход, явно обеспокоенный.

— Она может оказаться обычным конокрадом, — пробормотал он.

— Послушай, Малки, это я главный пессимист в здешних краях. — Талискер вручил ему факел, и друзья осмотрели пещеру. Каменные стены, покрытые мхом и лишайником, были влажными и склизкими, за исключением одного места, куда, должно быть, порой заглядывало солнце. Именно туда путники и сложили свои вещи.

Вернулась Тайнэ и внимательно посмотрела вглубь.

— Проверить, нет ли там медведей? — в шутку предложила она.

Талискер улыбнулся — оказывается, у сидов тоже бывает чувство юмора.

— В этих краях стоит опасаться волков. — Девушка отправилась осматривать пещеру и через несколько минут вернулась. — Все тихо. Но насчет волков я серьезно. Вы пересекаете их земли. Они самые нетерпимые из сидов и убьют вас, как только заметят. —

Сказав все это, она села у огня, скрестив ноги, и закрыла глаза.

— Тайнэ, можно спросить? — потревожил ее Талискер.

Девушка открыла глаза.

— Почему клан волков захочет нас убить?

— Ты Избранный, разве нет? Та-лиис-кер? И несешь камень Бразнаир Мирранон, Белой Орлице?

— Да, — кивнул Дункан. — Откуда ты знаешь?

Тайнэ рассмеялась.

— Все сиды знают. Мы движемся со скоростью зверей, в которых обращаемся, и вести разносятся быстрее, чем у людей.

— Если сиды такие могучие, то почему же ни один из вас не мог отнести Мирранон проклятый камень? — проворчал Малки. — Какого лешего мы с Дунканом должны морозить задницы?

Тайнэ серьезно посмотрела на него.

— Никто не решится коснуться камня. Ни один сид не возьмет на себя такую ответственность. И без того среди южных племен бушуют споры... Кто бы ни заполучил Бразнаир, это может привести к войне между сидами.

— Да, мы слышали от Макпьялуты.

— Вы видели принца! — Глаза Тайнэ вспыхнули. — Какой он? Красивый?

Талискер и Малки расхохотались, и смех разнесся по всей пещере. Их юная собеседница опустила голову.

— Прости, Тайнэ, — сказал Дункан. — Мы люди и мужчины, поэтому нам трудно судить. Хотя, кажется, он хороший человек... сид, я хотел сказать. Цельный. Он пошел с нашим другом...

— Я знаю, — перебила она. — С сеаннахом, пошел разбудить героев. Принц отправился в путь, чтобы еще немного отсрочить решение сидов. Совет Темы не может собраться без него.

— Откуда ты знаешь, Тайнэ? — удивился Малки. — Ты же совсем молодая.

Ее бледно-золотое лицо слегка порозовело.

— Я... стараюсь узнавать о принце все. Он... для меня какой-то особенный, не могу объяснить. А мама предупреждала меня, что он... нечист.

Малки приподнял бровь.

— То есть он никогда не моется?

— Нет, — смутилась девушка. — Так мы говорим о тех, которые больше любят пребывать в зверином обличье. Макпьялута гораздо чаще орел, чем сид, и некоторые считают, будто он больше думает о небесах, нежели о своих подданных.

Малки припомнилась ярость принца в ту ночь, когда он помог вылечить Талискера.

— А ты как думаешь, Тайнэ?

— Он великий правитель. Мне кажется, что орел — его истинная душа, однако он никогда не покинет нас.

— Ты права, — согласился Малки.

— Тайнэ, а что, по мнению сидов, может сделать Бразнаир? — спросил Талискер.

Она собиралась было ответить, но в этот миг в пещеру влетел Ветерок, неся в когтях убитого зайца.

— Неплохо бы поесть, — заметила девушка, достала ножик, отделила кусок мяса и кинула его Ветёрку, который принялся за еду.

Малки начал потрошить добычу.

— Как ты заставляешь его возвращаться к тебе, Тайнэ? Как-то подкармливаешь?

— Наверное, человеку так и пришлось бы поступать, но я могу общаться с ним, когда становлюсь Ашкой, медведем. Не я назвала его. Он сам поведал мне свое имя. Мы друзья.

— Так как начет камня? — Талискер вернулся к заданному вопросу.

— Не уверена, что вправе вам рассказать. Если принц Макпьялута промолчал, у него были на то причины.

Тайнэ была мудра не по годам. Макпьялута отказался обсуждать с ним пророчества сидов. Очевидно, он не доверял Талискеру.

— Дак, — заметил Малки из дальнего угла пещеры, — Макпьялута не слишком много поведал нам. Может, ему тоже нужно принять решение, о чем бы ни шла речь.

Девушка прикусила губу.

— Вы ведь не сердитесь на меня? Сердца многих сидов с вами. Коранниды убили немало моих соплеменников, а оглядываться назад, вспоминать прошлое бесполезно... — Она поняла, что сказала слишком много, покраснела и умолкла.

— Я видел медведя, — мрачно проговорил Малки, — когда мы только шли в Руаннох Вер. Помнишь, Дункан? Мне пришлось убить его, потому что на него напал кораннид. — Он сплюнул на пол. — Странно, что когда он умер, то принял человеческий облик. Оказался молодым парнем, очень красивым. — Смерть юноши глубоко тронула горца, и он не забыл ее, несмотря на все смерти, виденные с тех пор.

— Да, — тихо отозвалась Тайнэ. — Феины называют медведей наименее изменившимися. Они считают, что мы более всех похожи на людей. Видите, я вот тоже похожа на человека.

— Смотри. — Малки сунул руку в мешочек на поясе и передал Тайнэ что-то, вспыхнувшее в свете костра золотом.

— Где вы нашли это? — спросила девушка дрожащим голосом.

— На ухе медведя, — объяснил Малки.

— Он был *раукнаром*, посланником. Их очень чтут в нашем народе и у всех сидов. Скорее всего он должен был предупредить о близящейся атаке на город. Наши земли располагаются к се-

 веро-востоку от озера Света Небес, на окраине Ор Коиля,

великого леса. Должно быть, тан послал его сообщить нам, что в лесу много кораннидов. Мой старший брат тоже посланник...

Она протянула серьгу Малки, и глаза ее наполнились слезами. В наступившей тишине Малки нанизал мясо на палочки и принялся жарить его на огне.

— Тайнэ, мне жаль, что мы тебя расстроили, — мягко произнес Талискер. — Но как ты оказалась столь далеко от земель своего клана? На севере война, почему же ты не со своей семьей?

— Я ушла, — коротко сообщила девушка. — Решила немного пострансствовать.

— Попросту говоря, сбежала, плутишка, — улыбнулся Малки. — Может, пока отправишься с нами? Ведь ты бы хотела увидеть Белую Орлицу?

Настал черед Тайнэ рассмеяться.

— Я добралась бы туда быстрее одна. Вы слишком далеко свернули на юг. А я должна встретиться кое с кем в Низинах.

— Отлично, — простонал Талискер. — Я предупреждал, что лучше послать кого-нибудь другого!.. Господи Христе, я провел пятнадцать лет в камере. Чего они ждали?

— Ты был в тюрьме? — с интересом спросила девушка.

Малки поспешно сменил тему:

— Значит, ты встречаешься с парнем, да?

— Может, и так, — настороженно ответила она. — Давайте поедим. Я ужасно проголодалась.

Через пару часов улеглись спать. Тайнэ согласилась отправиться с ними на север, покуда не доведет их до места, где трудно заблудиться. К сожалению, дольше задержаться она на могла, потому что человек, с которым она встречалась, собирался ждать ее всего два дня. Когда ее стали расспрашивать про него, девушка уставилась в огонь.

— Он не из моего народа, просто человек. Его имя Оуэн, и он происходит из клана Хув, живущего к югу от Линфара. Там нет больших городов, как здесь, и совсем другая природа, почти весь год зелено и нет гор. И небо там видно далеко-далеко. Мы будем жить на равнинах, и я никогда не стану обращаться в Ашку.

— Но, Тайнэ, ты же станешь изгнанницей вроде Мирранон. Как ты можешь решиться на такое?

— Я люблю его. Он радует мое сердце. Когда я с ним, Сутра полна цветов. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу Оуэна на равнине под голубым небом... Неужели ни один из вас не любил? Это так просто...

Талискер промолчал. С первого взгляда действительно просто, хотя его опыт говорил об ином...

— Да, — тихонько проговорил Малки. — Когда мы с Мораг только встретились, у нас все было так же. Слав-

ные деньки... Но потом наша любовь обрела иное лицо. У нас появилась дочь, Ильза. Я не хочу сказать, что мы охладели друг к другу — вовсе нет, — однако все изменилось, и только к лучшему.

— А я и не знал, что у тебя была семья, Малки, — сказал Талискер. — Что с ними случилось?

— Они умерли там, в Мэри-Кинг-Клоуз. Мораг очень быстро, а детка... Мне пришлось задушить ее во сне. — Он умолк. Дункан погладил друга по плечу, выражая бесполезное сочувствие, и на некоторое время воцарилась тишина.

— Тебе следует вернуться к родителям, Тайнэ, — наконец промолвил Малки. — Должно быть, они вне себя от горя. Ты еще совсем молода...

— Неужели... — начала девушка, но ее слова прервал волчий вой совсем близко. — Быстро. Гасите факелы! — прошептала она.

Малки схватил все три факела и бросился в конец пещеры, где сунул их в воду. Путники долго сидели молча, завернувшись в одеяла, и следили за входом в пещеру. Снаружи валил густой снег, и порой мелькали темные тени, но ни одна из них не заглянула в убежище.

Почти весь следующий день Тайнэ провела с ними, нисколько не отставая от лошадей и совершенно не уставая. Она принимала человеческий облик только на привале и тогда весело болтала с Малки, который обращался с ней по-отцовски, что забавляло и трогало Талискера. Ближе к вечеру они остановились, и Ашка снова стала Тайнэ, чтобы попрощаться.

— Мне пора, — сказала девушка. — Вон там, на северо-западе, находятся Синие горы. Найдите тропу, ведущую к перевалу, — возле нее стоит камень в форме орла с раскрытыми крыльями. Держитесь справа от реки и на другой стороне гор увидите долину, где и живет Мирранон. Думаю, она отправит кого-нибудь вам навстречу, если не выйдет сама.

— Спасибо, Тайнэ, — поблагодарил Талискер. — Ты отправляешься на юг?

— Да, мне придется вас оставить, если я хочу встретиться с Оуэном. Будьте осторожны, холодает. И остерегайтесь волков.

Малки обнял девушку, и, к его большому удовольствию, она даже не поморщилась, когда ее коснулась холодная плоть.

— Я по-прежнему считаю, что тебе следует вернуться домой, — заметил горец. — Еще раз подумай, стоит ли того Оуэн.

— Обязательно. До свидания. До свидания, Талискер. Да пребудут с тобой боги.

Сказав это, она обратилась в Ашку и двинулась в путь. Мужчины помахали ей вслед и направили коней в горы.

— Чудная девушка, — заметил Малки. — Не так уж часто случается, что люди становятся близкими с первой минуты встречи. Знаешь, на мгновение мне показалось, что... будто я ее знал когда-то. Может, если бы моя Ильза...

— Давай, Малки, проедем еще часа два, пока не наступила ночь. — С этими словами Талискер погнал коня вперед.

На ночлег расположились в березовой рощице. Тонкие ветки не слишком-то защищали от ветра, однако лучшего укрытия не нашли. Талискер был уверен, что их преследуют волки, и несколько раз даже видел серые тени. Он ничего не сказал об этом Малки; впрочем, когда они разожгли огонь, горец заметил:

— Нам бы лучше ехать всю ночь. Не хочу тебя тревожить, Дункан, но я видел пару волков.

Договорились по очереди сторожить. Талискеру выпало нести вахту перед рассветом. Стало совсем холодно; он поплотнее завернулся в одеяло и уставился в огонь.

Его разбудил Малки.

— Дункан, вставай. Лошадей нет.

Чаплин холодно посмотрел на орла. Если он и испытывал когда-нибудь теплые чувства к Мапьялуте, то за пять дней совместного пути они исчезли. Действия принца были понятны, но легче от этого не становилось. К тому же Чаплин вообще не хотел никуда ехать. В его планы не входило удаляться от Талискера и камня — единственной ниточки с Эдинбургом. Убедил Мориас.

— Мирранон ничего не сможет без тебя сделать. Трое прошли сквозь врата, и вернуться могут только трое. Так подсказывает здравый смысл, — легко солгал сеаннах. — Пойми, Чаплин, сама земля избрала тебя. Ты новый сеаннах, и только ты можешь вызвать *Фер Криг*, героев. Я бы, конечно, пошел, да старость не позволит мне добраться туда живым.

— Почему ты не предупредил меня раньше? — злился Чаплин. — Ты встретился с Талискером и мной у проклятых камней. Почему мы не сделали этого тогда?

— Я не думал, что это возможно. Идея принадлежит Макпьялуте.

Макпьялута...

После первого же нападения отряда кораннидов Чаплин раздумал идти. Он решил, что если поспешит, то сможет обогнуть город и догнать Талискера и Малки. Однако стоило ему повернуть назад, как на тропу перед ним приземлился орел.

— *Ты куда?* — раздался голос в голове. Птица глядела, не мигая.

— С меня довольно, — рявкнул Чаплин. — Нас здесь просто убьют. Лес кишмя кишит кораннидами, а я даже не верхом.

— *Лошадь не слишком помогла бы тебе в лесу, и ты это прекрасно знаешь. Значит, боишься?*

— Нет, — солгал Алессандро. — Просто не хочу так глупо лишиться жизни.

— *Проклятый трус.* — Птица мóргнула.

— Что?

— *Ты слышал. Мне надо было идти самому. Нет, надо было напасть на твоего драгоценного Талискера и отнять у него камень. А я позволил тану и старому глупцу сеаннаху указывать мне... И теперь служу нянькой жалкому трусу! Ты пойдешь вперед, Алессандро Чаплин, потому что я дал слово.*

— Ты не можешь меня заставить... — начал Чаплин.

— *Могу,* — перебил Макпьялута и без лишних слов показал это — схватил в когти бревно и разорвал его на две части.

Чаплина страшно разозлили угрозы, и он обнажил меч.

— Я не трус, Макпьялута! — заорал Алессандро.

Но орел более не посылал телепатических сообщений, а взмыл в небо и принялся высматривать кораннидов. Ветер, поднятый могучими крыльями, качнул кусты на поляне, взметнул волосы и плащ Чаплина.

— Я не трус! — снова завопил полицейский, размахивая мечом. — Я сицилиец!

Увы, орел улетел вперед и не обращал на него внимания. Оставалось лишь вложить меч в ножны и последовать за ним.

Теперь, на пятый день пути, Чаплин подошел к полянке, на которой Макпьялута решил остановиться на ночлег. Алессандро внимательно посмотрел на орла, размышляя, спит ли тот хоть когда-нибудь. Путники словом не обмолвились со времени своей стычки, и в нормальной ситуации это не обеспокоило бы Чаплина — он мог бы дуться остаток жизни, особенно если его назвали трусом, — но сегодня ему нужно было поговорить с принцем.

— Макпьялута, за нами следят.

Сид резко обернулся и принял человеческий облик.

— Это невозможно, — сказал он. — Я кружил над тобой всю дорогу. Там никого нет.

— А я говорю, есть, — настаивал Чаплин. — Я уже три раза слышал что-то.

— Зверь? Кораннид?

— Нет... не знаю точно. Кажется, человек.

— Пойду посмотрю, — холодно проговорил Макпьялута, оскорбленный тем, что его способности подвергают сомнению. — А ты, быть может, соизволишь развести костер?

Чаплин сдержанно кивнул, а принц принял облик орла и взмыл в вечернее небо.

Два часа спустя он все еще не вернулся. Совсем стемнело, и Алессандро придвинулся ближе к огню, вслушиваясь в лесные звуки — вдруг подкрадется какой-нибудь зверь? Он был уверен, что Макпьялута не показывается нарочно, чтобы выразить свое презрение, и наблюдает свысока, как он нервничает, так что полицейский старался двигаться естественно и спокойно. По неизвестной причине ему вспомнился отец. Вот кто с радостью воспринял бы все это — битвы, задание вызвать к жизни *Фер Криг*, вот кто стал бы великим воином, о котором складывают легенды. Всю жизнь отец боролся с чем-то, нес в своей душе заряд темной ярости...

В деревьях раздался придушенный крик. Чаплин бросился к огню и схватил горящую ветку. Сердце колотилось как бешеное. На поляну спустилась огромная тень — орел. Макпьялута выпустил из когтей что-то серое, большое, упавшее в кусты с приглушенным стоном.

— *Как ни печально признавать,* — объявил принц, — *ты оказался прав. За нами и в самом деле следили, причем весьма неумело.*

Чаплин бросился к серой фигуре.

— Стоять! Бросай оружие! — приказал он.

Фигура с трудом вылезла из кустов, серыми одеждами цепляясь за колючки. Макпьялута приземлился рядом с Чаплином, обратился в человека и обнажил меч.

— Пожалуйста, не надо... Это я... — раздался знакомый женский голос.

Мужчины переглянулись. Незнакомка откинула капюшон плаща.

— Это я. Леди Улла.

Макпьялута был сражен. Он бросился вперед и помог девушке дойти до костра, непрерывно бормоча извинения. Чаплин с трудом сдерживал смех при виде смущения заносчивого принца, однако первый взгляд на Уллу в свете костра уничтожил желание веселиться. Она была исцарапана кустами, глаза слегка заплыли, изуродованная сторона лица покрылась язвами. Как ни странно, к огню дочь тана подошла почти самостоятельно и с радостью опустилась на одеяла Чаплина.

— Госпожа моя, с вами все в порядке?

— Более или менее, сеаннах. — Она коснулась лица. — Мне не хватает моего бальзама, и я недооценила трудности пути. К боли я привыкла, но к такому...

— Госпожа, позвольте мне, чтобы хоть отчасти искупить свою вину, сделать вам бальзам. Мы, сиды, прирожденные лекари. — Принц сдержанно поклонился.

Чаплин увидел, что леди Улла плачет. Черты ее лица оставались неподвижны, но в свете огня были заметны ручьи

слез, которые, изливаясь на язвы, наверняка причиняли ей новые мучения. Он не знал, что и сказать, как неожиданно девушка сдавленно рассмеялась.

— Макпьялута, мы не во дворце. Не обязательно кланяться, тем более мы так... близко познакомились. Пожалуйста, обращайся ко мне просто по имени... и да, пожалуйста, сделай бальзам.

Принц снова поклонился, покраснел и поспешно скрылся в кустах в поисках трав, оставив Уллу и Чаплина наедине.

Воцарилось неловкое молчание, потом оба заговорили одновременно.

— Улла, зачем...

— Сеаннах, я...

— Прости, — улыбнулся Чаплин. — Давай, ты первая.

— Не удивляйтесь моему присутствию здесь. Никто не будет меня искать. Только Мориас знает, что я жива и отправилась за вами.

— Эон знает.

— Да, но не скажет.

— Разве не стоит сообщить твоему отцу?

— У меня больше нет отца! — воскликнула девушка. — Он убил меня! И хотел сделать это уже много лет, с тех пор, как понял, что я не могу удовлетворить его гордость, что я позор для семьи тана.

— Улла, — тихо промолвил Чаплин, — отцы всегда оставляют на нас след — мечом или нет, не важно. Мы продолжаем свой путь, несмотря на них, и если нам повезет, то со временем мы даже можем простить. — Он очень удивился собственным словам и особенно тому, с какой легкостью сказал их Улле, с которой был едва знаком.

Она резко выдохнула и ухватилась за ногу.

Чаплин бросился к ней.

— Всего лишь нога заболела... Ты очень мудр, сеаннах, однако, думается мне, отец никогда не рубил тебя палашом.

— Нет, хотя следует признать, что твой отец сделал это в особенных обстоятельствах.

— Ты о Кире? — процедила Улла сквозь стиснутые зубы. — Предательница! Она открыла ворота, знаешь? У меня была дочь — Дом, бежавшая вместе с другими женщинами и детьми...

Девушка свернулась клубочком на одеялах и заплакала. Чаплин обошел костер, сел рядом с ней, взял ее за руку. Сказать было нечего, поэтому он просто гладил Уллу по плечу. За долгие годы работы полицейским Алессандро навидался чужой боли, что помогало переносить собственную беду. По крайней мере они с Дианой познали любовь и страсть.

— Почему ты пришла сюда, зачем бросилась догонять нас?

Улла всхлипнула и вытерла лицо краем плаща.

— Трудно объяснить, сеаннах. Я... приняла снадобье под названием «миргол», которое позволяет телу долго двигаться без отдыха. Выйдя из города, я не останавливалась.

Чаплин горько рассмеялся.

— Не думал, что с таким можно столкнуться здесь. Разве ты не знаешь, что за употребление наркотических веществ люди очень дорого платят? Что они сжигают свой организм? Давно ли у тебя болят ноги?

Улла вспыхнула.

— Не учи меня болезням, сеаннах. Я бы не выжила без своих снадобий и бальзамов.

Чаплин отпустил ее руку и улыбнулся. Его порадовала неожиданная вспышка — девушка явно приходила в себя.

— Меня зовут Алессандро, госпожа, но, — он заговорщически понизил голос, — для лучших друзей я Сандро.

Фирр медленно поднималась по ступеням, ведущим на башню, и с каждым шагом все больше нервничала. Брат неожиданно вызвал ее к себе, и телепатический приказ с такой силой ударил Фирр, что она едва не упала. Однако ей бы и в голову не пришло не явиться на зов брата. Их связывало слишком многое — сама жизнь, кажется, была одна на двоих. Хотя Фирр чувствовала его ярость, она была твердо уверена, что Корвус не обманет и не предаст ее. И все же самые недобрые предчувствия томили сердце, когда богиня зла подошла к двери.

Выдавив из себя улыбку, она распахнула дверь — как обычно, театрально резко. Шутливая фраза так и не вылетела из ее уст. В зале горела только одна свеча, и большая часть помещения оставалась в тени. Голубые искры оков ее брата тянулись по всей комнате, как волшебный огонь; Фирр всегда считала, что они в своем роде прекрасны, но не высказывать же подобное мнение узнику.

Корвус ждал на троне, голубые искорки обвивали его ноги и запястья. Он не свободен, напомнила себе богиня зла. Брат уронил голову на грудь, закрыл глаза — казалось, он спит. В комнате царила настороженная тишина, словно готовилось что-то недоброе. Фирр неуверенно двинулась вперед, коснувшись рукояти меча.

Неожиданно глаза Корвуса широко распахнулись.

— Брат, что тревожит тебя? — спросила холодная воительница.

Он промолчал, не сводя глаз с ее руки, все еще касающейся меча. Потом тихо заговорил:

— Фирр. Как мило с твоей стороны ответить на мой призыв.

— Ты знал, что так будет, зачем...

В сумраке комнаты шевельнулся Слуаг, встопорщил перья. Ворон будто чего-то ждал. Но Фирр даже представить

не могла, насколько коварно и жестоко поступит ее брат в следующую минуту.

Корвус выкинул руку вперед, растопырив пальцы так, что, стой она ближе, схватил бы ее лицо. Оковы заискрились с новой силой — пленник натянул их.

Невидимая сила отшвырнула Фирр к двери, в нежную кожу словно впились жестокие когти, сомкнувшиеся вокруг левого глаза. Боль молнией вонзилась в мозг. Богиня страшно закричала, выкликая имя брата. Тот усмехнулся.

— Что с тобой, сестра? — Слова причиняли еще большие мучения. — Хочешь сохранить свой глаз? А я думал, ты и так наполовину слепа.

Давление нарастало, усиливая страдания.

— Он все еще жив, глупая сучка. Талискер жив!

От простертой на полу фигуры не последовало ответа. Корвус перестал давить, но стоило Фирр слегка шевельнуться, как он сделал движение, похожее на удар когтями, и вокруг глаза появились порезы, кровь заструилась по щеке и шее ручьями. Тихо плача и сжимая рукоять меча, Фирр старалась держаться. Потом Корвусу надоело ее мучить, и он опустился на трон.

— Ладно. Хотя я обещал Слуагу твой глаз, придется ему подождать. Пусть не смеют говорить, что я не милостив.

— Нет, Корвус! Неправда! Я убила его собственными руками.

— Это всего лишь глаз, стоит ли так кричать?.. Нет, ты не убила его. Он удрал через Ничто.

Фирр попыталась взять себя в руки. Она недооценила жестокость брата, но, будучи охотницей, понимала, что проявление слабости может только ухудшить ситуацию, даже оказаться смертельным. Открыв правый глаз, богиня зла постаралась сосредоточиться на расплывающейся фигуре.

— Как же Мирранон? — спросила она, превозмогая боль. Фирр пощупала левый глаз — он весь опух и заплыл. — Ты ведь хочешь, чтобы я с ней разобралась. Жаждешь ее смерти.

Корвус неприятно усмехнулся.

— Да, раньше я думал, что лучше всего тебе удается убивать. Увы, я ошибся. Твое дело — сношаться с трупами. Белой Орлицей займутся другие. — Он постучал пальцем по подлокотнику трона. Там лежали белые перья, едва видимые при таком освещении, и все же блестящие.

— Что ж ты не бежишь, пока не поздно? А?

Слуаг снова встопорщил перья и склонил голову набок. Корвус отпускал ее, не хотел принимать в расчет.

— Нет, — отрезала Фирр. Боль в глазу не могла соперничать с болью от презрения брата. — Я нужна тебе! — Она не знала, плачет или нет, на лице было слишком много крови. — Ник-

то не приходит сюда, Корвус. Только я... я забочусь о тебе. Больше никто. Вот увидишь...

Корвус изучал ее из-под прикрытых век.

— Ты можешь сделать для меня только одно, сестра, и отказываешься.

Фирр двинулась к брату, но остановилась. Обычно ей и в голову не пришло бы опасаться; теперь богиня зла поняла, что безграничное доверие — на самом деле слабость. Корвус был черной овцой в стаде, и Фирр пришлось признать то, что она не осмеливалась сказать себе даже в мыслях, — правильно его сковали. И все же, рассматривая знакомое лицо, скривившееся в презрительной усмешке, она разрывалась между отвращением, ненавистью и темной любовью к Королю-Ворону.

— Я не займу твое место, Корвус! Ты никогда не вернулся бы, а я осталась бы здесь навсегда. Ты не выпустил бы меня.

Он даже не попытался отрицать. Фирр впилась ногтями в ладони.

— Я убью Талискера. На сей раз я принесу тебе его голову, чтобы не произошло ошибки и феины не смогли исцелить его.

— В том нет нужды, — небрежно бросил Корвус. — Я обо всем позаботился и послал туда *бултари*.

— Тогда я убью и их тоже, — отрезала поверженная воительница. — Убью всех и принесу тебе мой дар.

Она развернулась и вышла.

Корвус промолчал, глядя, как она ухватилась за дверную раму, чтобы не упасть. Ему нравилось ее упорство — в сестре он видел свое отражение. Но Фирр была права в одном — стоило последней складке ее одежды скрыться за дверью, как он уже скучал по ней.

ГЛАВА 15

Все вокруг было прекрасно — и эта красота обрекала их на гибель. Снег покрывал землю ослепительно белым покрывалом. Талискер и Малки не могли идти дальше, а оба понимали, что остановиться — значит замерзнуть насмерть. Они не прижимались друг к другу в поисках тепла, потому что Малки не мог согреть никого. Он и погибал-то лишь потому, что его существование было неразрывно связано с жизнью друга.

Гибель им нес лютый холод, а не снег — будь его побольше, путники могли бы соорудить для себя домик, но на камнях и промерзшей земле у подножия Синих гор лежал лишь тонкий слой. А как они надеялись, что отыщут приют!

Друзья поняли, что их ждет, когда после полудня резко похолодало, а Малки уронил одеяла в реку, которую они переходили. Высушить их было невозможно.

— Малки, — прикрыв глаза, пробормотал Талискер стынущими губами, — ты хороший друг, я хочу сказать... самый лучший...

Ответа не последовало, и Дункан снова открыл глаза. Жестокие белые хлопья падали на горца, оставаясь на его одежде и даже лице, будто тот неожиданно обратился в камень. Рыжая борода и белая как мел кожа казались частью окружающего мира. Его глаза были закрыты.

— Малки?

Дункан оглядел пустошь и увидел, как к ним приближается какой-то темный силуэт. Ему захотелось вскочить, но тело не слушалось. Он безразлично смотрел на крупное животное размером с лошадь... Может быть, медведь...

— Тайнэ? — Это была последняя связная мысль, а потом его душу объяла тьма.

Он бывал здесь и раньше. Хотя как можно узнать безликую черную пустоту? Ноги и руки горят — кровь снова течет по венам. Дункан испытывает страх. Смерть не может быть такой — тихой, коварно подкравшейся со спины и медленно пьющей жизнь. Это неправильно. Здесь должны быть другие люди...

— Малки? — зовет он.

Голос не отзывается эхом — его поглощает пустота. Глянув на себя, Талискер понимает, что на нем уже не плащ и килт, а джинсы, свитер и темно-синяя куртка. Значит, в смерти он ближе к своему миру. Спина и ноги еще чувствуют холод камней. Должно быть, тело лежит в предгорьях, и его медленно засыпает снег.

— Малки, помоги мне. — Он боится умирать. Боится умирать в одиночестве.

Неожиданно его окружили звуки, запахи, ощущения... Реальность подействовала как электрошок. Талискер вздрогнул и несколько раз моргнул — глаза привыкали к яркому свету.

— Вы готовы заказывать? — Рядом с ним, любезно улыбаясь, стояла девушка. Он недоуменно посмотрел на нее, а потом осознал, где находится. На лице официантки красовались очки с толстыми стеклами, и она часто моргала, глядя на странного посетителя и ожидая ответа.

— Э-э... не совсем. Я жду кое-кого. Можно пока пива?

— Конечно, сэр. Бутылочного или розливного?

— Что?.. Ах да. Пожалуйста, бутылку «Будвайзера».

Официантка ушла, и Талискер оглядел пиццерию — возле этого заведения на Хай-стрит они с Чаплином подрались.

Если прислушаться, сквозь шум машин можно было различить звуки поездов, подъезжающих к станции Уэйверли.

Талискер повернулся к окну, выходящему к церкви, и прижался к стеклу. Снаружи было темно. Сколько дней прошло с его бегства в Данбар? В этом мире Дункан, похоже, сбежал от демона. А тот остался цел. Почему же он вернулся в город? Логичнее было бы продолжить путь на юг.

На другой стороне улицы показался кто-то знакомый, но кто, Талискер не успел разглядеть — человек скрылся в толпе.

— Ваше пиво, сэр. — Официантка вернулась, положила подставку, затем поставила бутылку и стакан. — Будете заказывать или все еще ждете?

Талискер нахмурился, не понимая вопрос.

— Вашего друга.

— Ладно, сделаю заказ, а он пусть сам разбирается. Большую пиццу и салатик.

— Хорошо. — Девушка ушла и быстро вернулась с маленькой тарелкой. — Это для вашего салата, — терпеливо объяснила она, как пятилетнему. — Вы можете наполнить ее сами.

— Спасибо. — Талискер снова стал глядеть на улицу, высматривая знакомое лицо. Магазины закрывались. Должно быть, около десяти часов вечера.

— Дунки, ты не мог отыскать местечко, где еще больше народу? Скажем, прямо посреди гребаной улицы, а?

Талискер едва не подпрыгнул, услышав голос, но моментально понял, кто это, даже до того, как обернулся, — Чарли Генрэтти или просто Рэтти*, с которым он некогда делил камеру.

Чаплин вернулся в Эдинбург во сне. Он, Улла и Макпьялута разбили лагерь в глубине леса Ор Коиль. Похолодало, но от снега их защищали деревья. Макпьялута сторожил первым. Алессандро залез под одеяло из овечьей шкуры, радуясь его теплу.

— Спокойной ночи, — пробормотал он Улле и тихонько уснул.

Разбудил его звон цимбал. Гремел оркестр. Сердце Чаплина забилось, он никак не мог понять, что происходит. Переведя взгляд на кончики ботинок, Алессандро несколько раз глубоко вздохнул. Потом он узнал музыку — «Кармен», его самая нелюбимая опера. Однажды они ходили на нее с Дианой, и ей очень понравилось. Чаплин посмотрел на сцену, все еще не оправившись от шока перемещения — цвета казались слишком яркими. Глаза у него заныли, и он тихонько застонал.

Кто-то положил ему руку на колено.

---

* Игра слов. Рэтти — часть фамилии Чарли, а дословно переводится как «крыска».

— Скоро он выйдет. Здорово, правда?

Это была Беатрис — с собранными наверх, как у греческой статуи, волосами, удивительно красивая в вечернем платье. Сандро и не замечал раньше, какая у нее изящная шея, а теперь ее стройность подчеркивало жемчужное колье. Неужели у них свидание? Конечно, нет. И о ком она говорит?

Музыка изменила тональность, началось одно из самых цветистых, причудливых и известных творений Бизе — «Марш тореадоров». Заметив, что все оборачиваются, Чаплин посмотрел назад. По проходу к сцене шествовали тореадоры, сверкая украшенными блестками костюмами.

— Вот! — пискнула Беатрис в волнении, вовсе ей не свойственном. — Майлз! Он играет Эскамильо!

Идущий впереди тореадор, невысокий и довольно полный, бросал публике цветы, не переставая петь. Достигнув ряда, где сидели Беатрис и Чаплин, он поцеловал розу и с поклоном вручил ее Беатрис и только потом отправился дальше.

Беа захихикала, как школьница.

— Разве он не прелесть, Сандро? Ты ведь не откажешься выпить после представления?

— Да, разумеется.

— Ну как, соскучился по мне? — спросил Рэтти, по обыкновению комкая слова. — Эй, мисс, еще два пива сюда, — окликнул он официантку, не дожидаясь ответа Талискера. — Что стряслось, Дунки? Выглядишь неважно. Слышал, у тебя снова проблемы с сицилийцем. Так что ты хочешь от дяди Рэтти, а? — Он жевал жвачку, широко открывая рот и чавкая.

Талискер молчал. Не было ни малейшего смысла отвечать Рэтти, пока тот не задаст по меньшей мере семь вопросов. Многое узнаешь о манере речи человека, если проводишь с ним по двадцать четыре часа в сутки в одной каморке в течение трех лет.

— Значит, ты обеспокоен? Обеспокоен? — Он всегда повторялся — это означало, что можно отвечать.

— Да, у меня проблемы, Рэтти. Но я очень рад тебя видеть. — В некотором смысле Талискер и в самом деле был рад видеть Рэтти. За то время, пока они делили камеру, Дункан понял, что мелкий преступник Чарли — один из самых безобидных людей в Саутоне, хотя злить его не стоило.

Официантка принесла пиццу и спросила Рэтти, будет ли он что-нибудь заказывать.

— Нет, подружка, не буду, я съем кусочек у него, ты просто принеси еще одну тарелку.

Девушка ушла, не в силах скрыть недовольство.

— Ладно, не вешай нос, Дунки. Все, кто знает тебя, ни на грош не верят в то, что сказано в новостях и газетах. Во всем виноват инспектор Чаплин. Лучше бы они искали настоящего преступника, верно?

— Не мог бы ты говорить потише?

— Не волнуйся, я шучу. Но я получил твое сообщение и принес товар.

— Товар? — удивился Талискер. Похоже, пока он был в Сутре, его другое «Я» действовало быстро и эффективно. Он не мог понять, зачем встречается с Рэтти, и тем более — что припас для него старый знакомый.

— Паспорт, Дунки, — наклонился вперед тот. — На твоем месте я бы улетал из аэропорта «Ист Мидлэндс», а не из Эдинбурга. Здесь тебя могут узнать.

Значит, паспорт... Его другое «Я», ничего не ведающее о Деме, Корвусе и демоне, собирается бежать.

Рэтти внимательно смотрел на Талискера. Он посерьезнел и всем своим видом выражал сочувствие и одобрение.

— Ты правильно поступаешь. На правосудие надеяться нечего. А снова садиться за решетку нельзя. На сей раз ты этого не переживешь.

Дункану стало не по себе. Он прав, подумалось ему.

— Сколько с меня...

— Нисколько. Это подарок. В любом случае я должен тебе за то, как ты отмазал меня от охраны, когда я сцепился с Кейти Джексоном. — Рэтти положил большой кусок пиццы на тарелку, принесенную официанткой.

— Спасибо, что помнишь, — начал Талискер, припоминая, как его сокамерник сломал Джексону пару ребер и сколько было шума. — Но то пустяки, и...

— Я серьезно, парень. — Рэтти откусил от пиццы — не вынимая изо рта жевачки, насколько мог сказать Талискер. — А теперь я доем пиццу и свалю отсюда. Лучше не светиться. Товар оставлю на стуле в конверте. — Он прожевал и сделал глоток пива. — Засунь под пластик свою фотографию — ее ты можешь сделать в любой автоматической будке, хоть в «Вулис». Потом разогрей утюгом или еще чем-нибудь. Если уж совсем негде взять утюг, подойдет сушилка для рук в туалете, но тогда отыщи совсем горячую, понял?

— Понял. Спасибо.

Напоследок Рэтти сказал:

— Кстати, я могу устранить сицилийца, если хочешь. Это обойдется тебе в пять штук. В общем, ты знаешь, где меня найти, верно? — Он подмигнул.

* * *

Пейджер Чаплина запищал во время романтической арии. Все вокруг неодобрительно зашипели. Он поспешно выключил его и прочитал сообщение: «Позвони на мобильник Финну — срочно!»

— Беа, прости, мне придется уйти. Я нужен в участке.

Беатрис привыкла к режиму работы полицейских, поэтому нимало не расстроилась и не удивилась.

— Ладно, Сандро, значит, в другой раз. — Она чмокнула его в щеку и снова повернулась к сцене, где Майлз-Эскамильо звал всех смотреть на бой быков.

Прищурившись, когда яркий свет в фойе ударил по глазам, Алессандро позвонил Финну.

— Это инспектор Чаплин. Что случилось?

— Все, — возбужденно ответил Финн. — Масло наконец попало в огонь...

— Где вы? — нахмурился полицейский — журналист перекрикивал шум машин.

— Я выследил Талискера, инспектор. Я в «Дикон Брои». Знаете, где это? На Хай-стрит.

— Конечно, знаю. Талискер там? — Чаплин вручил номерок гардеробщице.

— Нет, снаружи, на другой стороне улицы. Кажется, он рехнулся. Говорит сам с собой. — Финну припомнилась их встреча в Данбаре. — Простите.

— Не важно, — рявкнул Чаплин, хватая пальто. — Буду через пять минут.

— Инспектор, — продолжал Финн, — произошло еще одно убийство.

Чаплин уже стоял на ступенях театра, застегивая пуговицы пальто. Снаружи выстроились такси, ожидая клиентов. Почти все водители заглушили моторы и курили или пили крепкий кофе. Воздух был напоен запахом бензина. Из театра доносились обрывки музыки, и инспектор не хотел верить тому, что говорит возбужденный голос Финна в телефоне.

— Что? Повторите.

Финн послушно повторил, и Чаплин замер на верхней ступени лестницы.

— О нет... О Господи. — Алессандро отодвинул телефон от уха. Неожиданно он понял, что его трясет.

— Инспектор, вы слушаете?

Чаплин собрался с мыслями. Почему-то его страшно расстроило, что именно Финн сообщил ему новость. Почему не позвонил Стирлинг?

Он снова поднес телефон к уху.

— Буду через пять минут. Никуда не уходите.

* * *

Чаплин садится в такси и смотрит в темное небо, а машина поднимается все выше и выше, к холму, на котором стоит замок. Алессандро не может поверить в то, что сказал Финн. Огромные хлопья снега пролетают мимо окна в волшебном танце, и Чаплину почти кажется, что он плывет над крышами домов. Инспектор откидывается на спинку сиденья и вдыхает спертый, тяжелый воздух, пахнущий дымом сигарет. Он не хочет выходить из машины. Не хочет видеть Талискера. Не хочет ничего знать...

С Малки трудно было спорить посредине улицы, когда мимо сновали люди, — Талискер все время забывал, что в этом мире призрак может общаться с ним телепатически. А на проклятого горца так хотелось накричать!..

— Тебе нельзя убегать, Дункан, — отчитывал он, встав перед своим потомком и положив руку на меч. — Нельзя уезжать из Шотландии.

— Слушай, это разумно... — Талискер умолк, когда молодая женщина на остановке поморщилась и отошла подальше от ненормального, который разговаривает сам с собой. — *Это разумно, Малки, мне следовало поступить так раньше.*

— А как насчет Сутры? Ты хочешь все бросить? — Малки пошел с козыря. — Как насчет Уны?

— *Знаю*, — вздохнул Талискер. — *Я буду тосковать по ней, но... Малки, смотри! Вон там!*

На улице, возле собора Святого Джайлса, метнулась темная тень. Те, кто видел ее хоть раз, признали бы тварь и на таком расстоянии.

— Значит, он снова тебя выслеживает? — прошептал Малки. — Как ты думаешь, он знает о твоих перемещениях?

— Наверное, — нахмурился Талискер. — Видел, где он стоит? Я пришел с другой стороны улицы. В прошлый раз он шел точно по моим следам, как будто у него не было выбора.

— Куда же он может стремиться?.. Ох, нет.

— Что?

— Городские палаты. — Малки ткнул пальцем в здание напротив собора. — Мэри-Кинг-Клоуз...

— Деме...

Оба мужчины, не сговариваясь, бросились к перекрестку, намереваясь предупредить сиду, но не успели и полпути пройти, как демон тоже пересек дорогу. Быстро промелькнув в свете оранжевых фонарей, он исчез в тени Городских палат.

— Идем, Малки. Мы должны предупредить ее.

— Подожди, Дункан... Смотри.

Возле палат стояла группа людей, перед которыми расхаживал высокий человек в театральном гриме с керосиновой лампой в руках. Помимо восьми-девяти «нормальных» людей, там был еще один актер — по крайней мере так решил Талискер, — в оборванной одежде средневекового вида и тоже с лампой. С такого расстояния нельзя было разобрать слова, но высокий говорил громко, чтобы слышала вся группа.

— Что они делают? — удивился Малки.

— Кажется, это называется «Прогулка с призраками». — Талискер постарался не засмеяться. — Он вроде сеаннаха — рассказывает туристам, что случилось на Хай-стрит сотни лет назад. Обычно под землю они не спускаются.

Противореча его словам, группа направилась к Городским палатам. Через секунду из-за угла донесся крик. Талискер бросился бежать, пытаясь выхватить из ножен несуществующий меч; затем, выругавшись, вытащил из кармана пистолет, припомнив, как мало он помог против твари в прошлый раз. Однако, добежав до угла дома, Дункан остановился. Люди смеялись.

— Не стоит бояться призрака старого Бурке, — донесся мужской голос. — Он заинтересовался бы вами, мадам, только если бы вы были мертвы.

Снова смех. Талискер обогнул угол, стараясь не показываться на глаза группе. Скорее всего его лицо демонстрировали в новостях, а замаскирован он был очень просто: шапка скрывала волосы, а шарф прятал нижнюю часть лица.

Группа собралась посреди площади, и другой актер, до того момента прятавшийся, прыгнул навстречу молодой женщине.

Экскурсовод продолжил замогильным тоном:

— Бурке был повешен на площади, и шериф приказал выставить его скелет в университетской Школе анатомии.

«Призрак» Бурке снова бросился к молодой женщине, которая послушно завизжала.

Малки неодобрительно посмотрел на экскурсию.

— Дункан, привидение ненастоящее. Этот здоровый парень их дурит.

— Все нормально, Малки. Они знают, что он ненастоящий. Просто развлекаются. — Горец явно был поражен, но промолчал. — Зато демон настоящий, и, думается мне, он отправился вниз. — Талискер указал на вход в подземелье — дверь была распахнута. — Идем.

Туристы слушали мрачную историю бедняги Бурке, и Талискер и Малки проскользнули в подземелье незамеченными.

Что-то приближалось, что-то ужасное. Деме посмотрела в черную пасть коридора, который вел к основной улице ушедшего под землю квартала. Ее внимание привлек не звук —

шаги демона пока что не донеслись до ее слуха, — только какое-то ощущение, волна нестерпимого ужаса и страдания. Не видя и не слыша твари, она поняла, что ее ждет и кто послал демона. Бросившись в дальнюю часть комнаты, Деме порылась в вещах и вытащила драгоценный камень, поменьше, чем тот, который она дала Малки, и огненно-красный.

— Мирранон, не оставь меня в эту минуту!

Ноги подгибались, и она опустилась на колени на холодный каменный пол старой мясницкой лавки. Теперь она слышала шаги приближающегося демона, а потом в свете камня заметила и смутное движение в противоположном конце комнаты. Деме подняла голову.

Отыскать путь в комнату Деме оказалось непросто. В прошлый раз Талискер был почти без сознания (всего три дня назад по местному времени). Малки шел впереди, тихонько бормоча:

— Ага... сюда, вниз и повернуть налево... Нет, направо...

В темноте все входы и выходы выглядели одинаково, и ничто не подсказывало, где живет Деме. Друзья медленно шли по мощеным коридорам, некогда бывшим улицами. Хотя в самые дальние части никого не пускали, они тянулись далеко вниз, до станции «Уэйверли» и Принсес-стрит. Когда эти места еще видели солнечный свет, самые нижние дома омывали грязные, вонючие воды Лохнора, вобравшие в себя болотный газ.

Дважды спереди доносился шум — неверные шаги кого-то очень большого. В третий раз не столь громкие звуки донеслись из-за спины друзей.

— Дункан, это туристы, — прошептал Малки. — Они вошли в подземелье. Ты же говорил, что их сюда не водят.

Да, Талискер и сам понимал, что экскурсия в большой опасности, поскольку находится на дороге демона, не дальше чем в миле от свирепой твари.

— Что нам делать?

Шаги и голос экскурсовода становились громче:

— Считают, что в Мэри-Кинг-Клоуз водятся привидения. Когда район начали постепенно открывать, люди не хотели возвращаться...

— Отлично, Дункан, ступай к Деме.

— Что ты собираешься?..

— Смотри, — ухмыльнулся Малки.

На мгновение он почти исчез, стал совсем прозрачным и размытым, а потом появился ярким и четким, таким же, как в первый день встречи с Талискером, — со всем гноем, вонью и прочим, да еще и как будто светился изнутри.

— Видишь?

— Меня охватывают неприятные воспоминания, — поежился Талискер.

— Пойду покажусь им. Потом тебя догоню. — С этими словами Малки отправился навстречу туристам.

Экскурсовод чувствовал, что внимание группы рассеивается. Он вздохнул. Конечно, хуже всего, когда туристы напиваются, что происходит нередко. Группа скаутов, которую он водил на прошлой неделе, задавала много вопросов, и ни одного из них не стошнило во дворе Городских палат. Те же, кто покупает билеты в последний момент, всегда хотят только одного — чтобы их развлекли и слегка попугали, дали возможность повизжать от души.

— В этой комнате большинство людей с высокой психической чувствительностью утверждают, что слышат привидение. — Он поднял лампу и осветил то, что скорее всего в средние века было бельевым шкафом. Экскурсовод устал и понимал, что это слышно по его голосу. Как ни странно, группа немного успокоилась, сбилась в кучу и внимательно слушала, глядя на что-то за его спиной. — Плачущую девочку.

— Отлично, — перебила его одна из пьяных девиц, — но на малышку не похоже.

— Хотя сделано прекрасно, — добавила ее подруга. — Должно быть, это прожектор, да? Сквозь него так хорошо видно...

— Что? — Экскурсовод обернулся — и увидел в двух шагах от себя Малки.

Тот ухмыльнулся, обнажая белые десны и сгнившие зубы, и процедил с шотландским акцентом:

— Э-э... Что бы вам такое сказать?

Экскурсовод стал бледнее, чем был, несмотря на весь свой грим. В горле у него пересохло, и, когда он попытался заговорить, изо рта вырвался только невнятный стон.

— С вами все в порядке? — спросил Малки, а потом, припомнив, зачем он здесь, обнажил меч и бросился на туристов с боевым кличем.

Гид сразу же опомнился и заорал:

— Бегите! Он настоящий!

Все как один бросились прочь, хотя один вопиюще мужественный тип не преминул горца сфотографировать.

Как только люди исчезли и в подземелье снова воцарилась тишина, Малки принял свой нормальный облик. Потом он услышал плач и немедленно понял, кто это.

— Ильза? Ильза, девочка моя, это я, твой папа, — хрипло выговорил горец. — Где ты?

Ответа не было. Малки сел на пол, прислонившись спиной к стене. Плач оборвался, и в воздухе повисло ожидание.

— Слушай, Ильза, ты была слишком маленькой, чтобы понять — да и как? Твой собственный отец... — Он не сразу выговорил эти слова. — Твой собственный отец убил тебя. Я не знаю, может быть, ты так и остаешься ребенком, и тогда так и не сможешь понять. Иного выхода не было, — всхлипнул он. — Я не мог смотреть, как ты мучаешься, прямо как мама... Слишком сильно любил тебя... вас обеих. И она заставила меня дать слово... Думаю, тебе потому нет покоя, что убил тебя папа... Но все было совсем, совсем иначе... — Малколм закрыл лицо руками. Как они могут приходить сюда, глазеть по сторонам и хихикать?

— Папа?

Он поднял лицо. Перед ним стояла Ильза, маленькая девочка с волной темных волос, ниспадающей завесой до самого пояса. Еще бы ей не плакать — целых двести лет. Она стояла немного в сторонке, засунув пальчик в рот и удивленно глядя на отца.

— Ильза? — прошептал Малки. — Малышка... Иди сюда, ко мне.

Она подбежала, переступая по каменному полу маленькими ножками, потом села к нему на колени и обняла ручонками за шею. Малки переполняли радость и горе одновременно. Как же она может все еще любить его?!

— Спой мне песенку, папа.

Он вытер слезы и постарался подавить рыдания.

— Песенку? Только если ты пообещаешь мне больше не плакать. Обещаешь?

Она с готовностью кивнула.

Талискер уходил в глубь подземелья. Неожиданно впереди что-то ослепительно полыхнуло алым, и раздался крик. Дункан закрыл лицо руками, не в силах вынести яркое сияние и мысль, что он опоздал на помощь Деме. Потом накатил оглушительный звук и донеслись вопли убегающих туристов. Он улыбнулся в темноту и бросился вперед.

Песня окончилась, пора было уходить. Малки обнял дочь.

— Помни, что папочка тебя любит, малышка, хорошо?

Когда он открыл глаза, рядом стояла еще одна фигура.

— Теперь она знает, Малколм. — Его жена улыбнулась. — Спасибо.

— А вот и мама пришла, чтобы забрать тебя домой, — сказал горец Ильзе. Та по-прежнему сидела у него на коленях, но при его словах подняла голову.

— Мама! — Девочка соскользнула с коленей и, не оборачиваясь, бросилась на руки матери.

Мораг долго глядела на своего мужа, прежде чем спросила:

— Ты идешь с нами?

Женщина протянула Малки руку — и тут тишину разорвал ужасный крик, доносящийся снизу, и послышался зов Талискера.

— Не могу, любовь моя, — печально покачал головой Малки. — Я все еще нужен там.

Мораг не произнесла ни слова упрека. Просто улыбнулась, и они обе исчезли.

Это было сплошное безумие. Талискер удерживал демона на расстоянии двумя факелами, которыми Деме освещала свое жилище. Каждый раз, когда тварь делала шаг вперед, Дункан отвечал выпадом, подпаливал ее шкуру, и она выла от боли. Талискер понимал, что долго так не продержится, и ждал, когда Малки наконец прогонит туристов и придет ему на помощь. Вопли экскурсантов давно смолкли, а горец не появился. А теперь к тому же по коридорам разносились звуки песни, исполненной его неподражаемым пронзительным голосом.

Чаплин и Финн подошли к Городским палатам, как раз когда из входа с криками вылетела группа туристов и бросилась на засыпанную снегом Хай-стрит. Только две молодые женщины и экскурсоводы остановились посередине площади. Одна из женщин плакала и дрожала, другая, утешающая ее, резко обернулась к гидам:

— Мы можем в суд на вас подать, ублюдки! Вы что, пытаетесь добиться у туристов сердечного приступа? Я пожалуюсь в городской совет, и вы лишитесь лицензии!.. Пойдем, милая, надо срочно выпить, пока пабы не закрылись. — Она увела свою спутницу, поскальзываясь на высоких каблуках. Экскурсоводы не вымолвили ни слова протеста, они сами были ошарашены.

Чаплин подошел к ним и предъявил удостоверение.

— Можно задать вам пару вопросов?

Гид удивился.

— Конечно, но о чем?

— Вы видели кого-нибудь внизу?

— Ну, да...

— Примерно моего роста, рыжие волосы, худощавый?

— Что? Нет.

— Нет? Простите, мне показалось, что кто-то напугал вашу группу.

— Это было привидение, — безучастно произнес экскурсовод. — Самое настоящее привидение. — Он нервно рассмеялся. — И после этого говорят, что наши милые прогулки не стоят того?

— Привидение? Случайно не горец с рыжими волосами, маленький и бледный? Точнее говоря, совершенно белый?

— Кто сегодня сошел с ума — я или весь мир? Да, именно так он и выглядел. Эй, Джим, у нас теперь клиентов будет хоть отбавляй, я тебе точно говорю, — шутливо заметил экскурсовод своему приятелю, который молча сидел рядом, то и дело вздрагивая. — Можно нам идти, офицер? Не только туристам необходимо выпить как можно быстрее.

Чаплин кивнул, и гиды отправились в паб.

— О чем это вы? — удивился Финн.

Чаплин обратил внимание, что журналист выглядит как-то странно и явно нервничает: он часто моргал, двигался резко и неуверенно. Похоже, бедняга воспринимает свою работу чересчур серьезно — Чаплин не просил его искать или преследовать Талискера. Значит, либо он отважный и целеустремленный, либо слегка одержимый.

— А вы?

— Об этом... горце.

— Просто верьте мне, Финн. — Чаплин умолк, пытаясь подыскать рациональное объяснение происходящему. — Если они видели горца, то Талискер внизу. Идем. Вы вооружены?

— Нет.

Чаплин вытащил пистолет.

— Тогда держитесь за мной.

— Не стоит ли нам вызвать помощь?

— Некогда, — покачал головой Чаплин. — Если увидите там, внизу, что-нибудь... необычное, не обращайте внимания. Он не может вам навредить. Только не в этом мире.

— И что же теперь делать?

— Ты *меня* спрашиваешь?

— Это был риторический вопрос, Малки. Спасибо за по крайней мере моральную поддержку. — Талискер снова ткнул в демона факелом. Тот отступил, но гораздо медленнее.

— Может, он устает? — с надеждой спросил Малки.

— Нет. Думаю, привыкает к боли. Так где же ты был?

— Потом расскажу.

— Талискер! — донесся голос.

— А, черт, следовало предвидеть, что он вернется... Малки, передай мне, пожалуйста, тот факел. Кажется, мой гаснет.

Малки нервно переступил с ноги на ногу.

— Я не могу, прости. — Он провел рукой через пламя.

— Плохо. — В голосе Талискера слышалась паника. — Попробуй его отвлечь.

— Ладно. — Малки ступил вперед, вытаскивая меч. — Эй, зверюга, сюда! Ну же, тварь, давай!

Демон повернулся к новому мучителю и страшно зарычал. Звук был жуткий, и Малки вздрогнул.

— Быстрее, Дункан! Оно скоро поймет, что я бессилен.

Он громко завопил и притворился, что нападает на демона, так что тот отступил на пару шагов.

Талискер схватил последние два факела и взял их в одну руку, отгораживаясь ими от зверя.

— Малки, я постараюсь загнать его вон туда.

Он двинулся вперед, размахивая огненным оружием, Малки наступал, рубя воздух мечом, и мало-помалу демон был вынужден отступить в комнату Деме. Талискер встал в дверях, не выпуская его наружу.

— Здорово, Дункан, — подбодрил друга Малки.

— Да, здорово, — простонал тот. — Пока эти штуковины не погаснут.

Сзади раздался щелчок — Чаплин снял пистолет с предохранителя.

— Ни с места, Талискер, — приказал он.

Дункан невесело рассмеялся. Руки у него дрожали, и пламя обжигало лицо.

— Знаешь, Чаплин, это почти смешно.

ГЛАВА 16

— Там что-то есть. — Финн кивнул в сторону маленькой комнаты.

Чаплин бросил на него взгляд и увидел, как журналист вытаскивает из кармана пистолет.

— Назад, Финн. Ты же сказал, что не вооружен.

— Официально — нет. — Его ухмылка в свете факелов казалась почти зловещей.

— Стой на месте! — завопил Талискер. — Не пускай его, Сандро! Это не игра!

Финн двинулся вперед.

— Там что, твой сообщник? Горец? Ну же, бросай оружие, или я буду стрелять.

— Оружие?

— Он имеет в виду факелы, Дункан, — объяснил Малки. — А меня не видит. По-моему, он думает...

— Не важно. Чаплин, удержи его. Ну же, быстрее!

— Финн, назад, — велел инспектор. Он все еще направлял пистолет на Талискера, но поведение журналиста его тре-

вожило. Кроме того, полицейский видел внутри какую-то тень и знал, что там не Малки.

— Зачем ты сделал это, Талискер? — Финн не двинулся с места, стоя на линии огня Чаплина. — Зачем?

— Какого чер... — начал было Дункан.

Неожиданно Финн бросился вперед, словно желая сбить его с ног. Талискеру пришлось отступить в сторону, и журналист, влетев в маленькую комнатку, столкнулся лицом к лицу с демоном. Тот выглядел ужасающе, остатки одежды горели желтым пламенем. Поняв, что огнем ему не угрожают, демон ухватил Финна за шею и шагнул в большую комнату. Журналист в ужасе завопил.

— А-ар... злой... злой... — Он тщетно вырывался. Талискер знал по собственному горькому опыту, что демон может переломить позвоночник, как тростинку. Пистолет Финна упал на пол с металлическим лязгом.

— Сделай что-нибудь! — закричал Чаплин. Несчастный бился в лапах зверя и мешал прицелиться.

Сжав зубы и подавив вполне понятное желание бежать от твари, чуть не убившей его однажды, Талискер шагнул вперед и ткнул факелами в ноги демона. Тот с ревом отшвырнул Финна в сторону. Тело журналиста, безвольное, как тряпичная кукла, ударилось о каменную стену комнаты, а Дункана отбросило к Чаплину. Дуло пистолета уперлось ему в спину. Заорав на демона, он снова ткнул в него огнем, но на сей раз тот просто вырвал последнее оружие у него из рук.

Наступил момент тишины. Тварь поднесла факелы к лицу и тупо уставилась на них, потом неожиданно начала растворяться. Искаженное лицо лишилось кожи, обнажив темно-красную пульсирующую массу. Все трое вздрогнули. Следом исчезли ноги, и их взорам предстало нечто настолько ужасное и отвратительное, что могло быть только истинной природой демона.

— Ох... — выговорил Малки.

Комнату наполнил запах серы, а в следующее мгновение огромная туша демона исчезла в зеленой вспышке. Все молчали, слышалось только шипение факелов и все более спокойное дыхание людей. Но едва Талискер собрался заговорить, как его грубо толкнули в спину.

— Ну вот, Дункан, мы разобрались с небольшой неприятностью. Теперь пойдем. — Чаплин направил пистолет на голову бывшего друга.

— Ты что, не понял? — заорал тот. — Ты не понял, Сандро? Эта тварь и есть убийца!

— Он прав, — поддержал Малки. — Ее послал Корвус.

В углу застонал Финн, но Чаплин не сводил глаз со своей добычи.

— Я не верю тебе. На сей раз я не могу отрицать существование Сутры — это было бы глупо, — однако Корвус никак не мог...

Что-то в выражении лица полицейского подсказало Талискеру, что его ждет, и Дункан не сразу решился задать следующий вопрос. Позже ему казалось, что на подсознательном уровне он знал, каков будет ответ. Талискер нащупал дрожащими руками пистолет Финна.

— Что — не мог, Алессандро? Скажи мне.

Чаплин не заметил его волнения. Лицо инспектора приобрело выражение — увы, слишком знакомое Талискеру, — непоколебимой ненависти.

— Дункан Талискер, я арестовываю вас по обвинению в убийстве Шулы Морган. Вы имеете право хранить молчание...

Талискер не услышал остального.

— Нет, — прошептал он, — нет. — Потом голос его стал громче, как будто это слово было заклинанием, способным все исправить. — Нет! Ты лжешь, Сандро. Ты лжешь... ты лжешь... — Крик превратился во всхлип. — Только не Шула. — К нему шел Чаплин с традиционной парой наручников в руках. — Не Шула. — Он направил пистолет Финна в лицо инспектору. — Не подходи! — Его трясло. — Как ты смеешь лгать мне так? Даже ты...

На лице полицейского было написано непонимание.

— Это правда, Талискер. Шула умерла...

— Нет! — рявкнул Дункан. — Не смей!

— Ты даже не помнишь, да? — продолжил Чаплин спокойным, ровным тоном. — Не помнишь, как убил ее? Она мертва.

— Нет!

— Шула Морган...

— Чаплин, перестань, ты его доведешь.

— Он должен вспомнить, Малки. Шула...

— Заткнись, Сандро!

— Шула Морган ме...

Мир Чаплина взорвался огнем и болью. Талискер застрелил его из револьвера Финна и выбежал из комнаты.

Чаплин увидел, как над ним склоняется Малки со смешанным выражением презрения и жалости на лице. Потом все исчезло.

Это было похоже на сон. На кошмары вроде тех, что мучили его в тюрьме, полные испуганных придушенных криков, когда только он сам знал об ужасе и боли жертв... Мир кажется нереальным — Талискер бежит, и это удивительнее любого демона, любой магии Сутры. Как он умудряется не поскользнуться на замерзших лужах и снеге? Он движется длинными прыжками, покуда несут ноги, — мимо черной громады замка, вниз по Лотиан-роуд к вычурному особняку на Принсес-стрит. Лицо и руки синие от холода и бьющего в них

снега, который тоже знает правду. Губы шевелятся, Талискер на бегу повторяет имя:

— Шула, Шула, Шула...

И вот он уже там. Видит «мигалки» полицейских машин и «скорой помощи». И все понимает. Хотя до сих пор не верит, что это правда. Повсюду горят огни, люди, столпившись маленькими группками, смотрят на печальную картину. Некоторые в халатах и тапочках, кое-кто плачет; все белые и холодные, как снег. Талискер проталкивается сквозь толпу, слыша только собственное дыхание, биение сердца да порой шум помех и голоса из раций. Чем ближе он к зеленой двери дома Шулы, тем пристальнее смотрят на него люди.

— Это он, это он, — шепчут они.

Дункан не сводит глаз с двери. В его руке — пистолет, холодный, как бы ставший частью руки.

— Не приближайтесь, — говорит кто-то, но не ему. Дункан проходит в дверь и поднимается по лестнице. — Не трогайте его, — повторяет голос.

Потом Талискер оказывается в комнате — в теплой красивой комнате, по которой Шула может ходить свободно, поскольку привыкла к ней. Она все еще здесь. На полу, в луже растекшейся черной жидкости. Тело лежит в нелепой позе, спина выгнута, как у кошки. Голова откатилась в сторону, и волосы закрывают кровь. Талискер падает на колени, задыхаясь от рыданий, которые пытаются вырваться из груди, и сжимает в руках медальон со святым Христофором. Тянется к ее голове, хочет поговорить с ней.

— Боли больше нет...

Яркая вспышка раздирает сумрак комнаты. Это фотоаппарат.

Талискер думает об Уне. И Дарраге. Теперь он понимает...

Кто-то берет его за руку, и, подняв голову, он видит Стирлинга.

— Дункан Талискер, я арестовываю вас по обвинению в убийстве Шулы Морган. Вы имеете право хранить молчание...

Голос продолжает звучать, но Талискер не слышит слов. Его синие глаза широко раскрыты, и он смотрит, как Стирлинг легко повторяет фразы, сказанные им не менее сотни раз. Наконец полицейский заканчивает речь и внимательно смотрит на Дункана.

— Вы поняли? — спрашивает старший инспектор.

Талискер коротко кивает. Он дотянулся до крови Шулы, и теперь его руки алые. Ему не хочется смотреть на пальцы.

— Шула мертва, — говорит он, утыкается лицом в собственные колени и плачет, как будто у него сердце рвется на части.

— Дайте ему минутку, — произносит Стирлинг.

В тишине камеры Талискер опустился на койку и уставился на пол. Дежурный врач объявил, что он не годен к допросу вследствие шока и умеренной гипотермии. Врач вколол Дун-

кану успокоительное, будто опасался, что тот вскочит и нападет на него.

— Это поможет вам уснуть.

Талискер даже не поднял голову. Стирлинг старался обращаться с ним корректно, и хотя Дункан прекрасно знал, что тот ведет себя так из прагматических соображений — чтобы действовать строго по правилам, — все равно был ему благодарен.

— Допрос мы на время отложим. — Талискер поднял голову, посмотрел на него мутными глазами и промолчал. — Но мне нужно кое-что узнать. Вы видели инспектора Чаплина и Финдли? Их нет на месте.

— Не видел, — пробормотал он. Не стоило усложнять дело признанием. Они и так скоро все выяснят. Впрочем, наплевать. Завернувшись в одеяло, Талискер смотрел на Стирлинга тяжелым взглядом, чувствуя, как успокоительное притупляет чувства.

— Что ж, тогда поговорим утром.

Инспектор постучал в дверь камеры, чтобы его выпустили.

После ухода Стирлинга выключили свет, и камеру освещали только рыжие фонари снаружи через покрытое морозными узорами стекло. Талискер сидел с широко раскрытыми глазами — стоило ему закрыть их, как перед внутренним взором возникала Шула. Ее убило зло, в которое она не верила, — разорвало на части. Желудок Дункана свела судорога. Он насмотрелся на смерть с тех пор, как попал в Сутру, да и сам убил многих в битве в Руаннох Вере, но ничто не могло сравниться с этим. Его душила смутная злость на Шулу... за то, что она так невинна? Как теперь смешно подумать о ее заявлении, что любая душа бесценна. Дункан сорвал с шеи медальон и сквозь пелену слез уставился на святого Христофора, бережно несущего в руках младенца Христа.

Внимание привлек звук за дверью — снаружи кто-то тихонько крался. Странно, обычно полицейские и охранники рады лишний раз напомнить заключенным, что они неподалеку. Смотровая щель приоткрылась. Талискер ни движением не выдал, что внимательно наблюдает за происходящим. Скорее всего пришел один из коллег Чаплина позлорадствовать: в подобных местах часто встречаются ущербные люди.

Сквозь щель забросили что-то легкое и тонкое. Дункан заметил пальцы бросающего — белые, как у покойника. И все же он не двинулся с места, пока щель не закрылась. Даже и тогда еще несколько секунд подозрительно смотрел на лежащую на полу записку и только потом подошел и развернул ее.

Она была торопливо нацарапана фломастером на страничке, вырванной из блокнота. «Мразь. Почему бы тебе не оказать нам всем услугу?» Талискер удивленно выдохнул, поняв, что автор записки совершенно серьезен: в нижнюю часть бумаж-

ки была завернута бритва. Дункан аккуратно взял ее и поднес к свету, глядя на бритву, как на драгоценный камень. Она была абсолютно новая, не притупленная волосами или кожей.

У Талискера возникло двойственное чувство насчет предлагаемого ему самоубийства. Он только что пережил сильный шок, но дело было не в том, что ему не хотелось жить, — смерть не означала конец всего, покуда Малки и Сутра могли забрать его усталую душу и ввергнуть в новые опасности. Он сел на краешек кровати и положил бритву рядом с собой.

Но Малки здесь нет, верно? Талискер окинул камеру взглядом. Где же он? Неужто его не волнует...

Постепенно подступал сон, и Дункан не слишком сопротивлялся, надеясь обрести хотя бы временный покой, но когда его обволокла теплая тьма, он с печалью понял, что и такое ничтожное утешение ему недоступно. Талискера утягивало в ту часть Ничто, куда, пользуясь слабостью тела, призывал его Корвус. Понимая, что сил встретиться с богом зла у него нет, он попытался бороться с действием успокоительного, уставившись на край кровати. Тщетно — душа все равно нырнула в пустоту. В последнее мгновение Талискер взял в одну руку медальон со святым Христофором, подарок Шулы, а в другую — острую бритву.

— Корвус! Я знаю, что ты здесь!

У его ног со свистящим звуком разверзается пропасть. Как и прежде, оттуда бьют слепящие лучи света. За ними видна фигура. На сей раз Корвус решил явиться в виде ворона.

— Вот и ты, — звучит в пустоте голос бога зла. Кажется, он доволен собой. — Ты именно там, где тебе самое место. В клетке. Как можно дальше от меня. Я не мог добиться лучшего, честное слово...

— Ты думаешь, что победил? — тихо спрашивает Талискер.

Корвус коротко смеется.

— Всего лишь восстановление статус-кво. Тебе не выбраться — мой демон хорошо поработал. Тебя посадят навсегда. Хотя для вас, смертных, это не слишком долгий срок... Мы не так уж отличаемся друг от друга: ты — в своей тюрьме, я — в своей. А ведь для бога пожизненное заключение означает вечность...

— Зачем ты убил Шулу? — Талискер идет вперед, будто намерен броситься в пропасть, не обращая внимания на исходящий оттуда жар.

Корвус тяжело вздыхает — так вздыхают, устав вразумлять ребенка-несмышленыша.

— Всего лишь последний штрих. Хотел заставить тебя понять... Впрочем, достаточно, я возвращаюсь в Сутру, и на сей раз мне ничто не помешает. Смею сказать, что мы больше не встретимся.

Ворон встопорщивает перья.

— Не надейся, — отвечает Талискер. — Я иду за тобой.

— И как ты собираешься сделать это, глупец? — В голосе слышится ярость, глаза вспыхивают. — Ты не можешь вернуться. Ты взаперти.

— Я могу вернуться в Сутру в любой момент, стоит моей жизни оказаться в опасности.

— Но как ты...

— Вот так, — бросает Талискер. Подняв левую руку, он поворачивает ее ладонью вверх. Вспыхивает бритва, и струи теплой крови стекают вниз.

— Нет. Ты не посмеешь... — Ворон раскрывает клюв, показывая острый язычок.

— Смотри.

— Твой план не удастся. — В голосе звучит отчаяние — Корвус привык побеждать. — Я так понимаю, что ты можешь прийти в мой мир с помощью камешка Мирранон, который хранит твой друг. Но его здесь нет, верно? Твоя смерть будет означать конец. — Он с удивлением смотрит на Дункана. — Неужели стоит умереть, пытаясь добраться до меня?

— Ты сам добился этого, Корвус. Я приду за тобой. Забавно, правда? Раньше мне было не слишком-то много дела до тебя, но теперь... — Талискер неприятно ухмыляется. — Теперь у меня личные счеты.

Не дожидаясь ответа Корвуса, он делает еще несколько порезов на руке, вскрывая вены. Сжав зубы и почти теряя сознание от боли, ложится на бок и подтягивает колени к груди, стараясь терпеть.

— Нет! — кричит Корвус. Но он бессилен что-либо изменить.

Талискер осознает свое присутствие и в Ничто, и в камере. Видит стены, облицованные плиткой, и струи крови — они текут на кровать и почти мгновенно свертываются на холодном полу.

— Он не придет, Талискер. Твой маленький друг не придет. — Голос Корвуса везде и нигде, а боль остается с ним и в камере, и в пустоте.

Талискер открывает глаза.

— Малки, — зовет он хриплым шепотом. — Ну давай же, Малки...

Корвус торжествует, бог зла снова полон уверенности в победе.

— Ты довольно храбр для смертного... И крови у тебя немало...

— Что здесь происходит? — раздается голос с шотландским акцентом, и в ногах кровати, на которой простерся умирающий Талискер, появляется Малки. — Что ты наделал, Дункан? Господи ты Боже мой...

Его потомок быстро теряет сознание.

— Скорее, Малки...

— Нет! — яростно завопил Корвус.

Талискер и Малки снова в камере; в первое мгновение там же находятся ворон и свет. Птица исчезла, но сияние оста-

лось, постепенно превращаясь в бурный вихрь, закрутивший двоих. В порывах ветра слышится голос Корвуса, кричащего в отчаянии. Талискер открывает глаза, смотрит на бурю через красную пелену и торжествующе улыбается.

— Я иду, Корвус, — шепчет он. — Ты за все заплатишь.

Он снова потерял сознание и оказался в совсем другой части пустоты. Чувство торжества уступало место леденящему страху. Немногие души могут пересекать эту пустыню столько раз и не попасть в вечные объятия того бога, в которого верят. И скорее всего никто не использовал это место как пересадочную станцию. Что, если Малки опоздал? Что, если он слишком близок к смерти в Эдинбурге или Сутре? Казалось, тело умирало разом двумя смертями — грудь и руки были горячими и липкими от крови, как в Эдинбурге, а спина и ноги страшно мерзли, как в Синих горах. Он лежал, свернувшись клубочком, то ли пытаясь сохранить остатки тепла, то ли ослабить боль.

Донесся голос Малки. Звук шел издалека, и Дункан решил, что горец, как всегда, старается подтолкнуть его к действию.

Потом донесся другой звук — негромкое ворчание. Дункан посмотрел вверх и встретился взглядом с карими глазами медведя, который дышал ему на лицо теплом.

— Тайнэ?..

Медведь лизнул его, затем поднял и обхватил теплыми меховыми лапами, даря жизнь. Талискер не почувствовал ни капли страха; он устроился поуютнее, вздохнул и уснул.

Ему снились сны большого медведя, походившие на песню в ритме биения сердца.

Ашка бежит по зеленой траве — Ашка бурая, Ашка самая громкая и высокая. Исполнительница песен. Мать многих детей. Скоро уйдет. Талискер молча бежал по зеленой траве рядом, слыша дыхание Ашки. Смеялся, как ребенок, сердце колотилось в такт песни. Бег через воду. Ашка, пожиратель полночных рыб. Ашка танцует. Тайнэ танцует. Касается меня. Осторожнее. Безумная радость. Плеск серебра, словно фейерверк во тьме леса. Ашка танцует и кружится в воде, и Талискер следует за ней, крича от счастья.

Тайнэ молча бежит через лес. Ашка быстрее. Там юноша. Оуэн. Ашка печальна. Юноша чувствует печаль огромного зверя. Остаться позади, исчезнуть в темноте. Слушай мое рычание. Запомни, как оно отдается эхом. Знай мой призрачный танец на снегу. В глуши. Холодно. Тайнэ любит. Тайнэ спит. Ашка спит.

Последние слова резанули по сердцу, и Талискер закричал, зовя ее, зарываясь пальцами в густой коричневый мех. Биение сердца спящего медведя стихало и стихало.

Слушай мое рычание. Запомни, как оно отдается эхом.

* * *

— Нет! О нет!

Талискер проснулся от горестного вопля. Несколько секунд он не мог понять, что происходит, — ему все еще виделся призрачный медведь, грациозно танцующий в снегу. Потом он обернулся, и все стало ясно. Ясно как день.

Малки стоял на коленях у лежащего на земле тела и плакал, как ребенок. Талискер хотел подняться, но ноги не слушались, поэтому он пополз туда, откуда было хорошо видно.

Тайнэ вернулась к ним, обеспокоенная переменой погоды. Бежала целый день в обличье Ашки и нашла их ночью, почти замерзших. Она отдала людям тепло своего тела и погибла, не оставив себе ни капли. Спасла их жизни и умерла. Кроме того, Тайнэ отыскала душу Талискера в пустоте и привела ее куда следовало. Так что она спасла его дважды.

Дункан смотрел на хрупкое тело девушки, вспоминая голос Ашки. *Холодно. Тайнэ любит. Тайнэ спит. Ашка спит.* Она и в самом деле выглядела так, словно только уснула. Талискер вздохнул, чтобы перестало щемить в груди. Ему было стыдно — он чувствовал, что недостоин такого самопожертвования.

— Ты прав, Малки, — дрожащим голосом выговорил Дункан. — Она была особенная.

Они не могли зарыть ее — земля совсем промерзла, — поэтому воздвигли каменный курган, тело положили сверху и прикрыли плащом.

— Подожди. — Малки снял серьгу посланника и надел ей на палец. — Может, то был ее брат. Теперь у нее есть хоть что-нибудь, принадлежащее народу сидов.

— Мне бы тоже хотелось сделать ей подарок. — Талискер посмотрел, что же зажато у него в правой руке. В утреннем свете слабо блеснул святой Христофор. Дункан намотал цепочку на холодную руку Тайнэ. — По-моему, я поступаю правильно. Она и Шула... они обе были особенными.

На вершину кургана положили несколько больших камней, опиравшихся на маленькие по бокам: ни один из них не мог и помыслить о том, чтобы придавить мертвое тело. Наконец, закончив, друзья постояли в тишине, наслаждаясь теплым прикосновением лучей солнца. Над пустошью дул ветерок.

— Она верила в нас, Малки. Ради ее памяти мы должны добраться до Мирранон. Она умерла за то, что считала правильным и святым делом.

Им понадобилось еще полтора дня, чтобы добраться до долины, где, по словам Тайнэ, жила Мирранон. За перевалом местность изменилась. Острые камни и крутые обрывы уступили место траве и пологим склонам. Под сенью горной гряды было

еще тепло, и на лугах пестрели цветочки. Путники немного передохнули.

— Что теперь? — вслух спросил Малки. — Нас не встречают.

Талискер промолчал. Он наслаждался — зелень долины действовала на его усталую душу как целебный бальзам.

— Смотри! — воскликнул Малки.

К облакам поднимался темный столб дыма.

Дункан не мог понять, откуда тот исходит: на пути располагалась рощица.

— Пожалуй, нам стоит поспешить, Малки. — Он встал, чувствуя внезапное беспокойство. — Идем. Если там Мирранон, то, боюсь, нас опередили.

Добравшись до огня, они никого не увидели. Рощица на поверку оказалась лесом вокруг целой группы дымящихся зданий. Сгорели даже некоторые деревья. Пахло углем и дымом.

Малки изумленно присвистнул.

— Да, я ждал не такого.

— Я тоже.

Некоторые стены устояли, и вокруг окон виднелись серебряные узоры. В самом большом, должно быть, принадлежавшем Мирранон, доме были медные двери с выгравированным на них изображением орла в полете. Почему-то эта картина так привлекала взгляд, так напоминала о свободе, что Талискер протянул руку и коснулся ее.

— Дункан, сюда. — Малки показал на тварь, заваленную обрушившейся стеной. — Это кораннид, как ты думаешь?

Пахла тварь и в самом деле как кораннид, но была гораздо крупнее. Малки потыкал ее мечом.

— Надеюсь, мертва, потому что, если эта зверюга решит встать, у нас будут неприятности.

Они разобрали часть завала, чтобы рассмотреть поверженное существо, хотя самую здоровую балку по молчаливому уговору трогать не стали. Тварь походила на сложившую крылья летучую мышь, однако ее черное лицо имело человеческие черты, пожалуй, женские, хоть на голове не было ни волоска. Один глаз выбила падающая балка; другой — ярко-желтый, полный злобы — даже сейчас смотрел на путников. Малки отодвинул крыло кончиком меча. Тело оказалось бесполым и тощим.

— Там еще, смотри!

Тварей оказалось четыре, и последняя пугала больше всего. На ее крыльях виднелись большие пятна крови, к левому когтю присохли белые перья. Рядом на земле валялось еще несколько перьев.

— Мы опоздали, Дункан. Должно быть, они ее убили.

Талискера охватили усталость и отчаяние. Смерть Мирранон означала потерю надежды на возвращение в Эдинбург, ведь камень Деме если не иссяк, то вот-вот иссякнет. Значит, он останется здесь. Бывший заключенный был вовсе не против — на Земле ему светит только новый срок, это Чаплину есть куда возвращаться. Кроме того, в Эдинбурге его никто не ждет. Шула любила его когда-то, но она мертва. Ему представилась Уна с рыжими, сияющими на солнце волосами и лучистыми зелеными глазами...

— Гляди, Дункан.

Возле медных дверей сидел заяц, не сводя глаз с двух людей. Он был размером с собаку и казался странно знакомым. Талискер пошел к нему. Тот не двинулся с места, только склонил голову набок.

— Осторожнее, Дункан, — проговорил Малки, кладя ладонь на рукоять. — Может, он заколдован и хочет заманить тебя в ловушку.

Талискер махнул рукой, прося горца оставаться на месте, потом подошел к двери и посмотрел ушастому зверьку в глаза.

— Отведи меня к Мирранон.

Заяц моргнул, и на мгновение Дункан решил, что он ошибся. Потом тот бросился бежать, а на краю полянки замер, поджидая.

— Да! — улыбнулся Талискер. — Идем, Малки.

Мирранон лежала в пещере в миле от поляны. Она все еще оставалась в орлином облике и, несомненно, умирала — правое крыло было оторвано, белоснежную грудь запятнала кровь. Птица шевельнулась, увидев входящих мужчин, однако сил общаться, похоже, у нее не осталось. Талискер вспомнил время, когда ему снились полеты с Белой Орлицей, а сама мысль о свободе представлялась абсурдной и невозможной. Теперь он понял, что уже две сиды пожертвовали собой ради него. Прижав рану плащом, чтобы остановить кровь, Дункан сел рядом с умирающей и зарылся лицом в белые перья.

Малки в пещеру не вошел, остался снаружи на ярком солнышке, словно чувствуя, что помешает; точил меч о камень и молчал.

Заяц наблюдал за своей хозяйкой и Талискером.

— Нет, не умирай, Мирранон... Я не понимаю. — Талискер собрался с мыслями, гладя ее мягкий бок. — Почему я? Должен бы кто-то лучший... Не умирай... Не умирай...

— Дункан, — заметил Малки снаружи. — Разве ты не должен ей что-то передать?

Талискер горько засмеялся и вытащил из кармана Бразнаир.

— Когда свет снова позовет, — с трудом выдавил он и протянул камень на раскрытой ладони орлице.

Солнечный луч, заглянувший в пещеру, упал на камень и окутал Мирранон зеленоватым сиянием. Та закрыла гла-

за, и Талискер уже решил, что она покидает их, как вдруг облик Белой Орлицы изменился, и на ее месте возникло окровавленное женское тело. На Мирранон был серый плащ, хотя Дункан все равно увидел, что правой руки нет, как и крыла.

Белая Орлица открыла глаза и слабо улыбнулась.

— Ты все же пришел...

— Вам не стоит разговаривать, леди Мирранон. — Талискера душили слезы. — Вас ранили эти... эти...

Ее веки устало опустились.

— Да... бултари. Больше мне не летать. Корвус добился своего. Я была глупа, думая, что его все еще сдерживают оковы. До ужаса глупа. — Она умолкла и резко выдохнула.

Талискер предположил самое худшее и опустил голову. Долгое время царила тишина. Казалось, горе серой пеленой окутало долину.

В пещеру вошел Малки и дотронулся до тела Мирранон.

— Перестань хандрить, приятель, — упрекнул горец. — Надо развести огонь и согреть госпожу.

— Ты хочешь сказать?.. — поднял голову Дункан.

— Да, она еще жива.

Они ухаживали за ней всю ночь. К утру она уснула, слабо и неровно дыша. Талискер не мог описать, как он к ней относится: Мирранон была краеугольным камнем изменений, произошедших в его жизни. Глядя на Белую Орлицу, Дункан понял многое — какую бешеную радость вызывала у него Сутра, как он действительно, впервые в жизни, нужен людям. Несмотря на страдания и муки, Талискер полюбил Сутру всем сердцем.

Воины погибли в Руаннох Вере не зря, и смерть не умаляла их, скорее возвеличивала. Они умерли, служа своей стране, женам и детям. Эдинбург казался тусклым, бесцветным местом, где люди живут словно вполсилы. На самом деле Дункан знал, что не совсем прав, ведь он был счастлив там, хотя бы только в детстве. Ему припомнились школьные дни, дружба с Алессандро... В первую же встречу Талискер дернул его за хвостик и обозвал дураком. Они долго дрались, а потом долго хохотали сами над собой... Дункан улыбнулся воспоминаниям, чувствуя внутри странную пустоту, и принял окончательное решение: не возвращаться, даже если это возможно.

— Я не смогу помочь тебе, прости. — Мирранон проснулась и ответила на незаданный вопрос.

— Вы читаете мысли?

Та улыбнулась.

— Я никогда не посмела бы так поступить без твоего согласия, но камень должен достичь Сулис Мора, пока Корвус не захватил весь мир. Бог зла скоро освободится. — Она закрыла глаза. — Теперь ты познал его злобу?

— Да, — пробормотал Талискер.

— Я не могу полететь туда. Я должна лежать здесь и копить силы. Мне осталось только одно дело, и, кажется, оно не в этом мире.

— Мы с Малки можем отнести его, Мирранон.

— Увы, зря вы меня искали, верно? Боюсь, моих сил не хватит, чтобы оградить феинов от опасности и помочь им выстоять. Нам понадобится помощь, как и в прошлый раз. И тут нужны вы с Малки. Кроме того, они вообще не снизошли бы до беседы со мной — я не сид и не человек.

— Не говорите так. Кто бы ни были те люди, они многого не понимают. Если бы не вы...

Она рассмеялась, несмотря на боль.

— Они не люди, Талискер. Я говорю о богах Сутры. Если бы они думали и вели себя как люди, наша жизнь была бы проста и приятна.

Наступила тишина. До друзей постепенно доходили ее слова. Талискер с трудом мог поверить в существование богов. Даже после битвы с Фирр он не мог осознать, что богиня-воительница из плоти и крови, как и все. И Корвус...

— Что тебя беспокоит, Дункан? — спросила Мирранон.

— Он не верит в богов, — ответил за него Малки, протягивая руки к костру.

— Откуда ты знаешь, во что я верю? — пробурчал Талискер.

— И я бы на твоем месте не верил...

— Не важно, Дункан, — тихо промолвила Мирранон. — Ты уже встречался с леди Фирр, не позволяй ее внешности обманывать тебя. Она могла пустить в ход магию, но предпочла развлечься и помахать мечом. Это было весьма немудро, и она поплатилась за свою ошибку. А что до Корвуса... ты видел только его тень, малую толику злобной сущности. Тебе надо встретиться с Рианнон, их кузиной. Прошло уже две сотни лет с тех пор, как она в последний раз общалась с людьми; тогда она помогла победить Корвуса — так что они, мягко говоря, не любят друг друга. Я ничего не слышала о Рианнон с тех пор, но, думается, знаю, где она живет. Согласится ли богиня помочь — вот в чем вопрос.

— Если мы отправимся к ней, то как же камень попадет в город? Вы не в состоянии путешествовать, не то что сражаться с кораннидами.

— Да, нельзя класть все яйца в одну корзину, — поддержал друга Малки. — Если с нами что-нибудь случится, а у нас камень...

— Помощь близка. — Мирранон говорила почти шепотом. — Я так устала...

— Попытайтесь уснуть, госпожа, — сказал Малки. — Мы с Дунканом пойдем подстрелим на завтрак кролика.

— Я не питаюсь плотью животных, Малколм, но спасибо за заботу.

Заяц высунул голову из-за хозяйки.

— Прости, не хотел тебя обидеть.

Мирранон снова уснула, и мужчины отправились на охоту.

За руинами поселения, в ста ярдах от места, где лежала Мирранон, был пруд. В первых лучах утреннего солнца над ним мелькнула тень, по воде побежали черные круги. Олень, пришедший на водопой, испугался и прянул в кусты. Над прудом показались очертания черной лошади со всадницей на спине. Конь мчался так, будто воля наездницы вела его сквозь время и пространство. Когда он коснулся земли, тьма отступила, и стала видна истинная природа скакуна и всадницы.

Это была Фирр, казавшаяся маленькой и стройной по сравнению с могучим жеребцом. Черный как ночь конь раздувал ноздри и испуганно косил глазом.

Спрыгнув со спины скакуна, пока тот еще не остановился, Фирр преградила ему путь и замахала руками.

— Хоя! Хоя! — Жеребец остановился в нескольких дюймах от мучительницы. Фирр сладко улыбнулась. — Ты ведь хочешь домой, верно? В луга, полные кобыл? — Она хлопнула его по боку. — Мне вскоре понадобится скакун... ты ведь прискачешь на зов?

Конь заржал, и Фирр поцеловала его в нос. Из кончиков ее пальцев на коня пролился слабый свет. Потом богиня отпустила его, довольная, что он явится, когда нужно, и медленно побрела в лес вокруг поселения. Она хотела увидеть дело рук Корвуса. Фирр коснулась повязки на левом глазу, который теперь был слеп и, хуже того, уродлив. Зрачок стал белым, как опал. Фирр не умела исцелять — силы тьмы способны лишь разрушать. На сей раз брату не будет прощения — он зашел слишком далеко. Сердце ее горело жаждой мести.

Выйдя из леса, Талсикер и Малки обнаружили, что Мирранон у костра не одна. Маленькая серебристая рысь устремила на людей взгляд желтых немигающих глаз. Белая Орлица выглядела хуже, чем когда они ушли, и почти не могла говорить. Малки немедленно исполнился подозрений, выхватил меч и бросился к рыси, которая и не подумала сдвинуться с места, а продолжала с любопытством его разглядывать.

— Малколм, — пробормотала Мирранон, — разве так встречают старых друзей?

Рысь окуталась светом, и через несколько мгновений перед ними стояла высокая золотистая фигура.

— Деме! Не могу поверить, что это ты! Мы думали, тебя убил демон в подземелье!

Деме радостно обняла их обоих.

— Мирранон дала мне камень вроде твоего, и я вернулась к моему народу — оказывается, всего через несколько месяцев после ухода. А теперь Мирранон нужны быстрые легкие ноги для пути через лес, и лучше меня никого нет.

Из-за деревьев за ними внимательно наблюдал холодный синий глаз.

Малки и Дункан отправились в путь. Рысь осталась со своей старой подругой еще на день, а потом собиралась в Сулис Мор. Пока Талискер прощался с Мирранон, Деме обратилась к горцу:

— Белой Орлицы скоро не станет, Малколм. Не говори Дункану, он может впасть в отчаяние.

— Но ей лучше, — возразил Малки.

— Нет. — Деме положила руку на сердце. — Здесь умирает ее душа. А тело откажет уже завтра.

— Ты уверена? Не хочу тебя обидеть, но ты не очень... грустишь.

— Тебе бы следовало знать, что смерть — не конец. Мы верим, что души сидов возвращаются в Лизмаир, наш дом, и нас встречают сородичи. Она снова полетит. — Деме посмотрела на подругу. — Мирранон — воплощение единства сидов и феинов, и дух ее воистину велик.

— Да, вполне возможно, хотя вряд ли Дункану станет легче. Он недавно потерял очень дорогого ему человека. — Малки коротко рассказал о Шуле, как она единственная в Эдинбурге понимала Талискера и верила в него.

— Быть может, как ни печальна ее смерть, она поможет сидам и феинам. Корвус разжег в сердце Талискера огонь мщения.

ГЛАВА 17

Проснувшись на следующее утро, Чаплин сразу понял, что вернулся в Сутру. Еще не открыв глаза, он почувствовал запах одеяла из овечьей шкуры и медленно осознал, где находится. Однако стоило ему попытаться встать, как грудь пронзила острая боль, и он повалился обратно.

— Сандро? С тобой все в порядке? — Улла оставила костер, в который она подкладывала ветки. — Что случилось? Макпьялута, скорее сюда, Сандро болен.

— Не беспокойся, Улла, со мной все в порядке. — Вновь накатила дикая боль, и он слегка застонал.

Макпьялута подошел к Чаплину и бесстрастно посмотрел на него.

— Снимай рубашку, Алессандро, мы должны увидеть, что с тобой.

Чаплин повиновался и немедленно замерз.

— Никогда не видела такой раны, — удивилась Улла.

Полицейский понимал, что это пулевое ранение, полученное в другом мире. Отверстие между плечом и ключицей оказалось не сквозным, хотя пули внутри не было — видимо, осталась в Эдинбурге в его другом теле.

— Как такое могло случиться ночью? — спросила девушка. — И кто это сделал?

Чаплин натянул рубашку, стуча зубами.

— Трудно объяснить... Ну, я не просто спал, а... оставлял этот мир. Рану нанес Талискер.

— Он пытался убить тебя? — нахмурился Макпьялута. — Этот человек наш союзник, разве нет? Ты должен был рассказать мне всю правду о нем, прежде чем его отправили с камнем к Мирранон. Ему нельзя доверять? У него Бразнаир! Мне нужно поторопиться и...

— Подожди, принц. — Чаплин поднял руку, призывая к молчанию. — Я же сказал, объяснить очень трудно. По крайней мере в этом мире ему доверять можно.

— А в вашем, Сандро? — спросила Улла. — Кто он в вашем мире?

— Да... — полицейский потер рукой подбородок, обросший короткой щетиной, — я уже и не знаю.

Тем же вечером они оказались возле озера Свет Небес. Дул удивительно теплый ветер, трепавший волосы и полы одежды. Чаплин смотрел на зеркальную воду. Где-то там, в глубине, находился портал в другой мир, и мир тот все еще был его домом. Зато здесь он стал сеаннахом, и Мориас назвал его своим преемником... Теперь это казалось жестокой шуткой.

В последний вечер перед началом пути Чаплин отыскал старого сказителя в саду тана — там, где еще недавно цвел прекрасный розарий. Сеаннах, хмурясь, разглядывал желтую розу, хотя было почти темно.

— Видишь, Алессандро?

Чаплин, который шел совершенно бесшумно, не думал, что старик заметил его, и от неожиданности остановился.

— Ее заглушают сорняки, — продолжал Мориас. — Обычный вьюнок. Смотри.

Молодого сеаннаха удивили слова учителя. Весь сад лежал в руинах; живые изгороди, которые растили много десятков лет, сгорели во время битвы. Да что там растения перед угрозой приближающейся зимы в разоренном городе!.. И все же цветок

привлек внимание старого сказителя, поэтому Чаплин внимательно посмотрел на него.

Роза выжила чудом. Куст затоптали коранниды, которым не страшны шипы, и растение едва дышало. Вокруг стебля обвился вьюнок, вытягивая жизненные силы, но поверх всего цвела пышная желтая роза, как маяк в ночи.

— Красивая, — проговорил Чаплин.— И... довольно поздняя. Зима почти.

— Да, да, — рассеянно кивнул Мориас. — Ты ведь пришел расспросить меня про Фер Криг?

В неверном свете факелов в глазах старого сказителя читалось нечто странное. Улыбнувшись, он вручил Чаплину розу.

— Все равно ей умирать. Ты сам все поймешь, Алессандро. Ты будешь знать, что делать. Верь мне.

Чаплин промолчал. Теперь его поражало, как он согласился без подготовки отправиться в путь, даже не зная, что ему надо делать, только из безграничной веры в Мориаса.

— Алессандро, мы разожгли костер.

Они знали друг друга всего несколько дней, а Чаплин чувствовал себя с Уллой все более спокойно; так легко ему не было ни с одной женщиной со времени смерти Дианы. Хотя характер дочери тана нисколько не напоминал его покойную жену — Улла отличалась удивительным спокойствием и терпением, — ее общество радовало инспектора все больше. Она относилась к тому редкому типу женщин, в котором молчаливость совмещается с острым умом. Чаплин все больше и больше восхищался своей спутницей. Ее улыбка озаряла зимний лес, как маленькое солнышко.

Когда она тихонько скользнула к нему под одеяло незадолго перед рассветом, Алессандро был изумлен.

— Улла? Что ты делаешь?

Вместо ответа девушка обвила его шею руками. Чаплин сперва решил, что она ошиблась ложем, но потом она прижалась к нему, и последние сомнения улетучились, как дым.

— Нет! — Он резко сел, понимая, что ответ прозвучал слишком грубо. — Улла!

Чаплин заглянул в ее бледное лицо и немедленно осознал, что она неправильно поняла его слова, решила, что отвергнута из-за своего уродства. Девушка выпуталась из одеял так неловко, будто ее ударили по лицу, и Алессандро на долю секунды показалось, что она бросится в лес. Он поспешно схватил ее за руку.

— Улла, послушай...

— Отпусти меня, — ответила она величественно. — Отпусти, или я позову на помощь Макпьялуту. Я ошиблась ложем, сеаннах. Отпусти меня.

На мгновение Чаплин почти поверил ей, потом вспомнил, как она коснулась его.

— Отпущу, если ты согласишься меня выслушать.

— Хорошо.

Чаплин медленно разжал пальцы, будто давая волю маленькой птичке. Бледный утренний свет падал на девушку, севшую на траву рядом с ним. Темные волосы отливали удивительным блеском, руки и ноги казались высеченными из мрамора. Она решительно вскинула голову, повернувшись к инспектору здоровой стороной лица.

Он почувствовал себя полным дураком — сколько раз Улла садилась так, чтобы он не видел ее шрамов. Когда б не страшная болезнь, Улла была бы на редкость красивой женщиной.

— Ты ведь не думаешь...

— Все в порядке, — перебила она. — Я знаю, что бывают мужчины, которых... не интересуют женщины.

— Значит, так ты считаешь?

— А что же еще, сеаннах?

Чаплин начинал теряться.

— Видишь ли, я просто... дал обет безбрачия. — Он почувствовал, что краснеет. — Я принял такое решение, когда умерла моя жена. Это... вроде как дань ее памяти, понимаешь? Она погибла... — Алессандро поднял взгляд, увидел, что Улла ушла, и так и не понял, слышала ли она его объяснения.

Теперь они добрались до Фер Криг, Каменных Людей, на берегу Света Небес. Двигались медленно, поскольку у Чаплина болела грудь, а Улла никак не могла оправиться от действия зелья. Каждый из путников был погружен в собственные мысли. Макпьялута догадался, что между Чаплином и Уллой что-то произошло, однако молчал.

Чаплин подошел к огню, и Макпьялута, улыбнувшись почти дружелюбно, спросил со своим обычным сарказмом:

— Ты уже понял, с какой стати старый сеаннах так верил в тебя? Я знал, что старик потихоньку сходит с ума, но...

Инспектор слишком устал, чтобы спорить с принцем.

— Если у тебя есть предложения, готов их выслушать.

Макпьялута нисколько не обиделся на такой ответ.

— Давайте хотя бы выспимся как следует. Я буду сторожить первым, а потом разбужу вас.

Он потряс Чаплина за плечо гораздо позже, чем договаривались, — в обличье орла ему не требовался длительный сон. Проснувшись, Алессандро подошел к серым валунам, слушая плеск воды. В голове стоял образ Мориаса, вручающего ему розу... Впрочем, говорил скептицизм, у старого дурня всякое действие кажется чудесным и исполненным глубокого смысла. И все

же картина стояла перед глазами, и он начал размышлять, не близится ли случайно к разгадке.

— Сандро? — Из-за серого дольмена нерешительно показалась Улла. — Так тебя называют друзья?

Она вышла в пятно света от факела, который он держал в руке, и стало заметно, что на лице девушки написано волнение.

— Прости, Сандро. Я сваляла дурака.

Чаплин не знал, что сказать, поэтому промолчал.

— Как печально, что твоя жена умерла. Должно быть, ты ее очень любил... Я понимаю, близких тяжело терять. Моя Дом... по крайней мере я с ней попрощалась... Вот пришла спросить, по-прежнему ли мы друзья, и, похоже, снова тебя огорчила. — Она с улыбкой коснулась его руки своей маленькой ладошкой.

Чаплин был так тронут, что почти лишился дара речи. Он взял ее руку и поцеловал.

— Надеюсь, мы навсегда останемся друзьями, леди Улла, даже тогда, когда мое имя, быть может, станет синонимом для слова «дурак».

— Значит, ты по-прежнему не знаешь, что делать?

— Не знаю. Перед отъездом я спрашивал у Мориаса, а он вместо ответа дал мне розу.

— Какую? — заинтересовалась Улла.

— Желтую. Просто сказал, что я пойму, что делать. Что ж, он ошибся. Может, нам отправиться прямиком в...

Хрипловатый смех Уллы разнесся над водой спящего озера.

— Это я, Сандро. Я желтая роза. Она всегда была моим символом, хотя мне казалось, что никто об этом не знает. И в саду я выращивала большой розовый куст, который для меня очень много значил...

— С самого края второй клумбы?

— Да. Выходит, он пережил пожар и битву?

Чаплин кивнул, не понимая, к чему идет дело.

— Ага. И что же это значит, по-твоему?

— То, что я могу как-то помочь или знаю что-то важное. Можно мне присесть?

— Конечно. Прости, сейчас я принесу одеяла.

Они смотрели на ночное небо, усыпанное мириадами звезд и оттого похожее на драгоценный покров, вышитый жемчугом.

— Они прекрасны... — Улла погладила камень и прислонилась к нему спиной. — Прости, Рагнальд, но я устала.

— Ты знаешь каждый из них? — спросил Чаплин, удивленный таким фамильярным отношением к фигурам воинов древности.

— Конечно. Мы учили их наизусть в детстве — Кентигерн, Уисдин, Рагнальд, Конниер и Маура, героиня всех маленьких девочек... А что это за звезда? Которая светит так ярко?

Чаплин поднял голову. И в самом деле один небесный алмаз затмевал все прочие. Он снова бросил взгляд на Уллу — та засыпала, но хотела побыть с ним подольше, — и рассказал ей историю этой звезды.

— Однажды жила принцесса, такая прекрасная, что все боги желали ее. Однако сердце красавицы оказалось холоднее льда в глубоких ущельях севера...— Голос разносился над водой так мощно, так уверенно, что казалось, будто он вот-вот коснется звезды. — Поэтому он поместил смертную душу Мафейнис на небо, чтобы все видели ее заносчивость. Но даже боги не остались равнодушны к ее красоте и послали дев ухаживать за ней во веки веков, и она не тускнеет с тех пор и радует взоры людей.

Несколько мгновений был слышен только тихий плеск воды на краю озера. Чаплин вздохнул и, думая, что Улла спит, вытащил из волос ленту, чтобы тоже улечься. Быть может, на восходе его посетит откровение.

— Очень красивая сказка, сеаннах, — сонно пробормотала Улла. — Мориас правильно тебя выбрал. Откуда ты знаешь столько историй?

— Просто знаю. Я только... — Чаплин неожиданно сел, его мозг ухватился за мелькнувшую идею. — Мориас сказал, что земля выбрала меня сама, чтобы рассказывать ее легенды, нести их, хранить и передавать другим, дабы ничего не потерялось и не забылось — в этом суть сеаннаха, — но я не отсюда родом, Улла. Наверняка есть вещи, которые я не в силах понять. — Он махнул рукой в сторону камней. — Мне ведомы все их истории, они были героями, однако я не знаю...

— Что? — спросила Улла, стараясь помочь.

— Сам не знаю что, — расстроенно простонал Чаплин. — Я не знаю, чего я не знаю. Проклятие, заколдованный круг! — Он запустил пальцы в волосы.

— Тебе стоит поспать, Сандро, — заботливо проговорила Улла. — Утро вечера мудренее. — Она указала на запад, где небо бледнело. — А утро очень скоро.

Девушка смотрела, как он укладывается. Ее глаза слипались, но она хотела побыть с ним подольше и понимала, что сеаннах скорее всего не заснет. В предрассветном сумраке его иссиня-черные волосы блестели, отражая свет костра. Хоть Алессандро не захотел стать ее любовником, Улле хватало того, что этот человек ее друг и спутник.

— Улла! Улла! Проснись!

Прошел всего лишь час. Небо пылало алым восходом. Чаплин сидел на корточках возле одеял с усталым, но торжествующим видом.

— Сандро? Что такое?

— Я понял! Понял, чего мне не хватает!

— Помедленнее, пожалуйста. Начни сначала, если не трудно.

— Хорошо. Вчера ты говорила, что в детстве вы все учили наизусть их имена, а я ответил, что имена тоже знаю, хотя многое скрыто от меня. Не зря Мориас сказал, что ты ключ к разгадке. Ты располагаешь знаниями об этих героях, которые помогут нам призвать их. Ясно?

— Да, — тихонько отозвалась она.

— Ну, я же сеаннах, верно? Только не по своему выбору, и слова, приходящие ко мне, живут своей жизнью. Я лишь направляю их. — Он обнимал девушку за плечи, глядя на нее сияющим взором. — И ты должна вложить их мне в уста.

Макпьялута проснулся и подошел к каменному кругу. Ни Чаплин, ни Улла не заметили его появления, ибо поступь принца была легка. Он внимательно и с тревогой слушал их разговор. Ветер играл серебром его волос.

— Леди Улла, я думаю, что сеаннах говорит об «Ур Сиол», родословной феинов.

— К чему мне урок истории? — нахмурился Чаплин. — О чем ты, Макпьялута?

— Сандро, ты не понимаешь. Принц прав. Должно быть, тебе нужна именно она. Родословную никогда не записывали, но все дети королевской крови учат ее наизусть еще в ранней юности. Это длинная поэма, или сага, которая звучит ровно два часа. Она описывает историю феинов со дня их сотворения до настоящего времени. Только с точностью до наоборот — она заканчивается сотворением пяти танов старшими богами. Сеаннахи редко ее рассказывают, ибо малейшая ошибка карается смертью. Рассказывать «Ур Сиол» — великий подвиг, если ты не королевской крови.

— Но здесь только ты и Макпьялута. Думаю, вы не станете рубить меня мечом из-за одной маленькой ошибки, — пошутил Чаплин.

— Нет, — согласился принц. — Не станем. Но нам и не понадобится.

— А что, — слегка побледнел Алессандро, — меня поразит молния?

— Быть может, — совершенно серьезно ответил Макпьялута. — Впрочем, я никогда такого не видел.

— Это суеве...

— А я видела, — перебила его Улла. — И не хотела бы увидеть вновь.

Воцарилось молчание.

— Что ж, — наконец выговорил Чаплин, — не будем терять время. Приступим. Думаю, лучшего учителя мне не найти.

— Да, у нас есть весь день, Сандро, — вздохнула Улла. — «Ур Сиол» должна быть закончена ровно в полночь.

— Если я закончу раньше, то тоже умру?

Она вроде бы и улыбнулась, но в ее глазах светилась тревога.

— Да.

На озеро Свет Небес надвигалась буря. Дольмены Фер Криг на фоне темного неба казались силуэтами великанов. В центре круга стоял Чаплин, набираясь сил, чтобы рассказать «Ур Сиол». Между камнями горели светильники, которые Макпьялута делал целый день. Они пылали, невзирая на ветер, и их пламя окрашивало небо в тревожный багровый цвет.

Улла с Чаплином целый день репетировали. Теперь девушка заняла место между камнями Конниера и Мауры, чтобы укрыться от порывов ветра, и готовилась подать сеаннаху знак. Макпьялута принял облик орла и сидел между Кентигерном и Маурой, топорща перья. В его глазах отражались светильники.

В голове у Чаплина царил полный хаос, и одна строчка поэмы никак не припоминалась. Стараясь не поддаваться панике, он пошел к Улле.

— Не двигайся! — крикнула она. — Почти время.

— Нам мешают, — крикнул он в ответ. — Может, внять предупреждению?

— Оставайся на месте, сеаннах.

Неожиданно ветер ворвался в каменный круг. Невидимые руки вытолкнули Чаплина на середину. Он споткнулся и упал на траву. Ветер не давал ему подняться.

— Нет! — закричал он. — Меня выслушают!

В его голове всплыли слова. Не «Ур Сиол», но не менее древние и могучие, на языке, известном только сеаннахам и бардам, непонятные ему самому. Повинуясь инстинкту, он произнес их вслух — губы сами формировали незнакомые слоги.

Ветер отступил за круг камней, и Чаплин вскочил на ноги, обнажая меч. Теперь к нему подползали ледяные пальцы тумана, и меч стал таким холодным, что он выронил его со вскриком.

— Боги, — прошептала девушка. — Это так...

— Улла? — Она исчезла за завесой тумана.

— Сандро, время пришло. — Голос доносился сквозь белесый полог, и он по-прежнему не видел ее. — Время, Сандро! Ты меня слышишь? Начинай!

Неожиданно Чаплина наполнила сила, пришедшая, видно, из земли, словно он и в самом деле стал голосом Сутры. Алессандро Чаплин, избранный сеаннахом, откинул голову назад и принялся читать «Ур Сиол».

Ему показалось, что время замерло. Сознание плыло, он словно переместился в мир богов и духов, куда ни один смертный не может ступить, надеясь вернуться. И все же губы

произносили слова, которым его научила Улла, и каждый звук, каждое слово обретали силу, уносясь в небо.

Он не мог шевельнуться. Все вокруг изменилось. Остались только камни и светильники во тьме. Чаплин медленно повернул голову и увидел не только дольмены, но и души, заключенные в них. Ему казалось, что он становится все больше и больше, растет, сзывая к себе бессчетные поколения, впитывая силу мертвых. Где-то глубоко внутри вспыхнул маленький огонек страха, однако отступать было поздно. Он слишком далеко зашел. Чем большая сила наполняла его, тем меньше хотелось останавливаться.

Подойдя к последнему стиху, Чаплин почувствовал отклик, огляделся и увидел силуэт на фоне неба. Нижняя часть тела терялась в чернильном мраке, тем не менее по голове, на которой красовался рогатый шлем, можно было понять, кто это. Бог Сутры, лорд Кернуннос.

Вокруг падали камни. Улла закричала, но сеаннах не посмел остановиться. Его судьба — закончить «Ур Сиол» или умереть. Фигура Кернунноса протянула руку, будто желая что-то взять. Алессандро оставалось прочесть всего шесть, Господи, всего шесть строк... Он подошел к началу концовки. Имена пяти танов...

— Рано, Сандро! Еще рано!

Чаплин помолчал немного, сколько осмелился, но она не понимала — он должен продолжить, он не может останавливаться. И Алессандро не остановился. Когда слова кончились, он просто кричал, чтобы заполнить пустоту.

Тень Кернунноса исчезла с небес, и Чаплин потерял сознание.

ГЛАВА 18

Они встретились на перекрестке дорог у подножия Синих гор в самый короткий день года. Зимнее солнце мутным желтым шаром висело в воздухе. Чаплин опаздывал на три дня; Талискер решил ждать еще сутки, а потом отправиться на задание Мирранон. Он задумчиво смотрел вдаль, прихлебывая принесенный Малки чай.

— А что, если он вообще не придет? Если я убил его в Эдинбурге? Стирлинг сказал, что и Алессандро, и Финн неизвестно где.

— Не знаю, — пожал плечами горец. — Думаю, он исчезнет из Сутры. И Макпьялута останется один. Кто знает, что будет делать принц?

Мужчины присели на пенек.

— И как же ты отнесешься к смерти Чаплина? — спросил горец.

Талискер нахмурился.

— Трудно сказать.

— Ты его никогда не любил.

— Ошибаешься, Малки. Мы знакомы с семи лет и были лучшими друзьями в школе.

— Что случилось? Должно быть, дело в женщине?

— Собственно говоря, в шести женщинах.

— Что?

— В убийствах. Сандро страшно мучился из-за нашей давней дружбы. Ему казалось, что я запятнал и его доброе имя, поэтому ненавидел меня больше, чем любой сторонний человек.

Оба тоскливо глядели вдаль.

— Они придут, — тихо проговорил Малки, но уверенности ему явно не хватало. Трудно было представить, что могло задержать Чаплина больше, чем на три дня, кроме неожиданно напавшего отряда кораннидов.

Дул резкий холодный ветер, и красные флаги, которые велела развесить Мирранон, чтобы привлечь внимание Чаплина к маленькому лагерю, отчаянно хлопали. «В это время года вспышка алого в глуши подобна огню в душе», — сказала она.

Увы, кроме воя ветра, тишину нарушал только одинокий и печальный крик кроншнепа.

Неожиданно птица закричала куда более тревожно.

— Смотри, Дункан. — Малки указал на запад. Там летел огромный орел, легко паря в потоках воздуха. — Как ты думаешь, это Макпьялута? — Горец принялся возбужденно подпрыгивать на месте, отчаянно размахивая руками над головой. — Эгей! Эгей, Мак! Мы здесь!

— Малки, — произнес Талискер. — Что ты делаешь?

— Я просто...

— Он орел.

Малки смущенно переступил с ноги на ногу. Талискер не смог подавить улыбку — для мертвого в горце было очень много... жизни.

Макпьялута сделал еще один круг над маленькой стоянкой и сел на дерево рядом с флагами. Они с Талискером холодно посмотрели друг на друга, и у Дункана появилось нехорошее ощущение; тот словно размышлял, не разорвать ли непрошеного пришельца из другого мира серебряными когтями, зловеще поблескивающими на солнце.

— Он, случаем, не собирается... — начал Малки хриплым театральным шепотом.

Талискер не обратил на друга внимания.

— У меня его нет, принц. Мы отдали камень Мирранон. Бразнаир у нее.

При упоминании сидского названия изумруда глаза птицы сверкнули, и Талискер затаил дыхание, ожидая нападения.

— Смотри, идут! — Малки указал на запад.

Вдалеке показалась маленькая группка медленно бредущих людей. Что-то в их облике встревожило Талискера.

— Они ранены, Макпьялута? Так медленно...

Орел не шевельнулся. Дункан прекрасно знал, что принц может общаться телепатически, однако на сей раз он молчал.

— Раздуй костер, Малки, — быстро проговорил Талискер. — Мне это не нравится. Пойду выясню, что случилось.

Горец бросил взгляд на Макпьялуту.

— Не ловушка ли там? Если эта птичка решила переметнуться...

Талискер уже сидел верхом на коне, подаренном Мирранон. Он обернулся на принца сидов, и наконец тот ответил ему:

— *Нет. Я не предатель. По крайней мере не предатель феинов.*

Дункан кивнул и послал коня в галоп.

Подъехав по грунтовой дороге, ведущей в город-крепость Сулис Мор, Талискер сразу понял, почему герои так медленно бредут по землям, принадлежавшим им двести лет назад. Они напоминали Малки — такие же ходячие трупы, призраки. Пыльная грязная одежда, запятнанная кровью давних ран, усиливала гнетущее впечатление. Увы, они не напоминали горца ни быстротой движений, ни бодростью мысли: бывшие герои двигались как в трансе, тупо глядя в никуда.

— Это они? — недоверчиво спросил Талискер.

Чаплин был мрачен. Он кивнул, потому что сил говорить у него не осталось. Полицейский поддерживал леди Уллу, которая буквально валилась с ног.

— Леди Улла? Но как...

— Не важно, Дункан. Ты можешь посадить ее на лошадь? А мы догоним... со временем.

— Значит, по Сутре бродят еще несколько призраков, — задумчиво произнес Малки.

Они сидели вокруг костра и рассказывали друг другу о своих приключениях со времени возвращения в Сутру. Пока что ни Чаплин, ни Талискер не хотели обсуждать случившееся в Эдинбурге.

Фер Криг были в таком состоянии с того момента, как Чаплин завершил «Ур Сиол» семь ночей назад. Герои ели, спали и двигались — но страшно медленно, будто находились в трансе. Говорили они редко, и то лишь короткие фразы или отдельные слова. Чаплин представил им Малки и Талискера, однако не получил ответа.

Разве что взор самого высокого воина немного прояснился, когда Алессандро назвал имя Дункана.

— Это Кентигерн, — сказал полицейский. — Кентигерн Мурдох.

Их взгляды встретились. Талискеру почудилось, что он тонет, на него нахлынули чувства и знания героев. Он давно не сталкивался со своим старым врагом — ясновидением, отравлявшим жизнь в Эдинбурге, и вот оно снова взяло над ним власть.

Тьма. Кровь и огонь. Кентигерн смотрел на землю и видел шрамы, оставленные на ней за все времена. Души, попавшие в плен к кораннидам, не способные обрести покой, привязанные к земле своей ужасной смертью, бродящие среди живых, исполненные ярости и злобы... Смерть не конец всему, не освобождение, а лишь начало страдания. Кентигерн видел их двести лет, и просыпаться было тяжко. Боль от ран мучила мертвую, истерзанную плоть.

Сознание Талискера уловило отчаянный крик.

Он отпрыгнул как ужаленный.

— Господи, Чаплин, что ты наделал? Им больно...

Алессандро неожиданно побледнел.

— Да.

— Что...

— Ты испытал такое на себе.

Талискер понял, что его давний друг-враг наконец узнал правду, и она жжет его, как змеиный яд. Дункан не почувствовал ни радости, ни злорадства — только пустоту, как и прежде. Торжество справедливости? А толку?

— Значит, ты все время говорил правду. Боже мой, — прошептал Алессандро. — Пятнадцать лет...

В разговор вмешался Макпьялута:

— Что ты видел, Талискер? Что с ними не так?

Дункан объяснил.

— Значит, ни один человек, убитый кораннидами, не может обрести покой? — спросила Улла. — Моя Дом...

— Ты ведь видела ее там, верно? — Чаплин взял ее за руку.

— Да, Сандро. Я шла с ней, покуда могла. Но меня так душила печаль, что я не удивилась, почему же она там одна и где другие души.

— Значит, из них исчезает то, что помогает добраться до дома или рая — смотря куда им надо.

— Наверное, — согласился принц. — На такое способен только бог.

— Проклятый Корвус, — сплюнул Малки. — Конечно, это его рук дело.

Наступила тишина. Собравшиеся у костра скорбели о душах тех, кто никак не мог умереть.

Светало. Талискеру выпало дежурить последним, и он был на грани отчаяния. Заснуть не удавалось — стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором представали тени мертвых,

крича от боли и ярости. Когда он открывал глаза, то видел очертания героев древности, лежащих рядком, как трупы. И эти люди воплощают в себе последнюю надежду феинов?.. Их появление в Сулис Море принесет лишь отчаяние. Что можно испытать, увидев таких спасителей? Только желание сдаться. План Мориаса потерпел поражение. Белая Орлица права: только боги — немногие оставшиеся — способны им помочь.

Талискер смотрел на свою звезду, изо всех сил борясь с подступающей тоской. Все согласились, что нельзя открывать правду о судьбе погибших от рук кораннидов, и чувствовали себя лжецами. Сегодня они с Малки отправлялись на поиски богини Рианнон, но на успех рассчитывать не приходилось. Опыт подсказывал, что у людей есть собственные дела, а чем от них отличаются боги? Если они живут вечно, что им за дело до того, что Корвус поиграет с феинами, как с оловянными солдатиками?

— Талискер? Не возражаешь, если я посижу рядом? — К нему подошел Чаплин. — Ожив, они не очень отличаются от камней. Тогда по крайней мере на них можно было опереться. Слушай, я...

— Забудь, — оборвал его Талискер. Ему не хотелось слышать извинений.

— Это важно, Тал... Дункан.

— Нет. Ты говоришь это не для меня, а для себя. Извинения — что-то вроде исповеди.

— Ошибаешься.

— Ты думал, что поступаешь правильно, Сандро. Я понимаю. Понимаю даже, почему ты мог ненавидеть меня из-за смерти Дианы. — Талискер тяжело вздохнул. — Это мой крест — быть единственным разумным человеком в мире, сошедшем с ума.

— В двух мирах, — поправил его Чаплин.

Они сидели в молчании, ожидая рассвет. Бледные лучи пали на землю, обещая подарить тепло, которого никогда не бывает зимой.

— Я хочу отправиться с тобой и Малки на поиски Рианнон, — неожиданно проговорил Чаплин. — Может быть, я пригожусь. Я уже видел Кернунноса. Кажется, сеаннахи владеют силой. И мне хотелось бы помочь.

— А как же наши герои?

— Их отведут в город Улла и Макпьялута. Если Рианнон окажется в силах излечить их, мы встретимся там — а учитывая, с какой скоростью они движутся, мы еще успеем попасть туда первыми.

— Можно ли верить Маку? — спросил Талискер.

— Думаю, да, хотя уверен не на все сто. Уллу он не обидит — слишком уважает ее. Но меня принц действительно не любит.

— Безупречный вкус, — ехидно заметил Талискер и, к своему удивлению, увидел разочарование на лице Чаплина. — Прости, я всего лишь шучу. Сила привычки.

Он протянул руку, и они обменялись крепким воинским рукопожатием.

Прощание с Уллой оказалось куда тяжелее, чем ожидал Чаплин. Они ненадолго остались вдвоем, пока Талискер говорил с Макпьялутой, пытаясь убедиться в том, что тот будет заботиться о дочери тана.

Она стояла возле одного из красных флагов, повернувшись к Алессандро здоровой стороной лица. Чаплин нежно взял девушку за руки и развернул к себе.

— Мы друзья, Улла. Это означает, что я хочу видеть тебя целиком, понимаешь? — Он коснулся щеки, покрытой шрамами. — Тебя не пугает путь с целой толпой полумертвых героев и Макпьялутой?

Она гордо подняла голову с тем самым выражением ранимости и силы одновременно, которое порой придавало ей воистину королевский вид.

— Не забывай, кто я, Сандро. Те стихи, что ты произнес в кругу камней, — моя родословная.

— А я твой друг и позволь мне беспокоиться, если так мне надо.

Она улыбнулась впервые за несколько дней, что порадовало его больше любых слов.

— Хорошо. Я даю мое позволение. Беспокойся, но не чаще, чем раз в день.

Алессандро поцеловал ее руку, и девушка слегка вздрогнула. Тогда он привлек ее к себе.

— Встретимся в Сулис Море. Я обещаю.

На вершине холма Талискер остановил коня, глядя в бескрайнее бушующее море. В голубой дали виднелся остров, дом богини Рианнон.

Дункан спешился; морской ветер играл его плащом, оставлял на губах привкус соли. В завываниях ветра слышались голоса, но слов было не разобрать. Быть может, сиды предупреждают об опасности замысла... Впрочем, Макпьялута сказал, что его народ не живет так далеко на западе.

Талискер терпеливо дождался Малки и Чаплина. Негромко переговариваясь, они вместе поднялись на черную скалу. В этот миг огромная волна ударилась о камни внизу, обдав всадников солеными брызгами.

Несколько мгновений окруженный стихией Талискер чувствовал себя частью этой земли. Впервые он был своим в Сутре, не пришельцем из другого мира. Волосы и борода здесь от-

росли, а влажные ветры завили их бурными кудрями. Плащ облепила грязь, к нему прицепились веточки вереска и хворост. Грубая льняная рубаха побурела от пота. Дункан опирался на длинное копье, усиливавшее впечатление от его высокого роста.

— Кажется, сегодня мы дальше не пойдем.

— Тогда можно разбить лагерь внизу холма, чтобы укрыться от ветра, — предложил Малки.

Пока воздвигали укрытие, полил дождь, и земля намокла. Они молча сгрудились под кожаным навесом, мрачно глядя на мир, неожиданно ставший серым. Коней привязали в ближайших кустах рябины и бузины. Тоненькие ветки не защищали от дождя, но по крайней мере немного усмиряли самые свирепые порывы морского ветра.

Когда стемнело, Малки разжег костер. Дрова отсырели и сильно дымили; маленький огонек грел не столько тела, сколько души.

Чаплин долго смотрел на пламя, позволив мозгу расслабиться, и наконец заговорил:

— Давным-давно, до того, как королевство заселили люди и сиды, а Король-Ворон стал править силой и темной магией, здесь жили боги. Они бродили по земле, и она все еще помнит их поступь...

Прекраснейшей из них была Рианнон, дочь Сулиса. Прелестная, но своенравная, она не подпускала к себе ни одного мужчину, отвергла многих и любила скакать по вересковым пустошам на белой кобыле, смеясь над слабостью богов. Золотые волосы летели по ветру, и на ней не было одежды, чтобы лучше чувствовать пенные брызги моря и капли дождя.

А потом Рианнон полюбила простого смертного... Звали его Рин мак Треммор, и в сердце он был поэтом. Сначала она дразнила его, как и остальных, но однажды этот человек вышел на берег моря и запел. Рианнон никогда не слышала такого голоса. Он же дождался, пока она подойдет, и привязал ее к себе силой слова. На самом деле Рин мог и не делать этого — богиня сама отдала ему свое сердце. Время шло, они часто встречались на берегу. Он ей пел, и оба радовались жизни.

Однажды отец заявил Рианнон, что ее своеволию приходит конец — она выйдет замуж за одного из младших богов, Мидара, которого ныне зовут богом воров. Рианнон решила убежать с Рином и отправила ему записку с верным слугой, который, по легенде, был наполовину человек, наполовину конь. Но Мидар вмешался и убил ее посланца. Возлюбленный не получил письма.

Чаплин помолчал. Здесь повсюду звучали отголоски древнего горя — в земле, огне и воде.

— Они должны были встретиться неподалеку отсюда, но, конечно, Рин так и не пришел. Он крепко спал... Когда Рианнон поняла, что ждет напрасно, ее сердце разбилось. Вдале-

ке уже были видны факелы спешившего за невестой Мидара. И отсюда — видишь тот дуб? — она поскакала: погнала лошадь вверх по склону, не оборачиваясь. Чувствуя, что она задумала, Мидар закричал в ужасе, но было поздно. Рианнон не остановилась и спрыгнула на белой кобыле с обрыва.

— Неужели богиня не умела летать? — удивился Малки.

— Так говорят. В тот миг, как копыта лошади оторвались от земли, богиня прокляла непостоянство мужчин, но не своего любимого, хоть тот и разбил ей сердце. Когда Рин пробудился, то уже не смог уснуть... А ее не видели до самой Великой Битвы. Иные рассказывают, будто Рианнон перелетела через море; там, на острове, она ожидает Рина.

Из костра полетели искры, и Чаплин пришел в себя.

— Конечно, это всего лишь легенда. До сих пор не понимаю, откуда они берутся.

— Да, — сказал Талискер, — но и махнуть рукой на них нельзя. Сутра... сама ее земля... здесь легенды оживают. — Он поднял грубый кусок базальта. — Мы чувствуем их во всем. Как ты сказал, даже камни помнят. Верь своим ощущениям.

— Наверное, следовало бы, — признал Чаплин, — однако я не привык доверять себе. Ты вроде тоже.

— Дункан прав, — вмешался в разговор Малки. — С тех пор, как мы попали сюда, ты постепенно превращаешься в сеаннаха. Наверное, тому есть причины. Вот ты сидишь на валуне... А может, Рианнон именно через него перескочила в своем последнем прыжке, и камень помнит? Господи Христе! Чего мы только не видели здесь! Такое, что и представить себе не могли. Здесь повсюду настоящая магия!

— Магия, — пробормотал Талискер.

Чаплин уставился в угасающий костер.

— А Рианнон? Как ты думаешь, она все еще ждет на острове?

— Не знаю, — ответил Малки.

Рианнон. Дункан ничего не сказал другим, но пока Чаплин рассказывал, перед ним предстал образ богини. Она смеялась — не злобно, а от великой радости бытия. Он видел прыжок в темноту и чувствовал ее отчаяние. Смех давно умолк. Если богиня по-прежнему ждет, не обратилась ли любовь в ярость и злобу? Талискер никогда не отличался сентиментальностью, но мысль об увядании великой красоты печалила.

— Вера ее мертва, — тихонько сказал он. — Если она и ждет, то... переменилась. Душа наполнилась горечью.

Друзья удивленно посмотрели на него.

— Это не первая женщина, потерявшая веру в мужчин. — Талискер поднялся и принялся расхаживать вокруг костра, думая вслух. Его тень плясала в свете пламени.

Некоторое время остальные молчали. Потом Дункан обернулся к ним, улыбаясь.

— Что бы потребовала Рианнон? Я скажу вам. — Он театрально махнул рукой. — Деяния веры.

С этими словами Талискер расстегнул пояс, и килт упал на землю. За ним последовала остальная одежда. В темноте блестящая мокрая кожа казалась совершенно белой, а свет луны и костра падал на мускулистые ноги и грудь. Дункан напоминал античную статую.

— Нам нужно встретиться с богиней Рианнон, попасть на ее остров. Следуйте за мной.

Он вышел из-под прикрытия деревьев и посмотрел на вершину холма.

Чаплин и Малки поднялись на ноги.

— Я не намерен раздеваться, — проворчал горец.

— Прости, — улыбнулся Дункан. — Мне просто захотелось для этой миссии быть обнаженным. Может, дело в истории Чаплина. Такое впечатление... — Он не смог передать словами чувство тепла, растекающегося внутри.

Чаплин пробормотал что-то, но никто не расслышал слов за шумом моря. Талискер весь промок, однако совершенно не замерз. Он обернулся к вершине холма, глубоко вздохнул и закричал:

— Рианнон!

Его зов отдался эхом от каменных скал и, вместо того чтобы затихнуть, становился все громче и громче. Океан замер, по крайней мере так им показалось. Когда звуки смолкли, Талискер бросился на вершину.

Неожиданно Чаплин и Малки поняли, что он собирается сделать, и ринулись следом.

— Нет, Дункан, вернись! — заорал горец.

Белая фигура впереди, похожая на призрак, не сбавила темпа.

Почти вершина. Шум моря отдавался гудящим эхом в ушах Талискера, заглушая стук сердца и неровное дыхание. Острые камни изрезали ноги, и он кричал на бегу. Слова подхватывал и уносил прочь свирепый морской ветер, трепавший его бороду. Талискер был волной, прибоем, пенными брызгами. Талискер был вера. Талискер шел к Рианнон.

У вершины Чаплин почти нагнал его. Он слышал странный, почти бесплотный голос Дункана:

— Верьте мне, все хорошо. У меня добрые предчувствия.

— Нет!

Алессандро чувствовал себя в ответе за него: в словах Сеаннаха сила, ему следовало догадаться раньше, но он до сих пор не научился уважать и контролировать ее. Глаза застилал алый туман. Он никогда в жизни не бегал так быстро. Неожиданно впереди

замаячил обрыв, и Чаплин понял: теперь или никогда. Он отчаянно рванулся, вытянув вперед руки.

Время замедлилось. Сквозь туман он увидел ногу Талискера, белую кожу, блестящую от крови и дождя. Его собственная рука, похожая на когтистую лапу, схватилась за пятку, но соскользнула — слишком много крови и воды. В то же время Чаплин снова услышал зов: Рианнон! Он поднял голову и увидел, как прыгнул его друг.

В тот миг, когда пятки оторвались от скалы, Талискера охватило сомнение. Ноги все еще двигались, будто пытаясь бежать по воздуху... а потом он начал падать. Тут в дело вступили упрямство и гордость — они помогли не обращать внимание на физические неудобства. Потом его охватили боль и отчаяние человека, которого настигает смерть. И все же, пока ветер не вырвал из легких последний глоток воздуха, он выкрикивал ее имя.

Это было последнее, что слышали на скале.

Ни один из оставшихся не промолвил ни слова. Чаплин вжался лицом в землю, а Малки смотрел туда, где только что исчез Талискер, не в силах поверить в случившееся. Потом...

— Подождите... Там, под волнами!

Чаплин поднял голову и уставился в бушующее море — серое, мрачное и безнадежное.

— Мне показалось, что я увидел свет... — Голос Малки прервался, и он сел на траву. — Боже мой...

Дождь полил сильнее. Шипящий звук капель, падающих в воду, почти заглушал грохот волн. Ветер крепчал, рвал промокшую насквозь одежду, выстужал до костей, но ни одному из них не хватало воли двинуться.

— Мы умрем здесь, и в этом виноват ты, сеаннах, — прошептал Малки. В его голосе не слышалось и тени печали.

Чаплин лежал, вытянув руки вперед, будто все еще пытался поймать Талискера. Он знал, что сломал несколько ребер.

Постепенно оба впали не то в бессознательное состояние, не то в сон...

Шторм все бушевал и стих только ближе к рассвету.

Малки проснулся; тело затекло. Он перекатился на бок и посмотрел на Чаплина. Лицо сеаннаха цветом напоминало пепел, а если он дышал, то так слабо, что горец не мог заметить. Буря миновала, и новый день обещал улучшение погоды, но Малки было все равно. Он чувствовал, что если еще немного полежит, то окунется в блаженный покой, уснет и никогда уже не проснется.

Внимание его привлекла тень. Рядом стояла лошадь Чаплина с одеялом на спине. Малки заставил себя сесть, хотя тело решительно отказывалось повиноваться.

— Сюда, лошадка. — Он смог только прошептать, однако черный мерин шевельнул ухом и посмотрел в его сторону. — Иди сюда, коник хороший, я умираю...

Из горла вырвался сухой смешок, но горец подавил его, боясь напугать животное. Конь все же решил подойти к людям и обнюхал Чаплина, явно признавая в нем хозяина. Протянув дрожащую руку, Малки медленно стянул со спины мерина одеяло.

Полчаса спустя он все еще ощущал страшную слабость, хотя онемение в ногах понемногу проходило — они ужасно болели. В конце концов он взялся за поводья, оперся рукой о землю и, справившись со своей нелегкой задачей, медленно спустился с горы. Путь в лагерь помог, и внизу Малки почувствовал себя почти человеком.

Вскоре он поднялся на вершину утеса верхом на собственной лошади и ведя в поводу чаплинскую, на которую навьючил их скудные припасы. Алессандро по-прежнему был без сознания. Малки поспешно завернул его в три одеяла, потом разжег костер и заварил листья бузины — терпкий отвар поможет сеаннаху прийти в себя.

Он приподнял голову Чаплина, поднес напиток к его губам и бросил взгляд на море. Там начался отлив — вода отошла, и в лучах солнца влажно блестел песок.

— Малки? — слабо спросил Чаплин. Его обычно загорелое лицо почти посинело от холода и боли.

— Я думал, что потерял тебя, — тихо проговорил Малки. Ему никогда не нравился сеаннах — из-за Талискера, но тот произвел на него впечатление безумной попыткой спасти жизнь Дункана вчера ночью. — Выпей до конца, согреешься. — Он снова глянул на море. Воды почти не было видно, хоть иди... — Господи Христе!

— Что такое? — спросил Чаплин. — Ты не пытаешься, случаем, причастить меня в последний раз? — У него не хватило сил улыбнуться собственной шутке.

— Там тропа. — Малки неожиданно почувствовал радостное возбуждение. — Путь к острову Рианнон! Гляди! — Горец помог Алессандро сесть.

Вытирая со лба холодный пот, Чаплин с изумлением смотрел на путь среди расступившихся волн. Вдали виднелись очертания острова. Вдоль скал, там, где еще вчера плескалась вода, шла темная полоса. Идти им предстояло не меньше трех миль, и еще требовалось спуститься со скал — причем не так, как сделал вчера Талискер.

— Идем.

— Ты не в состоянии.

— Согреюсь, если буду двигаться. Лучше, чем лежать на холодной земле даже под тремя одеялами.

Вопрос был решен.

Час ушел на то, чтобы спуститься по узкой тропе. Чаплин обвис на лошади, припал к гриве. Он почти ничего не говорил, только кутался плотнее в одеяла, сурово сжав челюсти и не обращая внимание на сильную боль. Малки тоже молчал, даже когда инспектор упал с коня — по счастью, в густой вереск. Просто помог ему взобраться в седло и снова тронулся в путь. Он никогда не умел утешать и поддерживать и все еще горевал о Талискере. По крайней мере сеаннах жив и, несмотря на тяжелые раны, наверное, поправится.

Когда они добрались до песка, путь еще больше замедлился. Лошади не доверяли мягкой почве и шли медленным шагом. Чаплин впал в полубессознательное состояние, что в данной ситуации было, пожалуй, даже удобнее. Не слышалось ни звука — ни горестных криков птиц, ни плеска волн. Песок медленно начинал высыхать на солнце. Сочетание жары и тишины угнетало.

Малки мучили вопросы. Где тело Талискера? И куда, между прочим, делась вся вода? Если ее удерживают магией, то успеют ли они пересечь море?

Впереди возникли три или четыре фигуры, скорее всего люди верхом. Донесся стук копыт. Малки положил руку на меч, но не обнажал его — они с сеаннахом ничего не смогли бы поделать против всадников, окажись те враждебно настроены.

Когда незнакомцы приблизились, он изумленно выдохнул:

— Чаплин, проснись!

ГЛАВА 19

К ним скакали пятеро кельпи. Мускулистые лошадиные бока блестели в солнечном свете; верхняя же половина этих существ была явно человеческой. Длинные волосы летели по ветру, на широких лицах играла озорная улыбка. Больше всего кельпи напоминали диких горных лошадок.

Они и виду не показали, что заметили Малки. Горец обнажил меч, но не смог дотянуться до передового кельпи, пока тот не проскакал мимо. Оказавшись немного позади, кельпи кольнул крупы лошадей Малки и Чаплина, и те понесли. Горец не увидел, что случилось с Чаплином, однако за спиной слышались крики и свист, еще больше пугавшие коня.

— Ублюдки! — закричал он.

Самый быстрый кельпи — рыжий — поравнялся с ним и сильно ущипнул горца за руку. Малки попытался ответить, но кельпи отпрыгнул, и в его руках осталась только прядка волос из гривы. Издалека донесся смех.

Неожиданно Малки понял, что с ним играют, и решил добраться до берега быстрее всех. Проносясь мимо черно-белого кельпи, он закричал:

— За мной! За мной!

Малки действительно прискакал первый, и тут его беснующаяся лошадь наконец умудрилась сбросить седока. Горец тяжело упал на гальку, ударившись локтем, но когда кельпи добрались до него, он уже поднялся и обнажил меч. Трое первых остановились на почтительном расстоянии, глядя на него с интересом, переступая копытами, как жеребята. Двое старших стояли еще дальше.

— Ну давайте, — выдохнул Малки. Он все еще сжимал в кулаке клок рыжих волос и, подняв руку, торжествующе потряс им. — Давайте, я жду!

Рыжий кельпи недовольно нахмурился, а остальные расхохотались — нехорошо с их стороны, подумал Малки, — однако с места не двинулся никто. Они явно не знали, что делать, и были слегка напуганы. Горец широко улыбнулся, обнажая белые десны. Много сотен лет назад шотландцы нередко устрашали противника одной лишь ухмылкой.

— Подожди, друг.

Подъехали старшие кельпи. На спине самого большого — серого — сидел Чаплин. Сеаннах был почти без сознания, и Малки встал в боевую стойку, на случай если его друга решат обидеть.

— Подожди, говорю, — повторил серый кельпи. — Нас послала Рианнон. — Он подошел к Малки; трое молодых расступились и склонили головы в знак уважения. — Прости юнцов, им просто хотелось пошалить. — Кельпи остановился так близко от Малки, что тот мог легко ударить его мечом. — Пожалуйста, опусти оружие. Неужто тебе не приходилось слышать о том, какие мы искусные лучники? Убей меня, и сам падешь мертвым там, где стоишь.

В этот миг все кельпи вытащили длинные луки из чехлов на спине. Малки вложил меч в ножны.

— Спасибо. Мое имя Нийзо. Это мой брат Морчел. Те трое — Эбас, Пери и Гавия.

Кельпи кивнули — все, кроме Гавии, у кого Малки вырвал клок волос.

— Вижу, что вы с сеаннахом провели тяжелую ночь. Не будем терять времени и поспешим к леди Рианнон. Только сперва вам надо отдохнуть и залечить раны.

Малки охватила ужасная усталость. Ноги подогнулись — усталость взяла свое.

— Ты в состоянии ехать верхом, или пусть тебя понесет Морчел?

Малки не смог ответить — в горле пересохло. Море сомкнулось за спинами кельпи, и первая волна с грохотом покатила на берег. Горец пошатнулся. По знаку Нийзо Эбас и Пери посадили его на широкую спину Морчела.

— Будьте с ним мягче. Он проявил удивительную силу духа.

Перед тем как потерять сознание, Малки услышал голос Морчела:

— Талискер будет счастлив видеть их обоих.

Малки проснулся уже под вечер. И немедленно вспомнил: они все-таки добились своего, добрались до острова леди Рианнон. А путь был куплен прыжком веры Талискера. Печаль о гибели друга снова охватила его. Потом он вспомнил последние слова кельпи. Если только ему не приснилось...

Малки сел и огляделся. Он находился в доме, сделанном из живого кустарника. Ветви переплетались, образуя купол на высоте восьми футов. Внутри разливался зеленоватый свет, пахло темной лесной глиной. Дом кельпи казался совершенно естественным, частью природы.

На другой стороне комнаты на куче хвороста спал Чаплин, завернутый в одеяла. Выглядел он куда лучше, дышал глубоко и ровно. Да и Малки ощущал в себе энергию. Должно быть, кельпи дали ему какое-то лекарство, несколько часов сна не могли столь полно восстановить силы.

Чаплин открыл глаза.

— Малки, мне приснился странный сон... Где мы?

— На острове Рианнон. Как ты себя чувствуешь?

Чаплин осторожно коснулся ребер.

— Отлично... Меня исцелили магией?

— А какая разница?

— Никакой.

— Ну вот. А еще мне кажется, что Дункан жив. Перед тем как я отключился, кельпи о нем что-то говорили...

— Кельпи? Так вот они какие!

Чаплин изумленно уставился на Гавию — тот откинул полог, закрывавший вход в жилище, и просунул переднюю часть тела внутрь. Инспектор впервые как следует разглядел гостеприимных хозяев. Гавия больше напоминал человека, чем коня, хотя его лицо было необычайно широким, а волосы, как уже выяснил Малки, очень толстыми и жесткими. На животе красовалась синяя татуировка в виде переплетенных колец. Нельзя было точно

определить, где одна половина тела сливается с другой: по спине шла полоска короткой мягкой шерсти, переходящая в гриву.

— Приветствую тебя, сеаннах, — сказал Гавия Чаплину, а горцу довольно сухо кивнул. — Идите за мной. Вы, наверное, проголодались?

Они вышли следом за кельпи. Дома кольцом окружали поляну, забитую обитателями деревни. Женщины были более изящны, чем мужчины, но тоже обходились без одежды, и солнечный свет падал на их обнаженные груди. Почти все носили распущенные волосы, заплетя для удобства несколько мелких косичек; некоторые собирали волосы в толстые косы. Полным ходом шла подготовка к пиру в честь гостей. В вечернем воздухе плыли звуки флейт и радостный смех. Кельпи расступились, пропуская друзей к установленному в центре столу.

Там стоял Нийзо с суровым лицом.

— Приветствую вас. Да отступит тьма из ваших сердец в этом тихом и спокойном месте. Да споют вам птицы Рианнон, а серебряная луна да осветит ваш путь.

Чаплин и Малки поклонились, чувствуя, что их очень почтительно приветствуют. Ответил Алессандро:

— Примите и вы наш привет и нашу благодарность. Да будет ваш путь легок, и пусть ветер дует вам в спину.

Послышался шепот одобрения. Нийзо улыбнулся.

— Хорошо сказано, сеаннах. Приступим к еде.

На столе не было недостатка в птице и зайчатине, так что друзья навалили себе побольше еды, да и от пива не отказались.

— Хорошо сказано, сеаннах... — ворчливо повторил Малки. — Откуда ты все это знаешь?

Чаплин вонзил зубы в сочный кусок мяса.

— У тети было вышито на полотенце.

Малки хлопнул его по спине.

— Господи, я так голоден, что кажется, будто в животе дырка!

— Так она тоже порой говорила.

Чаплин расхохотался, к нему присоединился Малки, и кельпи с удивлением и радостью смотрели, как мужчины смеются почти до судорог. Горец утирал слезы, а Алессандро держался за ребра, которые зажили, но все еще побаливали. Когда друзья успокоились, к ним подошел Нийзо и присел рядом, грациозно сложив ноги.

— Скоро придет Рианнон.

— А она живет не здесь?

— Нет. Мы не знаем, есть ли у нее постоянное обиталище. Наша богиня непостоянна и столь же легкомысленна порой, как эти жеребята. — Он указал на Гавию и его друзей. — Будьте осторожнее. Хоть сердце у нее доброе, терпения ей не хватает.

Она может быстро заскучать, а что сделает тогда — невозможно предсказать. — Кельпи улыбнулся. — Мы любим ее.

Снова раздалась музыка. Друг Гавии, Эбас, сыграл длинную, протяжную мелодию на волынке. Малки одобрительно заворчал, хотя звук был тоньше, чем у волынок в его время, и мелодия скорее напоминала ирландские напевы. Чаплин молчал — он всегда не любил этот инструмент, но оказалось, что просто не прислушивался, что солдатам на углу Хай-стрит не хватало тишины, покоя, сосредоточенного внимания. Иначе бы он услышал то, что слышал сейчас. Главное — не обращать внимание на гудение мешка, слушать горький плач.

Вперед выступила молодая девушка-кельпи с маленькой арфой в руках и запела. Ее голос был высокий и сильный, а язык незнаком людям. Чаплину девушка показалась невероятно красивой — золотисто-белые волосы вились по ветру и ниспадали на светлую же спину, пряди, лежащие на груди, разлетались, обнажая розовые бутоны сосков, щеки заалели от возбуждения, на губах играла легкая улыбка. Нежный голос и красота оказывали чарующее воздействие, и Чаплин неожиданно понял, что желает ее, хоть она и не человек.

— Как ее зовут? — спросил он у Нийзо.

— Это моя дочь Эймер.

Сидевший рядом Малки пихнул приятеля локтем в бок и прошептал:

— Спроси лучше про Дункана.

Когда Алессандро обернулся к Нийзо, Эймер умолкла, но вместо аплодисментов раздалось птичье пение. Алые и желтые пичуги вылетели на поляну, светясь в сумраке. Кельпи радостно засмеялись и протянули к певуньям руки. Одна села на плечо к Эймер; та склонила голову и заговорила с ней не менее мелодичным голосом. Чаплин не смог бы отвести от нее глаз даже под страхом смертной казни. За полетом птиц последовал серебристый смех, будто омывший собравшихся прозрачным хрустальным дождем.

— Рианнон идет, — улыбнулся Нийзо.

Она возникла из густого леса, высокая и стройная, такая, как представлял себе сеаннах. В распущенных волосах виднелись алые, зеленые и золотые листья. На богине была прозрачная зеленая туника, сквозь которую просвечивало прекрасное нагое тело. Она улыбнулась, подняла руки, и птицы слетелись к ней. Певуньи окружили хозяйку сверкающим вихрем, не умолкая, та хлопнула руками, и они исчезли. Зеленые глаза богини сверкали от удовольствия.

Она и правда как дитя, подумал Чаплин, по-прежнему улыбаясь.

Кельпи захлопали в ладоши, а Рианнон подошла к Алессандро и Малки и поманила к себе Нийзо; ее босые ступни

не приминали траву. Кельпи подошел, и богиня забралась на его широкую спину, свесив ноги, как в кресле. Малки и Чаплин начали было подниматься, однако она взмахом руки призвала их не вставать. Все умолкли, многие подошли ближе и прилегли на траву. Эймер случайно оказалась рядом с Чаплином.

— Ах, я вижу сеаннаха, Алессандро Джеймса Чаплина, и воина Малколма Талискера Маклеода. — В низком голосе Рианнон прозвучала легкая насмешка. — Добро пожаловать на остров. Надеюсь, вы отдохнули.

Друзья кивнули в знак согласия.

— Благодарим за все, госпожа Рианнон, но наши сердца полны тревоги за товарища, Дункана Талискера.

— Он жив, сеаннах, — улыбнулась богиня. — Я так понимаю, что Мориас избрал тебя своим преемником. Это куда большая честь, чем ты думаешь. Он древнее существо, хоть и не бог; он давал нам мудрые советы много столетий назад. Подозреваю, что Мориас пытается заставить нас отбросить апатию.

— Мориас? — изумился Чаплин.

— Не обманись, Алессандро. Да, Мориас владеет силой, но, как и мы, с годами слабеет. Теперь ему нужны помощники, чтобы достичь своих целей.

— Каких?

— Не стоит беспокоиться. Они благородны, хотя и немного наивны. Мориас всегда любил феинов и намерен спасти их любой ценой. — Она раздраженно дернула плечом. — Мы всегда говорили, что он лезет не в свое дело...

— А разве вы не хотите спасти феинов, госпожа?

Она приподняла брови, словно услышала что-то забавное.

— Они больше не моя забота, сеаннах. Мои земли здесь...

— Но...

Терпению Рианнон подошел конец, и она махнула рукой.

— Пойдемте к вашему другу. Он был очень серьезно ранен, и кельпи отнесли его на лечение к источнику. Их тронуло деяние веры, они считают Дункана великим человеком.

Она легко спрыгнула со спины Нийзо и скрылась в зарослях. Чаплин и Малки торопливо встали, и тут выяснилось, что крепкое пиво ударило им в голову, и они нетвердо держатся на ногах. Рианнон обернулась и насмешливо приподняла бровь, но промолчала. Затем подала знак Нийзо и Морчелу, и те бесцеремонно усадили людей себе на спины.

Малки было страшно скакать на таком существе — все легенды гласили, что кельпи любят заманивать людей в воду и топить. И все же путешествие через сумрачный лес доставило немало удовольствия. Рианнон шла впереди, ее силуэт слегка светился среди черных узоров ветвей. Она запела, и Нийзо с Морчелом

вторили ей. В мелодию вплетались звуки леса, журчание реки и шорох листьев. Наконец осталась только музыка воды, и Рианнон указала вперед.

— Там, смотрите.

Талискер сидел на замшелом валуне у маленького водопада. Обнаженный, он почему-то не мерз, хотя его окутывал серебристо-белый туман, поднимавшийся от воды. В небе сияла полная луна. Дункан сбрил бороду и стал похож на себя прежнего.

— Обязательно искупайтесь, — посоветовала Рианнон. — Это снимет боль и исцелит раны.

— Да вы шутите! — не очень вежливо воскликнул Малки. — Холод-то какой!

— Вода теплая, дурень, — огрызнулся Нийзо, раздраженный непочтительностью к его госпоже. — А теперь слезай с моей спины, потому что я иду в источник, и ты попадешь туда независимо от собственного желания.

Как кельпи и сказал, вода оказалась очень теплой, а то, что они сначала приняли за туман, — паром.

Малки поспешил к Талискеру.

— Значит, ты все еще жив, старый негодяй! Напугал нас, доложу я тебе.

Чаплин подошел следом, тоже улыбаясь. Он энергично пожал Дункану руку, будто они не виделись несколько лет.

— Никогда не думал, что скажу такое, но я рад тебя видеть. Во всем виноват я — мои сказания...

— Все в порядке, Сандро, — отозвался Талискер. — Это, конечно, было очень глупо. Не знаю, что на меня нашло. — Он улыбнулся, потом снова посерьезнел. — Вдвойне глупо, потому что мы ничего не достигли. Я поговорил с Рианнон... Увы, судьба Корвуса ей безразлична. Она разошлась с феинами много лет назад.

— Но... — выдохнул Чаплин.

— Рианнон считает, что сделала свое дело в прошлый раз.

Ночную тишину разорвал крик, за ним последовал совершенно нечеловеческий вопль. Конь и человек. Разделенная душа, терзаемая болью и страхом.

Макпьялута беспокойно переступил с ноги на ногу. Зная, что путь проляжет через долину, где встречается совет, он послал вестников, а потом оставил спящую дочь тана и Фер Криг под охраной орлов и отправился на место встречи.

Сейчас принц уже сожалел о своем решении — слишком поздно вспомнил, как долго могут тянуться бесконечные ритуалы. Макпьялута поднял голову и посмотрел сквозь дыру в своде пещеры на звезды. Сегодня они сияли особенно ярко.

— Значит, вопрос в том, выигрываем ли мы, если феины погибнут?

Говорил Наббута, шаман клана медведей, — говорил не спеша, делая паузу, дабы достичь нужного эффекта. Все знали, что он великий оратор. Каждое его слово напоминало драгоценный камень, любовно отполированный.

Наббута окинул пещеру взглядом. Перед ним собрались представители всех племен сидов: медведи, орлы, рыси и — он тяжело вздохнул — волки.

— Я отвечаю — нет. Без Бразнаира феинам придет конец. Мы приговариваем их к смерти. Они не просто наши друзья, они жили и трудились бок о бок с нами, учились и учили с тех пор, как мы пришли в этот мир. В нашей гордыне мы почитаем себя выше их, ибо у феинов не развиты магия и искусства. Но мы не сеем, не пашем и не жнем, они кормят нас от чистого сердца, что нельзя забывать. Неужто мы вернемся в Лизмаир с пятном на совести? Неужто наша благодарность ничего не стоит?

— *Сядь, старый надутый дурень.* — Поднялся косматый серебряный волк, и его голос раздался в головах всех собравшихся. — *Ты преувеличиваешь и прекрасно об этом знаешь.*

Многие принялись возмущаться столь неучтивым поведением.

— Эскариус, — вознесся над шумом голос Макпьялуты. — Сейчас говорит Наббута.

— Да. — Шаман стукнул посохом по полу. — Ты должен дождаться своей очереди.

— *Очень мало времени на такие пустые формальности,* — фыркнул волк. — *Пока мы занимаемся пустословием, Бразнаир движется на север.*

— Откуда ты знаешь, Эскариус? — подозрительно спросил Макпьялута, и в зале воцарилась тишина.

Словно в ответ волк принял человеческое обличье. Как и у принца, в чертах лица крылось что-то общее со зверем, в которого он обращался, — крючковатый нос и темная кожа весьма странно смотрелись рядом с гривой серых, как сталь, волос. Он нервно улыбнулся и бросил осторожный взгляд на Макпьялуту.

— Мы свободный народ, бродим где вздумается.

Макпьялута промолчал. Эскариус подошел к Наббуте и, вырвав посох у него из рук, обернулся к собранию. Огонь бросил отсветы на потрепанный плащ и перо в волосах. Он поднял посох и потряс им.

— Услышьте меня, племена сидов! Неужто только мой народ помнит о том, как мы покинули Лизмаир? Неужто только сердца волков рыдают, когда мы воем на Румари, луну? Феины отнюдь не беспомощны, они даже не знают, какую роль в победе над Корвусом должен сыграть Бразнаир.

— Мы тоже, Эскариус, — перебил его Макпьялута.

— Но мы уверены, что нам нужен Бразнаир, чтобы вернуться домой. Таково пророчество.

— А у феинов есть свое. Всем нам нужен Бразнаир.

К удивлению принца, правитель волков недобро улыбнулся в знак согласия.

— Наконец-то птица высказалась мудро. Должен ли я напомнить собранию, что один из твоего народа, Макпьялута, принес камень сюда и отдал его феинам?

— Остерегайся, Эскариус, а не то я подумаю, что ты хочешь задеть честь моего народа, — холодно проговорил Макпьялута. — Многие не пережили подобного.

— И не только мужчины, — бросил волк. — Не тебе говорить о чести.

Все затаили дыхание. Эскариус зашел слишком далеко, и Макпьялута должен был поставить его на место. Однако принц долго молчал, а когда заговорил, в голосе слышалась с трудом сдерживаемая ярость.

— Если ты имеешь в виду Мирранон, Белую Орлицу, то прекрасно знаешь, что она давным-давно изгнана из моего народа. Но перед этим собранием я скажу, что она вела себя очень достойно, и я предложу ей мир при первой возможности.

Наббута выступил вперед, радуясь, что принц взял себя в руки.

— Это к делу не относится, Эскариус. Что ты предлагаешь?

— Все очень просто. Мы берем то, что принадлежит нам по праву, — Бразнаир. И убиваем Талискера, если необходимо, чтобы получить его.

Многие члены собрания удивленно вздохнули, хотя ни один из волков не шевельнулся.

— Это всего лишь справедливо. Наши предки оказались здесь, когда заклятие связало Короля-Ворона. Иначе феины умерли бы двести лет назад, а мы остались бы в Лизмаире. Таким образом мы купили феинам жизнь нескольких поколений. Мы ничего им не должны.

По залу пробежал шепоток.

Макпьялута повысил голос, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией.

— Но так уж произошло, Эскариус. Мы можем говорить только о том, что есть. Мы тоже не знаем, как должно сбыться пророчество, знаем лишь, что должны доставить Бразнаир сюда. А что потом? Что вы сделаете в утро того дня, когда убьете Талискера и феинов, а потом узнаете, что магии камня не хватит, чтобы вернуть нас домой?

— Довольно! — Волка охватила ярость. — Я предлагаю отобрать камень. Кто со мной?

Если он ждал радостного одобрения и леса рук, то просчитался. Откликнулись только волки, которые залаяли и завыли почти оглушительно. Эскариус поднял руки, призывая к тишине.

— Вижу, все ослепли. Но ведь вы соберетесь здесь в то утро, о котором говорит Макпьялута, чтобы посмотреть, как клан волков оставляет этот проклятый мир? Знайте: те, кто не со мной, те против меня. Если мы получим Бразнаир первыми, домой не вернется никто, кроме нас. Мы долго бродили одни в глуши; если и последнюю милю нам придется пройти в одиночестве, да будет так.

С этими словами Эскариус подобрал свои серые одежды и вышел из пещеры; волки последовали за ним. Он остановился только на мгновение и плюнул под ноги Макпьялуте.

В сумраке повисла неприятная тишина. Принц смотрел вслед ушедшим волкам, оставившим в грязи отпечатки лап, которые сияли в свете луны серебряной дорожкой. Его неожиданно замутило в предчувствии трагедии. Захотелось уйти из духоты, почувствовать прикосновение свежего ветра.

— Макпьялута? А ты что скажешь? — тихо спросил Наббута.

Принц оглядел существ, заполнивших зал, — медведей, рысей и орлов, чьи длинные тени падали на стены. Они смотрели на него со страхом.

Вперед вышла рысь и опустилась на землю возле огромных когтей Макпьялуты, способных с легкостью разорвать ее на части.

— Мы понимаем твою боль. Мое племя пойдет за тобой.

— И мое. — Из теней вышел черный медведь. — А что скажешь ты?

Макпьялута помолчал.

— Я тоже считаю, что сиды вправе получить Бразнаир... — Раздались сдавленные восклицания удивления. — Слушайте меня! Мы не обречем феинов на гибель, отняв у них камень. Быть может, день их нужды придет раньше, чем нашей. Давайте подождем. Пусть Бразнаир отправится в Сулис Мор.

— Макпьялута, я хочу поговорить с тобой, пока ты не ушел, — серьезно сказал Наббута, когда собрание начало расходиться. — Наедине!

Макпьялуту так поразил его резкий тон, что он поспешно распрощался с главами кланов.

— Что такое, Наббута? — Оставшись наедине с шаманом клана медведей, принц принял человеческий облик. Они сели у угасшего огня, но шаман не стал раздувать его. Ночь выдалась холодная, и принц понял, что тайный разговор долго не продлится.

— Ты ошибся, Макпьялута, сильно ошибся! Я не поправил тебя при всех, потому что счел, что так будет лучше. День нужды, о котором ты говорил, день нужды феинов и сидов — один, их не два. Только одни из нас получат Бразнаир.

— Откуда ты знаешь?

— Я говорил с мудрецом феинов... Древесной Тенью.

— Мориасом?

Наббута медленно кивнул и принялся рисовать на стене обугленной палкой, вынутой из костра. Выходило упрощенное изображение многогранного изумруда — Бразнаира.

— Камень — ключ к мирам. — Шаман изобразил расходящиеся линии. — В нем заключена сила открывать и закрывать порталы в иные места. Почти все, что мы знаем о нем, касается огромного вихря, перенесшего сюда сидов. — Он написал сбоку «Лизмаир». — Однако феинам он нужен, чтобы закрыть иные врата. — Наббута перечеркнул одну из линий и нарисовал птицу. — Не пустить в мир Корвуса.

— Он не в нашем мире?

— Нет. Те, другие места... Древесная Тень говорит, что из одного пришел Та-лис-кер, но тот путь уже закрыт. Другой неизвестен.

Макпьялута внимательно изучил рисунок.

— Почему Бразнаир могут использовать либо сиды, либо феины? Почему нам не подождать своей очереди?

— Потому что сила его на исходе, — вздохнул Наббута. — Может, это естественная смерть, может — как смерть солнца. Если сиды используют Бразнаир, сила камня иссякнет.

— А если это сделают феины... Что я натворил? Сиды послушались моего совета, а он неверен.

— Нет. Я промолчал именно поэтому. Не хочу, чтобы началась резня. Феины нам не враги. Но ты должен искать Бразнаир самостоятельно.

В пещеру влетел ледяной ветер, разметал золу и пыль. Сердце Макпьялуты томили недобрые предчувствия.

— И найти его, иначе надеждам сидов конец.

Вода начала пениться. Рианнон стояла недвижно, в ужасе наблюдая за происходящим. Морчел, который успел войти в источник только по колено, рвался на помощь другу, но Чаплин удержал его за руку. Алессандро, Малки и Дункан понимали, что несчастному не помочь. Тень уже поглотила Нийзо.

— Это кораннид! — заорал горец. — Дайте мне меч!

Увы, оружия не было — Чаплин и Малки оставили его в деревне кельпи. Талискер ринулся к своей одежде.

Нийзо упал в воду, дергая ногами. От боли и ужаса его лицо все более напоминало лошадиное — глаза выкатились, темная грива залепила голову.

— Помогите ему! — вопил Морчел. — Ради всех богов!

Рианнон очнулась.

— Нет! — закричал Талискер с другой стороны пруда. — Госпожа, вы должны убить его прямо сейчас. Должны!

— Но он...

Все случилось сразу, и все же, вспоминая об этом позже, Талискер отчетливо видел каждую деталь: черные щупальца, выходящие из спины кельпи, потрясенное лицо Рианнон, Чаплин и Малки, удерживающие Морчела, который кричит в темноту от горя и ужаса... С неистовым смехом Дункан бежал по воде, презрев опасность, занеся свой меч Клятва Талискера. Потом он изо всех сил опустил клинок на шею поверженного существа. Вода, освещенная серебряной луной, покраснела, и только через несколько секунд Талискер понял, что не сумел добиться, чего хотел.

— Дункан! Он еще...

Второй удар. Наконец существо по имени Нийзо замерло без движения. Повисла тишина.

— Выйди из воды, — проговорил Чаплин.

— Я успел? — выдохнул вопрос Талискер. Алый туман, застилавший взор, рассеялся. — Я успел убить его до кораннида?

— Не знаю.

Рианнон хотела что-то сказать, но, услышав последнюю фразу, вопросительно посмотрела на Чаплина.

— Они не в силах обрести покой, госпожа моя, — пояснил тот. — Убитые кораннидами остаются в этой земле навсегда.

Ее красивое лицо исказила ярость.

— О нет, только не один из моих подданных... Корвус заплатит за это. — Богиня подошла к прудику, склонив голову в печали.

Ночное небо разорвала янтарная вспышка, и озерцо взорвалось огнем — таков был погребальный костер, горевший без звука или жара. Рианнон спокойно стояла возле него, и нельзя было понять, что происходит у нее в душе. Богиня больше не казалась хрупкой и тонкой — от нее исходила сила. Она вошла в пламя, и заворчал гром. Облака разошлись, явив синейшее небо, в котором отражалась вода. В полной тишине возник чей-то образ. То был Нийзо — сосредоточенно нахмурившись, он нерешительно переступал с ноги на ногу.

— Друг мой, — мягко и печально проговорила Рианнон.

— Где я, госпожа?

— Не бойся, Нийзо. Хотя твари моего кузена претендуют на твою душу, я обеспечу ей вечный покой. Ты ведь веришь мне?

Нийзо коснулся сердца.

— Всецело, госпожа моя. Присмотрите за Эймер без меня.

Рианнон улыбнулась и кивнула, чтобы подбодрить его. Потом протянула руку ладонью вверх и медленно сомкнула пальцы. Образ кельпи превратился в танцующий язык пламени.

— Иди ко мне, Нийзо, — тихо повелела богиня.

Огонек вздрогнул, потом очутился у нее на ладони. Рианнон посмотрела на него, и на ее глазах выступили слезы.

— Прощай. — Она сомкнула ладонь, и огонь исчез.

На поляне воцарилась тишина, какой раньше здесь не бывало. Казалось, песня ручья вторит горю Рианнон и Морчела. Талискер понял, что все кельпи на острове знают о гибели сородича.

Рианнон села у воды, склонив голову. Ветер играл ее золотистыми волосами. Талискер подумал, что богиня плачет, но когда она обернулась, на ее лице был написан гнев, яркий, как погребальный костер Нийзо. Глаза Рианнон сверкали, и сила, стоящая за ней, пугала не меньше, чем коранниды. С кончиков пальцев порой слетали синие искорки, с шипением падая на камни.

Талискер, Чаплин и Малки обменялись тревожными взглядами. В своей ярости Рианнон почти вернулась к тому хаосу, из которого была сотворена. Дункан понял, что боги не просто добрые или злые — они носят избранные ими маски.

Чувствуя страх людей, Рианнон вздохнула и поднялась, явно стараясь взять себя в руки.

— Возвращайся к своей битве, Талискер. Встретимся в Сулис Море до явления Корвуса. Я приведу моего брата лорда Керунноса. — Она прищурилась и попыталась улыбнуться. — Запомни, ты сам попросил нас о помощи.

С этими словами леди Рианнон исчезла.

ГЛАВА 20

Уна стояла у окна, устремив взгляд на покрытые снегом вересковые пустоши. Ранним утром в крепости Сулис Мор царила тишина. Лишь в кухне раздавалось приглушенное позвякивание, да тихонько дышали спящие женщины, а больше ничто не нарушало величественного молчания зимнего пейзажа. Хотя Уна всю жизнь прожила в холодных краях, так далеко на севере она еще не бывала; вид из окна одновременно восхищал и пугал ее. Трудно было понять, почему народ клана Ибистер соглашался жить в таких неприветливых землях.

Меньше сотни людей тана Фергуса остались восстанавливать руины Руаннох Вера. Все воины, пережившие битву, отправились в Сулис Мор, город-крепость. Она упоминалась в древних преданиях и, что еще важнее, служила естественной границей между отравленными землями, где хозяйничали слуги Корвуса, и остальной Сутрой. Скоро здесь грянет битва, которая затмит все прочие.

Уна вздрогнула и закуталась плотнее в шаль. Она жалела, что так мало сказала Талискеру на прощание, совсем не проявила своих чувств. Слишком хотела показаться сильной — быть может, он решил, что она просто отсылает его прочь.

Но он скоро приедет с Фер Криг. Ей виделись герои древности, въезжающие в огромные дубовые ворота, — их кони разбрасывают копытами снег, а приветственные крики вселяют надежду в уставшие сердца воинов. Не так уж трудно представить Талискера во главе отряда... Она решительно оборвала себя. Ей есть чем заняться, помимо глупых мыслей. Они приедут не раньше, чем через десять дней, а тем временем одна из ее подопечных может родить.

Уна вздохнула и окинула взглядом комнату. В тесной мансарде спали четыре женщины на разных стадиях беременности: Гвен, Бриджид, Катлин и Слезинка — на самом деле Бронвин, но ей дали такое прозвище, потому что она начинала плакать по всякому поводу и без повода, как часто случается с женщинами в ее положении. Лишь у Бриджид муж еще был жив; остальные родят детей без отцов, и им придется нелегко, даже если феины победят. Слезинке недавно исполнилось шестнадцать; ее восемнадцатилетнего мужа убили кораннды, когда она была на седьмом месяце беременности. Все женщины хотели мальчиков. Да помогут им боги, подумала Уна.

В дверь тихонько постучали, и вошел, вернее, вошла тан. Уна сделала реверанс, но Ибистер слабо улыбнулась и махнула рукой, предлагая забыть о формальностях.

— Я пришла навестить Бриджид, — прошептала правительница. — Как она?

— Хорошо, госпожа моя. Думаю, скоро придет время ей рожать.

Бриджид была младшей сестрой тана, и, как Кира и Улла, они различались, словно день и ночь. Уна долго недоумевала, почему в Сулис Море женщина-тан, однако, встретившись с Ибистер, перестала удивляться. Глава рода была довольно красива, невысока, с длинными рыжими косами и могучими мышцами. Бриджид унаследовала всю женственность, а ее сестра — силу и мужество. Она преданно заботилась о младшей сестренке, а также и о других женщинах клана. С мужчинами дело обстояло иначе.

— Ты правильно смотришь на юг, Уна, — серьезно проговорила Ибистер. — Глядя на север, начинаешь предаваться отчаянию.

Девушка улыбнулась, не зная, что сказать. Ее подопечным запретили ходить в некоторые части города, откуда открывался вид на отравленные земли. В кухнях поговаривали, что от вида собирающихся отрядов кораннидов у женщины может случиться выкидыш. Уна не отличалась суеверностью и имела на этот счет свое мнение, хотя вполне допускала справедливость слухов. Выкидыши действительно порой случаются от испуга, но она надеялась, что ее искусство помогло бы спасти и мать, и малыша.

Бриджид заворочалась во сне. Ибистер нежно улыбнулась, явно удовлетворенная увиденным, и собралась уходить.

— Госпожа, — обратилась к ней Уна, — не могли бы вы поговорить с вашей сестрой?

— Ее что-то печалит?

— Нет-нет, просто она... все время твердит, что хочет мальчика. И очень готовится к его рождению.

— Ну?

— Судя по расположению плода во чреве, у нее будет девочка. Дочка.

Лицо Ибистер засветилось радостью.

— Да... — покачала она головой, а потом заметила встревоженное лицо Уны. — Хорошо, я поговорю с ней. Лично я считаю, что нет ничего лучше, чем принести Сутре еще одну девочку. — Тан печально посмотрела на спящих женщин. — Чудесно и странно, не правда ли? С одной стороны, коранниды, твари из темной бездны... а здесь — еще не родившаяся жизнь. Здесь будущее нашей земли. Заботься о них как следует.

Уна снова сделала реверанс, и Ибистер вышла из комнаты.

Чтобы добраться в Сулис Мор до конца года, всего лишь за неделю, предстояло ехать рысью не менее чем по восемь часов в сутки. Первые несколько дней Талискер, Чаплин и Малки ни словом не упоминали о своей почти недостижимой цели, просто ехали и ехали, стиснув зубы. На третье утро со свинцового неба полил дождь. Одежда легко промокала — Чаплин проклинал себя за то, что не надел плащ, — вересковая пустошь постепенно превратилась в болото. С каждым шагом копыта лошадей все глубже погружались в грязь, и скакуны начинали пугаться. Около полудня Талискер предложил сделать привал, указав на группку деревьев, которая могла хоть немного укрыть их от ветра.

— Мы не успеем, Дункан, — проворчал Малки, спускаясь с коня. Он первый из всех произнес эту мысль вслух. Его рыжие, обычно непослушные волосы прилипли к лицу, бело-голубая кожа, блестевшая от воды, казалась особенно бледной на фоне темно-красной рубахи. — В такую-то погоду. Я уверен, что Корвус начнет без нас. Не так уж мы теперь и важны.

Талискер нахмурился, не понимая, к чему клонит друг.

— Теперь у нас нет Бразнаира. Его доставит Деме. И хорошо, все равно мы не знаем, что делать с этим дурацким камнем... — Горец неожиданно рассмеялся. — Мы напоминаем трех мокрых крыс!

Остальные промолчали. Настроение было такое же пасмурное, как и небо. Конечно, Малки прав — с тех пор, как они отдали камень и договорились о помощи богов, трое друзей ста-

ли более или менее ненужными. Трудно представить, почему бы битве не начаться без них — всего лишь трех лишних воинов против коранниdов.

Талискер часто думал об Уне с тех пор, как решил остаться в Сутре. На самом деле они ничего не обещали друг другу. Краткий миг любви в темной тени битвы был ярок, словно пламя, но теперь, вспоминая холодное расставание, Дункану казалось, что девушка забыла о нем, как только стих стук копыт его коня.

Полночь того же дня. Неясная тень движется по вересковой пустоши к небольшой рощице, где путники остались до самого вечера и даже на ночь, надеясь на улучшение погоды. Тень то появляется, то исчезает, будто скользит между мирами. Так оно и есть. Постепенно ее очертания проясняются, и видно, что это черный конь, на спине которого сидит всадница, широко раскинув ноги. Фирр. Не обращая внимания на дождь и ветер, она не спускает единственного глаза с рощицы. Богиня останавливается неподалеку от лагеря, спрыгивает на ходу и, как и прежде, привязывает коня к себе магией. Голубая вспышка, и он исчезает.

В палатке Талискера горит свет. Фирр принюхивается. Дары Мирранон — от них пахнет орлом. Богиня зла замирает, мысленно ощупывает весь лагерь, ища друзей Дункана, проверяет, крепко ли они спят. Что ж, пусть спят еще крепче. Войдя в палатку, богиня смотрит на фигуру на кровати. В голове всплывает обещание, данное Корвусу, — принести голову Талискера. Она не простила брата, но этот последний жест необходим, чтобы показать, как она ему нужна. Фирр задумчиво смотрит на свою будущую жертву.

Талискер лежит на груде одежды и одеял на боку, согнув колени. Рука, как всегда, тянется к мечу. Интересно, думает Фирр, где же он мог научиться такой осторожности и подозрительности в своем мире?.. Она обнажает кинжал и садится рядом со спящим на корточки, бесстрастно глядя на его лицо. Вот человек, само существование которого напугало ее брата, исполнило его бессмысленной ярости. Красивое лицо, хотя даже во сне черты тронуты горечью. Ярко-рыжий цвет волос будто воплощает все противоречия характера.

Фирр вспоминает тот момент их поединка в Руаннох Вере, когда оба поняли, что Талискеру пришел конец. Ей случалось видеть безрассудную храбрость, убивать людей, когда они изображали из себя героев, но такого взгляда... Огонь, что горел в каждом из них — в ней ярость, в нем горечь, — на миг замер. Мгновение мира и покоя, настоящее чудо для обоих.

Практичность — еще одна их общая черта — взывает к немедленным действиям, но богиня все же тянет руку, чтобы откинуть прядку у него с лица.

Дункан просыпается и хватает ее за запястье, открывая глаза. Она пытается отдернуть руку; он не выпускает.

— Фирр? — Талискер озадачен. Он не видит кинжала в ее руке, и пальцы богини сильнее сжимают рукоять, но удар она не наносит, сидит неподвижно несколько секунд, тяжело дыша. Разум упрекает ее за нерешительность.

— Талискер. — Она смотрит ему прямо в глаза, ожидая, когда Дункан отпустит ее руку.

Взгляд богини такой же пронзительный и холодный, как и в прошлый раз. Черная грива волос закрывает почти все лицо. Что же с ней не так? Дункан тянет ее на себя, мягко откидывает пряди и видит левый глаз. В неясном свете он вспыхивает как лунно-белый опал среди узора царапин и синяков.

— Что случи...

Она рычит, как зверь, черты искажает ярость, ярость за то, что он смеет жалеть ее, ярость на собственную слабость. Фирр высоко поднимает кинжал, и — увы, слишком поздно — Талискер видит блеск стали. Но она так же неожиданно исчезает, и клинок падает на землю. Богиня зла пощадила его жизнь, и ни он, ни даже она не знают почему.

Дункан сидел на ложе еще много часов, вертя в руках кинжал и слушая холодный мягкий звук дождя.

...и все звери есть лишь один зверь,
зверь Лизмаира. Реки серебряных
снов текут и струятся
по огненным жилам. Весть
несется по земле такой похожей
и непохожей. И к ней мы летим
и бежим. Нас ведет
яркая музыка сыновей Лиз,
обреченных вечно странствовать
на пути к дому.

Макпьялута парил по ночному небу на крыльях бури. Он знал, что эта поэма, рассказанная ему матерью, на самом деле куда длиннее, однако с каждым новым поколением легенды отступали во тьму. Некоторые сиды уже считали Лизмаир сказкой.

Там, внизу, где-то среди вереска и камней, бежала одна из таких молодых сидов. Маленькая серебристая рысь по просьбе Мирранон бесшумно уносила наследие Старшего Народа — Бразнаир — в Сулис Мор.

Еще утром, путешествуя с Уллой и так называемыми героями, принц принял решение последовать за ней. С тех

пор как они встретились с Талискером и Малки, Макпьялута знал, что камень теперь несет Деме — мысли недалекого горца читались легко. Он надеялся, что Эскариусу это неизвестно, хотя был почти уверен в обратном — серые волки вездесущи. Теперь по крайней мере принц принял решение, которое считал верным. *Я не предатель. По крайней мере не предатель феинов.* Когда он произнес эти слова, семя выбора было посажено. Загляни Талискер ему в разум — на что он был вполне способен, — обязательно увидел бы, как удивлен Макпьялута собственной твердой уверенностью. Бразнаир принадлежит сидам, и если Талискер сумеет заручиться поддержкой младших богов, феинам он не понадобится. Нужда народа Макпьялуты, о которой забывали поколениями, куда сильнее.

Он шевельнул крыльями и начал спускаться. Вон она, Деме из клана рыси. Жаль будет, если сида не отдаст ему Бразнаир по доброй воле.

— Приветствую тебя, Деме.

Орел опустился на камень в нескольких шагах от рыси. Та села, ожидая объяснений, и не ответила, как было принято. В желтом свете убывающей луны Макпьялута видел у нее на шее мешочек, в котором лежало сокровище.

Над пустошью повисла тишина, только ветер одиноко завывал вокруг двух фигур, стоящих лицом к лицу.

— Макпьялута? — наконец промолвила Деме. — Мирранон, Белая Орлица, предупредила меня о твоем появлении.

— Если ты знала, что я прилечу, то знаешь и почему. Так же как и то, что многие считают Мирранон предательницей, а ты вступила с ней в союз.

— Такое могут сказать изгнавшие ее, те, кто верит в старые сказки о Лизмаире, коего больше нет.

Макпьялута встопорщил перья.

— Деме, отдай мне Бразнаир, и я прощу твою дерзость, хотя люди и сиды умирали за подобное святотатство. Ты не можешь...

— Ошибаешься, могу. Мне сказала Мирранон. Такая красивая сказка — сиды возвращаются в Лизмаир благодаря волшебному камню. Жаль только, что позабыли об одном маленьком обстоятельстве. Вернуться могут только сиды определенного происхождения. Их очень мало, Мирранон насчитала сорок восемь — включая тебя, разумеется. — Она поднялась. — Простите, ваше высочество, мне пора бежать на помощь тем, кто в ней нуждается.

— Нет! — запротестовал Макпьялута. Его смутило и расстроило только что услышанное трактование пророчества. — Мирранон лжет. Ей безразлична судьба сидов.

— Учти, что сама Белая Орлица могла бы вернуться — со стороны матери она принадлежит к избранному роду.

Деме побежала дальше, а Макпьялута запрыгал ей вслед, неловко чувствуя себя на земле.

— Это неправда! Вернуться смогут все сиды!

Вокруг завывал ветер, и инстинкты подсказывали ему взлететь — сверху он без труда разодрал бы нахальную рысь на куски. Расправив крылья, Макпьялута поднялся в воздух.

— Деме! Отдай мне Бразнаир!

Подобно серебряной тени, рысь мелькнула среди камней и вереска и исчезла.

Деме без устали бежала через пустошь, и принц летел ей вслед еще много часов, не пытаясь напасть. Макпьялута не мог разобраться в собственных мыслях. Если маленькая сида права и Мирранон сказала правду, то сидам лгали долгие годы. Зачем? Немыслимо! И все же некоторый смысл в этом был. Легенды о Лизмаире помогали сидам держаться вместе, хранить свою культуру...

Его внимание привлекло движение далеко внизу. То была не Деме. У каждого животного есть определенная манера двигаться, о которой они и не подозревают, и только птицы, глядящие из поднебесья, могли бы рассказать им об этом. Даже когда рысь скрывал вереск или камень, Макпьялута мог предсказать, где она появится в следующий момент. Зверь, кравшийся внизу, двигался широкими кругами, таясь в тени деревьев и кустов, а не камней, как Деме. Волк. Даже с такой высоты принц видел черные и белые перья, прикрепленные к кольцу в ухе. Эскариус.

Макпьялута сложил крылья и устремился вниз, не зная еще, что собирается делать, но прекрасно понимая намерения Эскариуса.

Талискеру не спалось. Шла следующая ночь после появления Фирр. Расслабиться и задремать не помогала даже тихая спокойная песня дождя, бьющего по крыше и стенкам палатки. Дункан ничего не сказал Малки и Чаплину, хотя был совершенно уверен, что богиня зла вернется. В некотором роде он даже желал этого — тогда по крайней мере представится шанс посмотреть ей в глаза. Несмотря на холод ночи, по его телу струился пот, руки и ноги не слушались.

Он попытался вызвать в памяти образ Уны, чтобы защитить себя от... чего? Припомнилось предупреждение Мирранон, что Фирр может убить его в любой момент. В тот миг, когда сквозь прекрасное обличье Рианнон Дункан увидел первозданный хаос, он окончательно убедился: они носят избранные ими маски.

Фирр не обязательно красться к нему в шатер, как тать в ночи; куда проще убить его колдовством или призвать на помощь кораннидов. Ответ на вопрос «тогда зачем» очевиден. Таких людей Талискер встречал в тюрьме — но не думал, что увидит женщину, которая любит убивать. Должно быть, она каждый раз испытывает опьяняющее чувство триумфа. Вчера ночью он ос-

тался жив лишь потому, что богиня зла желает его. Впрочем, воины Руаннох Вера у костров поговаривают, будто Фирр порой развлекается и с мертвыми... Люди западных кланов звали ее Морриган, Ворона Битвы, ее тень часто замечали на поле боя.

— Очень проницательно.

Насмешливый голос, казалось, доносился из ниоткуда. Потом снаружи палатки возникли очертания огромной темной птицы. Голос принадлежал Фирр, но фигура, появившаяся в углу, ничем ее не напоминала. Там стояла женщина, старая и сморщенная.

— Я пришла отплатить тебе за жалость, Талискер, — отвратительно ухмыльнулась она. — А теперь ты меня жалеешь?

Без лишних слов старуха сбросила оборванное тряпье на землю и шагнула вперед. Дункана передернуло — желтоватая кожа висела складками, остатки груди свисали до самого живота, как сморщенные высохшие плоды. Он хотел попятиться — и понял, что не в силах шевельнуться. Фирр засмеялась и схватила его за ногу.

— Дурак, никогда не жалей меня! Ты прав, мы носим избранные нами маски.

Ее охватил зеленоватый свет, и она приняла новый облик. Талискер вскрикнул, когда тощая рука, державшая его за ногу, стала когтистой лапой. Над ним нависла огромная волчица — с рычанием склонилась к его лицу. Не важно, что Фирр хочет обладать им — изнасиловать его; важно другое: до того, как убьет, или после?

Волчица поднесла морду к самому его носу. По щеке Талискера потекла слюна.

— Фирр! — выдохнул он. — Фирр, послушай меня. Пожалуйста. Я должен кое-что тебе сказать.

Волчица перестала рычать и внимательно заглянула ему в лицо — хорошо, значит, она рассматривает его не просто как жертву. Богиня вновь изменила обличье, и хруст костей вторил мягкой песне дождя. На сей раз ее превращение напугало его куда сильнее.

— Уна?.. О нет, Фирр...

— Этот облик тебе больше нравится? — рассмеялась она.

Хотя разум и говорил ему, что перед ним отнюдь не его возлюбленная, а само воплощение зла, Талискер радовался теплу и аромату Уны, и тело не повиновалось ему. С радостной улыбкой Уна-Фирр приняла его в себя. Дункана окатила волна стыда.

— Нет... — прошептал он.

Глядя на нее из-под прикрытых ресниц, Талискер все больше поддавался обману. Она сидела почти неподвижно и касалась его лица не с нежностью, а скорее с любопытством. При каждом прикосновении его пронзало током, будто замыкался какой-то контакт... Ее дух поглотил Дункана.

То, что происходило с телом, всего лишь вторило музыке души. Талискер чувствовал, что неизмеримо слабее бо-

гини и она раздавит его, если только поймет, что он коснулся ее божественной сути. Никогда в жизни Дункан не был так бессилен прервать свое видение. В этот короткий миг он воспринял все, что составляло душу богини зла, — черные образы, не связанные ни с чем, переплетались друг с другом, сверкали зубами и когтями на грани бытия. Духи, демоны, джинны хаоса — весь тлен вселенной, не облеченный плотью... Талискер закричал от страха за свою душу и рассудок, а Фирр, приняв вопль за стон страсти, вонзила ему в грудь ногти, расцарапав до крови.

— Нет...

Дункан закрыл глаза, но тьма вокруг оставалась, охватывая его черно-лиловой волной, в которой угадывалась чья-то вневременная душа, решившая воплотиться в Фирр. Она все близилась и близилась, пока ничего не подозревающая богиня наслаждалась своей властью. По мере приближения душа становилась ярче, и Талискера захлестнуло сияние. Он вновь открыл глаза — и увидел рыжие волосы любимой: она сидела на нем и двигалась, обнаженная, с его кровью на губах. А в центре сияющей сферы билось хрупкое сердце, некогда бывшее душой новорожденного, обреченного стать богом. Дункан потянулся туда и духом, и телом и изверг свою страсть, глядя на сердце, в котором отражались все страхи и вера феинов.

Неожиданно Фирр поняла, *что* он видит, закричала от ярости и страха, и Талискера охватило пламя.

Малки услышал крик из палатки друга, похожий на рык большой кошки, и инстинкты подсказали ему правду.

— Дункан!

Палатка горела серным огнем, пламя шипело, когда на него капал дождь. Внутри был виден простертый на земляном полу Талискер.

— Дункан! Дункан, просыпайся! — закричал Малки.

Рядом появился Чаплин и стал тушить пламя одеялом. Ничего не выходило. Огонь был очень странный — он горел с яростью, не уступавшей гневу богини. Друзья отскочили в сторону, кашляя.

— Бесполезно, — проговорил Малки. — Дункан... Давай, Сандро, мы должны вытащить его, или он умрет.

Чаплин закрыл лицо плащом, и мужчины бросились внутрь. Их тут же окутал дым, и они поняли, что совершили ошибку. Плащ Чаплина вспыхнул; инспектор закричал, упал на пол и принялся кататься по сырой земле.

Малки бросился к Талискеру, потом остановился, видя, что Чаплин тоже в смертельной опасности. Неожиданно палатка обрушилась, и горящие ивовые подпорки пригвоздили горца к земле. Он слышал крики Чаплина; Талискер не издавал ни

звука. Малки сунул руку в мешочек и вытащил камень Деме, сиявший слабым, неверным светом. Камень терял силы.

— Пожалуйста, — прошептал Малки. — Пожалуйста...

Он потерял сознание от боли и окружившего его дыма.

ГЛАВА 21

На сей раз все по-другому. Он чувствует запах гари, слышит крики ярости и проклятия. Но здесь, в Ничто, она не в силах дотянуться до него. Он лежит во тьме, кашляя, когда в легкие попадает дым, принесенный из мира живых, думает о ней. На самом деле не о ней, а об Уне. Дункан пытается убедить себя, что Фирр заставила его изменить Уне, хотя если честно — а Ничто подходящее место, чтобы говорить себе правду, — богиня всего лишь использовала его слабость. Будь он хоть капельку сильнее...

— Дункан? — Говорящего скрутил приступ кашля. — Где мы?

Это Чаплин. Он лежит на спине, его одежда обгорела. Талискер чувствует отвратительный запах паленой плоти и с трудом подползает к другу.

— Мы в Ничто, Сандро. Это место, где, как мне кажется, моя душа ждет подходящей возможности вернуться в тело в Эдинбурге.

Чаплин с трудом говорит — так ему больно.

— Но я никогда здесь не был, просто приходил в себя в другом мире.

— На сей раз... — Талискер поколебался, прежде чем продолжить. — Прости, Сандро, на сей раз твоя жизнь в опасности.

Тот молчит — слишком сильно болят ожоги, он почти теряет сознание. Дункан берет его за руку.

— Не беспокойся, тьма не длится долго.

Понимание, что жизнь Чаплина ускользает, неожиданно наполняет его страхом одиночества, и он оглядывается, ища Малки.

— Не думал, что ты будешь рисковать из-за меня головой, Сандро, это был очень отважный поступок. — Талискер смотрит на друга и видит, что тот улыбается. — Твой отец гордился бы. — Он не знает, почему говорит все это. — Я не хочу возвращаться в Эдинбург, мне страшно. Шулы нет, все меня ненавидят. Ты тоже ненавидишь меня там... — У Дункана нет сил, он не хочет продолжать путь.

— Я никогда не питал к тебе ненависти, — шепчет Чаплин. — Просто мною владели ярость и тоска. Я...

— Сандро! Сандро! — Талискер хватает друга за плечи и трясет его. Ответа нет, тот в лучшем случае без сознания.

— Дункан, идем. — Рядом появляется Малки и кладет ему руку на плечо.

— Где ты был?

— Что за вопрос? Я и сам не знаю, где я был, неужели не ясно? Ты же просто появляешься тут, и все. Но нам надо идти. Камешек Мирранон... в нем почти не осталось силы. Смотри. — Он показывает Талискеру тускло мерцающий изумруд. — Если мы быстро отсюда не выберемся, то попадем в ловушку. Ну же, я видел того зайца, который всегда тебя выводил.

— Я не могу бросить Сандро.

— Надо спешить. Послушай, есть шанс, что, если выберешься ты, выберется и он — ведь раньше было именно так.

— Но мы не знаем наверняка. Он никогда не был здесь.

— Торопись, Дункан.

Талискер поднимается и кладет Чаплина на плечо, как делают пожарники. Горец удивленно смотрит на своего потомка и качает головой.

— После всего...

— Он мой друг, Малки.

Сначала он решил, что все же умер на этот раз, затем понял, что темнота настоящая, земная. Талискер сел и стал ждать, когда глаза привыкнут к царящему вокруг мраку. Странно, подумал он, на губах по-прежнему вкус пепла и огня Сутры, хотя левая рука туго забинтована.

Рядом раздался стон.

— Талискер, ты? Что происходит? Почему мое плечо замотано какой-то дрянью?

— Забинтовано — должно быть, там, где я тебя прострелил. Мы в Эдинбурге. Малки?

— Я здесь, Дункан. — Голос горца раздавался всего в нескольких футах справа, там, где Талискер начинал различать очертания двери. — Прости, что снова притащил тебя сюда. Я понимаю, что тебе нечего делать в этом мире. Но выбора у меня не было.

— Ничего, Малки, порядок. Я так устал, что мне все равно.

Снаружи шел сильный дождь, откуда-то доносилось утробное ворчание воды в канализации или сточной трубе. Стук капель заставил Талискера вспомнить произошедшее в Сутре. Словно прочитав его мысли, Чаплин задал вопрос:

— А что случилось там? В палатке?

— Фирр. Она и я... Не важно. Скажем так, богиня не слишком хорошо принимает отказы.

— По крайней мере ты жив, — спокойно ответил Чаплин. — Хотя и еле-еле.

— Да и ты тоже. Ужасно хочу вымыться как следует, причем изнутри. Я...

— Эй, ребята, — перебил Малки, — по-моему, здесь есть кто-то еще.

— Что? Где?

— За тобой, Сандро. Это ведь человек?

— Эй, здесь есть кто-нибудь?

Все принялись вглядываться в угол, где виднелись очертания человека. Талискер подумал, не манекен ли это... впрочем, нет, поза слишком неподходящая для пластиковой куклы.

Чаплин порылся в кармане и извлек зажигалку. В желтом свете они увидели такое, что оба резко выдохнули.

— Ох, — вырвалось у Малки.

Скелет был прикован к стене — потому и стоял. Он высох в сухом теплом воздухе подвала, и кое-где на костях осталось немного плоти, в том числе и на черепе. Бездумно смотрели пустые глазницы.

Талискер коснулся останков лица.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Чаплин.

— Думал, может, чего увижу... Здесь я всегда был эмпатом. Надеялся понять что-нибудь про него, а заодно и про этот подвал. — Он дотронулся до виска скелета. — Нет, ничего не осталось.

— Похоже, он умер мучительной смертью. — Чаплин поднес зажигалку поближе к полу, на котором остались ржаво-красные следы крови жертвы. — Судя по количеству пятен, у него было ранение паха; бедняга долго мучился, если только кто не сжалился и не пристрелил его.

— Бедняга, да? — выговорил Малки.

— Талискер, посмотри-ка сюда, — странным голосом произнес Чаплин, и у Дункана зашевелилось дурное предчувствие, как тогда, когда умерла Шула.

Чаплин нашел огарок свечи, зажег его и указал на предмет, стоящий в углу.

Это была ржавая жестяная банка из-под песочного печенья. Талискер сел на корточки рядом с ней и заглянул внутрь.

— Боже мой, — прошептал он.

Малки склонился над ними и хмурился, не понимая значения находки.

— Какие-то побрякушки?..

Талискер и Чаплин не ответили.

Наконец Алессандро взял в руки серебряный браслет.

— Это ведь ее, верно?

— Салли Уиллис, — кивнул Талискер. — А это, — он поднял пряжку для пояса, украшенную довольно безвкусной металлической маргариткой, — принадлежало Розалинд Бакстер. — Он хотел было положить пряжку назад, как застонал. — Ох нет, я снова вижу...

— Дункан! — Чаплин вырвал побрякушку у него из рук и швырнул в жестянку. — Перестань. Тебе не кажется, что ты и так довольно пострадал?

— Кто-нибудь, если не трудно, объясните мне, что происходит! — довольно сварливо потребовал Малки.

Чаплин показал ему банку.

— Убийца брал у каждой жертвы какой-нибудь сувенир. Это одна из причин, по которой приговорили Талискера: он знал о браслете Салли, а о нем упоминания в прессе не было.

Малки ткнул пальцем в скелет.

— Значит, еще одна жертва?..

— Я не...

Дверь неожиданно распахнулась, и в проеме возникла фигура.

— А, вы уже познакомились с моим папочкой? Если вы присмотритесь, то заметите, где я прикрепил его голову. — Раздался легкий щелчок, и комнату залил электрический свет. Перед ними стоял Финн.

— Что происходит? — немедленно спросил Чаплин.

— Это вы мне объясните, инспектор. Именно поэтому вы оба здесь. — Финн часто моргал. Его крашеные волосы свалялись, лицо и глаза покраснели. Что особенно неприятно, в дрожащей руке журналист держал пистолет.

— Нас будут искать.

— Нет. Пока не будут. Вы повезли заключенного на обследование в психиатрическую лечебницу.

Талискер и Чаплин переглянулись.

— Да, не исключено, — неохотно признал Дункан. — Я совершил попытку самоубийства в камере. Знаешь, после смерти Шулы...

— Положи пистолет, — мягко велел Чаплин.

— Не подходи! — Журналист взмахнул оружием.

— Финн, посмотри на меня. — Талискер шагнул к нему. — Помнишь, однажды ты предложил поговорить? Там, на берегу?

— Ты опять за свое! — закричал журналист. — Я не дурак. Делаешь вид, будто это было давным-давно, а прошло всего два дня! Потом ты начнешь говорить с кем-то... с каким-то горцем. — Он махнул пистолетом в сторону Чаплина. — Даже полицейский тебе верит.

— Но мы можем поговорить?

— Да. — Финн нервно облизал губы.

— Это ты убил их? Всех этих девушек?

— Нет! — На лице журналиста были написаны удивление и возмущение. Он перевел взгляд на Чаплина. — Значит, так вы думаете? Я...

Талискеру представился шанс. Пока Финн почти умоляюще смотрел на инспектора, Дункан бросился вперед и

сбил его с ног. Пистолет отлетел в сторону. Но журналистом владело безумие, и он отчаянно дрался. Талискер не успел ничего сделать — к нему явилось видение, он узнал о душе напавшего на него куда больше, чем хотел.

Слышен звук. В углу комнаты шипит телевизор. Свет исходит от старенького торшера. Паренек лет шестнадцати свернулся в кресле в позе зародыша. Он плачет и, вполне возможно, пьян. Это Финн.

Дверь в маленькую комнату распахивается. На пороге стоит высокий человек, покрытый пятнами крови. Финн смотрит на него и снова начинает плакать. На лице написано отчаяние, и слезы не в силах выразить весь его ужас.

— Ты обещал, — воет он. — Ты обещал.

Без малейшего предупреждения человек подходит и приподнимает мальчика за лацканы пижамы, а потом швыряет на пол. Пока юный Финн с трудом пытается подняться, мужчина вытягивает из брюк широкий ремень.

— Ты ничего не видел!

Талискер слышал этот низкий голос только однажды. Его окатило холодной волной ужаса. Серийный убийца, отправивший на тот свет шестерых женщин.

Мужчина заносит ремень. Один, два удара... На третьем Финн хватается за полоску кожи, плачет, захлебываясь в слезах. На лице алые полосы — там, где его коснулся ремень.

— Прекрати! — кричит он.

Талискер усилием воли отогнал от себя видение. Тем временем в лицо ему уткнулось дуло пистолета. Финн ухмылялся, как ненормальный.

— Только дернись, и я разнесу твоему дружку голову, — сказал он, не спуская глаз с Талискера, но обращаясь к Чаплину.

— Успокойся.

— Послушай его, — посоветовал Дункан. — Ты убил только одного человека, и то защищаясь. Не ухудшай свое положение.

— Откуда ты знаешь? — испуганно спросил Финн.

— Ты сам только что рассказал нам. Это ведь твой отец? Вон там? — Финн вздрогнул, но не отвел пистолета и не обернулся, как рассчитывал Талискер. — Готов поспорить, он еще и бил тебя.

Финн опустил пистолет и коснулся другой рукой лица.

— Он заслуживал смерти!.. Но когда я добрался до него, то не мог остановиться. Это самое ужасное. Понимаете, наверное, глубоко внутри я такой же, как он. Мне доставляло удовольствие мучить его. — На лице журналиста появилась неприятная ухмылка. — Вы не знаете, каково убивать. Такое ощущение власти...

— Ничего подобного, — вмешался Чаплин, вставая между Талискером и пистолетом, намереваясь успокоить Финна.

Дункан отодвинул его в сторону.

— Что ты делаешь? — прошипел Алессандро, хватая друга за рубашку.

Талискер не обратил на него внимания.

— А как насчет меня? — спросил он. — Ты же видел по телевизору, как меня судили. У меня украли жизнь, а ты промолчал. Да, ты действительно как твой отец. Он был трусом, и ты тоже.

— Дункан, перестань! — рявкнул Чаплин.

— Ну же, — поддержал его и Малки таким тоном, как будто разнимал подравшихся в баре. — Довольно.

— Не двигайся, — предупредил Финн, — буду стрелять.

— Давай стреляй! — дразнил Талискер. Чаплин удерживал его за плечи, не давая накинуться на Финна. — Тебе духу не хватит...

Все случилось сразу. Талискер вырвался из рук Чаплина и бросился на журналиста. Давно копившаяся в нем ярость теперь выплеснулась. Сын убийцы выстрелил, но пуля пролетела мимо — отскочила рикошетом от стены, подняв тучу пыли, и разбила лампочку.

В темноте открылась дверь.

Комнату наполнил запах кордита, грохот выстрела на некоторое время оглушил. Талискер даже и не задумался, куда целится журналист. Он повалил Финна на пол, а Чаплин тщетно пытался скрутить его.

— Дункан, слезь с него, — вопил Алессандро.

— Пистолет! Хватай пистолет!

— Господи Христе... смотрите, ребята!

Раздался новый крик, приглушенное звяканье, и Талискер понял, кто вошел в дверь. Демон.

В этот миг Финн поднял голову.

— Боже мой... — прошептал он. — Это его вы зовете горцем?

— Что? — Дункан не сразу понял, о чем тот, но потом осознал, что журналист сложил два и два и получил семьдесят пять.

Со времени их последней встречи демон сильно изменился. Маска, служившая ему лицом, сползла и располагалась теперь примерно в середине груди, дыры глаз смотрели бессмысленно, а из уголка рта текла слюна.

Демон отбросил Чаплина в сторону и повернулся к Талискеру с Финном.

— Малки? Как Сандро?

Горец, который понимал, что никак не может помочь другу, подошел к Чаплину.

— Жив, но...

Времени окончить не было. Финн закричал и дважды выстрелил. Во второй раз он попал, и лицо твари преврати-

лось в месиво костей и крови. Демон отступил, однако мгновенно снова перешел в наступление, схватил журналиста за руки и поднял в воздух, не обращая внимания на то, как тот бьется в его лапах. Талискер с ужасом понял, что Финн не выживет.

— Дункан, сюда! Вот оружие! — крикнул Малки.

Талискер отступил к дальней стене, наклонился, не сводя глаз с демона, и нащупал на полу кусок стальной трубы — длинный и тяжелый.

— Я иду, Финн! Держись!

Тем временем демон вертел журналиста во все стороны, вцепившись в него когтями. Из разорванной артерии несчастного била кровь. Финн не перестал жутко кричать, даже когда сломался позвоночник.

Талискер ухватил трубу двумя руками и крутанул ею, как мечом.

— Дункан?

— Да?

— Ты должен прикончить его на сей раз! — проорал горец. — Думаю, Корвус...

Раздался страшный хруст, потом стук, и крик оборвался. Демон отшвырнул в сторону тело Финна. К счастью, он уже умер, потому что, падая, он опрокинул свечу, которая немедленно подожгла целый ящик с дровами.

У Талискера не было времени беспокоиться об этом. Тварь, поняв, что Финн только отвлек ее от основной цели, бросилась к нему.

Время застыло. Разгорающееся дерево и полоска света из-за двери придавали всему происходящему отблеск нереальности. Дым тянул к нему белые пальцы, глаза слезились, но Талискер не смел моргать. В замедлившемся мире секунда могла спасти или погубить жизнь. Подняв трубу, он шагнул вперед, размахнулся и что было сил ударил демона. К его неописуемому восторгу, тот заревел от боли и отшатнулся.

— Иди сюда, ублюдок, — заорал Дункан. — Вот тебе за Шулу!

Он понимал, что так просто с тварью не справиться, и нанес удар по ногам. Демон не отступил. На Талискера накатила волна отчаяния — жар огня становился все сильнее, а отходить было некуда. Значит, придется сражаться до победного конца — или погибнуть. Он нанес удар демону в грудь, где теперь находилось лицо.

— Дункан, — донесся перепуганный голос издалека-издалека. — Огонь... я не могу...

Талискер завороженно смотрел, как очередной удар попал в цель. Лица у демона больше не было, и он завыл. Их окружало огненное кольцо...

— Дункан! Дункан! — звал Малки в отчаянии.

Тщетно — Талискера обволок другой жар, другое пламя — алый туман ярости.

На сей раз он приветствовал его, как старого друга. Дункан познал ненависть. Эта тварь, хоть и не понимала, что творит, подняла Шулу и разорвала ее на части, как только что Финна. Видит Бог, он не хотел думать об этом, но она кричала... Его дорогая девочка. Которая простила его.

— Умри! Умри!

Новый удар. Демон упал на землю, и Талискер не промедлил, сразу бросился к окровавленной туше.

Глядя на тварь у своих ног, он понимал, что его собственное лицо, залитое кровью, ничуть не менее отвратительно. Может быть, он в чем-то проиграл Корвусу... Пускай. Талискер жаждал только убийства. Занеся оружие над головой, он снова нанес удар, оглушительно закричав.

Тварь умерла не сразу. А когда она перестала дергаться, время пошло.

Талискер выронил оружие.

— Передай Корвусу, что он следующий...

Дым, пламя и отвращение к себе разом захлестнули его, и Дункан опустился на колени, плача и кашляя.

— Ты меня слышишь? Давай сюда! По-моему, здесь как раз достаточно...

Талискер пополз на голос Малки. В сумраке он смутно различал очертания тела Чаплина; за его спиной не было стены подвала — там простиралась знакомая пустота. Дункан потянулся к телу друга.

— Он приходит в себя!

Талискер открыл глаза и сразу понял, что вернулся в Сутру. На него глядел Малки, а холодный ветерок, касающийся щеки, означал, что они не в помещении. Дункан сел, удивляясь, как хорошо себя чувствует. Горец и Чаплин расположились у костра, прихлебывая что-то горячее из чашек.

— Значит, вы наконец-то решили присоединиться к нам, мистер Талискер, — ухмыльнулся Алессандро. — Мы уже почти потеряли надежду.

— Сандро, с тобой все в порядке?

— А почему у тебя такой довольный вид?

— Я хотел сказать... я видел тебя... совсем плохим. В обоих мирах. — Талискер огляделся. Они находились на прежнем месте, неподалеку лежали жалкие остатки сгоревшей палатки. — Дело рук Фирр...

— Думаю, она оказала нам услугу, — заметил Малки. — Нам надо было вернуться.

— Я весь в синяках, и кое-где остались ожоги, а в остальном я в полном порядке. Могло быть гораздо хуже, — добавил Чаплин.

— Что значит — нам надо было вернуться?

— Чтобы убить демона.

— Нам?

— Ладно, тебе. Если бы мы не вернулись, то не узнали бы о Финне и его папочке, верно?

Чаплин протянул Талискеру кружку отвара бузины.

— Его следовало привлечь к суду много лет назад. Не сидел бы Дункан.

Талискер отхлебнул теплой горьковатой жидкости.

— Не будь слишком строг к нему, Сандро, — тихо проговорил он. — Я сам разозлился больше всех и не могу отрицать, что хотел хорошенько избить Финна, но я увидел его детство... — Ему припомнился низкий грубый голос отца Финна. — Никому такого не пожелаю.

— Знаешь, есть такая вещь — справедливость.

— Нет, не знаю. И Финн не знал.

Подошел Малки и сел между ними.

— Эй, не начинайте снова. — Он положил обоим руки на плечи. — Вот что я вам скажу, ребята. Нас ждет Сулис Мор, а потом — Корвус. Мне так кажется, что справедливость относится не только к жертвам.

Талискер и Чаплин удивленно переглянулись.

— Дай мне минутку допить чай, — ответил Дункан, — и я готов хоть на край света.

Когда первая радость — радость продолжения жизни — схлынула, Талискер впал в депрессию. Путь в Сулис Мор был долгим и монотонным и дал ему время поразмышлять. Конечно, Малки прав, им повезло. Он вернулся в Эдинбург и уничтожил следы деятельности Корвуса в собственном мире. Но фраза Малки подразумевала, что они никогда туда не вернутся. По этому поводу Дункан, в сущности, не переживал, однако и здесь гармонии не достичь. Пока в Сутре есть Фирр. Корвус — другое дело, но его сестра каким-то образом осквернила Талискера. Не физическим совращением, а неким актом разделенного сознания. Из всего, с чем он встречался в этом мире, труднее всего было вынести запятнанную злом душу богини.

На протяжении следующих дней Талискер становился все более замкнутым, и Чаплин с Малки обменивались тревожными взглядами. Должно быть, просто измотан, решили они. Пройдет со временем.

ГЛАВА 22

Бриджид ужасно кричала. За последние несколько лет Уна приняла много родов, и опыт подсказывал ей — дело плохо. Схватки длились уже десять часов, и боль с самого начала была невыносимой. Женщина постепенно слабела; повитуха опасалась, что она не протянет до рассвета.

Катлин и Гвен держались за руки, и на их лицах был написан страх. Слезинка не отходила от страдающей подруги, держала ее за руку и протирала теплой водой. Хотя в очаге пылал огонь, Уна не могла согреть роженицу — через щели в ставнях задувал ледяной ветер, руки и ноги бедняги совсем окоченели.

— Уна? — прошептала Бриджид. — Можно я еще раз пройдусь по комнате?

— Тебе понадобятся силы на другое. Терпи.

— Уже скоро, Уна?

Повитуха сильно опасалась, что роженица потеряет сознание — лицо побелело, губы посинели.

— Скоро, скоро. — Уну душили слезы. Ей еще не случалось потерять мать или ребенка, хотя однажды довелось присутствовать при этом.

— Вот опять. Схватки...

Уна подала знак Слезинке, и они вдвоем усадили страдалицу поудобнее. Та пронзительно закричала, и это дарило надежду — если у нее есть силы кричать, может, не все так плохо. Ободряюще улыбнувшись, Уна опустила Бриджид на подушки.

— Можно поговорить с тобой, Уна?

В дверях стояла Ибистер в полном боевом снаряжении, держа в руках шлем. На ее лице отражалась тревога за сестру, однако женщина-тан явно чувствовала себя здесь неуместной.

— Как она?

Уна бросила взгляд на остальных девушек и вышла на лестницу, набираясь решимости.

— Не очень хорошо, госпожа моя. Боюсь, ей не пережить родов, если скоро не появится ребенок.

— И ты не в состоянии ничего сделать? — побледнела Ибистер.

— Я дала ей зелье, которое вызовет схватки — оно поможет энергичнее толкать ребенка, — но у нее почти не осталось сил. Боюсь, нам надо готовиться...

Неожиданно на лестнице раздался голос пьяного воина:

— Ну как, ребенок родился? Бриджид! Бриджид, ты...

На последнем круге винтовой лестницы он столкнулся с таном, которая ударила его по лицу.

— Черт возьми, Алистер! Моя сестра борется со смертью!

— Про... простите, госпожа, — с трудом выговорил воин. — Я беспокоился...

— Только о себе и наследнике. Ты всегда плохо с ней обращался. Убирайся с глаз моих! Надеюсь, ты покажешь себя достойно на поле битвы.

Воин заковылял по ступеням вниз, Ибистер проводила его горьким взглядом.

— Она заслуживает лучшего, — тихонько проговорила тан.

— Это муж Бриджид? — удивилась Уна. — Он ни разу не навестил ее.

— Надеется, что ребенок сможет наделить его некоторой властью, вот и все.

Из комнаты донесся тихий стон, и Уна поспешно направилась обратно.

— Постой.

Она обернулась, ожидая упрека.

— Воины... они пьют перед битвой. Для многих эта ночь окажется последней, и совесть не позволяет мне останавливать людей. Думаю, разумно будет запереть дверь, чтобы кто-нибудь сюда не ворвался. Если будут новости... — Ибистер запнулась, — пошли мне весточку. Я с командующими на северной стене.

В полночь началась снежная буря. Вой ветра заглушал слабые стоны Бриджид — кричать у той не осталось сил. В комнате было совсем холодно — дрова закончились, а спуститься за новыми не представлялось возможным. Уна не позволяла отпирать дверь — уже дважды в нее молотили пьяные воины, уговаривая женщин выйти.

Роженица потеряла много крови, совсем ослабела и между схватками находилась в бессознательном состоянии. Сердце Уны наполняла горечь.

— Она замерзнет до смерти еще до того, как родится ребенок, — заметила Слезинка. — Я не выдержу. Она ведь умирает, да?

Уна легонько кивнула, и кто-то всхлипнул.

— Давай хотя бы устроим ее поудобнее.

Слезинка накинула свою шаль на плечи Бриджид, Гвен и Катлин последовали ее примеру. На мгновение воцарилась тишина, потом снова раздался стук в дверь.

— Впусти меня, проклятая колдунья! Что ты делаешь с моей женой? Приказываю немедленно впустить меня, черт бы вас побрал!

— Уна! — громко закричала Бриджид. — Уна! Вот он!

— Впусти меня!

Роженица громко закричала, и словно в ответ очередной порыв ветра распахнул окно, и в комнату ворвался снег.

— Ребенок... О боги великие, — вскрикнула Слезинка, и все женщины бросились к постели Бриджид.

Захлопнув ставни, Уна обернулась к своей подопечной. Что-то случилось. Женщины застыли в ужасе. Гвен прижала руку ко рту. Должно быть, младенец умер.

— С дороги, Гвен, — скомандовала Уна, отметая усталость и стараясь хранить спокойствие. — Нам нужно позаботиться о мате... О боги!

Без дальнейших слов, повитуха схватила ребенка и завернула его в первый попавшийся плащ.

— Слезинка, устрой Бриджид поудобнее.

Она отошла от кровати и с ужасом уставилась на сверток в руках.

Мальчик появился на свет изувеченным — ручки и ножки короткие, спинка искривлена, шея изогнута под ужасным углом. Уна едва не прокляла богов за то, что дали жизнь такому убожеству за счет матери. Глазки младенца были закрыты — он спал, не подозревая о происходящем вокруг.

— Уна. — К повитухе подошла Слезинка, на удивление спокойная. — Бриджид умирает. Она хочет подержать ребенка... — Девушка перевела взгляд на несчастное создание в руках повитухи и слегка вздрогнула.

— Дай мне еще два плаща. Быстро.

Они завернули ребенка в целую кучу тряпья, скрыв его тельце и оставив только лицо. Потом подошли к Бриджид, широко улыбаясь, и протянули ей малыша. Лицо матери осветилось радостью.

— Это мальчик, — с трудом выговорила Уна. Ей казалось, что в горле застрял огромный ком.

— Он не умер? Глазки закрыты...

— Нет, ребенок просто спит.

— Спит... — Бриджид умирала.

— О нет, — прошептала Слезинка.

— Не печалься, мне уже не больно. И даже тепло... Уна? Где ты? Я не вижу...

— Я здесь, Бриджид... — Девушка взяла ее за руку.

— Ты позаботишься о малыше?

— Я... Конечно, позабочусь...

Бриджид не стало.

Уна взяла ребенка на руки и с печалью поглядела на него. Завернутый в тряпье, он походил на любого другого новорожденного. Неожиданно малыш открыл полные веселья карие глазки. Она прекрасно знала, что все дети рождаются с голубыми глазами, не важно, какими они станут потом. Сама того не ожидая, Уна улыбнулась крохе.

— Вот возьми. — Гвен протянула ей подушку.

Девушка недоумевающе посмотрела на нее, не сразу поняв, что та имеет в виду.

— Что?

— Другого выхода нет.

— Открывай! Открывай, сучка! Где моя жена? Бриджид!

Женщины застыли на месте. Стук становился все громче, рано или поздно засов не выдержит. Потом раздались грязные ругательства.

Уна взяла подушку в руки.

— Тебе не кажется, что на сегодня смертей достаточно? — холодно спросила она.

— Гвен права, — высказалась Катлин. — Воины убьют... *это*, если увидят. Хуже приметы не придумаешь.

— *Это* — маленький человечек, — яростно проговорила Уна. — Вы не слышали, что я обещала матери заботиться о нем? Слезинка, ступай к тану. Больше ни с кем не заговаривай. Сообщи ей... что и мать, и ребенок погибли.

Женщины в ужасе уставились на нее.

— Уна, ты понимаешь, что делаешь?

Девушка посмотрела на маленькое сморщенное личико. Мудрые карие глаза улыбнулись ей.

— Ты был здесь раньше, малыш... — прошептала она, сама не зная почему.

— Уна?

— Ступай! — снова приказала повитуха.

Без дальнейших слов Слезинка отперла дверь и выбежала из комнаты. Гвен хотела было запереть за ней, но не успела. Внутрь протиснулся Алистер.

— Моя жена! Я хочу видеть жену!

Уна в ужасе юркнула за дверь.

Всех спасла Гвен. Загородив воину проход в комнату, она спокойно заговорила:

— Господин, мне жаль, но ваша жена умерла во время родов. Пожалуйста, дайте нам несколько минут, чтобы привести ее в порядок, и вы сможете попрощаться с ней.

— Хорошо, — грубо ответил Алистер. Он, похоже, не особо горевал. — А ребенок?

— Он... тоже умер. Будьте так добры, выйдите. Через минуту я вас впущу, и вы увидите Бриджид.

Воин отступил, позволив запереть дверь. В комнате воцарилась паника. Уна стояла в центре комнаты, раздираемая противоречиями. Гвен снова взяла в руки подушку, и повитуха, неверно поняв ее намерения, вскрикнула, прижимая к себе ребенка.

— Нет, — шепнула другая женщина, прижимая к губам палец.

Она подняла крышку деревянного ящика, положила внутрь подушку, а сверху малыша, а потом закрыла его. Следом за тем они расчесали волосы Бриджид, расправили простыню, собрались с духом и впустили вдовца. Он вошел, шатаясь. От него исходил запах пива. Уна почти пожалела его, но потом вспомнила, что стоит ему увидеть ребенка, как тому придет конец. Воцарилось долгое молчание, прерываемое только всхлипами Гвен и Катрин, оплакивающими свою подругу. Буря утихла, и первые лучи рассвета окрасили небо. Наконец Алистер заговорил:

— Где мой ребенок? Я хочу видеть сына.

— Это была девочка, — солгала Гвен, надеясь его отвлечь.

Он даже не скрывал разочарования.

— И все же хочу видеть ее.

Уна выступила вперед и поклонилась.

— Господин мой, ваша жена просила нас сжечь ребенка, чтобы их души соединились.

Алистер с подозрением покосился на очаг.

— Что-то он слишком чистый.

— У меня есть особые составы...

Он кивнул и направился к двери, но стоило его руке коснуться ручки, как от окна донесся тихий крик.

— Что за колдовство? — заорал Алистер, бросился к ящику и откинул крышку.

Увидев свет, ребенок заплакал еще громче и замахал коротенькими ручками, откинув одеяло так, что стало видно тело.

— Боги великие! — закричал воин, его лицо исказила гримаса отвращения. Он выхватил меч.

— Нет!

Не раздумывая, Уна бросилась к Алистеру и ударила его. Тот не ожидал нападения и отлетел назад, слегка задев девушку клинком. А потом так и застыл, глядя то на нее, то на ящик. Воспользовавшись моментом сомнения, Уна закричала, держась за порезанную кисть:

— Только через мой труп! Бриджид просила позаботиться о нем, и я выполню ее последнюю волю!

— Пожалуйста, забирай, — рявкнул воин. — Я от него отрекаюсь, это не мое.

Ребенок снова заплакал, Алистер выронил меч, закрыл лицо руками и выбежал из комнаты.

Сплошная готика, подумал Талискер, впервые увидев Сулис Мор. В предрассветном сумраке над снегом висел легкий туман, и черная громада замка будто плыла над белоснежной пустыней. Построенный из базальта, которым изобиловала северная земля, и покрытый льдом, замок казался продолжением скал,

высящихся слева и справа. С такого расстояния толпа покидающих город людей напоминала спокойную реку, утекающую в холмы, где стояли Талискер и Чаплин.

Порывы холодного ветра доносили детский плач и крики — то ли стоны умирающих воинов, то ли карканье воронов, кружащих над городом.

Мысли Талискера обратились к Фирр-Морриган — черной, зловещей птице. Память о ночи, когда она соблазнила его, а потом попыталась убить, все еще была подобна нагноившейся ране — тронешь, и с новой силой заболит. Но там, в Сулис Море, его ждала Уна, настоящая Уна, из плоти и крови. Он так нуждался в ней, что даже страшно становилось.

Малки поднялся на холм.

— Поехали?

Когда они приблизились, то услышали доносящиеся из городских ворот стоны умирающих воинов. Их никто не задержал. Навстречу попадались беглецы, которые откладывали уход до последнего из страха, любви или верности. У ворот стояли двое молодых часовых, сильно удивившихся, что кто-то пытается войти в город, обреченный на смерть. Талискер остановил коня и серьезно посмотрел на юношей. Он замотал лицо тканью, защищаясь от суровых ветров и снега, и виднелись только синие глаза. Ребята непроизвольно отступили назад, подтверждая догадку Дункана: столкновение с Фирр и путешествия между мирами сделали его взгляд огненным.

— Эй вы, там. — Чаплин остановил коня рядом с Талискером и бросил взгляд на друга. — Мы желаем видеть Уллу мак Фергус из Руаннох Вера. Вы знаете, где она?

— В з-западном крыле, господин, — запинаясь, проговорил юноша. — Она... она прибыла три дня назад. Я отведу вас к ней.

Улла сидела в темноте, слушая стоны умирающих. Ибистер вежливо приказала ей и Фер Криг оставаться в своих комнатах, и как дочь тана девушка понимала и уважала этот поступок. Слухи о возвращении героев достигли ушей воинов — их принесли жители Руаннох Вера. Перед битвой с кораннидами защитникам города не хватало только увидеть существ, больше всего похожих на призраков или ходячие камни.

Теперь прибывшие находились в погребе, который благодаря тишине напоминал склеп. Улле становилось не по себе от того, как герои прошлого лежат на земле без движения. Они ни о чем не просили, и лишь по маленьким облачкам пара, вырывавшимся из их ноздрей, можно было понять, что они все еще живы.

Тишина и монотонность дней подтачивали волю Уллы, лишали сил. Дом, Кира, ее мать Эрин, умершая много лет

назад, даже отец — который жив, но потерян для нее, — все мертвые казались ей более живыми, чем Фер Криг. В ее памяти они двигались, улыбались, смеялись так весело и радостно, что она плакала долгими часами.

— Леди Улла? — Тишину нарушил робкий стук в дверь. — Пришли люди, которые хотят вас видеть.

Сандро?.. Девушку порадовал бы даже Макпьялута, покинувший ее на полпути. Она непроизвольно поправила волосы, коснулась больной стороны лица, с ужасом осознав, что давно не пользовалась бальзамом и язвы снова воспалились от соли слез.

— Иду.

Девушка заковыляла к двери, упрекая себя за радость, с которой она ждала встречи с Чаплином, за то, что ноги подгибаются не только от боли. Память о том, как он отверг ее, по-прежнему больно жгла. Ей следует встретить его спокойно, слегка отстраненно...

— Да? — Она отперла дверь.

В проеме показался Чаплин, освещенный яркими лучами солнца. Улла неуверенно улыбнулась, но он раскрыл ей объятия, и она бросилась к нему.

— Кхе-кхе...

За спиной Чаплина стояли Малки и Талискер, явно уставшие и слегка удивленные теплой встречей Алессандро и Уллы.

Теперь, убедившись в дружбе Чаплина, девушка отступила на шаг и улыбнулась остальным путникам.

— Простите меня. Надеюсь, ваши поиски были успешны?

— Время покажет, леди Улла, — тихо и мрачно ответил Талискер. — Мы отыскали Рианнон, но кто знает, как она поступит?

В его словах звучали тоска и неуверенность.

— Идемте же, — сказала девушка так радостно, как могла среди криков умирающих. — Сандро, быть может, ты разведешь огонь, и мы разогреем немного меда?

Они сели у очага и принялись рассказывать друг другу, что произошло с ними за последние недели. Чаплина удивило отсутствие Макпьялуты, но Талискер сказал:

— Он отправился за Бразнаиром. Никогда не доверял проклятому орлу.

— Думаешь, принц убьет Деме? — нахмурился Малки.

— Кто знает? Он способен на убийство женщины.

— Так только говорят, Дункан. Помнишь Тайнэ? Наверное, не зря она была о нем такого высокого мнения.

— Кто такая Тайнэ? — спросила Улла.

— Не важно, — ответил Талискер. — Малки прав. Мы знаем лишь сплетни, ходящие среди сидов.

— Как идет битва, Улла? — задал вопрос Чаплин. — Тебе рассказывают, что происходит?

— Нет. Началась на рассвете, и, судя по шуму, все не слишком хорошо. Я уже узнаю звуки. С тех пор... — Ее голос прервался.

— Да, а наши великие герои прошлого отменно выспятся в подвальчике, — покачал головой Малки.

— Война не окончена, — тихо проговорил Чаплин.

— Ну, Дункан, и что нам теперь делать? — спросил Малки.

— Что хочешь, — ответил Талискер. — Я твой друг, не больше, и не собираюсь звать в чужую битву.

— Битва не чужая, — сердито возразил горец. — Я ведь здесь, верно? И ты тоже. Нельзя притворяться, будто происходящее не имеет к нам никакого отношения. Только не сейчас. Как насчет Тайнэ? И всех, кто погиб... матерей с детьми в Руаннох Вере? — Малки все больше злило равнодушие друга. — Ты считаешь, что сделал свое дело, раз доставил Бразнаир к Белой Орлице и поговорил с Рианнон? Но нельзя же равнодушно смотреть, как мир вокруг горит! С тем же успехом ты мог оставаться в тюрьме, а я — там, где был...

Талискер осушил чашу меда. Синие глаза опасно вспыхнули, и на мгновение Чаплину показалось, что он ударит Малки. Горец, казалось, не понимал, что ему грозит. Улла поспешила вмешаться.

— Талискер, — начала она, — прибыв сюда, я послала вести Уне, как ты и просил, но не знаю, дошли ли до нее мои слова. Мне сообщили, что она ухаживает за беременными женщинами в западной башне. Паренек, который приносит еду, сказал сегодня утром, будто у них что-то стряслось, но я не знаю, что именно.

В голове Дункана пронесся вихрь образов. Уна рядом с ним с жестокой улыбкой на окровавленных губах. Нет, то была не она. В его встревоженные мысли легким перышком проникло воспоминание, веселый, радостный смех Уны. Теплый и...

— Уна? С ней что-то случилось? — Он будто очнулся от сна. — Где она?

Крики, звон мечей, вопли — все это напоминало Руаннох Вер, только на сей раз зрение не мутил алый туман и в кровь не хлынул адреналин.

Талискер стоял на винтовой лестнице и оглядывал царящее вокруг разрушение, позабыв о желании добраться до Уны. Победы быть не могло. Черные тени кораннидов затмевали весь блеклый пейзаж отравленных земель. Сколько хватал глаз, они бесконечными черными волнами накатывали на укрепления.

Вверху парили бултари, те самые твари, которые жестоко ранили Мирранон, — теперь они заслоняли собой небо. Стены до сих пор не пробили, но толку с того было немного — летающие враги спускались вниз с безжалостной точностью орлов, накрывали жертву кожистыми крыльями и взлетали, оставляя за

собой трупы воинов-феинов. Убивали они беззвучно, однако на лету издавали пронзительные вопли. Талискер понял, что они страдают. Свет причинял им боль, отравлял их темные души. Из какого бы угла Ничто ни вытянул Корвус бултари, они пришли не по своей воле. Эти твари ненавидели все живое.

Коранниды, похожие на смутные тени людей, штурмовали стены с помощью стволов деревьев и веревок. Они не делали ничего, чтобы помочь своим товарищам, и Талискер в очередной раз отметил, что это не армия в обычном смысле слова, а скорее туча бессмысленных демонов, жаждущих только убивать.

Было очевидно, что коранниды победят феинов, и мешало тому лишь то, что им требовалось взобраться на стены. Никогда, даже в Руаннох Вере, не видел Талискер такого отчаяния. Мужчины плакали, сражаясь, и не стыдились слез, проклятия и крики мешались со стонами умирающих. Трупы убитых кораннидами заполняли все вокруг, и живые наступали на них в безумии битвы или даже использовали тела как щиты, чтобы отгородиться от врагов.

Те же, чья смерть ворвалась изнутри, лежали изувеченными грудами, оплетенные черными щупальцами. Талискер видел призрачные образы, стонущие от осознания ужаса своего жребия, невозможности покинуть мир. Здесь не было места ни доблести, ни подвигам, как в Руаннох Вере, только запах крови, желчи и смерти. Дункану вспомнились Фирр и черный кошмар ее души. Кошмар, ставший плотью.

— Ты! Да, ты!

Талискер обернулся и увидел невысокую мускулистую женщину с длинными рыжими косами, которая махнула в его сторону мечом. Она была забрызгана кровью и тяжело дышала, но в глазах сверкала боевая ярость, знакомая Дункану. Ибистер сплюнула и вытерла щеку перчаткой, размазав кровь так, что лицо стало напоминать страшную алую маску.

— Сегодня неподходящий день для трусливых ублюдков. Если боишься сражаться, помоги раненым и умирающим.

Она повернулась к бросившемуся на нее кораннидy.

Талискер понимал, как выглядит в глазах женщины. Он не двинулся с места — ужас битвы словно приковал его к месту. Потом на сражающегося тана напал еще и бултари, и Ибистер закричала — не от страха, а от ярости. Сбросив оцепенение, Дункан прыгнул вперед и полоснул серую тварь мечом. Удар пришелся в крыло, поранив сочленение с позвоночником. Из пореза хлынула тускло-желтая жидкость, но тварь не отступила.

Ибистер расправилась с кораннидом, снеся ему голову с плеч точным и сильным ударом, и обернулась к Талискеру — бултари раскрыл мощные крылья, поймал руку воина в начале замаха и выбил из нее меч. Талискер закричал, когда в предпле-

чье вонзился острый коготь на кончике крыла. В когтях твари сверкал серебряный клинок, и Дункан не мог вырваться из смертоносных объятий.

Ибистер выругалась — противники стояли слишком близко друг к другу, чтобы нанести колющий удар, а ей приходилось сразиться с еще одним кораннидом, чтобы добраться до бултари. Но когда тварь костлявой рукой потянула Талискера за рубашку, все ближе к сверкающему лезвию, тан рассекла отвратительную морду мечом, и из нее хлынула желтая слизь.

На окровавленном лице Ибистер появилась слабая улыбка.

— Значит, ты все-таки умеешь обращаться с оружием.

— Что... — начал Дункан, но не успел закончить — к ним бросился один кораннид, затем другой...

Так Талискер оказался втянут в битву, и глаза ему снова застлал красный туман. Начался день крови.

ГЛАВА 23

Крылья орла дрожали от напряжения. Ему повезло. Северный ветер, Салкит, поднял его высоко-высоко. Так высоко, что полет стал беззвучен, будто серебристо-голубое воздушное царство не принадлежало ни одному миру, а он, Макпьялута, Призрачный Охотник, принц сидов, перемещался в пустоте, как маленькое пятнышко в холодном сумраке. Коричнево-золотистые перья покрыл иней, хрупкий, как стекло. В когтях орел сжимал Бразнаир, и последние лучи солнца пронизывали камень, бросая на облака зеленые блики.

Он знал, что не долетит. Скоро крылья откажутся служить ему, и он камнем рухнет вниз. Позорная смерть для народа Макпьялуты... И все же принц летел вперед, и его тоскливый пронзительный крик заполнял безграничную белую пустыню.

Коранниды отступили с темнотой, однако феины еще раньше были вынуждены укрыться за вторым кольцом городских стен, бросив припасы и множество коней в стойлах. Теперь измученную армию Ибистер отделяло от осаждающих полмили. Утомленные битвой мужчины и женщины прислонились к холодным камням стены и горько плакали, слыша перепуганное ржание убиваемых лошадей.

Одна женщина-воин, которой Талискер помог во время битвы, не выдержала и с криком бросилась вперед, охваченная яростью. Ее левая икра была поранена, но она не обращала

внимание на боль и все выкрикивала и выкрикивала имя своей лошади. Ближайшие к ней попытались остановить безумную... Она вырвалась, и все смотрели будто завороженные, как женщина исчезла за грудами обломков, которыми завалили ворота. Воцарилась тишина, и воины, которые думали, что их уже ничто не может тронуть, затаив дыхание, смотрели ей вслед.

И, чудо из чудес, она вернулась, идя куда медленнее — видно, ее силы совсем иссякли. Женщина вела напуганного черного коня. Их догоняли трое коранидов. Храбрость женщины так вдохновила, что ей на помощь бросилась небольшая группа воинов, а другие поспешно заделывали пролом. Коранидов окружили и уничтожили — феины выплескивали накопившуюся ненависть. Никто не упрекнул женщину за безрассудство — воины всегда сражаются со страстью, порой приводящей к печальным последствиям.

Талискер и Чаплин молча смотрели на это, прислонившись, как прочие, к холодным камням. Оба понимали глупость подобного поступка — ради жизни одной лошадки поставили под удар людей, но Алессандро улыбался, глядя на воинов, собравшихся вокруг коня и гладящих его по спине.

— Они и нас вырежут, как лошадей, — мрачно произнес Талискер. — Это всего лишь вопрос времени.

— Что? — переспросил Чаплин.

— Время, — повторил Дункан. — Всего лишь вопрос времени.

— Ты видел... — Алессандро умолк, не понимая, почему ему захотелось задать такой вопрос и как на него может отреагировать друг.

— Фирр? Нет. Думаю, она сделала со мной все, что смогла. В сущности, виноват Корвус. Ей наплевать, ее это не интересует... Сандро?

— Да?

— Я все еще вижу их, понимаешь? Мертвых. Как вижу жизнь людей, касаясь их. Они все еще здесь, вокруг нас, все еще кричат в отчаянии.

— Надеюсь, нам помогут Рианнон с Кернунносом.

— А чего они ждут? Может, они не явятся вообще. Рианнон ведь как дитя. Наверное, уже позабыла обо всем.

— Почему бы тебе не отыскать Уну? Побудь с той, которую любишь.

Талискер обернулся к нему в наступающей темноте, пытаясь взять себя в руки.

— Я не могу. Я...

— Дункан! Сандро! — К ним подбежал Малки. Удивительно, подумал Талискер, откуда у него столько сил? —

Один из часовых сообщил, будто видел в небе зеленую вспышку. — Он указал на юг. — Как ты думаешь, это не Бразнаир случайно?

Талискер поднялся.

— Пойдем посмотрим.

Они нашли его в миле от южных ворот Сулис Мора. Макпьялута упал с небес. Кровь лилась из ран, и он не смог удержать обличье орла — вновь стал воином сидов. Принц лежал в узкой расселине со сломанными руками и ногами, изогнувшись под таким углом, что было ясно — позвоночник тоже сломан. Несмотря на сильную боль, он оставался совершенно спокоен и даже улыбнулся, увидев спускающихся по камням людей.

— Белая Орлица предсказала ваш приход. Остальное за тобой, Талиис-кер. — Он произнес имя так, как оно звучало в легендах сидов.

— Но ведь Белая Орлица мертва? — удивился Малки. — Разве нет?

— Она летит, летит в Лизмаир.

— А где Деме?

— Ее убил Эскариус, из-за Бразнаира. — Макпьялута закрыл глаза, чувствуя, как убывают силы.

Талискер опустился рядом и заглянул в окровавленное лицо.

— Макпьялута, где Бразнаир?

— Вот он, — ответил Чаплин.

Снег рядом с Макпьялутой озаряло теплое зеленоватое сияние. Дункан обернулся было к камню, однако принц с неожиданной силой притянул его к себе.

— Подойди ближе. Я хочу поведать тебе повесть сидов, чтобы все знали о наших деяниях. Без нас феины исчезли бы...

— Может... — начал Малки, но Талискер поднял руку, призывая того к молчанию.

Макпьялута положил руку на грудь Дункану там, где билось его сердце.

— Чувствуешь? Ты чувствуешь, как бьются сердца сидов?

Талискер непроизвольно закрыл глаза.

Он видел. Он чувствовал. В теплом сиянии Бразнаира он перенесся в Лизмаир. Все звери жили одним народом, мирно и счастливо. Только собравшись там, могли сиды принять свое истинное обличье, и Талискер понял, что вся радость их бытия сосредоточена в звериных образах — все знание, видение жизни и красота мира. Человеческий облик — лишь тень сида, и все же они жили в Сутре почти все время именно в виде человека, потому что старались дружить с кланами феинов, которые инстинктивно не верили медведям и волкам и лишь чуть лучше относились к рысям и орлам. Лизмаир же оставался домом их душ.

Донесся голос Макпьялуты, произносящий слова пророче-

— Когда появится Талискер, вперед выйдут орел, медведь, рысь, волк и орел. Круг душ замкнется, и путь в Лизмаир будет открыт. Сиды станут свободны. Бразнаир...

Макпьялута умер, познав правду и сам став свободным. Талискер обернулся к Малки и Чаплину. По его лицу струились слезы.

— ...заберет их домой, — закончил он за принца. — Бразнаир заберет их домой.

— Что ты видел, Дункан? — спросил Малки.

— Их пророчество. Они неверно понимали его. Оно говорило о том, что нужно оставить прошлое за спиной, что Сутра их новый дом. «Вперед выйдут орел, медведь, рысь, волк и орел...» Речь шла о порядке смертей. Они верят, что их души возвращаются в Лизмаир. Мирранон, Тайнэ, Деме, Эскариус — его убил Макпьялута, — а теперь и сам Макпьялута.

— Деме?

— Да. Они все умерли, чтобы мы нашли Бразнаир и спасли феинов, даже если не знаем, как это сделать. Даже если нас покинули боги. — Он поднял камень, который передал ему Чаплин, покрытый кровью и снегом. — Видите, на нем засохла кровь. Он проклят...

Талискер вновь устремил взгляд в расселину.

В подвале, где спали Фер Криг, происходил разговор, который вряд ли смогло бы уловить человеческое ухо. С каждым словом беседа становилась все громче, и тени в углах комнаты принимали все более определенные очертания, пока наконец из стены не вышли две фигуры. Они спорили.

— Повторяю, Рианнон, я не в с силах разбудить их без камня. Как ты могла предложить мою помощь, не поговорив для начала со мной? Это же вопиющая глупость!

Рианнон изобразила на лице раздражение.

— Кернуннос, ты бог. В твоих руках жизнь и смерть, ты повелеваешь душами умерших. И что ты мне говоришь?

Кернуннос стоял около каменной плиты, на которой лежал Уисдин. В холодной темноте комнаты он напоминал огромную тень, лишь ярко сверкали зеленые глаза.

— Ты видишь, что здесь происходит? Корвус бросил мне вызов. Коранниды похищают души феинов, и с каждой новой смертью он становится сильнее, а мы — слабее. Но ты ведь никогда не понимала всех хитросплетений игры богов, верно?

— Мне не нравится твой покровительственный тон, брат, — разозлилась Рианнон. — Ты тысячу лет сидел в темноте, забирая души уставших феинов, и так же виновен в их бедах, как и я. Смотри, до чего дошло. Неужели ты не в силах вернуть к жизни пять людей?

— Я уже вернул их к жизни, Рианнон, — произнес Кернуннос терпеливо, будто объясняя простейшую вещь ребенку. — Сеаннах Алессандро Чаплин обратился ко мне, прочтя «Ур Сиол», и я не смог отказать ему.

Рианнон изумленно покачала головой.

— Неужели мы с тобой бессильны? А что, если бы у нас был камень? — Воцарилась тишина. — Ну?

— Это было бы и хорошо, и плохо. Да, я смог бы возродить этих пятерых и даровать покой душам убитых кораннидами...

— Но? — раздался голос Чаплина.

Они с Талискером стояли в дверном проеме. В непосредственной близости от богов, создавших его, в мешочке на поясе Талискера ярко сиял Бразнаир.

Кернуннос обернулся к смертным и кивком приветствовал Чаплина.

— Но Корвус будет освобожден. Силе Бразнаира есть предел, как знают иные, искавшие его. Если использовать ее на что-нибудь иное, оковы Корвуса падут. Он окажется здесь во плоти.

За стеной раздался пронзительный крик воительницы, павшей жертвой кораннида. Талискер вглядывался в бога, пытаясь различить его размытые черты. Только зеленые глаза казались настоящими.

— Что ж, сделай это. Если он явится во плоти, мы убьем его. — Дункан кивнул в сторону спящих фигур Фер Криг. — Может, они нам пригодятся.

Он достал Бразнаир и кинул камень через комнату Кернунносу. Глаза бога одобрительно вспыхнули изумрудным огнем.

Талискер натянул поводья и застывшим взглядом посмотрел на зеленые ворота Сулис Мора, ожидая, пока они откроются. Наконец-то он чувствовал, что все в порядке. Скоро ему предстоит встреча с Королем-Вороном.

Колени слегка подгибались, по телу ползала противная дрожь, однако он больше не боялся. Три дня он смотрел, как мужчины и женщины погибают в страшных мучениях, и в его сердце горела ярость. Корвус — не только бог зла, но еще и отвратительная, лживая, трусливая тварь. Бесчисленные волны кораннидов, разбивавшиеся о гранит цитадели, свидетельствовали о том, что Корвусу не хватает смелости выйти самому. В Фирр по крайней мере чувствовалась какая-то темная, извращенная тяга к людям, а ее брат вел холодную жестокую игру, граничащую с безумием. Теперь у Талискера были личные счеты с Корвусом.

— Запомните, — раздался голос Рианнон. — У меня не хватит сил защищать вас долго. Вы должны добраться до места как можно быстрее.

— Хорошо, госпожа. Мы ждали этого дня, — ответил ей Уисдин.

Оживленные Фер Криг готовились ехать следом за тремя пришельцами из другого мира. Кернуннос разбудил героев при помощи Бразнаира, и в тот же миг огромный столб света разорвал небеса к северу от Сулис Мора — вернулся Корвус. Его служители не начали с утра атаку, как обычно, а замерли — очевидно, ожидая приказаний. Немногие оставшиеся в живых феины радовались передышке, хоть она и не сулила ничего доброго. Цитадель затопило отчаяние; лишь частично снятое появлением героев.

Талискер видел Уну. Встреча получилась короткой и невнятной. Оба были измотаны и физически, и морально. Они просто стояли обнявшись посреди кухни и молчали. Люди проходили мимо, не обращая внимания; подобные сцены приходилось видеть довольно часто — прощаясь, люди всякий раз думали, что навсегда.

Им хотелось так много сказать, и все же они не говорили ни слова. Талискер зарылся руками в ее волосы и уткнулся лицом в шею. Она не то всхлипнула, не то рассмеялась. Потом Талискера окликнули. Дункан не сказал «прощай» — ни один из них не мог слышать это ненавистное слово.

— Ты как? — спросил Малки.

Он сидел на коне слева от Талискера, Чаплин — справа. Оба наотрез отказались оставаться в цитадели. Дункан был страшно благодарен им за это и стыдился своей радости, ведь они скорее всего шли на верную смерть.

— Просто отлично. Слушайте, вам не обязательно ехать со мной, особенно тебе, Сандро. Теперь ты сеаннах.

— Помнишь, что ты говорил начет извинений? И был совершенно прав. «Прости» — всего лишь слово. Мы ведь друзья, правда?

Талискер обнял его, потом перевел взгляд на Малки, стараясь задушить в себе несвоевременные эмоции.

Раздался гулкий звук, похожий на далекий раскат грома, и ворота начали открываться. Трое как один пришпорили коней, и каждый надеялся, что храбрость не оставит его.

Корвус мерил шагами покои, которые сам себе создал. Он использовал единственные доступные ему материалы — грязь и торф, даже не заметив, что новые покои почти в точности повторяют его тюрьму. Слуаг сидел на спинке трона и смотрел на хозяина.

— Сюда идет Талискер. Она могла убить его, но нет, теперь он идет сюда. — Корвус умолк. — Что я такое говорю? Всего лишь смертный. Какая мне разница? Пусть приходит... Но почему именно этот человек, Слуаг?.. — Неожиданно бог зла широко раскинул руки. — Смотри, я свободен! — Он распахнул дверь комнаты и остановился на пороге.

К нему ковылял кораннид — огромный, не очень напоминающий человека. Корвус задумчиво прищурился.

— Вы остановили наступление. Зачем? Продолжайте. — Он захлопнул дверь.

— Корвус. — В углу комнаты появилась тень.

— Фирр, проклятая шлюха, куда ты пропала?

— Можно сказать, что я делаю ноги, братец. — В ее голосе не звучало упрека, но что-то в поведении богини настораживало.

— Я свободен, Фирр, смотри! — похвастался Корвус.

Она устремила взгляд на брата, воссевшего на трон, и насмешливо улыбнулась.

— Я тоже. Собственно, я пришла предупредить: убирайся отсюда. Отзови кораннидов. Что-то надвигается...

— Он всего лишь смертный.

— Беги, Корвус!.. Прощай, брат.

— Фирр, подожди!

Она исчезла.

ГЛАВА 24

Когда всадники почти пересекли равнину, коранниды двинулись вперед. Сначала те не обращали на группу внимания — щит Рианнон если не скрыл их от глаз врагов, то сделал менее привлекательной добычей. Маура и Конниер воспользовались долгожданной возможностью убить нескольких тварей и испытывали огромную радость, когда ненавистные коранниды падали под ударами мечей. Уисдин и Рагнальд вторили им, однако Кентигерн молчал и то и дело бросал взгляды по сторонам, не полагаясь ни на удачу, ни на защиту Рианнон.

Талискера тоже злила беспечность молодых воинов.

— Ради Бога, приберегите силы на другое. Оглядитесь. Вы многих убьете?

Темные ряды противника простирались сколько хватал глаз. Маура и Конниер вложили мечи в ножны, хотя воин плюнул в сторону Талискера. Тот не ответил, но отвернулся. Они продолжили путь в тягостном молчании.

— Талискер, смотри. — Чаплин указал на небо.

На солнце пала тень, как будто кто-то откусил кусок. Позади виднелась еще одна, менее различимая. Воины обнажили мечи, а Алессандро непроизвольно перекрестился.

— Всего лишь затмение, — сказал Дункан. — Не бойтесь. Просто пересеклись пути солнца и луны. Через несколько

минут стемне... — Он умолк, бросил взгляд на Чаплина, не сводившего взгляда с небесного светила, и снова внимательно пригляделся к происходящему. За бледно-желтым шаром виднелась тень огромной планеты или даже звезды. — Все равно затмение.

— Да, наверное. Просто... страшное зрелище. — Полицейский обернулся к Кентигерну. — Вам не стоит смотреть на это — глаза заболят.

Старый воин кивнул и передал слова Чаплина другим.

— Поехали, — сказал Талискер, — или нам придется сражаться в полной темноте.

Он пришпорил коня, поборов желание еще раз взглянуть вверх. Дункан понимал, что даже себя не слишком убедил.

Рианнон тоже смотрела на небо и ругалась. Когда такое случилось в последний раз... Она понимала, что ее щит того и гляди исчезнет, и всадники окажутся беззащитны.

Становилось все темнее. Они ехали вперед, и на сей раз тишина отдавала страхом. Слышался только приглушенный стук копыт. В сумраке беззвучно проносились мимо коранниды, отбрасывая черные тени.

Неожиданно тишину нарушил крик, напугавший и всадников, и лошадей. Маура. Из нее и из ее коня вырывались черные отростки.

— Маура! — Конниер поскакал назад, туда, где рухнул на землю ее конь, и прикончил ее.

— Вернись! — завопил Малки. — Мы не должны разделяться!

Чаплин понял, в чем дело.

— Мы вот-вот лишимся щита Рианнон! Скорее!

Всадники пришпорили лошадей. Кентигерн поравнялся с Талискером.

— Мы здесь, чтобы защищать тебя, — проговорил он. — Оставайся между нами.

Они с Конниером поскакали по сторонам от Чаплина и Малки, а тыл прикрывали Уисдин и Рагнальд. Всадники мчались навстречу надвигающейся мгле. Талискер смотрел вперед неподвижным взглядом, и мир ограничился узкой полосой, видимой между ушей лошади. Тошнотворный желтый свет душил, казалось, что звуки доносятся как бы издалека и все происходит не по-настоящему. Страх огромным комком притаился в груди.

— Корву-у-ус! — заорал Талискер. — Я иду за тобой! Проклятый ублюдок!

— Стой! Дункан, стой!

Кто-то потянул за поводья, и лошадь Талискера резко остановилась.

Он стоял над пропастью, точнее, на краю огромного кратера шириной в милю. От кратера несло гарью, местами земля все еще дымилась. В центре возвышалось некое строение, само воплощение хаоса. Грязь и торф образовали дом, живущий своей жизнью.

— Где Конниер?

Малки печально пожал плечами.

— Он не дожил до этой минуты, Дункан.

Талискеру припомнился молодой воин. С первого взгляда он казался очень заносчивым, но на самом деле был веселым и приветливым. Хоть Дункан и знал, что Фер Криг здесь только чтобы «свести счеты», он все же печалился, что не узнал Конниера ближе. Так и работал Корвус. Даже не противодействовал жизни. Просто крал души.

— Давайте спустимся, — сказал Талискер. — Там меньше кораннидов.

Пришлось идти пешком, лошадей привязали к остаткам одинокого дерева.

— Слишком тихо, — проговорил Кентигерн. — Должно быть, нас ждет ловушка.

— Да, — прошептал Малки. — Но выбора нет.

Над ними пролетел ворон, и из дома донесся зловещий смех.

Под стенами Сулис Мора битва ненадолго затихла. Все оставшиеся в живых феины — двести тридцать мужчин и женщин — стояли на укреплениях и смотрели на умирающее солнце. Никто не впадал в панику, но многие плакали, и среди них Ибистер. Наступал конец света, и она потеряла все: сестру, армию, крепость, которая теперь лежала в руинах...

Кто-то положил ей руку на плечо, и, вместо того чтобы сбросить ее, как она поступила бы в обычных обстоятельствах, тан обернулась и увидела лицо Уллы ап Фергус.

— Кузина, если наступает конец, то мы, феины, должны встретить его с достоинством.

Когда воцарилась тьма, они вместе вошли в здание. Уисдин, Кентигерн и Рагнальд остались у дверей с мечами в руках, на случай если это ловушка. Талискер, Малки и Чаплин отправились внутрь.

— Не разделяться, — шепнул Талискер.

Неожиданно вспыхнул свет — не бледно-желтый отблеск умирающего солнца, а ослепительно белый. В центре просторной комнаты высилось дерево, ветви которого касались потолка. На ветке сидел огромный ворон, а у подножия ствола — человек. На нем был шотландский плащ, такой же белый, как все вокруг, скрепленный огромным зеленым камнем, ярким, как Бразнаир. Синие, как у сестры, глаза сверкали.

— Корвус, — выдохнул Талискер.

Как только слово слетело с его губ, комната погрузилась во тьму. Потеплело, ноздрей коснулся странно знакомый запах.

— Сандро? Малки? Вы еще здесь?

— Да.

— Ага.

— Говорите, чтобы я понял, где вы.

Тишина.

— Вы меня слышите?

Тишина.

Раздался шелест, и Талискер шагнул вперед. Что-то хрустнуло под ногой.

— Ну же, Корвус, покажись, — пробормотал он.

Дункан поднял меч, готовясь сражаться. По лицу тек пот, поскольку в комнате стало невыносимо душно.

— Сандро? Малки?

Ответа по-прежнему не было. Только дразнящее эхо голоса, в котором слышались первые нотки паники.

Свет. Ужас. Повсюду лежали трупы мужчин и женщин феинов, которых пожирали огромные насекомые, похожие на мух. Из гниющей плоти выползали черви. Талискера чуть не вырвало, но он вовремя рубанул мечом, когда одна из тварей бросилась на него.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой... Малки! Куда ты запропастился?

Ответа не было. Дункан двинулся вперед, туда, где, как он думал, сидел Корвус. Под ногой снова что-то хрустнуло, и разнесся запах тления. Это иллюзия, уверял он себя. Не верь глазам своим. Слева от него огромная черно-желтая оса откладывала яйца на труп орла-сида.

Корвус явно играл на подсознательных страхах Дункана. А тот совершил ошибку: посмотрел себе под ноги и едва не упал — там лежал мертвый Чаплин. Голова полицейского была свернута набок, глаза широко раскрыты и полны ужаса. Внутри тела что-то шевелилось, готовясь вылупиться.

— Нет! — закричал Талискер. — Если бы Сандро умер, я бы узнал. — Он смутно понял, что сказал нечто важное.

— Дункан? — раздался слабый, но узнаваемый голос с сильным шотландским акцентом. — Я здесь, слева от тебя. Но Сандро вряд ли слышит твои мысли. Когда я в последний раз видел его, он был справа от тебя...

Дункан открыл глаза, посмотрел налево, где гигантская оса отложила яйца, и шаг за шагом двинулся туда. Оса заскрежетала крыльями. Талискер остановился.

— Малки, я думаю, они могут ранить меня.

— Да, и убить тоже.

— Приятно услышать слово ободрения.

Талискер выхватил меч, и огромная тварь резко взлетела, показав брюшко, из которого вышло жало размером с клинок. Дункан отскочил в сторону, поскользнувшись на гное, что покрывал пол, и оса пролетела мимо, гудя, как вертолет.

Талискер с трудом пополз к трупу орла, хотя каждая клеточка тела отчаянно протестовала и приказывала ему бежать. Тварь развернулась и устремилась назад, желая защитить свою кладку. Дункан резко ударил вслепую, отрубив нижнюю половинку тела. Верхняя продолжала ползти к нему. Талискер снова полоснул ее мечом, однако ноги твари продолжали дергаться. В ужасе он наносил удар за ударом.

— Она не может тебе ничего сделать, — окликнул его Малки.

Дункан снова направился к орлу, который кишел личинками. Неожиданно из груди мертвой птицы возникла рука. Талискер испуганно замер.

— Возьмись за нее, дурень, это я, — снова раздался голос горца.

Он уже было потянулся к ней, но его охватили подозрения.

— Малки?

— Ну?

— Как я...

— ...можешь убедиться, что это не ловушка? Никак. В настоящий момент выбора у нас нет, верно?

— Вот дерьмо.

Борясь с подступающей дурнотой, Дункан ухватил протянутую руку.

Воцарилась тьма.

— Малки?

— Да?

— Скажи мне, что я держу за руку тебя.

— Да, глупышка.

Несмотря на все, Талискер улыбнулся во тьму. Он чувствовал, что его друг тоже ухмыляется со своим всегдашним оптимизмом.

— Это еще не значит, что мы помолвлены.

— Нет. Просто держись, чтобы нас не смогли разделить.

Затем пол ушел из-под ног.

Снаружи, за дверями, Кентигерн мрачно посмотрел на своих товарищей. Изнутри доносились звуки борьбы, усиленные пещерным эхом.

— Не знаю, как вы, парни, но если там Корвус, то я хочу отправиться внутрь, а не торчать тут, как пугало. Он нам кое-что задолжал.

— Ты прав.

Трое воинов вошли в пещеру.

* * *

Уна в первый раз посмотрела на север. Пока она заботилась о беременных, ей запрещалось выходить наружу, однако теперь девушка стояла на укреплениях вместе с народом своего клана, выжившим в Руаннох Вере, и смотрела на небо, держа в руках сверток. Она решилась вынести ребенка, хорошенько запеленав его, чтобы скрыть изуродованное тельце. Если им и в самом деле предстоит умереть, когда солнце навсегда исчезнет, лучше ему быть с ней. Если же они выживут, то каждому феину стоит быть свидетелем такого чуда. Кажется, пошел снег — становилось холоднее, — но она, как и все прочие, не двинулась с места.

— Леди Уна? — Рядом стоял Алистер. Он был трезв и мрачен, как и остальные, и смотрел на ребенка в ее руках. — Я должен извиниться перед вами. — Она хотела было заговорить, но он продолжил: — Понимаю, вследствие какой-то ошибки мне показали не моего ребенка; вы же объяснили, что дитя Бриджид погибло во время родов. Простите, я вас обидел.

Уна изумилась. Он явно убедил себя в том, что это правда, и хотя ее страшно разозлило такое лицемерие и захотелось швырнуть в него ребенка с криком «Смотри, вот твой сын», она сдержалась.

— Да, сэр. Именно так.

Алистер еще раз бросил взгляд на ребенка.

— Этому младенцу лучше бы не рождаться. — Воин кивнул на пропасть.

— Но он родился, — улыбнулась Уна. — И выжил в отличие от бедной матери. Его зовут... Тристан.

— Это значит «грусть», — промолвил воин и ушел.

Уна увидела в черном небе смутную тень — над ними пролетел призрачный белый орел. Она улыбнулась, подумав, что надежда все еще есть.

Они падали недолго и вскоре рухнули на каменный пол в нижней комнате. Малки выругался.

— Дункан, по-моему, я сломал ногу. Ох, как же больно. Дункан, ты все еще тут? С тобой все в порядке?

— Да, просто несколько синяков. — Талискер взял холодную руку горца. — Нас хотят разделить... Идем. Ты можешь встать?

— Да. Наверное, я все-таки не сломал ее. Хотя болит ужасно. Проклятый ублюдок. Почему бы ему не убить нас своим колдовством? Неужели не может ударить в нас молнией или какой-нибудь другой штукой?

— Не знаю. Может, ему, как и Рианнон, мешает затмение или просто любопытно.

— Если он тянет время, пока к нему не вернется сила, то нам лучше побыстрее отыскать Сандро... Что это? Ты слышал?

Раздался странный звук, и снова стало светло.

У правой стены виднелись две твари — полуженщины-полузмеи, и они поползли к друзьям. Малки и Талискер невольно отступили.

— Эй, Дункан, что нам теперь делать?

— Поторопиться. Они появились оттуда, так что скорее всего Сандро там. — Талискер выхватил меч и бросился к ним.

— Они опасны, — слабо возразил Малки, послушно обнажая клинок.

Талискер ударил ближайшую тварь, но она неожиданно выхватила из-за спины копье и одновременно хлестнула его хвостом, едва не попав по лодыжке. Он с воплем отскочил назад.

— Не давай ей сбить тебя с ног, Малки, или тебе конец.

Горец схлестнулся со второй противницей. Она сражалась молча, только хвост шуршал по земле.

Талискер оттеснил тварь к стене. Как ни странно, лицо ее оставалось спокойным, и противница то и дело улыбалась, отбивая удары и стараясь изо всех сил убить его. Дункан чувствовал легкое возбуждение. Говорят, такое часто бывает у воинов перед битвой и после нее, но никогда во время. Женщина-змея улыбнулась, и он на мгновение расслабился.

— Дункан!

Его оттолкнули в сторону и швырнули на землю. Подняв глаза, он увидел, что тварь обхватила Малки смертоносными объятиями и склоняется к нему, приоткрыв рот, из которого показался раздвоенный язык.

Талискер попытался встать, однако поскользнулся в луже крови другой твари, убитой другом. Схватив ее копье, он швырнул его изо всех сил. Направленное отчаянием древко полетело точно в цель и вошло в бедро женщины-змеи, сильно ранив ее. Воспользовавшись тем, что она на мгновение разжала объятия, Малки откатился в сторону, схватил меч и разрубил противницу пополам. Потом посмотрел на нее в ужасе, и его вырвало.

— Малки, — выдохнул Талискер. — Нам надо бежать, пока не кончилось затмение. Вперед, а то он еще что-нибудь выдумает.

Они бросились в дальний конец комнаты, но, не добегая до стены, остановились.

— И что теперь? — пробормотал Дункан. — Сандро, ты меня слышишь? Если да, протяни руку налево.

Ответа не было.

— О нет, — застонал Малки. — Смотри.

Талискер обернулся к трупам женщин-змей и увидел, что на кусках трупов постепенно вырастает новая плоть: у верхних половин появляются хвосты, у хвостов — верхние половины. Скоро их станет пять. Отвратительное зрелище.

Неожиданно Дункан припомнил, что удивило его раньше.

— Корвус не может ничего создавать. Я знаю после моей... последней встречи с Фирр. Они не в силах лечить или созидать. Должно быть, он просто проецирует наши страхи.

— Потрясающе! — пробормотал Малки. — Смотри!

Из камня торчали кончики пальцев Чаплина. Первая женщина поднялась, огляделась и принялась искать копье.

— Сандро! — заорал горец. — В сторону! Быстро!

Пальцы исчезли. Две женщины-змеи двинулись на них.

— Нет! — крикнули оба. — Налево!

— Вот дерьмо, — выругался Талискер.

Он обернулся к нападающим. В этот миг в комнату ворвались Уисдин, Кентигерн и Рагнальд и бросились на тварей.

— Дункан, давай.

Малки схватил друга за правое запястье, а Талискер увидел Чаплина и взял его за руку.

Результат был неожиданным.

Ему показалось, что внутри вспыхнул огонь, и на миг он увидел рядом друзей, которые улыбались, понимая, что все происходит как должно. Малки держал его за правую руку, Сандро за левую. Круг троих замкнулся.

Сзади подошли Фер Криг; каждый из них положил руку на плечо одному из друзей, так что получилось двойное кольцо. Кольцо прошлого и будущего. От них исходило яркое голубое сияние. Талискер больше не видел их, они стали его частью. Он все рос, становился сильнее. Он был Малколм и Алессандро. И Уисдин, Кентигерн и Рагнальд. Их мудрость, их сила, их вера. Все это и даже больше — надежды феинов, их былые победы и возмездие.

Голубой свет окружала тьма. Талискер оказался в Ничто, куда бежал бог зла, ища укрытия.

— Я пришел, Корвус.

Голос заполнил пустоту.

Воцарилась тишина, а потом совсем рядом появился Корвус. Он благодушно улыбался, несмотря на охвативший его страх.

— Дункан. Вот мы и встретились. Я знаю, что передо мной ты. Но это долго не продлится — затмение скоро закончится, и ты распадешься на шестерых жалких смертных.

— Тогда я убью тебя сейчас. — Талискер шагнул вперед.

— Нет! Я невиновен!

Талискер замер в удивлении.

Внутри раздался хор голосов.

— *Нет, он лжет.*

— А что, если это правда?

— *Бей!*

— Несправедливость. Пятнадцать лет. Две сотни лет. Несправедливость жжет.

— *Он убил их всех.*

— А что, если это правда?

Корвус ухватился за последнюю соломинку.

— Да-да, все именно так. Это она. Моя сестрица Фирр использовала меня, заточив в своем доме. Ей легко сделать так, ведь мы близнецы. Ты довольно неплохо ее узнал...

Талискер сделал еще шаг вперед. Голоса не умолкали.

— *Убей его! Он погубил тысячи!*

— Фирр? Да, я помню...

Фирр. Она могла сделать это. Эта женщина способна и на большее.

— Нельзя рисковать...

— Конечно, — мурлыкал Корвус. — А потом... Ты должен прекрасно понимать мою жажду мести. Ярость, горящую в сердце. Я уничтожу кораннидов. Смотри, видишь? — Он взмахнул рукой.

Талискер опустил меч. Его гигантская фигура поколебалась. Скоро ей придет конец.

— *Нет! Нет! Давай!* — Голоса уже кричали.

— *У нас мало времени.*

— *Вспомни Тайнэ.*

— *Вспомни Макпьялуту.*

— *Вспомни Киру.*

— *Вспомни...*

— *Вспомни...*

— *Бей!*

Корвус чувствовал, что победа близка. До конца затмения оставались считанные секунды.

Неожиданно в Ничто вошло еще одно существо — душа Белой Орлицы. Она прилетела за Корвусом; серебристые крылья оставляли в воздухе следы, огромный клюв раскрылся словно бы для громкого крика, хотя молчание не нарушилось. Белая Орлица хотела ударить бога зла острыми когтями, но была всего лишь призраком.

— Мирранон!

— *Бей, Та-лиис-кер!*

Он поднял меч и одним ударом отсек голову Корвуса.

Тихий плач. Голубые искры и белые перья. Он улыбнулся, и по щекам покатились слезы.

— Малки?

— Дункан, подойди-ка сюда, — раздался голос Чаплина.

Талискер попытался встать, но ноги не слушались его, и ему пришлось ползти. Они оказались в той комнате, в которую вошли в самом начале. Видна спина Чаплина и...

— Малки? Малки? О Господи, нет...

Трое воинов сидели на полу вокруг Алессандро, который держал на коленях умирающего горца.

— Что... что случилось? — с трудом выговорил Талискер. Он посмотрел на своего друга и откинул с его лба прядку ярко-рыжих волос.

Малки тихо заговорил:

— Думаю, я слишком слаб, чтобы быть частью того, чем мы стали. Ты ведь не плачешь, правда? Не горюй. Каждый день был для меня подарком. И мы в конце концов убили проклятого ублюдка, верно?

— Да. Убили. И даже больше. Ты не чувствуешь, Малки? Они ушли. Коранниды исчезли. Сутра снова будет чистой и прекрасной. Тайнэ бы... — Его голос прервался. — Малки?

— М-м-м?

— Мы любили тебя.

— Да...

Его не стало.

Они посидели в темноте комнаты, исполненные горя. Потом тень смерти развеялась, и свет зимнего солнца проник в открытую дверь.

ГЛАВА 25

ЭДИНБУРГ

Снова шел снег. Город дремал под белым коконом, как угрюмая бабочка. Чувство ожидания исчезло. Почти никто не заметил мига, когда завеса миров разорвалась. И все же с первыми лучами рассвета и криками чаек над пустынными улицами повисает печальная тишина. Вокруг полуразрушенного старого здания собралась полиция и пожарные, исполняющие свой долг. Огонь погасили еще накануне; пепел и сажа выглядели теперь как черный шрам на белизне мира. Со временем он зарубцуется, и люди позабудут о нем навсегда.

— Как ты думаешь, они были там?

Беатрис обхватила себя руками, стараясь не пустить холод под тонкую курточку.

— Трудно сказать, сэр. Ребята из пожарной бригады говорят, что окна послужили чем-то вроде труб, и подвал стал настоящей печкой. В такой невероятно высокой температуре все могло сгореть дотла.

Стирлинг нахмурился и задумчиво постучал ручкой по зубам.

— Однако не все же сгорело, Беа, верно? У нас есть два трупа — Финн, которого сперва разорвали на части, и неизвестный придурок, прикованный к стене. Наверняка от Сандро и Талискера осталось бы хоть что-нибудь... С тобой все в порядке, Беа?

Она молча плакала. Слезы текли по щекам, испачканным сажей, но Беатрис гордо приподняла подбородок и умудрилась улыбнуться.

— Я всех их знала, сэр. Шулу Морган, Дункана Талискера, Сандро. Мы учились в одной школе, хотя больше всех дружили Дункан и Алессандро. Мы с Шулой были в одном классе... Вам известно, что я крестная Эффи?

— Бедная девочка, я и забыл о ней.

— Сандро только вчера ходил со мной в оперный театр, — продолжила Беатрис, всхлипывая и вытирая глаза платком, который ей протянул Стирлинг. — Он был такой милый. Всегда ненавидел оперы, особенно Бизе, но пошел, чтобы составить мне компанию и посмотреть на Майлза.

— Идем, Беа, — проговорил старший инспектор, гладя ее по плечу. — Тебе надо выпить кофе или чего покрепче.

— Нет, сэр. Лучше закончу поскорее работу, чтобы унесли тела.

Стирлинг выглядел совершенно измотанным.

— Даже хоронить нечего...

Час спустя Беатрис все еще рылась в золе. Пожарные залили все вокруг, устранив опасность нового возгорания. Пришли к выводу, что огонь вспыхнул случайно, а подробную картину произошедшего представить невозможно. Только Беатрис и ее помощник Том по-прежнему работали в подвале.

— Гляди-ка! — возбужденно сказал молодой человек, протягивая ей обуглившийся предмет.

Она взяла его в руки. Это была жестянка из-под печенья, по краям вдоль крышки все еще виднелись остатки рисунка.

— Посмотрим, что там?

— По идее, нельзя...

Беа взглядом заставила его умолкнуть, ловко приподняла крышку и заглянула внутрь. До нее медленно начало доходить...

— Как ты думаешь, это важно, Беа?

Она не обратила внимания на вопрос, а перевела взгляд в дальний конец комнаты, где неопознанный труп все еще был прикован к стене.

— Том, оставайся с телом. Я хочу получить полный отчет из морга. Все — возраст, рост, размер обуви, группа крови... Главное, мне нужно знать, не был ли он рыжим. — Она поднялась.

— С тобой все в порядке? — спросил помощник. — У тебя такой вид, будто ты увидела привидение.

— Никаких привидений не существует, пора бы знать. Есть только вещественные доказательства. — Беатрис заглянула в жестянку. — Отнесу Стирлингу. Он просто в обморок упадет.

Возвращаясь с работы вдоль реки Лейт, Беатрис и Стирлинг остановились возле железного моста и покормили уток. Они говорили немного, но каждый из них радовался компании другого.

— Мы так и не выяснили, что там произошло, — покачал головой старший инспектор. — Непонятно, как следы двух человек напрочь исчезли, а два трупа...

— Горячие зоны, сэр. Мне объяснила пожарная команда.

— Да, да. — Стирлинг кинул остатки хлеба уткам и плотнее запахнул пальто. — Конечно. Ты верно заметила, Беа, нам будет не хватать его — Сандро, я имею в виду. Как жаль, что почти никто не знал его как следует.

— Он всегда был таким. Замкнутым.

— Что до Талискера... виновен или нет, я видел его насквозь. Скользкий как рыба.

Беатрис взяла спутника под руку, и они пошли дальше.

— Он не всегда был таким, сэр. Я помню, когда мы еще учились в школе, одним утром...

Голос женщины эхом отразился от железных опор моста, полетел по реке, а потом его заглушил шум воды.

СУТРА

— Значит, мы действительно прощаемся? — Талискер тепло пожал руку Чаплина и хлопнул его по плечу.

— Да, до конца лета. Я хочу посмотреть на ребенка.

— Припаси для нее хорошую историю, сеаннах, — улыбнулась Уна.

— Самую лучшую, — заверил ее Чаплин. — Ты уверена, что это будет девочка?

— Уна у нас специалист, — заметил Талискер.

Они стояли у дверей дома, подаренного им Ибистер, у подножия Синих гор, в самой южной части государства. Воздух пах весной, и мир вокруг был полон жизни, как и будущая мать.

Талискер проводил Чаплина до лошади, стараясь оттянуть миг расставания.

— Ты поговорил с Уллой?

— Да. Она вернулась в Руаннох Вер. Фергус умер в конце года, и Улла станет новым таном. Говорю тебе, Дункан, куда ни обернись, всюду правят женщины. — Друзья рассмеялись, а потом Чаплин снова стал серьезен. — Я навещу ее перед тем,

как вернуться сюда, так что ты узнаешь последние вести. А теперь у меня есть некое дело.

Он обернулся к дому, но Уна уже ушла. Сунув руку внутрь кожаной куртки, Сандро вытащил сверток и развернул его.

Талискер присвистнул.

— Бразнаир!..

— Рианнон отдала камень Ибистер, а та мне. Она хочет вернуть долг сидам, поэтому я отвезу его им. Не знаю уж, что они с ним будут делать.

Уна смотрела на мужчин через окно. В деревянной раме цвета весны казались еще ярче, чем снаружи. Она коснулась живота и нахмурилась. Это просто сны, сказала себе будущая мать. Она, в конце концов, повитуха и знает — ничто не может коснуться ребенка в утробе матери. Жизнь — это дар.

Тристан заплакал, и она взяла его на руки. У него порой болели ножки.

— Ну, ну, малыш, тебе приснился страшный сон?

Уна вздрогнула. Может, стоит рассказать обо всем Дункану?.. Впрочем, рассказать о чем? Что ей приснилась огромная черная птица, прилетевшая к ребенку? О тени, о ночном кошмаре? Он просто посмеется над ней.

— Ш-ш-ш, Тристан, — улыбнулась она. — Спи.

Близился конец лета. Воспряли даже равнины, отравленные гнусными тварями Корвуса. Среди черных камней и голой земли появлялись маленькие кустики; трава и цветы жадно пили воду, бегущую в трещинах и собирающуюся в озерца. Около такого озерца лежала Морриган, подстелив под себя черный плащ.

Это будет просто, говорила себе Фирр. Смертные все время делают это. И скот тоже... И все же она громко кричала, и вопли разносились по пустынным землям, где никто не слышал ее и не знал о ее боли.

К полуночи все закончилось. На свет появился мальчик. Сама не зная почему, Фирр завернула маленькое розовое существо в свой плащ и улыбнулась ему.

— Ну, кроха, что теперь? Я могла бы оставить тебя на растерзание волкам... — Она посмотрела на вересковую пустошь, потом снова на ребенка. — Впрочем, лучше возьму себе. Посмотрим, что из тебя выйдет. Мама тебе расскажет о смертных. Ты наполовину бог, и тебе следует о многом узнать. — Ребенок закурлыкал в ответ, плащ упал с его головки, и показались рыжие волосы. Фирр засмеялась. — Как же мне тебя назвать?

Черный тан

ПРОЛОГ

Мир погружен в темноту. Только ночное небо сияет великолепным серебряным пламенем звезд, но их далекий свет освещает лишь черные вершины гор, тщетно пытаясь достичь дна долины, расположенной глубоко внизу. На горном плато возле небольшого костра сидят старик и юная девушка. Странная пара на первый взгляд...

Порывы ветра сносят слова старика в темноту через открытое пространство долины, рассеивают их и поднимают к звездам.

— Да, это правда. Я очень стар, но я не бессмертен. Мои кости болят, глаза плохо видят, как и у любого дряхлого существа. Если я и отличаюсь чем-то от других, то только потому, что однажды боги сочли меня полезным для себя, а потом не захотели ломать игрушку, когда она им наскучила. В первую очередь я — сеаннах, кем однажды станешь и ты... Тебе холодно? Вот возьми еще одно одеяло. Ты должна уметь усмирять потребности своего тела, даже самые значительные. Это придет со временем... Тебе еще многое следует узнать, и именно я должен тебя всему научить. Здесь нет ошибки. Как-нибудь ночью я расскажу тебе, как получать от холода удовольствие, но сегодня... приятная прохлада, правда? О чем это я? Ах да...

Я привел тебя сюда, чтобы научить простейшим приемам гадания на воде. Это самая низшая форма. Магический эквивалент, ну, скажем... слову «мул». Как и мул, оно хорошо служит, но в отличие от других, более сложных магий от него нет отдачи. Заклинание пассивно. Ты сейчас дрожишь от холода и, наверное, думаешь, неужели глупый старик не мог проделать все это дома, в своей комнате, где горит огонь. Да, конечно, я мог. Но ты увидишь, Нима, в спокойном свете звезд есть что-то воодушевляющее. Ну что ж, начнем?

Как и сказал Мориас, вода была похожа на серебряное зеркало. Он что-то нараспев бормотал, полуприкрыв глаза, глядел на поверхность воды. Нима сидела, затаив дыхание. Однако девушка чувствовала, что долго так не выдержит, у нее затекли ноги, и в них уже чувствовалось неприятное покалывание. Оставалось надеяться,

что старик не рассердится. Все-таки это первый урок, и ей на самом деле очень хотелось стать сеаннахом.

Мориас перестал бормотать и наклонился вперед, пристально вглядываясь в воду, стараясь, чтобы его тень не заслонила поверхность.

— Появись, мальчик. Где ты? — проговорил он.

И словно в ответ на его нетерпение отражение в воде изменилось. Серебряный свет падающей звезды прочертил небеса и зажег своим блеском воду. Затем на поверхности появилось изображение, четкое до мельчайших деталей. Нима едва сдержала взволнованное восклицание. Это был мальчик или юноша верхом на огромном жеребце, слишком большом даже для самых крупных представителей его породы. Юноша спешил, он крепко вцепился в гриву коня, словно от этого зависела его жизнь. Каждые несколько секунд он пытался обернуться, чтобы увидеть своих преследователей, но ему не удавалось, так как его подбрасывало и трясло. А за юношей гналась свора огромных гончих собак. Это были необычные животные, величиной в половину роста жеребца. Серо-стальная густая шерсть, похожая на львиную гриву, покрывала мощную грудь каждой собаки. Длинные ноги за один прыжок преодолевали огромные расстояния. Собаки лязгали зубами и злобно рычали на обезумевших от страха коня и всадника. Из пастей вырывались потоки слюны. Вдруг рассеянный звездный свет отразился от голов и шей чудовищ, что подтвердило подозрение Мориаса — свора собак могла принадлежать только одному хозяину. Только он мог воспитать таких монстров и снабдить их стальными шипами и броней. Расстояние между всадником и собаками сократилось еще немного, конь запаниковал, его глаза расширились и почти вылезли из орбит от страха.

— Вперед, мальчик, вперед! — торопил его старик.

Нима зажала рот рукой, испугавшись, что может вскрикнуть и нарушить сосредоточенность Мориаса.

Потом изображение изменилось, будто что-то заставило старика отвести взгляд. Он нахмурился и присел около чаши, шепча магические слова, чтобы вернуть изображение. Вдруг Мориас резко замолчал и издал громкий стон.

Изображение сместилось, что позволило им увидеть местность впереди неустанно мчавшегося всадника. Перед ними, скрытое темнотой, находилось глубокое ущелье. И ничего, что могло бы указать на обрыв, — ни деревьев, ни каких-то изменений в картине вересковой пустоши. Наездник, конь и собаки, вне всяких сомнений, должны были упасть на скалы. Это было неизбежно.

Нима вскрикнула от отчаяния и, не раздумывая, погрузила руку в холодную воду, нарушив колдовство. Вернувшееся отражение звезд в воде покрылось рябью. Из голубых глаз девушки ручьем текли слезы.

— Простите, сеаннах, мне невыносимо на это смотреть. Я именно такому должна научиться? Видеть, как гибнет человек, и не иметь возможности ему помочь?

Ее голос сорвался, когда она посмотрела в глаза учителя. Невозможно понять, сердится старик на нее или нет. Он сдвинул густые белые брови, но лицо его выражало только терпение.

— Нима, ты знаешь, кто это?

— Нет, сэр.

— Это Тристан Талискер — тан Сулис Мора.

— Но я думала, что там глава клана — леди.

Она шмыгнула носом и вытерла его рукавом платья, тут же смутившись своим поступком.

— Они близнецы. Риган и Тристан.

— Да?

Нима ждала, что старик скажет что-нибудь еще, но его взгляд стал рассеянным, он опять ушел в себя. После долгой паузы девушка напомнила о себе.

— Тристан погибнет?

— Возможно. Но то, что ты видела в воде, происходит не сейчас, Нима. Вода может показать и прошлое, и будущее. Думаю, мы видели то, что должно случиться завтра.

— Тогда мы можем помочь ему, — воскликнула Нима с надеждой.

Ее детская радость была настолько заразительна, что Мориас улыбнулся в ответ, поневоле почувствовав вместе с ней облегчение.

— Возможно, — кивнул он.

— Мы обязательно должны ему помочь. Ведь он в опасности.

— Как ты себе это представляешь? Что, по-твоему, должен делать сеаннах в подобной ситуации? Нима, мы не можем метаться по миру, пытаясь вылечить все его болезни. Нам никогда не справиться. Наша борьба может продолжаться до бесконечности. Мы ведь не можем брать на себя обязанности богов, правда?

— Пожалуйста, Мориас. Он такой молодой.

— Просто когда ты получаешь изображение при гадании, человек там всегда выглядит моложе...

— Не понимаю.

— Тристан не мальчик. Он вдвое старше тебя. Я думаю, ему лет двадцать шесть, но он калека от рождения, — пожал плечами Мориас, — и выглядит моложе своих лет.

— Все равно он слишком молод, чтобы умирать, — настаивала девушка.

— Хорошо, Нима. Ты права. Я и сам собирался помочь Тристану, потому что его отец, Дункан Талискер, был моим очень хорошим другом. Видимо, нам следует разобраться в этом деле

вместе и выяснить, какие обстоятельства послужили причиной столь ужасного положения Тристана.

— А мы можем это сделать?

— Конечно, девочка. Но сначала погаси огонь.

— ...А теперь запомни, Нима. То, что ты увидишь в воде на этот раз, произошло в прошлом. Кое-что тебе покажется странным, не связанным с нынешним положением нашего друга. Но, поверь мне, судьбы всех людей, которых ты увидишь, в конечном итоге переплетутся. Только сиди очень тихо.

ГЛАВА 1

«Сердце» находилось на Хай-стрит долгое, долгое время. Оно было сделано из красного камня с двойным серым бордюром. Официально его называли «Сердцем Мидлотиана», и люди говорили, что оно указывает на самый центр района, из которого позже образовалась столица Шотландии. В городе есть футбольная команда, носящая такое же имя, но вообще местные жители практически не обращают на него внимания. «Сердце» малопривлекательно внешне и очень часто бывает покрыто толстым слоем снега.

Тем не менее существует странный обычай, связанный с «Сердцем». Люди давно уже забыли, откуда он взялся и что означал. Прохожие плевали в него, и считалось, что если плевок попадет в самый центр, то счастливчику будет везти целый год. Кроме того, плевок должен еще отогнать дьявола. Одновременно с плевком нужно изобразить пальцами определенный знак, но какой, люди давно забыли. И с течением времени этот обычай потерял свое значение.

Никто уже не помнил, что «Сердце Мидлотиана», обозначающее одну из сторон входа в Старый Толбут, являлось и воротами во времени, в которые много столетий назад один маг заложил ключевой камень. Несколько таких людей еще жили в те времена. Сейчас они остались разве что в памяти камней и привидений, обитающих в Старом Городе...

Смеркалось, хотя было только четыре часа пополудни. Натан прислонился спиной к холодной каменной стене собора и наблюдал, как толпы людей снуют по своим делам туда и обратно вдоль Хай-стрит. Запахнув поплотнее вокруг нескладной фигуры тяжелое зимнее пальто, Натан стал выбирать из тех, кто двигался ему навстречу, наиболее заслуживающий внимания объект.

— Сильный зрительный контакт с самого дальнего расстояния, насколько это возможно, — инструктировал его Даниэль тем утром, держа в руках пару сотен листовок. — Это заставит

человека почувствовать дискомфорт. Он захочет убедиться, что ты принимаешь его извинения за то, что он не останавливается. Именно в этот момент ты наносишь удар.

Он обезоруживающе усмехнулся и подмигнул Эстер, которая покраснела и улыбнулась Даниэлю в ответ. Натан бросил на них сердитый взгляд, сказав себе, что Даниэль законченный мерзавец, поэтому он ему так не нравится. Но правда была в том, что в глубине души он ужасно завидовал врожденному обаянию своего друга.

Ему навстречу шла женщина. На ней был прекрасно сшитый деловой костюм, в руках большая мягкая сумка. Она заметила Натана, но старательно избегала его взгляда. Когда же подошла к молодому человеку совсем близко, стала смотреть на часы.

— Извините меня, мисс. — Натан вышел вперед, протягивая руку с цветной листовкой. — Вы уверены, что Бог не отказался от вас?

Он выпалил все слишком быстро, поэтому его слова прозвучали с некоторой долей отчаяния. «Отчаяние мешает убеждению» — еще одна мудрость Даниэля.

К его удивлению, женщина остановилась и взяла листок.

Прежде чем посмотреть на Натана, она быстро пробежала взглядом текст.

— Нет, — ответила она спокойно. Женщину, казалось, рассердило, что он заговорил с ней. Ее бледное лицо напряглось, черты обострились. — Я не верю в Бога. — В подтверждение своих слов женщина скомкала листовку рукой, затянутой в кожаную перчатку, и бросила себе под ноги. — Помогайте людям на деле, а не на словах.

Прежде чем повернуться спиной, женщина посмотрела на Натана с какой-то веселой злостью. Потом неожиданно ударила его по руке, и стопка листовок взлетела в воздух, плавно опускаясь на мокрые булыжники. Натан бросился их спасать.

— Корова! — воскликнул он. — Не было никакой необходимости... Я для вас делаю доброе дело. Ваша душа... — Но женщина была уже на другой стороне улицы, без сомнения, очень довольная своей шуткой. Натан некоторое время смотрел на нее. — ...Ваша душа обречена, — закончил он.

Его голос понизился почти до шепота, и он подумал, что следовало бы произнести фразу с большей убежденностью.

— Не переживай, Натан. — Это была Эстер. Он не заметил, как она подошла; девушка уже была рядом и помогала собирать намокшие листовки. Она ободряюще улыбнулась — единственная частица тепла на погружающейся в темноту улице. — Некоторые люди не понимают, что такое спасение души. Они не чувствуют угрозы.

— Нет, — покачал головой Натан, все еще очень сердитый. — Просто некоторые люди очень глупы и ограниченны.

— Но Даниэль говорит...

— Значит, он ошибается, Эстер. Бог никого не спасал после Всемирного Потопа, правда? И уж конечно, никто не спасется благодаря тому, что мы раздаем эти чертовы листовки. Бог сам знает, когда прекратить испытания. Так что это пустая трата времени. — Он сунул последнюю листовку в пачку. — Даниэль — дурак, и я собираюсь ему сказать об этом.

Они пошли вниз по улице, по направлению к мосту. В лицо дул очень сильный ветер, заставляющий людей на Хай-стрит ускорять шаг и опускать головы, сопротивляясь его порывам. Ветер подхватил полу темного пальто Натана и откинул ее в сторону. Молодой человек нахмурился и пошел быстрее. Эстер ничего не говорила, потому что ей приходилось почти бежать, чтобы не отстать от друга. Натан знал, о чем она думает; они оба знали, что ему никогда не хватит смелости сказать такое Даниэлю.

— Мне очень жаль, Даниэль. На самом деле жаль...

Господи, вставай, Даниэль. Вставай...

Но Даниэль не смог бы встать. Натан знал это совершенно точно. Рука все еще сжимала теплое железо кочерги. Натан уставился на дело своих рук. Лицо его выражало странную смесь шока и коварства. Шторм не стихал, и Старый Город был исхлестан ветром и дождем необыкновенной силы: Снаружи желоб ветхого здания едва справлялся со стремительным потоком воды, льющейся сверху. Оконные рамы дребезжали, словно кто-то пытался проникнуть в дом. В дальнем углу комнаты, где протекала крыша, вода капала в ржавое ведро.

А что, если он встанет? Что, если он не умер, а просто находится без сознания?

В холодной темноте комнаты Натан присел на корточки возле тела и дотронулся до него концом кочерги.

— Даниэль, — прошептал он настойчиво.

Ответа не последовало, однако взгляд голубых мудрых глаз Даниэля, казалось, обвинял.

Мне жаль, ты же знаешь...

Натан опустился на пол рядом со своей жертвой.

Даниэль изменил его жизнь, «разрушил его мир», как он часто любил повторять. Сейчас краски того дня казались необыкновенно яркими...

Натан находился в саду на Принсес-стрит поздней весной. День был ясным и солнечным, но в то же время холодным и неприятным, хотя местные жители притворялись, что наступило лето. Вокруг на траве лежали люди. Семейные пары не обращали внимания на своих пронзительно кричащих детей, только делали им замечания, когда те уж слишком досаждали остальным

любителям солнца. Натан сидел, прижав ноги к подбородку, нахохлившись, как худая черная птица. Живая тень этой яркой идиллии. Маленькая девочка лет трех подошла и с любопытством уставилась на него. Он без улыбки ответил на взгляд. Они довольно долго смотрели друг на друга, пока мать девочки не позвала ее. Перед тем как уйти, крошка сморщила нос и сказала:

— От вас пахнет, мистер.

Натан не смог удержаться от улыбки. В конце концов, это правда, и самоуверенность девочки очень забавна. Последние несколько недель он спал где попало и очень часто делал неверный выбор между душем в Вейверли-Стейшн и уколом. Натан протер глаза и стал смотреть на девочку, которую ругала мать за разговоры с незнакомым человеком. Его глаза были очень чувствительными к свету и болели, и ему пришло в голову, что, наверное, он занес в них какую-то инфекцию.

— Доброе утро. Рядом с тобой свободно? — раздался мужской голос, мягкий и мелодичный.

Натан, нахмурившись, посмотрел наверх. Рядом с ним было столько травы, и никто не сидел. Фигура, стоявшая рядом, находилась в тени, причем солнце светило человеку в спину.

— Что бы ты ни продавал, у меня нет денег, — холодно буркнул он в ответ. — И, — добавил, немного помедлив, — у меня нормальная ориентация, так что не теряй, парень, времени.

Незнакомец, нисколько не обидевшись, засмеялся.

— Я ничего не продаю. Правильнее было бы сказать, что я дарю.

Он подошел и сел. В этот момент луч солнца запутался в его волосах, и вокруг головы распространилось золотое сияние вроде нимба. Это оказалось предвестником того, что случилось дальше.

Нет, не надо об этом думать...

Мужчина сел близко к Натану, так близко, что тот почувствовал дискомфорт. Тем не менее, несмотря на эту раздражающую мысль, он остался сидеть, где сидел, близко к незнакомцу.

— Меня зовут Даниэль, — представился мужчина. — Могу я узнать твое имя?

Натан прищурил глаза и настороженно посмотрел на парня:

— А тебе какое дело?

— Я просто хотел поддержать разговор, — пожал плечами Даниэль. — Сегодня такой прекрасный день, правда?

— Прекрасный?

Натан фыркнул. Он ненавидел это слово, и люди, которые говорили, что дела идут прекрасно, вызывали у него подозрение, как хиппи или джентльмены из высшего общества, прячущиеся в коконы от суровой реальности.

— Да, но... — Даниэль, казалось, почувствовал его недоверие.

Позже Натан узнал, что он обладал необыкновенной интуицией, граничащей с... чудом.

Прекрати. Он никогда не был святым или пророком...

— Но... — Даниэль прилег на траву, опершись на локти, и добродушно рассмеялся, — все-таки день прекрасный.

Натан скривил губы, размышляя, следует ли ему тоже засмеяться.

— Послушай. Буду честным с тобой, — сказал парень. — Мне кажется, что ты нуждаешься в пище, и тебе не мешало бы помыться, не в обиду будет сказано. Я знаю место, где это ничего не стоит.

— Какая-то ловушка?

— Здесь нет никакой ловушки. В крайнем случае мы можем попросить тебя постирать занавески или помыть посуду, — улыбнулся Даниэль.

Глупо улыбаясь, Натан уставился на труп.

Ты был так умен, Даниэль. Собирай теперь там потерянные души.

Если бы Даниэль тогда сел с ним рядом и сказал правду, что хотел помочь его душе, Натан бы посмеялся и назвал его чудаком. По воле случая в этот день, как и год назад, он был на грани срыва и способен на насилие. Возможно, поэтому Натан и смог напасть на своего спасителя. Как оказалось, их встреча позволила Даниэлю прожить еще только год. Он нашел в комнате Натана таблетки, кокаин и небольшое количество травки, что привело их к конфронтации, закончившейся таким образом.

Неожиданно Даниэль пошевелился. Еле заметное движение, которое Натан чуть не пропустил в полутемной комнате. Но затем оно повторилось. Пальцы левой руки судорожно сжались в кулак, а потом снова раскрылись.

Жив? На какое-то мгновение Натан почувствовал облегчение. Можно будет сказать, что произошел несчастный случай. Или уверить, что на минуту дьявол попутал. Даниэлю это понравится. Он обожает изгонять злых духов. Еще больше славы «золотому мальчику». Больше власти. Больше любви...

— Нет! — громко сказал он в темноту. Его голос был тихим и мягким, темные глаза расширились. — Нет, Дэнни, на этот раз все. Теперь моя очередь.

Подняв кочергу высоко над головой, Натан ударил еще три раза. После третьего удара Даниэль, его золотой друг, харизматический пророк, основатель общества «Дети Всемирного Потопа», стал совершенно неузнаваем. Половина головы представляла собой бесформенную массу, и теперь казалось, что его прекрасное классическое лицо сорвано, как маска. На неповрежденной стороне лица безжизненно смотрел голубой глаз, и еще можно было увидеть озорной изгиб рта. Кровь была повсюду, но Натан не обращал внимания на это теплое доказательство его вины. Он опустился на пол, лег рядом с другом, продолжая сжимать в руке кочергу, и смотрел на все еще красивую неповрежденную сторону лица Даниэля. Ему казалось, что тот его слушает.

— Нет-нет, Даниэль, неужели ты не понимаешь? — шептал он. — Это все из-за тебя. Это ты виноват.

Он тихо рассмеялся, смех был хриплый, отрывистый. Потом, когда церковные колокола над Старым Городом пробили полночь, Натан уснул.

— Я не понимаю, Мориас. Кто эти люди? Почему они одеты в такую смешную одежду?

— Ш-ш-ш, малышка. Я и сам пока этого не знаю. Но вода никогда не ошибается. Давай посмотрим вместе. Вот и люди, которых ты можешь узнать...

Лужайка залита теплым солнечным светом. Вокруг Тристана танцуют яркие бабочки. В неподвижном воздухе висят крошечные крупинки цветочной пыльцы. Позднее лето в долине Мирранон находится в зените своей красоты, и она покрыта ковром из полевых цветов, а воздух наполнен прекрасным пением жаворонков, чьи гнезда прячутся в высокой траве. Тристан ни на что не обращал внимания, он плакал. В нескольких футах от него мирно жевал траву его пони, только что сбросивший хозяина на землю, словно не имея никакого отношения к падению Тристана. Мальчик решил, что ненавидит лошадей. Злые, противные существа. А люди, которые толкуют об их благородстве, сами полны лошадиного навоза. Он продолжал плакать горько и громко, смутно сознавая, что просто очень напуган. Тристану было трудно восстановить дыхание, и ему казалось, будто что-то сдавливает его ребра. Так сильно упасть! Но он знал, что не только пони виноват в падении; оно случилось еще и по причине того, что отец называет неполноценностью. Ноги оставались очень слабыми, несмотря на постоянные упражнения, и поэтому у мальчика не хватало сил сжать бока пони так, чтобы контролировать животное. Что уж тут говорить о большом коне. Родители Тристана вообще были против, чтобы он ездил верхом, но Риган уговорила их купить маленького пони, зная, насколько важна для брата независимость. Услышав, что к нему приближается всадник, Тристан перестал плакать и вытер лицо рукавом.

Риган! Он выпрямился и помахал рукой, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало. Она ехала уверенно и быстро, как всегда. В красном платье, с длинными черными развевающимися волосами. Именно такой образ наездницы люди имеют в виду, когда говорят о благородной осанке в поэтических выражениях.

— Трис, что случилось?

Девушка без всяких усилий остановила лошадь и легко спрыгнула на землю.

— Со мной все в порядке. — Он пожал плечами и с усилием поднялся на ноги. — Честно.

— Лжец, — сказала сестра грустно. Она нахмурилась, прокладывая себе путь через высокую траву, приподнимая длинную юбку, чтобы на нее не наступить. — Я видела, как ты упал. — Риган остановилась перед братом и приподняла за подбородок его лицо, чтобы лучше разглядеть рану на виске, довольно сильно кровоточащую. — Сядь, Трис, — попросила девушка. — Я ничего не могу сделать, когда ты раскачиваешься из стороны в сторону.

Они оба сели, и Риган без лишних слов промыла рану водой. Она оказалась не настолько глубокой, как девушка боялась, но на память об этом дне у Триса на долгое время останется тонкий светлый шрам.

— Отец прав, — неожиданно сделал заключение мальчик. — Я не могу ездить верхом. — Его глаза наполнились слезами разочарования, которые Риган предпочла не замечать. — Я ничего не могу делать. Я неполноценный, беспомощный жалкий инвалид.

Риган схватила его за плечи и слегка встряхнула.

— Отец никогда такого бы не сказал, Трис. У него бы язык не повернулся.

Мальчика удивило, что она выступила в защиту отца. Между Риган и Талискером существовало сильное противостояние, которое в лучшем случае можно было объяснить силой их характеров, а в худшем — простой зловредностью девочки. Риган продолжала говорить, прикладывая к окровавленному виску брата уголок подола своей юбки. Последующие слова девушки прозвучали с легкой обидой:

— Он хороший человек и любит тебя, несмотря ни на что, но не умеет показывать свои чувства. Кроме того, он вполне может ошибаться. Знаешь, он гордился бы, увидев, как ловко ты управляешься с Пипом.

Трис какое-то мгновение изучал ее лицо, пытаясь разобраться своим мальчишеским умом, что именно его насторожило в тоне сестры.

— Он и тебя любит, Ри, — пробормотал мальчик.

Она улыбнулась ему в ответ, однако ничего не сказала, и Тристану пришлось сменить тему.

— Кто выбрал такое детское имя для моего пони? — пожаловался он. — Разве можно уважать того, кто носит имя Пип?

Риган улыбнулась. У нее была прелестная улыбка, полностью преображавшая черты лица девушки. А выражение лукавства еще больше украшало ее.

— Это мама назвала его, так что мы не могли изменить имя.

Они оба посмотрели на довольно непрезентабельного серого пони, поглощенного обгладыванием нижних веток ближайшего дерева.

— Мы могли бы... нет, — Риган не стала продолжать, — не имеет значения.

— Что? О чем ты?

Трис всегда был готов поддержать любую идею сестры.

— Ну, мы могли бы дать ему секретное имя. Об этом будем знать только ты, я и пони. Надо подыскать что-нибудь более подходящее. — Она казалась абсолютно серьезной и внимательно смотрела на несчастное животное. — Мне кажется, что в маленьком теле пони заточена большая лошадь.

— Ты имеешь в виду, как и у меня? — грустно заметил Тристан.

Риган покраснела, явно смутившись, что так необдуманно обидела брата своим замечанием.

— В какой-то мере да, — сказала она наконец. — Он обладает сильным характером и заслуживает уважения, его ум и благородство не имеют границ...

— Да, да, — с энтузиазмом поддержал Трис, захваченный идеей сестры, — и он станет выглядеть гораздо лучше, если мы будем ухаживать за ним как следует.

Мальчик хихикнул, забыв про боль.

— И как мы его назовем?

Риган помогла брату подняться.

— Давай подойдем к нему и спросим.

— Спросим?..

Они подошли к Пипу, и Риган легко поймала пони. Вечернее солнце сделало животное более покорным. Девушка протянула руку и потрепала животное по загривку.

— А теперь, Трис, посмотри ему в глаза.

— Зачем? — жалобно спросил Трис, чувствуя себя совершенно беспомощным.

— Просто сделай, как я сказала, — серьезно скомандовала Риган. — Вот так, правильно. А теперь внимательно смотри ему в глаза и про себя думай, как бы он хотел, чтобы ты его назвал.

— Хорошо.

Трис уставился в добрые коричневые глаза лошадки. Риган права, пони на самом деле был большой лошадью в маленьком теле. Если внимательно изучить его взгляд, то можно понять, что он очень вдумчивый и серьезный. На какое-то мгновение Трис дал волю воображению и представил, как выглядел бы Пип, если бы был большим конем.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Риган.

— Гордый, — улыбнулся он.

— Ты уверен?

На какое-то мгновение ему показалось, что девушка готова рассмеяться, и Тристан засомневался.

— Я... я...

— Нет, все на самом деле очень хорошо, — успокоила его Риган. — Не мешало бы ему сказать об этом, как ты думаешь?

Тристан подошел и погладил бархатный нос пони. Он пристально посмотрел в глаза животного и мягко сказал:

— Послушай меня. Ты и я начнем все сначала, Пип. Я знаю... я знаю, как трудно быть маленьким и неловким. Люди не уважают тебя так, как больших красивых коней... — Его голос упал почти до шепота, неожиданно Тристан почувствовал сильное волнение. — Мне все это знакомо, Пип. Я вижу, какое у тебя большое сердце. И знаю, что ты очень умный. У меня к тебе особое отношение, потому что мне хорошо известно, что ты мог бы быть королем среди коней. Итак, с сегодняшнего дня я буду называть тебя только Гордым, когда мы будем одни, потому что нам обоим известно, что у тебя внутри, правда?

Трис погладил по шее и поцеловал новоявленного Гордого в нос. Он не видел, как Риган смахнула слезу и вытерла глаза, полностью поглощенный их общим секретом.

Они спокойным шагом ехали через залитый солнцем луг, и Тристан воображал, что чувствует перемены в своем пони. Через много лет он будет улыбаться и качать головой, вспоминая этот случай, но в тот момент мальчик чувствовал, что получил от Риган драгоценный подарок. Трис посмотрел на сестру — ее лицо было серьезным и очень усталым.

— Ри, тебе все еще снятся птицы?

Она кивнула.

— Ты должна кому-нибудь рассказать об этом, Ри. Ты мало спишь, это может быть вредным.

— Вряд ли здесь можно что-то сделать, Трис. И потом, я рассказала тебе, этого достаточно...

Трис улыбнулся и опять посмотрел на Гордого. Ему польстило, что сестра одному ему доверила свой секрет.

— Через много лет в приступе дикой ярости она убьет старое животное, чтобы наказать Тристана за то, что он предал ее. Им было по десять лет, Нима, не намного меньше, чем тебе сейчас, когда Трис стал по-новому относиться к своему пони. Шестью годами позже в их жизни все переменится. Но и в этот день, когда они спокойно ехали домой, на севере стали собираться черные тучи. Другой ребенок, умный и своенравный, очень хотел поскорее стать взрослым... Посмотри, вот он сидит в нашем зеркале. Очень задумчивый вид, не правда ли? Может быть, он...

Джал любил слушать море. Шум прибоя и крик морских птиц создавали постоянную, хаотичную музыку. Он сидел, опустив ноги в небольшую ложбинку между камнями, заполненную водой, и как зачарованный смотрел на линию прибоя. Что-то нереальное ощущалось им в тот момент, когда волна поднималась, а по-

том убегала, унося с собой его юную душу. Чувствуя холодные брызги на лице и соленые пальцы ветра, ерошившие волосы, он в очередной раз забыл, что мама опять рассердится на него, а он на нее.

В отличие от других десятилетних детей у Джала была от природы достаточно сильно развита интуиция, и он понимал, что его мать не так уж всемогуща. В этом заключалась ирония, потому что его мать, леди Фирр, была богиней. Она застала сына в тот момент, когда Джал пытался произнести заклятие, и пришла в ярость. А у него почти получилось, мальчик был уверен, что видел какое-то движение и мерцание в темноте, но тут ворвалась мать и стала кричать какие-то глупые слова.

— Ты что, хочешь погибнуть? — воскликнула Фирр. — Ты ведь смертен, глупый мальчишка!

— Как я могу чему-то научиться, если ты не хочешь мне ничего объяснять? — пожаловался он. — Как мне развивать свои способности?

Фирр подошла к сыну и отвесила очень болезненную оплеуху.

— Ты не будешь развивать никакие способности, Джал! — воскликнула она. — Мы с тобой говорили об этом бессчетное количество раз. Ты нормальный маленький мальчик.

— Как я могу быть нормальным мальчиком? Это самая глупая вещь, которую я когда-нибудь слышал, — закричал он в ответ и выскочил за дверь, размазывая по лицу слезы ярости.

Теперь же, сидя на морском берегу и чувствуя, как бриз охлаждает все еще горящую щеку, Джал с удовлетворением отметил, что мать не могла отрицать его правоту. У Джала не было друзей, так как они жили очень изолированно от остального мира, на самой северной окраине Сутры, граничащей и с востока, и с запада с суровым Северным океаном. Очень часто в серых штормовых водах можно было увидеть плавучие льдины и айсберги. Джал знал, что Фирр собирается вскоре отослать его из Сутры. Мать жалеет о том, что не сделала этого раньше, когда он был ребенком. Мальчик чувствовал, что, если бы ему удалось доказать, что у него такие же магические способности, как и у нее, она изменила бы свое мнение и перестала бы относиться к сыну как к обыкновенному ребенку.

Начинался сильный дождь, ливень, прилетевший с океана. Джал вздохнул и натянул на голову капюшон куртки для верховой езды, которую постоянно носил. Ему не хотелось уходить. Больше всего на свете он желал попробовать еще раз. Оглядевшись вокруг, мальчик заметил зияющее отверстие в ближайшей скале. При высоком приливе пещера заполнялась рокочущими волнами, которые поднимались на вершину скалы огромной шапкой пены и потом с грохотом свергались оттуда. Сейчас же пещера казалась надежным, хоть и сырым укрытием, и там должно быть достаточно темно, чтобы продолжить работу. Подхватив свои

ботинки, Джал, сгорая от нетерпения, побежал к пещере, шлепая босыми ногами по лужам и не обращая внимания на ливень. Как и любой десятилетний мальчик, он не задумывался о последствиях. Главным для него было непреодолимое желание преуспеть в своей затее. Джал бежал по лужам, даже не пытаясь их перепрыгнуть, полностью поглощенный мыслями о том, что должно произойти. Джал собирался вызвать демона.

Все началось очень хорошо. В дальнем углу, темном и спокойном, куда не только свет, но и волны даже в самый высокий прилив редко попадают, Джал нарисовал палочкой на песке выученные им символы. Почерк у него был детский, неровный, еще не сформировавшийся характером владельца. Ногой он разгладил холодную поверхность сухого песка, стараясь, чтобы эта процедура не отвлекала его от задуманного. На мгновение Джалу пришла в голову мысль, что если в такой темноте ему удастся вызвать демона, такого же черного, и тот ничего не скажет, как он узнает, что затея удалась? Ему, возможно, никогда не узнать своих способностей... Тем не менее, когда Джал закончил писать символы, они начали светиться снизу, из-под песка, словно были составляющей какого-то мощного потока огня. Их свет окрасил каменные стены пещеры в мягкий оранжевый цвет. Любой другой мальчик испугался бы и, возможно, остановился, задумавшись о последствиях, но только не Джал. С упорством, унаследованным от матери, он продолжал. Широко расставив ноги, утопив ступни в песке, маленький упрямец начал читать заклинание, что, по его мнению, должно было занять минут двадцать.

Мальчик ошибся. Его предыдущая попытка, прерванная матерью, оказалась не совсем безуспешной. Демон был разбужен и поднят из самых глубин мрака. Это заклинание, как и любое другое, приносит такому существу боль, и он обязательно должен появиться, чтобы избавиться от нее. Вмешательство же Фирр послужило причиной того, что он вместо забвения попал в преддверие ада и был обречен на долгие часы, заполненные болью. Короче, когда демон появился, он был очень и очень зол...

Фирр уже бежала через залитый дождем пляж, когда из пещеры раздался первый слабый детский крик. Из-за ливня она плохо видела, но было заметно, что вход в пещеру освещен мерцающим светом высвободившейся энергии. Это означало, что ей предстоит принять вызов и что битва будет очень трудной даже для нее.

Когда Фирр вбежала в пещеру, перед ее глазами предстала картина, превосходившая все самые ужасные кошмары любой матери.

Демон материализовался. Выбравшись из своего заключения, он обрел физическую сущность. Возглас облегчения, готовый сорваться с губ Джала, был оборван черной когтистой лапой. Костлявое тело рванулось вперед. Демон схватил мальчика

и приблизил к своей морде с желтыми глазами и огромными зубами, обдав дыханием таким же зловонным, как преисподняя, откуда он явился. В этот момент Джал закричал, так как был уверен, что чудовище собирается откусить ему голову. Но реальность была еще ужаснее: демон убивал, вбирая жертву в себя. Бросив быстрый взгляд на своего мучителя, он прижал мальчика к бесформенному грубому телу. Джал еще раз вскрикнул и затих, почувствовав обжигающий контакт между собой и демоном. Теряя сознание, он вспомнил последнее слово заклинания, но было слишком поздно.

— Отпусти его сейчас же! — Голос Фирр эхом разнесся по пещере. В нем звучала материнская ярость, такая же непоколебимая, как скалы. — Отпусти ребенка немедленно, грязная скотина!

Она не могла убить его, так как боялась причинить вред Джалу, но начала произносить слова, которые мальчик не успел выучить, заклинание сдерживания и подчинения. Слова вырывались так быстро, как только возможно, чтобы сохранить форму, но отчаяние переполняло богиню. Джал поглощался черной массой тела демона. Голова мальчика откинулась назад и безвольно повисла, женщина боялась, что уже потеряла сына. Наконец, когда было произнесено последнее слово, демон подчинился ее воле. Фирр показалось, что прошла целая вечность. Если ее сын мертв, как она считала, чудовище останется в этом мире, обреченное на вечную агонию. Это будет ее местью.

— Стой спокойно! — скомандовала она.

Демон послушался, хотя процесс поглощения не прекратился, так как уже стал необратимым. Непоглощенной осталась только голова мальчика. Глаза у него были закрыты. Фирр подошла к неподвижному демону, дотронулась до виска сына и почувствовала тонкую ниточку биения его упрямого сердца. Но сейчас перед ней стояла дилемма. Она знала лишь одно заклинание, которое могло отделить тело мальчика от чудовища. Необходимо покрыть его лицо символами охраны и защиты, однако магия хаоса останется с ним на всю жизнь. Если она не научит своего сына всему, что знает о хаосе, шансы его дожить хотя бы до одиннадцати лет ничтожны.

Вздохнув, мать достала из-за пояса кинжал и пузырек с голубой пудрой, предусмотрительно захваченные с собой, и начала резать прекрасное лицо своего мальчика, присыпая раны пудрой и бормоча разные слова. Фирр не умела исцелять. Собственный поврежденный глаз был тому доказательством, но, возможно, ее простое колдовство сможет облегчить боль.

Вот так, совершенно неожиданно для Джала, исполнилось его заветное желание. Знания, которые он так жаждал получить, теперь оказались необходимы для его спасения. Леди Фирр плакала, делала надрезы, посыпала их пудрой и думала о том, что людям следует быть очень осмотрительными со своими желаниями...

* * *

Сегодня выдался тяжелый день. Иногда искривленные конечности Тристана начинали сильно болеть, словно предупреждали, что события могут получить неожиданное развитие. Особенно болела шея. Ноющая боль растекалась по спине сверху донизу. Оставалось лишь завернуться в одеяло и держать спину в тепле. Отец пошел в амбар, где бродит Риган, одному богу известно. Она считала себя самостоятельной и иногда исчезала на целый день, возвращаясь домой замкнутой и непокорной. Талискер ничего на это не говорил, но Тристан знал, что отец обеспокоен своенравным поведением дочери. Риган могла бы с легкостью избавить отца от волнений, сообщив, что находится на ферме своего друга Морага, живущего на другом конце долины, однако девушка предпочитала ничего не говорить, играя в какую-то игру, понятную ей одной.

Возможно, благодаря своей болезни Тристан стал очень хорошо разбираться в людях. Он знал, что после смерти его матери Уны Риган и отец держались на расстоянии и были холодны. Никто не говорил об Уне, и Тристану, находившемуся в центре этой ледяной злобы и скорби, очень не хватало матери.

Юноша смотрел в окно, с нетерпением ожидая возвращения Риган, и наконец увидел всадника, спускавшегося с горы. Еще издалека Тристан понял, что это не сестра — всадник сидел в седле гораздо более уверенно, чем женщина. Поверх зеленого пледа на нем был черный плащ для верховой езды. Когда он подъехал совсем близко, ветер сдул с его головы капюшон. Тристан вскрикнул и, несмотря на боль в ногах, направился к двери, выскочил на улицу и побежал к конюшням.

— Папа, папа, иди скорее! Дядя Сандро приехал! Сеаннах приехал!

Талискер выбежал из конюшни; мальчик заметил, что отец улыбается. Как редко теперь приходилось видеть на его лице улыбку, делавшую Дункана намного моложе. Они стояли бок о бок, наблюдая за приближающимся всадником. Мальчик подпрыгивал на месте и махал рукой.

Сандро спешился и тепло обнял Талискера, затем повернулся к Тристану.

— Трис... как же ты вырос! — Он ласково взъерошил ему волосы. — Я очень хотел тебя повидать. — Но Тристан мог с уверенностью сказать, что у сеаннаха было серьезное дело. За его улыбкой скрывалась какая-то тревога. — Трис, мне надо поговорить с твоим отцом. Не мог бы ты поставить Джаггера в стойло и накормить его?

Мальчик улыбнулся — Джаггер был массивным животным, около метра восьмидесяти высотой и абсолютно черным.

— О, у Триса особый подход к лошадям, — заметил Талискер. — Он может приручить любое животное.

Тристан просиял от похвалы отца и повел Джаггера в стойло, спокойно разговаривая с ним.

Тристан не очень разбирался в отношениях сеаннаха с отцом. Когда он был маленьким, мама рассказывала, что они — особые люди, пришедшие из другого мира для того, чтобы сражаться в Руаннох Вере и Сулис Море. И хотя она казалась совершенно серьезной, мальчик считал, что это одна из историй сеаннаха, придуманная, чтобы поразить сына военными подвигами отца. Он знал, что оба мужчины — ветераны баталий, хотя его отец никогда об этом не говорил. Также Тристан знал, что родился в Сулис Море, и его родители переехали в долину, когда мальчику исполнилось всего несколько месяцев. Кое-что необычное было и в дяде Сандро. Он обладал кожей очень красивого цвета с золотистым оттенком, но светлее, чем у сидов. Возможно, он на самом деле приехал из дальних южных районов, а может быть, даже из-за моря. Так или иначе, в сеаннахе чувствовалось что-то необычное, что делало его редкие визиты особенными и очень волнующими.

Трис стал привязывать Джаггера и вдруг осознал, что слышит обрывки разговора мужчин. Видимо, они все еще находились на улице.

— Да нет, Сандро, — в голосе отца звучало недоверие, — ведь он совсем еще мальчик.

— Перестань, Дункан, — мягко возразил ему Сандро, — ты знаешь, что все совсем не так. В четырнадцать лет мальчик уже считается достаточно взрослым, чтобы погибнуть в бою.

Тристан затаил дыхание, испугавшись, что какое-нибудь неосторожное движение выдаст его или не удастся расслышать ответ отца.

— Не надо мне напоминать об этом, — угрюмо заметил Талискер, — я тоже их видел. Совсем еще дети. Но Тристан... другой. Я планировал оставить его с собой.

— Давай войдем внутрь, — спокойно сказал Сандро. — Не лучше ли нам обсудить все это за стаканчиком, а? Я привез письма от Ибистер...

— Да, мне сейчас не помешает выпить. Прости, Сандро, вот что значит жить в изоляции, я забыл все манеры. Пойдем.

Они не спеша пошли к дому, и голоса стихли. Для Тристана поручение сеаннаха — само по себе волнующее событие, а тут еще такой разговор! В голове у него был полнейший сумбур, и Тристан автоматически продолжал выполнять работу, думая о том, что сеаннах приехал обсудить его будущее.

Закончив с Джаггером, он не пошел в дом. Как бы ему ни хотелось все узнать, Тристан чувствовал, что отцу необ-

ходимо поговорить с Сандро наедине. Может, сеаннаху нужен помощник? Он слышал как-то, что у них есть помощники, но людям может не понравиться присутствие калеки на праздниках. Знакомые, которые хорошо знали Тристана, конечно, принимали и любили мальчика, однако ему хватало ума, чтобы понять, что остальной мир не обязательно желает видеть его в своих рядах.

Начался дождь, и Тристан укрылся в дверном проеме конюшни, слушая пение птиц, полностью погруженный в свои мысли.

— Что ты здесь делаешь под дождем? Ты же знаешь, что потом у тебя все будет болеть, Трисси?

Риган пришла по тропинке за конюшней, а он был так поглощен своими мыслями, что не услышал ее шагов. Отведя пони в стойло и накрыв попоной, Тристан рассказал сестре о приезде Сандро.

— Итак, они решают твое будущее, а ты здесь. Почему?

— Я... я просто жду. Им нужно время...

Она взяла его за руку и посмотрела в глаза.

— Ты имеешь полное право, Трис, принимать собственные решения, — твердо сказала девушка. — Пошли.

Когда они вошли в дом, Талискер и Сандро повернулись и посмотрели на Тристана. Сандро даже не сразу поприветствовал Риган, хотя улыбнулся ей натянутой, слегка небрежной улыбкой. Риган, привыкшая быть в центре внимания, вздернула подбородок.

— Что происходит, папа?

Она крепко сжала руку брата.

— Проходите и садитесь, — вздохнул Талискер. — Существуют вещи, о которых вам следовало рассказать давным-давно. А теперь меня заставляют это сделать обстоятельства. Мне очень жаль, но кое-что может потрясти вас.

Тристан сел рядом с отцом, а Риган — с Сандро. Оба выжидающе смотрели на Талискера, который от волнения тяжело вздыхал.

— Хотелось бы мне, чтобы здесь была твоя мама. Она хорошо справлялась с подобными вещами...

— Что произошло? — потребовала ответа Риган.

Талискер собрался с духом.

— Это касается тебя, Трис. Мы... Уна и я — не настоящие твои родители, мы усыновили тебя. Уна была акушеркой и присутствовала при твоем появлении на свет. Твоя настоящая мать умерла во время родов. Отец...

Он замолчал, не находя в себе сил сказать горькую правду сыну. Сандро сделал большой глоток пива и договорил за Талискера:

— Твой отец был плохим человеком, Тристан. Он ничего не знал о твоих физических проблемах и отказался от ребенка при рождении. Уна пообещала твоей матери, прежде чем та умерла, что позаботится о тебе, так она и сделала. Уна принесла тебя в этот дом, чтобы вместе с Дунканом заменить тебе родителей.

Прошло много времени, прежде чем до Тристана дошел смысл сказанного. Тишину нарушали только тихое потрескивание поленьев в камине и легкий шелест дождя по крыше. Риган наклонилась через стол и взяла брата за руку.

— Это все не имеет никакого значения, Трис, — сказала она спокойно. — Мы твоя семья и любим тебя, вот что главное.

Трис ничего не сказал; отблески огня отражались в невыплаканных слезах в его глазах.

Риган повернулась к отцу.

— Зачем ты ему сейчас рассказал об этом? — резко спросила она. — Какое все это имеет значение? Не стоило вспоминать о давно прошедшем.

Талискер обычно сдержанно себя вел, и его непросто было разозлить, однако сейчас в его голубых глазах сияла такая ярость, какой Сандро не видел у него много лет.

— Ты что, думаешь, я все это свалил на ваши головы без причины? Ты всегда предполагаешь самое худшее, Ри, не правда ли? Ты никогда не перестанешь считать, что я...

— Есть что-то еще? — сухо поинтересовалась девушка, нисколько не обращая внимания на гнев отца.

— Да. Пять лет назад отец Тристана на смертном ложе признался Ибистер, правительнице Сулис Мора, что он отрекся от сына.

— А какое отношение ко всему этому имеет Ибистер? — удивилась Риган.

— Мама Тристана была ее младшей сестрой. У самой правительницы не было детей, поскольку она никогда не выходила замуж. А значит, Трис по рождению является законным наследником трона Сулис Мора.

Риган и Тристан в один голос ахнули и недоверчиво уставились друг на друга. Риган первая расплылась в широкой улыбке.

— Мой брат будет правителем Сулис Мора! — радостно воскликнула она.

— Нет, — покачал головой Талискер. — Твой брат *уже* является правителем Сулис Мора. Ибистер умерла две недели назад.

Опять последовала долгая пауза, потом заговорил Тристан. Его губы дрожали, и ему с трудом удавалось сохранять спокойствие. Дункану и Сандро голос мальчика в тишине большой комнаты показался совсем детским.

— Что же теперь будет, отец?

— Сандро сразу после кончины Ибистер выехал к нам сюда. Она оставила завещание, где говорится, что наследник ты. Так что сразу после похорон будет выслан эскорт, чтобы доставить тебя в Сулис Мор. Другие таны прибыли на церемонию похорон и останутся на твою коронацию. — Талискер нервно сглотнул слюну, его переполняли эмоции. — Тебе придется уехать и стать

таном, Тристан. Как оказалось, тебе это право принадлежит по рождению.

— Папа, ты ведь поедешь со мной, правда?

По голосу Тристана можно было понять, что он догадался, каков будет ответ отца, еще до того, как закончил вопрос. Талискер подошел к камину и, облокотившись на полку, смотрел на огонь, не говоря ни слова.

— Нет, Тристан, отец не поедет с тобой, — вмешался Сандро. — В Сулис Море произошли ужасные события с нами обоими и со всеми воинами, участвовавшими в заключительной битве...

— Но ты ведь вернулся туда, — нахмурилась Риган. — И остальные воины должны оставаться в городе...

— Я не вернусь туда, Риган, — сказал Талискер.

Девушка тут же вскочила, опрокинув стул.

— С Тристаном там может случиться все что угодно! — выкрикнула она. — Люди могут не захотеть, чтобы он был их правителем. Его могут убить. Ты собираешься оставить сына один на один с судьбой? Что бы сказала мама — твоя драгоценная Уна, — если бы узнала, что ты оказался трусом?

Не дожидаясь ответа, Риган побежала к выходу. Перед тем как выскочить за дверь, она повернулась. Ее лицо было искажено яростью, по щекам градом катились слезы, но Риган их не замечала.

— Ты трус! — выкрикнула она.

Хлопнув дверью, девушка выбежала под дождь.

— Риган, подожди!

Сандро встал и хотел догнать ее, но Талискер его остановил.

— Пусть идет, Сандро. В конце концов, она права.

— Нет, не права. Это слишком опасно для тебя, ты ведь можешь там опять встретиться с душами. Тебе следовало бы ей все объяснить. А что значат ее слова о матери? Когда она стала такой...

— Враждебной? Не так давно. После смерти Уны. Прости меня, Тристан. — Талискер подошел к столу и положил руку сыну на плечо. — Я пытался... прикладывал много усилий, однако твоя сестра... с ней что-то происходит, она не принимает мою помощь.

Тристан молча кивнул. Он взял кувшин пива и долил кружку отца, потом достал с полки еще одну кружку и налил себе. Талискер и Сандро молча наблюдали за ним. Тристан раньше никогда не пил алкогольных напитков, но, похоже, сейчас был самый подходящий момент, чтобы начать это делать. Он улыбнулся слабой, тоскливой улыбкой обоим мужчинам.

— Расскажи мне обо всем подробно, отец, — попросил он спокойно. — Все о битве. Почему возвращение для тебя опаснее, чем для других воинов, о моей матери и о Сулис Море. Я еду туда, чтобы управлять... и мне надо знать все.

ГЛАВА 2

...она уже плакала, когда пошел черный дождь. Она плакала, потому что ее случайно заперли, и скоро обязательно появятся крысы. Когда что-то в первый раз легко задело ее щеку, девочка подумала, что это крыса сидит у нее на плече и копошится в волосах, готовая исцарапать заплаканное лицо. Но она ошибалась. Риган открыла глаза, увидела, что это всего лишь дождь, и зарыдала в голос. Он попадал в амбар через щели в старой кирпичной кладке вместе с тонкими лучами сумеречного света. Нет, это не крысы, но и не дождь. Потянувшись, она поймала одну из больших, черных как смоль капель, но та не была ни мокрой, ни холодной — мягкой. Перо...

Все больше и больше перьев, и звук — ужасный, скрипучий. Звук, который наполнил амбар, он был похож на хаос преисподней, и Риган издала пронзительный вопль ужаса. Девочка вскочила, побежала к двери и отчаянно заколотила в неприступную дубовую преграду.

— Помогите мне-е-е-е, — рыдала она. — Здесь кто-то есть!

А потом они появились. Шум их крыльев казался эхом ее плача, высокий, тонкий звук. Девочка оглянулась и увидела их кривые когти и острые крючковатые клювы.

— Папа... папа, — кричала она. Что-то вцепилось ей в затылок и выдрало целый клок волос. Птицы кричали, издеваясь над ней. Она отвернулась от двери, безуспешно пытаясь защититься от их когтей и клювов руками, а они рвали в клочья тонкую ткань одежды и царапали нежную детскую кожу.

Риган упала на землю, отмахиваясь руками и колотя ногами по земле. Она кричала, но вороны не обращали на ее крик внимания. Теперь они сидели на ее спине. Девочка чувствовала обжигающую боль от их когтей и слышала скрипучее карканье, наводящее ужас. «Они ненавидят даже друг друга», — пришло ей в голову, несмотря на страх. Она просто чувствовала это.

— Злые, ужасные существа! — кричала Риган, продолжая метаться по амбару.

— Риган! О господи, девочка!

Наконец появился свет, и раздался странный шум, словно кто-то бил птиц и прогонял их чем-то. Потом она почувствовала на своих плечах одеяло, и сильные, надежные руки подхватили ее. Это был папа. Он наконец-то пришел...

— Это ужасно, сеаннах...

— Я знаю, Нима. Но здесь смешались и детская память, и фантазии Риган. Иногда они имеют огромную власть над нами, как будто мы даем им такое право.

* * *

Через четыре дня за Тристаном приехали. Сандро встал на рассвете и оставался на улице, дожидаясь всадников. Риган, Тристан и Талискер завтракали в доме в мрачном молчании, заранее попрощавшись. Ожидание оказалось самой тяжелой частью происходящего. Сандро был уверен, что все случится именно сегодня, а предзнаменования не предвещали ничего хорошего. Тристан накануне упал, теперь его ноги болели, и он передвигался медленно, как старик. Мальчик оделся в свою лучшую белую куртку, специально укороченный Уной плед и любимые мягкие кожаные ботинки. Он выглядел чистым и аккуратным, но Талискер понимал, что это вряд ли поможет его сыну быть принятым собранием танов. Сандро очень сомневался, что Ибистер предупредила их о физическом состоянии Тристана, а уж кому, как не ему, знать, насколько суеверными могут оказаться Великие.

— Едут, — заглянул в дверь Сандро.

Не зная зачем, Талискер подошел к камину и надел на пояс меч. Оружие оказалось довольно тяжелым и непривычным после стольких лет, зато он почувствовал себя гораздо увереннее.

— Оставайтесь внутри, пока вас не позовут, — приказал Талискер детям.

Оба согласно кивнули.

Сандро был встревожен. Он не снимал свой меч, его рука нервно сжимала рукоятку, а сам он не отрываясь смотрел на горизонт. Ни о чем не договариваясь, бывшие соратники встали по обе стороны двери, словно караул.

На большой скорости к ним приближались около двадцати всадников. Хотя они были еще довольно далеко, уже слышался цокот копыт и клубилось большое облако красной пыли, поднятой лошадьми.

— Я, наверное, знаю некоторых из них, Дункан, — заметил Сандро напряженным низким голосом. — Позволь мне поговорить с ними.

Талискер кивнул, угрюмо наблюдая, как приближаются всадники. Он не думал, что среди них окажутся знакомые. Человек, едущий во главе отряда, производил сильное впечатление. Пожилой мужчина с длинным бледным лицом и пепельными волосами, одетый в серебряную кольчугу. В лучах зимнего солнца его волосы тоже отсвечивали серебром. Очевидно, тан, но откуда он прибыл, Талискер не имел понятия. Следом за ним, на небольшом отдалении от остальных всадников, ехали двое мужчин с тонкими серебряными обручами на головах. Они выглядели моложе и менее представительно, хотя их одежда и лошади были так же великолепны, как и у первого всадника. Талискер вздрогнул: лицо одного из них показалось ему знакомым. Он наклонился к Сандро, не отводя взгляда от мужчины.

— Это не?..

— Да, это Эйон. Должно быть, он представляет Уллу, — сказал Сандро.

Всадники остановилась перед домом. Какое-то мгновение все молчали. Предводитель изучающе смотрел на Талискера и Сандро и, конечно, заметил, что оба мужчины вооружены.

— Приветствую вас, — наконец проговорил он сухо. — Я тан Хью, правитель южных племен. Это таны Лэхлен и Эйон — представители леди Уллы. Я узнал тебя, сеаннах. Полагаю, ты знаешь, по какому делу мы прибыли. Нам доверено привезти на коронацию в Сулис Мор мальчика Тристана. — Хью сделал паузу и спросил, нахмурившись: — Он здесь или нет?

— Да, — уверил его Сандро, — он здесь. Это Дункан Талискер — приемный отец Тристана.

При упоминании имени Талискера люди из свиты стали переговариваться между собой, пораженные, что видят воина, ставшего легендарным среди Великих. Хью властным движением поднял руку, заставив свиту замолчать.

— Мы хотели бы иметь уверенность в безопасности мальчика, — продолжил осторожно Сандро.

— Я не понимаю, — нахмурился Хью. — Почему вам понадобились такие уверения? Он будет правителем Сулис Мора, с какой стати кто-то причинит ему вред?

— А других претендентов нет?

— Есть один, кузен леди Ибистер, но Тристан наследник первой очереди. У вас имеются сомнения в разумности такого шага?

— Нет-нет, — уверил его Сандро. — Дело в том, что Тристан не совсем здоров... физически.

Хью прищурил глаза, что придало ему неожиданно лукавый вид.

— Что ты имеешь в виду, сеаннах?

Талискер выступил вперед.

— Он имеет в виду то, что сказал. Прежде чем я передам вам в руки своего сына, я должен убедиться, что он в безопасности.

— Талискер, — Эйон тронул лошадь и подъехал к Хью, — ты меня знаешь. Мы сражались с тобой бок о бок в Руаннох Вере. Я никогда не встречался с твоим сыном, но могу гарантировать ему защиту в твою честь. Даю слово, что ему не причинят вреда. Я буду рядом с ним до коронации.

— Ну что ж, отлично, Эйон. — Талискер подошел к нему и тепло пожал руку. — Я благодарен тебе. — Он повернулся к дверному проему. — Тристан, выйди сюда.

Последовала долгая пауза, всадники, казалось, перестали дышать, глядя на дверь. Талискер знал, что Тристан уже идет, но из-за искалеченных конечностей этот процесс занял целую вечность. Хью нахмурился и уже собрался что-то сказать, как на пороге, щурясь от солнечного света, появился Тристан.

— Это что, шутка? — прорычал Хью, и его рука потянулась к мечу.

Трису исполнилось шестнадцать лет, однако его рост не превышал метра сорока. Короткие ноги были слегка искривлены наружу, словно специально для того, чтобы удерживать довольно коренастое тело. Грудь соответствовала бы нормальным размерам, будь у него рост обычного шестнадцатилетнего юноши. Но самым ужасным и самым тяжелым для Тристана было отсутствие шеи — крупная голова размещалась прямо на широких плечах, что заставляло юношу все время склонять ее набок, дабы увеличить поле зрения.

Тристан заговорил четко и ясно, заставив сердце Талискера сжаться от жалости и любви.

— Вы находите меня смешным, сэр?

Хью ничего не ответил, и Тристан продолжил:

— Меня зовут Тристан Талискер. Мне сообщили, что моя мать, умершая во время родов, была младшей сестрой правительницы Сулис Мора, и теперь это право перешло по наследству мне.

Последовало неловкое молчание, прерывающееся сдержанными смешками и покашливанием. Лошадь Хью стала нервно переминаться на месте, и Тристан, продолжая говорить, подошел к ней, чтобы успокоить.

— Ваша лошадь сильно переутомлена, тан Хью, — заметил он между прочим. — Вам следует дать ей хорошо отдохнуть и как следует напоить. — Юноша внимательно посмотрел в глаза животного и добавил, нахмурившись: — Она в опасности.

— В опасности? В какой?

— Ее сердце работает на пределе, — ответил Тристан. — Обратите внимание, какое у лошади поверхностное и слабое дыхание.

Хью ничего не сказал, вынужденный отметить, что Тристан совершенно прав, так как и сам уже около часа наблюдал тревожные симптомы.

Сандро выступил вперед.

— Пожалуйста, спешьтесь и напоите лошадей, желоб находится около конюшни.

— А пока я должен собрать свои вещи, — заметил Тристан.

Никто не сдвинулся с места.

— В чем проблема? — поинтересовался Сандро, с трудом сдерживаясь.

— Ты и сам видишь, что проблема есть, и серьезная, — буркнул Хью. — Я прошу прощения, мне никого не хочется обижать, но мы не можем вернуться назад с этим... этим мальчиком.

Рука Талискера потянулась к мечу.

— Следи за своими словами, Хью, — предупредил он. — Тан ты или нет...

— Ты мне угрожаешь?

Хью, казалось, не был уверен, следует ли ему так реагировать, но большая часть всадников потянулась к своим мечам.

— Я бы на вашем месте спешилась, — раздался звонкий девичий голос. — Если мой брат говорит, что лошадь в опасности, значит, так оно и есть.

Риган выехала из конюшни на чёрном жеребце Сандро Джаггере. Она надела красное платье и широкую черную накидку для верховой езды, в которой Талискер узнал бывшую накидку своей жены Уны. Девушка зачесала назад волосы и предусмотрительно надела на голову серебряный обруч, похожий на те, что были на головах у танов. Когда девушка подъехала ближе, отец заметил на ней меч, валявшийся в мастерской с незапамятных времен и давно заржавевший. Сейчас он блестел — видимо, Риган или Тристан провели много часов, очищая его и затачивая лезвие.

Подъехав к Тристану, девушка наклонилась, взяла брата за руку и помогла взобраться в седло впереди себя. Талискер и Сандро обменялись обеспокоенными взглядами.

— Меня зовут Риган, — сказала она, бросив вызывающий взгляд на почетное собрание всадников. — Мы с Тристаном близнецы.

— Близнецы? — недоверчиво переспросил Хью. — Никто никогда не упоминал о близнецах. Да вы... и не похожи совсем.

— Уверена, вам известно, что близнецы не всегда похожи. Кроме того, думаю, мой настоящий отец был не из тех, кто беспокоится о дочерях, — заметила она мрачно. — А Уна, моя приемная мать, решила, что для нас будет лучше, если мы останемся вместе.

— Но вам известно, что женщины наравне с мужчинами наследуют власть в Сулис Море, — хмуро обратился Хью к Талискеру и Сандро. — Почему нас не предупредили?

— Это правда, Талискер? — спросил Эйон.

Талискер был потрясен. Он понимал, что Риган делает и зачем, однако его сердце дрогнуло при мысли о том, с какой легкостью дочь отказалась от своих настоящих родителей. И еще, прежде ему не доводилось замечать, насколько она похожа на свою мать. Но, так или иначе, выбора у него нет. Он не может перед этими людьми обвинить свою дочь во лжи. После минутного колебания, понимая, что, если будет доказано, что ее утверждение ложно, девушку обвинят в измене, за что ее ждет арест или того хуже, он в конце концов признал:

— Да... да. Это правда. Я бы сразу вам сказал, но в письме Ибистер упоминался только Трис, что объясняется очень просто. Их отец Алистер никогда не говорил ей о Риган.

— Это мой конь, — обеспокоенно прошептал Сандро. — Зачем она взяла Джаггера?

— Нам надо подумать, — решил Хью. — И если мы заберем вас с собой, то следует дать лошадям отдых.

— Конечно, — согласился Талискер.

Всадники подъехали к конюшне и спешились, бросая любопытные взгляды на Триса и Риган. Талискер посмотрел на дочь; она, казалось, едва сдерживала смех, наблюдая за гостями. На ее губах играла легкая улыбка, придававшая девушке лукавый вид, так хорошо знакомый ему с тех пор, как она была ребенком. Отцу пришло в голову, что Риган сделала это не только из альтруистических побуждений — желание быть всегда в центре внимания, присущее ей, также повлияло на решение. Но Дункан поспешил сразу отмести эту мысль, устыдившись своих сомнений в искренности дочери.

— Ри, — спросил он спокойно, — ты понимаешь, что делаешь? Это ведь не игра.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Посмотри на них, папа. Они не собираются брать Триса или, хуже того, причинят ему вред. Он может не пережить это путешествие...

— Но Эйон мне обещал.

— Эйон выглядит хорошим человеком, папа. Но он не член семьи.

Талискер признал, что рассуждения дочери разумны. Похоже, ему придется потерять сразу двоих своих детей, но по крайней мере они будут опорой друг другу.

— А ты рад, Трис?

— Конечно, — расплылся в улыбке мальчик. — Если поедет Ри, все будет гораздо интереснее.

— Интереснее... — мрачно повторил Талискер. — Не думаю, что управлять Сулис Мором будет... хотя какое это имеет значение...

Он замолчал, направился к двери и сел на порог.

К нему подошел Сандро и положил на плечо руку.

— Все это имеет смысл, Дункан. Если таны одобрят их совместное правление, детям будет значительно легче.

— Знаю. Просто... я не ожидал, что они должны будут выйти в мир так внезапно и странно, — пожал он плечами.

— Я поеду с ними, — улыбнулся Сандро, бросив взгляд на Тристана и Риган, наблюдавших за всадниками. Риган красиво сидела в седле, крепко обняв брата за плечи. — Я понимаю, конечно, что для Риган очень важно в настоящий момент достойно выглядеть, но мне хотелось бы получить свою лошадь назад.

Через некоторое время они уехали. Хью решил взять с собой обоих детей, главное решение оставив за Советом танов. Тристан, очень довольный тем, что Риган едет с ним, договорился, что для переезда воспользуется своим пони Пипом, теперь Гордым. Всадники отправились в горы. Талискер наблюдал, как воины окружили Риган, с легкостью вошедшую в роль. Тристан тащился сзади вместе с Эйоном с одной стороны и Сандро — с дру-

гой, приветливо разговаривая с обоими. Когда они поднялись на холм, юноша остановился на мгновение и помахал отцу. Риган даже головы не повернула. Талискер махал рукой и улыбался до тех пор, пока сын не скрылся из виду.

Прошла неделя с тех пор, как Тристан и Риган отправились в Сулис Мор. Казалось, дождь никогда не закончится. Талискер неподвижно сидел в седле и смотрел на добротное деревянное строение, бывшее ему домом. Счастье и любовь, которых он ждал всю жизнь, нашли выражение в этом маленьком пространстве на очень короткий период времени, так быстро сменившийся серым холодом. И принесла этот холод Риган, его собственная дочь. Ему показалось, что он опять слышит дрожащий на ветру детский голос:

— Произошел несчастный случай, папа...

Он смотрел в ее глаза и видел в них отблеск чего-то тревожного, подозрительного. Сомнение накрепко засело ему в голову, и Дункан не смог от него избавиться за все эти годы, воспитывая детей и любя их всей душой. Мысль пыталась обрести форму, словно жила своей особой жизнью. И наконец, однажды в ночной темноте, в холодной постели вдовца она пронизала его мозг, требуя признать право на существование, — Риган могла спасти ее. Она могла спасти свою мать.

С тех пор эта идея не покидала его. Уна умерла весной, и лето без нее больше не наступало.

Направив лошадь вперед, Талискер бросил горящий факел, который принес с собой, в дверной проем. Внутри сразу вспыхнули постель и аккуратно составленная мебель, озарив дом ярким оранжевым пламенем. Лошадь дернулась, почувствовав жар, и попятилась назад. А Талискер долгое время не мог оторвать взгляда и молча наблюдал за пожаром. Возможно, из-за отражающегося пламени выражение его лица не определялось одним словом, в нем читались и печаль, и тоска, и гнев. Наконец он отвернулся от дома и направил лошадь к темной линии леса. Поднявшись на вершину холма, за которым уже было бы невозможно увидеть дом, Талискер резко натянул поводья и развернул лошадь, чуть не свалив ее с ног. Он остановился, чтобы еще раз увидеть, как рушатся опоры крыши, взметая фонтаны искр в ночное небо, гаснущих под дождем, будто маленькие мимолетные костры. Через некоторое время на лице Дункана осталась только печаль. Слезы кончились. Кроме того, он чувствовал, что они в лучшем случае были бы неуместны. Поэтому в его глазах сияло только яркое отражение пламени. Губы что-то шептали, но слова уносил ветер.

— Прощай, Уна... я...

В продолжении не было нужды. Он не сомневался, что ей все известно.

* * *

Первое впечатление от Сулис Мора для Риган и Тристана осталось незабываемым. Сама идея, что они могут управлять огромным городом-крепостью, казалась им почти нелепой. Массивные темные строения были такими древними, что даже сеаннах, хранивший устную историю Великих, не знал, кто построил его. Город занимал около пяти миль долины, лежащей между Голубыми горами на западе и грядой Румора на востоке. Зимой базальтовые скалы чернели из-за частых дождей со снегом, придававших им мрачный, угрожающий вид. Но сейчас, ранним летом, камни казались согретыми солнечным светом, а долина покрылась желто-голубым ковром из полевых цветов.

— Посмотри! — воскликнул Тристан взволнованно. — Я никогда раньше не видел таких больших сарычей.

Эйон улыбнулся его впечатлительности. Просто невозможно устоять перед добродушием и веселым остроумием юноши; кроме того, он так просто обращался с людьми, что за последние несколько дней сошелся с большей частью эскорта. Старый воин заметил, что даже неразговорчивый тан Хью не смог устоять, суровость его смягчилась при виде взволнованного интереса Тристана. Когда юноша разговаривал с людьми, они себя чувствовали самыми важными персонами в мире. Он слушал очень внимательно, действительно слушал, а не выжидал момент, когда сам сможет заговорить, как делает большинство людей.

Накануне ночью он поинтересовался у Хью, правда ли, что в его владениях на юге птицы необыкновенно ярких красивых расцветок, а солнце светит целые сутки. Хью очень серьезно отнесся к вопросу Тристана, потому что понимал: молодому человеку никогда не приходилось бывать дальше подножия гор. Он, казалось, расслабился перед искренним вниманием юноши.

— Это не совсем правда, Тристан, но там значительно теплее, чем здесь. Королевство Лэхлен находится ближе к Руаннох Веру, всего около ста пятидесяти миль на юго-запад. Мои владения гораздо ближе к югу, и из цитадели Кармала Сью виден океан, где мир поглощается туманом. Несколько раз я совершал путешествия в эти северные земли. Расстояние в четыреста миль мы преодолевали приблизительно за несколько недель, в зависимости от погоды. Кроме того, у нас лучшие в мире лошади...

— Правда? — Тристан изумился. — Мне обязательно надо когда-нибудь побывать в Кармале Сью.

— Не стоит терять времени, молодой человек. — К огню подошел Лэхлен и присоединился к разговору. — Всем известно, что лучшие лошади в Сутре из Дурганты — моего королевства.

Оба тана добродушно рассмеялись. Тристан же, не удержавшись от искушения, поднялся и стал оглядываться в по-

исках места, где были привязаны их лошади. Несколько минут он их оценивал, затем повернулся к танам.

— Вы, наверное, дразните меня, господа? По-моему, обе ваши лошади из одного и того же табуна.

Хью не смог сдержать удивления проницательностью Тристана.

— Действительно, ты совершенно прав. Между нашими двумя королевствами есть раздел — огромная трещина в земле. — Он провел линию на земле, чтобы проиллюстрировать свой рассказ. — Мы называем его ущельем Герн, оно очень глубокое. Длиной около мили и свыше мили глубиной. Именно там живут дикие лошади. Только один раз в году мы их берем себе столько, сколько нам необходимо.

Тристан серьезно кивнул, пытаясь представить размеры ущелья. Тут к костру подошли Сандро, Эйон и Риган и сели рядом. Сандро вмешался в разговор.

— Там также живет и медвежье племя сидов, Трис. Это самое большое их племя, и они делят свою преданность между людьми Хью и Лэхлена.

— Теоретически верно, — заметил Лэхлен, — однако на деле мы их очень редко видим, хотя они приносят нам большую пользу — осуществляют сообщение между нашими городами. Медведь передвигается очень быстро и не устает, кроме того, он знает ущелье гораздо лучше, чем любой Великий. Мы редко его пересекаем сами. Я и Хью договорились встретиться в Руаннох Вере, когда получили сообщение о смерти Ибистер. Это мое первое путешествие далеко на север... — Он зябко потер руки. — Здесь всегда так холодно?

Тристан добродушно засмеялся.

— Ведь сейчас лето! В конце года, после Самайна, станет гораздо холоднее. Тогда выпадет снег.

— Снег, — повторил Лэхлен испуганно.

Он опять содрогнулся и сделал это так забавно, что Тристан вновь рассмеялся. Даже Хью не удержался от слабой улыбки, но в его взгляде на Тристана сквозила тревога. Чтобы управлять Сулис Мором, самым большим владением в Сутре, требуется много сил.

Риган во время путешествия говорила мало и держалась несколько отчужденно. Эйон и Сандро видели, что она нисколько не пытается расположить к себе танов, а напротив, холодна и высокомерна. Эйон не знал об обмане насчет близнецов, поэтому Риган ему не нравилась просто инстинктивно, но Сандро понимал, что девушка напугана чудовищной ситуацией, в которую сама себя ввергла.

Сандро проснулся рано утром, когда большая часть свиты, кроме часовых, еще спала. Его мочевой пузырь почти лопался, и он оставил шатер, чтобы облегчиться. Проходя мимо костра, он заметил Риган, отрешенно смотревшую на тлеющие угольки. На плечи накинуто одеяло, руками она обхватила металличес-

кую кружку, словно пытаясь их согреть, хотя содержимое кружки могло быть в лучшем случае чуть теплым. Захватив свое одеяло, Сандро подошел к Риган. Девушка не взглянула на него, даже не подала виду, что слышит его шаги.

— Не спится?

Она не ответила. Вздохнув, Сандро сел рядом с девушкой и тоже уставился на огонь, полностью повторяя ее позу.

— Ты совершила очень смелый поступок, Риган, — сказал он.

Тогда она повернулась к нему. Ее лицо казалось мертвенно-бледным в холодном свете луны, а глаза — усталыми и тревожными, похожими на глубокие, темные озера. На какое-то мгновение в ее взгляде появилось нечто, присущее зрелым людям, никак не шестнадцатилетней девушке.

— Я не могу спать, дядя Сандро. Мне снятся кошмары...

— Да? — Он наклонился вперед. — И как давно это продолжается?

— Очень давно, — ответила Риган уныло. — Когда мне было шесть лет, меня случайно закрыли в амбаре, где хранилось зерно, а они, наверное, там были всегда.

— Кто?

— Птицы.

— Птицы? — переспросил Сандро. — Какие?

— Наверное, вороны...

— Ты не хочешь мне все рассказать? Вдруг поможет?

С несчастным видом она покачала головой.

— Я не могу... я... дядя Сандро... — Было очевидно, что девушка хочет сменить тему. — С вами не случалось такого, что вы что-то делаете, а до этого момента не знали, что собираетесь это сделать? Или говорите, а осознаете, что сказали; только после того, как слова уже произнесены?

— Думаю, и у меня бывало такое, когда я был гораздо моложе.

— Произошло что-то подобное... Я взяла меч, подумав, что он понадобится Трису. А потом... будто что-то проснулось во мне. Когда я сказала... — она оглянулась, — вы знаете...

— Ты слышала чей-то зов? — нахмурился он.

— Нет, нет!

Ее голос прозвучал достаточно уверенно.

— Возможно, это предчувствие. Ты знала, что там лежит меч, и в глубине души очень беспокоилась о брате, поэтому, может быть, твои действия несколько опередили мысли.

Риган кивнула, явно удовлетворенная невнятными объяснениями Сандро.

— Да, — она глотнула из кружки холодного ячменного отвара, — может быть, и так. Я хотела присмотреть за Трисом. Вы верите мне?

— Почему я не должен тебе верить?

Девушка пожала плечами.

— По-моему, отец подумал, что я эгоистична и просто тоже хочу внимания к себе, но это не так.

— Он беспокоился о вас обоих, Риган. Тебе следовало бы поспать немного, завтра мы приедем...

— Я... я боюсь спать. Кошмар и...

— Что?

— Не знаю.

Она выглядела растерянной. Самоуверенная молодая женщина, выехавшая верхом на его коне и объявившая себя и Триса близнецами, исчезла на мгновение, спрятавшись за темным безымянным облаком.

— Вот посмотри. — Сандро сунул руку в карман и достал оттуда круглый предмет величиной с его ладонь. — Возьми. Сид сказал, что он придает мужество и силу.

Предмет отливал в лунном свете серебром.

— Что это? — спросила она. — Серебро?

— Нет. Это особенный камень. Сиды называют его «лунный камень». Сама видишь почему.

Девушка секунду смотрела на камень, а потом сердито сдвинула брови.

— Вы, наверное, до сих пор считаете меня ребенком, сеаннах, если полагаете, что камень может избавить меня от кошмарных сновидений. Не хотите ли также проверить, нет ли в моей постели чудовищ? — Она вздохнула. — Вы правы. Мне действительно надо немного поспать.

Сандро удивился ее циничному ответу, но предпочел не показывать этого.

— Я посижу возле твоей постели, Риган. Интересно, наверное, спать, когда тебя сторожит сеаннах. — Он улыбнулся, стараясь подбодрить девушку. — Я поймаю всех твоих чудовищ из сновидений и отправлю в сказки сеаннаха. Не беспокойся. Уверен, что вы полюбите Сулис Мор, а он полюбит вас.

Девушка ему устало улыбнулась и пошла к своему маленькому шалашу. На какое-то мгновение ей показалось, что чудовища снова здесь, но она быстро уснула. Сандро поймал себя на том, что ему очень интересно, какие сны ей сейчас снятся. Как и обещал, он не стал ложиться спать, а сидел у входа, завернувшись в одеяло. И еще он с удовлетворением отметил, что лунный камень Риган все-таки зажала в руке.

На следующее утро не было заметно никаких следов ее ночных страхов, разве что темные круги под глазами...

— Это не сарычи, Трис, — объяснял Эйон. — Это сиды-орлы. Хотя с Сулис Мором граничит племя рысей, многие другие захотели приехать на коронацию нового тана.

Риган тоже пришла посмотреть на птиц и стояла, прикрыв глаза рукой от солнца.

— А какое им дело, кто станет новым правителем Сулис Мора? — хмуро спросила она. — Только Великие могут решать такие вопросы, правда ведь?

Эйон удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Сандро же, напротив, не был так осторожен.

— Тебе еще много надо узнать, Ри. Здесь все не так, как в деревне. Сиды и Великие гордятся своими дружескими отношениями. Орлы прилетели, чтобы приветствовать Тристана у границ города.

Казалось, Риган восприняла это как оскорбление, хотя никто в городе не знал, что едут два потенциальных правителя Сулис Мора. Пришпорив лошадь, она нагнала Сандро на узкой тропе и спокойно обратилась к нему:

— Сеаннах, я была бы очень благодарна, если бы вы с этого момента перестали называть меня Ри.

— Что? — Сандро готов был рассмеяться, но увидел серьезное выражение лица Риган. — Понимаю, — согласился он, потом повернулся к Трису и сделал большие глаза.

Тот хихикнул. Риган ничего не сказала, просто поскакала вперед, пока не оказалась впереди всех всадников, рядом с Хью.

— Что же будет? — спросила она осторожно. — Сулис Мор, похоже, в шоке.

Почти неделя ушла у танов на то, чтобы принять решение. Отныне Тристан и Риган должны были управлять вместе. Все время ожидания к ним приходили для бесед помещики клана Ибистер и наносили визиты высокопоставленные лица из числа Великих. До коронации Трису и Риган было запрещено покидать их апартаменты, расположенные на верхнем этаже главного замка. Шикарные, увешанные дорогими яркими гобеленами, они оказались гораздо больше, чем тот небольшой дом, недавно покинутый братом и сестрой. Риган и Трис спали в роскошных мягких кроватях и ели что хотели и когда хотели.

На второй день, когда Трис скучал в главной гостиной, пытаясь наиграть новую мелодию на своей деревянной арфе, из спальни вышла Риган.

— Посмотри, Трис, — хихикнула она, — кто я?

Риган медленно двигалась, стараясь удержать на голове четыре подушки, постоянно сползающие с ее головы. Немедленно поддержав идею, Трис встал и сделал шутовской поклон.

— Миледи, с такой замечательной осанкой кому, как не вам, быть правительницей Сулис Мора! — Он обвел глазами комнату и увидел вазу с яблоками и инжиром. — Ага, — воскликнул Трис, — не хочет ли миледи поразвлечься?

— Что?

Трис взял несколько фруктов и жонглировал ими, пока Риган не подошла к нему. Потом влез на стул и стал укладывать их на подушки у нее на голове.

— Трис, ты сошел с ума, — засмеялась Риган, — они сейчас упа...

— Нет-нет, подожди, — перебил ее Трис, поспешно заканчивая формировать из фруктов необычную маленькую корону, украсив ее охапкой цветов, которую вытащил из вазы на столе.

— Трис, вода с цветов намочила мне платье, — простонала Риган, продолжая смеяться и стараясь удержать на голове странное сооружение.

— Давай-давай, — подбадривал ее он. — Покажи, как ходит настоящая леди.

Подобрав юбки, не глядя вниз, девушка начала медленно двигаться к двери. Она изо всех сил старалась сохранить серьезность, но когда цветы падали на пол, смеялась вместе с братом. Дойдя до двери, Риган резко развернулась, все еще стараясь удержать на голове остатки короны.

— Браво! Браво!

Трис принялся подпрыгивать на стуле, хлопая в ладоши в шутовской манере. Вдруг, без предупреждения, открылась дверь, заставив Риган отпрыгнуть в сторону. Сооружение свалилось с головы, образовав на полу большую кучу. Выражение ее лица было бесподобным, словно девушка неожиданно избавилась от тяжкой ноши. И брат, и сестра расхохотались, не обращая внимания на посетительницу, серьезную пожилую служанку, приставленную, чтобы прислуживать им. Женщина стояла с изумленным видом, уставившись на двоих молодых людей.

— Сеаннах Сандро Чаплин велел передать вам, что он поднимется через полчаса, мисс, — проговорила она отрывистым раздраженным тоном. — Я сейчас все уберу.

Служанка направилась к куче мокрых цветов, фруктов и подушек.

— Оставь! — резко приказала Риган, моментально перестав смеяться. — Ступай отсюда. — Пожилая женщина ничего не сказала, только молча поклонилась и вышла из комнаты. — Старая хрычовка с кислой физиономией!

Риган бросила подушку через всю комнату.

— Ты была довольно груба с ней, Ри.

Трис все еще продолжал смеяться.

— Груба? Груба? Да я собираюсь поджечь ее старую костлявую задницу, когда стану правительницей, — фыркнула Риган. — Посмотрим, приобретет ли она чувство юмора, когда до конца своих дней будет чистить горшки вместо того, чтобы прислуживать здесь. — Девушка топнула ногой. — Я не стану этого терпеть,

Брат, все еще во власти смеха, состроил кислую физиономию.

— Что ты не будешь терпеть? Теперь все должны смеяться над твоими шутками, а? Тогда им лучше не рассказывать про пастуха и пастушку, а то придется обезглавить целый город.

Через комнату полетела подушка и угодила ему прямо в лицо, сопровождаемая смехом Риган. В те дни Тристан еще мог ее рассмешить.

У Риган всегда были проблемы с сидами. Она их терпеть не могла и не скрывала этого. Все началось с памятника в Северной долине, «плохих землях», как большинство людей все еще называли их, задуманного Ибистер незадолго до смерти. Это было первым крупным делом молодых правителей, которое им предстояло завершить. Огромная гранитная с серебром плита должна была быть установлена в миле от города на север и увековечить поле боя, где произошла последняя битва за Сулис Мор и погибли тысячи воинов. Тристан и Риган никогда не забывали о героическом прошлом своего «приемного отца», участвующего в этом конфликте, и стремились исполнить свой долг, так что день начинался достаточно приятно...

Риган теперь поселилась в огромных апартаментах, расположенных на верхнем этаже центрального замка крепости, и Тристан чувствовал себя одиноко и неуверенно в своих собственных комнатах на нижнем этаже, куда он переехал сразу после ухода сестры. Она возражала, считая, что комнаты на нижнем этаже не соответствуют нынешнему статусу брата. Но он просто пожал плечами и настоял на своем. Трис не стал объяснять, что ему с больными ногами очень трудно преодолевать длинные пролеты лестниц, ведущих на верхний этаж, и что его мучают сильные боли каждый раз, когда приходится подниматься. Позже Риган поняла это и сама, без его объяснений, однако в то время ее голову занимали иные мысли. Тристан знал, что такое дистанцирование было ошибкой, но свой выбор сделал из практических соображений.

В то утро, когда они должны были одобрить памятник, ему пришлось подниматься наверх. Надо сказать, что в некоторые дни Тристану это приносило еще большие мучения, чем всегда, поэтому, пройдя половину пролета, он остановился отдышаться. Услышав за спиной шум, юноша повернулся, чтобы уверить чересчур заботливого слугу, что с ним все в порядке. Издав удивленное восклицание, Тристан уцепился за перила лестницы, словно надеясь, что железо сможет защитить его. За его спиной, заполняя собой почти всю ширину лестницы, возвышался огромный коричневый медведь. Первый медведь-сид, которого ему пришлось увидеть так близко. В отличие от юноши медведь без всяких усилий

поднимался по лестнице, ворочая из стороны в сторону большой квадратной головой.

Когда животное приблизилось к Тристану, темные коричневые глаза уставились на него оценивающим взглядом. Потом медведь остановился и слегка склонился перед юношей, приглашая его вскарабкаться на спину. Тот сначала не двинулся с места, испугавшись, что неправильно понял приглашающий жест зверя. Животное искоса посмотрело на него и нетерпеливо зарычало. Тогда Трис вскарабкался на широкую спину и уцепился руками за основание шеи зверя, и тот продолжил движение. Юноша заметил, что медведь довольно стар. В его медово-коричневой шерсти, приятно пахнущей мускусом, были заметны серебряные нити. Кроме того, он носил мало украшений, только одну серебряную серьгу с большим пером в правом ухе. Ни он, ни Риган еще не встречали пожилых представителей племени сидов. Ему показалось очень странным подниматься по лестнице на спине огромного зверя.

Риган стояла в дверном проеме, наблюдая за ними.

Опустив Триса на пол, медведь встал на задние лапы и склонил голову. Он оказался почти трехметрового роста. Тристан церемонно ответил на поклон, а Риган присела в небрежном, коротком реверансе.

— Добро пожаловать, сэр, — произнесла она.

Из прихожей появился Сандро, заинтересованный происходящим на лестнице.

— Маркомет! Старый... медведь! Неужели это ты? — расплылся он в улыбке. — Не ожидал тебя увидеть.

Медведь опустился на четыре лапы и что-то прорычал в ответ. Потом неожиданно исчез в зеленом пламени, таком ярком, что присутствующим пришлось отвести взгляд. Какое-то время фигура зверя была не видна в ярком свете, а когда пламя стало угасать, на месте медведя возник высокий статный мужчина, одетый в костюм из разноцветных перьев и мягкой кожи. Длинные седые волосы были украшены тонкими косичками и перьями, но самым интересным Тристану показались его босые ноги с серебряными кольцами на пальцах.

— Сеаннах. — Мужчина улыбнулся Сандро, сверкнув белоснежными зубами, показавшимися особенно белыми на фоне теплого золотистого оттенка его кожи. — Давно уже ты не посещал наши края. Собираешь сказки к зиме? — Он опять поклонился Тристану и Риган. — Я — Маркомет, старейшина из клана сидов, представитель южных племен. А вы, должно быть, молодые тан Тристан и леди Риган? Простите мне этот визит без предупреждения, но я являюсь представителем Совета, и меня попросили прибыть сюда.

Риган нахмурилась.

— Извините, сэр, а почему именно вы должны были прибыть?

— Для того чтобы увидеть окончательный вариант памятника, леди.

— Понимаю, — ответила она высокомерно. — Сандро, мне надо поговорить с вами.

Как только она и Сандро оказались в гостиной и за ними закрылась дверь, Риган повернулась к удивленному сеаннаху.

— Я понимаю, что здесь для меня все ново, но, очевидно, я что-то упустила.

— Что случилось, Риган? Он сказал что-то обидное?

— Какое отношение памятник имеет к сидам? Это в порядке вещей, что они вмешиваются в дела Великих?

— Теперь мне все ясно, — ответил Сандро. — Может быть, вам станет понятнее, когда вы увидите памятник, леди Риган.

Девушка еще больше нахмурилась, и ее рот превратился в узкую тонкую линию, что стало довольно частым явлением, как отметил Сандро.

— Не надо относиться ко мне как к ребенку, дядя Сандро. Расскажите все сейчас.

— Риган... леди Риган, — запутался Сандро. — На самом деле здесь не о чем беспокоиться. На памятнике изображены представители всех племен сидов. Совет, очевидно, хотел, чтобы была соблюдена справедливость.

— Но почему? — потребовала она разъяснений. — Почему они на первом месте?

Сандро вздохнул.

— Потому что без сидов Бразнаир никогда бы не был вовремя привезен на север для финальной битвы. Кроме того, они сражались с нами бок о бок в большинстве битв. Многие из них погибли рядом с нашими воинами.

Глубоко задумавшись, Риган расхаживала взад и вперед.

— Сеаннах, а кто придумал, что там должны быть изображены сиды?

— Ибистер, — коротко ответил Сандро, чувствуя тревогу.

— Риган. — В комнату вошел Тристан. — Что происходит? Разве можно заставлять Маркомета ждать так долго, это неприлично. Кроме того, мы должны уже быть на месте.

Сандро бросил на Триса предупреждающий взгляд.

— Что происходит? — нахмурился Трис.

— Леди Риган считает, что могут возникнуть проблемы с проектом памятника, — объяснил Сандро тактично.

— Откуда ей знать? Мы ведь его еще не видели, — возразил Трис нетерпеливо. — Сандро, мы должны еще кого-то встретить на крыше?

Сандро кивнул.

— Друвена и его свиту. Они известят Совет о дате вашей коронации. Идем, Риган?

Та кивнула, больше не сказав ни слова.

Риган следовало бы догадаться, зачем встречу назначили на крепостной стене. Со времени их приезда Тристана и Риган не представили пока еще ни одному сиду-орлу, и теперь три из них летели им навстречу...

— О нет! Она же их боится, правда, сеаннах?

— Не мешай, Нима... просто смотри.

На стене собралось много народа: тан Лэхлен, оставшийся на коронацию, пара помещиков из Сулис Мора, чьих имен Риган пока не знала, Маркомет и еще два сида, похоже, из одного клана. Риган стояла впереди, за ее спиной — Тристан и Маркомет. С юга дул освежающий ветер, и Риган показалось, что он проникает до самого желудка, так как у нее все сжалось внутри, когда она увидела трех сидов-орлов.

Птицы подлетели ближе. Тристан, завороженный их великолепным полетом, вдруг вспомнил о страхах Риган и сделал шаг вперед, чтобы приободрить сестру. Он крепко взял ее за руку.

— Со мной все в порядке, Трис, — пробормотала она.

Но с ней далеко не все было в порядке. Холодный всепоглощающий страх сковал тело, грудь сдавило, ей стало трудно дышать, и, несмотря на освежающий ветер, девушка покрылась холодным потом. Птицы приближались, их вожак — огромный орел с почти черным плюмажем — уставился на Риган немигающими желтыми глазами. Когда они опустились на зубцы крепостной стены, их крылья подняли такой ветер, что присутствующим пришлось придерживать одежду и пледы. Два других орла немедленно приняли человеческий облик, но Друвен продолжал пристально смотреть на Риган.

Чувствует ли он, что она боится? Девушка изо всех сил пыталась выглядеть спокойной, хотя внутри у нее все дрожало. Волосы, растрепанные ветром от крыльев, закрыли ей лицо, но она не делала попыток убрать их. Друвен и девушка не отрывали друг от друга взглядов, как показалось Риган, очень долго. За это время ни один из них не пошевелился.

— Добро пожаловать, герцог Друвен, — проговорила она наконец.

Девушка склонила голову, смертельно побледнев. Трис схватил Сандро за руку.

— Сеаннах, — прошептал он взволнованно, — Риган...

Прежде чем юноша успел договорить, прекратилась борьба взглядов Риган и Друвена. Огромный орел распахнул массивный клюв и издал гортанный звук. Новоиспеченная правительница Сулис Мора негромко вскрикнула от страха и потеряла сознание. На крепостной стене возникло смятение, потому что все бросились на помощь Риган. Тем не менее ее обморок продолжался всего несколько секунд, а затем страх сменился смущением и, наконец, гневом.

— Оставьте меня в покое! — воскликнула она Сандро и Маркомету, пытающимся ей помочь. — Со мной все в порядке. Перестаньте суетиться...

Девушка стояла с крепко сжатыми от ярости губами, похоже, считая, что Друвен специально напугал ее. За то время, пока все суетились вокруг Риган, сид-орел принял человеческий облик и с виноватым лицом подошел к Риган.

— Мне очень жаль, леди. Я вовсе не хотел вас пугать.

Он поклонился и протянул руку, но Риган проигнорировала его жест и оттолкнула Сандро, на которого налетела, проходя мимо. Когда она посмотрела на Друвена, в его глазах на мгновение мелькнула усмешка, которая быстро исчезла.

— Я нормально себя чувствую, — вызывающе сказала Риган. — Просто забыла сегодня позавтракать, и у меня закружилась голова, вот и все.

Друвен кивнул и еще раз предложил ей свою руку.

— В знак моего сожаления позвольте сопровождать вас вниз к конюшням, леди Риган, — сказал он.

Она смотрела на протянутую руку с тревогой. Потом, как и Друвен, девушка постаралась скрыть свои чувства и слегка прикоснулась к его руке, позволив сопровождать себя вниз по лестнице. Ее взгляд не остался незамеченным, и реакция Риган на сидов-орлов, так любимых прежней правительницей леди Ибистер, показалась всем очень плохим предзнаменованием.

— Давайте же наконец пойдем смотреть памятник, — улыбнулась Риган.

Тристан распознал в слегка приподнятых уголках ее рта все что угодно, только не улыбку.

Памятник был великолепен. В лучах утреннего солнца он сверкал слепящим блеском. Серебряная сердцевина была оправлена в красный гранит, который восемь месяцев доставляли в город. Высота обелиска достигала десяти метров. Каменщики и серебряных дел мастера только сегодня утром подняли его в вертикальное положение, что потребовало огромных человеческих сил. По этой причине вокруг памятника собралось множество людей, желающих посмотреть на монумент или увидеть, какое впечатление он произведет на Тристана и Риган.

Среди строительного мусора расчищалась небольшая площадка для высокопоставленных посетителей, и женщины все еще поспешно выметали пыль и мелкие осколки. В центре всего этого скопления стоял обелиск, словно молчаливый страж, излучая полное спокойствие. Тристан и Риган прибыли верхом, в сопровождении свиты, которая стала свидетелем инцидента на крепостной стене. Больше никто не мог увидеть реакцию Риган.

У нее ушло всего около двух минут на то, чтобы оценить произведение искусства. Не дожидаясь, чтобы ее представили рабочим и собравшимся там жителям города, Риган спешилась и подошла к обелиску. Трис остался на спине пони, изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимо, так как все еще не привык к вниманию людей. Он подъехал к основанию монумента, восхищаясь красотой резьбы.

Серебряных дел мастера изобразили битву за Сулис Мор в прекрасной, стилизованной манере. Все, кто участвовал в ней, а таких было достаточно много, могли бы сказать, что реальные события выглядели совсем иначе, и люди умирали не в таких вычурных позах, а скорее корчась от ужасной боли. Тем не менее искусство молодых мастеров бросалось в глаза. Кроме того, был совершенно очевиден идеализм молодого поколения Великих по отношению к своим предкам. Над полем боя, в небе, где светило двойное солнце, парили сиды-орлы, а среди воинов были сиды-медведи и сиды-рыси.

Сандро и Маркомет тоже подошли поближе, чтобы посмотреть резьбу, и стояли спокойно, погруженные в мысли, полные скорби и воспоминаний. Друвен находился немного позади, задумчиво наблюдая за Риган. Тристан подумал, что это замечательно — знать таких мужчин и женщин. И как было бы хорошо, если бы его отец тоже был здесь и смог увидеть памятник. Ведь, в конце концов, он построен и в его честь, и он такой прекрасный...

— Нет, не пойдет, — заявила Риган и повернулась к главному мастеру, сиявшему от гордости. — Вы должны изменить проект. Я пришлю инструкции.

Она вернулась к лошади и легко вскочила в седло. В толпе стал нарастать шум, когда люди поняли, что Риган отказалась от мира. Она натянула поводья и уехала.

— Риган!

Трис не был уверен, что он правильно понял происходящее, и растерянно озирался по сторонам, чувствуя, что его положение перед толпой после отъезда сестры стало угрожающим.

— Все в порядке, Трис.

Сандро близко наклонился к нему, сознавая, что нервы юноши могут не выдержать. Он повел его пони к укрытию, где находился и Джаггер. Лицо сеаннаха было искажено яростью.

— Хотелось бы мне, чтобы здесь был твой отец, Трис, — пробормотал он. — Девчонка заслуживает хорошей пощечины.

В глубине души Тристан был полностью согласен с Сандро, но преданность сестре взяла верх.

— Она не просто девчонка, Сандро. Риган теперь ваша правительница.

Они добрались до укрытия, где Сандро сел на коня, сразу возвысившись над Тристаном, и улыбнулся, понимая, какая дилемма стоит перед мальчиком.

— Прости меня, Тристан. Я знаю, она твоя сестра, но... — он пожал плечами, — оглянись вокруг. Это плохое начало.

Юноша посмотрел на людей, столпившихся во дворе, — они оживленно обсуждали поступок Риган. Мастера, чей момент славы так и не состоялся, стояли около памятника и спорили, какая именно его часть не понравилась леди, остальные выглядели расстроенными. Одна женщина чуть не плакала.

— ...в конце концов, я свободный человек.

— Что?

— Сеаннахи — свободные люди. — Сандро поджал губы. — При всем моем уважении к вам, ни ты, ни Риган никогда не будете моими правителями. А здесь я из-за вашего отца. — Тристан немедленно смутился, а Сандро дружески рассмеялся. — И из-за тебя, конечно. Я обещал проследить, чтобы с тобой все было в порядке.

Маркомет пришпорил лошадь и поравнялся с ними.

— Черт возьми, сеаннах, что происходит?.. Извините, тан Тристан, все в растерянности.

— Скоро узнаем, Маркомет, — ответил Тристан серьезно. — Но я подозреваю, что вам это не понравится.

— Что за черт, Ри? Пытаешься обидеть всех жителей Сулис Мора?

Тристан был в ярости, и она казалась еще сильнее оттого, что очень редко ему приходилось бывать в таком состоянии. Даже Риган слегка опешила от неожиданности: ее всегда безмятежный брат взбунтовался!

— Ты видела этих людей? Этих бедных рабочих? Сандро сказал, что они работали над памятником около года... Как ты могла? Из-за тебя мы выглядим бесчувственными, невнимательными и... чертовски глупыми.

Риган резко повернулась к брату и отвесила ему сильную пощечину. Сандро, единственный из посторонних, кому было разрешено присутствовать при разговоре, едва сдержал изумленное восклицание.

— Послушай меня. Если мы хотим быть здесь правителями, то должны сразу всем показать, что к нам надо относиться серьезно. Памятник должен быть переделан...

— Это все из-за животных, сидов-орлов, ведь так?

Трис бросал вызов, все еще держась рукой за щеку, как будто опасаясь, что сестра ударит снова. Но он должен был знать правду.

Наконец что-то заставило Риган смутиться.

— Нет... не совсем. Мне просто не верится, что сиды так просто...

— Стали частью жизни Сутры? — вмешался Сандро спокойным, мирным голосом. Риган была слишком возбуждена, ее глаза сверкали, и уговаривать ее бесполезно. — Так оно и есть, леди Риган. Я говорил по пути сюда, что вам предстоит многое узнать... Не стоит беспокоиться. Вряд ли возникшие препятствия непреодолимы...

Риган бросила на Сандро косой взгляд, прекрасно сознавая, что тот хочет успокоить ее.

— Я иду спать, — сказала она твердо.

— Но, Ри, Лэхлен сегодня вечером устраивает в нашу честь прием, — нахмурился Тристан. — Будет невежливо, даже грубо, если...

Риган вскинула брови.

— Я правительница, Тристан, и могу позволить себе быть и невежливой, и даже грубой, если мне захочется. Скажите Лэхлену, что у меня болит голова. А теперь уходите. Оба.

Какое-то мгновение Тристан смотрел на сестру, лишившись дара речи. Он не мог поверить собственным ушам. Пожалуй, ее слова оказались хуже пощечины. Сандро печально покачал головой.

— Пошли, Трис, — сказал он спокойно, обнимая юношу за плечи. — Риган устала...

Сеаннах вывел его из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь, как будто внутри находился тяжелобольной. Но за дверью развернул Тристана лицом к себе и посмотрел ему в глаза.

— Послушай меня, мальчик, — сказал он, — нельзя ей позволять так с собой обращаться. Ты понимаешь меня? Обязательно поговори с ней утром, когда она успокоится...

— Она просто устала, сеаннах. Птицы напугали ее, а Риган не хочет этого признавать. Все будет в порядке.

Но Тристан понимал: вряд ли его слова смогут кого-нибудь убедить, и в первую очередь самого себя.

ГЛАВА 3

— Смотри, изображение исчезает... Скорее, девочка. Ты должна снова разбудить воду... осторожно, осторожно. Замечательно, Нима. Теперь мне понятно, почему твои соплеменники выбрали именно тебя... Вот смотри...

Да, Риган и Тристан часто ссорились, но первые пять лет правления «близнецов» или около того жизнь в Сулис Море протекала спокойно и мирно. Нельзя сказать, что Риган изменила свое отношение к сидам, но она оставляла дела, связанные с ними, Тристану. По-своему брат и сестра дополняли друг друга, но хотя Риган считали сильной, а Тристана слабым, никто не мог бы сказать, что она нравится ему в качестве правительницы. Ибистер завоевала сердца соплеменников, а Риган всегда была высокомерной и сдержанной. Тристан же, наоборот, пользовался всеобщим расположением, хотя его огорчало, что оно было сродни тому, которое обычно дарят детям. Обладая тонкой интуицией, он чувствовал, что его никто не уважает...

— Возможно, все правители испытывают подобное чувство неудовлетворенности тем, как к ним относится их народ... но я отвлекся. Давай опять посмотрим на воду. Сейчас я попытаюсь показать тот период, когда история изменила направление. Смотри...

Риган каталась верхом. Ей хотелось побыть одной, но это не разрешалось. Некоторые раздражающие правила предусматривали, что правителя во время поездок должна обязательно сопровождать охрана, как она полагала, на случай какого-нибудь происшествия. Девушке это казалось абсолютной бессмыслицей. Между ней и ее свитой возникло нечто вроде игры. Риган всегда находила возможность убежать. Иногда она пряталась в гуще деревьев, наблюдая, как они проезжают мимо, и смеялась про себя, в то же время отмечая фамилии тех, кто проклинал ее в сердцах.

После пары таких поездок свита изменила тактику. Теперь они брали с собой специального человека — конюха или охотника, в чьи обязанности входило быть постоянно рядом, охранять правительницу и замечать наиболее подходящие места, в которых Риган могла спрятаться. Конечно же, она знала, что среди конюхов стало предметом гордости не дать ей уйти от себя. Только в двух случаях им это удалось. Риган притворилась, что ей это абсолютно безразлично, однако посчитала делом своей чести узнать имена тех двух конюхов и потом поощрила их. Она убеждала себя, что это прагматизм чистой воды, но игра приносила удовлетворение ее тщеславию.

Сегодня счет игры тем не менее был не в пользу Риган. Всадник, которого выбрала свита, оказался слишком хорош, ей никак не удавалось сбежать от него. Кроме того, шел дождь. Морось омыла склоны Румора, от чего скалы пробрели черный цвет и стали скользкими. От земли поднимался влажный приятный запах. В таких условиях она могла передвигаться только легким галопом. Риган забралась в горы выше, чем намеревалась. Вскоре тропинка исчезла, а склон стал гораздо круче; ей пришлось замедлить ход и перейти на шаг. Она решила попетлять и незаметно

вернуться домой. Конюх не сможет ее увидеть, и ему ничего не останется, как блуждать, пытаясь разыскать след, а она уже будет в Сулис Море попивать медовый напиток.

Насмешливо улыбнувшись, Риган решила было повернуть назад и начать запутывать след, как вдруг ей в голову пришла одна мысль: она не видела и не слышала своего охранника уже около часа. Девушка нахмурилась. Факт был необычным, она, должно быть, потеряла охранника давным-давно и не заметила этого... Погрузившись в мысли, Риган перестала внимательно следить за лошадью, в конце концов та споткнулась и сбросила всадницу со спины.

Падение было неудачным, острый камень попал под ребра, и у нее перехватило дыхание. Вытянув руки, девушка попыталась опереться на них и вскрикнула от сильной боли, пронизавшей правую руку. Она была беспомощна и не могла дышать. Риган громко закричала, отыскивая взглядом свою лошадь, и тут впервые увидела пуму. В горах водилось много таких животных, больших и голодных. Коричнево-желтая шерсть торчала клочьями. Риган было известно, что обычно животные редко нападают на человека, но эта из-за сильного голода могла попытаться, а она, из-за своих ран, наверняка станет легкой добычей.

— Уходи! — закричала девушка. — Катись отсюда!

Она схватила с земли камень и бросила в кошку, та отступила назад, но и не подумала убегать, как надеялась Риган. Вместо этого пума стала маленькими шагами в завораживающем ритме ходить туда-обратно, не отводя от девушки злобного взгляда.

Риган запаниковала. Посмотрев налево, метрах в десяти она увидела свою лошадь. Конечно, она не подойдет, пока рядом находится пума. Собравшись с силами, Риган еще раз попыталась встать, и опять острая боль разлилась по правой руке. Девушка попробовала переместиться вверх, однако стала сползать по скользкой поверхности скалы. Ругаясь и потея, она решила попытаться еще раз, но в этот момент услышала, что к ней приближается всадник.

Сперва Риган подумала, что это ее потерявшийся охранник. Слышно было, что сначала всадник перемещался неспешно, а затем шаг стал быстрее — видимо, всадник заметил лошадь Риган.

— Я здесь! — закричала она.

И в этот момент она его увидела. Это был мужчина, одетый в темно-красную тунику и штаны необычного для Сутры фасона. Черные волосы, зачесанные назад, открывали лицо с довольно резкими чертами. Глубоко посаженные глаза сверкнули, когда он окинул взглядом тропу, оценивая ситуацию. В этот момент Риган заметила на его правой щеке линию голубых символов, которые подчеркивали высокие скулы. Незнакомец не сразу заговорил с Риган, а сперва посмотрел на пуму, приготовившуюся к

прыжку и рычавшую на него. Словно в ответ на то, что сказал ему зверь, мужчина сдвинул красивые брови и спокойно заговорил с животным, настолько спокойно, что Риган поразилась. Пума издала горловой звук, прозвучавший скорее как жалоба, чем как угроза, повернулась и ушла, не оглядываясь.

— Спасибо, — улыбнулась Риган. — Хотя на самом деле где-то недалеко находится мой охранник, но...

Человек оглянулся на тропу, никого пока не было видно. Он спешился и подошел к Риган. Девушка почувствовала беспокойство. У него на боку она заметила кинжал с изогнутым длинным лезвием. Незнакомец все еще ничего не говорил ей, но его поведение вряд ли можно было назвать угрожающим. Подойдя к девушке, мужчина опустился на землю и взял ее за руку.

— Ой! — вскрикнула она от боли. Он с понимающим видом кивнул, что вызвало раздражение Риган. — Послушайте, кто вы такой... а-а-а! — Пока она говорила, незнакомец дернул ее руку и както повернул одним мгновенным движением. Едва боль немного отпустила, Риган пришла в ярость. — Вы, глупый...

Она подняла руку, пошевелила пальцами, потерла предплечье — боль ушла.

— Рука была вывихнута, — спокойно заметил он. У него был сильный мелодичный голос, Риган редко приходилось слышать такие голоса. Мужчина ободряюще улыбнулся ей. — Позвольте мне, пожалуйста, осмотреть вашу другую руку.

Она неохотно протянула руку и приготовилась к лечению. Но на левой руке было только слегка растянуто сухожилие в запястье.

— Все в порядке, — сказал он, ощупав кость. — Нужно доставить вас домой. Вы далеко живете?

— В Сулис Море, — ответила она, удивленная тем, что незнакомец не догадывается, кто она. — Я...

— Леди Риган... миледи... — На тропе наконец показался пропавший охранник, и Риган даже почувствовала сожаление по поводу того, что они с незнакомцем так мало времени провели наедине.

— Иди сюда! — крикнула она.

Неверно оценив ситуацию, всадник вытащил свой меч.

— Нет, — скомандовала Риган. — Убери оружие. Этот человек — друг. Меня сбросила лошадь, а потом чуть не напала пума. Он поедет с нами в Сулис Мор на ужин. А ты пойди и найди мою лошадь, — сердито добавила девушка.

Охранник сделал то, что ему было приказано.

— Итак, вы приглашаете меня поужинать с вами? Или приказываете? — спросил незнакомец.

Он помог ей подняться на ноги, но рука Риган оставалась у него в ладони несколько дольше, чем требовалось.

— Ну, я... — смутилась Риган. — А что вы предпочитаете?

— Я не приверженец условностей, леди, — ответил он сухо. — Но для меня было бы честью, если бы вы попросили.

— Что ж, отлично. Не согласитесь ли вы поужинать со мной?

Незнакомец немного помедлил, и Риган показалось, что он уже готов ответить «нет», однако мужчина кивнул, улыбнулся и сказал:

— С удовольствием.

Вернулся охранник с лошадью Риган, и они отправились в долгий путь к городу.

— Как вас зовут, сэр? — спросила девушка.

— Джал.

Пума смотрела, как они уходили, хвост ее судорожно подергивался от волнения. Она не знала, зачем этот человек попросил ее напугать женщину. На ее костях совсем мало мяса. Но у пумы не было выбора, он обещал отпустить ее трехмесячного детеныша в целости и сохранности.

— Вот, значит, как они встретились. Все достаточно безобидно, правда? Начало его четырехлетнего восхождения к власти. В первый год он практически ничего не делал, поэтому его присутствие оставалось незамеченным в городе. Но если оглянуться назад, это было самое важное время, когда формировалась его связь с Риган. Джал затеял долгую игру, хотя, честно говоря, сомневаюсь, что он знал тогда, чего именно надеялся достичь. Возможно, чувствовал, что власть над Риган, а вследствие этого и над Сулис Мором, будет ему наградой, но вряд ли это могло удовлетворить его амбиции...

Риган была очарована новым знакомым, чей статус менялся в зависимости от ее настроения. Временами он был ее личным доктором, или секретарем, или помощником, а иногда доверенным лицом... Отговорить ее не мог никто, даже Тристан, инстинктивно невзлюбивший Джала. Некоторые считали, что влияния своего он добился при помощи таблеток, трав и отваров. Сам я сомневаюсь, что это правда. Джал могущественный маг, и, как многим властным людям, привлекательность свойственна его натуре. Однако в его влиянии было что-то более основательное... не пойми меня неправильно, Нима, я не говорю о сексе. Любопытно отметить, но, насколько мне известно из моих источников, Джал и Риган никогда не спали вместе. Он достаточно мудр, чтобы перешагнуть грань их дружеских отношений, потому что понимает: таким образом он разрушит в ее глазах свой идеализированный образ. Есть еще очень много способов завоевать влияние над человеком... и некоторые из них весьма неприятные...

Джал использовал один трюк. Если бы Риган узнала, как часто он его проделывал, она пришла бы в ярость. Джал представил себе ее лицо — густые темные брови, сдвинутые вместе,

чувственные капризные губы, сжатые в твердую прямую линию. Он усмехнулся и продолжал идти через замороженные комнаты к спальне. Вся крепость Сулис Мора, окружавшая его, пребывала в полной тишине. Мороз сковал стены, а по каменному полу стелился туман. Джал «украл» замок, взял во временное пользование. Он шел мимо представителей клана, слуг, превратившихся в камень и стоявших неподвижно. Когда он проходил через большой холл, где находились несколько подвыпивших гуляк, Джалу пришло в голову отобрать цветной мяч у молодого человека, который собирался бросить его, желая произвести впечатление на девушку. Когда время вернется к нормальному течению, молодой человек попытается ударить по мячу, а вместо этого под его рукой окажется воздух.

Никто не знал о его шальных проделках, но жители города стали говорить о привидении, разгуливающем между ними. Упоминалось ощущение холода и неожиданные порывы ветра, ерошившие волосы и поднимавшие одежду. Джал всегда изображал скептицизм, слыша такую «чепуху», но на деле все это его очень забавляло. Поднимаясь по лестнице в комнату Риган, он самовлюбленным жестом откинул волосы с лица и пригладил их, словно она могла его увидеть. Девушка, как и все остальные, должна была быть сейчас заморожена. Джал выбирал этот момент с особой тщательностью. Толкнув тяжелую дверь, он вошел, чувствуя обычное сильное волнение.

Девушка была не одна. Джал не смог сдержать громкого восклицания. Увиденное повергло его в шок. Риган лежала в объятиях симпатичного парня. Ее любовник не спал в момент колдовства, а с восхищением смотрел на девушку. Джал подошел ближе к балдахину над четырехугольной кроватью и уставился на юношу. В течение нескольких мгновений он не мог узнать его; потом до него наконец дошло: это Фрезер, сын главного министра Риган. Сама она называла молодого человека не иначе как «безмозглым», но, как видно, отсутствие у парня мозгов никак не влияло на интимную жизнь с ним. С ее стороны было очень необдуманно пускать Фрезера к себе в постель.

Джал посидел несколько минут, глядя на Риган. На его лице невольно появилось такое же выражение, как и у Фрезера. Потом он потянулся и дотронулся до нее. Его пальцы пробежали по гладкому изгибу нежной щеки, по шее, по прохладному выступу ключицы. Он остановился только тогда, когда пальцы легко коснулись груди, наслаждаясь ее беззащитностью. Риган, его правительница, его королева... просто его Риган.

Взгляд Джала на мгновение вернулся к Фрезеру, потому что ему в голову пришла неожиданная мысль. Его губы злобно искривились, а на лице появилась угрожающая усмешка. Он бродил по комнате до тех пор, пока не нашел то, что искал. Столо-

вый нож Риган лежал на столе. Двигаясь быстро, Джал схватил нож и, не медля ни минуты, вогнал его в шею Фрезера. Конечно, молодой человек не мог умереть, не мог даже истечь кровью в замороженном состоянии. Но это будет очень интересная смерть, моментальная, как только он вернет их в свое время. И когда Риган проснется, ей очень понадобится помощь, *его* помощь.

Джал стал на колени и поцеловал холодные губы. Скоро она будет принадлежать ему. Очень просто взять ее силой, подчинить себе и властвовать над Сулис Мором, лишив Риган воли, однако в данный момент эта игра была пока просто игрой. Его пальцы перебирали кисточки на ее корсаже, но потом он оставил их.

— Позже, леди, — пробормотал Джал, повернулся и вышел из комнаты.

— Джал, Джал, проснись! Пожалуйста, проснись!

— Что? Иду. Одну минуту.

Джал сел на стул и уставился на дверь, не двигаясь. Затем медленно сделал большой глоток из бокала, встал, глубоко вздохнул и взъерошил волосы, чтобы создать видимость того, что он только что проснулся.

— Джал...

— Леди Риган? Это вы? — Он бесшумно подошел к двери и прижал ухо к дереву, слыша ее взволнованное дыхание. В конце концов Джал открыл дверь и слегка поклонился, запахивая одежду и щурясь от света свечи. — Моя королева, — улыбнулся он весело, — я готов вам служить днем и ночью.

В его словах прозвучал явный намек, но Риган просто смотрела на него широко открытыми от страха глазами.

— Он мертв, Джал. Фрезер мертв.

— Фрезер?

— Хозяин поместья Бродин. Сын моего главного министра.

— Я не понимаю...

— В моей постели, — воскликнула она. — Мы... были любовниками. Он в моей постели, Джал, с моим ножом в горле. — Ее стало трясти. Наконец наступила реакция. — П-посмотри.

Она распахнула халат, чтобы показать пятна крови на ночной рубашке. Джал не сразу отреагировал, но в его глазах не было и намека на удивление.

— Нужно срочно действовать, — сказал он. — Мы должны... — Он помедлил немного, будто пытаясь что-то решить, потом вздохнул. — Мы должны избавиться от тела.

Даже в таком возбужденном состоянии Риган заметила, насколько он спокоен.

— Ты не собираешься меня спросить, не я ли его убила? — спросила она шепотом.

— Это не мое дело, Риган.

Он твердо посмотрел ей в глаза, как будто пытаясь успокоить девушку, но то, что он назвал ее просто по имени, не ускользнуло от них обоих.

— Я... я не могу вернуться туда, Джал.

Риган тяжело опустилась на стул и закрыла глаза дрожащими руками.

— Риган, Риган, посмотри на меня. — Он отнял руки от ее лица мягко и ласково. — Тебе не надо ходить в свою комнату, пока я не разберусь с этой ситуацией.

Джал наклонился к ней, все еще придерживая за локоть, и протянул руку, чтобы убрать со щеки волосы, испачканные засохшей кровью. Она инстинктивно отклонила голову, чего Джал предпочел не заметить. Он испытывал странную смесь чувств, что-то между гневом и жалостью, однако не стал на это обращать внимания и ободряюще улыбнулся, удивляясь, что девушка не может прочесть правду в его глазах.

— Жди здесь. Я все улажу. Он скоро собирался уезжать домой?

Она уныло кивнула:

— Завтра.

Джал на минуту остановился, оглянувшись на ее понурую фигуру. Все рухнет, если она соберется с силами и поднимет тревогу...

Риган подняла бледное, бескровное лицо, и когда заговорила, голос ее был едва слышен. Джал засомневался, что она совсем не любила этого несчастного Фрезера.

— Что такое?

— Посмотри.

Он вытянул руки по направлению к девушке с того места, где стоял, и, когда распрямил пальцы, буквально из ниоткуда возник яркий пучок света, который стал двигаться к Риган. Когда свет достиг ее, он остановился прямо перед глазами девушки и начал увеличиваться в размерах, изменяться, становясь серебристо-белым.

— Джал... — выдохнула Риган.

Очень медленно свет принял форму розы, и девушка, с выражением восхищения на лице, как у довольного ребенка, потянулась, чтобы коснуться цветка. Свет немного отодвинулся, чтобы девушка не могла дотянуться до него, и снова стал меняться, вибрируя и трансформируясь, подобно сидам. На этот раз он превратился в крошечного дракона, и его маленькие крылья подняли ветер в неподвижном воздухе спальни.

Джал долго наблюдал, как расслабляются черты Риган, следы перенесенного потрясения постепенно стали исчезать с лица, расслабились плечи. А следом за этим дошла очередь до глаз, они закрылись.

— Я не знала, что ты умеешь колдовать, — пробормотала девушка.

— Просто маленький фокус, которому я научился... он немного развлечет тебя, пока я не вернусь.

Джал опять повернулся к двери, чтобы уйти.

— Джал, а ты умеешь что-нибудь еще?

Он улыбнулся, изобразив на своем лице скромность.

— Увы, у меня слишком мало таланта. Я потратил целый год, чтобы научиться этому фокусу.

— Жаль. — Риган откинулась на бархатную спинку стула, пытаясь бороться со слабостью. — Не знаю, как и благодарить тебя, Джал.

Он вышел на лестницу замка, которую опять заморозил легким движением пальцев, пока они разговаривали.

— Я что-нибудь придумаю, — пробормотал он.

Конечно, придумает. Вот как взращиваются семена благодарности. Похоже, судьба пока на стороне Джала. Фрезера долгое время никто не хватился. Примерно около шести месяцев. В Сулис Море посчитали, что он отправился домой в семейное владение в Бродене, как и планировалось, а дома у него решили, что он задержался в Сулис Море...

Сначала Тристан скрывал свою неприязнь к знакомому Риган, как только мог. Он думал, что делает это из верных побуждений, так как сестра обладала сильным характером и была способна принимать собственные решения, но постепенно, в течение двух последующих лет, влияние Джала на нее стало таким сильным, что это уже не могло остаться незамеченным. По иронии судьбы, он в отличие от других подобных манипуляторов пользовался не слабостью Риган, а ее силой. Джал отметил в ее характере сильное чувство независимости и упрямство. Замечательные качества, если пользоваться ими мудро. И он стал направлять молодую правительницу в качестве советчика во всех делах Сулис Мора. Джал вел с ней красноречивые беседы о политике, торговле, пограничных делах, но больше всего о сидах. Только в этом вопросе Джал использовал слабость Риган — ее страх.

Памятник стоял на линии горизонта к северу от города уже почти восемь лет. Он все еще был великолепен. Мастера проконсультировались с сеаннахами и шаманами сидов по поводу местоположения монолита, и теперь в полдень от его серебряной поверхности отражались яркие лучи солнца. В конце концов, в первые годы правления, не будучи еще такой самоуверенной, чего никак нельзя было сказать сейчас, Риган изменила решение, и обелиск возвели так, как планировала Ибистер. В северной долине на мили вокруг был только один предмет, привлекающий внимание, — памятник...

Кроме того, Тристан тем утром обнаружил, что в двух милях на север от памятника, неразличимая с самых высо-

ких башен города, находится огромная воронка. Тристан катался верхом один, ему разрешалось это делать в отличие от сестры. В зависимости от настроения факт, что он имеет такой малозаметный статус в Сулис Море, или раздражал его, или нет.

В тот необычно теплый осенний день, накануне Самайна, Тристана не волновало его положение. Молодой человек знал, что отсутствие эскорта могло быть истолковано как недостаток уважения к нему со стороны двора, но в этом было и преимущество, так как он мог остаться наедине с собой и спокойно подумать. Он как раз беспокоился о Риган, точнее, об отношениях сестры с Джалом, когда обнаружил воронку. Тристан глубоко задумался, его взгляд рассеянно блуждал по окрестностям. Ритмичный перестук копыт и солнечное тепло почти погрузили юношу в сон, когда лошадь остановилась на краю воронки.

Тристан сразу догадался о ее происхождении. Он считал своим долгом узнать все о битвах, в которых его отец и Сандро сыграли такую героическую роль. Воронка образовалась, когда Корвус, пребывавший в магическом плену именно в этом месте, освободился от заклятия. Довольный тем, что обнаружил такое важное место, Тристан с трудом заставил упирающуюся лошадь сдвинуться с места и стал спускаться по склону вниз на дно воронки.

Воздух застыл, вокруг царила полная тишина. Все звуки будто поглощались склонами воронки, оставаясь наверху, там, где была поверхность. Солнечный свет тоже не решался проникать ниже чем на несколько футов, и Трис вскоре оказался в холодной тени. По мере того как он спускался, перед ним вырастало буйное сплетение кустов и деревьев. Здесь он услышал первый звук — голос птицы, скорее всего вороны. На звук отозвалось еще несколько ворон, и вскоре негодующий хор заполнил окружающее пространство. Он доносился из кустов навстречу Тристану, вторгшемуся в их владения.

В отличие от Риган Тристан не боялся птиц, однако в угрожающем крике ворон в окружающей тишине было что-то очень нервирующее. Он почувствовал, как на лбу выступил пот, а живот от волнения свело судорогой. Постаравшись успокоиться, юноша направил своего коня в обход подлеска, очень надеясь, что вороны не охраняют какие-нибудь поздние кладки яиц, что заставило бы их устроить над ним самосуд. Подлесок был очень густой, и Трис медленно двигался в стороне от него, пытаясь разыскать какие-нибудь остатки жилища, но вокруг не было видно ничего, хоть отдаленно напоминающего человеческое пристанище.

Чувствуя разочарование, Тристан уже собирался повернуть назад, решив, что чем быстрее он покинет это царство ворон, тем лучше, когда ему показалось, что он заметил какое-то движение среди деревьев. Что-то черное и крупное словно повторяло взмахи крыльев птицы.

Тристан спешился и пошел в лес. Нервы были напряжены до предела, он приготовился сразу же бежать в случае внезапной атаки ворон. На краю подлеска юноше показалось, что на земле что-то блестит. С того места, где он находился, предмет был похож на золотой. Обдирая руки и колени, Тристан пополз вперед, не обращая внимания на то, что колючки на кустах ежевики и жимолости рвут его одежду. Приблизившись, он протянул руку и зажал предмет в кулаке.

Как только это произошло, подлесок взорвался шумом. Вороны закаркали, черные крылья яростно забили по веткам деревьев, раскачивающимся из стороны в сторону. Тристан не стал дожидаться, чтобы выяснить, он ли вызвал недовольство хозяек леса. Не глядя на предмет, зажатый в руке, юноша побежал назад к лошади. Животное фыркало и явно начало паниковать из-за того, что вороны подняли такой гвалт. Трис сознавал бесполезность попыток заставлять лошадь подниматься по склону наверх, поэтому натянул поводья, чтобы пустить лошадь вскачь, но у животного, судя по всему, было свое мнение на этот счет, лошадь осталась стоять на месте и только била копытом. Трис оглянулся назад на лес — вороны приближались, направляясь к нему ленивым потоком.

— Вперед, черт возьми!

Он опять натянул поводья упрямой лошади, и на этот раз она рванула вперед. Задыхаясь, Тристан стал карабкаться по склону, но короткие ноги слишком медленно двигались. Вороны догнали его и вцепились в волосы. Он громко ругался и пытался отбиться от них свободной рукой. Нельзя сказать, что птицы сильно потрепали его, однако место на голове, откуда был вырван клок волос, саднило. Выбравшись наконец на солнечный свет на поверхности воронки, он почувствовал необыкновенное облегчение. Посмотрев назад, Тристан обнаружил, что вороны остались внизу, возможно, не рискнули оставлять свои гнезда. Создавалось впечатление, что их поглотила тень.

Как только дыхание восстановилось, он счастливо ухмыльнулся и впервые разжал кулак, чтобы посмотреть на свою находку.

То была кость, покрытая золотом и усыпанная, как ему показалось, драгоценными камнями. Золотая цепь, продетая в отверстие в середине и тоже украшенная драгоценностями, превращала предмет в ожерелье, и все-таки это была кость, ошибиться он не мог, потому что в поврежденном, судя по всему, воронами месте, где сошел слой золота, она ясно была видна. Кто мог потерять или оставить здесь такую вещь, было загадкой, но Трис уже решил, что делать с находкой. Он решил ее отдать Риган.

Всю ночь накануне они спорили о Джале, и Трису очень хотелось бы расспросить сестру поподробнее о причине ее поступка. До него дошли слухи, касающиеся приказа Риган в

отношении племени сидов-рысей. Она потребовала, чтобы те переселились дальше на восток. Их племя размещалось рядом с Сулис Мором; теперь ближайшее поселение сидов будет находиться в пятидесяти милях от города, что, конечно же, помешает старейшинам выполнять свои функции в городе. Сей факт нисколько не беспокоил Риган, которая и не пыталась побороть неприязнь к сидам. Однако простым людям Сулис Мора будет их явно не хватать, поскольку они относились к этому племени с опаской и гордились им. Считалось, что сиды приносят удачу. Тристан не привык мыслить в масштабах государства, тем не менее отчетливо понимал: если Риган не будет считаться с чувствами людей, неприятностей не миновать.

Юноша почти добрался до стен города, подъехав к воротам с западной стороны, когда его внимание привлекло кое-что, чего он не заметил, когда выезжал на прогулку. На голой равнине около замка только кое-где росли кусты, что придавало ей вид пустыни, поэтому коричневая окраска перьев орла не сразу бросалась в глаза. Под сплетением веток одного из кустов лежал труп сида-орла. Тристан подъехал поближе. Птица погибла уже довольно давно и начала мумифицироваться. Причина смерти была очевидна: в ее шее торчало копье.

Трис обратил внимание на цвет перьев, разбросанных вокруг мощных когтей. Господи, кто же мог убить одного из воинов Друвена? Тристан осмотрел копье, но на нем не было никакого клейма. Решив, что необходимо связаться с Друвеном, юноша направился в город. В глубине души он догадывался об истинном положении вещей, но, как и многие другие, отогнал эту мысль прочь.

— Он отдал сестре ожерелье, учитель?

— Да, Тристан — мастер самоотречения. Он ничего не может с собой поделать и в людях всегда видит хорошее. Но уже через неделю он обнаружил, что ожерелье носит Джал. Конечно, юноша рассердился и потребовал от Риган объяснений, почему она отдала его подарок. Та же беззаботно ответила: «Потому что Джал сказал, что ему необходима эта вещь». Когда же Тристан стал настаивать, сестра рассмеялась: «Оно ему так понравилось, Трис, просто загипнотизировало его. Мне очень жаль, но на меня эта игрушка не произвела особого впечатления, и я отдала ему...»

На этом делу бы и закончиться. Влияние Джала на Риган могло возрастать гораздо более медленно, однако появилось еще одно обстоятельство, которое Тристан не мог проигнорировать...

Скоро должен был пойти снег. У Тристана ныли кости, когда медленно, как старик, он поднимался по лестнице в апартаменты Риган. Юноша больше не проклинал свои бесполез-

ные ноги, но, если говорить откровенно, порой накатывало знакомое раздражение. Похожее чувство вызывают некоторые слуги: они уважительно пятятся, делая смешные поклоны, которые одновременно раздражают и заставляют помимо воли смеяться.

У входа в апартаменты Риган Трис остановился, чтобы восстановить дыхание, и оглянулся, прежде чем начать специальные упражнения, которым научила его служанка Грейс. Она показала ему, как растягивать ноющие сухожилия и мышцы, но он не мог этого делать в присутствии посторонних людей. Упражнения в исполнении Грейс были похожи на элегантный, медленный танец; у него получалось совсем иначе. Когда Трис посмотрел в сторону дверного проема, он увидел у самой двери кучу серых тряпок, причем куча двигалась.

Это была молодая женщина лет восемнадцати—двадцати с необычными серыми глазами и чертами представительницы племени сидов-медведей.

— Привет. — Трис кивнул ей и улыбнулся. В ответ девушка сердито нахмурилась. Он попытался еще раз. — Что ты здесь делаешь? Это апартаменты леди Риган. Слуги прогонят тебя...

— Не смогут, — возразила она.

Тристан ждал что-нибудь вроде объяснений, но ничего подобного не последовало.

— Да? Почему же?

Юноша старался, чтобы его голос не звучал сердито, возможно, девушка просто не знала, кто он. Она смотрела на него тяжелым, высокомерным взглядом, очень напомнившим ему сестру.

— Таков древний закон, — стала объяснять девушка. — Я буду здесь находиться до тех пор, пока меня не выслушает правитель, вернее, оба правителя, — решительно закончила она.

— Да? — Тристан никогда об этом не слышал. Он подошел к двери и сел рядом с девушкой, что ее немало удивило. — И как же это происходит?

— Вы смеетесь надо мной?

Девушка еще больше нахмурилась.

— Нет, что ты.

Она решительно прищурила глаза.

— Я буду здесь до тех пор, пока правительница не выслушает меня, или я умру.

— У-умрешь?

— Да.

— Но ты такая молодая. Разве можно из-за каких-то политических проблем умирать?

— Политических? Это не политические проблемы. Ваша... — Она оглянулась вокруг, словно опасаясь, что кто-нибудь может подслушать, и понизила голос. — Ваша сестра и ее... советник убивают сидов.

— Что? Не может быть! У тебя неверные сведения.

Девушка холодно посмотрела на Тристана. В ее взгляде сквозило презрение и что-то вроде жалости.

— Неужели вы думаете, я находилась бы здесь, если бы у меня были хоть малейшие сомнения?

— Нет, но твоя информация может быть неверной.

Пока юноша произносил эти слова, в его памяти возник мертвый сид-орел.

— Многие пропали, — сказала девушка. — Исчезли. Моего брата нет уже три месяца.

Трис вздохнул.

— Послушай...

— Марила.

— ...Марила. Я тоже правитель. Ты изложила мне свою жалобу, и я обязательно поговорю с сестрой. У меня нет сомнений, что здесь произошла какая-то ошибка. У тебя нет нужды оставаться около дверей леди Риган. Сколько ты уже здесь? Видишь ли, я не часто поднимаюсь, чтобы встретиться с сестрой, — ноги болят.

— Сэр, я вижу, что вы добрый, разумный человек... я не хочу вас обижать... однако мне необходимо поговорить с леди Риган. Она знает правду о происходящем. Я здесь уже почти неделю.

— Неделю? Наверняка она много раз проходила мимо за это время!

— Да, сэр. Но я буду ждать до тех пор, пока она не примет меня.

Тристан встал.

— Это переходит все границы! — воскликнул он. — Я собираюсь поговорить с ней немедленно. Никуда не уходи, Марила.

— Я и не собираюсь.

Тристан распахнул дверь в комнату сестры.

— Что происходит, Ри? — спросил он.

Риган, которую причесывала служанка, буквально подпрыгнула на стуле, когда дверь с размаху ударилась о стену.

— Оставь нас, — спокойно приказала она девушке. — О чем ты говоришь, Тристан?

— О сидах, — хмуро буркнул он. — Что происходит с сидами?

Какое-то мгновение Риган молча продолжала укладывать волосы, хотя ее движения стали какими-то рассеянными.

— Я высылаю их из города, если ты это имеешь в виду...

— Что? Но... — Тристан был в смятении, — зачем, Ри?

— Потому что я так хочу, — ответила она спокойно. — Трис, не надо изображать, что тебе известно все происходящее в городе. Ты ничего не понимаешь. Слишком долго сиды вмешиваются в жизнь Сулис Мора. — Она махнула рукой. — В конце концов, я позволяю им вернуться домой. Разве это не благородно с моей стороны?

— Ты убиваешь их, Риган?

— Что? — Она казалась искренне потрясенной. — Нет... кто тебе это сказал? Неужели та девушка, за дверью?

— Ты с ней уже говорила?

— Нет, мне показалось, что она хочет выразить какое-то недовольство. Я скоро с ней поговорю. Не стоит облегчать ей задачу, верно? Если у нее появилось желание сделать глупый драматический жест, самое меньшее, чем я могу помочь, это взять на себя обязательство... — она улыбнулась, ее злой юмор взял верх, — что не позволю ей умереть от голода, клянусь.

И она не позволила.

— Тристан, Тристан, проснись! — Грейс настойчиво трясла его за плечо. Он протянул руку и привлек ее к себе. — Нет, нет, перестань! Я должна тебе кое-что сказать...

Напряженный голос девушки наконец пробился в его одурманенный сном мозг. Трис никогда не был ранней пташкой.

— Что случилось?

Он сел в кровати, протирая глаза.

— Риган. Она сделала ужасную вещь. — Грейс выглядела очень расстроенной. Точнее, она просто плакала. — Я спустилась в кухню, чтобы забрать поднос с твоим завтраком, и один из работников мне сказал... Риган повесила людей за измену.

— Нет!

Грейс кивнула с несчастным видом.

— Не знаю точно, сколько человек. Может быть, десять...

Тристан был уже на ногах и натягивал на себя одежду. Его обычно добродушное лицо помрачнело, черты обострились.

— Когда? — спросил он.

— На рассвете. На восточной рыночной площади.

— Сиды или Великие?

— Не знаю.

— Оставайся здесь, Грейс. Могут возникнуть неприятности.

Он взял ее за плечи и заглянул в испуганное лицо.

— Нет, подожди, Тристан. Послушай меня. Тебе одному не справиться. Нужно попросить помощи. В конце концов, возьми с собой несколько воинов. — Казалось, юноша не слышит ее, выражение его лица было совершенно отрешенным. — Послушай, Тристан, пожалуйста, послушай меня! — умоляла она.

— Я слушаю тебя, Грейс, — наконец отозвался он.

— Пообещай мне, что не сделаешь ничего необдуманного.

Она встала с того места, где сидела на кровати. Грейс была невысокой девушкой, но все равно смотрела на Тристана сверху вниз.

Обычно его это не беспокоило, он мирился с реальностью, однако в то утро воспринял этот факт как пощечину. У него

не было в городе никакой власти, потому что Риган успешно изолировала брата от правления, так что сделать он практически ничего не мог. К сожалению, Тристан был неполноценен и беспомощен.

— Так больше продолжаться не может, Грейс, — пробормотал он.

— Я знаю.

Шел сильный дождь, и на рыночной площади висели десять трупов. Над городом нависла почти осязаемая пелена горя и неверия в то, что произошло. Площадь обезлюдела — то ли из-за погоды, то ли из-за того, что непереносимо было видеть убитых мужчин и женщин. Тристан промок до нитки. Влажная одежда прилипла к замерзшему телу. Он стиснул зубы, чтобы они прекратили стучать, и направил лошадь к виселицам, желая посмотреть на синие, безжизненные лица жертв Риган и Джала.

Восточная площадь была самой отдаленной от центральной части города, где можно построить виселицы, не привлекая особого внимания. Но Риган вряд ли могла надеяться, что ей удастся сохранить экзекуцию в секрете. Большей частью повешенные были Великими, однако в самом конце ряда висели трое молодых сидов. У Тристана вырвалось горестное восклицание, когда в последнем казненном он узнал Марилу. Чья-то милосердная рука закрыла прекрасные серые глаза прядью длинных волос. «Сэр, я вижу, вы добрый и разумный человек», — так сказала девушка. Тристан почти рассмеялся вслух, пораженный горькой иронией ее замечания. На самом деле она имела в виду «вы совершенно бесполезный человек». И, как ни печально, была права...

Холодный ветер нес дождь по пустой площади со звуком, напоминающим чье-то шумное дыхание. Только один Тристан, сидя на своей лошади, смотрел на повешенных. Его слезы были незаметны и, наверное, неуместны. В конце концов он достал кинжал, подъехал к Мариле и опустил ее тело на землю, обрезав веревку. Это была тяжелая работа. Его руки онемели от холода, а нож и веревка были скользкими, но наконец тело упало, приняв в грязи совсем не грациозную позу. Тристан на этом не остановился, он перешел к следующему трупу — молодому воину сидов, потом к следующему. К тому времени, когда подошла очередь четвертого повешенного, он уже не чувствовал от холода рук, а душа была полна горя и гнева. Услышав за спиной какие-то звуки, Тристан повернулся и увидел небольшую группу людей, пришедших на площадь, чтобы понаблюдать за странным поведением своего бесполезного тана.

— П-помогите мне, — пробормотал он сквозь слезы. Долгое время никто не двигался. Жители города смотрели на него с любопытством, словно их правитель говорил на незнакомом языке. — Помогите мне, — повторил Тристан.

Опять никто не двинулся с места. Люди жались друг к другу и круглыми от потрясения и жалости глазами смотрели на увечного юношу.

— Вы слышали, что сказал тан Тристан? Помогите ему!

Резкий голос Грейс вывел людей из стопора. Девушка приехала на рыночную площадь с тремя воинами, и сейчас они направились ему на помощь. По мере того как один за другим трупы опускали на землю, к виселицам потянулись люди, собираясь в скорбные группы вокруг казненных. До Тристана не сразу дошло, что среди них могут быть родственники повешенных. Громкие рыдания женщины разнеслись над площадью. Тристан сильно наклонился вперед в седле, его сознание помутилось. Он почувствовал, как кто-то накинул ему на плечи одеяло, но, решив, что не пристало в такой момент чувствовать комфорт, юноша стряхнул его с себя.

— Поехали, Тристан, — раздался голос Грейс, и кто-то повел его лошадь с площади.

Он выпрямился.

— Нет, подождите. — Тристан пытался обернуться назад, чтобы увидеть плачущих людей. — Я... я...

— Поехали, сэр.

На этот раз это был мужской голос, и Трис повернулся назад, чтобы посмотреть в лицо воина, который пытался руководить им.

— Мне кажется, нам следует уйти, — твердо повторил мужчина.

Тристан бессильно кивнул и позволил увести свою лошадь с площади.

В этот день он ничего не сказал Риган. Не было ничего необычного в том, что они не виделись по нескольку дней, а Тристан не мог заставить себя идти разыскивать сестру. Ближе к вечеру, когда прошел шок от происшедшего, он нашел в себе силы расставить все по своим местам. Тристан и сейчас предпочитал верить, что без влияния Джала все было бы по-другому. Но факт оставался фактом: Риган не способна править. Несчастные были повешены только за то, что осмелились публично пожаловаться на нее или с уважением вспомнить Ибистер. Никто из них не занимал сколько-нибудь заметного положения в обществе, это были обыкновенные жители города. Тристану оставалось признать, что Риган убила четырех сидов: сида-орла и троих повешенных. Так что, вполне возможно, Марила была права, когда говорила об остальных.

Кое-что еще открылось ему тем утром. Тристан увидел это в глазах родственников казненных — он во всех отношениях слаб. Его народ не знал своего тана — или он не знал свой народ? У него не было врагов в Сулис Море. Но в то время как Трис думал, что люди относятся к нему с симпатией, ему было невдомек, что симпатия и уважение — совсем не одно и то же. Короче говоря, Тристану требовалась помощь.

В сумерках из города выехал всадник, направлявшийся в Руаннох Вер, в город леди Уллы, к Друвену и его воинам, к правителям сидов — Текумсеху и Тенксве. Всадник вез письма с мольбой Тристана о помощи, обращенной к правителям как Великих, так и сидов. Уллу он просил передать послание дальше на юг в Дурганту и в Кармал Сью, если там согласятся помочь. Риган должна быть арестована, чтобы предстать перед судом Большого Совета, а Джала необходимо признать опасным для людей и, возможно, казнить, если будет необходимо.

На то, чтобы получить ответ от леди Уллы, требовалась неделя, и все это время Тристан провел в своих покоях, практически не покидая их. Риган прислала слугу, чтобы справиться о его здоровье. Тристан ответил, что простудился и что у него, как обычно поздней осенью, возникли проблемы с дыханием. Конечно же, ей было известно, что произошло на площади возле виселиц, но, судя по всему, так же, как и он, Риган не хотела усиливать конфронтацию, поэтому предпочитала молчать.

— Итак, Нима, мы добрались до нужного момента. Посмотри, дно долины уже освещено лучами рассвета. Завтра наступает сегодня, Тристану уже совсем скоро понадобится моя помощь. Я должен идти...

— Но, учитель, я ничего не понимаю. Если они придут арестовывать Риган, почему убегает Тристан? Почему его преследуют?

— Ты должна еще немного посмотреть... продолжай. Хотя тебе следовало бы узнать одну вещь, которую вода не показала. Тристан выкрал ожерелье.

— Ну и что? Неужели это все из-за ожерелья?

— Именно так Тристан и подумал, Нима. Это был довольно глупый поступок, вызванный злостью и ревностью, но, полагаю, мы должны простить бедного Тристана. Он пытался объединить силы для борьбы. Когда от Уллы пришел ответ, был разработан план... Впрочем, мне надо идти и играть свою роль. Ты можешь продолжить гадание в доме, если хочешь. Наблюдай за нами и желай удачи, если она нам понадобится. А я обещаю, что вернусь, как только смогу...

ГЛАВА 4

— Риган, проснись!

Девушка моментально открыла глаза — ей опять снились перья, черные перья, много. Она сонно моргала.

— Джал? Что ты здесь делаешь? Что случилось?

— На объяснения нет времени. — Он бросил ей на кровать платье и накидку для верховой езды. На лице Джала застыло выражение холодной ярости, он расхаживал взад и вперед в небольшом пространстве возле ее кровати. — Одевайся!

— Что? — Риган шокировала его грубость. Странно было слышать такие слова от человека с прекрасными манерами. Судя по всему, его переполнял гнев. — Нет. До тех пор, пока ты не объяснишь, что происходит...

Джал остановился и хмуро посмотрел на Риган, как будто на глупого, бестолкового ребенка.

— Хорошо, — медленно проговорил он. — Сюда идут люди, чтобы убить тебя. Этой информации достаточно?

— Что? Нет, здесь, наверное, какая-нибудь ошибка.

— Никакой ошибки нет. Послушайся меня и просто одевайся. Нам нужно уходить.

— Куда? — Риган вылезла из кровати и стала натягивать платье. Тревога в голосе Джала странно ассоциировалась с последними фрагментами ее сна. — Я из города не уеду, если ты это имеешь в виду. Это мой город...

— Твой и твоего брата.

Он произнес эти слова с особым выражением, вложив в них дополнительный смысл.

— Трис? Какое отношение ко всему этому имеет Трис? — От неожиданной тревоги у нее засосало под ложечкой. — С ним все в порядке?

— О да. С ним все в порядке, я уверен, — ухмыльнулся Джал. — Он тебя предал и призвал на помощь остальных танов. Сейчас в Сулис Мор направляется целая делегация, чтобы сместить тебя.

— И это сделал Трис? — воскликнула она. — Нет, не может быть... и потом, я ни в чем таком не провинилась. Он, наверное, расстроился из-за повешенных?

— Не могли бы мы обсудить это по пути?

Джал обнял ее за талию. Риган завернулась в накидку, и они направились к выходу.

— Но куда мы идем?

Джал забрал фонарь, который поставил на полку около двери, когда проник в спальню.

— Мы не должны позволить им добраться до города, Риган. А самое безопасное место для тебя, пока это все не закончится, рядом со мной. — Он уже готов был выйти, но вдруг остановился, повернулся и пристально посмотрел ей в глаза. — Ты ведь мне доверяешь, правда?

— Конечно.

— Хорошо. С Тристаном поговорим позже.

Они ехали по долине по направлению к Ор Койлу, пустив лошадей в галоп. Стояла непроглядная темень. Мир Ри-

ган сейчас состоял из неистового кружения холода и пара, которые девушка и ее конь выдыхали в ночной воздух. Она сильно наклонилась вперед, почти прижавшись к шее лошади, захваченная азартом погони. Сердце колотилось как бешеное. Сознавая, что лошадь может пасть под ней, Риган могла думать только об одном: «Тристан предал меня... Тристан предал меня...»

Она не сомневалась, что Джал находится рядом, управляя своей высокой белой кобылой. Но вдруг у Риган мелькнула неопределенная мысль: почему он не взял эскорта?

Когда достигли окраин Ор Койла, Риган натянула поводья и повернула лошадь назад, чтобы поравняться с Джалом. Он тоже замедлил ход и, казалось, выбирал более удобный путь. Наконец ему приглянулся скалистый участок горы, меньше чем остальные поросший деревьями.

— Мы подождем здесь, — сказал он. — Отсюда можно будет увидеть их приближение.

— Сколько их будет? Как нам удастся не дать им приблизиться к городу?

Или Джал ее не слышал, или не захотел отвечать.

Ждать пришлось недолго. Группа из пятнадцати человек быстро двигалась по лесной дороге, направляясь как раз к той скале, где они скрывались. Риган узнала только нескольких из них — Друвена, еще четырех сидов-орлов, Эйона, представителя леди Уллы, немолодого мужчину, похоже, одних лет с ее отцом, и еще двух помещиков, которых она видела на коронации, от южных владений тана Лэхлена. Представительная делегация!

— Что ты собираешься делать? — прошептала она.

— Оставайся здесь, — скомандовал Джал. — Что бы ни случилось, оставайся за моей спиной. Ты меня поняла?

— Да, но...

— Риган!

— Да.

Джал вышел из укрытия и встал посередине дороги. Всадники быстро сомкнули свои ряды. Риган не могла отчетливо видеть, что происходит в ночной темноте, но через несколько мгновений возникла мощная вспышка белого света, осветившая место действия, потом еще одна. Всадники пустили ржавших от страха лошадей вскачь. Джал отступил между двух огней, чтобы остаться впереди всадников. Все это время, вплоть до последних нескольких секунд, Риган серьезно предполагала, что он намеревается просто поговорить с ними. Глупая! Такая глупая...

— Это он! — закричал Друвен. — Это он, Джал!

Из-за того, что лошадь испугалась яркого света, ему было трудно держать ее под контролем, а необходимо было выта-

щить меч. Другие всадники вели себя подобным же образом: обнажили оружие и приготовились напасть на врага, не вдаваясь в лишние объяснения.

Джал щелкнул пальцами.

Они возникли из глубины белого света. Смущенный мозг Риган смог принять только такое объяснение. Демоны. Чудовища. Какие-то черные неясные фигуры. Они двигались из света навстречу людям и были такого же роста, как человек на коне. Всадники ругались от страха и ярости и суетливо размахивали мечами. Но их оружие оказалось бесполезным против мощной хватки демонов, и в результате послышался холодный звон упавших на землю мечей.

Первым умер Друвен. Он был сброшен с лошади, а затем демон стал ломать его тело и рвать на куски. Огромные когти обхватили сида за талию и с легкостью, словно молодое деревце, сломали ему позвоночник. Друвен продолжал кричать в агонии, пока чудовище не бросило истерзанное тело на землю и не растоптало его, торопясь найти другую жертву. Это были жестокие, равнодушные убийцы. Теперь уже кричали и остальные всадники. Ночь наполнили ужасающие звуки.

Риган не могла поверить в происходящее. Почему он ее не предупредил? С другой стороны, что она могла ему сказать? Девушка, находясь на грани истерики, не веря своим глазам, наблюдала, как чудовища рвут на куски здоровых, сильных мужчин. Крик отвращения застрял у нее в горле. Она увидела Эйона, единственного человека, оставшегося на коне, — тот отчаянно махал мечом, окруженный со всех сторон. Ей вдруг вспомнилось, как он был добр к ней и Тристану.

— Нет! — неожиданно закричала Риган и, прежде чем осознала, что делает, вытащила из ножен свой короткий меч.

Девушка бросилась к чудовищу, нападавшему на Эйона слева, и пронзила его прежде, чем до монстра дошло, что за спиной кто-то находится.

— Риган?

Эйон был изумлен и смущен одновременно, но оценивать ситуацию было некогда, так как на него надвигалось очередное чудовище, толкавшее обезумевшую от страха лошадь, чтобы сбросить всадника на землю.

— Риган! — в ярости закричал Джал.

Она была так же беззащитна, как и другие, хотя все еще решительно сжимала клинок и пыталась атаковать нападающих. Казалось, их тела состояли из тени, за исключением глаз, кровожадно блестевших в лучах света. Хотя, возможно, удары мечей причиняли им боль, сталь проходила сквозь бесплотные тела, не принося серьезного вреда. Риган была настолько поглощена сражением с чудовищем, нападающим справа, что не заметила еще

одного слева, расправившегося с одним из сидов. Оно схватило девушку за горло и подняло высоко в воздух. Риган чувствовала, как ее легкие буквально горят от напряжения, но все-таки успела крикнуть:

— Беги, Эйон! Уходи отсюда...

На какое-то мгновение Риган поглотила темнота, и сознание отключилось. Чудовище бросило ее на землю со страшной силой. Но через какое-то время она очнулась и осознала, что их больше нет. Все чудовища исчезли. Риган села и огляделась вокруг. Вся группа, направлявшаяся в Сулис Мор, была убита. На земле лежали человеческие внутренности, от горячей крови поднимался пар. Едва сдерживая тошноту, она подумала, что это «пища для ворон». Ладно хоть не было видно следов Эйона.

Прижав колени к подбородку, Риган разрыдалась.

Но ей не позволили такой роскоши. Чья-то рука грубо схватила девушку за волосы и силой поставила на ноги.

— Ты глупая женщина! — Джал кипел от ярости. — Ты глупая, глупая...

Она не станет этого терпеть.

— Я глупая? — закричала Риган прямо ему в лицо, на котором не было и капли сочувствия к ее слезам. — Ты их убил! Ты негодяй! Негодяй!

Она пробежала несколько шагов к тому месту, куда он отступил, и сильно толкнула его в грудь. Отлетев назад, Джал почти потерял равновесие, его лицо исказил гнев.

— А что, по-твоему, я собирался с ними делать? Уговаривать? Они пришли, чтобы убить тебя. Понимаешь? Убить! — Его дыхание немного замедлилось, и он подошел к ней. — Я не мог допустить, чтобы такое случилось. — Джал понизил голос и доверительно произнес: — Я не мог позволить им убить тебя, Ри.

Риган осталась непреклонной.

— Не называй меня так! Никогда не называй меня так! И не трогай меня! — взвизгнула она. У нее стало проясняться в голове, но что делать дальше, Риган не знала. Помолчав немного, она добавила: — Посмотри на них, Джал...

Ее голос сорвался от переполнявших душу эмоций, и из груди вырвалось громкое рыдание. Риган прикрыла рот, словно пытаясь загнать чувства назад, в глубины своего сердца. Джал медленно, осторожно пошел к ней. Теперь на его лице можно было увидеть только озабоченность, так как он уже успокоился. Остановившись в нескольких шагах, вне досягаемости меча, он опустился на колени как раз на границе с тем местом, где земля была пропитана кровью.

Долгое время никто из них не произносил ни звука, как будто шок Риган исчерпал все ее физические силы. Потом

раздался характерный звук. У Джала не было времени отреагировать. Когда Риган повернулась, в одной руке у нее был короткий меч, а в другой — кожаные ножны. Отбросив ножны в сторону, она шагнула к Джалу и твердой рукой, несмотря на свой страх, приставила кончик клинка к его горлу.

— Назови мне хотя бы одну уважительную причину, по которой мне не стоит тебя убивать, Джал! — воскликнула она.

— Леди, — заговорил он, — я только ваш слуга и делал то, что должен был, чтобы защитить вас. Простите меня. — Его голос был спокоен и решителен. — Простите меня, я не сдержался...

Риган легким движением нажала на рукоятку меча. На горле Джала выступила небольшая капля крови.

— Теперь я понимаю, что все это время ты вынашивал собственные планы. А я оказалась удобным прикрытием для тебя, так? Отвечай немедленно! — крикнула она.

— Вы правы, я амбициозен, леди Риган, но ничего не пытался добиться за ваш счет.

Давление меча не ослабевало, и, несмотря на ночную прохладу, Джал вспотел. Блестящая дорожка пота пролегла по его щеке от лба до подбородка; Риган отвлеченно подумала, что это самая близкая к слезе капля, когда-либо пролитая ее наперсником.

— Когда мы вернемся в Сулис Мор, забирай свои вещи и уходи. Если я увижу тебя завтра, ты будешь казнен. — Она убрала меч от его горла и отбросила в сторону жестом, в котором было полное изнеможение и отвращение к себе. — Ты хорошо научил меня, как это организовать.

Риган отошла без дальнейших объяснений и направилась к ближайшей лошади, не убежавшей в панике, а спокойно стоявшей на поляне. Джал медленно встал, его лицо было похоже на печальную маску. Риган подъехала к нему, ведя за собой еще одну лошадь, и бросила поводья. Она не стала дожидаться, пока он заберется в седло, а поскакала назад к городу. Но вдруг ей пришла в голову мысль, девушка остановилась и повернула назад.

— Да, Джал...

— Что?

— Если что-нибудь случится с моим братом, я убью тебя сама.

Когда пробило три часа, Тристан все еще не спал. Он внимательно изучал ожерелье — что-то в нем казалось странным. Дважды, когда юноша смотрел на столик рядом с кроватью, где оно лежало, ему виделось какое-то зеленое свечение, окутывающее ожерелье, как виноградная лоза, но стоило ему моргнуть, как оно исчезало. Хотя, честно говоря, причина его бессонницы заключалась в другом. Завтра должны были приехать всадники из Руанних Вера; с такой поддержкой он выступит против Риган и,

возможно, остановит ее жестокое правление. Тристан тяжело вздохнул. Сердце ныло от тревоги, однако ему не оставалось иного выхода...

Дверь в спальню распахнулась. На пороге возник тяжело дышавший мужчина. Свет из прихожей освещал его сзади, поэтому Тристан не сразу разглядел лицо гостя.

— Тристан, — выдохнул мужчина, — мы в западне. Джал не берет пленников.

— Где Ри?

— С ней все в порядке. Она жива. Джал смертельно опасен. Надо бежать прямо сейчас. У меня есть в городе друзья, они меня спрячут ненадолго. Потом я вернусь в Руаннох Вер и предупрежу южные племена.

Тристан не стал терять времени. Через час он уже мчался к дальним границам Ор Койла. Юноша был совершенно один, и ни одна душа в Сулис Море не знала, что он уехал. Даже Грейс. Она сочувствовала ему, но нельзя было подвергать девушку опасности, сообщая о своем отъезде. Только проскакав довольно большое расстояние, Тристан перевел лошадь на шаг, надеясь, что его никто не преследует. Тем не менее после того, как прошел еще час и первые рассветные лучи солнца осветили небо на востоке, он услышал звук копыт, отчего у него по спине побежали мурашки.

Мы работали во тьме, делали, что могли, отдавали, что имели. Наше сомнение есть наша страсть, а наша страсть есть наша работа. Все остальное — безумие искусства.

Генри Джеймс.

Беатрис смотрела на цитату, по ней трудно было определить содержание небольшой книжки. Погода явно не соответствовала времени года, в саду казалось, что наступила весна. Она села в увитую плющом беседку, стараясь не обращать внимания на дуновения зимнего ветра и звуки транспорта, доносившиеся с улицы, которые нарушали идиллию. Возможно, именно часть о том, что сомнение есть страсть, являлась ключевой. Цитата, наверное, написана специально для судебных экспертов. Именно чистая форма сомнения являлась тем, что ученые считают своим постоянным помощником и другом. Но недавно этот друг вернулся к Беатрис и оказался ядовитой змеей.

Двумя годами раньше в сожженном дотла подвале Беатрис старалась убедить себя в том, что ее друзья погибли. Точнее, в этом убеждали пожарные: в центре комнаты бушевало пламя горячее и интенсивнее, чем обычно используется в крематории. Именно так Беа написала в своем отчете, потому что она была хорошим работником, можно даже сказать, лучшим. Но потом, когда

ее охватывала тоска по Сандро и Дункану, она возвращалась в мыслях к сцене в подвале много раз. Снова и снова изучала фотографии, пристально рассматривая черные, выжженные линии на полу, искала хоть что-нибудь, указывающее на то, что они были там. Не нашли даже следов серого, слегка жирного пепла, который обычно остается после сгорания трупов. Ни одна кость не пережила чудовищный пожар.

А затем ее посетило сомнение, вернее, антинаучная версия. Что, если — она даже про себя боялась думать об этом — они переместились куда-нибудь с помощью огня? Где, черт возьми, они находятся? Почему не отправились в будущее? Беа вздохнула и стала лениво перелистывать страницы книги. Из дома доносилась громкая оперная музыка, какая-то тоскливая ария. С тех пор как она разорвала помолвку с Майлсом по причине того, что все больше и больше погружалась в депрессию, а он этого не мог понять, Беа изо всех сил старалась спасаться любовью к опере. Однако сейчас музыка ее раздражала и угнетала. Тучные, цветущие женщины притворяются, что умирают от чахотки, актеры, играющие знатных особ, одеты точно так же, как их слуги. Все лживо и неестественно. С тех пор как она обратила внимание на эти неувязки, Беатрис не могла вернуться к расположению, которое раньше питала к опере.

Но было кое-что еще, что усиливало ее сомнения. Когда Беатрис пошла через неубранную гостиную, чтобы поменять диск и поставить что-нибудь более бодрое, ее взгляд поневоле остановился на ящике комода. Выключив музыку, Беа подошла к комоду и открыла ящик с почти благоговейным видом. Внутри находилась небольшая деревянная коробочка для драгоценностей, которую она достала и поставила на стол. Открывая ее, девушка затаила дыхание, как делала каждый раз. Тусклый зеленый свет разливался внутри коробки, кедровая окантовка была слегка теплой, распространяя душистый запах дерева.

Беа осторожно достала маленький пластиковый пакет для образцов из ее лаборатории и поднесла его к окну, чтобы лучше было видно. Внутри находились три длинные нити, очень похожие на грубые жесткие волосы или шерсть. Однако в мире не существует ни человека, ни животного, кому бы они могли принадлежать. Она это знала наверняка, потому что проверила все возможные источники. И когда девушка достала нити из пакета и поместила их под микроскоп, они медленно исчезли в лучах зеленого света.

Изначально было около двадцати нитей, извлеченных с места убийства, в котором принимал участие Талискер. Похоже, именно он был связующим звеном и основной причиной ментального зуда, от которого Беа никак не могла избавиться. Он и Сандро исчезли, именно исчезли, а не погибли. И то, что Беа держала в руках, служило доказательством этого факта. Беатрис верила,

что они оказались во власти обстоятельств, возникших не в нашем мире, а в каком-то другом, и что здесь явно присутствовала магия.

— Дерьмо! — сказала она себе угрюмо. — Я наконец подобрала нужное слово. И что самое главное, у меня заходит ум за разум. Мне надо выпить.

С наступлением вечера уличный шум стал невыносим, потому что люди, живущие в пригороде, возвращались с работы домой. Внутри тесного дома, где обычно встречались Дети Всемирного Потопа, на Верхней Боу-стрит, Натан ходил взад и вперед, глядя на смятый листок, испещренный мелким почерком. Иногда он уточнял время по большим карманным часам, а потом опять бродил из угла в угол, перечитывая свои записи. Время от времени он взмахивал рукой, будто репетируя пьесу, вздыхал, запускал руку в волосы и ерошил их привычным нервным жестом.

— Что ты делаешь, Натан?

Струя свежего воздуха с улицы известила о приходе Эстер. Она стояла в дверях и выглядела запыхавшейся и хрупкой, именно такой он ее тайно любил. На ней было тусклое, серое платье, какие носили все женщины их общества, но оно, казалось, только еще больше подчеркивало упругие изгибы молодого тела.

Во рту у Натана пересохло. Он всегда немного нервничал, разговаривая с девушкой, но сегодня, если не быть достаточно осторожным, она обвинит его в преступлении, как и все остальные Дети. Натан выдавил из себя улыбку, не обычную, нормальную, и даже не счастливую, а такую, которую в контексте их встречи можно бы назвать восторженной. Эта улыбка и его последующее поведение были множество раз отрепетированы перед желтым, в источенной жуками раме зеркалом в комнате Даниэля.

— Эстер! — Все еще улыбаясь, он подошел к девушке и взял ее руки в свои. — Эстер, я должен тебе сообщить кое-что замечательное. На самом деле замечательное. Но следует подождать, пока соберутся все. Несправедливо рассказать одной тебе, как бы мне этого ни хотелось.

— С тобой все в порядке, Натан? Ты... странно выглядишь.

— Правда? — спросил он шепотом, глядя девушке в лицо. — У меня все нормально. Правда. Даже лучше, чем нормально. Садись здесь, в первом ряду.

Натан буквально втолкнул ее в комнату, где в несколько рядов расставил старые деревянные стулья напротив некрашеной кафедры.

— Где Даниэль? — нахмурилась Эстер.

— Д-даниэль? — Впервые кто-то напрямик спросил об их руководителе, и Натану с трудом удалось сохранить спокойствие. — Он не придет. Моя новость... — Натан суетливо

передвинул один из стульев немного вперед, — ...моя новость как раз касается Даниэля.

— Ты знаешь, где он? Его никто не видел уже два дня.

Эстер выглядела встревоженной, и ее искренняя забота задела Натана.

— Не стоит беспокоиться о Даниэле.

Он опять попытался улыбнуться, но почувствовал, что слова прозвучали неубедительно даже для него самого.

Пришли почти все тридцать пять Детей Всемирного Потопа. На улице шел дождь, и от влажной одежды в комнате распространился слабый кислый запах. Присутствующие добродушно разговаривали друг с другом, и Натан с облегчением заметил, что атмосфера не слишком напряженная. По-видимому, люди считали, что их собрали на обычный молебен. Наконец все были на месте, и за последними пришедшими закрылась дверь. Натан встал за кафедру, чувствуя, как сердце колотится в груди.

— Дети... — начал он.

— Где Даниэль? — немедленно спросил кто-то.

Натан испугался, но нашел в себе силы улыбнуться и поднять вверх руку.

— У меня важная новость о Даниэле...

— Где он? — опять раздался чей-то голос. — С ним ведь все в порядке, правда? Я не видел Даниэля в последний уик-энд...

Собравшиеся принялись бурно обсуждать, кто и когда в последний раз видел своего лидера. Натан почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля еще до того, как он успел начать.

— Пожалуйста, послушайте меня... — призывал он, пытаясь отогнать панику и гнев.

— Послушайте. Все послушайте, — раздался мелодичный голос Эстер. — Натан хочет сообщить что-то важное о Даниэле.

Постепенно голоса стали стихать, и после нескольких «ш-ш-ш» все взгляды опять устремились к Натану, который нервно улыбнулся Эстер.

— Спасибо, сестра, — кивнул он ей. — Я пришел сюда сегодня, чтобы сообщить вам о наиболее волнующем событии в нашей жизни. Мы должны приготовиться к Концу Света. Я знаю это, потому что мне сказал Даниэль... — он помедлил немного и обвел взглядом аудиторию, — ...за несколько мгновений до того, как вознесся.

Последовала ошеломленная тишина, которую разорвал настоящий хаос. Натан смотрел и ждал. Он знал, что, как только закончатся изумленные восклицания, последуют очень сложные для него вопросы. Дети Всемирного Потопа верили в Вознесение, как и многие другие христианские группы. Только тот, кто посвятил свою жизнь Христу, будет взят живым

на небеса в годину испытаний. В этот момент физическая сущность человека просто исчезает, а его дух устремится вверх, чтобы встретиться с Богом. Не имеет значения, где ты находишься во время Вознесения — ведешь машину, делаешь покупки в супермаркете или летишь в самолете, — ты просто исчезаешь. Исчезновение тысяч людей широко обсуждалось среди тех людей, кто верил в это чудо. Натан к ним не относился, но понимал: главная сила его в том, что приверженцы Вознесения пытаются привлечь на свою сторону как можно больше людей, так как даже их близкие не могли быть вознесены до тех пор, пока не посвятят свои жизни Христу. Однако сейчас Натана заботило только то, что вся группа верит в коллективное Вознесение. Он знал, что последуют вопросы...

— Это н-невозможно!

Кто-то встал в заднем ряду. Гордон, известный как Стремящийся Летать. Некоторые выбирали себе подобные имена, когда их принимали в группу. Он считался наиболее преданным поклонником Даниэля. Высокий угловатый парень быстро моргал глазами за толстыми линзами очков, как обычно, когда бывал слишком взволнован, как сейчас.

— Мы все вознесемся в-вместе, в одно в-время. Никто никогда не говорил...

— Стремящийся Летать, — добродушно улыбнулся Натан своей жертве. Он знал, что парень не любит его, потому что Натан проводил с Даниэлем слишком много времени. Но Натан понимал также, что недооценивать Гордона глупо. За несуразной внешностью и заиканием скрывался острый как бритва ум. — Я тоже так думал. И когда Даниэль сказал мне, что это должно случиться, я не поверил ему. Но потом увидел все собственными глазами. Мне посчастливилось быть там. — Натан закрыл глаза руками, словно опасаясь, что эмоции переполнят его. — Бог призвал Даниэля, и тот откликнулся, как пророк Илия. Даниэля поглотил золотой свет. Это было так красиво, так красиво! — Он замолчал на мгновение, его глаза наполнились слезами. — Нам всем известно, что Даниэль особенный, ведь так? Его все любили.

Некоторые из присутствующих согласно закивали. Даниэль на самом деле был особенным. Понятно, почему Бог выбрал именно его.

— Ведь... — начал возражать Стремящийся Летать, но его прервали криками:

— Дай сказать Натану...

— Он должен представить свидетелей...

— Дай ему сказать...

Натан еле сдержал довольную улыбку. Дети оказались такими доверчивыми.

— Даниэль что-нибудь сказал, Натан? Он передал нам какое-нибудь сообщение? — воскликнула Эстер из переднего ряда.

Натан посмотрел на нее. Девушка не отрывала от него взгляда, карие глаза полны веры и преданности, губы полуоткрыты. На мгновение Натан поразился силе своей власти. Теперь у него не осталось сомнений, что Эстер будет принадлежать ему.

— Ну...

— Говори, Натан, — подбодрил его кто-то.

— Он сказал, что всех вас любит и...

— Что?

— Я... вы можете подумать, что я недостоин...

Он опять закрыл глаза руками, высчитывая секунды, чтобы сделать паузу более драматичной.

— Что он сказал?

— Он просил меня руководить вами до Конца Света. Я должен присоединиться к старейшинам, изменить свое имя, чтобы познать лучше новое время, в котором мы живем. Меня будут звать Нокс, потому что я происхожу из рода великого Джона Нокса. Я буду читать проповеди и нести Слово Божье людям, как это делал он... до самого Апокалипсиса, который скоро наступит.

Стремящийся Летать возразил:

— Но, Натан, ты с-с нами всего лишь год. Наверняка найдутся более достойные кандидаты. Кроме того, должно б-быть только четыре старейшины.

Натан победно улыбнулся.

— Разве время делает нас более достойными, Гордон? Даниэль знал мою силу, должны ли мы сомневаться в его мудрости, если он был избран Богом?

— Натан... Нокс прав, — встал Джошуа, Отмеченный Богом, один из старейшин. В возрасте тридцати двух лет он был одним из самых старых членов общества, и его ум и способность к убеждению снискали всеобщее уважение. — Если Даниэль ушел от нас, мы должны продолжать его дело. Нокс должен стать старейшиной.

— Но откуда нам знать? — Стремящийся Летать почти кричал. — Почему он нам н-ничего не с-сказал?

Его слова утонули в гуле возбужденных голосов членов общества, взбудораженных происходящими событиями. Натан/Нокс позволил им поговорить еще в течение нескольких минут. Он даже слегка улыбнулся Эстер, смотревшей на него с нескрываемым изумлением. Натан поднял вверх обе руки, и, к его восторгу, все разом замолчали.

— Дети, избранные Богом. Мы должны помолиться. Христос и... Даниэль услышат нас. — Нокс склонил голову, и все тридцать пять человек сделали то же самое. Взглянув на море темных и светлых голов, он победно улыбнулся и повторил: — Давайте помолимся.

* * *

После того как большинство присутствующих вышли из комнаты, Нокс притворился, что занят тем, что собирает листы с молитвами и передвигает стулья. Из-под опущенных ресниц он посмотрел туда, где Стремящийся Летать обсуждал что-то с несколькими друзьями.

— Стремящийся Летать, — позвал он его. — Могу я перекинуться с тобой несколькими словами? — Тот подошел, криво усмехаясь. Его слегка сутулая фигура очень напоминала большую безобразную птицу вроде ястреба. Новоиспеченный Нокс лучезарно улыбнулся. — Мне нужна твоя помощь, Стремящийся Летать. Ты совершенно прав, я не так долго являюсь членом общества, как некоторые, и мне не хотелось бы сделать что-то неправильное, что может противоречить основным доктринам нашей веры. Надеюсь, ты сочтешь возможным стать моим консультантом? — Он наклонился к нему и доверительно прошептал: — Особенно мне не хотелось бы обижать сестер. Я знаю, их роль очень важна.

Стремящийся Летать на какое-то мгновение смешался, оценивающе глядя на Нокса, потом с сомнением пожал плечами.

— Ну что ж, Нат... я имею в виду Нокс. Думаю, ты прав. Очень п-предусмотрительно с твоей стороны п-подумать об этом.

Нокс с удовлетворением кивнул.

— Бог ценит наше смирение, ведь так, Стремящийся Летать? Через пару дней я посещу собрание старейшин. Мне нужно время, чтобы помолиться и помедитировать, а потом мы поговорим о будущем нашего общества, ведь грядет Апокалипсис. Возможно, ты согласишься встретиться со мной в «Ковчеге» перед собранием, чтобы обсудить мои идеи, прежде чем я представлю их старейшинам.

— Да, конечно. — Стремящийся Летать расплылся в довольной улыбке. — Надеюсь, смогу быть полезным. Ты знаешь, что я не живу в «Ковчеге». Но обязательно приду...

— Тогда тебе следует подумать о переезде. В конце концов, тебе же не хочется что-нибудь пропустить? Когда придет Судный день, двойное благо быть среди друзей и единоверцев.

Глаза Стремящегося Летать за толстыми линзами очков были очень серьезны.

— Сомнений нет, ты прав, но у меня есть... мама, и...

— Подумай об этом.

Нокс похлопал его по плечу, прежде чем подойти к Эстер.

— Да-да, я подумаю.

Стремящийся Летать кивнул и улыбнулся, Нокс рассеянно помахал ему рукой.

— Я позвоню тебе. Мы все уладим...

— Ты правильно сделал, Натан.

Эстер стояла рядом, улыбаясь. Девушка находилась так близко, что чувствовался яблочный аромат ее волос. Натан

опустил ресницы и улыбнулся в ответ, соединив их взгляды в один теплый узел.

— Нокс, — поправил он ее мягко.

— Извини, Нокс.

Ее щеки окрасились в розовый цвет, составив странный контраст с унылым серым цветом платья.

— Все нормально, — пробормотал он. — Я был не очень справедлив к Гордону, а он, вне всяких сомнений, может быть полезным.

Нокс помнил уроки отца: «держи своих друзей близко к себе, а врагов — еще ближе».

Этой ночью, нежась в тепле старой комнаты Даниэля, Нокс видел во сне своего мертвого друга.

— Натан, Натан? Где ты?

Даниэль вышел к нему из-за отодвинувшейся зеленой с золотым узором стены. На нем все та же серая одежда, в которой он молился со своими братьями и сестрами, но лицо изуродовано и в крови. Один голубой глаз выпал из глазницы и висел на уровне скулы. Но, казалось, Даниэлю совсем не было больно, он улыбался своей утешающей улыбкой.

— Я здесь, Даниэль, — услышал Нокс свой голос, гулко разносившийся в пространстве. — Я здесь... но ты не должен меня теперь так называть, потому что я выбрал себе другое имя...

Даниэль остановился в нескольких шагах от него.

— Я знаю, Нокс. В честь Джона Нокса, полагаю. Он был великим и известным человеком. Не думаю, что ты можешь с честью носить это имя.

Он немного помолчал, будто в первый раз осознав, что покалечен. Потянувшись к своему лицу рукой, Даниэль нащупал глазное яблоко и засунул его в пустую глазницу. У Нокса живот свело судорогой.

— Ты из-за этого пошел на убийство, Нокс?

— Что?

Вопрос Даниэля застал Нокса врасплох. Казалось, тот читает его мысли, даже те, которые не успели еще сформироваться.

— Потому что ты желал меня? Ты всегда разрушаешь то, чем восхищаешься?

За спиной Даниэля изменился цвет стены, словно ветер прошелся по краскам. Они потемнели. Может, потому, что Даниэль сердился?

— Желал тебя? Нет, что за глуп...

Голос Даниэля, еще более громкий и сильный, прервал его:

— Тогда зачем? Зачем ты это сделал, Нокс?

Ветер, который до сих пор дул за спиной Даниэля, неожиданно сменил направление, и ледяной порыв, заморозивший кровь в венах, ударил Натана в лицо. Но это не только не испугало

его, а наоборот, укрепило решимость. Нокс поднял голову, чтобы лицом встретить обвинения Даниэля, чувствуя, как на щеках и под глазами образовались ледяные кристаллы, словно невыплаканные слезы.

— Послушай, я не собирался тебя убивать. И вообще никогда во все это не верил, но здесь было так хорошо, тепло, пища, кровать... в общем-то хорошие люди. Немного ханжи, но... — он пожал плечами, — они все тебя любили, хотя ты самовлюбленный мерзавец. Все, Эстер... и даже я...

Ветер перестал дуть. Даниэль казался обеспокоенным. Он собрался сесть, и из-за его спины моментально выдвинулась однородная масса, образовавшая что-то вроде сиденья.

Нокс почувствовал, что стало теплее, и лед начал таять и стекать с его лица, будто он и вправду плакал. Он тщательно вытер лицо, ощущая свои пальцы, но не понимая толком, спит или бодрствует. Ноксу не хотелось, чтобы Даниэль думал, что он сожалеет о случившемся.

— Все из-за твоего эгоизма, — начал он сердито.

— Неправда! — Даниэль слегка пошевелился на своем странном стуле. — Нокс, вспомни и о хорошем, ведь мы достигли неплохих результатов...

— Ложь! — возразил он. — Неужели ты всерьез веришь, что все мы должны вознестись, как ты говорил? И разве ты не притворялся кем-то вроде мессии, чтобы достичь этих, как ты их называешь, неплохих результатов?

— Значит, ты во все это не веришь, так? — Последовала короткая пауза. — Натан... Нокс. Теперь ты старейшина и приобрел власть среди Детей. — Даниэль почти смеялся над иронией свершившегося факта, но потом опять посерьезнел. — Что же ты собираешься делать дальше?

— Это ведь на самом деле не сон? Не настоящий сон...

Нокс неожиданно почувствовал тревогу. Он огляделся вокруг и вновь почувствовал ледяной порыв ветра.

— Ответь мне. Что ты собираешься делать дальше?

Нокс больше не видел Даниэля. Краски поглотили его, остался только голос.

— Я... я не... почему, собственно, я должен оправдываться перед тобой, святой лжец?! Ты использовал меня и всех остальных, чтобы удовлетворить свой эгоизм. Использовал меня, а я... любил тебя.

Нокс проснулся сразу, как только слова слетели с губ. Переход от сна к холодной темноте комнаты был мгновенным. Окно было открыто, и ветер заносил в комнату моросящий дождь. Мелкие капли отливали серебром под светом полной луны.

— Нет! — твердо, с выражением произнес Нокс в темноту. — Все не так, Даниэль. Все было не так.

Он чувствовал себя отвратительно и потом весь день боролся с ощущением нарастающей пустоты между ребрами, будто его кто-то туда ударил.

Нокс подошел к окну и уставился на темные силуэты деревьев в саду. «Ковчег», как Даниэль окрестил дом, пребывал в удручающем состоянии, когда он и первые несколько его соратников переехали сюда около двух лет назад. По сути, все они здесь жили нелегально, но никому до этого не было никакого дела. Никто не знал, да и не спрашивал никогда, что случилось с настоящим владельцем дома. Нокс слышал, что тот считал себя отшельником. Дом располагался вдали от дороги, его окружал большой сад. Огромные тисы росли вокруг лужайки, и в прошлом, когда деревца были еще маленькими, их стригли в форме животных и птиц. Их силуэты все еще можно было узнать в кронах, освещенных ярким серебряным светом луны, что придавало деревьям фантастический, сказочный вид. Но было в доме что-то печальное. Нокс потер живот и тихо вздохнул, глядя на деревья и дождь, поливающий их. Мысли опять вернулись ко сну.

«По-моему, это был не сон», — подумал он. Кроме того, что Нокс сказал Даниэлю, все остальные моменты сейчас стерлись из памяти и стали менее реальными, чем черная основательность тисов. Но, кроме признания Даниэлю в любви, кое-что еще беспокоило Нокса.

«Что ты собираешься делать дальше?»

С этим все понятно. Почти все Дети на его стороне. Совсем скоро Нокс приобретет полную власть. Отношения с Эстер — дело времени, небольшая, хотя и мучительная отсрочка. Что дальше? Первое, что надо сделать, это избавиться от трупа Даниэля.

Неделей позже труп стал вонять. Нокс знал, что такое случится, и проще проблема от этого не стала. Тело было завернуто в такое количество простыней, какое он только смог найти, а сверху в занавеску из душа. Ноксу пришла в голову ужасная мысль, что пакет протек. Он поместил его в большой шкаф в комнате Даниэля в «Ковчеге». Хорошо еще, что у него хватило предусмотрительности положить труп вниз, потому что сейчас тело полностью окоченело и стало очень тяжелым. Первые несколько дней Нокс избегал смотреть на сверток, не зная, что с ним делать. Но теперь, когда он официально переехал в старую комнату Даниэля на верхнем этаже, где жили остальные старейшины, проблема встала очень остро, и ее надо было решать. Возможно, как только удастся избавиться от тела, он перестанет видеть сны. А когда перестанет видеть сны, то, может быть, у него хватит самообладания подумать наконец об Эстер.

Нокс разработал план. В «Ковчеге» избавиться от трупа, оставаясь незамеченным, невозможно, так как большинство членов общества живут в старом доме. Теперь же Нокс не мог

просто так бродить по саду и дому, не обращая на себя внимания. Нокс решил перевезти тело в старый молитвенный дом в Вест-Боу. Воздух в подвале там очень сухой, и у него возникла сумасшедшая идея, что тело обезводится и, может быть, даже мумифицируется в прохладном микроклимате. Кроме того, там имелась древняя печь, которой не пользовались много лет, и, возможно, если ему удастся закалить свою волю, Нокс разожжет ее и кремирует тело. Он не имел представления о том, насколько можно разогреть печь, но оставалась надежда, что температура будет достаточной. Так или иначе, назад пути нет. Он осмотрел большой ковер в центре комнаты. У ковра толстая джутовая основа, и наверняка, если его свернуть, спрятанное тело будет незаметно. Губы Нокса искривились в язвительной усмешке, и он с энтузиазмом принялся сдвигать с ковра мебель, опрокинув несколько стульев и разбрасывая в стороны одежду.

Когда раздался стук в дверь, он застыл от ужаса.

— Кто там?

— Нокс, эт-то я, Стремящийся Летать.

— Подожди минутку. — Нокс окинул глазами комнату. Мебель была беспорядочно составлена по углам комнаты, но самое плохое, что на полу возле шкафа лежал труп. — Черт! Дерьмо! — ругался Нокс, запихивая тело обратно на место. Захлопнув дверцы, он распахнул окно, не обращая внимания на то, что дождь льет как из ведра. — Входи... — крикнул он. Пытаясь расставить мебель по местам, Нокс поднял один тяжелый стул, но решил отказаться от своей затеи. Волнуясь за беспорядок в комнате, он открыл дверь. — Стремящийся Летать, рад тебя видеть, я бы пригласил тебя, но у меня беспорядок.

Он открыл дверь пошире, чтобы продемонстрировать результаты своего труда.

— О!

Глаза парня широко открылись. Это комната Даниэля, как Нокс может без всяких причин опустошать ее?

Нокс добродушно улыбнулся.

— Не беспокойся, я собираюсь все поставить на место. Просто ковер... ковер был здесь, когда все случилось. Ну, ты понимаешь, когда Даниэль вознесся. Вот я и решил, что будет разумнее постелить его в комнате для молитв. Как ты думаешь?

— Замечательная идея, Нокс, — расплылся в улыбке Стремящийся Летать. — Он кажется достаточно тяжелым. Почему бы мне не помочь тебе его скатать? — Он вошел в комнату. — Господи! Что за запах!

— Ужасный, верно? Думаю, потекли старые канализационные трубы, — пожал плечами Нокс. — Знаешь, не мог бы ты сходить к Мэту и попросить мини-фургон? Если подгонишь машину ко входу, нам будет легче вынести ковер.

— Конечно, сделаю, — кивнул парень, стараясь как можно скорее избавиться от запаха. — Я буду через несколько минут.

Как только он ушел, Нокс быстро пробежал по комнате, взял стул и подсунул его под ручку, так как ни на одной двери в «Ковчеге» не было замков. Потом опять вытащил тело из шкафа и стал закатывать его в ковер.

— Прости меня, Дэнни, — бормотал он.

Стремящийся Летать вернулся сразу же, как только Нокс закончил упаковывать тело. К счастью, он оказался прав, совершенно невозможно было догадаться, что в тяжелых складках ковра что-то находится.

— Д-дай мне д-другой конец.

— Отлично. Послушай, ты не мог бы сделать мне еще одно одолжение? Я должен проверить хозяйственные счета «Ковчега», и мне надо успеть до собрания. Не мог бы ты подготовить их, пока меня не будет? А я встречусь с тобой, как только вернусь.

Нокс со страхом смотрел на ковер, ожидая, что Даниэль сейчас выдаст его. Ему казалось, что из ковра вывалится рука, хотя умом Нокс понимал, что это невозможно. Даниэль крепко упакован и связан, а сверху замотан в несколько слоев коричневого плотного ковра. И все-таки пот на лбу Нокса был результатом не только физических усилий.

— Но тебе же понадобится кто-нибудь, чтобы помочь в Вест-Боу, — возразил парень.

— Нет-нет, все будет в порядке. Я подгоню фургон прямо к центральным дверям, а потом просто вытащу ковер. Так что проблем не будет. — Нокс доброжелательно улыбнулся. — Назад вернусь около четырех.

Нокс выехал на мокрые темные улицы города с минимальной скоростью, какую только мог позволить, глядя в зеркало на удаляющуюся фигуру Стремящегося Летать. Слушая ритмичное пощелкивание «дворников», он чувствовал, как постепенно успокаивается. Необходимо наградить себя чем-нибудь, когда все закончится, решил Нокс. Как только с трупом будет покончено, можно будет подумать о главном призе — Эстер.

Странно, хотя Нокс не собирался ехать этим путем, тем не менее он оказался на Принсес-стрит и миновал сад, где они встретились с Даниэлем. Когда Нокс остановился у четвертого светофора, его взгляд уперся в то самое место, где произошла встреча, и на губах появилась слабая улыбка.

— Я скучаю по тебе, Дэнни.

Загорелся зеленый свет, но водитель впереди замешкался, и Нокс заорал:

— Проснись, старый осел, поехали! — Оглянувшись еще раз на место их встречи, он спокойно засмеялся и вновь произнес: — Да, очень скучаю. Но я переживу это.

ГЛАВА 5

— Беги, Тристан! Беги!

Собаки почти догнали их. Мориас остановился за деревом, прерывисто дыша. Его лицо побледнело, намоченные дождем пряди седых волос прилипли к щекам. Возраст явно давал себя знать, и Тристан очень беспокоился о старом друге.

— Я не пойду без тебя, Мориас, — запротестовал он.

— Ты должен, мальчик. Я приду, как только смогу. Будь осторожен и просто жди меня. Мир на другой стороне — довольно опасное место.

Тристан с сомнением посмотрел на поляну. Когда-то это было кольцо из стоящих вертикально камней, огораживающих место, где резко обрывались ряды деревьев, но теперь только три камня остались стоять, остальные валялись среди зарослей ежевики, будто гигантский ребенок использовал их в качестве кубиков для игры. Некоторые из камней были разбиты, один из них вообще представлял собой груду щебня. Но Мориас уверял, когда они встретились тем утром, что в древнем кольце осталось достаточно магии, чтобы Тристан оказался вне пределов досягаемости. Далеко от собак, Риган и от злости Джала.

— А что, если оно не...

— Просто иди! — приказал ему Мориас нетерпеливо. — Я задержу их, насколько смогу.

Тристан побежал. Хотя юноше никогда в жизни не приходилось бегать, он двигался быстро, как только мог, пробираясь через кусты. Потом его ноги зацепились за ветки ежевики. Юноша упал и покатился по склону, грязному и скользкому из-за неутихающего дождя. Деревья и кусты слились в зеленый круговорот. Тристан пытался защититься руками от колючих веток кустарника, чтобы они не поцарапали и не порезали ему лицо. В ту же секунду, как только закончилось падение, юноша вскочил на ноги и побежал дальше, в каменный круг. Он почти рыдал. Когда Тристан достиг кольца, то подумал, что все должно произойти мгновенно, но ничего не менялось. Волнуясь, Тристан выбежал в центр поляны и оглянулся туда, где оставил Мориаса, но старика нигде не было видно.

— Мориас! — закричал юноша, чувствуя, что его охватывает паника. — Где ты?

Собака промчалась по склону, рыча и брызгая слюной, покрывая расстояние огромными прыжками. Потом другая появилась на гребне, за ней еще одна. От Мориаса так и не было никаких сигналов.

— Мориас! Ничего не происходит! — опять закричал Трис.

Он вытащил меч и расправил грудь, готовясь к нападению. Тело юноши было порезано и исцарапано тысячами колючек, он чувствовал, как сочащаяся горячая кровь прокладывает себе путь по холодной влажной коже. Трис слышал удары своего сердца. Он понимал, что выжить в борьбе с чудовищами шансов нет.

Как только первая собака преодолела полпути по склону, из ветвей растущей неподалеку ольхи внезапно появилось белое пламя. Чудовище упало на землю, издав то ли визг, то ли стон. Трис посмотрел на ветви дерева, но если Мориас и был там, то оставался абсолютно невидимым. Вторая собака также пала жертвой белого пламени, но третья и четвертая были на полпути к Тристану, а Мориас бездействовал уже довольно долгое время. Возможно, иссякли его магические способности, и Мориас сделал все, что было в его силах. Собаки были уже рядом, они почти настигли Тристана.

Юноша издал бесполезный крик отчаяния, чувствуя, что одеревеневшие ноги буквально вросли в землю. Обе собаки приблизились одновременно. Из широко раскрытых пастей извергались потоки слюны, заостренные когти были оправлены в серебро и напоминали скорее кошачьи.

Тристан что-то кричал, когда они вдруг застыли в полупрыжке, повиснув в воздухе.

Но у него не было времени удивляться. Мир вокруг стал темнеть, пространство между камнями почернело. Тристан уже не мог ничего видеть за ближайшим камнем. Через несколько секунд юношу окутала полная темнота, хотя ему показалось, что издалека доносится злобное рычание собак, потерявших добычу. Было похоже, что он мог идти через темное пространство, если бы захотел, но Тристан не видел в этом смысла, так как вокруг не было ничего, напоминающего хоть какой-нибудь опознавательный знак.

— Мориас, — позвал он шепотом. — Я попал туда? Это и есть другой мир?

Ответа не последовало, и звук его голоса растаял в пространстве. Тристан сообразил, что все еще сжимает в руках меч. Он убрал оружие в ножны и, тихонько застонав, попытался вытереть рукавом кровь с лица. Как оказалось, он ушиб плечо, по всей видимости, ударился о ствол дерева. Тристан подвигал рукой, чтобы убедиться в отсутствии серьезных повреждений. Не будучи отважным и предприимчивым человеком, он решил поберечь силы и сел на землю. В конце концов, Мориас велел ему ждать. Тело саднило от многочисленных порезов и царапин, полученных во время падения, но теперь, когда возбуждение несколько спало, Тристан почувствовал себя очень усталым и одиноким. И еще он понял, что есть опасность уснуть на земле, но тут его внимание привлекло какое-то движение впереди.

Сначала Тристану показалось, что какой-то странный «червяк» прокладывает себе путь через отверстие в пелене темноты. Сам «червяк» тоже состоял из темноты, но зернистой. Черное на черном. Только движение позволило Тристану заметить его. По мере того как призрак увеличивался в размерах, его края стали слоиться, делая его похожим на кожуру яблока, которая сворачивается в форме розы. Все это сооружение продолжало расти, и темнота стала расступаться вокруг его границ. Трис видел, что внутри зернистого изображения что-то формируется. Но его глаза, слишком уставшие от напряжения, не могли четко разглядеть, что именно. Тристан заметил две вещи: первое — то, что внутри призрачного образования было что-то сияющее и красное, второе — оттуда дул ледяной ветер. Инстинктивно протянув вперед руку, юноша потянулся к призраку и внезапно понял, что находится внутри. Переход не сопровождался никакими ощущениями. Тристан оглянулся туда, откуда только что пришел, и, несмотря на то что кругом царила темнота, теперь она была обычной, привычной глазу.

Тристан посмотрел вокруг, уверенный, что наконец прибыл на место. Сначала другой мир не показался юноше чем-то необычным. Он находился в маленькой пустой комнате, в которой не было окон. Откуда-то доносился капающий звук. Похоже, он в каземате. Юноша наклонился, подобрал с пола блестящую красную вещицу и с удивлением уставился на нее. По форме это был смятый цилиндр. Кто-то наступил на него и прогнул посередине. Трис осторожно его понюхал. Пиво! Отличающееся от того, какое варил его отец, но, несомненно, пиво. Когда глаза немного привыкли, он обнаружил еще один такой же предмет около, как ему показалось, дверного проема. Трис открыл дверь. Оттуда хлынул более яркий, но не дневной свет. Юноша решил, что его умозаключение было верным и это каземат. Но, с другой стороны, что за каземат, в котором нет стражников?

Медленно и очень осторожно двигаясь по коридору, он заметил дорожку из беспорядочно разбросанных красных металлических предметов, которая, казалось, вела куда-то. Коридор поднимался вверх довольно круто, и Трис почувствовал в ногах тупую боль, но проигнорировал ее. По мере того как коридор поднимался, освещение менялось. Теперь Трис уже мог разглядеть, что находится на противоположной стороне коридора. Это были дома. Построенные из темного камня, они казались невероятно высокими, а двери огромными. Трис решил, что люди, живущие здесь, должны быть великанами. Оконные проемы тоже были очень большими, но на них не имелось ставен. Интересно, как же люди тут защищаются от ветра и дождя? Он посмотрел вверх и сразу нашел ответ: над домами находилось что-то вроде крыши...

— Эй, сынок!

Словно в подтверждение его страхов, из дверного проема неуклюже выполз огромный мужчина, качающийся из стороны в сторону. Трис решил, что это, по-видимому, стражник. У него была самая длинная рыжая борода, какую Трису только приходилось видеть, и крошечные, похожие на булавки карие глазки на красном лице. В руке незнакомец держал красную банку.

— Что ты тут делаешь один, свинок?

Человек икнул, и Трис понял, что тот просто пьян. Он уже собрался ответить на вопрос, когда незнакомец наклонился и уставился на него, обдавая пивным перегаром.

— Я узнал тебя, маленький человечек. Ты гном, а? Да-да, ты один из них. Ты карлик. — Он казался очень довольным своим дедуктивным рассуждением. — А у тебя есть деньги, маленький человечек?

Трис украдкой бросил взгляд в конец коридора и отчетливо увидел открытую коричневую дверь, в проеме которой виднелся яркий дневной свет. Он гордо поднял подбородок и постарался изобразить высокомерный взгляд, который часто видел у Риган.

— Меня зовут Тристан, я правитель Сулис Мора. Ты не имеешь права держать меня в этих казематах.

Мужчина нахмурился, очевидно, озадаченный высказыванием Триса, потом внезапно протянул руки, схватил его за шею, оторвав от земли, и прижал к стене.

— Ты смеешься надо мной, паренек? — прорычал он.

— Что... — Трис собирался протестовать дальше, но сразу же прикусил язык, заметив, что человек уставился на ожерелье. — Нет, не трогайте его...

— Похоже на чистое золото!

Его мучитель протянул руку и с жадностью сорвал свою добычу с шеи юноши. Его хватка ослабла, и Трис тут же воспользовался моментом и ударил мужчину ногой в голень.

— Верни немедленно ожерелье, — потребовал он. — Верни его.

Он попытался вырвать его из рук человека, но, конечно, тот был слишком высок и просто поднял добычу над головой.

— Пошел прочь! Драгоценность останется у меня, ее хватит на много банок.

Ситуация была отчаянной. Столько выстрадать, так далеко сбежать! Это было... непереносимо.

Он немного отошел назад и вытащил свой меч.

— Отдай сию минуту!

Он произнес это угрожающе, как только мог. Мужчина недоверчиво уставился на трехфутовый серебряный меч, по острию которого плясали тонкие лучи дневного света из дверного проема.

— Что ты, маленький человек, я только играл с тобой, — заторопился он. — Убери эту штуку, ладно? Вот возьми свое ожерелье назад. Я ничего такого не хотел.

Трис взял ожерелье и положил в карман куртки, а потом продолжил свой путь к коричневой двери. Его противник, убедившись, что опасность миновала, сел на пороге своей двери и опять поднял банку.

— Иди-иди и не забудь закрыть за собой эту проклятую дверь, — ворчал он, — а то там холодно.

Трис толкнул дверь и стал подниматься по лестнице, ведущей на волю. На пороге он на мгновение застыл и громко ахнул. Оказалось, что новый мир похож на бедлам.

Эдинбург нежился в приятном тепле осеннего солнца. Булыжная мостовая Хай-стрит блестела, словно тусклая металлическая чешуя какой-то огромной змеи, протянувшейся на целую милю. Воздух был напоен покоем, что очень необычно для города. Звуки, казалось, приглушались, погребенные под слоем тумана. У Тристана закружилась голова при виде домов, а особенно от уличного движения. Машины, автобусы и такси сновали по булыжной мостовой, водители такси бессовестно выпускали выхлопные газы прямо в лобовое стекло любому виду транспорта, которому «посчастливилось» оказаться сзади.

Тристан пересек пространство двора, в котором очутился по воле случая, и остановился у подножия статуи. Некоторое время он не мог оторвать от нее взгляда. Потом его внимание привлекло очень красивое здание, и юноше пришло в голову, что это храм. Здание было почти такое же высокое, как стены Сулис Мора, и построено из такого же темного камня. Тристана восхитил насыщенный синий и красный цвет мозаичных стекол в окнах.

Он двинулся вперед, намереваясь перейти дорогу, чтобы посмотреть на здание поближе, когда ужасный шум разорвал воздух. Ничего подобного Тристану раньше не приходилось слышать. Ревущий, грохочущий звук, будто огромное чудовище выбиралось из-под земли. Закричав от страха, Тристан выбежал на дорогу, и его тут же сбила машина.

Беатрис больше не работала в лаборатории. Она решила, что и сейчас не работает, а просто сделает Стирлингу одолжение, а потом пойдет домой. Причина же состояла в том, что в настоящий момент по меньшей мере трое ее экс-коллег отсутствовали на работе из-за гриппа, и Стирлинг, благослови его господи, воплощал собой отчаяние. Как и ожидала Беатрис, он позвонил ей. Поводом для ее отставки послужило подозрение в пьянстве, так как патологоанатом с трясущимися руками никому не нравится. Тем не менее вышло так, что Стирлингу позарез понадобился кто-то, чтобы сопроводить пару трупов из больничного морга на Сент-Мэри-стрит. Не очень далеко, но, как обычно при таких процедурах, требовалась подпись и сопровождающее лицо.

Чтобы занять себя, пока закончат бумажную волокиту, Беатрис сосала мятные леденцы и пыталась читать потрепанный журнал «Хэлло», в котором описывалась свадьба леди такой-то и лорда такого-то. Но журнал был слишком старым, они уже давно развелись.

— Привет, Беатрис. Неужели это ты? Что тебя привело сюда?

Она подняла глаза. Рядом с нею стоял Кэл Бакстер. Сержант Кэл Бакстер. Беатрис улыбнулась, с ужасом вспоминая, что совсем не накрашена и на голове полнейший беспорядок.

— Ты же знаешь меня, Кэл, я всегда там, где трупы, — вяло пошутила она. — Стирлинг попросил меня сопроводить пару трупов на Сент-Мэри-стрит. А ты что здесь делаешь?

— Да просто рутинная работа.

Он сел рядом с ней, и Беатрис нервно заерзала на своем месте, пытаясь вспомнить, причесывалась ли сегодня утром. Она убегала в такой спешке.

— Хотя случай довольно забавный, — нахмурился Кэл, — этот маленький человечек. На самом деле маленький, почти карлик. Так все их называют, но, по-моему, это не очень вежливо... Так или иначе, на Хай-стрит сбили человека, очевидцы говорят, он испугался звука пневматической дрели и выскочил прямо на дорогу. Интересный парень. Тебе следовало бы на него посмотреть...

— И что там особенного?

— Хочешь посмотреть?

— Конечно. Не думаю, что бумаги будут скоро готовы.

Беа бросила взгляд на стол служащего, двигавшегося со спокойной деловитостью человека, у которого ген торопливости отсутствует в ДНК.

— Как насчет кофе? Это наверху.

Беа была рада сделать перерыв и с удовольствием последовала за полисменом по длинному коридору, прилагая усилия, чтобы не расплыться в широкой улыбке. Женщины-офицеры окрестили Кэла Бакстера «думающей сдобной булочкой». Его бросило бы в краску, узнай он, какая часть его тела придавала Кэлу столько очарования в их глазах. Итак, они поднимались по лестнице, беззаботно обсуждая последние сплетни полицейского участка и совершенно игнорируя тот факт, что длительное отсутствие Беатрис является серьезным нарушением. Потом они оказались в маленькой комнате.

— Ну, вот мы и пришли. — Кэл выдвинул длинный ящик. — Что скажешь об этом?

— Ух ты!

Внутри ящика лежал серебряный меч. Беа догадалась, что это уменьшенная модель, если его владелец такой маленький, как говорил Кэл. Навершие было украшено большим красным драгоценным камнем, а вокруг рукояти меча вилась серебряная филигрань, заканчивающаяся у основания крестовины.

— Великолепная работа, — восхитилась Беа. — Думаешь, он настоящий? — Она надавила на лезвие, наполовину уверенная, что оно сломается, как театральный муляж. — О, он действительно очень острый.

Кроме меча, в ящике находилась смятая одежда: грубая хлопчатобумажная рубашка и брюки. Очень интересны были ботинки, вне всякого сомнения, сделанные вручную, из мягкой кожи, с удобными подошвами без каблуков. В самом углу ящика блеснуло что-то зеленое. Беа протянула руку и вынула ожерелье. Главная подвеска была оправлена в золото и украшена камнями, которые вполне могли быть драгоценными, но Беатрис сразу поняла, из чего оно — это была фаланга, верхняя часть пальца человеческой руки. Принадлежала фаланга высокому человеку с изящными пальцами. Однако, хотя ожерелье и было украшено драгоценными камнями, это не объясняло, откуда происходит зеленое сияние. Там имелись алмазы и рубины, но Беа не заметила ни одного изумруда.

— Как жаль, что все это отправится в хранилище и будет там ждать, пока не оформят документы, — пробормотала она. — Мне бы хотелось исследовать эти вещи.

— Нет-нет, ничего не отправится в хранилище, — возразил Кэл. — Хозяин заберет вещи, когда будет уходить. Хотя я сомневаюсь насчет меча...

— Он жив?!

— Да, сейчас без сознания, но жив.

Следующий вопрос вырвался раньше, чем Беатрис сообразила, что задает его.

— Я могу его увидеть?

Тристан все еще был без сознания, когда Беатрис и Кэл вошли в палату. На первый взгляд он казался беззащитным ребенком, но, когда Беа обратила внимание на широкую грудь, впечатление несколько изменилось. На левой стороне лица багровела большая рана, полученная им в аварии, а правая рука была забинтована.

— Бедный ребенок, — пробормотал Кэл.

Санитарка как раз заканчивала поправлять постель Тристана. Она подняла голову и сказала:

— Он не ребенок. Мы думаем, ему лет двадцать пять.

— Правда? — изумилась Беа, вглядываясь в лицо больного.

Даже учитывая, что черты лица незнакомца расслаблены во время сна, все-таки у него был вид ребенка.

— Выходит, вы не его родственники? — нахмурилась санитарка.

Кэл вытащил свое удостоверение.

— Полиция, мисс. Нам необходимо поговорить с ним, когда он очнется.

— Боюсь, это может случиться не скоро.

— Он не в коме? — спросила Беа.

— Нет, просто без сознания. Скорее всего реакция организма на шок.

Беа улыбнулась и кивнула. Она, конечно, могла бы сказать, что ее специальность — патология и о химических реакциях тела на шок она знает гораздо больше, чем санитарка может себе представить, но не стала.

— Мы подождем немного. Возможно, все произойдет гораздо быстрее, — сказала она Кэлу. — Мои клиенты никуда не убегут.

Кэл пожал плечами:

— Идет. Я пока схожу за кофе.

— Спасибо, дорогой.

Кэл и санитарка вышли, оставив Беа наблюдать за спящим Тристаном. Как только за ними закрылась дверь, девушка достала из кармана ожерелье и сжала его в руке. Она не могла сказать, почему сделала это. Просто ей показалось, что так будет правильно. В подсознании стала формироваться связь между Трисом, ожерельем и тем странным происшествием в ее доме. Но пока Беа еще не могла четко сформулировать мысль. Это было просто какое-то чувство, осознание того, что происходит нечто неординарное.

— Вот и мы.

Вошел Кэл и протянул ей чашку кофе. Руки Беатрис слегка дрожали, когда она брала чашку, поэтому ей пришлось обхватить ее обеими руками. Кэл смущенно отвернулся, стараясь скрыть осуждающий, сердитый взгляд.

— Кэл, это не то, что ты думаешь, — сказала она спокойно.

— Все в порядке, Беа. Ты не должна оправдываться передо мной.

— Я не пьяница, Кэл. — Беатрис уставилась на свои руки, хотя именно они и выдали ее. — Они не поэтому дрожат, это на нервной почве.

Кэл помолчал недолго, словно переваривая информацию.

— На нервной почве? А это не...

— Болезнь Паркинсона? Не знаю. Мне вскоре придется сдать много анализов.

Кэл сел на стул около кровати, наклонился вперед и дружески потрепал ее по колену.

— Мне в самом деле жаль, Беа. Почему же ты ничего не сказала на работе?

Она слабо улыбнулась.

— Ты имеешь в виду, после того, как они меня выгнали? Люди делают свои выводы, но это не их дело. Кроме того, Стирлинг знает.

Кэл сосредоточенно рассматривал свои ноги, смущенный новым признанием Беа.

Вдруг с кровати раздался сдавленный крик. Поглощенные проблемами Беатрис, они совершенно забыли о своем долге. В это время их подопечный очнулся.

* * *

Тристан кричал и метался. Он не мог понять, где он, куда делись его одежда и оружие. В нос ему кто-то засунул странную прозрачную трубку. Одному Богу известно, для каких пыток это сделано. Рука оказалась упакована во что-то белое и очень сильно болела, гораздо сильнее, чем его обычные боли.

— Успокойся. Успокойся.

Женщина присела на кровать, потому что Тристан пытался вскочить. Она наклонилась и слегка придерживала его за плечи. У нее было доброе круглое лицо с прекрасными зелеными глазами. Женщина выглядела мудрой и понимающей, и от нее очень приятно пахло.

— Ну, давай, — проговорила она спокойно, — ложись скорее. — Тристан понимал ее гораздо лучше, чем того стражника. Теперь он вспомнил и его, и то, что попал в новый мир, и большое темное здание с красивыми окнами. — Меня зовут Беатрис. — Женщина улыбнулась. — А как твое имя?

Тристан нахмурился, он терпеть не мог, когда с ним обращались как с ребенком, поэтому попытку Беа успокоить его воспринял, будто с ним нянчатся.

— Тристан, — ответил он. — Я тан. А теперь вы должны позволить мне уйти.

Беа дала ему встать и осторожно сделать шаг, оставаясь рядом, как будто опасаясь, что у нее может появиться повод подхватить его.

— Хорошо, Тристан...

— Смотрите-ка, кто проснулся! — Вернулась санитарка, услышав из палаты Тристана громкие голоса. — Я сейчас позову консультанта, он осмотрит тебя, и ты сможешь идти домой. К счастью, у тебя не перелом, а только трещина. Ты счастливчик, маленький человек.

Она весело улыбнулась и вышла из палаты, не обращая внимания на его гнев. Юноша еще больше нахмурился.

— Что это еще за консультант? — спросил он Беа.

— Это просто доктор, Тристан. Он должен осмотреть тебя, прежде чем отпустить домой.

— Домой? — беспомощно отозвался он.

— Тристан, меня зовут Кэл. Я офицер полиции.

Полицейский встал, чтобы пожать ему руку. Трису этот жест показался преждевременным, но тем не менее он ответил на рукопожатие, подумав, что, очевидно, здесь существует такой обычай.

— Тебе есть куда идти? Я могу порекомендовать общежитие. Видишь ли, нам может понадобиться потолковать с тобой об аварии. Кроме того, надо унести твой меч, здесь не разрешается хранить такие вещи.

Он виновато улыбнулся.

— А где мои вещи? Я хочу получить их назад.

Трис изо всех сил пытался сдержаться, но было видно, что он на грани истерики.

— Кэл, можно тебя на минутку?

Беа двинулась по направлению к коридору.

— Я хочу получить свои вещи! — настаивал Тристан.

Кэл и Беа отошли в сторону.

— Послушай, позволь мне забрать его к себе домой. У меня есть свободная комната. Посмотри, он ведь совсем измотан. Не отправляй его в общежитие.

— Но он ведь не бродяга и не бездомный, — возразил Кэл. — Я знаю, что он инвалид, но мы обнаружили, что он владеет смертельным оружием. Неизвестно, нормален ли он психически.

— Он нуждается в помощи, Кэл.

Кэл вздохнул:

— Да, я знаю.

Через три часа Беа и Тристан подъехали к ее дому в Колинтоне. Понадобилось некоторое время, чтобы убедить Тристана сесть в машину, и всю дорогу до дома юноша дрожал и от страха, и от новых, захватывающих впечатлений от самой поездки и от проплывающих за окном городских видов. Он почти ничего не говорил, пока они ехали, но на Монингсайд, где проводились ремонтные работы, Тристан откинулся назад и буквально вжался в спинку сиденья. Беа посмотрела на него в зеркало, и юноша, заметив это, опять с достоинством выпрямился.

— Тебя именно это ис... потрясло тогда, Тристан? Не надо волноваться, оно не причинит тебе вреда. — Они проезжали параллельно месту работ, когда пришлось остановиться у светофора. — Эти машины производят ужасный шум, правда? — улыбнулась она. — Но видишь, ею управляет человек. Он может включить ее или выключить, в зависимости от желания.

Они поехали дальше, но страх не отпускал Тристана.

— Мне не нравится это место, — пробормотал он.

— Какое? Моя машина? — спросила Беа спокойно.

— Этот мир. Мне он не нравится.

Беа ничего не ответила, но почувствовала, что на голове зашевелились волосы.

Тристан был спокоен, когда они вошли в дом. Беа показала юноше свободную комнату, а потом отправилась в кухню, оставив его одного, чтобы дать время немного освоиться. Может быть, он посмотрит телевизор или еще что-нибудь и успокоится, подумала она. Девушка накормила своего кота Зигги, вполуха прислушиваясь к тому, что происходит в гостиной.

— Похоже, Зигги, у нас в доме гость, а?

Она нарезала коту в миску рыбной мякоти, и тот благодарно замурлыкал, принимаясь за еду. Беа всегда забавляла способность котов есть и мурлыкать одновременно. Она погладила рыжую спинку своего любимца, и в этот момент ее взгляд упал на бутылку джина, стоящую на полке, — «Сапфир Бомбея». Если она и пьяница, как многие думают, то по крайней мере не дешевая. Беа налила себе дозу, эквивалентную двойной в пабе, но потом перелила джин в высокий стакан и разбавила тоником. Услышав в гостиной какое-то движение, крикнула:

— Не хочешь выпить, Тристан? — Ответа не последовало, и она налила ему лимонада. Потом поставила стакан на поднос вместе со своей выпивкой. — Ну, что ты думаешь о моем скромном...

Закончить вопрос ей не удалось.

Тристан стоял посреди гостиной, уставившись на какой-то предмет, который он взял с камина. На лице его была смесь ужаса, изумления и благоговейного страха. Костяшки пальцев побелели от напряжения в том месте, где он вцепился в филигранную окантовку рамки.

— Что случилось? — прошептала она.

— Беатрис. — Тристан поднял глаза, и краска сбежала с его лица, когда он протянул ей фотографию. — Откуда у тебя портрет моего отца?

ГЛАВА 6

Джал не часто испытывал чувство неуверенности в себе. Фактически только одна женщина в целом мире могла вызвать у него такое чувство, и сейчас он смотрел на нее. Вернее, не на нее, а на ее изображение.

— Как это исчез? Куда он мог уйти?

Изображение высокой красивой женщины слегка мигнуло, потому что богиня Фирр потеряла фокус. Колдовала она далеко в Северных землях, используя кровь несчастной блудницы в качестве проводника. Очень быстрое и грязное колдовство. Взгляд Джала не отрывался от лежавшего на полу алебастрово-белого трупа, из которого поднималось изображение его матери, словно призрак души девушки. Впрочем, несчастная никогда не обладала таким величием и внутренним злом.

Джал вздохнул. Нельзя сказать, что он испытывал угрызения совести или жалость к девушке, несмотря на то что она пару ночей согревала его постель, пока Джал жил в борделе. Фирр

могла и не прибегать к такому методу. В конце концов, она богиня. Но нет, все приготовления она обычно оставляла ему. Фирр сказала, что скоро придет. Так скоро, как только Джалу удастся упрочить свои позиции в Сулис Море. Но сейчас, казалось, она не очень спешила. Может, не соскучилась по нему?

Джал почувствовал, как защемило сердце при мысли, что у нее мог появиться новый любовник.

Теперь еще возникли осложнения с Риган. Джал был уверен, что она успокоится и все поймет, а пока переехал в бордель, чтобы не попадаться Риган на глаза в течение нескольких недель. Он поплотнее завернулся в одеяло, вздрагивая от холода. Девушка пришла, чтобы разжечь огонь, и с его стороны было непредусмотрительно убить ее раньше, чем она закончила свою работу.

— Какое имеет значение, куда он делся? Я рад избавиться от проклятого карлика, — пожал он плечами. — Его сестра Риган гораздо более податлива. Что-то есть в этой девушке... Думаю, она может быть полезной.

Фирр холодно смотрела на Джала, и на какую-то секунду ему показалось, что на лице матери промелькнуло что-то вроде страха.

— Тристан мог отправиться на поиски своего отца, — просто сказала она.

— Талискера? Ну и что здесь такого? Сейчас он, наверное, уже почти старик. Какое это имеет значение? — Джал более пристально посмотрел на зыбкое изображение. — Или я что-то упустил?

— Нет, — успокоила его Фирр, — нет. Ты давно видел Алессандро Чаплина?

— Кого?

— Сеаннаха. Его надо арестовать и пытать, если он в Сулис Море. Ему, без сомнения, известно, куда исчез Тристан. Хочешь мне еще что-нибудь сказать?

Джал заколебался. Ему не хотелось, чтобы мать узнала о том, что он ищет ожерелье и пока еще не решил, что делать дальше. Но с его стороны было бы глупо не учесть, что Фирр будет следить за каждым его движением.

— Нет, ничего важного, Фирр, — улыбнулся он.

В комнате вдруг стало теплее, и в массивном камине само собой неожиданно вспыхнуло голубое пламя. Фирр хищно улыбнулась.

— Тогда иди ко мне, мой мальчик.

Распахнув объятия, она волшебным образом освободилась от одежды. Обнаженное тело мерцало в свете голубого огня, длинные темные волосы струились по плечам и груди, казалось, она плавает в воздухе. Джал сбросил одежду на пол, ему больше не было холодно. Возбужденный до предела, он шагнул вперед, чтобы его окутал огонь. Дыхание участилось, биение сердца звучало в

ушах, словно морской прибой. После Джал лежал на коврике у камина с закрытыми глазами, наслаждаясь теплом. Его блаженные вздохи прерывались тихим потрескиванием пламени в камине. Он знал, что следует быть очень осторожным. Левой ногой Джал коснулся холодной лодыжки мертвой девушки. Над ним появилось лицо Фирр, зыбкое, словно во сне, а ее голос проносился по его сознанию, словно бриз.

— Ты не должен лгать своей матери, Джал.

Она наклонилась и поцеловала его долгим крепким поцелуем. Настолько крепким, что он вскрикнул, когда из губы на щеку брызнул теплый фонтанчик крови. Он услышал ее смех, знакомый порочный смех, а потом мир взорвался...

Риган знала, что люди говорят о ней, не в лицо, конечно. Ходили слухи, что она убила Тристана. Некуда было деться от обвиняющих взглядов слуг и горожан, когда они кланялись, пресмыкались и шаркали ногами с каким-то новым чувством страха перед своей правительницей, но никто открыто не осмеливался спросить ее о брате. Несмотря на факт, что это в общем-то было в ее интересах, Риган безмерно раздражало такое положение вещей. Никто не заговаривал о Тристане до тех пор, пока она сама этого не делала, и очень скоро уже казалось, что он вообще никогда не существовал. Иногда Риган специально упоминала имя брата, чтобы увидеть, как на лицах слуг появляется тень сожаления. Это было своего рода пыткой, которую она придумала, чтобы наказать себя.

Прошло почти две недели, и никто не мог найти Тристана. Его исчезновение камнем висело над Риган. Ее мучила бессонница, не позволяя уснуть до того, как первые лучи рассвета окрашивали небо. Кроме того, у нее совсем пропал аппетит. Девушка каждый день уезжала на несколько часов кататься верхом и возвращалась бледная, замерзшая, полностью измотанная. Риган убеждала себя, что ищет брата, как будто он просто уехал из города, никого не предупредив. Но она понимала, что если бы это было так, те, кого она посылала на поиски, уже давно бы нашли его.

Существовали, конечно, и другие проблемы. Из Руаннох Вера приезжали всадники с требованием объяснить, что случилось с посланной ими делегацией, от которой они не получили ни единого известия. Риган изображала полное неведение и передавала Улле, что проводится самое тщательное расследование. В своем письме она также сообщала, что очень беспокоится о душевном здоровье Тристана. Мало того что ее брат калека, он еще подвержен лихорадкам, при которых часто впадает в бредовое состояние. Она смахнула набежавшую слезу. Риган понимала, что лишь тянет время. В конце концов Улла пошлет сообщение Хью и Лэхлену, и если случится что-нибудь еще, что встревожит ее неприятелей, в

следующий раз они попробуют свергнуть Риган более открытым способом. Оставалось только залечь на дно, как и Джалу...

Риган собиралась на свою обычную прогулку верхом, хотя шел сильный дождь. Ее служанка Элис не могла скрыть неодобрения. Она поджала губы, но ничего не говорила. Риган отпустила служанку и села перед зеркалом, чтобы уложить волосы. Когда послышался нетерпеливый стук в дверь, она предположила, что вернулась Элис, чтобы уговорить ее отказаться от поездки.

— Входи, Элис, — сказала она, не глядя. — Я знаю, что ты хочешь сказать, но мне необходимо поехать. Я...

Это был Джал. Он стоял в дверном проеме, спокойно глядя на нее. К своему удивлению, Риган схватила небольшое блюдо, в котором лежали ее шпильки, и швырнула его на пол.

— Убирайся!

Крик вырвался из горла прежде, чем она осознала, что намеревается сказать.

— Риган, я...

— Убирайся! — взвизгнула она и бросила в него свою деревянную щетку. К счастью для Джала, снаряд ударился о дверной косяк. — Я сказала, чтобы ты ушел. Что ты здесь делаешь? Элис, Элис, позови стражника...

Она пробежала в другой конец комнаты, чтобы взять кинжал, лежавший на тумбочке возле кровати, но Джал схватил ее и зажал рот рукой.

— Послушай меня, Риган. Послушай! — Его тон был одновременно и умоляющим, и сердитым. — Ты приказала мне уйти, и я ушел. Я пытался найти Тристана.

Его слова возымели нужный эффект. Глаза Риган расширились от удивления, и Джал рискнул убрать руку от ее рта. Как только он это сделал, Риган схватила кинжал.

— Говори. У тебя одна минута, — сказала она холодно.

Джал не стал торопиться, а спокойно уселся на стул, вытянув ноги.

— Я чувствую себя виноватым, — начал он.

— О, пожалуйста, не надо. Ты никогда не чувствуешь себя виноватым.

— Пожалуйста, Риган. Ты дала мне только минуту. Тристан убежал из-за того, что случилось той ночью, за что я несу частичную ответственность, поскольку послал своих собак.

Выражение лица Риган изменилось, когда она подумала о любимых собаках Джала. Тристан был уверен, что они разорвут свою добычу на части. Когда-то раньше Джал уверял ее, что собаки натренированы таким образом, что окружают жертву, но не причиняют ей никакого вреда.

— Они... они нашли что-нибудь?

— Сначала нет. Тристан оказался на удивление умным. Ему удалось спрятать свой запах. Подозреваю, что им руководил сид, наверное, сид-медведь...

Риган кивнула. В том, что сиды могли помочь Тристану скрыться, был смысл.

— В конце концов мне удалось найти его.

— Где он теперь?

— В Руаннох Вере. По крайней мере был там несколько дней назад...

Она нахмурилась:

— Очень странно. Леди Улла не упоминала об этом в письме...

— Он путешествует переодетым. — Взгляд Риган посуровел. Если быть честной с самой собой, она была почти рада видеть Джала, но не могла позволить, чтобы ей лгали. — Честно, Риган. Посмотри, он дал мне для тебя письмо.

Джал покопался в одежде и извлек оттуда маленький помятый пакет. Риган выхватила письмо.

Она была уверена, что это подделка, но не сомневалась, что сможет распознать почерк Тристана.

Впрочем, Джал был слишком умен, чтобы допустить такую оплошность. Магия активизируется в тот самый миг, когда Риган начнет читать, и она увидит то, что захочет увидеть.

Письмо было написано неустойчивым почерком Тристана. Риган отвернулась от Джала, так что он не мог видеть выражение ее лица.

Дорогая Ри!

Сожалею, что убежал. Конечно, на моем месте у тебя нашлись бы другие методы, но я не такой, как ты, и в этом вся проблема. Может быть, я был не прав, когда обратился к леди Улле, а ты права, что попыталась остановить мятеж в Сулис Море. Не знаю. Но отлично понимаю, что ты прекрасно справишься и без моей помощи, как это делала много лет. Пожалуйста, не пытайся отыскать меня, я путешествую инкогнито, и леди Улла не знает, что я нахожусь в ее городе...

Риган оглянулась на Джала, и он улыбнулся ей.

Ты помнишь, Ри, я однажды говорил тебе, что хочу побывать в Кармале Сью и увидеть стада диких лошадей? Скоро я смогу осуществить свои мечты, а дальше... кто знает? Не сердись на меня, Ри. Обещаю, что скоро вернусь в Сулис Мор, но только в качестве гостя. Правительницей всегда будешь ты.

С любовью
Трис.

— Благодарение господу, он жив, — вздохнула Риган.

— Конечно.

— Спасибо, Джал.

Он встал, как будто собираясь уйти.

— Мне показалось, что тебе захочется прочесть это письмо, — сказал он. — Я добирался из Руаннох Вера быстро, как только мог, но мне трудно было решиться прийти к тебе. До свидания.

Риган рассмеялась про себя. Ее гнев растопился от радостного известия. Она поняла, что Джал ожидает прощения за жуткий поступок, совершенный им двумя неделями раньше. По правде говоря, Риган много и серьезно думала последнее время. Судя по всему, Джал владел сильной магией, но, как бы отвратительно ни было преступление, он совершил его, чтобы помочь ей, точнее, защитить ее. Джал инициативный, сильный, хитрый и смелый. Замечательные качества для друга и убийственные для возможного врага. Риган не могла забыть крики и стоны умирающих людей, черных демонов, вызванных Джалом, и все ж...

И все ж она подумала, что следует контролировать его, ведь он ее слуга.

— Джал. — Риган подождала, пока он не оказался около двери. — Ты можешь остаться. Но помни, это твой последний шанс.

— Твой отец, Тристан? Это невозможно. Может быть, просто очень похож?

— Дункан Талискер. — Трис протянул ей фотографию. — Он здесь выглядит моложе, но это определенно он, сеаннах Сандро... и ты.

Беатрис тяжело опустилась на стул и сделала большой глоток джина.

— Садись, Тристан, — сказала она спокойно. — Есть кое-какие подробности, которые мне необходимо узнать.

Тристан сел на большую желтую кушетку, все еще хмурясь. Беа пристально посмотрела ему в лицо. Она ошибалась, думая о Тристане как о ребенке. Выражение его лица и поза, в которой он ожидал ее вопросов, больше подходили молодому человеку, а не ребенку. Но тем не менее он совсем не напоминал Талискера. Будь Тристан здоров, из него получился бы весьма симпатичный юноша. В больших карих глазах безошибочно читался интеллект. Черты лица и рисунок рта говорили о мягкости и доброте. Именно из-за них он выглядел так молодо. Беатрис сделала еще один большой глоток джина, думая, с чего ей лучше начать.

— Значит, они живы?

Она почувствовала, как перехватило горло.

— Живы? Конечно, они живы. По крайней мере сеаннах был в Сулис Море, когда я покидал город. — Тристан

пожал плечами. — Своего отца я не видел несколько лет, потому что он не любит приезжать в город. Последним его видел Сандро. Я и моя сестра...

— Сестра? У Талискера двое детей? Как это может быть?

— Я приемный сын, — признался Тристан, надеясь, что этот факт поможет разобраться в происходящем.

— Ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке? Талискеру сейчас около... тридцати четырех — тридцати пяти лет, и у него просто не может быть таких взрослых детей. Сколько тебе лет, Тристан?

— Двадцать пять лет. А моему отцу около шестидесяти.

Последовала долгая пауза, пока Беатрис переваривала информацию. Она мало что объясняла. Даже если у Талискера существует какой-то странный дух-двойник, разница в возрасте не становилась более понятной. Кроме того, Тристан знал и Сандро. От джина в голове начало шуметь, но Беа знала, что даже если бы была трезва как стеклышко, ситуация не стала бы яснее.

— Ты не можешь взять меня с собой к ним? Мы старые друзья.

Она печально улыбнулась, вспомнив о Сандро, но Тристан покачал головой.

— Прости, Беатрис, но я думаю, что заперт здесь до тех пор, пока не появится Мориас и не найдет меня.

— Здесь?

— В этом мире. Как бы он ни назывался. Сандро и мой отец находятся в моем мире, на Сутре. Меня перенесла сюда магия и... что? Я сказал что-нибудь смешное?

Беатрис смеялась.

— Нет-нет, Тристан. Ничего смешного. Просто я иногда использовала слово «магия», чтобы посмеяться над собой.

— Не понимаю.

— Недавно мне показалось, что я схожу с ума. У меня возникали ощущения, что я вижу что-то магическое и...

Тристан выглядел озадаченным.

— Почему же это значит, что человек сходит с ума?

Беатрис отхлебнула из своего стакана. Джин разрумянил ее лицо, глаза стали горячими и влажными. Она со стуком поставила на стол стакан и достала из кармана рубашки пачку сигарет.

— Потому что в нашем мире не существует магии, дорогуша. Никакой магии.

В это время в другом мире о магии размышлял еще один человек. Сандро был совершенно уверен, что умирает, и по какой-то причине это напомнило ему единственный раз, когда он сам воспользовался магией и выжил. Правда, в основном благодаря помощи леди Уллы, теперь правительницы Руаннох Вера.

Он вдохнул через разбитые, кровоточащие губы. Воздух обжигал и колол, словно пчелиные укусы. В другой раз одной этой боли было бы достаточно, чтобы заставить Сандро стонать, но сейчас такое казалось неуместным. У него переломаны кости, а он даже не знал какие. Это было частью изощренной пытки. Сандро полагал, что повреждены не крупные кости, а мелкие — пальцы рук и ног, запястья, лодыжки, — от чего каждое движение причиняло ужасную боль.

Но не только поломанные кости беспокоили его, сеаннах смотрел в другой конец комнаты на своего мучителя, человеко-быка с пальцами хирурга. Сандро был уверен, что у него внутреннее кровотечение, потому что при кашле он выплюнул большое количество крови. Насколько важно сохранить ему жизнь, гадал он? Мог ли его мучитель совершить фатальную ошибку? Сандро слегка приподнялся, стараясь избавиться от накатившей волны тошноты, начинавшей застилать сознание. В конце концов, он лежит здесь с тех пор, как лодыжки... Сандро почти рассмеялся над абсурдностью мысли, что обморок может быть благословением. Он никак не мог сосредоточиться... Да, как-то ему удалось применить магию. Он все сделал сам и сделал правильно, не так, как случилось однажды, когда он, Дункан и Малки стали одним большим...

Малки. Сандро долгое время не мог думать о друге спокойно. Даже сейчас, с переломанным телом, которое отказывалось бороться за жизнь, воспоминание о диком хитром горце смогло согреть его сердце и вызвать жалкое подобие улыбки на разбитых губах.

Его внимание привлек шум около дверей. Сандро пытался разглядеть что-нибудь через опухшие веки. Его мучитель подходил к сеаннаху с отвратительной улыбкой, в руках он нес какой-то предмет, от которого старательно оберегал свое тело. Приглядевшись, Сандро увидел раскаленную кочергу. Он не мог бы сказать, громко застонал или нет. То был скорее отголосок отчаяния его искалеченной оболочки. Потом, когда сеаннах наблюдал за движением кочерги в полумраке комнаты, ему показалось странным, что его мучитель носит высокие перчатки, чтобы защитить свою кожу. У него возникла мысль, что они похожи на перчатки кузнецов. Сандро почувствовал, что грудь распирает истерический смех. В то же время его тело, повинуясь своим собственным законам, корчилось в судорогах. Он открыл рот, чтобы спросить, кто приказал мучить его, но вместо этого раздался булькающий крик, сопровождающийся еще большим количеством крови.

Раскаленная кочерга была теперь перед его лицом. Сандро чувствовал запах раскаленного металла и почему-то запах собственного пота и мочи. Ему даже казалось, что он чувствует, как поджаривается кожа, хотя кочерга еще не коснулась тела. Его глаз.

 Вот к чему подбирается этот монстр, к его глазу. Теперь

слишком поздно молиться о чудесах и магии, слишком поздно. Сандро зажмурил глаза и наконец закричал. Все его существо превратилось в крик.

Потом последовал глухой удар, и... жар у лица исчез. Прохладный воздух коснулся измученного тела. Сандро не стал смотреть, решив, что мучитель собрался поиграть с ним. Наверняка выжидает, когда Сандро откроет глаза, чтобы воткнуть раскаленную кочергу...

— Сандро, Сандро, ты слышишь меня?

Кто-то похлопал его по лицу. Очень знакомое, осторожное прикосновение. Когда-то ему уже приходилось его испытывать. И голос был откуда-то знаком. Все-таки сеаннах не открывал глаза, не веря своим ощущениям. Внутри него разрасталась темнота, расцветала, будто смертоносный цветок.

— Думаю, мы опоздали, он мертв.

Голос отличался от первого, он тоже был мягкий, но более отрывистый. Говорившему, похоже, было все равно. Сандро тоже.

— Нет, дай мне посмотреть, — раздался опять первый голос. Он знал... знал этот голос... — Сандро, я уверен, ты слышишь меня. — Кто-то осторожно убрал волосы с его лба. — Я знаю, ты не хочешь боли. Где твой камень? Твой камень делает тебя сеаннахом, помнишь?

— Камень?

— Камень Грез. Вот как называл его Талискер.

— Талискер?..

Что-то холодное и твердое легло в ладонь Сандро. Простой камень. Камень, который много лет назад разбудил его талант сеаннаха. Его дал ему...

Сандро открыл глаза, чтобы посмотреть в лицо своему старому другу. Ему казалось, что он плачет, но уверенности не было. Он ни в чем не был уверен, кроме поблекшего голубого взгляда, в котором отражались сожаление и боль.

— Мориас, — прошептал он. — Помоги мне.

За свою жизнь Сандро пришлось повидать много сражений, богов и колдовства, но никогда ничто не тревожило его снов. На сей раз страдающее тело диктовало свои законы, и сны стали мучительным фоном для долгих часов выздоровления. Он видел Риган девочкой и танцевал с ней. Был такой случай, когда ей исполнилось семь лет. Она поставила свои маленькие ножки на его ступни, и Сандро вальсировал с ней по комнате. Девочка смеялась и смеялась с округлившимися от удовольствия глазами. Он слышал и смех Уны откуда-то сзади, но... потом Риган стала меняться. На ее теле и лице стали расти черные и голубые перья. Длинные черные волосы превратились в плюмаж, но Риган танцевала, не обращая внимания на происходящие с ней перемены, и все это про-

должалось до тех пор, пока его партнерша не стала большой черной птицей, чей огромный клюв впился Сандро в грудь, как острие меча. Она больше не танцевала, Сандро не мог освободиться от ее когтей. Он корчился и боролся во сне.

— Позволь мне уйти...

— Сеаннах, ты должен проснуться. Сеаннах!

Сандро открыл глаза. Первое полученное им ощущение не было визуальным, он почувствовал, как болит его тело. Но боль больше не была обжигающей. Чтобы убедиться в этом, Сандро слегка шевельнул ногой, почувствовав при этом легкую болезненность и жжение, и только. Второе, что он понял, это то, что находится в логове сида. Сандро знал это, потому что ему приходилось бывать у них. Хотя в круглых низких строениях отсутствовала прочность каменных жилищ Великих, там всегда было тепло и пахло дымом и травами. Сеаннах лежал на мягких шкурах, ощущая шелковистость и тепло меха. Сделав глубокий вдох, Сандро опять закрыл глаза.

— Сеаннах, ты проснулся?

Сандро опять неохотно открыл глаза и мутным взглядом уставился на говорившего. Как он и ожидал, это оказался сид, хотя на его шее не висел тотем верности. Одет он был в серебристо-серую одежду, а в волосах торчали большие орлиные перья. Достаточно большие, чтобы принадлежать сидам-орлам. Хотя его лицо излучало доброту и заботу, черты были довольно резкие: орлиный нос, тонкие губы и, что самое удивительное для сидов, бледно-голубые глаза.

Сандро так много общался с сидами, что без труда мог определить, к какому племени они принадлежат, в первую минуту встречи. С этим сидом сомнений быть не могло.

— Племя волков? — пробормотал сеаннах.

Во время битв с Корвусом племя волков вышло из содружества сидов. Будучи угрозой как для сидов, так и для Великих, они стали изгнанниками. Но волков это мало волновало, независимость и гордыня привели их к такому положению вещей. Они всегда были бродягами и не имели ни очага, ни дома. Им не доверяли ни сиды, ни Великие и всегда избегали их.

Когда сид понял, о чем думает Сандро, в его взгляде мелькнуло удовольствие. Он коротко кивнул и приложил руку к сердцу.

— Эскариус Вермех, — сказал он.

— Эскариус? — нахмурился Сандро. — Эскариус мертв.

— Он был моим отцом.

— А... — Сандро не мог придумать, что сказать. Старший Эскариус сделал попытку украсть для племени волков Бразнаир, он убил Деме, а затем его самого убил Макпьялута. Он оказался предателем. — Где Мориас? Мне необходимо его увидеть.

Эскариус согласно кивнул с серьезным видом.

— Да, конечно. Он вылечил тебя с помощью сильной магии. Когда мы пришли туда, ты был практически мертв. А сейчас он очень устал и отдыхает.

— Да, я понимаю. Вы... убили моего мучителя?

— Это было необходимо. Да.

У Сандро не возникло по этому поводу угрызений совести.

— Спасибо, — сказал он.

Его опять сморил сон. И снился Сандро его мучитель, которого рвали на части огромные серые волки. Всего лишь ночной кошмар, но раны, оставленные чудовищем на сердце, были гораздо глубже.

Когда Сандро опять проснулся, он чувствовал себя гораздо лучше. Даже ноющая боль в костях исчезла. При мысли, что он все еще жив, Сандро ощутил прилив энергии. Он сел, с любопытством оглядывая жилище. Раньше ему никогда не приходилось бывать в логове волка. Как сеаннах он знал не слишком много историй о сидах, так как они вели довольно замкнутый образ жизни. Существовало несколько мифов о чудовищах Лизмаира — их древней родины. Скорее из вежливости Сандро приглашали в селение и принимали со всем возможным уважением. Из этих визитов он узнал, что со времени битвы за Сулис Мор двадцать пять лет назад не рассказывалось ни одной сказки, касавшейся клана волков, но волчья мудрость, скорость и упорство были известны всегда. В их логовах с тех пор никто не бывал.

Сначала жилище, в котором он находился, показалось Сандро гораздо более темным и мрачным, чем ему приходилось видеть раньше. Какое-то время сеаннах не мог понять, в чем дело, но потом его осенило: логово выкопано в земле так глубоко, что со стороны можно видеть только дым, поднимающийся из центральной дыры. Сейчас же через нее в логово проникал тусклый дневной свет, а наружу в небо выходил ленивый дымок угасающего огня. Сандро слышал снаружи пение птицы и подумал, что сейчас, наверное, раннее утро, хотя трудно сказать, как долго он находился без сознания. Завернувшись в одну из больших шкур, чтобы унять озноб, сеаннах направился к двери поискать Мориаса. В этот момент в логово вошел Эскариус с горшком в руках, в котором дымилось какое-то варево.

— Мне нужно поговорить с Мориасом, — начал Сандро. — Я хочу узнать, что происходит, Эскариус.

— Сначала ты должен поесть.

Фраза прозвучала как команда, и так как Сандро был голоден и его слегка покачивало, он взял горшок с жидкой овсяной похлебкой и принялся за еду.

— Я могу есть и ходить, — проворчал он нелюбезно.

Эскариус ничего не сказал, а просто отдернул полог, закрывающий вход.

Снаружи земля покрылась толстым слоем снега, и Сандро ослепила сверкающая белизна. На нем все еще были остатки прежней одежды — рваный плед и рубашка, и когда свежий воздух коснулся тела, Сандро ощутил, что засохшая кровь вперемешку с потом прилипла к коже. Нагнувшись, он набрал пригоршню снега и протер лицо, наслаждаясь ощущением свежести. Лагерь расположился на небольшой лесной поляне, в окружении тонких облетевших деревьев, в основном берез и бузины. Солнце стояло высоко в небе, деревья отбрасывали причудливые бело-коричневые тени. Отрывистая перекличка птиц усиливала атмосферу одиночества.

В сотне ярдов от Сандро и Эскариуса пегая лошадь и грязный белый мул дружно жевали охапку сена. Сандро усмехнулся, сразу признав традиционный способ передвижения Мориаса. Интересно, тот ли самый это мул, на котором старый учитель ездил все эти годы?

— А где?..

Эскариус махнул головой в сторону центра поляны, и Сандро увидел Мориаса. Старик сидел на бревне, совершенно неподвижный и настолько сливающийся с окружающей местностью, что Сандро не сразу его заметил. Когда их взгляды встретились, Мориас улыбнулся и, тяжело опираясь на посох, стал подниматься со своего места. Сандро подбежал к нему и заключил старика в медвежьи объятия, поразившись, каким хрупким и легким тот оказался.

— Мориас! — Эмоции переполняли Сандро. — Я обязан тебе жизнью.

— Сеаннах, — грустно проговорил старик, — ты попал в очень серьезную переделку. — Они сели рядом, и Сандро заметил, что Мориас пристально смотрит на него. — Как ты себя чувствуешь?

— Я... прекрасно. Кое-где еще болит немного. Да ничего страшного.

Он улыбнулся, но Мориас не ответил на его улыбку, а просто кивнул.

— Что случилось?

— Сандро, я не смог вылечить тебя полностью. Твои раны были слишком опасны...

— Но я чувствую себя...

— Это только иллюзия.

Сандро нахмурился:

— Но я не понимаю, Мориас. О чем ты говоришь?

В ответ старик протянул руку. В центре ладони лежал маленький красный пульсирующий камешек, отбрасывающий розовые блики на белый снег.

— Магия — великая вещь, Алессандро, как ты знаешь, но ей не под силу победить природу. В этом камне содержится твоя агония и все раны на тот момент, когда мы тебя нашли...

— Но...

Мориас вздохнул.

— В один прекрасный момент все это вернется. Я просто выиграл для тебя время.

— Нет!

Сандро был в ужасе. Разум отказывался даже вспоминать о той боли, которую ему пришлось испытать. Сеаннах потянулся, чтобы взять камень, но Мориас зажал его в ладони.

— Не надо его трогать, — предупредил он. — Ты можешь нарушить заклятие.

— Но почему тогда нельзя хранить заклятие в этом камне вечно? — печально спросил Сандро. — Почему нельзя забросить камень куда-нибудь подальше или еще что-то придумать?

— Ничего не получится. В определенное время магия просто исчезнет, и ты опять окажешься в агонии.

Они замолчали, тишину нарушало только печальное пение кроншнепа. Когда Сандро вновь заговорил, в его голосе чувствовался страх.

— Ты говоришь, что я практически мертвый человек. Значит, мне предстоит умереть мучительной смертью.

— Прости меня, Алессандро. У меня не было выбора.

— Нет был. Почему ты не позволил мне умереть? Это было бы милосерднее.

— Знаю. Но, Сандро... ты очень нужен. Грядет большая беда, тысячи людей могут погибнуть.

Лицо Сандро стало серьезным.

— Ты уверен, что обращаешься к нужному человеку? Это дело Талискера.

— Ты не знаешь, что происходило в последнее время? — Мориас рассердился и покраснел. — Вы с Талискером нужны оба. Ваши силы уравновешивают друг друга.

— Это не так, — уныло заметил Сандро. — Разве ты не помнишь, что половину наших жизней мы противостояли друг другу? О каком равновесии ты говоришь? И потом, нужен Малки, чтобы нам собраться вместе. Он уже умер, и я даже не знаю, где Дункан.

— Мне это известно. Поэтому я попросил Эскариуса проводить тебя. Я полагаю, что Талискер направляется на юг через Голубые горы. Ты сможешь нагнать его дней через десять. В это время года дороги в горах опасны, а местами просто непроходимы. В общем, десять дней, чтобы добраться до него, и столько же, чтобы вернуться сюда...

— Почему ты решаешь за меня? Зачем мне разыскивать Дункана? И откуда у тебя уверенность, что он захочет вернуться?

Мориас неожиданно потупился. Он почесал лоб концом своего посоха.

— Потому что я глупый человек, Сандро, и из лучших побуждений совершил непростительный поступок. Я спас Тристана от Джала, который всем нам угрожает, и отправил мальчика туда, где этому негодяю его не достать, — в другой мир.

По лицу Сандро было видно, что он сразу же понял, о чем речь.

— Эдинбург? — прошептал он. — Ты отправил его в Эдинбург? Он никогда там не выживет.

Мориас закрыл глаза.

— Знаю, — пробормотал он.

Сандро громко застонал, и Мориас открыл глаза. Момент слабости прошел, и он посмотрел на сеаннаха строгим, непреклонным взглядом.

— Ты и Дункан нужны мне, чтобы вытащить его оттуда, Сандро. Вам придется вернуться в ваш мир.

Тристан уже спал, когда вечером пришел Кэл. Собираясь открыть дверь, Беа пригладила волосы и, поймав себя на этом жесте, подумала, что попытки приукрасить себя совершенно бесполезны. Глупо думать, что Кэл проявит к ней хоть какой-то интерес, когда у него на работе такой выбор женщин. И все же Беатрис не могла проигнорировать волнение, которое почувствовала, когда посмотрела в глазок и увидела, что Кэл принес бутылку вина.

— Привет, — улыбнулся он. — Я как раз сейчас думал, как там наш подопечный.

Подопечный считает, что его отец — Дункан Талискер, которому сейчас около шестидесяти лет, и живет он в другом мире.

— С ним все в порядке, — сказала она. — Мне кажется, Тристан совершенно вымотан из-за всего, что произошло.

— Неудивительно. — Кэл прошел в гостиную. — Думаю, ты не будешь возражать? — спросил он, показывая бутылку вина.

— Совсем нет. Я это воспринимаю как вотум доверия, — улыбнулась девушка. — Сейчас принесу стаканы и штопор.

Через несколько минут она вернулась с подносом и миской чипсов, после чего они с Кэлом сели рядом и открыли вино.

— Надеюсь, он в постели? — кивнул Кэл в сторону свободной комнаты.

— Нет, я отпустила его погулять по городу. — Заметив, как изменилось лицо полицейского, Беа хихикнула. — Конечно, он в кровати. Что там с его мечом? Сможет он получить его назад?

Кэл пожал плечами:

— Стирлинг предположил, что раз ты испытываешь такую личную заинтересованность в этом деле, то, может быть, тебе захочется сделать кое-какие анализы. Надо выяснить, нет ли на клинке следов крови. Мне кажется, это пустая трата времени, меч явно для чисто декоративных целей. Знаешь, вроде тех вещиц, которые люди вешают на стены над камином.

Он громко захрустел чипсами и машинально взял еще горсть. Беа тепло смотрела на Кэла, радуясь, что он смог так расслабиться у нее в гостях.

— Ты имеешь в виду, что это копия или что-то вроде того?

— Да-да, совершенно верно. Некоторые магазины на Хай-стрит продают вещи подобного сорта.

— Ты ведь не веришь в это, правда?

— Ну, ты ведь эксперт, потом мне расскажешь.

— Подожди-ка. Это что, Стирлинг таким путем хочет вернуть меня на работу? — Беа негодующе усмехнулась. Потом очень похоже передразнила звучный, глубокий голос Стирлинга: — Пока ты здесь, Беа, не затруднит ли тебя бросить свой взгляд эксперта на труп в третьей камере? Будь душечкой, напиши потом отчет.

Кэл усмехнулся и громко захрустел очередной чипсой.

— Он называет тебя душечкой? Интересно.

Беа фыркнула.

— Даже не думай об этом. Мы с ним долго работаем вместе, но...

— Шучу. Хотя большинство наших знакомых всегда считали, что вы с Алессандро были подходящей парой.

— Сандро? Нет. Мы встречались какое-то время, но ничего из этого не вышло. Он никак не мог оправиться после смерти жены.

— Да, Дианы, кажется? Ужасно. Я был в женском отделении, когда она разбилась. Мне лично Сандро всегда нравился, но некоторые говорили...

— Он был хорошим человеком, Кэл. — Неожиданные слезы выступили в глазах Беа. *Был хорошим человеком... вот в чем дело,* — сказала она себе. Они обсуждали Сандро и говорили о нем так, словно он умер. — Он хороший человек, — поправила она себя.

— Прости, Беа. Я не хотел тебя расстраивать. — Кэл поставил свой стакан и неловко погладил ее по руке. — Но ты ведь не думаешь, что он до сих пор жив, правда? Прошло уже более двух лет, как они с Дунканом исчезли.

— Люди исчезают по очень многим причинам, — возразила Беатрис, демонстративно убрав руку и взяв свой стакан.

— Да, конечно. И массовое убийство совсем не редкость. Но не для Сандро. Только для Талискера.

Беа тяжело вздохнула:

— Послушай, Кэл. Только не обижайся, но ты не принимал участия в расследовании этого дела и не знаком со всеми обстоятельствами. В конце концов, имелось достаточно более убедительных доказательств, чтобы поместить в траурную рамку Томаса Уиллса, а не Талискера. По крайней мере достаточно, чтобы отменить предыдущее обвинение.

— А кто такой Томас Уиллс? — поинтересовался Кэл.

Неожиданно погрустнев, Беа покачала головой:

— Это не имеет значения. Не имеет никакого значения.

Они долго сидели молча. За это время вечер вступил в свои права, и комната теперь освещалась только огнем из камина и светом, проникавшим из кухни. Беа попыталась сделать над собой усилие и включить лампу, но ей не хотелось двигаться, поэтому она угрюмо смотрела на угольки в камине. Кэл же изучал фотографии на большом пианино, хмурясь в темноту.

— Кто эта маленькая девочка? — спросил он.

Беа чуть не рассмеялась над иронией происходящего. Она догадывалась, что Кэл из вежливости, хотя и не очень ловко, хочет сменить тему разговора.

— Это Эффи Морган. Дочь Шулы Морган. Я ее крестная мать, поэтому девочка иногда приезжает на каникулы...

На лице Кэла постепенно появилось выражение догадки.

— Шула Морган? Это не?..

— Да. Последняя жертва. Она была моей школьной подругой и бывшей девушкой Дункана.

— Но он...

— Нет. Он никогда не причинял ей вреда.

— Послушай, может, я пойду? — Кэл вдруг встал и принялся стряхивать с форменных брюк крошки от чипсов. — Я... я... мне кажется...

— Был не очень деликатен, ты это хотел сказать? — спросила Беа мягко.

Кэл смотрел на ее освещенное светом пламени лицо, на котором отражались отблески трагедии, объединившей маленькую группу друзей, но также еще и странная мудрость, какую подобные события часто приносят людям. Беа не рассердилась на его неловкость, просто глубоко опечалилась. Кэлу показалось, что теперь он понял, как Беатрис потеряла интерес к работе и почему распались ее так много обсуждавшиеся отношения с оперным баритоном, надо сказать, теперь очень известным.

— Господи, прости меня, Беа.

— Ради Христа, перестань извиняться, Кэл. Не уходи. Налей мне лучше вина. — Она тепло улыбнулась, и вновь перед Кэлом предстала уверенная в себе, дерзкая женщина, которой восхищались многие коллеги. — Вот что я тебе скажу. — В ее глазах мелькнуло лукавство. — Давай пить и разговаривать до самого рассвета. Может, появится новая сплетня в больнице.

— Идет, — засмеялся он. — Давай посмотрим, как там Тристан, прежде чем начинать пить?

— Хорошо.

Они спокойно вошли в дверь спальни, и сердце Беа сделало резкий скачок, когда она поняла, что Тристана нет в кровати. Но, прежде чем она успела что-то сказать, Кэл потянул

ее за рукав и указал на пол. Трис, свернувшись калачиком и крепко обняв совершенно не возражающего кота, спал на ковре.

— Похоже, кровать слишком мягкая для него, — усмехнулся Кэл.

Беа, улыбаясь, отхлебнула немного вина. Она посмотрела на Кэла и подумала, что бы он сказал, если бы она сообщила ему о своей уверенности, что найдет следы крови на клинке, потому что Тристан сражался за свою жизнь...

ГЛАВА 7

В течение многих лет Талискеру снилась Уна. В самые темные часы ночи он просыпался от этих снов, и осознание ее смерти в первые секунды пробуждения накрывало его темной волной отчаяния. Тем не менее боль потери со временем стала глуше, и Дункан уже мог не целыми днями напролет думать о жене. Тогда появилось какое-то странное чувство вины, поскольку Талискер осознал, что практически позволил ей уйти. В мире без фотографов память или отсутствие памяти были молчаливыми убийцами скорби. Постепенно стирались из памяти лицо, голос, облегчая боль и заменяя ее сладко-горьким чувством потери, которая бывает только раз в жизни.

Иногда память восстает против такого. Талискер мог, например, гулять по лесу, и запах какой-нибудь травы, цветка или птички, которая нравилась Уне, вдруг вызывали в памяти ее голос так ясно, будто он слышал его вчера. Талискеру оставалось делать вид, что он ничего не слышит, зажать свое сердце в кулак и идти дальше, отвлекая себя охотой или наблюдением за погодой. Это происходило не оттого, что Дункану хотелось забыть ушедшую любовь, а потому, что после смерти Уны он похоронил свою боль и посвятил себя воспитанию детей. Но сейчас, находясь в одиночестве, Дункан ничем не мог остановить печаль, переполнявшую душу, и она отделила его от остального мира неприступной стеной. В другом мире о Талискере могли сказать, что у него нервный срыв, а здесь, в Сутре, люди предположили бы, что он на время сошел с ума.

Но сейчас все было настолько реально, будто Уна живая стояла перед ним. Если бы здесь появился Мориас и сказал, что нашел способ вернуть ее к жизни, Талискер поверил бы ему. Он сидел на пороге маленькой хижины и смотрел в ночное небо. Прошлой ночью был метеоритный дождь, и Дункан надеялся на повторение. Наблюдение за звездами стало его страстью, и Талискер записывал подробности увиденного и изящным убористым по-

черком делал наброски в записной книжке, стараясь экономить бумагу.

Рядом сидела небольшая серая рысь. Не сид, а просто родное дитя лесов. Рысь часто приходила к Талискеру, чтобы провести с ним время, разделить еду, нередко добавляя кролика в общий котел, а потом опять уходила. Как и все кошки, она сама определяла их отношения, что очень устраивало Талискера. Ему нравилось ее молчаливое присутствие. Он называл рысь Принцессой, хотя и понимал, что это довольно глупо. Но то было больше ласковое обращение, чем кличка, и он никогда не надеялся, что рысь придет, как только он окликнет.

Нынешней ночью небо было чернильно-черным. Дункан внимательно смотрел на серебряное сверкание звезд, гадая, витает ли нетерпение, которое он испытывал, в воздухе, или что-то происходит в нем самом. Для небес не существует времени. Для них не существует понятия «прошлая ночь», да и просто «ночь», поэтому...

— Дункан.

Это была она, Уна! Она стояла около выступа скалы рядом с узкой тропинкой. Талискер не мог разглядеть черты ее лица в темноте, но точно знал, что это она, как и то, что одета его жена в зеленое платье, а на плечи накинут темно-зеленый фамильный плед, хотя все цвета в темноте выглядели оттенками серого.

— Уна? — Слово вырвалось из горла каким-то сдавленным звуком. Это произошло потому, что Талискеру не приходилось произносить ее имя вслух много лет. — Что...

Дункан стал приподниматься со своего места, чтобы броситься к ней, но Уна остановила его.

— Нет, не вставай. Ты не должен дотрагиваться до меня, моя любовь. Я просто тень, и у меня очень мало времени. Если попытаешься коснуться меня, колдовство может быть нарушено.

— Подойди хотя бы ближе, Уна, — взмолился он, — чтобы я мог тебя увидеть. Иди сюда, сядь на ступеньку. Я обещаю, что не дотронусь до тебя.

Она подошла и села, а Дункан наблюдал за каждым движением, упиваясь деталями, каждым немыслимым моментом, боясь, что они могут исчезнуть в бесконечности. Теперь, когда Уна сидела рядом, Талискер вдохнул знакомый аромат леса, и чувство глубокого покоя накрыло его, словно теплое одеяло. Она подняла глаза, и он увидел, что Уна плачет. Слезы оставляли мерцающие следы на бледной коже щек. Забыв про обещание, прежде чем осознал, что делает, Дункан потянулся к ней, и она отпрянула от него.

— Прости, — простонал он. — Уна, я готов продать душу дьяволу, чтобы только...

— Я знаю, Дункан. Но послушай меня, у нас очень мало времени. Наши дети в опасности. В очень большой опасности.

Талискер нахмурился. Он почти не вспоминал о Риган и Тристане последние несколько недель, рассчитывая на их полную безопасность в Сулис Море. Ведь они там правят вместе. В этот счастливый момент встречи почему они с Уной должны говорить о них?

Он покачал головой:

— С ними все в порядке, Уна. Как может быть иначе? Они занимают самый высокий в Сутре пост. Никто не смеет угрожать им, даже разговор об этом считается изменой.

— Нет. Ты имеешь представление о том, что сейчас происходит в Сулис Море?

Упрек Уны привел Дункана в замешательство.

— Если бы случилось что-то на самом деле серьезное, сиды знают, где я, и Сандро или Эйон послали бы мне весточку. Потом, ты же знаешь, что я не могу появиться в Сулис Море.

— Да, я могу понять твою боль и нежелание посещать это место, — печально согласилась Уна. — Но очень многое изменилось, Дункан. Тсанук, старейшина клана рысей, мертв, казнен по приказу Риган. Его сын Демуква увел свое племя на юг, чтобы спастись от преследования.

— Нет! — Талискер в ужасе уставился на призрак своей жены. — Это какой-то трюк, правда? Ты не можешь быть Уной. Кто послал тебя мучить меня?

Она резко встала, плед взметнулся, создав легкий ветерок, опять донесший до Дункана ее сладкий аромат. Лицо Уны вспыхнуло и стало сердитым.

— Неужели ты думаешь, что все это причиняет мне меньше боли, чем тебе? — воскликнула она. — Тебе, наверное, кажется, что моя душа отдыхает? Она наша с тобой кровь и плоть, дорогой мой муж, но эта кровь оказалась подпорченной. Риган находится под чьим-то влиянием. Этот человек уверяет, что любит ее, но он вредит ей. — Уна замолчала, пытаясь удержаться от слез. — Боюсь, она связалась с дьяволом.

По какой-то причине именно гнев и негодование Уны убедили Талискера, что это призрак именно его жены. При жизни она так же всегда спешила на помощь своим детям. Похоже, что и после смерти мало что изменилось.

— Кто этот человек? — нахмурился Талискер. — Очень не похоже на Ри не думать о том, что она делает.

— Его имя Джал. Он доверенное лицо Риган. Это все, что я знаю.

Уна беспомощно пожала плечами, и у Талискера защемило сердце, настолько она показалась ему беззащитной.

— Ты совершенно права, Уна. И даже если мне придется... — Дункан замолчал, как будто на мгновение потеряв нить размышлений. Но жена смотрела на него пристально и понимала: Талискер думает о том, что для него до сих пор было не-

мыслимым, ему необходимо вернуться в Сулис Мор. — Я должен что-то сделать, пока все не зашло слишком далеко, — пробормотал он тихо.

Талискер встал, взъерошив волосы рукой, словно пробудившись от глубокого сна. Его лицо казалось мертвенно-бледным в холодном свете луны, почти таким же призрачным, как и у его жены.

— Я бы сказала, что все уже зашло дальше некуда, — проговорила Уна. — Но у Тристана еще более серьезные проблемы. Я... я... — У нее сорвался голос, она пыталась совладать с собой и не разрыдаться. — Я боюсь, что он уже мертв, а кроме того, потерял свою душу...

— Потерял душу? Что это значит, Уна?

— Не знаю. Мне только известно, что я не могу увидеть его ни здесь, в Сутре, ни в царстве Кернунноса. Сначала я думала, что ошиблась, и подождала около прохода, надеясь застать момент, когда Тристан пересечет его, но он не пришел. Дункан, мне известно, что дети конфликтовали друг с другом перед тем, как мальчик покинул Сулис Мор. Я чувствовала, что у них крупные разногласия. Но у меня нет сомнений, что она не могла... убить его.

Лицо Талискера посуровело, потому что годы беспокойства о дочери вернули былые сомнения. Но все, что ему вспомнилось, это когда он в первый раз взял ее на руки. Он вздохнул.

— Не знаю, Уна. Я всегда... винил ее в твоей смерти.

— Не обвиняй ее, Дункан. Риган была просто девочкой и не может отвечать за мою смерть. Она держала мою руку столько, сколько могла.

Уна старалась не встречаться с ним взглядом.

— У нее была возможность сделать больше или нет? Ведь она могла помочь тебе еще как-то?

— Возможно... но она запаниковала.

— Господь с тобой, Уна, ты и сейчас ее защищаешь.

Жена улыбнулась ему дрожащими губами.

— Она моя дочь.

— Как я могу позаботиться о Трисе? Если она действительно причинила ему вред...

— Я не могу ответить тебе, Дункан. Но ты должен помочь им обоим. Возможно, Риган знает, что случилось с братом, хотя у меня нет уверенности, что она раскроет тайну. Влияние Джала растет день ото дня. Мне хотелось бы помочь вам всем. Не сомневайся, я наблюдаю за вами... но мне надо уходить.

— Нет, пожалуйста, не уходи.

— Для меня быть здесь очень утомительно.

— Посиди еще немного... ты больше ничего не хочешь сказать? Пожалуйста, Уна.

Она тепло улыбнулась, и на глазах у нее опять появились слезы. Талискер почувствовал, что на этот раз слезы только из-за него, не из-за детей.

— Я люблю тебя, Уна. Мне невыносимы были эти годы без тебя. Я так скучаю, — хрипло проговорил он, чувствуя, как сжалось горло от нахлынувшего чувства, грозившего переполнить сердце.

— Я знаю, мой дорогой. Когда-нибудь мы опять будем вместе. А сейчас давай посидим и вместе понаблюдаем за звездами.

Они сидели в тишине. Опять начался метеоритный дождь. Пришла серебристая рысь и свернулась клубком на лестнице. Талискер сначала смотрел на Уну, а потом, проследив за взглядом жены, тоже обратил внимание на сверкающее звездами небо. Легкий ветерок дул ему в лицо и ласково ерошил волосы. Чувство глубокого умиротворения наполнило душу Талискера, как будто что-то в глубине сердца было разбито, а теперь исцелено, и он опять пребывал в мире с собой.

— Уна, я...

Но она ушла.

Падающие звезды отражались в серебряных следах от слез на его щеках, но Талискер улыбался.

Несколько дней спустя Талискер подошел к крепостной стене Сулис Мора, чтобы получить ответы на волнующие его вопросы. Стена мало изменилась за те годы, что он не был здесь. Черный камень выдержал все природные катаклизмы северного климата, и они не нанесли ему ни малейшего ущерба. Талискер помедлил немного перед тем, как подъехать к воротам, и заметил, что, если посмотреть повнимательнее, все еще видны повреждения, оставшиеся после битвы за город, выцветшие, кое-где не слишком искусно заделанные местными жителями. Великие настаивали на том, что никто не помнит, кто построил Сулис Мор, и действительно, готическая, почти сюрреалистическая архитектура города была не похожа ни на что, виденное Талискером в Сутре. Городская крепостная стена, расположенная между двумя горными хребтами, выглядела очень необычно, и Великие, населявшие Сулис Мор сначала под правлением Ибистер, а потом Тристана и Риган, относились к своему городу с большим уважением и заботой.

У Талискера Сулис Мор вызывал только одно чувство — страх. Во время сражения почему-то очень усилилось помимо его желания чувство сопереживания. Он мог видеть души погибших воинов, все еще кричащих в агонии, хотя их трупы уже давно лежали на поле боя. После того как темнота Корвуса захватила Сутру в свои объятия, смерть перестала быть избавлением. Скопление замученных душ превращало адскую сцену битвы в нечто, чего разум Талискера старался избегать и никогда не вспо-

минать. С тех пор как дети поселились в городе, он никогда здесь не был.

В конце концов Дункан галопом поскакал по дну долины по направлению к огромным городским воротам. Его большой чалый жеребец никогда не использовался на небольших пространствах, он почувствовал волнение хозяина и, как только они приблизились к городу, стал трясти головой и фыркать, угрожая сбросить всадника. Сердце Талискера колотилось, все в душе восставало против этого визита и убеждало повернуть назад. Когда он пытался успокоить лошадь, его голос дрожал. Но Талискер остановился перед воротами и заставил себя заговорить со стражником.

— Сообщите Риган, что я хочу поговорить с ней, — приказал он.

Его лошадь дернулась и сделала круг, но Дункан заставил ее остановиться и твердо посмотрел на стражника. Тот какое-то мгновение колебался, но потом исчез в сторожке. Когда он вернулся, вместе с ним пришел стражник постарше и по возрасту, и, судя по всему, по званию.

— Кто ты такой, чтобы требовать встречи с правительницей? — грубо спросил он.

Младший стражник, видимо, сообщил о том, что Талискер не выказал уважения.

— Дункан Талискер. Передайте ей, что приехал отец.

Риган заставила его ждать около часа. Талискер сидел в приемной, ожидая, когда его пригласят. Через десять минут он осознал, что ему ясно дают понять — ее он отец или нет, в Сулис Море к нему будут относиться с небольшим уважением, если не совсем без него. Мимо дверей маленькой приемной прошли несколько человек, и Талискеру показалось, что все они обратили внимание на то, как долго он ждет. В городе слухи распространяются быстро, и новость о том, с каким презрением Риган отнеслась к своему отцу, как лесной пожар достигла всех уголков Сулис Мора. После получасового ожидания Дункан пришел в ярость, когда же прошло еще полчаса, он решил, что с него достаточно. Талискер решительно встал и резко распахнул двойные двери, ведущие в покои дочери.

— Риган, что, черт возьми, происходит?

Его дочь сидела за большим столом, заваленным бумагами, поглощенная чтением. Несколько минут она полностью игнорировала внезапное появление отца, когда же подняла глаза, то повела себя так, словно они виделись только вчера. Это была та же самая Риган, то же прелестное бледное лицо, темные волосы и выразительный взгляд. Он ожидал увидеть явные перемены, но она выглядела совсем так же. Это была его Ри, его девочка. И только когда она заговорила, перемены в характере и манерах стали очевидными.

— Отец. Неожиданная встреча после стольких лет. — Она встала и указала ему на стул с противоположной стороны стола. — Ты, должно быть, устал от путешествия. Посиди, а я прикажу принести тебе теплого вина.

— Нет, я не хочу вина.

— А что же ты хочешь?

— Я хочу знать, что происходит, Ри, то есть Риган. До меня дошли слухи о твоем правлении, которые мне очень не понравились.

Риган приподняла брови, будто его обвинение было для нее полной неожиданностью.

— От кого? Кто тебе сообщил такое?

— Ну... — Талискер не знал, что ответить. — Не имеет значения, кто мне это сказал. Я беспокоюсь о тебе и Трисе.

При упоминании имени брата Риган смутилась и отвела взгляд.

— Ты знаешь, где Тристан? — спросил Талискер.

Она покачала головой, лицо ее помрачнело.

— Он ушел. Однажды ночью просто ушел. Мы поспорили с ним.

— Из-за Джала?

Девушка уставилась на отца, изумленная его осведомленностью.

— Что тебе известно о Джале?

— Немного, — ответил он холодно. — Почему бы тебе не просветить меня?

— Мы просто друзья.

Она явно чувствовала себя очень неловко.

— Я не утверждаю обратного, — вздохнул Талискер. — Послушай, Риган, нужно ли мне напоминать тебе, почему ты оказалась здесь? Присматривать за Трисом. Мы оба знаем, что настоящий тан — Тристан. Нам казалось, мы делаем это для пользы дела, но...

— У нас такое утверждение может быть воспринято как измена, — раздался из дверей ровный голос.

Талискер сдержал первое побуждение и не оглянулся.

— Я разговариваю со своей дочерью, — ответил он, все еще глядя на Риган. — Ей известно, о чем я говорю. Поскольку правительница она, ей и решать, измена ли мои слова.

Талискер коснулся пальцами рукоятки своего кинжала. Что-то в собеседнике, несмотря на то что он его не видел, заставило волосы на голове шевелиться. Дункан тут же понял, что это Джал, и когда тот появился в поле его зрения, по какой-то необъяснимой причине Талискеру показалось, что они встречались уже много раз.

По меркам Сутры он был высоким, около метра восьмидесяти ростом, и довольно худощавым. Кроме того, Джал обладал симпатичным лицом: матовая кожа, широкие брови и темные глаза. На одной из скул вытатуирована линия таинственных символов. Джал носил драгоценности, но не имел оружия, даже

кинжала не было заметно. Талискер интуитивно почувствовал, что все слышанное им об этом человеке — правда. Но как могла Риган быть такой слепой? Он попытался найти ответ в лице дочери, ожидая увидеть страх или какие-то признаки того, что Джал принуждал ее, но не обнаружил ничего подобного. В ее взгляде было только доверие. Какими бы ни были их отношения, по-видимому, Джал оказался достаточно умен, чтобы правильно оценить Риган, он выжидал своего часа и завоевывал ее сердце самыми обычными методами, заставляя увлечься собой. Невозможно было отрицать его привлекательность, но и опасность тоже.

— Ты, конечно, абсолютно прав, Дункан. — Джал подошел к креслу Риган и с видом собственника положил руку на высокую спинку. — Но, как я понял, тебе понадобилось девять, вернее, почти десять лет, чтобы осознать свое беспокойство...

Талискер не стал ждать, пока он продолжит.

— Ты всегда врываешься и перебиваешь беседы правительницы? Я хочу поговорить со своей дочерью наедине.

Он выжидающе посмотрел на Риган, но как только Джал оказался рядом с ней, ее поведение молниеносно изменилось. Риган слегка наклонилась к нему, и на ее щеках вспыхнул слабый румянец. Девушка протянула руку и коснулась его плеча.

— Останься, Джал, — пробормотала она. — Отец, нам не о чем больше говорить. Я не знаю, где сейчас Тристан, но могу тебя уверить, что не причиняла ему никакого вреда. Что касается Сулис Мора, в его отсутствие я могу управлять так, как считаю нужным. Правительница здесь я.

Она бросила на Талискера холодный взгляд, но, как ни странно, это еще больше напомнило ему маленькую Риган, когда подростком та бывала раздражена и бросала вот такие взгляды исподтишка.

— Я ни на одну секунду не предполагал, что ты можешь причинить брату вред, Ри. — Талискер встал, очень опечаленный тем, что дочь так непочтительно выпроваживает его, так как втайне надеялся, что Риган попросит его остаться и провести с ней немного времени. — Если я тебе понадоблюсь, пошли сообщение с Сандро...

— Сандро? — Риган оглянулась на Джала. — Сандро долгое время не появлялся в Сулис Море. Никто не видел его, даже сиды.

Подоплека ее заявления была абсолютно ясна, если даже сиды не знают, где находится сеаннах, значит, вполне резонно предположить, что он мертв.

— В таком случае просто пошли известие с кем-нибудь... если я тебе понадоблюсь. — Он бросил сердитый взгляд на Джала. — А ты... Если ты посмеешь причинить вред моей дочери...

Джал прищурил глаза, но его тон остался достаточно спокойным.

— Уж не угрожаешь ли ты мне, Дункан? — насмешливо спросил он.

— Для тебя я Талискер. Да, Джал. Если что-нибудь случится с моей дочерью, я тебя убью.

Джал не двинулся с места и ничего не ответил, но на секунду с его лица спала маска заботливого внимания. Талискер увидел злобный взгляд, и в нем светился недюжинный ум. Потом Джал опять улыбнулся и коснулся губами лба Риган, не отводя от Талискера взгляда.

— Не беспокойся, я присмотрю за Риган, — усмехнулся он.

— До свидания, Ри, — резко проговорил Талискер, повернулся и вышел, внутри него все сжималось от боли.

Все это время он думал о Риган и Трисе как о едином целом. Дункану никогда не приходило в голову, что их взросление будет значить, что он окончательно отдалится от своих детей. Талискеру хотелось плакать, но он не знал толком, из-за кого. Он стал спускаться по большой лестнице, когда опять услышал голос Риган.

— Отец!

Он сделал вид, что не слышит. Она права, им не о чем больше разговаривать.

— Отец. Подожди... подожди! Я приказываю тебе!

Ее голос стал ближе. Неужели она пытается догнать его? Талискер ускорил шаг.

— П-папа...

Он остановился.

Риган стояла на верхней ступеньке. Молодая красивая женщина в красном платье, воплощенное самообладание и независимость. Талискер почувствовал прилив гордости. Он знал, что дочь никогда не заключит его в объятия, иначе это была бы не Риган, но она хотела что-то сказать, не смогла отпустить его просто так. И даже за эти крохи он чувствовал огромную благодарность. Талискер не двинулся с места, просто ждал, когда девушка заговорит.

— С-спасибо, что приехал. Я знаю, чего тебе стоило опять оказаться в Сулис Море.

Он кивнул:

— Ри... Джал плохой человек. Ты должна избавиться от него.

Она покачала головой, снова подтвердив свое упрямство.

— Ты не знаешь его, отец. Он... заботится обо мне, помогает. Ведь править одной... очень трудно.

— Но, Ри... — Талискер замолчал, зная по собственному опыту, что его слова бессмысленны. — Да нет, ничего...

— Ты собираешься искать Триса?

— Да.

Она кивнула с таким видом, как будто сейчас заплачет.

— Надеюсь, тебе удастся его найти. Привези его домой.

— Я так и сделаю. Только пообещай, что пошлешь мне весточку, если тебе понадобится помощь.

Она улыбнулась:

— У меня все в порядке, но, чтобы доставить тебе удовольствие, я обещаю.

— Тогда до свидания. Береги себя.

— До свидания.

Риган смотрела на него до тех пор, пока отец не скрылся за поворотом лестницы, но и потом с рассеянным видом продолжала стоять. Из покоев вышел Джал и стал очень близко за спиной девушки, но не дотрагиваясь до нее.

— Итак, это твой отец, — сказал он задумчиво. — Я слышал, он был героем.

— Да. А каким был твой отец, Джал?

— Не знаю. Моя мать не любит говорить об этом.

Эскариус чуял бурю. В образе волка Вермех мог бы закопаться в снег и переждать ее, но его попутчик был гораздо уязвимее. Великие всегда были слабы, полагаясь на низших животных. Взять, к примеру, крупный рогатый скот, лишенный даже возможности умереть с достоинством во время охоты, или глупых овец, позволяющих состригать свою шерсть и убивать потомство. Какое удовольствие Великие находят в своем существовании, было выше понимания Эскариуса. Имелось всего несколько человек, с которыми он чувствовал подобие родства и испытывал к ним уважение.

Сеаннах Алессандро Чаплин был одним из них. Эскариус оглянулся на Сандро, похожего на пожилого неуклюжего медведя, осторожно прокладывающего себе путь в занесенных снегом скалах. Эскариус знал, что ему довольно много лет, около шестидесяти. Достаточный возраст, чтобы считаться почтенным и сидеть в своем логове у огня. Длинные волосы Сандро отливали серебром, он носил короткую бородку, которая тоже была седой. Однако, разговаривая с сеаннахом и узнав его получше за последние несколько дней, Эскариус заметил живость его взгляда и спокойную уверенность в голосе. Кроме того, Мориас рассказал ему о незавидном положении Сандро, касающемся природы его чудесного выздоровления.

— Смотри за ним как следует, Эскариус. Боюсь, что с течением дней бремя судьбы может сокрушить Сандро, — предупредил старик.

Вермех понимал, что знание о своей смерти и о природе ее — очень тяжелый груз, вряд ли многие сиды смогли бы нести его. Их сказки о таких событиях никогда не имели счастливого конца. О смерти нельзя умалчивать или отрицать ее. Как сеаннах Сандро знал много таких не слишком приятных историй. Тем не менее Сандро не рассказывал об этом Эскариусу; хотя его настрое-

ние становилось все более и более мрачным по мере того, как погода ухудшалась, делая путешествие все труднее, он ни разу не упомянул о своей проблеме. Эскариусу это казалось тем более странным, что он нес камень со смертью Сандро в мешочке на шее. Мориас решил, что они должны забрать камень с собой на случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Поэтому каждый раз, когда Сандро оглядывался, он видел свою смерть, уставившуюся на него сзади.

На четвертый день путешествия сеаннах был спокоен, но большую часть дня погружен в свои мысли. Когда остановились на ночь, Эскариус принял волчье обличье, чтобы легче было согреться. И вдруг Сандро начал спокойно говорить. Так спокойно, что Эскариус Вермех сначала подумал, что тот говорит сам с собой. Серокоричневый волк, величиной по крайней мере с человека, смотрел на сеаннаха сквозь пламя серьезными, желтыми глазами.

Когда-то жили два друга, Арун и Даирмуд. Они были вовсе не похожи на друзей. Остальные члены клана считали, что у них совершенно нет ничего общего, но мальчики были друзьями. Они росли и превратились в высоких сильных парней, которыми восхищались женщины племени. Арун стал солдатом, а Даирмуд — охотником.

Но случилось так, что взросление друзей проходило в смутное время, и их дорожки разошлись. Прошли годы, и Арун стал лидером полка воинов, уважаемым законником. Однажды перед ним предстал узник, и Арун пришел в ужас, когда узнал в нем своего друга Даирмуда. Тот обвинялся в ужасном преступлении — убийстве. Ему сообщили, что он был захвачен демоном, который накинулся на человека и убил его, используя Даирмуда в качестве оболочки. Аруну казалось, что умом он понимает все факты, обвиняющие друга в совершении преступления. Все говорило об этом, но его сердце протестовало и не верило. Стоило ему посмотреть Даирмуду в глаза, и он это понял.

Но Арун не стал прислушиваться к голосу сердца, а внимал только голосу разума. Совершилась ужасная несправедливость, но Арун был так уверен в своей холодной логике, что не остановил ее. Даирмуда сослали на много лет работать в шахтах Ассиклы. Пролетели годы, Арун часто вспоминал своего друга, но не думал, что увидит его еще когда-нибудь.

Потом случилось маленькое чудо, Даирмуда отпустили из шахт, и он присоединился к полку Аруна. Они вместе отправились на войну и сражались бок о бок, но не могли преодолеть горечь, возникшую между ними много лет назад. Потом, однажды, какие-то обстоятельства все-таки заставили Аруна понять, что Даирмуда обвинили неправильно. Но в прощении происходят иногда странные вещи.

Даирмуд простил своего друга, потому что видел, как Арун пытался узнать правду, как он размышлял в своем желании добраться до истины.

Но сам Арун не смог простить себя. Никогда. Он не искал любви, потому что считал себя недостойным ее, и бродил по земле, как заблудившееся привидение, просто дожидаясь, как судьба распорядится им.

Вот и выходит, что прощение дается не только для того, чтобы исцелить сердце. Оно еще должно быть принято с радостью...

Последовало несколько минут тишины. Эскариус осмысливал услышанное и неотрывно смотрел Сандро в лицо, так как ему было интересно попытаться понять реакцию сеаннаха. Сид знал несколько сказок Великих, но эта совершенно отличалась от них по форме. Где здесь шла речь о славе и о магии? Приняв облик человека, Эскариус наклонился к огню и заговорил спокойно и откровенно.

— Но у твоей сказки нет конца, сеаннах. Что стало с Аруном?

Сандро почему-то выглядел немного смущенным.

— Я согласен с тобой, сказка не закончена, — ответил он мягко. — Но я хотел бы, чтобы ты сам попытался ее закончить.

— Хм-м. Это нелегкая работа, — откровенно сказал сид.

Он немного подумал, склонив голову набок, почти так же, как когда слушал. Сандро поворошил угли, попытавшись продлить жизнь костра с помощью нескольких веток.

— Ты, конечно, понимаешь, что в твоей сказке есть слабое место, — сказал Эскариус наконец. — Прощение только тогда имеет силу, если человек или сид хочет, чтобы его простили. То есть для него это имеет значение.

Сандро уже собирался ответить, как сообразил, что Эскариус размышляет совсем о другом смысле сказки.

— Ты говоришь о клане сидов-волков?

— Возможно. Мы не нуждаемся в прощении, — пожал плечами Вермех. — Тем более это неплохо, так как нация сидов не собирается нас прощать. Волки живут сами по себе. Всегда.

Сандро кивнул в темноту.

— Тогда, наверное, для Аруна это и значит конец сказки. Может быть, идти по жизни в одиночестве, гордо и с достоинством, в конце концов, не так уж плохо.

Сейчас, во время ледяной бури, просто идти было уже само собой победой. Тропинка представляла собой очень скользкий подъем. Сандро уже трижды падал и теперь двигался гораздо более медленно, и Эскариус подозревал, что во время падения он повредил одну из недавно залеченных костей. Снег повалил еще гуще, видимость стала почти нулевой.

— Эскариус Вермех, — окликнул Сандро волка. — Нам необходимо где-нибудь остановиться. Дальше идти невозможно.

Волк был абсолютно с ним согласен, он оглянулся туда, где стоял Сандро, еле заметный в снежной пелене. В нескольких метрах впереди от тропинки Эскариус увидел кое-что. Маленький оазис покоя среди окружающего водоворота, где можно было если не согреться, то хотя бы сделать небольшую передышку в борьбе с морозом. Заметить это укрытие волку удалось только благодаря обостренным чувствам.

— Да. — Он повернулся к Сандро, чтобы рассказать о своей находке. Но вдруг с ужасом понял, что сеаннах без единого звука исчез. — Сандро?

В общем-то это была риторическая мысль, так как он знал, что Сандро не способен принимать мысленную речь сидов, и позвал его чисто инстинктивно. Волк направился назад по своим следам в поисках точки, где его отчетливый запах должен был смешаться с менее сильным запахом Сандро. Когда Эскариус достиг этого места, он остановился, нахмурившись. След на снегу говорил о том, что один из валунов превратился в смертоносные сани. Эскариус громко застонал, но в его горле звук преобразовался в рычание. Зоркие глаза волка проследили направление следа вниз по склону до того места, где он заканчивался на краю обрыва. Похоже, сеаннах съехал вниз, навстречу своей смерти, но волк пошел посмотреть, осталась ли хоть небольшая надежда.

Он шел очень медленно, прокладывая путь через каменистую осыпь, стараясь, чтобы его не постигла судьба компаньона. Поэтому он делал скорее лисьи шаги, а не длинные волчьи прыжки. Край пропасти был почти неразличим на фоне блеклого неба. Эскариус осторожно приближался, ощупывая дорогу передними лапами. Достигнув края, он заглянул в пропасть, почувствовав, что голова слегка закружилась. Ничего невозможно было учуять, разве что тепло, исходившее от небольшого выступа на стене пропасти. Конечно, то могло быть гнездо сарыча или орла, в котором сидели птенцы, но волк позволил себе считать, что с таким же успехом это может быть и Сандро. Не задумываясь, зачем он это делает, Эскариус Вермех сел на край пропасти, покрытый снегом, закинул назад голову и завыл. Звук разнесся по всему пространству Голубых гор.

Зная, насколько велико расстояние от того места, где они находились, до ближайшего поселения, Эскариус очень бы удивился, узнай он, что кто-то может услышать его вой. Однако случилось так, что всего в миле от них Талискер пробирался домой после того, как ему не удалось получить вразумительных ответов в Сулис Море. Услышав вой, он остановился, догадавшись, что в беду попали какие-то путешественники. Оставалось надеяться, что ничего не помешает им остаться в живых в последующие десять минут. Хотя Талискер был здоров и хорошо приспособлен к жизни в горах, морозный воздух обжигал нос и горло, и создава-

лось впечатление, что лед и снег полностью забили его носоглотку. Взглянув на темнеющие небеса, он громко крикнул перед тем, как опять броситься бежать.

— Сеаннах, сеаннах! Ты где? Ты слышишь меня?

Эскариус принял образ сида и лежал на снегу, вглядываясь в пропасть. Теперь он был уверен, что эта неотчетливо видимая куча коричневого и серого цветов на выступе — не кто иной, как Сандро. Несколько минут назад он слышал стон.

— Не бойся, сеаннах! — крикнул Эскариус.

Он с отчаянием огляделся в надежде найти удобный спуск вниз, к Сандро, но сомнений быть не могло, такого пути не существовало. Помочь в такой ситуации мог только сид-орел, но вряд ли хоть один из них откликнется на призыв волка о помощи. Голос Эскариуса упал почти до шепота, ибо безнадежность ситуации стала очевидной.

— Если смерть придет к тебе сегодня, Алессандро Чаплин, я донесу твою сказку о прощении до Великих, как и обещал.

— Возможно, этого не понадобится, — раздался за его спиной голос.

Эскариус подскочил на месте и оглянулся. Там стоял высокий человек, опирающийся на палку. У него были длинные прямые волосы рыжего цвета, с седыми прядями. Худощавое лицо, не похожее ни на одно, которое он видел у Великих, и голубые глаза такого же насыщенного цвета, как и у самого Эскариуса. Незнакомец был в одежде, очень хорошо подходящей к жизни в горах, за спиной у него висел мешок.

— Дункан Талискер? — нахмурился Эскариус.

— Да, волк. Где он? — резко спросил он.

Эскариус кивнул в сторону края пропасти. Талискер двинулся вперед, встал на колени, как это только что проделывал Эскариус, и оперся на руки, чтобы посмотреть вниз. Потом, поднявшись на ноги, расчистил снег, обнажив черную скалу, открыл свой мешок и достал оттуда длинный моток веревки.

— Сандро! — крикнул он вниз. — Ты меня слышишь? Это я, Дункан. — Какое-то мгновение не было ответа, и Талискер прикрыл глаза рукой, чтобы скрыть от Эскариуса свои эмоции. — Отзовись, Сандро, — бормотал он. — Отзовись...

— Дункан? — раздался тихий, слабый голос Сандро. Чувствовалось, что сеаннах на грани потери сознания. Он издал какой-то звук, что-то между смехом и рыданием. — Из всех, кого джинн собрал в этом мире...

— Что он сказал? — спросил Эскариус.

Талискер почему-то улыбался. Не обращая на сида внимания, он опять склонился над пропастью.

— Да, Сандро... ты играл это для нее, теперь сыграй для меня...

Эскариус решил, что они оба сошли с ума. Или же это был какой-то странный ритуал Великих, о котором он ничего не знает.

— Сыграй это, — пришел слабый ответ из пропасти, за которым последовал тихий смех.

Талискер повернулся к Эскариусу и протянул ему один из концов веревки.

— Возьми это, волк. Обвяжи его вокруг того выступа, похожего на птицу.

Эскариус бросил на Талискера сердитый взгляд.

— Меня зовут Эскариус, — сказал он. Тот ничего не ответил, тогда он схватил веревку и отправился к скалам. — А что не так с этой скалой? — спросил он, подойдя к первому выступу.

— Верь мне, волк. Скала слишком мягкая, — отозвался Талискер.

Ругаясь про себя, Эскариус обвязал веревку, как ему было сказано.

— Сандро, я спускаю веревку вниз. Сможешь обвязать ее вокруг себя?

— Думаю, да.

Подъем доставил Сандро ужасную боль, но все-таки им удалось вытащить его. Только когда сеаннах уже лежал на снегу, Талискер отпустил веревку и, издав радостный вопль, подбежал к своему другу. Упав перед ним на колени, он заключил его в медвежьи объятия. С тех пор как Сандро уехал, чтобы сопровождать детей в Сулис Мор, прошло десять лет, за которые они ни разу не виделись, но их привязанность друг к другу за это время не стала меньше. После первых объятий они, слегка смущенные, все еще продолжая смеяться, наконец уселись рядом. Эскариус смотрел на двух мужчин, ему была известна та часть их истории, которая происходила в Сутре, как и каждому молодому воину среди Великих и многим сидам. И хотя их первое знакомство с Талискером было несколько натянутым, он счел для себя привилегией присутствовать при радостной встрече двух таких замечательных людей. Снегопад начал новое наступление на горы, и громкие голоса Талискера и Сандро глушил обильный снег, а ветер уносил их слова высоко вверх, к самым вершинам.

— ...посмотри на себя. А борода у тебя!

— ...как ты узнал?

— Мы искали тебя. Мориас...

— Господи! Он еще жив?

Эскариус вздохнул и прислонился к скале. Снегопад или нет, он понял, что ему придется ждать.

* * *

Они укрылись в небольшой пещере, расположенной в конце тропинки, куда их привел Талискер. Эскариус мало говорил, но помог сеаннаху идти вслед за Дунканом, который выбирал наиболее безопасный путь между скал. Пещера была немногим больше, чем просто выщербленная ниша в породе, но достаточно эффективно защищала от вьюги. Талискер вытащил из мешка свечи и щепки для растопки, и после легкого ужина, состоявшего из сушеного мяса кролика и травяного чая, путники стали устраиваться на ночь.

— Сеаннах, не похоже было, чтобы ты боялся, когда тебя вытаскивали из пропасти, — заметил Эскариус.

Было кое-что, о чем он думал не переставая с момента чудесного спасения Сандро. Оба мужчины ни разу в своих разговорах не коснулись этой темы, хотя знали, что если бы не появился Талискер... Сандро улыбался. Его лицо, освещенное слабым пламенем костра, выглядело усталым, но расслабленным. Он похлопал по своему горлу, отмечая то место, где Эскариус хранил в мешочке камень его смерти.

— Сегодня, Эскариус, я обнаружил, что, если знаешь точно, какая тебя ждет смерть, это имеет свои преимущества.

— О чем это вы?

Сандро коротко рассказал о не слишком удачной попытке Мориаса спасти его жизнь, тщательно подбирая слова, упомянув только имя Джала в связи с его недавними мучениями. Ему показалось несколько неуместным в этот момент сообщать Талискеру, что приказ подписала Риган. Талискер слушал и кивал, временами вставляя замечания вроде: «Господи, тебе пришлось пройти через ад, Сандро!» Когда тот закончил рассказывать о камне, Эскариус открыл свою сумочку и показал его Талискеру. Камешек в его ладони был теплым и все так же переливался мягким пурпурным цветом.

— Я думаю, тебе нужно его забрать, Дункан Талискер, — сказал он угрюмо.

— О нет! — Талискер вскинул руки к небу в жесте отказа. — Я не могу. Это такая большая ответственность.

— Но ты не понял. Я не могу держать его у себя. Он мне не принадлежит.

— Эскариус прав, Дункан. Он может носить на груди только вещи, священные для клана волков. Спасибо, что Вермех согласился нести его сюда. Короче говоря, для меня будет большой честью, если ты согласишься взять камень.

Талискер взял мешочек из рук Эскариуса и стал рассматривать.

— Даже когда у нас были далеко не безоблачные отношения, Сандро, я никогда бы тебе такого не пожелал, — сказал он спокойно.

— Я знаю.

— А теперь скажи мне, — вздохнул Талискер, заворачивая камень в салфетку и укладывая его в сумку на поясе, — с чего это Мориас решил опять спасти твою костлявую душу? Имеет это какое-то отношение к Тристану?

— Как ты узнал?

— Мне известно, что он пропал, — сказал Талискер. — А если быть точнее, исчезла его душа, если это имеет какой-то смысл. Его нет ни в этом мире... ни в загробном. — Он посмотрел на загадочные выражения лиц Эскариуса и Талискера. — Вы знаете, где он, не так ли?

Сандро кивнул:

— Да, мы знаем.

ГЛАВА 8

Иногда ему казалось, что город живой, и так оно и было на самом деле. Возможно, город готовился к грядущему Апокалипсису. Молчаливые улицы радовались, что исчезнет раздражитель, заразивший его в тот момент, когда он был построен, — человек. Нокс представил себе пустые улицы Старого Города, по которым гуляет только он среди черных камней и аллей. Он зашел бы в собор Святого Джила, а может быть, вообще решил бы жить там. Ведь его никто не смог бы остановить. Возможно, он стал бы мочиться в купель или разбил вдребезги раскрашенные в яркие краски самодовольные лики святых, если бы остался один, и некому было ему помешать...

О чем он только размышляет? В конце концов, это просто ложь. Он сам ее придумал, вернее, украл у Дэнни и преобразовал в нечто более эффектное. Конец Света... да. Конец Света грядет! Кайтесь, вы, бедные, несчастные скоты. Но все дело в том, что он не грядет... (кстати, что значит слово «грядет»?), и рано или поздно Дети узнают, что никакого Конца Света не будет.

Нокс улыбнулся сам себе, и на секунду веселая искорка зажгла его глаза. Тем не менее довольно забавно манипулировать Детьми, влиять на новую, гораздо более радикальную повестку дня. Еще более забавно потихоньку подрывать авторитет остальных старейшин. Их уже сейчас стало трое вместо обычных четырех. Маленький пакетик кокаина, подложенный под подушку Джошуа, лишил старейшину высокого звания. Он был самым сильным, поэтому должен был уйти первым. Уходя из «Ковчега» с вещами, Джошуа оглянулся, чтобы посмотреть на Нокса, наблюдавшего

за ним из окна кабинета, где обычно проходили собрания старейшин. У того хватило здравого смысла принять серьезный, печальный вид, прежде чем запереться в своей комнате и распорядиться наркотиком по своему разумению.

Теперь следовало решить проблему с Эстер. Она все еще не давалась в руки, играя в игру, результат которой был предопределен. Нокс никак не мог застать ее одну, но замечал, что Эстер улыбается, глядя на него, если думает, что Нокс не видит. Все оказалось не так просто, как он предполагал, хотя Эстер явно ждала, когда он сделает первый шаг. Причина же задержки заключалась в том, что у Нокса не было опыта общения с женщинами, и он просто не знал, что следует предпринять. Чтобы получить от Эстер желаемое, надо чем-то заполнить этап между сегодняшним состоянием их отношений и результатом, о котором Нокс мечтал. Вопрос чем?

Скоро он поговорит с ней. Нокс уже составил расписание уборки помещений «Ковчега», и завтра Эстер будет убирать его комнату. Недолго осталось ждать момента, когда яблочным ароматом ее волос будет пахнуть его подушка, и он зароется в них лицом, получив полное оправдание своих поступков.

Беатрис засунула меч обратно в вещевой мешок, который носила специально, чтобы прятать оружие.

— Спасибо, Пола, — улыбнулась она. — Я очень хотела проверить его с тобой...

— Без проблем, Беа, — кивнула Пола Райтсон. — Это действительно очень интересно. И мастерство, и стиль — все говорит о том, что меч относится к периоду раннего Ля Тена. Мастер выполнил удивительно хорошую работу. Клейма на рукоятке и клинке тоже не противоречат моему выводу, но я абсолютно уверена, что если мы проведем более тщательные исследования и проверим металл, то выяснится, что ему не больше двадцати лет. Я бы сказала, что это подделка. Чертовски хорошая, но...

Она пожала плечами и сделала большой глоток остывшего кофе. Беа оглядела скудно обставленный офис, каждый сантиметр стен которого был увешан эскизами, картами и фотографиями. Эти образы большей частью были менее мрачными, чем те, с которыми имела дело она.

— Твоя вещица явно имеет кельтское происхождение, — пробормотала она.

Пола внимательно посмотрела поверх очков на подругу, усевшуюся на край стола.

— Что с тобой, Беа? У тебя еще какие-нибудь проблемы?

— Ничего особенного. Так просто... ничего.

Беа чувствовала себя неудобно. Она знала Полу много лет. Они встречались в университете, во время лекций по архео-

логии, когда совпадало их расписание. Для Полы эта страсть стала жизнью, и именно она привела ее в маленький кабинет в музее и обеспечила громкое звание старшего куратора по древнешотландской истории. Для Беа этот предмет был чем-то вроде развлечения, которое подтверждало то, что она и так подозревала. Предпочитала же девушка трупы недавно умерших людей, потому что обстоятельства их ухода все еще существовали в мире.

— Дело вот в чем, — вздохнула она наконец. — Скажи мне, что ты думаешь об этом?

Беа положила на стол перед Полой ожерелье Тристана, чувствуя угрызения совести, так как позаимствовала его, когда юноша спал, надеясь, что вернет на место раньше, чем тот заметит пропажу.

— Где ты это взяла?

Пола склонилась над столом так низко, что темные волосы образовали на поверхности подобие веера. Не глядя, она включила настольную лампу и опустила ее почти к самому столу.

— Так, в одном месте, — неопределенно пожала плечами Беа.

— Я не уверена, что оно относится к тому же периоду, что и меч, — задумчиво сказала Пола. — Мне кажется, это фаланга пальца, так?

— Да.

— Работа по золоту здесь просто замечательная, и у меня нет сомнений, что камни настоящие. Напоминает Абиссинию или даже Египет. Могу я его оставить и проконсультироваться со своими коллегами?

Беа почувствовала, что начинает паниковать.

— Нет, боюсь, что нет, — заявила она, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. — Это улика.

Пола наклонилась над столом еще ниже.

— Понимаешь, Беа, мне бы хотелось еще раз увидеть эту вещицу, если можно. Дело в том, что, если ожерелье было найдено в могильнике или в кургане где-нибудь в Европе, это может иметь очень большое историческое значение. Кто бы ни был этот человек...

— Это был мужчина, — перебила ее Беа.

— ...он имел очень высокое звание. Король, например... или кто-то, о ком люди думали, что он обладает властью, дарованной Богом...

Не отводя от Полы взгляда, Беа протянула руку и положила ожерелье обратно в сумку, вдруг испугавшись, что подруга станет настаивать. Она не могла понять, почему чувствует такое беспокойство по поводу расследования Полы. Беа сама ее попросила помочь, а теперь у нее было ощущение, что подруга вот-вот раскроет ее секрет.

— Отлично. Спасибо еще раз.

Она неискренне улыбнулась.

— Не за что. С тобой все в порядке, Беа?

— Да. Вообще-то я собираюсь скоро вернуться на работу. Примерно через пару недель.

Беатрис направилась к двери.

— Это хорошо, — расплылась в улыбке Пола. — Рада за тебя. Послушай, я тебе как-нибудь позвоню. Не мешало бы нам собраться на девичник. Моя мама недавно спрашивала о тебе.

— Да? Передай ей привет. Я позвоню тебе.

Пола несколько мгновений после ее ухода смотрела вслед.

— О'кей, — пробормотала она и крикнула: — Да, на твоем месте я бы воспользовалась боковой лестницей.

Беа не обратила внимания на слова Полы. Она прошла через белое великолепие просторного главного зала галереи, стуча каблуками по мраморному полу. Как глупо с ее стороны было так реагировать! Ничего, позже она позвонит и извинится. Высоко над головой по стеклянной крыше музея шелестел дождь. Шум его эхом отзывался в зале и походил на тихие вздохи. Беа тоже вздохнула и пошла к главному входу под безмятежными взглядами двух бронзовых Будд. Она едва взглянула направо, где располагался зал, посвященный эволюции, и то, что он открыт ранним утром, не коснулось ее сознания. Все еще думая о Поле и ситуации с Тристаном, Беатрис толкнула тяжелую вращающуюся дверь и оказалась в гуще событий.

Внизу, у основания длинной лестницы, скопилось большое количество полицейских машин и фургонов. Забыв про дождь, большая группа людей выкрикивала лозунги и размахивала плакатами. Это были сторонники божественного происхождения мира. На транспарантах, намокших от дождя, были надписи «Вера — недостающее звено!» и «Бог создал Дарвина!». Очевидно, акция протеста при открытии выставки, посвященной эволюции, переросла в небольшую стычку. Группа окружила ректора, открывавшего выставку вместе с несколькими известными журналистами. Кто-то бросил банки с желтой и красной краской. Целились, по всей видимости, в ректора, но краска пролетела гораздо дальше, чем предполагалось, и почти все, кто находился в центре драки, оказались покрытыми яркими брызгами.

Беа смотрела на лица молодых людей, искаженные религиозным экстазом, превратившимся в агрессию. Высокопоставленные лица и журналисты, поневоле вовлеченные в драку, были не склонны разговаривать или кричать, они просто вслепую наносили удары по протестующим. Видеокамера пролетела по воздуху и упала на ступеньки рядом с Беа. Ей показалось, что она может выделить голос ругающегося фотографа из общего гама.

Когда девушка начала спускаться по лестнице, стараясь держаться подальше от конфликтующих сторон, то замети-

ла молодого человека, вскарабкавшегося на постамент Роберта Брюса. На нем была черная одежда, худощавая угловатая фигура напоминала большую птицу вроде журавля. Правой рукой он уцепился за ногу лошади Роберта Брюса и в таком подвешенном положении орал на толпу. Беа показалось, что молодой человек руководит протестующими, но на его лице читалось явное ликование. Озорная мальчишеская улыбка была необыкновенно заразительна, и Беа обнаружила, что улыбается в ответ. Когда же парень посмотрел на нее, она отвела взгляд и в этот момент оступилась и упала с последних трех-четырех ступенек. От абсурдности случившегося краска бросилась ей в лицо. Когда же падение завершилось и Беа подняла глаза, молодой человек был рядом.

— С вами все в порядке?

Он казался очень озабоченным и смотрел на нее через мокрую черную завесу волос, которые убрал со лба и заложил за ухо, тогда Беа заметила серебряный блеск серьги.

— Все хорошо. Правда.

Она стала подниматься и вдруг присвистнула, увидев, что очень сильно поцарапала руки.

— Позвольте мне помочь вам, — засуетился молодой человек.

Он наклонился и стал собирать ее вещи. Ничего не говоря, сдержанно улыбаясь, подал ей туфельку, оставшуюся лежать на ступеньках.

Беа чувствовала себя несколько скованно, зная, что ее лицо пылает от смущения. Она порвала колготки, и колени кровоточили, заставляя испытывать странные ощущения в ногах, одновременно холод и жар, потому что теплая кровь смешивалась с холодной дождевой водой. Стараясь отвлечь внимание от своего плачевного состояния, Беа кивнула в сторону толпы.

— Вы руководите ими? — поинтересовалась она.

Молодой человек усмехнулся и протянул руку.

— Нокс, — представился он, не отводя от нее пристального взгляда. — Только Бог может ими руководить, но иногда они слушают и меня.

Беа потрясла его руку, но своего имени не назвала. Может быть, она ошибалась, но что-то в этом молодом человеке настораживало.

— Мне надо идти, — сказала девушка, сделав несколько шагов назад. — Я возьму такси... спасибо, Нокс.

Он кивнул, но как только она отвернулась, его улыбка моментально увяла.

— Приходите к нам, Беа! — крикнул он ей вслед. — Вам тоже следует знать о Вознесении. *Будь терпелива и тверда, потому что приход Бога близок.*

Хотя Беа была как в дурмане, она ускорила шаг, целенаправленно двигаясь к перекрестку, где рассчитывала пой-

мать такси. Девушка остановилась на углу. Нокс назвал ее по имени! Откуда он его знает? Она оглянулась, но у подножия лестницы уже никого не было.

Беатрис почти добралась до дома, когда поняла две вещи: первое — имя ее было на брелоке с ключом, и юноша мог прочесть его, и второе — ожерелье Тристана исчезло.

К тому времени, когда трое путников опять встретились со старым учителем, Талискер чувствовал себя так, словно ему не меньше сотни лет. На третий день, когда они добрались до подножия гор Каирн Дабх, путешественникам пришлось проходить через уединенное поселение сидов. Эскариус, путешествующий в образе волка, вдруг остановился и стал принюхиваться. Сандро, которому было довольно трудно идти, тоже немедленно остановился.

— Что случилось, Эскариус?

Талискер нахмурился и повернулся к ним, заметив, что двое его спутников остановились. Сид-волк, зная, что Талискер понимает телепатическую речь, послал свой голос прямо ему в мозг; это ощущение было похоже на приток чистого, холодного воздуха.

— *Я чувствую запах смерти, Дункан Талискер. Много крови...*

— Он говорит, что чувствует запах крови, — объяснил Дункан Сандро.

Оба мужчины остановились и стали наблюдать за Эскариусом, который двигался вдоль кромки леса, прижавшись к земле и уткнувшись носом в землю. Целый день напролет шел снег, и в окрестностях леса царила атмосфера полного покоя. Талискер достал из ножен кинжал и последовал за волком.

— Пошли...

Ничего не нарушало тишину, когда они появились на окраине поселения. Большой лес, дерновые норы и замаскированные небольшие деревянные жилища были сожжены. Осталось только несколько стволов деревьев и каркасов домов. Некоторые строения были разрушены и лежали на земле, покрытые слоем чистого снега. Талискер стал обходить остатки жилищ, поднимая доски в надежде, что под ними окажутся спрятавшиеся люди.

— *Это случилось около недели назад.* — Талискер повернулся, чтобы встретиться взглядом с Эскариусом. — *Видишь растение, выросшее в отверстии норы?* — кивнул волк в сторону ближайшего жилища. — *Ему требуется всего одна ночь, чтобы прорасти, если земля теплая. Посмотри, какие они здесь высокие.*

— Здесь нет тел. Люди боролись за свою жизнь, — пробормотал Талискер вместо ответа.

— *Это было племя рысей.*

— Значит, здесь была их родная земля...

— Талискер! Эскариус! Идите сюда.

Что-то в голосе Сандро заставило их бегом броситься к сеаннаху.

На поляне, за центральной частью поселения, лежали тела рысей и воинов. Мороз сохранил их там, где они упали, а потом снег накрыл своим покрывалом. На первый взгляд казалось, что поляна полна курганов, которым придали форму людей и животных. Почти до абсурда красивый снег приобрел розоватый оттенок от крови, находившейся под ним. Талискер и Сандро молча шли между трупов, останавливаясь, чтобы очистить их лица от всепрощающего белого покрывала. Все лица мужчин, женщин и детей сохранились. Их мужчинам пришлось противостоять чему-то, что, по-видимому, не было ни ранено, ни убито в бою.

— Что это было, Сандро? — прошептал Дункан. — Неужели они не убили ни одного нападавшего?

Сандро прочистил горло и, повинуясь импульсу, тоже прошептал:

— Не знаю, Дункан, но некоторые из них сильно обожжены.

— Да.

Выражение лица Талискера было мрачным. Он обнаружил тело молодой женщины. Было невыносимо смотреть на мягкие очертания откинутой руки под тонким слоем снега. На краю поляны Эскариус Вермех долгое время сидел, скорбно повесив лохматую серую голову. Потом он вдруг поднял морду и завыл в наступающую темноту ночи.

Уже после того, как они разбили лагерь на небольшом расстоянии от поселения, Сандро обнаружил тело одного из нападавших. Он вернулся на пепелище, чтобы побродить среди тел. Эскариусу это не понравилось, он не мог понять желания сеаннаха проводить время с мертвыми, но Талискер заметил, что пальцы Сандро что-то перебирают. И вдруг он понял, что после стольких лет его старый друг все еще носит свои четки. Он собирался молиться за души погибших, несмотря на то что его концепция Бога на целый мир отличалась от их представлений.

Когда Сандро ушел, Талискер и Эскариус, который в этот момент был в образе сида, мало говорили друг с другом, пока между ними не повисло гнетущее молчание. Так как рядом не было Сандро, чтобы разрядить обстановку, Талискер с трудом скрывал свое истинное отношение к клану сидов-волков.

Наконец, когда он достал из костра мясо кролика, Эскариус заговорил. Его голос звучал спокойно и немного приглушенно в ночном воздухе. Талискер сначала подумал, что ему померещились слова волка.

— Он был великим человеком, великим сидом...

— Кто?

— Мой отец. Ты не можешь не думать о нем, когда вспоминаешь клан сидов-волков, Дункан Талискер.

Талискер кивнул в сторону костра, выражая согласие.

— Клан волков никогда не осуждал ни его, ни его память, ведь так?

— Нет. Его память почитают у нас в племени.

— Он убил моего друга Деме и смертельно ранил принца Макпьялуту.

— Макпьялуту? Серого Призрака? Он убил много женщин. Макпьялута рассказывал тебе о своем жизненном пути? О тех женщинах, которых погубил? — Голос Эскариуса звучал презрительно. — Это он предал сидов, а не мой отец.

Талискер прищурил глаза, взгляд его стал тяжелым в свете костра. Честно говоря, ему доводилось слышать несколько странных историй о Макпьялуте после битвы за Сулис Мор. Хотя они и находились с принцем довольно далеко друг от друга, Талискер был там во время его смерти и понял, что родина сидов — вовсе не легенда. Макпьялута пытался помочь спасти Великих от Корвуса. Именно он достал священный камень, именуемый сидами Бразнаиром, и принес его Великим.

— Он верил в то, что делал это во благо своего народа. Тебе это хорошо известно.

— То же самое можно сказать и о моем отце, — упрямо настаивал Эскариус. — И...

Его прервал треск в кустах между их лагерем и поляной. Это Сандро в спешке скользил и падал, пробираясь по снегу к костру.

— Идите сюда. Скорее! — воскликнул он. — Идите и посмотрите!

Талискер вскочил, вытаскивая свой кинжал, уловив в голосе друга панику. Сандро было трудно дышать. Он согнулся вдвое, изо рта клубами вырывалось теплое дыхание, напоминающее табачный дым. Талискер похлопал его по спине.

— Полегче, Сандро, закрой рот и дыши через нос, — бормотал он. — Давай, давай! — Он оглянулся на Эскариуса, который в этот момент трансформировался в волка. — Вермех уже, наверное, думает, что мы чертовски старые.

Сандро застонал.

— Я и так знаю, что слишком стар. Подожди, скоро ты все увидишь сам, Дункан...

Взяв с собой факел из тех, что были воткнуты в снег по периметру лагеря, группа сквозь кусты отправилась по беспорядочному следу, оставленному Сандро. Наконец они подошли к находке Сандро, лежавшей на границе поляны, почти полностью скрытой подлеском.

— Что это такое, черт возьми? — выдохнул Талискер.

На первый взгляд существо было похоже на огромное насекомое, хотя лицо, покрытое черной хитиновой оболоч-

кой, имело человеческие черты. У него были длинные жесткие волосы, а на голове красовался золотой обруч. Остальное тело выглядело еще более диковинно. У существа было шесть ног, как у насекомого, и похоже, что бегало оно, используя их все, или ползало, подобно скорпиону. У него были огромные полупрозрачные крылья, сильно поврежденные. Верхняя часть тела закована в темные металлические латы. Одна из рук до сих пор держала длинное железное копье.

— Ты можешь себе представить, какой шум создают эти крылья, когда существо летит? — заметил Сандро.

Талискер промолчал, но снял с головы существа обруч и стал пристально рассматривать его в свете факела.

— Золото, — пробормотал он. — Оно покрыто какими-то надписями. Посмотри.

Пока Сандро изучал обруч, Эскариус вдруг насторожился.

— *Подождите. Тихо. Там что-то есть.*

Талискер приложил палец к губам, призывая Сандро к молчанию.

— *Слева, Талискер. В пяти шагах...*

Талискер без предупреждения рванулся вперед. Из кустов послышался крик, сопровождаемый звуками борьбы. Через несколько мгновений Сандро и Эскариус последовали в темноту. Они обнаружили Талискера, сидящего верхом на груди своего противника.

— Подожди, Дункан! — воскликнул Сандро. — Это только мальчик.

Талискер замер, не успев ударить. Он не опустил оружие, а просто притянул мальчика к себе за воротник куртки. Ребенок ничего не говорил, но Талискер понял, что тот очень испуган, когда услышал сдерживаемый плач.

— *Клан рысей.*

— Я знаю.

Мальчик своими чертами очень напоминал Деме. Его кожа и волосы имели мягкий золотистый цвет. Одет для боя, на щеках и носу углем или краской нарисованы черные и голубые линии. На вид ему было около четырнадцати лет. Талискер ослабил хватку и осторожно опустил ребенка в снег.

— *Он говорит, что искал тело своего отца,* — передал Эскариус Талискеру.

— Черт возьми, волк! — огрызнулся Талискер. — Подожди. Как тебя зовут, мальчик?

— Зэлзи, — хмуро ответил мальчик и бросил сердитый взгляд на Эскариуса, а волк, не моргая, уставился на него в ответ.

— Иди сюда, Зэлзи. Уверен, тебе не помешает сейчас выпить чего-нибудь горячего. А потом, может быть, ты расскажешь, что здесь произошло, — проговорил Сандро спокойно.

— Господи, Сандро! — пробормотал он. — Разве может это быть правдой? Я видел ее всего несколько дней назад, и она показалась мне прежней.

Сандро помолчал немного, только протянул Талискеру салфетку, чтобы тот вытер лицо.

— Не знаю, Дункан, — вздохнул он. — Я слышал кое-что... кое-какие слухи...

— Это правда. — Эскариус вернулся к костру. — Она преследует сидов вот уже почти два года. А не так давно стала еще более жестокой...

— Но эти чудовища, — запротестовал Талискер. — Как она могла их вызвать? Ведь Риган не владеет магией. Она обыкновенная девушка...

Его голос дошел почти до шепота, сомнения сделали речь несчастного отца бессвязной.

— Ей не требуется владение магией, Дункан Талискер. — В тоне Эскариуса не было слышно осуждения, и Талискер был ему благодарен. — Маг — Джал, ее любовник. Никто не знает, откуда он появился, но его темная сила распространяется по нашей земле необыкновенно быстро.

— Нет! — застонал Талискер. — Нет...

Он наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях.

— Дункан, с тобой все в порядке?

Сандро склонился над другом, пытаясь его успокоить. Эскариус смотрел в сторону, явно смущенный неожиданной слабостью Талискера. Когда он поднял лицо, оно было мокрым от слез в отсветах пламени костра.

— Я помню ее танцующей, Сандро, — прошептал Талискер. — Танцующей и смеющейся. Она всегда была полна жизни, правда? Моя девочка...

— Я тоже помню, — спокойно ответил Сандро. — Но, Дункан, теперь она женщина.

— Знаю. Я поехал к ней, чтобы узнать о Трисе. Джал был там, но она показалась мне достаточно сильной. Конечно, Риган любит его, но страха в ней не было заметно. Может быть, ей ничего не известно о скоорах?

— Или она просто ничего не хочет об этом знать.

— Если это правда, Сандро, то ее неведение стоит жизней. А если неправда, то она виновна в убийствах.

Талискер все еще не мог прийти в себя от потрясения, когда они встретили Мориаса. Старик шел им навстречу, и путники неожиданно увидели его двумя днями позже. Он шел по занесенным снегом вересковым пустошам, ведя за собой мула.

На Мориасе была накидка из птичьих перьев, наброшенная на ветхую одежду. Ветер рвал его одежду и растрепанную бороду.

— Вот и вы, — расплылся Мориас в улыбке. — Талискер, ты выглядишь ужасно. Я знал, что ты сможешь его найти, Сандро. — Кивнув Сандро и Эскариусу, он добавил: — Пошли.

— А куда точно мы пойдем? — спросил Сандро.

— Ты не узнаешь местность? Это западные окраины Ор Койла. Мы отправимся через лес к Свету Небес. Подходящее название, не правда ли?

Путешественники изменили направление и направились вслед за Мориасом к линии деревьев. Талискер шел, будто пребывая в трансе. С того вечера в поселении сидов Дункан не переставал думать о детях. Его мозг раздирали сомнения. Как он мог повернуться к ним спиной и забыть об отцовских обязанностях только потому, что они жили где-то, куда ему, видите ли, не хотелось ездить? Он предал самого себя. Какие еще можно сделать выводы? Риган всегда отличалась своеволием, а Трис — человек в себе. Но что могло случиться с ними за эти девять лет, что привело их к таким событиям? Что могло сделать Риган совершенно неузнаваемой? Если только... если только...

— Что случилось, Дункан?

Сандро и Эскариус остановились на небольшом расстоянии от него. Талискер ухватил старика за накидку из перьев и притянул к себе поближе.

— Расскажи мне все, что знаешь.

Мориас нахмурился.

— Ты ведь не угрожаешь мне, правда? — мягко осведомился он.

— Дункан!

Сандро выступил вперед, чтобы заступиться за Мориаса, но Талискер отодвинул его в сторону.

— Нет-нет, я не угрожаю тебе, старик, — сердито возразил он, но не ослабил свою хватку, а наоборот, слегка встряхнул Мориаса. — Мне просто нужен твой ответ. Что случилось с моими детьми? Откуда взялся этот Джал? Кто он?

Мориас побледнел, и Талискер встряхнул его еще раз.

— Послушай, я не сомневаюсь, что тебе кое-что известно. Скажи мне!

— Отпусти меня!

Настроение Мориаса внезапно изменилось. Взгляд выцветших голубых глаз стал острым, выражение благожелательности исчезло с его лица. Талискер вдруг осознал, что приподнял старика над землей, и выполнил его требование, осторожно поставив того на землю. Мориас вздохнул и стал приглаживать взъерошенные перья на своей накидке. Заговорив опять, он пристально наблюдал за Талискером.

— Я подозреваю, что Джал — сын Фирр. Хотя не знаю, кто его отец. Это должен был быть обычный смертный, иначе она не смогла бы родить ребенка.

У Талискера на лице появилось выражение ужаса.

— Еще лучше! — пробормотал он.

Талискер отвел глаза в сторону, стараясь не встречаться с Мориасом взглядом. Еще до битвы за Сулис Мор богиня познакомилась с Талискером и соблазнила его. Он никогда не был способен постичь, что за прихоть заставила ее играть в подобные игры с человеком, который настолько ей не подходил. Дункан оглянулся на Мориаса, зная, что если тот еще не догадался, то выражение его лица подтвердит подозрения.

Мориас выступил вперед, мягко взял Талискера за плечо и повернул спиной к вопрошающим взглядам Сандро и Эскариуса.

— Талискер, — сказал он тихо. — Я подозреваю, что у тебя есть еще один сын.

Нокс изо всех сил старался проснуться. Ему не хотелось видеть сны, потому что какой-то частью своего сознания он догадывался, что опять придет Даниэль...

Внезапный толчок внутри, и вот он уже здесь. На траве. Рядом с ним сидит Даниэль. Все как в первый раз. Так же светит солнце, но его свет какой-то пугающий, ядовито-желтый. Он наводит ужас и создает неестественные тени.

— Ты думал об этом? — спросил Даниэль.

— О чем?

— О том, о чем я спрашивал тебя. Что ты собираешься делать дальше?

— Я на самом деле не знаю. Как-нибудь решу.

Даниэль оперся на руки и закинул голову назад, как будто впитывая ядовито-желтые лучи.

— Не так много ты знаешь, так ведь? — спросил он беспечно.

— Что ты имеешь в виду?

— Натан. Ты приобрел власть и статус в религиозной группе. Как я понимаю, даже намереваешься пройти весь путь до конца. Дети сейчас существуют без лидера и понимают это. Старейшины без меня не смогут долго действовать в гармонии. А ты не только не веришь в Бога, но и ничего не знаешь о Вознесении. Ты давно читал Библию? Давно. Когда ты молился последний раз? Очень давно. Что ты будешь делать, если мир начнет рушиться?

— Но он не собирается рушиться, Дэнни. Ты сам все это придумал, помнишь?

— Неужели?

Даниэль хрипло расхохотался, будто Нокс сказал что-то безумно смешное. Звук был глухой, словно безвоздушное пространство из сна поглощало его, и Нокс почувствовал, как грудь сжимается от охватившей его паники.

— Ты все это придумал, лжец. Тебя не существует на самом деле. Убирайся! Исчезай... — Он брыкался и корчился, но Нокс из его сна не мог двигаться. — Прекрати это! Перестань смеяться, мерзавец!

И Даниэль перестал. Потом неожиданно притянул его к себе, и они оказались на траве так близко друг к другу, что их можно было принять за любовников. На какое-то мгновение Ноксу показалось, что Даниэль собирается его поцеловать. Он отпрянул, пытаясь отодвинуться как можно дальше, изо всех сил напрягая мышцы.

— Нет, нет... — задыхался Нокс.

Но когда прекрасное лицо Даниэля заполнило весь обзор, а губы полураскрылись для поцелуя, из его рта вырвался поток яркого света, опалившего Нокса подобно огню. Боли не было, только золотое, мучительное блаженство.

— Ты разве не знаешь меня, Натан? — Голос Даниэля доносился откуда-то из-за пламени, но Нокс ничего не видел, кроме яркого света. — Я Первый, и я — Последний...

— Не понимаю, что ты...

— Ты убил меня. — Голос звучал спокойно, в нем не слышалось упрека. — Теперь тебе следует приготовиться.

— Приготовиться?

— Неужели ты не видишь? Это все правда, Нокс. Конец Света грядет...

Грядет...

Это слово было на губах Нокса, когда он проснулся среди смятых простыней, весь в поту. Он еще раз его повторил, взвешивая, пытаясь понять смысл того, что сказал Даниэль. Выходит, Даниэль ангел? Нокс стал осознавать реальность и вдруг поймал тусклое изображение своего отражения в длинном узком зеркале в дверце шкафа, стоявшего за кроватью.

— Ангел? — самоуверенно улыбнулся он в темноту.

Потом спокойно рассмеялся и стал копаться в ящике прикроватной тумбочки в поисках своей коробки с табаком.

Грядет...

Подобно пауку, это слово проникло в мозг Нокса и поколебало присущий ему прагматизм. Он разжег скрученную еще вечером сигарету. С мягким шипением керосиновая лампа вспыхнула, отбрасывая колышущиеся тени. По какой-то причине просторная комната с высоким потолком показалась Ноксу глубокой и пустой. Нокс взял одну смятую простыню и накинул ее себе на голову и плечи. Ему пришла мысль, что Даниэль в какой-то степени

прав. Придет Конец Света или нет, Ноксу следовало бы подготовиться и сделать все, чтобы получить достаточно знаний по проблеме.

Он вздохнул и стал оглядывать комнату, пытаясь обнаружить Библию, но ее нигде не было видно. И все-таки Нокс был решительно настроен найти ее, поэтому потушил сигарету и отправился к двери, завернутый только в простыню. Он вышел и посмотрел вниз. Должна же где-нибудь в «Ковчеге» быть Библия.

— Что ты наделал? — Риган была в ярости. — Тристан любит эту девушку...

Джал ухмыльнулся:

— Да, довольно часто. Мне рассказывали.

— Это не смешно, Джал. Что он скажет, когда вернется и обнаружит ее в таком состоянии?

Риган сердито смотрела в дальний конец мрачного каземата, где на узкой кровати, на соломенном тюфяке без сознания лежала молодая женщина. Ее звали Грейс, она была раздета и высечена до полусмерти. Для Джала было чем-то вроде спорта провести с девушкой ночь накануне экзекуции, и Риган злилась еще из-за того, что знала: все его садистские выходки начинались с секса.

— На этот раз ты зашел слишком далеко! — бушевала она. — Следовало бы тебя выпороть!

Девушка повернулась и собралась выскочить из каземата.

— Неужели? — Что-то в голосе Джала заставило ее замедлить шаг. — Вы хотите знать, леди Риган, за что я ее наказал?

— За что? — спросила она холодно.

— Она рассказала мне свой секрет. Я уверен, что как женщина вы согласитесь — рассказывать новому любовнику все свои секреты неразумно.

Джал принялся расхаживать по комнате, потом остановился, ожидая ее вопроса.

— И что же это за секрет, Джал?

— Кое-что, о чем я и так догадался во время встречи с вашим отцом. Понимаете, Грейс родилась в Сулис Море. Ее мать была здесь во время битвы за город. И угадайте, кто принимал у нее роды? Да, ваша приемная мать, Уна Талискер. Мама Грейс рассказала ей, что ваша так называемая мать не рожала близнецов. Только один мальчик, довольно уродливый, но тем не менее законный наследник Сулис Мора появился на свет. Что самое интересное, Уна призналась матери Грейс, что в этот момент тоже была беременна. Она не знала, кто у Уны родился, но... я догадываюсь, что родилась девочка, наследница пустого места.

Джал перестал расхаживать по камере и улыбнулся Риган обезоруживающей улыбкой.

Лицо девушки побледнело от страха и ярости, хотя Джала не слишком волновало, от чего именно. А она стояла, выпрямившись, словно ее привязали к позорному столбу. Последовали долгие минуты тишины, но Джал, мастер таких психологических воздействий на противника, просто терпеливо ждал момента, когда Риган заговорит.

— Эту ложь можно считать изменой, — наконец сказала девушка. Она уже полностью контролировала и себя, и свой голос. — Я доверяю тебе вырвать ей язык до того, как засечешь ее до смерти.

ГЛАВА 9

Свет Небес отражал свинцово-серые зимние сумерки, его поверхность мерцала, как не очень чистое зеркало. В это время года окружающий лес, казалось, подступал вплотную к огромному пространству воды. Красные листья гнили на берегу, а деревья нависали над неподвижной водой. По краю озера наполовину замерзшие глыбы льда скрывали его секреты, до весны сдерживая звук волн под ледяным одеялом. Из леса не доносилось пение птиц, разве что откуда-то издалека можно было услышать голос кроншнепа.

Талискер и Сандро хорошо помнили атмосферу мрачной тишины. Оба мужчины стояли, глядя на середину озера, поглощенные воспоминаниями. В конце концов, словно вернувшись к реальности, Сандро глубоко вздохнул.

— Спасибо, Дункан.

— За что?

Талискер продолжал смотреть вдаль, не способный избавиться от отзвуков прошлого в своей душе.

— За то, что выловил меня тогда из воды, — усмехнулся Сандро.

— А, но это была не моя заслуга, скорее Малки...

— Можешь назвать меня брюзгой, — заметил Сандро, — но мне не хотелось бы туда спешить. В прошлый раз я был пьян, и озеро не было замерзшим.

— В этом нет необходимости, сеаннах.

Оба мужчины оглянулись на Мориаса. Старик стоял около большого кольца из поваленных камней. Это были те самые камни, с которых двадцать пять лет назад Сандро так успешно прославлял героев Великих. Сейчас они утопали в зарослях крапивы и ежевики, и Мориас попросил Эскариуса расчистить дорогу в центр кольца.

— Что ты хочешь сказать, Мориас? Мы же пришли не таким способом.

— Да, но на сей раз нет необходимости пользоваться озером. Тогда кольцо было заблокиро́вано магией Фир Крига. Сейчас мы сможем просто воспользоваться камнями.

Он указал рукой на полуразвалившиеся остатки.

На лицах Дункана и Сандро читалось сомнение. С того времени камни попадали, многие из них разбились, поэтому использование Мориасом слова «кольцо» выглядело в лучшем случае слишком оптимистичным. Старик не стал обращать внимания на их сомнения, а направился к своему мулу и засуетился около него.

— Помогите Эскариусу, если хотите, — заметил он через плечо. — Мы должны быть готовы к ночи. Да, кстати, есть кое-что, о чем вам следовало бы знать. Время течет по-разному в вашем старом мире и здесь. Когда вернетесь назад, то заметите, что там прошло не так уж много времени, если вы понимаете, о чем я.

Он сделал неопределенный жест рукой и принялся кормить своего мула сухой травой.

— Сколько времени там прошло? — потребовал ответа Талискер.

Он подошел к Мориасу, сердито глядя на него, раздраженный привычкой старика такую важную информацию оставлять на последний момент, да еще и разбавляя ее словами вроде «кстати» и «следовало бы знать».

— Итак, Мориас, сколько там прошло времени? Для нас будет полезно знать это.

Сандро, более снисходительно относящийся к слабостям своего старого учителя, поспешил стать между ними, как обычно, чтобы в случае чего успокоить своего друга.

Мориас пожал плечами:

— Около двух лет.

— Два года! — ахнул Сандро.

— В таком случае, — простонал Сандро, — я не могу туда вернуться, потому что меня, наверное, до сих пор разыскивают за убийство.

Мориас остановился и повернулся к Талискеру, сердито глядя на него.

— Нужно ли мне напоминать, что вы должны разыскать Тристана? — огрызнулся он. — Мальчик, возможно, в беде.

— А по чьей вине, скажи на милость? — взорвался Талискер. — Ты послал его туда совершенно одного. Он уже может быть мертв, черт тебя побери...

— У меня не было выбора. Ситуация была такова, что решалось: или жизнь, или смерть.

— Дункан. — Сандро взял друга за плечо и отвел его в сторону. — Ваш спор ничего не изменит.

Талискер промолчал, но стряхнул руку сеаннаха со своего плеча и вернулся на берег озера.

— Как думаешь, с ним все будет в порядке? — пробормотал Мориас.

— Зависит от того, что еще ты не посчитал нужным упомянуть.

Мориас отвел глаза и опять вернулся к кормлению своего мула.

— Мориас!

— Ничего, что мне было бы известно абсолютно точно, Алессандро, — неохотно признал старик. — Просто я не знаю, как переход повлияет на ваши тела.

Сандро вздохнул:

— Да, теперь мы не так молоды, как были в то время. — Он посмотрел туда, где стоял Талискер, безучастно глядя на воду. — Не будь таким суровым с ним, Мориас. Всего неделю назад он жил в своей маленькой хижине, общаясь с природой, или что он там еще делал последние девять лет.

— Это не я с ним суров, Сандро.

Они продолжали подготовку до самого вечера.

У Нокса был плохой день, очень плохой. Во-первых, произошла неудачная встреча со старейшинами, которым, надо заметить, было немногим больше двадцати лет. Они повели себя несколько по-другому, чем ожидал Нокс, когда пришел к власти, и, обсуждая демонстрацию около музея, посчитали ее полным провалом. Нокс все еще выжидал благоприятного момента, просчитывая свое положение наперед. Поэтому он мало говорил, хотя мысленно на чем свет стоит ругал их за слабость.

Старейшины по-настоящему верили в Бога, по крайней мере такое создавалось впечатление, что, по мнению Нокса, давало им неоспоримое преимущество. Иногда, в минуты слабости, ему хотелось самому искренне верить, а не притворяться, потому что... именно от Даниэля Нокс впервые в жизни увидел действительно доброе отношение. А жизнь с Детьми была комфортной, теплой и, уж конечно, гораздо более приятной, чем в одиночестве.

После собрания Нокс планировал прилечь поспать. С одной стороны, потому что у него болела голова, а с другой — ему хотелось пожалеть себя, и это было самым главным. Когда Нокс проходил мимо главных дверей «Ковчега», он заметил в холле юную девушку лет шестнадцати, неуверенно оглядывавшуюся по сторонам. Она была белокурой и очень хорошенькой. Голубые глаза робко смотрели вокруг, словно все свое мужество девушка истратила на то, чтобы войти.

— Могу я вам помочь, мисс? — спросил он.

— Надеюсь, что да. — Она говорила высоким, слегка дрожащим голосом. — Я ищу своего брата.

Как только были произнесены первые слова, Нокс уже знал, кто эта девушка. Когда он заговорил, то услышал, как кровь застучала у него в висках.

— Кто ваш брат? Может быть, я смогу найти его для вас?

— Даниэль. Даниэль Рэйли.

— О, Даниэль!

— Вы знаете его? Мы очень беспокоимся. Уже несколько месяцев он не появляется дома, а на него это так не похоже.

— А вы, должно быть, Рэчел? Даниэль часто вспоминал вас.

— Вспоминал?

— Боюсь, что его сейчас здесь нет, Рэчел. Даниэль уехал отсюда в октябре.

— Мы думали, он собирался остаться здесь... — Ее взгляд, блуждающий по холлу, остановился на темном внушительном буфете, раньше выглядевшем очень импозантно, а сейчас почти полностью сгнившем. — Но ему нравилось в «Ковчеге», и он верил в то, что делает. Вам хотя бы известно, куда он уехал?

— Нет. Но... — Луч надежды вспыхнул у Рэчел в глазах. — Мы обсуждали между собой миссионерскую работу. Знаете, страны третьего мира... Даниэль собирался нести туда Слово Божие. Возможно, он свяжется с вами, когда устроится на месте, если, конечно, уехал за границу.

— Ну ладно. — Голос девушки был полон разочарования. — Не знаю, как мама воспримет это известие. Вот возьмите, здесь наш номер телефона. Пожалуйста, свяжитесь с нами, если что-нибудь станет известно о Даниэле.

— Конечно.

Когда Рэчел повернулась, чтобы уйти, сквозь стеклянную панель двери пробился луч солнца и, запутавшись в белокурых волосах, образовал что-то вроде нимба над ее головой, сделавшего девушку похожей на ангела.

— Не беспокойтесь, Рэчел. — Нокс постарался ободряюще улыбнуться, но образ девушки, похожей на ангела, вывел его из равновесия. — С Даниэлем все будет в порядке. Он выполняет Божью работу.

Рэчел слабо улыбнулась, но, уходя, ничего не ответила. Ей не удалось скрыть разочарования, и глаза ее наполнились слезами.

Когда за девушкой закрылась дверь, Нокс еще долго стоял, глядя ей вслед. Ему вдруг пришла в голову мысль, что в семье Даниэля все ангелы, и они, возможно, соберутся как-нибудь и отомстят ему. У него вырвался звук между вздохом и смехом, и Нокс прикрыл рот рукой, словно запрещая себе радоваться.

— Зачем ты ей солгал?

Это была Эстер. Оказывается, она наблюдала за происходящим.

Нокс постарался выглядеть беззаботно.

— Думаешь, она бы поверила мне, скажи я правду?

Эстер пожала плечами:

— Думаю, да...

Темные глаза девушки, казалось, обвиняли.

— Что с тобой, Эстер? — нахмурился Нокс.

— Могу я с тобой поговорить лично? В твоей комнате?

Как только они оказались в комнате, Эстер прорвало. Обливаясь слезами, она говорила, что не может с собой справиться и ей нужна помощь. Сначала Нокс просто хмурился, не совсем понимая, в чем дело, тогда Эстер закатала рукав и показала ему множество следов от уколов на сгибе локтя. Нокс и сам принимал наркотики, но никогда не был способен сам себе сделать укол. Красные следы на фарфоровой коже неожиданно потрясли его. Что еще хуже, Эстер всегда казалась ему сдержанной, полной самообладания, но вышло, что она намного больше похожа на Нокса, чем он предполагал, такая же уязвимая и слабая. Наркотики были строго-настрого запрещены в «Ковчеге», и Нокс понимал, что девушка ждет его приговора.

— Отчего у тебя депрессия, Эстер? — спросил он ласково.

— Я скучаю по Даниэлю. На самом деле очень скучаю по нему, Нокс...

— До сих пор?

— Мы... мы были любовниками. Как он мог уйти вот так, ничего мне не сказав?

Даниэль, — подумал он горько. — *Почему это должен был быть Даниэль? Я рад, что убил тебя, негодяй. Больше ты никогда не будешь обладать ею.*

— Я не могу поверить, что он вознесся, Нокс, — всхлипнула она.

— Его забрал Бог, Эстер. Он работал для него, вот он и... Послушай, а где ты берешь наркотики?

— Просто на улице.

— Это небезопасно, Эстер. Там можно купить какую-нибудь гадость. Мне хотелось бы помочь тебе. Но пока ты плохо себя чувствуешь, я достану что-нибудь безопасное.

Девушка недоверчиво посмотрела на него:

— Что? Метадон?

— Да. Если, конечно, смогу.

Она еще раз всхлипнула, потом постаралась взять себя в руки, хотя уже и так почувствовала себя не такой напряженной в объятиях Нокса.

— Поверить не могу, — робко улыбнулась Эстер. — Мне казалось, ты выбросишь меня на улицу. Даниэль так бы и сделал. Он был не таким, как я думала... Мне кажется, Бог вовремя его забрал, у него, наверное, хватило бы сил выкинуть меня на помойку.

— Нет, Эстер, нет. Ты не должна так думать. Помнишь, я был там!

Когда она ушла, Нокс сел на край кровати. Голова шла кругом. Руки и рубашка были пропитаны ароматом Эстер. А потом он начал пить.

Нокс не любил виски, но это было единственное, что осталось после Даниэля. Нокс уже выпил весь джин и бренди, теперь пришел черед виски. Интересно, что бы сказали члены их общества, знай они, что их драгоценный святой хранит такой запас спиртного? Виски обжигало горло, заставляло слезиться глаза, но все, чего Нокс хотел, это найти утешение в алкоголе и уйти от действительности.

Вокруг его стула были разбросаны листы из книги, они покрывали пол, будто конфетти. Нокс читал Библию, пока пил, и теперь знал ее всю: и про деяния Апостолов, и про Вознесение, и о пророчествах Конца Света, и о Втором пришествии. Нокс вырывал каждый лист из Библии, как бы в доказательство себе самому, что прочел его. Все растущая кипа листов из книги приносила ему удовлетворение. День перешел в вечер, и вечер становился все темнее, а Нокс продолжал читать, потому что, как только останавливался, начинал думать об Эстер, и эти мысли доставляли ему боль. К восьми тридцати Нокс прилично набрался, комната кружилась перед глазами, а самого его тошнило. В этот момент раздался слабый стук в дверь.

— Нокс, ты дома?

Это был голос Стремящегося Летать.

— Что тебе надо, Стремящийся Летать? — прошептал Нокс, все еще пребывая во власти проблем Вознесения.

— Нокс?

Он стоял и продолжал вырывать листы из книги. Несколько из них прилипли к одежде. Этот факт ужасно рассмешил его. Быть одетым в Слово Божье. Умора. Нокс пошел к двери, прикладывая усилия, чтобы восстановить равновесие и принять как можно более серьезный вид.

— Стремящийся Летать, — улыбнулся он. — Чем могу тебе помочь?

Нокс понимал, что все его усилия напрасны, потому что парень наверняка почувствовал сильный запах алкоголя.

— Ты собираешься на вечернюю молитву, Нокс? — Стремящийся Летать говорил нейтральным тоном, но он не мог не чувствовать запах. Кроме того, еще старался заглянуть за спину Нокса в комнату. — С-Смотрящий Вперед предположил, что тебе захочется п-почитать молитвы сегодня вечером.

— Скажи мне вот что, Стремящийся Летать... почему бы тебе не сделать это? Я сегодня плохо себя чувствую. Конечно, мне лестно ваше внимание. На вот, возьми. — Он схватил одну из страниц, которая прилипла к рубашке, и протянул ее парню. — Это тебя вдохновит.

Тот сначала нахмурился, но потом взглянул на страницу.

— Братство верующих... Хороший в-выбор, Нокс.

— Да, очень хороший...

— Ты на самом деле уверен, что хочешь доверить мне чтение молитвы?

Нокс протянул руку, чтобы потрепать парня по плечу, но потом понял, что это выдаст его, так как можно потерять равновесие, да и запах алкоголя с близкого расстояния будет чувствоваться сильнее, поэтому просто ободряюще кивнул.

— У тебя все получится, Стремящийся Летать... честно. Я полностью доверяю тебе.

— Спасибо, Нокс. — Парень расплылся в улыбке. — Эт-то очень м-много значит для меня. — Он медленно пошел по коридору, не отрывая взгляда от листка, который дал ему Нокс. — С-спокойной ночи...

— Спокойной ночи.

Как только он закрыл дверь, Нокса накрыла волна тошноты. Нервная энергия, которая ему понадобилась, чтобы сохранить достойный вид перед Стремящимся Летать, моментально испарилась, и он согнулся вдвое, уверенный, что его сейчас вырвет. Когда этого не произошло, Нокс опять выпрямился, рассмеявшись про себя. Опустившись на стул, он протянул руку, чтобы достать очередную порцию виски, но вместо этого наткнулся на что-то холодное и острое.

— Нож, — сказал он в пустоту комнаты. — Эй, Эстер, посмотри-ка...

Его голос затих, когда взгляд остановился на ноже. Нокс думал об Эстер весь день, эти мысли не уходили из его подсознания, причиняя боль, даже когда он читал. Обнимать ее, когда девушка плакала о Даниэле... было ужасно. Что бы она подумала о своем утешителе, если бы знала, как он поступил с Даниэлем? И что бы сказала, если бы узнала, что предложение о поддержке вызвано появившимся шансом контролировать ее? Девушка возненавидела бы его. Нокс знал, желание обладать Эстер было не такой уж безоблачной вещью, потому что любовью назвать это чувство нельзя. Так что красивого в нем ничего не было. Эстер пробуждала в Ноксе самые темные стороны его сущности. Ту самую мерзкую, перепуганную часть, которую никто не мог любить, даже он сам. Беспомощность девушки, когда он обнимал ее хрупкие плечи, только разжигала огонь отвращения к самому себе.

Нокс обхватил правой рукой свой стакан с виски, не отводя глаз от ножа, как будто опасаясь, что этот неодушевленный предмет вдруг окажется живым. На сей раз виски не затуманило его взгляд, он со стуком поставил стакан на стол, не расплескав ни капли, и вытер рот тыльной стороной ладони. Когда Нокс ощу-

тил на коже слабое пощипывание от алкоголя, ему в голову внезапно пришла мысль. Эстер не сделала бы этого, она не стала бы его осуждать, даже если он и заслуживал быть наказанным. Наказанным за все, даже за те преступления, о которых не знает: за Даниэля, за свою ложь, за то, что получил от него в наследство...

Не переставая анализировать свои пьяные фантазии, Нокс неожиданно схватил нож и полоснул себя по внутренней поверхности руки. Он не издал ни звука, даже не вскрикнул от боли, потому что ее не было, просто какое-то странное, острое движение адреналина. Нокс уставился на линию бисеринок крови, выступившей из раны. Почему она так слабо течет? Он полоснул еще раз, более сильно. На этот раз кровь полилась сильнее, буквально потекла ручьем, теряя свой красный цвет в полумраке комнаты, больше похожая на обычную темную жидкость. Нокс еще раз провел ножом по руке, но действие адреналина снизилось, и горячая волна боли застала его врасплох.

— А-а-а!

Собственный крик оказался для Нокса такой же неожиданностью, как и боль, он ахнул, как будто пытаясь загнать звук назад. Оттолкнув стул, Нокс кинулся к окну, распахнул его и выставил руку на свежий воздух. За окном шел дождь, шум его проникал в сознание. Инстинкт заставил Нокса поступить так же, как и в случае с ожогом, когда спешишь подставить обожженное место под открытый кран с водой. Дождь стучал по крыше старого дома и попадал в открытое окно, он намочил белую рубашку Нокса и прилепил мокрые волосы к щекам и лбу.

Казалось, все вокруг замедлило движение. Нокс смотрел, как прохладная вода смывает кровь, отчего казалось, будто к руке прикасается холодный огонь. Капли скатывались по лицу и груди, оставляя следы, словно маленькие серебряные кометы. Рот Нокса все еще был открыт, как будто он продолжал кричать от боли, хотя теперь из него не вырывалось ни звука. Нокс убрал голову обратно в комнату, потому что холодная вода попадала ему в горло, одновременно охлаждая и обжигая. Пока Нокс стоял у окна, обдуваемый ветром, на несколько коротких мгновений ему показалось, что он летит.

— *Поговори со мной.*

Сначала Ноксу показалось, что голос раздался у него в голове. Несмотря на то что он был пьян, частица здравого смысла все-таки осталась, достаточная для понимания, что в таком состоянии может показаться все, что угодно. Он вернулся к кровати, взял полотенце со спинки и стал наматывать его на рану, не обращая внимания на то, что ткань тут же промокла. Нокс задыхался и истекал кровью, прислушиваясь, не раздастся ли опять этот голос. Ничего.

Налив себе еще виски, он пробормотал:

— Кто это... кто...

— Поговори со мной. Я знаю, что ты здесь.

Возможно, если бы он был трезв, то еще дольше отказывался бы верить, что слышит голос. Нокс осмотрел комнату, пытаясь найти кого-то, спрятавшегося в тени. Но в комнате было пусто. Он опять взял стакан, испачканный кровью, и когда поднес его ко рту, рука начала дрожать. Обхватив стакан обеими руками, Нокс поднял его и поднес к губам, как спасение. И как только собрался сделать глоток, он увидел *это*.

На подушке лежало ожерелье, украденное им у той женщины, Беатрис. То была просто прихоть, потому что ожерелье показалось ему достаточно ценным, чтобы обеспечить роскошную жизнь, которая представлялась в виде удовлетворения его пагубной привычки. Если продать, денег может хватить на то, чтобы купить кокаина на целый год... Сейчас ожерелье переливалось зеленым светом. Когда Нокс, пошатываясь, направился к кровати, ему издали показалось, что один из камней отражает свет от настольной лампы, но он тут же отбросил эту мысль. Свет распространялся изнутри одного из камней, как будто вокруг него образовалась некая рассеянная сфера. На внешней ее границе возникли лучи, похожие на усики, которые выходили за пределы сферы, словно вопрошая о чем-то. Нокс остановился у кровати.

— Вы... вы что-то сказали?

Он чувствовал себя глупо уже только потому, что громко задал такой дурацкий вопрос. Может быть, кто-то из Детей пытается разыграть его или даже свести с ума. Возможно, они даже знают о Дэнни...

— Да, я разговариваю с тобой. Как тебя зовут?

— Нокс.

У него шла кругом голова, от алкоголя тошнило, рана на руке ужасно болела. Но, несмотря на все это, теперь Нокс был уверен, что на самом деле слышит голос. Погруженный в апокалиптические видения Вознесения, в которое не верил еще несколько минут назад, теперь он не сомневался, что голос мог иметь только один источник. Нокс упал на колени у подножия кровати, осознав, что нож, которым он терзал свою плоть, признан недостаточным наказанием. Божественная кара стала реальностью.

— Вы... вы Бог?

— Бог?

Голос, казалось, некоторое время осмысливал вопрос. Во время этой паузы Нокс вообразил, что будет наказан за свое нахальство. Наконец, после того как ему показалось, что он ждет почти год, пришел ответ.

— Да.

— Я очень сожалею. На самом деле сожалею обо всем, что натворил. Я имею в виду, что раскаиваюсь в своих гре-

хах... — врал Нокс. — В случае с Дэнни, вы же и сами видели, что этот фальшивый пророк вел Ваших Детей в...

— *Да, да...* — Голос звучал абсолютно равнодушно. — *Встань с пола. Я не требую, чтобы ты падал ниц. Подойди ближе.*

Нокс выполнил приказ и присел на край кровати. Потом стал потихоньку двигаться ближе и ближе, пока не оказался около подушки. Не отводя взгляда от зеленого света, он спросил:

— Вы можете видеть меня?

— *Да.*

Без предупреждения камень выпустил длинные зеленые лучи, которые протянулись к лицу Нокса, изучая его. Тот дернулся, когда лучи коснулись его щеки. Нельзя было сказать, что ощущение показалось приятным — теплое, но саднящее, похожее на то, как болели раны на его руке.

— *Сиди спокойно,* — предупредил голос. — *Я просто хочу проверить, что в твоем сердце и мозге. Так...*

Несколько секунд голос молчал, а Нокс почувствовал странное спокойствие, пока зеленые лучи скользили по его голове и согревали мокрое, испачканное в крови лицо.

— *Не понимаю,* — вдруг заговорил голос. — *Откуда ты, Натан Трей?*

— Ты знаешь мое настоящее имя... конечно, ты знаешь. Откуда? Эдинбург. Шотландия.

— *Конечно. Не имеет значения. Послушай меня, Натан. Когда ты проснешься, твоим первым побуждением будет усомниться в моем существовании. Не делай этого. Жди моего слова. Ты меня понимаешь?*

— Да.

— *Это напомнит тебе обо мне.*

Пламя вспыхнуло внезапно, и как Нокс ни пытался отвести взгляд, ему это не удавалось. Потом появился острый запах паленой кожи, он упал на подушку, и наконец наступило блаженное забвение, о котором Нокс мечтал целый вечер.

Джал бросился на кровать. Ночь была изматывающей, и если его догадка оказалась верной, она еще не закончилась. В свете новой информации, которую он получил из извращенного мозга незнакомца Нокса, появились вопросы, которые следовало решить еще до рассвета. Его мать гордилась бы тем, какой замечательный план сыну удалось разработать, за исключением того момента, что он вмешал сюда и ее. Узнай она об этом, убила бы без сожаления.

Джал решил поспать немного, прежде чем вернуть Сулис Мор назад, в свое время. Правда, оказалось, что его ресурсы на исходе, поэтому он все-таки счел нужным сначала довести дело до конца и поднял руки вверх, начиная читать заклинание.

В углу комнаты, около темного отверстия окна повисла паутина, сотканная из света. В ней не жили пауки, Джал сам

создал этот запутанный лабиринт, который был эхом той паутины, что он раскинул над северными территориями Сутры. Как и обычная ловушка пауков, его собственная могла двигаться и вибрировать, только реагируя не на полет насекомого, а на магию. Джал пересек комнату и внимательно стал изучать незначительные движения нитей, становившиеся более заметными. Если он не ошибался, то магия концентрировалась на берегах озера под названием Свет Небес.

— Когда мы наконец сможем идти? — простонал Талискер. — Сколько еще ждать?

Мориас посмотрел на него от костра, где сидел, скрючившись, как показалось Талискеру, уже около часа, что-то бормоча и бросая в огонь какие-то семена. Сандро нетерпеливо ерзал, потому что приближался шторм. Видимые в ярком свете полной луны облака собирались над восточной частью озера, там уже образовалась огромная туча. За последний час воздух заметно изменился, до этого очень влажный, напитанный снегом и дождем, теперь он стал необычно сухим, и Сандро казалось, что он чувствует запах бриза. Больше всех от погоды страдал Эскариус. Он принял образ человека и сидел, сгорбившись, около костра, все его чувства были обострены.

Теперь Сандро был здесь, около камней. Не так уж давно, казалось, Сандро воспроизводил на этом месте «Ур Сиол», единственный обряд магии, доступный ему, и который почти стоил сеаннаху души. Конечно, прошло больше двадцати пяти лет. Он ласково дотронулся до грубой гранитной поверхности разрушенного камня, который поймал одного из Фир Кригов. Если он не ошибается, это был камень Кентигерна...

— Работа нелегкая, Дункан, — пробормотал Мориас. — Камни теперь ослабли. Для Тристана я использовал более сильный проход. Вот и все. Я готов.

Талискер смотрел на проход между камнями.

— Оно выглядит...

— Точно так же, я знаю, — нетерпеливо перебил его Мориас. — Почему люди всегда при применении магии ждут вспышек и грома. Никогда этого не понимал.

Сандро нервно рассмеялся, а Талискер метнул на него обеспокоенный взгляд.

— Помните, — предупредил Мориас, — вы должны вернуться так быстро, как только возможно, иначе здесь могут пройти месяцы. А Джал... — он метнул взгляд на Талискера, — и Риган наделают много бед за это время. Боги помогут вам вернуть мальчика.

— *Может, замолвишь за нас словечко перед ними, Мориас?* — Замечание Талискера прозвучало несколько более язвительно, чем ему хотелось. — Прости, — промямлил он. — Я слегка нервничаю.

Мориас понимающе кивнул:

— Я, должно быть, уйду, когда вы вернетесь. Мне нужно будет туда, где больше всего потребуется моя помощь. Но Эскариус согласился подождать вас здесь.

— Спасибо, вол... Эскариус.

Талискер улыбнулся виноватой улыбкой, и они повернулись, чтобы войти в кольцо.

— Подождите! Что-то приближается!

Эскариус показывал на другой берег озера. Шторм разразился, и шипящая пелена дождя двигалась с той стороны по направлению к ним. Какое-то мгновение Талискер видел только серую круговерть шторма, но потом при свете молнии заметил, что по краю тучи летят пять существ. Он почувствовал, как у него засосало под ложечкой, и вытащил меч из ножен. Очень много лет прошло с тех пор, как Дункан видел перед собой врага, но мощный приток адреналина напомнил ему, как он должен вести себя, чтобы выжить.

— Наба Скоор, — прошипел Эскариус.

Талискер боковым зрением увидел, что он трансформировался в волка.

— Вы должны идти, — торопил их Мориас. — Не надо оставаться с нами. Мы...

— Не будь глупцом! — прервал его Талискер.

Скоорыатаковали с небес, причем так неожиданно, что Талискер оказался на земле, потому что вожак ударил его в спину чем-то вроде копья. Дункан быстро развернулся в мокрой траве и вскочил на ноги, проклиная тварей ртом, полным дождевой воды. Скоор опять взмыл в небо легким движением чешуйчатых крыльев, и как только Талискер поднялся, бросился вниз, чтобы закрепить свое преимущество. Больше надеясь на удачу, чем на разум, Талискер принялся размахивать мечом и случайно отрубил лапы огромного насекомого; но скоор, похоже, не чувствовал боли, он едва взглянул на свои извивающиеся на траве конечности. Талискер услышал пронзительный крик Сандро и рычание Эскариуса Вермеха. Но у него не было времени реагировать на незавидное положение друзей, потому что скоор опять напал сверху и ударил его своим острым копьем.

— Талискер, ложись! — раздался резкий голос Мориаса.

Ни минуты не медля, просто подчиняясь команде, Талискер откатился в сторону, и как только сделал это, яркая вспышка белого огня ударила скоора прямо в железную пластину на груди. Откуда бы это пламя ни взялось, оно было очень сильным и прожгло существо насквозь. Через несколько секунд скоор умер. Оглянувшись в удивлении, Талискер увидел Мориаса, прячущегося за одним из камней. Его руки все еще светились от остатка пламени, которое он выпустил в чудовище.

— Не стой, иди помогай Сандро! — крикнул старик.

Не дожидаясь, пока Талискер выполнит его инструкции, Мориас обратил внимание на Эскариуса, который находился в сложном положении, так как был атакован сверху. Два других скоора кружили над ними вне пределов досягаемости, абсолютно уверенные в своей победе. Талискер бросился к Сандро, пятившемуся от врага, который опустился на землю и приближался к сеаннаху. Его крылья создавали такой шум и треск, что он был слышен даже сквозь проливной дождь. По инерции крылья продолжали нести его вперед, как будто скоор летел по траве. Приблизившись, скоор открыл пасть и издал резкий, ужасный вопль, такой враждебный и пугающий, что Талискеру показалось, будто его кишки превратились в воду.

— Сандро!

Талискер встал рядом со своим другом и приготовился помочь ему атаковать чудовище. Как только скоор приблизился к ним, оба мужчины быстро отскочили в разные стороны, будто прочитав мысли друг друга, с той странной синхронностью, которая иногда случается в бою. Инерция унесла чудовище вперед, и пока скоор смог начать разворачиваться, Талискер и Сандро напали на него сзади, целясь в твердый хитин крыльев. Меч Талискера полностью отрубил одно крыло, а Сандро досталось второе, из которого вовсю уже лилась кровь. Чудовище закричало и забилось в конвульсиях, но друзья не стали наносить последнего удара, а бросились бежать к камням.

Ситуация ухудшалась. Мориас хотел поразить скоора, который атаковал Эскариуса Вермеха. Чудовище вцепилось в спину волка, и старик боялся попасть не в того, кому предназначался удар. Эскариус становился на задние лапы, рычал, извивался, пока не освободился от хватки скоора и не сбросил его на землю, оставив в когтях чудовища значительное количество своей шкуры. Как только это случилось, Мориас тут же воспользовался магией, и поле боя залило яркое пламя, отразившись в миллионах дождевых капель. Скоор рухнул на землю, его конечности задергались в агонии. Два оставшихся чудовища, круживших в воздухе, немедленно спустились ниже и бросились вдогонку за Талискером и Сандро. Эскариус же, освободившись от своего врага, тоже бросился догонять друзей и пробежал рядом с ними последние несколько ярдов.

— Удачи, Дункан Талискер.

Талискер задыхался от бега, да и времени, чтобы ответить, у него не было.

Все было не так, как прежде. Будь у Мориаса больше времени, он бы объяснил Талискеру и Сандро динамику ворот. Хотя, возможно, он подумал, что будет лучше, если они останутся в неведении.

под поверхностью Света Небес. На сей раз им пришлось бежать сквозь огонь. Как только они вошли в кольцо, Сандро на бегу схватил Талискера за руку, так как Мориас предупредил, чтобы они держались вместе. Потом оба остановились как вкопанные, потому что перед ними буквально ниоткуда выросла стена пламени.

Талискер оглянулся. То, что происходило снаружи, выглядело как замороженное, неподвижное изображение. Прямо рядом с кольцом зависли два скоора, словно готовые броситься в него. Он опять посмотрел на пламя. Они с Сандро вспыхнули, но не ощущали никакого жара.

— Похоже, мы в пути.

Казалось, голос Сандро пришел откуда-то издалека, хотя Талискер видел, как он говорит. Слова попадали в мозг словно эхо чего-то бестелесного. Дункан ухватился за меч, как будто тот мог ему сейчас понадобиться.

— Продолжай идти, — снова раздался голос Сандро. — Мориас сказал...

Потом пламя окружило их со всех сторон.

— Продолжай двигаться. Не останавливайся...

Они горели, но в то же время не горели. Его одежда оставалась нетронутой. Талискер видел себя, бегущего сквозь пламя, свои ноги и меч. И слышал звук, который создавали бегущие ноги. А может быть, так колотилось его сердце. Плохо. Ему не хотелось слышать свое сердце. Оставалось надеяться, что это топот...

Огонь похож... ни на что не похож. Он выглядит совсем не так, как Талискер представлял себе. Он прислушивался к стуку своих ног или сердца. Надеялся, что все еще двигается. Он не мог говорить...

— Сандро, — позвал Талискер и попытался оглянуться, чтобы найти друга.

Теперь он испугался, увидев что-то за пламенем, и это была темнота. Он помнит пустоту. Помнит, что каждый раз, когда приходилось через темноту...

...он умирал.

— Продолжай двигаться.

Кто это сказал? Или он просто подумал?

— Я не хочу умирать...

...опять.

Потом пламя ушло. Ушла темнота. Она опять сменилась темнотой, только настоящей.

— Черт! Почему это никогда не происходит попроще? — Голос Сандро звучал странно и глухо в маленькой темной комнате. Он печально засмеялся. — Как ты себя чувствуешь, Дункан?

Талискер сел и потер руками лицо, кожа сохраняла какие-то странные ощущения, она горела, тело покалывало, но, может быть, ему это кажется?

— Надеюсь, Трис оценит наши усилия, — пробормотал он. — Как ты думаешь, Сандро, мы на месте?

— Надеюсь, что да. Не уверен, что есть еще одни ворота в Эдинбург.

— Да, Мориас нам так и говорил...

После путешествия настроение у Талискера было неважное.

— Пошли. — Сандро встал, и Талискер увидел смутный силуэт, так как его глаза немного привыкли к темноте. — Давай выйдем на свежий воздух. У меня такое чувство, будто с меня кто-то живьем сдирает кожу.

Талискер тоже встал и последовал за Сандро к темному прямоугольнику дверного проема. Сандро продолжал говорить, его нервы были изрядно потрепаны переходом.

— Знаешь, что я собираюсь сделать? Сначала обязательно выпью кофе, — мечтательно заявил он. — Я не пил кофе двадцать пять лет. И выпью не маленькую обычную чашечку, а большую кружку, после которой, возможно, не буду спать следующие двадцать пять лет.

— Ничего лучшего ты не мог придумать?

Они вышли в длинный коридор, показавшийся Талискеру смутно знакомым. Сюда уже проникали первые серые лучи дневного света.

— Я иду в бар, — улыбнулся Дункан.

Чувствовал он себя немного лучше, а мысль о том, что они находятся в Эдинбурге, неожиданно наполнила его счастьем.

— О да. А что ты собираешься использовать вместо денег? — поинтересовался Сандро.

— Черт тебя побери! Ну почему тебе вечно все нужно испортить?

Он посмотрел вперед, так как они подошли к еще одной двери, которую Сандро открыл. Оттуда хлынул яркий солнечный свет. Его оказалось достаточно, чтобы рассмотреть друг друга.

— О боже!

— Господи!

Оба мужчины уставились на лица друг друга с недоверием. Сандро протянул руку и коснулся кожи Талискера.

— Все еще болит, — пожаловался тот и тут же расплылся в широкой улыбке. — А ты всегда был симпатичным парнем, а?

Сандро издал восторженный вопль, и они обнялись в крепком медвежьем объятии, продолжая танцевать в холодном, безрадостном пространстве Куин-Мери-корт.

Годы канули в вечность. Дункан и Сандро снова были молоды.

— *Проснись, Нокс.*

— Что?

— *Проснись. Ты ведь ничего не забыл?*

Наступило утро. Слабый солнечный свет проникал через щели в темных тяжелых шторах. Нокс сел и стал тупо осматриваться, пока смутные воспоминания о минувшей ночи медленно пробуждались в его памяти. В комнате пахло потом, виски и... чем-то еще. Кровью. Волна острой боли в руке нахлынула на него, как только он вспомнил о ноже и о том, как порезал себя. Нокс тихо застонал, увидев испачканные в крови простыни, в которые был завернут. Страшно болела голова. Она действительно болела, если только... Протянув руку, он пощупал лоб, оказавшийся холодным и липким. В центре красовалась довольно болезненная шишка. Нокс с усилием освободился от простыней и отправился к зеркалу, чтобы обследовать странную рану.

— *Нокс!*

Ничего воображаемого в голосе не было. Он звучал не только в его голове, но и в комнате. Совсем как нормальный голос, но не... вспышка в памяти была моментальной, и Нокс, тяжело опустившись на край кровати, уставился на ожерелье, снова не веря своим ушам.

— Да, Господи, — прошептал он, — я здесь.

— *Хорошо. Я хотел бы, чтобы ты кое-что сделал для меня, Нокс. В доказательство того, что способен управлять Детьми... моими Детьми.*

— Скажи мне, Господи, это правда, что ты собираешься покончить с миром?

Нокс потер глаза, как будто все еще стараясь пробудить себя от сна.

— *Не совсем так. Покончить я собираюсь только с теми, кем не доволен. Ты ведь читал Священное Писание?*

— Да, я... Но почему ты выбрал именно меня? — Нокс немного сосредоточился, потом, нахмурившись, посмотрел на ожерелье так, будто перед ним сидел оппонент. — Ты мог выбрать Даниэля. Он был гораздо лучше меня и верил по-настоящему. Теперь я это знаю, хотя раньше думал, что он нас дурачит. Дэнни был за истинную веру. А я нет...

— *За истинную веру? Но ты тоже можешь быть за истинную веру, Нокс. Еще есть время до Вознесения. Выполни для меня это задание. Докажи, что ты достоин и...*

— Нет! — Нокс встал. — Я не верю тебе. Может быть, ты демон... или фальшивый пророк.

Он почувствовал тошноту и головокружение, так как стало давать себя знать обезвоживание организма после прошедшей ночи. В ногах появилась дрожь.

Голос помедлил несколько секунд, прежде чем продолжить, как будто не слышал, что говорил Нокс.

— *...и я награжу тебя. Хорошо награжу. Ты ведь мечтаешь о власти, не так ли? Для того, чтобы нести хорошее людям, конечно.*

Что-то в его тоне ясно давало понять Ноксу: голосу известно, что хорошие поступки у Нокса не стоят на повестке дня. Но, похоже, для него это не важно. Хотя, возможно, так и должно быть, Бог выбирает человека, который оступился. Грешника.

— Хорошо...

Он почувствовал, как по спине заструился пот.

— Слушай меня, Нокс. Посмотри на изображение, которое я тебе покажу. Можешь закрыть глаза, если так тебе покажется легче. Этот человек потерялся. Пропал. Ты должен его найти.

Нокс закрыл глаза, как велел ему голос, и в его мозгу появилось нечеткое, искаженное изображение. Потом он понял, что оно не искажено. Это был мальчик или молодой человек, чье тело было жестоко искривлено. Голова, наклоненная под странным углом, создавала впечатление, что на спине у него небольшой горб. На молодом человеке была странная одежда, а на голове золотой обруч.

— Это... Антихрист? — прошептал Нокс.

— Возможно.

— Возможно?

Ноксу показалось, что Богу следовало бы знать более точно.

Бог вздохнул, опять просто проигнорировав сомнения Нокса.

— Тебе понадобится помощь в поисках. Надень ожерелье на шею.

Они вышли на полуденное солнце Роял-Майл и остановились, пытаясь усмирить нервы, взбудораженные хаосом и шумом города. Если Мориас прав, прошло только два года, и все вокруг выглядело так, будто они покинули Эдинбург только вчера. Роял-Майл, также известная как Хай-стрит, главная туристическая улица Эдинбурга. В верхнем конце ее высится огромное здание Эдинбургского замка, построенного на базальтовой основе потухшего вулкана. На другом конце сонной улицы находятся Холируд-Палас и земли Королевского парка. Между ними мили магазинов, кафе, баров и достопримечательностей любого периода истории Шотландии, который только мог заинтересовать туриста. Историей пропитаны даже древние камни, хотя многие посетители только покупали немного песочного печенья или бросали монетки волынщику.

Сандро и Талискер соскучились по городу. Для Талискера годы в Сутре с Уной сгладили горечь потери, и теперь он смотрел на прекрасную архитектуру и то, с каким мастерством построен собор, совершенно другими глазами.

— И как ты думаешь, сколько нам теперь лет? — задумчиво спросил Сандро, самодовольно приглаживая волосы.

Талискер улыбнулся про себя, с удовольствием вспомнив обычное тщеславие друга в те времена. Существовало

кое-что у сицилийца, полностью потерявшееся в Сутре, но Талискер подумал, что стоит ему провести в городе неделю, как все утраченные качества непременно вернутся.

— Как я думаю, мне должно быть тридцать четыре года, а тебе — тридцать шесть. Столько нам было, когда мы совершили переход.

Сандро пожал плечами.

— Да, в этом есть смысл, — согласился он. — Хотя я чувствую себя, будто мне опять восемнадцать.

Он широко улыбнулся, и Талискер даже растерялся — это была улыбка не Сандро-сеаннаха, а Алессандро Чаплина. Такая же белозубая, но высокомерная, тщеславная и хитрая. После всех этих лет город остался у него в крови.

— Что такое? — нахмурился Сандро.

— Да нет, ничего. Что будем делать? По всей видимости, Тристан не мог уйти далеко... если только не сложилась ситуация, когда у него не было выбора.

— Нам нужна помощь, Дункан, — заметил Сандро.

— Но мы не знаем никого, к кому можно было бы обратиться. Нам за милю надо обходить твоих приятелей из полиции, иначе как объяснить свое отсутствие? Мы даже не знаем, закрыто ли дело об убийстве...

— Эй, мистер..

Два паренька лет десяти или одиннадцати не спеша подошли к тому месту, где стояли мужчины. Оба в мешковатых шортах, футболках и кроссовках. Талискеру показалось, что дети в этом мире выглядят слишком чистыми.

— Мой друг говорит, что ваши мечи из пластика.

Второй мальчик кивнул на кожаные ножны Талискера. Тот выругался про себя, только теперь поняв, насколько мало усилий они приложили, чтобы подготовиться к переходу.

— Ну что, мистер? — спросил один из мальчиков. — Можно мне его подержать?

Сандро выступил вперед, чтобы предотвратить грубый ответ Талискера, тот никогда не умел разговаривать с детьми.

— Как тебя зовут, парень?

— Питер... Пит.

— Послушай, Пит. Я и мой друг приглашены сюда для участия в шоу в замке. Если хочешь посмотреть на наше оружие, попроси свою маму, чтобы привела тебя на представление.

Он отвесил выразительный поклон, как, по его мнению, поступил бы настоящий актер.

Пит нахмурился.

— Вот видишь, я же говорил тебе, что меч пластиковый, — вредничал второй паренек. — Пойдем лучше посмотрим, удастся ли нам рассмешить солдат у замка...

Он потянул Пита за рукав, но тот колебался. Талискер выдавил из себя улыбку. Ему вспомнилось, что когда он был мальчишкой, то тоже бегал к замку, чтобы смешить стражу. Часовым не разрешалось двигаться или разговаривать, что делало их объектом издевательств каждого скучающего во время школьных каникул мальчишки.

— Но ведь он не пластиковый, правда?

Пит, похоже, считал делом своей чести разобраться с их оружием до конца. Талискер оглянулся по сторонам, потом немножко вытащил меч из ножен. Солнечный свет заиграл на лезвии.

— Смотри, смотри, Томас...

— Я не могу вытащить его из ножен полностью, ребята, — он посмотрел на Сандро и еле заметно улыбнулся, — иначе полиция арестует меня.

— Да все нормально, мистер...

— Приходите и увидите нас в замке.

— Отлично.

Мальчишки повернулись и побежали прочь, полностью удовлетворенные увиденным. Дункан и Сандро смотрели им вслед и улыбались. В их возрасте они тоже были неразлучными друзьями. Были вместе и в тот день, когда им все-таки удалось рассмешить стражу. Потом они разделили свой жизненный путь и судьбу. Сандро посмотрел на Талискера, только скользнув взглядом по мешочку на шее друга. Выражение его лица было абсолютно непроницаемым.

— Нам поможет Беа, — сказал он. — Она была моим самым близким другом после того, как умерла Диана. Эта девушка на самом деле много для меня значила...

Он опять улыбнулся, подумав о появившейся возможности пофлиртовать.

— Но Беа работает в полиции, — возразил Тристан.

— Прежде всего она друг, я уверен в этом.

— Остается только надеяться.

— Пошли.

— Куда?

— Она живет в Колинтоне. Это около пяти миль отсюда, — сказал Сандро. — Думаю, деньги на проезд за последние двадцать пять лет вряд ли сохранились в твоем кармане.

В глубине комнаты, откуда вышли Дункан и Сандро, влажный воздух стал суше и резче, и буквально ниоткуда появился огонь, полыхающий в полной тишине и отбрасывающий мерцающие тени на старые камни. В центре пламени возникли две фигуры. Они не бежали, а летели, и как только увеличились в размерах, звук, похожий на смертоносное жужжание, заполнил подземные коридоры.

ГЛАВА 10

Когда друзья подошли к небольшому домику Беатрис, вечер вступал в свои права. Так как зима уже почти пришла, к четырем часам потемнело, и в воздухе чувствовался легкий морозец. Талискера обрадовала наступающая темнота, потому что чем дальше они уходили от центра, тем больше их с Сандро одежда привлекала внимания. В Старом Городе их считали участниками представления, но, пока друзья добирались до окраин, люди не раз останавливались и с удивлением рассматривали их, хотя холодное выражение лица Талискера ни позволяло приблизиться, как бы любопытным того ни хотелось. К счастью, наступившие сумерки укрыли друзей от людского любопытства.

Колинтон считался одним из самых презентабельных пригородов Эдинбурга. Здесь все еще сохранялся дух спокойного, благополучного существования, свойственный деревням, которые со временем поглотил разрастающийся город. Тут имелось несколько магазинов, а дома гнездились на склонах Пентленд-Хиллз, спускаясь к реке. Некоторые жилища сохранили потускневший с годами викторианский аристократизм. Несложно представить себе, что, когда эти дома были только построены, вид гор, возвышающихся над городом, приносил истинное умиротворение. Теперь же оранжевый вольфрамовый свет города, раскинувшегося вокруг, отражался в ночном небе, и постоянный шум транспорта напоминал местным жителям, что исключительность их района канула в прошлое. Тем не менее все-таки жить в таком месте было приятно. Особенно умиротворяюще действовал запах дыма из сотен труб, поднимающихся в небо, так как большинство домов обогревалось печами и каминами. Кроме того, во многих домах даже плиты в кухнях топились дровами.

— Думаю, это вот тот дом в конце улицы, — сказал Сандро. — Я помню, что ее сад выходил к дороге. Мне, кажется, даже пришлось помогать ей устанавливать беседку. — Он пожал плечами. — Хотя я могу ошибаться. Дункан, с тобой все в порядке?

Талискер остановился и, нахмурившись, оглядывался вокруг. Инстинкты, выработанные в Сутре, заставили его положить руку на рукоять меча. Этот жест не ускользнул от Сандро.

— Ты знаешь мою интуицию, Сандро.

— Да, конечно.

— Здесь что-то не так.

— Что именно? Демоны? — Сандро тоже огляделся вокруг. Предчувствия Талискера заставили его нервничать, но ничего странного он не заметил. Вдалеке лаяла собака, этот звук был самым обычным, успокаивающим. — Пошли, Дункан. Бог знает, что мне ей говорить, — засмеялся он слегка нервозно.

— Пошли.

Сандро открыл ворота и пошел по дорожке, круша и ломая ароматные травы, которые выращивала Беа. В холодном воздухе распространился запах ромашки и лимонника. Сеаннах глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

— Где ты там? — пробормотал он.

Оглянувшись назад, Сандро увидел, что его друг идет следом за ним и держит в руке обнаженный меч.

— Ради бога, Дункан, — прошипел он. — Ты ее до смерти напугаешь.

Друзья остановились. Парадная дверь была открыта.

— Посмотри, что там, — выдохнул он.

Талискер кивнул, показывая ему, что следует войти.

— А вдруг она здесь больше не живет? — прошептал Сандро. — Да ладно, иду... Беа!

Первое, что он сразу понял, Беа все еще живет здесь. Даже в полумраке можно было заметить обычный беспорядок. Дом был пропитан запахом Беа. И этот аромат цветов апельсинового дерева он, оказывается, помнил все долгие двадцать пять лет.

— Беа, ты дома?

Сандро вошел в темную гостиную, освещавшуюся только огнем в камине. Сначала он обратил внимание на мебель и пианино, на котором Беа так любила играть, и только потом понял, что в комнате все перевернуто. На полу валяется посуда и земля из цветочного горшка, который кто-то бросил на ковер. Дункан включил свет и прошел к дальнему окну. Под ногами у него хрустело битое стекло.

— Посмотри на это, Сандро. — Талискер показал на рубленый след в штукатурке. — Здесь кто-то мечом махал.

Сандро ничего не сказал, он не мог отвести взгляда от чего-то, лежавшего на ковре около кушетки. На его лице смешались недоверие и ужас.

— Что? Что там? — воскликнул Талискер.

Он подошел к другу.

— О господи! — ахнул он.

Это была нижняя конечность гигантского существа, похожего на насекомое. Кто-то отрубил ее, и на ковер натекла лужица голубой крови. Из своего опыта Талискер знал, что отсутствие конечности не лишает существо способности сражаться.

— Скоор? Здесь? Не может быть...

Из спальни раздался какой-то звук, и оба мужчины бросились туда. Их сердца готовы были выпрыгнуть из груди, им мерещились самые невероятные картины. Талискер включил свет, но в комнате не было ничего необычного. Она осталась нетронутой. Судя по всему, события, которые повергли в хаос гостиную, ми-

новали спальню. Тонкий звук доносился из старого соснового шкафа, стоявшего у дальней стены. Сандро потихоньку подошел к нему и резко распахнул дверцу. Раздался короткий вскрик, а потом грохот, от которого он упал на пол. Талискер продолжал стоять как вкопанный, не снимая руки с выключателя. Кто-то вывалился из шкафа, размахивая перед ними пистолетом.

— Беа! Беа! Это мы!

В ушах от выстрела стоял жуткий звон, Беа стояла с открытым ртом, будто продолжала кричать, но, кроме звона, Дункан ничего не слышал. Талискер пошел к ней, показывая руками, чтобы не стреляла. Но девушка продолжала истерично размахивать оружием. Ее обычно строгая прическа растрепалась, волосы прилипли к мокрому от слез лицу.

— Беа, не надо... Опусти пистолет, — сказал он, уже почти слыша свой голос, но ощущая, что уши все-таки еще заложены.

Когда Беа направила пистолет на Талискера, Сандро сбил ее с ног, обхватив за колени. Девушка с визгом упала на пол, выпустив из рук оружие. Он схватил ее за плечи и как следует встряхнул.

— Беа, посмотри на меня. Посмотри на меня...

Талискер только теперь услышал голос Сандро, и по выражению лица Беа было видно, что она наконец начала осознавать, кто ее так интенсивно трясет. Зеленые глаза широко раскрылись от удивления и облегчения.

— С-сандро? — Ее голос дрожал, когда она протянула руку и коснулась его лица. — Нет. Этого не может быть...

Сандро неожиданно для себя был тронут встречей, и его глаза наполнились слезами. Он кивал девушке и улыбался.

— Ты жив, — сказала она. — Я знала это. Я всегда это знала...

— Беа.

Она посмотрела туда, где стоял слегка смущенный Талискер, и улыбнулась дрожащими губами.

— Дункан!

Сандро помог ей подняться, и Беатрис стояла, переводя взгляд с одного на другого, словно не веря своим глазам.

— О господи! — прошептала девушка. — О господи!

Она крепко обняла Сандро, спрятав лицо у него на груди. Плечи ее тряслись от рыданий. Сандро виновато улыбался Талискеру поверх ее головы, потом обнял Беа, пытаясь ее успокоить. Через несколько минут она вдруг ахнула, повернулась к Талискеру и сказала:

— Дункан, прости меня. Они з-забрали Тристана.

— Тристана? Он был здесь?

— Я за ним присматривала...

— Кто они?

— Они... а вы не знаете? Нокс и... вы не знаете, кто они? Эти существа?

— Да, но...

— О господи! Нам нужно идти. Здесь нельзя оставаться.

— Ничего не бойся, Беа. Мы вооружены.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Я вызвала полицию. Коллума. Вы ведь помните Кэла? Они скоро приедут.

Талискер и Сандро обменялись встревоженными взглядами.

— Ты права, Беа, нам лучше уйти, — согласился Сандро. — Когда ты их вызвала?

— Не так давно. Наверное, минут пять назад. — Беа постепенно успокаивалась, дыхание приходило в норму. Она взяла с кровати подушку и вытерла ею глаза, оставив длинные черные следы туши на щеках. — Но, может быть, не стоит уходить?

— Понимаешь, Беа, мы не сможем им ничего объяснить, — печально сказал Сандро. — Нам никто не поверит.

— *Я* поверю вам. — Она грустно улыбнулась и потянулась за пачкой сигарет, лежавшей на тумбочке возле кровати. — Мне довелось увидеть этих чудовищ. И я разговаривала с Трисом. В таком случае нам лучше поторопиться. Пошли.

С завидным самообладанием Беа вернулась в гостиную и взяла ключи от машины из книжного шкафа.

— Может быть, нам следует... — Талискер жестом указал на беспорядок в комнате.

— Нет времени, — вздохнула она. — Хотя не мешало бы избавиться от этих ног.

Сандро поднял конечности скоора, они казались очень легкими в его руках. После нескольких минут раздумий он поспешно бросил их в огонь. Они вспыхнули с шипящим звуком и сгорели, оставив в комнате запах серы.

— Вот так-то, — пробормотала Беа.

Она с отсутствующим видом пригладила волосы, осознав, в каком они беспорядке. Когда Беатрис направилась к входной двери, Сандро взял ее за руку.

— Беа, — сказал он мягко. — С тобой все в порядке? Ты сможешь ехать?

Подбородок девушки слегка дрожал, было заметно, что Беа старается поглубже запрятать свой страх.

— Я бы сейчас не отказалась от джина, — призналась она. Потом посмотрела на их обеспокоенные лица и улыбнулась. — Как приятно видеть вас обоих. Как приятно.

Тристану было холодно. В комнате на чердаке «Ковчега» было очень мало тепла. Немного подумав, Нокс принес ему одеяло. Над головой, в тех местах, где крыша от старости прогнила, Тристан видел ночное небо. Прохладный ночной ветер проникал сквозь щели и гулял по деревянному полу. Очевидно, когда

идет сильный дождь, чердак не может служить укрытием. Тристан вздрогнул от холода и поплотнее завернулся в одеяло.

Он был ненамного меньше удивлен, увидев скоора, чем Беатрис. Хотя Тристан прибыл из мира, где такие чудовища не только существуют, но и встреча с ними вполне возможна, ему не приходилось видеть их прежде. Слухи о таких существах дошли до Триса перед тем, как он покинул Сулис Мор. Ему о них рассказали сразу несколько друзей-сидов, с которыми он поддерживал отношения за спиной Риган. С горькой иронией Тристан теперь вспоминал свое нежелание верить в то, что сестра санкционировала убийства. Конечно, это делал Джал, но Риган могла остановить преступление, если бы захотела. А теперь, по какому-то странному стечению обстоятельств, скооры здесь, в этом мире. Совершенно очевидно, что они не принадлежат ему, как и сам Тристан.

В то же время казалось, что Нокс действовал один. Когда подъехали к дому, он провел Тристана через черный ход, и поднимались они по очень узкой боковой лестнице, так как Нокс боялся, что их увидят. Откуда-то из дома доносилось пение, но никто не услышал и не увидел прихода Нокса. Скооры исчезли сразу же, как только Триса поместили в фургон. По крайней мере он не видел больше ни одного с тех пор, как они покинули дом Беа.

Тристан подумал о девушке. Она, конечно же, испугалась больше его, но кричала, боролась и швыряла все, что попадало под руку, в Нокса. Когда тот попытался ее схватить, Беа плюнула ему в лицо, прежде чем ударить в голень с такой силой, что можно было услышать треск. У Тристана не было сомнений, что у Беатрис душа воина. Будь у нее еще и меч, может, у них появился бы шанс.

Нокс, пожалуй, пострашнее скоора. Есть в этом молодом человеке какая-то сила. Трису только раз приходилось встречать нечто подобное, у Джала. Хотя помимо этого во взгляде Нокса присутствовали еще страх и какая-то отрешенность, как будто он упал со скалы и вот-вот потеряет сознание.

Несмотря на испуг и холод, Тристан почувствовал, что глаза слипаются. Свернувшись в клубок, он улегся на полу, уткнувшись лицом в предплечье. Что сказал Нокс?

Он что-то бормотал о боге. Какого бога он имел в виду? Совершенно ясно, что в этом мире может быть только один бог. Он должен быть очень могущественным. Но зачем ему Трис? Одна маленькая душа из далекого мира. Никому он здесь не может понадобиться.

Трис спал, а за ночь мороз спал, и пошел снег, покрывая старый дом и укутывая холодное пространство чердака в одеяло одинокого отчаяния.

Они ехали сквозь темноту и снег всю ночь. Атмосфера в машине была очень серьезной, долгое время никто не произносил ни слова. Но вскоре настроение Беа изменилось. На сме-

ну страху, а потом облегчению пришло мрачное возбуждение. Девушка выкурила три сигареты подряд, наполнив салон машины ядовитым желтым дымом, гася окурки в переполненной пепельнице. Сандро закашлялся и попытался открыть окно, но ручка была сломана. Беа, не издав ни звука, открыла окно со своей стороны, глядя перед собой.

— Ты сердишься на нас, Беа? — нахмурился Сандро.

— А как вы думаете? — сердито проговорила она.

Опять в машине воцарилась тишина. Талискер угрюмо смотрел в окно, хотя там ничего не было видно, кроме разве серебристых следов, которые падающие снежинки, похожие на маленьких ночных бабочек, привлеченных светом фар машины, оставляли на окне. «Дворники» на лобовом стекле двигались с монотонным скрипучим звуком, от чего Талискера потянуло в сон на удобном заднем сиденье.

— ...думаешь, нас не было всего пару лет... — Голос Сандро проникал на заднее сиденье вместе с дымом. Талискер догадался, что тот пытается объяснить Беа, как все произошло. Он вспомнил, что его друг говорил раньше. — Верь мне, Беа. Мы не можем объяснить. Нам никто не поверит.

Она возразила, что поверит им. Талискеру очень хотелось услышать, что девушка ответит, но...

— ...итак, вы просто решили остаться? А вы подумали о тех людях, которые беспокоились о вас обоих, Сандро? А как насчет...

Она, похоже, очень страдала. Сандро, ты идиот. Неужели тебе не понятно, что Беа имеет в виду себя?

— Да кто мог о нас беспокоиться?

Никто. Это правда.

— Я не могу понять. А ваша работа? Все хорошее, что вы делали? Неужели ты думаешь, Диана захотела бы, чтобы вы ушли в другой мир?

Ого. Не надо бы ее вмешивать в наши дела.

— Давай оставим Диану в покое...

— И ради чего? Ради какого-то жуткого, дурацкого места, где водятся такие... твари.

Похоже, она сердится.

— Из-за чего ты сходишь с ума? Сутра — прекрасное место. Я там прожил жизнь. У Дункана там появились дети. Эти существа, скооры, не все, что там есть.

— Я не схожу с ума. Может быть, только совсем немного. Я просто испугалась за Тристана. И за всех нас. Как первая женщина в мире, вступившая в схватку со скоором, должна сказать, что имею право сходить с ума... или что-нибудь еще в этом роде.

— А ты не можешь просто сказать, что скучала по мне?

— Самовлюбленный негодяй...

Она скучала по тебе, Сандро.
— Да, глупая твоя башка, я скучала по тебе.
Могу дать голову на отсечение, она улыбается в темноте.

Дункан проснулся от того, что у него замерзли ноги. С переднего сиденья доносилось сопение. Сандро и Беа спали в обнимку, накрывшись пледом. Во сне лицо Сандро выглядело еще моложе, потому что разгладилась складка между бровей. Беа, наконец выговорившись, измотанная до предела событиями минувшего дня, спала, прижавшись к его груди и запустив руку в темные волосы в разрезе рубашки. Талискер улыбнулся и протер окно кончиком своего пледа, что тем не менее не принесло видимого результата, так как стекло снаружи было залеплено снегом. Дункан открыл дверцу машины и ступил на землю, покрытую ослепительно белым снегом.

Талискеру и в голову не приходило обращать внимание на дороги, по которым они ехали. «Дорога в никуда» было в данном случае весьма уместным определением. Все вокруг покрывал свежевыпавший, сверкающий снег. Они находились в долине, тянувшейся до горизонта. В нескольких футах от машины по дну долины с веселым журчанием бежала речка. Небо было необыкновенно чистого голубого цвета. Вполне подходящий пейзаж для Сутры, если бы не электрические столбы, тянущиеся вдоль склона холма. Талискеру очень хотелось бы, чтобы его настроение соответствовало радостной атмосфере солнечного утра. Он машинально пошел от автомобиля вниз по дороге, вдыхая свежий, морозный воздух. Его мысли работали сразу в двух направлениях: инстинктивно Талискер искал подходящее, достаточно уединенное место, чтобы опорожнить мочевой пузырь, и при этом не переставал думать о Тристане. Как его найти? Каким образом здесь оказались скооры? Трис, возможно, сейчас мертв.

Потребность увидеть сына охватила его с такой силой, что Дункан почувствовал, будто кто-то стальной проволокой стянул ему грудь.

Талискер, облегчаясь, рассеянно смотрел на сугроб. Его внимание привлек маленький белый холмик, который постоянно перемещался в поле зрения, вроде головастиков, которые мелькают перед глазами, если долго смотреть на солнце. Когда Талискер справил нужду, он собрался повернуть назад и в этот момент понял, что видел. Заяц. В памяти сразу возникли ассоциации. Он видел зайца в тот день, когда все изменилось. Тогда Дункан встретил Малки. И позже, в Сутре, заяц привел его к Мирранон, когда она лежала смертельно раненная. Только этот заяц белый, а не коричневый. Его шкурка была немного темнее, чем снег, и зверек пристально смотрел на Дункана. Талискеру стало интересно, все ли

зайцы становятся белыми зимой или только некоторые их представители.

— Привет, — пробормотал он.

Заяц, убедившись, что человек смотрит на него, начал целенаправленно двигаться вдоль сугроба. Талискеру стало ясно, что зверек приглашает его последовать за собой. Он оглянулся на машину — там по-прежнему не наблюдалось признаков жизни — и медленно пошел вслед за зайцем, наслаждаясь странным чувством дежа-вю. Заяц прибавил скорости, и Талискеру пришлось сделать то же самое, пока он почти не побежал. Когда он уже решил остановиться, чтобы не потерять из виду машину и не заблудиться, заяц выскочил на соседнее поле. Талискер сошел с дороги, и его обнаженные ноги провалились в ледяную белизну по самые бедра. Он сделал несколько шагов вперед, прежде чем решил вернуться на твердое бетонное покрытие, но тут заяц неожиданно исчез из поля зрения.

Как только Талискер повернулся, то почувствовал, что нога его стоит на чем-то твердом, скрытом под сугробом. Он наклонился и смахнул рукой снег с небольшого участка поверхности предмета, который нашел. Это был грубый каменный столб около трех футов высотой, но достаточно широкий, чтобы быть частью памятника. На поверхности вырезаны какие-то буквы. Талискер смахнул остатки снега. Обнажилась надпись, кое-где скрытая кусками слипшегося снега.

— О! — улыбнулся он удивленно и слегка печально.

На камне было написано «Маклеод». Не нужно больше никаких объяснений. Нет необходимости знать, кто такой этот Маклеод и почему здесь установлен камень.

Это было поле боя.

Талискер стоял и смотрел. Опять начинался снегопад. Ветер моментально сдувал только что выпавшие снежинки.

В нескольких футах от Дункана стоял мужчина, одетый почти в такую же одежду, как и он сам. Правда, его плед из настоящей шотландки, можно сказать, был более узнаваем для туристов. У мужчины был короткий серебряный меч, спрятанный в ножнах из грубой кожи. Рыжие волосы спускались по плечам на спину. Он стоял, упершись руками в бедра, и озабоченно смотрел на Талискера.

— Малки? Это ты? Господи! Это на самом деле ты? — радостно закричал Талискер и бросился обнять старого друга, но его руки встретили только воздух, а лицо — сугроб.

Когда Дункан поднялся, Малки стоял на прежнем расстоянии от него, хотя Талискер не заметил, чтобы горец двигался.

— Прости, Дункан. Это, конечно, я, но меня не существует. Теперь я что-то вроде призрака.

— О!

Талискер чувствовал себя обманутым. Он почти был уверен, что благодаря какой-нибудь магии и своей неукротимой воле Малки смог вернуться. Сумасшедшая идея, конечно, но ему так этого хотелось. Если бы Малки был здесь, с ними, все пошло бы как по маслу. Детские мечты, но ведь Дункан, Сандро и Малки когда-то вместе спасли целый мир...

— Что это, Малки? — У Талискера погрустнело лицо. — Ты теперь вестник смерти?

— Что? Нет-нет... не совсем.

Талискер встал на ноги, отряхивая плед от снега.

— Ты теперь живешь мирной жизнью, Малки?

Тот усмехнулся, и выяснилось, что жизнь в другом мире не улучшила внешний вид его челюстей.

— Да, Дункан... вполне мирной. — Он немного помолчал, как будто обдумывая следующую фразу. — Правда, иногда становится скучновато. Мне разрешили прийти и повидаться с тобой и Сандро. Вы опять в беде, а?

— У меня такое чувство, что мы открыли банку, полную червей, — согласился Талискер и засмеялся при виде унылого выражения, появившегося на лице друга. — Да, у нас крупные неприятности.

— Не столько у вас, сколько у твоих детей. — Малки выглядел очень серьезным. — Ты должен им помочь, Дункан.

— Знаю, Малки. Я стараюсь.

— Старайся больше, друг. Если вы в скором времени не вернете Тристана в Сутру...

— Что? — встрепенулся Талискер. — Ты что-то знаешь, Малки?

— Самая большая проблема — Джал. Ты знаешь, что он твой сын? Этот молодой человек черпает силы из «пустоты», как вы ее называете.

— И что это значит? Как я понимаю, «пустота» это ничто.

— Все не так просто. В ней все-таки кое-что есть. Скооры, например, или демоны, которых Корвус использовал раньше. Джал имеет доступ к этой «пустоте», и он очень опасен.

— Мне следовало убить его, когда была такая возможность. Тогда это было так просто.

— Да, конечно, но тогда, я думаю, ты боялся огорчить Риган. Послушай меня, девчонка заслуживает крепкой оплеухи.

— Теперь это невозможно. Она выросла, Малки, — вздохнул Талискер. — Ты можешь мне еще что-нибудь рассказать? Например, где Тристан? — спросил он с надеждой.

— Да, совсем забыл. Я ведь именно для этого пришел. Он в большом доме где-то в Эдинбурге...

Талискер терпеливо ждал, с нежностью вспомнив полную неспособность Малки выделять важную информацию.

— ...там в саду еще такие деревья, ну ты знаешь, постриженные смешно...

— Тисы?

— Да-да, тисы. Дом очень старый, наверное, построен еще в мое время. Еще у него есть имя...

— Имя?

— «Ковчег». Точно. Или просто «Ковчег», или «Дом-Ковчег».

— Отлично, Малки, отлично. Я пойду туда, заберу Триса и сегодня же верну его в Сутру, — уверил его Талискер.

— Неплохая идея.

Малки выглядел очень серьезным.

— Что-то не так, Малки?

— Нет, не совсем. Просто помни о разнице во времени, Дункан.

— Сколько там прошло времени?

— Уже почти две недели.

— Черт! Мне лучше поторопиться. — Талискер собрался уходить, но потом опять обернулся. — Спасибо, Малки. Как хорошо знать, что ты где-то... рядом.

Малки выглядел смущенным.

— Как я тебе уже говорил когда-то, от меня не так просто избавиться. Да, Дункан...

— Что?

— Передавай от меня привет Сандро. Большой привет...

— Обязательно передам.

— Прощай.

На несколько мгновений снег повалил сильнее. Талискер продолжал смотреть на то место, где стоял Малки, но не смог заметить, когда тот исчез. Несмотря на холод, он еще долго стоял, не отпуская рукоять меча, склонив голову и не отводя взгляда от гранитной плиты, под которой лежал другой воин, очевидно, такой же замечательный, как и Малки. Потом Талискер повернулся и заспешил к машине, проваливаясь в сугробы, чуть не падая на скользкой дороге. Когда он добежал до нее, первым делом постучал в лобовое стекло.

— Сандро! Сандро! Вставай!

Изнутри раздался скрип, это Сандро пытался открыть заедавшее окно. В конце концов распахнулась дверца, выпустив волну теплого воздуха.

— Что случилось?

Сандро моргал глазами, щурясь от яркого света.

— Я только что видел Малки.

Сказав это, Талискер расплылся в широкой улыбке, потому что до него самого только что дошел этот факт.

— Малки?

— Кто такой Малки? — раздался из-за плеча Сандро чуть хрипловатый голос Беа.

Сандро тряхнул головой и протер глаза, отгоняя остатки сна.

— Что он сказал?

— Кто такой Малки?

— Он призрак, Беа. Что он сказал, Дункан?

— Тристан находится в старом доме, который называется «Ковчег». Нам нужно срочно вернуть его назад, Сандро. В Сутре замышляется недоброе. И там прошло уже две недели с тех пор, как мы ушли.

— Две недели?

— Послушайте меня. Первое, что надо сделать, это заглянуть на работу. — Беа весело рассмеялась, когда увидела непонимающие лица обоих мужчин. — Подумай, дорогой, — обратилась она к Сандро. — Если я не вернусь и не предложу каких-нибудь приемлемых объяснений, все полицейские Мидлотиана бросятся на наши поиски.

— Но нас никто не видел, — возразил Талискер.

Беа состроила кислую физиономию и окинула взглядом его плед.

— Поверь мне, вы в любой момент можете привлечь внимание своей одеждой. Так или иначе, нужно достать вам что-нибудь подходящее. — Она зажгла сигарету и со смаком выпустила струю дыма. — Поспешите, друзья. Нам надо успеть до утренних пробок. Да, кстати, я знаю, где находится «Ковчег». Эти люди живут там незаконно, и теперь мне известно, где обитает мой друг Нокс. Он входит в религиозную группу, именуемую «Дети Всемирного Потопа». Это фундаменталисты, они верят в Вознесение, Конец Света и все такое прочее. До сих пор они никому не причиняли вреда...

Беа с силой нажала на акселератор, чтобы вернуть замерзший мотор к жизни. Машина взревела и выпустила в воздух столько же дыма, сколько ее хозяйка, но после нескольких беспокойных мгновений мягко и тихо покатила по заснеженной дороге.

— Может быть, мы обошлись бы без божественного вмешательства призрака, Дункан?

Беа сказала это с такой лукавой улыбкой, что Талискер не смог удержаться и рассмеялся.

— Не думаю, что кто-нибудь еще называл Малки божественным.

Чувства Нокса метались между восторгом и страхом. Он думал, что Бог сейчас не читает его мысли, потому что обычно это ощущалось в виде какого-то скребущегося чувства в затылке. Ранее, когда Нокс вышел, как ему было приказано, и в темном переулке Хайстрит обнаружил скоора, все стало на свои места. Он решил, что эти существа — предвестники Апокалипсиса, и именно

они являются авангардом целой армии. В соответствии с книгой святого Иоанна чудовища заставят людей испытывать такие мучения, что смерть покажется благом. Кроме, конечно, тех, которые спасутся, вроде него и остальных Детей.

Это было неопровержимым доказательством существования Бога и того факта, что грядет Конец Света. Нокс единственный среди людей знал о том, что скооры (Бог сказал ему, как они называются) здесь. Это власть. Он подумал об остальных старейшинах, об их уверенности, что вера не требует подтверждения. Нокс чувствовал к ним презрение и жалость. По иронии судьбы он не верил в Бога, он просто знал, что Бог есть. Разница огромная.

Но Нокс был далеко не глуп. Только дурак мог не бояться чудовищ, хотя и был поневоле связан с ними. Бог сказал ему, что скооры могут по команде стать невидимыми, и стоит только Ноксу подумать об этом, как они исчезнут. Тем более хорошо, что он припарковал фургон в полумиле от дома.

Стало совсем темно, но Нокс бежал к машине, время от времени оглядываясь и чувствуя присутствие скоора, следовавшего за ним. Это чувство было почти таким же пугающим, как и созерцание чудовища. Скооры не разговаривали, хотя обладали человеческими лицами и технически вполне могли бы говорить, но вместо этого издавали какие-то шуршащие звуки, будто кто-то дул на тростник. Когда скоор стал видимым в доме, где они похищали Тристана, Нокс почти потерял над собой контроль. Страх грозил переполнить его и лишить возможности управлять ситуацией.

Пожалуй, единственным человеком, который не выказал ни малейшего признака страха, был сам виновник происходящего, Тристан. По какой-то причине маленький человек принял появление существа, которое можно увидеть только в кошмарном сне, с удивительным стоицизмом. К своему удивлению, Нокс обнаружил, что восхищается им. И когда он заталкивал Тристана в фургон, то сделал это менее грубо, чем мог бы. Нокс понял, что, если бы Бог потребовал от него убить Тристана, ему было бы трудно это сделать, хотя, конечно, ослушаться он бы не посмел.

Нокс опять остался один. Скоор стал невидимым, а Тристан заточен на чердаке «Ковчега». Выпивая в одиночестве, Нокс очень боялся того, что с ним теперь будет.

Раздался стук в дверь.

— Нокс, это Эстер. Можно я войду?

По его телу пробежала дрожь при одной только мысли о ней, и на мгновение Нокс решил притвориться, что не слышит.

— *Нокс, ты все хорошо сделал. Ты хочешь ее или нет?*

— Да, Господи, — прошептал он.

— *Тогда можешь взять ее. Не бойся. Женщины презирают слабость. У меня есть для тебя подарок.*

Нокс открыл рот, чтобы ответить, когда у него внутри произошел взрыв чувств, по венам побежала энергия, как будто в крови, кроме кислорода, появилось еще что-то. Буквально через несколько секунд он почувствовал себя совершенно другим человеком. Задержавшись перед зеркалом, Нокс уставился на свое отражение, ощущая, как тело вибрирует от согревающего огня.

Как только замедлилось дыхание, он заметил, что и глаза его выглядят по-другому, в них появился какой-то блеск, которого раньше не было. Нокс медленно улыбнулся и длинными пальцами пригладил волосы. Неожиданно в голову пришла мысль: почему он раньше так боялся женщин? Боялся их мнения о своем бледном худом теле и мелких чертах лица, которые, как казалось Ноксу, говорили о слабости. Но теперь он решил, что лицо у него утонченное и загадочное.

Нокс усмехнулся.

— Да, именно утонченное...

— Нокс?

— Эстер, заходи. — Он открыл дверь и улыбнулся ей. — Привет.

— Мне нужно... кое-что, ты знаешь, и... С тобой все в порядке?

— Все замечательно. А что?

— Ты выглядишь как-то по-другому.

Он рассмеялся, но не своим обычным скрипучим, сдержанным смехом, а низким, мелодичным. Эстер улыбнулась в ответ, немного неуверенно, но зрачки ее расширились, и не только из-за полумрака в спальне Нокса.

— Честно, у меня все прекрасно, и настроение отличное. А как ты, Эстер?

Он подошел и положил ей руку на плечо.

— У меня тоже... все хорошо, кроме...

— Нет, у тебя не все хорошо. — Он смотрел на нее испытующим взглядом, а Эстер отвела глаза, и лицо у нее стало несчастным. — Послушай, я достану для тебя что-нибудь попозже, обещаю. Но зайди ко мне, давай поговорим. Входи.

Он обнял ее за плечи и провел в комнату.

— Ты уверен в этом, дорогой? — Беа посмотрела на Сандро поверх черепаховых очков. Они сидели в машине около восточной стены сада «Ковчега». — Может быть, нам следует воспользоваться каким-нибудь другим способом?

— Например? — хмуро спросил Сандро.

Она пожала плечами:

— Возможно, мне следует попросить у Стирлинга какого-нибудь лекарства, потом потихоньку пробраться в дом... Нет, ты прав, ничего не получится.

У Беа был тяжелый день. Как только они вернулись в Эдинбург, она объяснила Кэлу, что у нее было что-то вроде галлюцинаций от передозировки антидепрессантов, которые она принимала. Кэл, очень волновавшийся после того, как приехал в дом Беа и обнаружил там жуткий беспорядок, вышел из себя и отругал ее за то, что она вела себя как ненормальная и заставила полицию попусту тратить время. Беа поняла, что те слабые ростки чувств, которые возникли у них друг к другу, бесповоротно исчезли. Возможно, теперь Кэл поверит во все то, что о ней говорили: и неуравновешенная, и раздражительная, и алкоголичка...

— Беа?

— Что?

Талискер смотрел на нее выжидающе.

— С тобой все в порядке, Беатрис?

— Да, все нормально.

— В таком случае дай нам тридцать минут. Мы поднимемся по пожарной лестнице. — Талискер показал свой маршрут по плану, который Беа пересняла в библиотеке. К несчастью, план составили тридцать лет назад, с тех пор в доме были произведены некоторые перестройки. Оставалось надеяться, что ничего глобального совершено не было и основной проект не изменен. — Если к тому времени мы не появимся, иди и стучи в дверь или делай что-нибудь еще, чтобы отвлечь их внимание.

Она кивнула и с улыбкой посмотрела на Талискера. Брюки были велики в талии, и ему постоянно приходилось их подтягивать, чтобы они не свалились, в то же время они были достаточно короткими, чтобы лодыжки овевал прохладный ночной воздух. Беа реквизировала черную одежду Армии Спасения, в которую сейчас были одеты ее друзья, со склада на работе. И теперь они выглядели и пахли как ниндзя, одетые в магазине подержанного платья.

— Будьте осторожны, — прошептала она хрипло.

Сандро рассеянно помахал ей рукой, и они скользнули в калитку, немедленно исчезнув в тени.

Риган проснулась по какой-то причине, которую и сама не смогла бы назвать. Она открыла глаза и посмотрела на пустую подушку рядом с собой, на которой так часто лежал Фрезер. За окнами медленно стелился туман, захватывавший в плен молчаливый город. Беспокойство Риган в большей степени было вызвано атмосферой тревоги, воцарившейся в городе в последние несколько недель. Ее ощущали многие в Сулис Море, хотя старались об этом не говорить, опасаясь накликать беду, пока только воображаемую. Ночь в эти предрассветные часы была наполнена болью. Те, кто горевал, ощущали свое страдание гораздо острее и не могли

спать. И многих бы удивило, узнай они, что Риган тоскует по Фрезеру.

Нельзя сказать, что она его искренне любила, в ее сердце не было места для этого чувства, но он делал ее существование немного легче. Жизнь правительницы Сулис Мора сурова во многих отношениях. Она постоянно должна находиться у всех на глазах, ее окружают люди, готовые подчиниться любой команде. По правде говоря, Фрезер был одним из них, всегда готовый угодить и беззаветно преданный ей. Риган не чувствовала никаких угрызений совести по поводу того, что приказала ему явиться к ней, а потом и лечь в ее постель, так как ей было известно, что Фрезер и сам хотел этого. Ее единственным условием было молчание, об их связи никто не должен был знать. Фрезер был легким человеком во всех отношениях. Он никогда ничего не требовал от нее, не напрягал ее интеллект, как Джал, не бросал вызов. В обмен на редкие часы страсти он заставлял Риган улыбаться и даже смеяться, короче говоря, скрашивал ее одиночество. Теперь же он, как и Трис, покинул ее. Его смерть была безобразным, кровавым преступлением.

Девушка вздохнула, протянула руку и положила ее на подушку, чувствуя горе, тоску и сожаление. Она не спала нормально с той ночи, как... Риган передернула плечами. Ночью ей было жарко, поэтому, когда она проснулась, простыни были влажными, волосы прилипли к вспотевшим плечам, ей было очень не по себе. Кто-то должен заплатить за это. Ее лишили и друга, и любовника, одного за другим, оставив в изоляции. Сейчас Риган вдруг пришло в голову, что совсем недавно исчезли две ее любимые служанки. Возможно, следующим будет Джал. Надо предупредить его.

— Я на твоем месте не стал бы беспокоиться о нем.

Голос раздался с противоположной стороны кровати. Риган резко выпрямилась, тревожное восклицание было готово сорваться с языка.

Там стоял старик. Он был одет в серые лохмотья, а в руке держал длинную суковатую палку. Рука, державшая ее, была очень худой, и Риган сначала была почти уверена, что ее навестило привидение или дух. Это впечатление быстро исчезло, как только старик сел на край кровати, потому что матрас слегка прогнулся под тяжестью его высохшего тела.

Риган вдруг вспомнила солнечный летний день, когда она была ребенком лет десяти. Они играли с Трисом, и он разозлил ее, что-то разбив, за что Риган отхлестала его, полностью потеряв контроль над собой. Не удержав равновесия на больных ногах, Трис упал и сильно поранился. Этот человек, сидевший на ее кровати, приходил в тот день, и в его голубых добрых глазах было точно такое же пророческое выражение.

— Вы читаете мои мысли. А вы... я думаю, что знаю, кто вы.

— И кто, ты думаешь, я?

— Мориас, — ответила она. — Я помню. Но вы выглядите точно так же, как и тогда...

— Да, все верно. — Его голос звучал очень тихо. — Но ты, Риган, стала другой. Теперь ты не просто причинила боль своему брату, сейчас Сутра стоит на краю пропасти, и привела ее туда ты.

— Думайте, что говорите, — холодно заметила Риган.

Старик улыбнулся, но глаза его оставались печальными.

— Знаешь, сколько магии мне пришлось применить, чтобы попасть сюда? Больше, чем ты можешь себе представить. Здесь столько сигнальных знаков и так все охраняется, что никакая другая магия не может проникнуть.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — нахмурилась она.

— Нет, конечно, нет, Риган. Ты была слишком глупой...

Мориас вдруг встал и стал оглядывать комнату, будто ожидая что-то увидеть в тени. Из прихожей донесся какой-то звук, словно по замку пронесся ветер. Сначала звук был тихий...

— Что это? — прошептала Риган.

— Я должен спешить. Он видит меня. Тристан жив...

— Я знаю.

— Нет, тебе только кажется, что ты знаешь. Где он находится, я тебе не могу сказать, потому что *он* читает твои мысли. Но твои служанки, о которых ты вспоминала недавно, мертвы, так что ты их больше не увидишь. Они были убиты той же рукой, что и Фрезер. Только колдовство могло сделать их смерть незамеченной в городе...

— Кто? — потребовала она ответа. — Кто мог это сделать? Я была здесь и все видела. В одну секунду он был жив, а в следующую... Я не видела ни удара, ни убийцы. Такое впечатление, что нож просто появился в его горле...

Мориас встал с кровати, как будто собираясь уходить. Снаружи шум ветра становился все сильнее. Он с недоверием и злостью посмотрел на дверь, потом опять на Риган.

— Как может быть, чтобы ты не знала? — Старик пристально вглядывался ей в лицо, как будто пытаясь прочесть правду по его выражению и проникнуть глубже в ее душу. — Это...

Дверь внезапно распахнулась, и сильнейший порыв ветра ворвался в комнату, но это был не только воздух, вместе с ним появились странные насекомые, похожие на жуков величиной с человеческий кулак. Их крылья отливали ярко-красным блеском в тусклом свете, проникающем в комнату из прихожей. Они производили ужасный шум, просто оглушающий из-за их количества и наводящий ужас. Риган вскрикнула и завернулась в покрывало, но вся мощь насекомых была направлена не на нее, а на Мориаса. Ужасные существа летели прямо к тому концу кровати,

где до этого момента сидел старик, которому пришлось забиться в угол комнаты.

— Пошли прочь! — вскричал он неожиданно громко и требовательно.

Мориас выставил перед собой палку, и слабое голубое свечение окружило его фигуру. Ветер и жуки остановились перед ним, как перед невидимым барьером. Несколько мгновений защитное поле углублялось в поток жуков, продолжавших издавать отвратительные звуки. С того места, где она сидела на кровати, Риган видела, чего стоило Мориасу создать этот барьер. Его черты обострились, пот градом катился по лицу и шее. Рука, державшая палку, дрожала, а тело сотрясалось в конвульсиях от силы, которой ему приходилось управлять. Инстинктивно Риган чувствовала, что и магические, и физические силы старика вот-вот иссякнут. Но все, что она могла делать, это беспомощно наблюдать. Теперь уже сомнений быть не могло, жуки направлены против Мориаса, оставалось молить бога, чтобы они не причинили ему вреда.

— Мориас! — воскликнула она.

Скоро силы старика иссякнут, и жуки уничтожат его.

Он повернул к ней бледное лицо.

— Я все равно выстою, — выдохнул он. — Теперь ты видишь? Он сделал это...

Как будто почувствовав, что он намеревается назвать имя их хозяина, насекомые зажужжали еще громче и ринулись на Мориаса, так как его силы, а вместе с ними и барьер стали ослабевать.

— ...это Джал. Он твой...

Раздался резкий звук, похожий на взрыв, и Мориас исчез. А рой жуков упал на пол, словно старое тряпье, покрыв каменные плиты и ковры двигающимся жужжащим слоем. Риган взвизгнула и вскочила на кровати во весь рост. Она стала хватать простыни, покрывала и заворачиваться в них, отчаянно пытаясь таким образом спрятаться от кошмара.

— Леди Риган!

В дверях стоял Джал с выражением искреннего беспокойства на лице. Но стоило ему только взглянуть, как шевелящаяся масса жуков исчезла в мягком зеленом свете, оставив после себя ядовитый запах серы.

Риган почувствовала, как ее стала бить дрожь, и она опять села на кровать, прижав подбородок к коленям, округлившимися от ужаса глазами глядя на недавнее поле боя. Ее руки судорожно двигались, подтыкая под ноги простыни, а глаза то и дело перебегали из одного конца комнаты в другой в поисках оставшихся насекомых.

Вслед за Джалом в комнату вбежали два ее стражника и одна из служанок, разбуженные криками своей хозяйки. Они

появились позже Джала, слишком поздно, чтобы увидеть загадочных существ.

— С леди все в порядке, — заявил Джал. — Ей просто приснился кошмар. Служанка пусть принесет хозяйке теплое питье. Остальные свободны. Я позабочусь о леди Риган.

Стражники тут же ретировались. Через несколько мгновений после исчезновения Мориаса и необычных агрессоров Риган осталась наедине с Джалом.

Джал сел рядом с Риган и взял ее за руку. Прикосновение было холодным. Он поглаживал пальцы скользящим движением.

— Ты ведь видел их, Джал, правда? — прошептала девушка.

Он кивнул, пристально глядя ей в глаза, замыкая ее взгляд в своем, отчего Риган показалось, что вся остальная комната исчезла во мраке и весь мир сосредоточился только в лице Джала. В его красивом лице...

— Послушай, Риган... — Он говорил мягко и тихо. Девушка почувствовала, как постепенно стали исчезать истерические спазмы. — Иногда наши страхи приобретают реальные формы. Ты, должно быть, очень устала...

...это Джал. Он твой...

Мой кто? — подумала она.

Джал продолжал гладить ее руку. Его прикосновения становились все более теплыми, словно до этого момента он прятал свое тепло. И надо сказать, чувство это было довольно приятным.

— Нет, — сказала Риган. — Мои страхи... мои страхи...

Она потеряла нить рассуждений, почувствовав, как дыхание замедляется. Джал быстро избавил ее от малодушного ужаса и привел в состояние обычного беспокойства. Слишком быстро ему удалось это сделать. Он нахмурился, но то было притворное недовольство, с каким обычно воспитывают маленьких детей.

— Все это не имеет никакого значения, — сказал он. — Никакого значения.

Теперь он уже улыбался.

Риган уставилась на него. Что-то вроде молчаливого крика стало подниматься внутри нее. Ощущения были такими, будто она тонула, совершенно беспомощная. Ей вдруг захотелось, чтобы Джал ее поцеловал. Риган почти чувствовала теплое прикосновение его поцелуя на своих губах. Но она знала, что он не станет этого делать...

...это Джал. Он твой...

Она почти спала, чувствуя, как закрываются глаза.

— Джал?

— Что?

— Ты останешься?

Он все-таки поцеловал ее, но братским поцелуем в лоб. Согласие... и что-то еще, что-то непонятное. Опять мысль ускользнула от нее.

— Конечно, я останусь, — сказал он.

ГЛАВА 11

Все оказалось достаточно просто. Талискер и Сандро уже перебежали половину декоративной лужайки, скрываясь в тени странных очертаний крон тисов, когда Сандро окликнул друга с того места, где стоял.

— Дункан, — прошептал он хрипло. — Взгляни-ка на крышу.

Талискер посмотрел, куда указывал Сандро. Сначала ему показалось, что там нет ничего необычного. Очертания старой, покрытой шифером крыши выглядели просто как более темная клякса на фоне хмурого неба. Но потом до него дошло, что Сандро имел в виду. Через каждые несколько футов листы шифера в казалось бы сплошном покрытии деформировались, крепления ослабли, и образовались небольшие щели на стыках. Днем они были незаметны, но сейчас, когда на чердаке горел свет, он проникал в них и был виден с улицы.

— Возможно, это ничего и не значит, — прошептал в ответ Талискер, не желая лишать себя надежды. — Может быть, у них там, как это называется... голубятня.

Как и многие другие слова современного мира, это прозвучало странно для уха Талискера, заставляя желать скорейшего возвращения в простой, наивный мир Сутры.

— Если бы у них там была голубятня, они бы заделали крышу, — настаивал на своем Сандро. — Пошли.

— Хотелось бы мне иметь при себе свой меч, — пробормотал Талискер.

Тристан на чердаке дрожал от мучительного холода. Около его ног горел походный газовый фонарь. Газ производил тихое, но действующее на нервы шипение, которому молодой житель Сутры не доверял, и ему оно очень не нравилось. Одеяло, принесенное Ноксом, пахло сыростью и плесенью, как и весь чердак, но Тристан плотно завернулся в него. Он чувствовал, что у него начинается лихорадка. Тристану это состояние было знакомо с детства, и он сразу узнал неприятный жар, от которого по позвоночнику потекли холодные ручейки пота. В холоде чердака это чувство сначала показалось ему почти приятным, если не считать,

что здесь не было никого, кто мог бы за ним ухаживать и заботиться, если горячка усилится и начнется бред.

Тристан в панике осмотрел чердак, гадая, что с ним теперь будет, и жалея, что до сих пор жив. Потом болезнь взяла свое, и он закрыл глаза.

Его разбудил звук, раздавшийся где-то у дальней стены. Тристан опять открыл глаза и почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Звук был такой, будто кто-то скребся за стеной, карабкаясь наверх. Каждые несколько секунд звук повторялся, словно незнакомец терял опору и сползал вниз. Первой мыслью Тристана было, что это скоор, и он стал осматриваться в поисках подходящего оружия, чтобы защитить себя, не сомневаясь, что чудовище пришло за ним. Ему удалось отыскать гаечный ключ около бака с водой, и юноша стал сбоку от металлического слухового окна, через которое, как ему показалось, чудовище собиралось проникнуть на чердак. Несмотря на то что в комнате было очень холодно, Тристан был весь в поту из-за лихорадки, но он стоял с гаечным ключом в дрожащей руке, чувствуя себя очень больным. Снаружи раздался еще один тихий звук, который Тристан сразу узнал, это был скрежещущий, металлический скрип. Незнакомец открыл щеколду, и окно сразу распахнулось.

— Думаю, ты был прав.

Струя ледяного, морозного воздуха принесла чьи-то слова. И немедленно вслед за ними появился силуэт, слава богу, человеческий, который с трудом пытался протиснуться в узкое пространство окна. Тристан отошел назад, думая, что глаза подводят его и что он или спит, или бредит. Фигура была одета в просторную черную одежду, на голове у нее был странный головной убор из шерсти с прорезями для глаз, все остальное лицо было скрыто под ним. С проклятиями незнакомец тяжело рухнул на пол, вслед за ним немедленно последовал второй, одетый подобным же образом. Тристан понимал, что должен был бы воспользоваться преимуществом, пока эти люди не сориентировались на чердаке и в растерянности его осматривали, щурясь от света лампы. И все-таки он не ударил, что-то в силуэтах показалось ему очень знакомым...

Трис встретился взглядом с первым человеком, и в этот момент его скрутил приступ тошноты. Он закачался и уронил гаечный ключ.

— Трис? Трис, это я... мы...

Тристан застонал в ответ, чувство реальности покинуло его, так как лихорадка все-таки взяла верх. Жар проник в его глаза, и ему казалось, что в глазницах горит огонь. Он быстро моргал, пытаясь ответить. Голос юноши был похож на голос слабого ребенка.

— Я... не знаю...

Человек шагнул вперед и стянул с лица маску.

— Это я, Тристан, Талискер...

— Отец? — Юноша смотрел на него, стараясь разглядеть странное видение, прежде чем сознание покинет его. — Нет, это не можешь быть ты...

— Дункан.

Второй человек также снял маску, хотя и в этом случае было невозможно поверить своим глазам, но Тристан видел его недавно и более отчетливо помнил его черты, чем позабывшееся за годы лицо отца.

— Сеаннах?

— Да, Тристан, — улыбнулся человек. — Дункан, ты не забыл, что произошло с нашим возрастом? Трис думает, что нам по шестьдесят лет.

Трис кивнул, пытаясь преодолеть очередной приступ лихорадки.

— Да, — согласился он, — шестьдесят.

Талискер выглядел совершенно несчастным, возможно, он воображал себе другую встречу.

— Почему он вообще должен помнить? — заметил он горько. — Сколько бы мне ни было лет, он не видел меня очень давно. Трис! — Дункан сделал шаг к сыну. — Беатрис с нами. Мы пришли, чтобы...

Тристан потерял сознание, и последнее ощущение было, что Талискер подхватил его на руки. Отец прижал юношу к груди.

— Тристан не узнал меня, Сандро.

— Он болен, Дункан.

— Я знаю, знаю, — печально согласился Талискер. — Но он должен был меня узнать. — Глядя на сына, Дункан от всей души желал, чтобы все произошло не так и у него была возможность повернуть время вспять и все изменить. — Мы пришли, чтобы вернуть тебя домой, Тристан, — прошептал он.

Когда они покидали чердак, пошел дождь. Шум воды, стучащей по шиферу и стекающей по старинным стокам, был на удивление громким. Дождевая вода стала проникать через щели в крыше и стекать на пол.

— Тебе не кажется, что людям, ожидающим потопа, следовало бы лучше заботиться о своем доме? — заметил Талискер.

Он нес на спине почти потерявшего сознание Тристана.

— Они не считают, что будут здесь, когда придет Конец Света. Бог должен их забрать до того, как это случится. Они верят в Вознесение.

— Не совсем понятно только, как тот факт, что они заручаются поддержкой скоора и воруют людей, вписывается в их сценарий? — хмуро поинтересовался Талискер. — Во что только люди не верят, а?

Сандро пожал плечами, приготовившись вылезать в окно.

— Мне лично не кажутся чем-то неразумным святые, ангелы, чудеса... Это все составляющие веры. Понимаешь, Дункан?

— Да, но... давай это обсудим немного позже.

Сандро в ответ усмехнулся, прежде чем исчез из виду.

«Он получает от всего этого удовольствие, — подумал Дункан. — Это прежний Сандро».

— Держись крепче, сынок, — инструктировал он Триса.

Они поползли вниз. Пока дело касалось небольшого по протяжению отрезка крыши, все шло достаточно легко. Но вот идти по пожарной лестнице с грузом на спине, да еще по ставшим скользкими ступенькам, оказалось намного сложнее. Талискер пропустил одну ступеньку и упал с нескольких футов. Правда, ему удалось приземлиться на один бок и избежать повреждений у сына. К счастью, дождь и холод привели Тристана в чувство, и он смог с помощью отца спуститься сам по железным ступенькам пожарной лестницы.

— Пошли... — Нетерпеливый шепот Сандро был едва слышен сквозь шум дождя, который становился настоящим потопом. Даже Дети сочли бы это уместным замечанием.

— Пошли скорее, Трис. Здесь недалеко, — сказал Талискер. — Там стоит машина Беа.

Они стали пересекать лужайку. Сандро впереди, за ним гораздо медленнее двигался Талискер, поддерживая Тристана. А так как голова сына находилась где-то на уровне его груди, задача была не из легких. Талискер услышал, что его окликнул Сандро. Голос был встревоженным.

— Трис, оставайся здесь, пока я не позову тебя, — предупредил он.

Сандро опять позвал его, теперь он почти кричал. И как только Талискер поравнялся с другом, он громко выругался. Перед ними находились два скоора. К несчастью, и Тристан, и Сандро были безоружны.

— О господи! — Сандро повернулся и бросился бежать, прежде чем Талискер успел отреагировать. — Дункан, уходи! У нас нет...

Раздался слабый, сдавленный звук, так как первый скоор догнал его и схватил передними лапами, перегнув, как резиновую куклу. Талискер замер на несколько секунд, онемев от ужаса. Раздался звук, вызванный ударом жала скоора по спине Сандро.

— Дункан!

Тело Сандро было вывернуто дугой в лапах чудовища, а его крик был полон страдания и боли. Придя в себя, Талискер бросился бежать к тисам. Ноги скользили и цеплялись за мокрую траву. За спиной сквозь шум дождя был слышен звук крыльев скоора. Он подгонял Талискера. Как оказалось, чудовищу было трудно лететь между деревьями. Шум крыльев становился все громче

и уже был похож на работающий двигатель самолета. Талискер стал петлять между деревьями, пытаясь замедлить полет скоора, но через пару минут заметил, что сам потерял ориентацию. У него не было возможности окликнуть Сандро или Тристана, не привлекая внимания скооров.

Дункан остановился под деревом, подстриженным в виде мельницы, чтобы немного передохнуть. Восстановив дыхание, он стал прислушиваться к шуму крыльев скооров, пытавшихся сократить расстояние. Но потом вдруг все стихло, остался только шум дождя. Должно быть, скооры опустились на землю. Страшно было себе представить, как эти ужасные чудовища снуют по лужайке, ведь кроме того, что они представали перед вами в виде насекомых, в них еще было что-то человеческое. В доме было все так же тихо, ни огонька, ни звука. Только дождь и гнетущая тишина, скрывавшая много тайн.

Оглядевшись вокруг, Талискер обнаружил, что находится почти на том самом месте, где оставил Тристана, только немного правее. Значит, сын должен был быть слева от него где-то через три дерева. Но самое главное, он вдруг заметил, что неподалеку кто-то оставил ящик с инструментами. Холодный лунный свет отражался от острого лезвия секатора, этот блеск заставил Талискера усмехнуться.

Рванув вперед, он побежал к тележке, которая находилась в сотне ярдов от него. Дункан догадывался, что скооры ждут, когда человек сдвинется с места, и оказался прав. Как только он оставил свое укрытие в черной тени деревьев, они тут же опять поднялись в воздух. Но Талискер, не оглядываясь, бежал вперед. Уже почти достигнув цели и протянув руку, чтобы схватить инструмент, он поскользнулся и через мгновение лежал, дыша в холодную мокрую траву.

— Нет, — простонал Дункан.

Быстро вскочив на ноги, он осознал, что шум крыльев скооров становится все ближе и ближе и что его спина полностью беззащитна перед их когтями, буквально просится в объятия странных рук гигантского насекомого. Силой воли он преодолел страх.

Вперед! Вперед!

Слово пришло ниоткуда и засело в его мозгу. Оно было простое, не имеющее особого смысла, но его оказалось достаточно, чтобы унять животный страх и учащенное сердцебиение. Скооры приближались. Шум их крыльев становился все громче, уже прямо за его спиной они заставляли дождевые капли разлетаться в стороны. В тот момент, когда Талискер достиг тележки, шум стал еще громче. Времени выбрать подходящее оружие у него не было, поэтому одним движением он бросил тело вперед, снова чуть не упал, схватил первую попавшуюся ручку, развернулся и ударил.

Это оказалась коса. Первый скоор словно раздвоился. Когда до Талискера дошло, что случилось, он покрепче взялся за рукоятку и распорол туловище второго скоора прямо до пластины на груди. Тот упал на спину, дергая конечностями и беспомощно открывая пасть, из которой не вырывалось ни звука. Осознав свое преимущество и почувствовав что-то вроде сострадания к незавидному положению монстра, Талискер подошел к скоору и обезглавил его третьим ударом. В ночи воцарилась полная тишина, а Талискер стоял и долго смотрел на тела своих врагов, а потом на окровавленную косу.

— Вот так, — прошептал он.

— Папа, — раздался хриплый шепот где-то впереди.

Прежде чем отправиться к сыну, Талискер еще раз оглянулся на скооров, но они исчезли. Не было ни вспышек, ни дыма. Они просто исчезли.

Тристан уже шел к Сандро, который лежал лицом в грязи на том самом месте, где его бросил скоор. Он пытался перевернуть сеаннаха, но не мог справиться с весом крупного мужчины.

— Нет, нет, — выдохнул Талискер. — Я сам... Сандро, ответь мне, Сандро...

Он встал возле друга на колени и легко перевернул его. С огромным облегчением Дункан заметил, что глаза сицилийца моргнули, когда тот попытался прийти в себя. Обхватив друга за талию, Талискер увидел на его спине огромную опухоль, от которой исходил сильный жар.

— Слава богу, жив! — пробормотал он. — Трис, ты можешь сейчас идти сам?

Тот кивнул. Холодный воздух несколько взбодрил юношу, хотя он до сих пор чувствовал слабость.

— Пошли, Сандро. — Талискер встал, покачиваясь, подняв на руки безжизненное тело друга. — Вперед.

Они прошли через ворота к машине, в которой их с нетерпением ждала Беа, пытаясь разглядеть сквозь дождь хоть что-нибудь.

— Тристан! Спасибо тебе, господи! — засмеялась она. Но улыбка увяла на губах, как только Беа увидела Талискера. — Что случилось? В него кто-нибудь выстрелил? Он жив? О мой бог...

— Беа, перестань причитать и помоги мне положить его, — приказал Талискер.

Однако, поскольку машина была трехдверной, это было легче сказать, чем сделать. Потребовались усилия всех троих, чтобы поместить Сандро на заднее сиденье рядом с Трисом. Беа завела мотор, и машина неохотно вернулась к жизни. Талискер, весь промокший, дрожащий от возбуждения, разразился хриплым, обессиленным хохотом.

— Над чем ты смеешься? — нахмурилась Беа.

— Машина произвела шума больше, чем мы за всю ночь. А ведь мы убили двух скооров.

— Прости, — фыркнула она, слегка обиженная его замечанием.

— Извини, Беа, я ничего такого не имел в виду. Просто, когда побываешь в такой переделке, нервы не выдерживают. Не обращай внимания...

Она вздохнула:

— Похоже, у нас на заднем сиденье два инвалида.

— Да.

— А что это на тебе за голубые пятна?

— Кровь скооров.

— О господи, хорошо еще, что их было только два. Дункан, ты уверен, что с ними все будет в порядке?

Талискер оглянулся назад на своего сына и Сандро. Трис спал.

— Мне кажется, у мальчика лихорадка. Когда он был ребенком, с ним такое постоянно случалось. А Сандро... я не знаю.

— Ты имеешь в виду, он может умереть?

Голос Беа зазвенел от тревоги.

— Это возможно, Беа. Мне очень жаль. — Талискер стал смотреть на темные улицы за окном, чувствуя, что она будет смущена, если он заметит ее реакцию. — Ты любишь его, ведь правда? Тебе, наверное, было тяжело, когда мы исчезли?

Беатрис пожала плечами, не зная, что ответить. Но когда заговорила, в ее голосе звучали слезы.

— Да, да, так оно и было! Но Сандро никогда мне не принадлежал. Ты знаешь о Диане?

— Диана? — Он покачал головой. — Думаю, за это время многое изменилось. Ведь мы ушли на двадцать пять лет. Он прожил без нее целую жизнь. Мне кажется, Сандро тоже тебя любит, хотя не совсем еще понимает это. Ты была первым человеком, о котором он подумал, когда мы вернулись. — Талискер опять посмотрел на Сандро и вздохнул. — Полагаю, у вас хорошие шансы на будущее... если он выживет.

Риган проснулась с первыми лучами рассвета, проникшими через окно в ее комнату. Воспоминания о предыдущей ночи были смутными, неясными. Девушка знала, что видела кошмарный сон... что-то, касающееся жуков. Перед глазами вдруг ясно предстала картина — ползающие по полу полчища насекомых. Она ахнула и стала оглядывать спальню в поисках ответа. Но в тусклых лучах света не смогла разглядеть ничего необычного. И все-таки у девушки было странное ощущение, что ночью произошли важные события, хотя в ее памяти остался провал, такой же серый, как небо за окном, покрытое тяжелыми, темными тучами.

Не склонная к инертности ни физически, ни духовно, Риган быстро оделась в самую свою теплую одежду без помощи служанки. Необходимо было выйти на свежий воздух и в одиночестве подумать.

Сулис Мор был погружен в сон. Не спали только слуги, работающие в кухне замка, да торговцы на рынках прогоняли своей суетой последние признаки ночи. Хотя, возможно, из-за пасмурной, серой погоды, влияющей на настроение людей, они работали молча. Никто не переговаривался друг с другом и даже не насвистывал. Риган нахмурилась, ей была неприятна эта тишина. Она выскользнула из города через потайную калитку, которую они с Тристаном обнаружили еще в первые годы правления, и решила пройтись через небольшой клочок леса, примыкающий к северной стене города. Выше леса простирались пустые пространства Бэдлэнда, где двадцать пять лет назад происходили битвы за Сулис Мор. Трис заметил, что земля в этом месте настолько пропитана кровью воинов, что здесь стал расти лес, тогда как раньше было пустынно.

Действительно, атмосфера в небольшом туннеле из деревьев навевала меланхолию. Риган по характеру была более прагматичной, поэтому не сомневалась, что это Ибистер велела посадить здесь деревья в память о погибших воинах, хотя упоминаний об этом в бумагах бывшей правительницы она не нашла. Сегодня оголенные ветви деревьев тянулись в зимнее небо как будто в безмолвной мольбе. Тропинки между деревьями не было, и Риган бесцельно брела между ними, рассеянно размышляя о том, что произошло ночью. Воспоминания были смутными, да и то только те отрывки, которые ей подкидывала услужливая память. Основное же мучительно ускользало от сознания, как иногда происходит со снами при пробуждении.

Движение высоко в кроне деревьев привлекло внимание Риган, вызвав сильную тревогу. Она не сомневалась, что знает, кто там. Птица. Большая черная птица, ворон или ворона. Риган застыла на месте, вцепившись руками в нижние ветви дерева, которые секунду назад пыталась отвести в сторону, чтобы расчистить себе проход. Она долго и напряженно смотрела на птицу, а та, не имея опыта общения с людьми, также уставилась на девушку, склонив голову под странным углом, как умеют делать только пернатые. Несмотря на холодную погоду, Риган почувствовала, что у нее на лбу выступил пот. Она не могла двигаться под взглядом вороны, как будто от этого зависела ее жизнь. Надо было решить, что делать дальше: или заставить птицу улететь, несмотря на то что Риган ужасно боялась именно их полета, а шума крыльев еще больше, или вернуться назад в город.

— Нет, — прошептала она. — Я боюсь не...

Девушка нахмурилась, вдруг вспомнив что-то. Ее обрадовало, что это отвлекло внимание от вороны.

— Я боюсь не насекомых.

Вот что ей следовало сказать Джалу прошлой ночью. Он сидел рядом с ней на кровати, когда она засыпала. Риган вспомнилось выражение его лица. Тяжелый взгляд, хотя и полный заботы. Его губы двигались, когда Джал пытался успокоить ее, но она не могла разобрать ни слова. Риган хотела ему сказать, что это не могло быть ночным кошмаром, потому что она не боялась насекомых, в этом не было никакого смысла...

...И в том, что пришел Мориас, тоже не было смысла. Как только эта мысль созрела в ее мозгу, подсознание открыло дверцу, и Риган вспомнила все, до мельчайших подробностей. Каждое слово, сказанное стариком. Все, что случилось потом. С необыкновенной ясностью она увидела, как Джал вошел к ней в комнату раньше стражников и слуг, что было невозможно, если только он не находился рядом с ее дверью, когда Риган закричала и разбудила всех. Он пришел убедиться, что со стариком покончено и что тот замолчал прежде, чем успел сказать Риган, зачем появился. Но ему это не удалось.

...это Джал. Он твой...

Вдруг Риган услышала странный звук, какой-то сдавленный хриплый шум, и поняла, что издает его сама. Она была сильной женщиной, и прошли годы с тех пор, когда ей в последний раз приходилось издавать подобные звуки. Риган плакала не как женщина, тихими, нежными слезами, а рыдала громко, отчаянно, от чего сотрясалось все ее тело. Потому что теперь она понимала, но не то, что Мориас хотел предупредить о враждебности и опасности Джала, а то, что она любит его. Это было болезненное прозрение. Несмотря на тот факт, что Джал всегда был для нее загадкой, а может быть, именно из-за этого, Риган страстно была в него влюблена.

Девушка почувствовала, что ей не хватает воздуха, и тяжело опустилась на покрытый снегом пенек. Стараясь успокоиться, Риган прислушивалась к своему прерывистому дыханию. Закрыв глаза, она спрятала лицо в руках, чтобы приглушить голос отчаяния. Но все эти долгие минуты рядом с ней был Джал. Его лицо, полное противоречий, ласковые, но в то же время требовательные и умные глаза. Татуировка на скуле, о которой он сказал, что она символизирует бесконечность. Как много времени прошло с тех пор, как он впервые появился в Сулис Море. И все это время он помогал ей. Джал был единственным человеком, кто, казалось, понимал ее неприязнь к сидам. Сейчас Риган понимала, что она желала его с того момента, когда впервые увидела.

Но он был изменником. А изменника ждет смерть.

— Этого не может быть. Я не могу умереть здесь.

Голос Сандро, слабый, угасающий, опровергал сказанное им.

Талискер наклонил голову поближе к лицу друга, чтобы услышать шепот.

— Прости, Сандро.

Лицо Талискера было усталым и печальным. Он все еще был в черной одежде, в которой провел предыдущую ночь, и знал, что она вся пропиталась потом, но ведь он всю ночь провел у постели Сандро. Тристан спал, избавившись от лихорадки. Он принял первую в своей жизни таблетку аспирина, которая помогла его организму, никогда раньше не знавшему химии, самым чудодейственным образом.

Беа тоже спала. Но ее борьба с усталостью закончилась после того, как она выпила полбутылки джина. Талискер не стал ничего говорить, но вспомнил своего отца, который был горьким пьяницей, так что ему ничего не стоило определить любителя выпить на глаз. Беатрис ухватилась за свой залапанный стакан, будто это вопрос жизни или смерти. Хотя при нынешних обстоятельствах, возможно, так оно и было. Беа тоже не хотела оставлять Сандро одного, но была переполнена горем при виде страданий умирающего друга. Для нее это было непереносимо. Талискер подумал: какая ирония судьбы, сегодня вернуться в свою молодость, а на следующий день умирать. Для Беа было бы гораздо лучше, если бы они никогда не возвращались, тогда по крайней мере у нее оставалась бы надежда.

В том месте, куда скоор ужалил Сандро, стали происходить странные превращения. Вокруг раны кожа на спине и груди стала менять цвет и текстуру, становясь темно-синей и более плотной, образуя хрупкий хитиновый слой. Изменения медленно поднимались к груди и опускались ниже, к бедрам. Талискер заметил это, когда Сандро в горячке сорвал с себя рубашку час или два назад, но у него не было уверенности, что его друг сознавал, какие изменения с ним происходят.

За все эти годы Талискеру пришлось потерять немало дорогих его сердцу людей. Но неизбежность ухода Сандро казалась непереносимой. Неизменными остались между ними неразделимая связь, связывавшая их долгие годы, взлеты и падения в их дружбе, совсем не похожие на другие отношения. В долгие предрассветные часы мужчины часто вспоминали, как им пришлось трансформироваться в одного человека, чтобы победить Корвуса. Правда, их было тогда трое: он, Сандро и Малки.

— Ты думал, что он придет, правда? Думал, что он по крайней мере появится, раз я умираю?

Талискер угрюмо смотрел в лицо Сандро. Он знал, кого имеет в виду его друг. Интересно, неужели он читает мысли?

— Да... — согласился он.

— Дункан, я хочу тебе кое-что сказать... — Сандро мучительно пытался сесть прямо, но Талискер, вместо того чтобы помочь ему, почему-то почувствовал легкое раздражение.

— Сандро, я клянусь тебе. Не знаю, найдется ли мне оправдание, но, если тебе будет невмоготу, я обещаю, что... убью тебя сам.

Сандро хрипло рассмеялся, у него пересохло горло. Когда он откинул волосы со лба, Талискер заметил тонкий голубой след под кожей, поднимающийся вверх, и отвел глаза, будучи не в силах смотреть на это.

— Прости меня, Сандро. — Он попытался засмеяться. — Давай я тебе налью выпить.

— Нет-нет, со мной все в порядке...

Сандро отбросил покрывало и с выражением ужаса на лице уставился на свое тело. Его талия превратилась в нечто совершенно чужеродное, похожее на тело осы или стрекозы.

— Тебе... больно?

Талискер нахмурился, задав такой глупый вопрос.

Какое-то мгновение Сандро ничего не отвечал, но когда он опять посмотрел на Дункана, его лицо было искажено страхом.

— Дункан... когда гусеницы становятся бабочками, они сначала делают кокон... — Он замолчал, оставив конец фразы недосказанным, потому что у него не было слов, чтобы описать свои чувства. Сандро закрыл глаза, и Талискеру показалось на какое-то мгновение, что он опять уснул, но вдруг опять раздался низкий, наполненный страданием голос: — Они становятся мягкими внутри, так?

— Перестань, Сандро. Не надо об этом говорить.

— Оттого, что это отвратительно слушать, правдой оно не перестает быть.

Сандро, казалось, впал в забытье, что было благословением в том состоянии, в котором он находился.

— Что ты собирался мне сказать, Сандро? — пробормотал Талискер.

Он с отсутствующим видом взял друга за руку, она была ледяной, несмотря на то что в доме было очень жарко.

— Это неправильно... умирать здесь, — через минуту опять заговорил Сандро. Его глаза открылись, и он невероятным усилием попытался сфокусировать свой взгляд на Талискере. — Моя смерть... должна принадлежать Сутре.

— Да, ты прав, — согласился Талискер.

Но на этом силы сеаннаха иссякли. Он опять упал на подушки. Его лицо было мертвенно-бледным на фоне розовых и сиреневых цветов на наволочках. На сей раз ему не удалось вернуть себе сознание, и Талискеру представилась возможность повнимательнее рассмотреть грудь Сандро, высоко вздымавшуюся, так как он часто и глубоко дышал. Талискер снял с шеи мешочек с камнем, в котором была заточена смерть друга, и долго смотрел на него. Сандро прав, Талискер держит в руках его смерть, но это смерть в Сутре, а не в Эдинбурге...

— Что происходит?

Беа стояла в дверях своей комнаты. Надо сказать, что после двух часов сна лучше выглядеть она не стала. На ней был пушистый оранжевый халат, а длинные густые волосы рассыпались по плечам. Глаза все еще были красными и опухшими от слез.

Талискер вздохнул:

— Мне кажется, мы его теряем, Беа.

Как только Дункан позволил себе произнести эти слова, до него дошло, насколько ему тяжело расставаться с Сандро. Сандро еще с тех пор, как они были мальчишками, обладал уверенностью в себе, особой притягательностью, решительностью и чувством собственного достоинства. Все эти качества полностью раскрылись в Сутре, где Мориас назвал его сеаннахом. Сандро был полной противоположностью Малки, но он тоже герой. Его, Дункана, герой, если быть честным...

Талискер понял, что беззвучно плачет, и опустил голову, сжав в кулаке мешочек с камнем.

— Что это такое? — спросила Беа и села на свободный стул у изголовья кушетки.

Она, видимо, не знала, что сказать, и мучительно искала какую-нибудь тему, чтобы отвлечь его. Талискер, запинаясь, рассказал Беатрис все, что касалось камня, в котором содержалась смерть Сандро, ожидая язвительного скептицизма с ее стороны. Он забыл, что исповедовался перед другой Беа, полностью изменившейся.

— Можно я посмотрю? — попросила она, когда Сандро закончил. Он достал камень из мешочка и положил ей в ладонь. Беа пристально рассматривала его, но не нашла никаких признаков, указывающих на мистическое происхождение. — А как... — начала она, но потом замолчала, никак не находя слов, чтобы сформулировать свою идею. — Послушай, а что будет, если мы дадим его подержать Сандро?

— Он умрет, — угрюмо ответил Талискер. — Это будет та самая смерть, от которой его избавил Мориас, — мучительная агония.

— А что, если он уже умер? — настаивала Беа. — Дункан, скажи мне правду, он не умер?

Талискер долго смотрел на безжизненное тело друга. Странная голубая тень дошла уже до предплечий. Голубая дорожка протянулась по шее и словно голубым пламенем коснулась его щек. Дыхание Сандро было поверхностным. Талискеру приходилось видеть немало смертей за свою жизнь в Сутре, и он знал, что смерть совсем рядом с его другом.

— Я не знаю, — допустил он. — Скорее всего его смерть была бы не мирной, а ужасной и мучительной.

— Ну а если предположить, что одна смерть погасит другую? Вдруг мы можем спасти его, Дункан, вдруг у нас получится...

— Нет, не получится...

Талискер ожидал какого-нибудь ответа на свои слова, когда же его не последовало, он поднял глаза, чтобы посмотреть на Беа, как раз вовремя, чтобы заметить, что она решила взять все в свои руки. Девушка направилась к Сандро, явно намереваясь положить камень ему на грудь.

— Нет! — Рука Талискера перехватила кулак Беа. — Ты понимаешь, что делаешь? — закричал он. — Разве он не заслужил спокойной смерти?

Беа ахнула, из ее глаз потекли слезы.

— Ты чуть не сломал мне руку, — огрызнулась она. — Пусти меня.

— Он мой друг, Беа. Дай ему спокойно уйти.

— Нет.

Талискер стал выворачивать руку Беа, пытаясь разжать ее пальцы.

— Нет, Дункан, — взмолилась она. — Он вообще не заслуживает смерти.

Последовала короткая борьба, которую, никто из них не сомневался, должен был выиграть Талискер. Хотя он не хотел причинить девушке боль, для него было невозможно представить себе, что он своими руками вернет Сандро смерть, от которой его избавил Мориас. Она просто не имеет представления, как может выглядеть такая смерть...

— Что происходит?

В дверях спальни стоял, щуря глаза, Тристан. Увидев их борьбу, он очень смутился. Отвлекшись на минуту от Беа, Талискер повернулся к сыну.

— Это не то, что ты...

Улучив момент, Беа оттолкнула его руку и бросила камень на грудь Сандро.

— Нет! — закричал Талискер.

Он оттолкнул Беа в сторону, чтобы схватить камень, упавший между ребрами Сандро. Но было уже слишком поздно. От камня распространилось яркое сияние, и он исчез из виду, растаяв на поверхности кожи.

— Что ты наделала! — с расширившимися от ужаса глазами прошептал Талискер.

Беа, чьи руки были погружены в волосы на груди Сандро в попытке отыскать камень и выбросить его, застыла, уставившись на лучи пурпурного света, разливавшиеся из отверстия в коже Сандро и распространявшиеся по его изменившемуся телу, образуя светящуюся паутину...

Крик застрял у Беа в горле, когда она поняла, чему дала толчок.

— Он заслуживает шанса, — прошептала она.

Все взгляды были сосредоточены на Сандро, но лицо Талискера искажала бессильная ярость.

В комнате царила абсолютная тишина. Талискер, Беа и Тристан стояли неподвижно, наблюдая, как сверкающие красные лучи вьют паутину вокруг безжизненного тела Сандро. В движении лучей было что-то осторожное, заранее запланированное, как будто, выйдя на свободу из камня, они выполняют свою задачу так, как им было приказано Мориасом. Когда Сандро весь покрылся паутиной, движение остановилось, паутина была завершена. Наблюдатели затаили дыхание, Беа и Талискер опять опустились на свои сиденья, теперь уже не в силах продолжать спор.

Вдруг Сандро, лежавший с закрытыми глазами, начал громко кричать. Это продолжалось очень долго. Звук, в котором не было ничего человеческого, казалось, невозможно было перенести. Его тело извивалось в конвульсиях от боли, причиняемой невидимым мучителем. Черты лица превратились в маску страдания, на уголках губ выступила пена.

Беа схватила подушку со стула и рыдала в нее, не смея даже поднять глаз на Талискера. Побледневший Тристан стоял как вкопанный. Дункан отошел в дальний конец комнаты, словно надеясь, что там сможет укрыться от этих звуков.

— Черт тебя побери, Беа! — закричал он. — Что ты наделала?

Он ударил кулаком по кухонной двери, и она стукнулась о стену со звуком, похожим на пистолетный выстрел, а сам Талискер прижался лбом к косяку. Беа не отвечала, продолжая рыдать в подушку.

— Вы видите, как он страдает?

Замечание Тристана, казалось, не было ни к кому обращено. И долгое время ни Беа, ни Талискер не понимали, что он намеревается делать. Только когда Тристан приблизился к все еще кричащему Сандро и потянулся рукой к поясу, Талискер обратил на него внимание.

— Тристан! Нет! — воскликнул он.

В следующую секунду, казалось, разум и сердце Талискера действовали вразнобой. Он побежал назад к кушетке в тот момент, когда Тристан поднял меч, чтобы избавить Сандро от агонии. Разумом он понимал, что сын прав, но даже сейчас не мог ему позволить убить своего друга.

— Пожалуйста, нет, Тристан...

Юноша повернулся к отцу, и того поразила спокойная сила в печальном взгляде сына.

— Ты же понимаешь, отец, что это правильно.

— Ты не можешь этого сделать! — раздался искаженный голос обезумевшей от горя Беа. Ее глаза покраснели от слез. — Скажи ему, Дункан! Скажи ему! Мы не можем этого сделать. Не можем убивать людей. Пожалуйста...

Хотя крики Сандро становились все тише и в конце концов стали совсем беззвучными, так как он надорвал связки,

сомнений быть не могло — ему не пережить такую агонию. Талискер еще раз оглянулся на Беа и опустил руку, которую поднял, чтобы отвести клинок Тристана. Потом еле заметно кивнул ему и закрыл глаза. Тристан вновь поднял свой меч.

Вдруг крики Сандро стихли так же неожиданно, как и начались. Тристан едва успел остановить меч в нескольких сантиметрах от его шеи. Он изумленно ахнул. Лицо Сандро, еще секунду назад искаженное от боли, сейчас излучало только безмятежное спокойствие. Глаза его все еще были закрыты, но черты лица расслабились, а на губах появилась почти блаженная улыбка. Меч Тристана упал на пол, юношу стала бить дрожь от шока, который он только что испытал, осознав, как близок был к убийству Сандро.

— Посмотри, отец, — прошептал он. — Сеаннах жив.

ГЛАВА 12

Риган любила танцевать с тех пор, как была ребенком. Танцы Великих были похожи на контролируемую страсть. Традиционные шаги оставались прежними уже много лет. Кроме этих ограничений, каждый привносил в танцы энергию истинного удовольствия. Риган приказала, чтобы раз в месяц в Сулис Море устраивались балы без всякой причины, причем проходили они не только в замке, весь город должен был танцевать. Она считала, что это полезно и для души, и для тела. Надо заметить, что этот вердикт был одним из самых популярных.

Риган знала, что нынешней ночью все будет гораздо сложнее. Она сидела на троне рядом с пустым стулом, на котором должен был бы сидеть Тристан, символически положив на сиденье свою корону. Риган наблюдала за желающими потанцевать, собравшимися в Большом Зале, ожидая, когда флейтисты, трубачи и барабанщики начнут играть. А пока люди прогуливались по залу в пестром водовороте красок. Женщины в изящных, но просто пошитых платьях, на мужчинах темно-зеленые пледы — цвета клана Сулис Мор.

Большой Зал был также очень красиво украшен гирляндами из вечнозеленых растений, привязанных к балкам на потолке, и сотнями фонариков, которые создавали в зале интимную, теплую обстановку. Тем не менее в городе царило подавленное настроение. Риган удивлялась, что она не замечала этого раньше.

Прежде чем прийти в зал, она долго стояла перед серебряным зеркалом, разглядывая в нем прекрасную женщину. Риган позволила Джалу влиять на все стороны своей жизни. Он

обрабатывал ее последние пять лет. Некоторые могли бы сказать, что Джал превратил их правительницу в ледяную куклу. Риган не была уверена, но ей казалось, что ее лицо ожесточилось, на нем появилось выражение суровой неприступности. Вот что видели все эти люди, когда смотрели на нее. Она понимала, что они уважают ее по ложным причинам, из страха перед ее гневом и из опасения, что правительница накажет их родственников. Риган стала Темной Госпожой, свирепой и мстительной, как в легендах, рассказанных сеаннахами. Теперь немногие из них посещали Сулис Мор. Совсем недавно она санкционировала пытки, казни и в какой-то мере геноцид сидов.

Но сказать, что Риган сожалела об этом, было бы неправильно, потому что именно благодаря этим мерам она стала гордой и сильной. Некоторое сожаление вызывали только несколько фактов, связанных с Джалом. Во-первых, то, что она позволила ему использовать себя в собственных целях, а во-вторых, что по собственному желанию позволила бросить себя в пропасть, вырытую не ею.

И все-таки сердце Риган забилось немного быстрее, когда она окинула взглядом зал и посмотрела в сторону дверей, в которые он должен был войти. Риган изо всех сил сжала ножку своего бокала с вином, впившись ногтями в ладонь, наказывая себя за подобную реакцию. Посмотрев направо, она заметила небольшую группу сидов из клана волков, с которыми у нее днем раньше была назначена аудиенция. Она была уверена, что, появись Джал сейчас в зале, он бы подумал, что Риган затеяла какую-то игру. Ей даже показалось, что она видит выражение холодного презрения на его лице.

На самом деле никакой игры не было. Статус волков хорошо известен. Они придерживались нейтралитета в зловещем конфликте, готовом разразиться между сидами и Великими. Не следует, конечно, путать нейтралитет с преданностью. За спиной сидов стоял высокий мужчина, с безразличным видом привалившийся спиной к стене, почти неразличимый в тени, которую отбрасывали каменные своды арки. Взгляд Риган какое-то время задержался на нем, и мужчина слегка поклонился ей в знак того, что заметил внимание правительницы и признателен ей за это. Его звали Финбар, и он был наемником из дальних южных земель, граничащих с владениями тана Хью.

Вот и Джал. Когда он проходил через зал, несколько танцующих пар расступились, освобождая проход, как будто Джал был чем-то вроде явления природы, например, ветром, который пригибал к земле кусты и ветви деревьев. Нескольким людям Джал вежливо улыбнулся и слегка поклонился. Его взгляд прошелся по залу, прежде чем обратиться к Риган.

Она знала, что он сердится. Когда Джал подошел ближе, Риган увидела, как быстро на виске у него пульсирует

голубая жилка. Через секунду маска любезности исчезла с его лица, и Джал метнул в Риган ледяной взгляд, в котором вряд ли читалось уважение к своей правительнице. Когда он подошел к возвышению, на котором стоял трон, Риган властным жестом протянула ему руку, а Джал опасно долго медлил, прежде чем легко коснуться губами ее пальцев.

— Что-то не так, Джал? — спросила она.

— Нет, миледи, как всегда, ваше сияние поднимает мне настроение.

Его тон полностью опровергал сказанное, и Риган подумала: неужели он догадывается о ее планах? А возможно, читает каждую ее мысль? Тем временем девушка продолжала твердо смотреть на него, гордо вздернув подбородок. Но Джал неожиданно улыбнулся, полностью ее обезоружив.

— Я принес вам подарок, ваша светлость. Могу я вручить его сейчас?

— Конечно, — улыбнулась она в ответ.

Посмотрев вокруг, Риган увидела цветной хоровод танцующих гостей. Громко играла веселая музыка, казалось, они с Джалом могут провести несколько минут наедине, без внимания людей. Риган наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть подарок, абсолютно уверенная в том, что он первый и единственный в его жизни, так как эта ночь будет для Джала последней. И тем не менее она, как всегда в его присутствии, почувствовала необыкновенное волнение, кровь быстрее побежала по венам. *Если эта ночь означает его конец, то это будет концом для нас обоих, потому что мне также придется уйти в тень,* — подумала Риган.

Откровенность мысли удивила девушку, но она сочла ее результатом усталости и напряжения, которые, казалось, витали в воздухе.

Джал протянул ей деревянную коробочку, которую открыл с особой торжественностью. Внутри что-то мягко переливалось в свете свечей. Риган протянула руку, чтобы взять подарок, но вдруг инстинктивно ее отдернула. Это было перо, искусно выполненное из белого золота, с большим бриллиантом у основания. Знал он или нет? Или это просто способ помучить ее?

— Вам не нравится, леди Риган?

На лице Джала было только выражение искреннего разочарования, он вытащил перо из коробочки, чтобы она могла лучше рассмотреть искусную работу мастера. Брошь была так тонко и хитро сделана, что казалось, была такой же легкой, как настоящее перо.

— Я... я... да, Джал, она очень красивая.

— Вы не хотите ее надеть?

Он потянулся вперед, чтобы приколоть брошь к платью, и Риган еще раз чуть не отпрянула, но сделала над собой усилие.

В конце концов, это подделка, перо не настоящее. Его не теряла птица, и оно не использовалось для строительства гнезда.

— Да, — прошептала она.

Какое-то мгновение Риган не могла встретиться с Джалом взглядом, борясь с собой, чтобы не задрожать, когда он прикалывал брошь к ее платью. Как горько, что его последний подарок оказался таким неуместным. Она почувствовала острую боль и поняла, что ее уколола булавка, но, когда подняла глаза, чтобы укорить его за это, Джал наклонился к Риган так близко, что их щеки почти соприкоснулись. Его дыхание было теплым и свежим. В минуту слабости она пожалела, что приказала убить его именно сегодня, ей так захотелось хотя бы раз провести с Джалом ночь и проснуться утром рядом с ним.

— Вы дрожите, — сказал он. — Сегодня у вас вообще какое-то странное настроение. Вы не окажете честь потанцевать со мной?

Риган кивнула, опасаясь разговаривать, чтобы не выдать страх. Джал вывел ее в центр зала, сделав еле заметный знак музыкантам. Музыка замедлилась, стала мягче, в конце концов остались слышны только звуки флейты. Все остальные танцующие пары расступились, позволив им начать медленный вальс. Джал положил руку на талию Риган, и они начали танцевать. Риган казалось, что их шаги — эхо ударов ее сердца. Она смотрела в лицо Джала, эмоции переполняли ее, и она уже была готова заговорить с ним, повести вежливую, учтивую беседу, когда какое-то движение наверху привлекло ее внимание.

Сначала девушка вздрогнула, подумав, что в зал случайно залетела какая-то птица, хотя у нее работали специальные люди, которые следили за тем, чтобы такого никогда не случалось. Но потом немного успокоилась, потому что это было обыкновенное белое перо, которое медленно кружилось в воздухе довольно далеко от того места, где они танцевали. Она стала расслабляться, пока не заметила, что перьев много, сотни и даже тысячи...

Создавалось впечатление, что кто-то рассыпал мешок с ними где-то высоко наверху. Над всем залом шел неслышный белый дождь из перьев. Риган сомлела в руках Джала, дыхание застряло у нее в горле...

— Риган? — спросил он спокойно. — Тебя что-то беспокоит?

— Джал, я...

Она едва могла дышать, сердце билось где-то между ребер. Вокруг продолжали танцевать люди, не обращая внимания на падающие перья, хотя они опускались на их одежду, застревали в волосах, подобно нетающим снежинкам. Риган было непонятно, как они их не видят. Она знала, что перья красивые, по крайней мере так думали остальные люди, но сейчас никто не замечал их странного присутствия. Все просто продолжали танцевать.

Риган же не могла дышать, у нее перехватило горло, в глазах застыли слезы. Она чувствовала, как дыхание с трудом вырывается из груди...

— Риган?

Джал остановился и встряхнул ее за плечо. Лицо его выражало неподдельную заботу. Перья, застрявшие в его темных волосах, при каждом движении срывались с головы и падали дальше, прилипая к рубашке. Когда он взял Риган за плечи, она оказалась слишком близко к нему и запаниковала.

— Нет, нет, пусти меня...

Она знала, что перья упали и на ее волосы, даже почувствовала легкое касание на своем лице. Из горла Риган вдруг вырвался отчаянный крик, больше она не могла этого переносить. Музыканты перестали играть, все остановились и смотрели по сторонам в поисках источника крика. Теперь, задыхаясь от страха и паники, Риган старалась убежать от Джала, но тот по какой-то причине крепко держал ее за плечи.

— Риган, Риган, успокойся. Что с тобой?

Он был с ног до головы покрыт перьями, как будто обсыпан тонким слоем снега. Зал был тоже абсолютно белым, словно в плену какой-то странной зимы.

— Дай мне уйти, Джал. — Он не отпускал ее, и девушка прокричала в его непонимающее, озабоченное лицо: — Дай мне уйти сейчас же!

Ее голос — громкий, истерический — разнесся по залу и достиг ушей стражников, которые приготовились броситься ей на помощь. Джал ослабил хватку, и Риган тут же запустила пальцы себе в волосы, неистово пытаясь освободить их от перьев.

— Уберите их! Уберите их! — рыдала она.

Сочувственный шепот разнесся по залу. Люди решили, что их правительница поражена каким-то внезапным приступом сумасшествия, но никто не двинулся с места, не понимая, от кого ее защищать.

— О господи! — беспомощно застонала она. — Они на моем платье...

Риган стала делать движения рукой, словно пытаясь очистить от них платье, но остановилась, пораженная количеством перьев. Она нерешительно ухватилась за воротник платья, словно собираясь снять его с себя, беспомощно озираясь расширенными от ужаса глазами. Потом бросилась бежать через застывшую в недоумении толпу. Ее отчаянное рыдание отражалось от сводов Большого Зала. Как только Риган выбежала из зала, музыканты быстро начали играть веселую музыку, но шок среди гостей не проходил. Никто из них не видел перьев, поэтому они решили, что их правительница, очевидно, сошла с ума.

* * *

Джал бросился за Риган, окликая ее, но та бежала очень быстро, потому что ее подгонял страх. Она пробежала по пустым коридорам, приподняв юбку, чтобы дать свободу ногам, и наконец достигла своей спальни. Все это время девушка слышала, что ее кто-то преследует, и знала, что скорее всего это Джал. Но ей не хотелось останавливаться, хотя перья исчезли и все вокруг больше не было белым...

В голове у Риган стало проясняться, шок постепенно проходил. Хотя ее все еще трясло, она замедлила шаг и потянулась к своим взъерошенным волосам, задев рукой брошь... брошь в виде пера.

Когда шаги приблизились, Риган повернулась. Джал остановился в нескольких футах от нее, но не делал попыток приблизиться или выразить ей свое сочувствие. Они обменялись взглядами, которые рассказали обоим все, что им было необходимо узнать. Риган сорвала с груди брошь, помяв при этом филигранную работу, и бросила на пол. Брошь при падении издала странный тихий звук, как будто была куском бронзы или олова. Откуда-то со стороны девушка услышала свой плач. Ее лицо и шея покраснели, волосы были растрепаны, во все стороны торчали пряди, которые она вытащила из прически, пытаясь избавиться от перьев. В итоге ее голова стала похожа на крону старого дерева. Но Риган собрала остатки своего достоинства.

— Почему, Джал?

Тот сделал несколько шагов вперед, и в ярком свете свечей, еще прежде, чем он заговорил, ей стало понятно, что Джал продолжает свою игру, какой бы она ни была. Риган почувствовала, что ее дыхание замедляется, спокойствие начинает охватывать взбудораженную душу. А что, если и сейчас он что-то делает, опять применяет магию? Еще Риган подумала, что если бы он сейчас признался во всем и упал ей в ноги, вымаливая прощение, возможно, она и сохранила бы ему жизнь. Но совершенно очевидно, что ничего такого не произойдет.

Джал притворился очень удрученным.

— Это был мой подарок, просто маленький фокус. Я думал... вам понравится. Мне казалось, прелестная безделица доставит вам удовольствие.

Лицо Риган исказилось от ярости, зубы обнажились почти в звериной оскале.

— Лжец! — крикнула она. — Ты лжец! Ты все знал! Не мог не знать! Отойди от меня! Не подходи ко мне близко!

Она попятилась, потом развернулась и опять побежала.

На сей раз Джал не делал попыток ее преследовать. Он сохранял сокрушенное выражение на лице до тех пор, пока не стихли ее шаги, и только потом позволил появиться злобной усмешке.

Почему? Она спросила его почему? Ну что ж, если леди Риган сейчас тайно уйдет за пределы крепостной стены Сулис Мора, мало у кого возникнет сомнение, что она страдает душевной болезнью. Впрочем, порабощение Риган было бы гораздо приятнее, если бы он на самом деле смог довести ее до слюнявого сумасшествия. Было бы гораздо более забавным, если бы Риган еще и поняла это. Хоть и неохотно, Джал вынужден был признать, что Риган перестает быть полезной, так что будет лучше, если она несколько дней проведет в своих покоях.

Джал отправился в свою комнату, отвлеченно отметив, что преследующий его убийца позволил себе весьма неуклюже заполнить восстановившуюся тишину звуком приглушенных шагов.

Холируд-парк замерзал. Под зловещим светом полной луны сердитый холод накинулся на подстриженный газон, и сейчас каждая травинка стояла, выпрямившись, словно остро заточенный кинжал. Нокс шел по парку босиком, зная, что его ступни впитывают холод земли, но ничего не ощущал. На нем был только похожий на длинную ночную рубашку серый балахон, пояс от которого он забыл, когда уходил из «Ковчега». Нокс пребывал в трансе. Если бы сейчас его спросили, как человек себя чувствует в трансе, он ответил бы, что это состояние сна наяву. Нокс продолжал думать, и его мысли текли с пугающей ясностью, как серебряный поток, но где-то за другими мыслями. Эти другие мысли были не совсем божьими, скорее то были семена, посеянные Богом в ничего не подозревающий разум Нокса после того, как, проснувшись, он не обнаружил в «Ковчеге» ни скоора, ни Тристана. Бог был недоволен, очень недоволен...

Нокс споткнулся, но не отвел взгляда от Сэйлсбери-Крэгз, скал, которые с самолета похожи на лапы огромного льва. За скалами находилась гора более округлых очертаний, поросшая высокой травой и вереском, высотой около восьмисот футов. Сейчас в свете полной луны можно было увидеть красный оттенок обнаженной породы, скрывающей секреты того, что когда-то было действующим вулканом. Чувство близости с горой глубоко засело в сознании жителей Эдинбурга. Ее очертания — это первое, что они ищут взглядом, возвращаясь домой на поезде или машине. Гора словно страж, охраняющий город, и, конечно, вызывает радостное ощущение дома.

Итак, приближаясь к горе через северную территорию Холируд-парка, Нокс представил себе приговор, который вынесли бы ему духи. Вряд ли приговор был бы добрым, скорее наоборот.

Но Нокс не мог остановиться, ему нельзя было этого делать. В его сознании четко рисовалось место, которое он должен найти. Бог хотел от него именно этого. Если у него все получится, Бог сказал, что именно сюда он должен будет привести Де-

тей, когда придет время. Нокс подумал, что Бог имеет в виду Вознесение, но его беспокоил тот факт, что Бог изъяснялся не в таких выражениях, которых можно было от него ожидать. Ноги теперь кровоточили, и Нокса не покидало неприятное ощущение горячей крови, струящейся по замерзшей коже. Факел, который он взял с собой, лежал в объемном кармане балахона и бил при ходьбе по ногам. Ему хотелось бы замедлить шаг, но Бог сердился. Так сердился, что сделал что-то с Эстер...

Одно только воспоминание о ней заставило его сердце биться быстрее. Теперь Эстер принадлежала ему. Девушка сама отдалась — так, наверное, она себе говорила. На деле же он взял ее после небольшого сопротивления. В большой кровати Даниэля Нокс воплотил в жизнь все фантазии, какие у него только появлялись насчет Эстер: он царапал, кусал и мял ее тело, прижимая к себе так сильно, что чувствовал, насколько хрупка она по сравнению с ним. Интересно, видел ли его Бог?

Эстер вздыхала и вскрикивала, когда Нокс делал ей больно. Податливое, гибкое тело повергало его в неистовую страсть. И все-таки, если быть честным с собой, когда Нокс посмотрел в ее широко раскрытые, всепрощающие глаза, прежде чем уснуть, он понял, что победителем сегодня оказалась она. Теперь Эстер были ведомы секреты его души, хотя она, наверное, не понимала этого. Его ярость и страсть делали Нокса слабым перед ней. А то, насколько он потерял контроль над собой, испугало и удивило его. Последнее, что он увидел перед тем, как уснуть, была удовлетворенная улыбка девушки, и эта картина оставалась с Ноксом, пока он спал, сделав сон очень беспокойным. При пробуждении это чувство осталось. Нокс смотрел на спящую девушку, испуганный ее беззащитной красотой, пристыженный синяками, оставленными им, и боролся с желанием разбудить и избить ее за то, что она так безоружна перед ним. Любил ли он ее? Нокс не знал. Ему вообще очень мало было известно о любви. Но он хотел бы владеть Эстер и мучить ее всегда.

Но девушка не проснулась. Сначала он не понял и подумал, что она просто спит, устав от бурной ночи. Когда же до Нокса наконец дошла горькая правда, он стал трясти безжизненное тело, тщетно пытаясь разбудить Эстер, рыдая и обещая, что больше никогда не ударит ее опять. Ноксу показалось, что это он каким-то образом убил девушку, но потом в его голове раздался голос Бога...

— Это предупреждение, Нокс. Если ты меня еще раз подведешь, я заберу ее и сделаю так, что Дети выгонят тебя...

— Подвел? Разве я подвел тебя, Господи?

— Тристан сбежал из «Ковчега», а скоор уничтожен.

— Нет! — Нокс был потрясен. — Это невозможно.

— Но это случилось, Нокс. Мои враги забрали его, пока ты спал.

Нокс упал на колени и стал вымаливать прощение. В конце концов Бог подарил ему еще один шанс доказать свою преданность. Пока он лепетал что-то, раскачиваясь взад и вперед, по его голове внезапно разлилась боль, как будто Бог поместил туда ядовитый цветок с острыми лепестками, который медленно раскрывался, вибрируя и впиваясь в мозг. Нокс лежал на полу в прострации, не способный сделать ни одного движения или как-то отреагировать, буквально охваченный агонией. Затем, когда боль стала непереносимой и Нокс уже мечтал о смерти, она вдруг прекратилась, и с последним ее всплеском простивший его Бог показал место, которое Нокс должен был найти. Сознание вернулось, и он увидел Эстер, склонившуюся над ним. Она смотрела на Нокса странным, бесстрастным взглядом.

— Эстер! Спасибо тебе, Господи! — Он протянул руку, чтобы дотронуться до девушки, но она отпрянула. — Что-то не так? — нахмурился Нокс.

Как будто демонстрируя ему свои раны, Эстер коснулась синяка на щеке. В ее глазах полыхал темный огонь, которого он раньше никогда не видел.

— Я скажу, когда ты снова сможешь до меня дотронуться, Нокс, — сказала Эстер просто.

Она поднялась, вышла из комнаты и, не беспокоясь о секретности, пошла по коридору прочь от его спальни. Девушка явно была рассержена, возможно, из-за того, что, проснувшись, обнаружила, сколько повреждений он ей нанес.

Хотя, конечно, она простит его. Это известно им обоим. Их чувство было новой, странной болезнью, которая в конце концов должна убить одного из них. Проблема в том, что Нокс не видел другого способа существования. Эстер простит его, а он опять возненавидит себя...

Нокс уже находился на скалах, чувство холода в ногах ощущалось так, словно это происходило с кем-то другим. С кем-то, чьи ноги шли по дороге, определенной мыслями Бога. Грубая поверхность скал вела Нокса к плато, расположенному за самой высокой частью горы, которая носила название Львиная Голова. Наверняка должен быть и более легкий путь, это же восхождение было тяжелым и опасным. Выглядело так, будто Бог объединил наказание с паломничеством. У Нокса не было возражений, потому что он все это заслужил.

Наконец Нокс остановился, пытаясь восстановить дыхание и оглядываясь в поисках места, которое Бог показал ему. В резком свете полной луны поверхность скал казалась более ровной и блеклой. Слой, который располагался вертикально, выглядел так, словно по нему провели огромными граблями.

— Здесь нет никаких пещер, — пробормотал Нокс.

Он не ожидал ответа, хотя ожерелье по-прежнему висело у него на шее. С тех пор как Бог показал ему изображение места, которое Нокс искал, он молчал. Ноксу было известно, что, если он не справится с заданием, Бог может и вовсе больше никогда с ним не заговорить...

Выругавшись, Нокс пробежал пальцами снизу вверх по поверхности скалы, пытаясь отыскать какую-нибудь щель или даже рычаг. Долгое время ему ничего не удавалось, и он решил передохнуть, глядя туда, где первые лучи рассвета через залив Форт подкрадывались к спящему городу.

— Черт! — пробормотал он.

Опять повернувшись к скале лицом, Нокс наконец увидел то, что ему было нужно. Справа от того места, где он стоял, совсем близко от него, в скале находилась узкая щель, поросшая кустами вереска, цеплявшегося за выступы породы, где скопилось некоторое количество почвы. Теперь было понятно, почему он сразу не заметил щель. Скалы в этом месте выступали вперед, образуя между собой узкий проход. Нокс обмотал себя за талию веревкой и протиснулся через узкое входное отверстие, оказавшись в абсолютной темноте. После нескольких мгновений, пока он доставал и зажигал факел, Нокс увидел перед собой небольшую пещеру, не более десяти футов глубиной.

— Это не очень хорошо... — прошептал он.

Пещера совсем не была похожа на то, что показывал ему Бог. На какой-то момент его одолели сомнения. Нокс сел на землю, прижав колени к подбородку. Его губы шевелились, так как он по привычке, появившейся у него еще в детстве, бормотал себе что-то под нос.

— Эй, Дэнни, я думаю, ты сейчас смеешься, но у тебя есть на это право...

Нокс перестал шептать и стал продвигаться по замерзшей земле к дальней стене пещеры, кое-что там привлекло его внимание.

В том месте, где скала уходила в землю, темная линия тени указывала на выступ, где под стеной открывалась еще одна щель. Нокс сунул в отверстие свой факел, и свет исчез в пустом пространстве внизу.

— О нет! — простонал он, но, не задумываясь, согнулся и полез в узкое отверстие под выступом.

Еще какое-то время желтое пламя факела мерцало, словно заблудшая душа. Потом оно исчезло, и в пещере опять воцарился мрак.

— Я не могу вернуться.

— Что ты имеешь в виду? — спросил потрясенный Талискер, повернувшись к Сандро.

Тот все еще сидел среди подушек на кушетке Беа. Был полдень следующего дня после его чудесного выздоровле-

ния, и сицилиец выглядел почти нормально. Талискер намеревался вернуться в Сутру нынешним вечером, опасаясь, что за время их короткого пребывания в Эдинбурге там прошло не менее сорока пяти или сорока восьми дней.

— Там за это время могло что-нибудь случиться, — напомнил он.

— Случилось здесь, Дункан, — ответил Сандро спокойно.

Он протянул ему утренний выпуск газеты «Шотландец».

— Здесь ничего...

— Страница пять, — вздохнул тот.

Сначала Талискер никак не мог найти статью, о которой говорил Сандро, и уже собирался сообщить ему об этом, когда его внимание привлекла небольшая заметка в конце страницы. Она была озаглавлена «Водитель обвиняет в аварии автобуса монстров».

Тон статьи был насмешливым, но Сандро и Талискер не нашли повода для веселья.

Все это похоже на сюжет из фильма «Секретные материалы». Тридцатипятилетний Грэхем Флокхарт воскликнул: «Я знаю, что люди мне не поверят, но у меня нет сомнений в том, что я видел. Их было пять. Чудовища то ли летели, то ли бежали вниз по Хай-стрит от Джеффри-стрит к Холируд-Палас. Они были похожи на гигантских скорпионов, скрещенных с человеком... и еще у них были крылья. Я видел их всего несколько секунд, прежде чем они исчезли. Я не имею в виду, что чудовища завернули за угол здания или что-нибудь в этом роде, нет, они исчезли в прямом смысле слова. Теперь я понимаю, что чувствовал агент Малдер. Более ужасного зрелища мне не приходилось видеть». Мистер Флокхарт, правда, допустил, что очень много работал в этот день и сильно устал. В автобусе было три пассажира, когда он въехал в кирпичную стену, но никто из них серьезно не пострадал...

— Еще скооры? — воскликнул Талискер с отчаянием. — Я-то думал, что всех их убил вчера. Откуда они, черт их побери, появляются?

— Это как раз нам известно, — серьезно заметил Сандро. — Но зачем Джал прислал их еще? Чтобы убить Тристана или доставить его в Сутру, много не нужно. Зачем ему понадобилось столько скооров в Эдинбурге? Все это не имеет смысла...

— Но отсюда мы не сможем его остановить, Сандро. Еще одна причина, по которой надо поскорее вернуться и достать его там.

Сандро опять вздохнул:

— Я много думал, Дункан. Беа и я поищем ответов в Эдинбурге, у нас для этого есть все возможности. Если скооры начнут разгуливать по городу, здесь может начаться паника.

Взять хотя бы Нокса. Джал контролировал его, когда он украл Тристана и...

— Ты не хочешь возвращаться назад, Сандро, ведь так? — Талискер тяжело опустился на край кушетки. — Все, что ты говоришь, конечно, имеет смысл, но ты просто не хочешь возвращаться в Сутру. Я тебя понимаю.

Сандро смущенно усмехнулся.

— Я чувствую себя так, будто снова оказался дома, Дункан. Кроме того, вернуть все эти годы назад — неплохой подарок, а? Пойми меня правильно, я люблю Сутру, но там жил совершенно другой человек. Там я был сеаннахом, что означает одиночество. В тот момент, когда мы попали туда впервые, это было как раз то, что нужно. Я открыл себя заново и горжусь тем Сандро, но это был другой человек, которого создал Мориас. Теперь мне понятно, что после смерти Дианы для меня пропал смысл жизни. Если я вернусь назад, то буду словно в ссылке.

Талискер мягко рассмеялся.

— А я здесь как в ссылке. — Он потер бровь, словно пытаясь согнать эмоции с лица. — Подумай еще, Сандро. Уверен, что ты понадобишься нам с Тристаном на другой стороне.

В дверях кто-то повернул ключ, и в комнату ворвалась запыхавшаяся, раскрасневшаяся Беа. Она ездила на работу предположительно для того, чтобы передать Стирлингу документы, которые закончила по его просьбе, а главным образом, чтобы помириться с Кэлом.

— Вы никогда не догадаетесь, что случилось, — сказала она. — Думаю, скоор совершил убийство.

Нокс вернулся в «Ковчег» в половине девятого утра, полностью измотанный событиями минувшей ночи. Все еще было темно, к тому же в доме оставалось очень мало людей, поскольку по субботам большинство из них уезжали домой, чтобы провести выходной со своими семьями. Нокс мельком увидел Джеймса, одного из самых молодых новичков в их общине. Он пробормотал какое-то приветствие, проходя мимо, и поблагодарил Бога, что тусклый свет из холла освещал только поворот лестницы. Джеймс, ко всему прочему, выглядел полусонным, что также было неплохо, потому что ноги Нокса были сильно изрезаны, раны кровоточили и очень болели, мокрая рваная одежда висела клочьями.

Эта ночь не была похожа ни на какую другую, мрачная и волнующая, сделавшая Нокса пророком Новой эры правления Христа... Голова его раскалывалась от усталости и впечатлений. Все, чего Ноксу сейчас хотелось, это забраться в теплую постель на час или два, чтобы собраться с силами перед тем, как он скажет Детям, что...

Когда Нокс открыл дверь в свою комнату, его привлек тихий шорох, и он посмотрел на пол. Около двери, свернувшись калачиком, спала Эстер в голубом спальном мешке.

— Что за дьявол... — пробормотал он.

Нокс наклонился и посмотрел на лицо девушки. Одна его сторона была сильно поранена, глаз распух, около него алела ссадина. Нокс сел рядом и убрал со щеки волосы, девушка слегка поморщилась во сне, а потом неожиданно открыла глаза.

— Нокс, — прошептала она, в полусонном состоянии не замечая его холодной отчужденности. Эстер улыбнулась. — Прости, я рассердила тебя.

Он недоверчиво уставился на нее.

— Я не знаю, почему так поступил.

— На тебе лежит большая ответственность, Нокс. Я понимаю. — Она протянула руку и погладила его по щеке, и Нокс поцеловал ее ладонь. — Так ты меня прощаешь? — улыбнулась девушка.

Нокс почувствовал знакомые ощущения внизу живота, понимая, что его волной накрывает страсть.

— Конечно, я тебя прощаю, — сказал он. — Почему бы нам не лечь в постель?

— А разве сейчас не утро?

— Всего лишь на час или два.

Эстер забарахталась в мешке, пытаясь встать, Нокс подхватил ее на руки и отнес в комнату.

— Куда ты собирался? — спросила Эстер, когда он лег с ней рядом, сняв одежду и поменяв ее на теплый халат.

Она полагала, что он провел в комнате всю ночь.

— Хотел взять Библию. Мне кажется, надо еще почитать. Хотя это может подождать.

Эстер закрыла глаза, прижавшись к нему, и Нокс чувствовал, что засыпает, запутавшись пальцами в ее волосах.

— Нокс?

— Что?

— Ты часто думаешь о Даниэле?

— Все время, — проговорил он.

— Ты скучаешь по нему?

— Да.

У Нокса пропало желание спать. Слушая медленное дыхание Эстер, он представлял себе картины виденного ночью, как будто они проецировались на обратной стороне его усталых век. Пещера глубоко в горе, освещенная тусклым, холодным светом. Скальные образования, казалось, росли из земли до высокого потолка, точно зазубренные символы мести. За странным камнем, по-видимому, алтарем, органично соединенные и изогнутые, ог-

ромные базальтовые подушки напоминали церковный орган, сошедший с ума. Посреди пещеры возвышалось нечто, похожее на трон. Но самое главное — когда Нокс проник в этот молчаливый, пугающий мир, там находились шесть скооров, ожидавших его прибытия. Они стояли неподвижно и спокойно, будто сами были из камня.

— Господи? — прошептал Нокс.

Его голос, разнесшийся по пещере, прозвучал слабо и испуганно, будто у ребенка. Ответ пришел, как и раньше, из ожерелья. Но, отразившись от каменных стен, усилился, и казалось, голос звучит со всех сторон.

— Я скоро приду, Нокс. Это то самое место, куда ты должен привести моих Детей. Я появлюсь перед ними в знак своей любви.

— А зачем здесь скооры?

— Они не принесут вреда истинно верующим, Нокс. Тем, кто ждет дня моего возвращения... Ты будешь их лидером. Командуй ими, и они будут поступать так, как ты им скажешь.

Нокс нервно оглянулся на ближайшего скоора. Существо было абсолютно пассивным и смотрело неподвижным взглядом прямо перед собой. Фосфоресцирующий свет в пещере тускло отражался от металлической пластины на его груди.

— Они могут опять стать невидимыми?

— Если ты прикажешь им.

Нокс задумался на мгновение. Ему почему-то пришло в голову, что здесь следовало бы быть Даниэлю, а не ему. Ведь он самозванец. Интересно, что бы сделал Даниэль на его месте, если бы Бог вручил ему инструмент возмездия? Может быть, ничего, ведь он был существом из света и любви, наверное, поэтому Бог для такой работы выбрал Нокса. Время испытаний потребует от человека сделать серьезный выбор. Его мысли вернулись к тому дню, когда Нокс украл ожерелье в музее, на выставке, посвященной эволюции...

— Ты! — скомандовал он ближайшему скоору. Взгляд чудовища переместился на Нокса. — Бери с собой еще двух, — он указал еще на двух скооров, — и уничтожь профессора...

— Тебе следует обдумывать поступки, Нокс...

— О да! — Нокс представил себе профессора Яна Галбрайта, стоящего на ступеньках старого здания музея. — Уничтожьте этого человека, потому что он выступает против слова нашего Бога.

Чудовище, казалось, колебалось некоторое время, но потом моментально исчезло вместе с двумя своими сородичами. Нокс прошел вперед, к трону. Его босые ноги создавали странный, шлепающий звук по гладкой каменной поверхности. Подойдя к трону, он немного помедлил и оглядел комнату, ожидая реакции скооров. Однако ни один из них не шевельнулся и даже не

посмотрел в его сторону, тогда Нокс уселся на сиденье. Медленная удовлетворенная улыбка расплылась по его лицу. Тем не менее у него все-таки не хватило смелости сесть поглубже, и он разместился на самом краешке.

— Есть и другие, Господи, — заявил он в каменную тишину. — Другие ученые и политики, которые учат людей не верить в тебя. Если ты позволишь, я использую сковоров, чтобы их всех убить.

— *У нас нет времени заниматься этим,* — охладил Бог его пыл. — *Хотя если ты хочешь, Нокс, и это послужит твоей цели...*

Нокс кивнул.

— Моя единственная цель — прославлять тебя, Господи, — застенчиво проговорил он.

Потом неожиданно возникла вспышка зеленого света, и всего лишь в шаге от него опять появились три скоора. Средний нес что-то в лапе, похожей на человеческую руку. Он бросил предмет на пол к ногам Нокса. Тот с криком отвращения отшатнулся, когда теплая струя крови облила пальцы его замерзших ног.

Предмет перекатился на другую сторону, и пара разбитых очков звякнула о пол. Это была человеческая голова, без колебаний снятая с плеч ее несчастного владельца, профессора Яна Галбрайта. На лице жертвы отпечаталось выражение неописуемого ужаса, и Ноксу показалось, что его смерть была такой внезапной и быстрой, что где-то в мозгу, в отделе, ведающем смертью, еще только происходило осознание конца. Глаза Галбрайта неожиданно моргнули в последнем спазме век, а потом вдруг нижняя челюсть отвалилась вниз, как будто профессор собирался закричать. Вокруг оторванной шеи образовалось большое темное пятно крови.

— О боже! — простонал Нокс. — Уберите ее отсюда! Немедленно! Уберите ее!

Скооры, удивленные странной реакцией на быстрое и эффективное выполнение приказа, собрались вокруг головы. Потом один из них протянул короткое копье и воткнул его в шею так, чтобы можно было поднять голову. Нокс застонал и прикрыл рот рукой, опасаясь, что его вырвет. С очередной зеленой вспышкой трофей скооров, надетый на копье, был удален из пещеры, и скоор в абсолютном молчании вернулся к своей странной позе.

Потом раздался смех, жестокий, издевательский. Он заполнил пещеру. Бог насмехался над его слабостью, а Нокс катался по трону, стараясь преодолеть приступ тошноты. Ему не верилось, что Бог может быть таким злорадным.

— Перестань! — воскликнул он. — Перестань смеяться надо мной!

Смех прекратился, и воцарилась тишина. В конце концов Бог опять заговорил. Его тон был извиняющимся, но от того, что было сказано, у Нокса на голове зашевелились волосы.

— Это только начало, Нокс. Ты должен быть сильным. Ты должен подготовить себя к крови во время Конца Света. Скоро многие умрут.

Тристан смотрел на них с изумлением. Они уже, наверное, раз двадцать сказали «до свидания».

— Ты уверен в том, что делаешь, Сандро? — Талискер протянул руку, чтобы еще раз попрощаться с Сандро. Вопрос был риторическим. — Не похоже, чтобы ты собирался изменить мнение.

Сандро оглянулся на Беа, тепло улыбнувшуюся ему в ответ.

— Я чувствую, что здесь предстоит работа, Дункан. Надеюсь, нам удастся предотвратить панику, если скооры выйдут на улицы. Магия... не принадлежит этому миру.

— Да, — Талискер широко усмехнулся, — и все остальное тоже. — Сандро выглядел немного смущенным, но не стал отрицать чувство, возникшее между ним и Беа. — Так или иначе, почисти немного этот мир, сеаннах. — Он дотронулся до мешочка, который опять висел у него на шее. — Я заберу его с собой. Не знаю, осталась ли в нем какая-нибудь сила, но она не достанет тебя здесь.

— Нет.

— Нет...

Оба друга поняли наконец, что у них осталось мало что сказать друг другу. На этот раз их миры разделились и, похоже, навсегда. И оба мужчины, чьи жизни были связаны в единый узел, сделали свой выбор, поставивший их по разные стороны пропасти в реальности.

— Перед тобой теперь целая жизнь, — серьезно сказал Талискер. — Проживи ее как следует.

— Отец, нам пора идти, — мягко напомнил Тристан.

Они стояли в темноте около ворот, которые Талискер уже активизировал с помощью камня Мориаса. Теплый туман стал возникать в дальнем конце комнаты, вместе с ним проник слабый запах дыма от горящего дерева. Никому и в голову не могло прийти, что этот дымок обозначает беду.

— До свидания, Беа. — Талискер еще раз крепко обнял девушку. — Прощай, Сандро. — Он протянул сицилийцу руку, но тот прижал его к себе. — Ты большой медведь, Сандро, — пошутил Талискер со слезами на глазах.

Потом повернулся к Тристану.

— Сын, — сказал он серьезно, — мы возвращаемся, чтобы вернуть тебе твой город. Жаль, конечно, что пришлось лишиться одного героя...

Тристан улыбнулся в ответ. Улыбка была смущенная, но достаточно уверенная. Он уже со всеми попрощался.

— Ты и один со всем справишься, — подбодрил он отца.

— Ну что ж, тогда пошли. — Талискер больше не оглянулся, только помахал рукой друзьям, когда они пошли к воротам. — Присматривай за ним, Беа... Сандро...

Они исчезли в пламени.

Когда мрак ворот окружил их, Талискер сообразил, что не предупредил Тристана о том, что их ждет. Сын проходил другим путем, более сильным, как сказал Мориас. На расстоянии он увидел такую же стену пламени, как и прежде. Талискер повернул голову, заметив, что движения замедлились. Все было как и раньше.

— Огонь не причинит тебе вреда... — попытался сказать Дункан, но звук исказился.

Странный, слабый, он доносился как будто со всех сторон. Дункану не видно было лица Тристана из-за угла, под которым юноша держал голову. Вышло так, что он смотрел в противоположную от отца сторону. Талискеру же почему-то очень хотелось увидеть именно выражение лица сына, прежде чем пламя поглотит их обоих. Он знал, вернее, помнил, что с детства Тристану было трудно и больно поворачивать голову так, чтобы посмотреть через правое плечо, поэтому он стал за его левым плечом.

— Не бойся, сын, я здесь... Я...

Вдруг перед его лицом возникло пламя, горящее в полной тишине. Его жар образовал сплошную стену. Дункан вспомнил, оно обжигает, причиняет боль...

— Я имел в виду, что этот огонь не убивает...

Он повернул голову, чтобы посмотреть на Тристана, невероятно медленно, словно перенял от сына его болезнь. Тристан ушел. Каким-то образом, находясь бок о бок с Дунканом, он исчез в огне. Талискер открыл рот, чтобы выкрикнуть имя сына, но в это время огонь достиг его горла, опустился до самого желудка.

Было ощущение, что он тонет. Тонет в огне. Но на этот раз пламя было внутри, он стал его частью. Талискер знал, что продолжает двигаться, чувствовал, что ноги идут к цели, невидимой из-за пламени. Впереди сквозь огонь двигается другая фигура, и его сердце чувствует, что это Тристан. Он пытается позвать его еще раз, но страх и жар лишили его голоса.

Через довольно большой промежуток времени огонь стал угасать, и Талискер позволил себе подумать, что это конец перехода. На другой стороне он уже мог видеть постепенно появляющуюся темноту, а впереди темный силуэт браво шагающего Тристана. Вдруг Талискер увидел третью фигуру, идущую через ворота. Это был почти такой же высокий, как и он сам, человек, одетый в странную белую одежду, сшитую из звериных шкур. На его лице была маска из кожи с чужим, печальным выражением, не позволяющим хозяину никаких эмоций. Прежде чем подойти к Талискеру, пламя вокруг которого

исчезло, человек остановился перед Тристаном. В пространстве ворот стояла все та же тишина. Два человека рассматривали друг друга, но Талискеру показалось, что между ними что-то происходит.

Наконец фигура приблизилась к Талискеру, чей напористый шаг привел к тому, что их дороги пересеклись. Он пытался посмотреть в глаза через прорези в маске, но знал, что у него нет на это времени, иначе он может затеряться между двух миров. Фактически Талискер продолжал идти, но без продвижения, шагая по огню, словно по воде. Что-то в фигуре было знакомым, но что именно, ускользало от Дункана, словно это было загадкой сна. Грудь сдавило, заболело сердце по причине, которую он не мог объяснить.

— Спасибо.

Голос проник в его сознание, как только их дороги пересеклись, и он инстинктивно протянул руку к фигуре, которая тоже двигалась, минуя его. Незнакомец протянул руку к Дункану, и на какой-то печальный миг кончики их пальцев соприкоснулись.

Опять раздался голос, на сей раз еле слышный.

— Я тебя люблю.

Талискер повернулся, его тело приняло очень опасное положение, он почти сбился с пути. Но фигура не стала медлить, хотя ее поведение было странно скованным, будто то, что она допустила, стоило многих усилий. Видение странного человека поглотила тень, словно стерла белый силуэт темнотой, которая, однако, не была враждебной. Последнее, что Талискер видел, это большое белое перо, которое человек держал в правой руке.

— Что...

Нет ответа. Он, как и прежде, слышал биение своего сердца и знал, что их путешествие приближается к финалу. Талискер опять зашагал вперед, но почти сразу понял, что потерялся. То, что он поворачивался и замедлял шаг, нарушило какой-то пункт в его договоре с воротами.

— Отец, отец, ты слышишь меня?

— Да...

Его шепот опять изменился и стал странным, низким. Он повернулся на голос сына.

— Продолжай идти, отец. Не останавливайся...

— ...Не останавливайся...

Паника. Талискер начал паниковать. С ним такого давно не бывало.

— Тристан... Трис...

— Продолжай идти...

Все закончилось неожиданно. Талискер споткнулся и упал на колени, ему не хватало воздуха. И вдруг понял, что его освещает дневной свет.

— Старайся дышать медленно и не очень глубоко, отец. Это дым.

Несмотря на разумное предостережение, Талискер сделал глубокий, судорожный вдох, и тут же на него напал приступ кашля. Наконец он открыл глаза, в которых ощущалась резь, и они были наполнены горячими слезами. Тристан стоял рядом, заботливо глядя на него. Талискер вытер лицо рукавом и недоверчиво огляделся вокруг.

— Что за черт! Где мы?

Сандро смотрел на блеклые стены комнаты, в которой исчезли Талискер и Тристан.

— Сандро. — Беа легко тронула его за рукав. — Они ушли.

— Да, — согласился он бодро, как будто стараясь вывести себя из транса. Но все-таки эмоции взяли верх, и из глаз потекли слезы. — Да, я знаю. Все кончено, Беа... — Какое-то время он не поднимал глаз. — Господи, ты можешь подумать, что я глуп.

— Нет. Совсем не глуп. — Она пожала плечами. — Может быть, немного сентиментален. И потом, ничего не закончено. Как ты сказал, нам предстоит здесь серьезная работа. Надо избавиться от... Что это?

Сандро не ответил, только кивнул головой в сторону ворот. Тонкие языки пламени снова появились в них и стали вырываться наружу.

— О нет, — прошептала Беа. — Скооры... это, наверное, еще скооры, Сандро.

Он кивнул и опустил руку на пояс в поисках оружия, но его там не было. Талискер и Тристан забрали мечи с собой, а Сандро оставил свой в доме. Инстинктивно он протянул руку и мягко подтолкнул Беа себе за спину, не обращая внимания на недовольное выражение ее лица. Она похлопала его по плечу.

— Вот возьми.

Она протянула Сандро пистолет.

— Да, спасибо.

Они молча смотрели, как пламя распространяется по всему пространству. В центре появился силуэт, сначала едва различимый. Фигура бежала к ним, пламя стекало с ее белых одежд, словно она двигалась по воде. Бисер и перья, украшавшие маску, казалось, танцевали в огне.

Через несколько секунд внезапная волна горячего воздуха наполнила комнату и прижала Сандро и Беа к дальней стене. Фигура вышла из ворот в их мир. На маске и одежде оставались небольшие фрагменты огня. Какое-то мгновение все молчали, потом Сандро поднял пистолет и направил его в незнакомца.

— Кто ты?

К их удивлению, из-под маски раздался низкий смешок. Ошибиться было невозможно, он принадлежал женщине. Протянув руку, она расстегнула застежку и сняла маску.

— Я изгнанница, сеаннах, — улыбнулась женщина.

— О мой бог! — прошептал он. — О мой бог!

— Сандро, — нетерпеливо воскликнула Беа. — Что случилось? Кто это?

ГЛАВА 13

«Пустота» опасна. Джалу это было известно с тех пор, как мать предупредила его в одиннадцать лет, когда давала ему уроки магии. Он спросил ее, почему она об этом не упоминала раньше. Ответ отпечатался в его мозгу навсегда.

Потому что это очень опасно, Джал. Потому что это все и ничего. Все души проходят через это пространство во время своего существования...

Конечно, большинство душ принадлежат мертвым, когда приходят сюда, появляться в другом состоянии — это или величайшая самоуверенность, или глупость. Джал сосредоточенно думал, глуп он или же самоуверен. Он произносил слова спокойно, не нервничая, и они поглощались расстоянием. Это было то самое заклинание, которое он впервые прочел в десять лет в тот судьбоносный день, и Джал до сих пор помнил испытанный им ужас. Вместо того чтобы подвергать себя опасности, забираясь в глубины «пустоты», Джал планировал вызвать небольшое чудовище, дабы использовать его в качестве посланника. Он мог сделать это во время чтения заклинания, не двигаясь по кругу, что требовало большого мастерства и самоконтроля.

Что-то двигалось в темноте перед ним. Джал стоял неподвижно, нещадно потея. Он продолжал говорить, даже когда *нечто* стало видимым, возникая из темноты, точно огромный серебряный кит из Северного океана. Сначала оно выглядело как груда серо-коричневого тряпья. Но как только были прочитаны последние слова заклинания, существо стало судорожно двигаться, сгибая ноги, подобно насекомому. Затем раздался скрежещущий звук, и чудовище встало на ноги. Это было крупное человекоподобное существо, чья кожа, покрытая язвами, и одежда висели серыми лохмотьями. Глаза его были красными, с черными зрачками, которые постоянно то сужались, то расширялись, что делало его чем-то похожим на птицу. Напоминавшие когти руки еще больше усиливали впечатление, так же как и голые, покрытые струпья-

ми крылья, торчавшие из-за спины. Эти крылья никогда не были предназначены для полета.

Одного взгляда на диковинную внешность демона было достаточно, чтобы понять: боги Сутры имели чувство юмора, и монстр был просто злой насмешкой. Тем не менее в его глазах светились какие-то признаки ума, и как только Джал закончил еще одну порцию слов из заклинания, существо заговорило.

— Грелл, — произнес демон.

— Грелл? — повторил Джал, соображая, насколько официально он должен обращаться к демону. — Грелл, мне нужна твоя помощь.

Демон не ответил, его глаза рассеянно мигали. Если Джал еще на какое-то время останется в «пустоте», появится опасность оказаться в ловушке.

— Я объясню тебе... позже. Пошли со мной. — Он повернулся, чтобы уйти, но Грелл не двинулся с места. Джал почувствовал, что начинает паниковать, но постарался взять себя в руки. — Пошли, Грелл, — повторил он терпеливо.

Его сердце колотилось как сумасшедшее, волнение грозило взять верх над самоконтролем.

— Грелл, — опять сказал демон.

Времени больше не было. Если чудовище не понимает его, демона нельзя будет использовать в своих целях. Значит, нужно убираться отсюда. Джал потерпел фиаско, а этого он не мог перенести спокойно. Его мало волновало, что он оставляет демона в «пустоте», обрекая на вечные мучения. Грелл будет заточен здесь навсегда, мучаясь от сильнейшей боли...

— Уходить. Грелл уходить.

Голос какого-то странного, состарившегося ребенка. Джал повернулся: Грелл сделал шаг по направлению к нему, и каким-то образом это вывело Джала из прострации «пустоты». Когда существо сделало еще один небольшой шаг, Джал сдержал невольную дрожь и усмехнулся.

— Да, Грелл, надо идти. У меня есть для тебя работа.

Больше не может быть лжи. Никаких претензий на то, что она все контролирует. Риган построила себе хрупкий карточный домик, и когда он рухнул, не осталось ничего, кроме боли. Она проснулась и обнаружила рядом с собой нечто, какое-то существо, такое диковинное, что на секунду решила, что все еще спит в объятиях ночного кошмара. Как только Риган собралась открыть рот и закричать, ужасные черные когти схватили ее за горло и вытащили из кровати. Чудовище несло свою ношу на вытянутых руках, глядя на девушку странными, ничего не выражающими красными глазами с черными зрачками. Риган чувствовала, что не может дышать.

Давление на глаза и грудь было невыносимым. Казалось, в легкие вонзились тысячи кинжалов. Перед глазами поплыл туман, и девушка стала терять сознание. Но даже сквозь черную мглу она слышала голос. Его голос.

— Не убей ее, Грелл...

Теперь Риган знала все. Осознание, невозможность отрицать правду были настолько очевидными и горькими, что, даже когда сознание уже покинуло ее, губы шевельнулись в беззвучном обвинении.

— Джал, ты негодяй...

Когда Риган очнулась, то поняла, что находится в самом глубоком каземате Сулис Мора, так глубоко в недрах горы, что по стенам струилась вода. Холод был ужасный. Как только сознание вернулось, девушка вспомнила чудовище и подумала, что оно все еще держит ее за шею своими ужасными когтями, но оказалось, что эти ощущения вызывают кровоподтеки на шее.

Риган глубоко вздохнула и открыла глаза. На самом деле ей можно было не беспокоиться об этом, потому что в каземате царила полная темнота. Риган понадобилось некоторое время, пока глаза немного привыкли к темноте и стали различать во мраке силуэты. Она полулежала на земле в неудобной позе. Когда попыталась подняться, то с удивлением обнаружила, что ее запястья закованы в цепи.

Не переставая стонать от боли в теле, израненном демоном, Риган попыталась встать. Ноги дрожали, замерзшие мышцы сводило судорогой, окоченевшие ступни не чувствовали земли. Все-таки она поднялась и стояла, слегка покачиваясь, вглядываясь в темноту. Вполне возможно, что Джал из какого-нибудь темного угла каземата наблюдает за ней, но выяснить это не было никакой возможности.

— Джал? Джал? Зачем ты делаешь это?

Ее голос отражался от стен и возвращался к ней эхом, но ответа не было. Тем не менее почти сразу в дальней стене открылась дверь, в камеру хлынул свет, заставивший Риган отвернуться, потому что отвыкшие глаза сразу наполнились обжигающими слезами. Вошли Джал и его новый союзник.

— Риган, моя госпожа... — Джал отвесил шутовской поклон. Он не смог скрыть самодовольства. В некотором смысле Джал вел себя совсем по-мальчишески. — Вижу, вы встретились с Греллом.

Демон шаркал ногами за его спиной, он словно пошатывался, и что-то в его движениях вызывало у Риган тошноту.

— Джал... — Голос Риган был похож на вздох. Из-за холода в камере она безостановочно дрожала. — З-зачем ты это делаешь?

— Всего неделя прошла с тех пор, как ты подписала мне смертный приговор. Удивляюсь тебе, Риган. Он был совершенно бесполезен. Не обижайся, но ты ошиблась. Это ты больше не входишь в мои планы...

— Тебе нужен Сулис Мор? Ты можешь его получить, Джал. Мы можем управлять им вместе... мне непонятно, зачем ты...

Он засмеялся.

— Ты так плохо думаешь обо мне? Полагаешь, в мои планы входит твой паршивый город? Я управлял им неделями, но ты в это время спала. А теперь, когда ты ушла, можно и вообще обойтись без тебя. Вот что я сделаю, Ри... — Джал подошел к ней и взял за подбородок так, что девушка была вынуждена смотреть ему в глаза. — Я знаю, что ты ничего не понимаешь, но у меня не хватает ни времени, ни терпения объяснять тебе. Но кое-что мне хотелось бы тебе сообщить. Ри, я тебе все время лгал. Тристан, наверное, уже валяется мертвый где-нибудь под забором, а твой папаша...

Он толкнул ее к стене. От неожиданности Риган сильно ударилась о выступ. Она вскрикнула, не имея возможности потереть ушиб рукой, как обычно поступают в таких случаях. Джал развернулся и направился к двери.

— Ты мне нравишься, Риган, — сказал он весело. — Если бы все пошло по-другому, кто знает, что было бы сейчас. Я считал тебя довольно привлекательной. Короче, я не собираюсь убивать тебя, не беспокойся...

Но угроза в его тоне опровергала сказанное. Риган почувствовала, как у нее внутри все сжалось от страха.

— Посмотри, что у меня есть, — продолжал он. — Я много лет пытался достать это средство. Оно называется стигматор. Вижу, ты слышала о нем. Его по чьей-то причуде держали в секрете, но в конце концов мне удалось достать немного, и теперь я хочу посмотреть, как оно действует.

— Нет! — запаниковала Риган, пытаясь освободиться от цепей. Она знала, что это психологическая пытка. У того, кто принимает это средство, возникают ужасные галлюцинации. Но не только. Все, что возникает в воображении, потом отражается на теле. В конце концов жертва погибает. — Нет, Джал... не надо мне его давать...

— Слишком поздно. — Он злорадно усмехнулся. — Оно всасывается через кожу.

Джал показал ей толстую перчатку, надетую на руку.

Риган вскрикнула, но было слишком поздно. Теперь ей придется умереть. И из-за чего? Из-за своей собственной глупости, потому что она доверилась негодяю... У нее вдруг закружилась голова. Когда средство вступило в контакт с мозгом, все перед глазами закачалось.

— Нет, нет, нет...

Она едва могла слышать свой голос, ей казалось, что слова произносит кто-то другой. Риган упала на колени, ее выворачивало наизнанку от тошноты, но рвоты не было. Подняв голову, девушка увидела Джала, стоявшего в нескольких футах от нее. Он смеялся, а Грелл наблюдал за пленницей без всякого выражения на лице, переминаясь с ноги на ногу. Закрыв глаза, чтобы прекратить вращение камеры, Риган попыталась сосредоточиться и подумать над тем, насколько все плохо для нее складывается. Если она ничего не придумает...

Но средство работало по-другому. В ее мозгу возникла картина, и она опять закричала, перекрывая смех Джала.

Это была она. Но все изменилось. Тело Риган покрылось красными опухолями, и руки, и лицо. И как только пришла в голову мысль, следом за ней последовала боль. Тысячи иголок под кожей приступили к работе. Девушка билась в конвульсиях, не переставая кричать от боли и ужаса. Она открыла глаза или подумала, что открыла, и поднесла руку к лицу так близко, насколько позволяла дрожь. Иголки прокалывали кожу насквозь. Какое-то крошечное существо, похожее на вошь, сновало между волосков на руке, которые становились все длиннее и длиннее. Но прежде чем Риган успела отреагировать, ее скрутила другая боль, вдоль внутренней стороны рук, она была почти непереносимой.

— Что со мной происходит? — закричала она. — Джал...

Однако звук ее голоса изменился, стал искаженным. Язык потерял способность произносить слова. Тело оцепенело и трансформировалось. Хотя Риган понимала весь ужас и горькую иронию происходящего, выразить это словами ей уже было не под силу.

Она стала птицей.

Джал хохотал до слез, наблюдая за тем, как Риган катается по каменному полу каземата, извивается и визжит. Он смотрел, как ее истерическое воображение оставляет следы на теле. Белая ночная рубашка расцвела тысячами мелких кровавых пятнышек. На коже появились багровые рубцы. Джал видел странные кровавые линии на нежной коже лица, глубокие, почти треугольные, повторяющие рисунок клюва, видел, как выпрямлялись и дергались в судорогах агонии ноги.

Чего он тем не менее не видел, это перьев. Черных перьев, клюва и когтей. Джал с восторгом похлопал в ладоши и повернулся спиной, чтобы уйти.

— Грелл. Последи за ней. Приди и скажи мне, если у нее все пройдет или если она умрет.

Грелл кивнул с обычным бесстрастным выражением. Он чувствовал раздвоенность, наблюдая одновременно за смехом и агонией.

— Грелл, — проговорил он.

Джал помедлил немного и оглянулся на демона. Этим словом, казалось, исчерпывался весь словарный запас существа, поэтому Джал решил, что Грелл произнес его, чтобы подтвердить свое согласие.

Риган летела. Она знала это. Но то был не плавный, красивый полет. Риган паниковала, возмущалась. Она была птицей, птицей... ей было не до Джала. Боль и шок затмили все. Птица открыла серый хрящеватый клюв и каркнула. Значит, она стала вороной. Где-то в глубине сознания проходила дуэль между новыми ощущениями и памятью чувств растерзанного, кровоточащего старого тела. И она каркала, каркала, каркала и била крыльями.

И в тот момент, когда Риган почувствовала, что сердце работает на пределе, а боль угрожает переполнить чашу терпения, что-то произошло.

Это был Грелл.

Он стоял рядом и очень странно смотрел на нее птичьими глазами (*о боги, у меня ведь, наверное, такие же*), меняющими цвет с черного на красный, с красного на черный. Интересно, что он видел, птицу или кровь? Демон подошел ближе и молча уставился на Риган. Она перестала бить крыльями.

— Грелл? — произнес он.

Риган слышала, как колотится ее сердце, и ощущала страшную боль.

— Тебе больно? — Печальное страшное лицо стало еще ближе. Она в ответ издала звук. Воронье карканье, не слово. Неужели ее тело больше не существует? — Грелл знает боль, — произнес он, как будто отвечая себе. — Знает боль, — повторил он почти триумфально, довольный, что смог сформулировать мысль.

Ей было больно, а Грелл знал, что это такое.

Протянув руку, демон дотронулся до лица девушки.

— Иди, — сказал он печально.

Боль стала затихать. И, что самое главное, действие стигматора прекратилось, Риган опять стала собой.

Она посмотрела вниз, на свое израненное тело. Свободное тонкое платье, бывшее когда-то белым, теперь свисало кровавыми лохмотьями. Все тело покрывали тысячи кровоточащих ранок, будто оставленных призрачными перьями. Лицо очень замерзло, потому что холодный воздух заморозил раны вокруг носа и рта. Риган сообразила, что сидит на земле в неудобной позе, и попыталась встать на ноющие ноги.

— Грелл, — прошептала она. — Спасибо тебе большое.

Демон ничего не ответил. Его лицо опять стало бесстрастным. Риган поковыляла к двери, каждую секунду ожидая, что он опять схватит ее, но Грелл только молча наблюдал за усилиями девушки.

— Я ухожу, — пробормотала она, — назад в...

В этот момент демон пришел в движение, он осторожно подхватил ее на руки и на удивление быстро понес по коридору.

— Нет! — воскликнула она, пытаясь сопротивляться, но Грелл не обращал на нее внимания.

Риган чувствовала себя совершенно опустошенной, у нее кружилась голова. Опустив глаза вниз, она заметила, что оставляет за собой кровавый след. Девушка не знала, собирается ли демон вернуть ее своему хозяину, но была слишком слаба, чтобы как-то отреагировать. Кроме того, прекращение боли было таким облегчением...

— Иди, — вдруг сказал Грелл. — Уходи, Ри-ган.

«Когда Создатель творил Лизмаир, он пел, танцевал и двигался по пустому пространству земли, ударяя своим копьем. Так появились озера и океаны и все сиды, кроме одного. В бесконечном мраке небес яркая звезда удивилась, увидев мир, сотворенный Создателем. Звезда упала на этот мир и превратилась в существо, которое могло неустанно бежать много миль, прекрасно видеть на большие расстояния. Так первый сид-волк пришел в Лизмаир. Он отличался от других существ, потому что был мудрым созерцателем сотворения мира...»

Седая, окровавленная морда Эскариуса Вермеха подергалась во сне, потому что ему снился мамин голос. Ее считали самой красивой волчицей в клане, а отца Эскариуса самым достойным, чтобы завоевать ее сердце. Проснувшись, он решил, что члены его племени очень умны. Они совсем другие, отличаются от остальных обитателей Сутры... Было кое-что, чем клан волков мог гордиться. Например, своим статусом одиночек и очень мудрых существ.

Но Эскариус чувствовал беспокойство от этих мыслей и голоса мамы. Она говорила о прошлом. Мифология сидов принадлежала совершенно другому миру... Здесь, в Сутре, их клан уменьшился, преследуемый Риган и Джалом, но все-таки они были разделены с Великими физически и эмоционально различными представлениями о преданности. Хотя с другими сидами у волков существовала некая гармония. Единственным собранием, которое уважали и на которое собирались все без исключения, был Совет, но он не проводился последние пять лет...

Эскариус уже не спал, хотя упрямо не хотел открывать глаза, не испытывая желания смотреть на то, что, как он знал, его ожидало. Глубокая складка пролегла по центру его морды до самых глаз. Мысли, хотя и не очень связные, все-таки стремились к выводу, который Эскариус неохотно сделал. Если что-то не предпринять, сиды могут исчезнуть из Сутры навсегда, а Великие будут оплакивать их, хотя не сделали ничего, чтобы остановить этот процесс.

Наконец Эскариус открыл глаза. Земля вокруг него была черной и красной. Красной от огня, черной от пепла и разбросанных тел скооров. Дым стелился по выжженной земле всю ночь и теперь повис, будто густой, жирный туман, в нескольких футах над землей. Не было и дуновения свежего ветерка, ничто не двигалось среди строгих силуэтов обнаженных деревьев. На первый взгляд казалось, что вокруг стоит полная тишина, но когда Эскариус прислушался, до него донесся тихий, настойчивый звук, похожий на приглушенный шепот. Он знал, что этот звук производит огонь, коварно путешествующий под землей. Не оставив ничего на мили вокруг на своем пути, огонь жег торф, взрывая поверхность пламенным когтем, поглощая корни и нижние ветви деревьев, попавшихся ему на пути.

Волк медленно дышал, стараясь захватывать как можно меньше дыма. Он встал на поверхность гранитной плиты, нагретой подземным огнем, и потянулся, выгнув спину дугой, разминая затекшие мышцы. Спрыгнув на землю, Эскариус почувствовал, как болезненно натянулась кожа вокруг ран на его теле. Больше всего беспокойства доставляла рана на спине, которую нанес оказавшийся более удачливым скоор своим коротким копьем, когда Эскариус одолел его напарника и вырвал из горла кусок отвратительного на вкус мяса. Их оказалось слишком много, чтобы волк смог остановить тварей. В конце концов скооры просто перестали обращать на него внимание и продолжали свой мерзкий полет.

Эскариус остановился и посмотрел тоскливым взглядом в том направлении, куда они улетели. Дым действовал на глаза, раздражая их, заставляя слезиться, отчего казалось, что он плачет. Хотя, по правде говоря, на сердце у него было очень тяжело. Впереди, непроницаемый для огня, стоял камень Фир Крига. Над ним вился дым, и первые прикосновения зимнего утра, достигнув желтых клубов, делали их похожими на твердые золотые нити или вьющиеся растения, стремящиеся повалить последние несколько камней. За ними молчаливое зеркало Света Небес было также окутано дымом. Ор Койл, большой лес, покрывавший землю на сотни миль с запада на восток, больше не существовал. Сожженный, изломанный, опустошенный легионами скооров и других странных чудовищ, каких никогда не видели в Сутре. Это была смерть. И сиды, и Великие пребывали в печали. Сомнений быть не могло, неприятности их всех ждали большие.

«Где они? — подумал Эскариус. — Где же они?»

Он пообещал ждать их возле камней и ждал, но никогда не думал, что это будет так непросто. Подушечкам на его лапах уже было горячо. Сид посмотрел вниз и увидел тоненькие струйки дыма, поднимавшиеся вверх сквозь мех на лапах. Вздохнув, чтобы добавить немного воздуха в свои измученные легкие, Эскари-

ус медленно полез назад, на свою скалу. Усевшись на ней, он задрал морду со слезящимися глазами и завыл. Тоскливый вой разнесся по задымленному пространству. Через несколько минут, почувствовав недостаток воздуха, Эскариус опять лег и уже почти собрался положить голову на лапы, когда его внимание привлекло движение вдалеке.

По дымящемуся пространству медленно ехал всадник. Эскариус инстинктивно замер, следя за каждым движением немигающими глазами. Конь, высокий красивый жеребец, явно не хотел идти по сожженному лесу. Даже издалека Эскариус видел, что он двигается осторожно, но часто спотыкается, а всадник не делает попыток направить его. Создавалось впечатление, что человек или ранен, или вообще находится без сознания. Фигура, одетая в тяжелую красную накидку, уже начинавшую дымиться по краю, качалась в седле из стороны в сторону. Каждый раз, когда лошадь спотыкалась, всадник наклонялся то вперед, то назад, то в стороны. Казалось, что только благодаря какому-то чуду всадник еще не свалился в дымящиеся остатки леса.

Эскариус Вермех долгое время ничего не делал. Он стоял, припав головой к передним лапам, и тихо рычал. Наконец, когда всадник подъехал ближе, любопытство взяло верх над осторожностью, и сид покинул скалу. Пригнувшись к земле и издавая громкое рычание, волк двинулся вперед.

Лошадь остановилась почти в десяти футах от того места, где стоял Эскариус. Оба животных уставились друг на друга. Сид-волк величиной с небольшого пони явно испугал лошадь, и только тот факт, что она уже валилась с ног от усталости, не дал животному помчаться галопом прочь со своей ношей. Вместо этого лошадь стала как вкопанная.

Как только Эскариус подошел ближе, чтобы получше разглядеть всадника, тот застонал, неуклюже свалился со спины лошади и теперь лежал в золе. Было совершенно ясно, что, если человек немедленно не встанет, его одежда загорится, но попыток с его стороны заметно не было.

Эскариус раздраженно зарычал и трансформировался в человека, чтобы помочь упавшему всаднику. Он быстро подбежал к лежавшему человеку и поднял его на руки, почти уверенный, что тот мертв.

Женщина. Эскариус понял это в тот самый момент, когда поднял невесомое тело. Разглядеть ее лицо было невозможно из-за пота и грязи. Эскариус осторожно отнес женщину к своей скале. Потом намочил мягкую салфетку, которую достал из сумки, и протер лицо, положив голову женщины себе на колени. Она практически вся была покрыта засохшей кровью, которая насквозь пропитала тонкое платье. Он три раза мочил салфетку, и каждый раз

кровь из глубоких ран на ее лице окрашивала ткань в красный цвет. Эскариусу показалось странным, что тело женщины покрыто россыпью мелких волдырей, иные из которых все еще кровоточили. Он ласково бормотал над незнакомкой, используя язык сидов, словно она была маленьким ребенком, но вдруг резко остановился. Как только ее лицо было очищено от крови и грязи и женщина открыла все еще бессмысленные глаза, он узнал ее.

В последний раз, когда он ее видел, эти холодные глаза скользнули по нему, не обратив внимания. Два года назад Эскариус отправился в Сулис Мор, чтобы обменяться новостями с несколькими сидами, с которыми поддерживал отношения. Она ехала верхом рядом с калекой Тристаном в процессии, чтобы зажечь зимние огни. Это была Риган.

Эскариус оголил зубы, инстинктивно имитируя оскал волка, которым он так часто теперь бывал. Его рука потянулась к поясу, на котором висел кинжал. Молниеносным движением он занес руку для удара... и остановился.

Риган смотрела на него. В ее взгляде не было и тени страха, только печальное понимание.

— Продолжай, — прошептала девушка. — Убей меня. Легкая смерть это больше, чем я заслуживаю.

Эскариус помедлил. Должна ли смерть на самом деле быть легкой для женщины, которая причинила так много зла? И мог ли он, сид-волк, решать ее судьбу? Она права в одном, если он убьет ее сейчас, это будет слишком легкой смертью. И сиды, и Великие должны знать о ее уходе, а так казнь будет совершена без свидетелей.

— Нет, — пробормотал он угрюмо. — Вы правы, леди. Вашу судьбу должен решать Совет.

Риган никак не отреагировала, когда он убрал кинжал. Эскариус дал ей немного воды из своей фляги, а потом девушка уснула или потеряла сознание.

Джал смотрел на замороженный Большой Зал. Если быть честным с самим собой, он поступал не совсем правильно. Но честность не была тем качеством, которое слишком часто его беспокоило. В данном случае Джал сам себя загнал в ловушку. Риган ушла, исчезла из своего собственного каземата неизвестно как. После ее исчезновения, чтобы выиграть время для раздумий, он заморозил крепость еще раз. Была поздняя ночь, и Большой Зал был полон людей, которые пили и слушали музыку и наверняка еще рассуждали о том, что никто из них не видел леди Риган уже почти неделю. Сулис Мор и северные кланы оставались без управления. Это не могло продолжаться долго. Джал знал, что были посланы курьеры к леди Улле, Хью и Лэхлену, и, хотя он отправил вслед за ними скооров, пока не имел подтверждения, что гонцы уби-

ты. Если курьеры доберутся до их владений, то остается лишь вопросом времени, когда южные кланы выступят против него.

Джал вздохнул. Потеря Риган очень рассердила его. Теперь она знает правду о его возможностях и о той угрозе, которую он представляет. Когда Джал вернулся и увидел, что Риган каким-то чудом исчезла, он испытал неожиданное чувство облегчения, что не сможет больше ее мучить. После этого он заморозил город еще раз, чтобы зализать раны и все хорошенько обдумать.

Теперь у Джала появились новые враги. Сейчас скооры запугивали Великих, которых было легко убивать. В этом отношении оказался очень полезен Грелл. Сначала, после невероятного побега Риган, Джал решил прогнать демона, но потом унял свой гнев. Просто у Грелла примитивный ум, как у какого-нибудь из его псов. Возможно, Риган или какой-нибудь ее союзник перехитрили его. За последнюю неделю Грелл вызвал из «пустоты» много загадочных и опасных существ с помощью телепатических угроз и обещаний, о которых Джал, к счастью, не знал.

Теперь Джал планировал побег в другой мир. Он получит власть и там. Правда, что с ней делать, пока оставалось для него загадкой. Нокс будет очень полезен, он достаточно фанатичен и напуган. Так много возможностей...

Джал опять вздохнул.

— Это не может быть Ор Койл.

Талискер с изумлением оглядывался по сторонам слезящимися глазами. Тристан не говорил ничего, но видно было, что он потрясен.

— Может, что-то случилось с воротами? — предположил Талискер. — Может, тут прошло сто лет или еще что-нибудь...

— Не думаю, отец, что скооры живут так долго.

Тристан кивнул в сторону обожженных тел чудовищ, лежавших в золе. Что это они — сомнений быть не могло, очертания тел и крыльев были узнаваемы даже в таком состоянии.

— Что случилось с Эскариусом? Он обещал ждать, — подумал Талискер вслух.

— Кто такой Эскариус?

— Волк из клана сидов. Я знаю, о чем ты думаешь, но он дал слово, и у меня нет оснований ему не доверять. Должно быть, что-то случилось... — Тристан чуть не рассмеялся над очевидностью замечания, но обеспокоенное выражение на лице отца остановило его. — Надеюсь, с ним все в порядке, — пробормотал Талискер.

— Он не родственник тому Эскариусу, который...

— Его сын, — кивнул Талискер. — Но у него свой кодекс чести, Трис. Клан волков верит, что они поступают с честью, — продолжал он, пожав плечами. — Конечно, это спорный вопрос...

Трис выглядел так, будто собирается возразить, и Талискер вдруг вспомнил, что его сын обожает обсуждать такие вещи, как этика, мораль и законность. Во всех отношениях, кроме физического состояния, Тристан был рожден для того, чтобы стать правителем Сулис Мора.

— Но из-за них были убиты...

— Тристан, — мягко перебил его Талискер, — ты видел кого-нибудь, когда мы проходили через ворота?

Тристана несколько удивил вопрос отца.

— Да... но я не знаю, кто это был. Мне показалось, что это женщина или мужчина, но хрупкого телосложения. — Он хмыкнул, и в тишине сгоревшего леса раздался негромкий, приятный для слуха смешок. — Может быть, нам посчастливилось, и Джал отправился в новый мир?

— Она тебе что-нибудь сказала?

— Я не уверен... если только не вслух. У меня просто возникло чувство, что она сожалеет о чем-то. Как ты думаешь, кто это был?

— Не знаю, — ответил Талискер.

Начинался дождь. Большие капли медленно падали на выжженную землю мертвого леса. Талискер прислонился к скале, подставив под дождь ладони и собирая холодные капли, чтобы промыть глаза. Через какое-то время они услышали странный шипящий звук, это усилившийся дождь гасил тлеющую землю. Талискер все еще смотрел вверх на падающие с неба струи дождя, не в силах избавиться от впечатления, что земля вздохнула с облегчением, может быть, потому, что ему удалось вернуть ей Тристана... Он почувствовал желание двигаться, зачарованный простым спокойствием ливня. Но в скором времени Талискер увидел черный силуэт большого сида-орла, приближающегося к ним с запада.

— Тристан, посмотри.

Орел, казалось, искал их. Во всяком случае, его полет преследовал какую-то цель. Направлялся он к стоявшим камням и, судя по всему, собирался приземлиться на них. Талискер и Тристан стояли, наблюдая за его приближением. Орел опустился на поваленный камень, который когда-то был частью кольца. Талискер подумал, что ему долгое время не приходилось встречаться с сидами, кроме, разве что, Эскариуса. Он вспомнил принца Макпьялуту, Серого Призрака Эскариуса, и тот очень неприятный конфликт, который у них произошел...

Как только орел стал светиться — обычное состояние при трансформации животного в человека, — Талискер посмотрел на Тристана. Юноша выпрямился, поправил одежду, не то чтобы приосанился, но, во всяком случае, приготовился к тому, чтобы опять стать правителем. Талискера пронзило чувство гордости и жалости к своему сыну. Он понимал, как трудно придется Триста-

ну, пока он завоюет уважение к себе как к правителю. Как только сид закончил трансформироваться в человека, Талискер сделал шаг назад, чтобы стоять немного позади сына.

Перед ними стоял высокий, представительный человек. Он отвесил небольшой поклон Тристану, метнув острый взгляд, не пропускающий ничего, в сторону Талискера.

— Приветствую вас, ваше величество, — сказал он, позволив себе осторожную улыбку, как будто это было запрещено.

Ответ Тристана прозвучал гораздо теплее.

— Принц Текумсех. Как приятно вас видеть.

— Кто ваш попутчик? — спросил принц, нахмурившись.

Тристан посмотрел на отца, и в этот момент им стало понятно, что возраст Талискера не изменился по возвращении в Сутру.

— Это мой отец, Дункан Талискер. Ваши легенды, я уверен, упоминают о нем. Он прошел в другой мир через ворота Фир Крига, чтобы найти меня, когда я потерялся и находился на расстоянии в целый мир от бед своего королевства.

Всю официальную речь по поводу своего возвращения Тристан произнес с важностью правителя.

Принц Текумсех опять кивнул Талискеру, на сей раз посмотрев на него более внимательно. Талискер видел, что с языка мужчины готовы сорваться вопросы.

— Где Эскариус из клана волков? — спросил Тристан. — Он клятвенно обещал, что будет ждать нас здесь.

— Именно он послал меня, чтобы разыскать вас, ваше величество. С тех пор как вы исчезли, здесь произошло много серьезных событий, и сиды сегодня собрались на Совет...

Тристан оглянулся на дымящиеся остатки леса. Сотни миль опустошения. Текумсех догадался, в чем причина его озабоченности.

— Я отнесу вас обоих, ваше величество.

На этот раз он поклонился гораздо ниже, словно извиняясь за то, что причинит правителю неудобство, но в то же время его голос был очень тихим, как будто он хотел быть уверенным, что его предложение никто не услышит.

— Приношу вам свою благодарность, принц Текумсех, — в свою очередь поклонился он сиду. — Вы нам окажете большую честь. Давайте тогда как можно скорее покинем это место. Мои легкие уже отказываются здесь дышать.

Принц согласно кивнул и опять стал трансформироваться.

Тристану не приходило в голову, что он боится высоты, до тех пор, пока ему не пришлось в первый раз в жизни оказаться в тысяче футов от земли. Сначала он почувствовал облегчение, освободившись от пелены едкого дыма, уже несколько недель по-

крывавшей Ор Койл. Воздух наверху был очень холодный, но свежий и чистый. Они поднялись сквозь покрывало дождя, над темными тучами, в странный, залитый солнцем мир, где поверхность облаков образовывала замороженное, золотое покрывало. Талискер предупредил Тристана, что наверху будет очень холодно, и тот краем своего пледа обмотал нос и рот. Даже так сначала было трудно дышать, потому что легкие не сразу привыкли к перемене воздуха.

Принц Текумсех подготовился к тому, что ему придется переносить людей. Он захватил веревку, которой они обмотались сами и перекинули ее под грудь орла. Скоро небо очистилось от облаков, и когда под ними появился пейзаж Сутры, юноша громко вскрикнул от благоговейного страха. За своей спиной Тристан услышал, как тихонько усмехнулся Талискер, и подумал с раздражением: существует ли что-нибудь, чего его отец боится?

Текумсех выбрал для полета восходящий поток теплого воздуха и, к беспокойству Тристана, очень редко взмахивал крыльями. Ему показалось странным, что они могут просто висеть в воздухе. Он никогда раньше не задумывался над тем, как происходит полет.

Страх, однако, не так уж долго одолевал юношу. Уже после первых десяти минут Тристан почувствовал, что понемногу расслабляется. Он с изумлением уставился на землю внизу. Текумсех летел на юго-запад. Сначала по направлению к океану, а потом вдоль береговой линии. Монотонность мертвых коричневых папоротников, прихваченных морозом, сменилась картиной неровных темных скал с крутыми откосами и утесами, врезающимися в стальную гладь океана. То там, то здесь теснились дома, но их было так мало. Большинство жителей Сутры поселялись в больших городах из соображений безопасности, а те, кто предпочитал жить в таких местах, считались отважными и дерзкими людьми. Дальше на юг, где располагались владения Хью и Лэхлена, было теплее и гораздо больше людей жили изолированно в своих родных местах.

Ни Тристан, ни Талискер не знали, где будет заседать Совет сидов, но путешествие привело их далеко на юг, так что был виден край королевства Лэхлена. Текумсех круто повернул на запад, и, не успев сообразить, что происходит, они уже летели над морем, видя, как побережье Сутры исчезает у них за спиной.

— Не беспокойся, Дункан Талискер. Это место находится недалеко. Эскариус сказал мне, что ты обладаешь даром слышать мысленную речь сидов...

Голос Текумсеха раздался в голове Талискера совершенно неожиданно. Тон был строгий и авторитетный. Талискер передал суть сообщения Тристану, который угрюмо кивнул в ответ, все еще крепко вцепившись в веревку.

На Совет они прибыли буквально через десять минут. Выглядящий бесплодным остров из красного камня подни-

мался из глубин океана. Теплый цвет камня казался абсолютно неуместным среди серых волн. В его северной части поднималась почти на милю в высоту, врезаясь в облака, гора. Когда подлетели ближе, стало заметно, что состоит она из монолитов. На половине высоты основания колонн находилось плато, на котором располагались невысокие дома. Текумсех сложил крылья и стал кругами опускаться.

— Что это за место? — спросил явно заинтересованный Тристан.

Как правитель он получил больше знаний, чем большинство Великих, и знал, что этого острова нет ни на одной карте западных морей. Юноша говорил вслух, не ожидая ответа, но через несколько секунд ему ответил Талискер.

— Ты прав... — пробормотал Дункан. — Он говорит, что остров создан с помощью магии. — Последовала пауза, так как беззвучная беседа продолжалась. Потом Талискер по какой-то причине насмешливо фыркнул. — Неужели сиды так ничему и не научились? — заметил он горько. — Он называется Лис. Тристан, перестань задавать вопросы...

Как только они опустились на землю, им навстречу вышли сиды как в облике животных, так и в виде людей. Тристан узнал двоих старейшин из Совета, с которыми был знаком еще с тех пор, когда отношения между Сулис Мором и сидами были гораздо лучше. Это были Маркомет из клана медведей и Тсали из клана рысей, оба в человеческом обличье. Тристан немного нервозно засмеялся и убрал с лица растрепанные ветром волосы. Талискер похлопал его по плечу.

— Добро пожаловать, тан Тристан, добро пожаловать, — пробасил Маркомет. — Пусть наша встреча повернет обстоятельства к лучшему.

Он низко поклонился, перебросив свой вес на палку, которую воткнул в землю перед собой.

— Может быть, пока мы отдыхаем от путешествия, вы просветите меня, что за обстоятельства сложились здесь в мое отсутствие? — попросил Тристан мягко.

За их спиной Текумсех вновь трансформировался в человека и вышел вперед, приняв командование делегацией на себя.

— Маркомет, — произнес он. — Вместе с Тристаном прибыл его приемный отец Дункан Талискер...

Маленькая группа людей застыла в изумлении.

— Нет-нет, это невозможно, — хмуро заявил Маркомет. — Моя кузина Ашка спасла Талискера и его друга в снегах двадцать пять лет назад. А этому человеку немногим больше тридцати лет.

— На самом деле тридцать четыре. — Талискер поклонился церемонным поклоном. — Я... вернулся назад в свой

мир, чтобы найти тана Тристана, и результатом стала моя вновь обретенная молодость. — Он улыбнулся Маркомету. — Ашка была мужественной молодой женщиной. Она пожертвовала своей жизнью ради нас, и я ее никогда не забуду. Ваш клан должен гордиться ею.

Маркомет кивнул, его потускневшие голубые глаза засветились от удовольствия, когда он услышал комплимент Талискера.

— Ты прав, — важно проговорил он и снова переключил свое внимание на Тристана. — Боюсь, у вас не будет много времени для отдыха. Совет состоится завтра. Суд будет вскоре после него.

— Суд? Какой суд?

Маркомет посмотрел на принца Текумсеха с раздражением и тревогой.

— Ты им ничего не сказал?

— У меня было слишком мало времени. Они задыхались в Ор Койле, что мне оставалось делать? — хмуро ответил Текумсех. — Ждать, пока они умрут во время моего рассказа?

Маркомет вздохнул и посмотрел в землю, явно не желая встречаться взглядом с Тристаном. Тсали похлопал его по плечу, стараясь приободрить.

— Думаю, вам надо пойти с нами, ваше величество, — пробормотал он.

Они вошли в лабиринт камер, вырубленных в красной скале. Тристан чувствовал, что его ждет что-то неприятное, но пока сохранял спокойствие. Когда они вошли в относительно темное помещение, которое освещали только несколько фонарей, его взгляд стал с беспокойством метаться по сторонам, наблюдая за тенями.

Как только миновали череду камер, Тристан заметил впереди теплый, зеленый свет. Некрашеный дверной проем вел в следующую камеру, именно оттуда был виден свет. Около двери сидел огромный волк, будто на страже, хотя, когда они вошли, он, похоже, просто дремал.

— Эскариус, — позвал его Талискер.

Сид поднял голову, и глаза его расширились от удивления. Когда путешественники подошли поближе, то увидели, что он весь изранен. Тристан вспомнил трупы скооров, валявшиеся на пепелище в лесу.

Не издав ни звука, волк встал и начал трансформироваться. Через мгновение перед ними предстал Эскариус в своем человеческом обличье. Хотя он явно был очень рад видеть Талискера, но ничего им не сказал, а повернулся к делегации сидов, состоявшей из Маркомета, Тсали и Текумсеха.

— Я отведу их, — сказал он.

 Текумсех кивнул:

— Отлично. Мы поговорим позже.

Трое старейшин ушли, оставив Тристана и Талискера наедине с Эскариусом.

— Эскариус, что здесь происходит? — спросил Талискер, нахмурившись.

Тот не сразу ответил, а обратился к Тристану:

— Я отведу вас первым, ваше величество. Талискер, ты подожди здесь. Только один человек может войти за один раз.

Глаза Талискера угрожающе сузились, а рука потянулась к мечу.

— Если я услышу что-нибудь необычное, то обязательно войду, Эскариус...

— Уверяю тебя, там нет ничего опасного, — ответил тот.

Талискер кивнул, хотя все еще неохотно доверял сиду из клана волков, несмотря на то что старейшины совершенно спокойно оставили их на его попечение. Он смотрел, как Тристан и Эскариус вошли в узкую дверь, но как Талискер ни вытягивал шею, чтобы увидеть, что там, внутри, кроме зеленого света, больше ничего нельзя было рассмотреть, а через несколько секунд вообще стало темно, потому что Эскариус задвинул какую-то штору, полностью скрывшую весь обзор.

Тристан прошел вперед, в мерцающий свет камеры. Из-за болезни его ноги действовали вразнобой и в лучшие времена, а сейчас было так темно, что он не мог разглядеть свои собственные башмаки, что очень его нервировало. Зеленый свет впереди стал таким ярким, что на него невозможно было смотреть, так сильно слезились глаза. Кроме того, мерещились какие-то тени, потому что сама камера не была освещена.

— Что это?

Он щурил глаза, пытаясь смотреть на свет, чтобы увидеть то, что находилось в центре. Но с того места, где он стоял, никаких деталей рассмотреть было невозможно.

— Вы должны идти вперед.

Эскариус показал на дорожку, которая вела к свету. Когда Тристан взглядом проследил путь, он заметил, что через двадцать шагов или около того дорожка переходит в мост, потому что пол обрывается в пропасть.

— Когда дойдете до каменной статуи, вам следует остановиться, — продолжал Эскариус.

— Но я не могу, — затряс головой Тристан.

— Вы боитесь? — нахмурился Эскариус.

— Нет, не боюсь. — Тристан поднял глаза на сида. — Это из-за моих ног, Эскариус. Они... очень ненадежны, а дорожка такая узкая.

— Простите, тан Тристан. Конечно, для вас это очень трудно, — вздохнул Эскариус. — Я отнесу вас туда.

— Так важно, чтобы я увидел, что там?

Сид ничего не ответил, он опять трансформировался в волка. Тристану показалось, что он сделал это так быстро, чтобы избежать дальнейших расспросов, но с благодарностью вскарабкался на спину сида, раз уж выбора не было. Его ноги до сих пор дрожали, их сводила судорога после полета на спине Текумсеха. Эскариус был широким, как лошадь, а ноги и бедра Тристана болели, но по крайней мере волк бежал по земле. Если юноша справится со своими нервами и не упадет, все будет отлично. Тристан решительно уставился вперед между мягких лохматых ушей волка, но абсолютно ничего не могло подготовить его к тому, что он увидит.

Яркий зеленый свет исходил от трех различных источников света, направленных на огромный драгоценный камень, подвешенный под потолком. Лучи соединялись в камне, потом преломлялись и отражались в тысячах маленьких зеркал. Весь этот эффект создавал сияющую клетку. Внутри нее, привязанная к столбу за руки, связанные за спиной, находилась узница. Голова опущена. Когда-то прекрасные волосы сейчас свисали сосульками. Платье и накидка обожжены и порваны. Тристану не было нужды видеть лицо узницы. Он инстинктивно узнал ту, что была знакома ему целую жизнь.

— Риган?

Она подняла голову и посмотрела на него твердым взглядом.

— Трис? Ты вернулся...

— Что случилось? — прошептал он с ужасом.

Риган горько засмеялась.

— Добро пожаловать, маленький братец. Давай прекратим играть в игры. Когда ты сбежал, то отправился к сидам за помощью. Мое заключение — это то, чего ты ждал. Я думала о тебе с большим уважением, надеялась, что ты будешь штурмовать Сулис Мор и захватишь меня в честной борьбе...

— Но это был не я, Ри... Мне ничего об этом не известно. Я был в мире отца и... — Он вдруг замолчал. Риган всегда так поступала с ним, заставляя быть слабым и похожим на ребенка. Тристан почувствовал обиду и выпрямился на спине Эскариуса, насколько это было возможно. — Ты сама во всем виновата, Ри. Сиды слишком много страдали по твоей милости.

Она смеялась над ним, горько, но все равно издевательски, будто одержав моральную победу. В этом была вся Риган, загнанная в угол, побежденная, но все-таки бросающая вызов. Впервые Тристан увидел ее со стороны и понял, что сила Риган заключалась в обыкновенном высокомерии. Потом смех резко оборвался, девушка с тревогой посмотрела ему в лицо.

— Сиды хотят отомстить мне, мой маленький братец. Они решили, что бы ни случилось, казнить меня. Суд будет обыкновенным спектаклем.

— Мне очень жаль, — сказал Тристан спокойно, — но я вряд ли что-нибудь смогу для тебя сделать.

Риган резко наклонилась вперед, натянув кожаные ремни, которыми были связаны ее руки.

— Жаль? И это все? Когда ты наконец начнешь вести себя как правитель? Прикажи им отпустить меня!

— Вести себя как правитель — значит начать с себя, Ри, — проговорил Тристан. — Не может быть справедливости для избранных. Справедливость является частью обязанностей правителя.

— Но, Трис... Трисси...

Он бросил на Риган сердитый взгляд, когда она употребила одно из его уменьшительных имен. Краска прилила к его щекам.

— Поехали, Эскариус. — Волк начал разворачиваться в узком пространстве. — Нет, подожди, — вдруг сказал Тристан. Он с трудом повернулся на спине волка к Риган. — Послушай, Грейс все еще в Сулис Море?

— Грейс? Твоя девка? — Риган хихикнула, издав неприятный, резкий звук. — Она мертва, Тристан. Джалу стало скучно как-то ночью, ну, ты знаешь, как это бывает со слугами. Он говорил, она сильно кричала. Вот Джал взял и вырвал ей язык.

Неожиданно выражение лица Риган изменилось, потому что, вспоминая, что пришлось выстрадать молодой женщине, она содрогнулась при мысли, что Джал, как дикий пес, издевался над ней так же, как над служанкой. А она считала себя его госпожой. Эта мысль разозлила Риган еще больше. Она закатила глаза и остекленевшим взглядом человека, покинувшего этот мир, посмотрела на брата.

— Негодяйка! — вскричал Тристан. Отчаяние захлестнуло его, но он нашел в себе силы плюнуть в ее сторону. — Она никому никогда не причиняла вреда! И Джал негодяй, вот кто вы...

Тристан разрыдался, казалось, он не в силах был больше переносить горе и гнев. Юноша зарылся лицом в мех волка и дал выход эмоциям. Эскариус не стал ждать ответа Риган, а Тристан не хотел видеть реакцию сестры. Собственно, там не на что было смотреть. Риган, в очередной раз явив миру свою темную, испорченную душу, ушла в себя. Волк попятился назад по дорожке к дверному проему, надеясь, что его рыдающая ноша найдет в себе силы держаться покрепче.

— Риган?

— Отец! Вот так сюрприз! — Она жизнерадостно улыбнулась, как будто все еще стояла в дверях дома с охапкой полевых цветов в руках или с какой-то интересной находкой, которую она подобрала во время прогулки. — Они собираются меня убить. Ты знаешь об этом, отец?

Взгляд, который Талискеру часто приходилось видеть, когда она была ребенком, исчез, подобно тому как бледная луна исчезает при ярком солнце. Это был тот самый взгляд, который он старался не замечать до того дня, когда она пришла, чтобы сообщить о несчастном случае, который убил ее маму. Злой, лукавый, отражающий ту заразу, которая инфицировала Риган и разъедала ее, словно раковая опухоль...

— Что ты сказала Трису? Почему он так расстроен?

— Я ему сказала, что один его хороший друг умер, пока его не было в Сулис Море. — Риган сделала печальное лицо. — Он воспринял это известие очень тяжело. Мне кажется, Трис считает меня виноватой. Люди всегда ненавидят того, кто сообщает им неприятные новости, правда, отец?

— Да.

— Ты придешь на суд?

Она опять улыбнулась светлой улыбкой прежней Риган. Создавалось впечатление, что дочь обсуждает погоду или намечающуюся вечеринку. Талискер кивнул, не в силах больше ничего сказать, пытаясь унять противоречивые эмоции, бушующие внутри. Он видел перед собой гордую, надменную молодую женщину и понимал, что без выгоды для себя она не стала бы изображать из себя такую хорошую дочь. И все-таки... это была прежняя Риган. То, что сейчас делает ее такой властной, несущей угрозу людям, было частью характера, еще в детстве позволявшего ей одной, с коротким копьем, противостоять кабану. А ведь ей тогда было всего двенадцать лет.

Но сейчас Талискер был зол, и он не хотел уходить, не высказав своего мнения.

— Ведь я предупреждал тебя, Ри, что он плохой человек. Господи, ну почему ты меня не слушала?

— К тому времени уже было слишком поздно, отец. Но не обвиняй Джала... вернее, не во всем его обвиняй. Я была добровольным сообщником... — Теперь Риган выглядела искренне расстроенной. — Знаешь, если бы он тогда вложил меч в мои руки и сказал, чтобы я шла и убивала детей и женщин сидов... — Она помедлила. — Я думаю, что сделала бы это. Я не могу прийти завтра на суд и притвориться, что не виновата. В этом Тристан прав. — Она обезоруживающе усмехнулась. — Справедливость. Не могу сказать, что не знала, чем он занимается. Просто закрывала на это глаза. — Она вздохнула. — Обмануть можно сердце, но не разум.

— Но почему, Риган? — Голос Талискера был полон грусти и боли. — Помоги мне понять, я нуждаюсь в этом.

Риган посмотрела на отца с таким выражением, будто он задал глупый вопрос, ответ на который и дураку понятен.

— Но ведь они просто сиды, грязные животные. Они задушат Великих. Их численность постоянно растет. Некото-

рые даже позволяют себе связи с женщинами Великих. Нам необходимо избавиться от них, вот и все. Посмотри вокруг, этот остров создан с помощью сильной магии... Неужели ты чувствуешь себя спокойно, зная, что сиды обладают такой мощью?

— Просто сиды? — ахнул он. — Просто сиды? О господи, как я мог породить такого злобного маленького монстра. Сиды мирные люди... как ты можешь... Откуда взялась твоя ненависть, Риган?

Его голос сорвался от гнева. Дочь смотрела на него с удивлением. Он вдруг почувствовал, что больше не может с ней разговаривать, и повернулся, чтобы уйти.

— Отец! Не уходи. Не оставляй меня вот так просто. Я хочу знать, ты заступишься за меня на суде? Скажи им, что я хорошая... — Талискер повернулся к ней, по его лицу текли неконтролируемые слезы ярости. Он долго молчал, и Риган сникла под суровым взглядом. — Скажи им, что я хорошая.

Эти слова вырвались у нее как шепот, скорее даже как вздох. Она смотрела на отца. Зеленые глаза наконец наполнились искренними слезами.

Талискер, казалось, смотрел сквозь нее.

— Я скажу им, что не знаю тебя, — ответил он. — Я скажу им, что моя дочь, — его голос дрогнул, — моя Риган умерла.

Выходя из камеры, Дункан услышал звуки, которые разбили ему сердце. Это был плач Риган.

ГЛАВА 14

Далеко-далеко на севере, минуя места, где умирают легенды Великих, бушевал шторм. Он был очень сильный. Яростный смерч вырывал с корнем скудную растительность и сжигал ее своим собственным огнем молний. Прямо под эпицентром смерча находился островок другого мира — купол, созданный из материала, который можно было бы назвать чем-то вроде стекла, неизвестного в Сутре. Он отражал и отталкивал ярость шторма, который был вызван обитательницей купола для собственного развлечения. Звук бури, услышь его обычный человек, был бы принят за Конец Света. Буря хлестала купол с дикой яростью, а внутри было спокойно и тихо. Там все было похоже на осеннюю поляну в лесу, да, собственно говоря, так и было. Фирр перенесла свое любимое место сюда и для защиты накрыла его куполом. Здесь никогда не менялись времена года. Листья всегда были золотыми и красными. Всегда на грани опадания. Леди Фирр приносило удовлетворение состояние потенциального конца.

Над поляной пролетела большая черная птица, как бесшумная тень, освещенная бело-голубыми отсветами молний. Она села на ветку древнего дерева и, вытянув голову, смотрела на нижние ветви, под которыми стояла Фирр, глядя на себя в зеркало, подвешенное на дереве.

Богиня устала находиться в человеческом обличье, а попробовала она уже все. Фирр вяло смотрела на свое отражение. На ее лице уже двадцать лет оставался дефект, который нанес ей брат в приступе ярости. Богиня улыбнулась и дотронулась до щеки как раз под поврежденным глазом, который переливался всеми цветами радуги, словно опал. Когда Джал был маленьким, он часто напоминал ей Корвуса: такие же темные глаза, такой же эмоциональный напор... и ему тоже нельзя было доверять. Но Фирр больше не беспокоилась о Джале. Она решила иметь то, чего ей хочется, мира и забвения. Фирр достала из ножен на талии длинный серебряный кинжал, пристально глядя на отражение чего-то в зеркале, но не желая поворачиваться, будто ей было невыносимо сталкиваться лицом к лицу с реальностью.

Она не боялась. Тем, в ком течет кровь богов, нечего бояться. Действительно, кончина по собственному желанию была единственно возможной для тех, кого перестало привлекать обладание истинной властью. Осознание того, что ничто в жизни больше не имеет значения, было больше похоже на рассказанную сеаннахом сказку, которую прервали на середине предложения, отчего все стало бессмысленным...

— Я вижу тебя, Слуаг, — пробормотала Фирр с отсутствующим видом.

Она подняла глаза и посмотрела на ворона, встретив его холодный взгляд с обычной смесью презрения и сочувствия. Слуаг долгое время был другом ее брата, и появился он на следующий день после рождения Джала. Фирр всегда ненавидела ворона, очевидно, ревнуя его из-за привязанности, которую Корвус всегда испытывал к этому ничтожному существу. И тем не менее в ее сердце оставалось место жалости к нему. Без своего хозяина ворон чувствовал себя потерянным и бесполезным. Итак, вместо того чтобы убить птицу, она дала ей шанс. Ворону было разрешено остаться, хотя Фирр и мучило его присутствие — он напоминал ей о потерянном брате-близнеце.

— Если я уйду, то и тебе придется сделать то же самое, — улыбнулась она печально. — У тебя больше нет цели в жизни, старая птица. И ты, и я — остатки прежних времен.

Она поправила свою низкую кровать и легла, подняв кинжал. Но потом на мгновение отвела его в сторону. Фирр всегда больше ценила предвкушение события и не видела причин, чтобы ее уход был исключением. Ей следовало сделать это вместе

с братом, хотя тот ушел не по своей воле, убитый Талискером и его воинами... Фирр вздохнула и опустила оружие, отложив его в сторону.

Талискер. Стоило ей закрыть глаза, и она слышала спокойный стук дождя по крыше, чувствовала холод и жар той ночи. И помнила тот момент, когда они вступили в схватку, а их глаза встретились во время борьбы за меч, который был у нее в руках. Фирр хотела убить Талискера сама, чтобы потом бросить его голову под ноги Корвусу, но вместо этого встретилась с ним взглядом... и что-то возникло между ними. Позже Фирр вернулась, не в силах преодолеть любопытство, и соблазнила Талискера, замаскировавшись под его любимую женщину Уну. Но в конце концов он все-таки взял над ней верх и посеял семя в ее чреве, таким образом сделав Фирр способной к единственному акту истинного созидания, который она совершила в жизни. Талискер стал отцом ее сына Джала, но если быть честной, самым волнующим моментом их связи был тот самый первый мимолетный взгляд. Именно к нему возвращалась ее память всякий раз, когда Фирр думала о Талискере. Дункан был бы очень удивлен, узнай он, что богиня Фирр часто вспоминает о нем.

Но теперь со всем этим покончено. Она уже сказала все слова, необходимые, чтобы состоялось самоубийство, и планировала совершить последнее телепатическое путешествие, чтобы сообщить Джалу о своей смерти. Фирр не ожидала, что он будет плакать по ней. Привязанность и сыновние чувства не присущи богам, да и полубогам тоже. И все-таки она почувствовала легкое сожаление, что Джал вырос таким чудовищем. Хотелось бы ей, чтобы она поддалась своему первому побуждению и отправила его жить в семью обыкновенных смертных, прежде чем у него появился хотя бы один шанс побаловаться с магией. Теперь Джал все еще неудачник во всех отношениях.

Богиня подняла кинжал и улыбнулась клинку, как будто освобождая его от ответственности за убийство. Фирр делала это и раньше, все происходит очень быстро, надо только одним ударом проткнуть себе горло...

— Фирр, почему ты до сих пор не пришла? Ты обещала, что скоро придешь...

С раздраженным вздохом Фирр отбросила кинжал.

— Я солгала, — сказала она. — И не собираюсь в Сулис Мор. С меня хватит.

Богиня оглянулась вокруг и наконец увидела его. Изображение было ясным и четким, как будто сын стоял здесь, перед ней, а не передавал свое изображение из крепости. На Фирр это произвело впечатление, его умение значительно возросло. Выражение лица Джала было, как и всегда в разговорах с Фирр, нетерпеливым.

— Но ты должна была прийти и посмотреть, что я сделал, — возразил он. *— Сулис Мор теперь мой навсегда...*

— Отлично, — вздохнула она.

Фирр уже видела Сулис Мор, проверяла, как дела у Джала. Город был закован в лед и заполнен такими демонами, что Джалу вскоре придется приложить немало усилий, чтобы контролировать их. Он всего лишь полубог и уже исчерпал свои возможности. Мысли Фирр перескакивали с одной на другую, потом вдруг резко остановились на одном подозрении, неизвестно откуда появившемся. Она прищурила глаза и пристально посмотрела на сына.

— Очень хорошо, Джал, — сказала Фирр, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. — А что ты собираешься делать теперь?

— Н-ничего.

Он никогда не умел ей врать. Фирр не смогла сдержать удовлетворенной улыбки.

— Ничего? Как ты будешь жить? Как Сулис Мор будет поддерживать себя, если продукты заморожены в складах? Почему, когда пришел Кернуннос, чтобы забрать души, ты отказал ему? Разве можно вечно держать людей в подвешенном состоянии? Он очень сильно рассердился.

Фирр наблюдала за его реакцией. На лице сына появилась смесь упрямства и злости.

— Все уже улажено, у меня есть план. Я послал ультиматумы всем танам, требуя их сдачи и преданности, и я...

— Что?

— Ничего... ничего важного. Почему ты не пришла?

— С меня хватит, Джал, — сказала Фирр. — Я очень устала. Быть бессмертной когда-нибудь надоедает. Всегда — это большой срок.

Джал нахмурился, понимая, что она имеет в виду, хотя принять то, что матери надоела жизнь, которой он так жаждал, он не мог.

— Нет, я не хочу отпускать тебя, — заявил он. *— Наступает такое волнующее время, Фирр. Ты должна прийти и стать моей супругой. Мы вместе будем управлять Сутрой, так управлять, что...*

Она опять вздохнула, прервав его вдохновенную тираду.

— Поверь мне, Джал, я все это видела раньше. И теперь ухожу.

Фирр подняла кинжал и приготовилась к удару.

— Не-е-ет!

Его душераздирающий крик удивил богиню. Голос Джала стал похож на ветер, который нарушил ее положение на кровати, привел в беспорядок волосы, одежду и покрывало, поразив своей силой и яростью.

— Отойди! — закричала Фирр.

Твердые, сильные пальцы вырвали кинжал из ее рук и швырнули в другой конец комнаты. Хотя шум ветра был оглушающе громким, возмущенный крик Фирр был еще громче.

Потеряв контроль над собой, она выросла до верхушек деревьев, так что буря бушевала где-то на уровне ее ног.

— Я решаю! — закричала она. — Я решаю, когда мне уходить, а не ты!

Богиня подняла ногу и наступила на фантом Джала, как будто он был просто надоедливым насекомым. Джал, чье изображение трансформировалось в свет и энергию, обвился вокруг рук, вокруг каждого пальца богини. Фирр смотрела на свет, и ее ярость пошла на спад.

— Пойми, Джал, между нами не может быть любви. Ты знаешь это.

— *Я не бог, Фирр. Я люблю и страдаю. И... и ты нужна мне...*

Фирр была тронута его словами и приняла свой обычный вид и размер.

— Зачем?

— *Что ты имеешь в виду?*

— Зачем я тебе нужна?

Богиня опять почувствовала, что в душу закралось подозрение, но позволила себе усомниться в его правильности. Свет оставил ее руки, и Джал опять принял человеческий вид. Выражение лица его было таким, что других подтверждений своим подозрениям ей больше было не нужно. Он намеревался сам убить ее. Ему требовалась энергия матери для какого-то темного дела... Богиня не сомневалась в этом, хотя сын улыбался ей своей самой подкупающей улыбкой. И в этот момент Фирр показалось, что в его чертах появилось что-то от отца. Богиня улыбнулась ему в ответ, продолжая играть свою роль, хотя предательство Джала ранило ей сердце. Честно говоря, Фирр даже удивило, что она все еще может чувствовать такую боль.

— *Понимаешь, мама, моя победа ничего не значит, если тебя нет рядом.*

Фирр хотела посмотреть на кинжал, лежавший на полу, чтобы рассчитать свою позицию на случай, если понадобится схватить его. Если бы ее сын находился здесь в своем физическом теле, это было бы легче, она смогла бы остановить его простым заклинанием. Но ей ничего не удастся сделать, чтобы повлиять на его фантом, когда тело прячется в Сулис Море. Фирр поборола импульс, потому что заметила мимолетное движение взгляда сына и поняла, что он заметил ее порыв.

— Хорошо, Джал. Хорошо. Я пойду в Сулис Мор.

— *Правда?*

Он засмеялся и захлопал в ладоши от восторга, как маленький мальчик.

Фирр снисходительно улыбнулась.

— Я буду там через три дня. Сначала мне необходимо кое-что сделать здесь.

— Замечательно. Я подготовлюсь к твоему приходу. Ты займешь лучшие комнаты, Фирр.

Она кивнула в ответ, опасаясь много говорить, чтобы голос не выдал ее.

— В таком случае до свидания, Джал.

— До свидания.

Фантом Джала стал постепенно таять, и Фирр смотрела, как последние отблески света исчезают среди темной линии деревьев. Потом она бросилась в другой конец комнаты.

Фирр знала, что опоздала, когда добежала до ножа. Сын возвращался, как она и ожидала. Опять возник шум ветра, и она узнала безумный, глухой звук хаоса, в который погружалась душа Джала. Но Фирр была сильнее сына. Она схватила кинжал и повернулась лицом к буре.

— Возвращайся назад, Джал! — воскликнула она. — Возвращайся или я заберу твою душу с собой!

Фирр не могла выразить свой гнев через трансформацию, потому что ей нужно было сохранить человеческий размер на случай, если придется убить себя. Но она выбросила мощный поток энергии из левой руки прямо в центр теперь уже бесформенного фантома Джала. Раздался вопль ярости, доносившийся, казалось, отовсюду, но Фирр, не обращая на звук внимания, не колеблясь больше ни секунды, с силой вонзила кинжал прямо себе в горло.

Было больно. Очень больно. Она зашаталась, ослепленная обжигающей болью. В голове все перемешалось от шока. Это не могло быть смертью... Почему не проходит боль? Почему она не оставляет ее несчастное тело?

— Джал...

Она последний раз окликнула его, не понимая толком, прощает или обвиняет сына, да и какое это имело значение. А он все еще был зол, ледяной ветер рвал ее волосы и одежду.

Боги простят тебя, — подумала Фирр. Богиня упала лицом на кровать. Наконец пришло забвение.

Все произошло совсем не так, как Фирр представляла. Она могла видеть свою руку, безвольно откинутую в сторону, и наблюдала, как она стала превращаться в маленькое облачко красивого, нежного света. Фирр улыбнулась. *Наконец-то. Мир и забвение.* Она закрыла глаза, и боль стала постепенно отступать.

Но потом вдруг что-то толкнуло ее. Не физическое тело, а бестелесные частицы света, из которых теперь состояла душа богини и которые скоро растворятся в эфире. Где-то в яркой массе существовало уменьшенное сознание, которое было Фирр, и оно знало, что толчок этот был вызван Джалом, его заклятиями, чтобы поймать в ловушку ее душу и не дать ей уйти в забвение. Последним усилием воли Фирр бросилась прочь так быстро, как только

могла, стремясь рассеяться, затеряться в эфире, разбежаться в разные стороны в пустоте равнодушных небес. Все мельче и мельче распыляются частички света, словно эхо сверкания звезд, но сознание все еще здесь. И до тех пор, пока оно будет жить, это будет значить, что Джал победил.

Свет прекратил свое путешествие, заставив небо сиять россыпью розовых и золотых ярких искр. Внизу, среди уединения леса Фирр, можно было увидеть одинокую фигуру Джала. Она сверкала эфемерным блеском. Джал стоял, разглядывая что-то, лежавшее перед ним на кровати. Появившийся предмет на первый взгляд был обыкновенной веткой, упавшей с березы. При ближайшем рассмотрении можно было увидеть, что ветка светится изнутри, хотя свет, находящийся в ней, изо всех сил пытается вырваться наружу.

На лице Джала отразилось потрясение, когда он понял, что сделал. Джал действовал, повинуясь простому импульсу, но результат превзошел все его ожидания. Казалось бы, ему следовало чувствовать угрызения совести, но ничего подобного не отразилось на его лице, когда он протянул руку, чтобы взять ветку. Сделано это было очень осторожно, так как Джал не знал, как много от богини заточено внутри. Потом он аккуратно завернул ветку в свою накидку. Его губы шевелились, произнося заклинания, необходимые, чтобы перенести физические предметы вместе со своим призрачным изображением.

— *Отпусти меня, Джал. Пожалуйста...*

Звук далекого голоса, похожий на вздох, шептал в кронах деревьев, и Джал постоянно оглядывался, опасаясь, что Фирр может как-нибудь наказать его. У него не было сомнений, что мать его видит, он ощущал ее присутствие.

— До свидания, Фирр, — пробормотал он отсутствующим тоном.

Потом его изображение вспыхнуло и исчезло. В небе наверху оставшиеся искры, из которых состояла душа богини Фирр, мигали, словно в поисках ответа. Было что-то горестное в их пульсирующем свете. Казалось, они кричат безмолвным, отчаянным криком.

Тристан хотел поговорить с отцом и как-то успокоить его, но, откровенно говоря, понимал, что все сказанное будет бесполезным. Мужчины молча сидели за завтраком, погруженные после свидания с Риган в собственные мысли, в пещере, которую накануне им указал Эскариус.

У Талискера был вид человека, испытывающего сильную боль. Тристан спросил:

— Что она сказала, папа?

Талискер уставился на него с таким выражением лица, которое одновременно пугало и вызывало жалость. Его губы

какое-то время беззвучно двигались, пока он не нашел в себе силы заговорить.

— Ничего, — прошептал он. — Ничего особенного...

Накануне вечером они рано легли спать, но сон никак не шел. Тристан крутился в постели, пока одеяло не свернулось в жгут. Перед рассветом он посмотрел в сторону Талискера и заметил, что отец лежит ровно и тихо, как труп, уставившись в потолок пещеры немигающими глазами.

Наступило утро первого дня суда над Риган. Тристан решил, что будет просить пощады для сестры. Для него как для человека, который знал Риган лучше всех, было совершенно ясно, что Джал каким-то образом повлиял на ее рассудок. Конечно, будет трудно простить ее, но Трис за долгие бессонные часы принял решение. Он опять посмотрел на Талискера, неуверенный в чувствах отца.

— Я поговорю с ней, папа, — сказал он.

Талискер кивнул.

— Я больше не имею с ней ничего общего, — произнес он с горечью.

Тристан долго молчал, наблюдая, как дергается в тике щека отца. Следующую фразу он постарался произнести настолько нейтрально, насколько было возможно.

— Скорее всего ее приговорят к смерти.

В глазах Талискера что-то мелькнуло. Он ничего не сказал, по-видимому, уверенный в том, что Тристан провоцирует его на ответ.

— Она твоя дочь.

— Нет, у меня нет...

— Талискер! — раздался резкий голос. — Думай, что говоришь.

Они повернулись на голос. Мориас. Он выглядел хрупким и немощным, но лицо выражало решимость. Увидев старика, Талискер улыбнулся.

— Мориас, как я рад тебя видеть.

Он подошел к магу, пожал ему руку, потом крепко обнял. Пока они шли к топчану, Талискер поддерживал его под локоть. Еще не успев сесть, Мориас продолжил:

— Я понимаю твой гнев. Ты, конечно, упрекаешь себя за то, что ты, ее отец, породил такое чудовище. Это все правда, Дункан, все правда. Джал и она убили много людей. Не ее руками, конечно, но участие Риган несомненно... И все-таки она твоя дочь, Дункан, — Мориас сел на топчан, не спуская с Талискера пристального взгляда, — и ты обязан спасти ее. От тебя зависит многое.

Талискер вздохнул и сдвинул брови.

— Я даже не собираюсь спрашивать тебя, что от меня зависит, Мориас. Меня больше не интересует эта история. Не хочу больше ничего знать. Она... — Он указал пальцем в направлении темницы дочери. — Эта женщина там... я не знаю, кто она.

Мориас тоже вздохнул и опять собрался что-то сказать, но тут раздался голос Триса.

— Это Ри, папа. Все та же Ри.

Талискер взглянул в обеспокоенное лицо юноши. Сначала ему показалось, что Тристан сказал это просто так, произнес вслух то, о чем думал, но потом понял: сын пытается убедить его в том, что надо защитить сестру.

— Я понимаю, Трис. Тебе очень тяжело, но она...

— Я не повернусь к ней спиной.

Оба, Тристан и Мориас, смотрели на Талискера так, словно тот собирался совершить какое-то ужасное преступление.

— А где Сандро? — вдруг спросил Мориас. — Он всегда в трудных ситуациях был рядом с тобой.

— Сандро? — Раздражение Талискера мигом улетучилось. Он понял, что старому сеаннаху будет нелегко потерять своего ученика. — Его здесь нет. Сандро не вернулся с нами, Мориас. Он остался в Эдинбурге.

— О! — Мориас сначала удивился, но потом одобрительно кивнул. — Это к лучшему. Смерть не достанет его там. Но я буду по нему скучать...

Тяжелый мех, которым был завешен проход в пещеру, отодвинулся, и на пороге появился Эскариус, одетый в свои лучшие серебристо-серые одежды. Волосы он заплел в косу, что еще больше подчеркнуло волчьи черты лица. Сид поклонился.

— Совет ждет вас.

Тристан и Мориас посмотрели на Талискера. Тот пожал плечами.

— Я могу сказать только то, что у меня на сердце, Мориас. Прости меня, Тристан.

Он повернулся к выходу, но Мориас протянул руку и крепко схватил его за локоть.

— Талискер, — прошипел он. — Помни, кто послал тебя к нам из твоего уединения. Это Уна. Ее душе нет покоя...

Талискер выдернул свою руку.

— Уна все еще была бы жива, если бы не Риган...

— Нет, отец... это был несчастный случай! — вскрикнул Тристан.

Но Талискер не обращал на него внимания.

— Это был несчастный случай, — повторил Мориас. Он вскочил и преградил Талискеру дорогу. Смущенный Эскариус стоял в дверном проеме. — Послушай меня, Дункан. У Риган не было шанса противостоять Джалу. Ею управляли из преисподней...

— Уйди с дороги! — воскликнул Талискер, потеряв терпение.

— Это был Корвус.

Мориас протянул костлявую руку и положил ее на грудь Талискеру, но тот решительно оттолкнул ее.

— Корвус? — Талискер недоверчиво уставился на Мориаса. — Это не может быть правдой. Корвус к тому времени был уже мертв. Я сам убил его.

— Совет ждет, — вмешался Эскариус, но Талискер взмахнул рукой, словно попросив сида подождать.

— Боги не умирают так легко, Талискер.

— Легко?

— Я имею в виду, должно пройти довольно много времени, прежде чем его дух покинет землю. Корвус был на вершине своей мощи, когда ты убил его.

— Это правда, Мориас? Риган — дьявол? Тогда она ненамного лучше Корвуса и заслуживает смерти.

— Нет! — воскликнул старик. — Она родилась с семенем тьмы внутри, Дункан. Я видел, как она росла, никогда ничего не опасаясь. Та любовь, которую вы с Уной дали ей, не пропала даром. Но Риган легко поддалась влиянию Джала... Пожалуйста, сделай этот последний шаг, как ее отец. Вымоли ей прощение. Ее должны сослать...

— Сослать?

У Талискера от удивления расширились глаза.

— Да, Дункан, сослать. Тебя что-то удивляет?

— Нет, ничего.

— Отец?

— Пошли.

— Что скажешь, Дункан?

— Если меня спросят, я не стану лгать и говорить, что она невиновна. Я так думаю, Риган своим высокомерием сама себя приговорит. Но я попрошу о помиловании. — Талискер прошел мимо Мориаса и поравнялся с Эскариусом. — Это гораздо больше, чем она заслуживает, — пробормотал он.

У него был план. И хотя существовали небольшие проблемы, Джал знал, что ситуация содержит ростки его неминуемой победы. Он посмотрел на Большой Зал. Танцоры, свет в канделябрах, собаки, лежавшие около огня, были не просто заморожены на время, как раньше. Теперь они оказались закованы в лед. Что-то случилось с его магией. То, чем Джал владел раньше, казалось ему неизменным пределом, но его способности усилились. Сулис Мор закован в глыбы льда такие толстые, что снаружи даже звуки не проникали сюда. Физически это мало влияло на Джала, он просто отказался чувствовать холод. Его владения собственным телом оказалось достаточно. И все-таки он был несколько озадачен тем, что утратил контроль, и не сомневался, что ради спасения нескольких никчемных душ в дело каким-то образом вмешались боги.

И все-таки победа уже в его руках. Наконец-то Джал овладел духом матери, который усилил его магию. Теперь он знал, где находится ожерелье, и верил, что оно — ключ ко всему. Совсем скоро он станет настоящим богом.

Правда, не здесь. План Джала нарушил Тристан, который унес ожерелье в другой мир... Какое-то движение отвлекло его внимание, Джал посмотрел на пол. К его ногам опустилось в медленном танце белое перо, принесенное откуда-то легким ветерком. Джал холодно улыбнулся и поднял его. Глядя на перо, он подумал о Риган.

Она была бы такой замечательной, если бы не ее чисто человеческая уязвимость. Даже этот глупый страх был очарователен. Но теперь Риган покинула его, как и мать. Риган ушла, когда все планы близки к осуществлению. Что ж, так тому и быть. Джал дунул, и перо улетело с его ладони, а он смотрел, как оно медленно опускается на пол. Ему никто не нужен. Женщины слишком ненадежны, и в будущем он решил обходиться без них.

С танцевальной площадки раздался треск — это один из замороженных танцоров упал на пол. Лед превратил людей в тяжелые статуи. Статуя ударилась о черный сланцевый пол, и тело раскололось на острые красные осколки. Партнерша танцора, молодая женщина, как раз протягивала руку кавалеру, принимая приглашение, и теперь эта повисшая в воздухе рука обвиняющим жестом указывала на место, где сидел Джал. Он сердито смотрел на тело, взбешенный и возмущенный тем, что боги Сутры находят возможным вмешиваться в его планы.

— Грелл! — позвал он. — Иди сюда.

Демон послушно появился перед ним.

— Я ненадолго уйду, — сказал Джал.

— Куда идешь ты? — спросил Грелл.

— Просто ухожу, — сердито буркнул Джал. — Скоро вернусь. Пока меня не будет, защищай Сулис Мор. Используй столько демонов, сколько тебе понадобится. Я покажу тебе, как вызвать еще.

— Сильный я?

Джал прищурил глаза и задумчиво посмотрел на демона. Ему казалось абсурдным, что такое существо может иметь амбиции. Много лет назад мать показала ему, как правильно читать заклинание, чтобы вызвать таких чудовищ. Она предупреждала, что они очень опасны: «Находясь в нашем мире, они постоянно испытывают сильную боль, фактически агонию. Можно многого от них добиться простым обещанием отпустить их и вернуть в «пустоту».

Грелл казался каким-то странным, но у Джала не было ни времени, ни желания думать об этом. Он медленно подошел к демону, стараясь побороть отвращение к его уродству, и посмотрел в невыразительные, бегающие глаза.

— Да.

— Куда идешь ты? — настойчиво повторил Грелл вопрос.

Джал присвистнул сквозь зубы, раздраженный настойчивостью демона, но все-таки ответил.

— Я иду собирать души. Кровь и души. Для большой магии... Ты отвечаешь за скооров до моего возвращения.

Грелл ничего не ответил, лишь слегка покачался из стороны в сторону.

Суд продолжался почти неделю. Тристану казалось странным, что сиды до сих пор с такой любезностью обращаются с ним и Талискером, в то время как его собственная сестра стоит перед судом за многочисленные убийства их соплеменников. Каждое утро начиналось одинаково. Эскариус приводил их в большой амфитеатр, где происходил суд, затем занимал свое место как представитель клана. В самом центре круглого пространства сидела Риган, связанная кожаными ремнями и одетая в красное платье — символ обвинения ее в кровавых делах. Девушку не просили говорить в начале суда, но казалось, она очень напряженно выслушивает показания разных свидетелей, большинство которых не могло спокойно на нее смотреть. Риган же бросала им вызов, пристально всматриваясь в лица, будто полностью отрицая горестные рассказы об убийствах их детей и близких.

По краям большой арены, словно указатели сторон света на компасе, сидели представители разных кланов. Напротив Риган стоял Эскариус, он был один. Клан волков, живущий в Сутре изолированно, не присоединяясь ни к каким договорам, не искал в Совете справедливости. Из-за этого предполагаемого нейтралитета Эскариус оказался подходящей кандидатурой для посредника, хотя право вынесения приговора ему предоставлено не было. Рядом с ним сидел какой-то сид. Ни Тристан, ни Талискер не были с ним знакомы. Лицо высокого человека, одетого в церемониальные одежды, скрывала большая маска. Она изображала существо, в котором черты представителей всех кланов сидов — медведей, орлов, рысей и волков — объединились в некий загадочный образ. В одной руке судья-сид держал перо орла, в другой — нечто, завернутое в мягкую кожу. Талискер был уверен, что это Бразнаир.

Между Эскариусом и кланом рысей размещался клан сидов-медведей. Эти кланы особенно пострадали, потому что их земли граничили с землями Риган с одной стороны, а дальше на юго-восток находились владения леди Уллы. Сиды-орлы тоже были обижены и сидели справа от рысей. Талискер и Тристан находились слева от Риган, там, где на компасе указан запад.

К третьему дню, когда никто не попросил их высказаться, а Риган не предоставили возможности хоть как-то объяснить свое поведение, Тристан потерял терпение. Он понимал, как важно каждому из выступающих рассказать о своем горе. Но поскольку одна ужасная история следовала за другой, а высокомерное выражение лица Риган мало ей помогало, ситуация становилась все более и более непоправимой. Один из сидов-орлов держал большую палку, используя ее, чтобы показать, чья очередь говорить. Он сердито погрозил палкой Риган, когда описывали, как скоор атаковал молодых сидов-орлов и сжег их.

Кисточки и колокольчики раскачивались и звенели в холодном тихом воздухе, но Риган оставалась невозмутимой. Тристан больше не мог этого выносить.

— Как я понимаю, защиты не будет? — Он встал. — И это справедливость сидов?

— Тан Тристан, вы должны сохранять спокойствие до тех пор, пока вас не попросят говорить, — произнес Эскариус. — Сейчас очередь орлов.

Тристан сдвинул брови, отчего исказились его обычно приятные черты лица, и сердито посмотрел на Эскариуса.

— Я здесь пленник, сэр? — спросил он язвительно. — Я правитель и могу говорить когда захочу.

— Тристан. — Талискер взял сына за руку. — Это суд сидов...

— Это не суд. Это фарс, — продолжал тот. — Мы все знаем, что Риган будет приговорена к смерти. Всем известно, что она заслуживает такого наказания. Какой смысл во всем этом спектакле... — Его голос вдруг прервался. — Просто убейте ее... — в голосе появилась дрожь, следующие слова смогли услышать только Талискер и Мориас, сидевшие рядом, — ...мою сестру...

Мориас встал и закрыл его собой от смущенных сидов. Он напористо шептал, не отводя взгляда от расстроенного лица Тристана.

— Суд устроен не для Риган. Неужели ты не понимаешь, Тристан? Суд для тех, кто обвиняет... Риган может показать, что ее мучают угрызения совести, и попросить прощения...

— Прежде чем умрет?

Мориас печально кивнул.

— Тогда я не могу больше смотреть на это. И не буду.

— Твоя преданность сестре делает тебе честь, Тристан. Но не забывай, ты все еще правитель Сулис Мора. Когда это... закончится, сиды могут стать, а могут и не стать твоими союзниками.

Тристан выпрямился насколько мог.

— Значит, ты предлагаешь, чтобы я из политических соображений смотрел, как мою сестру приговаривают к смерти? Мориас, ты меня сильно недооцениваешь. Я знаю, кто она. Но использовать ее смерть для собственной выгоды не буду.

— Тебе ничего не надо делать, Тристан. Просто сиди и молчи, — твердо сказал Мориас.

— Нет. Раз суд может приговорить ее к смерти со мной или без меня, пусть он сделает это в мое отсутствие. — Тристан повернулся, чтобы выйти из амфитеатра. — Ты пойдешь со мной, отец? — спросил он.

— Сочту за честь, сын, — ответил Талискер с чувством.

Они молча пошли к пещере, их никто не сопровождал. За их спинами раздался гул возмущенных голосов, но мужчины проигнорировали его. Только оказавшись в пещере, Тристан дал волю чувствам. Он упал на свой топчан и зарыдал. Талискер беспомощно сидел рядом, поглаживая сына по спине, словно тот до сих пор был ребенком.

— Зачем она так себя ведет, отец? Почему не попросит у них прощения? Ты видел? Видел, с каким видом она сидит перед ними?

— Да, — ответил Талискер. — Это единственный способ поведения, который она знает, сын.

Он не мог постичь свои собственные чувства. Вид гордой, сидящей с высоко поднятой головой Риган вызывал ужасную боль в сердце. И тем не менее оба его ребенка в последние несколько часов заставили Талискера гордиться ими. К сожалению, Риган эта гордость стоит жизни.

Прошло, наверное, не меньше часа, когда в пещеру вошел Мориас. Он выглядел взволнованным и усталым.

— Похоже, мы кое-что поменяли в традициях сидов, — расплылся он в улыбке. — Мне дали разрешение действовать в качестве посредника. Я вызову тебя, Тристан, сегодня днем, а тебя, Дункан, завтра утром. Риган тоже будет дана возможность высказаться.

— Для чего все это нужно, если наши слова не повлияют на результат? — нахмурился Тристан. — Какая разница, выступим мы или нет?

— Как ты можешь говорить такое сеаннаху? Слова — это все. Слова —это память, молодой человек. — Мориас беззлобно улыбнулся в ответ на презрительное замечание Тристана. — Слова могут иметь значение и здесь, каким бы ни был результат. История рассудит, насколько виновата твоя сестра, но и сиды способны на милосердие. Если нам удастся доказать, что она находилась под влиянием Джала и... не знала об основных событиях...

Талискер горько рассмеялся.

— Значит, мы должны солгать им, Мориас?

— А что заставляет тебя быть таким уверенным, что это ложь?

— Я ее отец, Мориас, и мое сердце остается холодным, когда я смотрю на нее. Да, Джал на нее влиял, потому что Риган считала, что любит его. Но ведь любовь не оправдывает... Воз-

можно, это слово никогда прежде не употреблялось в Сутре, и мне очень неприятно, что я в какой-то степени несу ответственность за содеянное. Риган — расистка, Мориас. Она ненавидит сидов только за то, что они отличаются от Великих. Нет другой причины, кроме страха и неуверенности и... — Он замолчал, и Мориас нахмурился. — Вот видишь, я даже толком не могу тебе объяснить. Возможно, это действительно человеческий недостаток.

— Нет, я не верю в это. Если ты говоришь, что расистские наклонности вызваны у нее страхом и неуверенностью, тогда это Джал и, возможно, до него его дядя посеяли и взрастили этот страх, а не ты или Уна. Я уверен, Риган достойна жалости, а не обвинений.

— О господи! — Талискер слабо улыбнулся. — Ты не видел, какую опасность несут такие «невиновные», как Риган, Мориас. Тебе не мешало бы как-нибудь изучить мой мир.

— Как ты думаешь, Риган выжила бы в твоем мире, Дункан? — спросил Мориас.

— Да, она... Подожди-ка. Ты не хочешь ли предложить...

— А как ты думаешь? — спокойно поинтересовался Мориас. — Ты говоришь, что, когда смотришь на дочь, твое сердце остается холодным, но не станешь же ты возражать, если появится возможность продлить ей жизнь?

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил Тристан.

— Для сидов это может показаться приемлемым — согласиться сослать Риган в мир ее отца.

Мориас пристально наблюдал за реакцией Тристана.

Тристан ахнул и посмотрел на отца, который кивнул, как бы соглашаясь.

— Как ты думаешь? — спросил Мориас, сообразив, что кое-что упустил.

— Ну... я думаю, что ты уже сделал это, Мориас.

— Что?

— Отец и я видели кого-то, когда проходили через ворота в этот мир. Она была одета в церемониальные одежды, а на лице маска, но...

— Это была она, Риган, — закончил за сына Талискер. — Раньше я не был уверен, но теперь все стало на свои места. Это произошло, очевидно, из-за разницы во времени между нашим миром и Эдинбургом. Она немного опережала по времени, а мы отставали.

Он взмахнул руками, не в силах объяснить сложную работу ворот.

Мориас встревожился.

— Вам надо было рассказать мне об этом раньше.

— Я думал, тебя это обрадует, — сказал Тристан. — Это значит, что мы выиграли. Риган останется жить в мире отца.

— Это не значит, что мы выиграли. По крайней мере не автоматически. Это значит, что у нас хорошие шансы на выигрыш.

— А что случится, если мы не выиграем? И Риган не пройдет через ворота, как мы уже видели?

Мориас с сомнением пожал плечами.

— Я не уверен. Таких случаев еще не бывало. Но изменение временных планок в воротах... гибельно.

— Гибельно, — повторил Талискер.

— Лучше бы нам убедиться, что мы выиграли дело. — Мориас посмотрел на Талискера. — Какие бы чувства мы все ни испытывали.

В конце концов показания Тристана и Талискера мало что изменили. Во второй половине дня Мориас вызвал Тристана и попросил рассказать, какие изменения произошли в поведении его сестры с тех пор, как в Сулис Море появился Джал. Потом расспросил о разрыве отношений между ними и насколько Тристан считает Риган виноватой. Юноша не мог понять направление мыслей Мориаса, когда тот задавал эти вопросы, поэтому все больше и больше нервничал.

— Ты знаешь, Мориас, чего я не могу понять? — сказал он. — Почему я не предстал сегодня перед судом, правда...

Мориас удивился и, бросив на него сердитый взгляд, сказал:

— Отвечайте, пожалуйста, на вопросы, тан Тристан.

— Но это правда. Я единственный человек, который мог както повлиять на всю эту печальную историю, прежде чем она началась. Можно было арестовать Джала еще до того, как он очаровал мою сестру. Я закрывал на все глаза, что могло быть хуже? Для этого есть одно название — соучастие. Я позволил Риган управлять королевством, хотя это моя обязанность, которая меня толком не интересовала. А она так хорошо управлялась со всеми делами.

Он издал короткий, горький смешок, а Талискер вдруг почувствовал, куда клонит сын. Отца охватила тревога. К сожалению, Мориас стоял спиной к Талискеру и не так быстро понял, что показания Тристана вот-вот выйдут из-под контроля.

Талискер посмотрел на Риган. На ее лице было странное выражение, как будто девушка пыталась спрятать свой страх. Он подумал: неужели Тристан не понимает, что его признание лишает сестру смысла жизни?

— ...это просто ирония судьбы, — голос Тристана дрогнул, — потому что она совсем не королевских кровей. Риган является настоящей дочерью Дункана и Уны Талискеров.

Среди сидов, окружавших арену, началось смятение. Риган опустила голову на грудь, ничего не говорила и не плакала, но было очевидно, что она уничтожена. Мориас в смяте-

нии не знал, что сказать, и ждал, пока стихнет шум. Затем тихо произнес:

— Зачем, Тристан? Что заставило тебя сказать это?

— Черт возьми, Мориас! Ты же знаешь, что это правда! Риган не знатного происхождения. Все это было сделано, чтобы защитить меня. Поэтому сказали, что мы близнецы. Еще потому, что... — Он взял себя в руки, но Талискер видел, что по его щекам текут слезы. — Посмотрите на меня, — продолжил он спокойно. — Совет никогда не принял бы меня в качестве единственного наследника Ибистер. Риган заняла лучшие покои на верхнем этаже, потому что... потому что я не мог подниматься по ступенькам. Но мне необходимо было изменить мнение людей о себе. Но ведь я не глуп, как бы ни выглядел, и должен был сделать все, чтобы предотвратить случившееся. — Тристан посмотрел на Риган и грустно улыбнулся. — По крайней мере Риган что-то делала в своей жизни, а не пряталась от нее, как я. В ней есть страсть и воля. Она сильная, у нее просто не хватило жизненного опыта, чтобы противостоять Джалу. Но не надо забывать, что Джал — сын богини Фирр.

Раздались еще более потрясенные голоса сидов. Мориас наклонился к Тристану.

— Зачем все это им говорить? — спросил он, сердито глядя на него.

— Мне нечего терять, Мориас, — пробормотал Тристан.

— Кроме королевства.

На следующий день Мориас пытался как-то все уладить во время показаний Талискера. Изображать Риган другой, чем она была, не имело смысла. Выражение ее лица стало еще более надменным и отстраненным, чем обычно. Талискер нервно улыбнулся дочери, но она проигнорировала его, как будто решила не соблюдать никаких внешних приличий.

— Талискер, ты можешь сказать Совету, почему было принято решение скрыть истинное происхождение Риган? — мягко начал Мориас.

— Все было так, как сказал Тристан: чтобы его защитить. Они оба тогда были намного моложе и гораздо уязвимее. Но, смею вас заверить, идея принадлежала Риган. Она всегда была готова защищать брата. Когда они были детьми, она приглядывала за ним без напоминаний. Дети были очень близки.

— Не кажется тебе тогда странным, что через несколько лет она позволила Джалу послать своих псов, чтобы они убили Тристана?

— Я не верю, что она могла отдать такой приказ.

Талискер оглянулся на свою дочь, которая еле заметно покачала головой.

— А что ты скажешь насчет ее приказа послать скооров искоренить племя сидов-рысей?

— Нет. Она никогда бы не смогла такое... сделать.

Талискер чувствовал, что у него перехватило горло. Он сглотнул слюну, беспокоясь, не заметят ли присутствующие сомнения в его голосе.

— Ты ведь пытался предупредить ее насчет Джала, правда?

— Да. Но она тогда вообразила, что влюблена в него. Что можно было сказать, чтобы переубедить ее? Да и я тогда не представлял себе весь масштаб злобы Джала.

Следующий вопрос прозвучал для Талискера как удар грома.

— Давайте вспомним несчастный случай, который убил мать Риган, ее настоящую мать, твою жену Уну... Ты веришь, что твоя дочь намеренно послужила причиной несчастного случая и способствовала смерти матери?

— Что?!

Мориас и глазом не моргнул.

— Ты должен ответить на вопрос, Дункан. Почему ты не смотришь на Риган, если не думаешь так?

— Мне не верится, что ты меня спрашиваешь об этом. Чего ты надеешься добиться таким образом?

— Правды. Это то, чего требует Совет.

Талискер повернулся к Риган. Она была потрясена. Широко распахнутые глаза уставились на Талискера. Рот остался полуоткрытым, как будто девушка только что сделала глубокий вдох.

— Нет... я...

Он вдруг услышал, какая вокруг тишина. Все замерли. С океана дул ветер, и мелкая красная пыль покрывала амфитеатр. Красное платье Риган и одежда Талискера развевались на ветру. Ему показалось, что они остались одни, и Талискер понял только сейчас, как мало времени ему досталось на жизнь с Уной. Он хотел избавиться от этих мыслей, как делал многие годы, но не мог.

— Как ты могла позволить ей уйти? Ты дала ей упасть...

— Нет.

Талискер видел, что рот Риган произнес слово, но не мог слышать ее голоса, поэтому он подошел к самому центру арены. Два сида, охранявшие Риган, скрестили перед ним копья, но остались стоять на месте, когда Талискер развел копья в сторону, чтобы посмотреть в глаза дочери.

— Почему ты ее не держала? — простонал он. — Если бы это был я... Я никогда бы не позволил ей упасть... никогда...

Риган теперь плакала. Тихие слезы катились по щекам, оставляя мокрые дорожки на тонком слое пыли, покрывшем лицо.

— Нет, — сказала она опять. — Нет... я не могла ее удержать...

— Ты убила ее, Риган.

Талискер отвернулся, не в силах смотреть на дочь.

— Нет, папа. Я была просто маленькой девочкой. Мне было двенадцать лет. Мои ноги тоже скользили... и я испугалась. Я не хотела, чтобы она упала, ведь она моя мама.

Риган согнулась и укрыла лицо в коленях, чтобы никто не видел ее слез.

Талискер пошел к выходу.

— Доволен теперь? — прошипел он Мориасу, проходя мимо.

Тот ничего не ответил. Он намеревался показать человеческие черты Риган, в чем и преуспел. Она безутешно рыдала.

— Пожалуйста, Талискер, останься, — настойчиво попросил Мориас. — Я чувствую, что произошли перемены. Сиды должны понять, что Риган не виновата...

— Сидам абсолютно все равно, старик. Они видят перед собой женщину, которая ответственна за смерть их близких. Какое им дело до того, какой она была в детстве и любил ли ее отец. Они приговорят ее к смерти. Мне больше нечего сказать.

Он оказался прав. В этот же день, немного позже, Совет вынес свой вердикт. Риган должна быть предана смерти обычным способом сидов. Ее привяжут к столбу, и сиды, избранные Советом, забросают ее копьями. Она приняла приговор спокойно. Хотя Талискер там не присутствовал, ему обо всем рассказал Тристан, дрожавший от волнения.

— Она была такой храброй, — прошептал он. — Мориас, ты должен дать ей какое-нибудь снадобье или еще что-то придумать. Мне невыносимо думать, что она...

— Я не могу, Тристан.

Тристан в отчаянии смотрел на мага.

— Тогда отправь ее в другой мир, Мориас.

— Это как раз то, что я намереваюсь сделать, Тристан. Она не может умереть. Мы должны спасти твою сестру и отправить ее через ворота. Теперь я понимаю: очень важно, чтобы она оказалась в Эдинбурге.

ГЛАВА 15

В тусклом свете свечей деревянные стулья с высокими спинками отбрасывали причудливые тени. За окном слышался шум транспорта, бесконечно сновавшего по старой дороге. Но здесь, в тесной, выкрашенной в коричневый цвет старой комнате для собраний, царила атмосфера ожидания. Нокс уже довольно давно здесь не был и забыл, как приглушенная тишина и

спокойствие этого места могут направить мысли человека внутрь себя. Он прошел в конец комнаты, и его глаза привычно остановились на некрашеной коробке кафедры, с которой он в течение нескольких часов рассказывал о новых планах Бога, касавшихся Детей.

Однако чувство тревоги у Нокса сейчас вызывало не приближающееся Вознесение, а подсунутая под его дверь записка, предлагавшая встречу здесь. Раздражающие каракули заставили подозревать кое-кого, но Нокс не был полностью уверен и не имел времени проверить почерк других Детей. Пару дней назад кто-то начал за ним следить. Сомнений не оставалось, ощущение слежки было очень сильным. Последние две ночи, проходя через парк, Нокс чувствовал себя очень странно. Ему казалось, будто он актер в каком-то фильме и сам за собой наблюда...

— Нокс.

Теперь он знал точно — это Стремящийся Летать, Гордон. Хотя и не зная точно, что известно парню, Нокс немного расслабился. Нельзя сказать, что он чего-то боялся, имея в союзниках скоора.

— Что случилось, брат? К чему такая секретность? Если то, о чем ты хочешь поговорить со мной, личное, смею уверить тебя, что сохраню тайну.

Он говорил доброжелательным, озабоченным тоном, что всегда обезоруживало его прежнего советчика.

— Д-держу п-пари, что с-сохранишь, — ответил Стремящийся Летать. Он стоял около ступенек, ведущих на кафедру, поэтому Нокс не заметил его, когда пришел. — Р-разглашение тайны опасно д-для тебя.

Нокс вздохнул. Сочетание заикания и презрительного отношения к миру может быть очень утомительным.

— Послушай, я очень занят. Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Нокс сел на стул в первом ряду и холодно посмотрел на парня.

— Я развернул ковер, Нокс.

Нокс не колебался ни минуты.

— И что? Ты из-за этого меня сюда позвал? Тебе нужна помощь, чтобы скатать его?

Стремящийся Летать какое-то время смотрел на него, но Нокс не отводил взгляда, что заставило парня нервничать.

— Я н-нашел т-тело.

— Тело?

— Т-тело Д-Даниэля.

Последовала пауза, пока оба собеседника оценивали свои позиции. Уверенность Стремящегося Летать была поколеблена, но не надо было обладать большим умом, чтобы понять: Нокс блефует.

Он был единственным человеком, который имел дело с ковром. Сначала Нокс решил вызвать скоора, чтобы убрать

ненужного свидетеля, но потом отверг идею. Если парень исчезнет, его будут искать.

— Стремящийся Летать... что, если я докажу, что Бог связан со мной?

— Н-не вижу, что з-здесь общего с убийством, — ответил упрямо Стремящийся Летать. — Н-наш Бог не п-прощает убийство.

— Ненавидь грех, но люби грешника, — ответил Нокс. — Вот чему учит Господь, так ведь?

— Но Д-Даниэль... Ты убил Даниэля!

Стремящийся Летать тяжело опустился на ступеньки, ведущие на кафедру. Его глаза были полны искренних слез.

Нокс тяжело вздохнул.

— Не совсем так, Стремящийся Летать. Мы все любили Даниэля, и он счел, что ответственность слишком велика.

— Т-ты хочешь с-сказать, что он сам с-себя убил?

Нокс не сразу ответил. Он был не настолько глуп, чтобы притворяться плачущим, поэтому обхватил голову руками, как будто стараясь усмирить эмоции.

— Я пытался настроить его на что-то позитивное, потому что мне казалось, и Даниэль этого хотел бы. А потом Бог простил меня. Он послал мне знак, что я все еще достоин его милости и что Даниэль был прав насчет жизни перед Концом Света...

— Ч-что был за з-знак?

Нокс щелкнул пальцами, и появился скоор. Он слегка потоптался в центральном проходе зала для собраний, его крылья двигались, задевая деревянные стулья по обе стороны от прохода. Стремящийся Летать вскрикнул, его глаза округлились от ужаса, и он упал на колени.

— «Звук их крыльев напоминал топот множества лошадей... — произнес Стремящийся Летать. — ...Их хвосты и жала как у скорпионов... ангел преисподней... Абаддон...» — Он не мог заставить себя смотреть на скоора и уставился в пол. Когда Стремящийся Летать истощил весь свой запас знаний «Откровений Иоанна Богослова», он просто обхватил голову руками и зашептал: — О господи! О господи! О господи!

Нокс почувствовал неожиданное сочувствие к парню. Скооры ужасно страшные на вид. Откровенно говоря, Нокс и сам предпочитал не смотреть на них, разве только в случае крайней необходимости. Скоор остановился перед ним, ожидая приказаний.

— Встань, Стремящийся Летать. Тебе нечего бояться скоора. Они просто слуги нашего Господа, так же, как и наши.

— Они? Ты имеешь в виду, что их много? Н-неужели целая армия пришла из преисподней, пока мы спали? — Стремящийся Летать воздел к небу руки. — П-почему же мы не в-вознеслись?

— Ни один человек не может знать точного часа, когда это случится, — сказал Нокс мягко и усмехнулся, ободряюще похлопав Гордона по плечу. — Послушай, для тех Детей, у которых вера не так сильна, как должно, это будет нелегким испытанием. Мне необходимо сегодня вечером проверить каждого. Надеюсь, я могу рассчитывать на твою поддержку?

Стремящийся Летать, казалось, немного успокоился. Он выпрямился и поправил очки, которые съехали набок, пока он пребывал в объятиях страха. На какое-то мгновение Ноксу показалось, что проблема решена.

— Н-но это не м-меняет с-сути дела, касающегося Д-Даниэля. Все остальные д-должны об этом узнать.

— Нет. Я сам с этим разберусь, кроме того, на фоне грядущих событий это дело не так уж важно, так ведь?

Нокс отодвинулся немного в сторону, чтобы позволить Стремящемуся Летать увидеть скоора во весь рост. Тот моментально побледнел.

— Д-да, наверное, ты прав, — пробормотал Гордон. — Нокс, значит ли это, что Бог именно тебе поручает вести Детей к Концу Света? Я имею в виду, до Вознесения.

— Да. Именно это он мне говорил.

Нокс опять улыбнулся доброжелательно и беззаботно.

— Он сказал тебе?

— Поверь мне, Гордон. Его план только начинает осуществляться.

— Такое впечатление, что каждое последующее поколение должно повторять ошибки предыдущего, — пробормотал Эскариус.

— Не совсем так, мой друг. Уверяю тебя, это правильный поступок. Со временем сиды поймут.

Они стояли на небольшом выступе земли, где заканчивался несуществующий остров сидов, поглощаемый серой реальностью Северного океана. Эскариус нес Риган, находившуюся под действием снадобья. Когда они вошли в ее тюрьму, она уже была без сознания. Снадобье девушке дал кто-то из Совета в качестве акта милосердия.

Мориас использовал магию, мощь которой поразила Тристана. Он заморозил жителей острова. Если бы Риган проснулась, она посмеялась бы над иронией происходящего. Джал оставил ее незамороженной перед побегом, и она видела этот странный фокус и то, в каком состоянии находился город.

— Фактически это не только мое заклинание, — сказал Мориас. — Просто в мире так много магии...

Тристан нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, Мориас?

— Я... одолжил заклинание у Джала, так что нам надо торопиться...

— Вы имеете в виду, что люди в Сулис Море опять оживут? — спросил Эскариус.

Он широко ухмыльнулся, представив себе, какие последствия это может иметь для Джала.

— Не думаю, что это хорошая идея, — вздохнул Мориас. — Я слышал, город населен демонами и скоорами. Я даже не уверен, что Джал все еще там. Нет, мне нужно действовать быстро и вернуть заклятие назад. Много жизней будет потеряно, если мы будем медлить. — Он повернулся к Тристану и Талискеру. — Мне очень жаль, что она не проснулась и вы не можете попрощаться, — сказал он. — Впрочем, вам должно быть достаточно того, что она выживет.

Тристан тихо плакал. Его слезы казались льдинками на коже. Талискер положил ему руку на плечо, чтобы успокоить сына. Он говорил спокойно, глядя на холодное, похожее на мертвое лицо.

— Я осудил ее так сурово. Возможно, мне надо было по-другому к ней отнестись... Ри, я...

Его голос сорвался, когда он использовал ее детское имя. Они с Тристаном прижались друг к другу.

Мориас быстро продолжал:

— Запомните, если возможно, сиды должны поверить, что я действовал один. Тристан, тебе надо лететь встречать представителей южных кланов. Я знаю, что они скоро прибудут. А теперь, Эскариус, дай ее мне. Отойдите в сторону.

Эскариус передал старику спящую Риган, и Мориас слегка присел под тяжестью тела, но потом выпрямился, широко расставив ноги, чтобы лучше распределить вес девушки.

— Я скажу ей, чтобы она разыскала Сандро, как ты и сказал, Дункан. Прощайте.

Мориас исчез в своем обычном, без внешних эффектов, стиле. Сейчас он стоял здесь, сгибаясь под тяжестью веса Риган, в следующую минуту его не было. Наблюдатели видели перед собой только серую гладь океана.

— Не так легко будет заставить сидов поверить, что он действовал один, — отрешенно заметил Тристан.

Эскариус пожал плечами:

— Насколько нам известно, Мориас не присягал на верность ни Великим, ни сидам.

Талискер ничего не сказал, но вспомнил, как много лет назад богиня Рианнон говорила о Мориасе с почти родственным расположением. Казалось, что Мориас скорее явление природы, а не человек.

— Пошли, отец, — поторопил его Тристан. — У нас мало времени, чтобы вернуться назад, пока колдовство не вернется в Сулис Мор.

— Иди, Тристан. Я догоню тебя через минуту.

Тристан нахмурился, и они с Эскариусом пошли молча к скалам. Талискер остался там, где стоял, глядя на океан, над которым постепенно стал стихать шторм.

— Она ушла, Уна, — прошептал он. — Риган ушла из нашего мира. Будь спокойна, моя любовь.

Он долго смотрел на черный бархат ночного неба, как будто ожидая какого-нибудь знака. Но ничего не произошло, только, как всегда, загадочно мигали звезды. Однако Талискер чувствовал глубокий смысл их спокойного безмолвия и словно ожидал, что Уна придет и одобрит его поступок. Ему очень хотелось услышать ободряющие слова от нее. Хотя разве это так важно? Ведь Риган и его дочь, и он сделал все, что от него зависело. Вздохнув про себя, Талискер последовал за Тристаном и Эскариусом к спящему лагерю.

Итак, это был Эдинбург. Мир, который вездесущий и могущественный Бог решил разрушить, как считал Нокс. Джал спокойно улыбнулся. Этот глупец оказался ближе к истине, чем подозревает. Хотя слово «разрушить», может быть, слишком сильное, вернее будет сказать, что город подвергнется некоторому опустошению. В тишине комнаты в неподвижном внимании стояли двадцать скооров. Тусклый свет свечей в подсвечниках отражался зеленым мерцающим блеском от предмета, который принес Джал, и словно от водной глади отталкивался от металлических пластин на груди и золотых обручей, надетых на головы скооров. Джал привел с собой подкрепление, не зная, что ждет его в мире Нокса, но пока спрятал демонов внутри горы. Возможно, они и не понадобятся.

Он подошел к небольшому алтарю и положил обломок ветки березы, который принес с собой, в центр камня. Какое-то время Джал смотрел на него, будто что-то решая. Можно было заметить выражение легкого сожаления на его лице, но, наверное, это была просто игра света. Джал очень надеялся, что силы, содержащейся в ветке, достаточно, чтобы начать колдовство сейчас. Нокс скоро должен прийти с ожерельем, и Джала одолевало нетерпение.

Вскарабкавшись на холодную поверхность алтаря, он сел, скрестив ноги, убрал с лица черные волосы и потер глаза, ругая себя за слабость, за то, что может в такой момент чувствовать усталость. Положение в Сулис Море все еще занимало его мысли. Если бы кто-нибудь увидел сейчас Джала, то наверняка подумал бы, что молодой человек приготовился к пикнику. У него было бесхитростное, спокойное лицо, только глаза выдавали усталость.

Джал собирался стать Богом.

Нокс смотрел в окно на небольшую аллею, ведущую к Хайстрит. За последние пару часов она покрылась снегом. Пока они с Детьми спорили, создавалось впечатление, что Бог или

кто-то еще попытался заставить их замолчать с помощью белого снежного кляпа. Сквозь старую коричневую раму пейзаж за окном выглядел как картина, на которой ничего не происходит. Снегопад покрыл землю между стенами примыкающих друг к другу домов. Белая дорожка вела от дома к пересечению с Хай-стрит, где время от времени проезжали машины.

Единственной странной вещью в этой коричнево-белой картине была дорожка следов на только что покрытой снегом тропинке, которая вела от дома. Деталь, информировавшая внимательного наблюдателя о том, что около десяти человек покинули здание больше часа назад.

Нокс вздохнул. Он оглянулся на оставшихся верующих. Двадцать два человека остались после объявления Нокса, остальные ушли под руководством неожиданно объявившегося нового лидера. Женщина, на которую Нокс не обращал ни малейшего внимания, увела их. У всех на устах был один вопрос: что делать, вернуться в «Ковчег» или остаться здесь, с Ноксом? Детям казалось очень странным, что они должны уйти из «Ковчега», а сама проблема существования двух фракций казалась неразрешимой.

— Почему ты н-не показал им ч-чудовищ, Нокс? — спросил Стремящийся Летать. Его обычно открытое лицо приобрело загадочное, настороженное выражение. Было кое-что еще. То, что парень теперь знал, казалось, жгло его изнутри невидимым пламенем, и он как-то изменился. — Тебе следовало бы показать им с-скоора.

Нокс вяло кивнул. Откровенно говоря, он и сам задавал себе этот вопрос.

— Еще не пришло время... — пожал он плечами.

Стремящийся Летать не ответил, но кивнул. Он подошел к ближайшему стулу и сел, сложив крупные руки на коленях и закрыв глаза. Ноксу показалось, что парень глубоко задумался, но потом заметил, что у Гордона беззвучно шевелятся губы, и понял, что тот молится. Нокса почему-то это потрясло, молитва показалась ему совершенно неуместной. Но ведь он единственный человек, у которого прямая связь с Богом, а остальные общаются с ним через молитвы...

— *Он не Бог...*

Голос был сильным и громким, не просто шепотом высказанное предположение или намек. Он моментально понял, чей это голос. Нокс быстро заморгал и помотал головой словно для того, чтобы прояснить мысли. Никто из Детей не отреагировал, поэтому Нокс сделал вывод, что голос слышал только он.

— Уходи, Дэнни, — пробормотал он. — Не сейчас.

Нокс опять повернулся к окну, чтобы скрыть смущение. На снегу промелькнула тень, которая тут же исчезла.

— Послушай меня, Натан. Он лжепророк...

— Я приготовила чай.

Рядом появилась Эстер с чашкой в руке. Она криво улыбнулась, передавая Ноксу чай. Он заметил, что девушка вздрогнула, когда их руки соприкоснулись. Нокс с самого начала знал, что у их отношений нет будущего, он просто использовал ее. Сейчас, когда Нокс взглянул на девушку, он не почувствовал ничего, кроме раздражения и злости. Эстер, казалось, понимала это, но изо всех сил старалась угодить, чтобы иметь уверенность, что он выручит ее, если возникнет очередное затруднительное положение с наркотиками. Была только одна дорожка шагов на снегу, которая прервалась, а потом повернула назад. И принадлежала она Эстер.

— Что с тобой, Нокс?

Он уже готов был ответить, когда все началось. Немыслимая вещь, в которую невозможно поверить, абсолютно непостижимая для жителей Эдинбурга. Прежде чем хоть одни губы в городе успели произнести слово «землетрясение», раздался громкий гул. Он действовал на подсознание и сопровождался долгими секундами благоговейного страха миллионов душ. Казалось, в первые несколько секунд город задержал дыхание, пытаясь приостановить ужас, который неожиданно атаковал его изнутри. Всё сильнее, сильнее и сильнее...

А затем город взорвался криками, треском, звоном разбитого стекла, будто кто-то сжал дома могучей невидимой рукой, отчего они скрипели и разваливались. Во множестве автомобилей сработала сигнализация. Люди кричали от страха, но крики их заглушала какофония города.

В комнате для собраний деревянные стулья попадали, сбросив Детей на пол, как будто люди находились на борту судна, попавшего в шторм. Они кричали и молились. Нокса отбросило к дверному проему. Он неловко упал и придавил своим телом руку, грудь пронзила острая боль.

Скажи мне теперь, Дэнни, мальчик, что он не Бог, — подумал он.

Затем, после еще одного, более слабого удара, все успокоилось. Опять наступила тишина, и все, затаив дыхание, ждали, не повторится ли толчок. В человеческих стонах, сдерживаемых рыданиях звучало недоверие.

— Дорогой Бог!

Нокс произнес эти слова прежде, чем осознал их. Комната для собраний была полностью разрушена. Стулья валялись по кругу, похожие на остатки разоренного гнезда. Две люстры, висевшие на поперечине, упали с потолка. Но самое ужасное, что кафедра, состоявшая из нескольких деревянных ящиков, сколоченных из тяжелого простого дерева, упала вперед, и там, где она упала, пол с треском проломился. Трещина заканчивалась как раз в том мес-

те, где под притолокой лежал Нокс. Он с ужасом уставился в дыру, в которой был виден свернутый ковер. Словно Даниэль обвинял его.

Эстер отбросило в правый угол комнаты, она ударилась головой о стену. Девушка села и испуганно посмотрела на Нокса. Все остальные поднимались с пола. Никто серьезно не пострадал, хотя, конечно, были ссадины и порезы. В комнате стало темнее, и люди, перепачканные в пыли и штукатурке, в полумраке напоминали привидения. Один за другим они сделали то же самое, что и Эстер, повернулись к Ноксу и смотрели на него в ожидании указаний.

Нокс безмолвствовал довольно долго.

Это случилось! Господи, это все-таки случилось...

— Я д-думаю, нам надо молиться, — прошептал один из обсыпанных штукатуркой призраков.

Это был Стремящийся Летать. Нокс, все еще такой же ошеломленный, как и все остальные, почувствовал укол раздражения, что Гордон раньше него пришел в себя. Этот факт и помог ему взять себя в руки.

— Да, — сказал он. — Мы должны молиться о том, чтобы Бог дал нам силы выдержать испытания. А потом... — Он посмотрел на перепуганную группу людей, стараясь каждому заглянуть в глаза, пока не почувствовал, что его сердце перестало биться в ускоренном темпе. — А потом я отведу вас в святилище Бога...

Одетые в темные одежды, они брели, словно тени, по разрушенному городу. Ночь окрасила снег, людей и город в серый цвет. На Хай-стрит находились одни из самых старых домов в городе. Некоторые из них остались нетронутыми благодаря приземистости и толщине стен, но другим повезло меньше, и они развалились, убив или покалечив своих несчастных обитателей. Большинство людей, потрясенные, бродили по улице. Возможно, Детям доставило удовольствие осознание того, что они не единственные, к кому пришла божья кара.

Нокс остановился около собора Святого Джила. Все вокруг пребывало в хаосе, ночное освещение только подчеркивало повреждения, полученные зданием.

Главный шпиль собора исчез. Вокруг лежали груды щебня. Каркас храма остался открытым небу и снегу. Собор был похож на дрейфующее судно, разбитое штормом и молящее небо, чтобы оно залечило его раны. В старом здании суда горел огонь. Он отражался в валявшихся в снегу осколках больших цветных окон собора, делая их похожими на драгоценные камни. Нокс поднял один из осколков, на нем был изображен лик святого. Лицо сохранилось, но нимб был поврежден, когда стекло выпало из окна.

Дети продолжали идти вперед. Нокс проинструктировал их, и они не останавливались, чтобы оказать помощь

кому-то, так как цель, к которой группа стремилась, была гораздо важнее. Итак, они шли, глядя вперед, пробираясь через глубокий снег, карабкались на крутое подножие древнего холма. Их глаза не отрываясь смотрели в темноту, где виднелись очертания Холирод-Палас, а за ним на фоне звезд вырисовывалась вожделенная гора. На подходе к Джеффри-стрит их движение замедлилось из-за разрушенного здания, и Дети без вопросов стали карабкаться через руины, следуя за Ноксом. Он только на минуту приостановился, чтобы посмотреть хмурым взглядом на бедствие, постигшее дом, на котором висела табличка с его именем, а теперь перед ним лежал только ее обломок с одним словом «Нокс».

— Что это? — спросила Эстер.

— Я полагаю, это знак, — заметил Нокс, и его лицо искривила загадочная усмешка.

Он засунул обломок мемориальной доски назад в кучу мусора.

— О!

Девушка не поняла, что Нокс иронизирует, и кивнула. Лицо Эстер было усталым, а по лбу все еще струилась кровь.

Вот в чем беда христиан. У них абсолютно не развито чувство юмора, — подумал Нокс.

Риган кипела от ярости. Она уже ненавидела это место. Здесь отвратительно пахло, особенно когда вокруг кружили эти штуки — как их называют? — «машины». Она подняла ноги на скамейку, положив на колени подбородок, и угрюмо уставилась в темноту парка. Они пришли сюда, чтобы посмотреть, не появится ли Нокс, как сказал сеаннах. Риган поссорилась с Беатрис и вылезла из машины, захлопнув за собой дверцу. Слава богам, в парке было очень тихо, разве что где-то вдалеке лаяла собака, и Риган могла несколько минут спокойно поразмышлять. Сандро обязательно придет ее искать, потом она должна будет вернуться и извиниться перед Беатрис. Что эта женщина воображает о себе? Только из-за того, что они с Сандро были знакомы в те времена, когда он жил в этом мире, Беатрис считает, что у нее есть право командовать Риган, будто она ребенок...

Пошел снег. Девушка откинула голову и стала смотреть на снежинки, тихо падавшие ей на лицо. Если говорить откровенно, Риган была рада, что находится здесь, — в конце концов, она осталась жива. Но мысль о том, что придется прожить тут всю оставшуюся жизнь, наполняла Риган ужасом, от которого щемило в груди. Люди здесь такие странные, им нет никакого дела до того, кто она, никто не относится к ней с должным почтением. Эх, заиметь бы меч или хотя бы короткий кинжал, тогда в следующий раз в магазине, когда кто-нибудь назовет Риган курицей, она проткнет наглецу горло в назидание остальным.

Риган вздохнула. Здесь никому нет дела до чести. Приходится признать, что Сандро уже измучился с ней... Как жаль, что не было времени поговорить с Трисом и отцом, прежде чем ей пришлось уйти. Риган была так увлечена своим положением и столько сил прикладывала, чтобы казаться гордой и сильной, что не находила времени поговорить откровенно с родными людьми. Конечно, только человеческой натуре свойственно полагать, что времени еще больше чем достаточно, не замечая, как минуты превращаются в часы.

А что бы она им сказала?

С Трисом все просто. Риган любила его так же сильно, как и всегда, и ей было очень стыдно, что не удалось защитить брата от Джала. Ей очень хотелось попросить у него прощения. Что касается отца, здесь все было по-другому. Риган никогда не забудет выражение его лица, когда Мориас спросил, не обвиняет ли он ее в смерти Уны...

— *Как ты могла позволить ей уйти? Ты дала ей упасть...*

Риган всхлипнула и с видимым удовольствием вытерла нос рукавом пушистого жакета, позаимствованного у Беатрис. Если бы она проигнорировала тот факт, что слезы слишком холодные, то могла бы отрицать, что они смешиваются со снежинками на лице. Да и вообще, почему ее должно волновать, что он подумал...

— Риган? — Сандро стоял в нескольких футах от нее с выражением хмурого беспокойства на обычно веселом лице. Правда, когда он увидел, что Риган плачет, лицо его смягчилось. — С тобой все в порядке? — спросил он.

Она сердито посмотрела на Сандро.

— Конечно, сеаннах. Я просто хотела побыть одна, подальше от надоедливой болтовни Беатрис...

— Я уже просил тебя не называть меня здесь так. — Он еще больше нахмурился. — И ты не должна так враждебно относиться к Беа. Она делает все возможное, чтобы тебе здесь легче жилось. Пойми, Беа хочет тебе помочь.

— Я не нуждаюсь в ее помощи, как и в твоей, кстати.

— Нет, это не так.

Он подошел к Риган и сел рядом, когда началось землетрясение. Сандро упал вперед, но успел ухватиться за скамейку, чтобы удержаться. Это ему мало помогло, потому что скамейку отбросило в сторону, а Риган упала на землю, которая вздымалась и опадала, словно волны в бушующем море.

— О господи! — воскликнул Сандро. — Беа!

Он бросился назад к машине, но был сбит с ног следующим толчком, да так и остался лежать, опасаясь делать новую попытку, поскольку землю продолжало трясти. Деревья за их спиной выворачивало с корнем, стволы падали с жалобным скрипом, похожим на крик.

Сандро оглянулся, но Риган нигде не было видно.

Землетрясение продолжалось около полутора минут. Позже стало известно, что толчок был силой шесть баллов по шкале Рихтера, и погубил он пятьсот пятьдесят три человека. Кроме того, нанес ущерб на сотни миллионов фунтов. Но сейчас, когда шок понемногу стал проходить, имелись другие, более насущные проблемы.

Во время падения Сандро подвернул ногу, и ему пришло в голову, что его стряхивало с поверхности земли, как собака стряхивает блоху со своей спины. Он чувствовал сильный запах земли и травы, а мысли беспорядочно метались в голове, не позволяя сосредоточиться. Наконец Сандро сел и огляделся. В темноте парк казался целым и невредимым. Ряды деревьев стояли как костяшки домино. Очертания гор тоже не изменились, они, как и прежде, смотрели в звездное небо. Только все продолжающийся треск разрушающейся каменной кладки напоминал о том, что Холирут-Палас, историческое здание, возраст которого исчислялся сотнями лет, разваливается за спиной Сандро, падая на теперь уже спокойную землю, которая предала его.

Они намеревались дождаться, не появится ли Нокс, но теперь это вряд ли имело значение... Сандро стоял, покачиваясь, и проверял свою ногу, пытаясь перенести на нее вес и чувствуя, как по телу расплывается горячая волна боли. Какое-то мгновение он размышлял, кого искать сначала, Риган или Беа. Когда случился толчок, Беа все еще находилась в машине около Холируд-Палас, а Риган просто исчезла. Скамейка валялась перевернутая, но девушки около нее не было.

Медленно ковыляя, Сандро направился к тому месту, куда, как он полагал, могло отшвырнуть девушку. Он нашел Риган, запутавшуюся в ветвях упавшего дерева. К счастью, она находилась в пределах досягаемости только верхушки дерева, поэтому просто была сбита ею с ног. Риган была без сознания, и, пощупав пульс, Сандро оставил девушку лежать и отправился разыскивать Беа, рассудив, что Риган достаточно крепко опутана ветками, чтобы убежать, а нести ее с больной ногой он все равно не сможет. Когда Сандро доковылял до места, где оставил машину, сердце защемило от тревоги. Старая машина Беа была перевернута, а сверху лежало поваленное дерево.

— Беа! — закричал он и, насколько позволяла нога, побежал к машине. — Беатрис!

Сандро услышал, как над разрушенным городом разнесся вой сирен, словно эхо переполнявшей его тревоги. Но когда он добрался до машины, то почти рассмеялся от облегчения. Беа сидела вниз головой в перевернутой машине, абсолютно не пострадавшая, скорее обескураженная. Увидев приближающегося к ней Сандро, девушка опустила окно и высунула руку.

— Я сломала ноготь об этот чертов ремень безопасности, дорогой.

Еще не придя в себя от тревоги, Сандро подумал, что в такой момент Беа могла бы быть посерьезнее, но, посмотрев на ее протянутую руку, заметил, что она дрожит, а перевернутое лицо совершенно белое от испуга.

Он мягко засмеялся в ответ.

— Давай-ка я тебя вытащу.

После короткой борьбы ремень безопасности выпустил Беа на волю, и она отнюдь не грациозно свалилась на перевернутую крышу машины, откуда выползла, ругаясь на чем свет стоит, чуть не потеряв туфли в куче хлама, вывалившейся из «бардачка».

— С ее величеством все в порядке? — спросила она наконец, поднимаясь на ноги.

— Все нормально, — кивнул Сандро. — Она там.

Они медленно побрели к Риган. Звуки разрушенного города стали громче, доносились сирены, крики. Но парк, покрытый снегом, был оазисом тишины и темноты. Поваленные деревья образовали стену, через которую нельзя было увидеть хаос, оставшийся после землетрясения.

— Поверить не могу, — всхлипнула Беа, стараясь не разрыдаться. — Здесь никогда прежде не было землетрясений... ничего подобного... Что могло произойти?

Сандро остановился.

— Она ушла, — пробормотал он и огляделся, проверяя, правильно ли сориентировался.

— Ты уверен?

— Да... да, она была здесь.

Беа не выглядела слишком обеспокоенной.

— Наверное, бродит где-нибудь поблизости.

— Она не могла уйти далеко. Возле машины я был всего несколько минут. Оставайся здесь.

Сандро прошелся по периметру дворца, откуда доносился вой сирен. Струя воды из прорвавшейся трубы водопровода взмывала вверх элегантным фонтаном высотой около двадцати футов, красиво переливаясь среди обломков разрушенных стен. Сандро несколько раз позвал Риган, но ему и самому-то было трудно себя расслышать среди этого невообразимого шума. В конце концов Сандро вернулся к Беа.

— Ее там...

Он замолчал, увидев выражение на лице Беа, и повернулся, чтобы проследить за ее взглядом.

С того места, где они стояли, была видна Хай-стрит, карабкавшаяся вверх к Эдинбургскому замку, древнему сердцу города. Теперь улица горела. Во время толчков были поврежде-

ны газовые трубы, и огонь мгновенно охватил стоявшие компактно дома. А на вершине горы огромные языки яркого огня тянулись в ночное небо. Замок пылал. Казалось, чудовищная саламандра вцепилась в каменную стену и ползет по зданиям, оставляя огненный след. Небо отражало зарево, повисшее в воздухе зловещей, тяжелой смесью дыма и пепла.

— Думаю, нам надо вернуться домой, — прошептала Беа.

У Риган был талант следопыта. Быстроногая, высокая, стройная, она умела замереть и слиться с окружающим пейзажем. Она сняла пушистый оранжевый жакет Беа, поскольку он мало подходил для маскировки, но через несколько минут пожалела об этом, так как холод быстро начал охватывать спину и плечи.

Впереди через открытое пространство парка молча брела ее добыча. Сандро опоздал всего на минуту. Люди казались испуганными и угнетенными, кроме их лидера, того самого Нокса. Некоторые из них, казалось, шептали какие-то заклинания, опустив глаза в землю, почти неслышно двигая губами. Они приближались к горе, и Риган знала, что именно на этом месте накануне ночью Сандро потерял след Нокса во время преследования. Здесь больше негде было укрыться, потому что заканчивалась линия деревьев.

Риган припала к земле.

Нокс вел своих последователей в горы. Риган все хорошо видела, и когда окончательно уверилась в том, что люди стали карабкаться вверх, очень быстро перебежала покрытое снегом открытое пространство и укрылась за валуном, который, возможно, откололся от горы во время землетрясения. Пока Риган старалась восстановить дыхание, совсем близко перед ней появился Нокс. Сандро рассказывал Риган об этом загадочном юноше, но он оказался совсем не таким, каким она себе его представляла. Нокс был довольно симпатичным, но нищета отложила свой отпечаток на его лицо, хотя Риган по горькому опыту знала, что нельзя судить о человеке только по его внешности. Небольшие складки у рта и глаз, отливающие серебром в лунном свете и блеске снега, говорили о жестокости и озлобленности.

Девушка присела за валуном еще ниже, потому что Нокс посмотрел прямо в ее сторону, и в этот момент увидела, что у него на шее то самое ожерелье, из-за которого у них с Тристаном было столько неприятностей. Эта вещица проклята, теперь Риган была в этом уверена.

Она на несколько мгновений задержала дыхание, чтобы не выпускать пар изо рта, и только когда убедилась, что Нокс отвернулся, позволила себе выдохнуть.

Очевидно, они ушли. Только что Риган видела их, стоявших перед массивной скалой, а теперь они исчезли. Ри-

ган осторожно прокралась к скале и принялась водить рукой по замерзшей поверхности камня. Живя в Сулис Море много лет, она привыкла к тому, что везде могут находиться потайные двери, поэтому просто искала вход. На лице Риган появилась удовлетворенная усмешка, когда рука погрузилась в глубокую трещину в скале. Сандро никогда бы не нашел ее.

Почти три часа ушло у них на то, чтобы добраться до дома Беа. Оказалось, что землетрясение имело очень маленький радиус, всего около трех миль, но его оказалось достаточно, чтобы разрушить центр города. Сандро и Беа с мрачными лицами пробирались через развалины. У Сандро не было сомнений, что он вывихнул ногу, и он знал: если остановиться, чтобы кому-нибудь помочь, боль даст о себе знать в полную силу. Нужно поскорее добраться до дома Беа и выпить что-нибудь болеутоляющее.

На углу Лотиан-роуд его остановила маленькая девочка, лет семи. Она не плакала, но по лицу было видно, что ребенок очень устал.

— Мистер. Эй, мистер. Я не могу найти свою маму.

Она очень решительно вцепилась в край его куртки. Сандро почувствовал, что в нем поднимается странная, беспомощная злость.

— Я не могу...

Он замолчал. Девочка смотрела на него так, как будто у Сандро имелись ответы на все вопросы. Беа ободряюще улыбнулась ребенку.

— Где ты живешь? — спросила она.

— Здесь. Квартира номер пять.

Она указала на невысокий дом, два верхних этажа которого обвалились внутрь. Не надо было обладать особой интуицией, чтобы предположить, где находится квартира номер пять. Сандро наклонился к девочке.

— Как тебя зовут?

— Мелани.

— Послушай меня, Мелани, это очень важно. Я хочу, чтобы ты подождала здесь, около лестницы, хорошо? — Она серьезно кивнула в ответ. — Понимаешь, сюда скоро приедет пожарная бригада или полиция, чтобы проверить состояние твоего дома. Я уверен в этом. И очень важно, чтобы ты назвала номер квартиры, в которой находилась твоя мама.

— Да.

Сандро оглянулся на горящий центр города.

— Это может занять много времени, но они обязательно придут. Так что ты должна ждать.

— Вот возьми, Мелани. — Беа завернула девочку в свое кашемировое пальто. — Так тебе будет теплее, пока ты ждешь. Может быть, найдешь что-нибудь вкусненькое в кармане.

Мелани засучила рукава и сунула руки в карманы, которые находились на уровне ее коленок. Беа знала, что в одном из них лежит плитка шоколада.

— Спасибо, миссис.

Без дальнейших церемоний девочка уселась около двери дома и приступила к еде.

— Пошли, Беа.

— Но она такая маленькая. Что, если у нее будет реакция на шок?

— Мы сделали все, что могли. Она сидит около своего дома и ест шоколад, он поднимет ей уровень сахара в крови... Что еще мы можем сделать? У нас нет возможности помочь каждому...

Больше они ничего не могли сделать.

Колинтон остался невредимым. Единственным видимым повреждением в доме Беа оказалась большая трещина в кирпичной кладке. Была половина четвертого утра. Первые лучи рассвета уже касались восточной части неба, и им обоим было просто необходимо присесть. Сандро наконец принял болеутоляющие таблетки, запив их изрядной порцией виски.

— Не хочешь, чтобы я тебя осмотрела, Сандро? — спросила Беа, усаживаясь рядом с ним на кушетку.

— Нет-нет, со мной все будет в порядке, — покачал он головой и налил себе еще порцию виски. — У меня случались вещи и похуже, гораздо хуже...

— Да, счастливчиком тебя не назовешь. — Беа насмешливо улыбнулась и залпом выпила виски. Она немного помолчала, чувствуя, как алкоголь, обжигая горло, прокладывает себе путь к желудку. — Как ты думаешь, много людей погибло, Сандро?

Он угрюмо кивнул.

— Мы ведь не были готовы к землетрясениям, правда? Некоторые здания... полностью разрушены, ты сама видела.

Закрыв глаза, он положил голову на мягкую подушку. Сандро слышал, что Беа встала, и через секунду заговорило радио. Беа вернулась и села рядом.

...мощное землетрясение потрясло город. Службы спасения работают не покладая рук. Те, кто получил незначительные порезы, раны или даже переломы конечностей и кто слушает нас сейчас: просим вас оставаться дома по крайней мере до полудня завтрашнего дня. Пожарные бригады и служба скорой медицинской помощи полностью задействованы на разборах завалов, освобождая людей, оставшихся под развалинами домов. Бесценные здания и национальные сокровища безнадежно повреждены, но основной заботой на ближайшие несколько часов остается спасение жизней...

И Сандро, и Беа в тепле и безопасности почувствовали себя полностью обессиленными. Беа протянула руку, взяла одеяло, брошенное на спинку кушетки, и накрыла себя и Сандро. Сон сморил их.

...Британского Геологического общества сообщают, что не было никаких показаний приборов, предупреждающих, что может произойти подобное событие... нет на карте тектонических... эпицентр располагается в горах рядом с Эдинбургом...

«Где же Риган?» — подумал Сандро в полусне.

...крошечный, чудесный ребенок... родители назвали ее Надежда...

Сандро заснул.

Нокс больше не понимал, что чувствует. Ощущение было очень странное, расщепляющее сознание, и продолжалось оно последние несколько дней. Где-то глубоко внутри Нокс сознавал, что виной всему ожерелье. Мощь, которую Бог передавал ему через амулет, затуманивала разум. Он понимал, что должен бояться, это было бы объяснимо, ведь для большинства людей наступал Конец Света. Но не для Детей, они будут спасены и доживут до конца испытаний, так обещал Бог.

Некоторые из них сейчас молились, радуясь и благодаря Бога, но Нокс почему-то не испытывал ничего подобного. Ему казалось, что он может только наблюдать за чувствами других. Может, именно такую возможность дает настоящая власть. Если так, то это просто притворство. Ноксу хотелось вызывать такое же обожание и преданность, как было с Даниэлем, и получать от этого удовольствие.

Он оглянулся по сторонам. Грязные оборванные люди разговаривали между собой. Нокс в своем неприступном оцепенении понял теперь, что они такие же, как он: потерянные, оскорбленные, бывшие наркоманы, отверженные. Они жили своей болью, показывая ее другим людям. Нокс презирал их, но он все равно должен вести их, Дети нуждаются в том, чтобы их вели.

— Вы готовы? — спросил Нокс.

— Не следует ли нам еще раз помолиться, Нокс? — спокойно осведомилась Эстер.

— Нет. — Он покачал головой. — Время молитв прошло, потому что... — Нокс немного помедлил, так как потерял нить размышлений. Его внимание рассеялось.

— Нокс?

— ...потому что Бог... скоро будет среди нас. Пойдемте. Следуйте за мной.

Он осторожно вошел в дальнюю пещеру. Ноксу казалось, что ему известно, чего ждать, но он ошибался. Пещера была покрыта субстанцией, напоминающей лед, она излучала

яркий зеленый свет и покрывала пол гладкой скользкой простыней, ручейками стекала с острых сосулек, свисавших с потолка. Скооры, размерами больше, чем ему приходилось когда-нибудь видеть, тоже были закованы в нее, словно статуи. В пещере было очень холодно, гораздо холоднее, чем в занесенном снегом городе. И холод этот был необычным, казалось, его можно попробовать на вкус.

За спиной Нокса раздались восклицания изумления и страха, но он не обращал на них внимания, небольшими скользящими шагами продвигаясь через пещеру к алтарю и чувствуя, как колотится в груди сердце.

Что теперь будет? Он обещал прийти. А что, если не придет?

Нокс оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить, как один из Детей протянул руку, чтобы потрогать замороженного скоора.

— Не трогай его! Вы не должны ничего трогать, — скомандовал он, не понимая, почему сказал это.

— Он абсолютно прав. Вы умрете, если дотронетесь до них.

Сначала раздался голос, и только потом над алтарем появился ослепительно яркий свет. Дети сбились в кружок, хватаясь за одежду друг друга, прежде чем упасть на колени. Нокс остался стоять, щуря глаза и моргая от яркого света, но не отвел взгляд, хотя по его лицу ручьем лились слезы.

Раздался спокойный смех, который Ноксу приходилось слышать раньше. А потом появился он. Бог стоял, а вернее, парил в воздухе над алтарем, надменно глядя вниз. На нем была простая белая одежда, спадавшая складками, которые шевелились, словно обдуваемые каким-то несуществующим ветерком. Он откинул со лба длинные темные волосы, и Нокс, к своему удивлению, увидел, что у Бога на скуле нарисованы или вытатуированы какие-то оккультные символы. В темных глазах с тяжелыми веками отражался зеленый лед.

— Вот мы и встретились наконец, — сказал он. Нокс слабо кивнул в ответ. — Ты прав, я тоже часто думал над тем, что все эти религиозные обряды слишком переоцениваются. — Бог бросил быстрый взгляд в сторону перепуганных Детей и слабо улыбнулся. — Мы все знаем, что в наших сердцах, правда? — Он шагнул вниз, будто спускаясь со звезды, и теперь стоял босой на холодной поверхности алтаря. — Иди сюда, Нокс.

Нокс двинулся вперед, хотя он и так стоял на расстоянии вытянутой руки от алтаря, но Джалу зачем-то нужно было, чтобы он подошел еще ближе. Когда Нокс приблизился, Джал сел на край камня. В конце концов они оказались почти нос к носу. Сердце Нокса все так же колотилось в груди, а страх — или это было действие амулета? — усилил чувства. Его мысли замедлили ход, и теперь весь мир был сосредоточен в лице Бога, таком сильном, красивом и жестоком.

— *Как Бог может быть жестоким?* — Голос Дэнни вился вокруг его мозга, как надоедливый комар. Дэнни был здесь... в нем.

— *Заткнись. Он может тебя услышать.*

Глаза Нокса расширились от испуга, но Бог, казалось, не подозревал о присутствии Дэнни, если тот существовал, конечно, а не являлся продуктом сознания Нокса.

Нокс чувствовал прикосновение теплого локтя Бога, смотрел на струящиеся по плечам прекрасные темные волосы — они шевелились, словно Бог находился под водой...

— Ты все правильно сделал, Нокс, — улыбнулся Бог.

Ему хотелось проснуться. Все понять. Что-то... что-то должно было произойти.

— Я боюсь.

Он услышал свой голос, не понимая, как эти слова сформировались в его мозгу.

Нет! — мелькнула мысль. — *Никогда этого не говори... не говори, что ты боишься... никогда...*

— Не бойся, Натан Трой.

Потом события начали развиваться стремительно. Бог протянул руку и сорвал с шеи Нокса ожерелье. Но не это имело значение. Он почувствовал, как будто... стальные пальцы впились в тело, обожгли его огнем. Нокс невольно застонал.

— Успокойся.

Бог протянул руку и одним пальцем коснулся его головы. Боль моментально исчезла. Нокс не сразу заметил, что ее больше нет, и продолжал склоняться вперед, пока почти не упал на Бога, в последний момент удержав равновесие.

— Что это было? — Он не мог отвести взгляда от ожерелья, которое Бог держал в длинных пальцах. — Оно сделало мне больно...

— Это не имеет значения.

— *Нет, имеет,* — вновь раздался голос Дэнни.

Следующее требование Бога повергло Нокса в ужас.

— Мне нужна жертва.

ГЛАВА 16

— Ч-что?

Его собственный голос был таким жалким, таким слабым в огромной пещере. Знакомое чувство, скрутившее кишки, подсказало Ноксу, что и тело поняло то, что уже дошло до разума. Он потерял контроль над ситуацией. Да как он мог вообразить, что вообще что-то контролирует.

— Боги требуют жертв, Нокс. И мне нужна одна. — Его глаза сверкнули в сторону двери, около которой стояли Дети. — Тебе нужно выбрать.

— *Нет. Так не должно быть. Скажи ему, Нокс. Скажи ему!*

— Я н-не могу.

Бог нахмурился, потом нетерпеливо махнул рукой.

— Что ж, как хочешь.

Он щелкнул пальцами, и два скоора пришли в движение. Их ледяные коконы быстро испарились. Нокс услышал за своей спиной какую-то возню, но не повернулся.

— Пожалуйста, не надо. Эти люди искренне верят в тебя. И их так мало...

— Это необходимо, — равнодушно ответил Бог.

Он кивнул скоорам, и те волоком подтащили кого-то к алтарю. Их пленница была почти в бессознательном состоянии от страха, но они поддерживали ее, ожидая следующей команды.

Это была Эстер.

— Нет!.. — закричал Нокс.

Все произошло очень быстро. Совсем не драматично. Девушка была так напугана, что почти потеряла рассудок. Только сейчас она была жива и испугана, а в следующий момент...

Скооры с мрачной деловитостью перерезали ей горло. Девушка не издала ни звука, хотя на какое-то мгновение с ужасом поняла, что с ней произойдет, прежде чем ее тело было брошено на алтарь. Даже достойной позы она была лишена. Красная кровь стекала с камня, становясь коричневой в зеленом свете льда. Девушка пару раз дернулась, конвульсии были не сильные, но достаточные, чтобы понять — Эстер что-то чувствовала несколько секунд перед тем, как умереть.

Вопль разорвал тишину пещеры. Отчаянный, долгий, мучительный вопль, исторгшийся из самых глубин души Нокса. Даже когда казалось, что у него уже не осталось воздуха, вопль продолжался, пока не стал хриплым, сухим звуком. Нокс не подошел к Эстер, а вместо этого обхватил себя руками и сначала опустился на колени, а потом, скорчившись, упал на землю. Оставшиеся Дети, ошеломленные происходящим, сначала застыли от ужаса, потом двинулись вперед, чтобы помочь своему лидеру. Неодобрительно прищелкнув языком, Джал нетерпеливо махнул рукой и заморозил их и скооров. Итак, только Джал и Нокс остались в пещере подле быстро остывающего трупа Эстер.

Нокс был уничтожен горем и яростью. Ему казалось, что все те времена, когда он не чувствовал ничего, вернулись. Теперь он осознал все: Эстер, Даниэль, свое собственное ничтожное существование без любви и привязанности, пустоту своей души. Все это сейчас навалилось на Нокса волной жалости к себе. Он

не знал, что Джал сделал с остальными Детьми. Ему было все равно, даже если бы и знал. Нокс сейчас был занят только собой. Он плакал, как ребенок, очень долго, пока у него не заболели мышцы живота, точно от сильного смеха. По лицу были размазаны слизь из носа и слюна, но Нокс не делал попыток вытереть их. Глаза его были открыты, но он ничего не видел.

— *Нокс, успокойся... Успокойся, Натан,* — пытался урезонить его голос Дэнни. — *Он не настоящий Бог. Это не твоя вина... Он послан самим Дьяволом...*

Нокс не отвечал. Даже мысли его молчали. Но он перестал рыдать. Его сознание дрейфовало в спасительной пустоте, хотя он слышал голос Дэнни. Нокс слышал его... Наконец мысль обрела форму.

— *Прости меня.*

Правда, он пока не осознавал, за что. Даже в состоянии временного помешательства, когда каждый нерв в теле Нокса словно превратился в нарыв и был не способен действовать в унисон с разумом, стоило ему только протянуть руку и коснуться края серого окровавленного платья Эстер, как Нокс понял, что слова запоздали.

Слишком поздно для извинений.

В Сутре прошло около недели с тех пор, как исчезла Риган. Совет был вынужден признать, что Талискер и Тристан ни в чем не виноваты, особенно после того, как Эскариус уверил их, что спал у входа в пещеру всю ночь. Первую пару дней и Талискер, и Тристан хандрили, им не хотелось говорить о Риган, и они держали свои мысли при себе. Потом как-то Талискер увидел Триса за откровенной беседой с Эскариусом и Маркометом, но не стал выяснять, что происходит. Он в одиночестве проходил целые мили по берегу океана, глядя в сторону Сутры.

За годы, которые он прожил здесь, Дункану часто приходила в голову мысль, что название «Сутра» у него всегда ассоциировалось со страной, а не со всем остальным миром, дрейфующим в океане. Конечно, существовали и другие страны, но у него никогда не возникало желания исследовать их. Великие не были хорошими мореплавателями, хотя ловили рыбу в прибрежных водах океана, но, насколько Талискеру было известно, ни с кем не торговали. В мире, где слово «далеко» обозначало расстояние, которое может проскакать лошадь в течение дня, это было достаточно разумным, но Талискера сейчас интересовало полное отсутствие у людей любопытства...

— Отец! Отец!

Талискер прищурил глаза от яркого солнца и увидел спешащего к нему по берегу Тристана. Грубая галька делала его

путешествие очень трудным, поэтому юноша задыхался, несмотря на свежий воздух. Чтобы немного облегчить усилия сына, Талискер почти бегом бросился ему навстречу.

— Что случилось, Трис?

— Ничего плохого. Совет согласился дать мне в помощь племена сидов. Я подумал, что ты будешь рад услышать это.

Талискер нахмурился:

— Какую помощь? Зачем это все, Тристан?

— Они согласились стать моими союзниками, отец.

— Но зачем? — настаивал Талискер. — Мне казалось, ты захочешь вернуться со мной домой.

Тристан выпрямился, насколько мог, и его ответ поразил Талискера в самое сердце.

— Риган ушла, и я знаю, что это причиняет тебе сильную боль. Мне тоже. Но она никогда не была истинной правительницей Сулис Мора. Я настоящий тан, если ты забыл, и обязательно верну трон, которого твоя дочь лишила меня...

— Моя дочь? — Тон Талискера был упрекающий, но не сердитый. — Она также твоя сестра, Тристан. Неужели мы потеряли все, что связывало нас? Выходит, наша семья умерла вместе с Уной?

Пока Талискер говорил, он понял, что не ждет от сына ответа. Риган нельзя было простить, и они оба пришли к такому выводу. Его горе было неопределенным, бесформенным, а в упреке Тристану звучало больше сожаления, чем чего-то другого.

Тристан покачал головой:

— Семья? А что это для нее значило? Возможно, сначала Риган и поехала для того, чтобы защитить меня, но очень быстро забыла об этом, когда ею стали управлять власть и похоть. Ей нет прощения, отец. Когда я верну свой трон, то обязательно прикажу вычеркнуть ее из истории Сулис Мора навсегда. Ни один сеаннах никогда не расскажет сказку о Риган.

— Даже про Корвуса рассказывают истории, Тристан...

— Я так решил...

Тристан уставился на воду. Горечь обострила его обычно мягкие черты лица. После прощания с Риган он стал воспринимать ее предательство еще тяжелее, но эта печаль придала ему решительности. Больше не должно быть слез из-за сестры.

— Да, — спокойно согласился Талискер. — Но прежде всего тебе надо отобрать свой трон у Джала. Как ты собираешься это сделать с помощью небольшого количества сидов?

— Я, может быть, и калека, отец, но не глупец...

— Я никогда и не...

— Сиды некоторое время следили за Сулис Мором. Они подозревают, кстати, как и Мориас, что Джала нет в городе.

— Что? Кто же там остался? И куда мог уйти Джал?

— Мы не знаем. Нам неизвестны его планы. Я знаю только, что он оставил кого-то или, вернее, *что-то* охранять город. Другое дело, что армия южных племен, о которой говорил Мориас, очень маленькая, не больше двух тысяч человек. Мы думаем, что таны Хью и Лэхлен должны прислать ее, но опять-таки нам неизвестно...

— Две тысячи человек, — с отчаянием воскликнул Талискер. — Этого недостаточно, чтобы захватить Сулис Мор.

— Да, — согласился Тристан. — Я знаю. Но это не главная моя проблема. Если я не смогу собрать армию и дать знать Хью и Лэхлену о своем суверенитете, они, возможно, не захотят и драться за меня. Они могут подумать, что я настолько плох...

— Да, — вздохнул Тристан. — Они могут даже напасть на тебя, сынок.

Оба недолго помолчали, прислушиваясь к шуму волн, разбивающихся о берег. Талискер подошел к большому осколку скалы и сел на него. Трис последовал его примеру, и они провели несколько минут, бездумно бросая камни в воду.

— Тебе не холодно? — в конце концов спросил Талискер. — Ветер усилился.

Тристан прищурил глаза от яркого солнца и улыбнулся, предпочитая не обращать внимания на отцовскую заботу.

— Я бы очень хотел, чтобы ты был со мной, Талискер, — сказал он мягко. — Сиды и Великие верят тебе. Ты для них герой, и для меня тоже.

Талискер собрался ответить, но Тристан продолжил:

— Я теперь знаю, каким был мой настоящий отец, он пытался убить меня за то, что я таким родился. Ты и мама Уна были лучшими родителями, которых мне послала судьба. Ты научил меня всему, в чем отказал мне мой родной отец. И это еще не все...

— Конечно. Не думаю, что это когда-нибудь может закончиться, я имею в виду родительские обязанности. — Талискер улыбнулся и постарался не думать о других своих детях, один из которых был навсегда потерян для него, а другой и не подозревал, что он его отец, но угрожал самому существованию Сутры. — Конечно, я пойду с тобой, Трис. Похоже, именно я несу ответственность за весь этот беспорядок. Какие у тебя планы?

Трис нахмурился, не совсем понимая, что отец имеет в виду.

— Думаю, нам надо слетать в Сулис Мор и посмотреть, что там происходит... А потом я разработаю замечательный план, но нам предварительно надо встретиться с южными племенами.

— Замечательный план? — Талискер усмехнулся. — Есть идеи?

— Никаких, — пожал плечами Трис и рассмеялся. — Но я очень надеюсь, что они у меня появятся.

— Где этот старый Мориас, когда он нам так нужен, а?

— Кажется, придется доказать, что я могу обойтись без него, — возразил Тристан.

Он был настроен очень решительно, и Талискер понял, что ему вряд ли удалось бы отговорить сына.

— Ну что ж, сын, когда мы летим в Сулис Мор?

— Утром. Уже все подготовлено.

— Ты полетел бы и без меня, так ведь?

— Если будет необходимо — да.

На следующее утро рассвет принес с океана густой серый туман. Тристан уже был на улице, когда Талискер закончил собирать свои немудреные пожитки и вышел к ожидавшим его заговорщикам. Трис разговаривал с принцем Текумсехом и еще одним сидом, одетым в такую же зеленую с коричневым одежду.

— Отец! Я рад, что ты здесь, — улыбнулся Тристан. — Позволь представить тебе принца Тенксву. Он брат принца Текумсеха и любезно предложил свои услуги.

Талискер низко поклонился:

— Благодарю тебя, принц Тенксва. Это большая честь для меня.

Принц также ответил Талискеру поклоном, но ничего не сказал.

— Мой брат не владеет человеческой речью, Талискер, — поспешно объяснил Текумсех, опасаясь, что тот обидится. — Он общается только мысленно.

Талискер на минуту сосредоточился.

— *Я приношу тебе свою благодарность, принц Тенксва. Это большая честь для меня,* — подумал он.

На лице принца появилось выражение почти комического изумления, а потом он расплылся в широкой улыбке.

— Что вы там смеетесь? — спросил Тристан, слегка обеспокоенный тем, что пропустил что-то важное.

Текумсех засмеялся.

— Ваш отец удивительный человек, тан Тристан. Очень редко Великие понимают нашу мысленную речь.

— Да, конечно, — ответил Тристан несколько натянуто. — Ну что ж, мы готовы.

Оба принца поклонились и отошли в сторону от Тристана и Талискера, чтобы обернуться орлами. Талискер воспользовался шансом поговорить с сыном наедине.

— С тобой все в порядке, Трис?

— Все хорошо. А почему должно быть иначе?

Тристан был беззаботен, словно они собирались на пикник.

— Просто... я знаю, что тебе в прошлый раз не очень понравилось летать...

— Теперь все по-другому. Мне необходимо вернуть трон, так что для страха нет времени.

Талискер кивнул, опасаясь, что слова сына не что иное, как бравада.

— Страх иногда полезен, Трис, — предостерег он его. — Он заставляет быть осторожным и помогает выжить.

— Или калечит нас, — сухо возразил Трис. — Пошли, отец.

Туман, накрывший остров, распространился на много миль. Нежаркому зимнему солнцу никак не удавалось растопить его. Когда они миновали прибрежную линию материка, Тристан мог видеть только случайные пятна коричневого и зеленого, остальное пространство было черным и мало напоминало густой лес Ор Койл. Чем дальше они продвигались на север, тем реже становился туман, и Тристан вдруг заметил внизу отряд странных всадников, охотников или разведчиков, двигающихся через вересковые пустоши на юг. Орлы благодаря высоте пролетели незамеченными.

Когда орлы подлетели к Сулис Мору, стало заметно холоднее. Ветер ерошил их перья, но они продолжали полет, как будто не замечая мороза.

— Посмотри! — крикнул Тристан.

У него не было уверенности, что отец услышал его. Но когда Тристан посмотрел на него, то увидел, что лицо Талискера посуровело, значит, он тоже видел Сулис Мор. Текумсех и Тенксва опустились пониже, чтобы улучшить обзор.

Сулис Мор больше не был «Черным Стражем» из легенды. Город был заморожен, закован в белый сверкающий лед, такой толстый, что от дверных проемов были вырублены туннели, будто в скалах. Тристан ахнул от изумления и закашлялся, так как морозный воздух обжег ему легкие. Он мог видеть конюшни, пивоварни и людей, которые были заморожены в одно мгновение.

Талискер был меньше потрясен увиденным, чем Трис, его больше беспокоили фигуры, двигающиеся внизу. Он тут же узнал силуэты скооров. С высоты они еще больше напоминали гигантских скорпионов. Но самое ужасное, что появились новые существа, больше похожие на людей, некоторые из них на лошадях. Неужели в Сутру вернулись коранниды и оживили тела несчастных жертв ледяного колдовства Джала?

— Опустись пониже, Тенксва, может, нам удастся сесть на северную башню.

— Это очень опасно, Дункан Талискер. Мы не можем рисковать таном Тристаном. Посмотри...

— Где?

— В саду около северной стены.

Тенксва стал кругами спускаться. Когда Талискер оглянулся, то увидел, что Текумсех с Тристаном на спине последовал за ними.

Это было тело молодой девушки. Но его отличало от других замороженных людей то, что оно было выброшено из замка, словно куча тряпья. Не представлялось возможным определить, была ли она мертва, когда ударил мороз, но поза ее говорила, что в лучшем случае девушка без сознания.

Талискер услышал за своей спиной что-то вроде стона и повернулся назад, чтобы посмотреть на Тристана. На лице сына было выражение дикой ярости.

— Думаю, нам следует спуститься и подобрать ее. Попроси Текумсеха немного отстать, чтобы Тристан был в безопасности.

— Черт тебя побери, Дункан Талискер! — ответил Тенксва.

Не тратя время на дальнейшие предостережения, он лениво накренился и сложил крылья. Это было похоже на свободное падение, плавное и гладкое, как шелк. Талискер издал восторженное восклицание. Словно вылавливая рыбу из реки, Тенксва подхватил замерзшее тело когтями и тут же стал подниматься, активно работая крыльями, чтобы скорее набрать скорость. За его спиной раздался какой-то звук, и Талискер оглянулся назад, чтобы посмотреть, что там происходит.

— Скорее! Вперед! — закричал он громко.

В его голосе звучал страх, и не без причины. Существа, атаковавшие их, были абсолютно неизвестны в Сутре. Они обладали невероятно огромными размерами, имели человеческий облик, но черную кожу, похожую на роговое покрытие, и желтые клыки. Талискер подумал было, что это тролли. Некоторые из них все еще бежали к Тенксве, несмотря на то что он уже взлетел. Остальные остановились и вставляли стрелы в неуклюжие, грубо сделанные луки. Талискер наклонился вперед, спрятав лицо в теплые перья, когда около его уха просвистела стрела. Он услышал странные скрипучие звуки, которые издавали существа, но они быстро стихли, так как Тенксва поднимался все выше и выше.

В конце концов Талискер посмотрел наверх. На какое-то время восстановилась тишина, над головой сияло голубое небо. Довольно далеко впереди он мог видеть Текумсеха, летящего на юго-запад.

— Ты в порядке, Тенксва?

— Меня не задело, Дункан Талискер, но я подозреваю, что в нашу пассажирку попала стрела.

Талискер старался посмотреть вниз, но из-за тела орла ничего не было видно.

— Она, возможно, была уже мертва, — подумал он. *— Бедная девочка. Честно говоря, не знаю, зачем мы ее подняли.*

— Текумсех сказал, что тан Тристан знал ее.

— О!

Сейчас они летели от Сулис Мора, но ниже уровня облаков. Талискер видел абсолютно все, что случилось дальше, хотя сначала не мог поверить своим глазам. Раздался звук, который заставил их повернуться и посмотреть на город. Низкий грохот, казалось, исходил откуда-то из-под крепости, но внимание путников было привлечено группой скооров, которые преследовали сида-орла.

— Не беспокойся, Дункан Талискер. Они ведь не могут летать, как следует, — заметил Тенксва презрительно. *— Скоору никогда не убить взрослого сида-орла. В конце концов, это нас боялась леди Риган...* — Он замолчал. *— Прости меня...*

В долине перед Сулис Мором раздался взрыв. Струя замороженного воздуха выстрелила вверх с силой гейзера, и Тенксва, попавший в нее, закружился на месте. Талискеру оставалось только молиться за свою жизнь, пока орел пытался восстановить равновесие. Они теряли высоту, и Тенксва издал тревожный крик, зная, что должен будет избавиться от тела девушки, если оно будет мешать. Груз выпал из его когтей, но Текумсех, вернувшийся, чтобы помочь брату, подхватил девушку в воздухе.

В долине внизу земля содрогнулась и раскололась. Из-под земли какой-то неведомой силой была резко выброшена наверх сталагмитовая гора и масса льда. Скалы скрипели, стонали и рушились. Сам Сулис Мор был разделен на части огромной трещиной. Зазубренные куски льда взрывом подбросило вверх, и они беспорядочно падали на землю, образуя некое подобие гор в миниатюре.

Тенксва летел на небольшой высоте, но теперь горы преграждали ему путь, загораживая обзор. Его ноги промерзли до костей, и в глубине души сид уже думал, что смерть неминуема если не от холода, то от того, что он ударится об одну из этих ледяных скал.

— Черт возьми! Что происходит? — воскликнул Талискер.

Тенксва не ответил, так как ему пришлось затормозить перед огромной стеной льда, выросшей перед ним. Талискер закрыл глаза, испугавшись столкновения, но орлу удалось в последний момент отвернуть в сторону, правда, зацепив гору левым крылом.

— Дункан Талискер, мне не хватает воздуха, я не могу подняться выше, не могу больше лететь...

Талискер оглянулся на Сулис Мор. Казалось, хаос там прекратился.

— Поворачивай назад, Тенксва! Лети на север. За Сулис Мор...

— В плохие земли?

Вопрос был риторическим. Тенксва падал, его крылья сковывал лед. Еще одна ледяная гора выросла у них за спиной. Волной морозного воздуха, ударившего сзади, огромного орла закружило в воздухе, как простое перышко. И все же Тенксва нашел в себе силы собраться и направился на север, как посоветовал ему Талискер. Внизу под ними среди образовавшейся белизны ле-

жал мертвый скоор, который пытался преследовать принца. Несчастного проткнул поднявшийся из-под земли сталагмит. Хвост скоора еще дергался.

Когда они достигли последних башен города, грохот, сопровождавший появление ледяных гор, резко оборвался. Теперь стал слышен шум внизу. Существа, населявшие город, кричали от боли и ужаса. Сразу за северной стеной Тенксва и Талискер выбрались из ледяного облака, которое сопровождало разрушение, и взмахи крыльев орла понемногу стали сильнее и увереннее. За крепостью признаки разрушений стали меньше, но нигде не было видно участка земли, не покрытого толстым слоем льда.

— *Тебе нужно отдохнуть, Тенксва?* — спросил Талискер.

— *Нет, Дункан Талискер. Со мной все будет в порядке. Я поверну на запад, к океану. Моим крыльям уже лучше.*

— *Надеюсь, у Тристана и Текумсеха все хорошо. Я не видел, что с ними происходило после того, как твой брат подхватил тело девушки...*

— *Что это?*

— *Где?*

— *Посмотри туда. На восток... Видишь?*

Сначала Талискер не мог разглядеть, что привлекло внимание Тенксвы. Пространство впереди мало чем отличалось от того, что они видели по другую сторону от Сулис Мора. Талискер знал, что это та самая долина, по которой он ехал когда-то с Сандро и Малки много лет назад, чтобы сразиться с Корвусом, и эти воспоминания доставили ему мало удовольствия. Долина была все такой же пустынной.

— *Полетели отсюда, Тенксва,* — попросил он.

— *Нет,* — настаивал орел. — *Я хочу увидеть.*

Впереди что-то было. Когда подлетели ближе, Талискер увидел, что это дискообразный предмет около мили в диаметре. Его поверхность по консистенции и виду напоминала деготь. Она переливалась в свете, который отражался от ледяных глыб, и была окружена обломками скал и льдинами.

— Что за черт! Что это? — пробормотал Талискер.

Тенксва ничего не ответил, но, сделав круг, стал подниматься выше и выше.

— *Почему ты поднимаешься?*

— *Я думаю, сверху будет лучше видно, Дункан Талискер.*

Скалы, которые по периметру окружали предмет, медленно двигались к его центру. Что-то в этом движении было пугающе знакомым — линии гор на противоположных сторонах черного озера и еле заметное движение по поверхности слева направо.

— О мой бог! — прошептал Талискер.

Это был глаз. И он моргал.

* * *

Сандро проснулся от знакомого звука, совершенно неуместного здесь. Это был стук копыт. К дому Беа приближалась лошадь. Полностью очнувшись, он вспомнил о землетрясении и сел, спрятав лицо в руках. Сколько же человек погибло? Беа тихо посапывала, положив ему на плечо голову, и Сандро медленно встал, осторожно переложив ее на подушку, стараясь не разбудить. Потом подошел к окну, чтобы посмотреть на город.

Отсюда невозможно было предположить, что что-то случилось. Эпицентр землетрясения находился в Старом Городе, и единственным признаком можно было считать только нескончаемый вой сирен и шум вертолетов, кружащих в небе. Да клубы дыма лениво поднимались в ясное, безоблачное небо.

— Доброе утро, сеаннах.

Он повернулся. В дверях стояла Риган. В руках она держала кусок тонкой веревки, которую использовала вместо уздечки для лошади, стоявшей сзади. С ней явно что-то произошло, и выглядела девушка как-то по-другому. Странно было думать, что такое несчастье, как землетрясение в Эдинбурге, могло сделать кого-то более оживленным и жизнерадостным, как это случилось с Риган. Она усмехнулась, и Сандро увидел в ее глазах огонь, который ему много раз приходилось видеть в глазах воинов перед битвой.

— Где ты ее взяла? — кивнул он в сторону лошади.

Риган звонко хлопнула животное по крупу.

— Нашла в парке, он там один бродил. И был немного растерян... правда, мальчик? Я никогда не видела раньше таких лошадей. Посмотри на его ноги.

Сандро кивнул и слабо улыбнулся. Он был уверен, что это одна из лошадей, которых запрягали в старомодные экипажи, чтобы возить туристов. Но сейчас его больше интересовало, что случилось с Риган ночью. Сандро сложил на груди руки и постарался, чтобы его голос звучал не слишком назидательно.

— Где ты была, Риган? Мы очень беспокоились о тебе.

— Не стоило. Со мной все в порядке. Но, Сандро... — Лошадь потянула ее назад. — Я отведу коня в сад за дом, а потом приду и все расскажу. — Девушка вышла, не дожидаясь ответа. — У нас неприятности... — бросила она через плечо.

Сандро посмотрел на линию города на фоне неба. Ему пришло в голову, что она напоминает знакомую улыбку, только без некоторых зубов-зданий, мимо которых люди каждый день проходят или проезжают, даже не зная, что в них находится, низких домов, построенных еще в георгианские времена, исторических, но малоприметательных, населенных такими же людьми.

Как и многие жители Эдинбурга нынешним утром, Сандро настолько был потрясен тем, что случилось, что ни-

как не мог сосредоточиться, собраться с мыслями, словно кто-то ударил его по голове. Чувство было чем-то сродни сильному похмелью. Он прошел в кухню, чтобы приготовить кофе для себя и Беа, но как только сделал это, его внимание привлек камень. Тот самый камень, большой плоский булыжник величиной с ладонь, который Мориас дал ему много лет назад в знак того, что с того времени Сандро стал сеаннахом. Когда Джал мучил его, это была единственная вещь, которую он сохранил. Оружие и драгоценности у Сандро отобрали, но этот камень, такой невзрачный, безобидный, был оставлен ему мучителем, который, по всей видимости, посчитал его не стоящим внимания.

Сандро взял камень, машинально погладил его гладкую поверхность, как делал раньше много раз. Это на самом деле успокаивало. Он пошел к закипевшему чайнику, когда выражение его лица вдруг изменилось. От руки Сандро вдруг пошли теплые волны, распространяясь до самой груди. Знакомое ощущение, испытанное им много раз за последние двадцать пять лет, но не в этом мире. Его камень активизировался. Сандро хмуро посмотрел на него.

— Не здесь, — пробормотал он. — Здесь нет магии...

Но все равно ощущение оставалось очень сильным. Сандро обрадовало чувство, не похожее ни на одно другое, когда возникает почти физическая потребность дать выход словам.

— Беа, Беа, проснись. — Он поставил ее кофе на столик возле дивана. — Я должен тебе кое-что рассказать...

Беа села, тихо застонав.

— Сколько времени, Сандро? О боже! Землетрясение на самом деле было? Мне это не приснилось?

— Подожди. Послушай. Мы поговорим о землетрясении через несколько минут. Я должен рассказать тебе сказку...

— Сказку? — Беа выгнула брови дугой и отхлебнула кофе. — Сандро, мне кажется, что это несколько не ко времени. Мне хотелось бы сначала узнать, как там Кэл, Стирлинг... Мои родители, к счастью, уехали в гости к друзьям...

— Беа, послушай. — Сандро наклонился к ней и взял за руку. — Ты знаешь, что в том мире я был сеаннахом?

— Да, дорогой, но...

— Мне трудно тебе это объяснить, Беа, но иногда в голову приходят слова и требуют, чтобы их высказали. Как раз это и случилось сейчас. Мне придется рассказать сказку тебе, потому что ее должен кто-то послушать.

— А почему здесь, в другом мире?

— Можно мне тоже послушать, сеаннах?

Из сада вернулась Риган, успевшая привязать коня в беседке Беа.

— Ты вернулась? — устало улыбнулась Беа, чувствуя, что у нее нет сил продолжать спор, возникший между ней и Риган накануне ночью.

Теперь казалось, что это было очень давно. Риган бросила на нее уничтожающий взгляд, но тем не менее села рядом, с нетерпением ожидая сказки Сандро.

— Вот моя сказка, — начал Алессандро. *— В ней рассказывается о короле Юане, первом и самом мудром правителе Великих. Король Юан получил Сутру, когда богам надоело развлекаться, и множество ужасных существ были оставлены ими в мире. У Юана не было города, которым бы он правил, поэтому с помощью своего клана он построил прекрасный город среди пышных южных долин. Подобного ему люди не видели раньше. Белые мраморные стены сверкали в лучах солнечного света, а ночью зажигались тысячи факелов. Ремесленники, мастеровые и фермеры пришли жить в великий белый город Киррис Дир.*

Тем не менее после десяти лет правления счастье короля Юана закончилось, когда однажды утром раздался ужасный грохот. Он налетел ревущей волной, прокатился эхом по улицам Киррис Дира и достиг самых дальних уголков Сутры. Он был настолько ужасен, что многие люди убили себя, беременные женщины потеряли нерожденных детей, а прекрасные белые башни города стали рушиться.

Звук не прекращался. Он продолжался много месяцев, и люди, которые жили в Киррис Дире, стали уходить оттуда, перебираясь в самые отдаленные уголки Сутры. В конце концов король Юан остался один среди пустых улиц своего города и в отчаянии забрался на самую высокую башню, чтобы броситься вниз и разбиться насмерть.

И тут пришло его спасение в виде маленькой белой птички. Она была как воробей, чьи перья запорошены снегом. Птичка села рядом и стала смотреть на Юана, который собирался с духом, чтобы спрыгнуть вниз.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил Юан.

— Правитель пустого места, — ответила птичка. Юан был настолько разозлен этим ответом, что протянул руку и схватил птичку с карниза, на котором она сидела, намереваясь лишить ее жизни. Птичка испугалась и сказала: — Отпусти меня, мудрый король, а я помогу тебе остановить звук, который разрушил твой город.

— Что может сделать такая маленькая птичка, как ты? — спросил он, все еще не простив ее за оскорбление. К его изумлению, птичка вдруг трансформировалась в прекрасную женщину. Это была богиня Бригантия.

— Я помогу тебе, Юан, — сказала она. — Но сначала ты должен пообещать мне, что, когда люди вернутся, они меня будут почитать больше других.

Король Юан с готовностью согласился на это.

— Скажи, что я должен делать? — попросил он.

— Звук, который ты слышишь, издают два дракона, Кивик и Хеммек. Кивик — это красный дракон огня, и Хеммек — белый дракон льда. Они живут глубоко под землей и находятся в вечном противостоянии, их борьба и вызывает смену времен года. Они такие же старые, как время, но именно время поместило их под поверхность земли. Они продолжают свою борьбу под твоим горбдом, не подозревая, что кто-то их слышит. Тебе надо поймать драконов и заточить навсегда...

Богиня рассказала о своем плане. Король Юан должен был собрать тысячу человек, чтобы они выкопали огромную яму. На это время богиня сделает рабочих глухими, чтобы они не убежали от грохота. Юан сделал так, как его научили. На работу ушло три года.

Когда яма была готова, Юан встал в середине, рядом с ним появилась богиня Бригантия, в руках у нее был серебряный меч. Перед толпой наблюдавших за ним по краю ямы людей Юан вытащил меч и одним мощным ударом обезглавил богиню. Толпа ахнула, не веря своим глазам. Кровь богини полилась на землю темной струей. Крови было так много, что ни одно человеческое тело не могло содержать столько. Юан выскочил из ямы, как ему и сказано было сделать, преследуемый волной крови. Когда он был в безопасности на краю, то посмотрел вниз и увидел, как скалы впитывают кровь, отчего становятся черными, как уголь.

Подняв руки вверх, чтобы восстановить тишину, Юан произнес слова, которым его научила Бригантия. Как она и обещала, в яме появились драконы, как обычно, сражаясь друг с другом. Пламя вырывалось из пасти красного дракона, а из пасти белого дракона — куски льда. Все это продолжалось до тех пор, пока яма и вся земля вокруг не покрылась льдом, который стал быстро таять, превращаясь в воду, что заставило наблюдателей быстро ретироваться.

В конце концов по прошествии многих дней на земле опять наступила тишина, яма замерзла, и Юан со своими людьми вернулся посмотреть на драконов. Они не сгорели и не замерзли, а были закованы в сверкающий металл. Юан знал, что пришло время сказать последние слова заклинания, чтобы навсегда избавить Сутру от бедствия, которое принесли Кивик и Хеммек. Драконы, все так же закованные в металлический саван, исчезли из виду в пустоте между мирами, как и обещала Бригантия. Мир вернулся в Киррис Дир, а с ним и Великие. Король Юан также сдержал свое обещание, данное богине Бригантии, и построил в ее честь храм. Звук драконов больше никогда не был слышен в Сутре.

Когда Сандро закончил, в комнате на мгновение воцарилась натянутая тишина.

— Драконы? — спросила Риган.

— Что это значит, Сандро? — нахмурилась Беа. — Что может такой простой миф иметь общего с нами? Прости, до-

рогой, но я не считаю, что эта сказка уместна. Мне не хочется обижать традиции Сутры, но сама идея мне кажется нелепой. Может быть, ваши мифы это аллегория или метафора на что-то?

— Нет. Это как-то связано с Джалом, — вдруг сказала Риган. — Он здесь, я его видела.

На ее лице появилось свирепое выражение.

— Здесь? Как он может здесь оказаться? — воскликнул Сандро.

— Вы же оказались здесь, — заметила Беа. — Почему он не мог этого сделать? Какая разница?

Риган бросила на нее надменный взгляд.

— Он полубог из нашего мира, ответственный за смерть тысяч сидов и Великих. Он издевался над Сандро и надо мной. Над Сандро не своими руками, а надо мной...

Она посмотрела на свои руки, а потом сквозь ресницы на Сандро, умоляя взглядом его не рассказывать Беа подробностей. Сандро не обратил на это внимания, но следующего замечания Риган никак не ожидала.

— Он тоже сын Талискера.

— Что? — Риган буквально подпрыгнула на месте. — Что ты сказал?

Сандро тут же пожалел о своих словах.

— О господи! Прости меня, Риган. Я думал, Талискер или Трис рассказали тебе об этом... я...

— Это ложь! — Она яростно трясла головой. — Зачем ты это сказал, сеаннах? — Она стремительно выхватила кинжал и приставила его к шее Сандро. — Скажи мне, что это неправда! — воскликнула она.

Сандро не попытался уклониться от ее выпада, но твердо ответил на взгляд.

— Хотелось бы мне, чтобы я мог это сделать, Риган. Дункана соблазнила богиня Фирр. Она приходится матерью Джалу.

Рука Риган дрогнула, но она не убрала кинжал от шеи Сандро, ее лицо все еще было искажено злостью и подозрением.

— Ты говоришь мне, — медленно проговорила девушка, — что этот ничтожный, презренный ублюдок — мой брат? Я была влюблена в своего брата?

— Мне очень жаль.

Это все, что пришло Сандро в голову. Риган бросила кинжал на пол и выпрямилась, гордо подняв подбородок.

— Я хочу побыть одна, — заявила она.

— В таком случае можешь пойти ко мне в комнату, — спокойно ответила Беа. Ее разозлили слова Риган и еще больше — ее попытка воспользоваться оружием у нее в доме. — Это мой дом.

Риган ничего не ответила и проследовала в ее комнату, громко захлопнув за собой дверь.

Когда она вышла к ним, было уже темно. Беа и Сандро смотрели по телевизору обзор новостей, касающийся недавнего землетрясения. Все программы телевидения были посвящены этому небывалому событию.

— Вот что я думаю, — заявила Риган громко, как будто ничего не случилось. — Он где-то здесь. Я знаю, что он использует этого жалкого юнца...

Сандро и Беа насторожились.

— Ты имеешь в виду Нокса? — спросил Сандро.

— Да, Нокса. Я проследила за ними и видела, как они вошли в гору. Он привел своих друзей в логово Джала внутри пещеры, и тот тут же принес одну девушку в жертву. Ему нужна власть, магическая энергия для того, что он делает. Не знаю зачем, но... мне показалось, то, что Джал делает, идет не по плану.

— Откуда ты знаешь?

Она нахмурила брови, стараясь сформулировать то, что подсказывал ей инстинкт.

— Я видела его. Он много чего им наобещал, но повел себя неожиданно. Ведь Нокс и его последователи считают Джала Богом...

— Богом? — удивилась Беа.

— В Сутре их целый пантеон, Беа, — объяснил ей Сандро. — И они там существуют. Я думаю, Риган, они считают его христианским Богом.

— Какое это имеет значение?

Она беспомощно махнула рукой, не желая прерывать ход своих мыслей.

— Нокс все еще жив?

— Да, Джал убил женщину... правда, я не вижу, как это может быть связано с драконами короля Юана.

— А ожерелье? — добавила Беа. — Не забывайте о нем. Наверное, оно имеет немалое значение, если Джал из-за него захватил здесь Тристана.

— Это, наверное, связано с магией, — заметил Сандро. — Ожерелье, место, где все происходит...

— В пещере есть еще кое-что, какая-то плененная энергия, — добавила Риган. — Мне кажется, нам надо пойти туда и все поподробнее рассмотреть.

— В этом нет необходимости, Риган. Мы смотрели обзор новостей: ученые обшарили все эти горы, так как там был эпицентр землетрясения, — вмешалась Беа. — Они обязательно нашли Джала, если он не был осторожен.

— Нет, он глубоко в горе, а вход хорошо замаскирован.

— Однако ты же нашла его, — возразила Беа.

— Да, но я шла по следу Нокса.

— Мне кажется, надо подождать, пока хотя бы начальная суета немного спадет, — заметил Сандро. — Не забывай, там у него скоры. Не хотелось бы, чтобы пострадали посторонние люди.

— Нет. Надо идти туда как можно скорее, — продолжала настаивать Риган. — Желательно прямо сейчас. Мы не имеем права ждать. С тех пор как ты вернулся сюда, сеаннах, ты стал мягче и безвольнее, — заявила она почти презрительно.

— Осторожность не то же самое, что трусость, — спокойно возразил Сандро.

— Неужели вы не понимаете? — Риган нетерпеливо топнула ногой. — Если Джал использует магию, его не остановит какое-то землетрясение...

Она вдруг замолчала и побледнела.

— Что такое?

— Возможно, он и вызвал его...

— Зачем ему...

— Драконы. Что, если он вызвал их?

— Сюда? Драконы здесь? — Сандро был ошеломлен. — Ну нет, зачем ему...

— Может быть, ему нужна их сила, а возможно, все произошло случайно.

— О господи! — Сандро встал, воспользовавшись поддержкой Беа. — Ты права. Нам следует идти сейчас же. Мы должны остановить его...

— Стоп. Подождите-ка минуту. — Беа схватила Сандро за руку. — Риган, позволь нам поговорить наедине, пожалуйста.

Риган окинула их сердитым взглядом, но сделала то, о чем просила Беа, и отправилась назад в ее спальню.

— Что случилось, Беа?

— Для начала вот что: странное летающее существо, похожее на скорпиона, я могу представить и верю в его существование, потому что видела своими собственными глазами, но драконы... Ну хорошо, Сандро, предположим, они существуют, у меня нет времени на споры с тобой. Что, если тебя покалечат опять? — Сандро нахмурился, не понимая, к чему она клонит. — Здесь нет магии. — Глаза Беа наполнились слезами. — Здесь нет Мориаса, нет камня смерти. Если тебя ранят или убьют... — Она попыталась выдавить из себя улыбку. — Здесь есть только Национальная служба здравоохранения. Она существует реально.

— Знаю, — мягко ответил он. — Но именно поэтому и не могу перекладывать проблему на кого-нибудь еще. Мы единственные люди, которые могут иметь с этим дело. Риган, я и... Ты ведь не пойдешь с нами, не так ли?

— Нет. Я не знаю, смогу ли смотреть на все это. Последние два года, Сандро, мне так хотелось, чтобы магия суще-

ствовала. Я тешила себя надеждой, что ты и Дункан ушли с помощью каких-то сил. У меня было ощущение, что происходит нечто странное. Но сейчас... все совсем не так, как я представляла. Все гораздо страшнее. Я была очень наивна.

Он кивнул:

— Я понимаю тебя. — Девушка выглядела слегка удивленной. — Поверь мне, Беа. Но с Джалом, есть драконы или нет, нам придется иметь дело. Я вернусь к тебе, когда все закончится.

— Да. — Она все еще держала его за руку. — Да, конечно, ты обязательно вернешься ко мне.

Это был Даниэль. Он мог видеть его очень отчетливо. Не призрачная, эфемерная его форма. Даниэль просто стоял перед ним, правда, не улыбаясь, что было необычно для него. Но самое поразительное, что, когда Нокс открыл глаза, он не исчез, он все еще стоял на прежнем месте, в той же позе. Даниэль ничего не говорил, чему Нокс был очень рад, не зная почему. Он тихо застонал и повернул голову, которая раскалывалась от боли.

— Эстер, — прошептал он.

А потом все вспомнил. Нокс всхлипнул, будто кто-то нанес ему резкий, болезненный удар.

— *Нокс*, — заговорил с ним Дэнни.

— Прости меня, Дэнни. Ты был прав, — прошептал он. — Христос пришел, чтобы забрать нас собой. Но он очень жестокий Бог. Эстер... Эстер мертва...

— *Да, я знаю, Нокс,* — ответил Даниэль. Но все было не так, как раньше. На этот раз его голос не звучал у Нокса в голове, он видел, как Даниэль говорит. — *Но это не Бог и не Конец Света. Помнишь, что я тебе говорил? Он лжепророк.*

Нокс моргнул, но изображение Даниэля не пропало, он оставался на месте, будто фотография, отпечатанная в мозгу.

— Н-нет, это неправда. Понимаешь, Дэнни, ты хотел, чтобы я поверил, так ведь? Так вот я поверил сейчас, хотелось бы мне, чтобы это было не так. Я верю, что Бог здесь. А теперь ты мне говоришь, чтобы я не верил. Черт тебя возьми, Дэнни. Ты теперь привидение. И знаешь что? Бог не придал никакого значения тому, что я убил тебя... — Нокс вспомнил о ноже, который носил в заднем кармане, намереваясь опять себя наказать, показать Богу, что он сожалеет. Его руки чесались и горели под кожей, требуя немедленного облегчения. — А ангелов не существует вовсе, вместо них есть... скооры. Г-где я?

— *Они тебя выбросили. Вместе с остальным мусором,* — сердито бросил ему Дэнни.

На мгновение его изображение исчезло, и Нокс мог четко видеть ночное небо, насколько ему позволяла темнота.

Даниэль был прав, его выбросили из пещеры вместе с телом Эстер, которое лежало бесформенной массой рядом с ним на замерзшей земле. Нокса окружали красные скалы, стремящиеся вверх к небольшому проему, в котором были видны черные и серебряные цвета неба. Было очень холодно, он промерз до костей. Нокс сел на колени и машинально убрал волосы с лица Эстер. Ее глаза, такие же пустые, как его душа, уставились на него. Снова появился Даниэль.

— Не уходи, Даниэль. Объясни, — попросил Нокс.

— *Наверное, Джал подумал, что ты, как и Эстер, мертв.*

— Я и должен быть мертвым. Да, фактически...

— *А что с Детьми?* — сердито спросил Даниэль. — *Ты не можешь их там оставить.*

— Нет могу. Они сами втянули себя в этот хаос.

— *Только потому, что верили в тебя.*

— Чепуха! Никакие они не Дети. Они... — Нокс уставился на распростертое тело Эстер. На мгновение ему показалось, что он опять чувствует яблочный аромат ее волос. Его голос дрогнул. — ...взрослые.

— *Натан.* — Голос Даниэля звучал устало. — *Он не Бог. Но это не значит, что у него нет силы. Здесь что-то происходит. Возможно, все-таки пришло время испытаний...*

— Да.

Нокс нащупал свой нож и достал его. Лезвие блеснуло приглашающим блеском в загадочном мраке ночи. Нокс дотронулся им до своей руки, ощущение холода на коже показалось ему успокаивающим, как целебная мазь. Порез будет в каком-то смысле освобождением, и Нокс больше не стал прислушиваться к своим инстинктам, а просто полоснул ножом по руке, сначала несильно, крест-накрест. Кровь казалась черной жидкостью в серебряном свете луны. Нокс вдруг обнаружил, что смеется.

— *Натан! Что ты, черт тебя возьми, делаешь? Прекрати это. Немедленно прекрати!*

Нокс засмеялся еще сильнее. Порезы стали глубже. Где-то очень глубоко внутренний голос говорил Ноксу, что завтра эти раны принесут ему очень много страданий. И все равно он сделал еще один, самый большой надрез, надеясь, что никакого завтра у него не будет...

Нокс все еще мог видеть Даниэля, хотя глаза его были полузакрыты. Ноксу стало смешно, что призрак человека, которого он убил, мог прийти в такой ужас от того, что Натан режет себя ножом. Дэнни очень рассердился. Он подошел к нему совсем близко и попытался встряхнуть Нокса или дать ему пощечину, но у него, конечно, ничего не получалось. Даниэль что-то кричал о том, что только такой эгоистичный сукин сын, как Нокс, может пойти на самоубийство. Это было очень смешно.

Неожиданно Даниэль, кажется, нашел выход. Нокса охватил холод, что заставило его насторожиться, прийти немного в себя. Холод заморозил кровь, и Нокс вдруг подумал, каким безвольным, ничтожным животным он стал. Стыд словно омыл его освежающей волной.

— Оставь меня, Дэнни! — взмолился он. — Прошу тебя, оставь меня. Такое ничтожество, как я, заслуживает смерти. Посмотри, что стало с людьми, которые меня любили...

Он показал на тело Эстер. Но Даниэля почему-то нигде не было видно, хотя Нокс чувствовал его присутствие. А голос его, казалось, звучал отовсюду, он был холодным и ненавидящим, что неожиданно заставило ожесточенное сердце Нокса заныть.

— Ты глупый негодяй. Нет, ты не заслуживаешь смерти. Это было бы слишком легко для тебя. Ты умрешь только тогда, когда я решу отпустить тебя. Вставай!

— Что?

— ВСТАВАЙ!

Нокс встал, его ноги стали словно деревянными. Его била дрожь от страха и холода одновременно...

— Ты уведешь их оттуда, Нокс. Ты слышишь меня? У тебя нет права позволить убить их, как Эстер. Это на твоей совести... — последовала небольшая пауза, во время которой у Нокса вырвалось сдавленное рыдание, *— ...и на моей. Я вел их к этому так же, как и ты. Выведи их. А потом можешь умереть. Я могу даже помочь тебе умереть, ты, глупый мерзавец.*

Опять возникла пауза, пока Нокс осмысливал слова Даниэля. Во мраке его души вдруг вспыхнул неожиданный лучик надежды.

— А ты... ты будешь со мной, Дэнни?

— Разве это имеет значение?

— Да.

— Хорошо. И, Нокс, с тобой также будет Бог.

— Меня больше не волнует Бог... Давай пойдем вместе и выведем их оттуда.

— Подожди, не сейчас. Прежде чем вернуться туда, ты должен кое-что узнать.

Нокс ожидал, что Даниэль что-то расскажет, но вместо этого его подняла какая-то невидимая сила.

— Что за... — ахнул он.

— Закрой глаза на минуту.

Нокс сделал, что ему было сказано, и почувствовал, как какая-то сила мягко поднимает его все выше и выше по воздуху. Но с ним что-то еще происходило. Он от чего-то избавлялся.

Может, я умираю? Может, Дэнни пожалел меня все-таки и разрешил уйти? Он ведь ангел...

— Можешь открыть глаза, — приказал Даниэль.

Нокс выполнил приказ.

— О боже...

Внизу он видел разрушенный город, прекрасный даже в своем бедственном положении. В небо до сих пор тянулись языки пламени от горевших старых зданий, соединенных в одну линию, как нитка бриллиантов. Снег уже успел покрыть некоторые развалины, словно чья-то милосердная рука пыталась перевязать рану. Отчаянно мигали огоньки, судя по их цвету, это были машины «скорой помощи» и пожарные. Но не это вызвало удивление Нокса.

Ему казалось, что он может сейчас видеть нечто необыкновенное, что существует не физически, а в каком-то другом качестве. Над городом путешествовала масса сверкающих огоньков, будто души умерших, не желающих уходить отсюда, кружились в прекрасном медленном танце. Это было восхитительное зрелище, но под огоньками, гораздо ниже, может быть, даже под землей, Нокс увидел, что город находится в гораздо большей опасности, чем подозревает.

Это было огромное чудовище. Существо Апокалипсиса. Нокс почувствовал, как его сердце сделало скачок. Чудовище свернулось кольцом вокруг города, будто Эдинбург был сокровищем. Красная чешуйчатая рептилия, глаза как огромные черные ямы зла. Вдоль тела двигались ликующие языки пламени.

— Это... это...

— *Да,* — сказал Даниэль. — *Это дракон. Теперь ты видишь, Нокс? Речь уже идет не только о Детях.*

ГЛАВА 17

Девушка пребывала в глубоком холодном сне уже три дня. Тристан все это время находился рядом, предполагая самое худшее. Сиды-шаманы окружили ее постель, тихо колдуя. От низкого монотонного звука у Талискера после нескольких минут пребывания в комнате разболелась голова. Кроме того, воздух там был наполнен запахом горящих трав.

— Кто она, сынок? — спросил он Тристана, когда они только вернулись в Лис.

Тристан горько улыбнулся:

— Просто служанка, папа. Ты можешь сказать, что она не стоит внимания.

Он пошел от него прочь, но Талискер успел схватить сына за руку.

— Я никогда бы такого не сказал, Трис. Почему ты на меня сердишься? Ведь не я сделал это с ней.

— Прости меня, отец. — Трис нервно оглянулся вокруг и слегка понизил голос. — Честно говоря, я чувствую себя абсолютно беспомощным, а она относилась ко мне по-особенному...

— Любила тебя?

— Да. Джал или Риган пытали ее. У нее вырван язык, тело в ранах, кости переломаны. Произошло это, видимо, довольно давно, потому что раны уже затянулись, а кости в правой ноге неправильно срослись. Если она выживет, то будет в лучшем случае хромать. — Он покачал головой. — Из нас бы получилась прекрасная пара, не так ли?

— Не сомневаюсь, сынок, что так оно и будет.

Талискер предпочел не обращать внимания на сарказм Тристана, но гнев сына не утих.

— Хотелось бы мне, чтобы Ри была здесь сейчас, — проговорил он сквозь зубы.

А рука сжала рукоять меча.

— Тан Тристан, — окликнул его принц Текумсех. — Ваша подруга очнулась. В сознание она пришла, но ей еще долго придется лечиться и... — Тристан, не говоря ни слова, выскочил из комнаты. — И она не может говорить, — пробормотал Текумсех.

Он улыбался, глядя на убегавшего Тристана.

— Она выживет, Текумсех? — спросил Талискер.

— Да, Дункан Талискер. Но жить ей придется не дольше, чем нам всем.

— Что ты имеешь в виду?

— Чудовище. Думаю, Великие назвали бы его драконом. Сиды пытались установить контакт с его разумом. — Он показал в сторону самой высокой точки горы, где красные скалы в форме колонн устремлялись в небеса. Между ними курился белый дым, а холодный воздух уносил его прочь. — Шаманы там уже два дня...

— Я не совсем понимаю, что они там делают, — пробормотал Талискер.

— Занимаются магией. Чудовище зажато между двумя мирами. Кто-то, возможно, Джал, применил заклинание, которое извлекло дракона из «пустоты» и трансформировало в физическую сущность. Мы не можем его убить. Но чудовище наращивает свою мощь и размеры. Через некоторое время оно выйдет из-под земли, и его появление принесет полное опустошение в Сутру. — Талискер кивнул, вспомнив размер глаза дракона. — Все, что нам удалось узнать, это имя чудовища — Хеммек. Этот дракон несет жуткий холод, так что, даже если Великим удастся выжить, все равно Сутра станет бесплодной ледяной пустыней. Немногие переживут такие перемены.

— Сколько у нас в запасе времени, прежде чем это случится, Текумсех?

Принц неуверенно пожал плечами:

— Шаманы не знают точно. Пока баланс силы между двумя мирами распределяется поровну, но как только в какой-то части он станет больше, тогда несчастье и может произойти. Никому не известно, когда это случится.

Талискер нахмурился:

— Сюда двигаются армии южных кланов. Их надо бы предупредить.

— Конечно. Но это входит в обязанности тана Тристана, а он сейчас очень озабочен.

— Я поговорю с ним, — пообещал Талискер. Он посмотрел на вход в пещеру, где исчез Тристан, чтобы побыть со своей раненой служанкой. — Но десять минут вряд ли что-то решат.

Тристан озабоченно смотрел на лицо спящей Грейс. Как только он появился, все остальные вышли, оставив их наедине. Когда она полностью очнется, он будет первым человеком, которого девушка увидит, а у Триса не было уверенности, что Грейс обрадуется. В конце концов, он оставил ее и свое королевство, не догадываясь, насколько злобной окажется его сестра. Останься он тогда, все было бы по-другому не только с Грейс, но и с остальными людьми его клана, многие из которых остались в Сулис Море. Теперь их души в ледяном плену. Можно ли будет вернуть их к жизни? Кто даст ответ?

Тристан протянул руку, чтобы убрать волосы с лица Грейс, но в этот момент на него нахлынула горькая ярость, и пальцы сжались в бессильный кулак. Он вернет свой трон, теперь у него в этом не было сомнений, как и в том, что он дышит. Но Риган, а теперь и Джал покинули Сулис Мор. Тристан считал, что месть — личное дело, и его не удовлетворяло такое решение вопроса. Оставалось только надеяться, что ему удастся выиграть битву и таким образом усмирить свою ярость и что люди простят его за то, что он их покинул...

Девушка просыпалась. Бледная кожа под глазами казалась почти прозрачной, тонкие вены пульсировали на висках, а потом вдруг распахнулись большие голубые глаза.

— Грейс?

Она ахнула и спрятала лицо в подушку. Оно почти не было повреждено, кроме тонкой линии под нижней губой, протянувшейся через весь подбородок. Тристан подозревал, что эта ссадина появилась, когда использовали кожаный ремень, чтобы заставить ее держать рот открытым. Он почувствовал, как из глаз потекли слезы.

— Все хорошо, Грейс, — попытался он успокоить девушку. — Ты теперь в безопасности. Больше никто не посмеет причинить тебе боль, я обещаю... — Он вспомнил неподвижные

фигуры замороженных людей. Подумал о том, сколько дней и ночей у них украдено. — Никому из вас, — пробормотал Тристан. — Больше никому не удастся причинить вред никому из моего клана.

Он улыбнулся Грейс, и девушка обняла его. Ее теплое дыхание шевелило волосы на шее Тристана. Несколько моментов никакого значения не имел тот факт, что она не может говорить, потому что в словах не было нужды.

Талискер внезапно проснулся. Его первый порыв заговорить был остановлен чьей-то рукой, зажавшей ему рот. Вглядываясь в темноту широко раскрытыми глазами, Дункан мог видеть только неясный силуэт гостя, хотя ему показались знакомыми резкие очертания профиля незнакомца и деликатное поведение. Когда нежданный гость снял руку с его рта, он прижал указательный палец к своим губам, в жесте, который Талискер тут же узнал.

— Эскариус? — прошептал он. — Это ты?

Тот не ответил, только махнул, чтобы Талискер вышел наружу. Он оглянулся на Тристана, но Эскариус покачал головой, предупреждая, что не надо того будить.

— Что случилось, Эскариус? — тихо спросил Талискер, как только они вышли.

Ночь была морозной, со стороны Сутры дул холодный ветер. В тусклом свете факелов стояли еще три фигуры, и Талискер с удивлением понял, что, как и Эскариус, они принадлежат к клану волков. Он подивился, насколько малочисленны они по сравнению с остальными кланами. Эти сиды были одеты так же, как и Эскариус, в серую одежду, украшенную черными и белыми перьями. Мягкие серые бриджи и куртки или накидки, сделанные из кожи животных.

Все трое молча стояли, ожидая их приближения, но ничего таинственного в их поведении не было. Была в них некоторая небрежная самоуверенность хищников, коими они изначально и являлись. Талискер инстинктивно почувствовал недоверие к ним, но постарался отогнать его как можно скорее, потому что Эскариус пока еще не давал поводов не доверять ему.

— Ты должен пойти с нами, Дункан Талискер, — сказал спокойно Эскариус и посмотрел на своих компаньонов.

— Это зависит...

— От чего?

— Приказываешь ли ты мне или просишь, Эскариус Вермех?

Незаметно для Эскариуса Талискер обхватил рукой рукоятку меча.

— Пожалуйста, — попросил Эскариус. — Я даю тебе слово, что мы все объясним. Здесь нет никакой ловушки, если это тебя беспокоит...

Талискер коротко кивнул, но выражение его лица не оставляло сомнений, что, если что-нибудь случится с Тристаном, у них будут неприятности, а Эскариус станет первой жертвой.

— Ну что ж, отлично, — сказал он угрюмо. — Куда мы пойдем?

Эскариус показал наверх, и Талискер посмотрел на вершину горы, где трудились шаманы. Верхушки башен сияли ярким красным светом на фоне ночного неба.

Подъем занял больше времени, чем ожидал Дункан, потому как снизу было трудно оценить расстояние, но сами проложенные тропинки оказались достаточно покатыми, не очень сложными для подъема. Прежде чем они достигли вершины, воздух стал разреженным, и стало трудно дышать. Попутчики Эскариуса ничего не сказали Талискеру, а просто обратились в волков, Эскариус же остался в своем человеческом обличье. Талискера это порадовало, ему не очень улыбалось оставаться одному среди нескольких волков.

— Удалось шаманам установить с чудовищем контакт? — спросил он Эскариуса прерывающимся от недостатка воздуха голосом. — Не совсем понимаю, зачем им понадобился именно я. Мне следовало бы поспать, потому что завтра мы с Трисом встречаем армию южных кланов...

— Будет лучше, если он пойдет без тебя, — спокойно ответил Эскариус.

Талискер остановился и схватил сида за руку.

— Подожди-ка, Эскариус, сколько времени это займет? Я пообещал Тристану, что поеду вместе с ним встречать Хью и Лэхлена.

— Я не знаю сколько, Дункан Талискер, но лучше будет, если Тристан сделает это без тебя... — Талискер повернулся и пошел вниз. — Нет, подожди! — остановил его Эскариус. — Дело необыкновенной важности.

— Так же, как и встреча южных армий. Я не могу подвести Тристана, Эскариус Вермех. Я его отец, неужели ты не понимаешь?

В нескольких футах от них серыми тенями остановились волки, они с нетерпением слушали напряженный диалог Талискера и Эскариуса. Глаза их блестели от сдерживаемого нетерпения.

— Я понимаю, — кивнул Эскариус. — Я тоже был бы горд бок о бок сражаться со своим отцом в одном бою. Но, зная это, Дункан Талискер, как сын, чей отец стал легендой нашего клана, я всегда сражался сам. Быть воином и сидом мое право. Люди знают именно меня, если даже они проклинают, то именно меня. Ты такая же легенда, как и мой отец, и думаешь, что твое присутствие сделает Тристана сильнее в их глазах, но это не так.

— С Трисом все обстоит иначе... он...

— Слабый? Инвалид? Мне кажется, именно твоя отцовская потребность защищать сына и привела Сутру к нынешнему положению. Если бы Риган не стала в свое время делить трон

с Тристаном... — Эскариус пожал плечами, не сомневаясь, что его слова обидят Талискера, но ему необходимо было остановить его. — Я видел его, Дункан Талискер, Тристан может быть сильным, если ему дать шанс. Не его тело, конечно, — он похлопал себя по голове, — но он очень умен, даже мудр для своих лет...

— Эскариус, Хью и Лэхлен не видели его много лет, кроме того, они считают, что он сбежал от Джала и Риган. А ему нужны союзники...

— Да, ты прав, они ему нужны. И он сумеет привлечь их на свою сторону. Утром отряд из ста сидов-орлов полетит с ним. На их спинах будут лидеры всех кланов сидов, в том числе Маркомет и Тсали. Такого единения всех сидов с одним лидером еще не бывало. Думается, это будет впечатляющее зрелище, не так ли?

Талискер усмехнулся в темноте, а Эскариус ответил ему улыбкой.

— Итак, ты считаешь, что я ему там не понадоблюсь?

— Нет, — ответил Эскариус и похлопал его по плечу. — Но это не значит, что он не захочет, чтобы ты был с ним рядом. А в данный момент можешь считать себя почетным сидом-волком.

Талискер стал медленно подниматься в гору, все еще поглощенный своими мыслями.

— А волки туда не собираются? — нахмурился он.

— Нет. Мы будем заниматься другими делами.

На вершине горы собралось гораздо больше волков. Сид-волк был величиной с пони, и Талискер вздрогнул, вспомнив неожиданно бой за Руаннох Вер, произошедший много лет назад, когда коранниды появились в виде огромных собак. Башни из красного камня, которые снизу казались гораздо меньше, окружали небольшое плато, и клан волков устроил здесь лагерь. Тени от башен соединялись вместе, будто сплетенные пальцы темноты, сжатые в сердитый кулак. Огонь горел между башнями, и флаги на тонких палках развевались на ветру. В самом центре плато находились их жилища. По периметру стояли небольшие шатры, в которых легко угадывались сторожевые посты.

Эскариус, казалось, понял испытующий взгляд Талискера и объяснил:

— Сиды-волки не имеют постоянных жилищ, Дункан Талискер.

Талискер кивнул в ответ, но ничего не сказал. В лагере царило глубокое спокойствие, нарушаемое только ветром, свистящим между скал, и негромким шипением факелов. Звук разговоров Талискер тоже слышал, но он был неотчетливый, неясный, похожий на шум океана.

Эскариус вел Талискера по направлению к жилищам, остальные представители клана волков молча последовали за ними. Он мог слышать громкое позвякивание металлических ожe-

релий и шуршание кожаной бахромы. Это напомнило Талискеру игру, в которую они играли в школе: «Который час, мистер Волк?»

Он чуть не рассмеялся вслух.

Когда они достигли жилища, шкура, закрывавшая дверной проем, отодвинулась в сторону, и оттуда вышел высокий статный человек. Он нес в руках длинную палку, украшенную большим драгоценным камнем, при виде которого у Талискера засосало под ложечкой. Неужели это Бразнаир? Когда человек заговорил, Дункану показалось, что пахнуло дымом от горящего дерева.

— Добро пожаловать, Талискер, — сказал он. — Нам, идущим в одиночестве и принадлежащим всему миру, есть, что тебе сказать.

Хамиш был пехотинцем, как и его отец. Он участвовал в битвах на своих двоих и с малых лет знал, что пехотинцы — благороднейшие воины, известные своей неподкупностью и гордостью. Но воины южных кланов Великих раньше никогда не заходили так далеко на север. И сейчас, проходя вересковые пустоши, спускаясь по узким скалистым тропинкам, Хамиш с горечью заметил, что никогда еще благородному воину не приходилось проводить так много времени, глядя на круп впереди идущей лошади. А с тех пор как погода испортилась, никто практически не разговаривал, концентрируя все усилия воли на борьбу со снегом и лютым холодом, какого никому из них еще не приходилось испытывать.

Сначала они решили, что такая погода на севере всегда, и, несмотря на трудности, все-таки не унывали, но лишь до тех пор, пока армия не подошла к Ор Койлу, вернее, к тому, что от него осталось. Тогда воины занервничали. Тан Хью велел колонне остановиться, что они и сделали. Некоторые немедленно уселись, всадники спешились и суетились вокруг своих коней, о чем Хамишу не надо было беспокоиться. Поэтому он опустился на ближайший пенек, достал из сумки кусок сушеного мяса и оторвал кусочек, хмуро кивнув одному из всадников.

— Хо, я вижу, Хамиш занимается тем, что ему лучше всего удается.

Даирмуд подошел, усмехаясь широкой беззубой усмешкой. Хамиш только бросил на него мрачный взгляд. Было у него подозрение, что отец попросил старого ветерана присмотреть за ним. Как будто этот старый дурак нужен ему в качестве няньки...

— Мы здесь надолго остановимся? — спросил Хамиш.

— Наверное. — Даирмуд откашлялся и полез в кусты. — Надеюсь, что так, а то мое брюхо уже, наверное, думает, что мне перерезали горло. Хотя мы вроде не должны были останавливаться, пока не доберемся до Ор Койла... там можно найти укрытие от снега...

Даирмуд поскреб голову, как будто эта мысль была слишком глубокой для него. Всадник, которого Хамиш не знал, резко повернулся к ним, услышав слова Даирмуда.

— Говори потише.

— Почему? Что случилось?

— Это и есть Ор Койл.

— Да брось ты! — рассердился Хамиш. — Ор Койл — самый большой лес в Сутре.

— А сейчас это самая большая куча углей.

Хамиш и Даирмуд в один голос выругались. Даирмуд еще и сплюнул, чтобы усилить впечатление от своих слов.

— Но зачем они это сделали? — громко поинтересовался Хамиш. — Они сами сожгли лес?

— Наверное, у них были причины, — глубокомысленно заявил Даирмуд.

Оба уставились на картину опустошения.

Снег покрыл черноту пепелища, смягчив жестокую реальность. Но теперь воины знали, что видят остовы сгоревших деревьев, а само пожарище укрыто снегом. Аромат морозного воздуха не мог перебить ни с чем не сравнимый запах жженого дерева. В тех местах, где топтались сотни ног и копыт, земля оголилась черными заплатками. Кое-где остались нетронутые огнем деревья, но их было очень мало.

Заместитель тана Хью проехал вдоль линии воинов с угрюмым лицом, отражавшим настроение армии.

— Это Ор Койл, — повторил он. — Мы двинемся дальше через десять минут...

Хамиш собирался встать, но вдруг резкая боль пронзила его левую ногу, и он упал.

— Судорога? — нахмурился Даирмуд.

— Как больно.

Ноги у Хамиша сильно замерзли еще пару часов назад, потом ему показалось, что стало лучше, и боль ушла, но теперь он понял, что просто потерял чувствительность. Хамиш громко выругался от боли и смущения. Воин, не способный идти, все равно что мертв.

— Дай-ка я посмотрю на твои ноги, — озабоченно сказал Даирмуд. Он стал на колени и осторожно снял с ног Хамиша башмаки. От того, что ветеран увидел, он присвистнул сквозь зубы. — Нет-нет, не смотри, — предостерег он, когда Хамиш попытался согнуться. — Это может тебя расстроить.

Ноги Хамиша были черными и раздутыми. То там, то здесь стали раздаваться крики боли и отчаяния. Такая же беда постигла многих воинов. Тан Хью сам подъехал к ним, чтобы посмотреть, чем вызвана суета.

— О боги! — пробормотал он, увидев ноги Хамиша. — Что это?

— Не знаю, сэр, — хмуро ответил его заместитель. — Какая-то болезнь от снега. У некоторых воинов она только начинается, пока повреждены только пальцы, а у тех, кто шел пешком, все гораздо хуже. Может, люди тана Тристана знают, что это.

— Они слишком далеко, — перебил его Хью. Он сердито огляделся. — Эта земля проклята. Тан Тристан ответит за то, что погубил страну. Посадите людей на лошадей, а ноги заверните... во что-нибудь теплое.

— Да, сэр.

Тан Хью развернулся и поехал назад, чтобы поговорить с таном Лэхленом, который ехал во главе всадников.

То, что вскоре произошло, было подобно землетрясению, только деформация произошла со льдом, а не с горами. Именно она застала Талискера и Тенксву примерно в пятидесяти милях на северо-запад. Но здесь, в непосредственной близости, все происходило совсем по-другому. Раздалось громкое шипение, когда невидимая волна холода прокатилась по земле. Ледяной шторм был такой силы, что почти четвертая часть южной армии мгновенно погибла, промерзнув до костей и не успев даже вскрикнуть. Земля вздыбилась и треснула, как и в Сулис Море, но никаких новых ледяных образований не возникло, появились только гейзеры из ледяного воздуха, которые принесли много бед. Мертвые и живые были свалены в одну кучу, в воздухе мелькали копыта, крики людей сливались с ржанием перепуганных лошадей. Мир взорвался криками ужаса, грохотом и шипением гейзеров, а когда все закончилось, наступила абсолютная тишина.

— Что-то не так. Что-то не так с городом. — Риган оглядывалась по сторонам, сидя на лошади, на которой они медленно продвигались по темным улицам. — Ты чувствуешь это, сеаннах?

Сандро, сидевший позади нее на широкой спине лошади, только насмешливо фыркнул. Он махнул рукой в сторону развалин.

— Ты имеешь в виду что-то еще, кроме очевидного?

— Да, что-то еще... я чувствую, как будто... — Она непроизвольно вздрогнула. — Мне трудно объяснить... здесь есть что-то...

— Джал?

— Нет. Что-то, связанное с его колдовством. Этот мир сопротивляется магии, так ведь?

— Нам не приходилось здесь с ней сталкиваться.

Дальше они поехали в молчании. Большие подковы лошади издавали негромкий цокающий звук, заглушаемый снегом. Лошадь доказала свою полезность. Она провезла их по улицам, забитым транспортом и развалинами, где машина оказалась бы совершенно бесполезной. Только вот передвигалась лошадь

очень медленно. Правда, пару раз Риган заставляла ее перейти на рысь, но животное вскоре возвращалось к своему обычному темпу.

Сандро посоветовал добираться до гор окружным путем, минуя центр города, где разрушения были особенно сильными. В окнах домов время от времени отодвигались занавески, горожане хотели убедиться, что цокот лошадиных копыт им не послышался. Впрочем, людей вокруг было очень мало. Резонно было бы предположить, что жители города, которым посчастливилось выйти из этой передряги без потерь, потрясенные событиями минувшей ночи, отсыпались, когда шок и моральное истощение взяли свое.

— Я собираюсь убить его.

Ход мыслей Сандро был прерван.

— Извини, что ты сказала?

— Джал должен умереть, и я собираюсь помочь ему в этом.

— Риган, мы не можем торопить события...

— О нет, я могу. У меня теперь есть оружие...

В свете луны сверкнул серебряный луч. Сандро нахмурился, он знал, что в Эдинбург ее отправили без оружия.

— Где ты это взяла, Ри? Он не похож...

— Нашла.

— Ты имеешь в виду, так же, как и лошадь?

— Да.

— Не думаю, что он настоящий, Риган. Ты нашла его, конечно, на Хай-стрит.

— Возможно.

— Это подделка. Люди вешают их на стены для украшения.

Сандро разглядел надпись «Экскалибур» на навершии меча.

— Не имеет значения, — ответила она мрачно. — Он выполнит свою работу.

— Нет, — вздохнул Сандро. — В этом вся проблема. Не выполнит, потому что сделан из жести или чего-то подобного. С таким же успехом можешь убить Джала палкой. — Риган сердито выругалась, но не выбросила игрушку. — Послушай, возможно, я и пожалею потом... но возьми это. — Он протянул ей пистолет. Тусклое железо совсем не напоминало сверкающий «Экскалибур». — Я покажу тебе, как им пользоваться, когда доберемся до места.

Уже показались черные очертания горы. Скоро они с Риган смогут встретиться со своим мучителем лицом к лицу. Сандро почувствовал, как у него пересохло во рту. Риган права, они должны убить Джала.

— Посмотри, сеаннах. — Риган показывала ему на гору. На одном из ее склонов материализовались призрачные очертания загадочных существ. Они мигнули ярким люминесцентным светом и пропали. Чудовища были огромными и все время ме-

няли форму. Это они заметили даже за то короткое время, что видели их. — Как думаешь, что это такое?

— Смею предположить, что это какие-то магические образования, — хмуро ответил Сандро. — Работа Джала. Кажется, он вышел на поверхность из своих глубин.

Риган пришпорила лошадь еще раз, хотя их взгляды были прикованы к представлению, разыгрывающемуся на скалах.

— Твой мир не хочет никого из нас, сеаннах, — пробормотала девушка. — Он отвергает Джала.

Джал понял, что заклинание работает не так, как он планировал. Тем не менее его это не очень обеспокоило. У него еще оставалось достаточно душ, чтобы завершить магическое действо. Оглянувшись на неподвижные фигуры Детей Всемирного Потопа, он решил подождать, поберечь оставшихся восьмерых человек для завершающего этапа, когда интенсивность магии потребует подпитки.

Джал повернулся к алтарю, где лежала ветка, содержащая дух богини Фирр. Ветка переливалась неистовым светом. Он подвинул к себе ожерелье и несколько мгновений смотрел на него. Сейчас предположение Джала, что оно сделано из фаланги пальца Корвуса, его дяди, либо подтвердится, либо заклинание не сработает...

Так как ожерелье лежало рядом с веткой, их сияния переплелись, создав тем самым загадочный узор. Пульсация прекратилась. Губы Джала искривила злобная усмешка.

— Да, мама. Это твой брат-близнец... Вернее, все, что от вас осталось. Лишь эти жалкие крохи.

Он намеренно подвинул символы бывшей мощи в кровавую лужу. Еще теплая жидкость мгновенно растеклась вокруг предметов.

Вдруг сияния ожерелья и ветки объединились, буквально выстрелив лучом вверх, в потолок пещеры, а потом отразились вниз, словно сгоревшая петарда. Джала ослепило на время, но потом он убедился, что луч выполнил свою работу, и при этом души Корвуса и Фирр не потеряны. Над алтарем появилось призрачное изображение обнаженного человека, еще не четкое, меняющееся. Человек выглядел как Джал, но только в той мере, в какой можно сказать, что лев выглядит как кот. Бронзовая кожа и развитые мускулы были лишь самыми незначительными из его достоинств. Что-то говорило, что это больше, чем человек. Призрачный фантом будет Богом. Но пока он лишь пустая оболочка. В ней не хватало самого главного: содержания, которым станет Джал.

— Да, достойнее тебя во всех отношениях, как я вижу, — раздался вдруг насмешливый голос, и Джал, который с удовлетворением разглядывал свое произведение, вздрогнул и резко повернулся.

От страха и раздражения изо рта его вырвалось шипение. Когда Джал увидел ее, стоящую в дверях с диковатой улыбкой на губах, ему невольно пришла в голову мысль, что Риган сильно изменилась и стала ему достойным соперником. Он недоверчиво потряс головой, на миг лишившись дара речи.

— ...Риган?

Снаружи, у основания горы, с проклятиями приходил в себя Сандро. Это был не первый в его жизни удар пистолетом по голове, но сейчас Сандро был потрясен. Из губы шла кровь, и он бросился лицом в снег. Риган представляла собой проблему, в каком бы мире она ни находилась, пришла ему в голову мысль. Он мог понять ее жажду мести. Разумно предположить, что незаконченное дело с Джалом — единственное, что держит ее в этом мире. Но, как всегда, недостатком Риган было то, что она за мелочами не видела главного. Его мир, его город подвергнуты опасности, тем не менее Сандро не давал себе воли, а для Риган все это было второстепенным. На первом месте ее личное дело. И, исходя из своих, как ей казалось, очень правильных рассуждений, девушка решила, что Сандро только помешает ей. Сам факт, что Риган ударила его пистолетом, который он ей только что дал, не на шутку взбесил его.

Все еще ругаясь и вытирая кровоточащую губу рукавом куртки, Сандро начал медленно подниматься по тропинке. Задача, надо сказать, не из легких. Вдалеке от города, в горах, темнота стала почти полной. Он не знал точного расположения входа в пещеру, но надеялся, что Риган в пылу своей жажды мести не позаботилась о том, чтобы замести следы. Несколько минут спустя, однако, для Сандро стало очевидным, что вокруг слишком темно, чтобы что-то найти. Он сел, прислонившись к скале спиной, и стал смотреть на парк. Сандро только сейчас заметил, как светло за границами подножия горы. Причиной этого были люди. Они спали на территории парка, потому что боялись повторных толчков. Между деревьями вырос палаточный городок. Свет от сотен свечей и ламп тускло сиял в темноте. Доносились звуки музыки, лай собак. Люди пели глупые походные песни.

Сандро помимо воли улыбнулся в темноту. Может, кому-нибудь придет в голову принести ему сюда факел?

— Сандро...

Кто-то появился у подножия горы, размахивая факелом. Первой реакцией Сандро было спрятаться — ему не нужны посторонние. Однако когда он посмотрел повнимательнее, кое-что показалось ему знакомым.

Беа! Беа здесь. Сандро быстро стал спускаться к ней, а Беатрис ускорила шаг. Встретились они на тропинке, где скалы начинали свой подъем к небу.

— Что ты здесь делаешь? И как тебе удалось сюда добраться?

Она не обращала на его вопросы внимания.

— Что случилось с твоим лицом? Где Риган? Эта вредная маленькая корова ударила тебя!

Она вытащила салфетку и стала промокать ему лицо, но Сандро схватил ее за запястье.

— Со мной все в порядке, Беа. Успокойся.

Она кивнула и просунула руку под его локоть.

— Пошли посмотрим вместе.

— Мне казалось, ты решила остаться дома.

— Да, сначала так и было, но потом я подумала, что не стоит позволять тебе развлекаться одному.

Сандро открыл рот, чтобы ответить ей, но передумал. Они стали вместе обходить основание горы, но ничего не указывало на то, что здесь побывала Риган. Беа прикурила сигарету и пошла дальше, оставляя за собой клубы дыма.

— Так это, оказывается, ты дракон, — пошутил Сандро.

Она бросила на него кислый взгляд, зная, что Сандро не одобряет ее пристрастие к курению. В это мгновение раздался низкий рокочущий звук, исходящий из-под горы.

— Повторный толчок!

Сандро не колебался ни минуты. Схватив Беа за руку, он, хромая, бросился бежать прочь от горы. Земля всколыхнулась. Раздался громкий треск, и части скалы стали отваливаться. Осколки покатились вниз, налетая друг на друга. Сандро и Беа бежали и чувствовали, как за их спинами падают огромные обломки. Беа вскрикнула, когда мимо пролетел большой камень, отскакивая от земли словно голыш по воде. Сандро почувствовал, как отяжелели его ноги, сильнейший жар разлился по венам и мышцам. Споткнувшись о камень, скрытый под снегом, он издал удивленное восклицание и увлек с собой Беа, инстинктивно закрыв ее своим телом.

Земля еще долго продолжала колебаться, но потом все вдруг резко прекратилось. Сандро поднял голову и осторожно стал оглядываться по сторонам, Беа со стонами и жалобами выползла из-под него. Они добежали до ближайшего лагеря, где семья из восьми человек пребывала от страха в полной растерянности. Сандро сжал руку Беа, чтобы та замолчала, и без слов потащил ее опять наверх.

— Проклятие! Что это было?

Она все еще тяжело дышала после их поспешного спуска.

— Магия, Беа. То самое, во что ты отказываешься верить. Посмотри.

Опять появилось призрачное существо, скатилось в зеленой тишине по скале и исчезло под землей.

Беа тяжело вздохнула.

— Мы можем теперь идти домой?

— Необходимо найти Риган. Она нуждается в нашей помощи.

— Не думаю, что это так, — возразила Беа.

— Что? Ты считаешь, ее нужно оставить в беде?

— Нет. — Волосы Беа растрепались при падении, и она нетерпеливым движением убрала их с лица. — Послушай, я так говорю не потому, что она мне не нравится, что я, кстати, не отрицаю. Но сам подумай, Сандро. Может, Риган права? Может, она сама должна разобраться с этой проблемой? Пусть они с Джалом сами выясняют свои отношения.

— Да, но...

— Они оба из Сутры и лучше подготовлены к этой... магической дуэли.

Беа взмахнула руками, едва не потеряв равновесие.

— Хорошо. Значит, мы сейчас пойдем домой и будем ждать, кто из них победит. Так?

Сандро хмуро посмотрел на нее.

— Так поступают люди в реальном мире, Сандро.

— Нужно ли мне напоминать тебе, что Риган — дочь Талискера? То, что ее послали сюда, было единственным способом спасти ей жизнь. Неужели мы дадим Риган умереть? Пошли, Беа... Ты боишься? Это в такой ситуации нормально и...

— Ах! — Беа стала подниматься на ноги, но тут же упала опять, уцепившись за край куртки Сандро. Ее лицо исказилось от боли. — Не думаю, что я смогу куда-нибудь пойти, Сандро. Кажется, я сломала лодыжку.

— Вы повредили ногу, дорогая? — спросила пожилая женщина, глава большой семьи, окруженная домочадцами. Беа улыбнулась, стиснув зубы.

— Со мной все в порядке... в самом деле...

— Чепуха. Подходите сюда. Там есть женщина, она врач.

— Иди, — сказал Сандро. — Приглядите за ней для меня, хорошо?

Он пожал женщине руку.

— Я скоро встану на ноги. А ты пойди и найди эту дамочку, чтобы мы могли еще немного повоевать. Я пока посмотрю на этот прекрасный спектакль. — Беа кивнула головой в сторону скал.

— Хорошо. Постараюсь управиться примерно за час.

Сандро поцеловал ее в щеку и пошел, размышляя, что Беатрис будет делать, если он вообще не вернется. Нет ни одного человека, с которым Беа могла бы поделиться, потому что в Эдинбурге считают, что Алессандро Чаплин мертв. Он засунул руку глубоко в карман и чуть не вскрикнул, когда его пальцы уперлись во что-то холодное и квадратное. Это была обойма от пистолета.

* * *

— Удивлен?

Риган была очень довольна, увидев ужас на лице Джала. Она стала угрожающе размахивать перед ним пистолетом. Нечто подобное показывали в развлекательном ящике Беатрис.

Риган осмотрела пещеру, заметив по крайней мере пятерых скооров, совершенно неподвижных, так как они ожидали приказа Джала, а чуть в стороне находилась замороженная группа соратников Нокса из восьми человек. На их лицах запечатлелся животный страх. Джал разморозил их, чтобы выбрать двух следующих жертв, собираясь тут же заморозить остальных, чтобы те не могли помочь своим друзьям. Девушки кричали в панике, их руки были протянуты к алтарю. Мало кто остался бы равнодушным при виде этой картины. Двое юношей из центра группы прокладывали себе путь среди других в тщетной попытке спасти друзей. Остальные пытались их остановить, удерживая за одежду. В этот момент они и были вновь заморожены и сейчас больше походили на статуи.

— Благородные люди, не так ли? — усмехнулся Джал.

Его голос был скользким как шелк. Он очень быстро пришел в себя. Риган тоже понадобилось всего несколько секунд, чтобы оценить ситуацию. Джал сделал шаг по направлению к ней.

Риган не колебалась. Она здесь была не для дискуссий. Направив пистолет прямо ему в сердце, она воскликнула:

— Умри, брат.

И выстрелила.

Но ничего не произошло. Ни грохота, ни крови, ничего из того, что она ожидала. Раздался только тихий щелчок, и это все. Тем не менее Джал отступил назад, будто какие-то невидимые пули все-таки были выпущены в него.

— Брат? О чем ты говоришь, Риган?

Девушка опустила пистолет и стала трясти его, подумав, что внутри что-то заело. Она изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Казалось, Джал толком не понимает назначения оружия. Во всяком случае, он не беспокоился о пистолете. Риган решила выиграть время, заметив, что Джал пытается незаметно подать знак одному из скооров.

— Ты помнишь моего отца? Того самого, который предупреждал меня, что ты негодяй... — Она горько рассмеялась. — Дункан Талискер, герой Великих. Так вот твоя мать соблазнила его, что делает нас теперь...

— ...только наполовину братом и сестрой. Только в одном из нас течет кровь богов — во мне!

— Ты об этом? — Она кивнула в сторону неподвижной фигуры над алтарем. — Ты становишься богом? — Краем глаза она увидела, как дернулся хвост у одного из скооров, и поняла,

что Джал разбудил его. — Ты знаешь, какие разрушения ты наделал в Сутре и здесь? Как ты можешь вернуться с триумфом в мир, который полностью разрушил?

Риган опять помахала пистолетом и направила его на Джала. Щелчок, и вновь ничего не произошло. На этот раз она с досадой отбросила бесполезную вещь в сторону. Джал облокотился на алтарь и скрестил на груди руки.

— Я уже наполовину бог, — усмехнулся он. Мерцающий свет пещеры отразился от белых зубов. — По крайней мере эти люди думают именно так. — Он указал на Детей. — Но ты права, Риган. Магия сделает меня настоящим богом, объединив во мне энергии Корвуса и Фирр. И я стану самым могущественным богом, какого только знала Сутра. Этот мир меня не волнует. Здесь я только прятал от Фирр свои приготовления... — Он небрежно махнул рукой. — Я уже пронизан магией. Неужели ты думала, что твое странное маленькое оружие могло убить меня? А теперь, если ты не возражаешь, я займусь своими делами...

Риган ожидала, что Джал прикажет скоору напасть на нее и убить, а она будет абсолютно беспомощна перед ним. Девушка достала из-за пояса джинсов игрушечный меч и приготовилась к смерти, чувствуя, как бешено колотится ее сердце. Но Джал поступил по-другому, он взмахнул рукой, и яркий поток энергии с низким гулом, заставившим вибрировать пол пещеры, настиг ее, прежде чем девушка успела сказать хоть слово. Риган готовилась к смерти, а вместо этого Джал заморозил ее, как и всех остальных. Холод поднимался от ног вверх, с шипящим звуком выдавив из легких воздух. Теперь она знала, что это не похоже на тот сон, в который он часто погружал ее и обитателей города в Сутре. Эти бедные люди, замороженные статуи, могут видеть, их глаза не теряют способности двигаться, но некому опустить веки, поэтому они видят все, что происходит. Кроме того, люди могут думать. Они видели, как Джал убил их друзей, и знали, что они следующие.

Джал подошел к ней и вяло погладил по замороженному лицу, а Риган не могла даже отстраниться.

— Меня нисколько не волнует, что мы родственники. Такая мораль присуща только твоим драгоценным Великим. Когда я закончу, моя маленькая сестренка, ты не сможешь мне отказать. Я сделаю тебя своей супругой, захочешь ты этого или нет... — Его дыхание было горячим, оно почти причиняло боль ее щеке. Риган хотела плюнуть Джалу в лицо, заставить его замолчать, но не могла. На лице Джала на мгновение появилось задумчивое выражение, когда он попытался поглубже заглянуть в ее глаза, будто желая вступить в контакт с ее душой. — Может быть, поэтому я всегда находил тебя довольно соблазнительной, сестричка. И, возможно, мое желание обладать тобой было простой потреб-

ностью обладать своим отражением. Мучая же тебя, я значительно пополнил свою энергию.

Вдруг Джал быстро отошел от нее, будто решив, что Риган может счесть его слабым. Вернувшись опять к фигуре над алтарем, он поднял руки и стал низким голосом бормотать какие-то слова. Фигура стала мерцать, когда в нее поступила первая порция энергии. Пульсирующие волны света окружили Джала, поместив его в сияющий кокон. Он повернулся и подошел к скоору, охранявшему пленников, а когда поднял руку, фигура над алтарем первый раз шевельнулась, повторяя его движение. Оживление произошло, фантом был полностью связан со своим создателем. Казалось, происходит кукольное представление, где кукла перевоплощается в кукловода. С того места, где Риган стояла, она могла видеть все, даже если бы не хотела этого.

Джал разморозил пленников, и пещера, в которой до этих пор было тихо, наполнилась криками и мольбами. Три молодые женщины упали на колени, протянув руки к небу, молясь какому-то богу, но только не Джалу. Остальные что-то кричали, причитали. Паника нарастала. Двое мужчин попытались прорваться к выходу, но скооры преградили им путь короткими металлическими копьями. Риган раньше не раз приходилось видеть смерть, и она знала, что их паника — это своеобразный трюк, который использует мозг, чтобы до последней секунды жизни человек не верил в смерть и продолжал бороться. В пещере стоял едкий запах страха.

Скоор толкнул мужчин к остальным, а Джал поднял руки вверх в победном жесте, призывая всех замолчать.

— Дети Всемирного Потопа, — начал он. — Я ваш Бог и прошу у вас своей крови для моего Вознесения.

— Антихрист! — закричал один из пленников. — Убийца!

— Благословляю тебя.

Джал развел руки в стороны, сделал небольшую паузу, а потом склонился в глубоком поклоне. Хотя Риган не могла знать, что он пародирует бога несчастных, она узнала присущую Джалу склонность к театральным эффектам. За его спиной призрачный бог также раскинул руки и поклонился, но в его жесте не было той злобы, которой обладал Джал.

Скооры сняли длинные ножи со своих ремней и ждали сигнала Джала.

Вдруг раздался яростный вопль, и кто-то ворвался в пещеру. Быстро передвигаясь, человек в порыве ярости пробежал мимо Риган. Это был мужчина, и Риган узнала Нокса, но его трудно было узнать, настолько он изменился. Его окружало яркое мерцающее сияние. Внутри этого ореола черная, похожая на палку фигура Нокса обладала своим собственным накалом. Его лицо было маской ярости. У Риган не осталось сомнений: Джал его тоже

обманул. Два ближайших скоора бросились вперед, чтобы остановить его, но Нокс, не теряя времени даром, стал размахивать длинной металлической палкой.

Чего Риган не знала, так это что Нокс отверг свою славу и появился перед Детьми в образе Даниэля, золотого спасителя, ангела. Вдохновленные пленники атаковали трех скооров сзади, и в пещере начался полнейший хаос. Но, хотя они превосходили своих врагов по численности, Риган сомневалась, что Детям удастся выжить. Тонкий крик разорвал воздух, когда какой-то скоор схватил одну из женщин и быстро покончил с ней, прервав крик ударом копья. Однако у Детей хватило здравого смысла не медлить, и они тут же опять атаковали.

Риган не могла понять, почему Джал их не заморозит, но потом поняла, что он не может отходить далеко от алтаря, и, видимо, его магическая сила была несколько израсходована ожидающим Богом. Заклинание начало действовать, и он привязан к фигуре над алтарем невидимыми нитями. Если бы кто-нибудь атаковал его именно сейчас...

Слабая искра надежды затеплилась в мозгу Риган. Джал наблюдал за суматохой с невозмутимым лицом, хотя при желании можно было заметить некоторое раздражение. Вдруг раздался восторженный клич, это Ноксу-Даниэлю удалось повалить одного из скооров на пол, воспользовавшись неуклюжестью чудовища в тесном помещении. Скоор был сбит с ног, а потом Нокс нанес ему удар в шею. Скоор еще метался некоторое время, его хвост дергался в агонии, как у насекомого, а потом он тихо умер. Одна из женщин заметила бесполезный меч, который Риган держала в руке. Она подбежала к ней и выдернула его из руки, ободрав ладонь, но Риган ничего не почувствовала.

— Простите. Спасибо, — пробормотала женщина.

Она повернулась лицом к побоищу и после секундного колебания направила меч в ближайшего скоора, стоявшего к ней спиной, как раз поверх нагрудной пластины. Удар не был достаточно сильным. Кроме того, меч отскочил от кости, где позвоночник соединяется с ключицей, но женщина уже не могла остановиться, она еще раз ударила, на этот раз сильнее, найдя более уязвимое место. Лезвие проткнуло шею скоору, но, несмотря на то что движения его замедлились, он все еще пытался идти вперед. Женщина вскрикнула от отвращения, ей еще никогда не приходилось видеть такой бойни.

У входа послышалось еще какое-то движение, и на пороге появился сеаннах.

— Сеаннах? Здесь? Все становится гораздо интереснее! — с издевкой проговорил Джал.

— Мерзавец! Отпусти их! Отпусти этих людей! — воскликнул Нокс-Даниэль.

Сандро посмотрел на Риган и понял, что не в силах пока ничего сделать.

— Идите отсюда, быстрее.

Он схватил двух ближайших девушек за руки и стал толкать к выходу. Они наконец поняли, что кто-то избавляет их от этого ужаса, и с рыданием выбежали прочь. Сандро вернулся и таким же образом попытался вывести еще одну девушку и молодого парня, но тот не хотел уходить, все еще пребывая в пылу борьбы, и вырвал свою руку.

— Пошли, ты, идиот!

Сандро силой поволок обоих молодых людей к выходу.

После этого в пещере остались Нокс-Даниэль, Сандро и еще три молодых человека, чтобы сражаться с тремя оставшимися в живых скоорами. Причем вооружен был только Нокс-Даниэль. Обстановка стала немного лучше, но все-таки Дети не были способны к насилию любого рода. Хотя они сражались с таким упорством, какое Риган редко приходилось видеть, выносливости у них явно не хватало. Нокс-Даниэль убил еще одного скоора своим копьем. Создавалось впечатление, что его рукой управляет какая-то неведомая сила. Его товарищи выбились из сил и дрались молча.

Оставалось только два скоора, казалось, у Детей появился шанс, но как только Нокс-Даниэль направился к новой жертве, кто-то с невероятной силой схватил его и потащил назад. Это был Джал. Палка выпала из рук Нокса-Даниэля и покатилась по полу к Сандро.

Джал был рассержен не на шутку. Подтащив Нокса-Даниэля к алтарю, он с триумфальной улыбкой на лице бросил его на камень. Парень нашел в себе силы повернуться к продолжавшим сражение друзьям и крикнуть:

— Бегите! Уходите отсюда!

Сандро подхватил металлическую палку и бросил в скоора, пытаясь отвлечь чудовище от неподвижной фигуры Риган. Трое оставшихся Детей и скоор пребывали в затруднительном положении. Мужчины невооруженные, скованные нерешительностью, а скоор медлил, не зная, на кого лучше напасть.

— Бегите! — повторил Сандро призыв Нокса-Даниэля, и два юноши бегом бросились к выходу.

— Благослови тебя Господь, Даниэль! — закричал один из них. — Благослови тебя Господи...

Третьим человеком оказался Гордон, Стремящийся Летать. Он завладел мечом и посмотрел на алтарь. Его глаза косили, он задыхался, но сумел разглядеть человека, лежавшего на камне. Слишком усталый, чтобы поддерживать иллюзию, Нокс пытался освободиться от железной хватки Джала. И Гордон увидел Нокса.

— Нокс? — воскликнул он, на этот раз не заикаясь.

Тот с трудом повернул к нему голову в смертельной схватке, в тот момент, когда Джал протянул руку за ножом, лежавшим на алтаре.

— Гордон... беги. Скажи им, что это был... Даниэль...

— О господи!

Стремящийся Летать выронил меч, потому что его схватил за руку Сандро, решивший, что это подходящий момент, чтобы ретироваться. Оба побежали к выходу. Сандро боковым зрением видел Риган, но не имел возможности остановиться и помочь ей. Это конец. Ее невозможно вернуть. Когда они достигли выхода, раздался громкий крик Нокса — Джал вогнал ему нож прямо в сердце. Они не смогли узнать, что Нокс при этом улыбался.

Горы опять пришли в движение, и их хорошенько встряхнуло еще раз, когда Сандро и Стремящийся Летать пробирались через узкий проход. За ними последовала волна яркого света. Сомнений быть не могло, Джалу все удалось. Звук землетрясения стал неразличим на фоне раскатистого смеха из глубины, громом прокатившегося по горам. Звук становился оглушающим, будто Джал сквозь землю выходил наружу. Когда они выбрались из пещеры и подбежали к группе Детей, ожидавших их, Сандро увидел, что губы Стремящегося Летать все время шевелятся, будто он молится на бегу. Они остановились в нескольких ярдах от Детей, пытаясь восстановить дыхание. Еще до того, как друзья подбежали к Гордону и заключили его в объятия, Сандро услышал, как он сказал:

— Это был Нокс! Это был Нокс...

Сандро не мог понять, какое это имеет значение. Опять вздрогнула земля, и он повернулся к скалам. Мелькнула мысль: что же будет теперь?

ГЛАВА 18

Вот так человек незнатного происхождения может умереть рядом с таном... Хамиш смотрел на серую фигуру Хью, лежавшего всего лишь в нескольких футах от него. Глаза тана были полуоткрыты, но сказать, видит ли он что-нибудь, было трудно. Некоторые из воинов ослепли от снега, но, честно говоря, это была одна из самых небольших проблем. Армия южных кланов умирала...

После землетрясения три или четыре дня назад Хамиш потерял счет времени. Те, кто выжил, а их оказалось не более семи сотен человек, собрались вместе и продолжали путь. Бывали случаи и дезертирства, и разногласий, но таны Хью и Лэхлен были такими же сильными и упрямыми, как все правители в ис-

тории. Хамиш прислушивался к бормотанию попутчиков, но сам он большей частью следовал своему собственному мнению. Для него, как и для других воинов клана Хью, было немыслимо предать своего тана. Даже если он ведет их на погибель и только десять человек останутся в живых, чтобы ворваться в ворота Сулис Мора, Хамиш хотел быть одним из этих десяти.

Но погода, это поняли даже южные солдаты, бросала им серьезный вызов. Никогда Сутра не знала такого холода. Ураган принес достаточно неприятностей, но и земля настолько промерзла, что стала похожа на стеклянные скалы, а воздух замерзал, не успевая достичь легких. Люди боролись с холодом, но некоторые не выдерживали и падали замертво, никем не замеченные в снегу. Часто это происходило просто потому, что им некому было помочь. Воины боялись останавливаться, чтобы не потеряться и не остаться навсегда в этом снежном забвении.

В последнюю ночь — по крайней мере Хамиш считал, что она будет последней, — Хью еще раз остановил свою армию. В живых оставалось около шестисот человек, и многие в глубине души не верили, что на следующее утро хоть кто-то проснется. Тем не менее они соорудили несколько укрытий, насколько это было возможно в таких условиях, закрепив их кусками льда. Хью наблюдал за работой, а потом приказал, чтобы в укрытиях ночевали те, кто обморозил конечности или ослеп. Остальные солдаты, тоже находившиеся на грани смерти от истощения, должны были устроиться под длинной черной скалой, которая появилась во время землетрясения. Скала обеспечивала не слишком хорошую защиту от пронизывающего ветра, но это было лучше, чем ничего.

Хамиш отказался ночевать в укрытии, из суеверия решив, что спать вместе с умирающими — значит подтвердить, что он и сам к ним относится. Когда он ложился спать, то решил, что утром, если проснется, возьмет секиру и отрубит себе ногу. Ему уже приходилось видеть, как у некоторых солдат чернота распространялась до самого бедра, и Хамиш подумал, что, возможно, такая радикальная мера спасет ему жизнь. Даирмуд поможет ему... хотя он давно не видел его.

Отец дал Хамишу секиру, когда он отправлялся в этот проклятый поход. Она была сделана специально под рост Хамиша и длину его рук. На бронзовом наконечнике были нацарапаны имена его отца и деда. Секира еще не побывала в бою, и первая кровь, которая на ней окажется, будет его собственной. Хамиш долго смотрел на свое оружие, прежде чем заснуть или впасть в небытие, из которого он может никогда не вернуться, но у него почти совсем не осталось сил, чтобы думать об этом.

Тем не менее он проснулся. Рядом, на расстоянии чуть больше ярда, лежал тан. Вся южная армия превратилась в

ледяные статуи. Многие не пережили этой ночи, убитые не врагами, а лютым морозом. Белизна покрыла все. Солдаты, умершие за ночь, оказались в готовых саванах, лошади тоже падали и умирали или уже лежали мертвые. Укрытия, возведенные с таким трудом и болью, под тяжестью снега рухнули, и, что самое ужасное, никто не попытался выползти оттуда. Снег перестал идти, утро было ясным. Неподалеку кто-то из оставшихся в живых насвистывал похоронный марш.

Хамиш долго лежал, полностью обессиленный, в своем коконе. Грудь горела от напряжения, из-за чего ему приходилось сдерживать дыхание. И его, и тана Хью спасло то, что над ними нависал зазубренный кусок скалы, что помешало им задохнуться от снега во время сна. С такими мыслями, монотонными и безрадостными, словно все тот же снег, Хамиш смотрел в небо. Его зрение было затуманено слезами, стекавшими по щекам, перед глазами мелькали черные пятна...

Сначала Хамиш подумал, что у него темнеет в глазах, но потом ему пришло в голову, что это птицы: очевидно, вороны летят, чтобы полакомиться умершими. Однако что-то в них показалось Хамишу необычным, и он пригляделся повнимательнее. Птицы были слишком большими для ворон. Он сел — движение, которое Хамиш не стал бы делать, если бы не внезапно появившаяся надежда. Ему никогда не приходилось видеть их раньше, но он много слышал о них. Теперь Хамиш не сомневался, это были...

— Орлы, — пробормотал он. — Сиды-орлы. Тан Хью... сэр...

Хамиш неуверенно поднялся на ноги, которые казались каменными подушками. По щекам от боли текли слезы, когда он отчаянно пытался переставлять ноги, чтобы пройти эти несколько шагов к своему тану. Он потерял равновесие и, вскрикнув, неуклюже упал в снег. Кто-то еще увидел птиц и закричал, но Хамиш хотел быть первым, кто сообщит тану радостное известие. Он с усилием подтащил свое тело, опираясь на секиру.

— Хью! — позвал он. — Тан Хью, проснитесь. Проснитесь, сэр.

Хамиш доплелся до правителя, но тан не подавал признаков жизни. Хамиш ободрал руки и колени, ползая вокруг в попытках разбудить его. Было довольно трудно сделать это с должным уважением и достоинством, но солдат не сомневался, что тан его поймет.

— Посмотрите.

Он повернул лицо Хью за подбородок таким образом, чтобы ему было видно небо.

От горизонта до горизонта небо заполнили сотни сидов-орлов. Они летели с запада. Свет встающего солнца золотил их перья. Когда орлы подлетели ближе, Хамиш увидел, что на спинах они несут людей и тюки. Ветер, вызванный взмахами их огром-

ных крыльев, заставил снег подняться в воздух и потом образовать новые сугробы. Среди оставшихся в живых воинов стали раздаваться радостные крики, но ни одна из птиц не села на землю, они кружили в воздухе, будто ожидая приказа. Почти не раздумывая, Хамиш схватил свою секиру и вытер металл. Он засверкал в солнечных лучах. Наклонив секиру под таким углом, чтобы она отражала солнце, он стал сигналить, надеясь, что один из людей на спине у орла сможет понять этот немудреный сверкающий код.

«Тан здесь. Тан Хью здесь».

Из горла Хью вырвался громкий стон, подтверждающий, что в нем еще теплилась искорка жизни.

«Поспешите. Он умирает».

Судорога свела руку Хамиша. Перемерзшие мышцы от напряжения отказали. Он со стоном выронил секиру и согнулся пополам над распростертым телом Хью, пытаясь успокоить боль. Возможно даже, что на минуту сознание оставило его, потому что следующая вещь, которую Хамиш осознал, это то, что кто-то разговаривает с ним.

— Солдат... солдат? Это ты сигналил?

Он поднял глаза. Орлы приземлились почти бесшумно, несмотря на свои размеры. Некоторые терпеливо ждали, когда с них снимут груз, а часть уже обратилась в людей. Их багаж был воистину замечательным: теплые шкуры животных, одеяла, одно из которых было тут же наброшено на плечи Хамиша.

— Солдат?

Человек, который к нему обращался, стоял так, что солнце находилось у него за спиной, и Хамиш зажмурился, когда поднял воспаленные, ставшие очень чувствительными глаза. Это был Тристан. Хамиш мог сразу сказать, что это тан, потому что на голове у него была корона в виде обруча, почти такая же, как у Хью. На этом сходство заканчивалось. Правитель Сулис Мора оказался кривоногим и горбатым, как о нем и говорили. Но вел он себя с таким достоинством, что не возникало сомнений — он таких же благородных кровей, как Хью и Лэхлен. Тан Тристан ободряюще улыбался, ожидая ответа Хамиша.

— Да... сэр. — Голос воина сорвался, и он почувствовал, что сейчас расплачется. — Мне кажется, он умирает, сэр, — выдавил он наконец.

Не зная зачем, Хамиш прижал к себе замерзшее тело Хью, не желая отходить от него. Тристан ободряюще похлопал его по плечу, не обращая внимания на слезы, катившиеся по лицу солдата.

— Сколько тебе лет, солдат, и как тебя зовут?

— Восемнадцать, сэр. А зовут меня Хамиш.

— Отлично, Хамиш. Ты видишь того орла? Он принес бульон, который скоро подогреют. Почему бы тебе не пой-

ти туда и не попробовать его? А тана Хью можешь оставить нам. Обещаю, что мы позаботимся о нем.

Хамиш покачал головой:

— Я не могу, сэр... идти. Мои ноги, сэр...

Тан Тристан был потрясен, увидев обмороженные ступни солдата. Но потом без колебаний наклонился и поднял Хамиша, несмотря на то что его вес был почти равен весу самого Тристана. Он отнес его не очень далеко, а посадил на одно из покрывал, которые сиды-орлы использовали, чтобы заворачивать багаж. Потом, к удивлению Хамиша, еще до того, как заговорить с теми, кто суетился вокруг тана Хью, Тристан пошел и поднял его секиру, а потом принес ее Хамишу.

— Не теряй ее, — пробормотал он, несколько смущенный своим поступком. — Она сослужила сегодня хорошую службу... так же, как и ты.

На какое-то мгновение Хамиш потерял дар речи, и, очевидно, смущение и удивление отразились на его лице, потому что Тристан рассмеялся.

— С-спасибо, сэр, — сказал юноша.

— Не стоит благодарности, Хамиш. Мы, таны, ничего не стоим без наших подданных. Уверен, Хью согласится со мной.

Он повернулся и пошел к небольшой группе сидов, окруживших Хью. Но прежде обратился к сиду, стоявшему рядом:

— Побеспокойся, чтобы этого парня напоили горячим...

В ту ночь, когда армия южных кланов погибала от холода, Талискер чувствовал, что его может постигнуть подобная судьба. Он сидел, скрестив ноги, на верхушке одной из красных каменных колонн, расположенных вокруг лагеря сидов-волков, и глядел на сверкающие звезды, ощущая одновременно сожаление и разочарование. В нескольких ярдах от Дункана сидел Эскариус в образе человека. Он тихо пел что-то, звук был такой тихий, что скорее напоминал дыхание.

К спиритизму Талискер всегда относился с большим подозрением, хотя не отнимал у других права верить в него. Даже перед лицом обстоятельств, сложившихся в его жизни, когда Дункану много лет назад пришлось стать частью единой души, чтобы победить Корвуса, он все равно не верил в то, что его дух может достичь чего-то большего, чем любой другой. Тем не менее сид-волк, глава шаманов, утверждал, что нужна именно его помощь. Они называли Талискера «путешественником между мирами». Ему лично казалось, что в данном случае больше подошел бы Сандро. Как сеаннаху ему все это ближе...

Талискеру было трудно сосредоточиться. Глава шаманов дал ему выпить какой-то травяной отвар, поэтому Дункана

не очень удивило, что он почувствовал приятную легкость в голове, но в то время как голова ощущала одно, конечности чувствовали совсем другое. Они похолодели и онемели, а он здесь всего час.

— Дункан Талискер. Ты должен спокойно думать.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Эскариуса.

— Откуда ты узнал, что...

— Просто догадался.

Эскариус лукаво усмехнулся, блеснув белоснежными зубами в лунном свете.

Талискер тоже издал короткий смешок.

— Прости меня, Эскариус. Я буду стараться.

— Нет. Не надо стараться. Не делай ничего. Просто спокойно думай.

— Спокойно думай... — эхом отозвался Талискер.

Когда Эскариус вернулся к своему пению, Дункан опять уставился вперед. На верхушках других башен, вокруг плато, остальные шаманы делали то же самое, что и он.

Талискер будет, конечно, продолжать, но, честно говоря, он ощущал себя скорее в дурмане, чем в трансе. На вершине холма царило полное спокойствие, и он на самом деле ощутил какую-то связь, его чувства обострились. Талискер вдруг понял, что может слышать, как остальные шаманы издают тот же самый звук, что и Эскариус, и еще что этот самый звук он услышал, когда поднялся на плато. Он был похож на шум ветра и гудение огня, но гораздо глубже.

Этот звук казался живым... и пугал.

Неохотно, но все же Талискер присоединился к пению и удивился, какой странный резонанс этот звук вызывал у него в груди. Когда он запел, слегка раскачиваясь вперед и назад, время перестало для него существовать. Может, прошли минуты, а может, и часы, когда он заметил, что рядом кто-то ползет. Маленькая ящерица быстро бежала по направлению к его ноге. Талискер недолюбливал рептилий, поэтому протянул руку, чтобы прогнать ее. Это движение до странности не совпадало по скорости с движением ящерицы. Рука Талискера двигалась очень медленно, оставляя за собой серебряный след, хотя ему казалось, что он двигается с нормальной скоростью. Смущенный этим обстоятельством Талискер потряс рукой, как будто с ней произошло что-то неладное. Ящерица уже забралась на его ботинок, серьезно разглядывая Дункана маленькими черными глазками.

— Уходи, — сказал Талискер.

Слова тоже прозвучали необычно, медленно и насыщенно. Звук повторился несколько раз в пространстве впереди него, и Талискер, у которого мысли менялись в голове с нормальной скоростью, подумал, что же такое положил шаман в его отвар.

После очень долгого, как ему показалось, промежутка времени рука Дункана наконец дотянулась до ящерицы, но вместо того чтобы ее прогнать, он дотронулся до головы рептилии, между черных глаз.

Ночь взорвалась многоцветием красок. Звезды упали вниз, и серебряные струи запутались в голубом плюше неба. Под ним не было больше гор, он затерялся среди цветного хаоса красок и теней, появившихся ниоткуда и сконцентрировавшихся в его сознании. Талискеру показалось, что он открыл рот, чтобы закричать или застонать, но оттуда не вырвалось ни звука. Ощущение было словно он тонул. Его охватила паника, закружилась голова, но он постарался отбросить эти чувства.

Не пытайся... Сохраняй спокойствие.

Через некоторое время шок прошел, краски растаяли, их сменил мрак, это все, что было. Ни звезд, ни неба. Никаких намеков на то, что существует еще что-то, кроме этого беспросветного мрака. Талискер громко застонал и на сей раз услышал свой голос. Другого человека наверняка заинтересовало бы, что это: место, время, состояние или что-то другое, но не Талискера. Он знал, но знание не добавляло комфорта. Это было время между временами, мир между мирами, состояние между жизнью и смертью. Он находился в «пустоте».

— Сандро... где-то здесь!

Среди гула взволнованных голосов он услышал голос Беа, но сначала не мог ее увидеть. Дети окружили его небольшой, но весьма оживленной группой. Две женщины, которые первыми покинули пещеру, заговорили спокойнее, пытаясь разобраться в том, что произошло. Остальные продолжали плакать, обниматься и молиться. Парк казался абсолютно мирным местом, не считая того, что в нем находилось не меньше тысячи человек. И все они не отрывали взглядов от скал, где продолжалось световое шоу. Люди были поражены зрелищем, их глаза светились нескрываемым, искренним интересом. Некоторые зажгли свечи или лампы и поднимали их повыше, но в этом не было необходимости. Сандро видел пару видеокамер, так что все походило на дискуссию о том, можно ли назвать происходящее природным феноменом или нет.

Дети Всемирного Потопа были не единственными людьми в парке, которые молились...

— Сандро! — Беа крепко обняла его. — Ты нашел Риган? Где она? Что случилось? — спросила она тихо.

— Нашел, — ответил он, почувствовав, как пересохло в горле. — Но она все еще там... Джал... — Он отвернулся от группы людей и понизил голос. — Джал делает что-то, чтобы стать еще сильнее. Какое-то колдовство, как мы говорим. Думаю, он пытается стать богом. И, возможно, уже преуспел в этом...

— Богом? — переспросила Беа, все еще не веря в идею воплощения богов. — Риган умерла?

— Нет, думаю, что нет. Она выглядит замороженной, обездвиженной. Но не похоже, чтобы...

— Сэр? — перебила его одна девушка из спасенных Детей. — Мне хотелось бы поблагодарить вас за помощь. Без вас и Даниэля мы бы никогда не выжили.

— Даниэль?

Сандро нахмурился и посмотрел на девушку. Он четко видел лицо Нокса.

— Даниэль наш духовный лидер. Бог забрал его к себе, но он вернулся к нам, когда пришла беда, чтобы помочь. — Остальные Дети собрались вокруг и кивали головами, выражая согласие. — Да, да.

— А как же Нокс? — невинно спросил Сандро.

— Нокс был обманут лжепророком. Мы помолимся за него...

— Понятно. Простите меня.

Сандро приветливо им улыбнулся, и они с Беа отошли в сторону.

— Что-то не так, дорогой? — спросила Беа.

— Мне кажется это несправедливым, Беа. Там определенно был Нокс, и он мертв. Джал убил его, но Нокс умер, спасая их, а они видели что-то еще, кого-то еще...

— Может, он сам этого хотел? — пожала она плечами. — В конце концов, они вкладывают во все свой собственный смысл. Да и кто мы такие, чтобы решать, правы они или нет?

— Согласен, — кивнул Сандро. — Думаю, они видели то, что подтверждает их желание. — Он с беспокойством оглянулся на световое шоу в скалах. — Конец Света, — пробормотал он. — Но Джал не принадлежит этому миру. Магия и религия — довольно странные попутчики.

— А может, и нет. Возможно, они разные стороны одного и того же явления.

Разумное замечание Беа было прервано очередным толчком. Однако сейчас все происходило совершенно по-другому. Когда земля содрогнулась, из скалы вырвалась круговая волна света и стала распространяться по парку.

Беа и Сандро толчок сбил с ног. Сандро на коленях пополз к девушке, которая откатилась от него на несколько футов. Когда он добрался до нее и схватил за руку, рядом в земле открылась узкая щель. Беа вскрикнула и прижалась к Сандро, но трещина не стала расширяться, она осталась шириной не больше десяти дюймов. Так случилось, что Сандро и Беа смотрели вниз те несколько секунд, что трещина была открыта. Далеко внизу они заметили движение. Что-то красное, двигающееся очень быстро, но за это короткое мгновение удалось разглядеть, что это огромная рептилия.

Щель была открыта всего несколько секунд, потом опять с глухим грохотом закрылась. Через мгновение закончились и толчки.

— О боже мой! — Сандро остался сидеть на земле, как будто у него не осталось сил на то, чтобы опять встать. Его лицо выглядело белой маской. — Ты видела?

Беа молча кивнула, потом доплелась до того места, где он сидел. Они прижались друг к другу, стараясь не думать о том, что Конец Света, возможно, уже пришел.

Из скал вырвался еще один поток света. На этот раз толчка не было. Свет сопровождался гулом. Он был сильнее и ярче, переливался от зеленого к голубому, потом стал красным и исчез.

— Как ты думаешь, что происходит? — шепотом спросила Беа.

— Не знаю и не думаю, что хочу узнать.

В парке опять воцарилось спокойствие. Последний толчок не был сильным, и большинство людей не получило травм. Хотя все равно доносился тихий плач, а в городе гудели сирены.

— Послушайте меня. Не надо бояться. Бог с нами, но он подает знак, что мы не должны ждать вечно. — Один из Детей, тот самый молодой человек, который отказался уходить из пещеры во время борьбы со скоорами, теперь стоял на стволе дерева, поваленного во время первого толчка. Он говорил страстно и убежденно. В его глазах светилась истинная вера человека, который убедился в правильности своих убеждений на собственном опыте. Голос юноши разносился над толпой. — И сказал Иисус ему, вы видите знаки и чудеса, но все равно не верите им, — продолжал он. Дети Всемирного Потопа гулом голосов поддержали оратора, и он теплой улыбкой поблагодарил их. — Братья и сестры! В каждом уголке Царствия Его люди дрожат от страха перед Богом Даниэлем. Потому что он живой Бог. Он все видит. Его Царство никогда не будет разрушено. Его владения будут существовать всегда. Он спасает достойных и всегда приходит к ним на помощь. Бог Даниэль совершает чудеса на земле и на небе... Кто пойдет за Даниэлем?

— Я! Я! — раздались выкрики из толпы.

Довольно много людей, новоявленных Детей Даниэля, двинулось к молодому человеку. Некоторые из них останавливались, чтобы зажечь свечи. Сандро и Беа остались сидеть на прежнем месте, обняв друг друга. Они знали, что перед рассветом ночь становится еще темнее. Может быть, поэтому и оказались единственными людьми в парке, которые все еще смотрели на скалы, когда пришла беда.

За своей спиной он услышал мягкие шаги, вернее, слегка царапающий звук. Талискер остановился и повернулся. Как он и ожидал, это был Эскариус Вермех, путешествующий в своем волчьем обличье, что соответствовало его духу.

— Эскариус, тебе не следовало приходить. — Голос Талискера звучал глухо, моментально уносясь в пространство. — Здесь может быть очень опасно. Ты мой проводник?

— Как я могу им быть, если иду за тобой, Дункан Талискер? Вера не требует, чтобы кто-то вел, а кто-то следовал за ним. Шаманы смотрят моими глазами.

Талискер остановился и подождал Эскариуса, чтобы поравняться с ним. Волк был таким огромным, что достигал его груди. Не задумываясь об этом, Талискер протянул руку и дотронулся до мягкого меха.

— Ты можешь забраться мне на спину, если хочешь. Никому не известно, как долго нам еще придется идти.

Эскариус склонил голову, и Талискер взобрался на широкую спину волка. Они отправились дальше. Мрак обтекал их, словно жидкость. Здесь не было времени, не было расстояния, чтобы преодолевать его, но все-таки им казалось резонным двигаться. Потом они услышали далекий звук. Его сначала было трудно распознать, но от какого-то непонятного волнения у Талискера перехватило дыхание. Он вдруг вспомнил, что у него нет оружия, и тут же узнал этот звук: то был плач, причем плач женщины. Легкое движение лап Эскариуса ускорилось, и тут Талискер понял, почему ему так не по себе. Он не хотел видеть... не хотел видеть... но почему?

Потом он увидел. И понял причину своего страха. После того как прошла четверть века, увидеть ее было равноценно физическому удару. По его лицу струился пот, тошнота сводила судорогой живот, а с губ сорвалось, непонятно зачем, восклицание.

— Нет!..

Звук прозвучал так же глухо, как и все остальные в этом пространстве, но женщина тут же перестала плакать.

С ней что-то происходило. Ее дух существовал слишком долго, и мрак поглощал ее. Там, где должны были находиться стройные ноги и тело, сейчас была чернота, обрисовывавшая пока их очертания, но скоро не останется даже этого. Черные щупальца, обволакивая ее грудь, достигли плеч, где встретились с волосами цвета воронова крыла. В ее глазах отражался холодный, загадочный свет. Один из них был чистого голубого цвета, а другой, поврежденный много-много лет назад, отливал опалом. На лице женщины возникло странное выражение: смесь смущения, страха и удивления. Но уж никак не радостью была для нее встреча с Талискером.

Кто она? — подумал Эскариус.

— Это леди Фирр.

В голосе Талискера прозвучало сожаление. Он вспомнил, какой сильной и гордой она была. Соскользнув со спины Эскариуса, Дункан подошел к Фирр, не зная толком, что сказать.

— Это не можешь быть ты, Талискер, — нахмурилась она. — Ты должен сейчас быть стариком.

— Использование ворот во времени делает с людьми странные вещи, — пожал он плечами. — Что с тобой случилось, Фирр?

— Случился наш сын. Подойди ко мне поближе, Талискер, чтобы я все смогла тебе рассказать.

— Ты знаешь о драконе? — спросил он.

Фирр, казалось, удивилась вопросу.

— Дракон? Существуют два дракона, Кивик и Хеммек. Хеммек, ледяной дракон, угрожает Сутре. Его брат еще где-то...

— Меня интересует другой дракон.

— Он будет там, куда ушел мой дорогой сын. — Фирр фыркнула, и лицо ее стало свирепым. Оно выражало что угодно, только не материнскую любовь. — Джал заранее спланировал, куда ему лучше уйти, чтобы спрятать от меня свою магию. Он боялся, что я его остановлю. Хотя в этом не было необходимости. Не считая хаоса, который он сотворил в Сулис Море, я не собиралась вмешиваться...

— Почему? Ведь тебе безразличны и Великие, и сиды. Какая разница для тебя, что он там наделал?

— Ты очень проницателен, Талискер. И всегда был таким... У меня были причины не вмешиваться. Я хотела уйти навсегда, но ему потребовалась моя душа для колдовства.

— Ты хотела умереть?

— А почему тебя это удивляет? Вечная жизнь — не подарок, Талискер, а тяжкая ноша. Джалу предстоит понять это, если случится немыслимое и ему удастся осуществить свой план. Но...

Выражение лица Фирр вдруг изменилось, голубые глаза забегали, рот приоткрылся, и из него на шею полилась слюна. Вокруг ее тела продолжала накручиваться темнота, она продвигалась довольно быстро. Тонкие нити, похожие на щупальца, обмотались вокруг горла Фирр, часть из них потянулась к Талискеру. Тот быстро отступил назад.

— Фирр? Фирр? Что с ней происходит, Эскариус?

Волк подался немного вперед, пристально вглядываясь в лицо богини.

— *Не знаю, Дункан Талискер. Подозреваю, что она испытывает сильнейшую боль, но умереть не может, потому что у нее отсутствует часть души...*

— Ты имеешь в виду, что она будет вечно страдать и никогда не умрет? Это ужасно.

Эскариус продолжал смотреть на лицо Фирр еще очень долго.

— *Что мы забыли, так это тот факт, что мы имеем дело с леди Фирр, похитительницей человеческих душ. Многие сказали бы, что она заслужила то, что с ней сейчас происходит. Уход, о*

котором она говорила, принес бы ее душе умиротворение, а она слишком многих лишила его.

— Да, но... — Неожиданно из глаз Талискера полились слезы. — Она... она...

— *Может, нам стоит отправиться дальше, Дункан Талискер? Возможно, нам еще удастся найти чудовище.*

— Нет, мы должны что-то сделать. Посмотри, как здесь пустынно, здесь нет времени, нет места. Здесь ты видишь то, что тебе необходимо, а все остальное просто исчезает.

— *Я не понимаю. Ведь она враг.*

— Да, это так. Но разве сиды ничему не учатся у своих врагов?

Талискер не стал дожидаться ответа Эскариуса и вернулся к Фирр. Он протянул руки и дотронулся до черного тумана, сжимавшего Фирр в холодных объятиях. В тот же миг, словно смертоносные лозы, черные щупальца обмотались вокруг его запястий, увлекая вперед. Дункан стал рвать путы, будто они были из физического вещества и существовали в реальном мире. И, надо сказать, ему удалось преуспеть в этом. Талискер дотянулся до щупалец, которые сжимали горло Фирр, и оторвал их. Богиня сделала глубокий вдох, и взгляд ее опять приобрел осмысленное выражение.

— Почему ты это делаешь? — спросила она шепотом. — Почему помогаешь мне?

Талискер не стал обращать внимания на ее вопрос, потому что и сам не знал ответа, и продолжал рвать черные нити. Когда он добрался до ее талии, Фирр вскрикнула. Нити вросли в ее тело и стали неотделимы от нее. Талискер со страхом и отвращением отступил, но черные щупальца обхватили его за пояс. Появилась опасность, что его постигнет та же участь, что и Фирр. Он кричал и ругался, отчаянно боролся, не разбирая теперь, кого защищает — Фирр или себя самого. Вдруг кто-то схватил его сзади за волосы и оттащил назад. Талискер понял, что это были пальцы Фирр. Он бросил быстрый взгляд на ее лицо, на котором еще оставались куски черных щупалец. Талискер подумал, что она что-то говорит ему, потому что губы Фирр двигались. Но она вдруг притянула его к себе и обняла.

Потом Фирр поцеловала его. Это было абсолютно реально. Самый настоящий поцелуй. Талискер пытался вырваться, отстраниться. Ее губы были похожи на ледяной цветок. Мертвое дыхание сродни яду. То был поцелуй вампира, высасывающий тепло и жизнь из вен. Где-то глубоко в подсознании Талискер помнил, что сейчас он спокойно сидит на скале, скрестив ноги, и Фирр не может его убить. Но отяжелевшие конечности и безвольное тело утверждали обратное. Он чувствовал, как тело наливается свинцом, ноги едва передвигаются, и закрыл глаза, чтобы не видеть призрачную белизну ее лица... он терял сознание...

— Талискер?

Он приоткрыл глаза. Сквозь ресницы ему на мгновение показалось, что он видит звезды в ночном небе, но потом Дункан почувствовал толчок. Это было похоже на пробуждение от сна, в котором он летал. Закончилось ли все? Талискер ожидал увидеть Эскариуса. Он открыл глаза.

Рядом стояла Фирр. Она окончательно освободилась от своих пут и сейчас выглядела как обычно. Очень красивая женщина, но сильно испуганная. На богине был легкий металлический нагрудник, памятный ему. Такая же черная накидка. Может, и меч, которым она его чуть не убила, тоже с ней?

— Спасибо, — улыбнулась ему Фирр, лицо ее смягчилось и стало еще более привлекательным. — Твоя душа всегда была особенной, путешественник между мирами. Я воспользовалась твоей силой, чтобы освободиться от пут, а теперь мне нужны твои знания, чтобы отправиться в мир Эдинбург. Это, конечно, легче для нашего порочного сына, чем для меня, ведь он наполовину смертный.

— Это не мир... — пробормотал Талискер. — Эдинбург...

Он сел. Эскариус молча наблюдал за происходящим.

— Мне нужно идти, — мягко сказала Фирр. — Я должна уничтожить Джала. Он вырос слишком властным и тщеславным, похожим на Корвуса. — Она кивнула в сторону волка. — Как оказалось, мои первые побуждения были верными. Я собиралась отправить его на воспитание к волкам, как только он родился...

Тогда он, наверное, вырос бы другим человеком, подумал Эскариус.

Он издал низкое рычание, раздраженный ее намеком, но Фирр предпочла проигнорировать недовольство сида. Она повернулась, как будто собираясь уходить.

— Подожди, Фирр, пожалуйста... Ты знаешь, где он?

— Конечно. Он в твоем родном мире, Талискер. И в данный момент единственный, кто ему противостоит, — это твоя дочь Риган.

— Что?! — Талискер был в ужасе, но как только Фирр сказала это, все встало на свои места. Скоор, находившийся в Эдинбурге и охраняющий Тристана. Только Джал мог послать его туда... — Но как Риган ввязалась в это дело?

— Думаю, ей помог сеаннах. Талискер... — Черты Фирр немного смягчились. — Мне кажется, тебе следует знать это. Возможно, мне придется использовать Риган, чтобы справиться с Джалом...

— Использовать? Что ты имеешь в виду под словом «использовать»?

— Ее тело. У меня нет теперь физического тела, по крайней мере в твоем мире. Мой дух ослаблен вмешательством Джала. В другом мире я буду просто тенью. — Фирр прищурила глаза и внимательно наблюдала за реакцией Талискера. Ее правая рука

была скрыта под накидкой, где, без всякого сомнения, богиня прятала оружие. — Риган может не пережить мое вторжение, Талискер. Но если я не справлюсь, тысячи людей в Сутре и твоем мире умрут. Думаю, уже многие погибли и в Сутре, и на твоей родине, потому что Джал развязал путы у драконов с помощью своей неумелой магии. — Она вздохнула. — Джал всегда был очень нетерпеливым учеником.

Талискер больше не слушал ее, он напряженно думал.

— Подожди. Ты просишь меня позволить тебе использовать и погубить мою дочь, чтобы уничтожить твоего сына?

— Нет. Я использую твою дочь, чтобы убить нашего сына, — ответила богиня спокойно. — И я вовсе не спрашиваю у тебя разрешения, а просто думаю, что ты имеешь право знать. Возможно, она умрет. Джал заключил ее в ловушку.

— О! — Его голос прервался, в глазах появились слезы. — Ты считаешь, что от этого мне станет легче?

— Правда в том, Талискер, что ее смерть мало кого опечалит. И Джал, и она с самого рождения оказались с червоточинкой. Ее испортил Корвус, а Джала... я.

Талискер знал, что это правда, но сердце протестовало против смерти дочери.

— Меня это опечалит. Я так надеялся, что она будет в безопасности в этом мире. Я...

— Я знаю. — В тоне Фирр не было слышно жалости, но она понимала Талискера. — Я должна идти. Вот возьми. — Она что-то бросила ему, и это что-то упало в его ладонь, холодное и тяжелое, как серебряный слиток. — Дай мне пять минут, — сказала она твердо. — Драконов вы найдете впереди. Каждое существо, которого держат в преддверии ада, присутствует и здесь. Брось это между ними, ты поймешь когда... Прощай, Дункан Талискер.

Их взгляды на секунду встретились. Они хорошо поняли друг друга. А потом все было кончено. Фирр повернулась и пошла.

— Нет, подожди! — Талискер не был уверен, что не плачет, сейчас ему не было стыдно показать себя слабым. Богиня бежала впереди, темная накидка и светлое лицо мелькали перед ним. Но скоро звук ее легких шагов начал затихать. — Подожди! — закричал Талискер. — Она умрет... она умрет в следующие пять минут? Ты это хотела сказать? Подожди, Фирр...

Талискер бежал быстро, он слышал свое прерывистое дыхание и хриплые звуки, которые издавало пересохшее горло. Фирр бежала очень легко, но ему все-таки удалось сократить расстояние. Когда Талискер настиг ее, он протянул руку и схватил развевающуюся полу накидки, вынудив богиню остановиться. Фирр повернулась, в руке у нее был кинжал, который она направила в его горло.

— Отпусти меня, Талискер! — скомандовала богиня.

На мгновение он растерялся, не зная, что ответить.

— Я не могу, — прошептал он.

Она тяжело вздохнула, и когда Дункан подумал, что Фирр что-нибудь сейчас ответит, ее не стало.

В пещере все было очень плохо.

Как только кровь Нокса-Даниэля попала в трещины алтаря, Джал с триумфальным криком отбросил нож в сторону. Человеческая кровь попала ему на грудь и на лицо, но он не делал попыток вытереть ее. Безжизненное тело Нокса-Даниэля сначала билось в конвульсиях, а потом соскользнуло с камня на пол. Джал стоял перед призрачным богом, вытянув в мольбе руки. Раздался оглушающий грохот, пещеру стало сильно трясти. Сталактиты падали и разбивались на куски. Оставшихся в живых двух скооров и тела остальных бросало из стороны в сторону, будто суденышки в море в сильный шторм. Только Риган, которая была надежно приморожена к полу, и сам Джал оставались неподвижными. Риган знала, что она кричала бы, если б могла, но Джала нисколько не волновали побочные эффекты его колдовства.

Судя по всему, заклинание сработало. Призрачный бог спустился вниз и крепко взял Джала за плечи. С того места, где Риган стояла, ей не было видно выражение лица Джала, но казалось, что с ним происходит какая-то трансформация. Лицо бога стало меняться. Если сначала оно было невыразительной маской, то постепенно на нем появилось знакомое выражение Джала, его взгляд. В то время как вокруг падали сталактиты, мир сотрясался и стонал, Джал становился Богом. Он вскрикнул, когда перемещался в тело, созданное им. Потом от совместившихся тел разлился яркий свет, через скалы проникший наружу, свидетелями чего стали онемевшие от ужаса люди в парке. Тряска через минуту прекратилась, но Джал и бог уже были неразделимы. Их окутала волна яркого света, потом еще одна, прежде чем процесс был закончен. И теперь Риган была первой, кто увидел нового Джала.

Бога Джала.

В круге света он стал расти. Сейчас его рост достигал уже, наверное, двадцати футов, но он продолжал увеличиваться. Кроме того, Джал рос и в ширину. Риган слышала его громовой смех, когда голова и плечи исчезли из виду в потолке пещеры. Она понимала, что это вряд ли причинит Джалу вред. В пещере наступила тишина, так как загадочное изображение новоявленного бога все больше увеличивалось в размерах, и теперь осталась видна только его правая нога до колена и ступня.

Внезапно Риган почувствовала, что к ней вернулись ощущения.

Она снова могла двигаться и, не задумываясь, стала искать оружие. На минуту девушка остановилась, выбирая писто-

лет или меч. Оставшийся скоор не атаковал ее, ожидая инструкций от своего хозяина, который был слишком занят собой, чтобы вспоминать о них.

Наклонившись, чтобы поднять меч, Риган обратила внимание на что-то, переливающееся разными цветами. За алтарем, на полу, лежала ветка, отбрасывавшая на стену тонкую тень. Она пульсировала интенсивным розовым светом. Риган наклонилась и подняла ее. В этот же момент из ветки вырвался луч и ударил в девушку. Риган закричала от боли.

На территории парка царило смятение. Джал возвышался над горой. Массивная фигура из зеленого света, размеры злобного лица теперь достигали нескольких метров в диаметре. Через несколько минут Джал немного успокоился и решил принять менее угрожающую форму. Тем не менее он воздел огромные кулаки к небу, выражая свою радость, и захохотал, давая выход энергии, переполнявшей его. Люди бросились бежать, началась паника. Они бежали, не обращая внимания на упавших, топтали их, сносили палатки. Те, кому удавалось подняться, через некоторое время опять были сбиты с ног обезумевшей от страха толпой. На расстоянии мили черты лица Джала невозможно было рассмотреть. Он выглядел как массивная колонна зеленого света или газа, вырвавшегося из горы.

Человек, который не присутствовал на этом шоу, вряд ли смог бы поверить в происходящее. Сандро и Беа оставались на месте, наблюдая за спектаклем с трепетом и смирением.

— Подождите! Не бойтесь! — призывал молодой проповедник. Но его голос тонул в гуле всеобщей истерии.

— Не бойся. Мы должны победить его.

— Да.

Девушка знала это. Она понимала дух матери Джала и не сомневалась, что ее сын должен умереть. Риган начала расти так же, как и он, чувствуя необыкновенный восторг от того, как ее наполняет сила. Достигнув потолка пещеры, она рассмеялась от радости, когда ее полупрозрачные руки прошли сквозь скалу. Риган почему-то была уверена, что где-то там, внизу, на полу пещеры лежит ее тело, бесполезное, никому не нужное. Но ее сейчас это не волновало. Она открыла рот и издала звук между криком и вздохом:

— Джа-а-ал!

Он повернулся и увидел ее, сияющую, прекрасную, мстительную.

Дух Фирр и Риган сейчас были неразделимы — одно тело, один разум. Мысль о том, что Джал бессовестный, непослушный мальчишка, показалась Риган настолько диковинной, что она откинула назад голову и захохотала. Смех эхом пронесся по

парку, словно раскат грома. Риган собиралась сейчас убить его, а Джал даже не догадывался об этом. Для Джала изображение было его матерью. Он улыбнулся.

Ты должна сделать так, чтобы он узнал меня, подумала Риган.

Фирр понимала жажду возмездия Риган, и ей показалось, что это самое меньшее, чем она может в последний раз вознаградить грешную дочь Дункана Талискера. Изображение мигнуло и стало меняться, и через секунду Джал с изумлением увидел Риган. Его лицо выражало полное замешательство. Но ненадолго.

Риган посмотрела вниз и увидела в своих руках меч. Сначала он увеличивался в размерах вместе с ней, а потом вдруг по какой-то причине перестал расти и сейчас выглядел не больше кинжала. Надпись на нем переехала куда-то вбок и стала почти незаметной. Риган бросилась вперед и вонзила кинжал прямо в сердце Джала в тот момент, когда он протянул руку, чтобы схватить ее за горло.

— Риган?..

Джал исчез, зеленый свет растаял, словно облако. Последнее, что она увидела, это выражение крайнего изумления на его лице. Риган решила, что месть — стоящее дело...

...Она повернулась и посмотрела вниз на мигающие огни и небольшие костры в парке. Большинство людей ушло, но несколько человек остались, глядя на представление с благоговением и страхом. Огни и сирены ночного города притягивали Риган, как драгоценный камень. Она протянула к городу руку. На этой земле определенно необходимы боги. Риган решила, что даст им это. Заставит понять людей, что она их спасительница, и будет могущественной и ужасной. Она будет править без Джала и станет больше, чем он, она станет справедливостью и законом... Она будет...

— *Нет!* — Слово прозвучало как крик в душе, вспыхнув внутри, словно огонь в груди. — *Нет!* — И когда Риган заметалась от внезапного страха, внутри нее раздался голос, на этот раз гораздо более мягкий. — *Мне очень жаль, Риган.*

И все, потом не было больше ничего, кроме огня в груди и страшной боли.

Талискер не был уверен, следует ли ему опять забираться на спину Эскариуса, но они мчались по «пустоте» так, будто за ними гналась тысяча демонов. В нескончаемой темноте трудно было определить, насколько быстро они передвигаются, но ощущение скорости было очевидным. Талискер чувствовал, что все еще плачет, момент глубокой скорби, возможно, наступит позже, но сейчас безмолвные холодные слезы текли по его лицу.

Дункан посмотрел вниз на серебряный слиток, который дала ему Фирр. Он был небольшим и точно умещался в его ладони, будто был отлит специально для нее. Простой кусок се-

ребра... Талискер вспомнил жалобы Мориаса на то, что люди вечно ждут при применении магии каких-то внешних эффектов, обязательно должен грохотать гром или сверкать молния. На лице его появилась грустная улыбка. Дункан взглянул вперед и почувствовал, что в темноте что-то изменилось, а когда опять опустил глаза, то увидел, что слиток тоже меняется, двигается в его ладони, подобно жидкости.

— Скорее, Эскариус! — закричал он. — У нас мало времени...

Волк не ответил, но Талискер почувствовал, что тот ускорил шаг. Биение сердца сида-волка, казалось, отдавалось в ушах Талискера и заставляло его сердце биться в унисон. Там, впереди, что-то было. Стало жарко...

— Как я узнаю? — нервничал он. — Как я узнаю, когда надо бросать слиток?

— *Я не знаю, Дункан Талискер.*

Дорога, по которой они бежали, вдруг стала неровной. Эскариус спотыкался, сбивался с ритма, но потом опять восстанавливал его. Рельеф местности полностью изменился. Кроме того, поверхность стала качаться под ногами. Создавалось впечатление, что Талискер и Эскариус находятся на палубе какого-то судна в штормовом море и их бросает из стороны в сторону. Жар усилился.

— Что происходит?

— *Земля движется... Она живая...*

— Что?!

Вдруг появился луч света. Длинный серебристый луч, излучаемый предметом, который Фирр дала Талискеру. Слиток стал гораздо больше и сейчас едва умещался в обеих руках. Талискер уставился на него, словно загипнотизированный пульсирующим серебряным светом. Это было похоже... похоже на серебряное сердце.

— *Дункан Талискер!*

Голос Эскариуса был низким и напряженным. Талискер поднял голову.

— О господи!

ГЛАВА 19

Они находились в бесконечном пространстве, заполненном шевелящимися, переплетенными в борьбе друг с другом драконами. Серебряный свет от слитка упал вниз, и стало видно, что их окружает. Оказывается, они передвигались по спинам чудовищ, не сознавая этого, а теперь стояли на твердой поверхности. Драконы были такими огромными, что их спины образо-

вывали обширную двигающуюся поверхность, постоянно меняющуюся по мере того, как чудовища переползали друг через друга с медленным, тектоническим величием. Низкий, действующий на подсознание монотонный звук сопровождал этот процесс, а когда приходили в соприкосновение пламя и лед, с громким шипением изрыгались столбы пара. За пределами кольца света Талискер смог наконец различить морду ледяного дракона Хеммека. Огромные светящиеся пещеры льда с холодной медлительностью двигались по красной поверхности хвоста Кивика.

— Куда? — прошептал Талискер. — Куда я должен бросить это?

Эхо от его голоса разнеслось в пространстве, будто он находился в горах. Предмет в руках Дункана принял форму шара и продолжал расти, словно приближение контакта с драконами усиливало его рост. Свет становился таким ярким, что его уже трудно было переносить, и Талискер поднял шар над головой так, чтобы он и Эскариус оказались под ним.

— Скоро ты должен будешь бросить его, Дункан Талискер. Я думаю, они пришли за ним.

— Что ты имеешь в виду? О нет!

Это было правдой. Драконов привлек свет, исходящий из шара. Участок твердой поверхности уменьшился, так как массивные чудовища стали двигаться внутрь. Жар пламени и ледяное дыхание приближались...

Риган знала, что умирает. Они обе это знали. Боль рвала на части ее тело, теперь совсем слабое, человеческое. Она плакала от боли и печали.

— Прости меня. — Около девушки на несколько секунд появилась Фирр. В ней сейчас не было ничего от богини. — Спасибо. Твой отец будет гордиться тобой, Риган.

Фирр протянула руку и дотронулась до щеки девушки. В этот момент она наконец смогла уйти так, как хотела. На прощание богиня Фирр забрала боль Риган с собой.

— Спасибо, — прошептала Риган.

— Бросай его сейчас!

— Фирр сказала, что я пойму, когда надо бросать.

— Но они...

Огромная молния прорезала темноту и ушла в шар, потом стала распространяться кругами вокруг них. Талискеру она не причинила вреда, но он почувствовал странный запах, напоминавший озон. Свет, исходивший из шара, стал темно-красным, будто внутри у него была человеческая кровь, превращавшаяся на выходе в чистый свет. Звук, сопровождавший этот процесс, и свет были настолько сильными, что Талискер вдруг обнаружил, что кричит, но энергия его голоса поглощалась шаром.

— *Сейчас! Сейчас!* — тоже кричал Эскариус.

Талискер бросил шар в приближающуюся горящую яму, которая была глазом Кивика. Не дожидаясь результата, даже не проследив за полетом шара, человек и волк побежали прочь. Но им было некуда бежать. Кольцо из тел драконов сужалось, а они оказались зажатыми внутри него.

Потом раздался взрыв. Талискер обнаружил, что свалился со спины Эскариуса, сбитый взрывной волной. Перед его глазами смешались всплески красного света, молнии, языки горящего пламени. Наконец звуки, чувства, всё... всё прекратилось. Наступила спасительная, безмолвная темнота.

Утро. Территория парка покрыта обломками и поваленными деревьями, будто после урагана или, возможно, очень большого рок-концерта. Выпало немного снега, и люди бродили вокруг парка как в дурмане, возбужденными голосами обсуждая события минувшей ночи. Службы спасения оказывали первую помощь прямо на улице и раздавали горячий чай. Первое время никому не разрешалось возвращаться в парк, чтобы забрать свои пожитки. Городские службы огородили его после сообщений о том, что в горах произошел сильный выброс газа. Сандро и Беа сидели на поваленном дереве, завернувшись в одеяла, которые кто-то им дал, и пили чай, вкуснее которого не пробовали в жизни.

Беа оглянулась на горы покрасневшими от усталости глазами.

— Не верится, что это произошло со мной, — пробормотала она.

— Что?

— Да нет. Ничего. — Она кивнула в сторону Детей Всемирного Потопа. — Они, думаю, смогут всем этим хорошо воспользоваться.

— Да, но не могу сказать, что они не заработали небольшого отдыха, — пожал плечами Сандро.

— А я не могу поверить, что жива и дышу.

— Алессандро Чаплин!

Они подняли глаза и увидели Стирлинга, на лице его было выражение радостного удивления.

— Стирлинг. — Сандро вяло кивнул ему. — Рад вас видеть.

У того оказалось побольше энергии. Он с такой силой хлопнул Сандро по спине, что у того из чашки выплеснулся чай.

— Алессандро Чаплин... — не уставал он повторять. — Не могу поверить...

Через несколько минут Стирлинг наконец успокоился и уставился на Сандро.

— Где тебя, черт возьми, носило все это время? Люди так о тебе беспокоились и переживали после того пожара. А вот она заболела из-за переживаний...

— Сэр...

— Это правда, Беатрис.

Для Сандро пожар в подвале, в котором сгорело тело Финна Уиллиса, произошел двадцать пять лет назад. Он почти забыл о нем.

— Простите, сэр. У меня случилась амнезия, я ничего не помнил. Когда восстановилась память, я оказался на Сицилии и вернулся буквально только что. Кстати, в понедельник собирался прийти к вам.

— Буду очень рад. — Стирлинг опять хлопнул его по спине. Потом усмехнулся. — Я так думаю, ты захочешь вернуться на свою работу? Это будет нелегко, Сандро...

— Нет, сэр.

— Но все равно приходи, поговорим.

— Я имею в виду, что не хочу возвращаться на свою работу, сэр.

— Правда? — Стирлинг выглядел разочарованным, но глубокомысленно кивнул и сказал: — Всему свое время, Сандро. Ты все-таки зайди ко мне.

— Спасибо, сэр.

Стирлинг отправился назад к группе офицеров, которые занимались последствиями ночных событий. Отойдя на несколько футов, он повернулся к ним.

— Не очень-то ты загорел...

— Что? — нахмурился Сандро.

— На Сицилии.

Стирлинг с отсутствующим видом махнул рукой и пошел дальше. Беа, которая сидела, прижавшись к плечу Сандро, хихикнула.

Сандро ухмыльнулся сердито и потер рукой подбородок.

— Черт! Этот парень всегда начеку. Пошли домой, Беа.

Они встали, все еще дрожа от холода. Сандро оглянулся на скалы.

— Она там, Беа. Ее тело...

Беа сжала его руку, но ничего не сказала.

Сандро и Беа проходили как раз мимо упавшей стены Холируд-Палас, когда увидели Стремящегося Летать. Высокий юноша тоже был завернут в одеяло и быстрым шагом шел от парка. Он дрожал от холода, очки залепил снег, который теперь шел еще сильнее.

— С тобой все в порядке? — окликнул его Сандро.

Они не разговаривали с тех пор, как вместе выбежали из пещеры.

Стремящийся Летать поправил занесенные снегом очки и, близоруко моргая, долго вглядывался в Сандро, пока не узнал его.

— Привет.

Он улыбнулся и смущенно кивнул им.

— Ты решил не идти с остальными? После нынешней ночи у вас, кажется, прибавилось последователей.

Проигнорировав вопрос Сандро, Стремящийся Летать выпалил:

— Ты видел, правда?

— Да, я...

— Это был Нокс. А они говорят, что это был Даниэль. Что он пришел с небес, чтобы спасти их. Но ведь это неправда. Неправда...

Юноша выглядел очень расстроенным. В добрых карих глазах блестели слезы, подбородок дрожал.

— Разве это имеет значение? — мягко спросил Сандро.

Он подошел к юноше поближе и похлопал его по спине, невольно повторяя ободряющий жест Стирлинга. Стремящийся Летать упрямо кивнул.

— Я все в-время д-думал, что он п-плохой. Мне казалось, ч-что он н-на самом д-деле не верил в Вознесение. И п-потом, это он убил Даниэля.

— Кого?

— Нашего настоящего лидера. П-про которого они д-думают...

— Да?

— Нокс убил его. Я нашел т-тело в п-подвале под комнатой д-для собраний. Поэтому в пещере н-никак не могло б-быть Даниэля... Бог не п-призывал к себе его, к-как сказал Нокс. Но сейчас м-мне кажется, что я неправильно о нем с-судил. В пещере был он.

Сандро кивнул:

— Да, я знаю. Но ты не должен себя винить... как тебя зовут?

— Г-гордон.

— Нокс принимал свои собственные решения, Гордон. И даже если человек совершает плохие поступки, это вовсе не значит, что он не способен на хорошие дела... — Сандро опять посмотрел на линию гор, чьи очертания смягчил падающий снег. — Это не значит, что они потерянные люди для...

— Для Бога? — спросил Гордон.

Сандро встряхнулся, сообразив, что сам готов расплакаться, что горюет по Риган. Как страшно, что здесь ее больше никто не знает.

— Да. Так ты вернешься назад?

Он кивнул в сторону, где стояли Дети.

— Н-нет, — ответил Гордон. — У них с-свое мнение. П-пусть они его п-придерживаются. А у меня свое. И меня никто не п-переубедит.

Он улыбнулся дрожащей улыбкой.

— Тогда всего хорошего.

Они обменялись рукопожатиями, и Гордон пошел к новым зданиям Парламента, свесившимся концом одеяла заметая за собой следы на свежевыпавшем снегу.

— Мы можем идти домой, Сандро?

— Да. Скажи-ка мне вот что, Беа. Не хочешь воспользоваться транспортом?

Беа посмотрела в том направлении, куда показывал Сандро, и рассмеялась. Лошадь, которую спасла Риган, беззаботно щипала траву на окраине парка.

— Надеюсь, ты шутишь? Мне никогда раньше не приходилось ездить верхом.

— Что ж, мадам, в таком случае самое время начать.

В другом мире Талискер не был уверен, что готов к путешествию, в которое отправлялся. Шаманы сидов немало потрудились над его ранами. Взрыв в «пустоте» вызвал такие серьезные ожоги, что они перешли на физическое тело Дункана и покрывали всю спину. Эскариус тоже пострадал от ожогов, но оба выжили. Кроме того, они не относились к тем людям, которые перекладывают свои страдания на других. Клан волков так гордился Эскариусом...

— *Для чего нам делать такой круг? Разве мы не можем сразу отправиться в Сулис Мор?* — угрюмо подумал Талискер.

— *Тан Тристан попросил меня доставить тебя именно этим путем. Он хочет, чтобы ты увидел...* — ответил Текумсех.

— *Что увидел?*

— *Посмотри туда. Что ты там видишь?*

Текумсех снизился и сделал круг, прорезав крыльями холодный туман облака.

— Что? Ор Койл, конечно. О боже!

Ор Койл возрождался. Далеко внизу под ними широкие пространства черной почвы, местами покрытой снегом, прерывались свежей, нежной зеленью молодых саженцев, пробившихся сквозь землю. Жар пламени и холод льда сослужили хорошую службу в чудесном возрождении сердца Сутры, которое вырвал Джал. Теперь оно возвращалось.

— Но некоторые из них такие высокие... Как это получилось? — спросил Талискер. — Ведь это же невозможно. Я имею в виду, что ведь не год же я был без сознания. Неделю, не больше. Так?

— *Конечно, ты прав, Дункан Талискер,* — согласился Текумсех. — *Мудрые люди считают, что Хеммек, белый дракон, не был полностью разрушителем. В конечном итоге он был созидающей силой. Возможно, каким-то образом его смерть ускорила выздоровление земли.*

— Это чудо!

То там, то здесь земля поднималась невысокими зазубренными скалами, так как под чудесным появлением зелени полностью изменилась топография. Хеммек изменил ее навсегда. Но сейчас, глядя на нереально высокие молодые деревца, раскачивающиеся под дуновением легкого ветерка, казалось, что простить дракона будет не так уж трудно. В первый раз с тех пор, как он

очнулся после своего путешествия в «пустоту», Талискер забыл про боль, казалось, дух его парит в небе вместе с орлом. Текумсех почувствовал его воодушевление, и голос огромной птицы эхом разнесся над возрождающимся лесом.

Талискер засмеялся. Отпустив ремень, он поднял руки высоко в воздух и издал вопль удовольствия.

Они добрались до Сулис Мора уже к вечеру. Изменения были особенно видны в долине перед городом-крепостью. И у Талискера, и у Текумсеха сразу испортилось настроение, когда они вспомнили землетрясение, холод и полчища чудовищ, которых Джал выпустил из преисподней. В полумиле от города горели огромные костры, уничтожая последние тела чудовищ. Клубы жирного дыма поднимались высоко в небо. К тому времени, когда к городу подошла армия, чудовища не предприняли никаких попыток защититься, так как без команд Джала были полностью дезориентированы. Кроме того, смерть для них была освобождением от боли и возможностью вернуться в преисподнюю. Они обнаружили только одно существо, способное разговаривать. Оно сидело в комнате Джала в кресле с высокой спинкой. Вид у него был очень странный, во всех отношениях оно совсем не походило на своих собратьев. Когда двери в комнату распахнулись, демон заговорил, а потом исчез до того, как хоть один меч успел до него дотянуться.

— Риган ушла. Грелл ушел, — сказал он.

Воины обыскали все комнаты, но так и не нашли демона.

Южную армию встретили союзные войска леди Уллы из Руаннох Вера. К тому времени когда они пришли на поле боя, силы оказались приблизительно равными. Сражения как такового не было. Просто истребление чудовищ, оставленных хозяином, который видел в них лишь средство для достижения своей цели.

Сейчас город, над которым висел черный дым от костров, пребывал в праздничном настроении. Из многих окон свисали разноцветные флаги, прикрывая черные стены красными, зелеными, голубыми и золотыми полотнищами. Они гордо развевались на ветру.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я отнес тебя в город, Талискер? — спросил Текумсех. *— Для меня это было бы большой честью.*

Талискер, который уже сошел на землю, засмеялся и слегка поклонился принцу.

— Спасибо, Текумсех. Но Сулис Мор и я... как бы это поточнее выразиться. Короче, я должен войти в город на своих ногах. Пожалуйста, скажи Тристану, что я скоро буду.

— Ну что ж, отлично.

Талискер оглянулся и увидел жеребца, ожидавшего его в сторонке. Молодой конюх сидел рядом на небольшом пони и держал в руках поводья. Талискер сразу догадался, что коня

Тристан выбирал сам. Он улыбнулся конюху, который явно нервничал.

— Кажется, конь отличный.

Текумсех без дальнейших комментариев улетел, и Талискер с конюхом отправились в путь. Им надо было преодолеть по долине милю или чуть больше. Когда подъехали ближе, звуки праздника стали громче.

— Столько музыки, как будто у целого города вечеринка, — заметил Талискер. — Как насчет эля сегодня вечером?

— Да, сэр, — с энтузиазмом ответил парень. — Тан Тристан опустошил сегодня все подвалы, сэр.

Они подъехали к воротам. Талискер вынужден был признать, что на этот раз чувствует себя не так плохо. Руки у него не дрожали, хотя сердце в груди все-таки защемило. Атмосфера праздника помогла его нервам успокоиться.

— Дункан Талискер, — представился он охраннику и был слегка удивлен, когда тот вытянулся перед ним по стойке «смирно».

— Да, сэр. Тан Тристан просил, чтобы вы сразу прошли во внутренний замок, сэр. Вам покажут ваши покои.

Талискер нахмурился.

— Я и сам справлюсь, парень, — пробормотал он.

Дункан ехал по улицам по направлению к внутреннему замку; минуя конюшни, он заметил, что на них развеваются флаги всех танов Сутры: леди Уллы, танов Хью и Лэхлена и самого Тристана. На улицах толпились люди, иные из которых были в свое время заморожены Джалом, а сейчас, освобожденные от заклятия и своего мучителя, пытались наверстать упущенное время. На каждом углу играли музыканты, хотя празднование должно было начаться еще через несколько часов. В воздухе витал дух счастья и радости. Талискер услышал восторженные крики и посмотрел в том направлении, откуда они доносились. Вдоль северной стены крепости зажгли костры. На сей раз не погребальные, а праздничные.

Когда они наконец подъехали к замку, Талискер спешился и передал поводья конюху. Сам он, не сообщая о своем приезде, вошел в замок. Коридоры были украшены цветными лентами и цветами, доставленными, похоже, из южных владений по случаю такого события. Из кухни доносился запах жареного мяса.

В замке царила радостная суматоха. На мгновение Талискер почувствовал себя здесь лишним.

— Талискер... Ты приехал?

Из дверей Большого Зала с озабоченным лицом вышел Эскариус. На сиде-волке в его человеческом обличье все еще были видны следы их совместного пребывания в «пустоте». На одной стороне лица ожоги, так же как и на правой руке и плече. Волосы, украшенные перьями и бусинами для праздника, с правой

стороны явственно поредели. Но большинство ран были уже залечены.

— Эскариус, я не знал, что ты будешь здесь.

— Я приехал вчера. Вечером, после повторной коронации Тристана, он будет приветствовать клан сидов-волков. Таны согласились дать нам право свободно перемещаться по всем землям...

— Чудесно, Эскариус. После всего, что натворила Риган, и для сидов, и для Великих это большой прогресс.

Эскариус серьезно кивнул:

— Это только начало, Дункан Талискер. Истинное примирение требует времени.

— Ты прав. А где мой сын?

— Здесь могут быть проблемы. — Сид с обеспокоенным видом оглянулся и слегка понизил голос. — Его никто не может найти. Мы надеемся, что он где-нибудь размышляет над тем, как лучше исполнить свою задачу. Но осталось всего два часа, люди волнуются, — признался он.

— Его кто-нибудь ищет?

— Несколько человек. Мы не хотим тревожить гостей. Им помогает Мориас. Слуги сообщили, что Тристан куда-то ушел под предлогом, что ему надо примерить новую одежду... — Эскариус пожал плечами и печально улыбнулся. — Я уверен, что он вернется. А пока позволь мне проводить тебя в твои комнаты, чтобы ты мог умыться и переодеться. Как только мне что-нибудь станет известно, я сообщу тебе. Обещаю.

Через час Талискер стоял возле окна, одетый в свою лучшую рубашку приятного зеленого цвета и праздничный плед, и смотрел на город, над которым сгущались сумерки. Музыка стала еще громче, а огни засияли еще ярче в наступающей темноте. Позже, наверное, пойдет снег. А сейчас ветер разносил волны радостного нетерпения и ожидания. Никто пока не знал, что их тан пропал.

Время бежало быстро, и когда Талискер уже решил, что ему следует самому идти на поиски Тристана, в дверь раздался негромкий стук. Он повернулся в надежде, что Эскариус или кто-нибудь из слуг пришел сообщить, что Тристан нашелся, но то была Грейс, служанка Тристана, которую они спасли. Талискеру было понятно, что она фактически является супругой его сына, держит он это в секрете от двора или нет. Девушка была одета для вечерних событий. На ней было голубое бархатное платье, расшитое блестящими серебряными бусинками. Вряд ли какая-нибудь служанка могла обладать таким платьем.

— Грейс. — Он улыбнулся ей и слегка наклонил голову, не вынося формальностей, положенных при дворе. Девушка поманила его рукой, и в этот момент Талискер вспомнил, что она не может разговаривать. — Что ты хочешь?

Девушка повернулась и стала спускаться по лестнице, время от времени оглядываясь назад, чтобы убедиться, что он следует за ней. Талискер подхватил со стула свою накидку и без лишних разговоров поспешил за Грейс.

Он почувствовал беспокойство, когда они миновали главный замок и пошли к северной стене. Зачем Тристану было идти сюда? Талискер схватил девушку за руку и сердито спросил:

— Что происходит, Грейс? — Она испугалась и выдернула руку. — Прости, — извинился он. — Я не хотел тебя пугать. Ты знаешь, где он?

Девушка нетерпеливо кивнула и жестами стала показывать ему, что надо идти дальше. В конце концов они подошли к маленькой лестнице всего из четырех ступенек, которая вела вниз, к коричневой двери в крепостной стене. Грейс без колебаний спустилась и толкнула дверь. Потом остановилась и приглашающим жестом позвала Талискера за собой. Он думал, что девушка пойдет впереди, но Грейс пропустила его. Наклонив голову, чтобы не задеть притолоку, Талискер осторожно переступил порог.

Это был небольшой лесок. В полумраке сумерек черные птицы на деревьях хриплыми голосами пели свою вечернюю песню. Кто-то зажег бумажные фонарики и повесил их на нижние ветки деревьев. Дункан пошел вдоль линии фонариков, заметив, что в траве протоптано что-то вроде тропинки. Впереди себя Талискер вдруг заметил одинокую фигуру, сидевшую на обломке дерева, прижав колени к подбородку.

— Трис?

Это был на самом деле его сын, одетый в металлический нагрудник, искусно украшенный филигранной резьбой, и плед правителя. На боку у него висел громоздкий боевой меч.

Тан плакал.

— Что случилось, Трис? Почему ты здесь? Все очень беспокоятся о тебе...

Трис обреченно махнул рукой.

— Они могут подождать, правда ведь? — пробормотал он. Потом засмеялся дрожащим смехом. — Посмотри на меня, отец. Тебе приходилось когда-нибудь видеть фигуру, меньше подходящую для правителя, чем моя?

— Это ведь только на один вечер, Трис. Я понимаю, что ты себя неудобно чувствуешь, но после всех формальностей можно будет сразу переодеться в твою обычную одежду. Ты из-за этого плачешь?

— Нет. — Тристан уныло покачал головой, потом опять сел на дерево. — Она любила приходить сюда. Это было ее место. Когда мы в первый раз нашли его, я ее поддразнивал. Говорил, что деревья выросли такими сильными и большими на том мес-

те, где раньше ничего не росло, потому что земля пропитана кровью воинов, которые здесь погибли... — Голос Тристана дрогнул; юноша вспомнил, что его отец был ветераном этой битвы. — Прости меня, отец...

— Все в порядке, Тристан. — Талискер сел рядом с сыном и стал рассеянно смотреть на деревья, казавшиеся в темноте двигающимися тенями. — Возможно, ты прав. И что она ответила?

— Она не обратила на мои слова внимания и все равно любила приходить сюда. Сестра не позволяла отговаривать себя от чего-то. Посмотри. — Он показал на ближайший ствол дерева. — Риган вырезала на нем свое имя.

— Она умерла, Тристан.

Талискер произнес эти слова насколько возможно мягко. Медленно, понимая, что время подгоняет его, Дункан рассказал сыну о том, что сделала богиня Фирр. Тристан долго молчал, не находя в себе сил заговорить.

В конце концов он проговорил:

— Ты помнишь, я обещал, что ни один сеаннах не станет рассказывать о Риган легенд? Я и сейчас этого не хочу. В Сутре вряд ли кто-нибудь вспомнит о ней с любовью и благодарностью...

— Но это ведь не значит, что мы с тобой не можем этого делать? — возразил Талискер. — В конце своей жизни она поступила правильно...

— Хотя это уже не вернет погибших...

— Нет. Но мы будем помнить ее, — у Талискера перехватило горло, и голос дрогнул, — как мою дочь...

— И как мою сестру, — закончил Тристан.

— Да.

Они несколько минут посидели в тишине, глядя на дерево Риган. Раздалось громкое пение. Сиды и Великие праздновали восстановление законного правителя, оставив недавние слезы истории. Звук был чистый и высокий.

— Нам надо идти, — одернул себя Талискер. — Тебя ждут и волнуются...

Тристан неохотно встал, и они пошли по тропинке.

— Трис? — окликнул его Талискер.

— Что?

— Я знаю, что ты любил Риган, но тебе не нужна ее помощь. Ты будешь великим правителем. И ты... всегда мог им быть...

— Спасибо, отец.

Они бок о бок вернулись в город, где звук поющих голосов поднимался высоко в небо.

ЭПИЛОГ

Нима, наплакавшись, уснула. Она больше не хочет быть сеаннахом, решила девушка. Когда Мориас вернется в долину, она сообщит ему, что передумала...

В доме было совсем темно, когда Нима проснулась. Ее разбудил какой-то шорох. Она села в кровати, затаив дыхание и прислушиваясь к звукам. Через некоторое время девушка встала и тихонько, на цыпочках, пошла в гостиную. Огонь в очаге давно погас. В комнате было темно и тихо, но когда Нима увидела фигуру, сидевшую в большом мягком кресле, у нее не осталось сомнений.

— Учитель. Вы вернулись.

— Да, девочка. — У него был усталый, но довольный голос. — Ты хочешь мне что-то сказать?

— Да. — Нима, не зажигая лампы, села на стул напротив, подогнув под себя колени и завернув ноги в подол ночной рубашки. — Я не думаю, что смогу стать сеаннахом, Мориас, — сказала она серьезно.

— Но почему, Нима? Ведь твои соплеменники выбрали именно тебя.

— Знаю. Но это так... печально. Ведь все эти истории — не просто слова, верно? Все эти события происходили с людьми.

— Конечно. Ты в мое отсутствие смотрела в воду? Считаешь, Тристан не заслужил своего счастья?

— Конечно, заслужил. Но Риган... и тот странный человек...

— Нокс?

— Да. Они совершали плохие поступки, учитель. Плохие и жестокие.

— Но?

— Откуда вы знаете, что будет «но»?

— А разве нет?

— Да. Но они были...

Девушка пожала плечами. Из-за молодости и неопытности ей приходилось подыскивать нужные слова, чтобы описать свои чувства.

— Одинокие? Никем не любимые? Ни одна из этих причин не является оправданием, Нима.

— Нет. — Она упала духом на мгновение. — Но они ведь совершили в конце своей жизни и хорошие поступки, учитель. Сделали что-то правильное, полезное. Разве можно этого не учитывать? Я не могу их ненавидеть.

— Рад это слышать, детка. Может, ты хотела сказать, что они заслуживают возможности искупления вины, чтобы им дали еще один шанс?

Она улыбнулась. Первые лучи рассвета проникли под ставни, и какая-то птичка запела свою утреннюю песню, устроившись на вязе под окном.

— Да, возможно...

Мориас вздохнул:

— Ты так молода, Нима. А в молодости люди легко прощают. Наверное, мы должны извлечь что-то полезное из этой истории. Загляни-ка в мою сумку. Я там кое-что для тебя приготовил. Принеси ее сюда.

Нима принесла его сумку с полки около двери, сомневаясь, что это может быть что-то интересное, потому что сумка казалась совсем пустой. Она отдала ее Мориасу. Тот развязал кожаный ремень, и Нима ахнула.

Небольшая комната озарилась сияющим белым светом.

— Вот возьми.

Мориас положил ей в ладонь два сияющих шарика. В них было что-то волнующее, живое.

— Что это такое, учитель? — спросила она, едва дыша.

— Это духи Нокса и Риган. Я забрал их для тебя. Ты и будешь решать их судьбу. На восходе солнца я могу позволить им уйти или раздавить каблуком своего башмака, — закончил он жестко. — Что скажешь теперь? Решение за тобой.

Нима задохнулась от волнения. Она уставилась на шарики, вспоминая все события, свидетелем которых ей пришлось стать.

— Я не могу... решить, — пробормотала она наконец.

— Ты должна, — настаивал Мориас. — И очень скоро. Что тебе подсказывает сердце, Нима?

Она долго молчала, но когда опять запела птица, девушка словно вышла из транса. Она подошла к окну и открыла ставни.

— Я могу...

Мориас кивнул, и Нима высунула руку в окно, не разжимая пальцы. Потом медленно сделала это. Словно бабочки шарики задрожали на свежем утреннем ветерке, а потом со-

скользнули с ее ладони и плавно полетели прочь, поднимаясь все выше и выше, словно пыльца с цветка, танцующая в лучах солнца. Потом, будто почувствовав что-то, набрали скорость и помчались на восток к восходящему солнцу нового дня.

Нима не отрывала от них взгляда, пока шарики не исчезли из виду, тогда, застенчиво улыбаясь, она повернулась к Мориасу.

— Это был фокус, учитель? Вы меня проверяли?

Мориас ласково рассмеялся над ее сомнениями.

— Разве я мог бы так с тобой поступить, Нима? Просто Земля выбрала своего нового сеаннаха.

Певец Преданий

Памяти Хуаны и Рози — где бы вы ни были,
вы навсегда останетесь в наших сердцах

ПРОЛОГ

Он был высоким и голубоглазым, как феины из южных земель, — Дункан Талискер, коего сиды нарекли Странником между Мирами. Вслед за ним пришел сеаннах, именуемый Алессандро Чаплин. Они сражались за правое дело и поселили надежду в сердцах людей, охваченных страхом и порабощенных Тьмой.

Черной волной катились кораннидыпо землям Сутры. Как тати в ночи, они пробирались в наши святыни, убивая всех смертных, кто встречался им на пути, так что мертвые тела заполонили лес Ор Койл. Черные тени, способные проникнуть в тела своих жертв и разорвать их на части изнутри.

То были суровые времена, когда даже боги покинули феинов, лишив их своего благоволения. Корвус, Король-Ворон, призвал из глубин ада армию демонов, и его черная злоба довлела над Сутрой, едва не разрушив самые основы мира.

Далее легенда повествует о том, что на стороне Талискера сражался некий его друг или союзник, который в ходе сражения якобы сделался вторым воплощением сущности героя и оказал ему помощь в битве. Большинство исследователей склоняется к мысли, что это «воплощение» — тень самого Талискера, отделившаяся от него на время боя и ставшая своего рода телохранителем героя. До сих пор остается неразрешенным вопрос, откуда явилась эта неожиданная помощь, но ни феины, ни сиды не подвергают сомнению тот факт, что именно Талискер и его сподвижники спасли Сутру от черных орд Корвуса. И также именно Талискер помешал небезызвестному Джалу стать темным богом и разрушить основы нашего мира.

Никому доподлинно не известно, куда исчез Талискер после того, как в Сутре воцарился мир. И впрямь: куда уходят герои, когда в них больше нет нужды?.. Возможно, Талискер мирно состарился и окончил свои дни, а может быть — он до сих пор странствует по мирам, сражаясь со злом и несправедливостью... Нам

не дано это знать. Среди феинов бытует легенда, что, если Сутра вновь подвергнется опасности, Дункан Талискер и его сподвижники — где бы они ни были — явятся на помощь и спасут наш мир от гибели...

Выдержка из «Преданий и легенд феинов»
Лэхлена «Белого змея» Доналла

ГЛАВА 1

Звезды здесь выглядели так же, как и везде. А собственно, почему бы и нет?

Йиска неотрывно смотрел в ночное небо, но звезды перестали радовать глаз. Они помутнели. Поблекли. Темные тучи, тяжелые от снега, затягивали небо сплошной пеленой. Белые хлопья сыпались из облаков и таяли на щеках. Холодало. Ночь выдалась морозной. Мало-помалу цепенели пальцы. Йиска как можно плотнее обернул плед вокруг плеч и бросил досадливый взгляд в сторону шоссе, где осталась его машина.

«А что, если я не стану этого делать? Никто никогда ни о чем не узнает...»

Крамольная мысль закралась лишь на миг — и тут же исчезла. Как бы он тогда сумел посмотреть в глаза Родни? Солгать ему? Нет. Невозможно...

Йиска и сам не заметил, как начал пританцовывать на месте. Губы его шевелились, невольные слова падали в тишину, будто теплые капли. Ноги тоже двигались словно помимо его желания — казалось, невидимый кукловод дергает за ниточки, вынуждая Йиску исполнять древний танец его предков. Он вращался и притопывал, продавливая снежный наст.

Негоже выполнять ритуал таким образом — неохотно, по необходимости, без души. Йиска бросил взгляд по сторонам, дабы увериться, что он один на этом белом пустом поле. Он запел громче. Голос уплывал, исчезая вдали и будто бы тая среди пушистых снежных хлопьев.

Йиска приступил к ритуалу, и тут же пришла уверенность, что он поступает правильно. Ничего дурного не случится. Пляска Духов — не более чем символ, а дядюшка будет доволен. Он уверится, что тревожащие его тени отступили, — и успокоится. Йиске не придется врать. Он скажет, что выполнил ритуал, и это будет правдой... Вот почему он пел и танцевал на заснеженном поле, в Шотландии, в этот мертвый час ночи...

* * *

...Неожиданно ему стало ясно, отчего люди называют эту фазу ночи «мертвый час». Земля отдает последние остатки тепла, воздух становится неподвижным и ледяным, исчезают все звуки. Пройдет еще немало времени, прежде чем животворящие солнечные лучи коснутся низких склонов гор Чуска на западе. Будет новый день. Будут тепло и свет. Однако сейчас миром властвует тьма, и отдаленные горы кажутся черной иззубренной линией на фоне ночного неба. И лишь равнодушные холодные звезды сияют над головой подобно драгоценным алмазам...

В крошечном поселке было тихо. Лишь кое-где в домах тарахтели переносные генераторы, да вдалеке лаяли койоты.

— Сичей, — позвал он, увидев темный силуэт на фоне неба. Окликая Родни, Майкл использовал ласковое обращение «дедушка» из наречия навахо.

— Что ты делаешь на улице? Замерзнешь. Ты б хоть одеяло прихватил!

— Успокойся, Майк. Я стар. Кровь холодеет...

— Вот именно. Значит, тебе нужно быть в тепле, сичей. А не на морозе. — Он поднялся на холмик, куда взобрался дядюшка, дабы полюбоваться живописным видом. Майкл закурил сигарету. Оранжевая вспышка зажигалки на миг высветила острые, резкие черты лица деда. Глубоко затянувшись, Майкл протянул ему пачку, но Родни резко качнул головой.

— А я-то думал, что в медицинском колледже тебя отучили курить! — фыркнул дед.

Воцарилось молчание. Долгое время оба смотрели во тьму. В пустоте виднелось лишь несколько огоньков. Далеко на северо-западе тусклое оранжевое мерцание у подножия горы отмечало расположение мельницы... Самым же замечательным зрелищем было небо.

— Посмотри, — пробормотал Майкл. — Вон там Флейта... Плеяды...

— Белые называют ее Плугом. Знаешь?

— Да, знаю. Так что ты здесь делаешь, сичей?

Родни вздохнул.

— Мне снились сны, Майк. Очень странные сны. Когда я был моложе, я всегда запоминал свои ночные грезы — как учили старшие. Но с годами все это ушло. Я старик, и то, что мне снится, забывается на рассвете. Однако с недавних пор мои сны изменились...

Родни присел на валун, и Майк устроился рядом с ним.

— Изменились?

— Да. Они похожи на те, что я видел в молодости. Необычайно яркие. Ясные. Живые. Я вижу события, не связанные с нашим народом. И я ломаю голову: зачем же духи посылают мне эти грезы? Я никогда не бывал в Шотландии и нечего не знаю о та-

мошней жизни. Так почему мне снятся битвы, мечи, горские воины? Что это должно означать?

— Ух ты! Надо же! Шотландские воины? — Майк недоверчиво усмехнулся. — Ты и в Европе-то ни разу не бывал. Что ты можешь знать о Шотландии?

Родни пожал плечами.

— Теперь я знаю не так уж и мало. Эти сны не забываются поутру. Они остаются в моей памяти... Представь, тамошние воины сражаются длинными копьями — вроде тех, что используют апачи. Но они бьются не в конном строю. Копейщики дерутся пешими. Интересная тактика. Их войны совсем не похожи на наши.

Майкл покачал головой. Он не мог поверить, что дед увидел все это во сне. Скорей уж — выдумал. С другой стороны...

— Было и еще кое-что, — проговорил Родни. — Я видел, как один из воинов вдруг превратился в огромного орла. Сперва он воевал наряду со всеми, а затем стал птицей и взмыл в облака...

Несомненно, дед был очень взволнован этими снами. Что бы ни думал Майкл, Родни придавал своим ночным видениям большое значение. Майкл принял серьезный вид.

— Послушай, сичей, — тихо проговорил он, — у снов не обязательно должен быть скрытый смысл. Возможно, твое воображение...

— Нет, Майк. — Родни не дал ему договорить. — Смысл есть — и вполне определенный. Мне снился Перевертыш, и, стало быть, я скоро умру...

...Вот так оно все и случилось: его привели сюда сны. Сны старика... Теперь у него было новое — «нареченное» — имя и ритуальная рубаха для Пляски Духов. Рубаха некогда принадлежала матери, происходившей из народа шошонов. Сам Родни не мог посоветовать ему ничего определенного: навахо никогда не практиковали Пляску Духов, но это был единственный мыслимый способ узнать волю призраков. Предполагалось, что духи ответят тому, кто выполнил ритуал. Сколько было в этом правды — бог весть. Йиска точно не знал, верит ли сам дед в эту мистику, и все же одно не подлежало сомнению: Родни не желал оказаться в сумасшедшем доме. Он предпочел отправить внучатого племянника в Шотландию. Йиска не возражал. Он любил деда. А вдобавок поездка в Европу сулила большие перспективы...

Заснеженное поле было пустым и голым. Ничто не отличало его от всех прочих полей — за исключением разве что темного, вертикально стоящего камня. Отполированная гранитная плита, наполовину занесенная снегом. Единственное слово было выбито на ней — «Маклеод». Йиска не знал, что обозначает эта надпись. Быть может, гранит скрывает под собой могилу? Пос-

ледний приют человека по имени Маклеод. А может быть, все что угодно... Кто их разберет — этих шотландцев?

Йиска наклонился над гранитной плитой и смахнул с нее снег. Маклеод? Маклеод.

Маклеод...

Время шло. Темные тучи, разбухшие от снега, лениво плыли по ночному небу, то скрывая, то вновь являя взгляду мерцающие холодные звезды. Йиска танцевал. Ритуал завладел его сознанием, ноги и руки двигались помимо воли. Танец стал им — а он стал танцем. Губы шевелились, выпевая слова. Йиска устал и страшно замерз — замерз, несмотря на то, что тело находилось в постоянном движении. Пар вырывался изо рта и оседал на лице холодными каплями влаги. Губы потрескались от постоянной смены температур. Снежинки оседали на бровях и ресницах, таяли на коже. Когда первые лучи зари окрасили небо бледно-розовым цветом, Йиска все еще танцевал...

Внезапно он понял, что не может остановиться. Ноги одеревенели, пар клубами вырывался изо рта, растворяясь в морозном воздухе. Йиска чувствовал, что еще миг — и он рухнет в снег, но шли минуты, а он по-прежнему двигался. Двигался помимо своей воли... Он вскинул руки ладонями вверх — приветствуя рассвет. Это тоже был элемент танца. Да, часть ритуала... Хотя сколько же можно? Кажется, пора бы и остановиться — ведь есть предел человеческим силам. Не так ли? Довольно. Хватит!

«Пора заканчивать, — подумал Йиска. — Я разумный человек, в конце концов, а тело повинуется мозгу. И, стало быть, я могу перестать. Я могу остановиться...»

Но нет. Его губы по-прежнему шевелились. Пение превратилось в бессвязный набор слов и звуков, а танец — в неуклюжие судорожные движения. И все же он не мог остановиться. Может быть, тело само поймет, где кончаются танец и песня? Родни не предупреждал о подобных эффектах... Да что же это такое? Гипноз? Самовнушение?

Йиска больше не чувствовал холода. И почти не чувствовал своего тела...

«Чушь! Какая чушь! Ты что, и впрямь ждешь ответа от духов? Это же просто смешно!»

Так, споря сам с собой, Йиска наконец сумел совладать с собственным телом — и рухнул в снег. Несколько минут он просто бездумно лежал, уткнувшись лицом в сугроб, и лишь затем осознал, что этого не следовало делать. Нужно возвращаться, пока еще оставались силы.

И тут Йиска понял, что его позиция теперь более опасна, чем когда он стоял на ногах, танцуя.

— Эй! Эй, ты!..

Голос раздался из-за спины. Тихо постанывая, Йиска приподнялся на локтях и повернул голову.

— Парень, ты живой?

Йиска не был готов объяснять свое присутствие местным жителям. И что прикажете теперь делать?

— Да. Я... — Он попытался сесть, но ничего не вышло — тело отказывалось повиноваться. Йиска все же ухитрился перекатиться на бок, а затем на спину. Он вгляделся во мрак и ошарашенно уставился на неожиданного собеседника. В нескольких футах поодаль стоял... как их там называл Родни?.. Горец? Шотландский воин времен средневековья. Йиска представлял их себе исключительно по голливудским фильмам и до сих пор полагал, что они должны выглядеть... ну... немного опрятнее. На горце был килт болотно-зеленого цвета — без каких-либо клеток, присущих тартану. С пояса свисали многочисленные не слишком чистые мешочки. В длинных рыжих волосах, определенно не знакомых с расческой, запутались веточки и комья грязи. Но более всего изумило Йиску совсем другое. Человек был полупрозрачным, и снежные хлопья пролетали прямо сквозь его тело, не встречая препятствия.

— А я погляжу, ты здорово удивлен, — проговорил мужчина с жутким шотландским акцентом. — Интересно, с чего бы — после того, как ты так старательно призывал меня последние часов пять?

Йиска захлопал глазами. Призрак подошел поближе, навис над ним и проговорил почти дружелюбно:

— Я бы на твоем месте не сидел в снегу, парень. Отморозишь задницу... и остальное. — Он ухмыльнулся. — Итак, чего ты хотел от меня? Предупреждаю заранее: я не могу исполнить три желания или построить дворец.

Йиска с трудом поднялся, не отводя взгляда от горца. Ритуальный танец не предполагал подобного исхода. Станцуй, развей по ветру травы и иди домой. Только-то и всего. Он молчал и во все глаза смотрел на призрака; тот нахмурился и отступил на пару шагов.

— Ты вообще-то умеешь разговаривать? — недовольно спросил он.

— Да... Я... — Йиска собрался с мыслями. — Меня зовут Йиска Таллоак, я происхожу из народа навахо, из Аризоны...

— Аризоны? — непонимающе переспросил призрак.

— Это в Америке.

— А, Новый Свет.

— Да, точно... Слушай, может, мы поговорим в машине? Иначе я тут просто сдохну от холода. Ты не против?..

— В машине? — Призрак, казалось, задумался. Затем согласно кивнул. — Ах да. Я помню машины.

На сей раз растерялся Йиска.

— Помнишь?

— Ну да. Я уже бывал в этом мире, знаешь ли. — Он целенаправленно затопал в сторону шоссе. Йиска ошеломленно наблюдал за ним. Призрак не оставлял ни малейших следов на белом покрывале снега. — Ну? Ты идешь или как?

Вернувшись в машину, Йиска почувствовал себя совсем худо, закружилась голова. Он взял с заднего сиденья клетчатый плед и завернулся в него, пытаясь унять дрожь. Призрак устроился радом, на пассажирском сиденье. Он благодушно оглядывался по сторонам с почти детским любопытством на грубоватом лице. Йиска принюхался. От его нового знакомца исходил легкий, но вполне уловимый запах тлена, и Йиска невольно задумался: не превратится ли этот душок в зловоние, когда воздух в салоне как следует нагреется? Впрочем, выбора не было. Йиска завел мотор и включил зажигание.

— Так ты расскажешь, зачем меня вызвал?

— Видишь ли, я не ожидал такого эффекта, — признался Йиска. — Тут все дело в моем дяде... вернее, двоюродном дедушке — Родни. Ему снились странные сны, они его беспокоили. В одном из снов он увидел это поле и этот камень. Тогда Родни попросил меня... — Йиска пересказал призраку свою историю от начала и до конца, словно разговаривал с самым обыкновенным человеком. В машине становилось все теплее, а снаружи снегопад продолжал усиливаться...

К тому времени как Йиска окончил свое повествование, призрак приобрел необычайно взволнованный вид. Но Йиска был слишком измотан, чтобы обратить на это внимание. Тяжелой волной навалилась усталость, и Йиска внезапно понял, что призрак — не более чем плод его воспаленного воображения. Должно быть, он переутомился. Теперь, когда Йиска оказался в машине — в тепле и безопасности, — он отдался во власть дремоты. Уже уплывая в сон, Йиска услышал, как призрак сказал:

— Надо что-то с этим делать. Да, серьезная проблема...

А потом:

— Да, кстати: мое имя Малколм Маклеод. Хотя друзья зовут меня Малки.

24-й день трина, 1265 года

Что я могу сказать? Сейчас, когда я пишу этот дневник, у меня неудержимо дрожат руки, и мне действительно страшно. Я всегда считал себя разумным человеком, и мне достало мудрости понять, что события сегодняшней ночи принесут неисчислимые беды множеству людей. А в первую очередь — мне самому. И все же... Все же... Невзирая на смятение, я не могу отказаться от столь великолепных перспектив. Я взойду к самым вершинам власти, какие бы испытания ни готовила мне судьба...

Впрочем, я забегаю вперед. Для начала следует описать по порядку прошедшую ночь.

Итак, я сидел в своих покоях, расположенных в южной башне Дурганти. Мы до сих пор не успели сменить обстановку, поэтому большая часть мебели в моей комнате осталась от феинов, и выглядит она довольно вульгарно. Однако я должен признать, что в моих покоях весьма уютно. В ту ночь в камине горел огонь, и щеки мои пылали не то от тепла, не то от вина. А может быть — от того и другого вместе. Примешивалась сюда и немалая доля усталости. В то время мы уже знали от наших шпионов, что феины готовят восстание, и я провел большую часть дня с императором, пытаясь убедить старого дурня в необходимости превентивного удара по Руаннох Веру. Надо отметить, мне это так и не удалось.

В конце концов я смирился. Император повел себя как глупец, да ладно. Я не сомневался в том, что восстание все равно удастся подавить. Превосходство шоретов в воинской силе не подлежало сомнению. Так что я выкинул из головы дневной разговор и решил посвятить вечер чтению. От предыдущего владельца комнаты осталось множество самых разнообразных книг — от маленьких томиков до массивных фолиантов. Большая их часть пребывала в негодном состоянии — страницы разорваны, разлохмачены, разъедены влагой и червями. Но некоторые из книг были вполне читабельны. Одна из них особенно привлекла мой интерес: это была история феинов. Правда, «история» — это, положим, сильно сказано. Книга содержала слишком много вещей, которые с трудом можно назвать фактами. К примеру сказать, боги феинов в этой книге описаны так, будто они на самом деле существовали. Герои феинов возникали из ниоткуда, меняли судьбы стран и народов, а затем снова исчезали — в никуда. А что забавней всего: кажется, феины и сами не имеют понятия, кто возвел величайшие из их городов — Сулис Мор и Руаннох Вер. Те города, которые нам удалось захватить — Дурганти и Кармала Сью, — возведены феинами, но предыдущие два остаются загадкой. Сулис Мор лежит далеко на севере и считается неприступной крепостью. Разумеется, рано или поздно мы доберемся и до него, развеяв миф о неприступности града. Сам я никогда не видел Сулис Мора, но Руаннох Вер — воистину жемчужина архитектуры и инженерной мысли. Начать с того, что он возведен над озером, которое...

...нет, я отвлекся. Итак, я сильно устал за прошедший день, и потому вино ударило мне в голову. Кажется, я даже задремал, сидя в кресле. Здесь я до конца не уверен, но, так или иначе, я выронил книгу, и этот звук привел меня в чувство. Подняв фолиант, я увидел, что корешок разломился и несколько страниц выпало. А еще из-под переплета вывалился лист бумаги. Возможно, конечно, он просто служил кому-то закладкой, однако я ни на миг не усомнился в том, что лист этот целенаправленно спрятали в книге.

Я совершил глупость и не стесняюсь это признать. С другой стороны, я воин, а не жрец и не чародей. Я прекрасно разбираюсь в тактике и стратегии и далек от всякого рода мистики и магии. Лист был исписан золотыми чернилами, а по краям украшен причудливым витым узором. Я поднес его поближе к свету и принялся читать вслух, водя пальцем по строчкам, поскольку так было проще разобрать написанное.

Глупо, глупо, я знаю. Да вот сделанного не воротишь. Как выяснилось, узоры представляли собой стилизованных змей. Они невероятно извивались, переплетаясь между собой, и каждая держала во рту собственный хвост. Мне показалось, что я видел подобные символы раньше, но хоть убейте, не помню, где и когда. Вроде бы они обозначают вечность... Едва лишь я закончил чтение, как текст начал светиться. Сперва я решил, что золотые чернила попросту отразили пламя свечей, и в этот момент бумага вспыхнула у меня в руках. От неожиданности я выронил листок, вскочил и принялся топтать его, стремясь погасить пламя, прежде чем оно перекинется на ковер. Прекратив безумные прыжки, я увидел, что бумага исчезла. Нет, не сгорела, определенно не сгорела. На ковре не осталось ни пепла, ни обугленных кусочков — только темный контур листа.

Должен признаться, в первый момент я не ощущал ничего, кроме досады. Было безумно жаль ковер. Ведь мне подарил его сам император после взятия Кармалы Сью — до тех пор этот ковер украшал тамошний Зал Совета... Под рукой у меня не оказалось воды, так что я выплеснул на дымящийся ковер остатки вина из своего бокала.

Вот тогда-то я и услышал смех — жестокий, насмешливый, отрывистый. Смех человека очень многое говорит о его характере. По смеху можно понять, добр человек или зол, простодушен или коварен. Я не великий знаток людской природы, но звук этого смеха даже меня заставил насторожиться. Я протянул руку к ножнам, висящим на спинке кресла, и вытащил меч.

Смех не прекращался. Казалось, мое судорожное движение, мое намерение достать оружие еще больше развеселило насмешника. Я обвел взглядом комнату и увидел... впервые увидел это создание. Я застыл, ошеломленный, не в силах пошевелиться. Жаль... Ах как жаль! Надо было бы сразу разделаться с ним; возможно, это решило бы многие проблемы.

Моим глазам предстала... тварь. Да, именно так — никаким иным словом нельзя было описать это существо. Маленькое — не более двух футов ростом, — оно было покрыто сморщенной кожей странного зеленовато-коричневого оттенка. Две крошечные ручки, две ножки и голова. Только тем существо и напоминало человека. Морщинистое личико, искривленное ехидной усмешкой, являло собой самое отвратительное зрелище, когда-либо встречавшееся мне в жизни. Рот существа был полон крошечных острых как иглы зубов. Нос — вздернутый вверх и запавший, как у летучей мыши, но во сто

крат более мерзкий. Глаза — черные бусины — горели ненавистью и злобой. Жуткое зловоние заполонило комнату в единый миг: тяжелый запах гниющей плоти, от которого слезились глаза и тошнота подступала к горлу...

— Что это? Кто ты, тварь?

Глупый вопрос. Так мог выглядеть только демон или какой-нибудь бес из Преисподней.

Существо не ответило. Опустив голову, оно принялось разглядывать собственное тело — так, словно видело его впервые. Вытянув вперед руку, тварь долго ее разглядывала, сжимая и расслабляя маленькие пальчики. И, кажется, увиденное ей не понравилось.

Минуло несколько долгих минут, прежде чем демон заговорил.

— Ну наконец-то, — проскрипел он. — Ладно. Ничего... Лучше уж так, чем никак вообще...

В тот момент я не понял его. Голос демона был не менее омерзителен, чем его вид, — хриплый, скрежещущий шепот... Тварь обратила свой взгляд на меня и проговорила:

— Ты не... — Она помедлила, словно бы силясь что-то припомнить. — Ты не похож на феина... да... Что это за мир?

— Сутра, — отвечал я. — А я шорет. Мы захватили большинство феинских городов.

— Захыв... За-ахватили? — Демон вновь рассмеялся. Он говорил с трудом — с запинками и расстановками, — будто на малознакомом или давно забытом языке. Но мало-помалу его речь становилась все более связной. — Захватили... Значит, завоевали... Много убили?

— Да, много, — машинально подтвердил я. — В смысле — многих...

— А еще больше осталось?

— Да. Феины пока владеют двумя городами... — Не знаю, зачем я начал рассказывать об этом демону. Запах делался все более резким. Он был уже почти невыносим. Бесенок молчал и пристально разглядывал меня своими маленькими глазками.

— Убийца, — вдруг промолвил он.

— Да, я убивал. И как же иначе? Я воин. Я убивал в бою...

— Не-ет. Не только в бою. У тебя кровь на руках. — Он указал подбородком на мои руки, и я опустил глаза. И впрямь: кровь! Кровь на пальцах, кровь на ладонях... Откуда она взялась? Бес все подстроил! Подстроил нарочно! Иного объяснения быть не могло.

— Эда, — сказал он. Это слово вылетело из его вонючего рта и повисло в воздухе. Тварь смотрела мне прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Да. — Кажется, демон и впрямь знал обо мне все. Не было смысла отрицать очевидное. И тем не менее... У меня пересохло в горле, и рот словно наполнился пеплом. Неудержимо дрожали руки. — Эда? — проговорил я. — Ах, Эда... Да, разумеется. Ну и что с того?..

...Это был брак по расчету. Эда вышла за меня замуж, понадеявшись на открывающиеся перспективы. Она была столь

же амбициозна, сколь и красива. Наш недолгий союз был бурным и отвратительным. Эда презирала меня за то, что я стремился сделать карьеру на поприще войны, презирая политику. Она-то думала, что я стану советником императора — или кем-нибудь в подобном роде. Она ошибалась... В тот самый миг, когда Эда поняла, что я не удовлетворяю ее требованиям, она прониклась ко мне ненавистью и презрением. А ведь я по-своему любил ее — но что толку теперь об этом говорить? Я пытался завоевать ее благосклонность. Тщетно...

Бес ухмылялся. Все мои мысли и воспоминания становились его достоянием. Он не гадал и не предполагал. Он знал...

Я осмелился посмотреть ему в лицо — и встретился со взором маленьких насмешливых темных глазок. Зубастый рот растянулся в усмешке.

— Да, я убил ее, — сказал я. — Что ж... Каждый сам в ответе за свою душу. Смерть может прийти к любому из нас — и в любой момент. Надо быть готовым.

— Иногда души... — демон помедлил, будто силясь подобрать нужное слово, — извращаются... Искажаются.

Прежде чем я успел придумать достойный ответ, бесенок вдруг принялся совершать странные манипуляции. Он вскинул руки перед собой и забормотал что-то на непонятном языке. От звуков его голоса волосы зашевелились у меня на голове, и по спине пробежал холодок. Всем своим существом я почуял угрозу, и во мне возобладали инстинкты воина. Похоже, время разговоров прошло. Да и по правде сказать, я не понимал, зачем мне вообще понадобилось дискутировать с этой тварью. Покрепче стиснув рукоятку меча, я сделал выпад и пронзил демона насквозь, метя в сердце.

Бес удивленно посмотрел на меня... а я — на него, не понимая, отчего мой удар не стал смертельным. Я поднял меч — и тварь вместе с ним, точно поросенка на вертеле. Он соскользнул вниз по лезвию, издавая странное невнятное бормотание. Не похоже было, чтобы демон собирался умирать. Держа меч перед собой, я приямком направился к камину, намереваясь швырнуть эту гадость в огонь.

— Стой, стой! Заррус, погоди. Не делай этого. Я могу дать тебе силу. И власть. Много власти.

Я остановился. Должен признаться, более всего смутило меня то, что демон знает мое имя. Понимаю: это может показаться странным и нелогичным. Такая мелочь, учитывая то, что бес был осведомлен об убийстве Эды. И все-таки звук моего имени, произнесенного демоном, неожиданно лишил меня присутствия духа. Вместо того чтобы кинуть тварь в огонь, я поставил ее на сундук возле стула.

— Говори!

Он недовольно посмотрел на меч, еще торчавший из его груди, и я отступил, выдернув клинок. На теле демона не было никаких признаков раны, ни капли крови...

— Нам нужно действовать заодно. У нас будет сила, могущество. Мы сможем убить еще многих, очень многих. Ты станешь правителем, императором... Богом.

— Что-о? Да понимаешь ли ты, что предлагаешь? Это же государственная измена! — воскликнул я в праведном гневе. И лишь потом до меня дошел весь смысл сказанного. — Богом?

— Хм... Ну да.

— Н-но как это возможно?

— Для начала нам понадобится армия. Особая армия, необычная. Только ты не волнуйся. Доверься мне. Помоги мне. — Последнее слово вышло у него каким-то длинным, плаксивым: «Мнеееее».

— Но как? — повторил я.

— Скажи «да». — Бесенок необычайно оживился. Он запрыгал по сундуку; его уши, которые я раньше не приметил, задвигались вверх-вниз. Выглядело это преотвратно.

— Э?

— Скажи «да»!

— Да.

Издав вопль радости, демон встал на своих палочках-ножках, вытянувшись во весь рост. Нутром я чувствовал грозящую мне опасность, однако ничего не мог поделать: оружие уже доказало свою бесполезность. А демон ринулся на меня. До конца дней мне не забыть этого жуткого зрелища: тщедушное, чешуйчатое, хлипкое тельце и оскаленная пасть, полная острых сверкающих зубов... Я рефлекторно вскинул руки, готовясь отразить атаку, но ничего не произошло. Удара не последовало. Только что демон был здесь, прямо передо мной, а затем...

Раздался звук, который я не берусь описать, — нечто, похожее на влажное причмокивание, и наступила тишина. Несколько секунд я оторопело оглядывал комнату — совершенно пустую, если не считать меня. Разумнее всего было бы счесть моего маленького гостя галлюцинацией, вызванной усталостью и опьянением. Я снова опустился на стул, и в этот момент моя ночная сорочка распахнулась на груди. Опустив глаза, я — не стыжусь в этом признаться — издал вопль ужаса.

Я увидел кончик чешуйчатого заостренного бурого хвоста, исчезающий в моем животе.

С тех пор я узнал его лучше. Много лучше. Я почувствовал его силу, его жгучую ненависть и непомерные амбиции. Он во мне.

К сумеркам битва закончилась. Более семи сотен феинов лежали мертвыми на поле. Дым медленно и лениво затягивал долину, смешивался с запахом гари, висящим в неподвижном воздухе. Было безветренно, и дым скапливался в низинах и у подножий холмов, приникая к земле, словно желал укутать мертвых и умирающих белесым одеялом.

Генерал бесстрастно оглядывал поле боя. Победа далась сравнительно легко. Сопротивление противника было сла-

бым и плохо организованным. Сам генерал потерял убитыми не то двести, не то триста человек. Феины — дурные солдаты. В бою шореты дают им сто очков вперед. И все же феины сражались с такой страстью и яростью, что наступил момент, когда шореты растерялись. В бою генерал видел, как пешие бойцы набрасывались на конников, атакуя их длинными пиками. Само собой, феинам следовало знать, что едва лишь деревянное древко сломается — пеший воин окажется беспомощным перед верховым. Да, феинам *следовало* это знать... но генерал отнюдь не был уверен, что они *и впрямь* знают.

Мятеж должен быть подавлен, подумал генерал. Повернув коня, он направился назад, к лагерю. Генерал Везул предвкушал, как выпьет теплого вина и, может быть, немного перекусит, прежде чем отправиться обратно на позиции... Вдоль дороги, ведущей к Дурганти, шореты распинали на крестах убитых и умирающих. Только так Онрир согласится принять их души в загробном мире. Да и то еще неизвестно, согласится ли... Насколько мог судить Везул, все эти люди были безбожниками. Он отдал своим людям распоряжение освобождать лишь души командиров и предводителей феинов, но выполнить приказ было непросто. Феины не носили никаких знаков различия и ранга, и было непросто отделить командиров от рядовых воинов.

Со стороны одного из крестов донеслась ругань, быстро сменившаяся криком боли. Везул рассеянно глянул на распятого человека, которого солдаты прибивали к крестовине. Генерал недовольно поморщился: «Дурень, невежда. Он не понимает, какую честь я ему оказываю».

За спиной генерала закатные лучи окрашивали дым алым цветом, и мало-помалу на поле битвы нисходила тишина. Везул знал такую тишину, всегда сменявшую звуки битвы. Позже начнутся пиры и празднества, но сейчас выжившие ощущали лишь печаль и душевную пустоту... Пусть генерал Везул и не принимал личного участия в битве, однако вымотался и устал не менее своих солдат. К счастью, теперь есть время передохнуть. Он подумал о своих роскошных покоях в Дурганти, но это не принесло облегчения. Вместо того чтобы предвкушать долгожданный отдых, Везул размышлял о феинах и о том, как далеко они продвинулись, стремясь отвоевать свой утраченный город...

Везул проснулся перед самым рассветом. Адъютант изо всех сил тряс его за плечо.

— Генерал... Сэр...

— Да, Джоррд, — буркнул он. — В чем дело?

Комната была погружена в сумрак, и только бледные предрассветные лучи пробивались сквозь щели в плотных шторах.

— Не знаю, сэр. За вами прислали. Вы должны ехать обратно на позиции, сэр.

Везул нахмурился.

— Кто за мной прислал?
— Гонец — простой солдат, сэр. Он ничего не...
— Ладно, Джордд. Сейчас разберемся. Передай мне плащ.

Накрапывал дождь. Свежий воздух пах землей. Большинство людей еще спали, и во дворе Везул заметил лишь несколько человек. При виде генерала молоденький солдат нервно подскочил, вытянулся в струнку и отдал честь. Гонец еще не успел толком отдышаться: он явно проскакал галопом весь путь от места битвы до самого лагеря, бока его чалой лошади исходили паром. Везул коротко кивнул в знак приветствия.

— Кто тебя прислал, парень?

— Лейтенант Дирарк, сэр.

Больше вопросов не возникло. Везул не удивился. Лейтенант Дирарк был блестящим офицером, да вот на поле боя он быстро терялся и не умел оперативно принимать решения. Генерал дал шпоры коню и погнал его вперед, на чем свет стоит кляня лейтенанта. Скорее всего Дирарк поднял шум из-за какой-нибудь сущей ерунды. А впрочем, кто знает...

Поднявшись на гребень холма, Везул подъехал к группе офицеров, нерешительно переминавшихся с ноги на ногу. Дождь шел вроде несильный, тем не менее плащ и штаны генерала уже пропитались водой, и это не улучшило его настроения. Он придержал лошадь и окрикнул Дирарка:

— В чем дело, лейтенант?

Молодой человек поднял голову, встречаясь взглядом с генералом, и Везул невольно подался назад. На лице лейтенанта застыло выражение ужаса, а меж тем — пусть зачастую Дирарк и проявлял нерешительность — трусом он не был никогда...

— П-посмотрите, сэр. — Он указал на поле битвы, и Везул привстал на стременах, обозревая окрестности. Ночная тьма уже отступила, и рассвет окрашивал долину в серебристо-серые тона. Дым рассеялся. Поле битвы казалось мирным и...

— Я ничего не вижу. В чем...

Лейтенант подошел поближе и встал рядом с генералом, почти касаясь плечом бока его коня. За миг до того, как Дирарк заговорил, Везул уже все понял сам — и с губ его сорвалось невольное проклятие.

— Тела, сэр, — прошептал лейтенант. — Они исчезли. Все до единого.

Опять началось. Тошнота... Желудок свернулся в тугой комок, горячая волна поднялась по пищеводу к самому горлу. Эффи скорчилась в позе эмбриона, не открывая глаз. Ее вырвало. Теплая вонючая жижа потекла по волосам и подушке. Ей было

худо — так худо, что не описать словами. Эффи тихо, прерывисто застонала.

Она попыталась открыть глаза, но это оказалось непросто — они были словно склеены коркой сна. Наконец удалось чуть приподнять веки, и яркий свет ударил сквозь ресницы, так что перед глазами заплясали разноцветные бесформенные пятна, напоминающие Эффи ее собственные эксперименты в живописи...

«Может, я умираю? — подумала она. Эта мысль не вызвала ни сожаления, ни страха: слишком уж было больно. — Плохой был экстази, должно быть, некачественный... Я могла умереть».

Эффи по-прежнему лежала, свернувшись клубочком. Она не имела сил пошевелиться, хотя рвотные массы пропитали подушку и отвратительно воняли. Постепенно возвращались воспоминания о прошедшем вечере. Клуб, оглушающий грохот музыки — бесконечный, безумный шум... Разноцветные огни в темноте... Белокурый улыбчивый парень... Это он дал ей таблетку...

Надо что-то делать. Надо встать — иначе она и впрямь помрет здесь. Эффи снова застонала. Ей было очень холодно.

Перед глазами вновь возникло лицо паренька из клуба. Мягкие светлые волосы, приятные, немного женственные черты... и что-то еще. Что-то насмешливое в его взгляде. Что-то ехидное в изгибе губ. Эффи почувствовала, как в ней вздымается гнев... Что ж, парень сделал для нее по крайней мере одно доброе дело: этот неожиданный всплеск чувств заставил Эффи двигаться. Она открыла глаза и скатилась с дивана.

Эффи упала на пол, и ее снова вырвало. Рука немедленно угодила в липкое и зловонное пятно, растекшееся по ковру.

— А, дьявольщина! — Запах стал просто невыносимым. У Эффи заслезились глаза. Боже ты мой, сколько может быть блевотины в одном-единственном человеке? Она попыталась встать на четвереньки, и желудок вновь скрутило болью. Только теперь Эффи заметила, что на ней — одно белье. Стало быть, она все же умудрилась раздеться и лечь в кровать. Хотя самостоятельно ли она раздевалась?.. Этого Эффи решительно не помнила.

Ее зрение все еще было нечетким. Перед глазами плавали разноцветные полосы. Эффи сфокусировала взгляд на расплывчатом оранжевом пятне в углу комнаты. Кресло. Рядом с ним должен быть телефон. Эффи позвонит и вызовет «скорую помощь». Вот только что потом? Они узнают о наркотиках и... Эффи поползла было в сторону кресла, но эта мысль заставила ее остановиться. Ее снова скрутило в рвотном позыве, однако желудок был уже пуст и сух.

— Черт! — Эффи не узнала своего голоса. — Черт!

До нее донесся странный звук. Сперва Эффи не могла толком сообразить, откуда он исходит. Звук был негромким и настойчивым...

— Мисс Морган? Мисс Морган!

Полиция? О нет! Только не это!

— Уходите, — прохрипела она и прокляла себя. Не надо было отвечать. Эффи доползла до телефона и уцепилась за подлокотник кресла, пытаясь подняться. Ничего не вышло: кожаная подушка соскользнула с сиденья и упала на нее. Эффи выпустила подлокотник и снова оказалась на полу. Резко выбросив руку вверх, она ухватилась за край столика, где стоял телефон. Аппарат полетел на пол. По крайней мере теперь трубка в пределах досягаемости. Подняв ее, Эффи прижала прохладный пластик ко лбу и попыталась собраться с мыслями.

— Эффи Морган, вы там? Я вас слышу...

Последовала пауза, словно незваный гость готов был сдаться и уйти. Возможно, это вовсе не полиция.

— Послушайте, мне нужно срочно поговорить с вами... — Мужской голос со странным легким акцентом, который Эффи не сумела определить.

— Уходите. — Снова накатила тошнота. Оказывается, в желудке остались запасы желчи. Эффи бездумно посмотрела на испачканную трубку. Надо же, она еще может разговаривать... Это показалось забавным. Эффи слабо захихикала.

— С вами все в порядке? — опять раздался голос. На сей раз он сопровождался стуком в дверь.

— Нет. — Эффи произнесла слово слишком тихо. Гость не мог ее услышать. Стук возобновился. Эффи отрешенно посмотрела в сторону двери, но не тронулась с места.

Неожиданно у нее потемнело в глазах; навалилась дурнота.

— Нет... — повторила Эффи. Она попыталась сказать это громко, однако с губ сорвался едва слышный шепот. Мир раскололся на части, и Эффи потеряла сознание...

Эффи очнулась от того, что прохладный ветерок обдувал ее кожу. Пахло свежестью и дождем — кто-то распахнул окно. Хорошая идея. Квартира насквозь провоняла рвотой. Подтянув одеяло к подбородку, Эффи открыла глаза.

Возле раковины стоял высокий, удивительно красивый молодой человек. Под струей воды он стирал цветастую наволочку.

Эффи нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями. Откуда этот парень здесь взялся? Очевидно, какой-то кусок жизни выпал из памяти. Кто он такой, черт возьми. Внешне незнакомец выглядел как самый настоящий индеец... Нет, следует говорить «коренной американец»... Он носил тонкие очки в золотой оправе, великолепно гармонировавшие с теплым цветом его кожи. Словно почувствовав взгляд, молодой человек обернулся и одарил Эффи белозубой улыбкой. «Боже, как он хорош собой!..» — поду-

мала она, и тут же внезапная мысль заставила ее похолодеть. Эффи представила, как она сама выглядит сейчас со стороны... Крайне неутешительная картина.

— Вам очень повезло, мисс Морган, — произнес молодой человек. Голос его звучал дружелюбно, но Эффи почудились в нем обвиняющие нотки. Знает ли он о наркотиках? Не исключено... Эффи обвела взглядом комнату. Незнакомец успел здесь прибраться, и все же Эффи помнила, как выглядела квартира совсем недавно...

— Только не надо меня воспитывать. Не изображайте моего доброго папочку.

«Смешно, не правда ли? Мой «добрый папочка» не взял бы на себя труд постирать эту... — Эффи глянула на цветастую ткань в руках индейца. — Ох, нет...»

Взгляд молодого человека заметно похолодел.

— Надеюсь, вам все же придет в голову сказать мне «спасибо». Вполне возможно, что я спас вам жизнь.

— Да. Верно. — Она поерзала на кровати. «Кто-то забрал мою подушку... О да... Наволочка... Цветастая наволочка».

— Занимались практической химией, а? — спросил незнакомец.

— Что?

— Вы хоть приблизительно представляете, что могут сделать эти таблетки с вашей печенью? — Он подошел к дивану и протянул кружку горячего черного чая. — Вот выпейте.

Она нахмурилась и все-таки взяла кружку.

— Что здесь происходит? Кто вы, черт возьми, такой?

— Меня зовут Йиска. И боюсь, Эффи Морган, вы мне порядочно задолжали.

Каждый раз, слыша звуки бури, она вспоминала...

Как бы ни был холоден ветер, как бы ни был силен снегопад, Фереби всегда будет помнить ту ночь. А в воспоминаниях живут тепло, уют и голос ее отца... Это была та ночь, когда на свет появилась Буря...

В меловой пещере, где воздух пропитан запахом навоза и шерсти, лежал новорожденный детеныш, крепко прижимаясь к усталой матери. В огромной пещере царило ликование. Санахи, чьей обязанностью было заботиться о стаде, тихо, но возбужденно переговаривались, хлопали друг друга по спинам и потягивали напиток дремси, известный своими тонизирующими свойствами. Работа была долгой и сложной. Фереби слышала, что многие из санахов бодрствовали более двух суток, боясь пропустить рождение малыша.

Фереби положила подбородок на планку ограды и заглянула вниз, в яму. Она чувствовала одновременно усталость и возбуждение. Щеки горели от резкого прилива крови. Снару-

жи бушевала буря — та самая, которую позже назвали предзнаменованием. Ветер завывал вокруг меловых утесов и стучал в огромные двустворчатые двери, через которые мамонты выходили наружу. Но здесь, внутри, было тихо. Люди говорили приглушенными голосами, то и дело поглядывая за загородку — в яму, где лежали мать и новорожденная малышка. То была великая ночь — ночь, когда родился белый мамонт.

Впрочем, сейчас малышка не казалась белой. Шерсть ее была влажной, испятнанной кровью матери. Она лежала, прижимаясь к ее теплому боку и прерывисто дыша. На первый взгляд казалось, что мамонтенок спит, но из-под густой массы шерсти на Фереби смотрели синие бусины-глаза.

— Привет, — прошептала девочка. — Привет, привет...

— Детеныш очень слаб, сэр, — донеслись до Фереби слова одного из санахов, обращенные к ее отцу. — Он может и не пережить эту ночь. Не разбудить ли императора?

— Не стоит, если она может умереть. Зачем будить его ради плохих новостей?

Умереть?

— Тебе нельзя умереть, — прошептала Фереби мамонтенку. — Ты же только что родилась...

Синие глаза моргнули, и девочку вдруг накрыла волна грусти, непонимания и страха. «Она разговаривает со мной! — подумала Фереби. — Она хочет показать мне свой страх».

Фереби поозиралась по сторонам, раздумывая, к кому бы обратиться за помощью. *Ей же страшно! Перестаньте говорить, что она умрет, — она ведь может вас услышать...* Но все были заняты своими делами. Они говорили о мамонтенке, не обращая внимания на него самого. Семилетняя Фереби отлично знала, как это бывает. Она грустно улыбнулась и утерла навернувшиеся на глаза слезы.

— Не бойся, малышка Буря...

И что там говорила мама, когда Фереби бывало страшно?

Генерал Везул был погружен в беседу с главным санахом. Пророчество, говорил санах, предрекало лишь *рождение* белого мамонта, и нигде не сказано, что детеныш выживет. Поэтому необходимо разбудить императора. Если мамонтенок ночью умрет и император не увидит его живым, он страшно разгневается.

Везул мрачно кивнул, признавая правоту собеседника. Он опустил голову, стряхивая снег с промокшего плаща.

— Что ж, полагаю, вы правы...

— Сэр, сэр, поглядите! — Молодой санах указывал в сторону ямы. Его лицо выражало изумление и тревогу.

Разговоры утихли. Присутствующие столпились вокруг ограды, не веря своим глазам.

Виновницей смятения была Фереби. Девчушка забралась в яму и теперь лежала, прижимаясь к шерстистому боку малыша — так же, как сам звереныш прижимался к матери. Фереби не замечала, что перепачкалась в грязи. Поглаживая влажную спутанную челку над голубыми глазами мамонтенка, девочка тихонько напевала.

— Вытащите ее оттуда! — прошептал кто-то из санахов. Мамонты часто были непредсказуемы, и тем паче нельзя предвидеть, как поведет себя новоявленная мать.

Старший санах шагнул вперед.

— Нет. — Везул сжал его плечо. — Смотрите, она успокаивает их...

Похоже, генерал был прав. Дыхание детеныша сделалось ровнее, размереннее, а мать обвила хоботом и его, и Фереби, которая продолжала напевать. Девочка подняла глаза, откинув с лица перепутанные серебристо-белые волосы, и улыбнулась людям наверху.

— Она станет великим санахом, — пробормотал кто-то.

— Нет. — Везул покачал головой, не сводя глаз с дочери. — Она станет великим полководцем...

— Послушайте... спасибо, конечно, но я уже хорошо себя чувствую. Честно. Вы можете идти. — Эффи улыбнулась Йиске своей самой сладкой, самой доверчивой улыбкой.

«Вы мне порядочно задолжали, Эффи Морган». Да уж конечно! И все мы знаем, чем именно придется платить...

— И вообще... я тут кое-кого жду. — Эффи нервно потеребила завязки халата, борясь с желанием поплотнее запахнуть его на груди.

— Да, я понимаю, — безмятежно сказал Йиска. — Очевидно, полицию. Или своего дилера.

— Я не наркоманка! — сердито бросила она.

— Нет. Разумеется, нет, — ровно ответил Йиска, однако в его голосе Эффи почудился осторожный намек. До сих пор индеец не сделал попытки к ней приблизиться, и Эффи ощутила некоторое облегчение.

— Послушайте, откуда вам известно мое имя? И зачем вы пришли?

Йиска вздохнул:

— Даже не знаю, с чего начать...

— Да уж начните с чего-нибудь.

— Выслушайте меня, — проговорил Йиска. — И если вы сочтете, что я сумасшедший, я просто встану и уйду. Даю слово.

— Ладно.

— Так вот. Моему деду снятся странные сны о Шотландии. Он видит всякие битвы, людей в килтах, в общем, что-то вроде «Храброго сердца». Он полагает, будто кто-то намеренно посылает ему подобные сны и этому кому-то нужна помощь. Так или иначе, дед отправил меня в Шотландию, описав место, которое

ему снилось, — поле с большим черным камнем на нем. Он попросил выполнить ритуал под названием Пляска Духов, полагая, что это успокоит предка, который посылает ему видения.

«Господи ты Боже мой! Ну и ну!»

— И что же случилось? — осторожно спросила Эффи, пытаясь принять заинтересованный вид. — Предки ответили?

— Ну, не совсем... Видишь ли...

— Господи Иисусе! Сколько можно бродить вокруг да около? И вдобавок она не верит ни единому твоему слову. Ты глянь ей в глаза!

Эффи почувствовала, как по всему телу разливается волна холода... Затем ее бросило в жар. Лицо запылало, словно охваченное огнем. Лоб моментально покрылся испариной. Посреди комнаты внезапно возник — да, именно возник — рыжеволосый человек, одетый в длинный зеленый килт. Не в изукрашенный сувенир для туристов, а в самый настоящий килт. На поясе горца висел чудовищных размеров меч, а еще сквозь его тело была видна мебель и стена комнаты, потому что...

— ...Призрак?! О Боже, нет! Нет-нет-нет... это не может быть правдой! — Голос Эффи слегка дрожал. Она в упор смотрела на Йиску, надеясь, что привидение исчезнет, если она отведет от него взгляд. — Ты был прав, — пролепетала Эффи. — Извини. Насчет наркотиков, я имею в виду... Заставь его исчезнуть.

Йиска раздраженно обернулся. Кажется, он тоже видел призрака, ибо смотрел прямо на привидение, хмуро сдвинув брови.

— Погляди, что ты натворил! Ты напугал ее.

— Слушай, пташка. — Призрак одарил Эффи улыбкой, которую, видимо, считал ободряющей. — Ты извини, но у нас нет времени на расшаркивания. Мы ищем Дункана... Дункана Талискера.

— Что? — тупо переспросила Эффи.

Только этого не хватало — галлюцинаций! Кажется, наркотик и впрямь повредил ее мозг...

— Ты же Эффи Морган, верно? Дочь Шулы Морган, которая погибла от рук де... от рук серийного убийцы?

Это заявление окончательно доконало Эффи. Она поперхнулась, и по щекам потекли слезы.

— Нет... То есть да... То есть... Мама... — Она утерла лицо рукавом халата. — Мама погибла в автокатастрофе, когда я была совсем маленькой.

Призрак прищурил глаза.

— Тебе так сказали? Что ж, неудивительно.

— За... заставь его уйти! — Эффи больше не могла сдерживаться. Она зарыдала, и ее голос сделался тонким, истеричным.

— Великолепно, Малки! Очень дипломатично...

— Мне жаль. Я думал, она узнает правду, когда станет постарше.

— И тем не менее...

— Ты не знаешь, где Дункан, детка? Или Сандро? Алессандро Чаплин?

— Дядя Сандро? Он уехал. — Эффи потерла глаза, зудящие от слез, и с надеждой оглянулась. Увы! Призрак по-прежнему находился в комнате.

— Черт! — Привидение удрученно покачало головой. — Я не знаю, что теперь делать, Йиска. Дункан и Сандро — единственные люди, которые могли бы тебе помочь...

Понемногу Эффи расслабилась. Индеец и призрак по-прежнему сидели в ее комнате, но Эффи убедила себя, что страдает галлюцинациями, и это успокоило ее. Впрочем, она и теперь не до конца понимала, что реально, а что — нет. К примеру, Йиска мог быть настоящим, однако не исключено, что он тоже часть видения. Возможно, на самом деле она в квартире совершенно одна. Или — при этой мысли Эффи снова разволновалась — она все еще лежит на полу в луже собственной рвоты. Может, если она нырнет под одеяло и закроет глаза, все это исчезнет? А потом она проснется *по-настоящему*...

— Дядя Сандро на Сицилии вместе с тетей Беа, — пробормотала Эффи. Она закрыла глаза и уткнулась лицом в подушку, вытирая о нее мокрые щеки.

Эффи слышала, что Йиска подошел к дивану. Она неохотно приподняла веки и глянула на индейца. Йиска стоял совсем рядом и протягивал ей телефонную трубку. Эффи тихо застонала: за плечом парня по-прежнему маячил призрак.

— Позвони ему по тели... как это называется?.. по телефону, — велело привидение. — Скажи, что здесь Малки и ему нужен Дункан. Дело срочное.

ГЛАВА 2

Нельзя сказать, что Фереби так уж любила ловить крабов. Это занятие не доставляло ей особого удовольствия, однако и у него были свои преимущества...

Фереби сидела на большом валуне, касаясь босыми ногами теплого влажного песка. Она то и дело поглядывала в сторону мыса, откуда доносился барабанный рокот. Всадники должны были появиться именно с той стороны.

Пойманные крабы копошились в садке; их красноватые, бурые и лиловые влажные спинки сверкали на солнце. Фере-

би понимала, что, если она просидит здесь слишком долго, крабы пересохнут и погибнут, однако ей очень хотелось посмотреть на тренировку кавалеристов. Собственно говоря, за этим она сюда и пришла...

Оглядевшись по сторонам, Фереби заметила неподалеку большую лужу, оставленную приливом. Если она будет действовать быстро, то, пожалуй, успеет добежать до нее, сунуть в воду добычу и вернуться в укрытие за валунами. Фереби была одета в серое платье и плащ, а потому полагала, что никто не заметит ее среди скал. Быстро преодолев открытый участок берега, девушка швырнула садок в лужу и придавила его тяжелым камнем. Затем она вернулась к своему валуну — как раз вовремя.

Офицеры выехали на берег. Их серебристые нагрудники сверкали в лучах утреннего солнца. Ветер развевал волосы и черные плащи. Лошади бойко бежали по влажному песку, наслаждаясь свободой после долгой ночи, проведенной в тесноте конюшен. Кавалеристы принялись устанавливать на берегу длинные шесты, предназначенные для тренировки. На верхушке каждой палки трепетал алый флажок. Расставив шесты, всадники принялись за дело. Один за другим они проносились по пляжу, стараясь на полном скаку сорвать как можно больше флажков. Тренировка сопровождалась множеством добродушных шуток и подтруниваний; то и дело долетали взрывы веселого смеха.

Джигитовка не произвела особого впечатления на Фереби. Она ожидала большего. Многие из молодых офицеров оказались на удивление неумелыми наездниками. Фереби могла поручиться, что дала бы сто очков вперед большинству из них.

— Ты сидишь в седле как баба! — донеслась реплика одного из офицеров.

Фереби возмущенно поглядела на него. В душе поднялась волна досады.

— Да я езжу лучше вас, — пробормотала она.

В этот миг вперед выехал Фелндар, и девушка сосредоточила на нем свое внимание. Разумеется, она видела его неоднократно — с тех пор, как Фелндар приехал в Кармалу Сью — и все же никогда не разговаривала с ним. Фелндар был красив и великолепно сложен — почти как ее отец, — и Фереби отлично знала: многие из ее подруг по уши влюблены в блестящего офицера. Саму же Фереби мало занимали подобные вещи, однако два дня назад она случайно подслушала беседу родителей. Близился День Судьбы — важная дата в жизни любой женщины. Ежегодно все знатные девушки, которым исполнилось двадцать два года, собирались вместе, дабы выслушать волю императора. Император решал судьбу каждой из них, избирая им наиболее достойный жизненный путь.

Месяц тому назад Фереби исполнилось двадцать два. Еще несколько дней — и она узнает свою судьбу. Фереби по-

лагала, что ей, как и большинству женщин, предстоит выйти замуж. Она нередко думала о замужестве, и мысли эти несколько напоминали зубную боль — временами беспокоили ее, а временами забывались. В юности идея брака скорее пугала ее, но в последнее время девушка все чаще ловила себя на том, что раздумывает о тайнах отношений с мужчиной...

В тот вечер — два дня тому назад — родители спорили за закрытыми дверями покоев. Фереби не могла разобрать всех слов, но одно было определенно: мать то и дело упоминала имя Фелндара. Для Фереби это стало сюрпризом. Фелндар был сыном одного из офицеров высшего командного состава и со дня на день ожидал повышения — должен был стать лейтенантом. Возможно, в один прекрасный день он окажется и генералом...

Фереби зачарованно наблюдала за Фелндаром. Вот он пронесся по берегу, один за другим срывая с шестов флажки. Фелндар сидел в седле словно влитой; стройные мускулистые ноги крепко сжимали бока коня. Фереби ощутила вдруг, как по ее телу поднимается волна жара. Кровь прилила к щекам. Она подалась вперед — и тут же порыв холодного ветра с моря резко ударил ей в лицо. Фереби задохнулась. Заслезились глаза... Она поспешно отвернулась от берега, и взгляд ее упал на садок с крабами.

— Ох, нет!

Они сбежали. Взблескивая красноватыми спинками, крабы гуськом пробирались по краю лужи. В садке оставалось лишь несколько штук. И как, скажите на милость, она теперь оправдает свое отсутствие?

Разом позабыв про Фелндара, девушка пригнулась к луже. За спиной загрохотали копыта — она не обратила внимания. Крабы занимали все ее мысли, и до самого последнего момента Фереби не сумела понять, что всадники гонятся за ней.

А потом стало слишком поздно: сильные руки подхватили ее и бросили поперек седла. Фереби негодующе взвизгнула и принялась молотить ногами по боку лошади. Та возмущенно заржала, пытаясь встать на дыбы, но Фелндар сдержал ее. Спору нет — он был умелым наездником. Развернувшись, молодой человек поскакал обратно к пляжу, где ожидали друзья.

Перед глазами Фереби мелькали сине-белые линии — далекое море и светлый песок пляжа. Она выронила мокрый садок и злобно выругалась. Что может быть унизительное, чем висеть головой вниз поперек спины лошади? Фереби видела ногу Фелндара в щегольском сапоге, украшенном серебряными накладками. Красиво, но непрактично: морская соль безнадежно испортит обувь. «Так тебе и надо», — мстительно подумала Фереби. Перед самым ее носом болтался меч Фелндара, висевший у него на бедре. Навершие рукояти взблескивало в солнечных лучах...

Фелндар натянул поводья и остановил коня посреди импровизированной тренировочной площадки. Молодые офицеры тут же окружили его. Со всех сторон полетели смешки и непристойные реплики. Лицо Фереби горело от ярости и негодования. В ушах стучала кровь, смешиваясь со звуком прибоя.

— Что это у тебя, Фелндар? Миленькая охотница за крабами?

— Похоже на то. Пожалуй, заберу ее с собой, это моя законная добыча, — отозвался Фелндар и шлепнул Фереби пониже спины, что вызвало новый взрыв хохота.

Фереби громко выругалась и попыталась сползти с лошади, однако плащ зацепился за седло. Пылая от гнева, она ухватила Фелндара за ногу и вцепилась в нее ногтями.

Фелндар вскрикнул — больше от неожиданности, чем от боли, а Фереби сомкнула пальцы на рукояти меча и соскочила с лошади. Плащ ее разорвался, зато оружие осталось в руке. Фереби встала на песке, держа меч перед собой и прожигая Фелндара ненавидящим взглядом. Глаза ее пылали яростью.

Фелндар хихикнул.

— Смелая маленькая рыбачка! Да ладно, не петушись. Мы просто пошутили.

— Пошутили! — взорвалась Фереби. — Пошутили?! Грязные распутники! Видимо, для тебя это единственный способ заполучить женщину, ты... ты, червяк! — Она взмахнула мечом перед его носом и приняла боевую стойку.

Фелндар, разрумянившийся от скачки и смеха, изумленно вскинул брови.

— Умеешь обращаться с оружием, а? Видимо, практиковалась с метлой на кухне. — Он соскочил с лошади и встал перед ней, разведя руки в насмешливо-успокаивающем жесте.

— Только тронь, и я покажу тебе, чему научилась, — пробурчала Фереби.

— Да неужто?

— Испугался? — Фереби уже успела пожалеть, что схватила меч, но не собиралась идти на попятный. Впервые она видела своего будущего мужа так близко. Фелндар оказался лет на пять старше и примерно на фут выше. И у него был слишком маленький подбородок...

— Испугался? Кого? Тебя? Вряд ли, — усмехнулся он. Фереби не могла не признать, что у него чарующая улыбка. — Ладно, я покажу, как обращаться с этой железкой, если взамен ты научишь меня варить крабовый суп.

Фелндар подмигнул одному из приятелей, и тот вложил ему в руку свой меч. Фелндар насмешливо отсалютовал Фереби клинком и встал в боевую стойку. Толпа раздавалась в стороны, образовав круг.

— Ну, давай, красотка... Ого!

— Не смей так меня называть! — Фереби сделала выпад. Фелндар не воспринимал ее всерьез — и очень зря. В два шага Фереби оказалась рядом с ним, кончик меча задел его предплечье. Алое пятнышко расплылось по белоснежному льну рубашки, и Фелндар невольно подался назад. Насмешливое выражение на его лице сменилось изумлением, а затем — гневом. Громкий вздох пролетел по рядам зрителей.

«Я это сделала, — подумала Фереби. — Унизила его перед товарищами. Теперь он захочет взять реванш».

Фелндар рванулся вперед, размахивая мечом. Со стороны все эти выпады и финты выглядели впечатляюще, но Фереби понимала, что они не причинят ей вреда. Он действовал скорее напоказ, нежели на самом деле желая причинить ей вред. «Конечно же, он не хочет поранить меня, — поняла Фереби. — Просто пугает». И все же атаки Фелндара производили впечатление. Он был невероятно быстр, и Фереби не сразу осознала свое преимущество.

— Тебе просто повезло, сучка! — рявкнул Фелндар.

Фереби невозмутимо пожала плечами.

— Ага, вот и оскорбления в ход пошли. — Фереби поймала его меч на ударе в нижнем секторе и разбалансировала его, резко сдвинув свой клинок вверх и вперед — к рукояти. Этому финту ее обучил отец. Коротким движением она выдернула меч из руки Фелндара и откинула в сторону, а затем приставила свой клинок к его горлу.

— Меня зовут Фереби Везул, — спокойно сообщила она.

Фелндар побледнел.

— Ты — дочь гене...

Фереби, не дослушав, обвела взглядом офицеров, которые оторопело наблюдали за происходящим.

— Мы с Фелндаром договорились об этом спектакле, — улыбнулась она, — дабы преподать всем вам небольшой урок. Первое: не надо путать гнев с отвагой — и ему не должно быть места в бою. И второе: никогда, ни при каких условиях не следует недооценивать противника.

Фереби обернулась к Фелндару, поймала его взгляд и сделала небольшой реверанс. Молодой человек слабо улыбнулся в ответ.

Один из его товарищей рассмеялся и зааплодировал. Толпа подхватила смех.

— И никогда не оскорбляйте женщин — к какому бы сословию они ни принадлежали, — прибавил Фелндар.

— Совершенно верно. — Фереби улыбнулась.

Она не нанесла урона чести Фелндару и не унизила его. Ситуация разрешилась. Более не оглядываясь на толпу офицеров, девушка побрела по пляжу к своему садку. Она надеялась, что в нем осталось хотя бы несколько крабов.

За спиной послышались торопливые шаги: Фелндар догнал Фереби и схватил ее за локоть.

— Фереби, — торжественно произнес он, — я прошу у тебя прощения за то, что произошло. Однако должен сказать, что не было нужды защищать мою честь. Единственная женщина обладала этим правом — моя мать. И в последний раз она делала это, когда мне было пять лет от роду... Мне ни к чему вторая мать.

Фереби смерила его холодным взглядом.

— Что тебе на самом деле нужно — так это получше научиться фехтовать. Тогда ты сможешь защитить свою честь самостоятельно.

Фелндар отшатнулся так, словно его ударили. Отдернув руку, он прошептал проклятие, повернулся на каблуках и зашагал обратно по пляжу. «Молодец! Отличное начало, — досадливо сказала себе Фереби. — Не могла подождать до первой брачной ночи?»

Впрочем, все могло закончиться гораздо хуже, рассудила она. Фереби задумчиво наблюдала за Фелндаром, шагавшим по песку. Ей нравилось, как он движется.

Зимнее солнце пробивалось сквозь щели в жалюзи. Эффи поерзала на стуле и нервно поправила солнечные очки. Она пыталась вникнуть в дискуссию, но смысл разговора неизменно ускользал. Эффи всегда настороженно относилась к врачам, а вернее — к медикам вообще.

— Так каков же точный диагноз, мистер Тейлор? — спрашивал Йиска. — Он подразумевает принудительное лечение?

Молодой врач, сидевший по другую сторону стола, самодовольно улыбнулся. Эффи решила, что доктор ей не симпатичен.

— Мы *знаем*, кто таков мистер Талискер, но стараемся не напоминать ему о прошлом, пока он проходит лечение. Это может вызвать негативную реакцию. Его диагноз — клиническая депрессия. Мы используем для лечения электрошоковую терапию...

Йиска выглядел удивленным.

— Вы до сих пор практикуете подобные методы?

— О да. Очень эффективно. Однако нас беспокоит его физическое состояние. Иммунная система мистера Талискера почти не функционирует, и мы не можем понять, что послужило тому причиной.

— А вы проверяли его на ВИЧ?

— Мы не полные глупцы, мистер...

— Таллоак. Доктор Майкл Таллоак.

— О... Ну... — Молодой врач несколько растерялся. Самодовольное выражение исчезло с его лица, он нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Мы провели множество тестов... Говорите, вы родственники?

Йиска кивнул на Эффи.

— Мисс Морган — его племянница.

Эффи принужденно улыбнулась. Она устала.

— Извините меня. Пойду поищу что-нибудь попить, — промямлила девушка. Оставив Йиску и доктора Тейлора в кабинете, она вышла в коридор.

Как и большинство психиатрических клиник, Королевский госпиталь Эдинбурга был светлым и чистым. В коридорах пахло свежестью, а со стороны кухни долетал аромат овощного рагу.

— Тс-с! Эюфемия, он здесь... — Эффи невольно подскочила, когда в конце коридора неожиданно возник Малки. Она задумалась — можно ли когда-нибудь привыкнуть к ошивающемуся рядом призраку? Навряд ли...

— Эффи, — прошипела девушка, нервно оглядевшись по сторонам. Не дай Бог, кто-нибудь увидит, как она разговаривает сама с собой. Этак недолго из посетительницы этого заведения превратиться в его пациентку. — Называй меня Эффи.

Она подошла к двери, на которую указывал Малки, и через окошечко заглянула в палату. Внезапно Эффи разозлилась. Разозлилась и разволновалась. Разом пересохло в горле и вспотели ладони. Последний раз она виделась с Талискером много лет назад в гостях у дяди Сандро, и в тот раз Эффи не слишком-то обращала на него внимание. Теперь она жалела об этом, потому что ей не представилось случая получше узнать его. Талискер был частью той большой лжи, которой ее пичкали все эти годы. Малки рассказал ей об убийстве матери, но Эффи была уверена, что и он опустил некоторые подробности. Отныне она знала, что Талискер имел прямое касательство к этой истории, хотя впоследствии его и оправдали. Впрочем, нет сомнений: он знал о смерти ее матери больше, чем кто бы то ни было.

Талискер утверждал, что Шула Морган погибла от рук демона. Как вам это нравится?.. Ладно, с тех пор, как Эффи познакомилась с призраком, она готова была поверить в самые невероятные вещи, и все же... Рассказ Малки только породил новые вопросы, и Эффи хотела наконец-то получить ответы.

Талискер плохо выглядел. Он неподвижно лежал на спине, широко раскрыв глаза и глядя в никуда. Только легкое движение грудной клетки свидетельствовало о том, что он еще жив. Более же всего поразила Эффи неестественная белизна его кожи. Эффи никогда не случалось видеть мертвецов, но она подозревала, что даже труп не мог быть бледнее. Рыжие волосы до плеч были чуть подернуты сединой, и тем не менее Эффи не взялась бы угадать возраст Талискера.

— Ты идешь, девочка? — мягко спросил Малки.

— Да. А ты?

— Еще немного побуду тут. Возможно, ты захочешь поговорить с Дунканом о своей матери.

Эффи покосилась на призрака, удивленная его внезапно пробудившейся тактичностью.

— Ладно. Да... Да, черт возьми! Я иду.

Она распахнула дверь и решительно шагнула в палату. Не время сочувствовать Талискеру. Возможно, этот человек убил ее мать. Эффи желала получить ответы — и немедленно.

— Талискер. — Ее голос прозвучал резко. Возможно, даже слишком резко. Однако Талискер не ответил. Он лежал неподвижно, невидящим взглядом глядя в потолок. Эффи широким шагом пересекла комнату и наклонилась над кроватью. Теперь Талискер мог видеть ее лицо. Взгляд синих глаз остановился на ней, и Эффи невольно поежилась. Что-то было в этом взгляде... Нечто, что Эффи не сумела бы описать словами. Она сдернула с лица солнечные очки, гадая, вспомнит ли ее Талискер. И в этот момент он заговорил:

— Кто вы?

— Не помните? Я Эффи.

— Эффи? — Синие глаза удивленно расширились. — Эффи Морган?

— Да.

Воцарилось молчание. Талискер медленно повернул голову, разглядывая девушку.

— Ты похожа на свою мать, — наконец промолвил он.

Эффи готова была разрыдаться, но злость помогла ей взять себя в руки. Не время для слез. Эффи поглубже упрятала эмоции и заговорила самым ровным голосом, на который только была способна:

— Расскажите мне о ее смерти, мистер Талискер. Вы были там... Я должна знать, что произошло.

Внезапно Талискера скрутил приступ кашля — сухого и хриплого.

— Выпейте воды, — сказала Эффи. Не дожидаясь реакции, она наполнила чашку из пластмассового кувшина, стоявшего у изголовья кровати. Талискер приподнялся на постели и принял у нее чашку. Его руки были холодны как лед.

Выпив воду, Талискер отставил чашку и смерил Эффи долгим взглядом. «У него пустые глаза, — подумала девушка. — Абсолютно пустые».

— Шула погибла в автомобильной катастрофе, — произнес Талискер.

Ну конечно! Они же все сговорились. Все без исключения.

— Неужели? А может, ее убил демон?..

Реакция Талискера оказалась совсем не такой, которой ожидала Фереби. Он нахмурился, словно не понимая, о чем идет речь, и недоуменно переспросил:

— Демон?..

В этот момент открылась дверь палаты. Вошел Йиска в сопровождении доктора.

— Я вижу, вы уже нашли дядю, мисс Морган, — улыбнулся Тейлор.

— Да. Можно забрать его домой?

Доктор пожал плечами.

— Это в первую очередь зависит от мистера Талискера. Он находится здесь добровольно и волен покинуть нас в любой момент — когда ему заблагорассудится. Я могу беспрепятственно выписать мистера Талискера. Тем более что доктор Таллоак обещал понаблюдать за ним.

— Но я не понимаю... — начал Талискер. Он не договорил. В палате материализовался Малки, появившись между двумя докторами. Сквозь его тело просвечивали дверь и коридор за ней. — Малк?!

— Хм-м... — Тейлор нахмурился. — Что вы сказали, мистер Талискер?

— Здорово, Дункан. Я гляжу, ты приболел?

Секунду спустя Талискер оправился от изумления, снова принял равнодушный вид и посмотрел прямо сквозь Малки — благо это было нетрудно сделать.

— Да-да, это я, *Майк*. — Йиска улыбнулся. — Давно не виделись, верно?

Талискер прищурил глаза.

— Более чем, — спокойно отозвался он. — Доктор Тейлор, я бы хотел переговорить поговорить с Эффи и... Майком. Наедине.

Врач широко улыбнулся. Эффи показалось, что он предпочел не заметить очевидную растерянность Талискера и напряжение, повисшее в воздухе.

— Пожалуйста-пожалуйста. Никаких проблем. Это важное решение, Дункан. Не торопитесь.

И доктор Тейлор вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Что здесь происходит? — спросил Талискер. Из его синих глаз исчезло прежнее выражение опустошенности. Он обвел присутствующих цепким, внимательным взглядом.

— Дункан, нам нужна твоя помощь... — начал Малки.

Талискер не обратил на него ни малейшего внимания, словно никакого горца не было вовсе.

Эффи и Йиска переглянулись.

— Все в порядке, — сказала Эффи. — Мы его тоже видим.

— Кого?

— Меня, черт бы тебя подрал! — рявкнул Малки. — Эти таблетки совсем твои мозги разжижили?

Он сел на край кровати Талискера и уставился на него, всем своим видом изображая: «Ну что, собираешься отрицать очевидное?»

Талискер тяжко вздохнул.

— Ладно-ладно, Малк. Может, оно и к лучшему...

— Ну как же! Ты слишком занят своими болячками, чтобы обращать внимание на друзей, — сварливо отозвался призрак. — Так что, оставить тебя в покое? Или, может, все-таки уделишь нам пять минут?

— Извини, Малк. Прости. Это из-за лекарств. Я тебя слушаю.

— Ладно. В общем... Короче говоря, в Сутре случилась беда и...

Раздался странный скрипучий звук: Талискер сделал попытку рассмеяться.

— Сутра! Дай-ка угадаю. Я должен отправиться туда и всех спасти? Им опять понадобился Странник по Мирам, Последний в Роду и все такое прочее?

Эффи и Йиска не понимали, о чем идет речь, но Малки с готовностью кивнул:

— Точно, Дункан. Сутра опять нуждается в тебе.

Смех резко оборвался.

— Малк, — проговорил Талискер. — Ты знаешь, сколько лет прошло в Сутре с тех пор, как я ее покинул?

— Нет.

— Я бы сказал — около ста восьмидесяти.

Малки удрученно замолчал, и Талискер обратил взгляд на Эффи.

— Я не знаю, каким образом вы двое впутались в эту историю, но, очевидно, вы сами не понимаете... — Его взгляд сделался мутным и слегка рассеянным. Очевидно, начали действовать лекарства. Талискер тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. — Наверняка не понимаете. И неудивительно...

— Мы понимаем, — поспешно вставила Эффи.

— Нет. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Вы учились в школе вместе с мамой и дядей Сандро. Стало быть, около сорока шести. Верно?

Талискер покачал головой.

— Неверно. Этому телу по меньшей мере сто десять лет.

— Сколько?! — выдохнул Йиска.

— Ладно, положим, время здесь и там идет по-разному, — уступил Малки. — Но это не меняет того факта, что Сутра — или кто-то в Сутре — пытается разыскать тебя, Дункан. Вот этот парень, Йиска, он приехал с другого конца света, потому что его дедушка видел сны о...

— Да? Если я так нужен в Сутре, то почему *мне* не снилось никаких снов? Помнится, раньше это отлично срабатывало. Например, в тот раз, когда со мной пыталась связаться Мирранон. И почему ты не явился ко мне сам? Какого дьявола понадобилось тащить сюда *их?* — Талискер бросил мрачный взгляд на Эффи. Его мертвенно-бледные щеки слегка порозовели — должно быть, от гнева. — Почему, Малк?

— Да потому, что я не сумел тебя «увидеть». Нигде не мог отыскать след твоего разума. Сдается мне, ты потерял его в гораздо большей степени, чем тебе кажется!

— Ты шутишь...

— Нет, — тихо проговорил горец. — Это правда.

— По-моему, вы все здесь сошли с ума, — пробормотала Эффи. Внезапно она ощутила досаду и раздражение. Йиска же, казалось, вовсе не удивлялся происходящему. Эффи бросила взгляд на его спокойное лицо, пытаясь понять — почему индеец с такой готовностью поверил во всю эту белиберду. Что, если он журналист, разыскивающий сенсацию? Или эта история — просто неудачная шутка? — Я позвоню дяде Сандро и все ему расскажу. Пусть он сам с вами разбирается, ребята.

Эффи направилась к двери. Никто не пытался остановить ее, и оттого досада обуяла ее с новой силой. Она сделала свою часть работы, стало быть — может уходить... Дверь закрылась с тихим щелчком. Уже стоя в коридоре, Эффи услышала, что Талискер продолжил разговор — словно ее уход не имел никакого значения.

— Сутра наверняка сильно изменилась. Все, кого мы знали и любили, давно мертвы. У меня нет причины туда возвращаться.

— Нет есть, — сказал Йиска. — И я вам ее сейчас назову: вы умираете. Не так ли?

Вечером Фереби позволила себе вспомнить, что она женщина. Отец разрешил ей пропустить тренировку, и Фереби было немного стыдно, поскольку она приобретала новый навык — обращение с арбалетом. Но Фереби должна была подготовиться к главному празднику в своей жизни.

Она приняла горячую ванну и тщательно расчесала серебристые волосы. Коротко подстриженные, они торчали в разные стороны, отчего мать Фереби приходила в отчаяние. «Что за прическа! — вечно жаловалась она. — Не волосы, а щетка какая-то! Так неженственно!» Однако сегодня Фереби причесывала и прибирала волосы, пока они не заискрились на свету.

Мать настаивала, чтобы Фереби надела жуткое зеленое платье, но тут уж девушка уперлась намертво. Она выбрала другое, которое пришлось ей по душе, — серебристое, простое, не стеснявшее движений. Никаких браслетов и колец. Запястья и кисти должны оставаться обнаженными, поскольку во время церемонии ей будут разрезать ладонь. Это торжественный момент для Фереби и ее семьи, и она решила не навлекать позор на них, вздрагивая от боли, когда лезвие коснется ладони. Многих девушек пугала предстоящая церемония; они боялись боли и даже плакали.

Впрочем, Фереби тоже не оставалась безучастной. Она шагала взад-вперед по комнате, отчаянно пытаясь привести в

порядок волосы и несколько раз сменив обувь. В конце концов Фереби остановила выбор на любимых туфлях с высокими каблуками. Они не очень-то подходили к наряду, но Фереби решила, что их все равно не будет видно под платьем. Вдобавок каблуки прибавят ей роста, что тоже немаловажно: Фереби была невысокой, и это немало ее раздражало...

Послышался стук в дверь, и вошел отец. Несколько секунд он стоял на пороге, изумленно разглядывая девушку. Потом одобрительно улыбнулся:

— Кажется, ты выросла, малышка Реби.

Из уст отца такие слова звучали как комплимент. Он никогда не был силен в изъявлениях нежности. Фереби чуть покраснела.

— Ты выглядишь очень... женственно, — пробормотал генерал. — Вот. Я кое-что тебе принес. — Он вынул руку из-за спины. Фереби рассмеялась.

Она знала, что отец принесет цветы, — и не ошиблась. Генерал протянул ей взъерошенный букет из жасмина и дикого плюща. Однако это было еще не все. Вслед за букетом отец передал Фереби изящный кольчужный пояс с прикрепленным к нему кинжалом в ножнах из серебра и кости.

— Как бы там ни было, ты — дочь генерала, Реби, — сказал он несколько смущенно. — Если не хочешь — не надевай его. Я имею в виду: если решишь, что он не подходит к твоему платью...

— Нет, отец, я надену. Он очень красивый. И с ним я не буду чувствовать себя глупой девчонкой...

Генерал чуть заметно поморщился. Необузданный, дикий характер Фереби вызывал головную боль у ее родителей с раннего детства.

— Ты больше не девчонка, Реби. Ты женщина... Впрочем, на твоем месте я бы не стал показывать пояс матери...

— Верно, — согласилась она. — Я надену его прямо перед церемонией.

— Удачи. — Везул направился к выходу, но задержался в дверях, будто бы что-то припомнив. — Да, кстати...

— Да?

— Ладно, ничего. Поговорим после.

Фереби улыбнулась, глядя ему вслед. Она знала, что хотел и не сумел сказать отец. Генерал никогда не умел должным образом выражать эмоции...

Впрочем, как выяснилось впоследствии, Фереби заблуждалась на его счет.

В эти летние дни темнело поздно. Было тепло, и поэтому церемонию проводили на открытом воздухе. Царила атмосфера праздника. Музыканты наигрывали веселый мотив. Роди-

тели и друзья девушек уже собрались возле помоста, попивая подогретое вино и дремси в ожидании начала действа.

Фереби присоединилась к группке своих ровесниц, которым предстояло стать главными героинями сегодняшней церемонии. Когда она подошла, уже приладив к поясу отцовский подарок, две девушки смерили ее насмешливыми взглядами, а затем отвернулись и захихикали. Это были Аста и Флис — высокие, элегантные дочери какого-то советника. Фереби покраснела от гнева, однако смолчала.

— Фереби, ты что, всерьез собираешься это носить? — Похоже, весть о ее наряде облетела сверстниц. Подруга Фереби подошла к ней и рассмеялась, кивнув на кинжал.

— Собираюсь, — невозмутимо отозвалась Фереби. — Ведь я — дочь генерала. Этот кинжал подарил мне отец... Кстати, отлично выглядишь. Нервничаешь?

— Да. — Подруга понизила голос. — Мама дала мне компресс из трав, чтобы приложить к ладони. Гляди. — Она осторожно показала Фереби матерчатый кулечек, от которого пахло мятой и мхом.

Фереби презрительно фыркнула.

— И что, будет легче?

— Да. Мама сказала, что сама пользовалась таким компрессом, когда настал ее День Судьбы.

— Интересно, сколько еще девиц здесь прячут подобные штуки в рукавах? — мрачно пробормотала Фереби.

— Что?

— Да ничего. Забудь... Тише! Кажется, начинается.

— Успокойтесь, девушки, и займите свои места, — раздался голос распорядителя.

Они подошли к помосту и расселись на стульях с высокими спинками, стоявших по обе его стороны. Разумеется, сам император не присутствовал на церемонии. Его полномочным представителем в Кармале Сью был генерал Везул. Он никак не выделял Фереби среди прочих девушек, и все же она была горда тем, что родной отец будет выполнять ритуал ее Дня Судьбы. Впоследствии Фереби не раз вспоминала этот день — день, когда кончилось детство. И дело было отнюдь не только в ритуале.

Несмотря на торжественность дня и праздничное настроение людей, сама по себе церемония была довольно скучна. Играла музыка, произносились возвышенные речи. Фереби начала ерзать на стуле, подавляя зевоту и рассматривая венки из цветов и листвы, что украшали двор. Прохладный ветерок дул со стороны океана; свет многочисленных лампад и свечей окрашивал двор в теплые оранжевые тона. Взгляд Фереби то и дело возвращался к Фелндару, и один раз их глаза встретились. Несколько се-

кунд он смотрел на нее, а затем улыбнулся. Фереби, страшно смутившись, поспешила отвернуться.

И вот отец зачитал первое имя: Алика Трезулет. Фереби не была с ней знакома и все же ощутила укол досады, увидев, как нервничает девушка. Фереби было стыдно за нее. Когда Алика опустилась на колени перед генералом Везулом и протянула ему дрожащую руку, Фереби показалось, что девушка вот-вот упадет в обморок. Генерал тихо сказал что-то ободряющее, и Фереби усмехнулась: окажись на месте Алики она сама, отец бы и не подумал ее утешать, а отругал бы за малодушие. Взяв кисть Алики в свою руку, Везул быстро чиркнул кинжалом по ладони девушки. К ее чести, она не вскрикнула и не отшатнулась.

Церемония шла своим чередом. Одна за другой девушки выходили на помост, и, несмотря на свою браваду, Фереби нервничала все больше и больше по мере того, как укорачивалась очередь. Получив кровавую отметину на ладони, каждая из девушек выслушивала повеление императора, предопределяющее ее судьбу. Большинству из них предписывалось выйти замуж, и, спускаясь с помоста, девушки становились рядом с женихами, избранными для них императором. Некоторым же, имевшим склонность к наукам либо религиозному служению, предстояло стать книжницами или жрицами Онрира.

Наконец настала очередь Фереби. Она шагнула на помост, всем видом выражая уверенность, которой на самом деле не испытывала. В толпе раздались шепотки. Надо думать, люди обсуждали ее кинжал, подвешенный к поясу. Фереби ни на что не обращала внимания. Улыбнувшись отцу, она опустилась на колени и протянула недрогнувшую руку.

По правде сказать, было не так уж больно. Во время тренировок ей случалось получать травмы и похуже. Фереби посмотрела на алую полосу, пересекавшую ладонь, и сжала кулак, ощущая нечто похожее на разочарование. Самый главный день в ее жизни... Возможно, он показался бы более важным и торжественным, если бы действительно стало больно. Поднимаясь на ноги, Фереби наступила на край платья и пошатнулась. Отец придержал ее за локоть. Так и не отпустив ее руки, он объявил Фереби решение императора.

— Фереби Везул. Император повелевает тебе стать офицером в его армии. Ты получаешь звание лейтенанта первого ранга. Предписание вступает в силу с нынешней полуночи. Да благословит тебя Онрир!

Толпа изумленно вздохнула; послышались тихие, но возбужденные голоса. Фереби получила высокое звание, превзойдя по чину того человека, который — предположительно — должен был стать ее мужем.

— Отец? — прошептала Фереби. — Как же так? — Она обернулась к Фелндару — и не она одна. Множество глаз

было устремлено на молодого воина. Люди притихли в ожидании его реакции. И офицер не сумел скрыть своих чувств. Рот Фелндара приоткрылся от изумления, он громко ахнул; кровь прилила к его щекам. Фереби неотрывно смотрела на него. Их взгляды встретились, и в глазах Фелндара она увидела чистую, ничем не замутненную ярость. Медленно — нарочито неторопливо — Фелндар отдал ей честь, а затем повернулся и зашагал прочь. Стук его сапог отдавался в тишине двора громким эхом...

— Император сказал свое слово, Фереби. — Отец подтянул ее поближе к себе. — Ты будешь начальником Фелндара. Возможно, через несколько лет...

Окончание реплики потонуло в шуме толпы. Фереби была последней в ходе церемонии. И теперь музыканты снова заиграли, а люди заговорили громче — обсуждая произошедшее и поздравляя своих подруг, сестер и дочерей.

— Ты должен был предупредить его! — взорвалась Фереби, изумившись собственной дерзости.

— Он привыкнет, — мягко сказал генерал. — Ты что, недовольна, Реби? Мы с матерью думали...

Фереби замолчала, обдумывая его слова.

— Нет, — наконец сказала она. — Я довольна, отец. Хотя вряд ли Фелндар будет охотно выполнять мои приказы.

— Поговори с ним. Всегда полезно побольше узнать о подчиненных.

Вопреки совету отца Фереби не последовала за Фелндаром. Менее всего ей хотелось разговаривать с ним.

Едва выйдя со двора и убедившись, что за ней никто не наблюдает, Фереби бросилась бежать. Она стремилась побыть одна, чтобы успокоиться и подумать.

Фереби завернула к конюшням и оседлала лошадь. Затем девушка выехала за ворота цитадели и вскачь понеслась в сторону пляжа.

Под светом полной луны песок отливал серебром. Блики плясали на воде, и волны мягко шуршали, наползая на берег. Где-то среди дюн пел соловей. Но Фереби сейчас было не до красот пейзажа. Оказавшись на пляже, она пустила лошадь галопом, выжимая всю возможную скорость.

Впрочем, бешеная скачка не могла длиться долго. Копыта лошади вязли в песке, и она быстро начала уставать. Фереби натянула поводья и похлопала животное по шее, успокаивая его. Теперь, когда движение замедлилось и у Фереби появилась возможность оглядеться по сторонам, девушка заметила в отдалении еще одного всадника. Хотя он был по меньшей мере в полумиле от нее, Фереби тотчас же поняла — это Фелндар.

«Что ж, — подумала Фереби, — должно быть, судьба». Ей не избежать сегодняшнего разговора. Она ударила лошадь каблуками и направилась к Фелндару. Однако, не успев проехать и нескольких футов, Фереби поняла, что они с Фелндаром на пляже не одни. Здесь был кто-то — или что-то — еще...

Она мгновенно поняла, что высокая фигура, вынырнувшая из тени дюн, не принадлежала человеку. Существо было гуманоидом и двигалось на двух ногах, да только тем и ограничивалось его сходство с человеком. Огромного роста — пожалуй, семи или восьми футов, — оно было одето в какие-то лохмотья, едва прикрывавшие тело. Массивный торс казался непропорционально большим по отношению к ногам, и потому странное существо двигалось, ссутулив плечи и сильно наклонившись вперед. И это было еще не все. Из тела существа били лучи яркого синего света. Казалось, свет исходит изнутри, пробиваясь сквозь разрывы и швы в плоти твари... В руках существо держало огромный боевой топор. Выскочив из теней, оно побежало по берегу, направляясь прямиком к Фелндару и угрожающе размахивая оружием.

Это Фереби увидела в единый миг, а секунду спустя она уже во весь опор неслась по берегу.

— Фелндар! — вопила Фереби во всю силу своих легких. — Фелндар! Берегись!

Едва она закричала, из теней выскочили еще два существа. Их мертвенный синий свет отбрасывал блики на песок пляжа, придавая пейзажу странный, неестественный вид. Фереби безжалостно гнала лошадь вперед, не переставая орать. Она увидела, что Фелндар обернулся — увы! — слишком поздно. Его преследователь вцепился в круп коня, словно намереваясь запрыгнуть в седло. Конь взбрыкнул, пытаясь избавиться от внезапно навалившегося на него веса. Копыта заскользили по песку, конь пошатнулся и завалился набок. Фелндар вылетел из седла и рухнул на землю. Фереби вскрикнула в бессильном гневе, видя, как стремительно приближаются остальные твари.

Впрочем, Фелндар мгновенно сориентировался в ситуации. Упав на песок, он быстро откатился в сторону, чтобы не попасть под копыта мечущегося коня. В следующий миг животное рухнуло, не совладав с собственным весом и весом повисшей на нем твари. Фелндар вскочил на ноги и выхватил из ножен церемониальный меч.

Фереби сомневалась, что Фелндару удастся совладать с противником. Церемониальный меч не предназначен для настоящих сражений. Красив — и совершенно бесполезен в бою. Увы, другого оружия у Фелндара не было. Между тем тварь перегнулась через тело поверженного коня и замахнулась топором, готовясь нанести удар.

Фереби была почти рядом. Однако, приблизившись, она поняла, что вооружена еще хуже, чем Фелндар. Все, что у нее

было, — это кинжал, подаренный отцом. Впрочем, она уже не сумела бы остановиться, даже если бы и хотела. Одна из тварей обернулась и увидела ее. У Фереби сердце ушло в пятки, ледяная волна ужаса накрыла ее с головой. Лицо твари казалось гротескной маской человека. Отвратительная морда с нечеткими, будто не до конца сформированными чертами, испещренная бесчисленными шрамами...

На глазах Фереби одна из тварей булыжником проломила голову несчастной лошади. Две другие обратили свое оружие против Фелндара, который отчаянно защищался.

— Не подходи! — крикнул он.

Фереби не послушалась. Ее лошадь храпела и шла вперед неохотно, чуя кровь; Фереби приходилось что было сил нахлестывать ее. Преодолев последнюю сотню ярдов, отделявшую девушку от твари, Фереби резко выбросила вперед ногу; острый каблук сапога воткнулся противнику в горло. Послышался странный звук, словно Фереби попала по камню. Натянув поводья, она ударила врага кинжалом, попав чудовищу в плечо. Тот же звук — скрежет лезвия по твердой, будто бы каменной поверхности. Тварь яростно заревела, но Фереби видела, что кинжал не причинил противнику ни малейшего вреда. Описав полукруг, она снова ударила ногой. На сей раз чудовище среагировало быстрее: схватив Фереби за стопу, оно резко дернуло ее на себя. Девушка отчаянно рванулась, пытаясь освободиться. Послышался хруст, острая боль пронзила ногу, и Фереби закричала.

Тем не менее ей удалось вырваться. Перепуганная лошадь прянула в сторону и галопом понеслась по пляжу. На полном скаку Фереби миновала вторую из тварей. Та все еще была занята конем Фелндара. Нависнув над тушей, монстр вырывал из ее шеи исходящие паром куски плоти и пожирал их. Кровь размазалась по лицу чудовища и стекала по груди. Кожа странного создания была мертвенного бело-голубого цвета, и в свете луны кровавые потеки на его лице казались черными и маслянистыми.

Фереби неслась по пляжу, направляясь к Фелндару. Медленно... Слишком медленно. Она не успеет... Фелндар неизбежно погибнет через несколько секунд.

Фелндар бежал по пляжу — прочь от твари. Против чудовища у него не было ни шанса, и он сделал единственное, что имело смысл, — спасался бегством. Однако тварь двигалась много быстрее человека. Еще немного — и она настигнет офицера. Конец казался неизбежным...

Поравнявшись с беглецом, Фереби наклонилась в седле. Крепко сжимая поводья одной рукой, вторую она протянула Фелндару.

— Прыгай!

Несколько секунд Фелндар бежал вровень с ее лошадью. Их пальцы едва не соприкоснулись, но разница в скорости

была слишком велика. Фереби унеслась вперед, прежде чем Фелндар успел ухватиться за ее руку.

Резко натянув поводья, Фереби развернула лошадь — как раз чтобы увидеть занесенный над Фелндаром топор. Фереби отчаянно закричала. Не очень-то соображая, что делает, и не целясь, она метнула кинжал. Холодно блеснув под светом луны, кинжал вырвался из ее руки и пролетел прямо над головой Фелндара.

Тварь была примерно на фут выше своей жертвы. И кинжал угодил ей в глаз. С пронзительным ревом чудовище рухнуло на колени. Синий свет, исходящий из ее тела, сделался ярче. Третье существо — то, с которым раньше сражалась Фереби, — побежало в ее сторону, размахивая топором.

Не дожидаясь развязки, Фереби поскакала к Фелндару. На этот раз их руки встретились, и она помогла молодому офицеру запрыгнуть в седло. Резкое движение отдалось обжигающей болью в поврежденной ноге, и Фереби застонала сквозь стиснутые зубы.

Теперь, когда Фелндар был рядом, девушка думала только о бегстве. Она ударила лошадь каблуками, направив ее в сторону мыса.

— Фереби, погоди... Смотри!

Она не обратила внимания на его слова. Ее обуял ужас. Фереби яростно нахлестывала лошадь, стремясь оказаться как можно дальше от кошмарных тварей.

— Постой. Да стой же ты!

Наконец крики Фелндара достигли сознания девушки. Фереби натянула поводья.

— Что?! — Ее голос сорвался на крик. Она ощущала себя комком нервов, но все же нашла силы повернуться в седле и поглядеть туда, куда указывал Фелндар.

Твари больше не гнались за ними. Все трое корчились на песке, а свет, охвативший их тела, становился ярче. Несколько секунд — и их силуэты исчезли во вспышках синего огня. Затем свет начал меркнуть, и когда он потух совсем, твари словно испарились.

— Святая задница Онрира! — пробормотала Фереби, с трудом переводя дыхание. — Что это было?

Фелндар соскользнул с крупа коня и поднял свой меч, упавший на песок во время поспешного бегства. На несколько секунд воцарилось молчание, а когда Фелндар поднял глаза, его лицо было угрюмым и напряженным.

«Я снова его спасла, — подумала Фереби. — Я спасла ему жизнь — и окончательно растоптала его честь».

— Полагаю, ты можешь спросить об этом у своего папаши, — мрачно отозвался Фелндар. — Наверняка он все разъяснит. Ты же теперь большая шишка.

— Большая шишка, которая только что спасла твою задницу! — разозлилась Фереби.

— Я бы и сам управился, — буркнул Фелндар.

— Достаточно будет простого «спасибо», — съязвила она.

Фелндар взял лошадь под уздцы и повел изнуренное животное вверх по пляжу.

— Спасибо, — холодно сказал он.

Это только рассердило Фереби еще больше.

— Сейчас, наверное, уже перевалило за полночь, офицер Фелндар. Поэтому изволь называть меня «мэм».

Он ничего не ответил. В молчании они проделали весь путь до Кармалы Сью.

ГЛАВА 3

Может быть, они наконец-то оставят ее в покое? Просто оставят в покое... Она не желает иметь никакого отношения к этой идиотской истории.

Эффи включает музыкальный центр на полную громкость и возвращается к зеркалу, чтобы закончить макияж. Она красит ресницы. Рука немного подрагивает, и тушь ложится неровно. Эффи злится, и от того руки дрожат сильнее. Ей хочется со всей силы двинуть кулаком в стенку. «Что за чушь! Почему бы им просто-напросто не оставить меня в покое? Отвяжитесь вы все! Отстаньте ради всего святого! Моя мать давно мертва... И откуда у меня эти мешки под глазами?»

Эффи пристально вглядывается в свое лицо, втягивает щеки — хотя в этом нет необходимости: Эффи не знакома с проблемами лишнего веса.

Она кажется себе слишком бледной. Черные волосы до плеч выглядят тусклыми и ломкими. Следовало бы вымыть голову... хоть и не сейчас. Ей уже пора идти. Ладно, она соберет волосы в конский хвост, и никто ничего не заметит.

«Йиска не прав. Он считает меня наркоманкой».

Эффи недовольно хмурится, глядя на дрожащие руки, берется за карандаш для губ, обводит губы жирным контуром и закрашивает ярко-красной помадой. Завершив макияж, посылает своему отражению воздушный поцелуй.

— Ты ослепительна, милочка, — усмехается она. Это сарказм. На лице три слоя пудры, под глазами густо намазано тональным кремом. — Просто королева красоты...

Дребезжит дверной звонок. Сперва, не обращая внимания, Эффи приводит в порядок волосы. Звонок не унимается, и девушка сердито хмурится, глядя в сторону двери. Она знает, кто за ней стоит.

— Я не хочу никого видеть, Йиска. Проваливай.

— Что, извините?

Эффи застывает с расческой в руке. Голос ей не знаком. Человек говорит с мягким ирландским акцентом. Эффи смотрит в глазок. На площадке, переминаясь с ноги на ногу, стоит белокурый молодой человек. Эффи недоуменно разглядывает его. Кто он такой? Может, ошибся квартирой? Она снова заглядывает в глазок... Да это же тот парень, блондинчик из клуба! Черт!

— В чем дело? Я собираюсь уходить, — говорит она.

— Ты забыла сумочку в такси. Я ее принес.

— О! — Она открывает дверь и приветливо улыбается, чувствуя, как щеки наливаются краской стыда. — Привет...

Парень бесцеремонно входит в квартиру. Эта твердая походка и уверенные движения запомнились Эффи лучше, чем его лицо. Молодой, белокурый, стройный красавчик. Наверняка девушки вешаются ему на шею гирляндами — и он уже привык воспринимать это как должное. «А я? — в ужасе думает Эффи. — Что сделала я?»

Белокурый ангел протягивает ей сумочку. В ней только носовые платки и небольшой косметический набор. Эффи до сих пор не хватилась ее.

— Спасибо. Может, выпьешь кофе?

Она предлагает это только из вежливости и надеется, что гость откажется.

— Нет, благодарю. — Парень меряет ее оценивающим взглядом, который очень не нравится Эффи. — Ты собираешься куда-нибудь вечером?

— Да.

— В клуб?

— Может быть. Только сначала мне надо встретиться с друзьями, — лжет Эффи на тот случай, если парень намерен навязаться ей в попутчики.

Одарив ее ослепительной улыбкой, он спрашивает:

— Хочешь немного экстази?

Эффи издает короткий смешок.

— Нет уж, благодарю покорно. Не из твоих рук... — Боже, как же его зовут? Не то чтобы это имело значение, но... — В прошлый раз я едва не скопытилась.

— А при чем здесь я? — На лице гостя появляется изумленно-обиженное выражение. Он оскорблен ее намеком. Его обвиняют в распространении некачественного товара! — Ты сама виновата. Нельзя смешивать экстази с таким количеством алкоголя.

— Хм-м... Ну... — Эффи приходится признать, что он прав. Не исключено, что так и было. — Возможно... А «кокс» есть?

— Есть. Правда, не очень много. Он сейчас не пользуется спросом.

Эффи смеется над этим невинным комментарием. Ее собеседник тоже улыбается, хотя как-то принужденно, неискренне... Он передает ей пакетик кокаина и забирает деньги, упоминая клуб, где будет весь вечер — просто на случай, если она захочет купить ему выпивку, — и собирается уходить.

Впрочем, в дверях парень снова останавливается.

— Кстати, меня зовут Марк...

«Отлично. Моего дилера зовут Марк. А мне-то какая разница?»

— ...не думаю, что ты запомнила.

— Нет, — признает она. — Слушай-ка, Марк, а мы... мы с тобой... ну... занимались любовью? — Эффи мучительно неловко задавать этот вопрос, но, возможно, ей нужно сходить за таблеткой, предохраняющей от беременности, если еще не слишком поздно.

Марк хихикает, будто она сказала что-то смехотворное. Словно спать с наркоманкой — ниже его достоинства.

— Шутишь? Да я бы тебя пополам сломал! Господи, ты похожа на ходячий труп.

Он уходит, а Эффи остается стоять в прихожей как оплеванная. Она ошеломленно глядит на закрывшуюся дверь и думает, что ни в коем случае не станет плакать. Она не доставит ему такого удовольствия... В горле застревает знакомый жесткий комок, и Эффи понимает, что ее вот-вот вырвет.

— Еда... Мне надо поесть. Я *должна* поесть. — Это звучит так, словно она наказывает себя. Впрочем, подобные слова недалеки от истины. Процесс поглощения пищи причиняет боль...

Эффи распахивает дверцу буфета, и на нее валятся продукты — шоколад, печенье, хрустящие хлебцы, яблочные пирожки, жареные колбаски... Она собирает все в охапку и возвращается к дивану, по-прежнему думая о словах Марка.

Она не намерена запихивать внутрь еду, глотая ее точно удав. Эффи гордится тем, что может себя контролировать. Она красиво раскладывает все на диване — аккуратно, будто организуя застолье. Обертки и упаковки раздражают ее, так что фольга и целлофан отправляются в мусорное ведро — за исключением упаковки от кексов «Туннок», поскольку Эффи нравятся их красивые красно-серебряные фантики.

Разложив продукты, Эффи принимается за еду — спокойно, аккуратно стряхивая с пальцев крошки, включив музыкальный центр, чтобы заглушить чавканье. Она ненавидит этот отвратительный влажный звук... Постепенно Эффи начинает поглощать пищу быстрее и быстрее, запихивая в рот все подряд, но она еще может себя контролировать. Эффи украдкой бросает взгляд на пакетик с кокаином. Нет, сейчас его трогать нельзя. Надо подождать, пока ее вырвет, иначе наркотик пропадет зря.

В тот момент, когда Эффи берется за упаковку сушеных фиг, снова раздается дверной звонок. Эффи раздосадован-

но смотрит на дверь. Фиги — ее любимая еда, потому что они вызывают понос. Это куда более легкий способ очищать организм, чем рвота. «Черт подери! — думает Эффи. — На сей раз наверняка Йиска».

Эффи не хочет, чтобы ее тревожили. Не хватает еще, чтобы кто-нибудь присутствовал при «очищении организма». Она чувствует себя обманутой; вся трапеза испорчена. Девушка замирает, едва осмеливаясь дышать. Музыка играет слишком громко — иначе можно было бы притвориться, что ее нет дома. Едва Эффи хватает пульт дистанционного управления, намереваясь выключить звук, как начинает звонить телефон.

— Черт! Черт! — бормочет она. — Йиска, убирайся!

Дверной звонок не умолкает, потом в дверь начинают барабанить кулаком.

— Эффи, это Талискер. Пожалуйста, открой, нам надо поговорить.

— Сейчас, минутку. — Она хватает трубку и прижимает ее к уху плечом. — Алло? — И скидывает недоеденные продукты в коробку под диваном. Хватает кокаин и заталкивает его в карман джинсов.

— Привет, Эффи. Это Сандро. Как поживаешь?

— Хорошо, дядя Сандро.

Она придавливает крышку коробки. Яблочный пирожок разламывается; начинка выдавливается и течет по стенке коробки. В отчаянии Эффи набрасывает на коробку полотенце.

— Извини, не мог позвонить раньше. Как прошла встреча с Дунканом?

— Вообще-то сейчас он стоит за дверью. Подожди минутку, я его впущу.

Она скидывает с двери цепочку и рывком открывает ее. Замок сломан после недавнего вторжения Йиски. Он тоже здесь — стоит рядом с Талискером. Дункан выглядит несравненно лучше, чем в больнице, хотя лицо его все еще бледно и в глазах — то же выражение опустошенности.

— Эффи, я... О, прошу прощения.

Она кивает ему, отворачивается и говорит в трубку:

— На меня слишком много всего свалилось, дядя Сандро. Мне нужно время...

— Это Сандро? — Талискер заметно оживляется. — Дай мне поговорить с ним!

Эффи раздраженно машет рукой, призывая к тишине.

— ...нужно время, чтобы все это осознать. Насчет мамы и насчет... ну, ты понимаешь...

Повисает пауза. Затем Сандро на том конце провода тяжко вздыхает.

— Послушай меня, Эффи. Ты можешь ему поверить. Это правда. Все, что он сказал, — правда.

* * *

— Они называются шардами. — Генерал Везул холодно посмотрел на взъерошенную дочь. Фереби понимала, что отец еще сердится на нее за поведение на церемонии, но сейчас не до того. — Мы не знаем, откуда они взялись, и это первый случай, когда твари забрались так далеко на юг. Вам обоим сказочно повезло. Я слышал, что шарда практически невозможно убить.

— Везение здесь ни при чем, — ответила Фереби, поджав губы. Она и Фелндар стояли плечом к плечу в покоях ее отца. После происшествия на берегу они не обменялись и десятком слов — разве что обсудили, стоит ли будить генерала. Фереби настаивала на этом и в конце концов добилась своего. — Я не понимаю, почему они умерли... или что там с ними случилось.

— Они не умерили. — Везул помолчал. — Фелндар, ты, наверное, устал. Можешь быть свободен до полудня. — Он бросил взгляд на Фереби. — А затем явишься к начальству...

Фелндар отдал генералу честь, хотя, повернувшись к выходу, смерил Фереби презрительным взглядом. Он никогда не смирится с необходимостью выполнять ее приказы. Амбиции Фелндара были непомерны. Не опуская взгляда, она холодно кивнула подчиненному.

— Благодарю, офицер. Увидимся завтра.

Он отсалютовал и ушел, не сказав ни единого слова.

Когда Фелндар вышел, Везул плотнее запахнул халат, накинутый поверх ночной сорочки, и задумчиво взглянул на дочь.

— Холодно, — пробормотал генерал. — Пойдем в спальню, Фереби, там горит огонь.

Не дожидаясь ответа, Везул направился к внутренней двери.

— Но я разбужу маму, — шепотом возразила девушка.

— Твоей матери там нет, — рассеянно отозвался генерал. — Она нечасто здесь ночует.

— О! — Фереби никогда не позволяла себе совать нос в отношения родителей, и от слов отца ей сделалось неуютно.

— Вот. — Генерал налил дремси и протянул ей. — Согрейся.

Фереби никогда не пила спиртное в присутствии отца раньше, однако она без слов приняла из его рук серебряную чашку. Фереби еще не до конца отошла от пережитого кошмара и теперь пыталась унять дрожь в коленках и стук зубов. Вывихнутая лодыжка неприятно ныла. Впрочем, отхлебнув горячего напитка, Фереби моментально ощутила, как расслабляются мышцы.

— Мне жаль, что твое назначение оказалось для тебя такой неожиданностью, Реби. И все же должен признаться — я доволен подобным поворотом событий. Ты будешь отличным офицером. Если женщины редко получают военные звания, это

не значит, что они не способны стать хорошими военными... Твоя мать уговаривала меня подать прошение императору. Она полагает, что ты хочешь выйти замуж за этого выскочку Фелндара. — Везул рассмеялся. — Можешь себе представить?

— Нет, — промямлила Фереби.

— В любом случае я отказал. Император избирает жизненные пути с большой тщательностью. У него есть жрецы и советники, которые занимаются специальной магией — ясновидение, предсказания и все такое прочее. — Было очевидно, что отец и сам не слишком хорошо разбирается в этой эзотерике, но Фереби пропустила мимо ушей его заминку. — Император совершенно прав, Реби. Ты идеально подходишь для своей должности... И кстати, вот твои бумаги.

Она нахмурилась.

— Бумаги?

— Приказы и предписания. Посмотри, здесь есть личная депеша императора. Он повелевает тебе докладывать только мне.

— Почему? Я не понимаю...

— Речь идет о шардах, Фереби. Император хочет изучить их. За последние полгода люди видели по меньшей мере две сотни этих тварей. Обычно они убивают первого, кто встречается им на пути. Шарды обладают очень низким интеллектом, а возможно, и вовсе не разумны. Мы полагаем, что шардов создали мятежники-феины... Либо они пытаются обрести над ними контроль. — Генерал пожал плечами. — Мы очень мало знаем. Тебе приказано объехать феинские поселения и собрать информацию. Возьми с собой небольшой отряд, но не обсуждай эти сведения ни с кем из воинов.

— Да, отец.

— Отныне ты должна называть меня «генерал» или «сэр».

— Да, сэр. — Несмотря на бодрящий напиток, Фереби начала ощущать, как сильно она устала и вымоталась. Хотелось свернуться клубочком в отцовском кожаном кресле и ни о чем не думать. Вместо этого Фереби поднялась, стараясь не наступать на больную ногу, и отдала честь.

Отец одобрительно кивнул.

— Возьми с собой Фелндара.

— Я бы не стала, оте... сэр.

— Это приказ. Дай ему возможность показать себя в деле. Парень заслужил. Надо предоставить ему шанс восстановить уязвленную гордость. — Генерал улыбнулся.

«Он очень проницателен», — подумала Фереби, уходя.

— Как твоя рука?

— Рука? — Она посмотрела на ладонь, внезапно припомнив вечернюю церемонию. Слишком много всего случилось с тех пор... Порез начал побаливать, когда Фереби вспомнила о нем. Она вздохнула. Ночь оказалась невероятно длинной.

* * *

Они проговорили до самого утра. Вернее, говорил Талискер, а Эффи с Йиской по большей части слушали. Голос Талискера, сперва холодный и ровный, становился все более и более возбужденным; его история была невероятной и фантастической. Сначала он то и дело извинялся, через слово повторяя: «Простите, я понимаю, что вам непросто в это поверить...» Но в конце концов Талискер увлекся. Он рассказывал о другом мире — Сутре — и о тамошней жизни. О своей жене, о детях... Дочь Талискера, Риган, побывала на Земле и погибла от рук человека по имени Джал. Впрочем, ни Эффи, ни Йиска толком не поняли, кто он был таков, ибо Талискер рассказывал о нем скупо и словно бы через силу.

Трудно было сказать, поверил ли Йиска услышанному. Он не задавал вопросов — лишь пристально смотрел на Талискера, словно по интонациям и жестам рассказчика пытался понять, сколько правды в его истории. Лишь однажды Йиска перебил его — чтобы спросить, не хочет ли кто-нибудь выпить. Себе Йиска сварил кофе, и когда он усаживался на место, то случайно задел коленом коробку с едой. Крышка сползла набок, и разломанный пирожок упал Йиске на джинсы, вымазав их повидлом. Йиска с удивлением обозрел содержимое коробки и перевел взгляд на Эффи, вопросительно подняв брови. Пару секунд они смотрели друг на друга, а затем Эффи опустила глаза и отвернулась. Ее щеки пылали от стыда.

Было около четырех утра, когда Талискер закончил повествование. К тому времени Эффи уже ощущала сильные рвотные позывы. Она слишком много съела перед приходом Талискера и Йиски и при этом не успела очистить желудок. Теперь же не было никакой возможности сходить в туалет и выблевать съеденное: Талискер и Йиска неизбежно услышат. Эффи раздумывала над этой проблемой, и окончание рассказа Талискера прошло мимо ее сознания.

— ...Йиска и Малки полагают, что я должен отыскать путь в Сутру, — говорил он между тем. — От перемещений из мира в мир с моим телом произошло нечто странное. Иммунная система пришла в негодность, и если я останусь здесь, то умру.

— Вас это беспокоит? Вам же сто десять лет!

Едва слова сорвались с губ Эффи, она тут же поняла, как невежливо это прозвучало. Впрочем, Талискер не обиделся.

— Откровенный вопрос, Эффи, — и он заслуживает откровенного ответа. Пока я лежал в больнице, эта мысль не слишком меня волновала. Но Йиска и Малки считают, что я нужен в Сутре, и, должен признаться, хочется еще раз увидеть ее перед смертью.

— Хм... Извините. Мне нужно в туалет. — Эффи совсем растерялась. Что бы она ни говорила — все звучало невпопад.

Будучи уже на полпути к ванной, Эффи услышала голос Талискера:

— Я бы хотел, чтобы ты отправилась с нами, Эффи.

— Что?! — Эффи рассмеялась. Это выглядело не менее оскорбительно, чем ее необдуманная реплика, однако девушка не сумела совладать с собой. Пусть даже Талискер искренне верит в свой придуманный мир. Но уверовать в него самой — это совсем другое дело...

И снова Талискер не обиделся — лишь чуть улыбнулся и покачал головой, словно заранее предвидел ее реакцию.

— Ты ведь не веришь мне... — Это было утверждение, а не вопрос. — Подойди-ка сюда. У меня кое-что для тебя есть.

— Что? — спросила Эффи. Она чувствовала себя ребенком, получающим карманные деньги от дядюшки, и все же подошла, протянув руку.

Талискер вынул из кармана небольшую вещицу и положил ей на ладонь. «Может, это доказательство существования Сутры? — подумала Эффи. — Какое-нибудь необычное сокровище?» Нет, сокровище было вполне обычным: золотой медальон с изображением святого Христофора. Красивая вещица, довольно тяжелая, определенно предназначавшаяся для мужчины. Эффи ощутила легкий укол разочарования.

— О... Спасибо...

— Этот медальон подарила мне твоя мама, Эффи, незадолго до ее гибели. Она не верила мне, по правде сказать. Зато она *верила в меня*.

— Насчет Сутры?

— Нет, тут другое. Это касалось убийств. Она никогда не осуждала меня, даже когда так поступали все остальные. — Талискер неожиданно разволновался; его глаза утратили мертвое выражение, он погрустнел. — Как-то Шула сказала мне, что ни одна живая душа не потеряна для Творца. Она действительно так считала...

— Я не могу пойти с вами. У меня колледж и...

— И булемия*, — спокойно закончил Йиска. — Она предпочитает жить в привычном окружении, чтобы точно знать, где расположен тайничок с едой.

Никто прежде не осмеливался сказать ей ничего подобного. Эффи почувствовала себя так, словно ее неожиданно ударили в живот. Она ахнула и задохнулась.

— Я... Я... — Слова застряли в горле. Комната закачалась перед глазами. «Ну, ты добился чего хотел, проклятый ханжа?»

— Успокойся. — Йиска мгновенно оказался рядом с ней, придержал за плечи. — Дыши медленнее. Еще медленнее... Это просто нервы. Ничего... Дыши, дыши...

Эффи пришлось послушаться — иначе она умерла бы на месте... по крайней мере так ей казалось. Но до чего же она была зла!

---

* Булемия (*мед.*) — ненормально повышенное чувство голода. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Вот. — Йиска протянул ей бумажный пакет. — Дыши сюда и смотри на пакет. — Эффи повиновалась. — Правильно. Хорошо. Еще медленнее. Медленно. Медленно... Отлично.

Минут через пять приступ прошел. Эффи почувствовала себя нормально, однако была потрясена до глубины души. Раньше с ней не случалось ничего подобного. Эффи стряхнула руку Йиски с плеча и всем телом повернулась к нему. Слезы текли у нее по щекам.

— Это все из-за тебя, сукин сын! Что ты о себе возомнил? Мне не нужна твоя помощь. Просто оставь меня в покое!

В слезах она ринулась в ванную и захлопнула за собой дверь.

В ванной всегда было прохладно. Особенно сейчас — по контрасту с душной комнатой. Эффи прижалась лбом к холодному кафелю, и это немного успокоило ее. Она подошла к раковине, намереваясь ополоснуть лицо, и только теперь заметила, что по-прежнему сжимает в руке медальон со святым Христофором. Золотой диск, казалось, мерцал теплом в немой прохладе комнаты. Медальон принадлежал матери — у Эффи осталось так мало ее вещей, — и мать подарила его Дункану Талискеру. Эффи положила диск на край раковины, продолжая смотреть на него словно загипнотизированная все время, пока умывалась. Мало-помалу на нее снизошло спокойствие. Из комнаты доносились тихие голоса Талискера и Йиски. И хотя она не могла разобрать слов, показалось, что они спорят. Возможно, насчет нее.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Эффи. Я хочу попросить прощения. Я выразился слишком резко...

— Все нормально, Йиска. Просто дай мне побыть одной.

— Нет, не все нормально. Я повел себя некорректно.

Эффи невольно фыркнула. Очень уж по-американски это прозвучало.

— Не волнуйся, через пару минут я выйду.

Вытирая лицо, Эффи услышала третий голос, присоединившийся к беседе. Навряд ли кто-то мог прийти к ней в такое время — тем более что в дверь никто не звонил. Должно быть, проявился Малки... С некоторым удивлением Эффи поймала себя на мысли, что присутствие призрака больше не ужасает ее. «Кому нужны наркотики, — подумала она, — когда жизнь и без того достаточно абсурдна?»

Приняв слабительное, Эффи вернулась в комнату.

— Ты думаешь, она согласится пойти? — Малки стоял к Эффи спиной и не сразу заметил ее появление. — Ты же видишь: она считает тебя сумасшедшим.

— О чем у вас тут речь? — Эффи выключила свет и открыла окно.

Свежий утренний ветерок влетел в комнату, приподняв вытертые сетчатые занавески.

— О, привет, Эффи. Я как раз говорил Дункану...

— Малки был возле Мэри-Кинг-Клоуз, — сказал Талискер. — Прохода больше не существует. Большая его часть разрушена землетрясением две тысячи второго года. Там нет пути в Сутру. Поэтому мы отправляемся в Нью-Мехико: посмотрим, не сумеет ли нам помочь дедушка Йиски.

— О... — Эффи встряхнула головой, пытаясь осознать услышанное. Новый, непредвиденный поворот... Словно что-то ускользало из ее рук. Может, это последний шанс порвать с прежней жизнью, в которой все распределено и упорядочено: колледж, ночные клубы, наркотики и еда. Даже рвота и понос были чем-то привычным. Регулярным. Обыденным. Жизнь, которую она могла худо-бедно контролировать. И все же...

Желудок опять скрутило спазмом — начинало действовать слабительное. И это тоже было привычное, знакомое чувство.

— Мы хотим спросить: поедешь ли ты с нами, Эффи? Я готов оплатить дорогу.

«Нет. Это слишком. Слишком головоломно, чтобы поверить. Слишком сложно, чтобы даже думать об этом...» Эффи захотелось, чтобы они ушли. А еще лучше — исчезли насовсем. Но все трое смотрели на нее и ждали ответа. Ей не нужна их жалость, не нужно их участие. Она не... Снова свело желудок. Знакомо. И отвратительно.

— Да, — сказала Эффи. — Я поеду.

Она сжала образок святого Христофора в ладони и чуть улыбнулась, созерцая удивленные лица мужчин.

ГЛАВА 4

Солнце немилосердно поливало лучами крошечный джип, который дребезжал и трясся на ухабах. На многие мили вокруг простиралась пустыня — однообразная и голая. Здесь не было ничего, только рыжая засохшая грязь и низкий кустарник.

Впрочем, водителя это не беспокоило. Его не интересовали ни унылый пейзаж, ни бездонное синее небо над головой.

— Кичи-кичи я-я мама, кичи-кичи я-я миии, — фальшиво распевал он, барабаня по рулевому колесу в такт звукам радио. — Voulez-vous coucher avec moi? C'est soir... voulez...* — Внезапно сигнал пропал — как раз перед тем, как песня достигла кульминационного момента.

---

* Хотите переспать со мной... сегодня вечером... хотите... (*фр.*)

— А, черт, долбаная машинка! — Водитель ткнул радио кулаком. Сигнала не было. Мужчина покрутил настройку каналов. Тщетно...

Единственной вещью, которую Лэйк Первый Орел Маккиннон не переносил на дух, была тишина. Он остановил машину и оглядел окружающую пустыню едва ли не с подозрением. Огромное пустое пространство, погруженное в молчание. Человеку нужно куда меньше, чтобы сойти с ума.

Звук, донесшийся сверху, привлек его внимание — высокий, звонкий клич орла. Даже несмотря на зеркальные солнечные очки, Лэйк вынужден был прикрыть глаза ладонью, когда поднял лицо к солнцу. Лысый орел. Хорошее предзнаменование, наверное...

— На что ты там смотришь, а? — проворчал Лэйк. Его красивые губы изогнулись в усмешке. — Эй! Не на меня ли? На меня глядишь? — Лэйк был избалован чужим вниманием, да вот только орлу не было до него никакого дела. Раскинув широкие крылья, птица поймала восходящий поток воздуха и быстро ушла вверх, исчезла в синеве неба.

Лэйк пожал плечами и снова занялся насущной проблемой — молчащим радио. Он нанял джип в Лас-Вегасе и не догадался прихватить собственную коллекцию музыкальных дисков.

— Ну давай же, — пробормотал он, беспомощно глядя на приборную доску, — играй!

Бесполезно. Лэйк уже готов был сдаться, когда его внимание привлек серебристый блеск. Какой-то диск лежал на полу джипа — небось исцарапанный до полной непригодности. Но выбора не оставалось.

— Да! — триумфально воскликнул он. — Музон!

Подобрав диск, Лэйк протер его рукавом рубашки и вставил в проигрыватель. Музыка затрубила неожиданно громко — так что Лэйк подскочил на сиденье.

— Ишь ты! Шэнайя*! — Он ухмыльнулся и сделал большой глоток виски из бутылки, валявшейся на соседнем сиденье. Лэйк снова завел мотор, и машина ринулась с места, подняв облако рыжей пыли.

Вдалеке замаячили очертания гор. Очень скоро он пересечет границу территории народа динех. Впереди небо было более темным, покрытым облаками холодного атмосферного фронта. Он слышал, будто в горах сильные снегопады — не то что здесь. Да, холодная погода, холодный прием — вот что ожидает его в резервации.

Лэйк усмехнулся своим мыслям.

— Добро пожаловать домой, приятель.

---

* Шэнайя Туэйн — популярная канадская певица.

* * *

Пустыня оказалась совсем не такой, какой он себе представлял. Она была полна ярких, насыщенных цветов — красного, оранжевого, серебряного и зеленого. Даже в это время года здесь было тепло, хотя воздух оставался влажным, предвещавшим холод, который придет с наступлением ночи. Никогда прежде не видел Талискер такого огромного, бесконечного неба. В яркой лазури плыли белоснежные облака, пушистые, ватные, какие часто рисуют в мультфильмах. Талискер бросил взгляд на Йиску, сидевшего за рулем. Его глаза были скрыты за темными очками, придававшими ему стильный, но несколько отрешенный вид. «Интересно, он всегда такой невозмутимый?» — подумалось Талискеру. Казалось, Йиска умел разговаривать только о деле, не тратя время на беседы «за жизнь».

— Когда мы доберемся до резервации? — спросил Дункан.

— А чего ты ожидаешь? Маленького стойбища с вигвамами? — отозвался Йиска. — Мы едем по территории динех последние два часа. Она покрывает семь тысяч квадратных миль.

— Надо же... Немало.

— Да. Больше, чем Западная Виргиния — так говорится в путеводителе. У нас собственное региональное правительство, школы, полиция... — Он неожиданно сверкнул белозубой улыбкой. — Не надо во всем верить голливудским фильмам, мистер Талискер. Это тебе не «Танцы с волками».

— А что? Я люблю волков. — Талискер посмотрел вдаль. — Некоторые из моих друзей были волками... И называй меня Дунканом. Церемонии ни к чему. Как ты думаешь, не стоит ли выпустить Малки?

Талискер оглянулся на Эффи, которая спала на заднем сиденье, завернувшись в толстое пуховое одеяло. В руках она держала деревянную коробку, прижимая к груди, как плюшевого медведя. В коробке был Малки. По крайней мере Талискер на это надеялся. Сам Малколм забрался внутрь очень неохотно, всем своим видом выражая скептицизм.

— Не выйдет, — стенал он. — Каждая собака знает, что призраки не способны пересекать воду.

— Прямо уж каждая собака? — подзуживал Талискер. — Тогда, должно быть, это правда.

В конце концов Малки сдался и исчез в коробке. Они могли только надеяться, что призрак каким-то образом сумел в нее упаковаться.

— Как джинн в бутылку, — прокомментировала Эффи.

Для верности Йиска рассыпал по дну коробки травы деда, предназначенные для «удержания» призрака. И все-таки никто не мог сказать наверняка, удалось ли им переправить Малки через океан, — и никто этого не узнает, пока они не попытаются вновь призвать его...

* * *

— Я думаю, нам стоит подождать, пока мы не поговорим с дедом. Если он не сможет помочь, то нет и смысла выпускать Малколма наружу. Ты в порядке, Дункан? Выглядишь усталым.

— Да. Я взял свои лекарства. И вздремнул бы, если не возражаешь.

— Нет проблем.

Талискер откинул спинку сиденья и устроился поудобнее.

— Йиска?

— Да?

— Ты уверен, что твой дед поверит мне? Знаешь, меня удивляет даже то, что вы с Эффи на моей стороне. А он...

— Мой дед — удивительный человек, Дункан. Очень мудрый и очень скромный. Вдобавок у него отличное чувство юмора. Вы друг другу понравитесь, вот увидишь. В любом случае это его сны привели меня к тебе, так что пусть дед теперь разбирается. Он захочет разгадать эту загадку. Хотя и не уверен, что сможет. Так или иначе... — Раздалось громкое попискивание. Йиска пошарил в «бардачке» и вынул мобильный телефон. — Алло? Да. Мы на шестидесятой миле. Направляемся к... Почему?.. — Йиска резко ударил по тормозам. Машина остановилась на обочине, подняв облачко пыли. Эффи качнулась вперед и открыла глаза.

— Что... что происходит? Мы приехали? — спросила она.

Йиска не ответил. Он заговорил на смеси английского и какого-то непонятного языка, который, как предположил Талискер, был наречием навахо. Распахнув дверцу, Йиска выбрался из машины и принялся расхаживать взад-вперед по обочине, возбужденно выкрикивая что-то в микрофон. Впервые за все время знакомства с Йиской Талискер наблюдал такое бурное проявление чувств. Он не понимал слов, но что-то в интонациях индейца заставило его забеспокоиться.

— Я не знаю, что происходит, Эффи, — сказал Талискер. — Только мне это не нравится.

Эффи протерла заспанные глаза. Горячий воздух пустыни ворвался в салон, когда Йиска открыл дверь. Становилось жарко.

— Поторопился бы он, — пробормотала девушка.

Через несколько минут Йиска вернулся. Темные очки не позволяли прочитать выражение лица, но губы молодого человека были угрюмо сжаты.

— Что-то не так? — спросил Талискер.

— Да. Планы меняются. Мы встретимся с дедом в хогане моей тети Милли. В резервации происходит что-то странное.

Несмотря на жару, по спине Талискера пробежал холодок.

— Странное?

— Хм... — Йиска не стал углубляться в подробности. — Дед расскажет, когда мы приедем.

— Далеко еще?

— Около часа езды.

Он вернулся за руль и развернул машину. Там, куда направлялся Йиска, не было ничего похожего на дорогу. Лишь когда путники съехали с обочины, стали заметны широкие колеи, невидимые с трассы.

— Нам повезет, если успеем до заката.

— Они умирают во сне. — Слова дедушки Родни повисли в неподвижном ночном воздухе. — Люди боятся спать.

— Сколько уже умерло, сичей?

— Дюжина. В основном старики.

— Двенадцать человек!

Родни глотнул остывшего кофе, но его глаза были обращены на Талискера. Во взгляде старика Талискеру чудилось осуждение. Это чувство не покидало его с тех пор, как они встретились.

Хоган тетушки Милли представлял собой шестиугольное бревенчатое строение, обмазанное глиной и крытое дерном. Из середины крыши торчала единственная короткая труба, а внутри располагался очаг, где горел открытый огонь. Йиска называл жилище тетушки Милли «женским хоганом», хотя Талискер так и не уловил, в чем разница.

Разумеется, тетушка Милли здесь не жила. Ее дом стоял чуть в стороне, прячась в тени деревьев — необычайно густых и высоких для этой пустынной местности. Хоган был ритуальным жилищем и предназначался для разного рода церемоний. Тетушка Милли провела приехавших внутрь и рассадила вокруг очага. Талискеру она отвела место напротив двери, Йиску усадила по левую руку от него, а Эффи — по правую. Милли казалась необычно любезной и милой женщиной. Она не очень хорошо говорила по-английски, зато неустанно хлопотала вокруг гостей, как это делают любые тетушки во всем мире. Она заговорила о чем-то с Йиской, то и дело бросая быстрые взгляды на Эффи.

— Тетушка Милли спрашивает, не больна ли ты, — перевел Йиска. — Она говорит: ты слишком худенькая.

— О... — Эффи выдавила улыбку, хотя путешествие сильно измотало ее. — Нет. Скажи ей, что я в порядке. Спасибо.

Йиска снова заговорил с Милли, и та неодобрительно покачала головой. Она принесла всем кофе, а Эффи подала кружку со странно пахнущей жидкостью.

— Что это?

— Один из тетушкиных травяных чаев, — улыбнулся Йиска. — Традиционный древний рецепт. Лучше выпей, а не то она обидится.

Девушка коснулась губами чашки и сглотнула отвар, горький и вяжущий. Эффи не заметила, как Йиска подмигнул тетушке.

Когда она допила настой, тетя Милли забрала чашку.

— Очень хорошо, — сказала она одобрительно. — Это пойдет на пользу твоему здоровью.

— Но я думала, что вы не говорите по...

Тетя Милли хихикнула, прикрыв рот ладонью.

Йиска улыбнулся.

— Тетушка просто шутит.

Дедушка Родни приехал в длинном приземистом фургончике; веселая желтая раскраска машины потускнела от пыли пустыни. После того, как Йиска представил всех друг другу, Родни уселся подле Талискера напротив двери, и Дункан понял, что он занимает в этом кругу как бы место председательствующего. Когда на улице стемнело, тетушка Милли зажгла несколько газовых светильников, принесла кофе, а затем вышла, оставив Родни и Йиску наедине с гостями.

Родни еще раз пересказал последние события в резервации, а затем повернулся к Талискеру, словно ища ответа.

— Не поможешь ли ты нам, мистер Талискер? Майкл рассказал часть твоей истории. Сперва я не поверил в это, — сказал он напрямик.

— Но затем вы изменили мнение?

— Да. Умирают не все. Некоторые пробуждаются от снов, и все рассказывают одно и то же: странная тьма, которая словно бы затягивает их. Им удалось проснуться прежде, чем тьма возобладала над ними. Полагаю, те, кто умер, не сумели этого сделать.

— Так ведь умирают в основном старики, — сказал Йиска. — Может быть, дело в какой-то болезни? Новый вирус...

Родни покачал головой:

— Нет, все умерли от сердечной недостаточности. Сейчас тела в морге в Шипроке. Не только навахо. Несколько человек из народа хопи и люди из пуэбло Зину — не знаю, из какого племени. Я слышал разговор врачей, когда был в морге.

— А что ты делал в морге, сичей?

— Один из моих друзей... Я расскажу тебе вне пределов хогана.

— Прости.

— Так или иначе, мистер Талискер, все, кто пережил сновидение, описывают одно и то же место: пещеру Мумии в каньоне Ди Челли.

— Ого! — Эффи не сумела сдержать восторга. — Я давно мечтала туда попасть.

— В нынешнее время года это не так-то просто сделать. Большинство дорог перекрыты из-за сильных снегопадов и частых селей. Право же, спуститься вниз будет нелегко.

— И тем не менее мы можем попытаться, верно? — спросил Талискер.

— Да. — Родни произнес это короткое слово очень неторопливо, на его лице явственно читалось сомнение. — И это будет непросто, — повторил он.

Эффи пыталась заснуть, но, невзирая на усталость, сон не шел. Она разместилась в доме тетушки Милли — в удобной кровати, в то время как Йиска, Родни и Талискер ночевали в хогане, расстелив спальные мешки поверх овечьих шкур.

В тот вечер они еще долго обсуждали путешествие ко дну каньона, так что Эффи умудрилась задремать. Она пыталась бодрствовать, однако глаза упорно закрывались, и голова то и дело падала на грудь. В конце концов Йиска заметил это, и Эффи немедленно стало стыдно.

— Простите, — пробормотала она.

— Все в порядке, Эффи. — Йиска отвел ее в коттедж, который в темноте выглядел как настоящий домик фей из волшебной сказки. Прохладный ночной воздух в саду был напоен запахами трав и древесного дыма, поднимавшегося из трубы хогана.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Йиска. Он завернул девушку в теплое одеяло, чуть приобняв за плечи, и Эффи, обычно нетерпимая к чужим прикосновениям, поняла, что не возражает против этого.

— Нормально. Просто устала.

— Хорошо. Ты ужинала? Понимаю, что у тебя сложные взаимоотношения с едой...

— Нет. Меня не всегда рвет, когда я пытаюсь что-нибудь съесть. — Эффи ощутила укол раздражения. Никто никогда не говорил с ней об этом прежде. — Я не полная дура, знаешь ли.

— Ты вовсе не дура, — отозвался Йиска. — Действительно знаю.

Знакомый говорок телевизора встретил их у входной двери — маниакально-восторженный голос диктора рекламы. Йиска осторожно постучал и вошел внутрь, перелезая через сумки, приготовленные в дорогу. Тетушка Милли удобно устроилась на диванчике с большим пакетом хрустящей картошки. «Чипсы, — вспомнила Эффи. — В Америке это называется чипсы». Едва они с Йиской вошли, как тетушка Милли вскочила с места и захлопотала вокруг них. Она принесла Эффи большую чашку горячего шоколада, показала ей спальню и отругала Йиску за то, что он так долго не давал «бедной девочке» улечься в постель.

Это было два часа назад. Телевизор умолк, когда ушел Йиска. Воцарилась тишина — лишь время от времени, когда налетал ветерок, стукалась о раму неплотно прикрытая створка окна. Эффи повертелась с боку на бок, стараясь найти наиболее удобное положение. Не спалось. В результате она вздохнула и села на кровати, поплотнее завернувшись в одеяло.

Взгляд ее упал на коробку с Малки, стоящую на шкафу в противоположном углу комнаты. Эффи вылезла из постели, взяла коробку и отнесла ее обратно на кровать. Снова забравшись под одеяло, она откинула крышку.

— Малки, — прошептала она. — Малки, ты здесь?

Нет ответа — только приятный запах кедра и трав, которые Йиска рассыпал по дну. Эффи разочарованно вздохнула. Похоже, затея провалилась — Малки не смог материализоваться в Америке. Или, возможно, он является только на зов Талискера. Это казалось более похожим на правду. Малки был кем-то вроде ангела-хранителя Дункана — во всяком случае, так полагала Эффи. Она закрыла коробку и поставила ее возле стола. И в этот момент у нее над ухом раздался голос, проговоривший с кошмарным шотландским акцентом:

— Так ты собираешься со мной трепаться или нет?

Она обернулась. У изголовья кровати стоял Малки. Темно-красные шторы просвечивали сквозь его тело, точно сотканное из тумана.

— Малки, — прошептала Эффи, — привет! Я так рада тебя видеть...

Малки обвел взглядом комнату.

— О, мы в Америке? Здесь все выглядит по-другому. И пахнет странно...

Эффи указала наверх. С потолка свисали пучки высушенных трав.

— Это запасы тетушки Милли. Мы сейчас в ее доме.

— Ты в порядке, Эффи? У тебя взволнованный вид. Что-то случилось, или ты позвала меня просто поболтать?

Эффи подобрала колени под одеялом, оперлась на них подбородком и тяжко вздохнула.

— Я не знаю, Малки. Когда Талискер предложил поехать с вами, я действительно очень обрадовалась. Я думала, что нужна ему — сама по себе, а не просто в память о маме. А теперь мне кажется, что он жалеет об этом. И думает, что принял поспешное решение.

— Почему ты так считаешь? По-моему, он тебе симпатизирует.

— Да, но... Они оба смотрят на меня как на маленького ребенка. Будто обо мне постоянно нужно заботиться, присматривать...

— Нет ничего плохого в том, что они заботятся о тебе, — сказал Малки. — Друзья обычно так и поступают.

— Ты не понимаешь, Малк. Они думают, что я буду путаться у них под ногами. Талискер и Йиска затеяли большой, опасный поход к каньону Ди Челли. Возможно, они как раз сейчас обсуждают меня. Думают, выдержу ли я путешествие, хватит ли моих сил.

Малки уселся на краешек кровати; по крайней мере визуально это выглядело именно так. Учитывая, что горец был способен просто висеть в воздухе без всякой опоры, оставалось

предположить, что он сделал это скорее для душевного комфорта Эффи, нежели для своего собственного.

— А ты выдержишь путь? Можешь не отвечать мне, но будь честна по крайней мере сама с собой.

Эффи укоризненно посмотрела на Малки. Слова призрака обидели и разозлили ее. Малколм тоже сомневается в ней. Все сомневаются. Все без исключения. Неужто она и в самом деле так плоха?

— Да, — ответила Эффи без малейших колебаний. — Ну, по крайней мере я так думаю... — прибавила она спустя пару секунд. — То есть... Они ведь даже не успели узнать меня как следует, а уже сомневаются. Что мне делать, Малк? Как мне доказать, что я не просто истеричная девица? Я хочу, чтобы они хорошо ко мне относились, потому что я — это я. А не потому что я — дочь Шулы Морган.

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть дочерью Шулы.

— Я знаю, знаю. Но...

— По-моему, для начала тебе надо привести в порядок организм. Ты можешь нормально поесть? Ну, не выблевывая все обратно?

— М-м... Это еще не значит, что я больна, Малк.

Прозрачные черты лица Малки приобрели озадаченное выражение.

— Да? А что же тогда это значит?

— Это... это просто проблема, с которой я должна совладать. Я в состоянии контролировать свой организм.

— Эффи, куколка, ты же не можешь совсем ничего не есть! Дункан и Йиска не осуждают тебя и не пытаются учить жить. Только здравый смысл подсказывает им, что ты не сможешь проделать такой долгий путь. Тебе надо окрепнуть.

— Талискер недавно выписался из больницы, — возразила Эффи. — Он тоже еще не окреп.

— Верно, — кивнул Малки. — Да, видишь ли, Дункан... он особенный. Если необходимо, он берет энергию из ниоткуда.

— Ты им очень гордишься, да, Малколм?

— Возможно.

Талискер почти ничего не рассказал Эффи о грядущем путешествии. Он говорил о нем гораздо менее охотно, чем о Сутре. Было непросто соотнести этого спокойного, молчаливого человека с тем образом, который представлял себе Малки.

— Он довольно замкнутый, — отважилась сказать Эффи. — Будет непросто сблизиться с ним.

— Да. Ты права. Точно так. И все же не оставляй попыток. — Малки улыбнулся. — А теперь тебе лучше поспать. Ты, наверное, устала, если вы действительно добирались сюда через полмира.

Эффи послушно скользнула под одеяло.

— Малки, ты побудешь со мной? — прошептала она. Эффи и сама не знала, зачем попросила его об этом. А потом вдруг поняла, что присутствие призрака успокаивает ее.

— Ладно. Я посижу возле кровати, — пробормотал он. — Спи.

Эффи тихонько рассмеялась. Надо же, она попросила Малки посидеть с ней — точно маленький ребенок, боящийся темноты. И это после того, как она с пеной у рта отстаивала свою самостоятельность. Впрочем, Эффи ни о чем не пожалела. Ее сон был глубок и спокоен.

Горная дорога, ведущая к каньону Ди Челли, пролегала по границе двух штатов. Через пару дней маленькая экспедиция достигла того места, где путь был намертво занесен снегом. Эффи могла смело сказать, что это были самые ужасные двое суток в ее жизни. Зачастую для того, чтобы продвинуться на север, приходилось делать миль пятьдесят к югу. Дороги были перекрыты селевыми потоками или сугробами снега. Временами погоду удавалось предугадать заранее, и тогда Йиска сразу поворачивал джип, чтобы объехать непроходимые участки. А тучи вдруг появлялись словно из ниоткуда и, оседлав гребни гор, подкарауливали беспечных путников. Воздух становился лишь холоднее и холоднее, а Эффи — слабее и слабее. Однако она молчала, зная, что жалобы не прибавят ей любви спутников. Потому что произошел «инцидент».

Это случилось в то утро, когда они покидали дом тетушки Милли. Эффи отлично выспалась и поднялась с постели с твердым намерением принести как можно больше пользы. Она вышла на кухню и приготовила себе чашку растворимого кофе. Все мысли девушки были заняты грядущим рискованным предприятием. Она напевала под нос и досадливо рассматривала суставы на пальцах, еще покрытые красноватыми болячками. Созерцание болячек вызвало у нее чувство удовлетворения и стыда. Удовлетворение — потому что они подживали. Вот уже четыре дня, как Эффи не засовывала пальцы в горло, дабы вызвать рвоту. Стыд — от того, что эти язвочки пока «украшали» ее руки, напоминая о прошлом.

Идея пришла в голову внезапно. Она должна избавиться от своих рвотных и слабительных лекарств, и, может быть, это станет началом новой жизни... Более не рассуждая, Эффи вернулась в комнату и схватила синюю косметичку. В ней лежал «дорожный набор» — в том числе сироп таволги, сильное рвотное средство. Эффи выпила его только раз, и это едва не кончилось плачевно. Некоторые люди, страдающие булемией, принимают сироп регулярно, но Эффи надеялась, что до подобного состояния она не дойдет никогда. Здесь же, в косметичке, лежали коричневые бумажные пакеты, зубная щетка с неокисляющейся щетиной, заживляющий крем для рук и небольшое квадратное зеркальце.

Эффи вытряхнула это добро на стол и решила для начала выкинуть сироп таволги. Несколько секунд она безуспешно сражалась с крышкой и в конце концов похлопала по карма-

нам джинсов, ища, чем бы ее поддеть. Пальцы нащупали мягкий кусочек целлофана. Эффи недоуменно нахмурила брови и извлекла наружу свою находку... Кокаин! Она совершенно забыла о нем, и все последние дни пакетик пролежал в кармане ее джинсов.

Это было искушение... Эффи не стала лгать себе. Под легким ветерком кондиционера белый пакетик подрагивал и трепетал, будто танцуя в пальцах. «Нет, — сказала себе девушка. — Нет, нет и нет». И, чтобы подстегнуть свою решимость, Эффи заговорила с ним:

— Что ж, парень, ты оправишься в раковину первым.

Она раскрыла тонкий пакетик — слишком быстро. Порошок высыпался и разлетелся по комнате, подхваченный ветром. Мельчайшие белые крупинки осели на косметичке, на ее содержимом, разложенном по столу содержимом и... на зеркальце.

И в этот момент — словно в дурном комедийном фильме — распахивается дверь, и в комнату входит Йиска. А Эффи, стоя в облаке белого порошка, не может удержаться от чиха. Она машинально трет нос...

Йиска замирает на месте. Дружелюбная улыбка тает, как свечной воск. Губы сжимаются в тонкую линию. На его лице — смесь изумления, разочарования и гнева. Взгляд делается холодным и отрешенным, словно в единый миг Эффи стала для него чужаком, недостойным внимания...

— Это не... не то, что ты думаешь, — бормочет она, уже понимая, что слова бесполезны.

Йиска молча чопорно кивает и выходит из комнаты. Эффи изрыгает проклятие и начинает запихивать вещи обратно в сумку.

— Это правда... То есть это неправда... В смысле... — кричит она ему вслед. — Йиска, подожди. Послушай...

Он не хочет ни ждать, ни слушать. Он замкнулся в себе. Дружба окончилась — вполне возможно, навсегда.

За прошедшие дни Эффи не единожды пыталась поговорить с ним. Но Йиска оставался глух к извинениям и объяснениям, и потихоньку Эффи начала злиться. Впрочем, она была достаточно честна сама с собой, чтобы понять позицию Йиски. На территории земель навахо было запрещено даже пиво, не говоря уж о более крепких напитках и наркотических средствах. Туристам запрещалось ввозить их, и Йиска честно предупредил об этом Талискера и Эффи. Сама мысль о том, что Эффи пронесла в резервацию кокаин, была для него глубоко оскорбительной, — ведь это означало, что она намеренно презрела закон и обманула его доверие.

Тем не менее Эффи сделала все возможное, чтобы разъяснить ситуацию. Увы! Ее усилия пропали втуне. Отчаявшись, девушка обратилась за помощью к Талискеру.

Вечером первого дня пути они остановились в мотеле. Йиска и Родни уже разошлись по постелям, а вот Талискеру не спалось. Эффи услышала, как открылась дверь его комнаты, а через пару секунд до нее долетел тихий звук чирканья спички. Накинув пальто поверх ночной рубашки, Эффи вышла на улицу.

Талискер стоял, прислонившись к высокому капоту джипа, и курил. Эффи присоединилась к нему, невольно копируя его позу. Талискер без слов протянул ей пачку. Эффи взяла сигарету и глубоко затянулась, наслаждаясь теплом и вкусом дыма.

— Талискер, может, вы поговорите с Йиской? — Эффи знала, что ей будет тяжело просить его об этом, хотя даже не представляла — насколько, пока не начала свою тираду. Глаза начало щипать от навернувшихся слез. Еще не хватало — разрыдаться перед ним! Эффи проглотила застрявший в горле комок, и все же голос предательски задрожал. — Пожалуйста. Я совершила ошибку. Я догадываюсь, что он вам рассказал, но поверьте: он ошибается...

Талискер помолчал и глубоко затянулся сигаретой.

— Он утверждает, что видел, как ты нюхала кокаин в кухне тетушки Милли. Не знаю, как тут можно ошибиться...

— Да. Я... я понимаю. На самом деле я просто хотела спустить кокаин в раковину. Сироп таволги и его...

Талискер вопросительно приподнял брови. Очевидно, он не знал, что такое сироп таволги.

— Эффи, даже если это правда... Ты привезла сюда кокаин, в то время как это строжайше запрещено законами штата. Ты хоть представляешь, что могло случиться, если б его нашли?

— Я знаю. И прошу прощения. Я уже сбилась со счета, сколько раз я сказала Йиске «прошу прощения». Кажется, он теперь вовсе не желает со мной говорить. Будто отрекся от меня...

Талискер кивнул, выпустив в воздух огромный клуб дыма.

— Он перестал в тебя верить, Эффи. И немудрено. Он рассказал мне о вашей первой встрече. О том, в каком ты была состоянии, когда он тебя нашел.

Эффи опустила глаза и поковыряла землю носком ботинка.

— Да... ну...

— Пойми, Йиска приехал в Европу, чтобы найти меня. Он не подряжался спасать твою бессмертную душу.

— А я никого и не просила спасать мою душу! — рассердилась Эффи. — И уж точно не просила об этом его!

Талискер издал короткий смешок.

— Ну да. Те люди, которые слишком много заботятся о других, как правило, не могут помочь сами себе... Твоя мать была такой же.

— Вы полагаете, Йиска заботится обо мне? — скривилась она. — Это теперь так называется?

— Заботится — как друг. Насколько я могу судить, он очень искренний человек. И очень прямолинейный. В этом

мире подобные качества не всегда кстати... Вот Сутра отлично подошла бы Йиске.

— Но не мне, да? Поэтому вы не хотите брать меня с собой?

— С чего ты взяла?

— Будете отрицать? Не стоит. Я все отлично понимаю — и не жду ни отговорок, ни оправданий. — Эффи вздернула подбородок.

К ее удивлению, Талискер улыбнулся, а затем рассмеялся.

— Что тут смешного? — пробурчала она.

— Я не собираюсь лгать тебе, Эффи: ты права. Мы еще не решили, стоит ли тебе идти туда.

— И что, черт возьми, смешного? — повторила она, чувствуя, как в душе вздымается гнев.

— Просто ты мне кое-кого напомнила, когда заговорила об этом, вот и все... Она была так же своенравна, упряма, так же независима... — Внезапно лицо Талискера побледнело. — И так же влипала во всевозможные неприятности...

Он швырнул сигарету на песок, раздавив ее носком ботинка.

— И вы так же отреклись от нее? — едко спросила Эффи. Не дожидаясь ответа, она отшвырнула окурок и отправилась к себе в комнату.

Именно поэтому Эффи не увидела, как лицо Талискера исказилось словно от резкой боли...

...Отрекся ли он от Риган? Нет. Или все-таки — да? Он боролся за нее до последнего. Или, может быть, сделал слишком мало?

— Это не значит, что я не любил ее, — сказал он в спину Эффи. — Иногда очень непросто...

Дверь захлопнулась; послышался металлический лязг задвижки.

— Иногда очень непросто сделать выбор, — пробормотал Талискер.

Медленно, но верно они продвигались на северо-восток. Зима окончательно вступила в свои права. Солнце уже не могло согреть замерзшую землю. Дули ледяные ветры. Над вершиной горы Чинли собирались снежные тучи.

ГЛАВА 5

Минуло уже два часа с тех пор, как он пустился по следу твари. Сумерки окутали лес, и дневная жара мало-помалу сменялась вечерней прохладой. Под зеленым пологом ветвей еще пели неумолчные птицы, но скоро и они отправятся на ночлег. Тогда веселая многоцветная сутолока дневного леса уступит мес-

то тишине и темноте. Выйдут из своих логовищ и укрытий ночные животные — в эти часы лес будет безраздельно принадлежать им одним.

Существо, которое преследовал Рако, происходило не из здешних мест. Впрочем, оно и не было зверем. Тварь... Именно тварь — сложно было подобрать иное определение. Она проламывалась сквозь кусты и заросли, будто стремясь как можно скорее добраться до определенной, одной лишь ей известной цели. Преследуя ее, Рако прошел по горной седловине милях в двадцати к юго-западу от Руаннох Вера и теперь мог только молиться, чтобы тварь не направлялась к своим сородичам. С одним подобным созданием он еще мог попытаться совладать, но несколько неизбежно убьют его.

Все началось неделю назад, когда погиб феинский ребенок. Друзья-мальчишки прибежали в цитадель с плачем и криками. Именно они привели Рако и других воинов на прогалину, где случилось несчастье, но сами не отважились приблизиться к мертвому телу. Рако не мог их винить: мальчик был в буквальном смысле разодран на части. Руки и ноги валялись отдельно от тела, будто хищник сознательно отрывал их — тем же манером, каким дети отрывают ножки паукам. Оставалось только надеяться, что несчастная жертва была уже мертва к тому времени, когда ее тело подверглось подобному расчленению.

— Возможно, тут поработал медведь, — предположил Харра.

Он был начальником стражи и ветераном битвы при Ор Койле, ветераном восстания, поднявшегося пять лет назад. Именно тогда, после его подавления, Харре и Рако пришлось бежать из Дурганти. Оба они нашли приют в Руаннох Вере, куда стекались все выжившие и не схваченные шоретами повстанцы. Харра многое повидал на своем веку, и мало что могло поколебать его душевное равновесие. Однако даже он заметно побледнел при виде изувеченного тела ребенка.

— Медведь? Это вряд ли, Харра. Глянь-ка туда. — Рако указал на близстоящее дерево. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы медведи разбивали голову жертвы о стволы?

В прожилках древесной коры застряли осколки кости и сгустки крови. Очевидно, кто-то с невероятной силой ударил мальчика о дерево — голова убитого раскололась на куски.

Харра пожал плечами.

— Тогда кто же? Ни один человек не сумел бы этого сделать. — Он оглянулся на стайку мальчишек, топтавшихся на краю поляны. — Ладно. Надеюсь, они нам расскажут подробности, когда немного успокоятся.

— Он умер? — Высокий, дрожащий голосок раздался с края поляны.

Глупый вопрос — но и мальчик, задавший его, был самым младшим из всех. Рако припомнил, что малыша зовут Кам, ему всего семь лет. Кто-то из старших ребят потянул Кама за рукав, стараясь увести подальше от прогалины.

— Не смотри туда, Камми. Не смотри...

Рако подошел к детям, стараясь заслонить от них окровавленную поляну.

— Боюсь, что так, Кам. — Он обвел взглядом перепуганных мальчишек. — Ну вот что. Ступайте по домам, и пусть ваши матери убедятся, что вы живы и целы. А чуть попозже расскажете, что тут произошло.

Мальчишки заговорили все разом.

— Странное создание... Огромное... Уродливое... Выскочило из леса... Синий свет...

Рако поморщился и поднял руку, призывая к тишине.

— Не сейчас. Расскажете позже. Ступайте по домам.

— Сэр, — Кам потянул его за куртку, — я боюсь идти через лес... — Он бросил испуганный взгляд за плечо.

— Не волнуйся, малыш. — Рако ободряюще улыбнулся. — Все будет хорошо.

Он подозвал двоих воинов и приказал им проводить детей до города. Похоже, не только Камми, но и ребята постарше вздохнули с облегчением. Теперь они все страшились леса, и только присущая мальчишкам бравада не позволяла им выдать истинных чувств.

— Ты им веришь? — спросил Рако, когда мальчишки ушли.

— Не знаю, — пробурчал Харра. — Хотя определенно здесь поработал кто-то, обладающий нечеловеческой силой... Ты прав: вряд ли это зверь. Скорее какая-то тварь... чудовище.

Рако кивнул.

— Я тоже так думаю, — сказал он.

Он не ошибся — теперь это было ясно. За первой смертью вскоре последовала вторая. На этот раз тварь видели взрослые — воины, патрулирующие берег озера. Рако прибежал на помощь вместе с отрядом охотников-сидов, но не успел. Тварь исчезла, будто растворившись в воздухе. Это событие пуще прежнего напугало обитателей Руаннох Вера, которые теперь не решались покидать город без крайней необходимости.

Во время очередной вылазки в лес Рако наконец увидел чудовище и пустился в погоню. Само собой, гораздо разумнее было бы вернуться в Руаннох Вер и позвать подкрепление, но Рако боялся, что тварь снова исчезнет. Вот так он и оказался здесь — вдали от города, один на один с кровожадным созданием. Если тварь нападет, никто не поспешит ему на помощь... И все же упрямство не позволяло Рако отступиться и повернуть назад. В су-

мерках охотник отлично видел синеватое мерцание, исходившее от тела твари, так что преследовать ее было несложно. Но Рако начал уставать. Теперь он более, чем когда бы то ни было, жалел об утраченном умении трансформации, которым обладали его предки.

Единственный раз в жизни Рако принял форму зверя. Это случилось около шести лет назад, незадолго до того, как странное проклятие лишило сидов способности к превращению. Рако отлично помнил день, когда он стал Келлидом — медведем сидов, помнил свой неземной восторг, помнил ощущение силы и мощи, переполнявших его тело... Увы! Вскоре после этого волшебное умение сидов внезапно исчезло. Несчастье постигло разом все кланы, повергнув сородичей Рако в отчаяние и горе. Никто не мог понять, почему это произошло. И уж тем более никто не знал, возможно ли исцеление. Многие полагали, что проклятие ниспослали им боги, недовольные вечными распрями между кланами, — тем самым обрекая сидов на неизбежную гибель. Рако отказывался в это верить, однако и ему приходилось признать, что его народ постепенно вырождается. И может выйти так, что через несколько поколений кровь сидов исчезнет вовсе, смешавшись с кровью феинов. В последнее время межрасовые браки становились более частым явлением, а теперь проклятие постигло и тех немногих чистокровных сидов, которые еще обладали способностью оборачиваться животными.

И все-таки надо продолжать жить, несмотря ни на что. Жить и бороться. Как гласила пословица — сражаться тем оружием, которое вручили тебе боги...

Боги — не боги, тем не менее оружие у Рако было. Увесистый боевой топор на длинной рукояти, выданный ему Харрой. Топор был тяжел и оттягивал руку, но Рако и помыслить не мог о том, чтобы бросить его. Помимо топора у Рако был еще длинный кинжал в ножнах на поясе, хотя он и не собирался его использовать. Ибо это значило подойти к твари на опасно близкое расстояние. Очень скоро ему придется действовать — или возвратиться к Харре ни с чем. Нужно атаковать чудовище прежде, чем он окончательно устанет и вымотается. Будь у Рако хоть малейший повод прекратить погоню, он повернул бы назад. Впрочем, тварь была совсем близко, и он решился.

— Эй, ты! — выкрикнул Рако и тут же пожалел об этом. Но было поздно. Чудовище остановилось, обернулось и с яростным ревом ринулось в атаку.

У Рако мигом пересохло во рту, а сердце бешено заколотилось в груди. Больше всего на свете ему хотелось отшвырнуть свой топор и бежать. Бежать прочь отсюда, как можно дальше от твари.

Однако он лишь покрепче уперся ногами в землю и принял боевую стойку, держа оружие наготове. Чуть пригнувшись,

Рако замахнулся топором. И в тот момент, когда тварь вырвалась из зарослей и Рако готов был нанести первый удар, он впервые увидел ее лицо...

Рако вскрикнул и отшатнулся. Он не успел ударить, и тварь нависла над ним. Она двигалась неимоверно быстро для своих габаритов. Выбросив вперед руку, чудовище толкнуло Рако в грудь, и он бы упал навзничь, не окажись за спиной древесный ствол. От резкого удара голова охотника откинулась назад, он крепко приложился затылком о дерево, и перед глазами заплясали разноцветные пятна. На миг Рако утратил ориентацию, а придя в себя, обнаружил, что выронил топор. Он вскрикнул от ярости и отчаяния.

Голубой свет окружил Рако со всех сторон. Ледяная рука чудовища ухватила его за горло, и охотник захрипел, пытаясь вдохнуть хоть толику воздуха. Рассудком он понимал, что ему конец. Тварь размозжит его голову о ствол и разорвет на части, как поступала с предыдущими жертвами. Лишь инстинкт самосохранения, присущий всем живым, заставлял Рако бороться — пусть он и знал, что это безнадежно.

Он не умер. Внезапно удушающая хватка на горле ослабла. Чудовище отпустило его и резко отшатнулось. Хрипя и кашляя, Рако упал на колени; трясущиеся ноги отказывались повиноваться. Рако все еще видел чудовище. Голубой свет, исходящий из его тела, сделался ярче. Тварь ревела и мало-помалу отступала, будто бы что-то тянуло ее обратно в заросли.

По ту сторону кустов послышалось ржание лошади и возбужденные голоса. Только теперь Рако разглядел веревки, обвившие торс и руки твари. Кто-то накинул на монстра петли и теперь упорно тащил за собой.

Природная осторожность заставила Рако притаиться под прикрытием кустов. Оттуда он осторожно наблюдал за своими неожиданными спасителями, чье внимание было полностью поглощено схваткой.

Как ни парадоксально, жизнь Рако спас отряд шоретских воинов. Их было шестеро. Трое держали веревки, обмотанные вокруг пояса и рук пленника, который отчаянно сопротивлялся, корчась на мокрой траве. Лошади хрипели и норовили встать на дыбы. Они явно опасались чудовища. Но шореты жестко сдерживали их, все сильнее и сильнее натягивая веревки.

Потихоньку дыхание Рако пришло в норму. Он растер шею и поудобнее устроился за кустом, не сводя глаз со всадников и их добычи. Синий свет разгорался все ярче, своим сиянием скрывая силуэт твари.

Вздох изумления вырвался у шоретов — да и у Рако, — когда они поняли, что пленник исчез. Свет потускнел и по-

гас. Шоретские всадники держали в руках веревки с пустыми петлями на концах. Тварь пропала без следа, оставив лишь странный дурманящий запах.

— Оно исчезло, мэм, — сказал один из солдат.

— Сама вижу. — Командир отряда снял с головы серебристый шлем, и пепельные волосы рассыпались по плечам. Рако был изумлен. Он никогда не слышал, чтобы среди воинов Шорета встречались женщины, тем более — на командных должностях. — Где человек, на которого он напал? Посмотрите под кустами.

Шоретка развернула лошадь, оказавшись лицом к Рако. Тот не осмеливался глядеть прямо на нее, опасаясь, что женщина почувствует его взгляд.

— Эй, человек! — спокойно произнесла шоретка. — Вылезай, не бойся. Даю слово, что мы не причиним тебе вреда.

Если женщина ожидала, что Рако поверит ей, она сильно просчиталась.

— Что, если он не может выйти? — предположил второй офицер отряда. — Возможно, тварь убила его.

Женщина ничего не ответила — лишь чуть заметно поморщилась.

Рако осторожно огляделся по сторонам, изыскивая пути к бегству. К сожалению, один из солдат был совсем рядом. Он шел по кустарнику, прорубая себе путь мечом. Солдат размахивал оружием точно косой, и Рако понял, что еще немного — и он окажется под ударом.

— Я здесь, здесь... — Он вылез из укрытия, держа на виду пустые руки, дабы показать, что сдается. Хотя шореты и феины уже не находились в состоянии войны, их отношения нельзя было назвать дружескими. Рако пребывал в уверенности, что, если шоретам представится возможность безнаказанно прикончить феина или сида, они непременно этой возможностью воспользуются. Он поднял глаза на женщину-командира, пытаясь понять ее намерения. По мере того как спадал уровень адреналина, Рако начинал ощущать свои синяки и ссадины. Болело все тело, лоб был покрыт испариной, лицо перепачкано грязью и засохшей кровью. Рако выглядел жалко — и отлично осознавал этот факт.

— Мое имя — Фереби Везул, — сказала женщина, наклоняясь в седле. — Расскажи-ка, что ты знаешь об этом существе? Случайно не ты ли его создал? Впрочем, ты не похож на колдуна.

— Ве... Везул? — Имя было знакомо Рако. Этот генерал командовал армией шоретов в битве при Дурганти.

Фереби кивнула. Замешательство Рако не ускользнуло от нее.

— Ты, видимо, сражался против моего отца?

— Видимо, — согласился он. — Что же до твари... Я гнался за ней от самого Руаннох Вера. Она убила двух человек. И кстати, вы находитесь на территории феинов.

Фереби пропустила его последнюю фразу мимо ушей, смерив Рако насмешливым взглядом.

— Гнался-гнался, а когда дело дошло до драки, вы быстро поменялись ролями... Насколько я могу судить, ты лишь чудом остался в живых.

Рако вскипел. Уж очень высокомерно она себя вела, эта Фереби, которой на вид было не более двадцати лет. Слишком юна, чтобы принимать участие хоть в одной значимой военной кампании. Генеральская дочурка, которую папаша пристроил на теплое офицерское местечко. Резкий ответ уже был готов сорваться с губ Рако, но он сдержал себя. Один против шестерых — не тот расклад, который позволяет говорить что вздумается.

— Ты права, Фереби Везул: я едва выжил. Дело в том, что это существо ошеломило меня...

— В каком смысле?

— У него было лицо моего отца. А он погиб при Дурганти пять лет назад.

По прошествии некоторого времени Рако горько пожалел о том, что не держал язык за зубами. Шореты связали его по рукам и ногам и бросили под дерево, занявшись устройством лагеря.

Окончательно стемнело. Начал накрапывать дождик. Солдаты натянули палатки, сделанные из какой-то неизвестной Рако тонкой ткани. Они действовали слаженно и организованно — шоретские воины славились дисциплиной. Второму офицеру, наблюдавшему за их работой, даже не приходилось распоряжаться: солдаты отлично знали свое дело.

Рако видел, что этот офицер — Фелндар — то и дело украдкой бросает на Фереби взгляды, исполненные негодования и раздражения. Она же сидела чуть поодаль, читая какие-то бумаги, и, похоже, ничего не замечала.

В скором времени на поляне поднялись две палатки. Одна — низкая и приземистая — для солдат. Вторая — высокая и просторная — для Фереби. Рако предположил, что шореты путешествуют не первый день, поскольку шатры успели загрязниться, а серебристые гербы, вышитые над входами, потеряли блеск и потускнели.

Поставив палатки, солдаты развели огонь и начали готовить еду. В скором времени над поляной поплыл запах наваристого кроличьего бульона. К большому огорчению Рако, шореты даже не подумали накормить его.

— Между прочим, мы не воюем, — пробурчал Рако. — Хорошо же шореты относятся к пленным! И вдобавок вы — на феинской территории.

Фелндар посмотрел на Рако поверх своей миски. По его подбородку стекала тонкая струйка мясного сока.

— Заткнись!

— Он прав, Фелндар, — мягко заметила Фереби. — Когда доешь, развяжи ему руки и дай супу.

Говоря это, она даже не подняла головы от бумаг и пропустила презрительный взгляд, которым наградил ее Фелндар.

К тому времени как Фелндар принес суп, тот совсем остыл. Впрочем, Рако был слишком голоден, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Он ухватил миску с ложкой и принялся с аппетитом хлебать жирное варево.

— И впрямь эти феины — сущие животные, — насмешливо заметил Фелндар, обращаясь к товарищам. — Глянь, жрет как свинья.

Солдаты рассмеялись, хотя как-то принужденно. Рако поднял глаза.

— Я сид, а не феин, невежда. Мы — свободные люди. А что до феинов, так они по крайней мере строят собственные города. Знаешь, как они называют вас, шоретов? Народом кукушек. Вы не способны ничего создать сами. Только и умеете, что занимать чужие дома — как кукушата занимают чужие гнезда. По-моему, очень меткое прозвище.

Несколько секунд Фелндар молча взирал на пленника, то ли пытаясь придумать достойный ответ, то ли просто ошеломленный его наглостью. Затем неторопливо поднялся, подошел к Рако и с силой ударил его ногой под ребра. Бок обожгло болью, но Рако смолчал и остался сидеть прямо. Он перехватил растерянный взгляд Фелндара, явно не понимающего, почему его удар не произвел впечатления на пленника. Впрочем, офицер недолго вдавался в размышления на эту тему и занес ногу для следующего пинка.

— Фелндар, — со стороны палаток раздался голос Фереби, — приведи сюда пленника. Я хочу поговорить с ним.

Фелндар наклонился к Рако и поднял его. От резкого движения бок снова отозвался болью. Рако мог только надеяться, что Фелндар не сломал ему ребра.

— Слышал? Пошли!

— Ну и каково это — подчиняться приказам своенравной девицы? — нахально поинтересовался Рако.

Офицер не ответил, а, разрезав путы на лодыжках Рако, подтолкнул пленника вперед. С трудом переставляя онемевшие ноги, охотник направился к палаткам. Пока они шли, он наскоро пригладил растрепанные волосы и помятую одежду. Рако пришлось признать, что реплика Фелндара о феинах и животных задела его, и он хотел по возможности привести себя в порядок. Видя, что пленник медлит, Фелндар схватил его за локоть и потянул за собой, а затем грубо втолкнул Рако в палатку командира.

Внутри оказалось неожиданно тепло и уютно. Рако с любопытством огляделся по сторонам. Фереби сидела на низ-

ком деревянном табурете, вытянув длинные ноги. Она разулась и сняла шлем, явив миру серебристые волосы, подстриженные коротко, как у мальчика; тем не менее мало кто подверг бы сомнению женственность Фереби. Ее волевое и вместе с тем нежное лицо выглядело усталым и немного грустным. Желтоватый свет масляных ламп смягчал острые черты. Точеная фигурка была стройной и мускулистой. Рако невольно задумался: считается ли Фереби привлекательной по меркам ее народа — слишком уж она была не похожа на крепких и полногрудых женщин феинов.

— Садись, йект, — сказала Фереби, указав на соседний табурет. — Фелндар, ты можешь быть свободен.

— Фереби, тебе понадобится помощь... — запротестовал он. Фереби смерила его раздраженным взглядом, и офицер умолк. Он отдал ей честь — несколько насмешливо — и направился к выходу. — Я буду неподалеку, — добавил он, смерив Рако нелюбезным взглядом. А затем покинул палатку.

— Итак, йект...

— Меня зовут Рако. Я не намерен отзываться на слово «йект». — Рако понятия не имел, как переводится это слово, однако знал, что йект — пренебрежительный термин, которым шореты именовали сидов и феинов.

Фереби чуть усмехнулась, всем своим видом давая понять, что оскорбленное достоинство Рако не слишком ее волнует.

— Итак, — повторила она. — Расскажи-ка мне о шардах.

— О шардах? — Рако непонимающе взглянул на Фереби. — Ты, должно быть, имеешь в виду светящихся тварей? Тогда ты знаешь о них больше моего. Наверное, шореты их и создали. Или нет?

Фереби наклонилась к Рако и одарила его ледяной улыбкой.

— Послушай меня хорошенько, йект. Мы можем спокойно посидеть в моей палатке и поговорить. Даже выпить подогретого вина. Но это при условии, что ты ответишь на мои вопросы и выложишь все, что тебе известно. В ином случае я перепоручу эту беседу Церезу, и ты станешь отвечать ему. Он инквизитор.

Рако однажды встречал шоретских инквизиторов. Небольшой отряд ехал по дороге вдоль границы областей Дурганти и Руаннох Вера. Рако наблюдал за ними из-за кустов и мог только надеяться, что никогда не увидит ни одного инквизитора с более близкого расстояния. Они носили одинаковые строгие темные одежды; их лица и руки были покрыты шрамами. «Словно они периодически практикуются на себе... или друг на друге», — подумал тогда Рако. Инквизиторы сидели в седлах идеально прямо, неотрывно глядя вперед. Суровые, неподвижные лица были лишены всякого выражения, будто ничто земное их не волновало.

— Не надо было меня кормить. Знаешь, угрозы лучше воспринимаются на голодный желудок, — ухмыльнулся Рако.

Фереби пропустила его издевку мимо ушей и невозмутимо пожала плечами. «И впрямь, — подумал Рако, — даже если среди ее людей на самом деле нет инквизитора, это ничего не меняет. И не будучи профессиональным палачом, можно измыслить множество способов причинить человеку боль. Тем более что шореты давно прославились подобными умениями. Чего стоят одни только распятия, понатыканные вдоль дорог». Рако вздохнул.

— Воля твоя, Фереби Везул. Делай что хочешь. В любом случае я смогу сказать только то, что знаю, а это не так много... И уж точно не представляю, откуда могли взяться эти создания. Откровенно сказать, я полагал, что шореты знают о них больше нашего...

Фереби неотрывно смотрела Рако в глаза, пытаясь понять, где ложь, а где правда. Затем она коротко кивнула.

— Но ты сказал, что у шарда было лицо твоего покойного отца. Как это могло случиться?

— Понятия не имею. Однако я знаю наверняка: ни феины, ни сиды не практикуют подобную магию.

Последняя фраза была недвусмысленным намеком, и Фереби, несомненно, поняла это. Лицо девушки сделалось суровым и жестким; его выражение не сулило Рако ничего хорошего. Фереби уже раскрыла рот, чтобы ответить, и в этот момент снаружи раздался придушенный вскрик. А затем истеричное ржание лошадей и людские вопли разорвали тишину ночного леса. Фереби кинулась к двери, не позабыв прихватить по пути свой меч.

— Фелндар! — рявкнула она. — Что происходит?

— Фереби! — крикнул Рако. — Постой!

Он моментально догадался, что происходит, и опасался остаться совсем один, без средств защиты. Рако выбежал из палатки следом за Фереби, озираясь по сторонам в поисках какого-нибудь оружия. Когда Рако оказался на улице, его глазам предстала сцена резни.

В лагерь ворвались двое шардов. Оба держали в руках исполинского размера дубины, выломанные из древесных стволов. Рако с ужасом увидел, что вокруг бедер одного из чудовищ обернут феинский тартан — оборванный и грязный.

Прежде чем Рако успел предпринять хоть что-нибудь, тварь схватила за волосы одного из шоретов и поволокла его по земле. Солдат отчаянно кричал и яростно отбивался. Его нога угодила в костер; вспыхнула одежда, и несчастный завопил пуще прежнего — от боли и страха. Казалось, шард и не заметил бедственного положения своей жертвы. Крепко держа шорета за волосы, он целенаправленно шагал через поляну — прямиком к Фереби.

Второго шарда сдерживали двое солдат. До сих пор им удавалось уворачиваться от ударов огромной дубины противника, и один из воинов размахивал перед носом чудовища го-

рящей головней, выхваченной из костра. Ночной воздух оглашался криками боли и ярости; остро пахло горелой плотью. К счастью, у Рако не было времени разглядывать ужасающие подробности резни: он все еще разыскивал оружие. А вот Фереби и Фелндар уже бежали к шарду, держа наготове мечи.

Рако заметил на краю поляны одного из солдат, который зачем-то вскочил на лошадь. Так или иначе, он ничего не предпринимал — лишь нерешительно озирался по сторонам. Лицо шорета было белее полотна, а глаза — круглыми от ужаса.

— Эй, ты, там! Да-да, ты! — завопил Рако. — Кинь мне оружие! Любое!

Несколько секунд солдат смотрел сквозь Рако, словно не понимая, что от него требуется. Затем тряхнул головой и снял через голову перевязь с мечом.

— Нет! — рявкнула Фереби. — Не давать пленнику оружия!

— Ради всех богов, Фереби Везул...

В любом случае приказ запоздал. Всадник размахнулся и швырнул перевязь в сторону Рако. Тот на лету поймал оружие и, выдернув меч из ножен, ринулся в бой.

Рако обладал чувствами Келлида. Он более не мог трансформироваться, и все же свойства тотема оставались при нем. В критической ситуации его зрение, слух и обоняние многократно обострялись. Звуки стал живыми; разрозненные фрагменты происходящих событий слились в единую осмысленную картину. К тому времени, когда Рако присоединился к Фереби и Фелндару, он уже прекрасно видел, что происходит справа, в тенях деревьев. Там затаилось еще одно существо, и Рако знал — еще прежде, чем увидел его, — это не человек. Однако оно не было и шардом. В отличие от последних существо не продиралось сквозь кусты и не ломало ветвей. Оно двигалось быстро, и шаги его были легки и неслышны, будто странное создание вовсе не касалось земли. Оно выскользнуло из леса, и тут шорет, сидевший на лошади, истошно завопил.

Рако бросил быстрый взгляд по сторонам. Странное существо остановилось подле лошади. Оно не нападало. Оно вообще ничего не делало — просто неподвижно стояло на краю поляны. Теперь Рако мог разглядеть его яснее. Создание было меньше, чем шарды, и его очертания казались вполне человеческими. Странным был лишь цвет тела — темный, красновато-бурый, с прожилками лилового. И когда Рако понял, в чем дело, он тихо ахнул. У человека не было кожи...

— Фелндар! — пронзительно крикнула Фереби.

Рако подскочил от резкого звука ее голоса и всполошенно обернулся. Фелндар подошел слишком близко к шарду, и монстр, бросив умирающую жертву, схватил офицера. К своей чести, Фелндар не закричал. Он вообще не издал не звука и не стал

панически отбиваться, как это делал несчастный солдат. Быстрым движением Фелндар извлек из ножен кинжал и в тот момент, когда тварь подняла его на уровень своего лица, вскинул руку и всадил оружие в глаз шарда.

Шард издал резкий, пронзительный вопль, отшатнулся и выронил дубинку. Но Фелндара он не отпустил. Огромная рука чудовища по-прежнему стискивала горло шорета. Фелндар захрипел.

Рако и Фереби кинулись на помощь. Фереби ударила чудовище по ноге, а Рако — по ребрам. Это дало желаемый результат, выбив шарда из равновесия. Он начал заваливаться назад, однако прежде чем монстр упал, его огромная рука раздавила череп Фелндара будто яичную скорлупу. На счастье офицера, это произошло быстро. Он умер прежде, чем успел осознать происходящее. Секундой позже горящий человек тоже перестал кричать. Он был без сознания или же мертв. Шард рухнул навзничь, земля вздрогнула от падения тяжелого тела, от костра взметнулся в небо сноп искр. Хватка чудовища разжалась, и Фелндар откатился в сторону. Фереби кинулась к телу, хотя наверняка знала, что уже ничем не сумеет помочь...

На поле битвы стало тихо. Рако огляделся по сторонам. Лишенный кожи человек по-прежнему бездвижно стоял на краю поляны.

Не двигался и всадник. Человек и лошадь словно обратились в статуи. С противоположного края поляны тоже не доносилось никаких звуков и не было заметно ни малейшего шевеления. Рако подозревал, что там их поджидают плохие новости, но все же сперва направился к всаднику.

За спиной Рако слышал тихий плач Фереби — придушенные всхлипы, которые она пыталась сдержать. Инстинкты Келлида все еще были при охотнике, и Рако уловил момент, когда человек без кожи шевельнулся. Рако заспешил. Однако, когда он добежал до края поляны, странного существа уже не было. Рако уловил лишь легкое движение среди ветвей. Сюда... налево... тихий шорох кустов. Быстро... легко... словно порыв ветра... Рако кинулся в чащу и все-таки почти сразу остановился. Он знал, что погоня не принесет результатов. Человек без кожи просто исчез под балдахином леса. Исчез без следа.

— Почему ты не помог нам? — спросил Рако, вернувшись к всаднику. — Ты мог бы спасти Фел... Ого! Фереби, иди сюда. Взгляни-ка.

И человек, и лошадь были мертвы. Их кожа высохла, как старый пергамент. Солдат сидел, выпрямившись в седле; рот приоткрыт, словно человек что-то кричал. Возможно — предупреждение Фелндару, которое так и не достигнет его ушей. Рако тронул бабку лошади, она была леденяще-холодной, будто кровь в конских жилах в буквальном смысле превратилась в камень. Рако оглянулся на Фереби; девушка-офицер скорчилась на земле под-

ле тела Фелндара. Белые волосы упали на лицо, плечи чуть заметно вздрагивали.

— Фереби...

Нет ответа.

Рако почувствовал движение за спиной и вновь повернулся к всаднику. Тот шевелился. Медленно, будто бы неуверенно, человек повернул голову к Рако. Послышался странный сухой звук, похожий на шуршание сминаемой бумаги. Лицо солдата дрогнуло, он подвигал нижней челюстью, словно собираясь заговорить. Хотя даже если мертвый шорет и впрямь был на это способен, сказать он ничего не успел. Ноги лошади подломились, она рухнула на землю, и в единый миг животное, человек, его одежда и оружие — все разлетелось хлопьями тонкого черного пепла.

Рако вздрогнул и попятился. На земле лежала кучка черного праха — все, что осталось от несчастного шорета и его скакуна. Не осмеливаясь повернуться спиной к черной стене леса, Рако отступал все дальше и дальше, пока не дошел до середины поляны.

— Проклятие! — выдохнул он. — Как такое могло случиться? Что все это значит?

Молчание было ему ответом. Рако беспомощно оглядел поляну. Шарды исчезли, растворившись в собственном синем пламени. На поле битвы валялись четыре изувеченных тела шоретских солдат да горстка пепла. Рако и Фереби были единственными, кто уцелел.

Следующие несколько часов были посвящены погребению тел.

Стояла кромешная тьма. Над землей поднимался туман, и холод пробирал до костей. Тем не менее Фереби твердо вознамерилась похоронить мертвецов — и непременно сделать это по правилам. Трупы следовало положить в могилы ногами на восток; людей нужно раздеть догола, чтобы боги приняли их такими же, какими впустили в этот мир. Глаза мертвецов Фереби прикрыла тонкими полосками ткани, которые выдрала из палаток. Все это казалось Рако ненужным излишеством, однако он помогал Фереби чем мог. Правда, когда она вознамерилась распять тело Фелндара, Рако не выдержал.

— Он умер в бою и умер доблестно. Неужели этого мало? Почему ты не можешь позволить ему упокоиться в мире?

Фереби нахмурилась.

— Как ты не поймешь, йект? Это не надругательство, а великая честь. Он должен быть вознесен над полем битвы, чтобы боги увидели его первым.

— Ты хочешь сказать, что это восхваление?

— Если угодно. Мы уважаем тех, кто погиб в бою, предводителей воинов... Почему это кажется тебе странным?

Рако задумался. В самом деле почему? Он никогда прежде не пытался взглянуть на проблему с этой точки зрения.

— А... Но люди не всегда мертвы, когда вы их распинаете, да?

Фереби слабо улыбнулась.

— Не всегда. Только какая разница? Мертвый или умирающий — это всего лишь вопрос времени. — Она указала на дымящееся тело первого из солдат, убитого шардом. — А смерть в бою иногда бывает несравненно более жестокой. Ты согласен?

Рако угрюмо кивнул в ответ и подошел к телу. Ноги солдата почернели и обуглились. Наклонившись, чтобы осмотреть тело, Рако прикрыл ладонью нос и рот — запах был невыносим.

Внезапно труп пошевелился и вскинул руку. Рако отпрянул и упал на траву, вскрикнув от неожиданности. Подбежала Фереби и опустилась на колени рядом с товарищем.

— Спокойно, спокойно, — бормотала она. Под покровом темноты было не разобрать, жив ли еще человек, или же это огонь так перекорежил мышцы, что они начали сокращаться. Так или иначе, пару секунд спустя рука снова упала, и солдат затих.

— Ну, — мрачно пробормотал Рако, — как ты сказала, Фереби Везул? Вопрос времени?.. — Он начал подниматься с земли, и тут его ладонь нащупала в траве какой-то твердый предмет. — А это еще что такое?

Рако подобрал вещицу. Она была холодной и довольно тяжелой. Вернувшись к костру, Рако принялся рассматривать находку. В оранжевом свете пламени блеснули звенья золотой цепочки, к которой был прикреплен небольшой амулет яйцеобразной формы.

— Сколько же вы платите своим солдатам, Фереби?

— А?.. Что это? — Она подошла и уставилась на яйцо. Оно было покрыто искусной инкрустацией — причудливый серебряный узор вился по золотой основе амулета. — Дай посмотреть, — велела Фереби и требовательно протянула руку.

Рако сжал находку в кулаке.

— Не дам. Это я его нашел. И намереваюсь оставить себе.

Фереби пожала плечами и отвернулась. Рако удивила та легкость, с которой женщина-командир отказалась от амулета, и тем не менее резкий удар ногой с разворота застал его врасплох. Он повалился на траву, а Фереби улыбнулась. Ее нога стояла на груди Рако, прижимая его к земле.

— Дай посмотреть, — повторила она.

Рако мысленно выругался, пытаясь убедить себя, что женщина победила его лишь потому, что действовала обманом. Тем не менее пришлось протянуть Фереби амулет, и лишь затем она позволила охотнику подняться.

— Вообще-то я хотел...

Она жестом заставила его умолкнуть.

— Йект, — рявкнула она. — Это важный...

— Я уже говорил тебе: у меня есть имя.

— Смотри. — Фереби дернула какой-то скрытый механизм. Послышался тихий щелчок, и яйцо раскрылось, как крылья жука. Внутри что-то светилось. Яркие лучи прорезали ночную темноту — красные, синие, желтые и зеленые.

— О боги! — прошептал Рако. — Что это, Фереби?

Она чуть заметно дернула плечом.

— Должно быть, бесценная вещь, йект. — На сей раз Рако решил пропустить ее обращение мимо ушей. — Среди моего народа магия распространена не слишком широко, а эта штуковина явно магическая. Ты видел раньше что-нибудь подобное?

Рако покачал головой и кивнул на мертвого солдата.

— Тогда откуда она взялась у твоего человека?

— Не думаю, что это его вещь. Глянь-ка.

Среди звеньев цепочки застряли маленькие ворсинки шерсти и несколько обрывков ниток. Рако покатал их в пальцах.

— Это похоже на... шерсть из тартана. Ты хочешь сказать, амулет принадлежал шарду?

Фереби угрюмо кивнула. Одна и та же мысль пришла им в голову практически одновременно. И Фереби лишь на секунду опередила Рако, высказав ее вслух.

— Выходит, эти твари изначально были людьми.

Фереби действовала молниеносно, и Рако опять не успел среагировать. Он наконец вынужден был признать, что в обществе этой женщины ни в коем случае нельзя терять бдительность. Охотник сосредоточенно вертел в руках обрывки ткани, размышляя о происхождении шардов, когда перед глазами блеснуло серебристое лезвие кинжала. А в следующий миг холодная сталь уже касалась его горла.

— Что ты творишь, Фереби?!

Лезвие прижалось чуть сильнее.

— Сядь, йект.

— Да что происходит?

— Сядь. — Она толкнула его назад, свободной рукой придерживая за отворот куртки. Рако пришлось повиноваться.

Фереби обошла его, оказавшись за спиной.

— Теперь ложись, — приказала она. — Лицом вниз.

— Вот оно как? Собираешься меня убить? — Рако в это не верилось, но следовало сказать хоть что-нибудь. — И это после того, как я сражался на твоей стороне? Что ж, правду говорят: все шореты — безжалостные, кровожадные твари... Ого! — Фереби пнула Рако носком сапога по внутренней стороне бедра, раздвигая ему ноги. Рако понимал, что это помешает ему быстро подняться, и все же снова не удержался от шутки. — Ах вот оно что! Теперь я все понял. Таков брачный ритуал шоретов...

— Я не собираюсь тебя убивать, йект, — буркнула Фереби, пропустив мимо ушей его последнюю фразу. Впрочем, Рако показалось, что ее голос звучит несколько смущенно.

— Послушай, сколько раз тебе повторять? Меня зовут...

Фереби резко ударила его по затылку, и Рако потерял сознание.

— Извини. Я знаю, что ты сражался заодно с нами. Но...

Рако не расслышал окончания реплики. Его накрыла волна боли. Раскалывалась голова. Рако застонал и попытался тронуть затылок, однако тут же обнаружил, что не может этого сделать. Его руки были крепко связаны за спиной.

— «Извини»? — буркнул он. — Ну ничего себе! Ты ж чуть меня не убила!

— М-м... Да. Я не рассчитала. Мне раньше не приходилось оглушать человека.

Рако обвел взглядом все окружающее. Мир перед глазами поплыл, и тем не менее он сумел понять, что наступило утро. Стало немного светлее. Туман еще не рассеялся; он висел над землей серой дымкой, укрывая собою могилы. Фереби установила над каждой из них по большому камню и украсила ветками рябины. Одна из могил была вполовину меньше, чем остальные. Очевидно, именно в ней упокоились бренные останки солдата и лошади, погибших столь таинственным образом.

— Я ничего не понимаю, Фереби Везул. Мы действительно сражались на одной стороне. Возможно, впервые сид и шорет дрались плечом к плечу... Так зачем же тебе все это понадобилось? Что ты собираешься со мной делать? Бросишь меня здесь связанным?

Фереби оседлала коня, крепко затянула подпругу и обернулась к Рако:

— Нет, йект. Не брошу. Мы отправимся в Дурганти и расскажем императору обо всем, что узнали.

— В Дурганти? Нет, Фереби. Я не могу вернуться туда подобным образом. — Он кивнул на свои связанные руки.

— Слушай-ка, Рако, я сейчас не в том настроении, чтобы с тобой препираться. Я только что похоронила пятерых своих товарищей. В том числе человека, который должен был стать моим мужем. И мне не с руки оставлять тебя здесь или отпускать в Руаннох Вер, чтобы ты всем рассказал о шардах...

— Я и не собирался, — возразил Рако.

— ...поэтому вариантов два: либо ты отправишься в Дурганти в качестве моего пленника, либо я убью тебя прямо сейчас.

Рако вздохнул.

— И впрямь выбор небогатый... Ну что ж, помоги мне забраться на лошадь.

ГЛАВА 6

Маленькая экспедиция наконец-то добралась до Чинли. Путники остановились в местном отеле, намереваясь завтрашним утром начать спуск в каньон Ди Челли.

— Отдохните как следует, — велел Талискер. — Может случиться так, что завтра мы уже окажемся в Сутре. Переход из мира в мир — всегда серьезное испытание для человеческого организма. Вы должны быть в хорошей форме.

— Слишком резкая смена временной зоны? — спросила Эффи.

Талискер рассмеялся, но Йиска даже не улыбнулся. Да что там! Он вообще ни разу не посмотрел на нее с тех пор, как они покинули дом тетушки Милли.

— Да, пожалуй, это можно назвать сменой зоны. — Талискер задумался. — Хотя, может быть, что-то не в порядке со мной. Знаешь, иногда я просыпаюсь по утрам и чувствую, что болит все тело. Каждая косточка. Вдруг это и есть старость?

Пожилая горничная, провозившая по коридору тележку с мусором, услышала реплику Талискера и усмехнулась.

— Э, милок! Где тебе понять, что такое старость... — пробормотала она, проходя мимо.

— Ладно, спокойной ночи, — сказала Эффи. Она улыбнулась Талискеру, но Йиска по-прежнему не желал встречаться с ней взглядом. Не включая в номере света, Эффи прямиком прошла в ванную, прихватив по пути синюю косметичку.

Следующее утро выдалось чертовски холодным. Слой снега на земле превышал четыре дюйма, что было нехарактерно для февраля. И когда Эффи влезла в джип, Родни, Йиска и Талискер уже сидели внутри, изучая карту каньона.

В первый момент никто не поднял глаз, затем Талискер глянул на Эффи и нахмурился.

— Доброе утро, Эффи... ты в порядке?

Йиска тоже обернулся.

— Эффи, ты ужасно выглядишь.

— А не пошел бы ты? — буркнула она.

Большую часть ночи Эффи провела в туалете. Ее выворачивало наизнанку. Теперь же девушка чувствовала жуткую слабость и опасалась, что у нее начинается лихорадка. Впрочем, она не собиралась никому об этом сообщать. Забравшись в машину, Эффи с силой захлопнула за собой дверцу. Талискер и Йиска обменялись задумчивыми взглядами, однако ничего не сказали.

В джипе было уютно, хотя и чуть душновато. Пахло кофе и кожей седельных сумок, которые Родни положил на зад-

нее сиденье. Эффи закрыла глаза, наслаждаясь ощущением теплых солнечных лучей на лице. Не прошло и нескольких минут, как она погрузилась в сон.

— Эффи... Посыпайся, мы приехали. — Талискер улыбнулся девушке. Очевидно, он уже забыл или простил ее давешнюю вспышку. Что-то неуловимо изменилось в нем. Он казался оживленным и необычайно счастливым. Возможно, Йиска дал ему какое-то обезболивающее, а может, Талискер предвкушал возвращение в Сутру...

— Это здесь?

— Да. Каньон Ди Челли. Дальше мы не проедем, поэтому один из внуков Родни одолжил нам несколько лошадей. Выйди из машины, посмотри, как красиво!

Тихо постанывая, Эффи выбралась из джипа. Талискер оказался прав. Несмотря на свое разбитое состояние, Эффи была заворожена величественной красотой природы. Впервые за долгое-долгое время она могла думать о чем-то ином, нежели о собственном физическом состоянии.

Каньон был восхитительным, необыкновенным. С того места, где стояла Эффи, открывался вид на горы, сложенные из красного камня; плоское плато обрывалось вниз головокружительными отвесными утесами из песчаника. Цвета были живыми и яркими. Ни одна даже самая лучшая фотография не могла передать этого безумного буйства красок. Далеко впереди возвышалась узкая колонна-скала, ее пик был покрыт белоснежным одеялом снега.

— Плато Бунтарей, — раздался голос Йиски за спиной Эффи. Она не обернулась. — А вон там — Паучья скала, священное место навахо. — Йиска накинул одеяло на плечи Эффи. Простой, ничего не значащий жест, но он обозначал какое-то перемирие между ними. — Тебе стоило бы надеть шляпу.

— Ой! Она осталась в джипе. А почему скала называется Паучьей? — Эффи прищурилась, пытаясь разглядеть хотя бы отдаленное сходство с арахнидом.

— Навахо верят, что наверху живет женщина-паучиха. Она — одна из наших богинь, появившаяся во Времена Сотворения, когда навахо пришли из Первого Мира в этот. Мы называем его Четвертым Миром. Паучиха научила наших предков ткать на станке...

— Это так важно? — Эффи обернулась к Йиске. — Подумаешь ткачество!

Казалось, Йиску комментарий обидел. Эффи мысленно отругала себя. Хорошенькое восстановление добрых отношений!

— Для нас это важно, Эффи...

— Прости, Йиска. — Она сама точно не знала, за что извиняется. Только пусть уж это «прости» будет за все разом. — Как мы собираемся спускаться вниз?

Йиска кивнул в сторону и назад, туда, где стояли Талискер и Родни. Они разговаривали с двумя молодыми людьми, которые привели лошадей.

— Там есть тропа.

Эффи испуганно заморгала.

— Я не умею ездить на лошади, Йиска. Ни разу в жизни не сидела верхом. — Она снова ощутила слабость и боль в боку.

— Тогда сегодня тебе предстоит научиться. Посмотри, как красиво там, внизу. Послушай тишину. — Йиска говорил спокойно и размеренно, и на секунду Эффи заразилась его настроением.

— Но... но...

— Но ты боишься.

— Нет. Ладно, может быть, я слегка нервничаю. Не более того. — Эффи засунула руку под куртку и прижала ладонь к ноющему боку, надеясь, что Йиска ни о чем не догадается. Эффи не могла ему признаться, что вчера вечером приняла сироп таволги. Йиска скажет, что она сама во всем виновата, и снова отдалится от нее.

— Пошли. Мы найдем тебе самую смирную лошадку. — Йиска улыбнулся. И словно солнце вышло из-за туч...

— Прошу тебя, Фереби Везул...

— Заткнись наконец, йект!

— Как ты не можешь понять? Дурганти — мой город. Мы поем о нем песни и слагаем легенды. Хотя этот город и построили феины, племя сидов, из которого я происхожу, давно поселилось в нем. Феины и сиды живут там бок о бок. Я родился в Дурганти, не заставляй меня возвращаться туда в путах.

Фереби даже не повернула головы.

— Ах, ты просто разрываешь мне сердце, йект. Я никогда не понимала всех этих сидско-феинских проблем.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я не могу уловить разницу...

— Ты не можешь отличить сида от феина? Невероятно! Шореты захватили эти земли, но не взяли на себя труд понять местных жителей, не так ли? Послушай, мы скоро увидим Дурганти. Не могла бы ты просто...

Фереби придержала лошадь и обернулась. Она выглядела изможденной и усталой. Более того: нетрудно было понять, что совсем недавно она плакала, хотя Фереби изо всех сил пыталась это скрыть. У нее выдалась тяжелая ночь. Бой с шардами, похороны товарищей, стычка с Рако. Только теперь Фереби нашла время выплакаться, благо никто на нее не смотрел. Моросил дождик. Холодные капли падали с капюшона ей на лицо, маскируя слезы. Ее бледная кожа казалась почти прозрачной, и лишь глаза выдавали скорбь. Кожа вокруг них была розоватой, потому что девушка то и дело стирала ладонью выступившие слезы.

— Ты понимаешь, что значит слово «нет», йект?

«Видно, быть генеральской дочерью не так уж и просто», — подумал Рако.

В сумерках они приблизились к Дурганти. Город был недалеко, если добираться до него по прямой. Однако прямой дороги не существовало. Рако и Фереби пришлось сделать немалый крюк, чтобы пересечь мост над ущельем Герн.

Ничто так не выдавало различий в материальной культуре феинов и шоретов, как этот мост, именуемый Аон Кранн. То было массивное сооружение, соединявшее края пропасти и подпертое посередине узкой высокой скалой, поднимавшейся со дня каньона. Никто из феинов сейчас уже не помнил, откуда взялся мост и кто его построил. И не было более сеаннахов, которые могли бы поведать об этом.

Аон Кранн будто был сделан из одного-единственного исполинского дерева — отсюда и происходило его название. Впрочем, любой здравомыслящий человек понимал, что это невозможно. Края ущелья Герн отстояли друг от друга почти на милю, а ширина моста была такова, что по нему свободно могли проехать четыре повозки в ряд. В мальчишеские годы Рако провел немало времени в попытках поковырять мост своим ножом, но так и не преуспел. То, что казалось деревом, на проверку было тверже камня. Рако решил бы, что Аон Кранн состоит из каменных плит, да только каждую весну из него начинали выглядывать зеленые побеги...

Феины относились к Аон Кранну с почти священным трепетом и тщательно ухаживали за ним, чиня и приводя мост в порядок, если это было необходимо. Шореты же рассматривали сооружение исключительно с практической стороны. С тех пор как Дурганти перешел в их руки, Аон Кранн перегородили стальной решеткой, а посреди моста поставили сторожевой пост.

Рако вглядывался в сумерки, высматривая Аон Кранн. По ту сторону лежал Дурганти, где он не был пять лет. Он не приходил сюда, подобно своим сородичам, чтобы издалека поглядеть на башни и стены утраченного города. И было невыразимо больно и горько возвращаться сюда пленником со скрученными за спиной руками и без оружия.

Несомненно, Фереби проявила дальновидность. Если бы Рако оказался на свободе, он бы прямиком отправился в Руаннох Вер и рассказал тамошним жителям о чудовищах, созданных колдовством шоретов. Рако был уверен, что ни сиды, не феины никогда не использовали магию, способную вызвать к жизни безмозглых кровожадных тварей, уничтожающих все живое на своем пути. Тот шард, что убил двоих у Руаннох Вера, был не единственным. Их несколько. Возможно, шардов множество. Если

феины не подготовятся к нападению, они окажутся в смертельной опасности...

Он очнулся от своих раздумий, когда конь Фереби перешел на более быстрый аллюр, и лошадь Рако последовала примеру жеребца.

— Ты спишь, йект? — спросила Фереби. — Дурганти уже близко.

— Я знаю, Фереби Везул. Знаю...

Дурганти разительно отличался от прочих городов Сутры. Здесь не было мощных укреплений, как в Сулис Море или Руаннох Вере. На востоке от города пролегало ущелье Герн; на западе начиналась длинная гряда холмов, перетекавших в плоскогорье, которое простиралось до самого океана. Сама природа защищала Дурганти лучше, чем любые стены, поэтому здешние здания строились без расчета на военные действия. Центральный замковый комплекс был скорее дворцом, нежели цитаделью. Главная улица, ведущая к нему, представляла собой открытую галерею, ограниченную с обеих сторон рядами высоких круглых колонн. Фасады домов в Дурганти украшали барельефы и тонкая лепнина, изящные скульптуры высились на городских улицах. Люди творчества стекались в Дурганти со всех концов мира. Он стал домом ремесленников, художников и поэтов. Этот город был духовной родиной феинов, так же как Сулис Мор — их военной базой.

Вдобавок местные обитатели издревле разводили лошадей и торговали ими. Здешние породы высоко ценились по всей Сутре, а жители Дурганти повсеместно считались искусными наездниками. И поговаривали, что утрата Дурганти подорвала не столько военную мощь феинов, сколько их боевой дух.

Фереби и Рако подъехали к сторожевому посту посреди Аон Кранна. К тому времени дождь заметно усилился. Путники промокли с головы до ног, вода текла с них ручьями. Усталые лошади тяжело дышали, от боков поднимался пар. Одним словом, Рако и Фереби являли собой довольно жалкое зрелище, и часовой взглянул на них без особого почтения.

— Приветствую. По какому делу направляетесь в Дурганти?

— Я Фереби Везул, дочь генерала Везула. У меня срочное сообщение для императора.

Часовой приосанился и отдал честь.

— Хорошо, мэм. Я доложу генералу Заррусу о вашем прибытии.

— Нет, — резко отозвалась Фереби. В ее голосе послышались нетерпеливые нотки. — Я буду говорить только с императором. Ты понял?

Несколько секунд часовой задумчиво рассматривал Фереби, явно сомневаясь в ее полномочиях. Фереби не отвела глаз. Взгляд ее был твердым, уверенным и холодным.

— Слушаюсь, мэм. Пожалуйста, проезжайте. Я дам сигнал на башню, и вас встретят в городе.

Фереби кивнула и двинулась по мосту, более не удостоив часового ни единым словом.

— Император! — недоверчиво прошептал Рако. — Что он собой представляет?

— Понятия не имею. Я никогда прежде его не видела. И не обращайся ко мне напрямую во время аудиенции.

— Знаешь, шореты не имеют права меня задерживать. Мы не воюем.

— Не будь глупцом, Рако. Это всего лишь вопрос времени.

Император Шорета удовлетворил просьбу Фереби о личной аудиенции, хотя и заставил их прождать около часа.

— Зачем тебе говорить с императором с глазу на глаз? — спросил Рако.

Теперь, когда охотника развязали, позволили вымыться и привести себя в порядок, он чувствовал себя несравненно лучше. Казалось, шореты сами толком не понимали, как им следует обращаться с пленником. Так или иначе, между шоретами и феинами действительно было перемирие, и действия Фереби в значительной степени выглядели как провокация. Поэтому в Дурганти Рако отвели отдельную комнату по соседству с покоями Фереби, хотя у входа все же поставили охрану.

Фереби поерзала на стуле и тронула пальцем медальон, висевший на груди под одеждой.

— Мне очень не нравится эта история, — ответила она. — Здесь что-то не так. Что-то...

В приемный зал шагнул высокий, крепко сложенный человек, облаченный в роскошные одежды.

— Что ж, заходи, Фереби Везул, — сказал он, открывая внутреннюю дверь, ведущую в комнату для аудиенций. — И твой друг пусть тоже войдет.

Казалось, император Теброн терпеть не мог формальностей.

— Ладно-ладно. — Он нетерпеливо замахал руками, когда Фереби опустилась на одно колено и согнула спину в поклоне.

Рако спрятал ухмылку. Прежде ему не доводилось видеть шорета в подобной позе; в компании феинов они не были склонны к почтительности. Фереби неуверенно выпрямилась, а император тем временем разлил по чашкам горячее питье. К большой радости Рако, чашек было три.

— Поднимись, лейтенант Везул. Я вижу, ты недавно побывала в бою. По правде сказать, от тебя до сих пор пахнет смертью.

Фереби встала и нахмурилась.

— Я приняла ванну, сир, — сказала она растерянно.

— Я выражаюсь метафорически, — отозвался император с улыбкой. Он протянул Фереби питье. — Сядь и веди себя попроще.

Затем император подошел к Рако, встав чуть ли не вплотную с ним, и некоторое время изучал его лицо.

— Хм-м... Сид? Клан медведя, если не ошибаюсь?

— Да... Да, ваше величество. — Рако покосился на Фереби. — Я родом из Дурганти.

— А... Ну, тоже садись. Как твое имя?

— Рако.

— Что ж, рассказываете, с чем пожаловали.

По большей части говорила Фереби. Рако молча потягивал питье, с любопытством разглядывая интерьер покоев и время от времени бросая взор на императора. По мере того как Фереби пересказывала историю своих похождений, выражение лица монарха делалось все более серьезным и мрачным. Однако, как показалось Рако, он не выглядел удивленным. Было очевидно, что император уже осведомлен о шардах и о тех, других тварях. Когда Фереби рассказала о странной смерти лошади и всадника, Теброн лишь угрюмо кивнул.

— Мы называем их флэйями, людьми без кожи. Эти существа и впрямь люди. Вернее, когда-то ими были... Что скажешь ты, Рако?

— Мы ничего не знаем об их происхождении, сир. Они убили множество сидов и феинов. И никто среди наших народов не практикует подобную магию.

— Да, — согласился Теброн. — Я верю. Только они должны откуда-то появиться...

— Сир, мы нашли вот это, — вступила Фереби. — Мы полагаем, что этот предмет носил один из шардов. Возможно, он получил его от своего создателя... — Она сняла с шеи цепочку и протянула амулет Теброну.

Император заметно побледнел и не стал ни открывать, ни даже рассматривать амулет. Очевидно, он точно знал, кому принадлежит эта вещица.

— Так-так... — пробормотал он. — Это меняет дело. Определенно, это меняет дело...

Повисло молчание. Теброн вертел в пальцах золотую цепочку, и мысли его были далеко.

— Мне очень жаль, сир, — сказала Фереби. — Видимо, мы принесли плохие вести.

— Все гораздо хуже, чем ты думаешь, Фереби Везул. Мне донесли, что вчера днем на казармы в Кармале Сью напало около пятидесяти шардов и флэйев. Погибло множество молодых воинов, готовившихся вступить в ряды моей личной охраны. Чудовища также проникли в каменоломни и убили нескольких сеаннахов.

Фереби вскинула на императора взволнованный взгляд.

— А Буря? С ней все в порядке?

— Да. Но санах Таск отдал свою жизнь, сдерживая чудовищ, пока не подоспела помощь. А затем шарды просто исчезли — как и в твоем случае.

Фереби заметно задрожала.

— Кто такая Буря? — спросил Рако.

Она не ответила.

— А как мой отец?

— С ним все в порядке. — Император выглядел усталым и погрустневшим. — Теперь очевидно, что все это — дело рук кого-то из шоретов. Предатель в наших рядах. — Он посмотрел на кулон и крепко стиснул его в пальцах, будто этим движением мог задушить владельца.

«Он знает, — подумал Рако. — Точно знает, кто это».

— Я должен поговорить с Заррусом и обсудить ситуацию. — Теброн вздохнул. — Фереби Везул, попытайся немного поспать. Ты сделала все, что было в твоих силах. Завтра поутру можешь ехать домой, в Кармалу Сью. Рако, возможно, ты согласишься стать нашим послом — неофициально, разумеется, — и уверишь соседей, что мы пытаемся разобраться в ситуации.

Сама идея о том, чтобы стать послом шоретов — официальным или нет, — показалась Рако оскорбительной. Однако он видел, что Теброн вымотался и давно не спал, поэтому не возразил, а лишь неопределенно пожал плечами.

— Стало быть, я свободен?

— Разумеется. Ты больше не пленник. И мы не намерены ссориться с твоими сородичами, Рако. У нас и без того полно проблем.

Когда они покинули комнату аудиенций, Рако не сумел удержаться от насмешки.

— Итак, ты потратила кучу сил и времени, притащив меня сюда, — и лишь затем, чтобы ваш самый большой начальник самолично отпустил меня домой?

Фереби не ответила.

— Кто такая Буря? Твоя любимая лошадь?

Девушка по-прежнему молчала. Ее лицо было мрачным и подавленным. Дойдя до двери своей комнаты, Фереби обернулась к Рако:

— Я рада, что тебя это так забавляет, йект. Мои друзья мертвы. Мой учитель погиб. Да, можешь отправляться домой завтра с утречка и сказать феинам, чтобы порадовались несчастью, которое шореты сами на себя наслали. Спокойной ночи.

Она вошла в комнату и с грохотом захлопнула дверь. Рако ожидал услышать оттуда горькие рыдания, но нет,

Фереби Везул была не такова. Рако глянул на стражников подле двери и беспечно пожал плечами. Мысленно же охотник обругал себя; приходилось признать, что он оказался глупой, бессердечной сволочью.

— Ох уж эти женщины!.. — буркнул Рако и шмыгнул в свою комнату.

Здесь он подошел к смежной стене и прислушался. Из покоев Фереби не доносилось ни звука. Рако тихонько постучал.

— Прости меня, Фереби Везул...

Ответа не последовало, и он улегся в постель, очень недовольный собой. Постель была холодной и неудобной, но Рако очень вымотался за прошедший день и моментально провалился в сон, даже не успев зажечь лампу.

Рако проснулся среди ночи от какого-то странного звука. Инстинкт воина заставил его подскочить и потянуться за мечом. Вот только меча при Рако не было, и вдобавок, попытавшись принять сидячее положение, он больно стукнулся головой об узорчатое украшение изголовья кровати.

— Ой!

Звук, раздавшийся вслед за этим, был уже вполне узнаваем: фырканье и тихий смешок. Возле кровати стояла Фереби Везул. Вокруг ее тела было обернуто тяжелое одеяло.

— Только не думай ничего такого, йект. Я не могла заснуть, вот и все. — Она хихикнула, видно, снова вспомнив неуклюжее пробуждение Рако. — Вот и решила, что ты — какая-никакая, а все же компания.

Не дожидаясь ответа, Фереби уселась на кровать. Из-под одеяла виднелись ее белые, точно фарфоровые ступни. Рако внезапно почувствовал непреодолимое желание прикоснуться к ее ноге, чтобы узнать, холодная она или теплая. Он заставил себя отвести взгляд.

— Не уверен, что это хорошая идея, Фереби Везул. Ты — в моей комнате посреди ночи. Люди могут подумать...

— Чепуха. Никто не узнает. Я просто хочу немного расслабиться. О... — Фереби внезапно залилась краской. Это выглядело весьма и весьма мило.

— Что такое?

— О!..

— Да в чем дело?

— Ты ведь не думаешь, что я собираюсь тебя соблазнить?

— М-м... Нет.

— Врешь! Именно это ты и подумал! Как бы не так. Ты не в моем вкусе. Я предпочитаю мужчин своего вида.

— Да? А как же Фелндар? Типичный представитель вида свиней.

Фереби быстро улыбнулась, чтобы затем пристыженно отвернуться. Рако с удивлением посмотрел на эту новую Фереби — мягкую и беззащитную, которую можно уязвить самыми простыми словами. Он невольно задумался: которая из ее ипостасей нравится ему больше?..

— Фелндар не так уж и плох, — пробормотала Фереби. — То есть был не так уж и плох.

— Да? А что ты на это скажешь? — Рако откинул одеяло и показал ей огромный багровый кровоподтек на боку.

— Боги! — выдохнула она. — Кто тебя так? Шарды?

— Нет, — усмехнулся Рако. — Это случилось немного раньше. Фелндару не понравилось то, что я ему сказал.

— Ох. Да, я не очень-то хорошо его знала. Просто все считали, что мы поженимся — ну, до того, как я получила военное звание. В любом случае он меня недолюбливал. — Фереби чуть заметно поморщилась. — А еще Фелндар ужасно разозлился, когда меня назначили офицером — пусть даже я ездила верхом и дралась лучше него. Ладно, не стоит дурно говорить о мертвых.

— Да. — Рако решил перевести разговор на более веселую тему. — Лучше расскажи о своей лошади, о Буре. Должно быть, она очень дорога твоему сердцу, если ты спросила о ней прежде, чем об отце.

Фереби рассмеялась.

— Буря — вовсе не лошадь. Это мамонт. Белый мамонт.

— Ого! — поразился Рако. Ему доводилось слышать о шоретских мамонтах, но он никогда их не видел. Мамонты не участвовали в битве при Дурганти, и Рако знал, что их стойла — если так можно выразиться — находятся в Кармале Сью, поскольку тамошний мягкий климат лучше подходит для этих животных. Никто из феинов не видел мамонтов уже несколько лет, и предполагали, что их поголовье сильно уменьшилось. — Белый мамонт? Должно быть, это что-то необыкновенное.

— Да. — Фереби зевнула. — Ее рождение было предсказано жрицами. У нас с ней особая связь. Я видела Бурю в ту ночь, когда она родилась. Если хочешь, приходи как-нибудь в Кармалу Сью, и я тебя с ней познакомлю.

В глубине души они оба знали, что вряд ли это когда-нибудь произойдет, но сейчас Рако согласно кивнул. Он снова забрался под одеяло и устроился поудобнее. Фереби улеглась рядом. По-прежнему шел дождь, и оба молча слушали шуршание дождевых струй, стекающих по деревянным ставням и водостокам.

— Ты спишь, Фереби? — спросил Рако. Она не ответила, и Рако решил, что девушка действительно задремала. Он снова взглянул на ее ступни, которые, казалось, светились в сумраке комнаты. Не в силах более бороться со своим странным жела-

нием, Рако привстал и потрогал их; они были холодны как мрамор. И тогда Рако принялся осторожно растирать их ладонями. В этой ласке не было ничего сексуального; он всего лишь хотел согреть Фереби. Ее дыхание было ровным и размеренным, и поначалу она не отреагировала на его движение. Лишь когда Рако улегся рядом и начал проваливаться вкон, она тихонько проговорила:

— Рако, прости, что называла тебя йектом.

Верный своему слову Йиска выбрал для Эффи самого старого и спокойного коня. Тем не менее она забиралась в седло с большой неохотой. Когда же Эффи посмотрела на остальных, ей сделалось еще горше. Все, кроме нее, казались опытными наездниками. Она задумалась: когда же Талискер выучился ездить верхом, живя в Эдинбурге? Правда, затем Эффи напомнила себе, что он провел долгие годы в Сутре. А вдруг никакой Сутры в действительности не существовало, и Талискер лишь обманывает себя? Тогда он, как и Эффи, никогда прежде не сидел в седле. Однако Талискер пребывал в святой уверенности, что он — великолепный наездник. И как бы там ни было, на коне он действительно держался вполне уверенно и выглядел довольным.

Эффи и комфорт редко бывали друг с другом на короткой ноге. Несмотря на сильный холод, девушка обильно потела; пот немедленно леденел под ветром и холодил кожу. Эффи чувствовала тошноту, что — странное дело — было необычно для нее. Если не считать того несчастливого случая, когда Эффи и Йиска впервые встретились, она редко *чувствовала* тошноту. Она частенько вызывала ее сама, но это совсем другое дело. «Контроль над организмом», — как говаривала Эффи сама себе. Теперь же контроль оказался утрачен, и не исключено, что виной тому был сироп таволги. Эффи с ужасом понимала, что у нее, возможно, отказывает печень.

Невероятная красота каньона Ди Челли больше не радовала Эффи. Она не обращала внимания на величественные виды; боль и ужас овладели всем ее существом.

В каньоне царила тишина, нарушаемая лишь тихим перестуком копыт и редкими криками орлов в вышине. По крайней мере так Эффи показалось вначале. Но через некоторое время она поняла, что здесь есть и другие звуки. Тихий-тихий шорох или сухое скрежетание, которое могли производить грызуны или змеи, убегавшие с пути всадников. Дыхание лошадей успокаивало Эффи, и она осознала, что присоединилась к ним, дыша как бы в унисон с животными. А потом девушка услышала еще один звук. Сперва она никак не могла понять, что это такое: размеренная, тихая пульсация, исходящая непонятно откуда. Казалось, она движется вместе с кавалькадой, и вскорости Эффи осознала, что воспринимает биение сердца. Она никак не могла понять, ее ли это

сердце, или, может быть, одной из лошадей, или кого-то из всадников. Это напугало Эффи, и, чтобы не выказывать страха, она издала нервный смешок, который прозвучал громче, чем хотелось бы, отдавшись эхом от стен каньона.

— Эффи, ты в порядке? — не оглядываясь, спросил Йиска.

— Более чем, — солгала она.

Путники успели добраться до дна каньона прежде, чем Эффи упала. Ее последней мыслью было: «Простите», хотя она не смогла бы сказать, за что и перед кем извиняется. Она вывалилась из седла и рухнула на белый песок, покрывавший дно каньона.

— О Боже! — Талискер соскочил с лошади. — Йиска, Родни, подождите!

Все сгрудились вокруг неподвижного тела. Йиска принялся щупать пульс Эффи и разглядывать ее зрачки. Он ничего не сказал, но лицо его приобрело напряженное, почти испуганное выражение.

— Почему она молчала? — беспомощно сердился Талискер. — Я знаю, она выглядела не лучшим образом, но... Что с ней, Йиска?

Йиска поднял голову, сощурившись от солнечного света.

— Она умирает.

Эффи ничего этого не знает. Она находится где-то далеко, в совсем ином месте. Перед ее глазами мелькают, сменяя друг друга, разноцветные картины. Вот она галопом несется на лошади... потом плывет в лодке... потом летит, раскинув руки, словно Ангел Севера. Она по-прежнему чувствует боль, но боль эта находится в специально отведенном для нее месте, которое может быть, а может и не быть частью Эффи. Боль — желтого цвета. Ярко-желтого, а сама Эффи — голубовато-зеленая. Она — музыка и мгновение. Она будет танцевать вечно...

Наверху, над головой — пугающая тьма. Ей не преодолеть этот черный барьер...

— Эффи, — говорит кто-то. Они летят вместе, скользят среди стихии, как птицы в небе или, может статься, как рыбы в море. Впереди вспыхивает свет. Он дрожит и трепещет, зовя Эффи последовать за собой. Она не знает, что это, однако где-то в глубине души сознает: нельзя лететь за этим светом. Он уведет ее *туда*...

Эффи пытается протестовать.

— Нет!

Но у нее нет тела, нет материального воплощения — и нет легких, гортани и языка. И потому крику так и не суждено стать звуком. Впереди расцветают огненные пятна, похожие на вспышки выстрелов.

 — Нет!

Возможно, они здесь. Возможно, ее друзья рядом, а она просто не в состоянии их увидеть — Талискера, Йиску, Малки...

— Помогите мне-е-е-е-е!

Нет ответа. Эффи потеряна, предана забвению. И когда боль исчезнет, Эффи исчезнет вместе с ней...

ГЛАВА 7

По-моему, он пытается управлять мной, этот бес. Например, ему не нравится то, что я пишу свой дневник. Почему-то дневник представляет для него угрозу. Минуло уже некоторое время с тех пор, как он... присоединился ко мне. Физически я по-прежнему здоров и бодр, но вот что касается разума... О, тут все иначе.

Я постоянно думаю о том, что эта тварь — внутри меня. Как она теперь выглядит. Не может быть, чтобы она пребывала все в том же мерзостном облике. Нет. Разумеется, нет...

Ага, он пытается остановить меня! Пальцы сводит судорогой... на миг я словно бы разучился писать. Вместо слов рука выводит бессмысленные каракули, странные значки. Они разбегаются по странице, как отвратительные насекомые. Сперва я удивляюсь. Я не понимаю, отчего его это так пугает, но затем вспоминаю: слова имеют силу. Слова сковывают его, и, если уж на то пошло, именно слова — мои слова — освободили его.

Итак, я должен быть краток. Однако напишу обо всем, что сделал до сих пор — и о том, что я... что мы собираемся сделать. Речь идет о предательстве и геноциде, но бес уверил меня, что я получу достойную награду.

Прежде чем продолжать, я должен сделать некоторое отступление. Моя внешность меняется, и люди начали это замечать. Волосы, некогда бывшие светло-золотистыми, все более темнеют; кожа приобретает желтоватый оттенок. Пока что никто из подчиненных не осмеливается задавать мне вопросы, но что будет дальше? И отчего это происходит? Я спрашивал демона (я могу это сделать, просто мысленно проговаривая свой вопрос), и ответы приходили изнутри моего собственного сознания...

«Не имеет значения. Может быть, это я так выглядел... Не помню». Он все еще говорит на языке феинов, хотя его «голос» и изменился — стал более звучным и менее скрипучим.

Как-то он разбудил меня посреди ночи. Это было два дня спустя после подавления восстания в Дурганти.

«Хочу кое-что тебе показать», — сказал бес. Я решил, что мне придется куда-то идти, а потому встал и оделся. «Нет-нет, — прошептал он, — просто закрой глаза».

Я повиновался, и в тот же миг перед моим мысленным взором возникла картина. То было неприятное, темное место — нечто вроде огромной пещеры. Под высокими сводами бесшумно скользили странные черные птицы и летучие мыши. Было холодно, дул пронизывающий ветер, и я никак не мог понять, откуда он берется. Сколько хватал глаз, в пещере не было никаких признаков выхода.

Все выглядело таким... таким удивительно настоящим. Пораженный внезапной мыслью, я протянул руку и коснулся ближайшей каменной колонны; она была холодной и твердой на ощупь — как я и ожидал. Меня окружала настоящая реальность.

«Что это за место?» — спросил я.

«Сейчас узнаешь... — Голос демона звучал беспечно, и тем не менее я ощутил в нем странное напряжение. Мне показалось, что это место каким-то образом связано с его появлением на свет. — Не бойся, Заррус. Все здесь принадлежит тебе. И можешь говорить вслух».

Я не понял, что именно мне принадлежит, но уточнять не стал. Демон явно гордился этим местом.

«Оглянись».

Я повиновался... И отшатнулся в ошеломлении, едва не вскрикнув. Моему взору предстали длинные ровные ряды каменных плит, и на каждой из них покоилось мертвое тело. Я подошел к ближайшей плите, чувствуя, как мои ноги начинают дрожать — будто у юнца-новобранца в преддверии первой битвы. Здесь лежал воин-феин, убитый ударом меча в грудь. Дальше еще один воин, чья голова держалась на тонкой полоске кожи... и следующий... и следующий. Среди мертвецов были и сиды, а также некоторое количество шоретов. Через несколько секунд я понял, кем были эти несчастные. Воины, павшие во время мятежа в Дурганти.

В голове я вновь ощутил мысли демона. Я не понимал, что происходит, однако мне показалось, что бес дурачится — как и в первую ночь нашего знакомства. К горлу подкатила тошнота. Нет, не из-за мертвых тел — я их перевидал немало. Из-за него. Его смех был невыносимо громок.

«Смотри, — сказал он. — Твоя армия ждет».

Демон многому меня научил. Он показал мне глубины моей безнаказанности. Он показал удовольствие обладания властью над душами мертвецов. Он же обеспечил мне возможность попрактиковаться, и мы вместе творили в лесу первые пробные «образцы», названные шардами. Эти твари были слабы и подыхали через несколько часов, но потихоньку я совершенствовал свое искусство. Я работал с мертвыми телами, выпуская из них кровь, отрезая и заменяя конечности, взятые от других трупов. И магия становилась все сильнее...

...Однако любая сила должна иметь источник. И для того, чтобы продолжать изыскания, мне нужна сырая магическая

энергия. Ее я взял у сидов, не умеющих сопротивляться подобному воздействию. Не то чтобы они добровольно отдали мне свою магию трансформации. Скорее мы застали их врасплох. Помню, это несколько удивило меня: казалось, они сами не понимают, чем владеют.

Обретя энергию сидов, мы получили доступ к самым глубинам пустоты. Туда мы выбрасывали неприкаянные души мертвых, заменяя их адскими духами. Эти твари, страстно желающие обрести форму, охотно вселялись в пустые тела.

Никто ни о чем не узнает. Люди прочтут этот дневник только после моей смерти, но демон все равно боится его. Похоже, сейчас он спит, и у меня есть время поведать о молитвах...

— Рако! Проснись! — Что-то прошелестело над головой Рако, и ему стало холодно: с него резко сдернули одеяло.

— В чем...

— Давай шевелись! — Голос Фереби. Не той испуганной девушки, что была с Рако ночью. Иной Фереби — решительной и жесткой. Рако открыл глаза.

Едва начинало светать. Бледные лучи пробивались сквозь щели в ставнях. В комнате было зверски холодно. Фереби, облаченная в черно-серебряную форму шоретской армии, стояла возле кровати.

— Одевайся! Живо!

Столько власти было в этом голосе, что Рако подчинился без малейших колебаний. Впрочем, это не заняло много времени: он и не раздевался толком, поскольку в комнате было прохладно еще с вечера. Натягивая сапоги, Рако спросил:

— Так в чем дело?

— Утром я спустилась на кухню, а там... О черт! — В коридоре послышался топот подкованных сапог. — Прячься!

— Зачем?

— Скорее!

Без особого воодушевления Рако нырнул под кровать. Там было не так уж и много места, но, к счастью, покрывало свешивалось почти до самого пола, скрывая его от чужих взглядов. При маломальски тщательном обыске его укрытие моментально было бы обнаружено, да только обыска явно не предполагалось. Он услышал, что Фереби выбежала в коридор.

— Я осмотрела комнату. Его там нет... Обыщите гостевые покои в том конце коридора. Кто-нибудь искал в кухнях? Он мог пройти через них. Ты! Ступай предупреди конюшего...

Послышался хор голосов, говорящих: «да, мэм» или «да, сэр» — некоторые из стражников не сумели придумать соответствующего обращения к женщине-командиру. Шаги удалились, все стихло. Фереби вернулась в комнату и плотно закрыла за собой дверь.

— Рако? Тебе надо уходить.

Тихо ругаясь, Рако выпутался из покрывала и вылез.

— Я никуда не уйду, пока ты не объяснишь мне, что происходит, Фереби.

— Ну конечно! Если желаешь — можешь подождать, пока тебя схватят, — буркнула она.

— Но почему?

— Император мертв. Убит сегодня ночью. А ты — единственный феин в Дурганти.

— Что?! — Рако был напуган и огорчен. Вопреки всем своим предубеждениям он проникся симпатией к императору. — И, конечно же, я являюсь основным подозреваемым?

— Разумеется. Пошли! — Фереби подбежала к окну, толкнула створки и выглянула наружу. Этот путь казался идеальным для побега: прямо под окном всего в нескольких футах располагалась крыша изукрашенного портика. Нетрудно было перебраться на нее и спрыгнуть на землю. Даже в этих суматошных условиях Фереби продумала все: неподалеку были привязаны две лошади. Окно выходило на задний двор, куда еще не добрались стражники, обыскивающие дворец. Побег представлялся простым делом, но Рако все еще колебался.

— Идем же! — поторопила Фереби.

— Постой. — Он нахмурился. — Я не убивал императора. Я спал тут всю ночь... и ты тоже, Фереби. Зачем же бежать? Ты можешь подтвердить мое алиби. Тебе поверят.

Фереби опустила глаза.

— Я... я не могу. Послушай, нет времени спорить.

— Не можешь или не хочешь? — Он скрестил руки на груди, не двигаясь с места.

— Пожалуйста, Рако. Я буду обесчещена.

— Так ведь между нами ничего не было.

— Поди докажи!

— Но это меньший проступок по сравнению с убийством императора. Тебе не кажется?

— Я потеряю свое доброе имя. И меня выпорют... Пожалуйста, Рако! Пожалуйста, иди.

За дверью снова раздался шум и топот сапог, и эти звуки подстегнули Рако к действию.

— Ладно, Фереби Везул, я ухожу.

Она коротко кивнула:

— Я пойду с тобой. Тебе понадобится моя помощь, чтобы перебраться через мост. Я отвлеку часовых...

Рако уже выбирался из окна, пытаясь найти опору на покатой черепичной крыше портика, скользкой от дождя.

— Ты оказываешь мне большую честь, Фереби... О-о! — Рако поскользнулся на черепице и неграциозно скатился на

землю. Его многострадальные ребра украсились новой порцией синяков. Фереби вылезла следом и бесшумно спрыгнула на землю.

Они добрались до моста без приключений. Лошади были свежими и быстрыми, а расторопность Фереби обеспечила им фору во времени. Впрочем, едва въехав на Аон Кранн, Рако услышал за спиной крик:

— Убийцы убегают! За ними!

Фереби выдохнула проклятие, и они с Рако пустили лошадей в галоп.

Рако осмелился бросить взгляд назад, хотя это было непросто сделать на полном скаку. За ними гнались не то трое, не то четверо солдат, а за их спинами маячил всадник в темных одеждах. Инквизитор. Именно он выкрикнул приказ.

На башне ударил колокол, дробно застучали копыта, и поток конников хлынул через ворота. Слышались крики: «Император мертв! Феин убил императора. В погоню. В погоню!»

Рако изо всех сил нахлестывал своего скакуна.

— Давай, коняжка, не подведи меня, — бормотал он сквозь зубы. Фереби неслась впереди, и ей удалось застать часового врасплох. Едва солдат вышел из караулки, дабы выяснить причину сумятицы, как сапог Фереби ударил его в грудь. Она закричала, подгоняя коня. Рако промчался мимо незадачливого охранника, пытавшегося встать с земли, и не поднял на него оружия. Этот человек не представлял опасности.

Инквизитор тоже заторопился. Рако уже слышал за спиной хриплое дыхание его коня, в то время как остальные преследователи заметно отстали. Сзади донесся крик, который Рако сперва принял за вопль ярости — возможно, лошадь инквизитора споткнулась. Но в следующий миг над его головой пролетел сгусток странного зеленого огня, взорвавшийся перед конем Фереби вспышкой изумрудного света. Невыносимо громкий звук взрыва перепугал обеих лошадей, и Рако с трудом удержался в седле, когда конь заплясал и забился под ним. Он натянул поводья, пытаясь сдержать обезумевшее от страха животное. Инквизитор был в каких-то пятидесяти футах от него. Рако выругался.

— Давай же, лошадка, давай...

Бесполезно. Инквизитор приблизился. Губы его изогнулись в усмешке.

— Йект, — раздельно выговорил он, — ты поплатишься за свое преступление.

В тот миг, когда инквизитор заговорил, Рако понял: этот человек точно знает, что сид не убивал императора. Однако прежде чем он успел осознать это в полной мере, его внимание отвлек крик Фереби. Ей не удалось сдержать своего скакуна, и Фереби вылетела из седла, рухнув на мост. Загородив Фереби от пре-

следователя, Рако вынул меч. К его удивлению, инквизитор внезапно повернул коня и съехал с моста.

— Трус! — рявкнул Рако — без особого, впрочем, энтузиазма. — Иди сюда!

— Рако! — Он не обернулся на крик Фереби, ожидая, что инквизитор вот-вот ринется в драку. Однако преследователь не шевелился. Он смотрел куда-то за спину Рако, и на его лице разливалось выражение злорадства. Было нетрудно понять, что Фереби попала в беду.

И в этот момент Аон Кранн ожил. Зеленое пламя — магия инквизитора — заставило его двигаться. Послышался громкий звук, похожий на треск расколотого дерева; из моста начали стремительно прорастать зеленые побеги. Рако получил ответы на все вопросы, занимавшие его в детстве: Аон Кранн был единым деревом, причем живым. Каким-то образом инквизитор сумел изничтожить древнюю магию, принуждавшую Аон Кранн оставаться мостом, и дух его был зол. Очень зол. Фереби уже запуталась в зеленых гибких ветвях, обвивших ее ноги подобно щупальцам спрута. Она размахивала мечом, рубя эти щупальца, но их было слишком много. А из Аон Кранна прорастали все новые и новые ветви.

Рако подбежал к Фереби и отсек щупальце, тянувшееся к ее шее. Зеленые змееподобные побеги были упругими и твердыми, для каждого из них требовалось несколько ударов. Краем глаза Рако заметил, что отрубленные ветви еще несколько секунд извивались и корчились — прежде чем снова обрести вид растения. Некоторые даже пытались ползти прочь, словно толстые отвратительные сороконожки.

К тому времени, когда Рако удалось освободить Фереби из хватки Аон Кранна, сам он сделался его пленником. Теперь Фереби принялась рубить его путы, однако Рако уже сознавал всю бесполезность этого занятия. Дело кончится тем, что они останутся здесь оба.

— Беги! — завопил он.

Фереби промедлила только секунду, и даже за это время мост успел протянуть к ней с полдесятка новых побегов. Зарычав от ярости, Фереби хлестнула мечом ближайший из них и побежала по мосту.

Толстые ветви были полны неестественной темной жизни. Скоро Рако уже не видел ничего, кроме зарослей Аон Кранна. Он чувствовал, как зеленые путы обвивают его ноги и талию. Гибкая петля захлестнула шею. Рако выронил меч и вцепился в нее обеими руками, стараясь освободиться — но тщетно. Щупальце затягивалось все туже и туже. На этот раз ему действительно конец... Подняв глаза к небу, Рако воззвал к богине Салит, умоляя спасти его или по крайней мере принять душу.

И богиня услышала. Рако почувствовал, как тело наливается силой и мощью. Его крик превратился в рычание, а затем — в рев. Рако обратился Келлидом. Он отрывал от себя зеленые побеги, словно они были бумажными.

Почувствовав перемену, произошедшую в жертве, Аон Кранн начал отступать. Правда, трансформация Рако оказалась недолговременной, и едва его тело освободилось от хватки веток, как он опять стал человеком. Он находился словно в двух формах одновременно — опасное и неестественное состояние.

Мост ощутил, что перед ним вновь человек, и продолжил атаку.

На миг Рако еще раз обратился медведем, а потом опять обернулся человеком. Келлид сражался с Рако за его разум и контроль над истерзанным телом. Инстинкты Келлида призывали стоять и сражаться, человеческий рассудок кричал: «Беги!» Но в тот момент, когда Рако пустится в бегство, он вновь превратится в человека, и тогда ему не обогнать зеленые щупальца Аон Кранна и не совладать с ними.

Как только Рако-Келлид оборвал путы вокруг бедер и коленей, он бросился вперед. Медведи способны развивать чудовищную скорость, если того захотят, однако ноги уже претерпели изменения и стали человеческими. Рако старался не обращать внимания на жгучую боль, которую причиняло противоборство двух сущностей в его теле. Охотник уцепился за единственную четкую мысль, засевшую в его мозгу: «Двигаться вперед, бежать, выжить...» Он чувствовал разочарование Келлида, хотя знал, что медведь уступит контроль над телом, если человек того пожелает. Так всегда происходило между сидами и их тотемными животными. Рако бежал вперед, становясь все менее Келлидом и все более — человеком...

Рако уже видел край Аон Кранна и почти полностью обрел антропоморфный вид. Судорога боли скручивала тело, ноги словно охватил огонь, и все-таки Рако бежал и бежал. Едва ему показалось, что спасение близко, как он услышал предупреждающий крик Фереби: толстая зеленая «змея» заструилась к нему от края моста, перегораживая дорогу. И не было пути назад. Не было выбора...

Не медля ни секунды, Рако кинулся в реку. Пока он летел, трансформация завершилась, и несколько благословенных мгновений Рако наслаждался отсутствием боли. А затем он ударился о воду, и его накрыла тьма.

Фереби отыскала Рако около полудня. Она проделала долгий путь, спускаясь крутыми тропками ко дну ущелья Герн и прячась от преследователей. Дважды Фереби заметила поисковые отряды. Один раз — охранников из дворца, другой — солдат.

С первым патрулем не возникло никаких трудностей: они не обшаривали подлесок и вообще искали спустя рука-

ва. Второй отряд был более дисциплинирован и старателен, однако Фереби удалось избежать и его.

После головокружительного прыжка Рако с Аон Кранна мост утих и перестал проявлять активность. Фереби потратила некоторое время, наблюдая за ним, но и поисковые партии помедлили, прежде чем вступить на мост. Это дало ей некоторую фору во времени.

Лошадь Фереби убежала еще до начала сражения на мосту, так что девушка шла пешком. Впрочем, учитывая особенности ландшафта, так было даже удобнее. Сперва Фереби спускалась по узкой извилистой тропке, а затем решила двигаться напрямик через заросли. Склоны ущелья казались довольно крутыми, хотя, придерживаясь за ветки деревьев и кустов, вполне можно было сойти до самого дна. Тем не менее Фереби несколько раз упала, поскользнувшись на влажной траве. Кусты неизменно задерживали ее падение, и один раз Фереби прокатилась кубарем двадцать, если не тридцать ярдов. Ей удалось сдержать вскрик, и, остановившись, Фереби выругалась самыми непристойными словами, которые только были ей известны. К счастью, ежевика и терновник сомкнули ветви за ее спиной, так что на склоне не осталось следов падения. Опытный следопыт мог бы легко разыскать беглеца, если бы заметил, в каком месте Фереби сошла с тропы, поэтому она постаралась сделать это как можно более аккуратно.

К тому времени, когда Фереби достигла дна расселины, ее тело покрылось ссадинами и царапинами. Одежда была искромсана в клочья, а руки и лицо измазаны зеленью травы. И все же Фереби была довольна: преследователям придется попотеть, чтобы ее разыскать.

Бесконечные дожди последних дней превратили реку в широкий ревущий поток. Серые гранитные голыши на берегу были темными и влажными от водяной пыли. Фереби пошла вниз по течению, отчаянно надеясь, что Рако не унесло на противоположный берег. Вряд ли ему удалось выжить, тем не менее надо выяснить наверняка. Она не призналась бы в этом даже самой себе, однако мысль о смерти Рако пугала ее. И потому Фереби тихо ахнула и задохнулась от ужаса и отчаяния, увидев на берегу неподвижное тело.

Он лежал, уткнувшись лицом в песок. К мокрой одежде прилипли темно-зеленые нити водорослей. Длинные черные волосы рассыпались по плечам — только теперь Фереби заметила, что в них вплетены маленькие белые и коричневатые птичьи перья. Одна рука подвернулась под грудь, вторая была вытянута и почти касалась воды.

— Рако!

Девушка бросилась бежать, но резко остановилась в полушаге от тела, отчего-то страшась притронуться к нему.

— Рако, — выдохнула она, — мне так жаль...

Опустившись на колени, Фереби откинула волосы с лица Рако и попыталась распрямить тело. Оно было холодным, хотя все еще гибким. Фереби не так уж часто плакала, но сейчас глаза защипало от слез, и теплые капли покатились по щекам.

— Фереби Везул...

Она вздрогнула.

— Рако? Рако? Это ты сказал?

— Нет, тебе приснилось... — Рако говорил тихим, хриплым голосом, и все-таки главное — он был жив.

— Слава богам! Это чудо.

Он попытался сесть и тут же со стоном повалился обратно на песок.

— Если это чудо, то почему у меня так чертовски все болит?.. Видела того ублюдка?

— Какого ублюдка? — растерянно переспросила Фереби.

— На мосту. Того, кто оживил Аон Кранн, одетого как инквизитор... Эй, что с тобой?

Со смесью изумления и ужаса Фереби смотрела на его левую руку. Трансформация завершилась не до конца: рука от самого плеча была лапой Келлида. Медвежьей лапой.

— Это... Тебе больно? — прошептала Фереби.

— М-м. Нет. — Рако согнул руку и свел пальцы, которые теперь стали острыми изогнутыми когтями. — Странное чувство... Но не больно. Думаю, Келлид спас меня от гибели — передал свою силу, когда я упал с моста.

Фереби мало что знала о связях между сидами и их тотемными животными. Она слышала об этом, однако прежде не видела ничего подобного.

— Получается, что у него... у Келлида сейчас человеческая рука?

— Может быть. Я точно не знаю.

Фереби коснулась влажной шерсти. Медвежья лапа была в два раза толще руки Рако; под шкурой перекатывались мускулы. Рако поморщился от боли, попытавшись встать на ноги — они слегка подкашивались, но держали его. Поднимаясь, он толкнулся медвежьей лапой, проверяя ее силу.

— Придется мне привыкать.

Фереби тихонько рассмеялась.

— Придется.

— Итак, что теперь? — спросил Рако.

— Я не могу вернуться. — Фереби пожала плечами. — Они же думают, что я с тобой в сговоре, и...

— ...что феин нарочно проник в Дурганти, чтобы убить императора. Вот дерьмо! — вздохнул Рако.

— Да. Перво-наперво мы должны предупредить Руаннох Вер.

— Предупредить?

— Ты же не считаешь, что они спустят с рук убийство императора, не правда ли? Кому-то придется за это ответить. И я полагаю, что это будет Руаннох Вер.

Йиска и Родни обсуждали состояние Эффи. Талискер мало что мог понять из их разговора, происходившего на наречии навахо. До него доносились лишь отдельные слова вроде «больница» и «Чинли».

Эффи лежала на земле, закутанная в теплое одеяло, будто гигантский младенец. Талискер присел рядом, вглядываясь в лицо девушки. Он вспомнил, как принял Эффи за Шулу, впервые увидев ее в больнице. Она была поразительно похожа на свою мать, хотя только внешне. Эмоциональный мир Эффи оставался загадкой, которую Талискер до сих пор не сумел разгадать. Ясно было одно: Эффи чувствовала себя одинокой и всеми покинутой и потому злоупотребляла наркотиками, едва не доведя себя до смерти. И то еще неизвестно, выживет ли она...

Талискер вынужден был признать, что нынешнее состояние Эффи во многом — его вина. За прошедшие годы он ни разу не потрудился выяснить, как она живет и чем занимается. При помощи Сандро Талискер нашел для нее квартиру — и только. Он не считал себя обязанным принимать участие в ее судьбе.

Талискер наклонился к девушке. Ее ресницы чуть вздрагивали. Грудь почти незаметно вздымалась. Дыхание было слабым и прерывистым.

— Она спит, Йиска. Это хорошо или плохо? — Талискер не поднял глаз и не стал дожидаться ответа. — Эффи... я знаю, где ты сейчас находишься. Я был там. Это темное и страшное место...

Талискер не договорил. Слова не имели смысла. Он поднялся и посмотрел на Йиску и Родни.

— Послушайте, мы можем разбить здесь лагерь?

— Конечно. Хотя лучше отвезти ее обратно в Чинли, в больницу. По-моему, у них есть вертолет. Мы, наверное...

Родни перебил его:

— Ты же знаешь, Майкл: у нас мало времени.

— И точно так же мы не успеем послать за ндилниихи, — фыркнул Йиска.

— За чем?

— Сичей хочет вызвать сюда целителя, чтобы поставить Эффи точный диагноз. Не вижу смысла. Мы и так знаем, что с ней происходит. Тем более что в этом районе нет настоящего целителя. Поэтому по времени мы ничего не выгадаем, и я не понимаю, почему бы не воспользоваться услугами обычных врачей. — Йиска извлек рацию и потыкал кнопки. — Может быть, удастся позвать на помощь.

Рация не работала. Здесь, под стенами каньона, связь была отвратительной. Из микрофона донеслись лишь тихое

шипение и какие-то обрывки голосов — скалы мешали движению радиоволн.

Йиска вздохнул и отложил аппарат.

— Кажется, ничего не выйдет...

Талискер растерянно слушал спор Йиски и Родни, завороженный этим сплавом технологии и мистики. На миг он позабыл, что собирался предложить.

— И все же надо разбить лагерь и устроить ее поудобнее, — сказал он. — У меня есть одна идея.

Йиска кивнул.

— Подозреваю, что Эффи приняла какую-то гадость, окончательно расстроившую ее печень и почки. Следовало бы заставить ее выпить побольше воды, и тогда, возможно...

— Для этого нужно привести ее чувство, если, конечно, у тебя в аптечке нет солевого раствора.

— Нет... И все же — что у тебя за идея?

Талискер указал на маленькую коробку из кедра, которая вывалилась из сумки Эффи.

— Отправим к ней кое-кого.

Эффи плывет. Музыка стихла; вокруг царит странное безмолвие. Высоко над головой — невидимое небо, а где-то глубоко внутри тела по-прежнему обитает желтая боль.

Эффи страшно, и она напевает себе под нос тихую-тихую мелодию. Ее мысли — скорее разрозненные фрагменты эмоций, чем четко сформулированные идеи. В одном Эффи уверена: тот далекий свет, который она видела, был ее матерью. Свет быстро померк, когда Эффи отказалась последовать за ним. Мать не хотела уводить ее в забвение. *Спасибо тебе за это, ма...*

— Эффи! Это я, Малки.

Внезапно рядом с ней оказывается горец. И она уже не летит, как прежде. Эффи опускает глаза. Она стоит на темной однообразной поверхности. Ее окружает черное бесформенное ничто. Но по крайней мере Эффи видит себя — собственное тело, руки, ноги, ступни.

— Привет, Малки. Ты выглядишь... мило. — Так оно и есть. Здесь он не призрак. Да и с какой стати, если «здесь» — это то место, где Малки может быть настоящим. — Я умерла?

— Пока нет. Хотя не удивлюсь, если это случится.

— О! Я приняла дурацкое лекарство.

— Угу.

— И теперь они ни за что не возьмут меня с собой...

— Кто и куда?

— В Сутру. Талискер и Йиска. Они не захотят, чтобы я шла с ними.

— Похоже, они еще не обсуждали этот вопрос, — осторожно сказал Малки.

— Да ну? Ладно тебе. Мы оба отлично все понимаем. Я подвела их. Я — обуза.

— Может быть. Только они предпочитают, чтобы ты была *живой* обузой.

— Так ведь я ничего, ничего не могу поделать... — Эффи зашагала вперед. Иначе сказать, в ту сторону, куда она стояла лицом. Малки не пошел за ней — лишь неодобрительно покачал головой.

— Ты не права, Эффи. Все дело в том, чтобы совладать со своим организмом. Обрести контроль.

Она остановилась.

— Хватит пороть чушь! Поверь, я все это слышала сто раз. Я проходила курс лечения в течение трех лет.

— Вот как? Я бы на твоем месте потребовал вернуть деньги.

— Почему ты не идешь за мной?

— Я не хочу «залипнуть» в «пустоте», а это легко может случиться, если мы зайдем слишком далеко. Поверь, я знаю, что говорю. И ты тоже «залипнешь»... Эффи, теперь все иначе. У тебя появились друзья. Люди, которые волнуются и заботятся о тебе. Талискер и Йиска. — Малки повысил голос, поскольку Эффи успела отойти довольно далеко.

— Да неужели? — отозвалась она. Несмотря на скептицизм, в глубине души Эффи признавала, что ей приятно это слышать.

— Эффи, возвращайся, а? Пожалуйста...

Голос Малки все отдалялся. Эффи задумалась, кто волнуется о ней больше — Йиска или Талискер. Она понимала, что это недостойные мысли, но ничего не могла с собой поделать.

— Послушай. Если я застряну здесь, то рискую остаться в «пустоте» навеки. — Малки возник рядом. Было не похоже, чтобы он преодолел расстояние, отделявшее их друг от друга. Скорее вернулся в свою коробку, а затем появился снова.

Эффи покосилась на горца.

— Навеки? Это чертовски долго. Страшно подумать, что мне вечно придется созерцать твою дурацкую рожу, Малки.

Он ухмыльнулся.

— Тогда пошли отсюда, а?

ГЛАВА 8

Талискер полагал, что он и его друзья в каньоне одни. Поэтому немало удивился, увидев на западе, в стороне Чинли, россыпь огней. Талискер указал на них Йиске, но тот лишь пожал плечами.

— Каньон населен пастухами и фермерами, Дункан. Здесь плодородная почва, а дождевая вода несет с плато минеральные удобрения. В той стороне, куда мы направляемся, расположен каньон Дель Муэрто, и там живут люди. — Йиска кивнул в сторону огней. — Я полагаю, они тоже пришли, чтобы отыскать врата, просто еще сами об этом не знают. Сичей говорит, что многие направляются к тому месту, которое видят в своих снах.

— Многие? И сколько же их? — Талискер ощутил легкую панику.

Йиска пожал плечами.

— Ну, может, сотня...

— О нет. Нам придется отправить их назад, Йиска. Если мы откроем врата, они окажутся в опасности.

— Мы не отвечаем за них, Талискер. Если люди хотят прийти сюда — кто мы такие, чтобы запрещать? — безмятежно отозвался Йиска. — Как она? — Он кивнул в сторону Эффи.

— Не знаю. Малки сказал, что пытался помочь, да не очень-то доволен результатом.

Талискер и Малки поговорили за пределами маленького лагеря, который они соорудили на скорую руку. Родни с любопытством проводил взглядом Талискера, уходящего из лагеря с маленькой коробкой в руках, и тем не менее ничего не сказал. Талискер же почувствовал себя намного лучше, уверившись, что Малки находится где-то поблизости. Впрочем, он все равно полагал, что пока рановато демонстрировать призрака Родни.

«Это действительно может стать серьезной проблемой», — думал он, глядя на далекие огни. Показывать людям Малки было то же, что раскрывать им душу. Талискер не сомневался в существовании Малки, как и в существовании Сутры, однако все, что касалось этих вещей, было для него глубоко личным. Единственным человеком, способным его понять, остался Сандро. И вот первый раз в жизни (хотя, возможно, не последний) Талискер жалел, что попросил его пойти с ними... Он вздохнул. Уязвленная гордость — ужасная вещь. А уж уязвленная гордость Сандро — одна из самых худших.

Лэйк оглянулся на притихших ребятишек, увязавшихся за ним. Их глаза были круглыми от любопытства. «Как мило — обрести собственных фанатов», — насмешливо подумал он.

Детей было пятеро, в возрасте около десяти лет, за исключением, пожалуй, самого старшего из них — подростка. Несколько минут назад они встретили Лэйка на обочине дороги и последовали за ним. Никто из детишек не пытался завести беседу, но самая маленькая девочка беспрерывно хихикала, и постепенно Лэйк начал звереть. Он никогда не умел обращаться с детьми, и они здорово действовали ему на нервы.

Лэйк остановился — ребятишки остановились тоже, пытаясь сохранить безопасную дистанцию. Неторопливо повернувшись, он сдвинул солнечные очки на нос и посмотрел поверх детей, чуть прищурив глаза, — профессиональным «голливудским» взглядом.

— Эй, детвора, кто из вас быстро бегает? По-настоящему быстро?

Они нервно переглянулись, затем старший мальчик ответил:

— Мы все быстро бегаем, мистер.

— Хорошо. — Мальчик с нетерпением ожидал продолжения. Но Лэйк медлил. — Ну вот что. Я думаю, сегодня моя мама готовит жаркое из кролика. Только она не знает, что я приехал. Это сюрприз...

Лэйк поставил на землю рюкзак и откинул клапан; младшие дети вытянули шеи, с любопытством заглядывая внутрь.

— Так-так... кажется, где-то здесь... Ага! — С торжествующей улыбкой Лэйк извлек пакетик конфет «Хершис» в разноцветных блестящих обертках. Малышня дружно ахнула. — Хотите по такой штучке?

— Да-а-а.

— Ну, тогда дуйте вперед и скажите моей маме, что я иду. А не то она съест все жаркое сама.

Дети вихрем пронеслись мимо него по тропе и остановились лишь через несколько шагов, когда им в голову пришла одна и та же мысль.

— Мистер? А кто ваша мама? — спросил старший мальчик.

— Рене Йаззи. Знаете ее?

— Да. Хотя не слышали, что у нее есть сын...

«Ну, это и неудивительно», — подумал он.

— Меня зовут Лэйк Маккиннон.

— Лэйк Маккиннон? — Мальчик смерил его взглядом, точно припоминая, где он мог слышать это имя.

— Я актер, — подсказал Лэйк.

— О. Ладно... — Мальчик пожал плечами, и вся стайка припустила вниз по тропе.

Ни тени узнавания... Ладно, мальчик не обязан смотреть фильмы с его участием, однако дело не только в этом. Похоже, мать вообще никогда не упоминала здесь его имени. Лэйк вздохнул, смахнул снег со своих щегольских сапог из крокодиловой кожи и вскинул рюкзак на плечи. Боже ж ты мой! Прошло четыре года...

К тому времени, когда Лэйк добрался до конца тропы, на земле уже лежал слой снега. Большие, похожие на конфетти хлопья укутали фургоны и палатки белым покрывалом. И это было лишь начало. Прежде чем радио перестало работать, Лэйк услышал прогноз погоды на ближайшие дни. Приближался холодный фронт, синоптики обещали бури и обильные снегопады. Лэйк не

понимал, зачем нужно собираться в каньоне именно в это время. Двоюродный брат написал по электронной почте, сообщая, что будут проводить церемонию Пути Врага. Глядя на окружающую действительность, Лэйк все более убеждался в том, что брат что-то напутал.

На миг Лэйк испытал странное чувство нереальности происходящего. Он будто был один во всем лагере. Снегопад загнал людей в дома и палатки. Лишь где-то в отдалении лаяла собака, и звук эхом отдавался от стен каньона. Затем Лэйк услышал шум, исходящий из пещеры Мумии, — размеренные гулкие удары барабана и человеческие голоса. Определенно, там происходило что-то необычное.

Он взглянул в сторону пещеры и заметил одинокую фигуру, стоявшую посреди тропы. Плечи укрыты тяжелым одеялом, руки скрещены на груди, на лице — странная смесь недоверия и беспокойства.

— Мама!

Лэйк отшвырнул рюкзак, подбежал и стиснул Рене Йаззи в крепких объятиях. Он сделал это отчасти и для того, чтобы не видеть строгого, невеселого лица матери.

— Пойдем внутрь, ма. По-моему, снег еще не скоро перестанет... — Лэйк начал подталкивать Рене обратно к палатке.

— Лэйк? — сказала она, кипя от негодования. — Это еще что за имечко такое?

— Мой актерский псевдоним, ма.

— Стало быть, имя в честь святого недостаточно для тебя хорошо?

— Конечно же, хорошо. Просто... Есть еще люди с таким же именем, а в Голливуде так не принято.

Рене насмешливо фыркнула.

— И что? Голливудские нравы запрещают писать письма родной матери? Велят годами не приезжать? А?

— Мне было трудно приехать, ма. Я снимался на Карибах.

Рене смотрела ему прямо в глаза, и Лэйк, хотя и находился под защитой зеркальных очков, не сумел выдержать этого взгляда. «Знает ли она, что я был в клинике? Нет, не может быть». На миг Лэйк подумал, что правильнее будет рассказать всю правду. Но затем он просто широко улыбнулся.

— Я не мог, мам, честное слово. Был очень занят... и все такое.

Они нырнули в оранжевую палатку Рене. Внутри сидела Милли Таллоак, попивая кофе и глядя на снегопад за окошком.

— Дэвид? — сказала она. — Рада тебя видеть.

Неуловимые интонации в ее голосе давали понять, что Милли знает о его новом имени — как и о том, что прежним он давно не пользуется. И еще Милли Таллоак — самая стар-

шая его тетя — ни за что бы не стала называть его голливудской кличкой.

— Надолго останешься, сын? — спросила Рене. — Ты слышал, что у нас произошло?

«Ровно столько, сколько нужно, чтобы попросить у тебя взаймы, мама. Ровно столько, сколько нужно, чтобы получить деньги, которые избавят меня наконец от плохих парней. Достаточно долго, чтобы успеть снова разбить тебе сердце».

— Пока не знаю. Да, я слышал. Впрочем, слухи могут быть и малость невероятны.

Милли допила кофе и посмотрела в сторону пещеры Мумии.

— Придется поверить, Дэвид, — сказала она.

— ...а когда гражданская война закончилась, нас изгнали с нашей родины, потому что мы выглядели иначе, нежели другие шореты. Считалось, что боги «пометили» нас. Мы были париями, выродками. Мой отец говорит, что мы стали завоевателями не по доброй воле, а по необходимости. — Фереби рассказывала вполголоса, то и дело кидая быстрые, настороженные взгляды в сторону реки.

Смеркалось. Рако и Фереби отыскали укрытие — небольшую пещеру в скальной стене. Фереби не хотела оставаться здесь на ночлег. Она стремилась уйти как можно дальше от Дурганти и от преследователей. Но Рако чувствовал себя, мягко говоря, неважно, и у них не было выбора.

Рако ничего не ответил, и Фереби покосилась на него.

— Ты меня слушаешь?

— Да, — промямлил он. — Интересно...

У Рако началась лихорадка. Он больше не мог двигаться. А из Дурганти сюда долетал звон колоколов, и Фереби знала, что в скором времени все леса вокруг ущелья Герн будут кишеть шоретскими солдатами. Если Келлид и спас Рако, то теперь зверь сидов очень некстати покинул его. Именно сейчас им как нельзя более пригодились бы сила и скорость медведя.

— Расскажи мне что-нибудь, — затормошила спутника Фереби. — Расскажи о сидах. Почему они так отличаются от феинов? — Она осеклась, посмотрев на медвежью лапу. Похоже, сиды отличались от феинов гораздо больше, чем до сих пор казалось шоретам.

— Однажды мы тоже стали изгнанниками, — сказал Рако. — Могу поспорить: ты и не знала, что у нас столько общего... — Он рассмеялся, хотя смех тут же превратился в хриплый кашель. — Мы пришли из другого мира, называемого Лизмаир — иначе Лиз.

— Из другого мира? — переспросила Фереби. — Не может быть.

— Может, поверь мне. Так захотели наши боги. — Голос Рако звучал все тише, и Фереби была уверена, что скоро

его рассказ превратится в лихорадочный бред. Если уже не превратился. Другой мир? Что бы это значило?

— А зачем богам понадобилось... — Фереби осеклась, внезапно поняв, что говорит о сидских и феинских богах как о реальных существах. До сих пор она полагала, что верит только в своих собственных божеств, а это значило, что никаких прочих богов не могло быть. Фереби озадаченно покачала головой.

— Произошел своего рода несчастный случай. — Голос Рако был едва слышен за шумом реки. — Побочный эффект могущественного заклинания...

Фереби подкинула в костер еще одну ветку. Дрова прогорали слишком быстро, скорее всего их не хватит на целую ночь. А значит — предстоит мерзнуть. В пещере было сыро, из трещин в стенах сочилась вода. Единственный сухой участок пола располагался у дальней стены, и Фереби уложила на него Рако, прикрыв сида плащом. Она знала, что разжигать огонь рискованно и опасность все увеличивается по мере наступления темноты. По счастью, дым костра не выходил из пещеры, а утекал вверх через невидимые разломы в потолке. И все равно запах горящего дерева поплывет вдоль реки вместе с ветром.

Костер разгорелся ярче, когда Фереби подкинула новое полено. Девушка посмотрела на Рако, намереваясь расспросить его о сидских богах и легендах.

— Черт... — пробормотала она.

На месте Рако лежал огромный медведь. Фереби не знала, трансформировался ли сид по своей воле, или же Келлид как-то узнал о его беде и явился на помощь. Только факт оставался фактом: Фереби очутилась в пещере один на один с исполинским зверем. Келлин был семи или восьми футов в высоту и в отличие от Рако пребывал в сознании. Его темные глаза посверкивали в свете костра.

Фереби похолодела и застыла на месте. Она лихорадочно соображала. Знает ли Келлид, что она не враг? Обладает ли он памятью Рако?..

— Келлид, — торжественно сказала Фереби, — приветствую тебя.

Медведь, разумеется, не ответил. Он моргнул, потом зевнул; в свете костра сверкнули белым огромные клыки. Фереби немного расслабилась и все же решила не делать резких движений. В конце концов, Келлид наверняка пришел не просто так. Возможно, Рако нуждался в его силе и не сумеет пережить ночь без помощи зверя.

Осторожно протянув руку, девушка стащила с Келлида свой плащ. Медведь не противился, так что Фереби завернулась в плащ сама, и ей стало гораздо теплее. Прислонившись спиной к стене пещеры, она потихоньку начала погружаться в сон...

* * *

Эффи идет через «пустоту». Она не знает, давно ли рассталась с Малки, потому что в «пустоте» нет времени. Эффи ничего не имела против того, чтобы вернуться, однако Малки исчез, и она поняла, что не знает как. Простого пожелания вернуться оказалось недостаточно, и теперь Эффи не представляет, что ей делать дальше. А по всему выходит, что делать нечего — разве что брести дальше куда глаза глядят и напевать: «Нет места лучше дома, нет места лучше дома...» Но поскольку дом — это на самом-то деле не то место, где она хотела бы очутиться, Эффи вскоре прекращает петь.

Там, в реальном мире, Эффи по-прежнему без сознания. «И это не просто обморок», — говорит она себе. Девушка понимает, что близка к смерти. Талискер рассказывал ей о том месте, в котором она сейчас находится. Надо полагать, именно сюда попадают люди, прежде чем отправиться в ад или в рай. Талискер называл его...

...«пустотой».

«Этот человек заслуживает медали за умение подбирать точные формулировки», — думает Эффи, оглядываясь по сторонам. Здесь и впрямь *нет ничего*. Иногда Эффи слышит звуки — шепчущие голоса, тихий смех. Она полагает, что другие люди тоже перемещаются по «пустоте», но их пути никогда не пересекутся. Внезапно Эффи останавливается; к ней приходит ошеломляющая мысль. «Если «пустота» бесконечна, то нет никакой разницы между покоем и движением. И не имеет значения, иду я или стою на месте». Некоторое время она так и этак вертит эту мысль у себя в голове, потом вдруг замечает впереди какое-то шевеление.

— Эй! — кричит Эффи и бежит вперед. Приблизившись, она может разглядеть двигающееся существо. Это действительно человек. Мужчина. Он не бежит, а просто идет широкими шагами. У него длинные черные волосы и странная одежда из оленьей кожи.

«Это индеец, — понимает Эффи. — Как Йиска».

Молодой человек останавливается, оборачивается, и на его лице появляется озадаченное выражение. Эффи издает удивленный возглас: левая рука индейца выглядит как медвежья лапа! Может быть, Эффи попала в царство снов и здесь лапа медведя имеет символическое значение? Вот только какое именно?

— Приветствую, — говорит молодой человек. Эффи слабо улыбается в ответ. — Ты страж этого места? Мне раньше не случалось здесь бывать, даже когда Келлид обретал контроль над моим телом. Видимо, произошло что-то необычное.

— Э-э... — Эффи понятия не имеет, о чем толкует парень. Если не считать руки-лапы, молодой человек весьма хорош собой. Может, не так красив, как Йиска, зато гораздо менее мрачный. — Нет. Я сама тут случайно, — наконец говорит она. Мало-помалу до нее доходит вся абсурдность ситуации, и Эффи нервно хихикает.

— Кто ты?

— Меня зовут Эффи... Эюфемия Морган. Думаю, я оказалась здесь потому, что почти умерла, — говорит она чистую правду. — Я... э-э... кажется, я не могу найти выход.

Он понимающе кивает.

— Меня зовут Рако. Я сид из клана медведя, изгнанник из Дурганти.

— Что с тобой приключилось? — Эффи кивает на его руку.

— Сам толком не пойму. — Теперь они шагают рядом, бок о бок. — За последнее время со мной произошло слишком много всякого.

— А куда ты идешь?

— Ты всегда задаешь столько вопросов, Эффи-Эюфемия Морган?

— Нет. Зови меня просто Эффи. — Внезапно на нее снисходит озарение. — Так ведь ты же, наверное, из Сутры? Да? — Эффи расплывается в широкой ухмылке. Похоже, она каким-то образом опередила Талискера, Йиску и Малки. — Вот здорово!

Рако бросает на нее удивленный и несколько раздраженный взгляд.

— А откуда же я еще могу быть?

— Ха! Вот погоди, я расскажу Талискеру, что встретила обитателя его драгоценной Сутры! — радуется Эффи. Это совершеннейшее детство. Умом она понимает, что никогда ничего никому не расскажет, если не удастся найти выход. Однако сейчас это не имеет значения.

Рако останавливается как вкопанный.

— Талискер? Ты сказала — Тал-иис-кер? Странник по мирам?

— Ты с ним знаком? — удивленно спрашивает Эффи.

— Знаком? Нет. Это невозможно. О нем повествуют легенды. Однажды он спас наш народ — и феинов тоже. Правда, это было почти двести лет назад... Говорят, боги даровали Талискеру вечную жизнь в награду за его подвиги.

— Вечную жизнь? Да нет, не похоже. Знаешь, ты ведь можешь сам его обо всем расспросить, если хочешь. Мы тут как раз... э-э... собирались к вам заглянуть.

— Он возвращается? — В голосе Рако слышится едва ли не благоговение.

«Батюшки, еще один фанат Дункана!» — думает Эффи.

— Феинские легенды гласят, что Талискер вернется, если Сутре будет грозить опасность или ее постигнет беда.

— Вроде как король Артур?

— Кто?

— Ладно, не обращай внимания. А как насчет Малки? Он, должно быть, тоже великий герой. Легенды упоминают спутников Талискера?

— Упоминают. Сеаннаха Алессандро Чаплина и еще — тень Талискера. Говорят, что в битве тень отделяется от него и сражается сама по себе...

Эффи смеется.

— Ишь ты! Малки будет доволен. Да, кстати, ты не знаешь, как мне отсюда выбраться?

Рако качает головой.

— Это не только иное место, но и иное время. Феины называют его межвременьем. И время здесь течет иначе, чем во всех прочих мирах.

— Но Малки сказал, что здесь опасно находиться. Что «пустота» затягивает, и можно остаться...

Рако внезапно останавливается.

— Мне пора идти, — говорит он и оглядывается, будто чувствует что-то. Ну разумеется! Из ниоткуда начинает дуть ветер; он доносит запах костра и сырого камня. — Я расскажу им, Эюфемия Морган. Расскажу, что идет Странник между мирами...

Очертания тела Рако начинают бледнеть. Эффи готова поклясться, что его силуэт мало-помалу начинает приобретать контуры огромного медведя.

— Да ладно, — бормочет она. — Люди приходят, люди уходят — одна я сижу здесь как дура. Может, я уже «залипла»?

Эффи снова остается в одиночестве посреди «пустоты».

— Мы называем эту церемонию Путь Врага, а белые — Тропой Войны, — объяснил Родни. — Она не обязательно проводится зимой и уж точно не для того, чтобы объявить кому-то войну, как полагают белые. Враги зачастую бывают невидимы. Это не всегда люди. Иногда приходится сражаться с призраками и злыми духами, которые посещают нас во время болезней или даже, как сейчас, приходят в наши сны.

Талискер пребывал в смятении. Перед пещерой Мумии стояли лагерем около трех сотен людей, в воздухе висело напряжение, но люди не молчали. Они стояли на почтительном отдалении от пещеры, собравшись небольшими группками, и тихо переговаривались. Здесь же, в лагере, находилось несколько машин, хотя по большей части люди пришли пешком или приехали на лошадях.

Талискер и его спутники потратили целый день, добираясь сюда. Им пришлось двигаться по Седьмому шоссе через каньон Дель Муэрто. Более короткая дорога была намертво заблокирована оползнем, и проехать по ней оказалось невозможно даже верхом. Йиска не расставался с рацией и в конце концов нашел место, где удалось поймать сигнал. Он поговорил с несколькими людьми (насколько понял Талискер — с кем-то из своих бесчисленных кузенов) и от одного из них узнал о церемонии Пути Врага, что про-

исходила в пещере Мумии. В каньон Ди Челли даже приехал шаман, приглашенный специально для того, чтобы провести обряд. То был один из самых известных и уважаемых мастеров своего дела, и его услуги стоили недешево. Призрачный враг атаковал племена без разбору, и многие кланы готовы были скинуться, дабы заплатить шаману.

Поначалу люди в лагере не обратили на пришельцев особого внимания; все были заняты церемонией Пути Врага. Талискер немного успокоился и признал правоту слов Йиски, утверждавшего, что у них нет права прогонять отсюда людей. Все, кто приехал в каньон Ди Челли, были так или иначе связаны с проблемой странных смертей и решали ее как умели. С точки зрения динех, всему виной были чинди, злые духи, нападавшие на людей, и церемония проводилась для того, чтобы изгнать их. Один лишь Талискер понимал, что нашествие чинди может оказаться только верхушкой айсберга...

Он вез Эффи на своей лошади, укутав в одеяло. В последние часы температура у Эффи вроде бы упала, и лихорадка наконец-то начала отступать. Это было хорошим знаком, однако, развернув одеяло и откинув волосы с лица Эффи, Талискер увидел, что девушка по-прежнему смертельно бледна.

— Передай ее мне. — Йиска спрыгнул с лошади и протянул руки, чтобы принять Эффи, — иначе Талискер не смог бы спешиться.

Талискер чувствовал странное нежелание отпускать ее, но все же передал девушку на руки Йиске и Родни. К его удивлению, откуда ни возьмись появилась тетушка Милли с несколькими подругами; они немедленно принялись хлопотать вокруг Эффи. Как водится, у тетушки Милли нашлось несколько острых словечек для Йиски. Талискер выдавил слабую улыбку. Похоже, извечное «я же тебе говорила» звучит одинаково на всех языках мира.

Из палатки выглянул загорелый дочерна молодой человек в зеркальных солнечных очках. Увидев Йиску, парень широко улыбнулся.

— Майк! Эй, Майки!

— Дэйв? Господи, ты ли это? — Казалось, Йиска и впрямь не ожидал увидеть здесь этого парня. Талискеру почудилось, что в его голосе промелькнул странный холодок. Родни и Милли обменялись многозначительными взглядами, однако оба промолчали.

— Здравствуй, сичей. — Дэйв то ли не замечал, то ли не хотел замечать напряженность, повисшую в воздухе. Широко улыбаясь, он подошел к новоприбывшим, пожал Йиске руку и похлопал его по спине. — Рад тебя видеть, Майк. Как поживают больные?

Йиска улыбнулся в ответ, но в глазах его не было и намека на веселье.

— Думаю, ты знаешь это лучше меня — живя-то в Лос-Андже лесе.

— Да уж точно. — Дэйв рассмеялся. — Кстати, я изменил имя Теперь меня зовут Лэйк. Лэйк Первый Орел Маккиннон.

— Ну, это как-то... очень по-голливудски, Лэйк.

— В том-то все и дело.

Они говорили бы и дальше, да тут в беседу вклинилась тетушка Милли, укоряя Йиску за то, что Эффи — бедная девочка! — до сих пор остается на морозе. К Милли присоединилась ее спутница, и Йиска с Лэйком примолкли.

— Это подруга тети Милли, Рене Йаззи, — представил Йиска. — Она говорит, что мы можем устроить Эффи на ночь в ее палатке. Лэйк перекантуется где-нибудь в другом месте. Я думаю, все будет хорошо, Талискер. Хотя, признаться, она здорово меня перепугала.

Они отнесли Эффи в оранжевую палатку и устроили на груде одеял.

— Почему она не приходит в себя, Йиска?

— Всему свое время. Рене полагает, что Эффи отравлена, и я склонен с ней согласиться. Впрочем, зная Эффи, можно заключить, что это сделала она сама.

— Бедное дитя, — промолвила Рене. Талискер кивнул в ответ. Очевидно, Рене вполне компетентна в медицинских вопросах, поскольку и Милли, и Родни, и даже Йиска внимательно прислушивались к ее словам. Возможно, она была одним из тех целителей, о которых говорил Родни.

Палатка Рене оказалась довольно просторной. При необходимости в ней нашлось бы место для четырех-пяти человек. Уложив Эффи, Рене отвела Талискера и Йиску к голубому фургончику, где подавали еду.

Сгущались сумерки. От стен каньона протянулись длинные холодные тени. Земля была покрыта слоем снега. Талискер слышал голоса и рокот барабанов, долетавшие из пещеры. Через определенные промежутки времени пение прерывалось резкими, отрывистыми вскриками множества голосов, что также было частью обряда.

— Йиска, как сюда попали машины? Ведь дороги завалены.

— Большинство этих людей живет в каньоне, на фермах, и машины находятся здесь же, — объяснил Йиска. — Есть хочешь?

До сих пор Талискеру было недосуг думать о еде, но теперь он понял, что зверски голоден. За несколько центов они купили по большой оловянной кружке бараньего бульона и по куску плоского хлеба, который Йиска назвал лепешкой. Поглощая бульон, Талискер наблюдал за толпой вокруг пещеры. Сам шаман и певцы находились внутри, однако люди снаружи тоже были

заворожены песней и ритмом: они притопывали или раскачивались в такт музыке. В голубом фургончике за спиной уютно шипели газовые баллоны, и аромат наваристого мясного бульона смешивался с вездесущим запахом кедра.

Происходящее удивляло Талискера. Он ожидал увидеть здесь что-то совершенное иное. Ему казалось странным причудливое смешение современной жизни со всеми ее атрибутами и традиционной культуры навахо. Талискер поймал себя на том, что сравнивает церемонию с ритуалом сидов. И впрямь: между ними было много общего.

Большая собака вынырнула из тени фургона и подошла к Талискеру. Косматая, рыжевато-коричневая, с янтарными глазами; наверное, среди ее предков затесался волк или койот. Собака не стала скулить или тявкать, чтобы выпросить еду, а просто спокойно уселась, устремив на Талискера меланхоличный взгляд.

— Привет, дружище, — сказал Талискер. — Хочешь есть? — Он собирался поделиться с псом остатками своего хлеба, когда Родни остановил его.

— Нельзя кормить собаку, пока длится песня. Церемония будет нарушена.

— Почему?

Родни пожал плечами.

— Эта собака может оказаться Перевертышем. Мало ли...

— Как все сложно, — пробормотал Талискер. — Извини, псина. Зайди попозже.

Его взгляд вернулся к оранжевой палатке Рене Йаззи. Рене, Милли и пара женщин помоложе сидели возле нее на раскладных стульях, беседуя и перебирая какую-то шерсть. Однако их лица были мрачными, и Талискер подумал: не говорят ли они о ком-то из родственников, убитом чинди? Он перевел взгляд на Родни.

— А что это за история с Дэйвом... то есть с Лэйком? Мне показалось, ему здесь не очень рады.

— Он никто, — нахмурился Йиска. — Пустышка.

— Звучит резковато.

— Да уж. Я дважды вносил за него залог, платил за лечение в наркологической клинике. И уж не помню сколько раз оплачивал его карточные долги. Его не было здесь несколько лет, Рене волновалась. А на самом деле это я велел ему не показываться дома.

— Может, он скучал по ней и по племени? — сказал Талискер. — Ты зря...

— Ничего подобного. Дэйву нет никакого дела до резервации. В пятнадцать лет он твердо решил, что ему здесь не место, и уехал.

У Талискера сложилось впечатление, что выбор жизненного пути — ответственный шаг для каждого из навахо. И каждому молодому индейцу рано или поздно приходилось делать

серьезный выбор между большим миром и жизнью среди соплеменников.

Талискер покосился на Родни, который молча прислушивался к их разговору. Не было сомнений, что старик полностью разделяет мнение Йиски относительно Лэйка. Парень повернулся спиной к своей семье, и это было с его стороны серьезной ошибкой — которая привела к ошибкам еще большим.

Йиска пожал плечами.

— Готов поспорить, он и сейчас приехал не потому, что соскучился. Наверняка все дело в том, что ему понадобились деньги.

Талискер решил сменить тему, чувствуя легкую жалость к незадачливому Лэйку.

— Женщины выглядят грустными, — заметил он. — Похоже, они обсуждают какие-то печальные темы. Возможно, у них кто-то умер.

Родни кивнул:

— Так и есть. Насколько я знаю, двое потеряли стариков из своих семей. Но они не стали бы это обсуждать. По крайней мере не здесь, где их могут услышать чинди. Юной Шеннон пришлось оставить свой семейный хоган, когда ее дядя скончался там во сне.

— А она сможет вернуться после похорон?

— Нет. Она никогда не сможет туда вернуться. Хоган придется оставить — ведь там теперь поселился чинди.

Талискер кивнул и ничего не ответил.

— Когда мы проверим врата, сичей? — спросил Йиска.

— Не раньше, чем закончится церемония. Придется подождать до утра.

Талискер проснулся еще до рассвета. В кабине джипа было холодно и сыро, и он замерз, несмотря на теплые одеяла, которые дал ему Родни. Всю ночь шел снег, и наутро лагерь казался вымершим, поскольку все его обитатели сидели по палаткам. Лишь несколько человек бродили возле пещеры, да где-то в отдалении брехала собака. Она-то и разбудила Талискера, и он выбрался из машины, постанывая и растирая затекшие ноги.

Может быть, сегодня он вернется в Сутру...

Стоило Талискеру подумать об этом, как из-за валуна выскочил заяц. Определенно заяц, а не кролик. Зверек остановился в нескольких футах от джипа и уселся столбиком. Длинные усы подрагивали, на них повисли капельки растаявшего снега, поблескивающие в утреннем свете. Талискеру всегда нравились зайцы: в них было особенное, спокойное достоинство, отличавшее этих зверюшек от их собратьев-кроликов. Он восхищенно улыбнулся. В этот момент снова загавкала собака, и заяц метнулся в укрытие. Не то чтобы Талискер верил в приметы, но предзнаменование определенно доброе.

— Талискер!

Он подскочил от неожиданности, услышав голос за спиной. Йиска и Родни выбрались из палатки, в которой они ночевали, и приблизились к машине.

— Доброе утро, — улыбнулся Талискер.

Эта парочка напоминала скаутов-переростков, собравшихся в поход. На плечах Йиски висел плотно набитый рюкзак, который до этого ехал в багажнике джипа. Родни тоже нес на спине объемистый сверток, однако Талискер не мог понять, что это такое, поскольку вещи были обернуты большим куском оленьей кожи.

— Пора выдвигаться, — сказал Родни без предисловий. — Шаман ушел, и никто не помешает нам войти в пещеру...

— Что, даже не позавтракаем?..

— ...но у людей могут возникнуть вопросы, — невозмутимо закончил Родни.

Талискер немедленно ощутил укол совести. У навахо не принято перебивать друг друга, и каждый из собеседников всегда дослушивал говорившего до конца. Возможно, именно поэтому в речи навахо было мало «сорных» слов и междометий, которые так замусоривают западную речь.

В молчании они пересекли поле, отделявшее их от пещеры Мумии. В предутреннем свете утес, нависший над входом, казался угрюмым человеческим лицом с нахмуренными бровями и скорбно изогнутым ртом. Изнутри долетал запах влажного камня и трав. Талискер немного помедлил, прежде чем войти внутрь.

— Все в порядке, Талискер? — спросил Йиска.

— Да. Я просто думаю, что стоило бы попрощаться с Эффи.

— Не беспокойся. Милли и Рене позаботятся о ней до нашего возвращения.

— Знаю. И все же... Она очень хотела пойти с нами.

Родни кивнул.

— Увы, медлить нельзя. Каждую ночь кто-нибудь умирает во сне.

Талискер повел плечами.

— Как знать... Может вообще не получиться.

Они вошли в темноту. Талискер ожидал, что здесь будет так же зябко, как и снаружи, если не холоднее, однако стены еще хранили тепло предыдущего дня. Впереди смутно вырисовывалась темная линия каменных нагромождений. Подойдя ближе, Талискер понял, что некогда это были постройки. Слева виднелись остатки какого-то круглого сооружения.

— Здесь находилась кива, — объяснил Йиска, понизив голос.

— Навахо когда-то жили внутри пещер?

— Нет. Это сделали анасази — древнее племя. Теперь оно исчезло.

— Что значит «исчезло»?

— Никто не знает, почему анасази умерли... или ушли. В свое время они славились как великие строители и ремесленники.

Талискер подошел к кругу кивы.

— Что это, Йиска? — Пол был присыпан какой-то пылью — светлой на темном камне. Талискер нагнулся, пытаясь ее рассмотреть.

— О! Не наступай. Должно быть, шаман сотворил песчаный узор. В последнюю ночь — в конце церемонии — песок выметают и развеивают по ветру.

— Похоже, они не очень-то старательно подмели, — заметил Талискер.

Йиска нахмурился и посмотрел на пол.

— Верно, — подтвердил он. — Надо было сделать это лучше. — Йиска всмотрелся во тьму пещеры, а затем обернулся к выходу. Отсюда заснеженный пейзаж казался до невозможности ярким. — Может, что-то напугало их, и они поспешили уйти, — пробормотал он. — Может, они увидели чинди...

— Кстати о чинди. — Талискер вынул коробку из кедра и отошел к задней стене пещеры.

— Что он делает? — нахмурился Родни.

— Сичей, — Йиска взял деда под локоть и повел следом за Талискером, — ты только не пугайся...

Родни послал ему суровый, несколько презрительный взгляд.

— С чего бы мне пугаться?

— Малки? Малки, ты тут? Можешь выходить. — Талискер поставил коробку на пол и открыл ее.

Малки немедленно выбрался наружу; его полупрозрачный силуэт чуть колебался от дуновения ветра.

— Привет, Дункан. Эффи вернулась?

— Да. Мы так думаем...

Родни потерял дар речи. Он судорожно втянул воздух и прикрыл рот ладонью, словно боясь, что с его губ сорвется проклятие.

— Все нормально, сичей, — уверил его Йиска. — Малки — наш друг. Вернее, друг Талискера.

— Малколм Маклеод. — Горец зубасто улыбнулся Родни. — На самом деле я прапрапра... — не знаю уж, сколько там их — дедушка Дункана. Замечаешь сходство?

К чести Родни, он оправился от ошеломления быстрее, чем это сделал Талискер, впервые встретившись со своим предком. Старик слегка поклонился Малки.

— Я — Родни Таллоак из Аризоны, из народа Черного Леса. Можешь называть меня Хостин.

Малки уважительно кивнул и принял подобающий случаю торжественный вид.

— Рад знакомству, Хостин. Ты идешь в Сутру, дабы упокоить призраков?

— Нет, я останусь здесь и присмотрю за вратами. Надеюсь, Эффи мне в этом поможет.

— Эй, ты будь поосторожнее с этим делом. Последний человек, присматривавший за вратами, кончил тем, что «залип» в «пустоте» на двести лет.

— Малки. — Талискер нахмурился и предостерегающе покачал головой.

— Э... — Малки огляделся по сторонам, видимо, изыскивая достойный предмет для смены темы. — Так, значит, Эффи с нами не идет? Жаль. Девочка расстроится. Я серьезно. Она действительно очень огорчится, Дункан. Эффи говорила мне об этом, когда мы виделись в «пустоте».

— Талискер, у меня для тебя небольшой подарок, — быстро перебил Родни, поняв, что Малки — большой охотник потрепать языком. — Ты вроде упоминал, что хотел бы иметь оружие.

— Это верно, Родни. Я не мог провезти свой меч через таможню.

— Вот. — Родни протянул ему сверток из оленьей кожи, который до того висел у него за спиной. В серую ткань был завернут палаш.

Талискер присвистнул.

— Фантастика! Где ты взял?

— Моя семья хранит его со времен Гражданской войны. Один из моих предков был офицером в армии конфедератов. Я не уверен, что он когда-нибудь пробовал свое оружие в действии, но выглядит солидно.

— Ты заточил его, — благодарно пробормотал Талискер. Он встряхнул серую ткань, оказавшуюся военной формой. — Это тоже настоящее?

— Да. Примерь.

Талискер повиновался. Куртка оказалась немного великовата; видно, офицер армии конфедератов был очень широк в плечах. На левой стороне груди обнаружилась дырка от пули, окруженная сгоревшими пороховыми крошками. И Талискеру очень захотелось поверить, что офицер выжил. Он застегнул на талии пояс с висящим на нем палашом.

— Ишь ты! Спасибо, Родни. Действительно, спасибо... Но, может быть, стоило отдать меч Йиске?

Родни не рассмеялся, однако в его голосе засквозило веселье.

— Йиска лучше обращается со скальпелем. А этим он может причинить больше вреда себе, чем противнику.

Йиска улыбнулся, нисколько не обидевшись.

— Чистая правда.

— Ты что, собираешься идти в Сутру без оружия? — ужаснулся Малки. — Это может плохо кончиться. Разумеется, если мы вообще туда попадем.

— Попадем-попадем. — Талискер направился к задней стене пещеры, и все последовали за ним.

Впереди была тьма. Не просто тень. Не просто отсутствие света. Тьма имела форму, словно стоячий пруд. Стены пещеры исчезали, плавно перетекая в черное ничто.

— Оставайся там, Родни, — предупредил Талискер. — Не подходи ближе.

— Это всегда так выглядит, Талискер? — Йиска нервно облизал губы. — Я имею в виду, когда ты перемещался раньше...

Талискер рассмеялся, но в его смехе не было веселья.

— Нет. Обычно я пересекал грань в тот момент, когда умирал. Никто никогда раньше не вызывал врата из «пустоты». Йиска, я пойму, если ты раздумаешь идти.

— Нет, Талискер. Послание духов пришло к навахо. Наверняка не случайно. Я должен...

— Ладно. Держись за мою руку...

— Послушай, я действительно...

— ...если не хочешь застрять в «пустоте». До свидания, Родни.

— До свидания, сичей.

— Ступайте.

Здесь все по-прежнему — и все иначе. По-прежнему, потому что «пустота» не может измениться. Иначе — потому что Талискер идет сквозь нее добровольно, живой и невредимый. Он чувствует руку Йиски, но не смотрит на него. Он знает, что друг испуган, и отлично понимает его страх. Впрочем, Талискер ходил этим путем раньше. Один раз — через воду, один раз — через огонь. Переход с Земли в Сутру никогда не дается просто. На самом деле нет никакой тропы. Только это не беспокоит его, ему известно, что путь через «пустоту» каждый должен проделать сам. И если он будет двигаться вперед, то непременно придет куда нужно.

«Дункан, подожди!» Голос Малки отдается эхом, хотя здесь нет никаких стен и преград. Услышав этот голос, Талискер отпускает руку Йиски: горец присмотрит за ним.

Талискер начинает сомневаться. А вправду ли они попали куда нужно? На пути не встречается никаких препон. Ни пламени, ни воды. Но стоит Талискеру подумать об этом, как он понимает: воздуха здесь тоже нет.

Он останавливается, пытаясь не дышать, хотя и понимает, что не сумеет сдержать дыхание надолго. Если б Та-

лискер знал об этом заранее, то захватил бы с собой противогаз. Да кто же мог такое предвидеть? Раньше, входя в «пустоту», он дышал вполне свободно.

За спиной Талискер слышит хрипение и понимает, что Йиска тоже задыхается. Однако индеец дышит, хотя и с трудом. Может, здесь все же есть немного кислорода? У воздуха вкус дыма, пепла и горячего угля, и, возможно, им удастся дойти до Сутры...

Талискер замечает движение впереди. Он крепко сжимает в руке свое новое оружие, все еще восхищаясь великолепным подарком. Опустив взгляд, любуется серебристой сталью, которая посверкивает в исходящем из ниоткуда свете. С мрачным удовлетворением Талискер понимает, что этот клинок убивал. И, возможно, убьет еще не раз.

Впереди человек. Талискер не может определить, кто это, потому что человек обнажен. У него длинные волосы и гибкое, поджарое тело воина. Талискер уверен, что это феин. Приблизившись, он ожидает от человека хоть какой-нибудь реакции, но ничего не происходит. Воин бесцельно бредет по «пустоте». У него связаны руки, тело покрыто глубокими порезами, сквозь которые проглядывает обнаженное мясо — будто какой-то безвестный хирург начал и не закончил свою работу.

— Эй, погоди! — Талискер хватает воина за плечо, однако в глазах раненого отражается только пустота. Тьма. Лицо человека искажено гримасой боли, зубы крепко стиснуты, словно его жестоко пытали. Стоит Талискеру разжать руку, как тело встреченного безвольным кулем валится к его ногам.

Йиска немедленно оказывается рядом. По его лицу текут слезы, он хрипло дышит, пытаясь вдохнуть отравленный воздух. И все-таки Йиска останавливается, желая помочь; он думает, будто это в его силах. Йиска опускается на колени подле распростертого тела, его длинные волосы падают на лицо. А Талискер смотрит только на багряные пятна крови, расплывающиеся по светлой рубашке.

— Не уверен, что мне хочется туда идти. — Хриплый голос Йиски бесцветен и безжизнен. — Не уверен...

Талискер протягивает руку и касается его плеча.

— Давай, Йиска, у нас нет выбора. Нужно двигаться дальше.

Потом он слышит новый звук: тихий шелест шагов множества босых ног, словно бы... словно бы...

— Талискер! — кричит Малки.

Талискер поднимает глаза.

— Боже мой, — шепчет он.

Они приближаются. Их сотни. Может быть, тысячи. Мертвые воины с бледными лицами, с окровавленными телами. И их безмолвное присутствие наполняет «пустоту» болью.

ГЛАВА 9

— Это все из-за тебя, йект! — прорычала Фереби.

Рако ничего не ответил. Сейчас не время обижаться на пренебрежительное обращение. Гораздо более насущная проблема — четверо шоретских солдат.

Их привел тот самый человек, что был на мосту, — инквизитор. Рако никогда не забыть его злорадный взгляд и надменную улыбку. Впрочем, все шореты великолепно умели изображать надменность.

Честно признаться, Рако постыдился бы рассказать друзьям о том, с какой легкостью шореты поймали их в ловушку. Он и Фереби вели себя так, словно были на увеселительной прогулке, а не скрывались от преследователей. Рако был слишком слаб и утомлен, чтобы думать об этом, а Фереби... Ну, наверное, она была чем-то занята... боги знают чем. Возможно, тот факт, что для соплеменников она отныне считалась предательницей и перебежчицей, угнетал ее. Так или иначе, никто из них не заметил преследователей, пока не стало слишком поздно. Шоретские всадники умудрились загнать беглецов в холодную воду реки, где они теперь и стояли по колено — спина к спине, — обнажив мечи.

— Провалиться мне на месте, если это не Фереби Везул, — усмехнулся командир отряда. — То-то порадуется папочка, когда я принесу ему твою голову! — Он подъехал ближе. Круг медленно сужался, хотя шореты пока что оставались вне досягаемости мечей.

— Ах, мою голову? Иди и попробуй взять ее, Горза, — рявкнула Фереби. — Я тебе раньше яйца откручу, если меня еще не опередил Заррус.

— Правильно, разряди ситуацию, — пробормотал Рако. Он слегка наклонился вперед, пытаясь получше сбалансировать свое оружие. Хотя его медвежья лапа могла принести много пользы в ближнем бою, она была заметно тяжелее правой руки, и Рако постоянно рисковал потерять равновесие.

Горза искривил губы в ухмылке, но в глазах его не было и тени веселья. Он изготовился к атаке. Рако рефлекторно перебросил меч из руки в руку... да вот только руки не было. Он не успел как следует привыкнуть к своей новой конечности, лапа и когти были словно чужими и двигались слишком медленно. Рако уронил клинок в воду, и со стороны всадников раздался взрыв издевательского смеха. Сид нагнулся за мечом, покраснев от стыда и досады, кляня себя за глупость.

И тут в голову Рако пришла новая идея. Не разгибаясь, он опустил руки в воду и плеснул в сторону одной из лоша-

дей. Полуденное солнце заиграло в мириадах водяных капель. Всадник, приближавшийся к нему, отшатнулся, когда его лошадь испуганно прянула вбок.

— Йа! Йа! — закричал Рако, размахивая руками и поднимая фонтаны брызг. Лошадь заплясала и встала на дыбы, солдат полетел в реку. Рако переключил свое внимание на следующего всадника, но делать уже ничего не пришлось: паника передалась остальным животным. Как ни понукали их седоки, лошади упорно не желали идти вперед.

Фереби тоже пыталась напугать лошадей и преуспела, однако Горза был слишком быстр: он вовремя подался назад. Теперь, когда Рако и Фереби имели дело с тремя пешими людьми, а не со всадниками, их шансы заметно увеличились. Горза — единственный, кто усидел в седле, — благоразумно оставался на берегу, успокаивая свою перепуганную кобылу.

— Недурно, йект, — ухмыльнулась Фереби.

— Если ты пытаешься расположить меня к себе, то попробуй назвать по имени, — буркнул Рако.

Фереби была лучшим бойцом, какого только Рако случалось видеть в жизни. Она отвлекла на себя сразу двоих шоретских солдат, в то время как сиду достался третий. Ему и того было много: избитое тело и лихорадка давали себя знать. К счастью, шорет заметно нервничал — возможно, из-за медвежьей лапы Рако. Когда они схлестнулись, сид вскочил на шероховатый валун, торчащий из воды. Теперь у него было преимущество в росте, однако валун оказался скользким, и Рако пришлось балансировать, чтобы не свалиться. Его противник мгновенно заметил эту прореху в обороне и кинулся вперед, стремясь столкнуть сида с камня. И — более рефлекторно, чем сознательно — Рако ударил шорета медвежьей лапой.

Воин вскрикнул и опрокинулся навзничь, подняв тучу брызг. Кровь забила фонтаном из разодранного горла. Мгновение Рако в ужасе взирал на свою руку-лапу, понимая, что дух Келлида еще пребывает в ней. Медведь атаковал, не зная милосердия; колебание в бою было слабостью.

— Прости. — Рако добил юношу быстрым ударом меча в сердце. Сиды были хорошими воинами, но никогда не считали убийство славным подвигом. Он мимолетно подумал о матери и семье мальчика, а затем вскинул меч в безмолвном салюте, отдавая врагу последние почести.

Тем временем Фереби успела расправиться с одним из своих противников и обрушила яростный град ударов на второго. Рако поспешил к ним, и тут до его ушей долетел тонкий свист. Он не обернулся на звук — и напрасно. В схватку вступил

инквизитор. Свист исходил от тонкого гибкого хлыста, зажатого в его руке. Мгновение — и хлыст обмотался вокруг торса Рако, крепко прижав его руки к бокам.

Горза рассмеялся и резко дернул хлыст на себя. Рако не устоял на ногах и полетел в воду, а Горза продолжал тянуть.

— Фереби! — Крик Рако оборвался, когда его голова погрузилась в воду. Затем он снова вынырнул на поверхность, кашляя и отплевываясь. Рывки кнута заставляли его приближаться к инквизитору, который явно намеревался убить сида.

Впрочем, нет. Как быстро выяснилось, у Горзы были на него другие планы. Едва лишь Рако оказался рядом с его конем, Горза вздернул сида на ноги и, схватив за волосы, приставил кинжал к горлу пленника.

— Брось меч, Фереби Везул. — Голос инквизитора разнесся над рекой — отрывистый и резкий, как давешний щелчок кнута. — Сейчас же!

Фереби оглянулась и, оценив ситуацию, смерила Горзу и Рако пренебрежительным взглядом.

— Убей его, если хочешь, — бросила она. — Это всего лишь йект.

— Фереби! — Рако не мог поверить в предательство.

Повисла тишина. Горза, очевидно, обдумывал следующий свой шаг. Правда, его решение уже не имело никакого значения, потому что произошло чудо.

Ему хочется бежать. Бежать со всех ног. Но голос рассудка подсказывает, что не следует отдаваться во власть слепой паники. Ему по-прежнему трудно дышать, и делается все труднее по мере того, как мертвецы окружают его, толкают плечами или стремятся пройти напрямик — сквозь него, — точно не замечая преграды. Их кровь пачкает его одежду, оставляя на ней черные пятна. Он чувствует запах крови, запах гниения и — если только это возможно — запах отчаяния.

Он слышит плач, придушенные рыдания и понимает, что это Йиска, который идет рядом с ним. Как невыносимо для лекаря! Мертвые не хотят им зла. Кажется, они вообще ничего не хотят, а просто бесцельно бредут по «пустоте» незнамо куда, незнамо зачем. Их много... Их так невероятно много... Их смерти были жестокими и мучительными. Они изранены, у многих не хватает конечностей, тела несут на себе следы страшных увечий. Здесь не только феины. Он замечает среди толпы высокие и стройные фигуры сидов. Все они слепы, бездумны и шагают вперед в жутком, леденящем кровь безмолвии. Слышен лишь тихий шелест их шагов.

— Талискер... — говорит Йиска. Только это — и нечего более. Только имя, хотя и этого достаточно, чтобы понять

отчаяние и страх индейца. Кто-то из потерянных душ протягивает руки, хватает за волосы и одежду; это бездумное, лишенное смысла движение. Талискер смотрит по сторонам и видит Йиску. Его лицо — маска ужаса и растерянности, он перемазан кровью, одежда и волосы стали липкими и влажными.

— Сейчас, — говорит Талискер.

— Спокойно, парень, — вступает Малки. Мертвецы не пугают Малколма Маклеода, в его голосе слышны удивление и гнев.

— Я не могу... не могу! — Паника овладевает Йиской, и тот отдается ей — весь, без остатка. Он пытается бежать вперед, но мертвые перегораживают ему дорогу. Йиска врезается в толпу, расталкивая мертвецов. Он прижимает руки к лицу, стремясь защититься от жуткого зрелища. Из его груди вырываются хриплые рыдания, и кажется, что он говорит на языке навахо, прося предков о защите.

— Подожди! Йиска, подожди!

Тщетно. Талискер потерял его из виду. Толпа напирает, и он не может последовать за Йиской.

— Ох, нет, — стонет Малки. — Родни нас убьет, если парень потеряется.

Талискер не отвечает, а лишь упорно проталкивается вперед. Наконец толпа расступается. Они движутся через «пустоту» подобно бездумному стаду, и присутствие Талискера, Йиски и Малки не имеет для них никакого значения. Они лишь обтекают их, как морские волны обтекает утесы...

Впереди видна стена огня. По крайней мере теперь Талискер знает, что они идут верным путем. Он прикрывает лицо курткой и размахивает перед собой мечом. Свет пламени пляшет на кончике клинка.

— Пошли, Малки. Что бы там ни случилось в Сутре, после этакого зрелища все что угодно покажется сущей ерундой...

Послышался странный звук. В первый момент Рако почудилось, что река прорвала плотину, которая могла быть построена где-то выше по течению. За звуком последовала вспышка ярчайшего света, вырвавшегося наружу будто из какой-то невидимой центральной точки. Огромный сияющий диск повис прямо над рекой всего лишь в футе от того места, где стояли Фереби и ее противник.

— О боги! — выдохнул Рако.

Из круга появляется человеческая фигура — молодой мужчина, внешне похожий на сида. Он бежит — бежит со всех ног, словно от этого зависит его жизнь. Вырвавшись из круга света, он кричит что-то на странном языке, который не известен ни Рако, ни шоретам. Человек с головы до ног вымазан черной засохшей кровью. Ступив в реку, он валится на колени, оказываясь по грудь в воде. Его начинает рвать.

Никто не движется; все замерли в ошеломлении. Тем временем из круга возникают еще два человека. Эти больше похожи на феинских воинов. Тот, что пониже, — феин, об этом свидетельствует его одежда. Второй — более высокий — облачен в синие суконные штаны и серую куртку. Длинные рыжие волосы разметались по плечам. В руке он держит обнаженный меч необычной формы, и сталь клинка отражает свет портала.

Оба пришельца также покрыты кровью и тоже бегут изо всех сил, хотя, похоже, они не так сбиты с толку, как первый. Они выходят из портала и оказываются в реке, но это их нисколько не удивляет; они готовы действовать. Рако задумывается: может быть, они преследовали первого человека? Да нет, вряд ли. Воины не стремятся догнать его, вместо этого они принимаются озираться по сторонам.

Никто не движется. Фереби и ее противник застыли в боевых стойках, однако оба опустили оружие. Инквизитор все еще прижимает кинжал к горлу Рако и ничего не говорит, очевидно, пытаясь восстановить контроль над ситуацией.

— Что здесь происходит? — наконец спрашивает он. Его голос звучит не очень уверенно, и тем не менее Горза не ослабил бдительности, и рука с кинжалом по-прежнему тверда.

Высокий человек обводит поле битвы спокойным взглядом и направляет меч на Горзу.

— Отпусти его, — говорит он. В голосе воина нет ни намека на угрозу; его тон любезен и почти небрежен — настолько, что Горза начинает волноваться. — Теперь нас пятеро, а вас только двое. — Он кивает на Фереби и ее противника. — Который из них твой прислужник?

Горза ухмыляется, глядя в сторону Йиски — парень все еще кашляет и блюет в речку.

— Я бы сказал: вас четверо. А если я убью этого...

Все, что нужно было сделать Горзе, — провести клинком по горлу Рако. Однако для этого ему пришлось наклониться; Рако ухитрился вскинуть руку и крепко вцепиться в запястье врага, дернув его вниз. Вскрикнув от неожиданности, инквизитор неграциозно рухнул с лошади. Он выпустил хлыст, и кольца вокруг талии Рако немедленно ослабли. Сид прыгнул на его распростертое тело и прижал к земле, схватил Горзу за шею медвежьими когтями.

— Клянусь богами, я убью тебя!

Это было проще сказать, чем сделать. Жилистое тело Горзы оказалось неожиданно крепким и сильным. Он вывернулся из-под Рако и отпихнул его от себя. Несколько секунд они боролись на траве, а затем Горза оказался сверху. Уперев колено в грудь Рако, он прижал его руки к земле. Рако вынужден был признать, что ему попался достойный противник.

— Прощай, йект. — Инквизитор подхватил свой кинжал и занес его над грудью, и тут сильный удар выбил оружие из руки Горзы. Холодная полоса стали прижалась к горлу инквизитора.

— Я думаю, ты торопишься, — сказал высокий пришелец.

— Не убивай его. — Менее всего Рако хотелось спасать шкуру Горзы, но дело важнее. — Он нужен нам, чтобы передать послание.

Горзу и последнего оставшегося в живых шоретского солдата посадили на лошадей, предварительно связав им руки за спиной. Фереби заверила, что шореты — достаточно искусные наездники, чтобы управлять лошадьми при помощи одних колен. Откровенно говоря, Рако в это не верилось, тем более что солдат начал заметно крениться набок, когда его лошадь зашагала вверх по склону. Горза, впрочем, держался в седле вполне уверенно, и Рако решил, что уж он-то наверняка доберется до Дурганти, чтобы передать их послание.

Расставшись с Горзой и его незадачливым подчиненным, Фереби занялась похоронами погибших солдат — так же, как прежде поступила со своими людьми.

— Ты обязана делать это для всех шоретов? — угрюмо поинтересовался Рако. Он сидел на берегу, рассматривая свои ссадины и синяки, которых заметно прибавилось. Вдобавок у него жутко болела голова: он успел крепко приложиться о камень во время драки с Горзой.

Фереби не ответила, вместо нее заговорил высокий пришелец.

— Почему ты не превратился? — спросил он. — Ты же сид из клана медведя, верно?

Рако задумчиво посмотрел на рыжеволосого воина. Должно быть, он где-то отсутствовал долгое, очень долгое время...

— Дункан Талискер?

Рыжеволосый потерял дар речи.

— Откуда...

— А где Эффи Морган? Она сказала мне, что ты возвращаешься в Сутру...

Йиска украдкой смотрел на свою руку, чтобы понять, перестала ли она дрожать. Он чувствовал себя отвратительно, но ничего не сказал Талискеру и Малки, которые вели себя самым обычным образом. А вот Йиска не подготовился. Да, его предупредили, что путешествие через «пустоту» опасно, но Йиска не ожидал, что оно может свести человека с ума. Как он обретет хозро, если ему хочется вынуть мозги и отмыть их хорошим куском дегтярного мыла? Каждый раз, стоило Йиске прикрыть глаза, он видел *их*... Мертвецы... Белая ходячая плоть, лишенная души и разума. Они трогали его своими окоченелыми пальцами, они шли мимо

или же слепо тыкались в него, словно не замечая преграды на пути, они...

— Йиска? Ты как? — Индеец поднял взгляд и увидел встревоженные глаза Малки. Только теперь он понял, что здесь Малки выглядит иначе — он не был призраком. Вполне материален, только... мертв. Йиска не замечал этих деталей, пока Малки пребывал в своем полупрозрачном обличье, а теперь они привлекали внимание. Все тело Маклеода было изранено, и многие из ран представлялись медику смертельными. Кожа горца была такой же бледной и неживой, как и... как и у тех жутких белых фигур. Йиска вздрогнул и зажмурил глаза.

— Дункан, по-моему, с Йиской не все в порядке. — Малки нахмурился, когда Йиска не ответил на его вопрос. Голос горца долетал словно через толстый слой ваты.

Подошел Талискер.

— Все будет нормально, Йиска. Мне жаль. Я знаю, это трудно вынести, но теперь все позади. Все позади...

— С Сандро было то же, когда он впервые попал сюда, — поделился Малки.

Талискер кивнул.

— Путь через «пустоту» всегда непрост. Йиска еще не привык к... необычным вещам.

Малки добродушно рассмеялся.

— Что ж, с боевым крещением!

— Да... Знаешь, нам стоило бы переодеться. Мы выглядим как...

— Смотри! — Малки указал в сторону реки. Когда они вышли из «пустоты», портал исчез. Теперь же он появился вновь, однако его свечение было черным.

— Что за черт?

— Может, Эффи?

Долгое время ничего не происходило. Мало-помалу все стоящие на берегу начали нервничать, покрепче стискивая свои мечи. Йиска беспомощно смотрел на круг света, боясь, что *они* явятся сюда через врата.

— Здесь ничего...

— Стой! Смотри!

Ни живое, ни мертвое существо брело на четырех ногах, опустив голову. Его походка была подпрыгивающей, как у койота.

— Черт возьми! Да это же пес! — хихикнул Малки. — Поверить не могу. Дункан, он последовал за тобой.

Талискер тоже хихикнул.

«Как он может смеяться после всего произошедшего? — подумал Йиска. — Или ему вообще неведомы страдания?»

— Иди сюда, песик, — позвал Малки.

Собака, похоже, несколько смутилась, внезапно оказавшись по шею в воде. Однако, услышав голос Малки, она выбралась на берег и подошла к нему.

— Хорошая собачка, — подбодрил Малки, — хорошая... Ай!

Выйдя на твердую землю, пес начал отряхиваться, и большая часть воды моментально оказалась на куртке горца. Отряхнувшись, пес обвел всех спокойным взглядом янтарных глаз, а затем подошел к Йиске и уселся рядом с ним, гавкнув в знак приветствия.

Йиска отшатнулся.

— Держите его подальше от меня, — сказал он. В его голосе все еще проскальзывали истерические нотки. — Это может быть Перевертыш.

Йиска отошел подальше от собаки и посмотрел на нее с неприкрытым подозрением.

— А вот мне сдается, что ты ему понравился, — ухмыльнулся Малки.

Пес снова подошел к Йиске и облизал руку индейца теплым шершавым языком.

— М-да?

— Определенно. Кажется, тебе придется придумать ему имя, Йиска, — раз уж он так тебя полюбил.

Йиска выглядел растерянным.

— Имя? Э...

— Угу.

— Ну... Этот пес, он... Ну, просто пес, так я думаю. Мы обычно не...

Малки ухмыльнулся.

— Просто пес. Такой, знаешь, большой, основательный пес. — Он хихикнул. — А что? Имечко в самый раз. Что скажешь, Пес?

— Не понимаю, чего тут смешного, — буркнул Йиска.

— Феин, если мы придумали имя собаке, — вступила Фереби, — то самое время двигаться дальше. Не забывай: нас по-прежнему преследуют.

Они прошли по берегу около пяти миль, прежде чем Фереби сочла, что беглецы в сравнительной безопасности и можно искать место для ночлега. Утесы здесь были выше, река глубже и шире. Узкая тропа змеилась среди скал, уводя наверх. Возможно, это была дорога к водопою, протоптанная дикими козами, которые в изобилии водились в горах вокруг Дурганти. Поднявшись над уровнем реки, тропа разветвлялась. Одна тропинка вела дальше вверх, вторая выходила на небольшое плоское плато. Здесь-то Рако и отыскал вход в пещеру. Она была довольно просторной и — главное — сухой.

— Здесь легко обороняться, особенно если мы выставим часовых, чтобы нас не застали врасплох, — решил Рако.

Лагерь разбили в относительной тишине: каждый был погружен в собственные мысли. Йиска уселся на камень и принялся изучать содержимое рюкзака. Пес устроился рядом с ним и время от времени порывался лизнуть руку индейца. В конце концов Йиска сменил гнев на милость и осторожно погладил Пса по голове, а потом почесал ему подбородок. Пес определенно остался доволен.

— Я не ошибся? — спросил Рако, разводя костерок. — Ты ведь Талискер, да?

Талискер кивнул.

— Где ты видел Эффи, Рако?

Рако коротко рассказал о встрече с Эффи в «пустоте».

— Похоже на нашу Эффи, — кивнул Малки. — Ты не в курсе, она собиралась возвращаться назад?

— Думаю, да. Но она сказала, что не может отыскать выход.

— Надеюсь, теперь она его найдет, — задумчиво отозвался Талискер.

— Стало быть, ты сеаннах? — сказал Рако, обернувшись к Малки. — Хотя выглядишь ты совсем не так, как описывают легенды.

— Нет. Сеаннах — это Сандро. Алессандро Чаплин. Он с нами не пришел.

— Жаль... — разочарованно протянул Рако.

— Я Малколм Маклеод.

— О.

— Легенды рассказывают что-нибудь обо мне?

— Вообще-то нет.

— Так. — Малки сделал оскорбленное лицо. — Тогда не понимаю, зачем я напрягался.

— Мне жаль, Малколм... Малки. Думаю, это потому, что у нас больше нет сеаннахов.

— Нет сеаннахов?! Как же феины живут без них?

— Многое изменилось с тех пор, как мы покинули Сутру, — тихо проговорил Талискер.

— Прошло сто восемьдесят лет, Дункан.

— Верно... Пожалуйста, Рако, расскажи нам о Сутре.

— Здесь нет хозро, — внезапно сказал Йиска.

— Что? — Все обернулись к нему, хотя он тихо сидел, поглаживая собаку и бездумно глядя в пространство. Малки пожал плечами и обменялся с Талискером многозначительным взглядом.

Они проговорили долго. Рако немногое знал о Сулис Море и не мог сказать, являлся ли нынешний тан потомком Тристана и Грейс. Он никогда не бывал в этом городе и плохо представлял, что там сейчас творится. Рако родился в Дурганти двадцать пять лет назад, а в семь был изгнан из города вместе со своим отцом и перебрался в Руаннох Вер. Тем не менее он до сих пор счи-

тал Дурганти родным домом, как делали многие сиды, издавна живущие там бок о бок с феинами. Вместе с отцом Рако сражался за Дурганти во время восстания, подавленного пять лет назад.

Было ясно, что Рако непросто говорить обо всем этом в присутствии Фереби. Однако сид был весьма тактичен, описывая шоретское вторжение, и Фереби так и не нашла, к чему бы придраться. Потому она лишь хмурилась и на протяжении рассказа Рако упорно глядела в другую сторону.

— Таким образом, в руках шоретов сейчас находятся Дурганти и Кармала Сью, — закончил он. — Несколько последних лет у нас, так сказать, перемирие — боюсь, только потому, что шоретам пока недостает сил ударить по двум оставшимся городам феинов.

Фереби горько рассмеялась.

— Твоя правда, йект. Путь Воинов заставляет нас двигаться все дальше и дальше, захватывая территории. Только не все шореты этого хотят... — Она осеклась, очевидно, сочтя, что сказала лишнее.

— О чем это ты, Фереби Везул?

— Ни о чем. Просто... помнишь, я рассказывала тебе о Буре?

— О белом мамонте?

— Да. Наши легенды гласят, что рождение белого мамонта обозначает окончание Пути. Когда он появится на свет, шореты обретут свой дом.

— Значит, вы прекратите двигаться дальше и завоевывать новые земли? — спросил Малки. — Раз уж оно родилось, да? А что такое мамонт?

— Буря родилась восемнадцать лет назад, как раз незадолго до нападения на Дурганти. Генералы, в том числе мой отец, убедили императора держать ее рождение в секрете, чтобы эти сведения не смутили умы тех, кто готовил кампанию против Дурганти. Буря была пленницей всю жизнь.

— Так почему же они не рассказали о ее рождении после битвы?

Фереби пожала плечами.

— Политика, полагаю. Я не знаю, как оно было на самом деле, но ведь в Пути Воинов состоит смысл жизни многих, очень многих шоретов. Остановиться... Для некоторых это уму непостижимо. Начальник Горзы генерал Заррус — типичный представитель Пути Воинов. И люди боготворят его.

— А как ты узнала о мамонте? — спросил Талискер.

— Я присутствовала при ее рождении. — Фереби улыбнулась немного застенчиво. — Она очень красивая. И умная. Буря...

— Что случилось? — спросил Рако.

— Нападение на Кармалу Сью! Вдруг они стремились убить Бурю?

— Тоже политика? Но ведь на город напали эти... шарды и флейи. Насколько можно судить, они совершенно безмозглые.

— И все же откуда-то они да взялись? Что, если кто-то их направляет?

— Я могу сказать, где они побывали, — тихо сказал Талискер. — Они прошли «пустоту» — междувременье. Мертвецы, которых мы видели там... Думаю, это души их жертв. — Он покосился на Йиску. — Пожалуй, более жуткого зрелища мне видеть не доводилось. А ведь я видел очень, очень много зла...

Повисла тишина. Затем все занялись подготовкой ко сну. Пещера была сухой, однако в ней царил промозглый холод. Рако сторожил первым. Он устроился чуть ниже по тропе, откуда открывался вид на плато, — и ничуть не удивился, когда Фереби явилась поговорить с ним наедине.

— Ты им доверяешь, йект? — спросила она, нахмурив брови. — Я не уверена...

— Фереби Везул, — устало пробормотал Рако, — ты хорошо рассмотрела, как они магически появились с неба? Какие еще доказательства тебе нужны?

— Прости. Я подозрительна по природе. Рако... Спасибо.

— За что? Если бы не я, ты не влипла бы в это дерьмо.

Она мрачно кивнула:

— Знаю. И тем не менее я почитаю за честь сражаться рядом с тобой. Не буду утверждать, что это легко дается, но... Может быть, мы доказали, что шореты и феины способны жить в мире друг с другом.

Рако посмотрел в темноту.

— Звучит как «прощай», Фереби Везул.

Она пожала плечами.

— Нет-нет... Я всего лишь очень устала. Мне нужно немного поспать.

Рако даже не удивился, когда, проснувшись поутру, путники обнаружили, что Фереби исчезла.

Эффи была в ярости.

Она очнулась утром и съела завтрак, любезно приготовленный для нее тетушкой Милли и Рене. Эффи чувствовала слабость, но ей было лучше, чем следовало ожидать. Это состояние немного походило на похмелье: слегка дрожали руки, и на лбу выступила испарина. Выпив большую кружку травяного чая, Эффи оглядела палатку — она ничуть не напоминала хоган и была сделана из современной непромокаемой ткани. Внутри было тепло, хотя и немного сыро от конденсата.

— А где Йиска и Дункан? — спросила Эффи у тетушки Милли.

Та лишь нахмурилась и ничего не ответила. Затем вышла из палатки, очевидно, намереваясь позвать их.

Однако, когда Милли вернулась, с ней был один только Родни. Он укутался в засыпанную снегом одежду с ног до головы, лишь глаза виднелись из-за огромного оранжевого шарфа, прикрывавшего нос и рот. Правда, и глаз было достаточно, чтобы выдать волнение старика.

— Где они? — спросила Эффи.

Родни размотал шарф.

— Эффи...

— Ох, нет! Портал сработал, да? Они ушли? Без меня?

— Они очень волновались за ваше здоровье, мисс Морган, — объяснил ей Родни, словно ребенку.

И к своему стыду, Эффи действительно повела себя как ребенок. Она устроила скандал «по полной программе» — завопила, затопала ногами и швырнула через всю палатку свою чашку, облив стену и пол ее содержимым.

— Нет! Нет! Нет! — кричала Эффи.

В конце концов она упала ничком, зарылась в подушку и громко зарыдала, стуча кулаками по одеялу.

— Эффи, — тихо проговорила тетушка Милли. — Ты не очень-то красиво себя ведешь.

Эффи подняла залитое слезами лицо и посмотрела на Милли сквозь гриву спутанных волос.

— Вы не понимаете! Они хотели, чтобы я пошла с ними. Просили меня пойти, а потом я сделала одну чертовски... чертовскую глупость. И теперь они ушли без меня. Теперь они наверняка меня ненавидят — думают, что я просто жалкая неудачница. Да, я — жалкая неудачница!

Милли сочувственно кивнула, хотя Эффи подозревала, что женщина и понятия не имеет, куда именно ушли ее племянник и Талискер.

— Принимать лекарство тоже было глупо. — Милли произнесла эту фразу без малейшего намека на осуждение, просто констатируя факт. — Впрочем, все мы временами делаем глупости.

Эффи утерла лицо рукавом. Заявление Милли уязвило ее, но все же ей стало немного легче. Было бы хуже, если бы Милли лгала и говорила какие-нибудь банальные слова утешения.

— Вы правы, тетушка Милли. А знаете, что было самой большой глупостью? То, что я вообще поехала с ними! Думаю, я хотела быть частью этого, потому что Талискер знал мою маму. — Эффи потеребила медальон со святым Христофором, висевший у нее на шее. — Что ж, так мне и надо. Они не захотели подождать меня, а я не собираюсь ждать их! Я еду обратно в Чинли — а потом домой.

— Немного потерпеть все же придется. Каньон Ди Челли завален снегом. Отсюда не выбраться.

Эффи фыркнула. Отчего-то ей стало спокойнее.

— Что же мне делать?

— Отдохни. Успокойся. Представь, что это своего род пикник. Неожиданная возможность пожить на природе, подышать свежим воздухом. Через несколько дней наступит оттепель. Вот, я приготовила тебе новый чай.

Милли вышла из палатки, и когда она откинула полог, Эффи увидела слепяще-белое покрывало снега, устлавшего землю. «Пикник? Нет уж, благодарю покорно», — подумала она. Как только откроются дороги, Эффи тотчас отправится домой — потому что ей вообще не следовало сюда приезжать.

Все мы временами совершаем глупости, но некоторые люди совершают их постоянно.

ГЛАВА 10

Он спит — или что он там делает, когда я часами не слышу его? Уже поздно, давно минула полночь, и я специально проснулся, чтобы сделать запись в дневнике. Я хочу написать об одном очень странном происшествии, которое случилось вчера. Нечто, очень обеспокоившее меня, потому что это говорит о власти, которую он имеет теперь и над моей физической оболочкой.

Мы находились в Зале Совета и обсуждали с этим мальчишкой — Туланном, нашим новым императором, — перспективы осады Руаннох Вера. Вокруг находились мои верные воины и соратники, и я не сомневался, что мы сумеем склонить императора к устраивающему нас решению. Я был доволен ходом совета и потому пребывал в отличном настроении. Я ходил туда и обратно по залу и в некий момент бросил взгляд на свое отражение в высоком зеркале возле двери. В эту минуту Джейт Сорринклаз — один из моих последователей — говорил что-то относительно провианта для армии, но отражение так отвлекло мои мысли, что я едва слышал его.

Подойдя к зеркалу, я принялся изучать свое лицо. По-своему красивое, тонкое, с высоким лбом и породистым носом — да только не мое... Не могу описать словами, в какое замешательство привело меня это зрелище. Я заметил, что на одной из скул появился синеватый кровоподтек, однако не чувствовал ни малейшей боли.

— Как ты полагаешь, я изменился, Джейт? Что говорят обо мне люди?

 Молодой человек растерянно замолчал.

— Ну... Я...

— Давай уж, выкладывай. Наверняка люди заметили... — сказал я. К этому времени и мои волосы уже окончательно изменили свой цвет, из золотистых став черными. Я ухитрялся скрывать это, обрив голову, но не представлял, что делать с новыми чертами лица.

— Д-да. Считают, что вы переутомились или нездоровы.

Я слушал его несколько отстраненно, лихорадочно размышляя над правдоподобным объяснением моих метаморфоз, когда произошло очередное необъяснимое событие.

Это было всего лишь белое перо. Оно слетело с потолка — возможно, на балках сидела птица. Я заметил, как оно плавно падает вниз, и, будь я сам собой, я, несомненно, не обратил бы внимания на такую ерунду. Но что-то внутри меня рассудило иначе. Сам того не желая, я поднял руку и поймал перо. Глядя на его изящную форму в моей ладони, я почувствовал вдруг глубокую всепоглощающую печаль. Созерцание нежной белизны и хрупкой уязвимости было невыносимо. Я заплакал прямо в Зале Совета, на глазах у Джейта и остальных. Сперва по моим щекам заструились слезы, а затем в горле встал ком, и из груди исторглись глухие, мучительные рыдания.

— Сэр? Сэр? Вы больны? — Я увидел прямо перед собой встревоженные глаза Джейта.

Кто-то усадил меня в кресло. Отчаянно пытаясь сдержать рыдания, я хватался за грудь, будто руками мог перекрыть выход нежеланным эмоциям. Однако мне не удалось ни заглушить слезы, ни прогнать из души опустошающую печаль.

Кто-то сунул мне в руку стакан с водой, и я глотнул — в основном затем, чтобы пресечь рвущиеся наружу звуки. Мой рассудок кричал: «Перестань! Прекрати это! Успокойся!»

Разумеется, он — и я — со временем успокоились, и все же дело было сделано. Я рыдал в Зале Совета на глазах у доброго десятка человек. Сплетни и слухи теперь не остановить. Это даст огромное преимущество любому из врагов, ищущих способы свергнуть меня.

Я сохранил перо и хорошенько рассмотрел его еще раз — ночью, у себя в комнате. Бес был угрюм и неразговорчив. Он ничего не ответил, когда я спросил, почему идиотское перо вызвало такое эмоциональное потрясение. Я заставил его смотреть на перо, словно это могло стать наказанием. В конце концов, мои глаза пока еще принадлежат мне...

— Отличный денек, — заметил незнакомец.

— О... Да. — Нэнси робко улыбнулась. Мужчина был высок и хорош собой, хотя, возможно, немного староват. — Ваша сдача, сэр. Удачного дня.

— Спасибо. Это самая короткая дорога к каньону?

— К каньону Ди Челли? Вам не попасть туда в ближайшие несколько дней. — Она бросила взгляд на стоящую сна-

ружи машину — еще очень чистую, очевидно, взятую напрокат. — Даже на внедорожнике. Слишком много снега. Седьмое шоссе перекрыто. Придется дождаться оттепели. — Нэнси послала красивому незнакомцу многозначительный взгляд. — В Чинли есть несколько замечательных гостиниц, и говорят, теплый фронт уже на подходе...

— В самом деле? — Незнакомец одарил ее обезоруживающей белозубой улыбкой и сдвинул на нос солнечные очки, посмотрев на девушку поверх них. — А если я готов спуститься вниз пешком?

— Надо же. А вы упорный, — рассмеялась она. — Тогда вам понадобится проводник-навахо, а я не уверена, что они согласятся вести кого-нибудь в каньон. Ну ладно, вот что: я дам вам телефон моего дяди. Позвоните ему — он опытный проводник. Дядя скажет наверняка, каковы ваши шансы.

— Спасибо. — Он бросил взгляд на ее бедж. — Нэнси Бигей. Так я и сделаю.

— Вы спешите?

— Угу. Я должен встретиться там со своей крестной дочерью.

Нэнси покачала головой.

— Вряд ли она там. Скорее застряла в отеле в Чинли. Уточните...

— Что ж, надеюсь, вы правы. — Незнакомец направился к двери и вышел наружу. Порыв холодного воздуха ворвался в магазинчик бензоколонки, обдав Нэнси снежной крупой.

— Удачи.

— Чао, синьорина.

Они решили направиться на север, хотя сперва им предстояло выбраться из ущелья Герн. Рако знал несколько тропок на северо-западном отроге каньона — там, где заканчивалась территория Руаннох Вера, однако, желая оторваться от шоретских солдат, беглецы отошли довольно далеко от этих мест. Теперь же они находились в восточной части ущелья, являвшейся исконной территорией сидского клана медведя. Однако Рако был с ней не знаком.

— Отец говорил мне, что наш клан занимался передачей посланий и торговлей с Дурганти и Кармала Сью, — горько прокомментировал он. — Ни один феин не знал каньон так хорошо, как мой народ. Теперь посмотрите: я даже не могу найти выход наверх.

— Не кори себя, Рако, — уверил его Малки. — Ты не виноват в том, что случилось с твоим кланом.

— Малки прав, — подтвердил Йиска. — Ты не должен взваливать все на себя.

Йиска чувствовал себя немного лучше. Пеший переход помог ему восстановить душевное равновесие. Ущелье было сказочно красиво, хотя и совершенно не похоже на каньон Ди

Челли. В восточной части оно оказалось менее бесплодным; то и дело путникам встречались маленькие водопады, каскадами сбегающие с гор. Стены ущелья были сложены из темного базальта и гранита, менее уязвимого для выветривания, нежели мягкий песчаник Аризоны.

Куда бы они ни шли, Пес неизменно следовал за Йиской, и тот время от времени поглаживал кудлатую шерсть на его шее. Йиска знал, что животные способны чувствовать боль и отчаяние людей. Поэтому индеец полагал, что теперь, когда он немного пришел в себя, собака отстанет. Но пока что Пес оставался рядом, и Йиска был благодарен ему за безмолвную поддержку.

И еще: было что-то неправильное в этом месте. Оно казалось Йиске странно опустошенным; здесь словно чего-то недоставало. Как раз тогда Талискер спросил, что значит «хозро». И Йиска понял, что именно тут неправильно...

— Это своего рода гармония. Жизнь в мире с духами местности и собственной душой. Мы называем это Путем Красоты.

Талискер кивнул.

— Так ты говоришь, в Сутре его нет?

— У меня такое ощущение. Я не могу описать словами. Странная пустота... — Он замолчал и посмотрел на Рако, который шагал чуть впереди. Йиска был поражен схожестью черт лица сида с индейскими; Талискер говорил ему, что сидский клан медведя в наибольшей степени похож на феинов; кланы рыси и орла — меньше. Не исключено, что Родни видел в своих снах именно их. Что, если между сидами и навахо существовала духовная, а может статься, и кровная связь? Он спросил об этом у Рако, но тот лишь пожал плечами.

— Вся наша магия исчезла. Даже Совет Темы бессилен. Он уже давно не посылает о себе вестей.

— Не рассказать ли Йиске, что происходит с его народом? — заметил Малки. — Могут найтись общие черты...

Туланн Третий гневно посмотрел на генерала. Глаза его метали молнии. Он теперь император, черт побери! Стало быть, его приказания должны исполняться — немедленно и беспрекословно. Так откуда впечатление, что все эти лакеи отца относятся к нему как к ребенку?

— Я повелеваю тебе! — повторил он, ненавидя свой тонкий ломающийся голос. — Мой отец должен быть отмщен. И быстро. С какой стати нам медлить? Чтобы дать феинам подготовиться к обороне? Мы атакуем Руаннох Вер через три дня.

— Ваше величество, — Заррус улыбнулся, — вы совершенно правы, и у меня нет никаких возражений. Вы необычайно мудры и проницательны — ваш отец гордился бы вами. Промедление позволит феинам приготовиться к битве...

Скажи это кто-нибудь другой — и слова показались бы чистой воды подхалимством. Однако Заррусу Туланн верил. Император Теброн высоко ценил этого человека. И пусть во многих отношениях отец был просто скучным старым дуралеем, зато в людях он разбирался. Заррус пользовался необычайной популярностью среди военных. Многие офицеры — и даже его соперники-генералы — отдавали должное профессионализму и воинским умениям Заррусa. Женщины обожали его, и мало какая из них отказалась бы пустить генерала в свою постель — хотя бы на одну ночь.

Туланн смерил генерала задумчивым взглядом. Что-то неуловимо изменилось в командующем, хотя юный император не мог понять, что именно. Заррус коротко остриг волосы, которые заметно потемнели; лицо его было бледно, под глазами залегли темные тени. Генерал выглядел утомленным и постаревшим. Впрочем, в последнее время у него было много дел...

— Ты здоров, генерал Заррус? — спросил Туланн.

— Да, сир. Спасибо за беспокойство. Я полагаю, что потеря вашего горячо любимого отца нелегко далась всем нам.

Вокруг стола послышались согласные шепотки. Туланн коротко кивнул и, подавив зевок, обвел взглядом советников, сидящих за длинным столом. Что ж, Заррус прав. Многие выглядели не лучшим образом. Почти все заметно нервничали, хотя, возможно, дело было не только в смерти Теброна. Несмотря на юные годы, Туланн был давно и широко известен в Дурганти как Принц-Отравитель. Молодой император обратил внимание на то, как много кубков с вином так и остались стоять на столе нетронутыми.

До ушей Туланна донеслось слово «осада».

— Осадное положение... — сказал Заррус.

— Нет-нет-нет, Заррус. Мы будет штурмовать Руаннох Вер. Никакой осады.

— У нас нет выбора, сир, — отозвался Заррус. — Руаннох Вер великолепно укреплен. До него нельзя добраться иначе, как по воде. Помимо этого там существует только одна подъездная дорога, ведущая вокруг озера. Единственное, что мы можем сделать, — отрезать их от мира и уморить голодом. Впрочем, им достанет припасов месяцев на шесть — по самым скромным оценкам.

Туланн Третий никогда не бывал в Руаннох Вере и не представлял, что город может оказаться таким крепким орешком.

— Как, во имя ада, йекты сумели построить такую крепость? — вслух размышлял он. — Все знают, что они глупы.

Заррус открыл рот, желая что-то сказать, однако передумал. Он кашлянул и покосился на советника Алмасея, взглядом ища поддержки.

— Вообще-то, сир, — вступил Алмасей, — я полагаю, что Руаннох Вер построили не феины. Так же, как и Сулис Мор

на севере. На некоторой стадии своей истории они, возможно, были похожи на нас...

— Йекты никогда не походили на нас, — желчно отрезал Туланн.

— Я... Я хочу сказать, сир... Они тоже были завоевателями, и эти города...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Алмасей. Итак, вот мое решение: мы выступим походом на Руаннох Вер и разберемся на месте. Может быть, мы закидаем его огненными стрелами или еще чем-нибудь... — Он неопределенно помахал рукой. — Кто ими правит, Заррус?

— Тан Сигрид, сир. Он довольно стар — старше вашего отца.

— Хорошо. Возможно, удастся заманить его к нам под предлогом переговоров и взять в заложники. — Туланн улыбнулся. — Запомните: три дня. Пусть люди будут готовы.

— Да, сир.

Туланн поднялся и вышел из комнаты, советники и генералы встали и поклонились. Когда закрылась дверь, они продолжали молчать, выжидая, пока император отойдет подальше. А потом все заговорили разом.

— Это безумие! — пожаловался Алмасей. — Приступом Руаннох Вер не взять. Нам останется только осада, хочет он того или нет.

— Да. — Заррус многозначительно посмотрел на дверь и хитро ухмыльнулся. — Но не вините юного императора за стремление отомстить убийцам отца. И у него есть кое-какие хорошие идеи о прорыве осады. Вполне возможно, что прав он, а не мы...

Алмасей озадаченно посмотрел на Зарруса, а затем перехватил его взгляд, обращенный в сторону двери.

— Да, верно.

— Заррус... Генерал Заррус. — Элен, единственная женщина среди генералов Шорета, постучала его по плечу. — Смотри.

До сих пор они думали, что старый советник Тави просто спит. Тот сидел, наклонившись вперед; его подбородок покоился на груди. Старику немудрено было задремать во время долгого собрания совета. Но теперь, когда они приблизились, стало очевидно, что советник Тави мертв.

Заррус ничего не сказал. Похоже, Туланн Третий станет гораздо более серьезной проблемой, чем представлялось.

За дверями Зала Совета Туланн тихонько рассмеялся. Смерть Тави не имела к нему ни малейшего отношения. У старика просто случился сердечный приступ. Однако советники сделали далекоидущие выводы, и Туланн не собирался их разубеждать. Это служило его целям.

Император отошел от двери и бесшумно зашагал по коридору прочь от Зала Совета.

* * *

— Это правда, Реби? Не могу поверить... — Генерал Везул, казалось, постарел лет на двадцать. Он полусидел в кровати, облокотившись на подушки. В серебристо-сером свете луны его лицо было мертвенно-бледным и неподвижным. Доброе, мудрое и властное лицо отца, которого Фереби так любила — хотя никогда не осмеливалась напрямую выражать свои чувства. Теперь же у губ генерала пролегли глубокие складки, а под глазами набрякли мешки.

— Кто тебе рассказал? — Она стояла возле самой двери, в любой момент готовая бежать. Сердце Фереби не желало верить, что отец способен предать ее и кликнуть стражу, но рассудок призывал быть настороже. Как и многие воины, генерал Везул спал с оружием у кровати, и когда Фереби вошла, его рука метнулась к рукояти меча. Правда, он не взял клинок...

— Из Дурганти прислали письмо с голубиной почтой. Говорят, что ты помогла йекту убить императора Теброна. Они животные, Фереби. Почему ты их защищаешь?

— Я бы не стала защищать йекта, если б он был виновен. Только это неправда. Я... я всю ночь была с ним. — Проклятые слова сорвались с ее губ, прежде чем Фереби успела осознать их смысл. Она ожидала гнева, вспышки ярости, изумления. Отец же лишь молча смотрел на нее — не скрывая изумления и все же ничего не говоря. Он ждал объяснений. — Мы только разговаривали. Клянусь...

— Не имеет значения. У меня приказ о твоем аресте. Полагаю, что любовная связь с йектом — наименьшее из твоих прегрешений.

Фереби кивнула. Отец был прав: это казалось ерундой в сравнении с цареубийством.

— Ты... ты не скажешь маме, правда?

— Итак, если ты невиновна, тогда кто же?

— Мы подозреваем... — Фереби задрожала. Непросто было произнести то, что она собиралась сказать.

— Отвечай, девочка.

— Мы уверены... Заррус. Генерал Заррус.

— Чушь!

— Это так, отец. Он был в Дурганти, когда мы разговаривали с императором, и...

— Вы говорили с императором?

— В ту ночь, когда он умер. Мы доставили ему доказательство, что шарды и флэйи получаются из людей. В том числе и из шоретов. Мне тоже больно, отец, и тем не менее мы не должны скрывать правду. Император узнал медальон, который мы с Рако нашли рядом с телом человека, убитого флэйем.

— Зачем Заррусу понадобилось убийство? У него и так было все — власть, авторитет, уважение императора, любовь его людей... Чего еще ему не хватало?

В коридоре раздались шаги. Возможно, кто-то из стражников услышал звуки, доносящиеся из покоев генерала. Шаги затихли возле входа в комнату, и Фереби с отцом замолчали. Кто-то стоял под дверью — тихо, прислушиваясь. Везул пробормотал несколько бессвязных слов — невнятно, будто сквозь сон.

— Надо уходить, — прошептала Фереби, когда шаги удалились. — Я изменница. Меня не должны застать здесь. Прошу, отец, подумай о том, что я сказала. Заррус опасен. Я не знаю, почему он все это делает, но берегись его.

— Куда ты, Реби?

— Не знаю. Пойду навещу Бурю. Как она?

— Она стала очень беспокойной после нападения на Кармалу Сью. Впрочем, свидание с тобой обрадует ее. — Генерал тихонько рассмеялся. — Если, конечно, мамонты умеют радоваться.

— Я вернусь домой, когда все утрясется. Обещаю. Скажи маме... скажи ей, что я не убийца.

— Она знает, Фереби.

— До свидания, отец.

— Да хранят тебя боги, дитя мое.

Когда за Фереби закрылась дверь, Везул снова улегся и еще долго вглядывался в темноту. Сон пришел только на рассвете.

Остаток ночи Фереби провела в обществе Бури. В стойлах было тепло и пахло навозом, но девушка давно привыкла к этому запаху. Минуло пять дней с тех пор, как она оставила Рако и остальных в ущелье Герн, — и шесть ночей со смерти императора Теброна. Фереби выбирала соломинки, застрявшие между пальцами ног, и вздыхала.

— Хотелось бы мне знать, как там Рако...

Буря тихо сопела. Определенно, она была рада снова видеть Фереби, хотя и впрямь вела себя неспокойно. Император не потрудился упомянуть, что один из мамонтов был убит флэем, и его смерть — вкупе с гибелью санаха — взбудоражила все стадо. Буря была рассержена и испугана происшествием, и это делало ее поведение непредсказуемым. Поэтому Бурю приковали за ногу, укрепив длинную цепь на металлическом столбе, вкопанном в пол. Глупо. Буря, если бы захотела, могла легко выдернуть столб из земляного пола. Фереби прислонилась к шерстистой ноге Бури, наслаждаясь теплом, и лениво заплетала в косичку клок ее волос — привычка, оставшаяся с детства.

Неуловимое изменение в поведении стада мгновенно насторожило девушку. С ранних своих лет она проводила много времени среди этих животных и знала их досконально. Странное беспокойство, внезапно охватившее мамонтов, не прошло для нее незамеченным.

Буря проснулась. Она не поднялась на ноги, но уши ее зашевелились, и хобот начал чуть заметно подергиваться.

— Тише, девочка, — прошептала Фереби.

Другие мамонты тоже проснулись. Они ерзали на соломенных подстилках и переговаривались, издавая глухие трубные звуки. Мать Бури, старая слониха по имени Мэйпл, подошла и положила хобот на голову дочери, будто утешая ее.

«Так вот оно что, — подумала Фереби. — Мамонты чувствуют опасность. Приближается враг».

После двухдневных поисков Рако удалось обнаружить путь наверх. На восточном склоне каньона, где с гор сбегал небольшой ручеек, сохранились остатки деревянных ступеней и деревянный же ворот — часть механизма, предназначенного для поднятия лошадей. Все это давно сломалось и сгнило, однако при должной осторожности лестницу можно было использовать.

Шел дождь — мерзкая серая изморось, подобно туману висящая в воздухе. Ступени были скользкими, обросшими мхом и лишайником. Некоторые из них провалились внутрь, а иные распадались под ногами, стоило лишь на них наступить. Кое-где сохранились фрагменты перил, и, придерживаясь за них, а также за валуны и корни деревьев, путники медленно, но верно продвигались вверх.

Путь был трудный. Морось скоро вымочила всех до костей, руки окоченели и потеряли чувствительность, вдобавок путешественники поминутно оскальзывались на влажных, гнилых ступеньках.

Рако взбирался третьим, вслед за Талискером и Малки. Медвежья лапа скорее мешала, чем помогала сиду. Он никак не мог поверить, что это его конечность, она казалась чужой, слишком неудобной и тяжелой. То и дело охотник пытался ухватиться огромными когтями Келлида за перила, предназначенные для человеческих пальцев, — и лапа срывалась так, что Рако то и дело рисковал свалиться вниз.

Йиска шел последним. Он был крепким и выносливым, и прежде ему нередко случалось лазить по горам. Однако у Йиски была дополнительная и крайне неудобная ноша: Пес. Еще в самом начале подъема стало ясно, что лестница слишком крута для собаки. Пес преодолел несколько первых ступеней, затем скатился вниз и жалобно заскулил. Йиска раздраженно посмотрел на него. Отношения между собаками и навахо сложно было назвать сентиментальными. Псы были по большей части рабочими животными, использовались для охраны овечьих отар и тому подобных вещей. Многие бродили по резервации сами по себе, наполовину одичав, и Пес, несомненно, относился к последним.

— Придется тебе поднять его наверх. — Малки остановился; остальным пришлось тоже остановиться.

— Он справится.

— Нет. Ступеньки слишком крутые.

— Куда же я его дену? У меня рюкзак...

— Рюкзак отдашь мне.

Делать было нечего. Йиска по цепочке передал рюкзак наверх Малки и взял Пса.

— А, черт, он воняет!

Казалось, все тело собаки состоит из острых выпирающих костей и длинных дрыгающихся ног. Йиска с Псом на руках представлял собой очень комичное зрелище, и его товарищи не сумели удержаться от улыбки. Сам же Пес остался вполне доволен и благодарно вылизал лицо Йиски.

Это произошло около часа назад. Кому как, а Йиске было совершенно не смешно. Пес оказался чертовски тяжел. По счастью, пролеты лестницы чередовались с небольшими площадками, где можно было передохнуть. На одной из площадок Йиска поставил Пса на землю, и тот немедленно принялся отряхиваться, обдав своего «носильщика» холодными брызгами.

Наконец лестница кончилась. Утомленные, насквозь промокшие путники выбрались на ровную поверхность. Йиска проволок Пса последние несколько футов и с большим облегчением швырнул его на траву. И лишь затем у него появилась возможность оглядеться.

До сих пор Йиска не задумывался над вопросом, какое сейчас время года, но если бы его спросили, он, пожалуй, сказал бы: осень. На самом деле обильная растительность в ущелье Герн создавала обманчивое впечатление — в Сутре была зима. Плато покрывал прозрачный сероватый лед. Вокруг царила странная тишина, словно воздушное пространство было заполнено ватой. Любые звуки быстро угасали в белесом мареве, висевшем в воздухе подобно туману.

Путники стояли на опушке леса. Голые сухие деревья простирали к небу перекрученные черные ветви. Они были мертвы, как и земля. И здесь Йиска с особой ясностью понял, что хозро Сутры ушло. Духи деревьев, скал и воды были недостижимы — или же вообще исчезли. Все почувствовали это. Талискер опустился на землю и коснулся ладонью травы. Хрупкие бурые травинки ломались под его пальцами, рассыпаясь в пыль.

— Что это? — выдохнул Малки. — Ты чувствуешь, Йиска? Будто бы нечто поразило землю в самое сердце.

— Да.

— Где мы, Рако? — спросил Талискер.

— Похоже, лигах в семидесяти на юго-восток от Руаннох Вера. Это южная оконечность Ор Койла. Знаешь здешние места?

— Нет.

— Ладно. Я иду в Руаннох Вер. Нужно предупредить тамошних жителей. Вы со мной?

— Бессмысленно. К тому времени, когда мы доберемся туда, будет уже слишком поздно. Если шореты и впрямь собираются атаковать город, они придут из Дурганти намного раньше нас.

— Сперва им придется осадить город, — заметил Малки. — Может быть, нам удастся...

Пес заворчал, шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Ложись! — прошептал Йиска.

Они скорчились за полусгнившей стеной, некогда огораживающей лебедку подъемной платформы.

— Тише, Пес, — приказал Йиска.

Удивительное дело: Пес повиновался. Несколько долгих секунд ничего было не видно. Ни один ветерок не колыхал черные ветви мертвого леса. Стояла абсолютная тишина.

А затем воздух наполнился звуками хруста и треска. Будто огромная толпа продиралась через лес не разбирая дороги. Несколько секунд — и путники увидели тварей.

Сотня шардов и около пятидесяти флэйев. Они быстро бежали вперед, стремясь к им одним известной цели. Шарды проламывались сквозь кусты и заросли, ломая и топча их. Флэйи двигались неслышно, словно вовсе не касаясь земли. Их ало-бурые, лишенные кожи тела мелькали там и тут между деревьями.

Йиска едва осмеливался дышать, боясь привлечь внимание монстров.

— Смотри, — едва слышно прошептал Рако, склонившись к самому уху Йиски. — Вон там...

Сперва Йиска не мог понять, куда надо смотреть. Лес кишел самыми отвратительными тварями, которых ему случалось видеть в своей жизни. И будь воля Йиски — он не смотрел бы вообще. Хотя несколько секунд спустя индеец понял, куда указывает Рако.

Эти чудовища отличались от шардов и флэйев и выглядели еще более мерзко. Темные тени, постоянно изменяющие форму, словно их тела состояли из огромного роя гадких насекомых. Йиска почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Талискер и Малки переглянулись.

— О нет! — простонал горец.

— Что это?

Талискер сплюнул, словно желая избавиться он неприятного привкуса во рту.

— Коранниды, — сказал он.

* * *

Фереби стояла на вершине смотровой башни, вглядываясь во тьму. Она знала, что это рискованно, что ее могут заметить. Особенно хорошо ее фигура была видна со стороны невысоких домиков, где ночевали санахи. Сейчас никто из них уже не спал: санахи услышали, как беспокоится стадо. В окнах домиков начали зажигаться огни, и Фереби была уверена, что скоро кто-нибудь явится проведать мамонтов.

Деревянная смотровая башня возвышалась прямо над каменоломней. Ее построили в то время, когда каменоломни были приспособлены под стойла для мамонтов — для передачи световых сигналов в Кармалу Сью.

Нынче ночью небо усыпали яркие звезды; северный ветер трепал волосы и одежду Фереби. Она вновь подумала о Рако: добрался ли он до Руаннох Вера, успел ли проскочить в город до начала осады? Если нет — тогда и ему, и пришельцам будет непросто попасть внутрь.

Фереби почудилось какое-то движение. Впереди, на севере. Она вгляделась во мрак. Должно быть, померещилось... Нет! Вот опять. Что-то приближалось. Целая орда непонятных существ двигалась к Кармале Сью с северо-востока.

— Боги! — Фереби сорвалась с места и ринулась обратно в каменоломню. Она подбежала к Буре, намереваясь снять с нее цепь, но тут распахнулась дверь, и вошел санах Велмер, облаченный в ночную сорочку.

— Что здесь...

— Велмер! Скорее! Кармале Сью угрожает опасность!

— Фереби Везул?! Что ты здесь делаешь? Тебя следует арестовать. Нам сказали, что ты... — Старик замолчал, когда Фереби вынула низ ножен меч и направила на него.

— Послушай меня, Велмер. Я не убивала императора. И феин тоже не убивал. В наших рядах измена, но сейчас дело не в этом. На Кармалу Сью идет армия. — Она кивнула на башню. — Я только что видела ее. Это правда. Они идут с северо-востока. Пойди и посмотри, если не веришь.

За спиной Фереби стадо сбилось в кучу, по краям стояли самцы, пряча за собой самок и детенышей. Велмер работал с мамонтами много лет, однако никогда прежде не видел ничего подобного.

— Я тебе верю, Фереби. Мы должны предупредить город. Если они идут с востока, как ты сказала, то могут ударить по жилым кварталам прежде, чем доберутся до цитадели.

— Возьми Бриз — это единственная самка без детеныша — и поезжай к западным воротам. Скорее!

— Да, да... — Велмер кинулся к Бриз и начал успокаивать ее, похлопывая по ноге и гладя хобот. Фереби опаса-

лась, что Бриз побоится уйти от стада, но слониха хорошо знала Велмера и доверяла старому санаху. — Что ты собираешься делать, Фереби?

Тем временем в пещеру прибежали и другие санахи. Увидев Фереби, они резко остановились.

— Делайте, как она говорит! — прокричал Велмер со спины Бриз. — Город в опасности!

— Все садитесь верхом! — Фереби бросила боязливый взгляд на самцов, однако понадеялась, что санахи совладают со своими питомцами. — С востока идет враг. Мы отведем стадо на побережье и предупредим Кармалу Сью, только надо поспешить. Давайте!

Пару секунд никто не двигался с места. Санахи стояли, молча взирая на Фереби, и она испугалась, что никто ее не послушает.

— Вы слышали? — прокричал Велмер, уже направляясь к воротам.

И вот стадо из тридцати мамонтов побежало к побережью, ведомое Фереби Везул, восседавшей верхом на Буре. За исключением санахов никто в Кармале Сью никогда не видел белого мамонта, но теперь это не имело значения. Буря впервые попала на открытое пространство, и чувство свободы взбудоражило ее так, что Фереби едва удавалось сохранять контроль над животным. И все-таки мамонты бежали прямо за ней, а Буря была едина со своими сородичами. Никогда прежде Фереби не доводилось видеть целого стада на марше. Мамонты слаженно неслись вперед, от их тяжелой мерной поступи гудела земля, и в недрах ее рождалось гулкое, рокочущее эхо. Фереби издала воинственный клич, и Буря, подняв хобот, протрубила в ответ.

Обогнув мыс, они приблизились к западной окраине Кармалы Сью. Повсюду в окнах городских домов уже горел свет, и по улицам катился звон набата. Увы! Лишь мирные жители — ремесленники, учителя, повара, каменщики, архитекторы, инженеры — населяли кварталы в восточной части Кармалы Сью, они беззащитны перед лицом опасности. Фереби молилась о том, чтобы успеть добраться туда вовремя — выдернуть людей из постелей и увести в безопасное место за стенами цитадели прежде, чем до них доберутся нападающие. Она гнала Бурю вперед, подбадривая ее криками. Шарды и флэйи — а это наверняка были они — слишком опасные противники, и не каждому воину удастся с ними совладать, не говоря уж об обывателях.

Издалека послышались крики. Кажется, помощь все же запоздала... Фереби вихрем промчалась по главной городской улице — как раз вовремя, чтобы увидеть первой волну тварей, ворвавшихся в восточные кварталы Кармалы Сью.

В городе воцарились хаос и ад кромешный. Женщины, прижимавшие к груди детей, бестолково метались по ули-

цам и кричали от ужаса — в то время как разумнее было бы тихо отсидеться в погребе. Шарды уже начали свой кровавый труд, убивая всех без разбору. Они хватали людей, переламывая их напополам точно прутики или отрывая головы и конечности.

Буря неслась во весь опор. Фереби слышала, как за спиной перекрикивались санахи. Они нервничали — и паника передавалась животным. Один из мамонтов, Торнак, протрубил сигнал к атаке и начал набирать скорость. Его седок ничего не мог поделать и лишь покрепче вцепился в шерсть на загривке мамонта. Не сбавляя темпа, Торнак растоптал шарда, подвернувшегося ему под ноги. Ярость битвы захлестнула мохнатого исполина, и он рвался вперед, чтобы убивать. Маленькая девочка оказалась на его пути; широко распахнутыми глазами она взирала на огромного зверя и не двигалась с места. Фереби задохнулась от ужаса, но тут, словно прочтя ее мысли, Буря врезалась Торнаку в бок, столкнув его с пути. Мамонт помчался дальше, а Буря осторожно обвила девочку хоботом и усадила к себе на спину, за Фереби.

— Да! Подбирайте их! — крикнула Фереби. — Подбирайте детей!

Кто-то из санахов услышал ее. Свешиваясь со спин мамонтов, они хватали детей и вздергивали их наверх. Фереби видела одного младенца, выхваченного из рук матери как раз в тот миг, когда шард схватил женщину сзади за горло. Молодая мать обезумела от страха, но Фереби показалось, что в ее глазах промелькнула искра облегчения. Прежде чем умереть, женщина успела увидеть, что ее ребенок спасен.

Шарды атаковали мамонтов дубинками и копьями, и странно высокие, полные боли крики огромных животных заставляли сердце Фереби сжиматься от отчаяния. Однако эти же звуки побудили людей сплотиться, а вид легендарного белого мамонта вдохнул мужество в сердца горожан. Они хватали любое оружием, которое только удавалось найти, и вступали в битву. В ход шли кочерги, грабли, мотыги и горшочки с кипящей водой — все, чем можно было поразить шарда, не приближаясь к нему вплотную.

Но тут в дело вступили флэйи.

— Нет! Не притрагивайтесь к ним! Не позволяйте им касаться вас! — надрывалась Фереби.

Увы, ее голос тонул в звуках схватки. Кто-то, впрочем, услышал, однако это принесло мало пользы: флэйи были невероятно быстры. Фереби не могла понять: то ли они так стремительно перемещаются с места на место, то ли просто исчезают из одной точки пространства, чтобы немедленно возникнуть в другой. Глаз не мог уловить легкое, мерцающее движение. И за каждым флэйем оставался след из ссохшихся мертвых тел.

Во всех домах горели ярко-оранжевые огни, затенявшие первый серый свет зари. Фереби подняла на спину Бури чет-

верых ребятишек и перепуганную девушку, понимая, что больше места нет. Она раздумывала, что делать дальше, когда увидела молодого мужчину с заступом в руках. Он отчаянно пытался защитить свою семью от нападения двух шардов. Фереби соскользнула со спины Бури и кинулась на помощь.

— Туда! — крикнула она. — Посади их на спину... — Мужчина отскочил назад и начал подталкивать детишек к мамонту, а Фереби заступила на его место.

Ей повезло: один из шардов отвлекся на мать семейства, которая огрела его по голове железным прутом. Со вторым же Фереби расправилась за несколько секунд — теперь она знала слабое место этих тварей. У основания горла, в углублении между двумя ключицами, находился участок мягкой, ничем не защищенной плоти.

Дети на спине мамонта закричали от страха, и Фереби резко обернулась. Возникший из ниоткуда флэй убил молодого отца и теперь приближался к Буре.

— Нет! Буря! — завопила Фереби.

Бесполезно. Она находилась в нескольких ярдах от мамонта, а флэй был так невероятно быстр. К ужасу Фереби Буря внезапно заинтересовалась тварью и потянулась к ней своим хоботом. Фереби ринулась к ним, споткнулась и упала на мостовую. Она тут же вскочила на ноги, но слишком поздно: флэй прикоснулся к Буре.

— О нет!.. — простонала Фереби.

Ничего не произошло. Флэй, не подозревая о том, что его прикосновение не возымело эффекта, двинулся дальше. Буря повернула голову к Фереби, ожидая дальнейших указаний.

Фереби подбежала к мамонту и обхватила руками огромный хобот.

— Буря, ты умная, умная девочка! — восклицала она, хотя неуязвимость Бури к прикосновениям флэйя навряд ли была ее заслугой.

Однако ликование Фереби не продлилось долго. Когда она снова взобралась на спину Бури, покряхтывающей под тяжестью восьми пассажиров, ее глазам предстала жуткая картина опустошения. Жилой район был разрушен. Кое-где еще кипели отдельные схватки с шардами, однако флэйи — безмолвные убийцы — сновали повсюду, оставляя за собой мертвые тела. С ужасом Фереби заметила, что они убивали шардов так же, как и людей. Два мамонта лежали на булыжниках мостовой; их огромные неподвижные тела казались островками безмятежности в хаосе битвы. Мамонты были мертвы.

Кое-где в городе разгорались пожары, там и тут в небо поднимались столбы зловонного черного дыма. Разгоравшийся рассвет являл глазам картину кровавой резни. Восточные кварталы кишели демонами.

— Фереби...

Она обернулась, утирая ладонью слезы со щек. Перед ней стоял отец с сотней шоретских воинов. Лицо его было бледным, но решительным. Генерал приказал своим людям перекрыть улицы баррикадами, собранными из подручных средств. Слабая защита — это понимали все. Врагов слишком много. Падение Кармалы Сью — лишь вопрос времени...

— Собери детей и женщин, — сказал Везул. — Прикрой их своими драгоценными мамонтами и веди в Дурганти.

— Отец, я...

— Выполняй, лейтенант Везул.

— Да, сэр.

Фереби оглянулась только один раз, и отец смотрел ей вслед. Она отсалютовала ему мечом. Это было все, что она могла сделать, дабы сказать «прощай».

ГЛАВА 11

Горза застонал, когда ледяная соленая вода потекла по его спине, точно огнем обжигая разодранную хлыстом кожу. Такова цена поражения, если твой начальник — генерал Заррус. Горза знал об этом, когда возвращался в Дурганти, однако он уважал суровую дисциплину, царящую в армии, и понимал генерала.

Инквизитор помотал головой, стряхивая воду с волос, отошел от столба и взял свою куртку. Пошарив по карманам слегка подрагивающей рукой, Горза извлек серебряный дерз.

— На. — Он кинул монету ожидающему палачу, который ловко поймал ее на лету. — Подавись.

Палач ухмыльнулся. Грубость Горзы ничуть не задела его, главное — он получил плату. Когда палач повернулся, намереваясь уйти, Горза крикнул ему вслед:

— Я должен встретиться с Заррусом! Скажи генералу, что мне нужно его увидеть.

Горза не имел ни малейшего понятия, услышал палач или нет и намерен ли передать сообщение. Он сел и ополоснул лицо, смывая кровь с искусанных губ. Дверь была открыта. Он мог спокойно уйти и заняться своими делами, однако не торопился. Армия отбыла в Руаннох Вер, но Горза знал, что Заррус остается в Дурганти.

За спиной послышались размеренные, как будто насмешливые хлопки в ладоши.

— Браво. — Заррус вошел в барак и теперь стоял возле двери, любуясь узором кровавых следов на спине Горзы, словно они были великолепным произведением искусства. — Вот что

Заррус сардонически ухмыльнулся, чувствуя, что подчиненный обрел силу, которой достанет, чтобы разделить его устремления — по крайней мере на некоторое время. Впрочем, теперь Горза знает чересчур много, а стало быть — он обречен.

— Отправляйся в тот, другой мир, Горза. Мне нужна твоя помощь.

Снова шел дождь. Он не прекращался последние три дня — странно гнетущий дождь, который лишил окружающий мир красок и сделал его серым и безжизненным. Земля в мертвом лесу промерзла так, что вода просто стояла на поверхности и собиралась в любом углублении. Поэтому путешествие было мрачным и утомительным. То и дело приходилось устраивать привалы, чтобы отдохнуть и подкрепиться скудной дичью, которую удавалось поймать в мертвых чащобах Ор Койла.

На одной из таких остановок путники съели костлявого кролика, которого с грехом пополам приготовили на хилом дымном костре. Дрова отсырели, и пламя то и дело приходилось раздувать. В рюкзаке Йиски нашлась зажигалка, и Талискер с радостью ею воспользовался, хотя до того неоднократно ворчал насчет «первого куска пластмассы, попавшего в пределы Сутры».

Еще дважды они видели орды тварей, бежавших через лес. Трудно было понять, откуда берутся эти монстры, поскольку они возникали с разных сторон. Казалось, будто какая-то гигантская рука просто помещает их в лес.

По мере того как странники продвигались на север, Ор Койл мало-помалу принимал более естественный вид и производил впечатление обычного леса. Из ветвей раздавалось пение птиц, и этот звук немного примирил путников с реальностью. Они сами не понимали, как недоставало им птичьих трелей, пока не услышали их.

Они поняли, что находятся на уровне Руаннох Вера, увидев в отделении шоретские разъезды. Всадники передвигались по краю озера, над которым был выстроен древний город. Было очевидно, что осада началась.

— Что же делать? — в отчаянии бормотал Рако. — Мне непременно нужно попасть в город.

— На кой черт тебе туда надо, парень? — спросил Малки. — Ты все равно не успел никого предупредить — шореты уже подошли. У тебя там семья?

Рако покачал головой:

— Нет, семьи нет. То есть... Там живет много моих сородичей. Сиды из клана медведя поселились в Руаннох Вере, когда шореты забрали наши города. Мы взялись охранять и оберегать его — и вот теперь шореты добрались и сюда. Последовали за нами словно чума.

— А как насчет клана рыси, Рако? — спросил Талискер. — Я думал, именно они должны быть стражами Руаннох Вера.

— От клана рыси мало что осталось, Талискер, и клан волка тоже сильно ослаблен. Только орлы и медведи еще более или менее многочисленны... ну, если сравнивать их с другими кланами. А вообще-то все сиды сейчас разобщены, рассеяны и бессильны.

— Мне жаль, Рако. У меня было много друзей в кланах волка и рыси. И у Сандро тоже.

— Ну, кое-кто все же остался. Ты можешь поговорить с Советом, когда попадешь в Сулис Мор. А я не пойду на север. Мне нужно попасть в Руаннох Вер. Если я расскажу тану Сигриду правду об убийстве императора, возможно, мы сумеем договориться с шоретами.

— Рако, если с нами не будет сида, то Совет скорее всего просто не станет нас слушать.

— Точно. Ты нам нужен, парень, — поддержал его Малки.

— Шореты — воинственный народ, — заметил Йиска. — Они захватывают земли и продвигаются дальше. Если новый император решил затеять осаду, я не вижу, что может заставить его передумать.

— До тех пор, пока я не познакомился с Фереби Везул, я бы согласился с тобой, Йиска. Но она не показалась мне хладнокровной убийцей.

— Знать своего врага — опасная вещь. Знать их жизни, их надежды, их детей... Это может смутить воина и сбить его с пути.

Рако угрюмо кивнул.

— Вот что я тебе скажу, — вмешался Талискер. — Если мы на несколько дней заглянем в Руаннох Вер, пойдешь ли ты с нами в Сулис Мор?

— Туда невозможно попасть, — возразил Рако. — Если мы и преодолеем линию фронта, то нас обязательно схватят позже. И вряд ли я долго проживу, угодив в руки шоретов. А с озера входа нет, даже на лодке...

— Здесь есть подземный ход. И я знаю, где он находится.

Эффи настояла на своем. Она препиралась с Рене и Милли до тех пор, покуда женщины наконец не согласились дать ей немного бензина для джипа.

— Это опасно, Эффи, — убеждала Рене. — Иначе двести человек не стали бы задерживаться в каньоне. Как ты понимаешь, у этих людей есть работа и прочие дела в других местах. И тем не менее...

Ну да. Видно, эти их дела не так уж важны. А вот у Эффи и впрямь есть веская причина оказаться в другом месте — и как можно скорее. По крайней мере так она говорила себе в приступе упрямой ярости. Никому здесь не было дела до Эффи.

Друзья бросили ее при первой же возможности среди чужих. Милли и Рене добры и гостеприимны, но Эффи полагала, что они считают ее истеричной, неуравновешенной девицей, которую нельзя оставлять одну в комнате с острыми предметами.

Итак, в конце концов она добилась своего. Рене согласилась заправить машину, чтобы Эффи могла вернуться в Чинли. И девушку не покидало чувство, что обе женщины будут счастливы сбыть с рук сумасбродную шотландку.

Эффи проехала примерно полдороги, когда колесо засело в большой выбоине, припорошенной снегом. Позади и внизу еще виднелся лагерь навахо и вход в пещеру Мумии. Хорошо, что оттуда нельзя разглядеть ее машину, прикрытую гребнем скал. Ладно, возможно — только возможно, — Рене Йаззи права, но это не означает, что Эффи собирается пойти пешком обратно вниз и выпить горькую пилюлю унижения! У нее с собой было немного еды: Рене настояла, чтобы девушка упаковала провизию и термос с кофе, а еще в рюкзаке лежит плитка шоколада. Эффи решила переждать ночь. Ей удалось убедить себя, что утром воздух здесь станет теплее, и снег подтает.

Она стояла возле машины, теребя кончики шарфа, когда впервые заметила в каньоне нечто странное. Очень и очень странное.

— Господи Иисусе, — пробормотала она. — Что там за чертовщина?

Взяв бинокль, который Рене забыла на приборной панели, Эффи посмотрела вниз. И в этот момент до нее донесся первый крик.

Что-то изверглось из пещеры — облако тьмы, напомнившее Эффи кинопленку с сожженной эмульсией, черная дыра в окружающей реальности. Послышался низкий рокочущий звук. Эффи увидела людей, бегущих прочь от пещеры — в сторону реки. Когда черное пятно исчезло, на его месте разлился белый слепящий свет, и из этого мерцающего круга один за другим начали выходить люди. Несколько верховых и еще десятка три пеших. Они остановились недалеко от пещеры — наверное, пытаясь сориентироваться, — и Эффи заметила, что некоторые из навахо возвращаются, не в силах совладать с любопытством.

— Бегите, — пробормотала она.

Девушка посмотрела в сторону речного берега и увидела тетушку Милли и Рене Йаззи, которые скорчились за большим валуном. Родни нигде не было. Вновь наведя бинокль на пещеру, Эффи изумленно вздохнула.

— Что за дьяво...

Странная группа напоминала авангард средневековой армии. Всадники были облачены в черную одежду, поверх

которой виднелись доспехи. На головах сверкали серебристые шлемы, с седел свисали мечи. Люди на лошадях были похожи — бледная кожа, светлые брови и, вполне возможно, хотя отсюда не разглядеть, голубые глаза. Волосы, выбивающиеся из-под шлемов, казались белокурыми.

Но вскрик страха и отвращения вызвали не всадники, хотя они выглядели зловеще, а сопровождавшие их пехотинцы.

Несколько долгих секунд Эффи рассматривала странных созданий, будто охваченных синеватым свечением. Затем ее взгляду предстал человек с красновато-бурой, лишенной кожи плотью. Эффи снова вскрикнула и едва не выронила бинокль, борясь с тошнотой.

— Боже, какая гадость, — простонала она.

— А можно мне посмотреть? — раздался голос у нее за спиной. Знакомый голос.

Эффи обернулась, не осмеливаясь поверить.

— Дядя Сандро! Слава богу, ты здесь! — Она кинулась ему на шею, едва не задушив в порыве энтузиазма.

Казалось, Сандро позабавило ее приветствие, и он заверил Эффи, что тоже счастлив ее видеть.

— Где Дункан? — спросил он, поднеся бинокль к глазам. — Ого!..

Подавшись назад, Сандро рефлекторно отвел девушку себе за спину.

— Что происходит, Эффи?

— Тебе должно быть виднее, — отозвалась она. — Мне сказали, что проход в Сутру там внизу, в пещере Мумии.

Прежде чем Сандро успел ответить, в каньоне раздался выстрел: кто-то из навахо пальнул из винтовки в странную армию. Эхо отдалось от стен каньона, как далекий раскат грома. Пуля полетела в направлении всадника. Последовала голубоватая вспышка, и кусочек свинца отклонился в сторону, не долетев добрых нескольких футов. Казалось, прицельцы защищены сильной магией.

— Проход в Сутру! Черт! — простонал Сандро. — Сдается мне, Дункан оставил его открытым.

Лэйк обрел новых верных поклонников среди подростков-навахо. Теперь он демонстрировал им свои боевые навыки, сбивая пластиковые бутылки с крыши машины эффектными каратистскими ударами.

— Этому приему меня научил Джеки Чан, — небрежно сказал он.

Ребятишки зааплодировали. Они были в восторге — чего не скажешь о Лэйке. Он отлично сознавал, что все эти выкрутасы при внешней красивости не стоят и выеденного яйца. У Лэйка был черный пояс, но в последние годы он запустил занятия и не был уверен, что выстоял бы в настоящем спарринге со сколько-

нибудь умелым противником. Даже сейчас, хотя Лэйк не сделал ничего особенного, он чувствовал, что сбивается дыхание. Поэтому и решил объявить перерыв, опасаясь «потерять лицо».

— Ладно, перекур, — ухмыльнулся он. — Мне нужно... поговорить с дядей. Скоро вернусь.

Мальчишки захлопали в ладоши. Лэйк сделал вид, что стряхивает с плеча невидимую пылинку, и одарил толпу лучшей из своих «голливудских» улыбок.

— Спасибо, спасибо. Продолжение следует.

— Что за ерундой ты занимаешься, Дэвид? — мрачно спросил Родни, когда Лэйк подошел к нему.

— Да так, ничего особенного, сичей. — Лэйк пожал плечами. — Ребятишки скучают. Вот я и...

— Ты уже занял у матери? — Родни остановился перед большим валуном и принялся стряхивать с него снег. Казалось, это занятие поглощало старика без остатка.

— Что?

— Деньги, разумеется. Иначе зачем бы ты приехал?

Лэйк покраснел.

— А может, я просто хотел ее повидать? Майкл говорил, что ей нездоровится. И кстати, где он?

Родни неопределенно пожал плечами.

— Так сколько тебе надо?

Последовала пауза. Лэйк думал, стоит ли дальше отрицать очевидное, — и решил, что в этом нет смысла. Черные глаза старика, казалось, видели его насквозь.

— Десять тысяч долларов, — промямлил он.

Родни недоверчиво рассмеялся. «Неужели ты и впрямь столь наивен и искренне веришь, что у матери найдется такая сумма?» — слышалось в этом смехе. Вот только Лэйку было ни чуточки не смешно.

— Веселишься, старик? — Лицо Лэйка утратило свое обычно мягкое выражение, вокруг его губ залегли горькие складки. — Я задолжал серьезным людям, и если не верну деньги — с процентами, — то у меня будут большие проблемы.

— А кто виноват? На что ты тратился все это время? На азартные игры? На кокаин? — Родни отвернулся, но Лэйк схватил его за плечо — более резко, чем намеревался.

— Приходило ли тебе в голову, что я бы мог возвращаться сюда чаще, если бы вы все не были такими чер...

Не стоило Лэйку так грубо обращаться с сичеем, не стоило дерзить ему. Возможно, он серьезно поплатился бы за свое поведение, однако в этот миг раздался гул, и из пещеры Мумии выплыло облако тьмы.

— Что за фигня? — Лэйк посмотрел на Родни и был ошеломлен, увидев, как побледнело лицо старика. Актер обернулся к пещере. Люди в панике бежали прочь от входа, где тьма сменилась сияющим белым светом. Раздался вопль ужаса: один из подростков, с нетерпением ожидавших представления Лэйка, попятился, указывая на пещеру. Это был тот самый мальчишка, которому актер отдал «Хершис», наказав непременно поделиться с друзьями. Лэйк заметил, что его карманы до сих пор набиты конфетами.

— Там... там...

— Тс-с-с. — Лэйк затащил Родни и мальчишку за ближайший валун. — Оставайтесь тут. — Затем он пополз вперед и осторожно выглянул из-за камня — как раз в тот момент, когда раздался первый выстрел.

У входа в пещеру стоял отряд из десятка всадников. А вместе с ними...

— Боже, — прошептал Лэйк. — Это... это что, инопланетяне?

Вопреки предупреждению Родни выбрался из-за валуна и встал рядом с ним.

— Майкл не предупреждал о таком. — Он нахмурился.

— Сичей, прячься! — прошипел Лэйк; старик стоял в полный рост, не делая попыток укрыться.

Слишком поздно. Один из воинов повернул лошадь к стене каньона и увидел прямо перед собой индейцев. Он вынул меч и поскакал в сторону валуна, сопровождаемый тремя чудовищами. Лэйк быстро оценил ситуацию и повернулся к мальчишкам.

— Бегите!

Ребятишки брызнули в разные стороны, что несколько смутило всадника и его жуткий конвой. Двое мальчишек промедлили и забились в руках чудовищ, однако остальным удалось убежать.

— Эй, вы! Я здесь. Идите сюда! — заорал Лэйк. Он выскочил из-за валуна, подхватив шест, который намеревался использовать для выступления перед подростками.

Одна из тварей рванулась к нему, и Лэйк осыпал ее градом ударов. Они были недостаточно сильны, чтобы свалить пришельца с ног, и все-таки держали чудовище на расстоянии.

Боковым зрением Лэйк заметил, один из мальчишек пнул схватившую его тварь так, что она разжала руки, и паренек оказался на свободе. Он побежал по снегу и быстро исчез среди валунов.

Лэйк облегченно вздохнул, однако тут же увидел, что всадник направляется к нему. Положение становилось угрожающим. Лэйк сильно ударил нападавшее на него чудовище в грудь, опрокинув его навзничь. Затем поудобнее перехватил шест, взяв за один конец точно копье, и кинулся навстречу всаднику. Кончик шеста попал всаднику в ребра, скинув его с лошади. Конник рухнул, выкрикивая проклятия на каком-то странном языке. Лэйк,

задыхающийся и перепуганный, отскочил назад и потряс шестом в воздухе.

— Так-то, урод! Получил?!

Его триумф, однако, был недолгим. Тварь, которую актер свалил с ног и оставил позади, позабыв про нее, зашла со спины и выдернула шест из руки Лэйка. Прочное дерево переломилось в лапах монстра будто соломинка. Чудовище схватило Лэйка за шею и поволокло по снегу. Он заметил мальчишку с конфетами в карманах, которого тащили туда же. Воины и их подручные-твари сгоняли всех пленников ко входу в пещеру, словно стадо овец. Когда Лэйка протаскивали мимо воина, все еще лежавшего на земле, он с энтузиазмом плюнул в его сторону.

— Мы еще встретимся, — сказал Лэйк.

Найти туннель оказалось несложно, а вот попасть в него... Поскольку он располагался в каких-нибудь пятистах ярдах от края озера, путникам пришлось пройти очень близко от шоретских патрулей. К счастью, стражники здесь были немногочисленны. Дальний край озера охранялся не слишком бдительно, поскольку шореты не опасались проникновения в Руаннох Вер с этой стороны.

Прежде чем путники добрались до туннеля, они увидели на берегу мертвые тела. Несколько феинов пытались сбежать через озеро в крошечных рыбацких лодочках, но патрульные засекли их. Убегавшие были убиты — преданы мечу; их тела остались валяться в кустах — там, где люди и погибли. Рако, ныне осведомленный о погребальных ритуалах шоретов, разозлился вдвойне. Мужчины, женщины и двое детей были зарезаны как бессловесный скот. Шореты не распяли никого из них, души этих людей были оставлены на произвол судьбы.

Талискер ничего не сказал — лишь стиснул плечо Рако в ободряющем жесте. Йиска, проведший всю свою жизнь в цивилизованном мире и непривычный к картинам резни, тоже был в ужасе, хотя совсем по другой причине.

— Их убили, — сказал он. — Это не поле боя. Их просто зарезали.

Он тронул тело мертвой женщины, которая пустыми глазами смотрела на город, некогда бывший ее домом.

— Пошли. Надо двигаться, Йиска. У нас осталось минуты три до подхода следующего патруля.

— Да... Идем...

Воины заглянули в шатер, выволокли несколько пленников и увели их с собой. Среди пленных оказался и мальчик с конфетами. Он был старше, чем показалось Лэйку вначале, когда они встретились на дороге, — лет, пожалуй, пятнадцати. Прохо-

дя мимо Лэйка, он коротко улыбнулся и гордо вскинул голову. Его карманы все еще оттопыривались от шоколада, и эта детская любовь к сладкому резко контрастировала с его бравадой. Лэйк почувствовал нарастающую волну страха. Он уже готов был сделать благородный жест и предложить себя вместо мальчика... но отчего-то промолчал. Среди пленников он отыскал мать и тетушку Милли; обе были невредимы, только перепуганы до дрожи.

— Как ты думаешь, что им нужно? — прошептала Милли. — Возможно, они хотят допросить нас и получить информацию о нашем мире.

Похоже, все считали, что странные люди — инопланетяне, а их странная магия — на самом деле технология, далеко обогнавшая земную.

Внутри шатра пленники сбились в маленькие группы и тихим шепотом разговаривали; они были испуганы и потрясены, однако не поддались панике. Все стояли, поскольку земля была влажной от снега, превратившегося под ногами в бурую грязь. Лэйк беспокойно поглядывал на Родни. Старик тихо напевал что-то себе под нос; глаза его были закрыты, а на лице застыло странное отрешенное выражение.

— Что он поет? — спросил Лэйк у матери.

— Это часть Пути Призрака, — отозвалась та. — Родни считает, что люди без кожи и светящиеся твари — это чинди. — Рене покачала головой. — Несколько недель назад Родни видел во сне свою смерть. Он полагает, что не переживет нашествия.

Лэйк нервно переступил с ноги на ногу и дрожащими руками зажег сигарету.

— Да тут кто угодно не переживет, — пробормотал он, глядя сквозь прозрачную стену их странной тюрьмы на пленников, которых увели на допрос.

— Нет, Родни говорит, что скоро подоспеет помощь, — возразила Рене.

— Мне страшно, дядя Сандро.

— Я знаю, Эффи. Но иногда нам приходится действовать, невзирая на страх. Мы могли бы убежать отсюда, да что будет с ними? — Сандро кивнул вниз, на каньон Ди Челли. В разоренном лагере воцарилась тишина. Снова шел снег. Странные воины прочно обосновались перед пещерой Мумии, и их намерения уже не вызывали сомнений. За последний час они прикончили восемь человек.

Сперва чудовища, лучащиеся синим светом, обыскивали долину каньона, вылавливая убежавших. Однако они не убивали своих пленников на месте, а волокли к пещере, где расположились воины. Пришельцы возвели здесь своего рода тюрьму —

странный прозрачный шатер, окруженный паутиной лучей голубоватого света.

— Действует какая-то магия, — объяснил Сандро Эффи. — Похоже, лучи мешают людям выбраться наружу.

Навахо тоже заметили эту особенность прозрачной тюрьмы, и те, кто еще не был пойман, начали сражаться более яростно. Однако человек не мог тягаться в силе со светящимися тварями, и сопротивление лишь приводило к печальным последствиям. Разбитые носы, синяки, ссадины, сломанные ребра — таковы были результаты безнадежной борьбы.

Тетушка Милли и Рене Йаззи не сопротивлялись, когда их поймали, а поэтому отделались легким испугом. Но некоторые из молодых людей были настроены решительно. Кто-то завел один из джипов и погнал его на полной скорости в направлении лагеря пришельцев. Покрышки скользили по снегу, рессоры стонали, словно машина была живым существом. Эта отчаянная попытка противостояния ободрила пленников, и все же закончилась она крахом.

— О нет, — прошептал Сандро.

Достигнув периметра лагеря пришельцев, джип налетел на невидимый барьер. Капот машины сложился гармошкой, как будто автомобиль ударился о стену каньона. Передние дверцы распахнулись, и два молодых человека вывалились наружу, очевидно, опасаясь, что машина взорвется. С наблюдательного пункта Сандро и Эффи было видно, что оба парня пострадали — пассажир больше, чем водитель. Его нога вывернулась под странным углом и была в крови, однако молодой навахо все еще пытался удрать.

Правда, бежать было некуда: юношу окружили шарды. Его и еще нескольких молодых людей приволокли к предводителю воинов и принудили опуститься на колени, а предводитель заговорил с ними, разъезжая на лошади взад-вперед.

— Не нравится мне это. — Сандро рефлекторно пытался загородить Эффи обзор, стараясь избавить девушку от жуткого зрелища, но она рвалась посмотреть. Завороженная ужасом Эффи не могла заставить себя отвернуться.

Эффи — дитя цивилизованного мира — не знала, что должно произойти, не подозревала и не готовилась к жуткой сцене. А вот Сандро знал; он просто чувствовал, что грядет...

...И Лэйк тоже почувствовал. Неожиданно его накрыла волна ужаса и отчаяния. Миг — и он понял все.

— Нет! — крикнул Лэйк.

Воины убили юношей. С наблюдательного пункта Эффи и Сандро все было видно как на ладони: всадники разъехались в стороны, и вперед вышли несколько монстров. Они прикоснулись к юношам, и те беззвучно упали. Один-единственный

крик вырвался у бедолаги, которому выпало оказаться последним, — он успел осознать, что его ожидает.

Лэйк тоже вскрикнул.

— Это тот паренек! Мальчишка, которому я отдал конфеты! Он же еще ребенок! Всего лишь ребенок... А я собирался пойти вместо него... Я...

На несколько мучительных секунд воцарилось молчание. Когда мальчик повалился ничком, что-то посыпалось из кармана его куртки. Конфеты — цветные пятна на белом покрывале снега. Ветер подхватил их и унес прочь.

Сандро забеспокоился. Дыхание Эффи, и без того тяжелое и натужное, превратилось в стоны. Когда она окончательно захлебнулась воздухом, Сандро прикрыл ей рот ладонью и прижал девушку к груди.

— Тише-тише... Эффи, посмотри на меня. Посмотри на меня! — Она уставилась ему в лицо расширенными от ужаса глазами. Сандро медленно убрал руку, готовый снова прижать ее к губам Эффи, если у нее вырвется крик.

— Они... они уби... убили их...

— Я знаю. Мне жаль, что не удалось оградить тебя от этого зрелища. Ты в порядке?

— Н-нет. — Зубы Эффи выбивали дробь. Она неожиданно остро ощутила холод воздуха. — Нет.

— По крайней мере они умерли быстро, — сказал Сандро.

Эффи вздрогнула и уставилась на него. Она не могла понять, как ее любимый, добрый дядюшка в единый миг превратился в бездушное чудовище и принялся спокойно рассуждать об этом жутком, леденящем кровь зрелище.

— Как ты можешь так говорить?! Они же мертвы. Черт возьми, они мертвы! — Голос Эффи сорвался; она отчаянно зарыдала.

— Знаю. — Сандро ничуть не обиделся. Именно в этот момент Эффи осознала, что больше не сомневается в существовании Сутры. Алессандро Чаплин видел сражения много раз. Видел, как убивают людей — возможно, гораздо более жестоко. И наверняка сам убивал в бою...

Казалось, Сандро прочел мысли Эффи. Обняв ее за плечи, он проговорил:

— Это никогда не дается легко, Эффи. Никогда.

Они вернулись в машину и завели мотор, чтобы немного согреть салон. Эффи разлила по стаканчикам остатки кофе из термоса. Стоял ранний вечер, но снаружи быстро темнело: приближалась очередная буря. Небо сделалось беспросветно серым, из низких облаков повалили огромные снежные хлопья.

— Наверное, нам стоит остаться здесь до утра, — жалобно сказала Эффи. — А затем отправимся за помощью.

Сандро покачал головой:

— Нет.

— Нельзя же просто бросить их!

— Не забывай, дорога перекрыта, — возразил Сандро. — И в любом случае кто нам поверит?

— Всех этих людей будут искать.

— Большинство из них живет в каньоне, Эффи.

— Так что же нам делать? — Эффи было совсем худо. Вдобавок ко всем прочим несчастьям кофе не пошел на пользу ее желудку. Живот свело спазмом, и Эффи ощущала настоятельную необходимость поесть. А между тем ее желание было неосуществимо.

Боль в животе доставила Эффи какое-то мрачное удовлетворение: жизнь возвращалась на круги своя. «Просто отлично! Мир сошел с ума, а ты только и думаешь, где бы добыть жратвы».

Сандро вздохнул.

— Неприятно это говорить, но мы должны отправиться туда и вызвать Талискера или еще кого-нибудь из Сутры. Я понятия не имею, с чем мы столкнулись, однако по сравнению с этими тварями скоор выглядит просто милашкой.

— Кто?

— Да так... Послушай, нам придется спуститься и пройти сквозь врата.

— Так мы же не можем! — Эффи даже не пыталась скрывать свой страх. — Они расположились прямо перед пещерой.

— Надеюсь, нам удастся проскользнуть мимо них ночью. Мы должны попробовать, Эффи.

— Мне страшно, дядя Сандро.

Не только Эффи было сейчас страшно. Пленники, запертые в колдовском шатре, умолкли; многие из них расселись прямо на влажной от снега земле. Они устали, потому что страх утомляет. Родни по-прежнему напевал что-то себе под нос, а Лэйк курил седьмую сигарету подряд. Его глаза, скрытые зеркальными солнечными очками, были красны от слез.

Ночью поднялась буря. Это была самая отвратная погода, которую каньон Ди Челли видел за последние десять лет, но для Сандро и Эффи она стала настоящим подарком. Снежный буран резко снизил видимость, и Сандро полагал, что любой часовой на посту будет озабочен не столько охраной и наблюдением, сколько попытками согреться.

— Мы не знаем этого наверняка, — ныла Эффи. — Может, эти твари вообще не чувствуют холода. Что, если они нас заметят?..

Сандро наблюдал за лагерем до часу ночи. Эффи тем временем дремала в джипе: она устала бояться, и сон сморил

ее. Ей по-прежнему хотелось есть, но провизия подошла к концу. В кабине делалось холоднее, однако Сандро не решался завести мотор, опасаясь, что пришельцы услышат. Поэтому Эффи закуталась в одеяла, которые Рене положила в джип перед ее отъездом.

При мысли о тетушке Милли и Рене Йаззи Эффи начинала испытывать жуткие муки совести: она вела себя как неблагодарная тварь, а ведь они всего лишь пытались ей помочь. Что-то с ними теперь? Эффи могла только надеяться, что у нее будет возможность попросить прощения.

Послышался легкий щелчок: Сандро открыл дверцу джипа.

— Эффи, нам пора.

Она выбралась из джипа, морщась от холодного ветра. Сандро поплотнее обернул одеяло вокруг плеч девушки и приобнял ее за талию.

— Как ты себя чувствуешь?

— Плохо... Хорошо... Не знаю.

— Послушай меня. Если нам придется разделиться — постарайся добраться до врат. Найди Дункана или...

— Что?

— Или человека по имени Мориас. Хотя нет, не бери в голову... Просто найди Дункана.

— Мы будем искать его вместе, дядя Сандро, — твердо сказала Эффи.

— Надеюсь. О, кстати! Тетя Беа просила передать тебе... — Сандро порылся в кармане и вынул маленькую коробочку. Открыв ее, Эффи улыбнулась. Это был медальон с изображением святого Христофора — немного поменьше того, что мама подарила Талискеру и явно предназначенный для женщины.

— Он освящен самим Папой, — объяснил Сандро.

— О. — Эффи не знала, что сказать, и показала дяде медальон, который уже носила. — Мама подарила его Талискеру, — объяснила она. — А Талискер отдал мне...

Сандро кивнул.

— Вот уж не думал, что Дункан расстанется с этой вещью. Он очень ею дорожил.

— Ладно, буду носить оба на одной цепочке, — решила Эффи. — Надену, когда руки перестанут дрожать.

Сандро тихо рассмеялся и обнял ее.

— Нам пора.

Сперва все шло хорошо. Эффи и Сандро незамеченными спустились ко дну каньона. Снег одновременно и мешал, и помогал их продвижению. Эффи натянула на голову капюшон парки и обернула лицо шарфом. Она и не пыталась разглядеть окружающую действительность, а просто шла по следам Сандро, видя

впереди только его спину. Сандро шагал медленно, со всей возможной осторожностью — чтобы не привлечь ненужного внимания. Несколько раз Эффи натыкалась на него, когда он останавливался, дабы убедиться, что путь свободен.

Перед самой пещерой располагался шатер, где держали навахо. Он был переполнен до отказа; люди сгрудились вместе, пытаясь сохранить тепло, поскольку прозрачные стены почти не защищали от холода. До ушей Эффи донеслись приглушенные всхлипы, и ее сердце сжалось от жалости. Она сама готова была заплакать. Поддавшись неожиданному порыву, Эффи сошла с тропы и направилась к шатру, по колено увязая в глубоком снегу.

— Эй? — прошептала она. — Эй... Ничего не говорите, только послушайте. Это я, Эффи Морган. Милли и Рене меня знают. Я иду за помощью.

Никто не отозвался — как она и просила, — а потому Эффи засомневалась, услышал ли ее кто-нибудь.

— Покашляйте или еще как-нибудь дайте понять, если вы меня поняли...

Эффи едва не вскрикнула, когда кто-то схватил ее за плечо. Вскинув глаза, она увидела Сандро и облегченно вздохнула.

— Пойдем, Эффи, — прошептал он. — Нам нельзя задерживаться.

Девушка кивнула и последовала за ним. Отойдя на несколько шагов от шатра, Эффи услышала тихое покашливание и улыбнулась. Может быть, она отчасти выплатила долг Милли и Рене — если подала им хоть крошечную надежду.

Буря прекратилась столь внезапно, что Сандро и Эффи ошеломленно замерли. Едва они пересекли невидимую линию перед входом в пещеру, как вокруг стало тихо. За их спинами вился снег и ревел буран, а здесь было удивительно спокойно и безветренно. Несколько секунд Эффи стояла неподвижно, не понимая, что делать дальше, но тут Сандро схватил ее за руку и резко дернул вперед, а затем кинулся в глубь пещеры. Не сразу осознав, что от нее требуется, Эффи промедлила. Возможно, именно это и спасло ей жизнь. В следующий миг из тени выскочили две твари и кинулись вдогонку за Сандро.

— Дядя Сандро, берегись! — завопила Эффи, мгновенно позабыв об осторожности. Вблизи твари выглядели еще ужасней и отвратительней, и девушку охватил ужас.

— Взять его, — раздался из темноты сухой, холодный голос, а затем его обладатель вышел на свет. Это был тот самый человек, что разъезжал на лошади перед строем пленников — предводитель отряда. Эффи машинально сделала несколько шагов вслед за Сандро, однако остановилась в футе от пришельца, заво-

роженная гипнотическим взглядом его глаз, смотревших с неподвижного, бесстрастного лица.

Из глубины пещеры раздался крик: твари схватили Сандро и вернулись к предводителю, волоча свою жертву. Сандро отчаянно пытался освободиться из хватки чудовищ, но силы были неравны. Воин поднял глаза на пленника, и Эффи ощутила, что довлеющая сила тяжелого взгляда более не сковывает ее. Она сделала крошечный шажок назад, затем еще один... Глупые твари прошли мимо, не обратив на Эффи ни малейшего внимания. Казалось, они способны воспринимать только одно приказание за раз. Три белокурых воина подошли к своему предводителю, вынимая мечи. Эффи не сомневалась, что они нападут на нее. Она попятилась.

— Эффи! Беги!

«А как же ты, дядя Сандро?»

Впрочем, у нее не было выбора. Эффи кинулась к задней стене пещеры. Если врата исчезли — ей конец. Воины догонят ее в два счета и зарубят мечами, зарубят без колебаний и жалости. Или же — если у врат располагается охрана — люди с другими мечами выступят ей навстречу, и тогда тоже не спастись.

Все эти мысли пронеслись в голове Эффи за единый миг, но делать было нечего. Она бежала.

Бежала ради спасения своей жизни.

ГЛАВА 12

Отыскать вход в туннель оказалось сложнее, чем предполагал Талискер. Он несколько раз прошел мимо, прежде чем опознал место: многое переменилось с тех пор, как Дункан был здесь в последний раз. Деревянные двери давно сгнили, вход отчасти обрушился. К счастью, он был удачно скрыт холмом, поросшим деревьями и густыми зарослями ежевики. От побережья туннель почти не просматривался, и до тех пор, пока Талискер и остальные вели себя тихо, они могли не опасаться патрулей. Хотя сохранять тишину оказалось непросто: едва они попытались спуститься под землю, как прогнившее дерево развалилось на части, и вниз посыпался каскад мелких камней.

Талискер поставил Малки на стражу, а остальные принялись разбирать завал. Пес, кажется, понял их намерения и внес посильную лепту, отгребая прочь землю и мусор передними лапами. Рако тоже оказался ценным работником: его медвежья лапа была невероятно сильна, и он легко поднимал доски и булыжники, отшвыривая их далеко в сторону.

Трудились долго. К тому времени, когда расчищенная дыра могла пропустить человека, снаружи совсем стемнело. Талискер не знал, сохранился ли до сих пор туннель под озером или давно уже обвалился; оставалось только проверить. Когда все пролезли внутрь, Рако заложил дыру небольшими булыжниками и ветками. Теперь путники могли безбоязненно зажечь факелы и осветить себе дорогу.

Туннель был широким. Талискер никогда не ходил по нему сам, а лишь слышал рассказы Сандро о двух сестрах — Кире и Улле. Корвус проник в сны Киры и заколдовал ее. Очарованная колдуном Кира открыла двери туннеля, впустив в город захватчиков. Женщины и дети, пытавшиеся спастись бегством, погибли от рук воинов. А Улла — позже ставшая таном — в гневе убила свою сестру.

Где-то капала вода, и громкое эхо разносилось под каменными сводами туннеля. Пахло гнилью и сыростью. Озерная вода по каплям просачивалась сквозь потолок; за прошедшие сто лет ее накопилось достаточно, чтобы на полу образовался солоноватый ручей.

— Как ты думаешь, здесь безопасно? — Голос Малки прозвучал странным шипением, и эхо многократно усилило его, наполнив пространство туннеля призрачными отзвуками.

— Думаю, скоро узнаем, — сказал Йиска. — А почему мы говорим шепотом?

— Ну... Тут как-то... жутковато.

Сама идея о том, что Малколм находил что-то «жутковатым», позабавила Йиску. Он громко рассмеялся и немедленно понял, что горец прав. Каменные своды превратили звуки смеха в вой нечистой силы.

— Что это? — Малки вздрогнул. — По-моему, я что-то слышал.

Пес заворчал.

— Это крысы, Малк. Перестань дергаться. — Талискер протянул ему один из факелов. — На. Неси сзади. Пошли.

Они двигались молча, не желая прислушиваться к призрачному эху своих голосов. Пес бежал впереди, шлепая лапами по воде. Шерсть на его загривке стояла дыбом. Время от времени он порыкивал на шмыгавших мимо крыс, но не лаял. Место было угнетающим; тишина будто давила на плечи.

По прошествии некоторого времени путники нашли первые скелеты. Оранжевые блики факелов заплясали на белых поверхностях черепов.

— Похоже, туннелем пользовались, — заметил Талискер. Было очевидно, что кости обрели здесь последнее упокоение: для каждого скелета отводилась отдельная ниша в стене. То были благородные воины Руаннох Вера. Каждый из них сжимал в руках меч и щит, а некоторые оказались облачены в изукрашенные бронзовые доспехи.

— Смотри, Дункан. — Покуда Талискер рассматривал первое захоронение, Малки прошел чуть дальше.

Талискер приблизился. Малки стоял над могилой, несколько отличавшейся от всех прочих. Здесь не было ни церемониального оружия, ни доспехов. На голове скелета возлежала круглая корона, плечи покрывал полуистлевший плащ, сколотый большой брошью. Под плащом виднелось простое коричневое платье — потертое и неоднократно заштопанное.

— Леди Улла, — прошептал Талискер.

— Да.

— Ты знал ее, Дункан? — спросил Рако.

— Да. Великая была женщина. Она помогла Сандро выучить генеалогию кланов. — Талискер коротко и невесело рассмеялся. — Улла была не лишена чувства юмора, хотя и много выстрадала в своей жизни.

Последовала долгая пауза. Талискер тронул край коричневого платья, потер ткань между пальцами; взгляд его сделался задумчивым и отрешенным. Йиска вопросительно посмотрел на Малки, но тот лишь пожал плечами и покачал головой.

— Дункан?..

— Прах и кости, Малки. Все они умерли. Да, я вернулся в Сутру, но я здесь более никому не нужен.

— Неправда, Дункан. Они позвали тебя. — Йиска протянул руку и стиснул плечо Талискера. — Они нуждаются в тебе.

Талискер поднял глаза. Он будто бы смотрел не на Йиску, а сквозь него.

— Вовсе нет, Йиска. На самом-то деле они позвали тебя. Помощь нужна сидам, а не феинам.

Малки возмущенно фыркнул:

— У-у-у. Ненавижу, когда ты такой! И где носит Сандро, когда он так нужен?..

Эффи бежит, бежит и никак не может остановиться. Она уже знает, что вошла в «пустоту», поскольку бывала здесь раньше. В прошлый раз она находилась тут не в физической форме, но это не важно. Эффи не боится этого места и не опасается его обитателей. Именно здесь она встретила Рако...

Эффи задыхается от горя. Слезы текут у нее по щекам. Только одна мысль владеет ее сознанием: дядя Сандро. Вполне возможно, что он уже мертв.

С другой стороны, не исключено, что его посадят в клетку вместе с другими пленниками. Эффи цепляется за эту мысль... однако тут же вспоминает воинов, которые преследовали ее с обнаженными мечами в руках. Они убивают без малейших колебаний. Боже! Жуткая картина по-прежнему стоит у нее перед глазами: мер-

твые тела, распростертые на снегу. Видение повторяется снова и снова. Это похоже на кошмарный сон, да вот только Эффи понимает, что ей не суждено от него очнуться.

Ей не по силам долго бежать в подобном темпе. Она останавливается, когда мышцы икр сводит судорогой. Даже стоять больно — не говоря уж о том, чтобы двигаться дальше.

— Черт, черт! — Эффи яростно растирает ногу, проклиная собственную никчемность. Горькая ирония! Талискер говорил о Сутре так, словно это самое чудесное место во вселенной. И что же? Она еще не добралась до нее, а уже увидела кровь и разрушения. И как, черт возьми, она сумеет рассказать ему о том, что произошло с дядей Сандро? Они очень любят друг друга... Эффи подозревала, что у них случилась какая-то большая размолвка, когда Талискер вернулся из Сутры в последний раз. Тем не менее Талискер и Сандро — лучшие друзья. Пусть даже они не общались друг с другом несколько лет — случись что-нибудь с одним из них, другой не задумываясь кинулся бы на помощь. А теперь? Эффи придется сказать Талискеру, что дядя Сандро, возможно, мертв.

«Мертв, мертв, мертв». Это слово засело у нее в голове и повторялось, как мелодия на заезженной пластинке.

Эффи снова бежит вперед. Нога немного отошла, хотя все еще побаливает. Возможно, она подвернула ее или растянула сухожилие. «Мертв», — повторяет Эффи вслух. Звук выходит глухим и тихим. Здесь неоткуда взяться эху, и необъятное пространство «пустоты» поглощает и растворяет в себе короткое и страшное слово.

Эффи замечает, что перестала плакать, — и в первый момент это удивляет ее. Она голодна, ей больно, ее любимый дядюшка попал в плен к безжалостным пришельцам и, возможно, погиб. Что может быть хуже?

Движение впереди — безмолвный ответ на ее вопрос.

Эффи останавливается, вглядываясь во мрак. Отблеск белого света. Шевеление.

Ужас охватывает Эффи, когда она понимает, что приближается к ней из мрака. Мертвое воинство. Белые тела, лишенные душ. Их много — неимоверно много. Они шагают вперед не разбирая дороги.

— О боже, — шепчет Эффи. Ее рука стискивает медальон святого Христофора, висящий на шее. Эффи не особенно религиозна, но она знает, что святой Христофор — покровитель путников. Эффи смотрит на золотой диск как на последнюю надежду. — Давай же! Делай свое дело, черт возьми!

Покойники подходят ближе, и Эффи слышит придушенный звук — рыдание, вырывающееся из ее собственного горла.

Мертвое воинство идет в ужасающей тишине. Слышен лишь мягкий шелест босых ног. Взгляд пустых глаз устремлен в никуда.

 Кажется, мертвецы не видят Эффи, не замечают ее. Они дви-

жутся вперед, идут через «пустоту» без цели и смысла, и Эффи с ужасающей отчетливостью понимает, что их путешествие будет длиться вечность.

— Нет! Нет! Нет! — кричит Эффи. Она дрожит всем телом. Паника овладевает ею безраздельно, и девушка снова бежит. Она уже не помнит об усталости, не чувствует боли в ноге. Даже не оглядывается, чтобы понять, преследует ее мертвая толпа или нет. Она просто бежит. В голове пустота — ни единой мысли. Только четкий звериный инстинкт: прочь, прочь, подальше отсюда...

Впереди вспыхивает пламя, и его вид приводит Эффи в чувство. Она вспоминает слова Талискера. Путь в Сутру лежит через стихию — огонь или воду. Придушенный, нервический смешок вырывается из горла Эффи. Она-то надеялась на воду... Эффи хорошо плавает.

«Будет больно», — думает она. Так и есть. Вытянутые вперед руки чувствуют жар. Ей кажется, что пламя охватывает ее всю. Эффи кричит. Она слышит бешеный стук собственного сердца... Она хочет, чтобы рядом оказалась мама... Продолжает бежать... Хочет, чтобы здесь был дядя Сандро... Бежит вперед... Кричит... Ужас вздымается в ее душе черной волной, превращаясь в бездумную звериную панику. Эффи кричит. Кричит от боли и страха. Кричит, когда вступает в пределы Сутры.

— Ты уверен, что город в осаде? — Малки нахмурился и склонил голову набок, напряженно прислушиваясь. Они стояли в конце туннеля, и со стороны до них долетали приглушенные, но вполне опознаваемые звуки веселого праздника.

Рако улыбнулся.

— Это похоже на старого лиса... Я хочу сказать — на тана Сигрида. Думаю, он делает это намеренно, надеясь, что отзвуки пира донесутся до слуха шоретов.

— Праздник наперекор войне, да? Надежда умирает последней, — сказал Талискер.

— Полагаю, тан Сигрид знает, что делает, — отозвался Рако. — Руаннох Вер рассчитан на долгую осаду. Его только раз атаковали всерьез. — Он замолчал, поняв, что Талискер и Малки знают об этом лучше его самого.

— Да, помню, как же. Славное было времечко, — прокомментировал Малки.

Туннель заканчивался кирпичной стеной — вернее, так показалось на первый взгляд. На самом же деле стена была сплетена из ивовых прутьев, густо замазанных раствором извести. Видимо, с некоторых пор Руаннох Вер перестал хоронить своих танов в подземелье. Вход был закрыт, чтобы предохранить цитадель от холода и всепроникающей сырости.

Йиска постучал по стене.

— Думаю, мы сумеем ее сломать. Она не очень толстая. У меня в рюкзаке был топор, Малки.

— Да-да. Я еще рубил им дрова для костра.

Через несколько минут работы топор проделал дыру в стене. Напоминающая штукатурку замазка отваливалась влажными пластами. Однако, когда в стене появились отверстия достаточно большие, чтобы в них мог пролезть человек, шум с той стороны начал утихать. Очевидно, люди услышали их и обернулись к стене.

Талискер и Малки пролезли первыми, Йиска и Рако — следом. Ошеломленная тишина повисла в дымном воздухе. Кухни были полны слуг, поваров и воинов. Огромные куски говядины и свинины жарились для грядущего пира, распространяя вокруг себя одуряющий аромат. Воины сидели вокруг грубо сработанного деревянного стола, потягивая пиво и играя в кости. Старший из них поднялся с места, не сводя глаз с пришельцев. Талискер видел множество рук, потянувшихся к оружию. С некоторым опозданием он осознал, что их компания имеет странноватый вид: человеческие фигуры, с ног до головы покрытые серой пылью. Суеверные феины легко могли принять их за привидения — тем более что пришельцы появились из могильника танов.

— Кто вы такие? — спросил воин.

Рако протолкался вперед.

— Харра, это я. — Он попытался стереть с лица пыль.

Каменное выражение лиц воинов ничуть не изменилось, и Талискер ощутил знакомое напряжение мышц. Его тело готовилось к бою. С некоторым удивлением он понял, что рад этому чувству.

Меж тем Харра вновь уселся на свое место и проговорил:

— Рако мертв. Кто вы? Призраки?

Один из воинов, стоящий рядом с Малки, протянул руку и провел пальцем по его предплечью.

— Вроде бы нет, Харра. Это люди. Правда, очень запыленные...

В толпе послышались смешки, но Талискер и не думал расслабляться. Он слегка поклонился, не вполне понимая положение Харры среди феинов.

— Вы знаете Рако. Меня зовут Дункан... Макгрегор. А это Малколм Маклеод и Йиска Таллоак.

Услышав выдуманную фамилию Талискера, Малки метнул в его сторону быстрый взгляд, однако ничего не сказал.

— Так-так, — протянул Харра. — И что же вы делаете в Руаннох Вере? Ныне люди пользуются подземными ходами, чтобы уходить из города, а не проникать в него.

Талискер кивнул в сторону Рако.

— Наши пути пересеклись в Ор Койле. Рако убегал от шоретского патруля.

Мало-помалу люди начали обращать внимание на странную конечность Рако, и в толпе снова послушались тихие шепотки. Подле Харры стояли двое высоких стройных воинов. Определенно, это были сиды. Талискер решил, что один из них принадлежит к клану медведя. Что же касается второго... здесь он сомневался. Возможно, волк.

— Что произошло, Рако? — спросил один из сидов. — Тебе удалось трансформироваться?

Рако усмехнулся.

— Да, представь себе.

Эти слова породили в толпе новую волну шепотков.

— Как же тебе удалось? — потрясенно спросил Харра. — Это случилось, когда ты преследовал чудовище?

— Нет. Это случилось, когда на меня напал Аон Кранн. Шоретский колдун оживил его и...

— Аон Кранн? На тебя напал мост? — Харра непонимающе потряс головой. — Ради всех богов, Рако, расскажи все с самого начала. Похоже, ты действительно угодил в серьезную передрягу. — Он поднялся на ноги. — Идем со мной. Полагаю, тан должен выслушать твою историю.

— Харра, я очень голоден... — начал Рако.

Острый взгляд старого воина мигом осадил его.

— Ты поешь, когда тан Сигрид тебе позволит.

Путники вышли из кухни, сопровождаемые Харрой и еще несколькими воинами. Талискер все еще был настороже. Никто не объявил напрямую, что они арестованы, однако их маленький отряд был окружен плотным кольцом сидов и феинов. Талискер понимал, что судьбу пришельцев будет решать тан — сообразуясь с собственными суждениями. А стало быть, все зависело от того, что он за человек, и Талискер не брался предсказать исход их беседы.

Руаннох Вер заметно изменился с тех пор, как он бывал здесь в последний раз. Талискер любил место, где они с Уной впервые стали любовниками. Город был менее внушителен, чем его северный брат — Сулис Мор. Не такой крепкий, зато теплый и приветливый. Украшения коридоров и залов стали более вычурными; здесь появилась изящная лепнина и узорчатые гобелены. Что ж, таковы вкусы Сигрида.

Они уже стояли перед дверями покоев тана, когда кто-то крикнул:

— Рако! Рако, постой! Это и правда ты?

Высокая рыжеволосая женщина подбежала к Рако и, не стесняясь, кинулась ему на шею. Он несколько сконфузился — и неудивительно: юная дама пребывала на последних месяцах беременности. Но, судя по всему, Рако был рад ее видеть.

— Фрейя!.. Я же обещал тебе, что вернусь, когда убью тварь.

— Что у тебя с рукой?

— Фрейя, умерь свое любопытство, — мягко сказал Харра. — Рако должен переговорить с твоим отцом. Ты можешь пойти с нами, если желаешь.

— О-о, спасибо, Харра, — ответила Фрейя, взяв Рако под локоть человеческой руки.

Талискер и Йиска, шедшие следом, обменялись вопросительными взглядами. Рако утверждал, что у него нет семьи в городе, однако Фрейя определенно ему симпатизировала. И не исключено, что именно Рако приходился отцом ее будущего ребенка.

Они вошли в покои Сигрида, где стоял чудовищных размеров дубовый стол. Огонь в очаге не горел, и здесь было заметно холоднее, нежели в пиршественном зале цитадели. Комнату украшали головы оленей и кабанов; в свете ламп, поспешно зажженных слугами, клыки и рога отбрасывали на стены неясные тени.

Тан Сигрид вошел через внутреннюю дверь в тот момент, когда путешественники пересекли порог покоев. Высокий, облаченный в темно-синие одежды тан был немолод. Его седые волосы спадали на плечи, и двигался он по-стариковски медленно, однако взгляд стальных глаз был острым и пронзительным.

— Разожгите же огонь! — рявкнул Сигрид. — Я старый человек, черт побери! Возьмите поленья из пиршественной залы, а не то мы будем мерзнуть до утра. Да, и подайте нам подогретого сидра.

Тан сел во главе стола и жестом пригласил путешественников последовать его примеру. Он не стал терять времени на приветствия и расшаркивания, а сразу перешел к делу.

— Итак, Рако, примерно неделю назад Харра донес, что ты пропал без вести. Не говоря уж о том, что Фрейя напоминала о тебе по нескольку раз на дню. — Сигрид пренебрежительно фыркнул. — Что с тобой стряслось?

— Ну, я убил ту тварь, — бойко соврал Рако, — а затем меня захватил патруль шоретов, который тоже охотился за чудовищем.

— Как так? Ты пересек границу Дурганти?

— Нет, мой лорд. Это они зашли на территорию Руаннох Вера.

В дальнейшем своем повествовании Рако не произнес ни слова лжи. Он поведал о Фереби, о встрече с императором шоретов и о колдовском амулете. Когда Рако дошел до смерти Теброна, Сигрид хватил кулаком по столу.

— Так вот почему шореты явились под наши стены! Они думают, что мы убили их императора... Проклятие!

— Мне жаль, мой тан, — пробормотал Рако.

— Это не твоя вина. Разумеется, если не ты его убил...

— Нет, мой лорд. Честно говоря, император Теброн мне понравился.

Сигрид кивнул.

— Я встречался с ним после восстания в Дурганти, чтобы обсудить условия капитуляции. Он показался мне человеком чести.

Принесли питье, и Рако продолжил рассказ. Когда он дошел до битвы в ущелье, Талискер бросил на него острый взгляд. Рако чуть заметно кивнул.

— ...и в тот момент, когда нам изменила удача, Та... Дункан, Малки и Йиска явились на помощь, — сказал он как можно более непринужденно.

— Ясно. А что же вы делали в ущелье Герн? — поинтересовался Сигрид.

— Мы... э-э... шли в Руаннох Вер... из Сулис Мора. Мы пытались избежать шоретских патрулей, которые шастают там повсюду. И потому свернули в ущелье Герн.

Сигрид кивнул:

— Да, от шоретов и на побережье не продохнуть. Честно говоря, я не понимаю их образа мыслей. На кой черт они обложили Руаннох Вер? Мы способны выдерживать осаду сколь угодно долго. А между тем они пригнали сюда всю свою армию. Можно подумать, что они попытаются штурмовать нас.

— Возможно, новый император, Туланн, просто хочет самоутвердиться? — предположил Рако.

— Не исключено, — согласился Сигрид. — Может быть, он вскорости убежит домой, поджав хвост. И все же кое-что меня беспокоит...

Рако согласно кивнул и отпил теплого сидра. Талискер отметил откровенность и простоту, с которой Сигрид обсуждал дела. Насколько он знал, Рако не был важной персоной в Руаннох Вере, однако тан был готов не только слушать его, но и обсуждать с ним планы. Это многое говорило о старом правителе.

— Вдобавок по лесу бродят твари — столько, что и сосчитать невозможно. Ты говоришь, Рако, что их сотворили шореты?

— Мы так думаем. Фереби Везул очень не хотелось в это верить, однако император подтвердил наши предположения.

— Стало быть, кто-то из шоретского двора играет в собственные игры... — Сигрид собирался было продолжить, но в этот момент Фрейя издала стон и скорчилась на стуле, схватившись за живот. — Дочка? Что...

— А-а-а! Папа, как больно! — Фрейя раскачивалась из стороны в сторону и тихо постанывала.

— Ребенок? Но ведь еще рано! — ляпнул Рако.

Сигрид уже поднялся на ноги, чтобы прийти на помощь дочери. Однако, услышав эти слова, он круто изменил на-

правление движения и в единый миг оказался рядом с молодым сидом. Схватив Рако за грудки, Сигрид подтянул его к себе и хорошенько встряхнул.

— Если я узнаю, что этот чертов ублюдок — твое дело, то собственноручно тебя прикончу!

Рако испуганно попятился — насколько позволяла крепкая хватка тана.

— Клянусь, ребенок не мой. Хотя если бы он был моим — я бы гордился.

Сигрида, похоже, вполне удовлетворил ответ Рако. Он отпустил его, слегка оттолкнув от себя, и что-то проворчал.

Фрейя снова вскрикнула.

— Который месяц, леди Фрейя? — Йиска опустился на колени рядом со стулом и взял девушку за запястье, считая пульс.

— Кто ты такой, черт побери? Отойди от меня!

Сигрид грозно шагнул к Йиске.

— Сэр, прошу вас, позвольте ему помочь. Он лекарь, — объяснил Рако.

Сигрид, казалось, готов был отказать в просьбе и потребовать от Йиски верительных грамот, но тут Фрейя опять застонала. Старый тан заметно побледнел.

— Ладно, хорошо. Рако и Йиска, сопроводите Фрейю в ее покои.

Йиска неуверенно глянул на Талискера. Очевидно, ему не очень-то хотелось оставаться одному в незнакомом городе.

— Мы найдем вас попозже, — сказал Талискер.

— Они будут в казармах, — прибавил Сигрид.

Рако и Йиска ушли, поддерживая Фрейю под руки. Тан Сигрид проводил их угрюмым взглядом.

— Не тревожьтесь, сэр, — сказал Малки. — Йиска — великий целитель.

Сигрид допил последние глотки сидра.

— Надеюсь, что так, Малколм. В один прекрасный день она станет таном, даже если родит ублюдка.

— А что будет с ребенком, позвольте спросить?

— Я найду ему хороших приемных родителей.

Талискер и Малки обменялись задумчивыми взглядами. И тот, и другой полагали, что Фрейя имеет собственное мнение на этот счет. Впрочем, никто из них не взял на себя смелость разубеждать старого тана.

— Ладно. Не знаю, как вы, а я голоден. — Сигрид слегка улыбнулся. Было ясно, что тан очень беспокоится за дочь. — У нас намечен пир. Если желаете принять участие — приходите во двор цитадели.

— Во двор? — удивленно переспросил Талискер. — Там довольно холодно.

— Верно. Поэтому наше питье будет горячим, а танцы — быстрыми. Как-нибудь согреемся. Нельзя допустить, чтобы шоретские ублюдки подумали, будто наш дух сломлен. Верно же?

Эффи бежала, не задумываясь о направлении. Бежала, чувствуя лишь боль и ужас. Она понятия не имела, куда попадет и что ждет ее впереди. Возможно, именно поэтому, а возможно, по какой-то иной неведомой причине она вышла из врат не в ущелье Герн, как Талискер, Йиска и Малки. Неведомые силы выкинули ее на одну из тропок, вливающихся в главный тракт на Руаннох Вер.

Вступив в Сутру, девушка продолжала вопить, ничего вокруг себя не видя. Несколько секунд по выходе из «пустоты» пламя еще обвивалось вокруг ее тела, и боль была невыносимой. Крик, едва слышный в «пустоте», теперь ударил по ушам — высокий, пронзительный. Он заставил перепуганных птиц сняться с веток и взвиться в небо, так что воздух наполнился звуками хлопанья крыльев.

Постепенно Эффи начала сознавать, что окружающая действительность изменилась. Боль все не отпускала, и потому, увидев перед собой некое подобие пруда, девушка действовала инстинктивно, не задумываясь: подбежала, упала на колени, а потом рухнула в воду целиком. Эффи была уверена, что начнет исходить паром и шипеть, как раскаленное железо, но ничего подобного не произошло. При ближайшем рассмотрении «пруд» оказался просто большой лужей жидкой грязи, и Эффи уселась в нем, с отвращением разглядывая свою перепачканную одежду и коричневые руки.

— Черт, — сказала она.

И в этот момент раздался смех. Мужской голос, красивый и звучный, несомненно, молодой. Эффи поморщилась, понимая, как глупо она выглядит. Этот парень — кем бы он ни был — имел полное право насмехаться над ней.

Она оглянулась... и ее лицо окаменело. Эффи не знала слова «шорет», однако молодой человек, сидящий на лошади, несомненно, принадлежал к той же расе, что и воины, безжалостно убивавшие навахо. Он беззастенчиво рассматривал Эффи, и глаза его лучились весельем.

— Знаешь, есть такая рыба, которая ползает по грязи, когда пересыхают водоемы. Кажется, ее называют анабасом. Правда, я и не подозревал, что они бывают таких размеров...

— Ну и пожалуйста! Уж лучше я буду анабасом, чем... чем убийцей, — отрезала Эффи.

Юноша нахмурился в ответ, очевидно, не понимая, о чем она толкует, и слез с лошади. Эффи ощутила укол страха. Ужасающая картина мертвых тел, распростертых на снегу, все еще была свежа в памяти.

— Не подходи! А то...

Юношу, похоже, позабавили ее слова.

— А то что?

Разумеется, он прав. Что могла поделать Эффи? Она беззащитна — да и в любом случае эти странные люди казались неуязвимыми для оружия. Не вполне отдавая себе отчета в собственных действиях, Эффи сгребла полную горсть жидкой грязи и запустила в юношу. Грязь попала на блестящую кольчугу и разбрызгалась, заляпав лицо и серебристые волосы. Молодой человек резко остановился. Его глаза расширились в изумлении.

— Ты... ты...

Эффи ухмыльнулась; сама она явно не могла стать грязнее, чем уже была. Слепив второй ком грязи, девушка показала его противнику. Похоже, эти «снаряды» годились для того, чтобы держать его на безопасном расстоянии.

— Ах ты, проклятая анабаска! Ну я тебе покажу!

И неожиданно он наклонился, выгреб горсть грязи из ближайшей лужи и запустил ею в Эффи. Юноша тоже неплохо прицелился: комок угодил в плечо. Впрочем, для Эффи это не имело значения, поскольку она и так уже вывалялась как свинья. Абсурдность ситуации и выражение лица юноши несказанно развеселили ее. Несмотря на свои горести, она громко и искренне рассмеялась. Вдобавок ко всему молодой человек был один, без сопровождения каких-либо монстров и, кажется, не представлял угрозы.

Эффи на минуточку отвлеклась, чтобы запастись новым «снарядом», и в этот момент юноша подбежал ближе, швырнув большой ком грязи и мокрых листьев прямо ей в волосы. Негодующе вскрикнув, Эффи ухватила парня под коленки и дернула на себя. Он повалился в лужу, а Эффи, не удовлетворившаяся этой местью, размазала грязь по его лицу.

Юноша уселся на берегу лужи, брезгливо морщась и пытаясь вытряхнуть землю из своих серебристых волос, от чего они только пачкались еще больше. Эффи почувствовала, что напряжение начинает покидать ее. Но едва она расслабилась, как выражение лица юноши разительно изменилось, будто он увидел что-то позади нее.

— Нет! Стойте! — крикнул он.

Эффи ухмыльнулась. Так легко он ее не проведет — она оглянется назад, а парень размажет по ней...

— Милорд...

Эффи окаменела, услышав голос за спиной. Медленно, стараясь не делать резких движений, которые можно было бы счесть агрессивными, она обернулась. Эффи увидела трех воинов, сидевших на лошадях. Ближайший всадник держал обнаженный меч в нескольких дюймах от ее головы.

— Как тебя зовут, анабас? — Юноша поднялся на ноги, продолжая отряхиваться.

— Эффи Морган. А тебя? — спросила она.

— Туланн. Император Туланн Третий.

Покои леди Фрейи были удобными и просторными — мягко говоря. Слуги наверняка часами прибирались здесь. А вот сама леди Фрейя не слишком-то заботилась о чистоте и порядке. Одежда и вещи были разбросаны повсюду, а один плащ даже свисал с огромного канделябра. Как и повсюду в замке, полы были выстланы тростником и луговыми травами. Некоторые из них Йиска опознал: навахо тоже зачастую устилали травой земляные полы хоганов.

В покоях Фрейи жили кошки — Йиска насчитал их по меньшей мере пять штук. Это были неухоженные твари с ободранными ушами и свалявшейся шерстью. От мускусного запаха, усиленного теплом очага, у Йиски немедленно заслезились глаза и защипало в носу — у него была аллергия на кошек.

Пес последовал в покои следом за Йиской, хотя его и не приглашали, и попытался было познакомиться с огромным котярой, но тот лишь злобно зашипел и вздыбил шерсть в ответ на дружелюбное приветствие Пса.

К тому времени, когда они добрались до покоев, Фрейе немного полегчало. Она шла без посторонней помощи и даже болтала и шутила с Рако. Однако Йиска все же счел необходимым осмотреть ее.

— Леди Фрейя... — Йиска чихнул. — Вы не будете возражать, если... — Он снова чихнул.

Фрейя рассмеялась.

— О боги мои! Рако, не мог бы ты выставить отсюда кошек?

Рако повиновался, а Фрейя устроилась на кровати, откинувшись на гору подушек. Для Йиски все в комнате было пропитано запахом кошек — даже кровать. Поэтому, когда Фрейя взбила подушки, ему показалось, что запах стал еще сильнее.

— Выходит, ты у нас не кот, Йиска? — Фрейя улыбнулась. — Должна сказать, я не вполне доверяю собакам...

Йиска озадаченно посмотрел на нее, полагая, что Фрейя имеет в виду какие-то племена сидов, но она кивнула на Пса.

— Мой отец говорит, что люди делятся на «кошек» и «собак», и я вполне с ним согласна.

Рако присел на кровать Фрейи — очень по-свойски, как показалось Йиске.

— А бывают люди, которые не являются ни теми, ни другими? — спросил он.

— Практически нет. — Фрейя улыбнулась, однако улыбка моментально погасла, когда женщину скрутил новый при-

ступ боли. — Снова начинается, — простонала она. — А ведь еще слишком рано...

— Позвольте мне осмотреть вас, леди, — сказал Йиска. — Я разбираюсь в акушерстве.

— Правда? — нахмурилась Фрейя. — А я думала, повитухами бывают только женщины.

Йиска замялся.

— Э...

— Мать Йиски была повитухой у сидов, — соврал Рако. — И он перенял многие из ее навыков, когда обучался лекарскому делу.

— Тогда все в порядке, Рако...

Йиска осмотрел Фрейю и ощупал ее живот. Было очевидно, что женщина пока что не собирается рожать, и ее тело просто готовится к грядущему событию.

Час спустя, уложив Фрейю в постель, Йиска и Рако вышли из покоев. Спустившись на пару лестничных пролетов, Рако положил ладонь на плечо индейца, принудив его остановиться.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Йиска.

— Нет, не знаешь, — мрачно отозвался тот.

— Ты наверняка думаешь, что я — отец ребенка, но...

Йиска жестом остановил его.

— Послушай, это не мое дело.

— Ребенок... — Рако оглядел лестницу, дабы удостовериться, что они с Йиской одни. — Это ребенок Джевердана, моего брата, погибшего четыре месяца назад.

— Ох. Мне жаль, Рако.

— Он даже не знал. Фрейя ждала удачного момента, чтобы сказать ему, да только момент этот так и не наступил. Вот потому я и забочусь о Фрейе. А ее отец подозревает, что ребенок мой...

— Почему бы Фрейе не сказать ему правду?

Рако покачал головой.

— Мой брат и тан Сигрид не ладили друг с другом. — Он горестно покачал головой и направился вниз по лестнице. — О чем все же ты думаешь, Йиска?

— Так, ни о чем.

— Да брось. Скажи мне.

Йиска вздохнул.

— Мне жаль, Рако. Только боюсь, ребенок может не выжить.

— Что?!

— Видишь ли... С ним происходит что-то очень странное.

С момента прибытия Эффи в Сутру минуло три дня. За все это время она ни на шаг не продвинулась в поисках Талискера и, соответственно, в спасении навахо. Эффи утешала себя тем, что время в Сутре и в «реальном мире» идет по-разному и, сле-

довательно, в Аризоне прошло лишь несколько часов. Впрочем, неумолчный голос у нее в голове твердил, что этого времени более чем достаточно, чтобы шореты успели перебить всех пленников. Эффи мучилась беспокойством, однако в данный момент она ничегошеньки не могла для них сделать.

Статус нового фаворита Туланна имел свои положительные стороны. Еда была воистину великолепна; для Эффи отвели роскошный шатер посреди шоретского лагеря, помещавшийся рядом с палаткой Туланна. С другой же стороны, юный император оказался очень навязчивым другом. Он желал, чтобы Эффи присутствовала на всех его совещаниях и ездила с ним на конные прогулки по лесу. Девушка быстро поняла, что нравится Туланну, поскольку всегда говорит то, что думает, и при необходимости даже возражает ему. Никто иной в его окружении не осмеливался вести себя подобным образом. Эффи подозревала, что все боятся Туланна, хотя это казалось ей нелепым. На отчаянно скучных военных советах люди никогда не спорили с императором и даже опасались встречаться с ним взглядом. Сперва Эффи не могла этого понять; казалось, они сотворили чудовище своим собственным подхалимским отношением.

Вечером второго дня, когда Эффи вернулась к шатру, кто-то поджидал ее в тени деревьев. Было уже темно, и огни огромного лагеря озаряли лес мягким, словно колдовским светом. Маленькие костры были разбросаны повсюду, как звезды; шоретская армия отдыхала после долгого дня. Солдаты тихо переговаривались, полируя оружие и доспехи. Они пили вино, но очень умеренно. Нигде не было слышно ругани, нигде не возникало ссор или тем более драк. Порой Эффи думала, что шореты просто-напросто не способны испытывать сильные эмоции и не умеют давать волю чувствам.

— Леди Морган?

Кто-то схватил ее за запястье, и Эффи вздрогнула от испуга. На незнакомце был темный плащ для верховой езды, и тень капюшона скрывала большую часть лица. Однако голос показался Эффи знакомым.

— Простите, — сказал человек. — Я не хотел вас пугать.

— Что такое? — вздохнула Эффи. — Туланн меня зовет?

— Нет. Я хочу предупредить вас... насчет императора.

Она нахмурилась.

— О чем предупредить? Я в состоянии сама о себе позаботиться.

— Я уже видел такое раньше. Он заводит себе друга и проводит многие часы в его компании. Причем от всех нас ожидают, что мы будем обращаться с его фаворитом не хуже, чем с самим императором.

— Я не просила ни о каком особенном обращении, — ощетинилась Эффи. — И еще знаете что? Если вы все перестанете относиться к Туланну так... так, как вы делаете это сейчас, если вы чаще будете говорить ему правду, реже лебезить и подхалимничать...

— То мы долго не проживем.

— Что? — Эффи вздрогнула.

Мужчина украдкой огляделся по сторонам, а потом взял ее за руку и завел в шатер.

— Возможно, в один прекрасный день Туланн станет великолепным правителем для шоретов, но сейчас он пытается самоутвердиться и пользуется далеко не лучшими способами. Наш император очень капризен. Он еще не повзрослел в эмоциональном плане. Это ребенок — и ребенок испорченный.

Оказавшись в шатре, мужчина скинул с головы капюшон, и Эффи узнала советника Алмасея.

— Так вот император проводит массу времени в компании своего очередного «лучшего друга», а через некоторое время устает от него. И тогда этот друг исчезает... пропадает бесследно.

— Куда?.. О...

— Его прозвали Принц-Отравитель, леди Морган.

Эффи была в ужасе.

— Нет. Не верю... Он не злой человек. — Эффи припомнила высокомерный смех Туланна в тот раз, когда они повстречались впервые. — Неужели правда?

Алмасей тяжело опустился на резной стул, который Туланн подарил Эффи. Старик выглядел усталым; он помассировал брови, чтобы прогнать напряжение, и провел ладонью по поредевшим белым волосам.

— Я не считаю его злым человеком, хотя многие не согласились бы со мной. Видите ли, леди Морган, Туланна не научили ценить людей.

— Вы уверены? — пролепетала Эффи. — Вы говорите, что он...

— Подсыпает им яд. Да, мы так думаем. — Алмасей встал и повернулся к выходу. — Я не знаю, что вы за человек, леди Морган, однако мне вы кажетесь доброй и честной девушкой. Я думаю, будет справедливо, если вы узнаете, с кем имеете дело. Пожалуйста, ведите себя поосторожнее.

— С-спасибо...

Алмасей слегка поклонился ей, прежде чем растаять в ночи. Эффи оглядела свой богато изукрашенный шатер с новым чувством.

— Ну, просто прекрасно, — пробормотала она. — И почему мне всегда так везет с мужчинами?..

Эффи принялась раздеваться. Она сняла теплый плащ на меху, который подарил ей Туланн, и кожаные сапоги с искусным тиснением, которые подарил ей... М-да. Эффи вздохнула и

опустила голову на руки. Это просто не могло быть правдой — верно? Ладно, пусть Туланн — избалованный юнец, и все-таки он нравился ей. Он был умным и находчивым, обладал великолепным чувством юмора. Он заставлял Эффи смеяться... Хотя, если вдуматься, некоторые его шутки были довольно жестокими. Тем не менее юный император нравился Эффи. И что прикажете теперь делать?

Отъезд в Сулис Мор был запланирован на утро следующего дня. Талискер ощущал радостное возбуждение при мысли, что вновь увидит город-крепость, с которым связано немало воспоминаний. Он полагал, что выбраться из Руаннох Вера будет несложно: осада до сих пор не перешла в активную фазу. Император Туланн просто расположился лагерем перед городом, однако не пытался ни войти в него, ни даже пересечь тракт. Со временем ситуация, очевидно, изменится, хотя не похоже, чтобы это произошло в обозримом будущем.

Талискер стоял на стене, потягивая теплое питье и любуясь озером. Сердце защемило от нахлынувших воспоминаний. Он точно так же находился здесь много-много лет назад, когда Сандро принес ему подогретый мед. Тогда они еще были злейшими врагами, и все же Сандро имел наглость заявить, что в бою будет прикрывать его!.. Талискер ухмыльнулся, глядя в свою кружку.

— Хорошо устроился.

Он обернулся и увидел Йиску, стоящего у подножия лестницы в сопровождении Пса. Навахо был укутан в толстое одеяло, защищавшее от ночного ветра. Он выглядел усталым и несколько взволнованным.

— Как леди Фрейя? — спросил Талискер. Йиска навещал Фрейю каждое утро все время, пока странники пребывали в Руаннох Вере.

— Хорошо. Вряд ли ребенок появится раньше следующего месяца, но тут нельзя быть уверенным на все сто. Они сами решают, когда им приходить в этот мир.

— А где Малк?

— Думаю, отправился с Рако в кабак, — произнес Йиска с улыбкой. — Малк называет это «пойти погреться».

Талискер тихо рассмеялся.

— Он шутит, верно? — Даже в самой жаркой комнате тело Малколма всегда оставалось холодным на ощупь. Горец вообще никогда не мерз.

— Надеюсь.

Они немного помолчали, любуясь озером. Затем Йиска открыл рот, собираясь что-то сказать, и тут они в первый раз услышали этот странный звук. Он был похож на удар исполинского хлыста — резкий щелчок, раскатившийся в вечернем воздухе; затем раздались треск и шипение.

— Вон там. — Йиска указал направление звука. Впрочем, он мог бы этого и не делать: то, что они увидели, не заметил бы разве только слепой. В ночном небе вспыхнули соцветия ярких огней, напоминающие фейерверк. Они разгорались в тот же момент, когда доносились звуки, и долго висели в воздухе, прежде чем погаснуть.

Йиска нахмурился.

— Это что, природное явление?

— Вроде северного сияния? Нет, не думаю. Сдается мне, это какая-то магия, и боюсь, что случилась большая беда, — простонал Талискер.

— Где... — Йиска не договорил.

Талискер угрюмо посмотрел на озеро. Из шоретского лагеря начали долетать возбужденные крики; там загоралось все больше и больше костров. Казалось, осаждающие и сами не понимают, что происходит.

— Это где-то возле Дурганти, — сказал Талискер.

ГЛАВА 13

— Туланн, я хочу кое-то у тебя спросить... — Эффи осеклась, пристально вглядевшись в лицо молодого императора. Туланн был бледен; очевидно, ночью ему не пришлось спать. Обыкновенно аккуратно одетый и гладко причесанный Туланн сегодня казался встрепанным. Его волосы торчали под разными углами, как иглы морского ежа.

— Ты видела прошлой ночью?..

— Что? — Эффи нахмурилась. — Нет, я ничего не видела, Туланн. А что случилось?

— В небе появлялись какие-то странные огни и слышались звуки взрывов...

«Салют? — подумала Эффи. — У них здесь есть фейерверки?»

— Мы полагаем, что это происходило где-то неподалеку от Дурганти, хотя не уверены до конца. Я отправил нескольких солдат выяснить, что там произошло, но уйдет несколько дней... Ты голодна? Пожалуйста, поешь. А мне кусок в горло не лезет.

Эффи не могла понять, почему Туланн так взбудоражен. Он ведь все равно ничего не сможет поделать, пока не выяснит, что произошло. «Возможно, шореты суеверны, — подумала она, — и сочли эти огни каким-то предзнаменованием».

В шатер вошел Алмасей в сопровождении женщины, одетой в военную форму. Та одарила Эффи нелюбезным взглядом, с ходу давая понять, что думает о ее статусе при императоре.

— Итак, сир, — радостно возвестил Алмасей, — похоже, боги за нас. Сегодня все должно решиться.

— Да, Алмасей. Я посылаю гонца к воротам, чтобы пригласить тана Сигрида на совет в полдень.

— Сир, — воительница склонила голову, когда заговорила, — мне кажется очевидным, что феины до сих пор не устрашены в достаточной степени.

— Как не устрашены, Элен? Я расположился лагерем перед их городом с восемью тысячами людей! — разбушевался Туланн.

— Да, но мы не придумали способа проникнуть в Руаннох Вер, сир. — Она бросила взгляд на Алмасея, ища поддержки. — Ситуация патовая, и это может продолжаться неопределенно долгое время.

— Элен. — Туланн подошел к женщине-командиру, глядя ей прямо в глаза. Эффи внимательно наблюдала за ними. Элен пыталась выдержать взгляд императора, но щека ее нервно подергивались. Она боялась Туланна. — Ты что же, считаешь меня полным идиотом?

— Н-нет, сир. Разумеется, нет. Я уверена, что у вас есть план, в который я просто не посвящена, с-сир...

— Вот именно. — На несколько долгих секунд повисла тишина. Туланн отвел глаза и отступил к своему стулу, напомнив Эффи большую хищную кошку. Он уселся и посмотрел на советников лучистым взглядом. — У меня действительно есть план. — Впрочем, если они ожидали объяснений, то тщетно. — Как там погода, Алмасей?

— Пасмурно, сир. Люди мерзнут, и настроение у них падает. Мы подозреваем, что дождь скоро превратится в снег. Сир?..

— Да, Алмасей?

У старика сдали нервы. Он бросил взгляд на Эффи, словно припоминая ее предложение говорить прямо.

— Ничего, сир. Если не возражаете, я найду людям занятие — более долгие тренировки, а может, стоит соорудить новые бараки, если мы задержимся здесь на продолжительное время...

Туланн не заглотил приманку.

— Как хочешь, Алмасей. Я не возражаю.

— Хорошо, сир. — Советники покинули шатер ни с чем. Эффи сердито вздохнула.

— Выкладывай, леди Морган.

— Ты ведь и сам знаешь, что он собирался сказать, верно? Не будет ли лучше начать осаду весной? Если продолжатся дожди, лес превратится в трясину. — На лице Туланна появилась злая ухмылка, несколько напугавшая Эффи. — Постой, у тебя и правда есть план?

— О да. И очень простой...

Она не сумела сдержаться.

— Ну? И что же это за план? Боже, как ты меня временами бесишь, Туланн!

Он рассмеялся.

— Ладно-ладно. Раз уж ты спрашиваешь в такой милой манере, придется ответить. Когда они явятся на встречу, я возьму тана в заложники.

— О! И каковы будут условия его возвращения?

— Феинам придется присягнуть мне на верность и заплатить за свои прегрешения. — Туланн пожал плечами. — Не думаешь же ты, что мне нужен их вонючий город.

— И потом ты позволишь тану править феинами? Если они тебе заплатят контрибуцию или что-то в этом роде?

— Нет. — Туланн вынул кинжал и задумчиво понаблюдал, как холодный свет танцует на лезвии. — Надо преподать им урок. Я убью старого лиса.

Как выяснилось, встрече не суждено было состояться до следующего дня. Туланн выслушал новости о том, что тан занят, с нехарактерным для императора спокойствием. Эффи уже научилась видеть в подобном поведении признак беды.

— Очень хорошо. — Туланн одарил посланца тончайшей из своих улыбок. — Завтра на закате. Встречаемся на нейтральной территории, возле тракта. И передайте Сигриду, чтобы не заставлял ждать.

Эффи ощутила облегчение. Она понимала, что находится не в том лагере — как в переносном, так и в буквальном смысле. Вполне возможно, что Талискер и остальные пребывают как раз в Руаннох Вере. Она надеялась, что ей удастся убедить Туланна отпустить ее в город, хотя пока не придумала, как это сделать. Вдобавок, несмотря на дружеские отношения с императором, Эффи начинала чувствовать себя пленницей среди шоретов. Она подумывала взять лошадь и сбежать под покровом ночи, но понимала, что это бессмысленно, поскольку не знала, куда ехать.

Во всей этой истории была, правда, одна положительная сторона. За пять дней, проведенные в Сутре, ее ни разу не вырвало, и не приходилось принимать слабительное, которое она положила в карман, готовясь к путешествию с дядей Сандро. Нельзя сказать, что ее желудок полностью пришел в норму, однако Эффи чувствовала себя несравненно лучше. Язвочки на руках быстро поджили, и перестал мучить привкус желчи во рту. Впервые за два года она могла принимать пищу, зная, что не придется в скором времени отправлять ее «в обратный путь».

Готовясь к поездке на встречу с таном, Эффи причесалась, глядя в серебряное зеркало, и поздравила себя с тем, что на щеках появился румянец.

— Ты готова, леди Морган? — Нетерпеливый голос Туланна донесся из-за стены шатра, оторвав Эффи от раздумий.

— Да. Уже иду. — Она натянула серебристую рубашку и накинула плащ.

Туланн ожидал у выхода из шатра. Вместе с ним были Алмасей и человек двадцать солдат и офицеров. При виде вооруженного до зубов отряда Эффи ощутила сильное беспокойство. Ее не покидало дурное предчувствие. Она знала о готовящейся ловушке и все же не могла поверить, что император хладнокровно убьет старого тана, как обещал.

— Послушай, Туланн, зачем я тебе там?.. — начала она.

— Поехали, — велел Туланн угрюмо.

Без дальнейших препирательств Эффи забралась на лошадь. Снова заморосило, и все же солнце пыталось пробиться сквозь тучи, подсвечивая капли так, что падающий дождь казался золотистым.

В осажденном городе горели огни, и всадники отбрасывали на землю длинные серые тени. Сперва они ехали в тишине; Эффи чувствовала легкое бурчание в животе; руки, державшие уздечку, слегка дрожали. Белый флаг перемирия, который Алмасей вез впереди процессии, трепетал и хлопал под ветром, и эти звуки напоминали Эффи чей-то злой смех.

Когда они пересекли границу лагеря и приблизились к берегу озера, Эффи тихонько вскрикнула. Представшее глазам зрелище ошеломило и напугало ее, хотя ни один из членов отряда даже не повернул головы. Вдоль дороги стояли пять крестов с распятыми на них людьми — шоретами. Двое до сих пор были живы и тихо, хрипло постанывали. Девушка вздохнула от испуга, не в состоянии скрыть свою реакцию.

— Туланн! — выдохнула Эффи. Ее глаза наполнились слезами. — Чем они провинились, за что заслужили такое? Боже ты мой! — Она в ужасе смотрела на кресты, не в силах отвести взгляда от жуткого зрелища.

— Дезертиры, — услышала Эффи голос императора. — Обычное наказание. Вообще-то мы распинаем погибших воинов, отдавая им последние почести. Но что касается этих... Таким способом мы показываем богам их позор. Не смотри туда, если это тебя так расстраивает.

Эффи резко обернулась к нему.

— А ты обычно так и поступаешь, да? Отворачиваешься? Ты хотя бы знаешь имена этих людей? Или то, почему они пытались дезертировать? Вот какова твоя справедливость, Туланн Третий! Это... это просто... Ладно! — Эффи хотела свернуть с тропы и уехать в лес, но лошадь отказалась повиноваться. Она чувствовала страх седока и не слушалась узды. Эффи видела, что многие члены отряда разинули рты от изумления, слушая столь дерзкие речи,

однако это не волновало ее. Как же она заблуждалась насчет Туланна! Он был бессердечным существом — и не более того!

Туланн взял за уздечку кобылу Эффи и похлопал животное по шее, успокаивая его. Потом подъехал вплотную и заглянул девушке в глаза.

— Леди Морган... Эффи. Послушай меня. Я не отдаю приказы о казнях; таков воинский обычай. Да, это отвратительно, но офицеры все еще живут по законам, установленным моим отцом.

— Так сделай с этим что-нибудь! — прошипела Эффи. От ярости она позабыла о всякой осторожности. — Докажи, что умеешь принимать самостоятельные решения, Туланн!

За ее спиной раздался дружный вздох ужаса. Никто не произнес ни слова — слышалось лишь дыхание лошадей да щебет лесных птиц.

Туланн протянул руку и осторожно стер слезы со щеки девушки кончиками пальцев. Эффи удивленно взглянула на него. В первый раз за все время их знакомства она осознала, что Туланн мог видеть в ней отнюдь не только друга, — и испуганно отшатнулась. Император уронил руку, отвернул лошадь и отъехал от Эффи. Затем он обратился к всадникам:

— Снимите их оттуда. Отныне приказываю подвергать дезертиров порке, а затем обращать в рабство. — Туланн кивнул, словно поздравляя себя с удачным решением. — Это, — он указал на страдальцев, — неоправданный расход людского ресурса. Леди Морган совершенно права.

Всадники засуетились. Офицер из числа эскорта направился обратно к лагерю, дабы распорядиться насчет выполнения приказа.

Туланн обернулся к Эффи:

— Ну что? Теперь мы можем ехать дальше?

Она просто кивнула, потому что слова застряли в горле. Отряд снова выстроился и продолжил путь к Руаннох Веру.

— Туланн, — прошептала Эффи едва слышно. — Спасибо...

Он не ответил и даже не дал понять, что слова достигли его ушей. Однако она была точно уверена, что Туланн услышал.

Как и было договорено, на закате ворота открылись, и тан Сигрид выехал наружу, сопровождаемый тремя всадниками. Он ехал неторопливо, словно наслаждаясь последним вечерним солнцем, пробивающимся сквозь серые тучи. Туланн невозмутимо наблюдал за ним.

— Он доверяет тебе, — прошептала Эффи.

Когда всадники приблизились, Эффи поняла, что воин, едущий следом за Сигридом, ей знаком. Как же забыть это лицо, виденное в «пустоте», когда она сражалась за возвращение к жизни!

— Рако, — прошептала она.

— Ты их знаешь?

— Только парня за Сигридом. Его зовут Рако.

— Рако?! Тот йект, который убил моего отца!

— Что?!

Туланн вынул кинжал, и Эффи увидела, как побелели костяшки его пальцев, блестящих от дождевых капель.

— Подожди, Туланн, — зашептала она. — Может быть, Сигрид собирается передать его тебе.

Туланн что-то недовольно проворчал, однако спрятал кинжал в ножны, прежде чем приближающиеся всадники заметили оружие.

— Приветствую, Туланн, — обратился тан Сигрид, приблизившись к процессии. — Прекрасный день для переговоров, как полагаешь?

— Не сказал бы, — буркнул Туланн.

Рако громко вздохнул, увидев, кто сидит рядом с императором.

— Эффи Морган! Как ты здесь оказалась?

— Нашла выход, — несчастным голосом пробормотала Эффи. Ей хотелось закричать: «Бегите! Бегите скорее! Ради всего святого! Это ловушка!» Увы, девушка не могла этого сделать. Фаворитка она или нет, ее тотчас зарубили бы.

Как только Сигрид и его эскорт подъехали к шоретам, Туланн развернул коня и направился прочь. Предполагалось, что Эффи последует за ним, однако она стояла словно пригвожденная к месту.

— В чем дело, Туланн? — загремел Сигрид, когда шоретские всадники начали окружать феинов, обнажая оружие. — Меня предупреждали, что ты готовишь ловушку, и все-таки я сказал: нет. Твой отец был человеком чести. Какая жалость, что его сын — трусливый подонок!

Туланн придержал коня и обернулся.

— Бросьте оружие, — велел он.

— У нас нет оружия. Мы знаем, что такое честь. Не суди о других по себе.

— Если уж речь зашла о презренных трусах — спроси своего человека. Он зарезал моего отца в его собственной постели. И это, по-твоему, честь? — ответил Туланн, багровея от гнева. — Связать их! — приказал он. — Я поговорю с ними позже. А *этот* будет отвечать инквизитору.

Тан Сигрид и его спутники были безоружны и беззащитны. Никто из них даже не пытался сопротивляться, понимая, что это заведомо безнадежное дело. Проезжая мимо Эффи, Рако бросил на нее короткий взгляд.

— Я... Мне жаль, Рако, — тихо сказала она. — Я попробую что-нибудь сделать для вас.

Он ничего не ответил — лишь гордо вскинул голову и смотрел прямо перед собой, хотя его молчание было красноречивее любых слов.

После того, как все уехали, Эффи продолжала стоять у кромки воды, слушая плеск волн. Становилось темнее и холоднее, и все же девушка не могла заставить себя вернуться к Туланну. Со стены Руаннох Вера то и дело взмывали в небо горящие стрелы, волоча за собой хвост пламени, точно маленькие кометы. Разумеется, лагерь был недостижим для выстрелов, но Эффи понимала желание феинов выказать гнев и презрение к шоретам и их императору. «Мы знали, — говорили огни. — Мы предупреждали его, что у тебя нет чести».

Тяжко вздохнув, Эффи повернула коня и направилась к лагерю.

— Не может быть! Я не верю, что ты говоришь всерьез, — сердилась Эффи. — Нельзя просто так взять и убить тана. Страсти только накалятся. Он же старик, Туланн! Ради всего святого...

Туланн наклонился к ней, перегнувшись через стол.

— Очаровательно, — пробормотал он.

— Что?

— Ну, когда в тебе кипят страсти, ты краснеешь. Великолепный индикатор твоих чувств. А когда ты смеешься, ты румянее, чем когда плачешь. — Туланн неопределенно помахал рукой в воздухе. Его глаза сузились. — Ты не пьешь свое вино, леди Морган.

«Что, он уже устал от меня? Неужели так скоро?»

— Туланн, я должна тебя спросить кое о чем. Только не злись, ладно?

— Спрашивай. — Он побарабанил пальцами по столу. Несколько нервно, как показалось Эффи.

— Я слышала о тебе... разные вещи... — Она решила пойти ва-банк. — И мне они не понравились. Если хочешь, чтобы мы остались друзьями, ты должен быть честным со мной.

— Ясно. Что же ты слышала?

— Что ты... — она помедлила, — Принц-Отравитель. Что ты убиваешь людей, если они тебе не нравятся или раздражают.

Как и любой принц, кому предстояло однажды стать монархом, Туланн долгие годы практиковался в искусстве сохранять на лице невозмутимое выражение в любой ситуации. Вот и теперь Эффи не сумела прочесть его эмоций, однако было ясно, что Туланна поразили ее слова. Никто и никогда прежде не осмеливался произносить это нелицеприятное прозвище в его присутствии.

— Боишься оказаться следующей? — тихо спросил он.

— Нет, — соврала Эффи. Схватив кубок, она сделала огромный глоток, точно намеревалась выхлебать все вино единым духом. Она поспешила: часть вина выплеснулась, залив ей лицо

и одежду. Эффи поставила кубок на стол и утерла губы тыльной стороной ладони. Глупый и опрометчивый поступок! Возможно, она умрет прежде, чем успеет пожалеть о нем.

Туланн рассмеялся.

— Впечатляет! — Он злорадно улыбнулся. — И как ты себя чувствуешь?

Эффи ошеломленно взглянула на него.

— Шучу. Послушай, Эффи, я расскажу тебе, как все было на самом деле. Это началось как шалость... впрочем, довольно трагическая. Я случайно отравил своего наставника. Он раздражал меня — ну, как все преподаватели временами раздражают учеников. Я всего лишь хотел обеспечить старому пердуну расстройство желудка, однако переборщил с дозой: он умер. Отец, узнав об этом, пришел в ярость. Мне здорово досталось. Чтобы наказать меня, отец отослал моего лучшего друга на вечное поселение в Кармалу Сью.

— Только раз? Только один случай? — Эффи не знала, верить Туланну или нет.

— Видишь ли, за много лет я ухитрился взять на себя ответственность за несколько других происшествий. Все эти люди умерли не по моей вине, но слухи распространяются быстро.

— Так ты сам их распространял?.. Ничего не понимаю!

— Страх, Эффи. Я исподволь внушаю людям опасение. Это моя характерная черта; я развивал ее, чтобы выжить. Знаешь, сколько у меня было шансов стать императором? Крайне мало. Я еще очень молод, а за моей спиной стоят старшие, более опытные люди, которые с радостью примерили бы корону — ради блага Шорета, само собой.

Эффи ошеломленно покачала головой.

— Не думаю, что мне хотелось бы жить при дворе, — пробормотала она.

Некоторое время они сидели в молчании. Эффи смотрела в свой кубок, пытаясь понять, хорошо ли она себя чувствует.

— Ты единственный человек, которому я это рассказывал, — задумчиво произнес Туланн. Он улыбнулся снова — своей злой улыбкой. — Разумеется, если ты кому-нибудь проболтаешься, я убью тебя.

— Можно мне повидать пленников?

— Зачем? Ты только снова расстроишься.

— Я знакома с кузеном Рако, — бойко соврала Эффи. Она надеялась, что это объяснение удовлетворит Туланна, который считал ее феином. — Возможно, Рако захочет передать ему что-нибудь. Свою последнюю волю или...

— Не понимаю, с какой стати мне оказывать ему милости! Этот человек убил моего отца.

Эффи вздохнула.

— Ладно. Послушай, я ищу своих друзей. Я думаю, Рако осведомлен, где они находятся. — Впервые за прошедшие дни Эффи ощутила, как живот начинает сводить судорогой, и ее охватила паника. В самом деле: она не так уж и хорошо знает Туланна. Он мог просто-напросто солгать ей. Возможно, сейчас император так мило беседует с ней и рассказывает сказочки, смакуя мысль, что она умирает.

— О! Друзья — это важно. Ну, вот что я тебе скажу: давай заключим сделку. Переспи со мной, а я позволю тебе повидаться с пленниками. Или даже отпущу одного из них.

Эффи уставилась на императора, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Это не смешно, Туланн, — холодно сказала она.

— Как ты себя чувствуешь, Эффи? — Он наклонился и заглянул ей в глаза. На его лице было написано беспокойство, однако Эффи уже не взялась бы сказать, насколько оно было искренним. Она чувствовала, как по спине между лопаток стекают струйки пота.

— Хорошо... Нет. Плохо! Послушай, я... Я пойду, Туланн. — Эффи не стала дожидаться его позволения. Она сорвалась со стула и кинулась вон из шатра — в живительную прохладу ночи.

Оказавшись на улице, в тумане непрекращающейся мороси, Эффи понемногу успокоилась. Наверное, она просто слишком быстро выпила вино, и оно ударило ей в голову. А Туланн теперь подумает, что она полная дура. Он верил в нее, а Эффи отплатила ему черной неблагодарностью: идиотскими подозрениями и грубостью. Хотя и приглашение в постель напугало ее. Возможно, Туланну просто не случалось иметь друга и доверенное лицо, который одновременно был бы еще и женщиной... Эффи хотелось доверять ему. Видит Бог: хотелось.

Она сунула пальцы в рот, и ее вырвало. «Туланн и его вино тут ни при чем, — сказала себе Эффи. — Просто сила привычки».

Йиске снится сон. Не один из тех смутных скоротечных снов, которые он привык видеть по ночам. О нет! Этот сон совсем иной. Многоцветный, многозвучный. Йиска стоит, глядя вверх — на водопад. По крайней мере он полагает, что это водопад. Йиска не замечает, откуда льется вода, но она низвергается вниз по скалам бурным ревущим потоком. Водяная пыль висит в воздухе, и солнце переливается в ней тысячами маленьких радуг. Воздух наполнен звуками. Йиска стоит по щиколотку в воде; на нем ритуальная рубаха для Пляски Духов, подаренная дедушкой Родни. Стеклянные бусины, нашитые на рубаху, переливаются и сверкают, отражая солнечный свет и игру водяных капель. Если кто-нибудь взглянет на Йиску, он, пожалуй, не заметит его за этим буйством красок.

Йиска поет. Он знает не так уж много ритуальных песен навахо — только несколько фрагментов из церемонии освящения хогана. И теперь эти слова срываются с губ помимо его воли.

То будет хоган хрустальной воды,
То будет хоган, осыпанный цветочной пыльцой,
То будет хоган счастья длиною в жизнь,
То будет хоган, стоящий среди красоты,
То будет хоган, благословленный Красотой.

Йиска чувствует непреодолимое желание обернуться. Он поворачивает голову и видит перед собой красно-коричневую глиняную стену хогана. Добротное, красивое жилище, возведенное по всем правилам, стоит у самой кромки воды. Дверь хогана обращена на восток, чтобы восходящее солнце каждое утро могло сосчитать обитателей жилища, пребывающих в мире живых.

— Привет, — говорит он скорее про себя, нежели вслух. Странное дело: шум воды не становится тише, даже когда индеец входит внутрь. Йиска знает, что это сон, однако чувствует запах земли и прохладу. Это место излучает спокойствие. Ему хотелось бы задержаться здесь, и все же Йиска выходит наружу и возвращается к водопаду.

Едва его ступни встречаются с ледяными объятиями воды, как Йиска замечает движение наверху, среди мерцающих водяных струй.

— Что?..

Похоже, там человек. Кто-то ныряет в водопад, кувыркаясь среди пены, будто огромная серебристая рыба. У Йиски перехватывает дыхание. Разумом он понимает, что человек должен погибнуть в бурном потоке: слишком уж водопад быстр и жесток. Если отважный пловец и не захлебнется — ему неизбежно суждено разбиться об острые скалы внизу. Впрочем, сейчас Йиска не желает слышать голос рассудка; он просто наблюдает в немом восхищении. В конце концов, это всего лишь сон.

И, разумеется, она не захлебнулась в потоке и не разбилась. Да, она... Теперь Йиска ясно видит, что это женщина. Она раскидывает руки, чтобы замедлить полет, и легко приземляется на скалу.

Она — сид. Йиска еще не умеет различать кланы, но полагает, что женщина может быть рысью. В ее облике есть что-то кошачье. Изящное, гибкое, тонкое тело и огромные золотистые глаза. Водяные струи играют ее просторными серыми одеждами. Женщина выбирается на берег.

— Йи-иссска, — говорит она.

— Да.

Женщина проходит мимо и направляется к хогану. Йиска чувствует запах ее кожи — она пахнет водой, землей и воздухом. Она...

Вдруг что-то происходит! Небо темнеет, будто над водопадом собрались грозовые тучи. В единый миг Йиска теряет прекрасную женщину из виду. Он бежит к хогану. Начинается дождь. Водяные струи барабанят по земле. Вокруг ничего не разглядеть, но Йиска видит, что внутри хогана горит свет. Должно быть, женщина развела огонь.

Йиска потрясен неземной красотой и невероятным совершенством сидской женщины. Она нужна ему — нужна как воздух. Они не знакомы, и тем не менее женщина знает его, знает его сны. Йиска тихо стонет, не просыпаясь.

Достигнув хогана, он вбегает внутрь. Здесь темно! Темно и пусто... Ее нигде нет! Что за му́ка! Йиске неожиданно приходит на ум, что это видение может быть тем самым сном. Тем, от которого не просыпаются. Возможно, женщина все еще здесь; возможно, она прячется в сумраке, поджидая его... поджидая, чтобы...

Звук за спиной! Йиска резко оборачивается.

— Что за...

Это Пес. Пес сидит на полу́ и лениво почесывается.

— П-пес?! — Йиска шагает вперед и протягивает руку, чтобы тронуть морду собаки. И в этот момент он видит — только на миг, и все же этого достаточно. Глаза собаки вспыхивают ярким, неземным золотистым светом.

Занимался рассвет. Пятый день после огней в небе и четвертый после пленения тана Сигрида и Рако. Эффи стояла на берегу озера у Руаннох Вера и смотрела, как туман расползается над водой. Она сняла сапоги, и влажная от росы трава холодила босые ступни. Было зябко, но Эффи не обращала внимания на холод. Ее мысли были далеко.

Она сделала все, что могла, однако Туланн жаждал крови, и Эффи в какой-то мере понимала его. Все знали, что императора убил Рако, хотя сам сид с негодованием отрицал это. Эффи удалось увидеться с ним, пусть и ненадолго, хотя Рако был не в настроении откровенничать.

— Передай Туланну, — сказал он, с трудом шевеля потрескавшимися, окровавленными губами, — что я не убивал его отца... А вот его самого прирезал бы с большим удовольствием. Шоретский ублюдок!

Эффи внутренне содрогнулась: сколько ненависти и презрения звучало в голосе сида! И уж конечно, она не собиралась передавать императору вторую часть послания. Рако и так порядком досталось, а эти слова явно не прибавят Туланну любви к нему. Впрочем, Рако уже было нечего терять. Сегодня утром и он, и тан Сигрид будут казнены на площади. Их пронзят горящими стрелами. Не самый приятный способ умереть — даже если шоретские лучники окажутся метки и милосердны.

Эффи спросила Туланна, почему он избрал такой способ казни.

— Традиция. История уподобит меня моему предку — Тараку Лучнику. — Туланн был немало озабочен тем, какой след он оставит в истории.

На стенах Руаннох Вера Эффи заметила движение. Там то и дело сверкали под солнцем доспехи и оружие. Видимо, обитателям города известно о том, что должно произойти. Туланн позаботился о том, чтобы место казни находилось в пределах видимости Руаннох Вера. И все же Эффи никак не могла поверить, что Туланн осмелится казнить тана на глазах у его людей.

— Леди Морган, отвратительное утро, вы не находите? — Рядом возник Алмасей. Эффи упорно казалось, что Туланн приказал старому советнику приглядывать за ней. Интересно только зачем?

— Пожалуй. Особенно если учитывать, что для некоторых оно будет последним.

— И то правда. Кстати, Туланн говорил с вами относительно дневных событий?

— Нет. А что?

— Он хочет, чтобы вы присутствовали на казни.

— Перехочет, — буркнула Эффи. — Я не буду смотреть на это кровавое варварство.

Алмасей испуганно взглянул на нее.

— Вы не понимаете, леди Морган! Он приказал мне проследить, чтобы вы пришли.

— Мне жаль, если это ставит вас в сложное положение, — холодно ответила Эффи. — Ладно, я сама с ним поговорю. Где он?

— На военном совете.

— Прекрасно. Побеседую с ним после совета. — Эффи отвернулась от Алмасея и побрела к лагерю.

По пути ей пришлось пересечь площадку, приготовленную для казни, и пройти буквально в десяти футах от столбов, к которым привяжут Рако и тана Сигрида.

— Это невыносимо, — простонала Эффи. — Это просто невыносимо!

Она побежала к шатру, оскальзываясь на влажной траве, и тут же остановилась, услышав свое имя.

— Эффи?

Шоретские солдаты вывели Рако на площадку — очевидно, затем, чтобы понаблюдать за приготовлениями к собственной казни. Сид был заперт в деревянной клетке — такой узкой, что он не мог даже сесть в ней. В бессчетный раз Эффи прокляла свою наивность и мягкосердечие. Она была не подготовлена к реальностям этого сурового и жестокого мира, где человеческая жизнь часто так неимоверно коротка...

— Рако! — Эффи попыталась ободряюще улыбнуться, но результат оказался более чем жалок. Впрочем, Рако улыбнулся в ответ. — Как ты? О Господи, что за идиотский вопрос!

— Все нормально. Я примирился со своими богами. Салкит сойдет с небес и заберет мою душу.

Кусая губы, чтобы не расплакаться, Эффи подошла ближе и взяла Рако за медвежью лапу; она была мягкой и теплой, и Рако осторожно свел когти вокруг запястья девушки. Одно короткое прикосновение — вот и все, чем она могла ему помочь.

— Мне жаль, — прошептала Эффи.

— Талискер говорил, что ты добрая девушка, — сказал Рако. — И я слышал, как солдаты говорили, будто ты имеешь большое влияние на Туланна. Может, уговоришь его отпустить Сигрида? Тан ни в чем не виноват. Он не заслужил такого...

— И ты тоже, Рако. Никто не заслужил... кроме разве что самого Туланна.

— Да ладно. На самом деле ты так не думаешь.

Эффи посмотрела на Рако сквозь навернувшиеся слезы.

— Еще совсем недавно ты ненавидел его.

— Я не хочу тратить последние часы моей жизни на ненависть.

— Ради всего святого, Рако! Разозлись! Ты имеешь на это право. На гнев. На ярость! — Его тихое смирение показалось Эффи ужаснее, чем всепоглощающая ненависть. Ей хотелось усесться на землю и расплакаться — самозабвенно, как она поступала, когда была ребенком. Однако в следующую секунду Эффи вспомнила одну очень важную вещь.

— Рако! Ты встретился с Талискером?

— Да. Мы вместе пришли в город.

Эффи бросила взгляд в сторону Руаннох Вера, который сейчас был затянут плывущим над озером туманом.

— Он в городе? А Йиска? Малки?

— Нет. Йиска и Малки несколько дней назад ушли из Руаннох Вера.

— Ушли... Каким образом? И куда? — Она не могла скрыть своего страха.

— Они ищут Совет Темы. — Рако пропустил мимо ушей первый из ее вопросов. — Талискер полагает, что это важно...

— Леди Морган? — Алмасей незаметно подошел сзади и положил руку ей на плечо. — Не надо растравлять себе душу. Если уж Туланн уперся — ничего не попишешь. Мне действительно жаль.

— Черт побери! Зачем извиняться передо мной? — разъярилась Эффи. — Вы ему это скажите! — прибавила она, кивнув на Рако. Сбросив с плеча руку Алмасея, Эффи побежала к своему шатру. Она надеялась, что на сей раз Алмасею хватит ума не преследовать ее.

* * *

— Пожалуйста, Туланн, не заставляй меня идти туда, — умоляла Эффи.

— Все ждут только тебя, — сказал он с неизбывным терпением в голосе.

— Я никогда тебе этого не прощу!

Выражение лица Туланна сделалось задумчивым. Казалось, Эффи высказала новую, не вполне понятную для него мысль. До сих пор императору не случалось беспокоиться из-за того, что кто-то не готов его простить или затаил обиду. Что ж, Эффи права. Туланну еще многому предстоит научиться, дабы понять, что такое дружба.

Едва они вышли из шатра, как зазвучали фанфары и раздался барабанный бой. Эффи огляделась. Все было готово для казни. А меж тем девушка по-прежнему не могла поверить, что она состоится.

Лучники стояли, выстроившись в ровную линию, ветер развевал их волосы и играл короткими форменными плащами. Эффи вгляделась в лица солдат, пытаясь прочесть выражения, но трудно было понять, о чем они думают. Туланн и приближенные уселись за заграждением, украшенным императорским вензелем. Внутри заграждения стояли простые деревянные скамьи, принесенные из палаток. Только Туланн должен был восседать отдельно. Солдаты вытащили из шатра его походный трон, что потребовало усилий пяти человек.

Откуда-то раздадась резкая барабанная дробь, и желудок Эффи подскочил к горлу. Она почувствовала тошноту, сердце бешено застучало в груди. В тот миг, когда девушка уже готова была сорваться с места и бежать куда глаза глядят, на поле вывели Рако. Его руки были связаны за спиной, он шел, высоко подняв голову, и все же Эффи чувствовала страх и отчаяние сида, эхом отдававшиеся в ее сердце.

Дойдя до возвышения, Рако споткнулся. Солдаты быстро подняли его на ноги и привязали к столбу. Рако что-то сказал им; Эффи сидела слишком далеко, чтобы услышать. Да и в любом случае шореты не ответили. Их лица были такими же сосредоточенными и бесстрастными, как и у лучников. Рако поймал взгляд Эффи и слегка улыбнулся. Девушка беззвучно заплакала, не стирая слез, катившихся по щекам.

Император поднялся на ноги.

— Рако, ты признан виновным в убийстве моего отца императора Теброна. — Его ломкий высокий голос разнесся над полем, и Эффи вновь прокляла Туланна.

— Надо мной даже не состоялось суда, — ровно ответил Рако.

Туланн пожал плечами.

— Таково правосудие императора, — объявил он.

Туланн кивнул капитану лучников, тот выкрикнул короткую команду. Стрелки вскинули луки и прицелились.

— О боже, — прошептала Эффи. Она стиснула в руке святого Христофора, прижала кулак ко лбу и крепко зажмурила глаза. Последнее, что она видела, — Туланн, вскинувший руку и готовящийся дать сигнал.

Это был самый долгий момент тишины, который Эффи могла припомнить за всю свою жизнь. Где-то позади, возле озера, раздался неясный звук, на который она поначалу не обратила внимания. И лишь затем, когда звук приблизился, Эффи поняла, что это стук копыт. А проклятие, сорвавшееся с губ Туланна, заставило ее понять, что случилось нечто неожиданное.

Эффи открыла глаза и сквозь пелену слез увидела шоретскую женщину, мчавшуюся на лошади вдоль опушки леса по направлению к месту казни. Она вылетела на поле и осадила коня на полпути между лучниками и их жертвой, заслонив стрелкам цель. Эффи услышала, как зашипел от ярости и негодования Туланн. Очевидно, ему было хорошо известно, что это за женщина, и ее лицезрение не доставило императору радости.

— Фереби Везул, — процедил он. — Что за спешка? Ты явилась, чтобы присоединиться к своему сообщнику? Как трогательно...

Туланн обернулся к стражникам, собираясь отдать приказ об аресте, но остановился, когда женщина заговорила.

— Я не предательница, мой император. Кармала Сью пала. А еще мы отрезаны от Дурганти, ибо Аон Кранн разрушен. Я привела сюда тех, кому удалось выжить.

— Что?! Что ты говоришь? Кто это сделал? — испуганно спросил Туланн. Шореты начали перешептываться — изумленно и недоверчиво.

— Заррус. Это сделал генерал Заррус. Он предал всех нас.

ГЛАВА 14

Он лжец! Он лгал мне! Он не собирался делать меня богом. И не для меня он старался, а для себя самого! День ото дня он становится все сильнее, вспоминает, кем он был, действует по собственной воле, а мне приходится уступать. В последнее время, когда я был занят подготовкой атаки на Руаннох Вер, он то и дело подменял меня. В буквальном смысле. Он занимал мое тело, ходил, разговаривал, ел, шутил и смеялся вместе с моими офицерами.

Мне страшно. Если мне суждено умереть, пусть это произойдет на поле боя. Лучше так, чем это медленное вытеснение из моего собственного тела. Я смотрю в зеркало и вижу его. Теперь не осталось ни малейших сомнений. Это его тело, черты его лица. Так он выглядел при жизни.

И теперь я знаю его имя. Его зовут...

— Ах, перестань! Ты же хотел власти. Ты ведь мог бросить меня в огонь, помнишь?

Что за безумие? Кто из нас пишет? Я смотрю на свои руки. Оказывается, я держу по перу в каждой из них. Он водит моей левой рукой, а я...

— Не бери в голову. Подумай, каково это — обрести... позаимствовать тело после стольких лет, проведенных в глубинах «пустоты». Тебе не дано понять, что я испытал.

— Ты заслужил эту участь. Я знаю, кто ты такой.

— Тогда ты знаешь, что я отказался от своей божественной сути.

— Вряд ли она когда-либо была твоей по праву. Я читал историю феинов. И предупреждаю: любая попытка завладеть моим телом — и я приму экстренные меры.

— Например, какие?

— Я покончу с собой. Смотри, кольцо на руке, которой ты пишешь, выводишь свои каракули, — в нем яд, который убивает мгновенно, за несколько ударов сердца. Готов поспорить, ты не успеешь вовремя сбежать из моего тела. Ты вернешься в «пустоту» — вместе с моей богами проклятой душой.

— Ты этого не...

— Ты меня знаешь. Загляни в мое сердце — ты увидишь, что я не боюсь принять смерть от собственной руки.

— У меня теперь есть Горза.

— Да-да. Сбегай проверь, как он управляется там, в другом мире. Или боишься?

— Боюсь?

— Ты же бывал там раньше. Разве нет?

Ответа не последовало. Полагаю, он действительно ушел.

В последний раз, когда я писал в дневнике, то собирался рассказать о молитвах. Видите ли, кто бы ни готовился стать богом — он или я, — божественность невозможна без веры. Пусть эта вера будет слепой и бездумной — нам сгодилась бы и такая. Каждый раз, когда появляется новый шард или флэй, мы вставляем в него хетурит. Это слово на древнем языке феинов обозначает молитву. Материальное ее воплощение выглядит как крошечная бусинка из агата, помещенная в тело каждого «солдата» нашей армии. У шардов и флэйев нет выбора. Они обретают веру вместе с появлением хетурита. Именно он генерирует энергию, которая нам необходима.

Постепенно энергии становится все больше, и в один прекрасный момент ее хватит, чтобы превратить человека в бога. Он не сказал мне когда, но я подозреваю, что это произойдет в скором времени. Теперь он силен. Например, он только что изошел из моего тела, чтобы посмотреть, как продвигается операция Горзы. И от его ухода мало толку — он все равно узнает, если со мной что-то произойдет. Возможно, он понимает и то, что моя угроза самоубийства — не более чем блеф. Он способен покинуть мое тело за считанные мгновения. А жаль! Мысль о том, чтобы утащить его душу в ад, согревает мне сердце.

О да! Я напишу это, пока он не вернулся: его зовут Джал.

— Это история о том, как Койот принес людям огонь. Когда-то мне рассказывала ее моя мать, Эллис Таллоак из народа Черной Воды. — Йиска улыбнулся, вспоминая о матери. Она «рассказывала руками», как говорил Родни. Когда Эллис говорила, ее руки танцевали и порхали в воздухе, словно белые бабочки.

Это случилось в начале времен, когда люди только-только пришли на равнины и жили в мире со всеми прочими народами.

Койоту, как и многим другим созданиям, огонь был ни к чему, сперва он даже и не думал о нем. Но как-то одним весенним днем Койот проходил мимо человеческой деревни. Тамошние женщины пели песню-плач о детях и стариках, умерших во время зимних холодов. Их голоса стонали как западный ветер, и шерсть на шее Койота поднялась дыбом. Койот почувствовал печаль. Ему стало жаль несчастных мужчин и женщин, и он подумал: хорошо бы помочь им.

А надо сказать, Койот знал, что на вершине высокой горы живут трое Огненных Созданий.

— Что-то типа троллей?

— Заткнись, Малк.

Эти Создания берегли огонь для себя, ревностно охраняя его. Они опасались, что люди сумеют обрести его и станут такими же могущественными, как они сами. Койот решил, что он добудет огонь. Сделает доброе дело для людей и заодно проучит жадных Огненных Созданий. Итак, он отправился на вершину горы и стал наблюдать, как Создания охраняют огонь. Но едва Койот подошел ближе, как Огненные Создания почуяли его. Они вскочили на ноги и начали озираться по сторонам. Их глаза горели будто рубины. Они размахивали огромными руками с кривыми когтями, похожими на когти коршуна.

Однако Койот схитрил. Он поднялся на вершину горы на четырех лапах, припав брюхом к земле. Огненные Создания подумали,

что это обыкновенный койот, который охотится среди де-

ревьев, уселись на свои места и больше не обращали на Койота внимания.

И так он наблюдал весь день и всю ночь, пока Огненные Создания стерегли огонь. Койот смотрел, как они кормили огонь сосновыми шишками и сухими ветвями. Он видел, как они яростно наступали на язычки пламени, которые ухитрялись сбежать по сухим травинкам. А ночью, когда приходило время сна, Огненные Создания охраняли свое сокровище по очереди.

Да, Огненные Создания стерегли огонь на совесть — всегда, кроме одной-единственной части дня. Это было самое раннее утро, когда в горы поднимаются первые предрассветные ветры. Тогда страж спешит вернуться в теплую пещеру и вызвать на смену собрата. Но и собрату не хочется просыпаться. Он неторопливо встает с постели и медленно бредет наружу, чтобы занять место у огня. Его голова клонится на грудь, а веки еще слеплены сном.

Увидев все это, Койот спустился с горы и поговорил со своими друзьями из других народов. Он рассказал им о несчастных людях, лишенных шерсти и потому боящихся холода и зимы. И еще он рассказал об Огненных Созданиях, о тепле и свете их пламени. И все друзья Койота согласились, что люди должны получить огонь, и все пообещали помочь Койоту.

Потом Койот снова отправился на вершину горы. И опять Огненные Создания вскочили, когда он подошел ближе. Но, присмотревшись, они увидели обычного серого койота, который охотился среди кустов. Поэтому они и не обращали на него внимания. Койот же наблюдал весь вечер, всю ночь и дождался момента, когда двое из Созданий отправились спать в пещеру. Он наблюдал, как сменяются стражи, — до тех пор, пока не поднялись утренние ветры.

Создание, охранявшее огонь, кликнуло одного из своих братьев. А брат, кому пришла очередь сторожить, выбирался из постели медленно и неохотно. И прежде чем он выбрался из пещеры, Койот выскочил из кустов, подхватил мерцающую головню и помчался вниз по склону горы.

Огненные Создания завопили от ярости и пустились в погоню. Они были быстры и, хотя Койот бежал изо всех сил, догнали его. Самый резвый протянул к нему руку, готовый схватить Койота. Однако тот увернулся, и когтистые пальцы зацепили только самый кончик хвоста. Правда, этого оказалось достаточно, чтобы шерсть на хвосте побелела. Вот почему кончик хвоста у койота остался белым до наших дней. Койот закричал и отшвырнул от себя огонь, но прочие народы уже собрались у подножия горы и были наготове.

Белка первой заметила, что огонь падает. Она подхватила его, положила себе на спину и помчалась прочь по верхушкам деревьев. Огонь жег ей спину так сильно, что ее хвост закрутился вверх, и до наших дней все беличьи хвосты таковы. Огненные Создания погнались за Белкой, и та ловко перекинула огонь Бурундуку.

Трусоватый Бурундук заверещал от страха и замер на месте, точно пригвожденный к земле. В мгновение ока Огненные Создания оказались рядом с ним, и тогда Бурундук бросился бежать. Одно из Созданий схватило его когтями за спину, и, хотя Бурундук вырвался, на спине у него остались три черные полосы. И такова шкурка у бурундука — с тех пор и до наших дней.

Тем временем Бурундук перекинул огонь Лягушке, и Создания погнались за ней. Один из братьев схватил Лягушку за хвост, а та дернулась изо всех сил. Хвост оторвался, оставшись в руках преследователя, и, разумеется, именно поэтому у лягушек больше нет хвостов. Лягушка же, в свою очередь, перекинула огонь Древесине.

А Древесина проглотила его. Огненные Создания собрались вокруг, но они не могли достать огонь из Древесины. Они обещали ей подарки, пели ей песни и резали ее своими ножами. И все же Древесина не отдала огонь. В конце концов, отчаявшись, Огненные Создания вернулись на вершину горы и оставили народы в покое.

Койот же знал, как добыть огонь из Древесины. Он отправился в поселение, где жили люди, и показал им, как это делается. Он показал, как нужно тереть друг о друга два куска дерева, вращая одну палочку в отверстии, сделанном в другой. И с тех пор люди живут в тепле и безопасности, потому что знали, как победить зимний холод.

Йиска смущенно улыбнулся.

— Такую сказку мы рассказываем детям, — сказал он. — Я вспомнил о ней сегодня, когда смотрел на Пса. Мы называем койотов хитрецами. Они и впрямь очень и очень умны.

— Да, но Пёс-то — не койот, верно?

— Я не удивлюсь, если узнаю, что его мать повязалась с койотом. У Пса похожая расцветка и форма ушей, хотя он несколько больше и шире в кости.

— Что значит повязалась?

— Ну, значит, она родила его от койота.

— А-а. И такое возможно?

— Да, — сказал Йиска. — Например, эскимосские ездовые собаки зачастую вяжутся с волками.

Несколько секунд все глядели на Пса. Его смутило всеобщее внимание, и он растерянно заскулил. Малки рассмеялся и потрепал кудлатую морду собаки.

— Не беспокойся, Пес. Мы все равно тебя любим.

— Вот, Йиска.

Талискер извлек из кармана небольшой предмет и кинул его через огонь. Йиска поймал вещь. Это был камень. Йиска озадаченно посмотрел на Талискера, ожидая разъяснений.

— Тебе это что-нибудь говорит?

— Говорит? В каком смысле?

— Ты не чувствуешь... ничего необычного?

— Нет, ничего. А что?

— В нем есть хозро?

— Нет. А в чем дело?

— А-а, понимаю, — усмехнулся Малки. — Талискер думает, что ты можешь быть кем-то вроде Сандро. Сеаннахом. Он и сам не знал об этом в тот момент, когда впервые явился сюда. Земля избрала его. Я правильно излагаю, Дункан?

— Вполне. Сандро стал так созвучен с землей Сутры, что истории, которые он рассказывал, были соединены со скалами и стихиями; Сандро говорил мне, что он не знал этих историй раньше — прежде чем слова срывались с его губ. А слова здесь имеют силу... по крайней мере имели в те времена.

Йиска кивнул:

— Я понял твою точку зрения, Талискер. Путь динех тоже созвучен со стихиями мира.

— Это не точка зрения, — отозвался Талискер. — Здесь так происходит на самом деле. Или происходило. Это была неотъемлемая часть жизни обитателей Сутры. Хотя теперь, кажется, связь разорвана.

Йиска опустил взгляд и посмотрел на камень в своей ладони. Это был гладкий кусок розового гранита — очень красивый, — но индеец не чувствовал в нем ничего особенного.

— Возможно, нам нужен Мориас, — вздохнул Малки. — Именно он помог Сандро найти свое место в Сутре.

— Мне не кажется, что я сеаннах, Малк. Если бы мы знали, что Сутре необходим именно он, то привели бы с собой Алессандро, верно?

— Да. — Малки многозначительно покосился на Дункана. — Если бы некоторые не были так чертовски упрямы...

— Давайте не будем о Чаплине, Малк. — Талискер послал призраку предостерегающий взгляд, но горца было уже не остановить.

— О, теперь он «Чаплин», а? Сдается мне, ты так называл его, когда вы еще не стали друзьями. Что случилось, Дункан?

— Ничего. Скажем так: ничего особенного. Мы по-прежнему друзья, честное слово. Просто он не одобрил один поступок, который я совершил, а укоряющих суждений Сандро мне хватит на три жизни... — Талискер замолчал, и даже Малки понял, что он больше не станет говорить на эту тему.

Горец вздохнул.

— Ладно, Йиска, расскажи еще какую-нибудь сказку. Возможно, земля слушает нас...

Путь Воинов был смыслом всей его жизни. Раны на теле, шрамы на руках, следы хлыста на спине — многочисленные свидетельства актов веры, которая давала ему силу во времена самых тяжелых невзгод.

И все же сейчас Горза был несчастлив и растерян. Он не мог позабыть о твари, проскочившей между его телом и телом Зарруса. В полумраке шатра, под звуки ревущей бури, Горза вспоминал это странное существо. Оно было похоже на маленького сморщенного человечка или насекомое. Вернее сказать, и на то, и на другое одновременно. Горза пытался убедить себя, что Заррус оказал ему честь, передав «охранника», но получалось плоховато. Нельзя отрицать: после этого странного происшествия Горза чувствовал себя сильнее, ощущал растущую в нем мощь. Однако перемещение в иной мир, похоже, повлияло на него каким-то загадочным образом. Его некогда светлые волосы за одну ночь сделались черными, а бледная кожа день ото дня становилась все смуглее. В любом случае Горза был воином по рождению и по духу и привык стойко принимать жизненные невзгоды. Что бы ни происходило, он должен следовать Пути и подчиняться приказам.

Здесь было невыносимо холодно, снежные бури следовали одна за другой почти без перерыва. Всю ночь с неба сыпались ледяные иглы, и двое из его пленников умерли от холода. Горза знал, что «разбазаривание материала» рассердит Зарруса, и потому инквизитор приказал принести в шатер пленников побольше тюфяков и стульев, найденных в лагере. Условия были более чем суровыми, но, кажется, местные жители застряли в ущелье, застигнутые обильными снегопадами, и Горза восхищался предусмотрительностью Зарруса. Возможно, если бы погода была иной, он и его воины не обнаружили бы здесь людей — и тогда пришлось бы вернуться обратно несолоно хлебавши. С другой стороны, Горза чувствовал, что находится в ловушке так же, как и его пленники.

Некоторые вещи вызывали у Горзы смутную тревогу. Огни в небе, звуки, которых он никогда не слыхивал прежде, огромные, неясные тени, временами проплывающие над головой... Сколько душ нужно Заррусу? Может, следует перерезать всех пленников? Сама мысль о массовом убийстве не претила инквизитору, однако Горзе требовались четкие инструкции.

Ветер завывал вокруг лагеря — словно мертвые дразнили живых, трогали ткань шатра холодными пальцами и трясли полотно со злобным весельем. Горза уныло смотрел в огонь, поплотнее запахнув плащ.

— *Гоооррза...*

Он подскочил на месте. На миг почудилось, будто сам ветер выговорил его имя.

— За... Заррус? Сэр? Это вы?

Нет ответа. Постепенно Горза успокоился. Звук родился в его мозгу — наверное, просто померещилось.

— *Горза?*

 Сердце снова бешено заколотилось.

Ответом на его испуг было сухое, злорадное хихиканье.

— Где... где вы?

— *У тебя в голове. Здесь довольно пусто, должен заметить. Аж эхо отдается.*

Горза пропустил насмешку мимо ушей.

— Генерал Заррус?

— *Ну... И да, и нет.*

Если это не его генерал, то с какой стати быть почтительным? Горза пренебрежительно фыркнул.

— Как так?

Последовала короткая пауза, словно голос размышлял над ответом.

— *Считай, что я посредник...*

— Я жду распоряжений генерала Зарруса. Он передал их тебе? Ты знаешь, чего он хочет?

— *Сколько у тебя пленников?*

— Около двух сотен. Все сиды, насколько я могу судить.

— *Две сотни? Этого должно хватить... Убей их! Убей всех и отправь тела обратно в Сутру.*

Прошедшие годы не смягчили острые зубчатые формы скал, и ветры не сумели совладать с твердыми костями земли, однако неторопливая настойчивая природа одела вздыбленные камни травой и мхом. Там, где по земле прошла волна яростной магической энергии, сорвав с нее зеленые покровы, снова раскинулся живой изумрудный ковер.

Талискер посмотрел на запад — туда, где скальные обнажения перетекали в вересковую равнину.

— Совет Темы был в той стороне, — сказал он, приставив руку козырьком ко лбу и глядя на заходящее солнце. — Сиды полагают, что их магия исходит с запада.

— Исходила, — поправил Малки.

— Да. Надо двигаться. Идти по вересковью не очень сложно. Пожалуй, за час мы покроем добрых полпути.

— К тому времени стемнеет, — возразил Малки. — Думаю, надо ставить лагерь.

— Йиска?

— Я согласен с Малки. Если переночуем здесь, то по крайней мере завтра утром поднимемся со свежими силами. Мы ведь не знаем, какой прием нам окажет Совет.

Они разбили лагерь там, где скалы начинали переходить в вересковье. С юга дул мягкий ветер, но иззубренные края скал останавливали его. Здесь было тепло и сухо. Лучшее место для лагеря со дня их прихода в Сутру.

Талискер рассказал Йиске о ледяной буре, которая перекорежила ландшафт, и о том, как он летел на спине сидского орла, пока земля дыбилась и кричала под ними.

— Теперь здесь все мирно, — заметил Йиска. — Пожалуй, в этом краю даже осталось немного хозро. — Он прищурился, глядя в ту сторону, где вечерний сумрак скрывал Сулис Мор. Выражение его лица изменилось, словно на Йиску внезапно снизошло откровение. Он обернулся и посмотрел на юг.

— И как я не понял раньше! — пробормотал индеец.

— Что?

— Что бы ни высасывало дух из этой земли — оно делает это намеренно. А затем использует энергию для каких-то своих целей.

— Готов поспорить: все это устроил тот хмырь Заррус. — Малки сплюнул в вереск. — Похоже, он гораздо могущественнее, чем мы думаем.

Талискер угрюмо кивнул.

— Давайте все же немного поспим.

Йиска уснул. Он очень устал за прошедший день, тело точно налилось свинцом. Веки тяжелы. Он не в состоянии бороться. Навахо не хочется снова видеть этот сон, он беспокоит его. Но Йиска ничего не может поделать.

Он знает, что в Сутре подобные вещи происходят не случайно. Сон должен что-то значить. Йиска не понимает, что именно, хотя уверен в одном: он не станет рассказывать об этом сновидении Талискеру и Малки.

В тот миг, когда рев водопада снова достигает его ушей, Йиска забывает о своем страхе и тревогах. Ему хочется увидеть ту женщину, проговорить с ней, на миг привлечь ее внимание.

И тут происходит что-то неправильное. Йиска понимает это в тот момент, когда видит ее прыжок. Вода темна. Холодно. Прекрасное место изменилось, стало зловещим. Когда же Йиска оборачивается, чтобы взглянуть на хоган, он слышит звук, подобный раскату грома. Громкий треск и грохот, от которого земля гудит и сотрясается под ногами. Огромный вал воды обрушивается на Йиску, пытаясь поглотить его и утянуть в черную пучину. Йиска кричит. Он чувствует себя обманутым, он уже знает, что не увидит ее... Чистый, ничем не замутненный ужас охватывает Йиску, когда его окатывает жгучим ледяным потоком. Он больше не может кричать, потому что вода заполнила горло. Йиска отчетливо понимает: кто-то целенаправленно и старательно пытается убить его. И в этот миг он слышит голое...

— Йиска! Йиска!

Индеец открывает глаза, но видит лишь черную тьму. Истерзанный рассудок не понимает, что происходит, паника

охватывает все его существо. Йиска опять кричит — и лишь затем понимает, что голос принадлежит Малки.

Слышится сухой треск, и ослепительно белая молния прорезает черные небеса. Раздается оглушающий удар грома. Мало-помалу Йиска возвращается к реальности. Ночь принесла грозу, на землю обрушиваются потоки ливня. Платка Йиски упала на него, не выдержав веса воды. Он пытается выпутаться из мокрой ткани, еще не вполне отойдя от тошнотворного ужаса сна. У Йиски трясутся руки, волосы облепили лицо, мешая смотреть. Он издает длинное невнятное ругательство, яростно выдираясь из слоев влажной тряпки, и только запутывается еще больше.

— Успокойся, парень.— Малки помогает Йиске выбраться. Горцу приходится кричать, потому что теперь молнии и гром следуют почти беспрерывно. — Давай!

Распутав Йиску, Малки подталкивает его к ближайшему скальному навесу. Индеец садится на камень и смотрит на грозу, пытаясь унять дрожь в руках и коленях. Никогда прежде он не видел подобной грозы — хотя наблюдал неисчислимое их множество в пустыне Аризоны. Гроза кажется Йиске странной, неестественной. Есть нечто неправильное в дождевых струях, ударах грома и порывах ветра. Возможно, это какое-то предостережение или предзнаменование? Молнии вспыхивают одна за другой — исполинские, ветвистые разряды, танцующие и шипящие между землей и небом. Там, где они ударяют в вереск, вспыхивают фонтаны искр. Дождь падает сплошной стеной. Слышно, как водяные струи стекают по скале.

— Где Талискер? — спрашивает он.

Малки бросает на него унылый взгляд и указывает вверх. Йиска покидает спасительный навес, чтобы взглянуть.

Талискер сидел на верхушке черной скалы, не страшась молний. Его одежда промокла насквозь, облепив тело, но Дункан ничего не замечал. На его лице застыло отрешенное выражение, взгляд был устремлен в никуда. В руке Талискер сжимал обнаженный меч, и блестящая сталь ежесекундно отражала белые вспышки.

— Талискер! — крикнул Йиска, и его голос утонул в какофонии звуков. Малки потянул индейца за рукав, и оба нырнули обратно в укрытие.

— Какого черта он там делает? — спросил Йиска. — Спасибо, — добавил он, когда горец протянул ему сухое одеяло.

— Не знаю. — Малки чихнул. — Полагаю, он расскажет нам... если захочет.

— Ты видел Пса?

— Нет. Должно быть, где-то прячется. И немудрено. — Малки возмущенно посмотрел на дождевые струи, словно считал грозу личным оскорблением.

— Эта буря только мне кажется необычной или тебе тоже? — спросил Йиска.

Малки кивнул.

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Не было никаких признаков грозы, когда мы укладывались спать. Это вроде как...

— Предупреждение для нас, — закончил Йиска.

Непогода бушевала добрых три часа. К тому времени, когда все стихло, Малки и Йиска устроили лагерь на крошечном, но замечательно сухом клочке земли под каменным навесом. Они развели костер и грелись у огня, завернувшись в одеяла. Разговаривать было сложно — слишком уж громко бушевала гроза. От шума и странного, бодрящего запаха озона у каждого из них разболелась голова, а глаза слезились от постоянных ярких вспышек.

В какой-то момент Йиска, должно быть, задремал. Он думал о сичее Родни и о грозе... а в следующий миг кто-то потряс его за плечо. Разом проснувшись, индеец посмотрел вверх и увидел бледное предрассветное небо. Рядом стоял Талискер, мокрый с головы до ног; на его лице застыла отрешенная, какая-то лихорадочная улыбка.

— Доброе утро, Йиска.

— Талискер. — Йиска заморгал. Глаза после сна немного успокоились и все-таки до сих пор слегка побаливали от ярких вспышек. — Немедленно раздевайся. Я дам тебе одеяло. Какого черта ты делал наверху?

Талискер помолчал.

— Взывал к богам... Искал ответы. — Он разоблачился и швырнул мокрую одежду на землю.

— Нашел?

— Кое-что нашел. Ты полагаешь, буря началась из-за нас?

— Да. И Малки со мной согласен.

— Так оно и есть. — Талискер завернулся в одеяло и подсел ближе к огню. — Думаю, мы притянули к себе грозу.

— Но почему?

Талискер пошарил в кармане вымокшей куртки и вынул драгоценный камень величиной с кулак. Йиске показалось, что это изумруд, хотя он и подумать не мог, что изумруды бывают такого размера. В холодном утреннем свете камень мерцал и переливался, словно вобрал в себя частичку грозы.

— Ого! Потрясающе!

За спиной Йиски зашевелился Малки. Он кряхтя встал и воззрился на камень — ошеломленно и недоверчиво.

— Дункан, — прошептал горец. — Откуда... Как он у тебя оказался?!

— Долго объяснять, Малк.

— Что это? — спросил Йиска, чувствуя, что не знает предыстории событий. — Я так понимаю, это какой-то артефакт?

— О да. Ты прав, — мрачно отозвался Малки. — Он называется Бразнайр.

Вода стояла во всех ложбинках и впадинах; текли ручьи, огибая приподнятые островки торфяной почвы. Солнце играло на поверхности воды так, что казалось — кто-то покрыл вересковую пустошь блестящей серебристой сеткой. Она тянулась вперед сколько хватал глаз и исчезала за горизонтом.

Путники продвигались медленно, увязая в раскисшей земле. Лишь Йиска умудрился до сих пор не промочить ног, поскольку был обут в высокие сапоги, которые носил еще в Аризоне. На Талискере и Малки были мягкие кожаные башмаки, сделанные феинами. Некоторое время они удерживали влагу, а затем промокли насквозь. Пес появился вскорости после окончания грозы и теперь бежал рядом с людьми, шлепая по лужам длинными неуклюжими лапами.

По прошествии трех часов Малки заметил на горизонте нечто отличное от однообразного пейзажа вересковой пустоши.

— Поглядите-ка. Что это там?

Йиска приставил ладонь козырьком ко лбу. Впереди висело облако густого белого тумана. Оно полностью затягивало вересковье; за белесой завесой то и дело вспыхивали голубые и зеленоватые огоньки.

Талискер прищурился, глядя вдаль.

— Не нравится мне это, — пробормотал он, однако не остановился.

Маленький отряд двинулся дальше, по направлению к туманной дымке.

Они были примерно в полумиле от тумана, когда раздался первый крик — долгий, пронзительный и отчаянный. Так кричат от мучительной, невыносимой боли. Пес заворчал; шерсть у него на загривке встала дыбом. Малки вздрогнул и схватился за рукоять меча. Когда крик утих, вересковье опять погрузилось в безмолвие; впрочем, что-то переменилось. Тишина стала иной — зловещей, тяжелой и будто давила на плечи. Несколько секунд маленький отряд стоял в нерешительности, настороженно озираясь по сторонам. Затем Талискер чуть заметно пожал плечами и двинулся вперед.

Туман обволок их внезапно и неожиданно. Здесь было заметно прохладнее и более сыро. Йиске показалось, что щупальца холода обвивают его словно струйки ледяной воды. Он нервно глянул на Малки, но тот упорно всматривался в туман, крепко сжимая рукоять оружия.

Раздался новый крик. На сей раз — гораздо ближе, и он был отчетливо женским.

Шли в угрюмом молчании. Йиска так старательно вглядывался в белую муть, что перед глазами заплясали черные точки. Он заморгал, пытаясь избавиться от них; опустил взор, глянув на свои сапоги и странную бесцветную траву. Когда же индеец снова посмотрел вперед, однообразие пейзажа нарушилось.

— Посмотрите-ка. Что это там? — прошептал он.

Путники подошли ближе. На воткнутом в землю длинном древке вился разлохмаченный голубой флаг, дрожа и трепеща под порывами ветра. Верхушка древка была украшена камнем, похожим на Бразнаир, только не таким большим и ярким. Он ловил рассеянный в тумане солнечный свет и отражал его, кидая на землю зеленоватые блики. На выцветшем голубом поле знамени виднелся потускневший серебряный символ. Казалось, флаг стоит здесь давным-давно — всеми позабытый и никому не нужный, печальное напоминание о давней, поблекшей славе.

— Это символ Совета Темы, — сказал Талискер. — Должно быть, мы приближаемся к месту их встреч.

— Разве у них нет особого здания? — Йиска вновь принялся вглядываться в туман, ожидая увидеть высокие шпили или монолитные стены дворца, предназначенного для заседаний могущественного Совета.

— Нет. Когда-то у них был отдельный остров, но...

Талискер осекся, едва раздались сразу два крика — мужской и женский. Теперь они были гораздо, гораздо ближе.

— Посмотрите, — позвал Малки. — Вон там еще один флаг.

Едва они подошли, как новый вопль прорезал тишину. На этот раз звук обрел воплощение: яркий сгусток синего света устремился к Талискеру, и тот едва успел увернуться. Дункан поскользнулся на влажной траве и рухнул на землю. Синий сгусток пролетел над его головой и пропал, растаяв в белесой мути.

Еще один крик. За ним — другой. И вслед за каждым яркие зеленые и синие вспышки возникали из ниоткуда, окрашивая туман.

Малки вынул меч и ударил один из световых сгустков. Как и следовало ожидать, ничего не произошло. Свет просто исчез, как и остальные, — поблекнув в отдалении или просто потухнув. Трудно было понять, куда на самом деле деваются эти странные сгустки.

Талискер поднялся, отряхивая с одежды травинки и веточки вереска. Йиске почудилось, что он сильно напуган этими звуками. И не просто напуган — ошеломлен. Потрясен. Дункан вытащил из ножен меч, хотя было ясно, что оружие тут ничем не поможет — разве что вселит уверенность в сердце своего обладателя. Рука Талискера, сжимающая рукоять, заметно подрагивала. Он нахмурился и сплюнул в сторону флага.

— Ты в порядке, Дункан?

— Да. Просто... мне на секунду показалось... не бери в голову...

Йиске уже надоели такие ответы. Он был совершенно уверен, что, если бы не его присутствие, Талискер поговорил бы с Малки начистоту. Это в очередной раз напомнило Йиске, что он чужак в Сутре. Однако навахо ничего не сказал, и все трое направились дальше сквозь туман.

Еще дважды ожившие вопли нападали на них. Во второй раз синяя молния обвилась вокруг головы и плеч Талискера, и он безрезультатно отбивался от огня, пока тот не улетел прочь — когда крик боли растаял вдали. А Талискер долго смотрел ему вслед, и в глазах его стоял ужас. На сей раз Йиска не пытался ободрить Дункана, а лишь молча пошел вперед.

— Там что-то есть, — нахмурился Малки. — Смотрите.

Сперва было трудно понять, что за темные очертания виднеются впереди, полускрытые туманом. Однако прежде, чем путники приблизились, стало ясно, что они увидят. С момента своего прихода в Сутру все трое повидали достаточно шоретских крестов...

Только эти люди, подвергнутые мучительной казни, не были ни воинами, ни дезертирами. На одном из крестов висела молоденькая девушка, на вид не больше пятнадцати лет; длинные темные волосы упали на лицо, милосердно скрывая гримасу боли, исказившую ее черты. На втором кресте был распят юноша — невысокий и несколько более хрупкий, нежели средний феин. Крест неустойчиво стоял в мягкой почве, накренившись вперед, и потому неподвижное тело висело, держась на одних только переломанных запястьях. На головах у обоих казненных возлежали тонкие золотые обручи.

— Кто они? — прошептал Йиска.

Талискер тихо застонал. Колени его подогнулись, и он мягко осел на землю между двумя крестами. Пес подошел к Дункану, тихо и жалобно поскуливая.

— Важно не кто они, Йиска, а почему они здесь. — Малки горестно покачал головой и принялся перерезать веревки, удерживающие распятую девушку. Ее тело, влажное от тумана, выскользнуло из рук горца и упало на землю рядом с Талискером. Тот резко отшатнулся; гримаса ужаса и отчаяния исказила его лицо.

— Эти крики... мне показалось... они были... это было так похоже на ее голос, — бормотал Талискер.

— Что? Чей голос? Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, в чем дело? — не выдержал Йиска.

Малки схватил индейца за локоть и оттащил в сторонку.

— Они — словно близнецы-таны. Словно дети Талискера, — прошептал он.

— Это предупреждение, — сказал Талискер. Его голос дрожал, хотя был ясным и звучным. — Послание. Мне.

— Невозможно. — Йиска покачал головой. — Кто мог знать о твоем появлении в Сутре? И почему нас не хотят пускать к Совету? Кто...

Талискер встал и начал отвязывать несчастного юношу от креста. Он что-то бормотал при этом, и хотя Йиска стоял слишком далеко, чтобы разобрать слова, ему послышалось: «Прости меня».

— Я не знаю. Есть... был только один человек, которому достало бы жестокости сотворить такое, но он наверняка мертв. Наверняка.

— Кто?

Талискер издал короткий, горький смешок.

— Мой второй сын.

Им пришлось оставить мертвецов: земля была слишком заболоченной, чтобы вырыть могилы. Однако Талискер вынул из заплечного мешка одеяло и аккуратно накрыл тела.

— Точно как Риган и Трис, — пробормотал Малки, печально покачав головой.

— Не надо оплакивать Риган и Триса, Малк. Они мертвы более ста лет. Нам неизвестно, кто эти двое, хотя их и убили из-за меня. Для меня. И как ни крути, я отчасти виновен в их смерти.

— Брось, Дункан. Я не знаю, кто на самом деле повинен в их смерти, но если когда-нибудь эта мразь попадется мне...

Малки не договорил, ибо в этот миг раздался низкий, рокочущий звук, и земля провалилась у них под ногами.

Тьма и запах влажной торфяной земли.

— Ах-х-х... — Йиска сел, потирая подбородок. Кажется, все кости целы — что странно. — Талискер, скажи-ка мне еще раз, почему Сутру считают таким чудесным местом, а?

Нет ответа.

— Талискер?

Рядом послышался стон. Йиска поднялся на ноги — очень осторожно, опасаясь, что падение может продолжиться. Свет исходил сверху, оттуда, где зияла дыра, оставленная обвалом. Оползень принес сюда вереск и кусты; Йиска сделал шаг и моментально запутался в корнях, торчавших из взрыхленной почвы.

— Талискер, это ты? — позвал он.

— Нет. Это я, Малк.

Они разыскали друг друга, и Малки зажег факел, извлеченный из рюкзака Йиски.

— Надо же, похоже, здесь обширное подземелье.

Крошечная пещерка, в которой они находились, была лишь частью длинной анфилады каверн, уходящих вдаль. Голоса людей отдавались гулким эхом под сводами подземных залов.

— Кажется, я видел впереди свет, — сказал Йиска. — Наверное, это Дункан.

— Пошли. — Малки заметно прихрамывал, однако целенаправленно устремился вперед. Йиска подумал, что временами горец напоминает ему Пса. До тех пор, пока был человек, за которым можно преданно следовать (Талискер в данном случае), Малки чувствовал себя счастливым и жил сегодняшним днем.

— Боже! — пробормотал горец несколько минут спустя.

— Что там, Малк? Ого... Ничего себе!

Огромная пещера, открывшаяся их взорам, была полна людей и животных. В тусклом свете факела виднелись темные силуэты медведей, волков и орлов. Существа были огромными — многократно превосходящими по размерам своих сородичей-животных, обитающих в природе. Нет сомнений — это могли быть только сидские тотемы. Но ни один звук, ни одно движение не нарушали тишину и спокойствие пещеры. Люди и звери стояли, застыв подобно статуям.

А ведь скульптурами они явно не были. Скорее уж какая-то неведомая магия заморозила их, обратив в камень. Некоторые из фигур покрывал желтоватый известковый налет: вода, несущая известь, постепенно натекала с потолка — будто пещера пыталась вобрать людей в себя, сделать их неотъемлемой частью своего каменного царства. Йиска переходил от статуи к статуе, разглядывая черты лиц людей и силуэты огромных животных.

Посреди зала стояла молодая женщина. Казалось, превращение застало ее в момент произнесения бурной и пламенной речи. Рот приоткрыт, руки раскинуты в эмоциональном жесте, одежды обвиты вокруг тела — так, словно за миг до превращения она быстро и резко повернулась.

Перед женщиной на каменной плите сидел Талискер, изумленно и недоверчиво разглядывая обитателей подземной залы. Увидев Йиску и Малки, он обернулся.

— По-моему, мы нашли Совет Темы.

ГЛАВА 15

— Я должен был сказать вам раньше. — Тихий голос Талискера эхом отдавался под сводами пещеры. Что бы он ни собирался сообщить, слова давались ему тяжело. Лицо Талискера

было бледным, он ссутулился, словно невысказанное признание тяжким грузом легло ему на плечи.

Малки и Йиска сидели рядом с ним на глыбе известняка. Индеец не уставал дивиться на застывшие фигуры сидов. Некоторые сломались под весом известняка. Неподалеку лежал, опрокинувшись набок, орел; его голова откололась при падении. Ближе к задней стене пещеры, куда вода нанесла больше всего извести, фигуры были совершенно неузнаваемы, покрыты толстым слоем желтоватого налета. Некоторые повалились друг на друга, переплетя конечности. Они были такими настоящими, такими живыми — до того момента, когда неизвестная магия обратила их в камень.

— В чем дело, Дункан? — Малки нахмурился. Нечасто он видел своего друга пребывающим в таком ужасе и отчаянии.

— Они сумели бы защитить себя, если бы у них был Бразнаир, — пробормотал Талискер, глядя в пол.

— Как ты думаешь, сколько времени они провели в таком состоянии? — спросил Йиска.

Талискер пожал плечами.

— Возможно, все это — дело рук Зарруса. Ему надо было выбить их из игры, прежде чем сиды успели осознать опасность. Выходит, они здесь уже несколько лет.

— Но ты только глянь на слой извести! Прошло не меньше века.

— Да? Ну, не знаю. Может, магия ускорила естественные процессы. — На Талискера жалко было смотреть. Он опустил голову, не осмеливаясь взглянуть в глаза Йиске, словно тот в чем-то обвинял его.

Малки подошел к Талискеру и встал над ним, скрестив руки на груди.

— Ладно, выкладывай.

— Я украл его. Украл Бразнаир у сидов.

— Что-о?! — Малки отшатнулся, словно Талискер ударил его. — Зачем, черт побери... Зачем ты это сделал, Дункан?

— Я уже говорил, долго объяснять, Малк. И поверь, я отнюдь не горжусь.

Малки подозрительно сощурил глаза.

— И поэтому вы поругались с Сандро?

— Да. Он жутко разозлился. Мы наговорили друг другу лишнего. — Талискер пожал плечами. — Ну, ты знаешь, как это бывает.

— Да уж. Что-что, а лаяться вы с Сандро умеете. Полагаю, в эту историю замешана женщина?

— Почему ты так думаешь?

— Скажешь, что я не прав?

Талискер поморщился.

— Нет. Ты прав. И знаешь, когда я вернулся в Шотландию, я начал болеть. Наверное, это своего рода кара, понимаешь?

Малки подошел к молодой женщине, стоявшей посреди зала, и задумчиво похлопал ее плечу.

— Может быть, еще не поздно все исправить, Дункан. Ведь Бразнаир у тебя в кармане. Попробуй использовать его — вдруг он сумеет разрушить чары.

— Хотя для многих из них уже слишком поздно, — пробормотал Йиска.

— Малк прав. Стоит попробовать. — Талискер вынул из кармана камень. Тот по-прежнему мерцал — как и прошлой ночью, когда вобрал энергию молнии. Лицо Талискера осветилось мягким зеленоватым светом, и Малки с Йиской показалось, что он помолодел. Словно дарующая жизнь магия Бразнаира повернула время вспять.

Талискер приблизился к женщине и поднес камень к ее лицу.

— Простите меня, если сможете, — прошептал он.

— Дункан, навряд ли она... — Малки замолчал, когда Йиска жестом призвал его к тишине.

Талискер держал камень перед женщиной. Ее лицо осветилось зеленым мерцанием и выглядело теперь еще более живым, настоящим... Однако ничего не произошло.

— Не выходит.

— Погоди.

— Нет, не получается, Малк. Я не чувствую никаких перемен.

— Но...

Талискер удрученно вздохнул и убрал Бразнаир в карман. Тихо прошептав проклятие, он побрел в глубь пещеры.

— Нет причин для траура, — сказал Малки. Горец собирался пойти следом и ободрить Талискера, но Йиска остановил его.

— Дай ему минутку, Малк, — сказал он тихо.

Долгое время Талискер не возвращался, и в конце концов Йиска не выдержал. Он тоже направился в глубину пещеры и подошел к другу.

— Что с тобой, Дункан? Неужели дело только в краже Бразнаира?

— Отчасти... Нет, не только... — Талискер бросил взгляд в сторону Малки. — Йиска, ты знаешь, каково это, когда кто-то верит в тебя — слепо, полностью и без сомнений? Верит, что все в твоих силах. Буквально все.

Йиска задумался.

— Ну, в детстве для меня таким человеком был мой отец.

— В детстве — это другое. Впрочем, иногда Малки и впрямь кажется мне ребенком... Нет, не пойми меня превратно. Я бы доверил ему свою жизнь... да так оно и было не единожды и не дважды. Но в нем живет безоговорочная вера. Малк просто

не в состоянии уложить у себя в голове, что я могу потерпеть поражение. А я ведь не герой, Йиска. Меня не было здесь почти два века. Я не... я больше не имею значения для Сутры. А он не видит и не понимает этого, мой верный и наивный Санчо Панса...

— Однако ты по-прежнему заботишься о Сутре, разве нет?

— Да. И всегда заботился...

— Тогда, может быть, однажды ты вновь обретешь для нее значение?

— Что ты имеешь в виду?

Йиска пожал плечами:

— Не знаю...

В этот миг их разговор перебил испуганный крик Малки:

— Ох, нет!

Это был Пес. Он тоже угодил под обвал, и никто не догадался его поискать. Пес казался таким независимым и самостоятельным, что люди не сомневались в его способности позаботиться о себе. А между тем Пес сильно пострадал. Один глаз у него был выбит, и, похоже, упавший камень сломал собаке позвоночник. Пес медленно подполз к Малки, тихо и жалобно поскуливая.

— Ох, нет, — горестно повторил Малколм. Мысль о том, что Пес смертельно ранен из-за своей верности, глубоко тронула горца. — Иди сюда, мальчик, — мягко проговорил он. Талискер заметил блеск кинжала и понял, что Малки собирается прекратить страдания Пса. Он и Йиска подошли ближе.

— Эй, мальчик, — сказал Талискер, коснувшись свалявшейся шерсти за ухом Пса. — Что с тобой, а?

— Надо было оставить его в резервации, — печально пробормотал Йиска. Ему тоже было жаль Пса.

Последовала вспышка — такая неожиданная и такая яркая, что Талискер отшатнулся назад, едва не потеряв равновесие. Свет лучился из Бразнаира, который он все еще сжимал в руке. Зеленые лучи окутали Пса, обведя его силуэт ярким свечением, которое было знакомо и Талискеру, и Малки.

Йиска тихо вскрикнул.

— Я же говорил, что он был Перевертышем! Родни предупреждал нас, а вы мне не поверили. — Он выхватил меч и вытянул его перед собой, готовый ударить, как только Пес изменит облик. Но трансформация сида всегда было неимоверно красивым, завораживающим зрелищем, и Йиска опустил оружие, потрясенно созерцая превращение.

А когда все закончилось, она стояла посреди пещеры — сидская женщина из его сна. Тоненькая, хрупкая и гибкая. Ее лицо сияло торжеством. Впрочем, едва женщина обернулась к Талискеру, как это выражение сменилось яростью. В два шага

она преодолела разделявшее их расстояние и с силой ударила Дункана по лицу.

— Эй! Полегче! — воскликнул Малки.

— Та-лиис-кер! — будто выплюнула она. — Странник по мирам. Я именую тебя вором! Понимаешь ли ты, что наделал?

На щеке Талискера проступил красный след от ее маленькой ладони, и все же он не сказал ни слова в ответ на обвинение — только кивнул.

— Мисс... Я хочу сказать, леди... — Йиска попытался отвлечь на себя внимание разгневанной сиды. — Вы появлялись в моем сне...

Женщина подошла и посмотрела ему в лицо. Под испытующим взглядом золотистых кошачьих глаз Йиске сделалось не по себе, однако он попытался улыбнуться.

Сида серьезно кивнула:

— Да. Это и впрямь ты. Певец Преданий.

— Мы словно перекати-поле. — Туланн мрачно глянул на дорогу, ведущую к Руаннох Веру. — Парии, выродки — одинокие и никому не нужные. И нигде нам не обрести дом.

После событий последних дней между шоретами и феинами наступило шаткое перемирие. Ворота Руаннох Вера были раскрыты настежь, однако шоретская армия предпочла остаться на берегу озера. Люди не чувствовали себя вправе квартировать в городе, который еще несколько дней назад осаждали. Они не могли продвинуться вперед и не могли отойти назад. С другой стороны, даже если б шореты были желанными гостями, город просто не вместил бы десять тысяч человек.

Другое дело — Туланн и его свита. Сигрид был весьма и весьма доволен несчастьем, постигшим шоретов, и с известной долей ехидства предложил императору воспользоваться лучшими покоями Руаннох Вера.

Трудно было укорять старого тана за неприязнь к Туланну после того, как предводитель феинов буквально чудом избежал смерти от горящих стрел. Тем не менее Сигрид держался весьма корректно. Лишь в те моменты, когда Туланн отводил взгляд, глаза тана вспыхивали ненавистью и злорадством.

Разумеется, перемирие далось нелегко. Что бы там ни решили между собой власть имущие, шореты и феины никогда не испытывали друг к другу особой любви. А посему не обошлось без инцидентов. Через три дня после того, как начались переговоры, два десятка подвыпивших феинов пробрались в шоретский лагерь и подожгли несколько шатров. Тонкая ткань занялась мгновенно; огонь перекидывался с одной палатки на другую, пока не запылал целый ряд. Когда люди прибежали тушить огонь, завязалась

драка. Феины вытащили мечи и напали на тех шоретских воинов, которые были вооружены. К тому времени, как порядок был восстановлен, а возмутители спокойствия — арестованы, четверо шоретов и двое феинов были убиты, а еще пятеро шоретских солдат погибли в огне.

Туланн впал в ярость. Сперва он хотел казнить нападавших, но Эффи и советникам удалось убедить его, что это лишь обострит отношения с Сигридом. Император лично передал арестованных феинов обратно в Руаннох Вер. Слабая холодная улыбка точно пристыла к его лицу.

— Горячие головы, — сказал он Сигриду. — Никакого значимого ущерба не нанесено.

О шоретах, погибших во время стычки, не было сказано ни слова.

Сигрид улыбнулся в ответ.

— Мне жаль, Туланн. Даю слово, что эти люди будут наказаны.

«Наказаны? — подумала Эффи. — Интересно как? Сигрид отшлепает их по попкам? Дети, никогда больше так не делайте». Она мрачно смотрела вслед феинам, уезжающим по тракту в сторону Руаннох Вера. Большая политика! И тот факт, что они хладнокровно убивали людей, был замят во имя великой цели... Когда Туланн вернулся в лагерь, выражение его лица ясно дало понять, что ситуация нравится ему еще меньше, чем самой Эффи.

— Варвары! Дикари! — прорычал он, ни к кому конкретно не обращаясь. А затем приказал похоронить погибших со всеми почестями, словно замаливая вину за предательство.

На следующую ночь кто-то засыпал горящими стрелами одну из сторожевых башен Руаннох Вера. Должно быть, стреляли из лодки, выведя ее на середину озера. Впрочем, никого не поймали и никому не предъявили обвинение — тем более что Руаннох Вер почти не пострадал, лишь слегка обгорела крыша башни. Пожар быстро потушили. На этот раз дело обошлось без человеческих жертв.

Утром Эффи увидела на берегу несколько рыбачьих лодок; на дне одной из них даже остались стрелы. Туланн и пальцем не пошевелил ради расследования инцидента, и Эффи подозревала, что приказ об обстреле отдал он сам.

Так или иначе, все эти «милые шалости» вскорости утратили свое значение, ибо генерал Заррус не собирался останавливаться на достигнутом.

Эффи тщетно пыталась уснуть. Впервые за прошедшую неделю у нее вновь начались неполадки с желудком. Она казалась себе обрюзгшей и раздутой, словно огромная личинка какого-то отвратительного насекомого. Эффи знала: если она подойдет к зеркалу и заглянет в него, увиденное ей не понравится. А зер-

кало, как назло, располагалась прямо перед кроватью, и взгляд Эффи то и дело возвращался к нему.

Еда в лагере была отменная, и сегодня Эффи позволила себе расслабиться. Она словно притворялась кем-то другим — вовсе не Эффи Морган, вынужденной постоянно контролировать свой организм. Ей хотелось позабыть об этом, и Эффи преуспела. И вот теперь она пожинала плоды...

Со времени прихода в Сутру Эффи рвало всего три раза. Впервые она спровоцировала рвоту сама — при помощи остатков своего лекарства. Второй раз — после разговора с Туланном и затем — несколькими днями позже. Эффи ушла подальше в лес и привычно сунула пальцы в рот. Увы! Результат оказался самым плачевным. Еще несколько часов после этого желудок невыносимо болел, его то и дело скручивали спазмы. Эффи словно утратила необходимый навык и оттого почувствовала себя беспомощной и уязвимой. Туланн то и дело справлялся о ее здоровье, но девушка так и не призналась ему — просто сидела с каменным лицом и отказывалась от еды.

И вот теперь Эффи лежала, зажмурившись, хотя и понимала, что уснуть не удастся. Если она откроет глаза — невозможно будет игнорировать тошноту. Придется вставать и выходить наружу. А также заглянуть в зеркало и увидеть свою бледность и худобу. Белый червяк из ночных кошмаров! Гадкая личинка.

Повалявшись еще несколько минут, Эффи все-таки открыла глаза. Может, стоит сходить и проведать Туланна? Наверняка он еще не спит, невзирая на поздний час. Туланн неустанно делал хорошую мину и держался молодцом, но Эффи знала, что произошедшее неимоверно напугало его. Что бы там ни думали подданные, Туланн чувствовал себя ответственным за их судьбу. Теперь он наверняка сидит в своем шатре и размышляет, размышляет... Впрочем, если Эффи явится к нему в такой час, Туланн еще, чего доброго, решит, что она согласна переспать с ним. «А так ли это плохо?» — пришла ей в голову неожиданная мысль.

Да и думать о Туланне было все же приятнее, чем о собственных горестях. Так что Эффи лежала с открытыми глазами и вспоминала об императоре, когда увидела странную тень, крадущуюся мимо ее шатра. Силуэт, видневшийся за тонкой тканью палатки, лишь отдаленно напоминал человеческий. Эффи громко вздохнула. Она была благодарна судьбе за то, что видит лишь смутные очертания. Даже этого было вполне достаточно, чтобы девушку охватил ужас.

Тварь за стеной шатра перемещалась медленно и неслышно. Ее силуэт непрерывно подрагивал, словно фигура существа состояла из тысяч мельчайших частиц — наподобие роя насекомых, — находившихся в постоянном движении. Никогда прежде

Эффи не видела ничего столь отталкивающего и гадкого. Тотчас же вспомнилось бледное лицо Талискера и гримаса отвращения, исказившая его лицо, когда он говорил о кораннидах.

Прошло немало времени, прежде чем Эффи осознала, что сидит на кровати, прижав ко рту край одеяла, и неотрывно взирает на стену шатра, за которой обретают реальность ее ночные кошмары. Кораннид завернул за угол и остановился напротив дверного проема. Эффи с трудом сдержала вскрик.

«Нет! Уходи... Уходи отсюда». Само собой, она не сказала этого вслух. Эффи старалась не дышать; ткань шатра внезапно показалась слишком тонкой, слишком непрочной. Она не двигалась и лишь в ужасе наблюдала, как кораннид неторопливо обходит ее шатер. Каким-то неведомым шестым чувством Эффи осознала: монстр здесь не один. Под покровом ночи твари вошли в мирный лагерь, и сон воинов скоро обратится адским кошмаром. Кораннидыстанут тенями своих жертв, заберут их тела. Эффи не знала, действительно ли она слышит вскрики, или это ее исполненное ужаса воображение рисует цепь безмолвных и жутких убийств.

Кораннид исчез, и Эффи нырнула под одеяло, рукавом стирая со щек холодные слезы. «А если бы эта тварь вошла в мой шатер?» — дрожа, подумала она. Ее накрыла новая волна ужаса.

Внезапно донесся придушенный крик. На этот раз — совершенно определенно. Ей не померещилось. Увы! Эффи ничего, ничегошеньки не могла поделать.

Ее последняя мысль была о Туланне. Эффи надеялась, что все в порядке, что император выживет. Что делать! Ей и впрямь нравился этот юный мерзавец...

«Я не смогу уснуть... Не смогу?»

Правда, когда Эффи провалилась в сон, ее кошмары были вовсе не о кораннидах. Девушке снились мертвые тела, распростертые на снегу.

Эффи бежала по лагерю, торопясь проведать Туланна. Ее разбудил тревожный перезвон колоколов, и девушка немедленно поняла, что ночные события не привиделись ей во сне.

Стояло ранее утро, и предрассветный туман плыл над озером, обвиваясь вокруг босых ног. Но Эффи не обращала внимания на сырость и холод. Единственная мысль прочно засела в голове и не давала покоя.

«Туланн...»

—Леди Морган! Эффи!

Она оглянулась. Впервые за все время пребывания в шоретском лагере кто-то, помимо Туланна, Алмасея и Рако, обратился к ней по имени. Все остальные обращались к ней уважительно, поскольку такова была их обязанность, однако насторо-

женно. На сей раз Эффи окликнула женщина, которая спасла Рако и тана, принеся весть об атаке Зарруса. Она стояла у воды, наблюдая за мамонтами, которые принимали утреннюю ванну. Стадо пришло к лагерю часа через два после прибытия Фереби Везул. Шоретские воины собрались огромной толпой, дабы посмотреть на мамонтов, а в особенности — на белую особь. На своих спинах мамонты несли усталых и перепуганных женщин и детишек из южного города — Кармалы Сью. То была маленькая горстка выживших после нападения тварей Зарруса.

Эффи видела мамонтов лишь издали и все же успела понять, что они и впрямь огромных размеров. Достаточно было сравнить их с лошадьми. Она почла за лучшее не подходить ближе, а просто ответила:

— Ты — Фереби Везул, да?

Не далее как вчера Рако рассказывал Эффи о шоретской воительнице. Они вместе пили вино, и Рако взахлеб повествовал о своих приключениях. Не обошел он вниманием и Фереби — в том числе описал их совместный побег из Дурганти. Говоря о Фереби, Рако не мог сдержать восхищения; возможно, впервые между шоретом и феином зародились столь теплые, дружеские отношения. Теперь Эффи увидела Фереби вблизи, и ей оказалось трудно соотнести описания Рако с этой маленькой, хрупкой девушкой. Она ожидала чего-то более... основательного.

Фереби улыбнулась, отстраненно и неубедительно. Ее серебристые волосы развевались на ветру.

— Подойди сюда, — поманила она.

— Я... Мне нужно проведать Туланна.

Фереби смерила Эффи удивленным взглядом.

— О, *с ним-то* все в порядке. Что ему сделается?..

Эффи не слишком-то понравился тон Фереби, однако она промолчала.

— Четыре сотни, — пробормотала Фереби.

— А? Четыре сотни чего?

— Погибших. Убиты кораннидами этой ночью. Если бы я спала подле стада как обычно, то, возможно, сумела бы поднять тревогу. Мамонты чувствуют подобные вещи. У них великолепная интуиция.

Эффи уже готова была рассказать, как близко она видела кораннида, но затем решила держать язык за зубами.

— О, — сказала она тихо, не зная, что еще можно ответить.

Фереби снова улыбнулась — на этот раз более приветливо. Видимо, потрясенное выражение лица Эффи смягчило ее.

— Пойдем я познакомлю тебя с Бурей.

Эффи нехотя подошла к озеру. Запах стада смешивался с туманом и висел в воздухе точно едкое облако. Фереби,

проводившая уйму времени с этими животными, похоже, вовсе его не замечала, тогда как Эффи невольно сморщила нос.

— Буря! Ко мне! — скомандовала Фереби.

Белый мамонт вышел из озера и с готовностью приблизился к хозяйке. Рядом с хрупкой фигуркой Фереби животное выглядело еще огромнее, и Эффи испуганно подалась назад.

— Не бойся, — с улыбкой промолвила Фереби, — она не причинит тебе вреда. Иди сюда, малышка. — Буря протянула хобот и зашарила по куртке Фереби, разыскивая в карманах гостинцы. — Ох, какая ты нетерпеливая! — Фереби рассмеялась. — Хочешь погладить ее, леди Морган?

Эффи протянула руку и слегка коснулась хобота Бури.

— Ой, ее шерсть...

— Мягкая, правда?

— Да. Я думала, она жесткая и колючая.

— У всех остальных мамонтов она действительно жесткая, а вот Буря — другое дело. Видимо, это оттого, что она белая. Держи. — Фереби протянула Эффи пригоршню орехов. — Положи на ладонь и отставь большой палец.

Буря с готовностью взяла угощение, хотя Эффи протянула ей руку не без опаски. Фереби просияла, словно мамонт был ее собственным чадом.

— Смотри, ты ей нравишься.

Эффи издала короткий смешок.

— Стало быть, таких в Сутре уже двое...

— Да брось. Рако хорошо о тебе отзывался. И здесь твои друзья — Талискер, Йиска и Малки.

— Я их не видела. Они ушли из Руаннох Вера до моего прибытия.

Фереби кивнула.

— Ты тоже из другого мира, да?

Заданный напрямик вопрос застал Эффи врасплох. Она откровенно говорила о себе здесь только одному человеку — Туланну, да и ему не рассказывала о своем происхождении. Затем Эффи припомнила, что Фереби дружна с Рако и была с ним, когда Талискер и остальные прибыли в Сутру. Внезапно ей стало до того грустно, что на глаза навернулись слезы. Она здесь совсем, совсем одна...

— Все нормально?

— Да. — Эффи вздохнула. — Хотя нет... Я... О черт.

Она почувствовала, что слезинка выскользнула из-под ресниц и покатилась по щеке. Эффи стало стыдно. Не хватало еще разреветься перед Фереби Везул, такой самостоятельной, сильной женщиной.

— Обычно я не плаксивая.

Фереби чуть заметно улыбнулась.

— Ради всех богов, Эффи Морган! Ты попала в совершенно новый, незнакомый мир. На твоем месте любой почувствовал бы себя не в своей тарелке. Иди сюда, сядь.

Она подозвала санаха, приглядывавшего за стадом, и тот отвел Бурю обратно к озеру. Затем Фереби направилась к лесу и уселась на бревно, а Эффи пристроилась рядом на низкой ветке каштана.

— Я всего лишь хотела забрать их, — объяснила она. — Я не планировала здесь оставаться и уж точно не собиралась становиться хитом сезона для императора Туланна. — Фереби непонимающе приподняла брови, и Эффи поправилась: — Не собиралась становиться его фавориткой... лучшим другом.

— А. — Фереби кивнула. — Я слышала, это опасная должность.

— Да нет, он не такой... Я хочу сказать: не такой, как о нем думают большинство людей. — Эффи не понравилось, что Фереби оскорбляет Туланна у него за спиной, и она немедленно принялась защищать императора.

Фереби пожала плечами.

— Ну, я не знакома с ним лично, Эффи. Знаю то, что говорят другие. И ничего хорошего о нем я не слышала.

— По большей части все это — ложь. Он будет хорошим правителем для твоего народа, Фереби, если вы дадите ему шанс.

— Может быть, может быть... Однако не подлежит сомнению, что начал он плохо, заведя армию и большинство населения Дурганти в ловушку Зарруса. Давай надеяться, что у него появится возможность реабилитировать себя.

— Я всего лишь пришла за помощью. Заррус отыскал путь в мой мир и убивает там невинных людей. Одному Богу известно, сколько уже погибло. Я надеялась найти Талискера и привести его обратно, чтобы он разобрался... — Голос Эффи пресекся, когда она вспомнила о дяде Сандро. — Возможно, что по вине Зарруса погиб очень дорогой для Талискера — и для меня — человек. Я должна рассказать ему.

— Рако говорил, что они отправились на северо-запад в поисках... как же это... — Фереби нахмурилась, припоминая название. — Ах да, Совета Темы. Вряд ли ты сумеешь отыскать его прежде, чем все это закончится.

— Туланн меня не отпустит, — пробормотала Эффи.

Фереби рассмеялась.

— А ты ему кто? Рабыня? Пленница?

— Нет. Просто... Он не очень хорошо понимает, что такое дружба. Думаю, Туланн боится, что если я уйду, то больше не вернусь.

— А ты вернешься? Когда найдешь путь назад, в свой родной мир? — Фереби заглянула в лицо Эффи, и та почувствовала, что у нее начинают гореть щеки. — Святая задница Онрира! Только не говори, что ты влюбилась в этого маленького проныру!

Эффи ощутила растущее раздражение.

— Похоже, слово «дружба» находится за пределами понимания шоретов. И еще должна тебе напомнить, что этот «маленький проныра» — твой император.

Она запахнула плащ и поднялась на ноги, пылая праведным гневом.

— Всего тебе наилучшего, Фереби Везул!

Фереби выглядела скорее позабавленной, чем обиженной. Шагая по пляжу, Эффи спиной чувствовала ее пристальный взгляд.

— Эффи Морган! — крикнула Фереби ей вслед. — Ты не ответила на мой вопрос...

Йиске было трудно сосредоточиться. Он полагал, что Мелисенда — самое прекрасное существо... самая прекрасная женщина, которую он когда-либо видел. Чужая и странная, непонятная и загадочная. От нее пахло теплом и влажной землей.

«И она может входить в мои сны», — думал он.

— Я долго ждала, — сказала Мелисенда. — Заррус похитил магию сидов и напал на Совет. — Женщина перевела взгляд на Талискера, и ее в голосе зазвучали обвиняющие нотки. — Кем мы были без Бразнаира? Да никем! Мы утратили силу, остались беспомощными и беззащитными. Сидскому народу больше не нужны наши советы; мы не имеем никакого значения для их культуры. Наш статус стал номинальным, мы — просто старые обломки прежнего образа жизни, который неуклонно уходит в прошлое. Наши люди перенимают культуру феинов, женятся на феинских женщинах и поворачиваются спиной к путям рыси, медведя, волка и орла. И я не могу их за это винить. Ты ведь знаешь, Странник, что мы впервые явились в этот мир как изгнанники. У нас не было здесь корней, и все же мы сумели сохранить себя, свой народ. А теперь, когда сиды утратили способность превращаться, наш образ жизни исчез навсегда. И это произошло прежде, чем сменилось одно поколение. Мы словно потеряли душу, хоть это и случилось на физическом уровне... Как расчленение...

Йиска кивнул. Он недоумевал, почему проблемы сидов кажутся ему такими знакомыми, такими понятными. И все же факт оставался фактом.

— Как ты попала в тело Пса, Мелисенда? — спросил он. — Сиды часто так поступают? Я имею в виду: захватывают тела животных?

Еще прежде, чем Йиска закончил фразу, он понял, что оскорбил Мелисенду. Талискер издал многозначительное покашливание.

— Так делают Перевертыши? — холодно спросила Мелисенда. — У нас, сидов, это происходит иначе. Человек и его тотем-животное полноправны во владении телом. Наши души переплетены с самого рождения.

— Пес-то не был сидским животным, — нахмурился Малки.

— Не был. Он просто последовал за вами, потому что вы были добры к нему и накормили. Я же пребывала в «пустоте» вместе с другими душами. Заррус убил меня, чтобы сделать флэйя из моего тела.

— Так потерянные души, которые мы видели...

Мелисенда кивнула.

— Теперь их там тысячи. Мы не в силах обрести покой, забвение или рай — смотря кто во что верит, — потому что наши земные тела похищены.

Малки вздрогнул.

— А как Заррусу удалось заставить ваши тела двигаться, сражаться и так далее?

— Он использует бестелесных демонов самых глубоких частей «пустоты». Злобные, безмозглые духи охотно вселяются в наши оболочки и наводят ужас на Сутру.

— Боже ты мой!

— Стало быть, в «пустоте» ты уцепилась за собаку?

Мелисенда молча кивнула.

— Заррус нашел там и других союзников, — угрюмо сказал Талискер. — Мы видели кораннидов.

Сида помрачнела.

— Час от часу не легче! — пробормотала она.

— Чего Заррусу надо? Зачем он все это делает?

— Мы не знаем. — Мелисенда обвела застывшие фигуры печальным взглядом. — Когда все это произошло, Совет как раз обсуждал шоретскую угрозу. Сиды почувствовали наличие темной магии, однако не сумели засечь ее источник, насколько мне известно.

Некоторое время все молчали, и слышался только звук капающей воды, сочащейся через слой извести на стенах.

— Что мы можем сделать, Мелисенда? — тихо спросил Йиска. — Ты, наверное, пришла, чтобы дать нам совет или сказать что-то важное.

— Ты так полагаешь? — ехидно спросила сида. Очевидно, она еще не простила Йиске его слов. — А может, я просто увидела шанс вернуться в мир и воспользовалась им? В конце концов, он был всего лишь собакой.

Йиска пристыженно опустил глаза.

— Прости, Мелисенда. Я не хотел тебя обидеть.

— По-моему, я знаю, как оживить Совет. Теперь, когда у нас есть Бразнаир...

— У *нас* нет Бразнаира, — коротко сказал Талискер. — Бразнаир есть у *меня*.

Малки нахмурился, услышав этот ответ.

— Дункан...

— Однажды я расскажу тебе правду, Малки. Давайте скажем, что этот камень необычайно притягателен для определенного типа женщин.

— Уверяю тебя, Странник, Бразнаир нужен сидам и феинам — не мне. Я уже мертва. И если ты согласишься отдать камень, мы с Йиской попробуем пробудить Совет.

— Со мной? А что я могу сделать? — удивленно спросил Йиска.

— Одну простую вещь. Только она вызовет цепную реакцию, которая заставит Бразнаир заработать. В Сутре не осталось ни сеаннахов, ни магии, ни веры в старых богов. Сутра лишилась души. Возможно, ты и сам уже заметил.

— Угу. Йиска говорит, что здесь нет хозро. Да, Йиска? — сказал Малки.

Индеец кивнул.

— И чем ближе к городу Зарруса — тем хуже.

— Но ты принес нам подарок из своего мира. Принес его здесь... — Мелисенда коснулась его груди напротив сердца. — Ты — Певец Преданий своего народа, динех, который связан с сидами сквозь время и миры.

— Я... — Йиска недоверчиво рассмеялся. — Я христианин, и я врач. Я не следовал пути динех с тех пор, как был подростком. Я уехал из резервации. Там есть другие люди, которые разбираются во всем этом гораздо лучше меня. Идущие в Красоте...

— Путь Красоты — в твоей душе. Этого достаточно. В тебе сильны любовь и уважение к твоему народу, к его прошлому. Мы с тобой можем пробудить Бразнаир. Прошу: сделай это для сидов!

Мелисенда опустилась на камень, словно долгая речь отняла у нее последние силы. Лицо сиды стало безжизненным, она казалась испуганной и печальной.

— Если ты не поможешь мне, Йиска, ничто не помешает Заррусу захватить Сутру. И тогда всех нас ждет гибель.

— Йиска. — Талискер поманил его к себе, очевидно, намереваясь поговорить с глазу на глаз. Йиска бросил нерешительный взгляд на Мелисенду; та устало кивнула.

— Иди посоветуйся со своими друзьями, — тихо сказала она.

Йиска пересек пещеру, пробираясь между опрокинутыми фигурами и обломанными конечностями, глядя на вдохновенные лица окаменевших советников. «Слышат ли они нас? — подумал он. — Вдруг все ожидают моего решения?»

— Я думаю, что должен выполнить ее просьбу, — сказал Йиска, подойдя к Талискеру и Малки. — Возможно, это не сработает, но Мелисенда права в одном: у нас нет выбора.

Талискер покосился в сторону сиды.

— Я не уверен, что ей можно доверять. Что, если она желает обрести камень для своих собственных целей?

— Это каких, например?

— Бразнаир — артефакт огромной мощи, Йиска. Он может вернуть Мелисенде жизнь и сделать ее вечной. Или же она хочет обрести власть... Черт, откуда мы знаем — может быть, ее подослал сам Заррус!

— Да брось. Это маловероятно, — сказал Малки.

— В самом деле, Талискер. Послушай, я не в курсе истории с Бразнаиром, однако уже понял, что у тебя есть некоторые причины не доверять женщинам. Тебе не кажется, что ты мыслишь предвзято? Мелисенде наверняка было непросто...

— ...уцепиться за Пса, да? Вот это-то меня и смущает. Обычно сиды не занимают чужие тела.

— Ага. И это значит, что она убила мою собаку, — мрачно добавил Малки.

Талискер вздохнул.

— Впрочем, боюсь, что вы оба правы, Йиска. Другого пути у нас нет.

Йиска кивнул и направился к Мелисенде.

— Майкл, — Талискер схватил его за плечо, — ни на секунду не выпускай Бразнаир из рук, ясно?

Йиска задумался.

— Ладно, — сказал он наконец. — Слушай, Талискер, если ты украл у них камень и если Совет очнется... — Он огляделся по сторонам. — Наверное, сиды захотят получить его назад...

Эффи убегала. Она закрыла за собой дверь — так тихо, как только могла, и все же тихий щелчок замка громом разнесся в пустоте коридора.

Эффи, как и все члены свиты императора, проводила ночь в Руаннох Вере. Вчерашнее нападение кораннидов на шоретский лагерь заставило Туланна принять приглашение Сигрида. Как бы ни претила ему эта мысль, выбора не было: император должен находиться в безопасности.

События последних дней окончательно примирили феинов и шоретов. Военные планы, построенные совместными усилиями Сигрида и Туланна, включали поход на Дурганти. Поскольку Аон Кранн был разрушен, армии придется сделать пятидесятимильный крюк вокруг северной оконечности ущелья Герн. Следовательно, союзники доберутся до города не ранее, чем через неделю. Заррус быстро узнает о походе и успеет подготовиться — это понимали все. Однако выбора не оставалось. И феины, и шореты

сходились в одном: Зарруса необходимо остановить. Не было предела его амбициям и, похоже, и его возможностям...

Военные приготовления не интересовали Эффи, и — правду сказать — она не особенно верила в успех мероприятия. За время пребывания в Сутре Эффи успела понять, что и шореты, и феины — крайне воинственные народы. Это проявлялось буквально во всем. Невзирая на союзнические отношения, они не остановятся перед сведением счетов. Вдобавок Эффи не могла позабыть о своей первой встрече с шоретами, и ее сердце до сих пор болезненно сжималось при мысли о дяде Сандро. К тому же император был очень занят. Никому в Сутре, кроме него, Эффи была не нужна — а вот теперь и Туланн погружен в совсем другие дела. Эффи видела, как он сидел в обществе Сигрида и своих генералов, склонившись над картами. Выражения лиц были мрачными: военные чины понимали, что поражение вполне возможно. В некий момент Туланн предложил удачное тактическое решение, и генералы согласно кивнули, удивленно переглянувшись. Эффи поймала взгляд Туланна; в нем светилось торжество. «Ему это нравится, — подумала она. — Он рожден для войны — для всех этих кампаний, для стратегии и тактики». И в данный момент Туланн был полностью захвачен военными приготовлениями. Возможно, их дружба не закончилась, но она определенно была отложена до лучших времен...

Вот потому-то Эффи осталась совершенно не у дел — и решила уехать. Ее план был прост: взять в конюшне лошадь и направиться на северо-запад, в ту сторону, куда ушел Талискер и остальные. Эффи знала, что план далек от совершенства, а говоря начистоту — просто жалок. Приходилось надеяться на удачу. Она будет расспрашивать о Талискере в деревнях и поселениях... ну и так далее. Главное, взять с собой побольше провизии. Еда, как известно, всегда была для Эффи больным вопросом.

Девушка на цыпочках прошла по коридору и чуть не рассмеялась вслух. Никому нет дела до того, куда она идет. Перед резной дверью покоев Туланна Эффи на минутку остановилась, однако тут же решительно тряхнула головой и прошла мимо. Кто знает, может быть, там внутри часовые? Не хватало еще, чтобы кто-то подумал, будто она намеревается прыгнуть в постель к императору.

Через четыре коридора и два этажа спустя Эффи ругалась на чем свет стоит. Она была в своем репертуаре: никакого чувства направления. Пытаясь найти выход наружу, Эффи умудрилась забрести... Интересно куда?

Девушка остановилась посреди коридора, беспомощно оглядываясь по сторонам, и в этот момент до нее долетел приглушенный звук. Тихий стон, словно кого-то пытали, предварительно заткнув ему рот.

Эффи вздрогнула. Само собой, в этом жутком месте еще и не такое может случиться. Проклятая цитадель!

— Эффи? Эффи, это ты? — Женский голос.

Она всмотрелась во мрак.

— Фереби? — Эффи пошла на звук, а в следующий миг кто-то схватил ее за рукав и бесцеремонно втащил в одну из комнат. — Фереби? Что происходит?

— Зайди.

В комнате царил жуткий бардак. Повсюду валялись одежда и мусор, грязные тарелки, остатки еды. На кучах одеял спали кошки, и в нос ударил невыносимый запах мускуса.

В центре комнаты стояла огромная кровать. На ней извивалась и корчилась от боли молодая женщина. Она и впрямь душила рвущиеся крики, прижимая ко рту одеяло.

— Боже, да она рожает!.. Мы должны помочь, Фереби. — Эффи повернулась к двери, но воительница преградила ей путь. — Эй! В чем дело?

Фереби нервно облизала губы.

— Ты... Ты когда-нибудь принимала роды?

— Нет! Надо кого-то...

— Не надо. Она не желает никого звать. Я нашла ее час назад и умудрилась дотащить досюда.

— Но почему? Ей нужен врач! Я не понимаю... — Со стороны кровати долетел еще один стон, и Эффи беспомощно замолчала.

— Подойди и взгляни... Это Фрейя. Дочь тана. Понимаешь?

— О черт!

— Фрейя, Фрейя. — Фереби погладила женщину по волосам, влажным от пота. — Это Эффи Морган. Она друг.

Глаза женщины были мутными, наполненными болью, и все же она взглянула на Эффи и убрала одеяло ото рта.

— Знаю, кто она, — выдохнула Фрейя. Казалось, ей хотелось сказать еще что-то про Эффи, возможно, что девушка — шпионка Туланна. Но тут лицо Фрейи исказилось гримасой боли, и она снова застонала.

— Боже, неужели у вас нет никаких обезболивающих? — спросила Эффи, в ужасе созерцая страдания Фрейи.

Фереби наклонилась над кроватью и стянула с Фрейи тонкую хлопковую простынь, уже перемазанную кровью. Эффи проследила за ее взглядом и громко вздохнула. Показалась головка ребенка, и этого было вполне достаточно, чтобы понять, почему Фрейе не нужны лишние свидетели. Ибо ее ребенок был, мягко говоря, необычным.

Между тем Фереби растеряла немалую часть своей уверенности.

— Надо что-то сделать, — пролепетала она.

Эффи заметила, что, хотя Фрейя тужилась изо всех сил, ребенок совсем не двигался.

— Послушай, Фереби, надо дать ей обезболивающее. Она изнурена и не в силах вытолкнуть ребенка.

— Но я не...

— Найди Рако. Он должен знать, где тут достать лекарства. Возвращайся скорее.

— А ты не можешь пойти?

Эффи издала короткий смешок.

— В тот момент, когда ты меня нашла, я как раз блуждала в поисках выхода. Иди, иди.

До тех пор, пока шаги Фереби не затихли на лестнице, Эффи не понимала, что наделала: она осталась одна, и ей придется принимать роды.

— Эффи Морган, — слабо прошептала Фрейя. — Я знаю, каков мой ребенок. Когда я рожу, мне придется оставить город. Мой отец никогда... А-а-а!

— Послушай, Фрейя, не думай об этом. Сосредоточься и тужься. Фереби Везул принесет обезболивающее. — Она взяла брошенное платье и вытерла Фрейе пот. — Здесь есть еще одеяла?

Фрейя кивнула. Эффи разыскала немного чистого белья.

— Давай-ка устроим тебя поудобнее, — пробормотала она.

К тому времени, как Фереби вернулась вместе с Рако, все уже закончилось. Фрейя откинулась на подушки; лицо новоявленной матери было бледным и изможденным. Эффи сменила ей простыни и завернула новорожденного в теплое одеяло.

— Эффи! Ты просто волшебница! — сказала Фереби. — И ты будешь утверждать, что не делала этого раньше?

— Я порядком струхнула. — Эффи усмехнулась.

— Рако, — тихо сказала Фрейя, — подойди и взгляни на племянника.

Фереби и Эффи обменялись многозначительными взглядами.

— Рако. — Фереби взяла его за плечо, словно желая предостеречь, но он не остановился. Подойдя к кровати, Рако нежно поцеловал Фрейю в лоб.

— Будь сильным, — сказала она. — Сиды подали знак.

Рако недоуменно взглянул на Фрейю. Она развернула одеяло и положила ребенка на колени.

Малыш был чудесным. Его темные глазки мерцали в свете ламп, он сучил ножками и булькал. Звуки, которые издавал младенец, мало напоминали детские крики — скорее горловое ворчание. Оно и неудивительно — поскольку ребенок Фрейи был крошечным медвежонком...

ГЛАВА 16

Три дня подряд шел дождь, а в последнюю ночь он превратился в мокрый снег, и лес стал болотом. Военный лагерь на краю ущелья Герн был самым мерзким, сырым и серым местом в целом мире. Надо ли говорить, что боевой дух людей невероятно упал — и еще прежде, чем произошло хотя бы одно сражение.

Хуже того: объединенная армия шоретов и феинов постоянно подвергалась нападению тварей Зарруса. Шарды и флэйи не решались атаковать лагерь, однако шастали по лесу и бросались на одиночных людей или небольшие группы. Но даже эти твари не могли посеять ужас в сердцах людей так, как это делали коранниды. Тех же шардов было трудно убить, однако все же возможно, и многие из людей были тому свидетелями. Коранниды же приходили по ночам — бесшумные, несмотря на свои размеры, — и кошмары становились реальностью. Эффи видела бледные, изможденные лица шоретских и феинских солдат, их усталые глаза, покрасневшие от постоянного недосыпа.

Эффи и сама спала не так уж много. Она делала все возможное, чтобы ободрить Туланна и внушить ему хоть какую-нибудь надежду, проводила с ним долгие вечера после военных советов, которые отнюдь не прибавляли юному императору оптимизма. Тан Сигрид пребывал в черной тоске, тяжело переживая исчезновение дочери. Старик совершенно расклеился и в значительной степени утратил чувство реальности. Он говорил шепотом, то и дело пугливо оглядывался по сторонам, словно опасаясь, что его могут услышать коранниды. Некогда твердый взгляд стальных глаз был рассеянным и бегающим. Тан еще больше постарел и сгорбился. Толку на военных советах от него было немного.

Впервые увидев Сигрида после исчезновения Фрейи, Эффи ужаснулась. Ей страстно захотелось рассказать старику, что произошло на самом деле.

Фрейя ушла по собственной воле, боясь, что рождение младенца-медвежонка будет воспринято как дурной знак. Рако ушел вместе с ней. Они и сами не знали, куда направятся — возможно, в Сулис Мор, где жила тетка Фрейи.

Эффи боялась за них. Долгое путешествие по кишащему монстрами лесу могло закончиться плачевно. Она знала, что, если понадобится, Рако отдаст жизнь за Фрейю и ее ребенка. К сожалению, даже этого может оказаться недостаточно...

Сигрид же решил, что его дочь унесена из Руаннох Вера не коранниdами, а богами. Они забрали ее, дабы Фрейя избежала надвигающейся тьмы. Сигрид уже убедил себя, что усилия союзников тщетны, и Сутра падет под ударами демонической армии Зарруса.

* * *

Армия встала лагерем на краю ущелья Герн, чтобы Туланн и Сигрид могли составить окончательный план атаки. По крайней мере так гласила официальная версия. На самом деле Туланн отчаянно пытался сохранить хрупкий альянс. Сигрид заговорил о капитуляции, полагая, что Заррус будет милосерден к сдавшимся. Туланн же, лично знавший генерала, отлично понимал, что Заррус почитает милосердие слабостью.

— Как ты думаешь, Сигрид, откуда берутся шарды и флэйи? Они ведь когда-то были людьми. Рако сражался с шардом с лицом погибшего отца. Сперва я ему не поверил, а теперь верю. Неужели ты хочешь для своих людей подобной судьбы? Куда же делась гордость феинов?

Дождь стучал по крыше шатра, стекая на землю звонкими струями.

— Рако... — тихо повторил Сигрид. Его взгляд стал рассеянным, он бездумно смотрел в огонь жаровни.

Император вздохнул и беспомощно глянул на Эффи, пожав плечами.

Когда Сигрид и генералы ушли, Туланн без слов протянул Эффи стакан с вином; его лицо было мрачнее тучи.

— Не горюй, все образуется. Сигрида окружают верные люди и хорошие советники. Они убедят его...

— Да? — мрачно переспросил император. — Сдается мне, многие феины считают, что шореты *заслужили* это. Что мы сами навлекли на себя беду. Заррус оказался гадюкой, которую мы пригрели на груди, и многие, многие годы никто ничего не замечал... Или же все просто закрывали на это глаза. А мой отец? Его считали таким чертовски мудрым — как же он ничего не понял? Слишком доверчив был, вот почему!

— Как только твой отец понял, что происходит, его сразу же убили. По крайней мере так полагает Рако.

— Да. — Туланн отпил вина. — Знаешь, я осматривал ущелье... От лагеря уже видно Дурганти, и все-таки нам придется сделать крюк в пятьдесят миль. Заррус будет знать о нашем приближении за несколько дней.

— Увы. Хотя если дождь будет идти и дальше, мы сумеем переплыть эту пропасть, — грустно сказала Эффи и мрачно уставилась в огонь — точно как Сигрид перед уходом.

— Ты как, Эффи?

— Я... Знаешь, мне постоянно снятся кошмары. Стоит заснуть и...

— Какие кошмары?

«Как я могу рассказать ему? Тела. Еще секунду назад — живые люди. Молодые, непокорные... А через миг — мертвецы. Почему же мне так тяжело?» Эффи не единожды видела смерть

с тех пор, как попала в Сутру. Кресты, тела воинов, убитых монстрами... Но отчего-то перед глазами по-прежнему стояли молодые навахо, распростёртые на белом снегу. Здешние жители знают, что погибель иногда приходит внезапно и неожиданно. Каждый из воинов готов к этому. А в ее родном мире все иначе. Там не привыкли к подобной жестокости. И эти юноши были так молоды — едва ли старше ее самой.

— Да нет, ничего...

— Эффи?

Она вздохнула.

— Туланн, я расскажу тебе, хотя и не следует. Расскажу, потому что... — Эффи взглянула на его восхищенное лицо и рассмеялась. — Потому что ты мой друг. Правда, если ты будешь смеяться или сочтешь меня сумасшедшей, я оставляю за собой право... дать тебе в глаз.

— А?

— Не обращай внимания. Ты поверишь мне?

— Каждому слову. — Ответ удивил Эффи, и она пристальнее вгляделась в лицо Туланна. Однако император и впрямь поднаторел в искусстве скрывать свои истинные чувства. Его большие голубые глаза смотрели, не моргая. В ожидании.

— О'кей... В смысле: ладно. Видишь ли, я пришла издалека...

— Из Сулис Мора?

— Нет. Гораздо дальше. Из другого мира.

Рассказ занял более часа. Туланн не перебивал и не задавал вопросов, что показалось Эффи странным. Она сама вряд ли поверила бы в подобную историю. Окончив повествование, Эффи задала вопрос, который давно уже не давал ей покоя:

— Может быть, ты согласишься отпустить меня, Фереби Везул и несколько воинов в мой мир? Нужно прогнать оттуда Горзу. Заррус проник к нам, и по его приказу Горза убивает людей...

— Это война, Эффи. — Голос Туланна был странно мягок и тих. — А твой мир поистине удивителен. Если там есть оружие, которое стреляет огнем, и летающие машины, то они могут сами уничтожить Горзу. Им не нужна наша помощь.

— Ты прав, Туланн. Рано или поздно это случится. Когда растает снег и откроется путь в каньон. Только к тому времени он убьет две сотни неповинных людей. Мы должны попытаться...

— Нет, — холодно проговорил Туланн. — Не должны.

— Но...

— Знаешь ли ты, сколько воинов погибло с начала этого похода? Почти шесть сотен. Пятьсот семьдесят три, если быть точным. Помнить такие вещи — моя обязанность, ибо я император.

— И что? — Эффи нахмурилась. — При чем здесь это? Ты жаждал трона всю свою жизнь, так что не надо сетовать на «бремя короны».

— Ты нужна мне здесь, — отрезал он.

— Поговори с Алмасеем! — рассердилась Эффи. — Он обязан слушать твои хныканья. А я — нет. — Она поднялась, намереваясь уйти.

— Алмасей мертв. Ты не знала? Убит кораннидом прошлой ночью. Его шатер был разорван в клочья и залит кровью.

— Я... Мне очень жаль... Он был хорошим человеком.

— Да. Полагаю, он предупреждал тебя — обо мне.

— Нет, — солгала Эффи. — Послушай, Туланн, я не ожидала, что ты так себя поведешь. Я думала, ты не поверишь или станешь смеяться надо мной. А ты поверил — и все же не хочешь помочь...

Он покачал головой:

— Нет, Эффи Морган. Спокойной ночи.

— Что? Ты меня прогоняешь?

Туланн не поднял на нее взор, а просто налил себе еще вина. Прикрыв глаза темными ресницами, он пристально смотрел на дно своего кубка.

— Ладно, отлично... Тогда и тебе спокойной ночи, — ощетинилась Эффи.

Когда она выскочила из шатра, ей в голову пришла внезапная мысль. Возможно, глупая и порожденная яростью, и все-таки Эффи не пожелала сдерживаться.

— Теперь ясно! Я тебе надоела. Я больше не нравлюсь, отныне я не твоя фаворитка! — Она запрыгала по поляне, стягивая сапоги тисненой кожи, которые подарил ей Туланн. — На, забери! — Эффи швырнула первый сапог ему в голову в тот же миг, когда пожалела о своем решении: ноги моментально промокли и замерзли. Впрочем, не такова была Эффи, чтобы идти на попятный. — Подавись! — Второй сапог просвистел в дюйме от головы императора, и на его лице появилось изумленное, беззащитное выражение. Эффи бросила взгляд на часового у входа. — А ты что пялишься, а?!

Подобрав юбку, она побежала через лагерь к своему шатру.

— Эффи, Эффи...

Она вздрогнула, просыпаясь, и села на кровати, в любой момент готовая сорваться с места.

— А?.. Туланн? — Эффи подтянула одеяло к подбородку. — Что ты тут делаешь?

— Я говорил с Фереби Везул, и она подтвердила все, что ты рассказывала о своих друзьях — Талискере и остальных. Фереби хочет взять с собой белого мамонта. Сперва я запретил... но, с другой стороны, может, и к лучшему, если он не будет прини-

мать участия в битве. По крайней мере зверь останется цел и невредим. Ведь для моих людей он — символ надежды. Короче говоря. Фереби согласна отправиться с тобой, однако надо подождать до вечера, чтобы она успела увести мамонтов в ущелье.

Эффи нахмурилась.

— Зачем?

Туланн усмехнулся.

— Они очень заметные животные, ты согласна? Особенно белый. Если Заррус поймет, что вы направляетесь к вратам, он может запаниковать, и пленников убьют. Да и Фереби кажется, что мамонтам будет спокойнее на дне ущелья. В любом случае ты успеешь собраться и послушать наши с Сигридом напутственные речи войскам.

Энергия била из него ключом. Теперь, когда появился конкретный план, с лица юного императора мигом исчезло выражение мрачной озабоченности.

— И еще одно, Эффи. — Туланн перестал улыбаться и взял девушку за руку. — Дай мне слово, что ты вернешься...

Это похоже на сон, но Йиска знает, что не спит.

Ветер несет с собой запах трав и обещание дождя. Йиска слышит голос — тихий, далекий, мягкий. В этом голосе — металл и сила земли.

«Ни'хукаа Дийян Динех — Владыками Земли они именуют нас. Первый Мужчина и Первая Женщина пришли в этот мир — называемый Четвертым или Сверкающим — из Первого Мира творения. Звери и духи сопровождают их».

Йиска видит Первого Мужчину и Первую Женщину. Эти люди величественны и прекрасны; они воплощают в себе красоту мира. Их смех звучит подобно грому. Все звери гор и равнин идут вместе с ними, мельтеша под ногами: буйвол, пума, медведь, волк и плутокойот, который всегда поблизости. Создания воздуха вьются над их головами: птицы всех размеров и видов, летучие мыши и насекомые. Великая Сова и Золотой Орел кружат и закладывают в воздухе виражи, их крылья блестят в свете солнца — так же ярко, как и черные волосы Первой Женщины.

«Народы первых трех миров не похожи на людей, живущих в дни нынешние».

Вокруг рук и плеч Первых Людей вьются клубы разноцветного дыма. Это души камней, гор, деревьев и вод — истинная сущность земли.

Первый Мужчина и Первая Женщина громадны, их шаги сотрясают землю. Озера, ущелья и каньоны остаются там, куда они ступают. Вот они подходят ближе, и Йиске становится страшно. Слишком уж грозен их вид. Но затем Первый

Мужчина и Первая Женщина уменьшаются в размерах и идут бок о бок с буйволом и койотом, который вертится возле их ног. Люди становятся одним из народов Сверкающего Мира. Они строят первый дом, и это жилище именуется «хоган». Оно создано по всем правилам сотворения жилища, которым обучил людей Говорящий Бог.

«Войдя в хоган, люди начинают придавать порядок новому миру, нарекая сущности именами. Они дают названия четырем священным горам и назначают место каждому символу-камню. И так Сверкающий Мир приобретает упорядоченность и суть. Люди кроят его по своему разумению, не забывая, впрочем, о богах. Только боги все еще заняты Творением, а люди помогают им по мере возможности».

Кромешная, смоляная тьма. В небе нет звезд — только бледная, опаловая луна. Йиска видит очертания хогана; ему кажется, будто изнутри доносится смех. Он ощущает на щеках холодные поцелуи ночного ветра. И здесь есть что-то еще — непонятное и тревожащее. Боковым зрением Йиска замечает зеленый свет, мерцающий в отдалении. Свет таит в себе опасность, он может разрушить красоту.

— *Йиска. Держись, держись.* — Женский голос. Не тот, что рассказывал истории. Йиска чувствует прикосновение теплой руки, однако не опускает взгляда.

— *Что происходит?* — спрашивает голос. — *На небе нет звезд...*

Верно, нет. Потому что боги еще не сотворили их...

Теперь Йиска стал ребенком — и физически, и ментально. Он живет в памяти земли, ее предания реальны для него — как в те времена, когда он был мальчиком.

Боль! Йиска не ожидал этого. Мелисенда не предупредила его. Йиска кричит. Боль разрывает вены и крушит кости. Он умирает?..

— *Что происходит, Йиска?*

Что...

— *Что происходит?!*

Боги... Боги помещают звезды на небеса.

Они возгораются одна за другой. Слишком яркие. Их свет режет глаза. Йиска хочет отвернуться или зажмуриться — но не может. Кажется, будто мир — Сверкающий Мир — театральная сцена, помещенная прямо перед ним. Звезды горят все ярче, а Йиска не помнит их имена.

Здесь Великая Паучиха, и она держит огромное одеяло, сотканное из ветров. На нем сложены звезды, и свет их бьет в небеса золотыми лучами. Паучиха берет звезды и одну за другой помещает на небеса — стройными ровными рядами. Она так увлечена своей нелегкой работой, что не замечает койота, который подползает на брюхе к ее одеялу. Йиска же видит его, и мальчишеский смех звенит в ночи...

Плут-Койот всегда нетерпелив. Ему хочется, чтобы Священные Люди сделали что-нибудь поинтереснее неба. Например, то, что можно пожевать. Койот хватает зубами уголок одеяла ветров и трясет его. Когда оно вздымается волной, звезды взлетают в небеса, рассыпаясь по бархатной тьме. И это столь прекрасно, что никто не сердится на Плута.

«Видишь ли, изначально Священные Люди не планировали располагать на небе звезды подобным образом. Но вышло необычайно красиво, и всем понравилось. А они продолжали создавать другие сущности — дождь, облака, растения... И наконец все было готово — только не раскрашено. И тут...»

Не раскрашено?

Зеленый свет вернулся. А с ним — новый приступ изнуряющей боли.

Я не... не могу. Кажется, я умираю...

— Пусть прекратит. Боже, взгляни на его лицо! — Теперь слышится совсем иной голос. — Он совершенно обессилен.

— И все же получается... Пожалуйста, еще несколько минут!

Раздается непонятный звук. Истерзанный разум Йиски сперва не может определить его. Тихое, зловещее шипение... Это шелест стального клинка, покидающего ножны.

— Берегись, Мелисенда. Мы не станем безмятежно смотреть, как ты убиваешь его.

Мир его снов в опасности, залитый зеленым светом. В отдалении Йиска видит темные громады гор, и голоса в хогане затихают. Теперь он беспомощен и одинок.

«Зло пришло на землю. То были огромные, безжалостные чудовища. Они охотились и убили множество новых людей Сверкающего Мира».

Чудовища явились из кошмарных снов и лихорадочного воображения ребенка. Йиска помнит, что ему доводилось видеть монстров — шардов, флэйев и кораннидов. Он знает, что они реальны. Но эти огромные неуклюжие фигуры, которые шагают по земле его снов, воистину отвратительны. Они — воплощенные страхи множества поколений маленьких детей. Чешуйчатые, хвостатые, с огромным количеством лап и глаз. Их яркая кожа странных цветов лишь кое-где прикрыта свалявшейся шерстью. На глазах Йиски они хватают и пожирают Первых Людей, которые в ужасе бегут от них. Монстры быстры. Они настигают свои жертвы и швыряют в разинутые пасти. Слышится хруст костей и отвратительное чавканье.

Маленький Йиска плачет.

Нет! Нет! Остановите их! Остановите их!

Ему хочется закрыть лицо руками, свернуться клубком на земле и ничего не видеть.

«Успокойся, Йиска. Ты ведь знаешь, что помощь идет. Чудо, ниспосланное Священными Людьми. Изменчивая Женщина, Адзаа Надлех, вошла в Четвертый Мир. У нее есть двое сыновей-близнецов, чей отец — Солнце. Это первые герои динех. Их имена — Рожденный Водой и Убийца Чудовищ. Отец-Солнце дал им оружие — небесные молнии».

И это правда. Они идут — близнецы-герои, бегут с востока, где поднимается рассвет. Братья унаследовали красоту матери и силу отца. Они смеются над страхами и не знают тревог.

Зеленая хмарь затягивает мир. Зеленый свет жжет ноги Рожденного Водой, но тот презирает боль. Он кидает молнию в ближайшее чудовище. Слышится рев — словно громовой раскат. Воздух наполняется звуками. Все — Священные Люди, Первые Люди, твари и маленький Йиска — кричат в унисон. Рождение и смерть слились в одно.

— Прекрати, Мелисенда, прекрати! Остановись немедленно!

Теперь зеленый свет повсюду, и краски поблекли. Йиска видит Изменчивую Женщину; она идет к западу и тает вдали. Адзаа Надлех ушла, чтобы воссоединиться с мужем. В последний миг она оборачивается и благосклонно улыбается Йиске. Сердце его болит от тоски и печали.

«Она уйдет в западный океан, сотворив четыре клана из собственной кожи. Таким образом Изменчивая Женщина останется вечным благословением для динех, чей Путь в Красоте несет ее дух».

Йиска осознает, что стал голосом или рассказчиком историй. Вернее, рассказчик стал им. Возможно, так было с самого начала...

— Йиска? Йиска? Давай, дружище. Возвращайся к нам!

— Йиска! Ты сделал это, парень! Пора просыпаться. Дункан, он очнется?

— Должен, Малколм. Он очень вымотан.

— И чем скорее он очнется, тем лучше для тебя, Мелисенда...

Эффи знала: Туланн, его генералы и командиры феинов сделали все, что могли. Однако армия альянса выглядела более чем жалко. И в помине не осталось того парадного блеска, с которым шоретская армия выходила из Дурганти. Да и феины были немногим лучше. Утомленные, напуганные люди — вязнущие в непролазной грязи, уставшие от непрекращающегося дождя, измотанные постоянными нападениями адских тварей.

Всего в армии было около тринадцати тысяч человек — минус случайные потери. Разумеется, Туланн и Сигрид не могли обратиться к ним ко всем сразу. Поэтому император и тан готовились произнести речи перед офицерами и командирами отрядов, которые затем перескажут слова предводителей своим людям. Туланн и Сигрид могли только надеяться, что им достанет сил вдохнуть надежду и оптимизм в сердца солдат.

Шоретские офицеры были дисциплинированными, опытными воинами. Они сидели на лошадях, выпрямив спины, безмолвно, готовясь внимать словам императора. Феины, напротив, казались более расслабленными; они приглушенно переговаривались, полировали оружие, некоторые даже чинили обувь. Многие из рядовых хотели услышать все собственными ушами и потому отыскали местечки поближе — на деревьях или на пригорках.

Эффи, само собой, находилась при императоре; Туланн попросил ее нести штандарт. Эффи удивилась, но Фереби разъяснила, что это большая честь.

— Таким образом Туланн дает понять, что считает тебя воином, леди Морган. Возможно, он пытается подготовить тебя для нашей миссии.

— Чем, ношением флага?

Фереби смерила ее презрительным взглядом.

— Тот, кто несет штандарт, прикрывает императора в бою. Это значит, что ты его телохранитель и готова защищать императора ценой собственной жизни.

— Правда? Он так полагает? — Эффи готова была отпустить ехидную шуточку, однако смолчала. Так или иначе, Туланн действительно оказывал ей честь, и Эффи следовало быть благодарной.

Сбор начался в полдень. По-прежнему шел дождь, к счастью, довольно мелкий. Эффи до сих пор сидела на лошади не вполне уверенно, но она твердо решила сделать все возможное, чтобы не подвести Туланна. Облачка пара вырывались из конских ртов и ноздрей, а штандарт императора болтался, как мокрая тряпка. Девушка украдкой пыталась помахать им, чтобы заставить флаг развеваться, однако он был слишком сырым, и ее усилия ни к чему не привели.

Речь Туланна Эффи слышала уже трижды и вполне одобряла ее. В своем выступлении император вполне реалистично обрисовывал положение дел, при этом внушая и некоторый оптимизм. К удивлению Эффи, Туланн начал говорить на языке, которого она не знала. Видимо, это был древний шоретский — классический язык этого народа. Император произнес несколько предложений, прежде чем Эффи услышала собственно начало речи.

— Слушайте меня, шореты. Я ваш император, избранный богами, дабы предводительствовать моим народом. Должно быть, сейчас многие из вас полагают, что боги жестоки или же у них извращенное чувство юмора. Но попробуйте себе представить, что чувствую я...

Послышались нервные смешки, и Эффи улыбнулась. Ей хотелось, чтобы император завоевал сердца людей, и сам он

стремился к этому всей душой. Может, Туланн не будет чувствовать себя таким одиноким, когда...

Она не вернется к нему. Эффи знала это с тех пор, как Туланн разрешил ей уйти. Эффи не позволяла себе даже думать об этом в те моменты, когда он видел ее глаза: боясь, что проницательный Туланн все поймет. Когда Эффи попадет в родной мир, она сразу отправится домой, в Шотландию. Домой — в свою маленькую квартирку, к наркотикам и безнадежности... Эффи вздрогнула и снова глянула на Туланна. Теперь он обращался к феинам.

— Я не знаю, как убедить вас, что мне можно верить. Я осаждал ваш город и едва не убил вашего тана, которого теперь считаю самым мудрым и благородным человеком из всех, кого знаю. — Он улыбнулся, обернувшись в сторону Сигрида, и тот ответил на комплимент величественным кивком. — Итак, что я могу сказать? — Туланн приложил руку к груди в жесте искренности. — Это было глупейшей моей ошибкой, и это же стало мне хорошим уроком. Я прошу простить меня и понимаю, что прошу многого. Феины — гордый народ, так же как и шореты. Мне стыдно, что именно по вине шоретов в Сутру пришло зло. Да, это наша вина, но совместными усилиями...

Эффи снова отвлеклась. Ей было холодно — как и всем прочим. Она промокла до костей, тяжелое древко знамени оттягивало руки. Главное, не уронить флаг — вот это уж точно было бы дурным знаком. Пытаясь отвлечься, она обвела взглядом другие штандарты в толпе и подумала, что каждый из знаменосцев наверняка чувствует такую же ответственность.

Внезапно Эффи померещилось знакомое лицо, и она вздрогнула. Определенно, этого человека здесь быть не могло. Девушка прищурилась, вглядываясь в толпу. Нет, ей не показалось: Туланн тоже увидел его и слегка запнулся. Затем, однако, продолжил:

— С вашей помощью, воины-феины, мы сумеем стереть Зарруса и его отвратительных тварей с лица земли... — Туланн принялся разъезжать на лошади взад-вперед перед рядами воинов, и Эффи знала, что он собирается закончить свою речь торжественным воинственным кличем. Однако император снова запнулся; на его лице появилось озадаченное выражение. Он придержал лошадь и тихо сказал что-то на ухо Сигриду.

Толпа расступилась, пропуская двух всадников. Эффи не ошиблась: это действительно был Рако, а следом за ним ехала Фрейя. Оба были изранены. У Фрейи лилась кровь из рваной раны, пересекавшей лицо от виска к подбородку. Она сидела на лошади, слегка скособочившись, и казалось, одна только сила воли удерживает ее в седле. Молодая женщина держала поводья одной рукой, а другой прижимала к себе малыша, завернутого в синее одеяло. Эффи недоуменно покачала головой; она не могла понять, что заставило Фрейю изменить решение.

— Туланн, — прошептала она. — Туланн!

Император подъехал поближе к ней.

— Это может плохо кончиться. Будь осторожен. — Эффи покосилась на телохранителей Туланна. Они стояли слишком близко, и не было никакой возможности разъяснить Туланну ситуацию. Между тем Эффи представления не имела, как ребенок Фрейи может повлиять на Сигрида и, соответственно, на этот непрочный альянс.

— Дочь, подойди. Тебе нужен лекарь... — начал Сигрид.

— Нет, отец. Сперва я хочу обратиться к воинами феинов и сидов. — Высокий, звонкий голос Фрейи разнесся над полем. Она выехала на середину и остановила лошадь подле Сигрида и Туланна. — Я родила ребенка в Руаннох Вере — незадолго до того, как начался ваш поход. Его отцом был сид по имени Джевердан. Может быть, кто-то из вас знал его. Он погиб. Когда появился ребенок, я сбежала из города, боясь, что вы... — она бросила взгляд на отца, — вы все можете счесть рождение моего сына дурным предзнаменованием перед лицом близкой войны. Однако дни и ночи, которые я провела в Ор Койле, я смотрела на своего ребенка и понимала, что побег был бесчестным деянием, порочащим память его отца и порочащим сидов — волшебный народ, который стал важной частью нашей жизни. И вот я вернулась. Я помогу моему отцу вести нас к победе — феинов, сидов и шоретов, всех вместе. Я буду сражаться рядом с вами, потому что всеми вами горжусь. Я не знаю, что означает рождение моего ребенка, но, может быть, это знак того, что боги не забыли о нас. Может быть...

Фрейя спустилась с лошади и подошла к тому месту, где некогда начинался Аон Кранн, а теперь лежали лишь треснувшие стволы и остатки крепежа. Фрейя положила ребенка на плоскую поверхность высокого пня и развернула одеяло.

Послышался дружный вздох тех людей, что стояли достаточно близко, чтобы увидеть медвежонка. Тот сидел на пне, моргая от внезапного яркого света. Он потерял из виду мать и начал искать ее, вертя туда-сюда головенкой и сопя мокрым черным носом. Не увидев Фрейи, малыш издал жалобный плач и завозился на пне.

Когда первое ошеломление толпы прошло, три вещи случились одновременно. Во-первых, все заговорили разом — громко и возбужденно. Это расстроило крошку-медвежонка еще больше, и его плач-скулеж смешался со звуками человеческих голосов. Во-вторых, трое или четверо феинских воинов выхватили оружие. К счастью, они не осмеливались ничего предпринимать без приказания Сигрида, однако были готовы действовать.

Но самой замечательной из всех была реакция сидов. Все как один, не сговариваясь, начали проталкиваться через оживленную толпу. Насколько видела Эффи, сиды не обменя-

лись друг с другом ни единым словом и все же устремились вперед в едином порыве: защитить ребенка Фрейи. Группа из десяти воинов, включая Рако, окружила пень. Они стояли недвижно, положив ладони на рукояти мечей.

На поляне воцарился хаос. Люди проталкивались вперед, подходя близко к краю пропасти. Феины, которые вытащили свои мечи и топоры, что-то кричали Сигриду, размахивая оружием. Они вели себя так, как поступают люди в толпе во всех мирах и во все времена: происходящее непонятно, а стало быть — это плохо, верно?.. Эффи уронила штандарт Туланна и направила лошадь к императору. Если толпа не перестанет напирать, Туланн, Сигрид и Фрейя полетят в пропасть одними из первых. А Заррус будет сидеть у себя в Дурганти и смеяться над ними, черт бы его побрал!

Эффи прорвалась к Туланну и схватила его коня за уздечку, пытаясь успокоить встревоженное животное. Настроение толпы изменилось. Там и тут завязывались драки между феинами и сидами, а некоторым радикально настроенным феинам хватило бы и гораздо меньшей провокации, чтобы сцепиться с шоретами. Эффи почувствовала, как в душе вздымается паника; дело могло закончиться настоящей трагедией. Кто-то пытался призвать к порядку, но его голос тонул в гаме толпы.

— Смотрите! — раздался вдруг крик, немедленно повторенный десятками голосов. Люди остановились и обернулись к развалинам Аон Кранна — туда, где лежал ребенок Фрейи.

Йиска не верил в тихие страдания. Он часто говорил своим пациентам: «Скажу заранее: вполне возможно, что вам будет больно. Если почувствуете необходимость застонать или вскрикнуть — не стесняйтесь. Это совершенно нормальная реакция». И обычно они подавали голос, когда становилось действительно больно (причем зачастую мужчины вели себя хуже, чем женщины). Йиска полагал, что стоны и крики — естественная реакция человеческого организма на боль. И теперь, когда ему было худо — так худо, как никогда прежде, — Йиска не собирался отказываться от собственной теории. Его ноги и руки будто выворачивали из суставов; боль перекатывалась по телу, собираясь колючими пучками в локтях и коленях, а глазные яблоки словно закипели в черепе.

— А-а-а! Боже! Мелисенда, ты могла бы меня предупредить! — Он открыл глаза, и тут же из них потоком хлынули слезы. — Черт! Мои глаза. Как будто... — Йиска потер глазницы и немедленно понял, что это была плохая идея, — ...они варятся в кипятке. Ох...

Сквозь пелену слез Йиска оглядел залу и мало-помалу начал различать человеческие силуэты. Он до сих пор видел зеленый свет, словно какой-то частью сознания еще оставался во сне. В зале было что-то неправильное... Фигуры двигались.

— Что за черт? Кто все эти люди?

Йиска поморгал, пытаясь сфокусировать зрение, и повернул лицо к свету. Однако созерцание яркого пламени лишь вызвало у него новый поток слез.

— Хо... холодно, — прибавил он. — Мне холодно.

— Это Совет, Йиска. — Он ощутил, как Мелисенда обернула его одеялом, и теплая рука ободряюще сжала плечо. Рука, которая внесла смысл и память в его сон.

— Ты видела, Мелисенда? Ты видела то же, что и я?

— Да, — тихо сказала она. — Я видела. Ты преуспел, Йиска. Твои сны, твои предания дали Бразнаиру достаточно энергии, чтобы разбудить Совет Темы.

Йиска не видел ее лица — лишь расплывчатый белый овал, но чувствовал, что Мелисенда лучится радостью.

— Вот. — Она прижала к его глазам прохладный платок, который немедленно промок насквозь. — Ты принес извне силу, которой недоставало Сутре. Магическую энергию, до которой не успел добраться Заррус.

Йиска кивнул, прижимая платок к глазам. Наконец зрение несколько прояснилось, и он сумел получше рассмотреть людей, хотя мелкие детали все еще оставались расплывчатыми. Сидов было около десятка — мужчин и женщин в богатых, изукрашенных одеждах, несколько поблекших от извести и воды. По большей части они были немолоды, Мелисенда казалась самой юной среди них. Йиске подумалось, что он может определить клановую принадлежность сидов: схожесть черт лиц с тотемными животными бросалась в глаза резче, чем прежде. На полу пещеры остались лежать осколки тех сидов, что упали и разбились. К счастью, они не превратились в куски плоти, оставшись камнями. Несколько женщин собирали останки своих товарищей и складывали их в нишу в стене пещеры.

— Йиска... Майкл. — Один из стариков подошел к Йиске и пожал ему руку. — Наша благодарность не имеет границ. Не могу даже представить, какое напряжение воли потребовалось, чтобы восстановить Бразнаир.

Йиска улыбнулся.

— Не стоит благодарности, — промямлил он. — Эй, а где же Дункан и Малки?

Мелисенда и советник обменялись многозначительными взглядами. В душу Йиски закралась тревога.

— Где они? — нахмурился он. Его голос прозвучал более громко и настойчиво, чем хотелось бы Йиске. Многие из сидов обернулись к нему.

Мелисенда коснулась его плеча. Должно быть, она намеревалась ободрить Йиску, однако только больше его встревожила.

— Они... Они живы?

— О боги! Конечно. — Сида улыбнулась, хоть и несколько натянуто. — Видишь ли, дело в том, что они... ну...

— Говори уже, Мелисенда!

— Они арестованы, Йиска. За кражу Бразнаира и предательство Совета. И, возможно, будут казнены.

ГЛАВА 17

В первый момент Эффи ничего не поняла. Как и все прочие, она была зачарована внезапной тишиной. Крики и потасовки мгновенно прекратились; люди стояли недвижно, глядя на развалины Аон Кранна.

Эффи тоже пыталась посмотреть, да только один из сидских воинов загородил ей обзор. Когда же он наконец отодвинулся, Эффи громко вздохнула.

Маленький медвежонок стоял на четырех лапах, продолжая разыскивать маму. Похоже, у малыша было не слишком острое зрение, но он сопел и старательно нюхал воздух, переступая с лапы на лапу и раскачивая в такт шагам головой. Правда, не это привлекло внимание толпы. Медвежонок был окружен мерцающими лучами зеленого света. Они появились из ниоткуда и с каждой секундой делались все ярче и ярче, формируя зеленую сеть, которая вскоре укрыла медвежонка от человеческих взглядов.

Эффи покосилась на Фрейю. Казалось, та была ошеломлена происходящим ничуть не менее, чем все прочие зрители.

— Что нам делать? Этот ребенок... этот детеныш... в опасности? — спросил Туланн, наклонившись к уху Эффи. Он был одним из тех немногих, кому удалось оторвать взгляд от необычного зрелища.

— Не думаю, — ответила она. — Погляди на сидов. Они ничего не предпринимают.

Эффи кивнула на Рако, который был так же изранен и окровавлен, как и Фрейя; наверняка они по крайней мере раз встретились с шардами или им подобными тварями. Однако Рако взирал на зеленый свет с радостью и восхищением, и глаза его лучились счастьем.

Минуло несколько секунд, и зеленые лучи побледнели. Ребенок Фрейи снова предстал взглядам людей. На миг показалось, что малыш весь состоит из зеленого света... Но вот сияние стало угасать и вскоре исчезло совсем.

Тогда хор изумленных голосов пронесся над толпой, хотя по-прежнему никто не двинулся с места.

На пне сидел ребенок. Мальчик. Его кожа была розовой, как у любого младенца, а нежный пух волос — рыжеватым. Он взирал на мир широко распахнутыми зелеными глазами, и теперь никто бы уже не усомнился, что это феин. Лицо младенца исказилось в плаксивой гримаске, и он снова заревел. Как и любой ребенок в мире, он хотел к маме.

— Может, все дело в магии моста? — прошептал Туланн на ухо Эффи.

Она покачала головой.

— Вряд ли... Ого! Что это?

Сиды сгрудились вокруг малыша, радостно и счастливо улыбаясь. Их восторг не вызывал сомнений. Теперь возле пня стояли не менее двух десятков сидов, и все больше воинов проталкивались через толпу. Феины, осведомленные о магии «волшебного народа», начали отодвигаться, освобождая им место и оттесняя шоретов. Вскоре огромное пространство вокруг пня было занято одними только сидами.

Последовала внезапная вспышка зеленого света — такого же, какой охватил мальчика Фрейи. Он разлился от пня во все стороны, мерцая и переливаясь. Свет охватил сидов за несколько мгновений, и раздались крики радости. Это был желанный, долгожданный свет.

Эффи почувствовала, как у нее начинают слезиться глаза: сияние было слишком ярким. Она прикрыла лицо рукой. Люди вокруг делали то же самое. Лошади испуганно ржали, и многим всадникам стоило немалых усилий держать в узде своих скакунов.

— Святая задница Онрира! — услышала Эффи голос Туланна.

Свет померк, и зрелище, представшее глазам Эффи, было самым чудным из всех, что она видела в жизни: огромные — воистину огромные — орлы, медведи, волки и несколько рысей, хрупких в сравнении с остальными животными. Там и тут продолжались трансформации; один за другим сиды прикасались к младенцу и превращались в свой казавшийся утраченным тотем. Крики радости зазвучали и в толпе феинов; они пели, прыгали, били друг друга по плечам, смеялись как безумные, безостановочно повторяя:

— Они вернулись!.. Они вернулись!!

Одни лишь шореты посреди этой вакханалии выглядели несколько растерянными. Многие из них слышали легенды о сидских тотемах, но уже очень давно никто не видел в Сутре ничего подобного. Однако неприкрытая радость феинов растопила их сердца; многие заулыбались.

— Ишь ты! — Эффи изумленно смотрела на быстро растущую толпу сидских животных. — Это нечто. Они же просто гигантские!

Она говорила по большей части самой себе, но затем взглянула на Туланна. К ее удивлению, император ухмылялся во весь рот. Улыбка Чеширского Кота — да и только! Эффи растерялась.

— Что такое? — спросила она. — Что тебя так развеселило?

Туланн кивнул в сторону ущелья Герн.

— Орлы. Полагаю, эти гигантские пташки умеют летать?..

«Заррус, Заррус... Заррус!»

— Что... Что происходит?

«У нас проблема. Сила ушла — сиды нашли какой-то способ вернуть свою магию. Скоро мы не сможем создавать новых шардов и флэйев».

— Я... Мне-то что? Зачем ты это говоришь? Я тебе больше не нужен. Ты обрел контроль над нашим телом — и не трудись отрицать. Я... я исчезаю.

«Ты что, не видишь? Мы были так близки к цели. Какая-нибудь сотня кетуритов... может, даже всего шестьдесят... Нам нужны тела, и быстро».

— Обратись к Горзе. Оставь меня в покое.

«Конечно! Горза! Он может послать мне тела... Заррус, когда мы станем богами, я вознагражу тебя за терпимость».

— Джал, мне на это плевать.

— Это же просто смешно! — бушевал Йиска. — Если бы не Талискер, вы все были бы глыбами известняка!

— Неверно, — поправила Мелисенда. — Если бы не *ты*, мы были бы глыбами известняка. А если бы Талискер не украл Бразнаир, мы сумели бы защитить себя. Мы вообще не оказались бы в такой ситуации.

Йиска оглядел подземную залу. Члены Совета Темы занимались своим любимым делом: разговаривали. Обсуждали наказание для Талискера, словно это была самая важная вещь в мире — более важная, чем угроза со стороны Зарруса. Йиске не позволили увидеть арестованных. Насколько он мог понять со слов советников, Талискер усугубил свою вину, напав на Мелисенду и нескольких других сидов, когда счел, что процесс оживления Бразнаира может стоить Йиске жизни.

Йиска пребывал в ужасе и растерянности. Он хотел как-то помочь друзьям, да не знал, что тут сделать.

— Ладно, — наконец промолвил он, — Талискер совершил большую ошибку, украв Бразнаир. И все же именно он некогда принес его в Сутру, не так ли? А потом он вместе со своим сыном Тристаном повел сидов в бой против этого... как бишь его?

— Джала, — подсказала Мелисенда.

— Против Джала.

— Йиска, мы знаем, это ведь наша история... Только те его славные деяния не могут оправдать недавних нелицеприятных поступков. — Говорил старик из клана волка; и если внешний облик животного хоть немного походил на человеческий, то это был толстый и самодовольный волк.

— Как мне вас называть, сэр?

— Вердус.

— А сколько славных деяний вы сами совершили за свою жизнь, Вердус? Кто из нас сделал достаточно, чтобы хоть немного приблизиться к заслугам Талискера? Никто. Он ведь Странник по Мирам, верно? Сиды и феины почитают его. Они рассказывают детям легенды о его героизме. — Йиска не знал, так ли это на самом деле, и все-таки слова его прозвучали вполне торжественно. — Вы спрашивали его, зачем он взял Бразнаир?

— Да, спрашивали, — тихо сказала Мелисенда, — и он поведал нам свою историю. Правда, она не полна. Я думаю, что благородство помешало ему рассказать ее целиком...

— Благородство?

— По-моему, в историю замешана женщина. Сам Талискер ничего не сказал об этом...

Йиска вздохнул.

— Я вернул вас в мир, чтобы вы затем убили моих друзей? Это моя награда? Да если бы Талискер не привел меня сюда и не отдал Бразнаир, вы бы так и остались каменными изваяниями. Обычно я не требую платы за свою помощь, но вы, ребята, мне задолжали. Имейте в виду!

— Мы помним. И тем не менее Странник должен быть наказан.

Йиска не выдержал: вскочил с места, сгреб Вердуса за ворот и встряхнул его.

— Он же спас вас! Как ты не можешь понять, глупый старый пень?

— Йиска! Йиска! — Мелисенда пыталась остановить его. Ее ноготки, острые, как кошачьи когти, вонзились ему в плечо.

— Это просто смешно! Совет не вправе его судить...

— Ты не понимаешь, Йиска. То, что он забрал у нас... это крайне важный предмет. Жизненно необходимый для сохранения культуры сидов. Его нельзя было уносить из мира...

— Ладно, согласен. Его народ много чего украл у нас, индейцев. Нашу землю, реликвии, церемониальные одежды, маски, предметы ткачества... И не с благими целями, а для того, чтобы поместить в музеи. Будто бы это дает другим людям возможность лучше понимать нас... Чушь! А наша земля? Они вернули ее нам, загрязнив и истощив до предела.

— И вы не пытались отомстить тем, кто унес все эти вещи? — спросил Вердус. — Ваш народ не озлобился?

— Многие озлобились, нужно признать... Только, видите ли, это никогда не отбирало у нас смысла бытия. Мы помнили, кто мы есть, и хранили нашу культуру. Никто не в состоянии уничтожить ваш дух и вашу сущность, пока вы сами не допустите этого...

Многие из советников согласно покивали, и в душе Йиски затеплился огонек надежды.

— Факт остается фактом, Йиска, — возразил Вердус. — Мы могли пережить утрату Бразнаира и остаться собой. А вот когда на нас напали, когда Заррус атаковал нас магией, не было ни сил, ни возможностей защититься. Ведь Бразнаир — еще и оружие. И без него мы оказались беспомощны.

— Но...

Вердус поднял руку, давая понять, что он не закончил.

— Совет удаляется, дабы принять решение. Не сомневайся, Йиска, Певец Преданий: мы безмерно благодарны за помощь. Сиды никогда не забудут, что ты для них сделал.

Вердус слегка поклонился, и советники один за другим начали покидать зал. Мелисенда не пошла с ними, а осталась подле Йиски.

— Эх, сдается мне, некогда они сказали Талискеру то же самое. — Йиска вздохнул.

— Я полагаю, ты сделал достаточно, чтобы спасти ему жизнь, — задумчиво ответила Мелисенда. — Некоторые из членов Совета определенно на твоей стороне. Осталось узнать, какое наказание ему назначат.

— Ну, они могли бы просто отпустить его...

Мелисенда покачала головой.

— У них мало что осталось, кроме гордости, Йиска. Они желают вынести решение.

Сиды совещались примерно час. Когда они вернулись, физиономия Вердуса была довольно мрачной, и это внушило Йиске некоторую надежду.

— Итак? — сказал он.

— Странник по Мирам одной рукой принес нам Бразнаир, а другой — забрал его у нас. И Совет постановил: сохранить ему жизнь, однако назначить соответствующее наказание.

— И?

— Мы решили отрубить ему правую руку.

— Что?! Нет! Вы не можете.., Боже, Мелисенда, скажи им... — Йиска почувствовал, как у него начинают дрожать ноги. Он в ужасе подумал о боли, которую суждено вынести другу.

— Сядь, Йиска. — Мелисенда указала на каменную плиту.

— Они не могут, Мелисенда! Они не имеют права...

— Боюсь, что имеют. — Сида положила руку на плечо Йиске, пытаясь утешить его, хотя сама была бледна и заметно дрожала.

— Когда? Когда они собираются...

Леденящий кровь крик заметался под сводами пещеры. Столько боли и ярости было в этом звуке, что все в ужасе замерли. У Йиски подогнулись колени, и он тяжело осел на каменную плиту. Слезы навернулись на глаза. Йиска поднял взгляд на Вердуса и понял, что старик тоже потрясен. Казалось, он растерял большую часть своей уверенности и самодовольства.

Йиска плюнул Вердусу под ноги.

— Я вижу, тебе недостало сил самому сделать грязную работу, — презрительно сказал он.

Душевный настрой военного лагеря заметно переменился. Он гудел как растревоженный улей; солдаты готовились к сражению. Теперь, когда люди поняли, что исход битвы не предопределен, они заметно воспрянули духом. Вечером, когда сгустились сумерки, впервые за много дней наконец-то закончился дождь.

Эффи и Фереби делали последние приготовления к путешествию на дно ущелья Герн. Туланн позволил им взять тридцать человек, и они набрали смешанный отряд, состоящий из шоретов, сидов и феинов. Сидов было десятеро — волки, медведи и лишь один орел. Туланн вообще не хотел отпускать от себя гигантских птиц, которым предстояло принять активное участие в подготовке сражения. Фереби вкратце рассказала воинам об их миссии, но предпочла не описывать в деталях родной мир Эффи. Она надеялась, что отряд пробудет там недолго, и не желала волновать своих людей сверх необходимого. Шоретских воинов Фереби отбирала сама, включив в отряд санахов — предполагалось, что они возьмут с собой Бурю и еще трех мамонтов.

Прежде чем Эффи и Фереби отбыли, Туланн пришел проститься с ними. Эффи знала, что у императора есть тысяча других дел, и потому ее особо тронула его забота. Туланн пребывал в приподнятом настроении.

— У нас появилась надежда, — сказал он. — А это все, что нам нужно.

Туланн собирался починить Аон Кранн под покровом ночи. Орлы-сиды спустятся в ущелье и привяжут канаты к бревнам моста (как выяснилось, Аон Кранн лежал на дне пропасти практически целый). На краях ущелья и на центральной опорной скале уже были установлены лебедки; весь день орлы переносили туда и обратно людей и стройматериалы. Когда привяжут канаты, рукоятки лебедок будут крутить воины и сиды-медведи, обладающие огромной физической силой. Разумеется, основная проблема состояла в обеспечении безопасности солдат на противоположном

краю моста. Никто не мог понять толком, насколько тщательно Заррус охраняет свою территорию; казалось, армия лишь чудом до сих пор не привлекла ненужного внимания.

Что и говорить, план был неплох. Однако даже Эффи, вовсе не имевшая никакого военного опыта, видела, что в нем множество прорех. Впрочем, как сказал Туланн: по крайней мере теперь у них появилась надежда.

Туланн пытался поговорить с Эффи, но никак не мог до нее добраться. Люди то и дело останавливали его, прося распоряжений, забрасывая просьбами и вопросами. Эффи смотрела на императора издалека, стоя возле мохнатого бока Бури. Туланн наконец-то стал истинным правителем — она это чувствовала. В общем и целом Эффи была рада за него. Туланн добился этого сам, и люди начали уважать его. И вместе с тем она чувствовала печаль. Ей вспоминалась их первая встреча в лесу, удивленное выражение лица Туланна, когда она швырнула в него грязью..: Еще совсем недавно Туланн и поверить не мог, что найдутся люди, которые будут относиться к нему с симпатией. Теперь все иначе. Туланн нашел свое место в жизни и завоевал любовь подданных. Он стал императором в полном смысле этого слова — а вот Эффи еще только предстояло отыскать свой путь.

Туланн сделал нетерпеливый жест, отмахиваясь от солдата, который подошел к нему с очередным вопросом.

— Уйди. Не мешайте мне хотя бы десять минут!

Он наконец-то добрался до Эффи и развел руками в насмешливо-досадливом жесте.

— Если я попрошу десять, то, может быть, пять минут мне дадут, — вздохнул Туланн.

Эффи улыбнулась в ответ — робко и неуверенно. Фереби, стоявшая неподалеку, внезапно оказалась очень занята, поправляя упряжь Бури.

— Эффи Морган. Я... я буду скучать по тебе, — тихо проговорил Туланн.

— Нет, не будешь, — отозвалась она.

— Черт возьми, почему ты всегда со мной споришь?.. — начал он.

— Ты будешь слишком занят, чтобы скучать. — Эффи с преувеличенным вниманием разглядывала землю у себя под ногами.

— Настолько занят я не буду никогда. — К невероятному удивлению Эффи, Туланн подошел и обнял ее. Объятие было теплое и дружеское, хотя на краткие секунды, когда щека императора прижалась к ее виску, Эффи осознала, что здесь было нечто большее. — Береги ее, Фереби Везул, — сказал Туланн, отступая назад.

— Да, сир. — Фереби улыбнулась.

— Я надеюсь, что, когда вы вернетесь, мы с тобой подружимся, Фереби. А то мы взяли не очень хороший старт: ты убила моего отца.

— Я не...

— Шучу-шучу. Эффи многому меня научила. Она рассказала кое-что о дружбе. — Туланн неожиданно задумался. — Надо позволить друзьям уйти — и тогда они возвращаются.

— Да, сир, — ответила несколько озадаченно Фереби.

— Ну, тогда пока.

— До свидания, сир... О, сир, что нам делать с Горзой? Прикажете привести назад? Может быть, вы захотите допросить его?

— Нет. Убейте этого ублюдка, если сумеете. — Он пошел прочь, и его немедленно обступили солдаты и офицеры. Впрочем, едва Эффи начала расслабляться, как Туланн обернулся к ней. — Эффи...

— А?

— Лови. — Он кинул ей небольшую вещицу, которая сверкнула в воздухе, словно золотая монета. Эффи поймала ее и вопросительно посмотрела на Туланна, но он лишь улыбнулся и подмигнул ей.

Это было кольцо, сделанное из тяжелого розоватого золота. В него был вправлен массивный рубин, а ободок выполнен в виде дракона, будто спящего на сокровищах.

— Боже мой! — выдохнула Эффи. — Оно, наверное, стоит целое состояние.

Фереби уже сидела на спине Бури, однако нагнулась и взглянула поверх плеча Эффи.

— Хм-м. Очевидно, Туланн надеется, что рано или поздно ты вернешь ему это кольцо, Эффи Морган.

— У него шок, Малк.

— То есть?

— Реакция организма на травму. Сердцебиение неровное, в крови полно адреналина и эндорфинов... — Йиска посмотрел на Малки, хотя, судя по всему, горец не понял ни слова. Индейцу показалось, что Малки недавно плакал, а уж этого он никак не ожидал. — Надо держать его в тепле. Попроси Мелисенду принести какого-нибудь горячего питья.

— Ладно, — грубовато сказал Малки. — Я пытался остановить их, ты знаешь, Йиска. Я сделал все, что мог... Я старался... — Его голос пресекся, и он потер глаза костяшками пальцев, отчего они еще больше покраснели.

Йиска ободряюще похлопал его по плечу.

— Он это знает, Малк. Ты ничего не мог поделать.

— Да... Но я думаю, все могло кончиться и хуже. В смысле — для Дункана...

— Верно. — Йиска смотрел на Талискера, который скорчившись лежал на груде одеял. Его кожа была почти такого же оттенка, как и у Малки, — к счастью, более от шока, нежели от потери крови. Следовало признать: сиды позаботились, чтобы

сохранить Талискеру жизнь. Йиска полагал, что крик, который был слышен в главном зале, прозвучал не в тот момент, когда Талискеру отрубили руку, а позже, когда сиды прижгли культю, сунув ее в огонь. Йиска до сих пор ощущал запах горелого мяса. Стоило ему подумать о том, что пришлось вынести Талискеру, — и к горлу подкатывала тошнота.

— Дункан. — Индеец наклонился и заглянул Талискеру в лицо. Глаза его были открыты, и все же казалось, он не осознает мира вокруг себя. — Дункан, ты меня слышишь? Это я, Йиска. Все будет в порядке.

Талискер слегка пошевелился, однако взгляд его оставался бездумным и невидящим. Йиска осмотрел рану; ампутация была такой чистой, словно ее производили на Земле при помощи самых совершенных инструментов.

Вернулся Малки с чашкой травяного отвара.

— Мелисенда говорит, что Совет собирается зреть при помощи Бразнаира.

Йиска озадаченно посмотрел на него.

— Что значит «зреть», Малк?

— Через Бразнаир они смогут заглянуть в другие места или даже вызвать картины прошлого и будущего. Им помогает Мелисенда. Похоже, Дункан был прав, когда советовал не доверять ей. Теперь совершенно ясно, что она колдунья...

— Так ведь это не значит, что она непременно злая колдунья, верно? Мелисенда помогала нам и...

— Да. Только колдуны никогда не забывают о собственной выгоде, — буркнул Малки.

— Ладно. У нас сейчас одно важное дело, Малк: проследить, чтобы Дункан не умер в ближайшие несколько часов. Шок может убить человека так же легко, как и меч. Давай-ка помоги мне приподнять его. Нужно влить ему в рот отвар...

Минуло несколько часов, прежде чем Талискер начал подавать признаки жизни. И когда он очнулся, боль уже поджидала его. Мелисенда принесла травяного отвара, предназначенного облегчить боль, но Талискер выбил кружку из рук сиды и рявкнул на нее. Мелисенда понимающе кивнула, однако заметно погрустнела.

— Ясно, — сказала она, покидая комнату. — Мне лучше оставить вас в покое... Я сожалею.

Талискер не ответил и лишь посмотрел ей вслед.

— С меня довольно, — сказал он сухим хриплым голосом.

Малки бросил на Йиску быстрый нервный взгляд.

— О чем ты, Талискер? Все будет нормально... нужно только время.

— Нет, Малк. Мне сто десять лет. Кости ноют перед дождем. У меня почти нет иммунитета к болезням — оттого что я постоянно ходил туда-сюда по мирам. — Он выразительно посмотрел на обрубок запястья. — Я больше не хочу сражаться. Кажется, этот проклятый Совет Темы взял ситуацию под контроль — ну и славно. А я иду домой и надеюсь умереть там в алкогольном тумане...

Малки поморщился.

— Тогда захвати с собой и меня. Когда вернемся, нужно будет первым делом найти Алессандро.

Талискер поднялся — с трудом, поскольку ноги все еще дрожали и подгибались.

— Ты с нами, Йиска?

— Ну... Мне хотелось бы посмотреть, чем все это закончится.

Талискер кивнул:

— Да, я так и думал. Можешь гордиться собой. Именно ты спас долбаные сидские задницы. А также феинов и шоретов, само собой. Нет, кроме шуток, ты молодец. А вот я?.. — Талискер горько рассмеялся. — Честно говоря, я не сделал ни черта.

Никогда прежде Туланн не чувствовал себя таким вымотанным. Даже в те дни, когда отец заставлял его тренироваться вместе со своими элитными телохранителями. Нет, эта усталость была иной — не только физической, но и душевной.

Починка Аон Кранна продолжалась всю ночь. С первой секцией моста справились довольно быстро. Туланн наблюдал, как сиды-орлы парят над пропастью, раскинув гигантские крылья, и пикируют вниз. В темноте они казались огромными призрачными тенями из феинских легенд. Туланн не до конца понимал отношений между этими двумя народами, но вроде бы феины радовались возвращению звериных тотемов не меньше, чем сами сиды.

Несколько позже, когда лебедки и вороты начали свою неторопливую, но верную работу, Туланн дивился на сидских медведей, на их необычайную физическую силу и неутомимость. Час проходил за часом, и в лагерь постепенно возвращалась надежда.

Однако все было не так-то просто. С первыми лучами восхода, незаметно подкравшегося с востока, Туланн и Сигрид решили перелететь через ущелье Герн и самолично осмотреть оборону Зарруса. Лучезарное настроение юного императора рассеялось как дым, когда он увидел тысячи и тысячи тварей, собравшихся между Дурганти и ущельем. Монстры были повсюду, бездумно бродя туда-сюда в ожидании противника. В самом же городе Туланн увидел солдат в военной форме шоретов — элитную гвардию Зарруса. Он и представить не мог, что столько людей остались верны своему генералу. Шореты — его подданные, чей Путь Войны призывал их следовать за военачальником. Отборные бойцы, ко-

торые подчинялись Заррусу слепо и безоговорочно. Даже если Аон Кранн будет восстановлен, вражеская армия обрушится на союзников и сметет их в пропасть — в тот момент, когда войско будет переходить мост.

По возвращении Туланн и Сигрид обсудили ситуацию. Старый тан был так же угрюм и мрачен, как и император.

— Это будет не сражение, а убийство. Резня. Мы не имеем права посылать войска на штурм.

Сигрид вздохнул.

— А какой у нас выбор, Туланн? Мы не можем вернуться — лес заполнен тварями Зарруса. Отступая, мы потеряем не меньше людей... Впрочем, у меня есть предложение.

Он изложил свою идею, и Туланн согласился. План был продиктован отчаянием и очень, очень далек от совершенства, и все-таки он позволял выиграть время — люди успели бы пересечь мост и вступить в битву. Впрочем, и император, и тан знали, как много воинов погибнут ради того, чтобы предоставить товарищам шанс прорваться к Дурганти.

На рассвете Талискер, Малки и Йиска выбрались из пещер, где долгое время в заточении пребывал Совет Темы. Ночь была морозной; на траве и кустиках вереска блестел иней. Слабые солнечные лучи почти не давали тепла и не могли прогреть замерзшую землю.

Первые два часа все молчали. Талискер был невероятно слаб, и шли они медленно. Дункан шагал с мрачной целеустремленностью, опираясь на длинный ореховый посох, который Малки «позаимствовал» у кого-то из советников. Позже утром путники остановились на привал; Талискер тяжело дышал, его лицо по-прежнему было невероятно бледно.

— Как ты себя чувствуешь, Дункан? — спросил Йиска. Уже не в первый раз он пожалел, что не прихватил сумку с медикаментами. И ведь именно Талискер в свое время настоял на том, что Сутра — не место для искусственных препаратов!

— Нормально. Просто хочу поскорее попасть домой.

Йиска кивнул. Это была естественная реакция на перенесенную травму: желание сбежать из мира или — в случае Талискера — из обоих миров и укрыться в собственной раковине.

— По крайней мере я отдал сидам Бразнаир. Иначе я бы не смог мирно умереть в своей постели...

— Может, хватит уже болтать о смерти, Дункан? — перебил Малки. — Ты выдюжишь — и тебе отлично об этом известно.

— Возможно. Только я не хочу, Малк. Я чертовски устал. И вообще с чего вы взяли, что смерть обязательно равносильна поражению? Рано или поздно наступает момент, когда человеку пора уходить. Я готов. Мое время пришло.

Малки ничего не сказал, хотя заметно поник.

— Возможно, ты прав, Дункан Но лучше все-таки еще пожить, — промолвил Йиска. — Я опасаюсь, что, если ты опять пересечешь «пустоту», твоя иммунная система окончательно откажет. Ты протянешь от силы несколько недель, самое большее — пару месяцев.

— Ну и ладно. — Талискер взглянул на обрубок запястья. — Знаешь, это правда — то, что говорят об ампутациях. Ты чувствуешь утраченную конечность, словно она по-прежнему при тебе. Такое впечатление, что я могу пошевелить пальцами. Кисть жутко болит... жжет...

— Нервные окончания ноют, Дункан.

— Да. И ты больше никогда не сыграешь на пианино, — мрачно сказал Малки.

Йиска бросил на Малки предостерегающий взгляд, но, к его удивлению, Талискер хихикнул, а потом и рассмеялся в голос.

— Идиот. Я в жизни не умел играть на пианино!

— Ага. — Малки удовлетворенно кивнул. — Я в курсе.

Путники шли еще около часа, прежде чем Малки заметил всадника, едущего следом. Кто бы это ни был, он пытался остаться незамеченным. Впрочем, очень непросто прятаться на открытом вересковье, тем более что наездник торопился. Малки приставил ладонь козырьком ко лбу и некоторое время изучал преследователя.

— Сдается мне, это Мелисенда, — пробормотал он.

— А, черт! Что еще? — простонал Талискер.

Они остановились и подождали ее, хотя Малки на всякий случай вынул меч. Немного подумав, Талискер тоже попытался извлечь свое оружие, но оно застряло в ножнах, вытащить его одной рукой никак не удавалось. Талискер выругался себе под нос.

Малки не ошибся: это действительно была Мелисенда. Приблизившись, она натянула поводья и остановилась подле маленького отряда.

— Уберите оружие, — сказала она. — У меня его нет.

— А может, оно тебе и не нужно, — нахмурился Малки. — Мы знаем, что ты колдунья, Мелисенда. Талискер не советовал доверять тебе — и оказался прав.

— Мне очень жаль. Я не думала, что все так обернется. Мне следовало предвидеть, что Совет захочет отомстить за кражу Бразнаира. Правда, если честно, я не представляю, что еще мы могли поделать...

— Чего тебе надо? — спросил Талискер.

Последовала долгая пауза. Мелисенда опустила глаза.

— Я... нам все еще нужна ваша помощь.

— Это что, шутка? — прорычал Талискер. — Я иду домой, Мелисенда. Я заслужил право спокойно умереть в собственной постели. С чего ты взяла, что я соглашусь помогать сидам? А?

— Пожалуйста, Странник, выслушай меня. Это не ради нас... не ради сидов. Мы бы не осмелились просить тебя. Твоя помощь нужна феинам — им грозит уничтожение. Заррус достаточно силен, чтобы стереть их с лица земли. И он обучил тварей создавать себе подобных...

Путники разбили лагерь. При помощи нескольких шестов и плаща Малки соорудил нечто наподобие палатки, защищавшей их от ветра. Они разожгли небольшой костерок и вскипятили немного чая.

— Что нужно этому Заррусу? — спросил Малки. — Зачем захватывать мир, если в нем не останется людей, которыми можно править? Чего он добивается?

— Мы действительно не знаем, Малколм, — вздохнула Мелисенда. — Есть подозрение, что он попал во власть черной магии и пытается достичь...

— Он хочет стать богом, — задумчиво произнес Талискер.

— Боюсь, что да. А почему ты так подумал?

Талискер поплотнее завернулся в одеяло. Его лоб все еще был покрыт мелкими бисеринками пота, так как тело до сих пор боролось с болью. Он коротко и невесело рассеялся.

— Просто предположение. Попал в точку, да? Они все этого хотят... все, чьи амбиции слишком велики для этого мира. Джал был таким же; добиваясь своей цели, он едва не сровнял с землей мой родной город.

— Все твари, которых он создал — шарды и флэйи, и те, которых он призвал, — имеют кое-что общее. В тело каждого внедрен артефакт, который называют кетуритом. Это нечто вроде веры...

— Веры?

— Материальное воплощение веры и молитв, генерирующих энергию. Когда у Зарруса ее будет достаточно, он переступит пределы бытия и станет темным богом. Мы боимся, что это приведет наш мир к краху.

— И у вас есть план, так? Видимо, он предполагает мое участие. И, согласно этому плану, меня нужно подвергать всяческим страданиям, боли, пыткам... возможно, я вообще сойду с ума. В общем, мне навряд ли суждено это пережить.

Мелисенда ошарашенно заморгала, не понимая сарказма Талискера. Она растерянно обернулась к Йиске.

— Изложи свой план, — сказал он.

Все было готово. Аон Кранн починили, и атака должна была начаться в самом скором времени — прежде чем силы Зарруса попытаются снова разрушить мост. Туланн сидел на спине у сидского орла, Сигрид стоял в нескольких футах поодаль.

— Воины! Союзники! Пусть наши боги смотрят на нас с небес и защитят в эти дни! — воззвал Туланн.

По его сигналу орел начал подниматься в чистые небеса, где горел восход. Сперва они взлетали по спирали, все выше и выше, и у Туланна закружилась голова. Сид Гемарх, который нес его, предупредил, что так будет, и император попытался внутренне подготовиться, но все равно желудок скручивало спазмом, а к горлу подступила тошнота. Немного придя в себя, Туланн огляделся по сторонам и увидел неподалеку орла Сигрида и еще пятерых, поднимавшихся следом.

Ветер засвистел в ушах, когда Гемарх спикировал в пропасть к своей цели — большому мешку с горящей смолой, к которому была привязана длинная веревка. План состоял в том, что орлы подхватят эти мешки и сбросят снаряды на вражескую армию, посеяв разрушение и панику в рядах противника. Тем самым они предоставят союзникам бесценные минуты, и воины успеют перебраться через Аон Кранн. Это был рискованный маневр: если пламя слишком быстро перекинется на веревки, то горящие мешки упадут на мост, и Аон Кранн снова рухнет на дно пропасти. Если же веревки окажутся слишком коротки, то в опасности окажутся сами орлы. Туланн убеждал Гемарха и остальных отпустить ношу, если это будет необходимо, и все же император сомневался, что кто-нибудь из орлов послушается его. Сиды были очень гордым народом.

Туланн ощущал жар огня; ветер был переменчив, и пламя то и дело оказывалось в опасной близости от перьев Гемарха. Огромному орлу потребовалось всего несколько секунд, чтобы пересечь ущелье, однако Гемарх хотел нанести максимум вреда и потому продолжал сжимать в когтях опасную ношу. Туланн уже извелся от страха и готов был умолять орла отпустить веревку. Наконец орел разжал когти; «бомба» полетела вниз, а Гемарх заложил вираж и вернулся к противоположному краю пропасти. Туланн смотрел во все глаза. Он понимал, что ветер может задуть пламя прежде, чем огненный снаряд упадет вниз, и тогда их усилия пропадут втуне... Но вот раздался удар.

Никогда прежде в Сутре не делали ничего подобного. Огромная волна вздыбилась в единый миг и покатилась по земле, сметая все на своем пути. Даже с высоты Туланн расслышал страшный вой и вопли тварей. Он закричал от радости. Их план действовал!

— Гемарх, не мог бы ты сделать еще один круг? — попросил император.

Сперва показалось, что орел не услышал его, но затем он сложил крылья и заложил вираж. Туланн увидел схватку.

Один из орлов выпустил мешок слишком рано: смола горела на дне пропасти. Зато остальные снаряды нашли свои цели — твари Зарруса, охваченные огнем, бесцельно метались туда-сюда.

— Да! — крикнул Туланн.

Войска союзников уже преодолели мост и, едва оказавшись на другой стороне, тотчас вступали в битву. Туланн с Гемархом приземлились на противоположном краю ущелья. Солдаты выстраивались в очередь, чтобы поскорее пройти по Аон Кранну.

— Может, сделаем еще один заход? — крикнул Туланн Сигриду. — Кинем побольше смолы?

Сигрид покачал головой.

— Это все, что у нас было. Весь запас Руаннох Вера. — Он хотел добавить что-то еще, когда из ущелья донесся невероятный шум. Туланн запоздало понял, что тот же звук они слышали в ночь накануне разрушения Аон Кранна.

— Назад! — крикнул он. — С моста!

Началась паника. Солдаты пытались как можно скорее сбежать с Аон Кранна, толкаясь и мешая друг другу. Впрочем, сейчас целью Зарруса был не мост. Ярчайшие лучи зеленого света возникли в воздухе. Сопровождавший их звук напоминал удар исполинского хлыста. И там, где лучи попадали в стену города, возгоралось зеленое пламя. На противоположной стороне пропасти мгновенно начался пожар. Заррусу было все равно, задевает он свои собственные войска или нет. Он направил магию на разрушение окружающего; колдовские лучи невероятной мощи мгновенно сжигали все на своем пути.

Пламя достигло края моста и охватило находящихся там людей. Даже с другой стороны ущелья Туланн слышал крики несчастных, полные боли и страха. Многие прыгали с Аон Кранна или с краев пропасти в реку, текущую далеко внизу, — на верную смерть. Люди, превратившиеся в живые факелы, метались по мосту.

Кто-то скомандовал отступление, и те, кто был еще в состоянии передвигаться, потоком потянулись с моста. Многие были обожжены, многие — помяты в давке, и все без исключения пребывали в ужасе.

Когда людей на мосту не осталось, Туланн наконец очнулся. На негнущихся ногах он подошел к краю моста и посмотрел на другую сторону пропасти.

Зеленые лучи погасли; кое-где еще догорали смоляные снаряды. Остро пахло горелой плотью. Там и тут курились дымки. С моста до сих пор доносились звуки: среди мертвых копошились живые, корчась от жуткой боли. Их стоны и хрипы слабели с каждой секундой. Туланн молча созерцал обугленную кучу тел. Ведь это он — именно он — послал людей на верную смерть. Он так радовался своему плану и так мало задумывался о последствиях...

Армия альянса была рассеяна, сожжена, уничтожена.

* * *

— Нам нужно добраться туда как можно скорее, — поторопила Мелисенда. — Они не знают, какова истинная мощь Зарруса. А между тем он почти преобразовался.

— Я только хочу попрощаться, Мелисенда. — Йиска подошел к Талискеру и Малки. Снова начинался дождь, небо было затянуто тяжелыми темными тучами. — Однажды я видел солнце, — невесело улыбнулся он.

Талискер усмехнулся в ответ:

— Да, иногда оно там бывает, честное слово.

— Увидимся. Может, в Дурганти. Если нет — тогда в Руаннох Вере, — кивнул Малки. — Будь поосторожнее на спине у орла. Они не очень-то любят носить пассажиров.

— Ладно, учту. — Йиска вернулся к Мелисенде, которая уже сидела верхом на сидском орле.

— Эй, Йиска, — окликнул Малки, — если увидишь Эффи, попроси ее нас дождаться.

Йиска поднял вверх большие пальцы. Никто из них так ни словом и не обмолвился о Заррусе. В любом случае горец всегда оставался оптимистом.

Прежде чем они отбыли, Йиска еще раз глянул на друзей. Талискер выглядел гораздо лучше. Его организм восстанавливался с невероятной скоростью. Возможно, отчасти дело было в магии, поскольку здоровой рукой Талискер сжимал Бразнаир.

Мне нужно еще несколько тел. Всего несколько штук. Горза посылает мертвецов, но слишком медленно! Слишком! Мой источник иссяк, а сиды празднуют возвращение своей магии. Теперь или никогда. Время не терпит.

Проклятая армия альянса! Пришлось потратить на них часть своей энергии. Ну ладно, зато теперь они не скоро восстановятся.

Что ж... Как ни жаль, я вынужден убить слуг.

ГЛАВА 18

Около полуночи снова пришли воины и увели еще нескольких человек. Теперь пленники знали — куда и зачем, и оттого было много тяжелее. Лэйку, Родни, Рене и Милли повезло: они оказались в дальней части тюрьмы. Когда опять явились воины, началась паника. Женщины рыдали, прижимая к себе сыновей и мужей. Толпа — всего в шатре было около полутора сотен человек — подалась назад, словно пытаясь каким-то чудом

стать невидимой. Тех, кто находился в дальнем конце, могли даже раздавить о стены.

Среди пленников были дети, и по безмолвному соглашению их спрятали среди взрослых. Впрочем, родителям не стоило волноваться: солдаты выбирали в первую очередь крепких и сильных мужчин. Те уходили безропотно, целуя на прощание своих жен, сестер и матерей.

Захватчики сформировали живой барьер из шардов и флэйев, которые выступили вперед, отжимая толпу — более страхом, нежели физической силой. Бежать было некуда, и солдаты спокойно занимались отбором, словно имели дело не с людьми, а со стадом овец.

Воздух шатра был пропитан резким, сильным запахом. Один из углов приспособили под туалет, но человеческие отходы почти не ощущались рядом с этой лишающей сил вонью. Впервые Лэйк осознал, что «запах страха» не просто образное выражение; он действительно существует. Мощное смешение адреналина и феромонов — неожиданно отвратительное...

Когда мужчин увели, многие сели на пол и безутешно заплакали. Рене тихо всхлипывала, видя, как забирают мужа ее подруги. Лэйк мог только порадоваться, что снаружи темно. Иначе сквозь прозрачные стены пленники увидели бы, что происходит с их сотоварищами.

— Сичей. Сичей... — прошептал он, обращаясь к Родни, однако старик по-прежнему напевал себе под нос. Он занимался этим последние несколько минут, и Лэйк ощутил, как в нем поднимается волна ярости.

— Ради всего святого, сичей! — Он схватил старика за одеяло, накинутое на плечи, и хорошенько встряхнул его. — Надо выбираться отсюда. Прекрати!

Родни не послушался; его губы по-прежнему двигались. Лицо старика было так близко, что Лэйк чувствовал его дыхание у себя на щеке.

— Сынок. — Рене положила руку ему на плечо и притянула к себе. — Он делает то, что имеет для него смысл. Не осуждай его за это.

— Почему? — рявкнул Лэйк. — Я не понимаю, как можно сидеть в углу и не пытаться ничего предпринять.

— А что ты предлагаешь? — Рене спокойно взглянула на сына.

— Не знаю. — Лэйк обвел глазами помещение, прикидывая, сколько здесь осталось дееспособных людей. — Но когда они явятся в следующий раз, мы должны дать им отпор.

В «пустоте» что-то неладно. Талискер неоднократно пересекал ее, и в этом месте всегда царила тишина, недвижность, покой. Бесконечное пространство, где нет ничего. Вполне достаточно, чтобы свести человека с ума.

Теперь все изменилось. В «пустоте» были цвет и звук. Цвет — зубчатая арка изогнутых молний, а звук... Странный, не похожий ни на что, Талискер не взялся бы его описать. Дрожащий, извивающийся, корчащийся звук. Он не порождал эха, потому что не было тверди, от которой звук мог бы отражаться. Правда, он и без того был так невероятно громок, что становилось больно ушам. Талискеру показалось, что «пустота» готова взорваться и разлететься в ничто. Хрупкое равновесие межвременья может не выдержать надвигавшейся катастрофы, каковы бы ни были ее причины. Талискеру не хотелось даже думать о том, что станется в этом случае с ними. Само собой, он не стал делиться опасениями с Малки, который и без того чувствовал себя неуютно.

— И что, мы так и будем болтаться по «пустоте» взад-вперед, пока не напоремся на них, да? — сварливо спросил Малки. — Сколько, по-твоему, это может продолжаться?

— Помолчи, Малк, ладно?

— А когда найдем их — что скажем? Если я правильно помню, они не особо общительны... Или здесь какой-нибудь другой легион мертвецов, который еще не разучился разговаривать и слушать? Черт возьми, они нас даже не увидят!

— Малк, не мог бы ты просто заткнуться?

— Извини. Во всем виноват проклятый шум... У меня от него кожа сморщивается.

— Да, я понимаю. — Талискер медленно шел вперед, держа Бразнаир словно фонарь. И камень освещал «пустоту», хотя бесформенное серое ничто было еще более пугающим, нежели тьма.

— Мелисенда думает, что Бразнаир привлечет их внимание... Во всяком случае, заинтересует сидов, и они придут всем стадом.

— Ну да, на стадо они больше всего и похожи. На стадо овец! Хотя нет, пожалуй, у овец все же побольше мозгов.

— Гм...

— Дункан, я не понимаю. Нам говорили, что «пустота» бес... безгранична, так? Значит, тут можно ходить до бесконечности?

— Хм-хм...

— Послушай, этак мы их никогда не найдем. И они могут находиться в тысячах миль от нас. Они просто не почувствуют Бразнаир.

Талискер остановился и обернулся к другу. Бледное лицо горца, освещенное зеленым светом Бразнаира, казалось еще более неживым, чем обычно. Он выглядел изможденным и усталым, щеки провалились, а уголки губ съехали вниз, делая его физиономию похожей на венецианскую «маску печали».

— Хороший вопрос, Малк, — вздохнул Талискер. — Но у меня есть теория, что границы «пустоты» определяются теми людьми, которые в ней находятся. Для каждого она своя. Мы обречены найти потерянные души, и мы их найдем. Что тебя тревожит?

— Ничего, — буркнул Малки. — Мне просто не нравится, что мы шляемся здесь так долго. Помнишь, что сказал Йиска? Тебе не стоит ходить через «пустоту», иначе ты можешь умереть.

— Я же объяснил: меня это не беспокоит.

— Я слышал. Но твоя смерть будет большой потерей — после всего, что ты сделал для Сутры и Эдинбурга... не говоря уже о драконах.

Талискер чуть улыбнулся.

— Да...

— Жаль, что меня с тобой не было. Мне бы хотелось взглянуть на драконов... Если ты умрешь, Дункан, то я скорее всего тоже исчезну. — Малки смущенно отвернулся. — Я знаю, это звучит чертовски эгоистично с моей стороны, однако...

— А так ли это плохо, Малк? Сколько жизней нужно человеку? Насколько я знаю, по большей части хватает и одной.

— Конечно, ты прав. Только я уже умирал и не знаю, как оно получится во второй раз...

Талискер озадаченно посмотрел на друга и собирался ответить, когда вновь появились звук и свет. На этот раз «пустота» ощутимо вздрогнула, будто начиналось землетрясение.

— Черт! Идем, Малк. Лучше бы нам поторопиться.

И в этот момент они снова увидели их — потерянные души. На миг Талискеру подумалось, что именно они каким-то образом разбалансировали «пустоту». Тысячи и тысячи белых изувеченных тел. Черные следы ран, изодранные остатки одежды, спутанные волосы. Они по-прежнему были слепы и бездумны, а меж тем Мелисенда утверждала, что Талискер должен увести их с собой. Заставить вернуться в Сутру. Обратить вспять искажение своих земных тел могут лишь сами потерянные, и это — единственный способ одолеть орды Зарруса. Однако Мелисенда не имела ни малейшего понятия, каким образом можно это сделать. Ей стоило немалых трудов убедить Совет отдать Бразнаир Талискеру, который без особой охоты принял его из рук Вердуса.

Потерянные души безмолвно шли к Талискеру и Малки подобно огромному белому облаку. Малки беспокойно заерзал и вытащил меч.

— Ты что творишь? — прошипел Талискер. — Вздумал нападать на них?

— Нет, только защищаться... Так, на всякий случай... Скажи что-нибудь.

— Что?

— Поговори с ними!

Талискер сделал глубокий вдох.

— Воины, — начал он. — Потерянные души феинов, сидов и... — Талискер оглядел толпу, рассматривая детали одежды и оружия, — ...шоретов. Послушайте меня!

Звук его голоса был поглощен «пустотой», однако толпа остановилась.

— Хорошо, — подбодрил Малки. — Они тебя слушают.

— Ты думаешь? А я вот не уверен, что они меня слышат... Вы должны знать, что само существование Сутры ныне находится под угрозой. Не из-за шоретов, ни даже из-за противостояния шоретов и феинов. Причиной тому — злая воля одного-единственного человека. Того самого, кто отправил ваши души в бесконечное путешествие, украв вашу земную плоть. Этот человек — Заррус.

Никакой реакции. Ни малейшей. Ни проблеска понимания.

Талискер попробовал зайти с другой стороны:

— Меня прислала Мелисенда. Она полагает, что вы должны последовать за мной в Сутру и потребовать назад свои тела. Лишь тогда вы упокоитесь в мире.

«Пустота» снова вздрогнула. Сдвоенная фиолетовая молния озарила небо — или что там было над головами — за спинами потерянных, освещая ряды бледных, искаженных болью лиц. Талискер беспомощно смотрел на них, не зная, что еще можно сказать.

Тем временем толпа зашевелилась, раздавшись в стороны. Высокий воин выступил вперед и остановился напротив Талискера. Вид его был жуток. Сломанная кость ключицы пронзила горло и торчала из шеи под нижней челюстью. Половина лица воина провалилась внутрь, на месте скулы и виска торчали острые осколки костей. Глазное яблоко свисало из раздробленной глазницы. Талискер громко вздохнул и невольно подался назад.

Мертвец заговорил. Голос его был хриплым, исполненным боли и му́ки. И более всего ошеломили Талискера не жуткий вид мертвого воина и не его призрачный голос, а его слова.

— Мы не хотим возвращаться, — проговорил мертвец. — И не желаем обретать упокоение.

Почти рассвело. Дети и старики сидели у задней стены шатра, в то время как мужчины и многие из женщин переместились ближе ко входу. Они были готовы сражаться.

Само собой, Лэйк находился среди них. У пленников не было оружия, но одна из старших женщин предложила вывороти́ть из пола камни. Земляной пол в шатре тут же превратился в мини-каньон; люди голы́ми руками раскапывали землю, выискивая булы́жники. Вдобавок мужчины разломали принесенную воинами мебель, и Лэйк получил в свое распоряжение шестифутовый шест, который он соорудил, свинтив вместе две ножки походного столика. Люди, не занятые приготовлениями к схватке, выстроились вдоль стен тюрьмы, чтобы скрыть бурную деятельность от захватчиков. Младшие из детей под руководством Милли запели песенку, слова которой были смутно знакомы Лэйку. В ней говорилось об орлице, которая влюбилась в Солнце. Она подлетела слишком близко, и Солнце обожгло ей перья, отчего голова орлицы навсегда осталось белой.

Вскоре после того, как дети закончили, Родни тоже прекратил свой напев. Этому Лэйк мог только порадоваться, поскольку бормотание старика порядком выводило из себя. Впрочем, никто, кроме него, не обратил на это внимания. Лишь Рене спросила у Родни, отчего тот замолчал. А он ответил, что дети поступили правильно, запев об орлице. И что, черт возьми, это должно означать?..

Лэйку хотелось сказать матери что-нибудь ободряющее. Например, как все изменится, когда они выберутся отсюда... Увы, он не мог подобрать слов. Поэтому просто обнял Рене и звонко поцеловал ее в макушку. Она улыбнулась ему, но тоже не нашлась, что сказать.

— Идут, — прошептал кто-то. — По-моему, там четверо этих, с синим светом, и трое без кожи.

— А сколько солдат?

— Человек шесть. Думаешь, собираются забрать еще кого-нибудь?

Это был сугубо риторический вопрос. Никто не ответил, и толпа замерла в напряженном ожидании. Лишь где-то в углу тихо всхлипывала маленькая девочка.

— Не забудьте: надо дождаться, пока они все окажутся внутри, — прошептал Лэйк.

Войдя, шореты нервно огляделись по сторонам и потянули из ножен мечи. Они были опытными воинами и не могли не заметить повисшего в воздухе напряжения.

— Вперед! — крикнул Лэйк.

В единый миг воцаряется хаос и ад кромешный. Люди швыряют в шоретов камни и комья грязи, и те рефлекторно вскидывают оружие, пытаясь защитить лица и головы. Толпа подается вперед — слишком резко. Лэйка едва не сбивают с ног; он едва умудряется устоять, схватившись за чью-то куртку.

Лэйк подскакивает к человеку без кожи и пыряет его своим шестом. Хорошая тактика. Эти твари почти ничего не весят и не могут противостоять подобным ударам. Лэйк знает, что остальные мужчины тоже сражаются, но нет времени оглянуться, чтобы убедиться в этом. Шореты ошеломлены внезапным напором. Одна из светящихся тварей опрокинута массой насевших на нее людей. Время застыло, стало длинным и тягучим, как патока. С начала схватки прошло только несколько секунд, хотя кажется — часы. Толпа наседает и выдавливает шоретов и тварей из шатра. Бой перемещается на занесенную снегом поляну.

Раздается ружейный выстрел. Как раз в этот момент Лэйку удается насадить лишенного кожи человека на острие палки. Лэйк взмахивает шестом и отшвыривает противника подальше от себя. Из его горла вырывается торжествующий крик.

Слышится второй выстрел — совсем рядом. От грохота закладывает уши, в воздухе разливается острый запах сгоревшего пороха. Один из шоретов валится на колени, зажимая дыру в груди; на его лице проступает удивленное, недоверчивое выражение. Лэйк смотрит вокруг — на дерущихся людей и тварей, которые теперь сражаются словно в полнейшей тишине. Их лица искажены яростью.

Что ж, теперь у пленников появилась надежда. По крайней мере они не сдадутся без боя. Лэйк чувствует прилив адреналина, руки и ноги больше не дрожат. Выскочив наружу, он присоединяется к схватке. Снова идет снег, и на снегу лежат мертвецы — люди и твари. Индейцы превосходят шоретов числом, и воины пугаются.

Мало-помалу возвращается слух; фрагменты звуков, которые Лэйк ни за что не хотел бы услышать снова, врезаются в память. Крики боли, отчаянные проклятия... умирающие повсюду.

Краем глаза Лэйк замечает, что Родни забрался на скалы возле пещеры Мумии и танцует... *Старый дуралей!* Это танец лысого орла: руки старика раскинуты в сторону, и он медленно раскачивается из стороны в сторону. Его движения изображают полет птицы — вот он парит в потоках теплого воздуха... «Да уж, сейчас нам это сильно поможет», — думает Лэйк и бежит к маленькой группке людей, которые зажаты в угол тварью без кожи: их оружие недостаточно длинно, чтобы держать противника на расстоянии.

Все, что он потом будет помнить, — это тела и кровь на снегу.

— Остановитесь!

Словно все звуки слились в одно и выплеснулись наружу в единственном слове. Замирают даже шореты. Это не добровольное действие, но приказу нельзя не подчиниться. Звук всеобъемлющ — он вбирает в себя целый мир. Больно слышать его, больно ушам, глазам и ребрам, звук вибрирует в груди, как отзвуки эха. Все взоры обращены к его источнику.

В центре разрушенного лагеря на лошади сидит человек. Сперва Лэйку кажется, что это предводитель солдат, однако воин выглядит иначе, нежели остальные пришельцы. У него смуглая кожа и темные волосы; он скорее похож на динех, чем на захватчиков. И все же он определенно один из них — на нем такие же доспехи, и еще этот воин умеет колдовать. Вообще-то Лэйк не верит в магию, но трудно отрицать ее существование, когда на твоих глазах человек выпускает из руки молнию. Белый свет ударяет в небеса и выгибается громадным куполом, который закрывает собой все пространство лагеря. На миг Лэйку кажется, что магия причиняет всаднику боль: на его лице появляется странная, болезненная гримаса. Но у людей нет ни времени, ни желания думать об этом, потому что вокруг лошади сгрудились дети, связанные белыми лучами. Беспомощные, они пребывают в полной власти всадника-колдуна.

* * *

— Слишком поздно! — Йиске удалось услышать слова Мелисенды лишь потому, что их донес ветер.

Внизу растерзанная армия альянса зализывала раны и хоронила своих мертвых. Завеса черного дыма тянулась от Дурганти в сторону пропасти, закрывая первую секцию Аон Кранна. Когда они подлетели ближе, Йиска сумел разглядеть на мосту сожженные и до сих пор горящие тела. Даже на такой высоте до них доносился запах паленого мяса, и индеец закашлялся, поспешно зажав ладонью нос и рот.

Спустившись пониже, Йиска и Мелисенда были ошеломлены неожиданной тишиной, царящей в огромном лагере. В дыму смутно виднелись шоретские кресты и слышался стук молотков, похожий на далекие выстрелы.

— Я хотела предупредить их, что помощь идет, — растерянно прошептала Мелисенда. — Но мы опоздали. Битва уже закончилась.

Никто не движется. Все это напоминает Лэйку сцену из фильма — какого-то вестерна. Его истерзанный рассудок не может понять, какого именно. А со стороны входа в пещеру Мумии раздается голос:

— Отпусти их, Горза. — Этот голос — женский. Казалось, после всего, что повидал Лэйк, его уже ничем не удивить. Однако он судорожно сглатывает и оборачивается к пещере.

Первое, что он замечает: Родни по-прежнему танцует. Создается впечатление, что сичей просто не может остановиться. Его движения стали медленнее, словно у орла устают крылья... Может быть, он подлетел слишком близко к Солнцу?

А затем Лэйк видит женщину. Она — одна из *них*, такая же белокурая и светлокожая, да только восседает верхом на слоне. Нет, это не слон, он покрыт шерстью... Вылитый мамонт! Самый настоящий мамонт белого цвета.

Горза смеется — и уж вот это действительно похоже на фильм: из его горла вырывается воистину демонический хохот.

— Фереби Везул, что ты здесь делаешь? Это не твоя битва. Ступай домой.

— Только вместе с тобой, проклятый убийца.

Женщина съезжает вниз по склону холма. Это только кажется, что мамонт движется медленно, на самом же деле каждым шагом он покрывает огромное расстояние. Теперь все взоры обращены на пришелицу по имени Фереби Везул.

Слышится странный свист — звук огромных крыльев, с невероятной скоростью рассекающих воздух. Снег взвихряется и бьется о магический барьер, созданный Горзой. Конь Горзы испуганно ржет, и ему вторят прочие лошади. Горза поднимает глаза...

С небес пикирует громадный орел. Орел сичея. Он не-

сется прямо на Горзу, издавая резкие высокие клики так, что весь каньон наполняется звенящим эхом. Яркая вспышка света ослепляет глаза — орел врезается в купол. Кажется, это ему не вредит, и огромная птица несется дальше. Горза проворно соскакивает с коня и уворачивается от смертоносных когтей, однако орел неимоверно быстр и ловок. Птица хватает Горзу, вздергивает его в воздух и устремляется вверх. Тем временем колдун кричит:

— Убейте их! — и уже невозможно посмотреть, что с ним происходит, потому что битва разгорается с новой силой.

Только на этот раз все иначе. Духи мира динех явились, чтобы спасти их, — другого объяснения нет, по крайней мере для Лэйка. Он отталкивает своим шестом человека без кожи. Тварь отпрыгивает в сторону и идет по кругу, изыскивая бреши в его обороне. Миг — и монстр кидается вперед, протягивая к нему руки. Лэйк вскрикивает от страха, но тут появляется медведь. Он хватает бескожего и просто-напросто отрывает ему голову, оставив изуродованное тело корчиться на земле. Жуткое, отвратительное зрелище, однако у Лэйка нет времени ужасаться. Он спешит к детям.

На бегу Лэйк видит иных духов-хранителей — волков, которые набрасываются на тварей, одну за другой повергая их на землю.

Шореты кидаются к связанным пленникам, стремясь выполнить приказ Горзы — не важно, какой ценой. Некоторые из них выхватили мечи, другие колеблются, не решаясь убивать детей. К счастью, Лэйк не единственный, кто спешит на помощь: по снегу несутся двое медведей, и женщина верхом на мамонте тоже направляется туда. Там и тут возникают стычки, и динех приходится туго. Лэйк видит на снегу неподвижное тело и резко останавливается, узнав своего старого школьного товарища. Кровь сочится из раны на груди, а глаза медленно стекленеют.

— Юджин? — шепчет Лэйк. — Юджи...

— Дэйв. Помоги Шари... мой ребенок... помоги...

Лэйк мчится дальше. Он добегает до солдат как раз в тот момент, когда первый из них замахивается мечом на детей.

Одну девочку уже не спасти. Она коротко, отчаянно вскрикивает и валится на снег, пятная его алым... Лэйк до сих пор не может поверить, что человек осмелился сделать подобную вещь.

— Мразь! Подонок! — рычит он и кидается в драку, размахивая своим несколько укоротившимся шестом. Воины зарубили бы его, но тут подбегают медведи, Фереби и динех.

Все происходящее после помнится Лейку невнятно. Перед глазами стоит кровавая пелена. И пусть они победили — Лэйк никогда уже не будет прежним. Он очнется на следующее утро, вспоминая только искаженное болью лицо одного из шоретских воинов, которому он всадил в живот где-то подобранный меч. Каждое утро он будет мыться под душем так, будто кровь

до сих пор на нем, скребя кожу до красноты и зуда. И никогда в жизни ему не забыть ту маленькую девочку с тугими коротенькими косичками.

Его сердце разбито — просто пока еще Лэйк не знает об этом...

Битва закончилась, и на каньон снизошла тишина. Только Лэйк все еще ищет, кого бы убить. Какая-то девушка подходит к Лэйку, берет его за руку и что-то мягко говорит ему. (Лэйк понимает: он выглядит как безумец.) У девушки странный акцент. Она ведет Лэйка к Рене и Милли Таллоак, которые наперебой кидаются обнимать и целовать его, словно он только что вернулся из долгих и дальних странствий. А ведь он нигде не был...

Они хлопочут вокруг него, и, если честно, Лэйк не возражает. Рене стирает кровь влажным жестким полотенцем, и постепенно к нему возвращаются чувства. Он обводит взглядом лагерь. Здесь собрались все динех, а с ними и духи-защитники. Дети нерешительно трогают их мех и перья. Огромный медведь укачивает маленького мальчика, покуда его мать сидит рядом и плачет.

А обездоленные родственники и друзья ищут и обмывают тела павших...

— Мама, где сичей? — Это первый вопрос, который задает Лэйк.

Мелисенда и Йиска были потрясены опустошением, воцарившимся в лагере альянса. Они приземлились в самой его середине, но к ним никто даже не подошел. Несколько минут они стояли в грязи, растерянно озираясь по сторонам.

— Неужели Туланн и тан Сигрид погибли? — спросил Йиска.

Мелисенда пожала плечами:

— Все может быть. Пойдем поищем кого-нибудь.

В скором времени им на глаза попался роскошный шатер Туланна. Несмотря на беспорядок в лагере, здесь возле входа стоял часовой.

— Так, уже лучше, — пробормотала Мелисенда. — Эй, ты! Мы должны повидать императора. Дело чрезвычайной важности. Я — эмиссар Совета Темы.

Впрочем, эти слова, очевидно, мало что значили для часового. Он лишь пожал плечами.

— Император велел не беспокоить.

— Впусти их, болван! — донесся из шатра хрипловатый голос. Затем последовал приступ кашля. Часовой посторонился, и Йиска с Мелисендой вошли внутрь.

В центре шатра в кресле сидел человек. Он был обложен подушками и держал в одной руке кубок с вином, а другой пытался поплотнее запахнуть одеяло на груди. Его лицо было сильно обожжено — брови и ресницы исчезли, а остатки волос

торчали на голове клочьями. Пепел и грязь покрывали одежду, руки были сплошь в ожогах. Человек проследил за взглядом Йиски и опустил глаза, посмотрев на собственные кисти так, словно видел их впервые.

Йиска осознал, с кем разговаривает.

— Туланн? — нерешительно спросил он. — Я хочу сказать: вы — император?

— Ждали кого-то попредставительнее? — Подняв бокал, Туланн сделал большой глоток. Судя по запаху, там было нечто гораздо более крепкое, нежели вино или эль. — Что вам надо?

Мелисенда подтащила поближе табурет и уселась напротив императора. Йиска был несколько удивлен ее бесцеремонностью. Сам он остался стоять.

— Меня зовут Мелисенда, а это Йиска. Мы представители Совета Темы, пришли сказать тебе, что... — Казалось, тут ее уверенность слегка поколебалась, и Туланн нахмурился. — Что помощь идет.

В первый миг Йиска не понял, что Туланн смеется: звук слишком напоминал булькающий, хриплый кашель.

— Помощь? — выдохнул он. — Помощь идет? Какая? Орлы, медведи и волки? У нас они есть, Мелисенда... У нас их было... гораздо больше. — Туланн отвел глаза и сделал еще один большой глоток. — *Они погибли в огне, видишь ли.*

— Сэр?

Туланн посмотрел на Йиску слегка рассеянным взглядом.

— Да?

— Я медик... лекарь, сэр. Позвольте мне осмотреть ваши ожоги. Ваши руки очень плохо выглядят. Вам, должно быть, ужасно больно.

— А, да. Болит. — Туланн вытянул руки, видимо, позабыв, что держал кубок. Жидкость пролилась на запястье. «Не так плохо в общем-то, — подумал Йиска. — Какая-никакая, а дезинфекция». Туланн вскрикнул от боли.

Мелисенда нетерпеливо постучала ногой по полу. Очевидно, она была недовольна приемом, который оказал император представителю Совета. Йиску, впрочем, беспокоили сейчас совсем другие вещи.

— Мелисенда, — сказал он, — не могла бы ты раздобыть чистой воды и льняного полотна? — Йиска повернулся к императору и лишь теперь понял, что Туланн потерял сознание. — Слушай, от него будет больше толку, когда он начнет мыслить трезво, а раны перестанут так сильно болеть.

— А как насчет Сигрида? Может, поговорить с ним? Феины выкажут больше уважения к словам Совета.

— Отлично, так и сделай. Если сумеешь его найти и если он в более адекватном состоянии. Но сперва раздобудь бинты.

Сида смерила Туланна презрительным взглядом, и Йиска осуждающе покачал головой.

— Мелисенда...

— Мне жаль, Йиска, да только время поджимает. Помощь действительно идет — готовы они к тому или нет.

Родни нашли там же, на скале, где он танцевал. Старик лежал, зарывшись лицом в снег; его руки были раскинуты в стороны, словно он все еще изображал орла.

— Ох, нет, — простонал Лэйк. — Сичей... Родни...

Он перевернул неподатливое тело на спину, откинул волосы с лица. Родни слабо застонал.

— Все хорошо, сичей. Очнись.

Подошла Рене с кружкой горячего кофе, и Лэйк всунул ее в руки Родни. Старик сильно дрожал, и Лэйк утешал себя тем, что это всего лишь воздействие холода. Он смотрел, как Родни глотает обжигающую жидкость; лицо старика было донельзя изможденным.

— Они пришли? — спросил Родни, допив кофе. — Помощь явилась?

— Да, они пришли.

Родни улыбнулся.

— Иногда магия срабатывает.

— Сичей, я думал, так бывает только в кино. — Лэйк рассмеялся.

— Правда? Ну, теперь ты знаешь больше... Я боялся, что не переживу всего этого.

— Многие мертвы, но их меньше, чем могло бы быть...

— Что сталось с предводителем врагов?

— Не знаю. Наверное, орел забрал его и закинул на солнце.

Родни рассмеялся.

— Не будь ребенком, Дэйв... Лэйк.

— После всего случившегося я готов поверить и в это. Кстати, сичей, вон там сидит большой-пребольшой орел и ждет тебя.

ГЛАВА 19

Я все делаю правильно. Этот мир принадлежит мне по праву рождения. Так почему же он снова мешает мне?

Время дорого; моя божественная сущность ускользает у меня из рук. Моя сила может оказаться несравненно меньше, нежели я ожидал. Мне пришлось убить слуг. Было больно и горько де-

лать это, тем более — собственными руками. Кажется, во мне не сохранилось ничего из животных инстинктов этой жестокой скотины — Зарруса. И все же пришлось. Я отравил тех, кого смог, а остальных зарубил мечом.

Я протягиваю руку, и крошечные искорки и водовороты силы играют вокруг нее. Час близится. Если потерянные души действительно возвращаются из «пустоты», они уничтожат моих созданий. И тогда сила будет утрачена. Ах как было бы обидно потерять ее в тот момент, когда я сотворю последний кетурит. Ладно, я успею... должен успеть.

Вместе с потерянными из «пустоты» идет кто-то еще. Готов поспорить: я знаю, кто именно. Что ж, он окажется здесь как раз вовремя, чтобы увидеть мое вознесение. Добро пожаловать, дорогой отец!

Пожалуй, я могу сделать кое-что еще, чтобы замедлить их. Наверняка они захотят добраться до меня. Что ж, их ждет сюрприз...

— Что значит не хотите идти? — потрясенно переспросил Талискер. Перед ним стояли призраки, неприкаянные души, которых некромантия Зарруса обрекла на вечные бесцельные скитания по «пустоте». Они должны мечтать об упокоении, разве не так?

— Дункан, — приглушенно сказал Малки, — кажется, я понимаю, что они имеют в виду.

— И что же?

— Ну, они каким-то образом узнали, что их физические тела все еще живы. И, поскольку это правда, срабатывает инстинкт самосохранения.

— Ты только погляди на них, Малк, они же мучаются. Им больно... А путешествие по «пустоте», эта агония, может продлиться вечность. И ты говоришь мне, что им все равно?

Горец пожал плечами.

— А если они просто не думали о проблеме в таком ключе? Давай-ка я с ними поговорю.

— Полагаю, хуже не будет.

— Ладно... Послушайте, вы. Меня зовут Малколм Малкеод, и я тоже бродил по «пустоте». Я был человеком, был призраком, был неприкаянным духом. И когда-нибудь я опять упокоюсь. Вот что я вам скажу: природа установила особый порядок для подобных вещей. Приходит время, когда человеку пора на отдых. Я понимаю: должно быть, вам не хочется умирать, вы полагаете, что еще не готовы. Да, иногда бывает так. Но смерть — не всегда зло. Вы не желаете обретать упокоение, поскольку думаете, будто ваши тела еще живы. На самом деле...

Малки сделал паузу, потому что потерянные зашевелились. Первая ответная реакция за все время их разговора.

Раздался тихий шелест, словно по толпе прокатилась волна едва слышных шепотков.

— Ваши тела... — Малки нервно взглянул на Талискера, и тот ободряюще кивнул, — были похищены Заррусом и анем... амин... короче, возвращены к жизни с помощью демона. А самое худшее — то, что, пользуясь вашими телами, эти твари убивают ваших же собратьев. — Малки твердо глянул на глашатая потерянных душ. — Деяния Зарруса порочны. Так не должно быть. И мы просим помочь нам.

— Я поговорю с ними, — ответил призрак странным, исполненным болью голосом. Он вернулся в толпу, и призраки поглотили его. Не было ничего похожего на разговор, тем более — на спор. По крайней мере Талискер и Малки ничего не слышали, и все же они отошли в сторону, не желая мешать.

— Спасибо, Малк, — сказал Талискер. — Это и впрямь дало какой-то результат.

— Ну да... Надеюсь, получится.

«Пустота» в очередной раз содрогнулась от боли.

— Лучше бы они думали побыстрее, — нахмурился Талискер. — Не стоит надолго здесь задерживаться.

Они снова приблизились к призракам как раз в тот момент, когда их глашатай вышел из толпы. Когда он заговорил, в его голосе не было и намека на эмоции, однако и слов оказалось достаточно, чтобы Талискер содрогнулся.

— Мы пойдем, — прошептал мертвец. — Ради мести...

Вновь послышался странный трескучий звук, «пустота» вздрогнула, и Талискер с Малки едва удержались на ногах. В отличие от них призраки стояли твердо, словно их несла какая-то невидимая волна.

«Это и впрямь мертвецы, — подумал Талискер. — Они разбалансировали «пустоту». Их присутствие нарушает равновесие межвременья. Мы должны забрать их отсюда, и поскорее».

Он снова поднял Бразнаир, и из камня ударил луч света, точно указывая дорогу.

— Думаю, нам надо идти туда, Дункан, — сказал Малки.

— Угу. А еще лучше — бежать.

Наверное, это была самая мрачная и угрюмая армия, которая когда-либо собиралась в Сутре. Мокрые, грязные, измученные люди. Многие были ранены и обожжены. Их волосы, ресницы и брови пребывали в том же состоянии, что и у их юного императора.

Целые отряды занимались расчисткой моста, и поэтому им пришлось побросать мертвых товарищей в реку. Тела были неузнаваемы, плоть спеклась в черную массу. Огонь был так силен, что некоторые кости сплавились друг с другом; шореты, фе-

ины и сиды — все действительно оказались на равных, неразличимые в жестокой смерти. Те, которым было поручено это задание, освобождались от последующих боев и могли заниматься вспомогательными работами. Невероятно, но многие отказались от этой поблажки. Они были исполнены такой мрачной решимости, что никто не осмелился увещевать их.

Шел сильный дождь. Река снова превратилась в бурный поток и ревела под ногами. И хотя сырость и непролазная слякоть затрудняли работу, Туланн радовался ненастью. Вонь сгоревшей плоти слишком сильно деморализовала людей, а дождь смывал запах, наполняя воздух свежестью.

Туланн выехал вперед, положив руку на гриву серой лошади, подаренной ему Сигридом. Сам тан находился подле него, сидя на огромном рыжем жеребце. Здесь же были Фрейя, Рако, Йиска и Мелисенда.

На миг воцарилась полная тишина. Никто не шевелился, никто не смел приблизиться к Туланну.

Император был полон решимости. Когда прибудут потерянные души, он отправится в Дурганти вместе с ними. Сам поведет в бой свои войска. Если же потерянные не явятся, он лично швырнет Йиску и Мелисенду в пропасть. Так они стояли у края моста и ждали — в полной готовности. Минуты проходили за минутами, но все было тихо.

— Туланн, — Сигрид наклонился к нему, — пожалуй, нам следовало подождать их прибытия, прежде чем строить армию. На этот раз люди могут умереть от холода.

Туланн нахмурил обгоревшие брови.

— Нет, Сигрид. Мы должны быть готовы.

Они бегут со всех ног. Кругом непроглядная тьма, и кажется, что они движутся очень медленно или не движутся вовсе. «Пустота» снова вздрагивает и корчится. «Что, если она разрушится? — думает Талискер. — Пострадают ли тогда и два мира, лежащие за ее пределами?»

Следом за ними бегут потерянные души. Бегут неслышно, однако здесь даже тишина имеет звучание. Талискер задыхается в тяжелом, густом как патока воздухе.

— Дункан, вперед!

Талискер смотрит вперед. Там снова огонь.

— Что, если они не придут? — Сигрид говорил тихо, чтобы не деморализовать своих людей окончательно. — Что, если сидская ведьма ошиблась?

— Тогда она умрет... В любом случае, Сигрид, Талискер — герой твоего народа — должен прийти в суровую го-

дину и спасти всех от напасти. Феины так романтичны... У них есть вера. Так почему же ее нет у тебя?

Сигрид не ответил, его лицо еще больше посуровело.

Туланн неотрывно смотрел прямо перед собой, и поэтому он одним из последних заметил, как в небе над северной оконечностью ущелья начало разгораться пламя, а воздух задрожал от жары.

— Туланн... Сир, смотрите!

— Как раз вовремя, — пробормотал он и покосился на Мелисенду. Она глядела в сторону севера, как и остальные. Однако сидская колдунья была спокойной — или хотела казаться таковой...

Туланн никогда прежде не видел Талискера, но был уверен, что это может быть только легендарный герой феинов. Высокий рыжеволосый человек вбежал в портал, едва тот достаточно расширился.

За спиной Талискера стояли мертвецы. Когда окно портала раздалось в стороны, Туланн изумленно вздохнул. Боги! Да сколько же их там? Тысячи и тысячи — мертвые бежали следом за Талискером; их лица были исполнены мрачной решимости.

Когда Талискер приблизился к краю «пустоты», послышался скрежещущий звук; портал заколыхался. Туланну показалось, что он вот-вот взорвется.

— Отойдите! — крикнул он своим людям. — Назад!

Талискер пробежал сквозь пламя и рухнул на влажную землю. Он тотчас вспомнил о потерянных душах и оглянулся, чтобы проверить, действует ли еще портал. Мелисенда ударила коня пятками и галопом подскакала к Дункану.

— Талискер, дай мне Бразнаир! — крикнула она. — Быстрее!

Туланну показалось, что Талискер заколебался. Он промедлил гораздо дольше, чем можно было ожидать, затем все-таки швырнул камень Мелисенде, и та ловко его поймала. Соскочив с лошади, сида встала подле окна портала; Бразнаир ярко разгорелся в ее ладони, поднятой над головой. Зеленый свет прорезал реальность Сутры, словно расколов ее на части. Мертвые воины ответили на призыв Бразнаира и потоком устремились за Мелисендой.

Талискер подошел к Туланну и Сигриду и чуть поклонился. Вместе с ним подошел еще один воин; теперь, когда он стоял ближе, Туланн понял, что это не один из потерянных. Было трудно понять, живой воин или мертвый. По другую руку от Талискера находился глашатай призраков. Именно он и заговорил первым.

— Тан и император, — раздался мертвенный хриплый голос, — как и в жизни, так и в смерти, мы — ваши верные слуги. Мы желаем лишь вернуть нашу плоть и упокоиться в земле.

Пока он говорил, воины продолжали выходить из портала и выстраиваться в ряды — в мрачной тишине. За спиной у императора кто-то тихо ахнул, узнав одного из призраков.

— Будьте осторожны, — сказал глашатай. — Не вздумайте прикасаться к нам.

Туланн невольно вздрогнул, осознав, что мертвецы материальны. Дождь вымочил их белую кожу, отчего она выглядела яркой, почти светящейся. Бесплотные души погибших обретали твердые тела, в то время как призраки должны были бы растаять при свете дня.

— Боюсь, Туланн, у нас налицо все та же проблема. — Сигрид кивнул в сторону Аон Кранна. — Надо перевести всю эту ораву через мост.

— Нет, — отозвался мертвец. — Нам не нужен мост.

Потерянные души все еще проходили через портал, когда Мелисенда заметила в отдалении какое-то странное движение.

— Скорее! — крикнула она. — Что-то приближается... Коранниды!

Тварей было около тысячи. Они бежали, неся горящие головни, и пламя освещало «пустоту».

— Скорей же!

Туланн смотрел в сторону портала, не вполне понимая, что происходит. Ему никогда не приходилось видеть такое количество кораннидов разом. Да и, пожалуй, мало кто мог этим похвастаться.

— Мелисенда, выходи! Выходи оттуда! — крикнул Талискер. — Нужно закрыть портал.

Она не обратила внимания. Еще около трех десятков потерянных оставалось в «пустоте».

— Выходи! — завопил Туланн.

Наблюдатели, ожидавшие на краю ущелья, ничего не могли предпринять, но воины — и живые, и мертвые — приготовили оружие.

Они успели. Мелисенда отскочила как раз в тот миг, когда «пустота» издала еще один натужный крик. Коранниды были так близко, что сида почувствовала их отвратительное зловоние. Послышался взрыв; пламя раздалось в стороны более чем на пятьдесят футов. К счастью, Мелисенде удалось уклониться от огня.

Союзники издавали радостные кличи и хлопали друг друга по плечам, словно битва была уже выиграна. Потерянные же недвижно стояли в потоках дождя; они ждали.

Туланн мрачно обозрел свое воинство. Он был рад, что на сей раз удалось избежать резни, и в то же время понимал — теперь не может быть никакого отступления. Никакой капитуляции. Император слышал радостный рев вдохновленных людей и знал, что посылает их на смерть. Даже если они победят, многие, очень многие не вернутся в Руаннох Вер. Это был тот урок, который он получил днем раньше на пепелище Аон Кранна. Урок, который сделал его настоящим императором.

На этот раз он не стал произносить возвышенных речей; все было ясно без слов. Туланн поднял руку, призывая к тишине, и дождался, пока умолкнет толпа.

— Идемте, — сказал он.

Я вижу, как они приближаются. Они словно цунами — огромная ревущая волна, сметающая все на своем пути. Безжалостное цунами возмездия. Шореты, феины, сидские орлы, медведи, волки, рыси... А на гребне этой злой, огромной волны — белая пена. Потерянные души.

Потерянные идут сюда, чтобы вернуть свою плоть.

Мне страшно. Я был бы глупцом, если бы не чувствовал страха. Однако моя уязвимость продлится недолго...

Хватит! Я не желаю на это смотреть.

— Держись ближе, Дункан! — крикнул Малки. — Держись ближе ко мне.

Талискер кивнул на бегу. Он спешил пересечь мост. Рядом с ним плечом к плечу бежали Малколм, Рако и Мелисенда. Талискер с удивлением заметил, что сидская колдунья успела разжиться коротким мечом и кинжалом.

— А ты куда собралась, Мелисенда? — грубовато спросил он.

— Это моя битва, — ответила она, кивнув на потерянных. — Я такая же, как они. Я желаю обрести плоть и упокоение.

Потерянные души пересекали пропасть. Они бежали по воздуху словно по тверди и ворвались в бой, как живое воплощение ярости.

Талискер неоднократно видел сражения, но так и не научился равнодушно взирать на кровь и смерть. А на сей раз все было еще хуже. Гораздо хуже. Едва они пересекли Аон Кранн, Талискер узрел, как потерянные души возвращают свою плоть. Он застонал от ужаса и отвращения, бессильно выругавшись. Рот наполнился горячей слюной, и Талискер прижал ладонь к губам, борясь с тошнотой.

Потерянные хватали ближайшего шарда или флэйя, пытаясь заключить его в смертельные объятия. Не имело значения, удавалось им это или же нет. В любом случае процесс обращения начинался с момента контакта. Только при неудаче он протекал медленнее и продолжался дольше. Потерянные души разъедали тела шардов и флэйев своими прикосновениями; плоть монстров шипела и растворялась. Казалось, этот контакт причиняет тварям Заруса немыслимую боль, они кричали и выли, стараясь вырваться из хватки потерянных. Умирая, чудовища растекались лужами зеленоватой жижи, и воздух наполнялся зловонием разлагающейся плоти.

По счастью, у Талискера не было времени рассматривать эти леденящие кровь подробности. На него насел кораннид, и пришлось яростно отбиваться. Бок о бок с Талискером сражались Рако и Малки, а Мелисенда и Йиска прикрывали его спину. Талискеру было трудно действовать одной рукой, однако он заранее прикрепил на изуродованное предплечье маленький щит и отбивался им от врагов, помятуя, что кораннидов, так же как и флэйев, нельзя подпускать вплотную. Убить их было труднее, чем он помнил, хотя, наверное, Дункан просто постарел. К тому времени, как они с Малки уложили трех или четырех противников, у Талискера окончательно сбилось дыхание, и по боку потекла теплая кровь.

Он услышал крик Мелисенды и обернулся. Сида билась в руках огромного кораннида. Его тело уже начало изменяться, становясь серой тенью и постепенно приобретая женские черты. Вступил в бой Йиска, ударив тварь длинным копьем, но кораннид увернулся неуловимым движением, и древко разломилось напополам.

Отшвырнув копье, Йиска выдернул из ножен меч. Талискер ринулся на помощь, сообразив, что его молодой друг не слишком искусен в обращении с оружием. Он рубанул кораннида по руке, отсекая запястье. Чудовище отпустило Мелисенду; из раны посыпались насекомые и мерзкие личинки. Освободившись, Мелисенда немедленно напала на кораннида, и совместными усилиями они добили гадкую тварь.

Талискер обратил свой взгляд к стенам Дурганти, стремясь пробиться вперед. Он знал, что в бою важен каждый фут отвоеванной земли и время не терпит. В ушах у него гудело от прилива крови, а бешеный стук сердца отдавался в висках.

— Талискер...

Сперва он решил, что голос почудился ему в пылу боя. Но в следующий момент маленькая рука Мелисенды легла на плечо, и Талискер остановился.

— Что?

— Вот. Возьми. — Она протянула ему Бразнаир. Талискер молча смотрел на нее, пока Мелисенда не осознала, что он не может принять камень, покуда держит меч. — О... — пролепетала она и опустила Бразнаир в мешочек, висящий на поясе Талискера.

Талискер ринулся вперед, спеша вернуться в бой, пока не прошел запал. Однако Мелисенда вновь удержала его, взяв за запястье.

— Ради бога, Мелисенда...

— Послушай меня. Нужно добраться до Зарруса — и как можно скорее. Необходимо уничтожить его. У нас очень, очень мало времени. Не ввязывайся в бой. Возьми своих друзей и поторопись. Заррус прячется в подземельях Дурганти.

Голос Мелисенды становился все слабее, а тело начало блекнуть и таять, делаясь все более прозрачным. Несколько секунд — и Талискер уже видел сквозь него серебристые дождевые струи.

— Что происходит?

— Один из потерянных нашел мою смертную плоть. — Ее слова звучали тихо-тихо, на грани слышимости, и Талискер придвинулся так близко, как только мог.

— Ты умираешь? — Он знал, что это глупый вопрос: его окружали мертвые и умирающие, но еще секунду назад сида казалась такой настоящей...

— Талискер! — Он услышал крик Малки и все же не мог отвести глаз от Мелисенды.

Она улыбнулась.

— Я давно мертва. Прости меня за... — Она кивком указала на его руку.

— Нет-нет, ничего. Я хочу сказать: это не твоя вина. Я... — Талискер хотел сказать что-то еще, и в этот миг сида исчезла, растаяла в воздухе у него на глазах.

Талискер обернулся. Малки, Рако и Йиска смотрели туда, где только что стояла Мелисенда. Несколько секунд никто не двигался с места, затем Талискер тряхнул головой, будто возвращаясь к реальности.

— Надо спешить! Вы слышали, что она сказала? Ищем Зарруса!

Увы, не то что добраться до Зарруса — даже просто проникнуть в Дурганти казалось неразрешимой задачей. Они бежали вперед, постоянно ввязываясь в схватки с защитниками города, словно это противостояние могло длиться вечно. Наконец с вершины одной из башен Дурганти донесся сухой треск, и небо над городом расцветилось зелеными всполохами. Талискера не было здесь в тот момент, когда Заррус впервые применил свою смертоносную магию, и тем не менее он был наслышан о ней. Это оказалось пострашнее всех тварей, созданных некромантом. Люди ничего не могли противопоставить жутким молниям и всепоглощающему огню. Издалека донесся голос Туланна; юный император приказывал поднять щиты. Солдаты подготовились как могли, вымочив кожу щитов под дождем, и все же никто из них не тешил себя бесплодными надеждами. Магический огонь сожжет влажные щиты с той же легкостью, как и сухие. Однако это было все, что они могли поделать.

Пламя ударило в землю, поджигая и своих, и врагов. Громадные молнии изогнулись причудливыми арками, поражая все живое на пути. Звуки, сопровождавшие их появление, были подобны щелчкам исполинских хлыстов. Талискер рухнул в грязь, подняв щит над головой.

— Ложитесь! Ложитесь! — крикнул он.

Огненные разрывы вспыхивали над полем брани; отовсюду слышались отчаянные крики горящих людей. Приподняв голову, Талискер увидел, что Йиска лежит в грязи — без щита и совершенно не защищенный от колдовского огня. Увы, Талискер мало что мог для него сделать. Он лишь подполз к товарищу и прикрыл его собственным маленьким баклером*, хотя и сознавал, что этой защиты недостанет для двоих.

Колдовской свет померк через полминуты, но разрушения, произведенные им, были поистине громадны. Талискер обвел взглядом хаос, воцарившийся на поле боя. Люди, коранниды, твари Зарруса, сидские звери — все они горели. Те, кто избежал огня, продолжали сражаться, и вопли боли и страха смешивались над полем брани с воинственными кличами солдат, рвущихся в бой.

— Скорее, скорее, — рявкнул Талискер. — Самое худшее еще впереди. Нам нужно успеть прорваться в город. Бежим!

— Бежать? — нахмурился Малки. Он не слышал указаний Мелисенды и поэтому не понял намерений Талискера. Никогда прежде он не бежал с поля боя и не собирался делать этого теперь.

— Нам нужно добраться до Зарруса! — крикнул Талискер и ринулся вперед, более не слушая Малки. — Скорей же!

— А, понял! — Горец рванулся следом за ним, и Йиска тоже не отставал.

— Где Рако?

— Без понятия.

Все было сказано. Никто не усомнился в том, что они потеряли еще одного товарища. Впрочем, не было времени для скорби — оно наступит потом. Сейчас же демоны вставали на пути, и сумасшедшая схватка пыталась затянуть их, не давая пробиться к городу. Молнии били в землю, рассыпая искры и опаляя сражающихся яростным огнем. Ревело пламя, над полем боя вздымались клубы черного дыма. Йиска в ужасе вскрикнул, когда мимо пронесся сидский медведь, охваченный огнем и вопящий от боли и ужаса.

— Ложись! — крикнул Талискер ему вслед. — Падай в грязь!

Но медведь уже пропал из виду, и они снова пустились бегом.

Вот так Дункан и его друзья и оказались перед воротами Дурганти — задыхаясь от бега, истекая кровью, вымотанные и почти отчаявшиеся.

— Как же мы попадем внутрь? — спросил Малки. Ворота были заперты и закрыты решеткой. Твари Зарруса, очевидно, воспользовались каким-то другим выходом.

— Перелезем, — сказал Йиска. — Давайте я вас подсажу...

Это была хорошая мысль. Талискер полез первым, опираясь на руки Йиски, и в этот момент за спиной у них раздался голос.

---

* Баклер (*ист.*) — небольшой круглый щит, обтянутый кожей.

— Эй, вы там!

Талискер обернулся и увидел императора Туланна. Кажется, он не узнал их, перемазанных в грязи и крови.

— Собрались дезертировать?

— Нет. — Талискер поднял глаза на императора. — Мы хотим уничтожить Зарруса, сир.

— Правда? Боюсь, вы спохватились слишком поздно. Сиды сказали мне, что он творит некое заклинание, которое обратит его в бога. И у него достаточно сил...

— Простите, Туланн, мне сейчас некогда говорить.

Туланн кивнул.

— Где ваш меч?

— Э... — Талискер замялся. Лишь теперь он понял, что потерял свое оружие во время яростного броска к воротам Дурганти.

— Вот. — Туланн протянул ему меч, изделие невероятной красоты: закаленная сталь с гербом императорского дома, лезвие, покрытое причудливыми иероглифами. — Мы можем дать вам еще полчаса, Талискер. Столько мы продержимся — но не более. Поторопитесь.

— Спасибо, — потрясенно пробормотал Талискер. Туланн оказался совсем не таким, как по слухам и сплетням. — Спасибо, сир...

Туланн невесело усмехнулся.

— Эффи рассказывала мне о вас. Она возлагает на вашу компанию большие надежды. Не обманите ее доверия.

Он повернул лошадь и направился назад, к своим бойцам.

— Дункан, ты идешь? — крикнул Малки.

— Да. — Талискер на пробу взмахнул мечом. Он был великолепно сбалансирован, легкий и быстрый — даже в руках усталого воина. Клинок ярко сверкнул серебром. — Да. Я иду.

— Ну а теперь что мы будем делать?

Они стояли перед стеной, казавшейся застывшим прудом темной воды. Сплошная чернота. Вертикальное озеро тьмы, представшее их взорам.

— В общем-то очень похоже на еще один вход в «пустоту», а, Дункан? Правда, мне кажется, этот портал ведет в совсем другие места...

— Похоже, ты прав, Малк. Заррус закрыл свое логово, и все же мы должны войти в него. У нас нет выбора.

Малки кивнул. Внутри стен Дурганти никто не пытался оказать им сопротивления. Кажется, все слуги сбежали, а город горел — и Талискер не знал: намеренно ли Заррус сделал это или же по неосторожности.

В Дурганти было множество деревянных зданий. Именно они ныне и полыхали огнем. Сперва пламя гнездилось в

верхних этажах, и потому никто его не замечал. Теперь же оно вырвалось наружу, и Талискер, Йиска и Малки находились в серьезной опасности.

— Ладно. — Талискер достал из мешочка Бразнаир. — Держитесь за меня. Надеюсь, что камень защитит нас. На счет «три». Раз, два, три!

Они ринулись вперед — в жидкую черноту. Малки побежал первым, опередив даже Талискера, и порванный, испятнанный грязью плед горца развевался под ветром. Талискер и Йиска устремились следом. Прыжок в неизведанное был, пожалуй, самым пугающим из всего, что им довелось пережить за этот день.

Прыгнули все, но приземлился один лишь Талискер. Неловко шлепнувшись на жесткий пол, он тут же осознал, что его товарищи исчезли. Оглядевшись, Талискер увидел их. Они висели между полом и потолком, завязнув в черноте, словно мухи в янтарной смоле. Ни Йиска, ни Малки уже не пытались сопротивляться. Они висели недвижно, словно замороженные; на их застывших лицах не было выражения боли и страдания. Рот Малки распахнут в боевом кличе; Йиска казался более собранным и сосредоточенным. Так или иначе, им не причинили боли, и Талискер удовлетворился этой уверенностью, ибо ему следовало спешить...

«Время поджимает», — сказала Мелисенда. Нужно остановить Зарруса, иначе в скором времени вся эта борьба не будет иметь никакого значения. Талискер оглядел скудно освещенный коридор. Откуда-то тянуло холодным ветром и стужей. Пахло плесенью и чем-то еще — непонятным и отвратительным.

— Я вернусь за вами, ребята, даю слово. — Талискер не знал, слышат ли они, однако счел необходимым сказать это вслух.

Талискер свернул в коридор и тут же осознал, что место, в которое он попал, не может находиться в пределах Дурганти. Это было огромное подземелье, растянувшееся на десятки лиг. Огромные каверны вздымались на немыслимую высоту. Их потолки тонули во мраке; бельведеры высоких колонн терялись в тумане. На миг Талискеру показалось, будто он пребывает в исполинском готическом храме.

— Талискер... — Он едва не подскочил, услышав голос. Насмешливый и жестокий. И этот голос был как будто бы ему знаком. Он отдавался эхом в огромном пустом пространстве пещеры, переливаясь под ее сводами...

— Заррус, — проворчал Талискер. — Иди сюда. Покажись.

Он знал, что бесполезно говорить это, понимая, что Заррус и так наблюдает за ним.

Завернув за угол, Талискер вошел в склеп. Он издал тихий, придушенный стон, когда увидел мертвецов, лежавших на каменных плитах. На некоторых из скелетов оставались лишь

кровавые клочья. Многие плиты были пусты; именно здесь лежали те, кто ныне составил жуткую армию некроманта. Талискер пошел вдоль ряда, силясь оторвать взгляд от мертвых и клянясь про себя, что не позволит Заррусу притронуться ни к единой новой душе.

Когда он приблизился к примерно сотой плите, раздался странный звук. Он исходил от одного из тел. Талискер вздрогнул. Звук до странности походил на писк наручного будильника.

— А?

Он подбежал к источнику звука. Тело, лежавшее на плите, не принадлежало ни сиду, ни феину, ни шорету. Это был молодой человек, навахо. На нем были джинсы и высокие ботинки. Кажется, парень умер быстрой смертью, ибо выглядел так, словно просто заснул. Откуда он здесь взялся?..

Талискер перешел к следующей плите, затем еще к одной. Здесь было около двадцати навахо, по большей части — молодые мужчины, и лишь несколько — средних лет. Талискер обвел комнату ошеломленным взглядом.

— Ты... Ты был в моем мире? — крикнул он. — Ты, черт тебя подери, был там!

Взрыв смеха раскатился по залу, вспугнув стаю черных птиц, которые пролетели под сводами пещеры. Талискер пытался заставить себя успокоиться, содрогаясь от ужаса и негодования. Если Заррус убивает навахо, это значит — он использовал врата в пещере Мумии. А выходит, это его, Талискера, вина.

— Проклятое пророчество, — пробормотал он и посмотрел на последнюю из плит. Там лежал молоденький юноша, лет пятнадцати, не более. — Заррус! Я иду! Слышишь, ублюдок?

За одной из колонн Талискер заметил дверной проем и, подбежав к нему, пнул дверь так, что та хрустнула и распахнулась, ударившись о стену. В комнате было сравнительно темно, и Талискер извлек меч, прежде чем идти дальше.

Это была крохотная комнатка, почти лишенная мебели. Лишь деревянная скамья стояла у стены. Внутри царила тьма, однако в щели под дверью в дальней стене виднелась полоска света. Талискер не сомневался — Заррус там, внутри. Он был слегка удивлен, что генерал не послал против него своих тварей и что его укрытие так слабо охраняется. Впрочем, если время вознесения близко, это не имеет значения...

Талискер шагнул в комнату и помедлил, ожидая, пока глаза привыкнут к полутьме. Едва он вошел, высокая фигура поднялась из тени и двинулась — медленно и целенаправленно — прямо к нему.

Это был шард. Вот голубой свет заструился из трещин и разрывов на его теле. И Талискер издал крик отчаяния.

— Нет! Заррус! Заррус, ты... ты... — Он рухнул на колени, и слезы покатились по его щекам. — Я не могу, — выкрикнул он. — Не могу.

У шарда было лицо Сандро.

ГЛАВА 20

Он кажется выше, чем большинство шардов; голубой свет исходит из трещин в искореженной плоти, прорезавших торс и одно из бедер — словно нога была отделена от тела и затем приставлена на место. Он не пытается говорить, и это благо для Талискера; он не сумел бы вынести звука голоса своего лучшего друга. Однако это определенно Сандро, даже смерть не лишила его кожу оливково-золотистого цвета, присущего ей в жизни. Его волосы поредели в последние годы, но он все еще сплетает их в неизменный хвост, спадающий на шею.

В руках Сандро сжимает боевой топор.

«Это не он, — думает Талискер. Он почти кричит про себя, чтобы вознести эту рациональную мысль над хаосом чувств и вопящего от ужаса разума. — На самом деле это вовсе не он. Он уже мертв. Боже, он мертв! Сандро...»

Шард неожиданно улыбается. Может быть, это просто сокращение мышц на мертвом лице. Да только это улыбка Сандро — словно он вот-вот скажет: «Чао, синьорина».

Талискер поднимается с колен и делает непроизвольный шаг назад, к двери. Он хочет сказать что-нибудь, хотя знает: это глупо. Бессмысленно.

— Заррус сделал это с тобой, — шипит он сквозь сжатые зубы. Его горло сжалось, словно кто-то затянул петлю вокруг его шеи, и слова вырываются мучительным хрипом. Слезы текут по лицу, а пальцы все крепче сжимают рукоять меча. — Мне придется убить тебя.

Он ныряет в сторону в тот миг, когда топор врезается в косяк рядом с его плечом. Талискер поражен невероятной скоростью противника. Впрочем, Сандро всегда был удивительно быстр для человека его сложения. Пока Сандро вытаскивает топор, застрявший в косяке, Талискер отступает обратно в залу.

— Давай, Сандро! — кричит он. Сдавленный стон вырывается из горла Талискера, когда он понимает, что друг действительно собирается убить его. Он должен обороняться — иначе не выжить. И ему действительно придется убить Сандро, если он хочет прорваться мимо него. Только тогда он получит возможность заставить Зарруса заплатить...

Шард выходит из комнатки и идет к Талискеру, готовясь нанести следующий удар. Талискер всегда терпеть не мог топоры, полагая, что это неуклюжее, лишенное красоты оружие, и Сандро с ним соглашался. Отчего-то эта мысль успокаивает Талискера. Не Сандро выбирал себе оружие, следовательно... это не он. Это не он!

Талискер увертывается в последний момент, и топор ударяет в колонну, выбивая мраморное крошево. Теперь Дункан стоит прямо перед шардом и должен целить мечом в шею; он знает, что там находится самое уязвимое место. Но Талискер колеблется, чувствуя себя неуютно и неуклюже с мечом в левой руке, он упускает момент, и тварь оказывается рядом. Монстр делает обманный финт левой рукой, в которой держит топор, выкидывает твердый кулак и резко бьет Талискера в ребра. У Дункана сбивается дыхание, он отшатывается к ближайшей плите, его изувеченная рука ударяется о камень, когда он взмахивает ею в попытке обрести равновесие. Волна боли ударяет в плечо. Он оглядывается на плиту, где лежит холодное тело молодого навахо, ярость снова охватывает его. Как кстати! Ярость дает силы...

— Смотри, смотри, что он сделал, Сандро. Я доберусь до него, только позволь мне... — Талискер знает, что увещевать ходячий труп — пусть тот даже когда-то был его другом — бесполезное занятие. И все же это помогает как оправдание самого себя. Как оправдание того, что он обязан сделать.

— Сандро. Это не ты. Я бы никогда... ни за что... — Он уже почти не слышит себя. Поток слов лишь заменяет то, что Сандро понял бы и без них... Талискер делает выпад мечом Туланна и втыкает лезвие в горло шарда, разрывая его яремную вену и магию кетурита. Уничтожает то, что возобладало над телом Алессандро Чаплина.

Прежде чем шард безмолвно падает на пол, голубые лучи начинают пульсировать у него на горле. Талискер отступает, и тут монстр делает конвульсивное движение, пытаясь схватить топор. Удар застает Талискера врасплох, сталь вонзается ему в бедро, к счастью, не задев кость. Рана все же опасна, и кровь хлещет из нее потоком.

Талискер просто стоит и смотрит на тварь, уронив руку с мечом; теплая кровь струится по ноге. Несколько мгновений — и голубой свет скрывает тело. На миг Талискеру кажется, что глаза чудовища вспыхивают разумом, словно старый друг вернулся в свое тело. Да только это невозможно, потому что душа Сандро, как и души прочих потерянных, должна скитаться в «пустоте».

— Черт, черт, черт. Это было слишком просто. Он не сражался со мной как следует. Он был моим другом. — Талискер твердит эту чушь, глядя, как меркнут голубые лучи.

Когда шард исчезает, что-то остается на полу. Талискер убирает меч в ножны и наклоняется, чтобы подобрать ве-

щицу, зная — еще прежде, чем он берет ее в руки, — что это нательный крест Сандро. Он проносил его всю свою жизнь. Талискер сжимает золотой крестик в ладони, и ему кажется, что тот все еще хранит тепло тела друга.

— Заррус! — Талискер запрокидывает голову и выкрикивает это имя во весь голос, распугивая черных птиц и летучих мышей, живущих под сводами зала.

«Дверь, — думает Талискер. — Он там, за дверью, которую защищал Сандро».

Время дорого. Плáкать он будет потом. Нога Талискера болит и кровоточит и все же, к счастью, еще действует. Талискер снова вынимает меч и бежит. Пересекает полутемную комнатку и, достигнув внутренней двери, с размаху бьет в нее плечом. Она поддается — неожиданно легко, так что сила инерции бросает Талискера на пол.

Комната освещена тысячью свечей. Здесь тоже есть тела — судя по всему, люди убиты недавно. Вот почему никто не встретил его: все прислужники некроманта мертвы. Заррус не обращает на вторжение никакого внимания. Он склонился над одним из тел, в руках у него нож. Колдун только что вынул сердце и разорвал аорту. Повсюду кровь.

«Должно быть, это последний, — думает Талискер, — последняя душа, которая ему нужна». Он смотрит на другие тела. Ближе всего лежит молодая женщина; она носит кетурит на шее.

— Заррус. — Талискер приближается к некроманту, держа меч наготове — медленно, опасаясь подвоха. Почему колдун игнорирует вооруженного человека? Талискер оглядывается, ища шардов, но в комнате больше никого нет. Может быть, Заррус блефует? Генералы — доки в таких делах. Талискер никогда раньше не видел Зарруса, и он ниже ростом, чем ему представлялось. Заметно, что у него черные волосы. Странно. Это нехарактерно для шоретов.

Заррус поворачивается и идет в освещенную часть комнаты, чтобы сесть на низкий табурет. Руки, лицо и одежда некроманта испятнаны кровью, но это не мешает Талискеру узнать его.

— Привет, отец, — говорит генерал.

— Джал?! — выдыхает Талискера. У него подгибаются колени. — Из какого ада ты вылез?

— Именно что из ада. Туда меня отправила моя дражайшая сестрица. В самые дальние глубины «пустоты». Знал бы ты, каких усилий мне стоило вылезти обратно. К тому времени я выглядел совсем не так, как сейчас.

Неожиданная вспышка света скрывает Джала, и на его месте появляется склизкий, бурый демон с ручками летучей мыши и ножками-палочками. Это выглядит так жутко, что Талис-

кер отшатывается. Однако демон исчезает, и на табурете снова восседает Джал.

— Не красавец, верно? Думаю, ты не будешь спорить.

— Где Заррус?

— О, где-то здесь. — Джал театрально разводит руками. — Я воспользовался его телом. Пообещал ему власть, вечную жизнь, ну и... — он ухмыляется, — думаю, ты знаешь, как это бывает...

Пока Джал говорит, Талискер замечает в углу что-то похожее на купель или колодец. Из него появляются лучики света, один за другим переваливая через край. Самый длинный подползает к ближайшему телу...

«Он заговаривает мне зубы».

Резко вскочив, Талискер кидается к Джалу, направляя меч прямо ему в сердце. Но в последний миг Джал исчезает. Талискер слышит его смех с противоположного конца комнаты.

— Кажется, с годами ты теряешь в скорости. Я вижу, мое создание умножило раны, нанесенные сидами.

— Сколько, Джал?

— Ась?

— Сколько душ ты украл?

— О, только одну.

Лучики света выползают из колодца, первый уже у самого запястья ближайшего тела. С криком Талискер рубит свет, и, к его удивлению, это срабатывает. Луч отшатывается, словно чувствует боль. Впрочем, нет времени поздравлять себя с успехом, другие лучи извиваются, стремясь к цели. Несколько световых щупалец обматываются вокруг лодыжек и талии Дункана. Талискер изрыгает проклятие и рубит их, но лучей слишком много... Они держат его, и Дункан чувствует, что слабеет. Он снова смотрит на мертвое тело и видит, что самый толстый луч коснулся его запястья.

— Нет! — Он пытается достать свет мечом, однако луч крепко держит его руку.

— Все кончено, отец, — говорит Джал.

Талискер в ужасе взирает на него, и время утекает — минута за минутой. А свет поднимается от руки к шее Талискера, куда Джал только что повесил кетурит...

Слышится удар — будто что-то сломалось, и укрытие Джала вздрагивает. Пожар в Дурганти достиг портала Джала и нарушил его защиту. Через несколько секунд в комнату врываются Малки и Йиска.

— Малки! Убей эту светящуюся штуку!

Малки озирается по сторонам, пытаясь понять, что имеет в виду Талискер.

— Что? Вот это?

— Да, да! Разруби ее.

Без дальнейших вопросов Малки бьет мечом по лучу света, и тот отшатывается, возвращаясь в свою купель.

Джал изрыгает проклятие и бежит к одному из тел, намереваясь подтащить его поближе к колодцу. Малки, который помогает Талискеру разорвать путы, видит Джала и судорожно втягивает воздух.

— Черт! Да это же...

А вот Йиска не знает о внебрачном сыне Талискера и не боится некроманта. Он несется вперед, вынимая кинжал, и бьет Джала туда, куда может достать, — в плечо.

Рана глубока. Джал роняет труп и падает на колени. Малки и Талискер почти освободились, и все же не до конца.

— Добей его! — вопит Малки. — Прикончи ублюдка!

Йиска не может. Он никогда не убивал людей. Шарды, флэйи и коранниды — не в счет, они твари, а не люди. Теперь же перед ним человек — и Йиска колеблется.

Талискер свободен. Он несется через комнату, крикнув Малки, чтобы тот не выпускал лучи из колодца. Джал просто стоит на месте, когда Талискер подбегает к нему.

Сын он ему или нет, Талискер не колеблется. Он пронзает мечом грудь Джала так, что лезвие выходит из спины.

— За Риган, — говорит Талискер.

Джал беззвучно оседает на пол. Талискер усмехается.

Вновь слышится грохот, и по комнате расползается запах дыма.

— Надо выбираться отсюда, — говорит Йиска.

— Да, но эти проклятые штуки никак не останавливаются, — сетует Малки, разрубая очередной усик света. — Что, заклинание еще действует?

Йиска бежит на помощь. Талискер недоуменно смотрит в сторону купели и тут замечает какое-то движение рядом с телом Джала.

— А, черт! — бормочет он. Да, та самая тварь — демон, которым стал Джал, попав в ад, — выбирается наружу.

Талискер никак не может постичь, как эта тварь физически находилась внутри тела, некогда принадлежавшего генералу. Однако демону каким-то образом удалось вновь обрести свою мерзкую форму. Он покрыт горячей кровью, его глаза полыхают алым. Выбравшись из тела, он бросается на Талискера — кровавый, верещащий комок ярости.

Впрочем, Талискер готов, он крепче сжимает меч и вонзает его с той же силой, с какой недавно проткнул тело сына. Тварь, правда, и не думает умирать.

— Господи боже мой, — шепчет Талискер.

Тварь начинает подтягивать себя по лезвию меча, и Дункану даже думать не хочется о том, что произойдет, если она коснется его руки.

— Эй, сюда! — кричит Малки.

Талискер бежит через комнату, молясь, чтобы не подвела раненая нога. Добежав до колодца, он швыряет в него тварь. Демон, пылающий яростью, не понимает его намерений, пока не становится слишком поздно. И всепоглощающая ненависть — последнее, что видит Талискер на маленькой морде чудовища, прежде чем тварь улетает туда, откуда явилась.

Долгую минуту Талискер смотрит в колодец, дабы увериться, что демон действительно исчез.

— Прощай, сын, — тихо говорит он.

Свет гаснет, и лучи исчезают. Это хорошее подтверждение тому, что Джал окончательно и бесповоротно мертв.

Снаружи на поле боя снизошла оглушающая тишина. Твари Зарруса исчезли — даже те, до кого еще не добрались потерянные души. Мертвецы тоже пропали — в ту же самую секунду. Только живые и мертвые солдаты армии альянса остались на поле боя. Те, кто пережил этот день, слишком ошеломлены, дабы сразу осознать, что они победили.

Дурганти был объят огнем. Туланн пристально смотрел на его стены и башни, ошеломленный тем, как мало людей осталось в живых. Дурганти стал символом феинов, но для шоретов это был просто еще один завоеванный город. А вот теперь он превратится в пепел...

Сигрид подъехал к императору и остановился рядом, глядя на пожар. Он ничего не сказал — лишь хлопнул Туланна по спине, то ли поздравляя, то ли ободряя его.

— Ждешь кого-то?

Туланн кивнул.

— Талискера и его друзей. Наверное, они убили Зарруса. Это единственное объяснение тому, что его чудовища исчезли. Но они до сих пор не вышли...

— Ну что ж, если они погибли, то погибли славно, как и любой на этом поле.

Туланн мрачно посмотрел на Сигрида.

— Славно? Я не вижу тут ничего славного. Ты действительно в это веришь?

Сигрид вздохнул.

— Нет, парень, — сказал он тихо. — Просто так обычно говорят, чтобы горе не сломило нас окончательно.

Император повернул коня и поехал прочь, стараясь не смотреть на дымящиеся трупы.

— Туланн, — окликнул Сигрид. — Смотри...

* * *

Они выбрались из города через дымящиеся развалины западной стены — покрытые пеплом и грязью, сбивая угли с одежды. Туланн ухмыльнулся, увидев их, и придержал коня.

— Эй, Талискер, — крикнул он, — верни мой меч!

ГЛАВА 21

Они пели песню с самого рассвета. Путь Благословения или часть его, как объяснил Родни. Фереби и сиды собирались в обратную дорогу. Одиннадцать человек, оставшихся от отряда Горзы, были связаны и ожидали правосудия Туланна.

Снег прекратился, и солнце выглядывало из-за края каньона Ди Челли, однако пещера была по-прежнему погружена в полутьму. Там все еще лежал снег, хотя в центре лагеря уже чувствовалось солнечное тепло. Дети играли вокруг Бури и других мамонтов, и воздух оглашался их восторженными криками, когда санахи приказывали своим питомцам посадить ребятишек на спины. Все сиды приняли человеческие обличья, и это несколько напугало навахо. Родни пришлось напомнить, что если бы эти звери были Перевертышами, то не пришли бы им на помощь.

Эффи чувствовала, что начинает клевать носом. Она очень устала, как и все в лагере, зато мир снова выглядел нормальным и привычным. Жаль, ах, как жаль, что ей не суждено объяснить Туланну все начистоту...

Она проснулась, когда Рене пихнула ее локтем. Родни поднялся на ноги и готовился произнести речь.

— Я всего лишь хотел сказать, что народ динех будет оплакивать ваших мертвых так же, как и своих. И что долг перед вами мы никогда не сумеем оплатить. Потому что если боги послали вас из Первого Мира, мы знаем — вам придется вернуться туда...

Вернуться... Эффи уставилась на кольцо Туланна. Голос Родни доносился будто издалека, присоединяясь к спокойной гармонии песни. Фереби сказала ей, что они вскорости возвращаются домой. Все согласились, что не стоит дожидаться открытия каньона, и поэтому время пребывания пришельцев в этом мире ограничивалось таянием снегов. И за такой же срок Эффи должна была принять окончательное решение...

Должно быть, Эффи задремала, потому что когда она в следующий раз взглянула на мир, многие люди из круга уже ушли. Солнце жарко пригревало, и снег таял быстро. Тетушка Милли и Рене беседовали с Родни и своим племянником — его назы-

вали Лэйк. Эффи видела, как парень дрался, защищая детей. Может, у него и дурацкое имя, но вел он себя как герой.

Эффи подошла к навахо, смущенно улыбаясь и намереваясь извиниться за то, что уснула. И в этот же самый миг она увидела, как Родни протянул руку и взмахнул ею в воздухе, словно ловил муху.

— Вот, — сказал он Лэйку. — Мы не можем всегда называть тебя «мистер Голливуд».

Старик раскрыл ладонь, будто что-то передавая парню, однако рука Родни была пуста.

— Что? — недоуменно переспросил Лэйк. Милли и Рене улыбались, как если бы знали некий секрет.

— Я нарекаю тебя именем, — торжественно сказал Родни. — Лэйк Первый Орел Таллоак из народа Черной Воды.

Никогда прежде Эффи не случалось видеть на лице человека такого потрясенного выражения.

— Это... Это правда... Сичей... Сичей, это просто фантастика. Спасибо! Спасибо тебе.

Лэйк заключил старика в крепкие объятия, а Милли и Рене добродушно рассмеялись.

Эффи ничего не поняла и обратилась за разъяснениями к Рене.

— Раньше его имя ничего не значило, — объяснила женщина. — Только старший может наречь тебя.

— Как нарекли Йиску? — сказала она.

— Да.

— А что значит Йиска?

Рене улыбнулась.

— Это значит «тьма отступила».

— Я передумал. Остаюсь в Сутре, — сказал Талискер Йиске.

Лица друзей были опалены. У Талискера осталось так мало волос по бокам головы, что он казался выбритым, как могавк, его руки обгорели, а на лице багровел рубец, который станет длинным шрамом. Йиска тоже лишился части волос, зато «приобрел» большой ожог на ноге и теперь щеголял в килте, подаренном Сигридом, поскольку его джинсы превратились в лохмотья. Килт ему шел, и Йиска уверил Сигрида, что будет часто его носить. Малки же остался сравнительно цел. Похоже, его странная кожа плохо поддавалась воздействию огня.

— Мы с Малком собираемся жить в деревне, — пошутил Талискер.

— Угу. И я буду учить Дункана варить пиво. — Малки лучился энтузиазмом.

— Что ж, это было... — Йиска поколебался, — ...потрясающе. Да. Потрясающе.

Они рассмеялись и обнялись, а затем Йиска направился к вратам. С ним шли люди, которые намеревались проводить его, — в том числе и Туланн.

— Йиска, — окликнул он индейца.

— Да? — Йиска остановился и обернулся. Император помолчал.

— Скажи Эффи Морган, что я люблю ее.

— Ты идешь, Эффи?

Фереби нетерпеливо сидела на спине Бури. Несмотря на благодарность и гостеприимство динех, этот мир беспокоил ее. Она не понимала странной природы некоторых вещей вроде автомобилей и, если быть совсем уж честной, страшно перепугалась, когда кто-то завел мотор одной из машин. Лэйк пытался ее уверить, что это никакая не магия, однако Фереби не могла осознать, чем бы еще это могло быть. А к магии она всегда относилась настороженно и без особой любви.

— Нет... Я... Нет, Фереби. Это мой мир.

Фереби удивленно изогнула брови.

— Император Туланн будет скучать по тебе. Сдается мне, Эффи Морган, что ты изменила его в лучшую сторону. И сильно.

Эффи рассмеялась.

— Прощай, Фереби. Я бы пообещала зайти в гости, но не думаю, что это возможно.

Она опустила взгляд на кольцо Туланна, и — неожиданно для нее самой — на глаза навернулись слезы.

Фереби подстегнула Бурю. Шореты и сиды направились к вратам и исчезли во тьме.

Минуло несколько часов после ухода Йиски. Вскоре вернулась Фереби — без Эффи Морган. Туланн не стал унижаться, расспрашивая ее, однако воительница, казалось, и так все знала, а потому печально повесила голову, отвечая на незаданные вопросы.

Почти все оставили ущелье, и Туланн мог слышать звуки праздника, начавшегося на его краю. Завтра они с Сигридом будут обсуждать вопросы восстановления Дурганти и основания первого города свободной торговли в Сутре.

Император бездумно смотрел туда, где были врата. Теперь они закрылись, и он понятия не имел, удастся ли когда-нибудь растворить их вновь. Туланн взобрался на лошадь и поехал вверх по тропе. Дождь наконец-то прекратился, но деревья то и дело сбрасывали капли, стоило ветру всколыхнуть их ветки. Туланн понимал, что совсем вымокнет к тому времени, когда доберется до верха.

«Что ж, если мы можем грустить, стало быть, мы еще живы».

Он почувствовал, что настроение слегка поднялось. Сошли сумерки. Ночь обещала быть ясной.

За спиной послышался странный чавкающий звук, а затем...

— Туланн!

Он резко обернулся в седле, и прямо в лицо ему полетел комок грязи и прелых листьев. А из тени донеслось хихиканье.

— Эффи? — Он выплюнул грязь изо рта. — Эффи, это ты?

Гибкая тень показалась из-за ближайшего дерева. Эффи Морган зловеще улыбалась.

— Ну, девушка ведь может и передумать. Девушки вообще такие непостоянные существа...

Ее лицо посерьезнело, когда она заметила шрамы Туланна, оставленные последней битвой.

— О нет, — выдохнула она. — Боже мой, Туланн, где твои волосы?

Туланн спешился, стряхнув грязь с лица и плеч.

— Главное, мы живы, и хорошо. — Он, казалось, не знал, что Эффи хочет от него услышать в этот момент, и неловко улыбнулся.

Девушка пошла к нему сквозь сгущающиеся сумерки и взяла за обожженные руки.

— Шрамы сойдут, Эффи Морган.

— Я знаю... Знаю.

И тогда он поцеловал ее.

Несколько недель спустя Талискер сидел у костра возле недостроенной хижины, которую возводили они с Малки. Рана заживала довольно быстро, и все же Талискер чувствовал легкое жжение в щеке — словно опалил огнем. Волосы тоже отрастали — к некоторому его сожалению, серебристо-серые. Впрочем, это был признак того, что тело восстанавливается. Более того, кажется, восстановилась и иммунная система. По крайней мере все проявления болезни, поразившей Талискера в родном мире, сгинули без следа.

Ночь, расцвеченная миллионами звезд, была чудесна. Дул легкий южный ветер. Талискер ощущал умиротворение и печаль. Время от времени он поглядывал на крестик Сандро, зажатый в руке.

— Эй, Дункан, — Малки подошел с кружкой подогретого вина, — я тут подумал...

— М-м?

— Ну, насчет Сандро...

— Да?

— Знаешь, он не заслужил, чтобы его убили таким образом... Заррус, я хочу сказать. И еще этой земле необходимы сеаннахи, верно? — Талискер нахмурился, не понимая, куда клонит Малки. — Йиска помог нам, но не навеки. Земле нужно...

как оно там называется?.. Хозро. Его необходимо вернуть, а это Сутра может получить лишь при помощи сеаннахов.

— Сандро мертв, Малк:

— Может быть, его душа болтается по «пустоте»... Ну, как эти потерянные ребята... Возможно, он стал кем-то вроде меня, Дункан.

— Погоди-погоди. Ты хочешь...

— Да. Держу пари, мы можем пойти и забрать его.

— Пойти и... Ты рехнулся!

— Слушай, как-никак боги тебе задолжали. Они ведь просто сидели на своих толстых задницах и ничего не делали, пока ты спасал мир. Несомненно, они опять покажутся, когда феины расселятся по Сутре, и земля восстановится.

Талискер рассмеялся, и его смех вместе с искрами взмыл к небесам.

— Ну что? Я прав?

— Ты хорошенько обо всем подумал? — Долгое время Талискер молча смотрел в огонь, а затем поднял голову и улыбнулся. — Да. Не исключено, что ты прав.

Малк просиял.

— Так как насчет того, чтобы пойти и забрать этого большого увальня?

СОДЕРЖАНИЕ

Талискер 5

Черный тан 273

Певец Преданий 605

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «Буква»

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лау Миллер

Талискер
Черный тан
Певец Преданий

Фантастические романы

Редакторы О. Кутуев («Талискер»), А. Криволапов («Черный тан»),
Д. Моисеев («Певец Преданий»)
Художественный редактор О.Адаскина
Компьютерная верстка: С. Клешёв
Технический редактор О. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Сутра.

Мир ВЕЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ Темных и Светлых богов и их смертных союзников...

Мир, будущее которого определено древним пророчеством: во дни, когда вырвется на волю заточенный Светлыми богами предводитель Темных Корвус, придет из ИНОГО мира ВЕЛИКИЙ ГЕРОЙ ТАЛИСКЕР — спаситель людей и сидов.

Он и потомки его станут защитниками Сутры.

Время пришло.

Пророчество стало сбываться.

И разведчица-рысь привела в мир Сутры человека из НАШЕГО мира — Дункана Талискера...

«Великолепная фэнтези-сага, написанная в лучших, классических традициях жанра».

Дэвид Геммел

«Многогранный, прописанный до мелочей мир и обаятельный, ЖИВОЙ главный герой. Читать Миллера Лау — наслаждение».

«Interzone»

ISBN 5-17-036353-2

Миллер Лау

Талискер
Черный тан
Певец Преданий